

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

5.

Стр.

5. Записки **Е. Д. Хлѣбникова**. Главы VII—IX. Мостъ черезъ Вислу. — Губернаторство въ Кальцахъ. — Мобилизація крѣпостей. — Заграничныя тюрьмы. — Крѣпости Ивангородская и Новогеоргіевская. — **И. В. Гурко**. — Александръ III-й на крѣпостныхъ маневрахъ. — Заторы на Вислѣ. — Поездка въ Закавказье.
81. Изъ военноуголовной хроники двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. (Дѣло Иванова и Всеволодова). **Н. Ѳ. Окулича-Каварина**.
89. Первые недѣли царствованія императора Александра III-го. (письма **Е. П. Побѣдоносцева** къ **Е. Ѳ. Тютчевой**).
103. Речь **Е. П. Побѣдоносцева** о конституціи (8 Марта 1881).
106. Гвардейцы, сосланные на Кавказъ къ Ермолову. 1826.
107. Записки **М. И. Маракуева** (1812-й годъ въ Малороссіи, въ Ростовѣ Великомъ и въ Москвѣ) съ предисловіемъ **А. А. Титова**.
130. Преданія о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ.
133. Разныя разности изъ старой записной книжки „Русскаго Архива“.
137. Докладъ графу **Д. Н. Шереметеву** о посѣщеніи Останкина императрицею Марією Ѳеодоровною.
139. Князь **В. Ѳ. Одоевскій** въ Московскомъ Сенатѣ (его письмо къ князю **М. А. Урусову**).
140. **А. М. Рыльцевъ** †.
142. Записки **Л. С. М.** (Семь Виленскихъ ген.-губернаторовъ. — Московскія Духовныя Академіи).

Внутри сорочки: Къ двухсотлѣтней памяти Полтавской победы.

Приложены два первые полулиста Предметной Росписи „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы (Записки Русскихъ людей).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

КЪ ДВУХСОТЛѢТНЕЙ ПОМИНКЪ ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ.

Полтавская побѣда одно изъ самыхъ крупныхъ событій Русской и всей Европейской исторіи. Мы и до сихъ поръ живемъ послѣдствіями этого Русскаго торжества надъ воинствовавшею силою лютеранства, олицетворившагося въ необыкновенно-даровитомъ Шведскомъ королѣ, который считалъ себя продолжателемъ дѣятельности Густава Адольфа, чуть не ежедневно служилъ обѣдню и въ обозѣ своемъ имѣлъ запасы печатныхъ книжекъ Аугсбургскаго исповѣданія въ переводѣ на Славянскій языкъ, для распространенія онаго между католическимъ и православнымъ людомъ. Россія подъ Полтавою отстояла свое не только государственное, но и вѣроисповѣдное значеніе. Безъ Полтавской побѣды удержался ли бы Петръ Великій на Балтійскомъ побережьи, столь необходимомъ для Россіи, которая уже не могла довольствоваться однимъ „студенымъ“ моремъ?

Черезъ два съ небольшимъ года, 27 Юня, наступитъ двухсотлѣтіе Полтавской побѣды. Русскіе люди не хвастливый, и память милости Божіей любящій увѣковѣчивать добрыми учрежденіями. Двое изъ участниковъ Полтавскаго боя ознаменовали свою благодарность Провидѣнію: графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ устройствомъ монастыря въ Курскомъ своемъ имѣніи, а кн. Борисъ Ивановичъ Курakinъ богадѣльнею въ Москвѣ (на освященіи прекраснаго при ней храма Божьяго присутствовала Елисавета Петровна, родившаяся въ годъ Полтавской битвы). Петръ В. тоже далъ

обѣтъ благотворенія, но исполнить его пришлось только Александру III-му: учреждена (по представленію К. П. Побѣдоносцева) обитель на полѣ побѣды.

Надо думать, что современные смуты не помѣшаютъ позаботиться теперь же о предстоящемъ чествованіи Полтавской побѣды. Подготовительная къ тому работа уже ведется.

Преподаватель Исторіи въ Петровскомъ Полтавскомъ Кадетскомъ Корпусѣ Иванъ Францовичъ Павловскій, человекъ православный, много потрудившійся по разработкѣ мѣстныхъ историческихъ матеріаловъ, дѣлаетъ попытку къ изданію своего труда, относящагося къ Полтавской побѣдѣ. Главное мѣсто въ этомъ трудѣ занимаютъ собраныя имъ рисунки въ числѣ 130.

Для починка г. Павловскій поспрешъ своимъ начальствомъ: Главное Управленіе Военно-Учебныхъ Заведеній ассигновало ему на задуманное изданіе 250 рублей. Онъ препроводилъ свой проектъ въ С.-Петербургъ, въ Общество ревнителей Русскаго Историческаго просвѣщенія въ память императора Александра Третьяго.

Г. Павловскій ищетъ поддержки, распространяя среди знатоковъ свою программу и желаетъ получить дополнительные указанія къ труду с.м. ему. П. Б.

«Полтавская битва и ея памятники».

1. Каплуновская Божія Матерь. Описаніе. Рисунки.

2. Сѣверная война до осады Полтавы (очеркъ). 3 рисунка: Петръ В., Карлъ XII, движеніе арміи въ Малороссію.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

1907.

II

РУССКІЙ ЯРМЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

... Настоящее уныло.
Что уныло, то пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

1907.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1907.

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА ХЛЪБНИКОВА.

Г Л А В А VII *).

Мое назначеніе въ Варшаву.—Графъ Бергъ.—Балъ отъ города.—Генераль Фейхтнеръ.—Какъ Тотлебенъ строилъ крѣпости и во что онѣ обходились.—Постройка моста у Влоцлавска.—Мое губернаторство.—Тайный совѣтникъ Брауншвейгъ и вице-губернаторъ Мануиловъ.

По возвращеніи осенью 1862 года въ Петербургъ, я на другой же день отправился въ Кронштадтъ. На пароходѣ я встрѣтилъ полковника Н. С. Горѣ, который сообщилъ, что мнѣ предстоитъ новое назначеніе по службѣ, но какое именно, онъ не знаетъ. Явившись къ К. Я. Звѣреву, я узналъ, что имѣется въ виду назначить меня въ Варшаву и что Тотлебенъ ожидаетъ только моего возвращенія, чтобы окончательно рѣшить этотъ вопросъ. Я поспѣшилъ отправиться въ Петербургъ и явиться къ генераль-инспектору по инженерной части великому князю Николаю Николаевичу и къ товарищу генераль-инспектора генер.-адъют. Тотлебену. Оба сказали мнѣ одно и тоже, что въ Варшавскомъ округѣ назначено ввести усиленное для инженеровъ содержаніе, подобно тому, какъ это было сдѣлано въ Кронштадтѣ и что они надѣются, что никто лучше меня не можетъ оказать въ этомъ случаѣ поддержки начальнику инженеровъ генералу Фейхтнеру, чтобы провести эту реформу съ такимъ успѣхомъ, какъ удалось намъ со Звѣревымъ сдѣлать это въ Кронштадтѣ. Затѣмъ Тотлебенъ объяснилъ мнѣ, что существующее нынѣ на западной границѣ управленіе дѣйствующею арміею будетъ вскорѣ упразднено и замѣнено окружною системою, при которой именующійся нынѣ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи будетъ называться начальникомъ инженеровъ Варшавскаго военнаго округа, а начальникъ штаба инженеровъ арміи будетъ именоваться помощникомъ начальника инженеровъ округа. Вотъ на эту должность и былъ я предназначенъ; ожидали только моего возвращенія изъ за-границы, чтобы узнать, согласенъ или несогласенъ я взять такую должность. Я изъявилъ согла-

*) Первые шесть главъ помѣщены въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. Б.

сіе. Въ то время въ Царствѣ кипѣла уже революція: стрѣляли въ великаго князя Константина Николаевича, запирались массами въ костелахъ, дѣлали уличныя демонстраціи. Все это Поляки уже продѣлали и готовились къ открытому возстанію.

Въ Варшаву я прибылъ 19-го Ноября 1862 года и поселился въ Александровской цитадели. Совершенно новый, мнѣ незнакомый край, новый языкъ, новый календарь, новые люди, и къ тому же въ такомъ экзальтированномъ настроеніи! Любопытно было всмотрѣться во все меня окружавшее, а прежде всего взглянуть въ людей, съ которыми придется имѣть болѣе всего дѣла.

Я пошелъ явиться къ начальнику инженеровъ генералу Фейхтнеру, котораго до того времени въ глаза не видалъ. Онъ жилъ въ цитадели рядомъ со мною; я засталъ его дома и былъ тотчасъ же принятъ. Когда я вошелъ къ нему въ кабинетъ, онъ сдѣлалъ навстрѣчу ко мнѣ 2—3 шага и обнялъ меня; мы поцѣловались. Ну, думаю, начало совсѣмъ скверное: я зналъ, что Фейхтнеръ не меня хотѣлъ имѣть своимъ помощникомъ, а Квашнина-Самарина; но Тотлебенъ принудилъ его изъяснить согласіе на мое назначеніе въ Варшаву.

Поляки имѣютъ обычай при встрѣчѣ съ знакомымъ цѣловаться подобно дамамъ. Фейхтнеръ же жилъ въ Царствѣ Польскомъ съ молодыми лѣтъ и свободно не только говорилъ по-польски, но писалъ легко и хорошимъ языкомъ. Былъ ли его поцѣлуй слѣдствіемъ перенятой отъ Поляковъ привычки или пріемомъ хитраго человѣка, я недоумѣвалъ. Начальникъ инженеровъ генералъ Василій Васильевичъ Фейхтнеръ былъ лѣтъ на десять старше меня, ростомъ немного выше меня, правильно сложенный, съ выразительнымъ умнымъ лицомъ, совершенно лысый и съ глазами, которые не имѣли привычки смотрѣть прямо въ глаза собесѣднику, а часто бѣгали по сторонамъ.

Послѣ этого визита я отправился въ Лазенковскій дворецъ и представился его высочеству-намѣстнику.

Революціонное движеніе въ Царствѣ Польскомъ такъ и слышалось въ воздухѣ. Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1862 г. генералъ Фейхтнеръ поручилъ мнѣ отправиться въ крѣпости Ивангородъ и Замостье и произвести тамъ годовыя инспекторскіе смотры. Въ Замостьѣ я познакомился съ генеральнаго штаба полковникомъ Витковскимъ, который производилъ разслѣдованіе по убійству какого-то арендатора: дѣло, кажется, съ политическою подкладкою. Витковскій просилъ меня зайти къ нему и сообщилъ нѣсколько указаній, добытыхъ при разслѣдованіи, на то, что готовится открытое возстаніе въ Царствѣ Польскомъ, организуются войска. Онъ показывалъ мнѣ мундиръ и вооруженіе Польскаго улана-повстанца.

Мы находимся здѣсь надъ вулканомъ, сказалъ мнѣ Витковскій, который можетъ вспыхнуть чрезъ нѣсколько дней. На вопросъ мой, сообщалъ ли онъ объ этомъ кому слѣдуетъ, полковникъ Витковскій отвѣчалъ, что помощникомъ къ нему по производству разслѣдованія назначенъ личный адъютантъ великаго князя Константина Николаевича, А. А. Кирѣевъ, котораго онъ и отправилъ съ донесеніемъ къ его высочеству.

Прошло нѣсколько дней, я окончилъ свои занятія въ Замостьѣ и, передъ выѣдомъ оттуда, зашелъ проститься къ Витковскому, который показалъ мнѣ письменный отвѣтъ на его донесеніе. Въ предписаніи было категорически высказано положительное приказаніе великаго князя не уклоняться при производствѣ порученнаго разслѣдованія по убійству арендатора посторонними открытіями и спѣшить скорѣйшимъ окончаніемъ этого разслѣдованія.

Только что успѣлъ я вернуться въ Варшаву, какъ началась рѣзня: Поляки сдѣлали ночью нападеніе на отдѣльныя роты нашихъ войскъ, расквартированныхъ въ краѣ совершенно по правиламъ мирнаго времени. Начались столкновения нашихъ войскъ съ бандами повстанцевъ, а на улицахъ Варшавы появились книжальники съ цѣлю убить ту другую личность изъ Русскихъ, жертву почему нибудь намѣченную революціоннымъ комитетомъ. Дошло до того, что жителямъ Варшавы было запрещено выходить на улицы послѣ извѣстнаго часа вечера. Вотъ въ эти часы, когда на улицахъ никого не было, а полицейскіе посты были въ виду одинъ другого, я любилъ выходить изъ цитадели и бродить по спокойнымъ городскимъ улицамъ. Днемъ же многіе изъ военныхъ ходили съ револьверами, и всѣ мы имѣли привычку не позволять прохожимъ шляхтичамъ идти сзади себя, слѣдъ за слѣдомъ: какъ услышишь шаги сзади, то машинально, въ силу привычки, каждый изъ насъ останавливался и оборачивался къ идущему сзади, а тотъ въ свою очередь обыкновенно ускорялъ шагъ и произносилъ: «пршепрашамъ», т. е. извините.

Одинъ разъ распространилось извѣстіе, что Поляки хотятъ поднять какую-нибудь въ городѣ тревогу съ тѣмъ, кто когда войска выйдутъ по тревогѣ изъ казармъ для занятія опредѣленныхъ пунктовъ, то въ казармахъ, расположенныхъ на окраинахъ Варшавы, вырвать семейства военныхъ лицъ. Вслѣдствіе сего было положено размѣстить изъ Повонзковскихъ барачковъ нѣсколько семействъ въ цитадели, въ квартирахъ инженеровъ и артиллеристовъ, тамъ проживавшихъ. Въ мою квартиру помѣстили двухъ молодыхъ дамъ: m-me Баранову, жену командира Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона, и m-me Новгород-

скую, жену офицера того-же баталіона. Я былъ очеѣ доведенъ такимъ гостямъ и вскорѣ познакомился съ ихъ мужьями.

По выѣздѣ изъ Царства Польскаго великаго князя Константина Николаевича, намѣстникомъ въ Царствѣ назначенъ былъ графъ Ѡ. Ѡ. Бергъ. Тогда преслѣдованіе мятежа пошло несравненно энергичнѣе, начали ловить зачинщиковъ и вѣшать ихъ. Большею частію такая казнь совершалась на гласисѣ или на эспланадѣ цитадели. Въ первый разъ я пошелъ посмотрѣть на эту процедуру: повѣсили одного молодого человѣка Абихта и ксендза-капуцина, а потомъ вѣшали по три-четыре человѣка, и казнь совершали на эспланадѣ цитадели. Это такъ дѣйствовало на мои нервы, что когда я видѣлъ, проѣзжая въ городѣ, что устраиваютъ висѣлицы, то на другой день, въ часъ казни, въ 6 часовъ утра, я невольно просыпался и, заворачивая голову въ подушки, старался снова уснуть и не слышать того боя барабановъ, который бьютъ въ тотъ моментъ, какъ, по прочтеніи приговора, связавъ преступника по рукамъ, ведутъ его на эшафотъ. Я затыкалъ уши и всетаки, весь въ волненіи, слышалъ этотъ бой. На разстрѣливаніи измѣнника-солдата я былъ только одинъ разъ и далъ себѣ слово никогда не смотрѣть на эту ужасную сцену.

Къ 1864 году съ повстаніемъ было покончено. Графъ Бергъ, желая подчеркнуть этотъ фактъ, дабы скорѣе достигнуть той награды, которой онъ домогался (званія генераль-фельдмаршала) при своей ловкости на такого рода дѣла, пріискалъ достойнаго себѣ помощника въ лицѣ президента города Варшавы, генеральнаго штаба генераль-маіора Витковскаго, знакомаго моего по Замостью. Рѣшено было устроить балъ отъ имени гражданъ города въ честь графа Берга, какъ усмирителя мятежа; положено было балъ этотъ устроить въ намѣстниковскомъ дворцѣ (который занятъ теперь Варшавскимъ губернскимъ правленіемъ и губернаторомъ).

Поляки изъ себя выходили, когда узнали о предполагаемомъ балѣ, и положили разстроить его во что бы ни стало: положили зажечь намѣстниковскій дворецъ и перебить всѣхъ участниковъ бала. Но Витковскій принялъ свои мѣры. Балъ назначенъ былъ на 18 Января 1864 г., и къ этому времени на дворѣ дворца стояла пожарная команда, а противъ кинжалистовъ введена была въ залу многочисленная полицейская команда, всѣ переодѣтые въ гражданъ города, во фраки и бѣлые галстухи. Въ условленный часъ на балъ прибылъ намѣстникъ и встрѣченъ былъ президентомъ города и густою массою переодѣтыхъ полицейскихъ. Съ большимъ апломбомъ Витковскій произнесъ намѣстнику на Польскомъ языкѣ благодарственный спичъ за водвореніе порядка и безопасности; а въ это время, если кто изъ дѣйствительныхъ

гражданъ протискивался впередъ, чтобы видѣть всю сцену встрѣчи, то такого любопытнаго, безъ малѣйшей церемоніи полицейскіе, одѣтые во фраки и бѣлые галстуки, осаживали назадъ. Витковскій кончилъ свою рѣчь просьбою представить Государю Императору вѣрноподданническія чувства жителей города Варшавы, изложенныя на большомъ листѣ пергамента, заключеннаго въ богато отдѣланный футляръ.

«Messieurs les citoyens de Varsovie»..... началъ свою отвѣтную рѣчь графъ Бергъ по-французски. Онъ любилъ позировать, рѣчи свои обыкновенно заготовлялъ и даже передъ большимъ зеркаломъ въ своемъ кабинетѣ прискивалъ наиболѣе подходящія позы и граціозныя жесты; въ особенности онъ продѣлывалъ такія репетиціи, когда собирався ѣхать въ Петербургъ.

Послѣ подавленія Польскаго мятежа, когда всѣ Русскіе въ Варшавѣ, занимавшіе сколько нибудь видное служебное положеніе, старались возстановить въ краѣ значеніе Русской власти и поднять въ глазахъ мятежной массы поцранное Русское имя, водворить права правительственнаго языка, генераль Русской службы Фейхтнеръ, въ общемъ собраніи акціонеровъ Бромбергской и Вѣпской желѣзныхъ дорогъ не постыдился произнести передъ собраніемъ (не состоявшемъ притомъ исключительно изъ однихъ Поляковъ) длинную рѣчь на *Польскомъ* языкѣ, въ угоду нѣсколькимъ вліятельнымъ Полякамъ, при содѣйствіи которыхъ онъ рассчитывалъ попасть въ предсѣдатели правленія названныхъ дорогъ. Нечего и говорить, что расчетъ Фейхтнера оказался вполнѣ вѣрнымъ. Рѣчь его была покрыта шумными аплодисментами, и на выборахъ онъ избранъ большинствомъ голосовъ въ предсѣдатели съ значительнымъ содержаніемъ.

Желая привести наши крѣпости въ соотвѣтствіе съ современнымъ состояніемъ военнаго искусства, военный министръ Милютинъ просилъ Тотлебена представить ему соображенія, какія для этой цѣли требуется произвести работы въ крѣпостяхъ и на какую приблизительно сумму.

Подъ впечатлѣніемъ Севастопольскаго погрома Тотлебенъ считалъ необходимымъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ утолстить бруствера, сдѣлать вмѣсто 21 фут. толщину бруствера въ 28 фут. и уширить валгангъ въ такой мѣрѣ, чтобы сзади платформъ можно было на валгангѣ проходить и провозить даже небольшія орудія; сверхъ того Тотлебенъ совершенно справедливо признавалъ необходимымъ существующія въ крѣпостяхъ оборонительныя каменныя постройки, видимыя съ поля, прикрыть земляными масками, двухъ-этажные капонары превратить въ одно-этажные, совершенно скрытые отъ глазъ осаждающаго.

Утолщеніе брустверовъ и уширеніе валганговъ нельзя конечно не признать дѣломъ совершенно необходимымъ; но Тотлебену здѣсь возра-

жали, что столь коренное преобразование профили долговременныхъ укрѣпленій требуетъ бѣльшей осмотрительности; ему говорили, напримѣръ, что можетъ быть во многихъ крѣпостяхъ обнаружится, при тщательномъ изученіи вопроса, большой недостатокъ въ казематированныхъ помѣщеніяхъ для гарнизона и окажется особенно полезнымъ построить сначала казематы подъ валгангомъ и одновременно съ этимъ утолстить бруствера и уширить валганги. Но Тотлебенъ, незнакомый съ строительнымъ дѣломъ и потому не будучи въ состояніи оцѣнивать въ денежномъ отношеніи разницу того или другаго приѣма, распорядился сначала утолщеніемъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ брустверовъ и уширеніемъ валганговъ. Потребовалось громадныя массы земли подвезти къ крѣпостямъ и произвести въ нихъ значительныя земляныя и плакировочныя работы. Въ Брестѣ, напримѣръ, срывали цѣлую гору и землю подвозили за нѣсколько верстъ по желѣзно-конной, специально устроенной для этой работы, дорогѣ. А когда все эти работы въ теченіе 4—5 лѣтъ были окончены, Тотлебенъ распорядился отрывать только что устроенные валганги, отвозить землю прочь и устраивать казематированныя казармы подъ валгангомъ. И теперь, въ 1890 г., въ крѣпостяхъ лежатъ съ того времени массы земли, которая стоила дорого и которую не знали куда дѣвать. Такимъ образомъ много денегъ было брошено попустому.

Другая, какъ мнѣ кажется, ошибка Тотлебена при этомъ состояла въ томъ, что, отдавая распоряженіе объ утолщеніи брустверовъ и уширеніи валганговъ въ сухопутныхъ крѣпостяхъ, онъ не обратилъ вниманія на то, все-ли крѣпости дѣйствительно нуждаются въ такомъ дорого - стоящемъ улучшеніи; Варшавская Александровская цитадель, напримѣръ, никогда не считавшаяся крѣпостію, могла бы оставаться въ своемъ прежнемъ видѣ безъ всякаго ущерба для обороны нашихъ западныхъ границъ.

Мы все, чины окружнаго инженернаго управленія, были очень удивлены, когда увидали, послѣ одного изъ посѣщеній Тотлебена Варшавы, предложеніе построить передъ гласисомъ Варшавской Александровской цитадели отдѣльныя укрѣпленія въ линіи двухъ-трехъ такихъ же укрѣпленій, построенныхъ въ старое время чуть не у самой подошвы гласиса цитадели. Зачѣмъ это? Укрѣпленія эти стоили очень дорого, особенно когда Тотлебену показалось, что одно изъ нихъ строится не тамъ, гдѣ казалось ему выгоднѣе поставить, и онъ приказалъ *перенести это укрѣпленіе на другое мѣсто* (выраженіе, которое введено было въ офиціальную переписку). Между тѣмъ эта *переноска* попросту состояла въ томъ, что приходилось разламывать построенныя каменные сооруженія, отрытые рвы засыпать и начинать сызнова постройку

укрѣпленія на другомъ мѣстѣ, причемъ одинъ только булыжный камень, употребляемый для фундаментовъ, годился вполнѣ и для другой работы; растворъ же дорогой, цементный и известковый, пропадалъ даромъ, а кирпичъ годился на новомъ мѣстѣ только частію.

И подобныя *переноски* фортификаціонныхъ сооруженій дѣлались не въ одной Варшавской цитадели; тоже самое повторилось и въ Брестѣ.

Наименѣе совершенная изъ западныхъ крѣпостей, исправленіе и усиленіе которой требовали наибольшаго вниманія, безъ сомнѣнія, была крѣпость Брестъ-Литовскъ. При сляніи Мухавца съ Бугомъ, крѣпость расположена на болотистой мѣстности, впереди которой находятся командующія высоты. Молодые инженеры, съ интересомъ слѣдившіе за распоряженіями Тотлебена по улучшенію нашихъ западныхъ крѣпостей, нетерпѣливо ждали, какъ рѣшить онъ трудную задачу въ Брестѣ. Тамъ, какъ и въ другихъ крѣпостяхъ, начали съ утолщенія брустверовъ и уширенія валганговъ, а также рѣшено было насыпать большіе траверзы для укрытія съ поля оборонительной казармы, окружавшей цитадель крѣпости. Главный валъ крѣпости расположенъ: 1) на правомъ берегу р. Мухавца Кобринское укрѣпленіе (самое главное), 2) на лѣвомъ берегу р. Мухавца Волынское укрѣпленіе и 3) на лѣвомъ берегу р. Буга Тереспольское укрѣпленіе. Вотъ промежутки между этими укрѣпленіями, разобщенными рѣками Бугомъ и Мухавцомъ, и положено было замаскировать земляными траверзами.

Все это хорошо, но это еще не главное для Бреста. Молодые инженеры интересовались, что же сдѣлаеть Тотлебенъ по усиленію обороны Кобринскаго укрѣпленія.

Тотлебенъ рѣшилъ построить внутри этого укрѣпленія, позади главнаго фронта, два кавальера, съ превышеніемъ ихъ бруствера на два фута надъ гребнемъ главнаго вала. По профили своей постройки весьма солидныя: съ каменными одеждами и капонарами во рву и съ казематами подъ валгангомъ для гарнизона; и конечно постройки эти обошлись очень дорого. Но никого они не удовлетворили: одни указывали на то, что кавальеры нисколько не усиливали ближнюю оборону главнаго вала, не помогали ему противудѣйствовать переходу осаждающаго черезъ главный ровъ; другіе указывали на возможность для противника обойти кавальеры съ фланговъ и проч. Какъ бы то ни было, въ инженерномъ комитетѣ не только не возвысили голоса противъ проекта кавальеровъ, но въ добавокъ еще предложили удлиннить фланки у лѣваго кавальера лѣвый, а у праваго правый фланкъ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ возведенія кавальеровъ, Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что ему противно смотрѣть на планъ Брестъ-Литовской

крѣпости. «Двѣ чернилицы (такъ онъ обозвалъ кавальеры) такъ и рѣжутъ мнѣ глаза».

Тотлебенъ задумалъ построить въ Брестѣ, впереди Кобринскаго укрѣпленія, самостоятельный фортъ на самомъ берегу Буга, съ цѣлю прикрыть желѣзно-дорожный мостъ. Сколько ни отговаривалъ его отъ такой мысли графъ Бергъ, но Тотлебенъ стоялъ на своемъ и, чтобы побѣдить старика, докладывалъ ему, что укрѣпленіе это будетъ названо его именемъ т.-е. «Графъ Бергъ». Фельдмаршалъ поблагодарилъ Тотлебена за такую любезность, но продолжалъ доказывать ему, что построить фортъ на болотистой мѣстности, на берегу рѣки, не будетъ никакой возможности, что пороховые погреба непременно будутъ сырые; но Тотлебенъ все-таки распорядился постройкою форта на берегу Буга, и только послѣ двухъ лѣтъ неимоверныхъ усилій и большихъ затратъ по устройству фундаментовъ, когда было ему донесено, что не представляется никакой возможности откачать воду съ мѣста работъ, Тотлебенъ согласился отказаться отъ своей фантазіи и приказалъ *перенести* фортъ вправо, на ту гору, которая находится впереди Кобринскаго укрѣпленія; а когда ему донесли, что горы этой уже нѣтъ, что она снесена нѣсколько лѣтъ тому назадъ для утолщенія брустверовъ и уширенія валганговъ, то Тотлебенъ приказалъ фортъ «Графъ Бергъ» перенести на то мѣсто, гдѣ была гора, т. е. въ разстояніи какихъ нибудь 500 сажень отъ Кобринскаго укрѣпленія.

Фортъ «Графъ Бергъ»—это очень солидная постройка съ каменными одеждами рововъ и съ большимъ числомъ казематированныхъ помѣщеній. Не считая затратъ на попытку построить фортъ на берегу Буга, возведеніе форта на его настоящемъ мѣстѣ обошлось казнѣ 500—600 тысячъ рублей. Сооруженіе это дѣйствительно прекрасное, но къ сожалѣнію совсѣмъ не на мѣстѣ, такъ что черезъ 10 лѣтъ, когда заговорили о необходимости расширить наши крѣпости возведеніемъ вокругъ ихъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ фортовъ, вынесенныхъ на разстояніе отъ главной ограды на 3—4 версты (каковыя соображенія возложены были на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъют. Обручова), то Тотлебенъ самъ пожалѣлъ, что въ Брестѣ нельзя передвинуть фортъ «Графъ Бергъ» впередъ версты на 2 или на 3.

Детали каждой постройки, какія возводились за время Тотлебена, были всегда очень хорошо обдуманы, но къ сожалѣнію того же нельзя сказать про выборъ пунктовъ для построекъ, который былъ почти всегда неудачный. Тотлебенъ не обладалъ способностію предугадывать того направленія, куда двигалось военное искусство вслѣдъ за развитіемъ желѣзообрабатывающей техники.

Когда, по окончаніи Крымской войны, заговорили о введеніи въ артиллерію нарѣзныхъ орудій, то Тотлебенъ твердо вѣрилъ, что это поведетъ къ уменьшенію калибра орудій. А дѣйствительность оказалась совсѣмъ иною. Смотри издали на то, что дѣлалъ Тотлебенъ въ нашихъ крѣпостяхъ, мнѣ не разъ вспоминалась сказка Гофмана, какъ одинъ чудакъ, задумавъ построить себѣ домъ, накупилъ матеріаловъ и нанялъ рабочихъ, но плана дома не составилъ и когда рабочіе приставали къ нему съ вопросами, гдѣ же будутъ окна, двери и проч., чудакъ отвѣчалъ имъ, чтобы они строили сперва 4 наружныхъ стѣны дома, а послѣ онъ укажетъ имъ, гдѣ что сдѣлать. Каменщики возводятъ стѣны и, поднявшись на нѣкоторую высоту, поставили подмости; чудакъ поднялся однажды на эти подмости и, увидавши оттуда красивый ландшафтъ, приказалъ на томъ мѣстѣ продѣлать окно; на другихъ подмосткахъ ему захотѣлось имѣть дверь съ балкономъ и такъ далѣе. Кончилось тѣмъ, что никакъ не могли устроить потомъ этажей дома: полъ балконной двери приходился противъ середины окна, кавардакъ. Въ нашихъ крѣпостяхъ общаго плана всѣхъ работъ по улучшенію крѣпости никогда не было составляемо, а строили по частямъ, гдѣ и что покажется Тотлебену необходимымъ, и оттого вышло, что 10 лѣтъ, данныхъ графомъ Милютинымъ на приведеніе крѣпостей къ современному виду истекали, а у насъ ни одна крѣпость не была готова. На крѣпость Керчь вмѣсто первоначально исчисленныхъ 6/м. р., истрачено было 16/м. р., и она все еще не была закончена. Мало того, крѣпость Кронштадтъ, предметъ наибольшихъ заботъ Тотлебена и куда тратилась львиная часть отъ тѣхъ милліоновъ, которые ассигновали ежегодно на крѣпости, требовала, по соображеніямъ Тотлебена, для своего окончанія еще 30 милліоновъ рублей. Какъ ни былъ графъ Милютинъ снисходителенъ и терпѣливъ, но на все есть своя мѣра; такая сумма могла быть ассигнована на Кронштадтъ въ теченіе 15—20 лѣтъ, а въ это время новые успѣхи артиллеріи могли вызвать для обороны новыя мѣры и такъ далѣе, безъ конца. Военный министръ призналъ необходимымъ пригласить къ себѣ генераловъ Крыжановскаго, К. П. Кауфмана, Паукера и Звѣрева и предложилъ имъ составить проектъ по окончанію устройства батарей Кронштадта.

Велико было изумленіе Тотлебена, когда онъ, пригласивъ къ себѣ Звѣрева, началъ излагать ему свои соображенія о предстоявшихъ въ Кронштадтѣ работахъ и услышалъ отвѣтъ Константина Яковлевича, что отнынѣ онъ будетъ исполнять работы, какія указаны ему проектомъ, составленнымъ у графа Милютина. Тотлебенъ самъ все это мнѣ рассказывалъ и добавилъ, что послѣ разговора со Звѣревымъ, онъ на писалъ письмо къ министру и просилъ его доложить Государю Импе

ратору просьбу объ увольненіи его, Тотлебена, отъ должности товарища генераль-инспектора по инженерной части, что Государь приказалъ представить ему оба проекта, составленный комиссією и Тотлебеномъ, что, подойдя къ столу, на которомъ были разложены оба проекта, Государь спросилъ, который проектъ Тотлебена и, по указанію министра, написалъ на немъ «одобряю», а другой проектъ зачеркнулъ двумя на крестъ линіями. Тѣмъ не менѣе, когда я видѣлся впоследствии и съ Паукеромъ, и со Звѣревымъ, то, по словамъ обоихъ, работы въ Кронштадтѣ шли согласно проекта комиссіи, Тотлебенъ же успокоился и былъ увѣренъ, что все что дѣлается въ Кронштадтѣ дѣлается именно по его планамъ.

Прежде я упрекалъ мысленно великаго князя Николая Николаевича за то, что онъ махнулъ рукою на все, что дѣлается въ инженерномъ корпусѣ и пересталъ совсѣмъ заниматься нашими крѣпостями; но, посѣщая въ мои пріѣзды въ Петербургъ главное инженерное управленіе, я узналъ, что это не впервые, что Государь Императоръ, въ случаѣ если на проектъ Тотлебена являлись возраженія и составлялся другой проектъ, безъ всякаго разбирательства вопроса по существу, всегда отдавалъ предпочтеніе Тотлебену. И тутъ же мнѣ рассказали исторію столкновенія великаго князя съ Тотлебеномъ по вопросу укрѣпленія Кіева. Государь прямо зачеркнулъ предположенія великаго князя и одобрилъ таковыя Тотлебена, не смотря на то, что послѣднія были совершенно невыполнимыя, потому что требовали срытія всего стараго Кіева, т. е. самой драгоцѣнной въ историческомъ отношеніи части города.

Нечего и говорить, что никто и не думалъ, не смотря на одобреніе Государя, объ исполненіи проектовъ Тотлебена; но я тогда понялъ причину, почему великій князь, при такомъ безотчетномъ довѣрїи Государя къ Тотлебену, не пожелалъ болѣе вмѣшиваться въ дѣла инженернаго корпуса.

Въ одну изъ моихъ поѣздокъ изъ Варшавы въ Петербургъ, я посѣтилъ Тотлебена какъ разъ въ то время, когда онъ вернулся изъ дворца. Онъ поднесъ Государю Императору первый томъ «Описанія обороны Севастополя» *), и Государь пожаловалъ ему пять тысячъ десятинъ земли, кажется, въ Самарской губерніи. Сообщая объ этомъ, Тотлебенъ прибавилъ, что никогда онъ не забудетъ моихъ трудовъ по составленію «Описанія» и что не подлежитъ сомнѣнію, что и мнѣ бу-

*) Первый томъ былъ напечатанъ уже въ 1863 году комиссією, въ которой участвовали своими трудами: инженеръ-полковникъ Хлѣбниковъ, подполковникъ Шварцъ, подполковникъ генеральнаго штаба Звѣревъ и инженеръ-капитаны Ордъ и Фроловъ.

детъ дано такого же рода вознагражденіе, т. е. земля, въ соотвѣтственномъ, конечно, моему чину размѣрѣ. На эти слова я поблагодарилъ Тотлебена, и дѣло это о наградѣ такимъ образомъ кончилось однимъ лишь общаніемъ. Никогда я не напоминалъ объ этомъ Тотлебену.

1865-ый годъ былъ знаменателенъ для меня въ томъ отношеніи, что я имѣлъ случай въ Варшавѣ познакомиться съ однимъ Русскимъ семействомъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Хмѣльной улицѣ. Глава дома былъ почтенный старикъ д. ст. сов. Александръ Васильевичъ Петровъ, женатый на единственной дочери извѣстнаго во времена фельдмаршала Паскевича интенданта дѣйствующей арміи, тайнаго совѣтника Погодина, Александръ Васильевичъ. Въ Апрѣль 1865 года я женился на старшей ихъ дочери, Еленѣ Александровнѣ Петровой.

Вслѣдъ за свадьбою моею, въ Маѣ мѣсяцѣ 1865 г., я былъ приглашенъ примкнуть къ небольшой группѣ военныхъ людей, предположившихъ въ рядѣ лекцій изложить для г.г. офицеровъ Варшавскаго гарнизона современное состояніе военнаго искусства. Мнѣ предложено было объяснить, что дѣлаетъ долговременная фортификація въ виду усовершенствованій въ артиллеріи, въ виду болѣе дальней и болѣе мѣткой стрѣльбы современнаго орудія.

Постоянно занимаясь военною литературою и слѣдя за всѣмъ, что пишуть у насъ и за-границею, я не затруднился собрать и сгруппировать матеріалы для 2—3 публичныхъ лекцій и составить подробную программу; но что составляло дѣйствительно большой трудъ и доставляло мнѣ много заботъ—это составленіе плановъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, чтобы можно было разобрать ихъ съ дальнихъ мѣстъ аудиторіи. Мѣстомъ для чтенія военныхъ лекцій было избрано зданіе высшей Польской Школы, замѣненной во время реформъ края университетомъ. Эта высшая школа помѣщалась тогда въ зданіи нынѣшней 1-ой мужской гимназій, противъ главнаго фасада котораго находится монументъ Копернику. Какъ только были изготовлены громадныя планы для моихъ лекцій о современной долговременной фортификаціи, то я и прочелъ свои лекціи и, кажется, не безъ успѣха.

Въ этомъ же 1865 г. я былъ командированъ за границу, во Францію и сдѣлалъ эту поѣздку вмѣстѣ съ женою.

Въ 1864 г. былъ оконченъ и открытъ для ѣзды мостъ въ Варшавѣ черезъ Вислу, близъ бывшаго королевскаго замка; вмѣстѣ съ симъ сдѣлался болѣе пенужнымъ мостъ на деревянныхъ судахъ, служившій до того времени сообщеніемъ черезъ рѣку, нѣсколько выше желѣзнаго моста.

Въ магистратѣ города Влоцлавска явилась мысль воспользоваться старымъ Варшавскимъ плашкоутнымъ мостомъ и, добавивъ, сообразно

большей при Влоцлавкѣ ширины рѣки Вислы нежели у Варшавы (нѣ сколько плашкоутовъ), перенести этотъ мостъ внизъ по рѣкѣ къ Влоцлавску для сообщенія съ правымъ берегомъ рѣки. Коммерческій богатый городъ согласенъ былъ исполнить это дѣло на свои средства. Предположеніе это было представлено намѣстнику графу Бергу, который вообще ко всѣмъ сооруженіямъ въ краѣ относился довольно внимательно. Разсмотрѣвъ чертежи моста, графъ Бергъ не одобрилъ проекта, находя мостъ на судахъ неуклюжимъ и представляющимъ большое сопротивление напору воды при быстротѣ теченія Вислы. Поэтому графъ призвалъ меня (исполнявшаго въ то время, за отсутствіемъ начальника инженеровъ Варшавскаго округа, обязанности этого начальника), высказалъ, какое важное значеніе можетъ имѣть мостъ у Влоцлавска для движенія нашихъ войскъ, въ случаѣ если Польское возстаніе не будетъ къ тому времени подавлено, и приказалъ мнѣ составить проектъ моста на желѣзныхъ лодкахъ, похожихъ на наши понтоны.

Порученіе это я скоро исполнилъ, и затѣмъ графъ Бергъ, признавая, что городъ Влоцлавскъ не въ силахъ будетъ изъ собственныхъ средствъ построить подобный мостъ и кромѣ того устроить гавань для сохраненія моста на зимнее время, поручилъ мнѣ посовѣщаться относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ на работы, съ главнымъ директоромъ Польскаго банка, тайнымъ совѣтникомъ Крузе. Сфера операций Польскаго банка была довольно широкая, и Крузе предложилъ организовать дѣло такъ, чтобы отдать работу моста и гавани одному изъ желѣзныхъ заводовъ въ Варшавѣ. Банкъ имѣетъ право для опущенія заводской промышленности дѣлать частнымъ заводамъ и фабрикантамъ ссуды, и потому Крузе полагалъ, что, по мѣрѣ успѣха работъ, банкъ будетъ имѣть законное основаніе уплачивать заводу за произведенныя работы, а для возврата впослѣдствіи денегъ, выданныхъ банкомъ за мостъ и гавань, можно будетъ установить тарифъ для взиманія съ проѣзжающихъ черезъ мостъ повозокъ и экипажей и за разведеніе моста, тарифъ для взиманія съ проходящихъ по Вислѣ судовъ и сплаваемыхъ плотовъ различнаго рода и вида лѣса. Такого рода оплату Крузе предложилъ отдать съ торговъ и эти торги объявить немедленно, до приступленія къ постройкѣ моста, съ тѣмъ чтобы банкъ могъ имѣть увѣренность, что выданная заводу ссуда можетъ быть возвращена банку въ опредѣленный срокъ. О такихъ переговорахъ съ директоромъ банка я доложилъ намѣстнику, и онъ одобрилъ предложенный планъ финансовой операціи.

Затѣмъ графъ Бергъ остановился на мысли, кому поручить исполненіе дѣла. Я предложилъ графу возложить постройку моста на управленіе путями сообщенія въ Царствѣ, во главѣ котораго находился тогда

генераль-лейтенантъ Шуберскій. Графъ поручилъ мнѣ тутъ-же, въ его кабинетѣ, написать отъ его имени предписаніе на имя генерала Шуберскаго, подписалъ бумагу, и дѣло постройки моста такимъ образомъ было пущено въ ходъ.

Генераль Шуберскій испросилъ у намѣстника разрѣшеніе произвести постройку моста подъ руководствомъ особаго комитета, въ который предсѣдателемъ былъ назначенъ онъ, а въ числѣ членовъ назначены были я и членъ общаго присутствія управленія путей сообщенія полковникъ Василевскій; строителемъ же моста былъ инспекторъ шоссе-скихъ дорогъ 1-го разряда въ Царствѣ, инженеръ Григ. Хр. Чернявскій.

Стоимость постройки самаго моста—130160 руб.; дамбъ съ принадлежностями—22164 руб., всего—152324 руб. Постройка моста начата 5 Марта 1865 г., ѣзда по мосту открыта 5 Октября того же года.

На торгахъ за право взиманія платы съ проѣзжающихъ черезъ мостъ и со сплавляемыхъ плотовъ было предложено въ годъ 25000 руб., изъ коихъ комитетъ нашъ положилъ 15000 руб. для возврата ссуды вносить въ банкъ, а 10 т. употреблять на содержаніе и ремонтъ моста.

Влоцлавскій мостъ наплавной, подобно тому какъ въ Петербургѣ (до постройки на Невѣ постоянныхъ мостовъ) существовали мосты на деревянныхъ плашкоутахъ. Зимой Влоцлавскій мостъ необходимо разводить и сохранять подъ прикрытіемъ охранительныхъ дамбъ, а лѣтомъ, для пропуска сплавляемаго изъ Галиціи лѣса, требуется выводить изъ линіи моста разводную его часть, и за таковой пропускъ сплавляемыхъ плотовъ мы имѣли право взимать извѣстную плату. За проѣздъ же по мосту плата обыкновенно назначается самая ничтожная. Такимъ образомъ, чтобы имѣть надежду сдать аренду мостовыхъ сборовъ за такую значительную годовую плату, каковая исчислена была въ 25 т. р., мы придержались постановленій, по сему предмету существующихъ во Франціи и составили таксу за пропуски плотовъ, смотря по роду дерева, за дубъ дороже, нежели за сосну и т. п. и смотря по тому, гонится ли лѣсъ необработанный или обдѣланный уже для извѣстнаго употребленія.

Составляя подобнаго рода таксу, мы понимали, что при взиманіи платы будутъ для владѣльцевъ плотовъ большія задежки и прецедента съ арендаторомъ сборовъ; но у насъ была одна только забота, чтобы торги на сдачу аренды удались, что въ дѣйствительности и было достигнуто. Торги удались съ перваго же раза.

Дѣло съ мостомъ, казалось, шло спокойно, мостъ служилъ во все время навигаціи безъ перерыва, арендаторъ дѣйствовалъ исправно, а также вносилъ арендныя деньги; но года черезъ четыре появились слу-

ли, что пропускъ плотовъ встрѣчаетъ большія затрудненія у Влоцлавска вслѣдствіе затруднительности провѣрки наглядной лѣснаго каравана, требующей подробнаго счета сплавляемаго лѣса, въ особенности когда въ караванѣ находится лѣсъ различныхъ породъ и различнаго вида; а за тѣмъ Австрійское правительство обратилось къ нашему канцлеру князю Горчакову съ заявленіемъ, что установленіе у Влоцлавскаго моста таксы за сплавляемый лѣсъ, безъ предварительнаго соглашенія съ Австріею, нарушаетъ постановленія Вѣнскаго конгресса 1815 г., въ конхъ (какъ мы разсмотрѣли это уже позже) дѣйствительно условлено было, относительно пользованія рѣками протекающими по сопредѣльнымъ государствамъ, что введеніе правилъ обязательныхъ для плаванія слѣдуетъ устанавливать не иначе, какъ по общему соглашенію правительствъ сопредѣльныхъ государствъ.

Для выясненія дѣла рѣшено было со стороны Россіи и Австріи назначить делегатовъ въ международную комиссію. Съ нашей стороны были: завѣдывающій финансовою частію въ Царствѣ Польскомъ т. е. Маркусъ, начальникъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ д. ст. сов. графъ Вл. Дм. Остенъ-Сакенъ и я; а со стороны Австрійцевъ, Австрійскій консулъ въ Варшавѣ. Долго мы, Русскіе, крутились, чтобы найти точку опоры для разговоровъ съ Австрійцемъ, пока какой-то законникъ не посоветовалъ намъ въ дополненіе къ изученію постановленій Вѣнскаго конгресса познакомиться и съ дополнительными конвенціями 1818 года. Къ великой нашей радости нашли мы статью, которая гласила, что каждое государство, въ предѣлахъ своей территоріи, можетъ устанавливать для сплава по рѣкѣ, протекающей и по сосѣднему государству, какія признаетъ нужнымъ, обязательства, не входя для того въ соглашеніе съ таковымъ государствомъ, при условіи, чтобы иностранные промышленники подвергались такимъ же обязательствамъ какъ и свои подданные.

Заручившись убѣжденіемъ, что въ дѣлѣ съ арендою Влоцлавскаго моста не было никакого нарушенія существующихъ международныхъ договоровъ, мы вступили въ предварительныя, неофіціальныя, совѣщанія съ Австрійскимъ консуломъ, который безъ сомнѣнія дѣлалъ соотвѣтствующія донесенія своему министерству иностранныхъ дѣлъ. Наконецъ Австріецъ далъ понять, что ихъ лѣсные промышленники домогаются упрощенія таксы и уменьшенія размѣра взимаемой платы. Последнее мы и сами сознавали, и потому, открывъ офіціальное засѣданіе международной комиссіи, мы безъ затрудненія постановили: 1) назначеніе таксы для пропуска сплавляемаго по Вислѣ лѣса не составляетъ никакого нарушенія международныхъ договоровъ и 2) признавая, что установленная за пропускъ черезъ мостъ лѣснаго каравана плата за-

грудняетъ расчеты съ арендаторомъ этого сбора и слишкомъ высока, международная коммиссія положила возможнымъ установить проектированную ею новую таксу.

Эта новая такса была значительно упрощена, и размѣръ платы пониженъ на столько, что по расчетамъ нашимъ арендаторъ могъ уплачивать въ казну только $\frac{1}{5}$ часть прежней суммы въ 25 т. р.

Канцлеръ князь Горчаковъ, узнавъ изъ сообщенія ему намѣстника графа Берга, что международная коммиссія признала, что въ установленіи таксы у Влоцлавскаго моста не было никакого нарушенія международныхъ договоровъ, отвѣчалъ, что онъ вполне удовлетворенъ такимъ результатомъ и считаетъ въ этомъ дѣлѣ свое участіе оконченнымъ.

Для намѣстника графа Берга это дѣло было далеко еще неоконченнымъ. Необходимо было ему сообщить министру путей сообщенія о результатѣ занятій международной коммиссіи и просить распоряженія объ измѣненіи таксы сборовъ у Влоцлавскаго моста; но ни о постройкѣ самого моста, ни объ утвержденіи проекта такового, равно какъ о средствахъ для постройки моста, министерству ничего не было известно: все это дѣло было личнымъ дѣломъ графа Берга, о которомъ въ Петербургѣ никто и не вѣдалъ.

Финансовыя дѣла въ Россіи въ то время были въ самомъ плачевномъ положеніи; наступилъ кризисъ, выразившійся въ общемъ упадкѣ фондовъ, и низведеніе стоимости кредитнаго рубля до 68 мегалическихъ копѣекъ требовало принятія самыхъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Отъ имени Государя Императора было предложено всѣмъ министрамъ строго придерживаться величайшей бережливости и отказаться отъ всякихъ непроизводительныхъ расходовъ. Зная все это, графъ Бергъ понималъ, что въ Петербургѣ ему откажутъ въ ассигнованіи денегъ на мостъ, который городъ Влоцлавекъ согласенъ построить на свой счетъ, но Бергъ любилъ если уже что строить, то строить непременно что нибудь хорошее, и вотъ онъ, при содѣйствіи Польскаго банка, находитъ возможность отбросить предложеніе Влоцлавска установить тамъ мостъ на уродливыхъ, несуразнаго вида большихъ деревянныхъ баркахъ.

Въ одинъ прекрасный день графъ присылаетъ за мною. «Приготовьте отзывъ отъ меня къ министру путей сообщенія; постарайтесь точно придерживаться къ моимъ словамъ и послѣдовательности, съ какою я буду говорить», сказалъ мнѣ графъ. Приблизительно онъ сказалъ слѣдующее. «Затрудненія какія Австрійскіе промышленники встрѣчали при сплавѣ лѣсовъ по Вислѣ у Влоцлавскаго моста и высокая плата за пропускъ чрезъ этотъ мостъ породили со стороны Австрійскаго правительства протесты будто бы Русское правительство нарушаетъ между-

народные договоры. Для выясненія дѣла была образована международная комиссія, изъ трехъ Русскихъ делегатовъ и одного Австрійскаго. По тщательномъ изслѣдованіи дѣла комиссія единогласно постановила, что никакого нарушенія договоровъ не было, а что касается тарифа для взиманія сборовъ за пропускъ черезъ мостъ плотовъ лѣса сплавляемыхъ по Вислѣ, то таковой, назначая различныя цѣны смотря по породѣ лѣса и въ зависимости оттого, гонится лѣсъ необдѣланный или переработанный уже для опредѣленнаго назначенія, и требующій пересчета числа бревенъ, крайне затруднителенъ, а плата за многіе сорта лѣса очень велика. Посему Русскіе делегаты комиссіи составили новую, упрощенную таксу и понизили въ ней цѣны. Государь Императоръ, оставшись вполне довольнымъ результатами занятій международной комиссіи, возложилъ на меня привести въ исполненіе по взиманію сборовъ у Влоцлавскаго моста заключенія комиссіи. Я вмѣстѣ съ симъ дѣлаю сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ о введеніи новаго тарифа у названнаго моста въ самомъ непродолжительномъ времени и покорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о введеніи новыхъ сборовъ у Влоцлавскаго моста, если возможно, къ такому-то сроку».

Какъ и въ другихъ случаяхъ, когда графъ поручалъ мнѣ составить отъ его имени какую-нибудь бумагу, я и теперь составилъ отзывъ и переписалъ его самъ. Прочитывая такую бумагу, я ужаснулся: въ немногихъ строкахъ два раза явная ложь; во 1-хъ, никакого высочайшаго повелѣнія о приведеніи въ исполненіе рѣшеній международной комиссіи графъ-намѣстникъ не получалъ, и во вторыхъ, онъ не входилъ въ сношеніе съ Австрійскимъ правительствомъ, и входилъ въ сношенія съ иностраннымъ правительствомъ не входило въ число правъ намѣстника.

Ужаснулся я болѣе всего при мысли, что, при тогдашнихъ преобразованіяхъ по финансовой части, когда каждый министръ стѣсненъ дѣлать своею властію такія измѣненія въ утвержденной финансовой сметѣ какъ уменьшеніе дохода, министръ путей сообщенія, пожалуй, сочтетъ необходимымъ имѣть у себя хотя засвидѣтельствованную копію съ высочайшаго повелѣнія, и каково будетъ тогда положеніе графа! Обсуждая далѣе этотъ вопросъ, я рѣшилъ изготовить къ подписи графа другое изложеніе дѣла и чтобы мнѣ легче было объяснить графу рискованность подписать сочиненную имъ бумагу, я просилъ графа Вл. Дм. Остенъ-Сакена пойти къ графу вмѣстѣ со мною. Послѣдній охотно согласился и когда мы вошли въ кабинетъ намѣстника, гр. Остенъ-Сакенъ первый началъ убѣждать Берга не подписывать лживой бумаги; тогда послѣдній принялся читать мой проектъ, но, не дойдя до конца,

сказалъ: «Нѣтъ, это не пройдетъ. Господа! Вы не знаете нашихъ министерствъ; ничего они такъ не любятъ, когда ихъ просятъ что нибудь обдумать и распорядиться по ихъ усмотрѣнiю». Затѣмъ намѣстникъ пробѣжалъ другой проектъ, составленный по его указанiю, и не задумываясь подписалъ.

Недѣли черезъ двѣ казакъ подалъ мнѣ отъ графа распечатанный пакетъ: оказывается, что за отсутствiемъ министра путей сообщенiя отвѣчалъ графу товарищъ министра т. с. (Едифонтовъ. Онъ почтительно докладываетъ намѣстнику, что, по полученiи отъ него отзыва, немедленно сдѣлано было распоряженiе объ измѣненiи тарифа сборовъ при Влоцлавскомъ мостѣ къ назначенному сроку. Когда я явился къ графу Бергу, чтобы возвратить ему отвѣтъ министерства путей сообщенiя, то графъ спросилъ меня, чего такъ я опасался за сочиненную имъ бумагу. Я полагалъ, что при нынѣшнихъ новыхъ финансовыхъ правилахъ министръ путей сообщенiя, можетъ быть, сочтетъ необходимымъ подкрѣпить свое распоряженiе объ уменьшенiи доходовъ казны съ 25 т. р. на 5 т. р. ссылкою на высочайшее повелѣнiе и будетъ просить у васъ копiи съ такового, отвѣчалъ я.—«Ну какой же копiи?» отвѣчалъ графъ. «Когда я былъ послѣднiй разъ въ Петербургъ и входилъ въ кабинетъ Государя, то въ дверяхъ я встрѣтилъ князя Горчакова, и онъ сказалъ, что онъ докладываетъ Государю Влоцлавское дѣло и Его Величество остался доволенъ». А за тѣмъ графъ спросилъ меня, кто же теперь будетъ уплачивать Польскому банку деньги истраченные на мостъ. Я отвѣчалъ, что теперь, со введенiемъ единства кассы, государственная казна будетъ платить по 15 т. р. Польскому банку и для того (какъ я видѣлъ печатную финансовую сумбу) въ отвѣтъ расходовъ, предстоящихъ Варшавскому управленiю путей сообщенiя, эта цифра уже помѣщена въ своемъ мѣстѣ. «Ну что же, это хорошая реформа—единство кассы», замѣтилъ графъ съ явно облегченнымъ сердцемъ. А чрезъ нѣсколько дней, когда мнѣ пришлось быть у намѣстника, я услышалъ, что единство кассы онъ обозвалъ глупѣйшей выдумкой: ему доложили, что нѣсколько сотъ тысячъ рублей контрибуціонныхъ суммъ, находившихся въ его распоряженiи, взяты также въ общiя суммы казны и что онъ намѣстникъ, въ случаѣ надобности дѣлать какiе-либо расходы насчетъ этихъ контрибуціонныхъ суммъ, долженъ спрашивать ихъ въ установленномъ порядкѣ. Цѣлый день нашъ почтенный графъ былъ не въ духѣ.

Не смотря на преклонные годы, гр. Бергъ пользовался всегда прекраснымъ здоровьемъ и способностiю заниматься дѣлами съ ранняго утра и до поздняго вечера; съ наступленiемъ же осени графъ не усилительно устраивалъ парфорсные охоты и лихо носился на конѣ.

Однажды вечеромъ графъ потребовалъ меня къ себѣ и поручилъ составить проектъ письма отъ него къ ген.-адъют. Чевкину по вопросу о направлеиіи желѣзной дороги между Варшавою и Брестъ-Литовскомъ. Когда проектъ письма былъ готовъ, графъ, отпуская меня домой въ 11 ч. вечера, просилъ переписать собственноручно письмо и привезти къ нему завтра утромъ; я исполнилъ въ точности приказаніе и прѣхалъ въ королевскій замокъ въ 8³/₄ ч. утра; дежурный адъютантъ встрѣтилъ меня словами: «а графъ два уже раза спрашивалъ о васъ». Вѣжливость графа въ обращеніи съ подчиненными была образцовая, а другая сторона въ сношеніяхъ съ нимъ была замѣчательна и состояла въ томъ, что, не смотря на многочисленные доклады графу, какъ главному военно-начальнику и какъ намѣстнику по дѣламъ гражданскаго управленія, всегда возможно было имѣть къ нему доступъ, чѣмъ я и воспользовался разъ по дѣлу, совершенно до меня не касающагося, и вотъ по какому случаю.

Ко мнѣ заѣхалъ совершенно неожиданно архіепископъ Варшавскій Іоанникій и объяснилъ, что намѣстникъ утвердилъ проектъ православнаго собора, который положено построить въ Люблинѣ, но архипастырю крайне не нравится въ этомъ проектѣ рисунокъ колокольной собора, и онъ просилъ меня передѣлать этотъ рисунокъ и доложить объ этомъ дѣлѣ намѣстнику.

Передѣлавъ согласно желанію архіерея проектъ, я отправился къ графу и, объяснивъ ему въ чемъ дѣло, извинился, что мѣшалося въ него. Графъ въ это время разсматривалъ утвержденный имъ проектъ и новый рисунокъ и, признавъ, что первый дѣйствительно заключаетъ въ себѣ довольно замѣтныя ошибки, отвѣтилъ мнѣ: «Загѣмъ я буду дѣлать дурно, когда я могу сдѣлать хорошо! Очень вамъ благодаренъ за такое вмѣшательство».

По усмиреніи Польскаго мятежа въ Царствѣ Польскомъ, были приняты коренныя реформы по части административной, финансовой и учебной; послѣдовали монастырская реформа, освобожденіе крестьянъ и многія другія преобразованія, для чего образованъ былъ Учредительный Комитетъ съ законодательною властью. Во главѣ всего этого дѣла поставленъ былъ статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, ближайшимъ же его помощникомъ былъ князь В. А. Черкасскій, занявшій постъ министра внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ.

Хорошій мой знакомый Радомскій губернаторъ Дм. Гавр. Анучинъ былъ очень близко знакомъ съ княземъ Черкасскимъ и однажды сообщилъ мнѣ, что князь желаетъ ближе познакомиться со мною и сдѣлать мнѣ предложеніе переимѣнить родъ моихъ занятій. Кипучая дѣятельность множества лицъ приглашенныхъ изъ Россіи Н. А. Милютинымъ для

приведенія въ исполненіе его предназначеній, манила меня новизною дѣла, и я, побывавъ у кн. Черкаскаго, согласился на его предложеніе стать во главѣ управленія путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ, каковое управленіе полагалось оставить, равно какъ и учебное, самостоятельными учрежденіями въ краѣ, подчиненными намѣстнику въ Царствѣ, но независимыми отъ министерствъ путей сообщенія и народнаго просвѣщенія въ Имперіи.

Черезъ нѣсколько времени кн. Черкасскій предложилъ мнѣ, въ докладъ, какъ онъ выразился, «что вы нашъ», взять на себя временно обязанности Кѣлецкаго гражданскаго губернатора съ тѣмъ, чтобы помочь сформировать изъ нѣсколькихъ уѣздовъ Радомской губерніи новую Кѣлецкую губернію. Тогда положено было пять губерній, составлявшихъ Царство Польское, передѣлать въ десять губерній. Вмѣстѣ со мною приглашены были ст. ст. Громека и князь Щербатовъ, первый Сѣдлецкимъ, а второй Калишскимъ губернаторами. Намъ поручено было взять въ свои руки военно-полицейское управленіе на территоріяхъ будущихъ Кѣлецкой, Сѣдлецкой и Калишской губерній и приготовить какъ личный составъ губернскихъ и уѣздныхъ правленій, такъ и помѣщенія для нихъ.

25 Марта 1866 г. состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня временно Кѣлецкимъ гражданскимъ губернаторомъ. Я поѣхалъ въ Кѣльцы сперва одинъ, а когда наступила теплая погода, то переѣхала туда и жена моя съ сыномъ.

На первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Кѣльцахъ случился на главной улицѣ города довольно серьезный пожаръ, грозившій погребить лучшую часть города и если-бы не стихъ вѣтеръ, то не знаю гдѣ-бы можно было размѣстить всѣхъ чиновъ губернскаго правленія; пожаръ былъ ночью, и положеніе мое было скверное, когда мнѣ доложили, что воды больше нѣтъ ни въ одномъ колодецѣ. Къ счастью нашему вѣтеръ совершенно упалъ, и намъ кое какъ удалось прекратить бѣдствіе. Но впечатлѣніе, произведенное на меня недостаткомъ воды, было настолько сильное, что я положилъ себѣ обезпечить на будущее время городъ водою и съ этою цѣлью произвелъ самыя тщательныя изысканія, которыя показали, что имѣющуюся на окраинѣ города водяную канаву можно обогатить водою, расчистивъ заглохшіе источники и сведя ихъ всѣ къ верхнему концу канавы; нижній же конецъ канавы приходился къ выемкѣ, служившей когда-то для пруда, но прудъ этотъ давно уже не существовалъ и исчезъ вслѣдствіе разрушенія водоспуска. Дно стараго бассейна было углублено, и земля, при семъ получившаяся, была употреблена на засыпку ямъ, выравниеніе и поднятіе мѣстности, гдѣ и устроилъ приличную и удобную дорогу, идущую мимо общественнаго

сада къ пруду. Работы по расчисткѣ и каптажу родниковъ, уширенію и углубленію водяной канавы, которая обращена была въ каналъ, а равно и работы по устройству самаго пруда, заняли около года времени, и въ первую послѣ того зиму на замершемъ прудѣ Кълецкое общество наслаждалось катаньемъ на конькахъ.

Въ теченіе 1866 г. заболѣлъ и прекратилъ свою плодотворную дѣятельность статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, а вскорѣ затѣмъ кн. В. А. Черкасскій покинулъ также свой постъ, и всѣ проекты реформъ въ Царствѣ Польскомъ были перенесены въ Петербургъ.

Это обстоятельство имѣло для меня то послѣдствіе, что въ Петербургѣ рѣшили не оставлять въ Варшавѣ никакой центральной власти; управление путями сообщеній въ Царствѣ Польскомъ положено было преобразовать въ правленіе Варшавскаго округа, съ подчиненіемъ его на обыкновенныхъ основаніяхъ министерству путей сообщенія, и такимъ образомъ я былъ посаженъ на мель.

Никто меня не спросилъ, желаю-ли я быть губернаторомъ, и 1 Января 1867 г., съ объявленіемъ указа объ образованіи въ Царствѣ Польскомъ 10-ти губерній, я, будучи полковникомъ, былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ исправляющимъ должность Кълецкаго губернатора, а 10 Юня того же 1867 г. произведенъ въ генералъ-майоры съ утвержденіемъ въ настоящей должности.

Личный составъ губернскаго правленія весьма многочисленный и если пойти по заламъ и комнатамъ и отдѣльнымъ кабинетамъ его, то насъ поразитъ необыкновенная дѣятельность такого правительственнаго учрежденія: всѣ пишутъ и пишутъ, не разгибая спины; но что выходитъ изъ такого писанія для благополучія ввѣренной губерніи? Прочитывая длинныя постановленія присутствія губернскаго правленія, которыя представляютъ собою конечный результатъ дѣятельности всѣхъ чиновъ правленія, вы натываетесь на длинные періоды постановленія, составляющіе не болѣе какъ предисловіе къ самому рѣшенію присутствія; затѣмъ попадается текстъ испепренный ссылками на всевозможные законы и циркуляры, затѣмъ справка, и въ самомъ концѣ послѣдней страницы попадутся на глаза слова: «а потому постановили дать знать такому-то уѣздному управленію, что въ настоящемъ случаѣ оно обязано дѣйствовать неукоснительно согласно существующихъ на сей предметъ законоположеній». Не есть ли это пустая отписка, никому ненужное мараніе бумаги, когда на запросъ низшей инстанціи, какъ поступить въ такомъ-то случаѣ, губернское правленіе отвѣчаетъ вышешприведенными фразами?

Пожию также, что одиакъ уѣздный начальникъ доносилъ, что въ отданномъ въ его распоряженіе имѣніи оны не въ силахъ безъ особы

денежныхъ средствъ не только поддерживать заведеннаго порядка по веденію хозяйства, но не имѣеть никакихъ средствъ сохранять имѣніе и предупредить расхищеніе движимаго въ немъ имущества, и потому уѣздный начальникъ просилъ губернское правленіе освободить его отъ завѣдыванія имѣніемъ. Губернское правленіе, проведя входящую бумагу черезъ всѣ мытарства, дней черезъ 10—14 по полученіи донесенія уѣзднаго начальника, составило журналъ присутствія, цѣлый листъ кругомъ исписанный, въ концѣ коего значилось: «а потому постановили предписать такому-то уѣздному начальнику продолжать управлять названнымъ имѣніемъ».

Меня томила такая безплодная толчея, безрезультатное мараніе бумаги; но я сознавалъ, что не въ силахъ что нибудь поправить въ такомъ ржавомъ канцелярскомъ механизмѣ.

Губернскимъ архитекторомъ въ Кѣльцахъ былъ порядочный какъ человекъ и не безъ таланта какъ архитекторъ г. Ковальскій, въ занятіяхъ котораго я по временамъ принималъ участіе. Такъ мнѣ удалось помочь Ковальскому при перестройкѣ тюрьмы, а вслѣдъ затѣмъ я былъ заинтересованъ несравненно болѣе серьезною работою: постройкою въ городѣ Кѣльцахъ каменнаго православнаго храма, перваго во всей губерніи. Мною избрано было мѣсто для храма, составленіе же проекта храма въ Византійскомъ стилѣ встрѣчало затрудненіе, такъ какъ г. Ковальскій былъ совершенно незнакомъ съ архитектурою православныхъ церквей, а я, какъ военный инженеръ, совсѣмъ не имѣю понятія о какихъ бы то ни было стиляхъ въ архитектурѣ.

Я снесся по сему вопросу съ архитекторомъ Брюдловымъ въ Петербургѣ, и онъ изъявилъ согласіе составить проектъ за самую ничтожную сумму, 100 или 150 р., что при назначенной для построенія храма суммѣ 70 т. руб. мнѣ казалось расходомъ совершенно ничтожнымъ. Но не такъ взглянулъ на это дѣло тайный совѣтникъ Брауншвейгъ, состоявшій при графѣ Бергѣ для завѣдыванія гражданскою частію въ краѣ до окончанія реформъ и непосредственнаго подчиненія губернаторовъ Царства Польскаго министру внутреннихъ дѣлъ.

Брауншвейгъ съ развязанностію знатока дѣла отвѣчалъ мнѣ, что столь значительныхъ расходовъ нельзя дѣлать для такихъ пустыхъ надобностей какъ проектъ церкви, что вмѣсто проекта можно всегда достать гдѣ нибудь рисунокъ храма и, пользуясь имъ, составить проектъ самому. Я отвѣтилъ Брауншвейгу, что условія съ г. Брюдловымъ я не заключалъ и слѣдовательно не обязанъ заказывать г. Брюлову проектъ.

Я взялъ отпускъ и поѣхалъ въ Кіевъ и Москву взглянуть на храмы, чтобы вдохновиться идеею для храма въ Кѣльцахъ. Но Москва и Кіевъ обладаютъ такими историческими и вѣковыми сооруже-

что заимствовать оттуда что либо для Кълецкой церкви оказалось совершенно невозможнымъ. Талантливый Ковальскій, при помощи кое-какихъ, добытыхъ мною рисунковъ, составилъ проектъ, который былъ утвержденъ, и храмъ при миѣ былъ вчернѣ готовъ.

Забылъ сказать еще о занятіяхъ моихъ по дѣлу для меня совершенно новому, которые тѣмъ не менѣе увѣнчались видимымъ успѣхомъ. Занятія эти состояли въ подготовленіи кадра земскихъ стражниковъ. Да не подумаетъ читатель, что это учрежденіе есть сходное съ тѣмъ что существуетъ теперь въ Русскихъ губерніяхъ; напротивъ, министерство внутреннихъ дѣлъ плѣнилось тѣмъ, что было сдѣлано въ Привислянскомъ краѣ въ 1867 году и, много лѣтъ спустя, не выкинувъ въ тѣ обстоятельства, которыя такъ благопріятствовали намъ тогда при основаніи службы земскихъ стражниковъ въ 10 губерніяхъ Царства Польскаго, вздумало создать что нибудь подобное и въ Русскихъ губерніяхъ; но здѣсь вышла только жалкая пародія на ту земскую стражу, которую мы основали въ Царствѣ. Тамъ, гдѣ прежде было всего 5 губерній, сдѣлали ихъ 10, раздѣливъ на 7, 8 и болѣе уѣздовъ каждую губернію, такъ что создано было всего 85 уѣздовъ, покрытыхъ желѣзными и шоссейными дорогами; сообщенія повсюду удобныя и разстоянія до уѣзднаго города самыя малыя.

Для созданія земской стражи каждый уѣздъ былъ раздѣленъ на нѣсколько участковъ, въ центрѣ коихъ находились старшіе стражники съ 2-мя, 3-мя младшими; обходя пѣшкомъ свои участки и объѣзжая верхомъ болѣе удаленныя отъ мѣста ихъ жительства части участка, стражники, предварительно подготовленные осмысленно понимать составленную для ихъ службы инструкцію, записывали въ особо для того заведенныя книжки все, что по ихъ пониманію заслуживало вниманія. И по Субботамъ старшіе стражники, собравъ отъ подчиненныхъ имъ стражниковъ свѣдѣнія, заслуживающія вниманія начальства, приходили всѣ въ свой уѣздный городъ къ начальнику земской стражи уѣзда. Любопытно было присутствовать въ это время въ кабинетѣ начальника земской стражи уѣзда. Прослушавъ донесенія всѣхъ старшихъ участковыхъ стражниковъ, которые дѣлали обыкновенно свои словесныя донесенія, держа передъ глазами зависную книжку, вы какъ будто видите весь уѣздъ передъ своими глазами со всѣмъ разнообразіемъ жизни помещика, ксендза, обывателя, мужика.

Но надо сказать, что та идеальная земская стража, какая создана была въ Царствѣ Польскомъ въ 1867 году, съ годами и она не могла удержаться на той высотѣ нравственной чистоты, на которой была поставлена въ самомъ началѣ.

До основанія земской стражи были выдѣлены изъ частей гвардейскаго отряда, находившагося въ Варшавѣ, люди подлежащіе отправленію въ запасъ; въ Кѣлецкую губернію прислали большею частію людей изъ Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона, которые и имѣли явное вліяніе на остальныхъ, вышедшихъ изъ полковъ 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи. Стрѣлки были стройные и красивые люди, всѣ грамотные и достаточно развитые. Я постарался размѣстить этихъ будущихъ стражниковъ всѣхъ вмѣстѣ, въ чистомъ домѣ, въ нѣсколькихъ залахъ и комнатахъ, по возможности удобнѣе.

Нѣсколько офицеровъ, изъявившихъ желаніе поступить въ начальники уѣздной стражи, по моему приглашенію, принялись за занятія съ гвардейцами, практиковали ихъ въ чтеніи и письмѣ, а впоследствии приступили и къ чтенію инструкціи для земской стражи. Общежитіе гвардейцевъ доставило возможность распознать среди ихъ болѣе или менѣе развитыхъ, людей болѣе или менѣе съ тактомъ и самообладаніемъ, людей вполнѣ трезвыхъ.

Такая земская стража была образцовая и, когда въ 1868 г. въ Кѣльцы пріѣхалъ директоръ департамента полиціи исполнительной министерства внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Коссаговскій, то, ознакомившись со службою стражи, онъ не находилъ словъ какъ выразить свое одобреніе моимъ стражникамъ и въ разговорахъ со мною не разъ высказывалъ мысль о необходимости сдѣлать что нибудь подобное и въ Русскихъ губерніяхъ, какъ ни старался я доказывать ему полную невозможность осуществленія такого проекта. Я говорилъ ему, что вся-го Кѣлецкая губернія по своему пространству равняется какому нибудь Старобѣльскому уѣзду; густое населеніе въ Царствѣ Польскомъ дѣлаетъ то, что повсюду имѣются дороги, отличные пути сообщенія; что для маленькаго Царства Польскаго намъ только на первый разъ удалось набрать стражниковъ, людей дѣйствительно порядочныхъ, но нельзя ручаться, что такъ пойдетъ и дальше; а набрать для Русскихъ губерній цѣлую массу надежныхъ стражниковъ невозможно, ибо неоткуда ихъ взять. Но мой П. П. Коссаговскій стоялъ на своемъ, и что же теперь вышло? Какъ землевладѣлецъ Курской губерніи, я знаю, что стражники, какъ нищіе, собираются въ деревняхъ грошами, пьянствуютъ, ровно ничего не дѣлаютъ изъ своихъ обязанностей и служатъ только предметомъ общаго презрѣнія.

Вице-губернаторомъ въ Кѣльцахъ былъ Мануиловъ, бывшій въ Гайсинѣ (Каменецъ - Подольской) губерніи исправникомъ въ то время, когда Брауншвейгъ былъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскѣ. Мануиловъ принадлежалъ къ тому разряду людей, про которыхъ говорятъ, что человекъ прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы; у меня въ

рукахъ была печатная брошюра, посвященная описанію дѣйствій Мануилова въ Гайсинскомъ уѣздѣ, когда онъ обиралъ у помѣщиковъ драгоценныя вещи и выманивалъ у нихъ деньги. Проведенный въ вице-губернаторы Брауншвейгомъ, Мануиловъ держался крѣпко своего сатрапа и находился съ нимъ въ частной перепискѣ, пользуясь которой, какъ я узналъ впоследствии, представлялъ мои дѣйствія въ умышленно извращенномъ видѣ, набрасывая на меня тѣнь подозрѣнія въ чистотѣ моихъ дѣйствій.

Все это кончилось тѣмъ, что въ Кѣльцы явился начальникъ жандармскаго округа свиты его величества генералъ маіоръ баронъ Фридериксъ, тотъ самый, который во времена Лауница командовалъ баталіономъ кантонистовъ и составилъ себѣ порядочный капиталецъ. Фридериксъ, благодаря протекціи графа Петра Шувалова, сдѣланъ былъ послѣ генералъ-адъютантомъ и назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь. Затѣмъ его наконецъ спустили съ этого поста, и онъ, оставаясь въ званіи генералъ-адъютанта, не имѣя дозволенія показываться въ Петербургѣ, проживалъ гдѣ-то въ провинціи и былъ пораженъ параличемъ.

Вотъ этотъ-то господинъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Кѣльцы, сидѣлъ часто у меня, мы обѣдали и вмѣстѣ совершали въ коляскѣ загородныя прогулки, а въ это время жандармскій штабъ - офицеръ Кѣлецкой губерніи, подъ руководствомъ вице-губернатора Мануилова, дѣлалъ розыски и составлялъ для Фридерикса записку, въ которой я обвинялся въ неправильномъ направленіи нѣкоторыхъ дѣлъ по губернскому правленію.

Мнѣ кажется, что Мануиловъ хлопоталъ о томъ, чтобы за время, пока еще оставался у дѣлъ Брауншвейгъ, ему можно было добраться до губернаторскаго поста; ибо прошло бы еще нѣсколько времени, и Брауншвейгъ долженъ былъ уйти изъ края, а губернаторы стать въ непосредственное подчиненіе министру внутреннихъ дѣлъ.

18 Марта 1869 г. высочайшимъ приказомъ я былъ отчисленъ отъ должности Кѣлецкаго губернатора съ оставленіемъ по инженерному корпусу.

На мое мѣсто назначенъ былъ д. с. с. Нератовъ, которому и поручено было изслѣдовать подробно всѣ мои дѣла; черезъ нѣсколько недѣль мнѣ сообщена была докладная записка Нератова намѣстнику Царства Польскаго графу Бергу, въ которой, безъ особаго труда, разоблачена была вся мистификація, которой подвергся графъ Бергъ. Мануилова тотчасъ же уволили изъ Кѣлецъ и изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Требуйте отъ меня что хотите, сказалъ мнѣ графъ Бергъ, я виновать и готовъ сдѣлать для васъ все, что могу.

Военный министръ графъ Милютинъ находилъ, что лучшимъ способомъ для графа Берга извиниться публично передомною будетъ, если онъ взойдетъ съ представленіемъ о назначеніи меня къ нему для особыхъ порученій.

Графъ Бергъ такъ и сдѣлалъ, и 8 Августа 1869 года высочайшимъ приказомъ я назначенъ былъ для особыхъ порученій при главнокомандующемъ войсками Варшавскаго военнаго округа съ оставленіемъ по инженерному корпусу.

ГЛАВА VIII.

Осмотръ заграничныхъ тюремъ.—Вопросъ о мобилизаціи крѣпостей.—Полное невѣжество въ крѣпостномъ дѣлѣ.—Разница между инженерами и саперами.—Несообразности въ постройкѣ нашихъ крѣпостей.

Когда состоялось назначеніе меня по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ графѣ Бергѣ, мы снова устроились въ Варшавѣ. Жизнь наша потекла спокойно и мирно; сосѣдство съ Уяздовскою аллеєю и Ботаническимъ садомъ доставляло удобныя прогулки на чистомъ воздухѣ. У насъ былъ большой кругъ хорошихъ знакомыхъ, и такъ какъ мы не жили какъ прежде въ цитадели, то пользовались театрами и общественною жизнью гораздо больше чѣмъ въ бывшее время.

Что касается до служебныхъ занятій, то у графа Берга, человека просвѣщеннаго и дѣятельнаго, за этимъ дѣло не стало. Подъ моимъ руководствомъ построены на Прагѣ при церкви Св. Маріи Магдалины домъ для священнослужителей и для приходской школы, а самый храмъ обнесенъ желѣзною оградой на каменномъ фундаментѣ; устроены въ домѣ Піаровъ (что недалеко отъ королевскаго замка) помѣщенія для центральныхъ архивовъ, и затѣмъ на меня возложено было составленіе проекта устройства въ Варшавѣ, въ бывшихъ казармахъ л.-гв. Волынскаго полка, военной тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія. А по утвержденіи проекта мнѣ поручено было стать предсѣдателемъ комитета, по распоряженіямъ котораго производились и самыя работы.

Работы по перестройкѣ Волынскихъ казармъ въ военную тюрьму начаты весною 1872 г. и окончены къ 15 Ноябрью 1874 г.

Среди работъ, въ виду новизны у насъ дѣла устройства тюрьмы по системѣ одиночнаго заключенія, графъ Бергъ, согласно моему докладу, призналъ необходимымъ командировать меня за границу, чтобы посмотреть на тюрьмы въ Германіи, Бельгіи, Англии и Швейцаріи, и потому

исходатайствоваль высочайшее повелѣніе на такую командировку. Это была уже пятая моя поѣздка за границу.

Пользуясь симъ случаемъ, я порѣшилъ поѣздку свою совершить вмѣстѣ съ женою и сыномъ. Мы выѣхали въ Берлинъ 17 (29) Юля 1873 года. На другой день по прїѣздѣ туда, я осматриваль тюрьму Моабитъ и вновь строившуюся подъ Берлиномъ исправительную тюрьму колоссальныхъ размѣровъ. Наилучшія въ Европѣ тюрьмы системы одностороннаго заключенія находятся въ Бельгїи, и потому съ особымъ вниманіемъ я осматриваль такого рода тюрьму въ Louvain и строившуюся въ то время тюрьму въ Malines. Въ Лондонѣ мною подробно осмотрѣны тюрьмы: Мильбанксъ, Clerkenwell House of Correction и Нептонвилль; сверхъ того я съѣздилъ изъ Лондона для осмотра тюремъ въ Чаттамъ и Портсмутъ.

Въ Невшателѣ мы пробыли около двухъ сутокъ и перѣехали въ Бернъ, гдѣ я познакомился съ секретаремъ нашего посольства въ Бернѣ г. Глинкою, который былъ зятемъ генералъ-адъютанта Лутковскаго. Посланникъ нашъ князь Горчаковъ (если не ошибаюсь, сынъ бывшаго канцлера) былъ въ то время въ отпуску и по возвращеніи въ Бернъ писалъ графу Бергу, что искренно сожалѣеть, что отсутствіе его изъ Берна лишило его удовольствія предложить генералу Хлѣбникову Русскую хлѣбъ-соль. Г. Глинка не только передалъ мнѣ разрѣшеніе федеральнаго правительства на осмотръ всѣхъ тюремъ въ Швейцарїи, но очень любезно предложилъ взять письмо отъ нашего посольства къ директорамъ тюремъ, которое тотчасъ-же и написалъ при мнѣ. Г. Глинка очень справедливо замѣтилъ, что для различныхъ кантоновъ, считающихъ себя въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ независимыми отъ федеральнаго правительства, можетъ быть непрїятно будетъ исполнять предложеніе этого правительства, тогда какъ сочтутъ за удовольствіе исполнить просьбу Русскаго посольства, къ нимъ непосредственно адресованную. Г. Глинка предложилъ мнѣ познакомиться въ Женевѣ съ почтеннымъ старикомъ m-г Vaucher-Cremieux, который много занимается тюремнымъ вопросомъ и по этому дѣлу находится въ сношеніи съ нашимъ правительствомъ.

Вообще свиданіе съ г. Глинкою, послѣ многократныхъ моихъ визитовъ въ разныя посольства наши при моихъ заграничныхъ поѣздкахъ, оставило во мнѣ особенно прїятное впечатлѣніе: въ немъ я встрѣтилъ не только образованнаго, вполне благовоспитаннаго человѣка, но настоящаго джентельмена, который оказалъ мнѣ самое полное содѣйствіе къ выполненію порученнаго мнѣ дѣла.

По выходѣ изъ посольства я осматрѣлъ въ Бернѣ очень плохую

и старую тюрьму, которую я оглядывалъ поверхностно, больше, какъ говорить, для очистки совѣсти.

1-го Сентября 1873 года мы были въ Женевѣ, гдѣ я познакомился съ м-г Vaucher - Cremieux и съ священникомъ Русской церкви г. Петровымъ. Первый изъ нихъ очень образованный старикъ; по профессіи онъ архитекторъ и не знаю какимъ образомъ, по приглашенію ли нашего генерала Володскаго или по собственному желанію Vaucher - Cremieux составилъ проектъ тюрьмы на 400 женщинъ и трудъ этотъ передалъ генералу Володскому; затѣмъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и авторъ не получилъ ни отвѣта, ни привѣта. М-г Vaucher - Cremieux просилъ меня въ своеобое для него одолженіе разъяснить ему этотъ вопросъ и въ случаѣ если проектъ его не принять, то возвратить ему таковой. Мнѣ чрезвычайно трудно было объяснить моему новому знакомцу, что я не знаю никакого генерала Володскаго и что это дѣло, особенно для меня, проживающаго въ Варшавѣ, совсѣмъ не легкое—добиться въ Петербургѣ въ нашихъ министерствахъ куда дѣлся его проектъ.

12 Сентября я осматривалъ въ Базелѣ тюрьму одиночной системы на 200 человѣкъ и на другой день былъ въ Брухсгальской тюрьмѣ. Послѣ осмотра каждой изъ нихъ я составлялъ подробныя описанія всего, что только заслуживало вниманія и что могло съ пользою быть примѣнено въ нашихъ тюрьмахъ. Эти описанія и послужили, по окончаніи моей командировки, матеріаломъ къ составленію отчета, который былъ мною своевременно представленъ графу Бергу.

Изъ Шафгаузена я переѣхалъ въ отлично обстроенный и большой городъ Цюрихъ, гдѣ осматривалъ тюрьму. 15 Сентября изъ Цюриха я отправился въ Wildegg, чтобы оттуда проникнуть въ Lenzbourg для осмотра тюрьмы. Что за прелестныя по всюду ландшафты! Вся дорога изъ Базеля къ Шафгаузену, Цюриху и Берну представляетъ на каждомъ шагу самыя живописныя картины: долины Рейна и впадающихъ въ него рѣкъ окаймлены горами, покрытыми густою зеленью, множество маленькихъ городковъ, старинныхъ замковъ и богатыхъ виллъ съ садами; ничего нѣтъ угрюмаго въ этихъ картинахъ, напротивъ все дышетъ радостною и уютною жизнію. Со станціи желѣзной дороги Wildegg я проѣхалъ въ дилижансѣ въ Lenzbourg, затѣмъ прошелъ въ Penitencier, какъ здѣсь называютъ тюрьму, и былъ очень заинтересованъ какъ самымъ учрежденіемъ, такъ и его директоромъ.

Это была послѣдняя тюрьма, которую я осматривалъ, и потому теперь скажу нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ впечатлѣніяхъ, какія я вынесъ изъ знакомства съ Европейскими тюрьмами.

Въ Германіи старенькая тюрьма Моабитъ и вновь строящаяся Strafgefängniß bei Berlin, громадное учрежденіе, задуманное въ большихъ размѣрахъ для заключенія мужчинъ и женщинъ, для взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, для одиночнаго заключенія и съ разъединеніемъ только на ночь, при общихъ мастерскихъ для дневныхъ занятій, представляютъ собою альфу и омегу тюремнаго дѣла въ Германіи. Полная стоимость тюрьмы въ Берлинѣ 3500000 талеровъ.

Брухсгальская тюрьма заключается въ срединѣ между двумя вышеуказанными.

Въ Бельгіи я видѣлъ тюрьмы въ Louvain и Malignes. Первая изъ нихъ на 600 человекъ заключенныхъ въ отдѣльныхъ кельяхъ, съ дневною работою какъ въ кельяхъ, такъ и въ мастерскихъ, съ соблюденіемъ при этомъ безусловнаго молчанія. Въ этой тюрьмѣ содержатся и лица привилегированныхъ сословій, и потому какъ имена заключенныхъ, такъ и наружность ихъ скрыты отъ общаго свѣдѣнія. Надъ входомъ въ келью, на стѣнѣ, черною краскою написанъ номеръ келіи; этотъ же номеръ написанъ на жестяной дощечкѣ, къ которой прикрѣпленъ ремешекъ съ петлею, и заключенный при выходѣ изъ келіи надѣваетъ этотъ номеръ на пуговицу своей куртки, а на голову колпакъ съ отверстиями для глазъ. На дверяхъ виситъ номеръ, обозначающій, въ какомъ классѣ по своимъ знаніямъ находится заключенный. Кромѣ того если арестованный осужденъ на продолжительный срокъ, можетъ быть на всю жизнь, и замѣченъ какъ способный къ буйству, то надъ дверью такого индивидуума привѣшивается маленькая черная дощечка—знакъ, что въ эту келью надзиратель входитъ одинъ не можетъ, а обязанъ призвать къ себѣ на помощь другаго еще надзирателя. На самой же двери имѣются двѣ дощечки: одна съ надписью какой національности, чтобы знать на какомъ языкѣ говорить съ нимъ, по-французски или по-фламандски, а другая гласитъ, за какого рода преступленіе осужденъ; обозначеніе это односложно: убійство, грабежъ, кража и пр.

Надзиратели въ корридорахъ не разговариваютъ между собою вслухъ, а въ случаѣ надобности передаютъ приказанія условными знаками. Чистота и порядокъ въ тюрьмѣ вполне безукоризненные.

Въ Лондонѣ въ старой тюрьмѣ Мильбанкъ содержатся закоренѣлые преступники, и обращаются съ ними весьма сурово. Стражники, одинъ сильнѣе другаго, атлеты, которые смѣло входятъ въ одиночныя камеры, и я думаю, что скорѣе заключенный испытываетъ чувство страха при появленіи къ нему стражника. На первое время заключенія каждый преступникъ обязанъ въ своей камерѣ работать каждый день: усиленнымъ образомъ—вертѣть колесо; въ продолженіи дня онъ долженъ сдѣлать заданное ему число оборотовъ и если-бы оказалось, что

заключенный не исполнилъ заданной ему работы, то его безотговорочно подвергают тѣлесному наказанію. Кажется, что въ Мильбанкѣ имѣются и работы производительнаго характера, исполняемыя заключенными; по крайней мѣрѣ я видѣлъ, что ихъ выводили на дворъ и устанавливали въ шеренги. Объ исправленіи нравственности заключенныхъ въ Мильбанкѣ и не думаютъ. Ящикъ для жалобъ заключенныхъ—это дѣло здѣсь немислимое: это тюрьма чисто-карательнаго характера *). Совсѣмъ другое впечатлѣніе производятъ тюрьмы Clerkenwell-House of Correction и Пентонвилъ; послѣдняя изъ нихъ довольно новая постройка со всевозможными новѣйшими приспособленіями для поддержанія въ тюрьмѣ безукоризненной чистоты и опрятности и возможнаго облегченія службы администраціи. Третій видъ тюремъ въ Англіи я видѣлъ въ Чатамѣ и Портсмутѣ. Помню, какъ я пораженъ былъ грязью въ громадной тюрьмѣ въ Портсмутѣ; кельи заключенныхъ раздѣлены одна отъ другой перегородками изъ желобчатаго желѣза; всѣ двери настежь, въ тюрьмѣ ни души. Гдѣ же заключенные? спрашиваю я.—«Всѣ на работахъ», отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ. Оказывается, что всѣ арестанты сданы подрядчику, который взялъ на себя подрядъ (отрывку земли подъ доки въ адмиралтействѣ) и этотъ же подрядчикъ обязался кормить арестантовъ, которые приходятъ въ тюрьму только для ночлега. На работахъ отрывка земли доведена до слоя мокрой глины, и вотъ потому-то всѣ полы тюрьмы такъ загрязнены, пояснилъ мой спутникъ.

Въ Брюсселѣ я имѣлъ случай познакомиться съ главнымъ инспекторомъ тюремъ въ Бельгіи г. Стевенсомъ (J. Stevens), который, разговаривая со мною о различнаго рода тюремномъ заключеніи, спросилъ меня, почему въ Россіи, гдѣ производится столько колоссальныхъ общественныхъ работъ, не употребляютъ арестантовъ на устройство, на примѣръ, полотна желѣзныхъ дорогъ. «Это есть самый экономическій способъ содержанія арестантовъ», добавилъ г. Стевенсъ; «еще не такъ давно я имѣлъ случай говорить по этому вопросу съ вашею великою княгинею Еленою Павловною». Мнѣ и самому не разъ казалось, что арестанты въ Россіи обходятся правительству дорого и если они что нибудь и зарабатываютъ на улучшеніе своего содержанія, то это очень ничтожный заработокъ. Впрочемъ я не могу вдаваться въ разсужденіе по поводу вопроса мнѣ совершенно невѣдомаго. Я поѣхалъ осматривать заграничныя тюрьмы только для того, чтобы уяснить себѣ частности внутренняго устройства тюремъ. По мѣрѣ ознакомленія съ ними, о

*) Въ эту тюрьму попадаютъ и несовершеннолѣтніе, и приспавно ихъ сѣкутъ за малѣйшее уклоненіе отъ принятаго въ тюрьмѣ порядка.

всемъ, заслуживающемъ вниманія, я немедленно сообщалъ въ Варшавскій временной тюремный комитетъ для примѣненія въ строившейся въ Варшавѣ военной тюрьмѣ.

Впрочемъ тюрьмы, которыя я видѣлъ въ Германіи, Бельгіи и Англіи, все это тюрьмы большія по числу заключенныхъ, а тюрьмы новѣйшей постройки къ тому же крайне дорогія. Мнѣ хотѣлось видѣть что нибудь болѣе подходящее по размѣрамъ къ нашимъ военнымъ тюрьмамъ на 200 человекъ заключенныхъ и что нибудь болѣе скромное въ денежномъ отношеніи. Меня возмущала мысль, что въ Петербургѣ сочиняли проекты, по которымъ тюрьма на 200 заключенныхъ должна обойтись въ 600 т. рублей, т. е. 3 т. рублей на келію. Правда, что если бы вздумали строить военныя тюрьмы не по одной въ каждомъ военномъ округѣ, а на три округа одну тюрьму на 600 заключенныхъ, то таковая тюрьма обошлась бы значительно дешевле. Въ Швейцаріи тюрьмы построены по одной на отдѣльный кантонъ, по одной на два и на три кантона, величиною на 120, 150, 200 и 250 заключенныхъ, въ зависимости отъ численности населенія кантоновъ. Всѣ тюрьмы въ Швейцаріи для одиночнаго заключенія съ работою какъ въ келіяхъ, такъ и въ общихъ мастерскихъ. Осужденные къ заключенію въ тюрьмѣ подвергаются сначала строгому одиночному заключенію и занимаются работою каждый въ своей келіи; впослѣдствіи же, по истеченіи извѣстной части полного срока заключенія, если наказуемый постоянно отличался полнымъ прилежаніемъ къ работѣ и хорошимъ поведеніемъ, дѣлають ему нѣкоторыя облегченія, занимая его работою внѣ его келіи или допуская его работать совмѣстно съ другимъ заключеннымъ, при полномъ молчаніи и во всякомъ случаѣ подъ наблюденіемъ одного изъ надзирателей.

Въ 1864 году открыты вновь построенныя тюрьмы въ Базелѣ на 170 и въ Ленцбургѣ на 220 человекъ заключенныхъ; первая изъ нихъ обошлась безъ покупки земли въ 557650 франковъ, а вторая, включая и расходы на покупку $3\frac{1}{8}$ десятины земли и всю внутреннюю меблировку, 1050000 франк. Въ числѣ чиновъ администраціи въ Ленцбургской тюрьмѣ состоятъ 2 священника (одинъ католическій и одинъ протестантскій) и 11 учителей для различныхъ мастерствъ.

Знакомство съ тюрьмами въ Швейцаріи мнѣ доставило большое удовольствіе, во 1-хъ какъ отвѣтъ на вопросъ не дававшій мнѣ покоя — какія тюрьмы мы должны устраивать. Для меня теперь стало очевиднымъ, что лучшимъ рѣшеніемъ вопроса было бы придержаться въ главныхъ чертахъ къ типу Швейцарскихъ тюремъ съ тѣми конечно видоизмѣненіями, которыя вызываются особыми задачами военныхъ тюремъ, предназначаемыхъ замѣнить собою тѣлесное наказаніе и въ тоже время

служить наказаніемъ строгимъ, при которомъ возможно было-бы ограничиваться болѣе краткими сроками заключенія, дабы одна и таже тюрьма могла служить для отбыванія въ ней заключенія бѣльшаго числа нижнихъ чиновъ. Въ этихъ видахъ въ военныхъ тюрьмахъ, по мнѣнію Главнаго Тюремнаго Комитета, работа въ отдѣльныхъ кельяхъ допускалась только какъ ослабленіе строгости одиночнаго заключенія; работа же совмѣстная двухъ и болѣе заключенныхъ совсѣмъ не допускалась. Швейцарскія тюрьмы мнѣ нравились и по тому гуманному и просвѣщенному участию общества, которое оно принимало въ обсужденіи выбора типа тюремъ наиболѣе отвѣчающаго потребностямъ Швейцарскаго народа.

По рекомендаціи м-г Vaucher-Cremieux я познакомился въ Лозаннѣ съ м-ме Beck-Bernard, весьма умной и энергичной особой, которая, по всему видно, принимала живое участіе въ тюремномъ вопросѣ для Швейцаріи. Она много хвалила, какъ ревностнаго дѣятеля по этому же вопросу, м-г Guillaume, директора Невшательской тюрьмы и когда я сказалъ ей, что тюрьму эту я уже осматривалъ, но не имѣлъ случая познакомиться съ ея директоромъ, м-ме Beck-Bernard горячо совѣтовала съѣздить еще разъ въ Невшатель и познакомиться съ г. Гильомомъ, который прежде былъ докторомъ и какъ врачъ пользовался хорошею репутаціею; но вотъ наступила пора рѣшенія тюремнаго вопроса для Швейцаріи, и г. Гильомъ съ убѣжденіемъ предается этому дѣлу и въ такой мѣрѣ, что оставляетъ совсѣмъ прежнюю свою спеціальность.

— Познакомьтесь, непременно познакомьтесь съ г. Гильомомъ и навѣрное не будете раскаиваться, говорила м-ме Beck-Bernard, разставаясь со мною. Черезъ нѣсколько дней я былъ опять въ Невшатель, познакомился съ г. Гильомомъ и еще разъ прошелъ по тюрьмѣ. Въ ней 120 келій, стоимость ея 1160000 франк. Когда мы взошли въ церковь, то г. Гильомъ сказалъ:—Вотъ вчера (въ Воскресеніе) здѣсь былъ сначала католическій, а послѣ него протестантскій священники; каждый кромѣ молитвы говоритъ отъ себя какое нибудь нравоученіе.—А вы присутствуете при этомъ? спросилъ я.—Какъ же, отвѣчалъ мой собесѣдникъ, вчера и я взошелъ послѣ нихъ на кафедру и также произнесъ свое слово.—О чемъ же вы говорили?—Между моими заключенными слышится иногда вотъ такой взглядъ: мы выброшенные съ дѣтства на улицу, не знали никогда ни ласки родителей, ни добраго слова отъ постороннихъ, и затѣмъ насъ же осуждаютъ, когда никто и никогда ничему насъ не училъ. Поэтому во вчерашней своей рѣчи я старался объяснить, что общество дѣлаетъ для призрѣнія бѣдныхъ, для народнаго образованія и для исправленія пороковъ; подъ конецъ моей рѣчи, я

явственно слышалъ сказанное нѣкоторыми изъ слушателей: мы не заслуживаемъ такой заботливости!

Потолокъ модельной залы испещренъ именами всѣхъ главныхъ дѣятелей въ Европѣ и Америкѣ по тюремному вопросу; между ними я нашель фамилію и нашего соотечественника Сологуба.

—А почему вы знаете г. Сологуба? спросилъ я г. Гильома.—Я слышалъ его рѣчь на международномъ тюремномъ конгрессѣ въ Лондонѣ, и мнѣ нравится его взглядъ на предметъ, отвѣчалъ директоръ.

Въ воротахъ же тюрьмы, на стѣнахъ нарисованы, въ перспективномъ видѣ, всѣ главныя тюрьмы въ Европѣ; это тоже для того, чтобы показать заключеннымъ, сколько денегъ тратится на содержаніе ихъ и на приученіе заключенныхъ къ труду.

*

Весьма интересная служебная дѣятельность начинается снова у меня въ 1878 г., когда, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, всѣ западныя державы прилагають всѣ усилія, чтобы ослабить для Россіи результаты ея кровопролитной войны съ Турціею.

Командующій войсками Варшавскаго военнаго округа поручилъ мнѣ отправиться въ крѣп. Ивангородъ и стать во главѣ комиссіи, которой поручено было сначала заняться только составленіемъ соображенія о приведеніи крѣпости въ готовность къ оборонѣ, на случай войны съ Австріею; но при этомъ было конфиденціально внушено мнѣ, что, въ случаѣ возможности этой войны, я буду назначенъ комендантомъ крѣпости Ивангородъ.

Работа порученная мнѣ по составленію соображенія о мобилизаціи крѣпости было дѣло вполнѣ новое: до того времени никогда и никто не думалъ, въ чемъ именно должны состоять работы по мобилизаціи крѣпости, т. е. по переходу ея съ мирнаго положенія на военное, а затѣмъ и на осадное положеніе.

Въ главномъ штабѣ, послѣ войны 1866 г. Пруссіи съ Австріею, когда мы увидѣли на дѣлѣ скорую мобилизацію Прусскихъ войскъ, начались работы по введенію и у насъ мобилизаціи арміи на подобіе Прусской системы; но при этомъ не поднялось ни одного голоса, а что же должны дѣлать крѣпости въ виду такой скорой мобилизаціи арміи и быстрого сосредоточенія войскъ къ театру войны? О крѣпостяхъ никто тогда не думалъ; онѣ остались въ сторонѣ, какъ забытые углы.

Впослѣдствіи мнѣ говорили, что стоявшій все время до призыва подъ Плевну во главѣ инженернаго корпуса ген.-адъют. Тотлебенъ что-то мечталъ о мобилизаціи крѣпостей и созывалъ для этого цѣлую комиссію, которая работала подъ его предѣдательствомъ; но Тотлебенъ за-

нимался по преимуществу отвлеченнымъ, теоретическимъ опредѣленіемъ величины гарнизоновъ для крѣпостей, нисколько не спрашивая главный штабъ, сколько въ дѣйствительности можетъ быть отдѣлено войскъ для гарнизоновъ крѣпостей въ случаѣ той или другой войны; словомъ, Тотлебенъ фантазировалъ что-то на тему о мобилизаціи крѣпостей, и изъ этого ничего не получилось для дѣла реальнаго.

Главные управленія наши, инженерное и артиллерійское, до такой степени были въ то время далеки отъ понятія о мобилизаціи крѣпости, что, нѣкоторое время спустя, инженеръ-генералъ К. Я. Звѣревъ рассказывалъ мнѣ, что положеніе доходило до истиннаго комизма. Военный министръ Д. А. Милютинъ сообщилъ офиціально названнымъ управленіямъ, что намъ, т. е. Россіи, предстоитъ вступить въ войну съ ближайшими западными сосѣдними государствами, и его величество Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ немедленно приступить къ мобилизаціи нашихъ крѣпостей, на каковое дѣло разрѣшено отпустить первоначально 4 милліона рублей. Главныя управленія, инженерное и артиллерійское, которыя ежегодно только и стремятся къ тому, чтобы побольше урвать изъ общаго военнаго бюджета, на этотъ разъ вдругъ становятся, подобно застѣнчивымъ молодымъ дѣвушкамъ, стыдливыми и никакъ не могутъ дать положительнаго отвѣта министру, которому управленію и сколько именно нужно денегъ для приступа къ подготовленію крѣпостей перейти съ положенія мирнаго на военное, такъ какъ ни одно изъ этихъ управленій не имѣло ни малѣйшаго точнаго представленія о томъ, что же именно нужно было для такого превращенія крѣпости дѣлать. Обратились въ главный штабъ къ генералу Величко, который наиболѣе работалъ надъ составленіемъ правилъ мобилизаціи для арміи, но и тотъ не могъ ничего сказать о мобилизаціи крѣпостей. Тогда главное артиллерійское управленіе запросило начальника артиллеріи Варшавскаго округа, не имѣется-ли въ крѣпостяхъ между командирами крѣпостныхъ артиллерій человека опытнаго и знающаго дѣло крѣпостное. Въ отвѣтъ на это былъ указанъ командиръ Брестъ-Литовской крѣпостной артиллеріи полковникъ Товстолѣсъ, который и былъ вслѣдъ затѣмъ командированъ въ Петербургъ.

Явившись въ главное артиллерійское управленіе, онъ получилъ приказаніе явиться въ главный штабъ къ генералу Величко.

«Вотъ васъ-то мнѣ и нужно!» сказалъ генералъ Товстолѣсу. «Я понимаю, что мобилизаціи крѣпости не есть мобилизаціи какой-нибудь строевой части войскъ, и потому вотъ на бланкахъ для мобилизаціи крѣпости прибавилъ особую графу—числа поѣздовъ для подвоза въ крѣпость разнаго рода военныхъ тяжестей и продовольственныхъ запа-

совѣ. Не можете ли вы сдѣлать указанія на размѣръ нуждъ того или другого рода предметовъ для Брестъ-Литовской крѣпости?»

Крайне удивленъ былъ почтенный старикъ Товстолѣсъ подобнымъ вопросомъ и долго оставался ничего не отвѣчая; но разговоръ поне-многу завязался, и Товстолѣсъ успѣлъ наконецъ разъяснить генералу Величко, что мобилизація крѣпости предметъ чрезвычайно сложный, заключающій въ себѣ работы по инженерной и артиллерійской частямъ, мобилизацію гарнизона крѣпости и обезпеченіе его какъ по госпитальной части, такъ и по продовольственной; объяснилъ также, что въ крѣпостяхъ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какою окончательно артиллерією онѣ будутъ вооружены, какіе гарнизоны будутъ для нихъ опредѣлены, и потому, не зная какую степень силы предназначается проявить такой или другой крѣпости, онъ ничего не можетъ сказать о ихъ нуждахъ для перехода съ мирнаго положенія на военное.

Вотъ только тогда наши главныя управления Военнаго Министерства поняли, что крѣпости наши суть ничто иное, какъ забытые углы.

Въ утѣшеніе имъ генер.-адъют. Коцебу сообщилъ о сдѣланномъ имъ распоряженіи составить планъ мобилизаціи крѣпости Ивангородъ и что, смотря по ходу политическихъ дѣлъ нашихъ, онъ намѣренъ приводить этотъ планъ въ исполненіе.

Трудно было намъ приняться за это дѣло въ Ивангородѣ. Первая остановка наша въ работѣ былъ вопросъ о величинѣ гарнизона крѣпости. Коцебу отвѣтилъ совершенно категорически, что, въ случаѣ войны, для обороны Ивангорода онъ назначить такія-то войска и что полная ихъ мобилизація будетъ окончена на такой-то день.

Заручившись точною цифрою пѣхотнаго гарнизона, мы горячо принялись за дѣло и дурно ли, хорошо ли, но составили этотъ первый планъ мобилизаціи крѣпости въ теченіе двухъ съ небольшимъ мѣсяцевъ.

Работа эта раскрыла мнѣ глаза на многое, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя я написалъ статью, въ которой, стараясь скрыть современные недостатки нашихъ крѣпостей, стремился объяснить, что для перехода какой бы-то ни было крѣпости съ мирнаго положенія на военное представляется необходимость произвести столько работъ и передвиженій, какъ войсковаго, такъ и артиллерійскаго имущества съ одного конца крѣпости на другой, что для ея гарнизона совершенно немыслимо своимъ силами приготовить крѣпость къ военному положенію въ короткій срокъ, напримѣръ, въ такой промежутокъ времени, который необходимъ для мобилизаціи и сосредоточенія на театрѣ войны арміи. Я доказывалъ, что многія крѣпости даже неспособны быть приготовлены къ бою, по недостатку въ нихъ порохохранилицъ; по крайней мѣрѣ такія крѣпости не способны проявить той степени сопротивленія, какая

ождается отъ нихъ, въ силу ихъ стратегическаго значенія на театрѣ военныхъ операцій.

Затѣмъ постепенно и методически я указалъ въ своей статьѣ, какъ должна въ мирное время крѣпость отстраиваться, чтобы въ минуту необходимости она могла въ періодъ мобилизаціи арміи перейти съ мирнаго положенія на военное, и для того старался перечислить всѣ мѣры, которыя должны принадлежать дѣятельности мирнаго времени, дабы какъ можно менѣе откладывать ко времени военному. По моему мнѣнію все, что только можно сдѣлать въ мирное время непремѣнно должно быть сдѣлано такъ, чтобы съ объявленіемъ крѣпости на военномъ положеніи пришлось бы дѣлать только то, чего нельзя было исполнить въ мирное время, напримѣръ, разрушеніе строеній и уничтоженіе садовъ частныхъ лицъ, препятствующихъ успѣшной оборонѣ мѣстности впереди укрѣпленій.

Кромѣ того я доказывалъ въ своей статьѣ необходимость обученія войскъ, предназначенныхъ быть гарнизонами въ крѣпостяхъ особенностямъ крѣпостной войны и рекомендовалъ для того совѣтъ не введенный у насъ крѣпостную игру на планахъ и картахъ и крѣпостные маневры.

Много мнѣ приходилось на своемъ вѣку писать статей и докладныхъ записокъ; но думается, что ни одна изъ нихъ не имѣла столь благотворныхъ послѣдствій для моей дальнѣйшей службы, какъ эта статья. Ее, конечно, не пустили въ печать; но новый товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части генер.-адъют. фонъ-Кауфманъ (Михаилъ Петровичъ), заступившій генер. Тотлебена (который былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, занимавшими послѣ Санъ-Стефанскаго договора Болгарію) обратилъ на мою статью серьезное вниманіе. По его представленію въ 1880 году было назначено произвести крѣпостной маневръ въ крѣпости Ивангородѣ, и начальникомъ обороны или скорѣе руководителемъ обороны былъ назначенъ я. Дѣло это было задумано въ большихъ размѣрахъ. Положено произвести маневръ безъ участія войскъ, но назначены были какъ главные, такъ и частные начальники войскъ гарнизона крѣпости и осаднаго корпуса въ числѣ до 96 человекъ, причемъ было много полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, чиновъ интендантскаго и медицинскаго вѣдомствъ.

Ко времени маневра крѣпость измѣнилась со времени составленія мною плана ея мобилизаціи постройкою вокругъ главной ограды самостоятельныхъ фортовъ. Поэтому приходилось составлять новый планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ.

Въ 1881 году такой же крѣпостной маневръ произведенъ былъ и въ крѣп. Новогеоргіевскѣ, и мнѣ снова досталось быть руководителемъ обороны, т. е. принять на себя роль коменданта крѣпости, которому приходится защищать ее.

За два или за три мѣсяца до маневра я былъ командированъ въ Новогеоргіевскѣ, какъ предсѣдатель комиссіи, которой поручено было составить подробный планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, что и было исполнено довольно обстоятельно, тогда какъ подобный же планъ для Ивангорода, составленный подъ руководствомъ начальника Ивангородскаго инженернаго управленія, подвергся въ главномъ инженерномъ управленіи замѣчаніямъ, и необходимо было переработать его совершенно заново, для чего въ Февралѣ мѣсяцѣ 1882 г. я былъ командированъ въ Ивангородъ также въ качествѣ предсѣдателя особой комиссіи, на которую возложено было составить совершенно вновь планъ приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, а въ Іюлѣ мѣсяцѣ того же года я командированъ былъ въ Петербургъ для представленія военному министру этого плана и для личныхъ разъясненій по поводу записки, приложенной мною къ означенному плану.

Военнымъ министромъ въ то время былъ уже генер.-адъют. Ванновскій, которому я былъ совершенно незнакомъ. Надо здѣсь сказать, что съ годъ тому назадъ я получилъ изъ главнаго штаба запросъ, не согласенъ ли я быть назначеннымъ комендантомъ въ крѣп. Александрополь, каковой запросъ я представилъ, черезъ начальника штаба генералъ-лейтенанта Звѣрева, командующему войсками Варшавскаго округа г.-ад. Альбединскому, и послѣдній былъ столь внимателенъ ко мнѣ, что самъ написалъ министру, что считаетъ меня достойнымъ получить лучшее назначеніе чѣмъ въ Александрополь. Затѣмъ, не задолго до командированія меня въ Петербургъ, я получилъ второй запросъ, не желаю ли я быть комендангомъ въ Бобруйскѣ. Генералъ-адъютантъ Альбединскій снова отвѣчалъ министру, что я съ пользою для службы могу занять мѣсто коменданта въ одной изъ крѣпостей первой линіи обороны, напримѣръ, въ Варшавскомъ округѣ, и вслѣдъ за таковымъ отвѣтомъ я поѣхалъ въ Петербургъ.

Военный министръ принялъ меня благосклонно и сказалъ, что на счетъ мѣста въ Бобруйскѣ я былъ спрошенъ въ виду его желанія предоставить мнѣ штатное мѣсто съ тѣмъ, чтобы я не оставался долге висящимъ на воздухѣ, между небомъ и землею. Я поблагодарилъ министра и доложилъ ему о цѣли моего пріѣзда. Для разсмотрѣнія составленнаго подъ моимъ руководствомъ плана приведенія крѣп. Ивангорода въ готовность къ оборонѣ министръ назначилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ многочисленную комиссію, въ которой приняли участіе на-

чальникъ главнаго штаба, товарищи генераль-фельдцейгмейстера и генераль-инспектора по инженерной части, инспекторъ крѣпостной артиллеріи, главный интендантъ и другіе; въ этой же комиссіи были и генераль-маіоръ Нагловскій, пріѣхавшій въ то время въ Петербургъ изъ Одессы.

Докладъ мой о составленіи плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ, изъ какихъ частей онъ состоитъ и въ чемъ заключается содержаніе каждаго отдѣла, наконецъ главнѣйшія данныя, положенныя въ основаніе плану, какъ численность гарнизона и размѣръ артиллерійскаго вооруженія, все это я изложилъ систематически, послѣдовательно. Затѣмъ начались разспросы, по какому способу исчисленъ гарнизонъ: какъ велика продолжительность мобилизаціоннаго періода для Ивангорода, сколько опредѣлено времени для обученія чиновъ призыва и пр.

Въ концѣ доклада я прочиталъ свою особую къ плану записку, въ которой изложилъ чтò наиболѣе необходимо сдѣлать для крѣпости въ мирное время, дабы она могла проявить во время обороны желаемую степень силы сопротивленія.

Докладъ мой очевидно удовлетворилъ министра и, какъ я узналъ впоследствии, онъ тогда же сказалъ генералу Звѣреву, что первая вакансія на мѣсто коменданта въ большой крѣпости по всей справедливости должна быть предоставлена мнѣ.

30 Августа 1882 г. я произведенъ былъ въ генераль-лейтенанты. Военный министръ сказалъ по этому поводу мнѣ: «Поздравляю васъ; для васъ сдѣлано исключеніе; въ подобномъ же производствѣ генераловъ, не занимающихъ штатныхъ мѣстъ, отказано двумъ командующимъ войсками, но вы оказали особыя услуги и если считаете настоящее производство наградою для васъ недостаточною, то ищите удовлетворенія въ сознаніи, что вы сдѣлали дѣйствительно полезное дѣло, пріискавъ путь къ составленію плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ».

Раскланиваясь съ министромъ, я чувствовалъ, что слезы подступаютъ къ глазамъ: до такой степени мнѣ пріятно было признаніе вслухъ пользы моихъ трудовъ. Въ моей жизни я почти не встрѣчалъ подобнаго примѣра.

Послѣ Ивангорода и Новогеоргіевска было предположено исполнить въ 1883 году крѣпостной маневръ въ Брестъ-Литовскѣ, съ назначеніемъ меня начальникомъ обороны, и потому въ первыхъ числахъ Января мѣсяца 1883 года я командированъ былъ въ Брестъ, какъ председатель комиссіи, на которую возложено было составить планъ приведенія этой крѣпости въ готовность къ оборонѣ. Въ два или три мѣсяца эта работа была исполнена.

Ознакомившись въ крѣпостяхъ ближе съ инженерными офицерами Варшавскаго округа и съ порядкомъ составленія ими проектовъ по усиленію крѣпости новыми фортификаціонными сооруженіями, я пришелъ къ заключенію, что военные инженеры почти совсѣмъ не знаютъ военнаго дѣла. Всецѣло поглощенные трудами мирнаго времени, составленіе проектовъ и смѣты на возведеніе новыхъ построекъ или капитальное исправленіе старыхъ, наблюденіе за всѣми работами и на составленіе отчетовъ по работамъ исполненнымъ, военные инженеры въ крѣпостяхъ ничѣмъ другимъ не занимаются; они не читаютъ ничего, что появляется въ военной литературѣ по оборонѣ и атакѣ укрѣпленныхъ позицій; мнѣ случалось видѣть въ инженерный библиотекѣ неразрѣзанными даже такія статьи Военнаго Сборника какъ «Ловча, Плевна, Шейново» Куропаткина. Журналъ не разрѣзанъ, значитъ никто изъ инженерныхъ офицеровъ большой крѣпости не поинтересовался статьею прямо относящеюся къ специальности военнаго инженера. На службѣ имъ не приходится заниматься составленіемъ проектовъ тѣхъ укрѣпленій и тѣхъ батарей, какія придется возводить осадному корпусу или гарнизону обороняющему крѣпость, тогда какъ саперные офицеры занимаются этимъ дѣломъ постоянно: они не только что составляютъ ежегодно проекты различныхъ осадныхъ батарей, блиндажныхъ помѣщеній для войскъ и для пороховыхъ погребковъ, но ежегодно строятъ эти батареи и блиндажи и всегда участвуютъ въ маневрахъ, во время которыхъ нерѣдко подвергаются испытанію посредствомъ боевой артиллерійской стрѣльбы цѣлесообразность возведенныхъ саперами построекъ. Словомъ, при осадѣ и оборонѣ крѣпостей инженерный элементъ, казалось бы долженъ быть представляемъ саперами какъ дѣйствительными специалистами этого дѣла, которые слѣдятъ за всѣми успѣхами сапернаго дѣла и часто сами предлагаютъ нововведенія полезныя и практически примѣнимыя. Военные же инженеры сапернаго дѣла совсѣмъ не знаютъ, а оно только и примѣнимо при осадѣ и оборонѣ крѣпостей.

Военные инженеры, странно сказать, не умѣютъ составлять проектовъ даже и по долговременной фортификаціи, т. е. проектовъ фортовъ, укрѣпленій и батарей, которые приходится строить въ мирное время для усиленія какой-нибудь старой крѣпости или для устройства новой крѣпости.

Я имѣлъ случай близко наблюдать, что дѣлалось съ 1863 и по 1885 годъ въ крѣпостяхъ Варшавскаго военнаго округа, въ Новогеоргиевскѣ, Ивангородѣ, Варшавѣ и Брестѣ-Литовскѣ, и могу утвердительно сказать, что въ этихъ крѣпостяхъ военные инженеры *чертили* форты и укрѣпленія, но *не составляли проектовъ* для этихъ построекъ. Они и не могли составлять проектовъ, такъ какъ не вѣдали ни одного

изъ данныхъ, которыя должны служить основаніемъ къ настоящему составленію проекта. Чтобы сознательно проектировать какую-либо фортификаціонную постройку, фортъ или укрѣпленіе, необходимо уяснить себя роль этого сооруженія въ ряду прочихъ, сопряженныхъ съ нимъ частей крѣпости, уяснить себя вообще для какой части крѣпости предназначается сооруженіе: для фронта-ли наиболѣе вѣроятнаго подвергнуться атакѣ, или для части крѣпости, противъ которой осадныя дѣйствія совсѣмъ невѣроятны. Не занимаясь нисколько подобными соображеніями, инженеры принимаются обыкновенно чертить люнетъ или самостоятельное отдѣльное укрѣпленіе, имѣя въ рукахъ одну только данную величину—число орудій, предназначаемое для этого укрѣпленія. и затѣмъ, не заботясь какого-же это рода орудія будутъ, сколько потребуется для нихъ артиллерійской прислуги, какой величины пѣхотный гарнизонъ будетъ въ укрѣпленіи, какой вмѣстимости должны быть пороховые расходные погреба и пр. и пр., военные инженеры чертятъ обыкновенно кому что Богъ на душу положитъ. Поэтому-то, когда приходится подумать что надо сдѣлать, чтобы перевести устроенную подобнымъ образомъ крѣпость съ мирнаго положенія на военное, то дѣйствительно есть отъ чего прійти въ ужасъ. Оказывается, что въ крѣпости не имѣется порохо-хранилищъ болѣе чѣмъ на половину того количества пороха, которое должно быть въ ней сосредоточено, а въ тоже время на пороховыхъ заводахъ не знаютъ куда дѣваться съ выдѣланнымъ порохомъ, такъ какъ крѣпости отказываются принимать порохъ.

Гарнизонъ крѣпости не имѣетъ самаго необходимаго количества жилыхъ помѣщеній безопасныхъ отъ бомбъ, такъ какъ сводчатыя казармы на фортахъ построены безъ малѣйшаго соображенія съ дѣйствительною во время войны потребностью въ нихъ. О размѣщеніи ближайшихъ резервовъ, перевязочныхъ пунктовъ и о многихъ другихъ необходимыхъ помѣщеніяхъ и помину нѣтъ въ проектахъ инженерныхъ офицеровъ.

Наши инженеры, затыгиваясь въ строительное дѣло, совсѣмъ бросаютъ военныя науки, не знаютъ ни современнаго ружья, ни дальности и силы его боя; не знаютъ современной нашей крѣпостной артиллеріи и въ крѣпостяхъ на западномъ театрѣ войны не знаютъ ни организаціи, ни силы Германскихъ осадныхъ парковъ. Построенные въ крѣпостяхъ Новогеоргіевскѣ, Варшавѣ, Ивангородѣ и Брестѣ форты лучше всего это доказываютъ.

Мѣста для крѣпостей избираются по общимъ стратегическимъ, а иногда и политическимъ соображеніямъ (это не есть дѣло инженеровъ), но за тѣмъ составленіе проекта крѣпости сообразно съ ея значеніемъ и выполненіе его есть дѣло инженерное. При современномъ видѣ крѣ-

постей, когда форты занимают кругомъ ядра крѣпости линію длиною въ 30, 40 и 50 верстѣ, нельзя располагать форты симметрически, на одинаковыхъ разстояніяхъ одинъ отъ другого; приходится по необходимости считаться съ мѣстностью и оцѣнивать ее въ тактическомъ отношеніи; вотъ тутъ наши инженеры грѣшатъ зачастую, игнорируя таковой факторъ. Мѣсто, на которомъ приходится искать пунктъ для расположенія форта, покрыто сплошь лѣсомъ; ни малѣйше не затрудняясь подобнымъ обстоятельствомъ, наши инженеры строятъ фортъ на пунктѣ, который по плану кажется имъ наиболее подходящимъ, а затѣмъ уже, когда фортъ построенъ, приступаютъ къ вырубкѣ лѣса, и немудрено, если при такомъ порядкѣ веденія дѣла встрѣчаются сюрпризы въ родѣ того, что съ форта не видать впереди лежащей мѣстности. Тогда рѣшаютъ гласировать мѣстность и подводить ее подъ выстрѣлы съ форта, а такія работы обходятся въ сотни тысячъ рублей.

Не рациональнѣе-ли было сначала вырубить лѣсъ и затѣмъ опредѣлить мѣсто, на которомъ слѣдуетъ построить фортъ? Тогда не только мы меньше тратили-бы на постройку крѣпостей, но, главное, каждый фортъ занималъ бы позицію болѣе выгодную въ тактическомъ отношеніи, и мы оставляли бы противнику или осаждающему менѣе выгодъ этого рода. А то теперь въ нашихъ крѣпостяхъ можно наблюдать и такого рода обстоятельства, что впереди фортовъ вся мѣстность представляетъ одни только, и притомъ значительныя, тактическія выгоды въ пользу противника, слѣдовательно все во вредъ оборонѣ, т. е. намъ, и инженерное искусство молчитъ, какъ бы не замѣчаетъ этого или не считаетъ себя въ силахъ пріискать надлежащаго рѣшенія задачи.

Февраль и Мартъ мѣсяцы 1883 года я провелъ въ крѣпости Брестъ-Литовскѣ для составленія плана приведенія крѣпости въ готовность къ оборонѣ. Не успѣлъ я окончить еще этой работы, какъ мнѣ поручено было заняться выработкою руководства въ видѣ наставленія или инструкціи для производства крѣпостного манѣвра; по этому поводу мною составлена была записка: «О боевой подготовкѣ пѣхотнаго гарнизона крѣпости въ мирное время».

Въ началѣ Мая 1883 г. я поѣхалъ въ деревню, но оставался тамъ недолго. Когда совершилось въ Москвѣ торжественное коронованіе Императора Александра III, я поѣхалъ въ Харьковъ. На станціи въ Орлѣ я нашелъ уже газеты, изъ которыхъ узналъ, что коменданты въ Варшавѣ и въ Ивангородѣ, генералы Ульрихъ и Шернваль, произведены въ полные генералы и уволены отъ своихъ должностей. «Вотъ и вакансія для меня!» подумалъ я. Въ Харьковѣ была при мнѣ получена депеша о смерти командующаго войсками Варшавскаго округа, генерала Аль-

бедническаго. «Пора по домамъ!» подумалъ я и вскорѣ отправился въ Варшаву.

Въ Варшавѣ я узналъ, что въ Новогоріевскѣ умеръ комендантъ крѣпости Жуковскій.

Явившись къ временно-командующему войсками генералу Криденеру, я узналъ, что я представленъ уже на мѣсто ген. Жуковскаго, и въ то же время онъ поручилъ мнѣ отправиться немедленно въ крѣп. Новогоріевскъ для исполненія тамъ обязанностей коменданта. Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца я поѣхалъ въ Новогоріевскъ, и только 14 Юля 1883 г. состоялся высочайшій приказъ о назначеніи меня Новогоріевскимъ комендантомъ.

Г Л А В А IX.

Назначеніе меня комендантомъ Новогоріевска.—Служба при генералѣ Гурко.—Посѣщеніе крѣпости императоромъ Александромъ III.—Крѣпостные маневры.—Назначеніе въ Военный Совѣтъ.

Назначеніе меня Новогоріевскимъ комендантомъ состоялось вслѣдъ за назначеніемъ генераль-адъютанта Юсифа Владимировича Гурко Варшавскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа. Ему тогда было всего 55 лѣтъ, человекъ полный силъ и энергіи, съ репутаціею начальника требовательнаго и строгаго. Едва прошло 3—4 мѣсяца со вступленія моего въ должность коменданта, какъ я былъ увѣдомленъ, что командующій войсками намѣренъ прибыть въ Новогоріевскъ такого-то числа и для осмотра этой первоклассной крѣпости провести въ ней три дня.

Крѣпость Новогоріевскъ въ то время была не только въ Россіи, но и во всей Европѣ наиболѣе сильною и наиболѣе грозною крѣпостью. Не связанная съ городскимъ населеніемъ, внутри себя, крѣпость не заключала въ своихъ твердыняхъ ничего кромѣ войскъ. Находясь на сліяніи Буго-Нарева съ Вислою, она имѣла важное стратегическое значеніе на нашемъ западномъ театрѣ войны.

Генераль-губернаторъ и командующій войсками, обремененный массою дѣла, а въ особенности на первыхъ порахъ управленія новымъ для него краемъ, назначаетъ для одной крѣпости цѣлыхъ три дня! Нетрудно было понять цѣль новаго начальника изучить *основательно* современное состояніе крѣпости и ея значеніе для обороны страны.

Кромѣ Новогоріевска на западной окраинѣ нашей были еще крѣпости Брестъ-Литовскъ и Ивангородъ, всѣ три—твореніе императора Николая 1-го.

Съ замѣною гладкостѣнной крѣпостной артиллеріи нарѣзною, отличавшеюся отъ прежней мѣткимъ, дальнимъ и сильнымъ боемъ, было

признано необходимымъ расширить существующія крѣпости и главную силу ихъ обороны перенести на самостоятельные отдѣльные форты, вынесенные отъ сплошной ограды впередъ на $2\frac{1}{2}$ —3 версты и на такомъ разстояніи одинъ отъ другого, чтобы каждый фортъ могъ оказать поддержку своимъ сосѣдямъ по обѣимъ сторонамъ. Въ то же время созрѣло рѣшеніе устроить кругомъ Варшавы крѣпость-лагерь и возвести двѣ малыхъ крѣпости Зегрже и Осовець. Гурко зналъ, безъ сомнѣнія, все эти предположенія и тѣмъ болѣе желалъ поскорѣе познакомиться съ крѣпостями Варшавскаго округа.

Образованіе свое онъ получилъ въ Цажескомъ корпусѣ и служилъ почти исключительно въ кавалеріи; свѣдѣній о крѣпостяхъ и о современныхъ отъ нихъ требованіяхъ онъ едва ли могъ имѣть, и потому я тщательно занялся составленіемъ такой программы осмотра крѣпости, при которой новый человѣкъ, при вниманіи, могъ бы легче всего ознакомиться съ наиболѣе насущными вопросами крѣпости, съ тѣми условіями, при которыхъ крѣпость въ состояніи будетъ развиваться, во время обороны, свою оборонительную силу до наивысшихъ предѣловъ.

Въ Новогеоргіевскѣ Гурко былъ неустоимъ: сѣдѣлъ на коня въ 7 час. утра, смотрѣлъ войска гарнизона, различныя части крѣпости, впереди лежащую мѣстность, магазины и склады, госпиталь и пр., и такъ проходилъ весь день, безъ завтрака, до самаго обѣда въ 8 час. вечера. Не было никакого отдыха. Все его интересовало, и мѣткая ружейная стрѣльба со станковъ Ливчака, и быстрота работы по вооруженію верковъ тяжелыми крѣпостными орудіями, и рѣшеніе пѣхотными частями различныхъ тактическихъ задачъ. Осмотръ крѣпости окончился стрѣльбою крѣпостной артиллеріи ночью, боевыми снарядами, по батареямъ на-скоро насыпаннымъ по указаніямъ адъютанта командующаго войсками на дистанціяхъ неопредѣленныхъ; артиллерійская стрѣльба производилась при помощи освѣщенія: по дальнимъ батареямъ—электрическаго, а по ближнимъ—ракетами.

Видно было, что крѣпость произвела на командующаго войсками сильное впечатлѣніе: могучіе по размѣрамъ своимъ въ планѣ и въ профилахъ фронты бастионнаго начертанія съ равелинами, вынесенными за гласисъ и фронты капонирные съ массивными внушительнаго вида капонирами, а внутри крѣпости цитадель съ грандіозными оборонительными постройками, все это раскинутое на обширномъ возвышенномъ надъ Вислою плато, имѣющемъ съ полсотни квадратныхъ верстъ, все говорило герою Балканъ, что здѣсь находится крупная боевая единица, которая въ случаѣ войны на нашихъ западныхъ границахъ сыграетъ значительную роль.

Послѣ Новогеоргіевска онъ осматривалъ также подробно крѣпости Брестъ-Литовскъ и Ивангородъ. Это была первая моя дѣловая встрѣча съ генер.-адыут. Гурко. Онъ показался мнѣ человѣкомъ воишнѣ благо-воспитаннымъ и деликатнымъ, а дальнѣйшее знакомство только подтвер-дило вѣрность этого перваго впечатлѣнія. Гурко былъ человѣкъ воишнѣ благородный, строго честный, а какъ начальникъ онъ былъ требова-тельный, справедливый и когда нужно взыскательный; онъ хорошо под-тягивалъ многочисленныя войска Варшавскаго округа и въ тоже время не упускалъ изъ виду держать Поляковъ въ страхъ Божиємъ.

Въ 1884 году подъ Новогеоргіевскомъ происходили большіе ма-невры въ высочайшемъ присутствіи, и крѣпость служила все это время мѣстомъ пребыванія Ихъ Величествъ, великихъ князей, министровъ и многочисленной свиты. Безъ моихъ разсказовъ каждый легко можетъ себѣ представить, сколько заботъ, безпокойства, неспанныхъ ночей, суе-ты и непріятностей пришлось мнѣ выдержать по этому случаю. Госу-дарь Императоръ прибылъ въ крѣпость 29 Августа, и на другой день праздновался день тезоименитства Его Величества. Въ глубокую ночь, наканунѣ этого дня, мнѣ приходилось, благодаря нераспорядительности епархіальнаго начальства, прискивать священника пригоднаго для со-вершенія торжественнаго въ крѣпостномъ соборѣ богослуженія, пере-сматривать имѣвшіеся на мѣстѣ ризы, распредѣлять роли между соб-равными лицами духовенства, телеграфировать въ Варшаву командиру Австрійскаго полка о присылкѣ пѣвчихъ и въ тоже время дѣлать рас-поряженія для разыскиванія подушекъ и одѣялъ для лицъ свиты, пріѣхав-шихъ сверхъ списка, который былъ мнѣ препровожденъ заранѣе. Вотъ до какихъ предметовъ приходилось коменданту первоклассной боевой крѣпости распространять свои заботы; но что же было мнѣ дѣлать, когда крѣпостнаго штаба тогда еще не существовало, было лишь не-большое комендантское управленіе, составленное изъ лицъ полуинва-лидовъ, привыкшихъ только къ самой несложной и однообразной пись-менной дѣятельности по наряду карауловъ и представленію самыхъ невинныхъ мѣсячныхъ и другихъ срочныхъ вѣдомостей, которыхъ къ тому никто конечно и никогда не провѣрялъ.

Всѣ дни пребыванія въ крѣпости съ вечера 29 Августа и по 3 Сентября, Государь Императоръ распредѣлилъ такъ, что утромъ въ 9 часовъ Его Величество выѣзжалъ къ войскамъ маневрировавшимъ на Наревѣ, а послѣ завтрака съ 3-хъ или 4-хъ часовъ осматривалъ крѣпость и въ особенности крѣпостную артиллерію, которая въ Ново-георгіевскѣ состояла изъ 6-ти баталіоновъ 4-хъ ротнаго состава. Одинъ день назначенъ былъ на производство вооруженія цѣлаго фронта глав-ной крѣпости, и къ 3-мъ часамъ къ этому фронту были выставлены

всѣ 6 баталіоновъ крѣпостной артиллеріи, дабы Государь Императоръ могъ самъ выбрать для работъ по вооруженію то число ротъ, которое опредѣлено было расчетомъ сообразно числу и калибру орудій, долженствовавшихъ быть поставленными на бастіоны. Покойный Императоръ Александръ III-й, возвращаясь съ маневровъ, проѣхалъ въ экипажѣ прямо къ фронту крѣпости, избранному для вооруженія. Увидя нѣскольکو баталіоновъ артиллеріи, построенныхъ въ колоннѣ, Государь, не очень долюбивавшій строевыя занятія войскъ, нахмурился сначала, думая, что ему придется смотрѣть различныя построенія баталіоновъ и спросилъ въ недоумѣніи: «Это что такое?» Но ему тотчасъ же доложили, что построены всѣ 24 роты крѣпостной артиллеріи только для того, что не благоугодно ли будетъ Его Величеству назвать тѣ роты, которыя должны произвести предположенное вооруженіе. Государь съ видимымъ удовольствіемъ сдѣлалъ назначеніе. Роты эти выступили впередъ, а всѣ остальные части крѣпостной артиллеріи были немедленно отведены въ казармы.

Ротамъ, назначеннымъ на работу, былъ сдѣланъ расчетъ, и люди сообразно съ этимъ перестроились; раздалась команда: «къ работамъ приступи!» и всѣ задвигались.

День былъ жаркій, и Государь приказалъ снять мундиры. Начальникъ артиллеріи округа тотчасъ же отдалъ приказаніе надѣть рабочія рубашки; но Государь остановилъ и приказалъ людямъ оставаться въ тѣхъ рубашкахъ какія были на нихъ. Сначала я испугался, опасаясь, что появятся рубашки и неприглядныя, но артиллеристы молодцы, всѣ были въ рубашкахъ совершенно свѣжихъ, бѣлыхъ казенныхъ, а бѣльшая часть въ своихъ собственныхъ красныхъ рубахахъ. Государь между тѣмъ, приказавъ не надѣвать рабочихъ рубашекъ, сказалъ вслухъ, ни къ кому не обращаясь: «cela ne nous choque pas»^{*)}).

Съ Государемъ Императоромъ были Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ великій князь Николай Александровичъ, великіе князья Георгій Александровичъ, Владимиръ Александровичъ, Николай Николаевичъ старшій и Петръ Николаевичъ, военный министръ, командующій главною квартирою г.-адъютантъ Рихтеръ, министръ двора, г.-адъютанты, флигель-адъютанты, фрейлина Озерова и графиня Апраксина, генералъ-адъютантъ Гурко и другія начальствующія лица.

Работа закипѣла дружно. Тогда одни люди пошли на валгангъ опредѣлять мѣста для орудій и отрывать ровики для основныхъ подъ платформы брусьевъ; другіе люди повернули назадъ къ паркамъ раз-

^{*)} Это для насъ нипочемъ.

бирать штабеля, въ которые обыкновенно складываются платформы для храненія ихъ въ сараяхъ.

До 1884 года помощникомъ начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа былъ г.-лейтенантъ Григорьевъ, который много и настойчиво занимался въ крѣпостяхъ артиллеріею и успѣлъ освѣтить и урегулировать многія стороны службы этого рода войскъ, для каковой и по сіе время не издано положеній, правилъ, руководствъ и уставовъ. Между прочимъ только благодаря просвѣщенному руководству генерала Григорьева въ крѣпостяхъ Варшавскаго округа были выработаны точныя данныя относительно времени потребнаго на вооруженіе верка, при извѣстномъ разстояніи парка, различнаго калибра орудіями и мортирами. Эти цѣнныя данныя я зналъ наизусть и опасался, что Государь Императоръ утомится ожидать, стоя на валу, окончанія вооруженія, такъ какъ при большихъ калибрахъ орудій на установку каждаго требовалось не менѣе двухъ часовъ времени. Но каково было мое удивленіе, когда замѣтно ранѣе противъ упомянутыхъ порть артиллеристы начали уже подвозить на валъ орудія и ставить ихъ на вполнѣ и солидно настланныя платформы! Какъ бы ни хотѣлось артиллеристамъ блеснуть скоростію работы, но въ этомъ случаѣ немыслимо было поступиться прочностію установки орудій, чтобы выиграть въ скорости производства работы, такъ какъ артиллеристы знали, что въ тотъ же день, съ наступленіемъ темноты, изъ этихъ же орудій должна быть произведена въ присутствіи Государя прицѣльная стрѣльба при искусственомъ освѣщеніи мѣстности. Артиллеристы хорошо по этому понимали, что при исполняемомъ ими вооруженіи точная и солидная установка орудій есть самое важное условіе успѣшной стрѣльбы.

Во все время вооруженія Государь Императоръ находился на самомъ валу; кругомъ его работа повсюду кипѣла; ловкіе и красивые артиллеристы работали на славу. Ни громкихъ командныхъ словъ или начальническихъ указаній, ни разговоровъ не было слышно: тишина полная, только слышны были работа лопатою или забивка деревяннымъ молоткомъ кольевъ у основныхъ брусьевъ.

«Замѣтьте, сказалъ вполголоса Государь, обращаясь къ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему, какая тишина; это какъ на кораблѣ!» Видимо было что, Государь Императоръ былъ доволенъ молодцами-артиллеристами.

Когда все вооруженіе было окончено и всѣ орудія стояли уже на своихъ мѣстахъ, Государь обошелъ всю длинную линію вооруженнаго бастионнаго фронта и поблагодарилъ нижнихъ чиновъ. Затѣмъ Его Величество вернулся къ Императрицѣ и помогъ ей сойти съ валганга по его отлогости и сѣсть въ коляску. Стоя въ коляскѣ и падѣвая на себя

шинель, Государь спросилъ, гдѣ командиръ крѣпостной артиллеріи? «Рюминъ, полковникъ Рюминъ!» всѣ спѣшили позвать его, и когда Рюминъ подошелъ къ коляскѣ, Государь сказалъ ему: «Благодарю васъ за отличное обученіе людей; видно, что это не со вчерашняго дня дѣло такъ хорошо поставлено вами; благодарю!»

Въ тотъ-же день вечеромъ, въ 11 часовъ, когда было совершенно темно, произведена была боевая стрѣльба по осаднымъ батареямъ на разстояніи 1500 сажень при электрическомъ освѣщеніи и на разстояніи 500 сажень при освѣщеніи мѣстности ракетами. На батареяхъ положены были бочки съ порохомъ, по одной на каждую.

Стрѣльба эта прицѣльная изъ длинныхъ орудій и навѣсная изъ мортиръ была чрезвычайно эффектная, которая произвела большое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Государыня Императрица Марія Теодоровна впоследствии неоднократно вспоминала, при разговорѣ со мною, объ этой стрѣльбѣ.

На слѣдующій день въ свитѣ Государя только и слышны были похвалы крѣпостной артиллеріи. «Скажите, съ котораго времени крѣпостная артиллерія находится на столь высокой степени боевой подготовки; кому обязаны за превосходное ея состояніе?» Подобные вопросы сыпались со всѣхъ сторонъ.

Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, въ качествѣ старшаго посредника на маневрахъ, на другой день послѣ стрѣльбы выѣзжалъ рано утромъ на обзоръ мѣстности, и по возвращеніи въ крѣпость говорилъ мнѣ, что утромъ, когда не было еще вѣтра, хвосты свѣтящихся ракетъ стояли, уткнувшись въ землю, какъ лѣсъ какой: такая масса ихъ была выпущена для ночной стрѣльбы! (600 штукъ).

Министръ былъ недоволенъ малымъ успѣхомъ работъ по возведенію форта «Янубекъ» и за то высказалъ производителю работъ инженеръ-генераль-маіору Жукову очень строгія замѣчанія. Но мнѣ министръ относился довольно любезно и за обѣдомъ у меня выразилъ желаніе, чтобы я представилъ ему моего сына, который послѣ лагеря находился тогда у меня въ мѣсячномъ отпуску. Министръ спросилъ между прочимъ сына, которымъ онъ состоитъ по списку классныхъ занятій и на отвѣтъ, что онъ числится 15-мъ ученикомъ, министръ сказалъ сыну: «ну, постарайтесь, молодой человекъ, удержаться въ числѣ первыхъ 15-ти учениковъ; тогда мы многое можемъ вамъ сдѣлать».

Въ Октябрѣ 1887 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба Новогеоргіевской крѣпости генеральнаго штаба полковникъ Куликовъ. Это первый начальникъ штаба крѣпости согласно новаго положенія объ управленіи крѣпостями. Въ замѣнъ комендантскаго управленія организованы крѣпостные штабы, начальники которыхъ, а равно и начальники

строевого отдѣленія въ этихъ штабахъ, должны быть офицеры генеральнаго штаба, тогда какъ при прежнихъ управленіяхъ крѣпостями въ нихъ никогда не было ни единого офицера генеральнаго штаба. Полковникъ Александръ Петровичъ Куликовъ былъ высоко нравственный и большого благородства человекъ; но здоровье его было крайне разстроено, такъ что въ служебномъ дѣлѣ онъ не былъ мнѣ помощникомъ. Въ замѣнъ того, его домъ и его общество были для меня большою отрадою въ этой крѣпости-пустынь въ смыслѣ общественной жизни. Къ Куликовымъ прїѣзжали родные, такъ что гостепрїимные покои Куликовыхъ представляли для меня неоцѣненный прїютъ.

Зима съ 1887 на 1888 г. была въ Новогоргеіевскѣ и снѣжная, и очень морозная. Зима не унималась и въ Февралѣ, такъ что къ концу этого мѣсяца толщина льда на Вислѣ доходила до 1-го аршина; 2-го Марта было днемъ около 15° R, а вечеромъ еще больше; тѣмъ же не менѣе днемъ я получилъ телеграмму изъ Завихоста (на средней Вислѣ), что рѣка вскрылась и потому распорядился тотчасъ отдать по гарнизону приказаніе, что Висла считается ненадежною, и потому приказывалось переѣзды чрезъ Вислу по льду, а равно и переходъ пѣшеходовъ, прекратить. Вечеромъ 2-го Марта я занимался у себя въ кабинетѣ, и когда окончилъ работу въ 1 часъ ночи, то, уходя изъ кабинета въ спальню, взглянулъ на наружный термометръ—оказалось, что было 20°R, и я еще подумалъ про себя: вотъ-то брякнулъ я сегодня гарнизону, что переходъ черезъ Вислу признается опаснымъ! Посмотрѣлъ бы я, какая это сила можетъ взломать толстый чуть не въ аршинъ ледъ при 20-ти градусахъ мороза. Между тѣмъ въ 7 часовъ утра 3-го Марта меня разбудили съ донесеніемъ, что Висла вскрылась и при этомъ обрушила западный конецъ громадной, 3-хъ этажной, красивой постройки провіантскаго магазина, находящагося на мысу при сліянїи Буго-Нарева съ Вислою, и вслѣдъ затѣмъ снесла висячїй проволочный мостъ на Буго-Наревѣ у восточнаго конца провіантскаго магазина.

Отправившись немедленно къ мѣсту катастрофы, я съ трудомъ разсмотрѣлъ бушующія воды Вислы, которыя двигали и переворачивали громадныя льдины. Висла, задержанная должно быть заторомъ гдѣ нибудь ниже Новогоргеіевска, бросилась въ Буго-Наревъ и заламывала ледъ этой рѣки. Все это трудно было разсмотрѣть, потому что, по вскрытїи отъ льда, вода выдѣляла на морозѣ много пара. Наблюдая сколько было возможно, мы замѣтили, что горизонтъ воды быстро повышался, и вслѣдъ за тѣмъ я получилъ донесеніе, что ледяной заторъ обнаруженъ противъ селенія Галахи. Высота воды достигала 19½ футовъ выше ординара. Положеніе дѣлъ въ Новогоргеіевскѣ было чрезвычайно серьезное: надо было опасаться за цѣлость желѣзно-дорожнаго моста на Буго-Наревѣ,

расположеннаго нѣсколько выше проволочнаго моста. Поѣздъ, прибывшій изъ Млавы (съ Прусской границы), былъ задержанъ на станціи «Новогеоргіевскъ», и я вмѣстѣ съ начальникомъ дистанціи, инженеромъ путей сообщенія, отправился на паровозъ къ мосту. Тогда было уже 10 часовъ утра; мороза было нѣсколько менѣе 15°; уровень воды болѣе не подымался; очевидно было, что заторъ частію прорванъ, и потому надо было ожидать пониженія воды. Всѣ быки и береговые устои моста выдержали напоръ воды и удары льда вполнѣ благополучно; прямыя линіи моста свидѣтельствовали о полной его исправности. Верхнее строеніе проволочнаго моста было отнесено теченіемъ воды вверхъ по Буго-Нареву за 10 верстъ отъ Новогеоргіевска. Висла въ теченіе нѣсколькихъ дней пронесла свой ледъ, высокая вода спала, и такимъ образомъ эта рѣка приняла нормальный видъ, а Буго-Наревъ остался покрытъ льдомъ и вскрылся съ 18 на 19 Марта. Кажется, что льдомъ Вислы былъ взломанъ ледъ Нарева лишь при сліянніи рѣкъ, въ то время, когда уровень воды въ Вислѣ началъ лишь возвышаться, а далѣе, надо полагать, вода и ледъ Вислы шли вверхъ по руслу Нарева поверхъ его ледяного покрова, не взламывая льда. По крайней мѣрѣ на льду Нарева были замѣтны слѣды переѣзда черезъ рѣку. Вскрытіе Буго-Нарева сопровождалось поднятіемъ горизонта воды, вслѣдствіе дружнаго таянія снѣговъ, до 22 фут. выше ординара. При такомъ горизонтѣ скромный Буго-Наревъ началъ командовать Вислою, дѣлая ей подпоръ и поднимая такимъ образомъ ея горизонтъ. Произошло наводненіе, причинившее много бѣдъ: редантъ Новодворскаго укрѣпленія подвергся залитію и разрушенію въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Два или три орудія лѣваго фаса были подмыты и опрокинулись. Прорвало шоссеюную дорогу, идущую къ Новому Двору, полотно желѣзной дороги, плотину ограждающую Новодворскій люнетъ со стороны Вислы и вмѣстѣ съ тѣмъ снесло нѣсколько цилиндровъ Дунайскаго моста, которые отправились по Вислѣ къ сосѣдямъ нашимъ Нѣмцамъ. Буго-Наревъ, ворваншись въ горжу Новодворскихъ укрѣпленій, частію переливался черезъ мысъ въ Вислу, а частію, другой струей, повернувъ назадъ, изливался въ Буго-Наревъ у самаго береговаго устья желѣзнодорожнаго моста и, образовавъ здѣсь водоворотъ, быстро его подмывалъ. Правленіе желѣзной дороги не въ силахъ было собрать необходимаго числа рабочихъ, и потому со стороны гарнизона крѣпости оказано было возможное содѣйствіе. Впрочемъ я не знаю, успѣли-ли бы мы что нибудь сдѣлать для спасенія желѣзнодорожнаго моста; но тутъ судьба намъ помогла. Колоссальная насыпь для спуска съ верхняго полотна моста, служившаго для проѣзда колесныхъ экипажей, спускавшаяся къ уровню шоссеюной дороги въ Новый Дворъ и Варшаву, подмываемая водою, дала сначала поперечную тре-

щину, а вскорѣ затѣмъ вся свалилась на эту струю обратнаго теченія Буго-Нарева, которая водоворотомъ подмывала береговой устой моста. Когда совершилось это обрушеніе, мы тотчасъ же поняли, что мостъ спасенъ.

Половина города Новый Дворъ, расположеннаго на мысу между лѣвымъ берегомъ Буга-Нарева и правымъ Вислы, была залита; купцы-Евреи позащрали свои лавки, спѣшили спасти дѣтей и бѣжали къ верхней части города. Но негодяи въ это время не дремали и, прибывъ даже изъ Варшавы на лодкахъ, принялись по ночамъ грабить Жидовское имущество въ затопленной части города. Для прекращенія такихъ безобразій пришлось командировать въ импровизированную Венецію понтонны съ караулами. Впрочемъ понтонные батальоны, расположенные въ Новогеоргіевскѣ, оказали въ это время и другую еще болѣе важную услугу: сначала они перевозили на лодкахъ пассажировъ желѣзной дороги, а потомъ устроили и мостъ для удобства пересадки, а правленіе желѣзной дороги построило на лѣвомъ берегу Буго-Нарева временную платформу.

Съ залитіемъ Новодворскихъ укрѣпленій, реданта и люнета, подверглись тамъ наводненію пороховые и снарядные погреба, причѣмъ испорчено 23500 снаряженныхъ разнаго калибра снарядовъ и 7779 пудовъ пороха, хотя входы въ эти склады пороха и снарядовъ въ редантъ и люнетъ, въ предвидѣніи наводненія, были заблаговременно заложены стѣнками изъ кирпича на цементѣ.

Передовой фортъ между Вислою и Буго-Нареволь, называющійся «Янувекъ», расположенный впереди Новодворскихъ укрѣпленій и на разстояніи отъ нихъ около 6 верстъ, былъ также залитъ водою. Вода превысила поверхность внутренней площади укрѣпленія на два фута, а капониры и полукaponиры были залиты на всю высоту ихъ стѣнъ. Въ горжѣ «большой» крѣпости обрушило нижнія части подпорныхъ стѣнъ рва укрѣпленія «Шильдеръ» (эскарпъ и контръ-эскарпъ), образовало трещины въ набережномъ фасѣ того-же укрѣпленія, подмыло въ нѣсколькихъ мѣстахъ береговые откосы, въ особенности по правому берегу Нарева противъ Французскихъ казематовъ и при Константиновскомъ капонирѣ, а также произвело сползаніе (съ откосовъ набережнаго вала) плакировочнаго слоя земли.

Большая часть этихъ обрушеній, хотя и произошла при наводненіи Нарева, но несомнѣнно, что причиною порчи откосовъ можно скорѣе объяснить сотрясеніемъ береговъ при вскрытіи Вислы, когда при стремительномъ теченіи рѣки громадныя массы льда ударили въ берегъ.

На лѣвомъ берегу р. Вислы залиты были ровъ и внутренняя площадь лѣвой батареи укрѣпленія «Варшавскій фронтъ» и нѣсколько по-

вреждены береговыя плотины. Замѣтимъ здѣсь, что на Вислѣ, послѣ Варшавы (которая въ 30 верстахъ отъ Новогеоргіевска и выше его) нѣтъ ни одного моста. Ниже Новогеоргіевска, у Плоцка и у Влоцлавска, были мосты на судахъ, которые къ зимѣ разводились.

Такимъ образомъ принять какія бы то ни было предварительныя мѣры для предотвращенія или даже для уменьшенія описаннаго бѣдствія, мы, мѣстные дѣятели, совершенно не могли.

Таковы были поврежденія въ Новогеоргіевской крѣпости въ 1888 г. при вскрытіи Вислы, вслѣдствіе ея заторовъ и затѣмъ при вскрытіи Нарева, вслѣдствіе быстраго таянія снѣговъ послѣ снѣжной зимы. Поврежденія эти причинили убытка казнѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

Ничего подобнаго до того времени не было. Заторы Вислы почти ежегодно происходили въ верхней части ея и производили тамъ обыкновенно значительныя опустошенія. Висла протекаетъ по руслу, состоящему изъ мелкаго, легко переносимаго теченіемъ воды песка. Скорость теченія, при высотѣ воды выше нуля, весьма значительная, и потому рѣка непрерывно сноситъ мели въ одномъ пунктѣ и насыпаетъ ихъ въ другомъ; фарватеръ рѣки постоянно перемѣщается.

Противъ высокихъ водъ Вислы по ея берегамъ съ давняго времени возведены предохранительныя валы, дамбы или плотины, которые заботливо поддерживаются всегда въ исправномъ состояніи. Но если Висла вскрывается при низкомъ уровнѣ воды, то обыкновенно случаются заторы, т. е. ледъ задерживается на отмеляхъ и, при быстромъ теченіи, на нижній слой льда налетаетъ второй, третій и такъ далѣе, и въ теченіи самаго короткаго времени, нѣсколькихъ минутъ, Висла сама устраиваетъ для себя запруды. Если при этомъ по ночамъ держатся еще морозы, то весь ледъ такой запруды превращается въ одну крѣпкую массу; подобная запруда формируется иногда въ нѣсколько сутокъ на протяженіи многихъ верстъ и, задерживая теченіе такой быстрой рѣки какъ Висла, поднимаетъ ея уровень; напоръ воды на предохранительныя валы значительно усиливается и гдѣ только плотина не успѣетъ задержать проникновенія воды, то со внутренней стороны такой плотины показывается сначала просачиваніе, а затѣмъ она быстро разрушается, и вода заливаютъ поля, смываетъ цѣлыя деревни и вообще производитъ громадныя опустошенія. Сельское населеніе, угрожаемое затопленіемъ, спасается на крыши домовъ и на лодкахъ переходитъ на мѣста болѣе безопасныя.

Правительство наше и Австрійское заключили, лѣтъ 30 тому назадъ, а можетъ быть и раньше, условіе урегулировать ту часть Вислы, которая раздѣляетъ насъ отъ Галиціи, и все это время ежегодно съ обоихъ береговъ рѣки производятся, и нами и Австрійцами, регуляціон-

ныя работы системою водостѣснительныхъ плотинъ; но дѣло это требуетъ громадныхъ затратъ, и пройдетъ еще много лѣтъ, пока мы успѣемъ справиться съ такою своеобразною рѣкою какъ Висла. Нѣмцы, начиная отъ Торна и до устья рѣки, давно уже ее урегулировали.

Въ прежнія времена, когда начальство наше было мало освѣдомлено относительно природы Вислы и ея заторовъ, бывали такіе случаи, что при полученіи въ Варшавѣ донесенія губернатора объ образованіи въ такомъ-то пунктѣ затора и причиняемыхъ оттого опустошеній, начальство очень энергично посылало приказаніе направить къ затору такую-то батарею и постараться разрушить заторъ снарядами, но вскорѣ убѣдились въ несообразности подобной мѣры. Въмѣсто артиллеристовъ начали назначать саперъ, чтобы они фугасами разрушали заторы, и тутъ дѣло доходило иногда до комизма: саперныя команды бѣгали изъ одного конца края въ другой, чтобы захватить заторъ, но не успѣвали; заторъ ко времени прибытія къ нему команды, какъ нарочно, разрушался самъ собою, а если и удавалось застать заторъ несдвинутымъ напоромъ воды, то заряды, которые закладывались въ массу его льда, не производили никакого желаемого дѣйствія, потому что заторъ не представляетъ собою той однородно-плотной и крѣпкой массы, въ которой взрывъ заряда пороха могъ бы произвести полезное дѣйствіе. Обыкновенно заторъ представляетъ собою самое безпорядочное, хаотическое нагроможденіе льдинъ, часто на значительномъ протяженіи, по теченію на нѣсколько верстъ. Добраться по такому затору до середины рѣки очень затруднительно и всегда опасно, потому что во всякую минуту можно ожидать, что напоромъ воды заторъ двинется, и массы льда понесутся съ необыкновенною быстротою, толкаясь, переворачиваясь и разрушая одна другую.

Мало по малу Варшавское начальство убѣдилось въ невозможности дѣйствовать противъ заторовъ пушками или фугасами, и такимъ образомъ періодъ заблужденій относительно средствъ для разрушенія заторовъ миновалъ и затѣмъ начались мечтанія о томъ, чтобы на мѣстахъ вѣроятнаго образованія заторовъ, на большихъ отмеляхъ, закладывать громадныя мины, которыя и взрывать въ минуту надобности; но мечты эти такъ и остались мечтами, не переходя въ область дѣйствительности.

Вотъ и въ Петербургѣ каждый годъ, при вскрытіи Невы, газеты рассказываютъ о ея заторахъ, но тутъ очевидно кромѣ одинаковаго названія нѣтъ ничего общаго по существу между заторами Невы и Вислы. На Невѣ нѣтъ заторовъ, ибо такимъ словомъ нельзя называть явленія, наблюдаемаго на Невѣ, когда масса льда спирается между берегами, и оттого наступательное движеніе льда пріостанавливается. При

этомъ однако не задерживается теченіе рѣки, и горизонтъ ея не повышается, тогда какъ на Вислѣ ледъ задерживается на отмеляхъ, и на этотъ ледъ наваливается сверху громадная масса льда, а вмѣстѣ съ тѣмъ остановка въ движеніи льда распространяется по всей ширинѣ русла, горизонтъ воды начинаетъ подниматься, заторъ растетъ въ высоту и длину и дѣлается колоссальная запруда, отчего Висла бросается въ сторону и продѣлываетъ себѣ новое русло, отрѣзая то отъ Галиціи цѣлыя помѣстья, какъ бы присоединяя ихъ самовольно къ Россіи, то присоединяетъ къ Австріи части Россійскихъ владѣній.

Все время съ 3-го и по 29 Марта 1888 г. были употреблены нами самыя энергичныя мѣры, чтобы при водоворотахъ отстоять отъ поднятія и обрушенія всѣ расположенныя у воды крѣпостныя сооруженія и желѣзнодорожный мостъ. Для производства необходимыхъ работъ ежедневно назначались отъ гарнизона батальоны рабочихъ съ необходимымъ инструментомъ. Я и начальникъ штаба и днемъ и ночью постоянно посѣщали работы, чтобы предупредить всякое затрудненіе въ успѣшномъ ихъ ходѣ. Сильныя вѣтры на рѣкахъ, нерѣдко и холодныя, при необходимости ходить во многихъ мѣстахъ работъ цѣшкомъ, на примѣръ по желѣзнодорожному мосту, были причиною, что почти никто изъ насъ не избѣжалъ болѣе или менѣе серьезной простуды.

Г.-ад. Гурко сильно интересовался положеніемъ дѣлъ въ Новогеоргіевскѣ и, пока телефонъ и телеграфъ не были попорчены, онъ часто запрашивалъ меня; когда же разливомъ Буго-Нарева повалило телеграфныя и телефонныя столбы, то я вынужденъ былъ отправить генеральнаго штаба капитана Мокржицкаго въ Варшаву для доклада командирующему войсками о подробностяхъ всего дѣла. Мокржицкій сначала поплылъ на понтонѣ, затѣмъ поѣхалъ верхомъ и наконецъ на тендерѣ желѣзной дороги, и все это на протяженіи 30 верстъ! При свиданіи г.-ад. Гурко горячо благодарилъ меня за энергію и распорядительность, равно какъ благодарили меня офиціальными письмами Варшавскій губернаторъ за покровительство и пособіе, оказанное мною жителямъ Нового Двора, пострадавшимъ отъ наводненія, а правленіе Привислянскій желѣзной дороги за наряды рабочихъ командъ отъ войскъ. Правленіе это сверхъ того уплатило всѣмъ войскамъ, отъ которыхъ дѣлались наряды, по хорошей цѣнѣ, въ особенности за работы ночью.

Но не такъ взглянулъ на это дѣло военный министръ Петръ Семеновичъ Ванновскій.

Въ Юнѣ мѣсяцѣ 1888 г. я получилъ двухъ мѣсячный отпускъ, желая повидать Севастополь, котораго я не видалъ со времени его разгрома, пожить немного на южномъ берегу Крыма и оттуда отправиться на Кавказъ. Отъѣздъ мой въ отпускъ былъ нѣсколько задержанъ

прїѣздомъ въ крѣпость 9 Іюня Великихъ Князей Михаила Николаевича и Сергія Михайловича.

Около 11-ти часовъ вечера на станцію «Новогеоргиевскъ» Привлѣянской желѣзной дороги прибылъ изъ Ивангорода экстренный поѣздъ съ Ихъ Высочествами и небольшою свитою; какъ мнѣ казалось, Его Высочество генераль-фельдцехмейстеръ предпринялъ поѣздку въ Варшавскій военный округъ съ цѣлю подробно осмотрѣть, на случай войны, подготовленность артиллеріи въ крѣпостяхъ.

На другой день съ утра смотръ начался со строеваго образованія крѣпостной артиллеріи, а затѣмъ Великій Князь приступилъ къ осмотру на фортахъ матеріальной части артиллеріи и устройсва самыхъ фортовъ. Съ видимымъ удовольствіемъ Его Высочество разсматривалъ кропотливые и чрезвычайно сложные труды артиллеристовъ по составленію различныхъ таблицъ для стрѣльбы. Послѣ обѣда на самомъ большемъ форту Помѣховскомъ выполнена была работа по вооруженію форта орудіями. Второй день смотра прошелъ въ осмотрѣ артиллеріи и фортовъ лѣваго берега Вислы, въ осмотрѣ различныхъ типовъ переносной желѣзной дороги, имѣющей назначеніе служить для перевоза орудій и снарядовъ, и закончился смотръ боевою стрѣльбою съ Бородинскаго фронта большой крѣпости; на вооруженіи были четыре 6-ти дюймовыя пушки, вѣсомъ въ 120 пуд., двѣ 6-ти дюймовыя пушки вѣсомъ въ 190 пуд. и двѣ 8-ми дюймовыя мортиры. Не смотря на то, что стрѣльба эта производилась безъ предварительной практики, которая обыкновенно въ крѣпостной артиллеріи начинается съ половины Августа, стрѣльба оказалась очень успѣшною, какъ по скученности паденія снарядовъ, такъ равно и по полученнымъ результатамъ пораженія. Его Высочество видимо остался доволенъ какъ стрѣльбою, такъ и другими видами службы Новогеоргиевской крѣпостной артиллеріи, благодарилъ всѣхъ артиллеристовъ, какъ и достойнаго ихъ начальника Михаила Николаевича Рюмина.

Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ отпускъ и желаю посѣтить Кавказъ, Его Высочество удостоилъ меня нѣкоторыми указаніями и между прочимъ совѣтовалъ осмотрѣть работы, произведившіяся по прорытію Сурамскаго туннеля, подъ руководствомъ инженера путей сообщеній г. Рыдзевскаго.

Но по выѣздѣ изъ крѣпости Ихъ Высочествъ, я все таки не могъ воспользоваться разрѣшеннымъ мнѣ отпускомъ, такъ какъ надо было готовиться къ новой встрѣчѣ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Маріи Павловны, которые посѣтили крѣпость 22-го Іюня.

Послѣ этого я думалъ уже ѣхать въ Крымъ, но тутъ совершенно неожиданно получилъ отъ помощника начальника главнаго штаба увѣдомленіе, что по высочайше одобренному въ 7-ой день Іюня распредѣленію офицерскихъ ваканцій для выпускаемыхъ въ семь году воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, въ л.-гв. Уланскомъ Его Величества полку (куда сынъ мой всегда хотѣлъ выйти) не предоставлено ни одной ваканціи для юнкеровъ Николаевского Кавалерійскаго Училища, а потому военный министръ не призналъ возможнымъ назначить для моего сына именной ваканціи въ упомянутомъ полку.

Дѣлать было нечего, надо было вмѣсто Крыма и Кавказа ѣхать въ Петербургъ, чтобы просить военнаго министра сдѣлать мнѣ снисхожденіе и назначить моего сына въ названный полкъ для совмѣстнаго со мною служенія въ Варшавскомъ военномъ округѣ.

Когда я явился къ военному министру, то первое его привѣтствіе ко мнѣ было: «А вы проспали!» Никакъ я не ожидалъ подобной выходки и ожидалъ разъясненія мысли министра. Оказалось, что онъ обвиняетъ меня въ непредусмотрительности касательно заторовъ Вислы. Горько улыбувшись, я сказалъ министру обиженнымъ тономъ: подобную вещь можетъ сказать только человѣкъ незнакомый съ природою Вислы. Однако въ Ивангородѣ, до вскрытія рѣки, взорвали ледъ, и дѣло обошлось тамъ благополучно, возразилъ мнѣ министръ.

Ни о какихъ взрывахъ въ Ивангородѣ я не слыхалъ и, будучи глубоко убѣжденъ, что предупредить образованіе заторовъ взрывами невозможно, я отвѣтилъ что-то подобное министру и затѣмъ постарался перевести поскорѣе разговоръ на занимавшій меня вопросъ объ опредѣленіи сына въ Уланскій Его Величества полкъ. Но министръ былъ на этотъ разъ неумолимъ и повторялъ мнѣ одно и тоже, что Государь Императоръ приказалъ не назначать офицеровъ въ полки сверхъ ваканцій и стараться замѣстить незанятые ваканціи въ другихъ полкахъ.

По возвращеніи въ Новогеоргіевскъ я написалъ къ Ивангородскому коменданту и просилъ его сообщить мнѣ, какія мѣры приняты были имъ противъ образованія заторовъ на Вислѣ и съ какою цѣлю производились около Ивангорода на рѣкѣ, до ея вскрытія, варывы льда. Комендантъ отвѣтилъ мнѣ, что никакихъ мѣропріятій для противодѣйствія образованію на Вислѣ заторовъ не было предпринимаемо, а тѣмъ болѣе не было производимо варывовъ на Вислѣ, такъ какъ искусственное вскрытіе рѣки на одномъ мѣстѣ можетъ утолстить ледъ ниже по теченію и такимъ образомъ послужить на мелкихъ мѣстахъ рѣки къ задержкѣ льда и образованію заторовъ.

Послѣ того въ окружномъ уже штабѣ я узналъ, что въ крѣпости Брестъ-Литовскѣ, въ виду того, что на Бугѣ имѣются деревянные мосты

на сваяхъ, для лучшаго ихъ сохраненія, нашли цѣлесообразнымъ взорвать ледъ выше мостовъ, вскрытіе тамъ рѣки Буга и рѣчки Мухавецъ произошло совершенно благополучно.

Но Бугъ и Висла—это двѣ рѣки, не имѣющія совершенно ничего общаго, и къ тому же у Новогеоргіевска, на Вислѣ, нѣтъ никакихъ мостовъ. Министръ очевидно перепуталъ, смѣшалъ Брестъ съ Ивангородомъ, а главное не понималъ, что это такое за явленіе какъ заторы на Вислѣ.

Послѣ неудачной попытки опредѣлить сына въ Уланскій Его Величества полкъ, я отправился въ 1888 г. въ двухмѣсячный отпускъ; поѣхалъ черезъ Одессу въ Крымъ и послѣ въ Константинополь (седьмая поѣздка за-границу, не считая двухъ поѣздокъ изъ Варшавы въ Берлинъ въ 1875 и 1876 г.г.).

Какія впечатлѣнія пришлось мнѣ испытать, когда показались берега Крыма и вдали я узналъ вершину Чатырдага! Затѣмъ мы подходили къ Севастополю, который я покинулъ въ развалинахъ по окончаніи отчаянной борьбы. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 33-хъ лѣтъ, я ни разу не имѣлъ случая взглянуть на мое старое пепелище, гдѣ нѣкогда провелъ около семи своихъ лучшихъ молодыхъ лѣтъ. Боже, какъ красиво теперь онъ обстроился! Вотъ показался Херсонскій храмъ, а послѣ и самый Севастополь. Да онъ и на половину не былъ въ старое время такъ хорошъ какъ теперь!

Нечего и говорить, что, остановившись въ Севастополѣ, я съ жадностью осматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ, посѣтилъ соборъ адмираловъ, Братское кладбище, Малаховъ курганъ, мѣсто 4-го бастиона, Инкерманъ и въ городѣ отыскалъ мѣсто дома, въ которомъ я жилъ съ другомъ моимъ Март. Мих. Бородатовымъ.

Въ окрестностяхъ Севастополя я осматривалъ соборъ въ Херсонесѣ, Георгіевскій монастырь и Балаклаву, а затѣмъ отправился моремъ на Южный берегъ, гдѣ поселился на нѣсколько недѣль въ Гурауфѣ; послѣ того, вернувшись въ Севастополь, отправился оттуда въ Константинополь и возвратился въ Новогеоргіевскъ черезъ Одессу.

Наканунъ своего выѣзда изъ крѣпости я простился съ своими сослуживцами и съ войсками приказомъ по Новогеоргіевской крѣпости 23 Мая 1893 г., № 40.

Содержаніе моего приказа было слѣдующее.

Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся въ 3-й день сего Мая, я назначенъ членомъ Военнаго Совѣта.

Десять лѣтъ я имѣлъ честь состоять во главѣ Новогеоргіевской крѣпости въ теченіе этого времени въ ней произошли важныя преобразованія и даже

коренныя перемѣны, изъ коихъ весьма многія при непосредственномъ моемъ участіи.

Крѣпость далеко выдвинулась впередъ, оборона ея значительно расширилась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усилилась. Создано на совершенно иныхъ основаніяхъ ея управленіе. Резервныя войска, составлявшія пѣхотный гарнизонъ крѣпости, переформированы въ крѣпостныя, получивъ спеціальную программу обученія, въ составъ которой вошли крѣпостные маневры, неоднократно подъ моимъ непосредственнымъ руководствомъ производившіеся; сформированы новыя крѣпостныя части, устроенъ рѣчной портъ, крѣпость получила вполне военныя, легко наводимые, мосты и наконецъ, заведена флотилія.

Все это вмѣстѣ взятое, въ небольшой сравнительно промежутокъ времени, дозволило Новогеоргіевску и при современныхъ громаднѣхъ требованіяхъ, сопряженныхъ съ быстрымъ развитіемъ техники, удержать за собою мѣсто первоклассной крѣпости и скоро стать непреодолимо твердымъ оплотомъ нашего отечества. Помимо всякихъ усовершенствованій въ инженерномъ и артиллерійскомъ отношеніяхъ, прежде всего и болѣе всего, несокрушимости нашей твердыни будетъ способствовать тотъ прекрасный духъ всѣхъ войскъ гарнизона, при которомъ ихъ оставляю, глубоко скорбя, что мои престарѣлыя лѣта не позволяютъ продолжать работать съ прежнею энергіею на этомъ поприщѣ. Подготовка крѣпости къ бою и всѣхъ условій для того, чтобы она могла развить противъ атакующаго свои оборонительныя средства до наивысшихъ предѣловъ, присущихъ ей, было предметомъ любимѣйшихъ моихъ занятій, предпочтительно предъ всѣми другими отраслями моей спеціальности какъ военнаго инженера и потому естественно, что я не могу не сожалѣть, что, въ случаѣ нужды, не мнѣ суждено быть и во главѣ защитниковъ родной крѣпости.

Единственнымъ утѣшеніемъ мнѣ служить та надежда, что, можетъ быть, мои посильные труды не пропадутъ даромъ и хотя сколько-нибудь способствуютъ тому, что крѣпость для врага, кто бы онъ ни былъ, окажется непреодолимою или же онъ войдетъ въ нее только по костямъ доблестныхъ ея защитниковъ.

Разставаясь теперь съ крѣпостью, близкой моему сердцу, не могу не припомнить, что имѣлъ счастье принимать въ ней, въ 1884 году, нашего верховнаго вождя Государя Императора съ Его Августѣйшимъ семействомъ и затѣмъ неоднократно представлять ее и другимъ членамъ Императорской фамиліи, а также и военному министру. Почти ежегодно командующій войсками посѣщаль Новогеоргіевскъ, присутствовалъ на крѣпостныхъ маневрахъ, осматривалъ разныя учрежденія и заведенія крѣпости и дѣлалъ необходимыя указанія; его высокопревосходительство не разъ выражалъ мнѣ свое одобреніе, которое какъ похвала одного изъ доблестнѣйшихъ вождей нашей славной арміи была лучшею для меня наградою.

Случались и черныя дни; но они неразлучны со всякимъ дѣломъ, особенно при такой разносторонней и широкой дѣятельности, какъ коменданта

первоклассной крѣпости и при ея многочисленномъ и разбросанномъ на большомъ пространствѣ гарнизонѣ и при множествѣ приплагаго люда.

Но эти дни меркнутъ въ средѣ свѣтлаго времени, и какъ я обязанъ за все хорошее содѣйствіе моимъ достойнымъ сотрудникамъ, то, оставляя крѣпость, считаю своимъ долгомъ выразить прежде всего мою душевную признательность ближайшимъ моимъ помощникамъ, начальникамъ отдѣловъ крѣпостнаго управленія: начальнику штаба, начальникамъ управленій инженернаго и артиллерійскаго, крѣпостному интенданту и особенно генералъ-маіору Рюмину, который шелъ со мною рука объ руку въ теченіе всѣхъ 10 лѣтъ моей здѣсь службы, а также чинамъ крѣпостнаго штаба, какъ всегда работавшимъ со мною.

Затѣмъ сердечно благодарю командировъ крѣпостныхъ пѣхотныхъ баталіоновъ, а также командировъ артиллерійскихъ баталіоновъ и вылазочныхъ батарей. Равномѣрно благодарю всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, врачей и класныхъ чиновниковъ войскъ гарнизона, управленій, заведеній и учреждений крѣпости.

Изъ врачей особенно благодарю главнаго врача Новогеоргіевскаго госпиталя, какъ завѣдующаго санитарною частію войскъ гарнизона и крѣпостнаго врача, вѣдающаго этимъ дѣломъ въ крѣпости.

Молодцамъ нижнимъ чинамъ передать мое послѣднее, горячее спасибо и полную увѣренность, что они сумѣютъ показать себя, на славу Царя и Отечества, если придется стать лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ и командахъ при полномъ собраніи всѣхъ чиновъ.

*

Какъ только я возвратился изъ отпуска, тотчасъ же получилъ приказаніе командующаго войсками принять участіе въ подвижныхъ маневрахъ полевыхъ войскъ и принять начальствованіе надъ западнымъ отрядомъ, назначившимся дѣйствовать на правомъ берегу Вислы, противъ восточнаго отряда, подъ командою командира 6-го армейскаго корпуса г.-л. Павлова. И это не одинъ разъ, что командующій войсками поручалъ мнѣ, инженерному офицеру, никогда не командовавшему и ротой, разыгрывать роль большаго военначальника.

Не помню въ которомъ году генер.-адъют. Гурко прибылъ утормъ въ Новогеоргіевскъ и, произведя смотръ кавалерійской бригадѣ, бывшей въ лагерѣ подъ крѣпостью, приказалъ мнѣ взять всѣ войска этого лагеря и, присоединивъ къ нимъ крѣпостные пѣхотные баталіоны, двинуть немедленно къ Варшавѣ, по лѣвому берегу Вислы; при этомъ мнѣ врученъ былъ пакетъ, гдѣ указывалось, какія еще войска поступаютъ подъ мое начальствованіе и съ какою цѣлію я долженъ дѣйствовать. Но этотъ разъ было гораздо легче. На другой день разыгрался маневръ подъ Варшавою, и я тогда же, невообразимо запыленный, воз-

вратился къ вечеру домой; таскаться же десять дней, съ утра и до вечера верхомъ и ночевать въ грязныхъ хатахъ, это совсѣмъ ужъ не такъ легко въ мои годы.

Но таковъ уже былъ I. В. Гурко: онъ ни кому не давалъ покоя и прежде всего самому себѣ.

Почти каждый годъ, когда только я не былъ назначаемъ командовать войсками на маневрахъ, командующій войсками приказывалъ мнѣ производить осенью, по снятіи съ полей хлѣбовъ, крѣпостной маневръ въ Новогеоргіевскѣ, на которомъ всегда присутствовалъ, просиживая иногда цѣлыя ночи, завернувшись въ бурку, на форту, подъ сильнымъ вѣтромъ, и всегда требовалъ, чтобы на такихъ маневрахъ находились коменданты и другихъ крѣпостей.

Для производства крѣпостнаго маневра избиралась та или другая часть крѣпости и въ такомъ размѣрѣ, чтобы она могла быть занята тѣмъ числомъ наличныхъ войскъ, какое назначено мобилизаціоннымъ планомъ; для этого 5-ти ротные крѣпостные пѣхотные баталіоны переформировывались (конечно только на время маневра) въ баталіоны 4-хъ ротные военного состава.

Для осаднаго корпуса назначались полевая войска изъ лагеря вблизи крѣпости—пѣхотная дивизія съ своею артиллерію и бригада кавалеріи съ конною батареею. Другая пѣхотная дивизія обозначалась принятыми знаками. Продолжительность маневра: 2—3 сутокъ, въ теченіи коихъ воюющія стороны обязаны были дѣйствовать непрерывно, изображая осадныя и оборонительныя работы какого нибудь заранее определеннаго періода крѣпостной войны. Помнится мнѣ, что во время маневра въ 1892 году, обороняющійся, съ цѣлю усиленія своихъ позицій, построилъ въ двѣ ночи нѣсколько батарей и траншей (конечно не полной профили), въ сложности длиною по линіи огня около 11—12 верстъ. Осаждающій, въ свою очередь, былъ не менѣе дѣятеленъ, строилъ осадныя батареи и траншеи, принималъ всѣ мѣры къ подготовкѣ штурма форта или какой нибудь временно укрѣпленной позиціи.

Командующій войсками объѣзжалъ верхомъ всѣ работы, дѣлалъ свои замѣчанія и указанія. Какъ ни утомительны бывали иногда подобныя упражненія, но каждый изъ насъ сознавалъ огромную ихъ пользу.

Зима съ 1888 на 1889 годъ была изъ обыкновенныхъ, не было ни сильныхъ морозовъ какъ въ прошедшемъ году, ни особо обильныхъ снѣговъ; только въ Февралѣ мѣсяцѣ выпало много снѣга. Висла вскрылась въ 1889 году у Новогеоргіевской крѣпости 13 Марта въ 9 час. утра, при высотѣ воды 11 футовъ выше ординара и при $\div 2^0$ Реомюра.

Ледь, вначалѣ быстро двигавшійся, вскорѣ остановился выше крѣпости на высотѣ форта «Янувекъ» и образовалъ заторъ, вслѣдствіе чего вода затопила деревни Сухотинь и Вульку - Горскую, Варшавскаго уѣзда, и, прорвавъ охранительный валъ, затопилъ шоссе-ную дорогу, идущую изъ Варшавы въ Новогеоргіевскъ, выше деревни Константиновки.

Около полудня заторъ прорвался, и ледь необыкновенно густою массою пошелъ мимо крѣпости безпрепятственно съ чрезвычайно быстрою, при высотѣ воды около 12 футовъ.

Въ 3 часа пополудни, все того-же 13-го числа, ниже крѣпости образовался новый заторъ, и вода Вислы направилась вверхъ по руслу Буго-Нарева, ломая его ледь.

Уровень воды, поднимаясь постепенно, въ 9 час. вечера 13-го Марта достигъ у желѣзнодорожнаго моста на Буго-Наревѣ 22-хъ футовъ, а при укрѣпленіи на лѣвомъ берегу Вислы «Варшавскій фронтъ» — 24 футовъ. Вода перелилась на лѣвомъ берегу Вислы черезъ шоссе-ную дорогу и охранительную дамбу и залила всю внутренность обѣихъ батарей, находящихся на флангахъ главнаго укрѣпленія, а также всю низменность впереди лежащей мѣстности, проникнувъ въ пороховой погребъ № 407, построенный на площади съ уровнемъ 18 футовъ выше ординара, подмочило 540 бочекъ пороха нижняго яруса стеллажей. Форты «Дембина» и «Николаевка» были окружены водою.

На правомъ берегу Вислы вода залила ровъ форта «Янувекъ» и чрезъ амбразуры капонира перелилась во внутрь его, затопила позади форта промежуточный пороховой погребъ, прорвала плотину сзади Новодворскаго люнета и залила все это укрѣпленіе; вода наполняла до самаго верху казематы подъ валгангомъ; деревянный тамбуръ въ горжѣ укрѣпленія мѣстами выломанъ льдинами; стѣнки же навѣса, подъ которымъ хранились платформы, разрушены, а самыя платформы вмѣстѣ съ орудіями были покрыты водою.

Въ тоже время ниже слиянія Буго-Нарева съ Вислою на протяженіи праваго берега Вислы отъ Константиновскаго капонира Цитадели и до укрѣпленія «Шильдеръ» берегъ былъ поврежденъ во многихъ мѣстахъ, равно какъ телеграфъ и телефонъ по направленію къ Варшавѣ. Въ окрестностяхъ же крѣпости произведены были многія опустошенія: размыто шоссе, соединяющее крѣпость съ посадомъ Новый Дворъ, разрушено полотно Привислянской желѣзной дороги около форта «Янувекъ» на протяженіи 3-хъ верствъ и затоплены деревни: Константиновка, Лончна, Новодворская и Сосновская.

Къ 11 ч. вечера 13 Марта, уровень воды, вслѣдствіе промыва части затора у Закрочима, понизился на 3 фута, а къ утру 14 Мар-

та въ Вислѣ и въ Буго-Наревѣ вода была на уровнѣ 18 фт. выше ординара. Понижаясь мало по малу къ 24 Марта вода дошла до уровня 13 футовъ; въ ночь же съ 24-го на 25 Марта вслѣдствіе вскрытія Буго-Нарева, вода начала быстро возвышаться и 27 числа находилась снова на уровнѣ 18 фт. надъ ординаромъ.

Температура воздуха съ 15-го Марта была по ночамъ около $+7^{\circ}$ R, а днемъ $+10^{\circ}$ R и выше; снѣгъ на поляхъ исчезалъ быстро и въ тоже время ежедневно перепадали обильные дожди, и потому уровень воды въ Буго-Наревѣ понижался весьма слабо, такъ что къ 1-му Апрѣля вода въ Буго-Наревѣ находилась на высотѣ 16 фт. 8 дюймовъ надъ ординаромъ.

Согласно правилъ существующихъ въ военномъ вѣдомствѣ, начальники обязаны въ извѣстныхъ, экстренныхъ случаяхъ доносить о такого рода происшествіяхъ какъ своему начальству, такъ и прямо Государю Императору. На этомъ основаніи я доносилъ Его Величеству и въ 1888 и въ 1889 годахъ о заторахъ Вислы, наводненіяхъ и о причиненныхъ ими убыткахъ казнѣ. На послѣднемъ моемъ донесеніи Государь съ неудовольствіемъ написалъ: «Каждый годъ одно и тоже». Безъ сомнѣнія, что при этомъ что нибудь попало я министру; по крайней мѣрѣ замѣтно было, что въ Главномъ Инженерномъ управленіи начали шевелиться по вопросу о предотвращеніи возможности повторенія въ Новогоріевскѣ заторовъ и наводненій. Говорили, что было нѣсколько предположеній и между прочими была мысль измѣнить русло р. Вислы, отдаливъ таковое отъ главной крѣпости, для чего предполагали воспользоваться русломъ когда-то существовавшего рукава Вислы; полагали, что возможно направить Вислу по лѣвому берегу въ тылу фортвъ «Дембина», «Николаевка», «Цыбулице» и «Грохале», расположенныхъ на песчаныхъ холмахъ и впереди укрѣпленія «Варшавскій фронтъ». Но всѣ эти предположенія такъ и погасли, не выходя изъ сферы самыхъ общихъ и не вполне опредѣленныхъ соображеній.

Съ своей стороны мнѣ хотѣлось уяснить съ возможно большею точностію, какого рода мѣропріятія были бы наиболѣе умѣстны для предохраненія Новогоріевска отъ катастрофъ на рѣкахъ, и съ этою цѣлью я обратился къ начальнику XI округа путей сообщенія д. с. с. Костенецкому, нѣкогда самоотверженно предававшемуся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изученію природы Вислы и составившему обширный проектъ урегулированія этой рѣки. Почтенный специалистъ со всею готовностію отозвался на мой призывъ и, прибывъ въ Новогоріевскъ на пароходѣ, пригласилъ меня осмотрѣть съ нимъ современное состояніе Вислы выше и ниже крѣпости; вмѣстѣ съ симъ онъ показывалъ мнѣ на планахъ состояніе той же рѣки за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ.

И дѣйствительно, когда мы осмотрѣли означенныя мѣста рѣки въ натурѣ и на планахъ, то я былъ пораженъ, какъ сильно засорилась рѣка въ теченіе какого нибудь десятка лѣтъ за нѣсколько верстъ выше крѣпости и на нѣсколько верстъ ниже ея; на обоихъ пунктахъ виднѣется множество отмелей въ видѣ большихъ острововъ, расположенныхъ на самомъ руслѣ рѣки, которая поэтому разбрасывается въ этихъ мѣстахъ на десятки рукавовъ, принужденныхъ принять самое извилистое теченіе.

По мнѣнію г. Костенецкаго при низкихъ водахъ Висла должна имѣть около крѣпости корыто шириною въ 150 саженой, а въ половодье 400—450 саженой, и при этомъ корыто должно быть совершенно свободное, не имѣть никакихъ насажденій древесныхъ. Другая мысль его была, что бесполезно и дорого обошлись бы работы, если бы вздумали предпринять частичное урегулированіе Вислы, собственно у самой крѣпости, не сдѣлавъ такой же регуляціи выше. Но на чемъ твердо настаивалъ г. Костенецкій, это на необходимости возвести водораздѣльныя сооруженія при впаденіи Буго-Нарева въ Вислу, съ цѣлю направить главное теченіе Вислы больше къ срединѣ русла и отклонить его отъ праваго берега, въ который наиболѣе сильная струя ударяла подъ большимъ угломъ. О совѣщаніяхъ своихъ съ д. с. с. Костенецкимъ я сообщилъ частнымъ образомъ товарищу генераль-инспектора по инженерной части генералу Звѣреву, человѣку, котораго я глубоко уважалъ, и не знаю, доставленныя ли мною свѣдѣнія послужили пунктомъ отправления къ составленію проекта водораздѣльныхъ работъ или главное инженерное управленіе само пришло къ этой мысли. Дѣло однако въ томъ, что вскорѣ за составленіемъ проекта послѣдовало и самое его осуществленіе. Г. Костенецкій показывалъ мнѣ старыя планы Вислы, на которыхъ видно было, что мысъ при сліяніи Буго-Нарева съ Вислою продолжался и далѣе стѣнъ провіантскаго магазина; но очевидно, что постепенно узкая полоса земли размывалась, и такимъ образомъ у подножія стѣнъ магазина въ мое время находилась непосредственно вода, никакого материка далѣе стѣнъ провіантскаго магазина не существовало, и потому было крайне необходимо возвести водораздѣльную постройку. Она устроена изъ каменной наброски.

1889-й годъ былъ для меня самый несчастливый въ Новогоріевскѣ. 1-го Мая крѣпостныя пѣхотные баталіоны должны были выступить въ лагерь за гласисомъ «Парижскаго фронта» «большой» крѣпости, на правомъ берегу Вислы. Въ это время пѣхотныя части гарнизона проходили курсъ стрѣльбы, и командиръ 1-го крѣпостнаго пѣхотнаго баталіона полковникъ князь Макаевъ приказалъ, чтобы 1-я рота 1-го баталіона, квартировавшая на лѣвомъ берегу Вислы въ укрѣпленіи «Варшавскій фронтъ», прибыла на стрѣльбищное поле къ 5-ти часамъ

утра и произвела ученье стрѣльбѣ, а затѣмъ, присоединившись къ баталіону, вступила съ нимъ въ лагерь.

По правиламъ, установленнымъ въ крѣпости для переправы нижнихъ чиновъ черезъ рѣки, переправа должна была начинаться въ лѣтніе мѣсяцы не ранѣе 5-ти часовъ утра. Лодки на ночь привязывались у пристаней цѣпью, при которой былъ замокъ, и ключъ отъ такового находился у солдата, назначаемого для наблюденія за сохранностію лодокъ.

Командиръ 1-ой роты 1-го батальона, въ ночь съ 30 Апрѣля на 1-ое Мая, при ротѣ не находился, а также не было и субалтернаго офицера; поэтому ротую распорядился фельдфебель, который, чтобы исполнить все согласно приказанію начальства, разбудилъ и поднялъ на ноги людей въ 3 часа пополуночи и приказалъ готовиться къ выступленію; около 4-хъ часовъ по полуночи фельдфебель приказалъ 1-ой полуротѣ, подъ командою унтеръ-офицера, идти на пристань, садиться въ лодку и переправляться на правый берегъ Вислы. Находившійся у лодокъ солдатъ замѣтилъ унтеръ-офицеру, что нѣтъ еще 5-ти часовъ утра, и потому переправы начинать еще нельзя. Въ отвѣтъ на это унтеръ-офицеръ такъ сильно ударилъ солдата по лицу, что тотъ упалъ и дальнѣйшаго сопротивленія къ переправѣ не оказывалъ. Въ лодку сѣло 60 человекъ въ полной аммуниціи; между тѣмъ разрѣшалось сажать въ лодку лишь 30 человекъ. На Вислѣ было совершенно спокойно, и лодка отвалила; дулъ съ Запада легкій, утренній вѣтерокъ и когда лодка вышла на середину рѣки, то люди начали боязливо посматривать на ту небольшую зыбь, которая всегда бываетъ при сильномъ теченіи Вислы на ея главной струѣ; послышался говоръ, что въ лодку сѣло много народа, что лодку можетъ залить водою, но къ несчастію отдѣленный унтеръ-офицеръ, бывшій старшимъ въ лодкѣ, не обратилъ на это должнаго вниманія и не отдалъ приказанія сидѣть смирно и не двигаться, чтобы не раскачивать лодки, которая дѣйствительно сидѣла въ водѣ довольно глубоко. За говоромъ появились и дѣйствія: для облегченія люди начали бросать въ воду ранцы и ружья; вслѣдъ затѣмъ началось такое движеніе въ лодкѣ людей, что она, залитая на одинъ бортъ, опрокинулась, и всѣ очутились разомъ въ водѣ. Начались крики о помощи, спасеніи; крики эти доносились и до пристани, съ которой эта злосчастная лодка отчалила, и фельдфебель, который въ это время уже отвалилъ отъ пристани со второй половиной роты, тоже слышалъ крики; онъ тотчасъ же повернулъ свою лодку назадъ, обратно къ пристани, съ цѣлю высадить на берегъ людей и затѣмъ съ одними гребцами спѣшить на спасеніе погибавшихъ. Погибавшіе долго боролись для своего спасенія, но по мѣрѣ истощенія силъ отдавались теченію и тонули.

Одинъ изъ спасшихся рассказывалъ, что когда лодку опрокинуло, то ему удалось (а также еще двумъ-тремъ солдатамъ) ухватиться за лодку; онъ карабкался, чтобы держаться на плоскомъ днищѣ лодки, а въ тоже время съ противоположной стороны показался унтеръ-офицеръ, отличный пловецъ, но котораго тащили въ воду схватившіеся за обѣ его ноги тонувшіе люди. Чтобы не погрузиться въ воду, унтеръ-офицеръ обхватилъ рассказчика и замѣтно потянулъ его за собою, но солдатикъ началъ молить унтеръ-офицера не губить его. «Ну живи себѣ съ Богомъ!» сказалъ унтеръ-офицеръ послѣ мгновеннаго колебанія, отпустилъ его, самъ же немедленно погрузился въ воду и больше уже не показывался, онъ утонулъ. Потонуло всего 45 человѣкъ, и какъ нарочно это несчастіе случилось 1-го Мая, день, въ который крѣпостные пѣхотные баталіоны, по высочайшему повелѣнію, должны были перейти отъ начальниковъ мѣстныхъ бригадъ въ непосредственное подчиненіе комендантамъ крѣпостей. Дознаніе, слѣдствіе и судъ. Виноватыми оказались командиръ роты, субалтерный офицеръ и фельдфебель. Командиръ роты говорилъ мнѣ прямо, что онъ виноватъ. «Мнѣ случалось перевозить въ такой же лодкѣ и больше людей, но при мнѣ никто не смѣлъ и шелохнуться, и все проходило благополучно» говорилъ мнѣ ротный командиръ.

Слѣдствіемъ обнаружено, что командиръ роты не жилъ въ отведенной для него квартирѣ подлѣ своей роты, а жилъ на правомъ берегу Вислы въ посадѣ Новый Дворъ, въ нанимаемой имъ квартирѣ. Субалтерный офицеръ жилъ при ротѣ, но наканунѣ катастрофы находился въ крѣпости и, узнавши, что на другой день его рота должна переправляться на правый берегъ Вислы, чтобы идти на стрѣльбу и потомъ въ лагерь, рассудилъ, что ему лучше ночевать въ крѣпости у товарища и на другой день прямо отправиться на стрѣльбу. Командиръ роты былъ лишенъ чиновъ, орденовъ, дворянскаго достоинства и сосланъ на каторгу; его же офицеръ отдѣлался арестомъ на 4 мѣсяца и нѣкоторыми ограниченіями по службѣ. Командиръ баталіона полковникъ князь Макаевъ не былъ судимъ, но все-таки года черезъ полтора вынужденъ былъ уйти со службы, получилъ отставку съ производствомъ въ генералы и удалился на свою родину въ Грузію.

19 Мая 1889 г. крѣпость Новогеоргіевскъ посѣтилъ шахъ Персидскій Насръ-Эддинъ въ сопровожденіи командующаго войсками г.-адъют. Гурко, адмирала г.-адъют. Попова и лицъ своей свиты. Почетные караулы были выставлены на станціи «Новогеоргіевскъ» Привислянской жел. дор. и у царскихъ покоевъ, гдѣ сервированъ былъ обѣдъ. Одинъ только шахъ обѣдалъ отдѣльно, въ своей комнатѣ, куда отнесли столъ съ поставленными на немъ всѣми блюдами обѣда, и изъ чего онъ со-

стоялъ, я не знаю; всё же мы обѣдали за общимъ столомъ, по члеовѣчески, т. е. дѣйствуя ложками, ножами и вилками, тогда какъ шахъ, какъ мнѣ говорили, ѣсть при помощи собственной пятерни. Послѣ обѣда мы отправились на пароходъ, на которомъ совершили прекрасную прогулку по Вислѣ, а затѣмъ пріѣхали въ крѣпость прямо къ военной голубятнѣ, которую шахъ осматривалъ и при этомъ выбралъ нѣсколько голубей, которыхъ взялъ съ собою въ корзинкѣ въ поѣздъ въ Варшаву и на другой день два раза присылалъ ко мнѣ депеши на Персидскомъ языкѣ, а я обязанъ былъ доносить ему по телеграфу, въ которомъ часу прилетали отъ него голубиныя почты. Мнѣ говорили, что Берлинское правительство не пожелало вытерпывать скуку пріема шаха, человѣка совершенно необразованнаго, съ дикими привычками и манерами, и поэтому шахъ долженъ былъ просидѣть въ Варшавѣ нѣсколько лишнихъ дней, чтобы дать время Австрійскому двору приготовиться къ встрѣчѣ его въ Вѣнѣ, куда, по первоначальному плану его поѣздки, онъ долженъ былъ прибыть на возвратномъ своемъ пути.

Г.-адъютанту Гурко было нелегко возиться съ шахомъ и занимать его чѣмъ нибудь каждый день; полагаю, что и прогулка въ Новогеоргиевскѣ, гдѣ шахъ собственно крѣпости и не осматривалъ, была придумана, чтобы убить лишній день. Мнѣ говорили, что Гурко устроилъ для шаха балъ въ своемъ г.-ралъ-губернаторскомъ домѣ, въ королевскомъ замкѣ, и заботу занимать шаха бесѣдою возложилъ на свою жену Марію Андреевну, дочь Евгени Туръ и сестру романиста графа Салиаса. Марія Андреевна вѣрноподданнически исполнила приказаніе мужа, и шахъ, уѣзжая съ бала, сказалъ ей: *«Je vous remerçi, madame, pour la nuit que j'ai passé si agréablement avec vous»* *).

Въ Іюнѣ и Іюль того же 1889 года я совершилъ поѣздку въ Закавказье; поѣхалъ въ Одессу и оттуда на пароходѣ черезъ Евпаторію, Севастополь, Ялту, Феодосію, Керчь, Сочи, Сухумъ и Поті въ Батумъ.

Батумъ меня очень интересовалъ, и я познакомился тамъ съ начальникомъ инженернаго управленія, который, познакомивъ меня по планамъ съ укрѣпленіями порта, объѣхалъ со мною и показалъ въ натурѣ всѣ существующія и вооруженныя батареи, а равно и всѣ производящіяся работы по сооруженію новыхъ укрѣпленій.

На Сурамскомъ перевалѣ я встрѣтился съ инженеромъ Рыдзевскимъ, который былъ главнымъ строителемъ работъ по устройству громаднаго туннеля на новой части дороги, проложенной съ цѣлію избѣжать крутого подъема на Сурамъ. Г. Рыдзевскій сообщилъ мнѣ, что пробитіе туннеля окончено, и всѣ бурильныя машины убраны съ мѣста работъ, такъ что останавливаться въ Сурамѣ не за чѣмъ.

*) Благодарю васъ, сударыня, за ночь, которую я такъ пріятно провелъ съ вами.

Въ Тифлисъ я прїѣхалъ вечеромъ и остано­вился въ прекрасной гостиницѣ «Лондонъ». Я осматривалъ Ботаническій садъ и Музей, дворецъ главноначальствующаго на Кавказѣ съ превосходнымъ при немъ садомъ, Сіонскій соборъ и познакомился съ нѣкоторыми старшими инженерами, а также обмѣнялся визитами со спутникомъ моимъ на пароходѣ ректоромъ Харьковской семинаріи Иваномъ Александровичемъ Кратировымъ, бесѣды съ которымъ доставили мнѣ много удовольствія и расположили въ пользу почтеннаго пастыря. Если не ошибаюсь, то впоследствии онъ назначенъ былъ ректоромъ С.-Петербургской Духов­ной Академіи. По случаю жаровъ я не оставался въ Тифлисъ болѣе 3—4 дней и поѣхалъ по желѣзной дорогѣ до ставціи «Михайлово», от­туда въ экипажѣ, вмѣстѣ съ инженеромъ путей сообщенія Б. Статков­скимъ (авторъ «Задачи климатологіи Кавказа») мы проѣхали въ Бор­жомъ. Я ознакомился съ этимъ прекраснымъ уголкомъ міра и переѣхалъ черезъ Ахалцыхъ въ Абасъ-Туманъ на почтовыхъ лошадахъ.

Постепенное ознакомленіе съ устройствомъ Абасъ-туманскаго ку­рорта поражаело меня тою изумительною энергіею, которая требовалась для осуществленія широко задуманнаго и щегольски исполненнаго проекта устройства купалень въ водахъ, получаемыхъ изъ натураль­ныхъ, мѣстныхъ источниковъ, горячихъ и холодныхъ.

Самая жизнь въ Абасъ-Туманѣ обставлена довольно плохо: нѣтъ ни порядочныхъ гостиницъ, ни ресторановъ, гдѣ бы можно было пріятно обѣдать, нѣтъ никакихъ развлеченій; все это ждетъ еще распорядитель­ныхъ предпринимателей. Армяне, люди промышленные, на это не го­дятся, такъ какъ не понимаютъ требованій культурнаго человѣка.

Переѣздъ въ городскихъ экипажахъ изъ Абасъ-Тумана въ Кутаисъ черезъ Секарское ущелье былъ чрезвычайно интересенъ; дикая при­рода Кавказа представилась намъ въ ущельѣ во всей своей величе­ственной красѣ. Дорога эта не совсѣмъ безопасна отъ разбойниковъ, и потому въ наиболѣе пустынной части, среди громадныхъ обрывовъ и скалъ, покрытыхъ лѣсомъ, по распоряженію властей насъ сопровож­далъ конвой изъ туземцевъ; интересно было смотрѣть, что въ то время, какъ мы въ коляскахъ спускались по извилинамъ и зигзагамъ разра­ботанной дороги, конвой нашъ, изъ нѣсколькихъ удалыхъ туземцевъ, спускался по крутизнамъ напрямикъ, и вдругъ на какомъ нибудь по­воротѣ дороги мы видимъ, что на насъ налѣзаютъ свирѣпые Черкесы; на минуту мелькаетъ мысль, что вотъ насъ атакуютъ разбойники, но воображаемые злодѣи заботливо сдерживаютъ своихъ коней, чтобы дать проѣхать нашимъ экипажамъ и потомъ не слѣдуютъ за ними, а пере­сѣкаютъ дорогу и опять продолжаютъ сползать по кручамъ.

Къ вечеру мы были въ Кутаисѣ и послѣ утомительнаго пути были пріятно поражены гостинницею, устроенною на Европейскій ладъ, съ щегольскою прислугою въ безукоризненныхъ фракахъ, содержимою какимъ-то Французомъ необыкновенно чисто и нарядно.

Тамъ мы наняли почтовый фазтонъ и заплатили впередъ за поѣздку до Гудаура и обратно за тройку лошадей, когда приходится подниматься въ горы и за пару, когда ѣхать сверху внизъ; вся поѣздка рассчитана на два дня. Мы выѣхали въ хорошую погоду и, поднимаясь отъ первой станціи Ласпи все вверхъ, любовались Казбекомъ и Дарьяльскимъ ущельемъ, пѣнистымъ Тереккомъ и всѣми чудами живописной природы. Въ Коби мы обѣдали. Станціонный домъ намъ показался опрятно содержимымъ и привѣтливымъ, и потому я предупредилъ станціоннаго смотрителя, что на ночь я прошу приготовить для насъ ночлегъ, что мы пройдемъ до Гудаура и къ ночи вернемся къ нему. Намъ хотѣлось видѣть самый перевалъ и вообще подъемъ къ нему; здѣсь дорога изъ долины Терека переходитъ въ узлъ цѣлой группы ущелій въ узкое и мрачное ущелье Байдары, по бокамъ которой дорога лѣпится по краю пропасти, дѣлая частые повороты. Въ отношеніи обваловъ, снѣжныхъ и каменныхъ, это самое опасное мѣсто, и потому сдѣланъ даже на дорогѣ искусственный туннель, въ видѣ длиннаго сводчатаго корридора. Дорога представляетъ все туже суровую, дикую природу Дарьяльскаго ущелья; въ глубинѣ ущелій, по бокамъ горъ, громадными пластами лежалъ снѣгъ. Подымаясь выше, на высотѣ 7719 футовъ попадается нѣсколько хорошо обстроенныхъ домиковъ, занятыхъ нѣсколькими Осетинскими семьями, которыя получаютъ содержаніе отъ правительства за то, что звонятъ въ колоколъ во время мятежей; это есть наивысшее обиталище на Кавказѣ. На самомъ перевалѣ черезъ Крестовую гору, на лѣво отъ дороги (8498 ф.) стоитъ каменный крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 году. Отсюда мы стали спускаться уже въ долину Арагвы, но къ огорченію нашему облака застидали весь этотъ дивный видъ на Кайшаурскую долину. На станціи Гудауръ мы встрѣтили генерала Аносова, ѣхавшаго въ Тифлисъ и заночевавшаго здѣсь. Намъ скоро запрягли свѣжихъ лошадей и, сообщая объ этомъ, станціонный смотритель предупредилъ насъ подходить къ экипажу сзади и скорѣе садиться, такъ-какъ удерживать лошадей очень трудно; намъ запрягли тройку чудныхъ, сытыхъ коней, которые видимо застоялись и едва не сбивали съ ногъ всю ораву дюжихъ горцевъ-конюховъ; я и сынъ мой кое-какъ вскочили въ экипажъ, намъ подкинули наши вещи, кучеръ подалъ знакъ пустить; кони взвились на дыбы и бѣшено поскакали въ гору по страшнымъ зигзагамъ дороги, идущей по самому краю пропасти. Того и гляди какъ бы не

свернули насъ въ кручу. Саади насъ за рессоры прицѣпился на станщи конюхъ самаго дикаго вида, черномазый горець; сперва мы и не поняли зачѣмъ, а онъ долженъ былъ, чрезъ 6 и 7 верстъ, по достиженіи самой верхней точки перевала, отпрячь пристяжную и отвести ее на Гудауръ. Такъ скакали мы до перевала; между тѣмъ надвинулись тучи, электрическія искры показывались то тамъ, то сямъ, и выше, и ниже насъ, одна пролетѣла сбоку, на одной съ нами высотѣ; за тѣмъ явилась настоящая гроза; южные сумерки наступаютъ быстро, день смѣнился ночью. Тучи спустились, насъ окутала туманъ, молнія то и дѣло сверкала по всѣмъ направленіямъ, то надъ нами, то подъ нами, то пролетали мимо насъ—мы были въ грозѣ. Немного спустя настала такая темень, что хоть глазъ выколи, и полилъ дождь какъ изъ ведра. А мы все спускались внизъ рысью по страшнымъ извивамъ дороги, идущей по краю пропасти. Чтò дѣлалось на душѣ у насъ, извѣстно одному Богу, да тому кто бывалъ на краю гибели; ѣхать рысью по краю пропасти на парѣ дикихъ лошадей, когда ни зги не видно, въ центрѣ грозы—было дѣломъ далеко не безопаснымъ, а тутъ еще на каждомъ поворотѣ, въ тальвегѣ горъ, кюветы или желоба, выложенные гладкимъ камнемъ, не огороженные по краю надолбой, по которымъ съ горъ страшнымъ водопадомъ низвергалась масса воды, чрезъ которую мы переѣзжали и насъ могло ежеминутно смыть вмѣстѣ съ экипажемъ какъ ни почемъ; шарахнись лошади въ сторону, жалкіе надолбы или каменные столбики по краю дороги легко могли быть выбиты изъ каменистаго грунта, и мы полетѣли бы въ бѣдну. Ёдемъ мы и крѣпко молчимъ; не облокачиваясь на спинку экипажа, а сижу прямо, какъ вкопанный или огаменный и только гляжу во время молніи на мѣстѣ ли ямщицъ и видны ли справа охранительные столбики, окрашенные сверху бѣлою краскою. На лѣво отъ меня, гдѣ тѣмныя скалы поднимаются отвѣсною стѣной и откуда можно ожидать, что вотъ свалится на насъ глыба и приплюснетъ насъ, я боюсь смотрѣть, нервы напряжены въ высшей степени, глаза стараются преникнуть въ темноту, но все напрасно; одна лишь молнія помогаетъ на мигъ убѣдиться, что мы ѣдемъ вѣрно по срединѣ дороги, но она блеснетъ и ослѣпитъ, и послѣ того глаза еще менѣе различаютъ что либо во тѣмъ. Вдругъ слышенъ окрикъ.—«Чтò, чтò такое?» Оказывается встрѣчный обозъ; начинается разговоръ и перекрикиванія между нашимъ возницею и обозными, и мы кое-какъ разминовываемся. Мы спускаемся все ниже и ниже, а темень становится все гуще и гуще; наконецъ ямщицъ оборачивается и съ облегченнымъ вздохомъ проговорилъ: «ну, слава Богу, теперь самую опасную часть дороги проѣхали». Тѣмъ не менѣе дорога казалась мнѣ томительно длиною. Я не знаю въ точности раз-

стоянія между станціями Коби и Гудауромъ, но не думаю, чтобы оно было болѣе 25 верстъ; изъ Гудаура до перевала мы ѣхали чуть не въ карьеръ, а отъ перевала внизъ сильною рысью, и нельзя думать, чтобы весь переѣздъ занялъ болѣе двухъ часовъ времени; но мнѣ эти часы показались ужасно длинными, время тянулось мучительно долго.

Вотъ наконецъ внизу, на днѣ долины, показывается огонекъ станціи каждый разъ какъ мы поворачиваемъ на зигзагъ вправо; вдругъ сильный толчекъ, коляска наклонилась вправо, слышно рѣзкое шуршанье колесъ въ щебенкѣ; «тпру, тпру» — мы наскочили на кучу щебня; ямщикъ осматриваетъ экипажъ, ничего къ счастью не сломалось, а другое главнѣйшее счастье состояло въ томъ, что мы не попали съ наружной стороны щебня, тогда бы коляска наклонилась влѣво и могла свалиться кубаремъ съ дороги. Съѣхали съ щебня и покатили дальше; насколько было темно, можно судить по тому, что не только мы не видѣли лицъ другъ друга, но сидя подъ закрытымъ фордекеромъ не могли на темномъ фонѣ неба различить фигуры кучера на козлахъ. Доѣхали до духана на поворотѣ шоссе въ долину р. Терека; до Коби оставалось не болѣе 2-хъ верстъ, пустили хорошею рысью, какъ экипажъ нашъ ударился правымъ переднимъ колесомъ въ каменную стѣну или парапетъ, ограждающій въ этомъ мѣстѣ дорогу отъ обрыва; ударъ былъ сильный, экипажъ остановился сразу; крайне не явственно, но мнѣ показалось, что какая-то темная масса перенеслась съ того мѣста, гдѣ долженъ былъ быть ямщикъ вправо; въ одно мгновеніе я догадался, что сильнымъ толчкомъ ямщика сбросило съ козелъ на парапетъ или за парапетъ; во всякомъ случаѣ возжи не въ экипажѣ. Тишина... неужели человекъ упалъ въ пропасть и убитъ — лошади подквоятъ и разобьютъ насъ! Но вотъ слышится голосъ упавшаго; на наше счастье кучеръ упалъ на парапетъ и удержался на немъ; онъ оглаживаетъ лошадей и старается ихъ успокоить; онъ потерялъ шапку и хотѣлъ при помощи спичекъ ее отыскать, но спички какъ его, такъ и наши, отсырѣли. Кое-какъ разбитый, онъ влѣзъ на козлы, разобравъ возжи, и мы потихоньку доѣхали до станціи. Появленіе наше тамъ произвело своего рода сенсацію; на встрѣчу насъ вышло нѣсколько человекъ, у нѣкоторыхъ были зажженные фонари; всѣ смотрѣли на насъ осклабя лица, съ какою-то недоумѣвающею улыбкою, какъ встрѣчаютъ людей возвращающихся съ кроваваго боя, оглядывая при этомъ, все ли благополучно, нѣтъ ли перебитыхъ рукъ или ногъ.

Намъ отвели хорошую комнату съ двумя кроватями и скоро подали самоваръ; мы скоро все покончили и легли спать. Но уснуть мы долго не могли; начали мысленно переходить всѣ моменты испытанныхъ ощущений и сильно смѣялись; очевидно, что нервы наши, послѣ продолжи-

тельнаго напряженія, были разстроены; мы все обращали въ смѣшную сторону и вдобавокъ вспомнили возвращеніе наше также въ темный вечеръ въ Пятигорскъ, послѣ поѣздки въ Ессентуки и въ Желѣзноводскъ, когда кучеръ, везя насъ четверкою въ большой коляскѣ и желая попасть на шоссе идущее къ Пятигорску, вздумалъ рискнуть и не зная навѣрное, что у него впереди, оврагъ или глубокая яма, со словами «Ну съ Богомъ, ребяташки» направилъ свою четверку внизъ; къ счастью оказалось, что это былъ оврагъ съ отлогими берегами, непосредственно прилегавшій къ шоссе или просто резервъ шоссезнаго полотна.

На другой день утромъ я видѣлъ артиллерійскаго генерала, также ночевавшаго въ Коби, который говорилъ мнѣ, что по обязанностямъ службы онъ въ теченіи года проѣзжаетъ изъ Тифлиса въ Владикавказъ 6 разъ и никогда не рискуетъ ѣздить ночью; станціонный же смотритель объяснилъ мнѣ, что инженеръ путей сообщенія, завѣдывающій шоссезнаю Военно-Грузинской дорогою, поднимаясь вчера вечеромъ къ ст. Коби и застигнутый бурей, предпочелъ идти пѣшкомъ съ фонаремъ въ рукахъ. Очевидно, что я не остался ночевать въ Гудаурѣ потому только, что я съ сыномъ были новички въ горной странѣ; заикнись кто нибудь въ Гудаурѣ хотя бы полусловомъ, напрямѣръ станціонный смотритель объ опасности пускаться въ дорогу вечеромъ, въ виду надвигающейся грозы, не подлежитъ сомнѣнію, что мы не поѣхали бы вечеромъ въ Коби, тѣмъ болѣе, что мы не были стѣснены временемъ: для насъ было безразлично вернуться во Владикавказъ днемъ раньше или позже.

* * *

Лѣтомъ этого года я съѣздилъ на нѣсколько недѣль въ южную Францію (9-ая заграничная поѣздка), изъ Варшавы выѣхалъ на Вѣну и оттуда на Ponteno чрезъ Верону, Миланъ, Туринъ къ Греноблю, въ окрестностяхъ котораго находится скромный Французскій курортъ Uriage les bains. Le departement d'Isère, autrefois le Dauphiné, страна тихая, живописная и здоровая. Тамъ я провелъ около 5-ти недѣль и имѣлъ удовольствіе вспомнить о старыхъ своихъ знакомыхъ, какъ Vicat, сочиненіе котораго о цементахъ когда-то читалъ; въ музеѣ Гренобля видѣлъ картину, значеніе которой отгадалъ сразу, вспомнивъ сочиненіе Ламартина «Les Girondins» (Жирондисты накануне ихъ казни).

По окончаніи своихъ ваннъ въ Uriage, я выѣхалъ изъ Гренобля на Valens въ Марсель, гдѣ сѣлъ на Итальянскій пароходъ, чтобы попасть въ Геную и оттуда въ Вѣну, Варшаву и Новогоріевскъ.

Въ Марсель я пріѣхалъ въ 11 ч. вечера, накануне національнаго праздника 2 (14) Іюля и былъ пріятно пораженъ блестящею иллюми-

нацією главной улицы и массою народа ее наполнявшею, а на другой день я изъ оконъ своей комнаты смотрѣлъ на парадъ отъ войскъ, квартирующихъ въ Марсели; пѣхота, кавалерія и артиллерія, франтовски одѣтыя, продефилировали передъ моими окнами.

Въ Марсели я съ большимъ удовольствіемъ и интересомъ разсматривалъ музей и зоологическій при немъ паркъ. Роскошное зданіе музея съ колоннами и шумными фонтанами невольно останавливаетъ вниманіе посѣтителя музея; нечего и говорить, что внутреннее его содержаніе по скульптурѣ, а особенно по отдѣлу живописи, находится въ соответствіи съ богатствомъ и художественнымъ величіемъ наружнаго вида зданія. На обратномъ пути я еще разъ любовался Вѣною, ея богатыми Ringstrasse, правительственными зданіями и дворцами нѣкоторыхъ герцоговъ.

1892-ой годъ былъ для меня знаменательный: 8-го Августа исполнилось 50 лѣтъ моей службы въ офицерскихъ чинахъ и 25 лѣтъ въ генеральскихъ чинахъ. На другой день, день юбилея, я поѣхалъ на свою квартиру въ крѣпости, чтобы быть въ соборной церкви, гдѣ я просилъ духовенство отслужить обѣдню съ молебномъ.

Первое, что я нашелъ въ своей квартирѣ, это телеграмму г.-ад. Гурко, слѣдующаго содержания: «Приношу вашему превосходительству мои искреннѣйшія поздравленія съ совершившимся полувѣковымъ служеніемъ вашимъ Царю и Россіи и душевныя мои пожеланія о продленіи его на долгіе годы». Затѣмъ я съ братомъ, сыномъ, невѣсткою и многими моими добрыми знакомыми и сослуживцами были въ церкви, послѣ которой я пригласилъ всѣхъ къ себѣ на завтракъ.

Взойдя въ столовую, я былъ пораженъ ея убранствомъ; это былъ сюрпризъ, сдѣланный моимъ сыномъ. Напротивъ мѣста за столомъ, занятаго мною, красовался мой портретъ, приготовленный мною ко дню производства моего сына въ офицеры; портретъ былъ украшенъ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ, перевязаннымъ Александровскою лентою, на концахъ которой помѣщены золотыя цифры «1842» и «1892», а на верху портрета Римская цифра «L». Въ то время, когда мы сидѣли за столомъ, телеграммы и письма съ поздравленіями сыпались обильнымъ дождемъ. Военный министръ также удостоилъ меня поздравленіемъ, при чемъ сообщилъ, что Государь Императоръ, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія моей службы, соизволилъ пожаловать мнѣ арендное производство по 1500 рублей въ годъ на шесть лѣтъ. Телеграммы я получилъ изъ Копенгагена, Веве, Варшавы, Петербурга, Одессы, Выборга, Владимира, Вильны, Москвы, Кронштадта, Брестъ-Литовска, почти изъ всѣхъ городовъ Привислянскаго края и наконецъ получилъ письмо отъ особы, которую я зналъ только по имени и то лишь давнымъ-давно. Вотъ содержаніе этого письма:

«Немало поздравленій и пожеланій получите вы на вашъ юбилей, но едва ли найдется между ними болѣе искреннее и болѣе сердечное пожеланіе вамъ всего добраго и хорошаго, какъ это мое скромное письмо. Я была первой стипендіаткой имени покойной супруги вашей Елисаветы Александровны, рожденной Норманской, въ Патріотическомъ Институтѣ и всю жизнь свою молила Бога за васъ, за ваше благодѣяніе, оказавное мнѣ. Воспитаніе и образованіе всѣмъ необходимо, мнѣ же оно дало возможность въ продолженіи девяти долгихъ лѣтъ кормить семью и почти поставить на ноги четверыхъ дѣтей. Мужъ мой рано умеръ, я осталась съ четырьмя дѣтьми безъ пенсіи и безъ средствъ; только благодаря диплому Патріотическаго Института я не пропала; одна дочь у меня уже кончила Институтъ эту весну, другая кончаетъ на будущій годъ, и послѣднія приняты; такимъ образомъ я говорю, что семья моя спасена и почти поставлена на ноги мною, а я обязана вамъ. Я никогда не забывала въ молитвахъ вашего имени и теперь осмѣливаюсь писать вамъ, чтобы въ числѣ прочихъ принести поздравленіе, пожеланіе и искреннюю благодарность. Примите и проч.....»

При первой возможности я конечно постарался отыскать и познакомиться съ этою достойною особою, написавшею мнѣ приведенное письмо, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того я имѣлъ удовольствіе присутствовать на вѣнчаніи старшей дочери этой дамы, и тутъ же познакомиться съ ея матерью, бывшею въ Патріотическомъ Институтѣ самую близкою подругою моей первой жены Елисаветы Александровны.

Кому только могъ, я отвѣчалъ на поздравительныя телеграммы, и просидѣлъ для этого около трехъ дней, а затѣмъ, не зная адреса многихъ, обратился къ посредству газетъ, чтобы выразить мою искреннѣйшую благодарность всѣмъ почтившимъ меня своимъ вниманіемъ.

Изъ 25 $\frac{1}{4}$ лѣтъ моей службы я пробылъ 1 годъ въ Кіевѣ, около 7 $\frac{1}{4}$ лѣтъ въ Севастополѣ, 3 года въ Крымской войнѣ, 4 года въ Петербургѣ, 3 $\frac{1}{2}$ года въ Кронштадтѣ, 3 $\frac{1}{2}$ года въ Варшавѣ, 3 года въ Кѣльцахъ, т.-е. около 16 $\frac{3}{4}$ лѣтъ внѣ всякой общественной жизни какъ будто въ уединенной казармѣ, и около 8 $\frac{1}{2}$ лѣтъ въ городѣ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1869 года я оставилъ Кѣльцы и на долгое время поселился въ Варшавѣ, не имѣя никакой связи съ цитаделью, какъ это было прежде; нѣтъ, я жилъ въ Варшавѣ на вольной квартирѣ, какъ обыкновенный гражданинъ. Жизнь Русскаго человека въ Варшавѣ имѣетъ извѣстныя лишенія, но умѣренный климатъ покрываетъ многое; я долго жилъ въ Варшавѣ (до іюня 1883 г.) и былъ доволенъ своимъ положеніемъ, но въ концѣ концовъ и Варшава мнѣ надоѣла, такъ что не смотря на все мое отвращеніе къ жизни въ крѣпости, я былъ доволенъ переселиться изъ Варшавы въ Новогеоргіевскъ.

Я подозревалъ или лучше сказать сознавалъ, что жизнь въ крѣпости такой какъ Новогеоргіевскъ, гдѣ кромѣ военнoслужачихъ нѣтъ

ни единого свободного гражданина, гдѣ только крѣпостныя постройки и казармы, и нѣтъ ни одного частнаго дома, далеко не въ моемъ вкусѣ: но видное служебное положеніе съ хорошимъ содержаніемъ, а главное—большая дѣятельность мнѣ предстоящая, къ тому же обязанность заниматься предметомъ интересовавшимъ меня въ то время, а именно подготовка крѣпости къ способности перейти въ нѣсколько дней съ мирнаго положенія на военное и осадное, отодвигали на задній планъ очевидныя неудобства жизни въ крѣпости и полное отсутствіе общественной жизни.

Оглядываясь на прошедшіе годы службы, долженъ я признать, что назначеніе меня комендантомъ Новогеоргіевска соответствовало вполнѣ тѣмъ занятіямъ и тѣмъ специальнымъ вопросамъ, которыми я интересовался въ продолженіи многихъ лѣтъ, а именно о быстрой мобилизаціи крѣпостей.

По мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ разнообразными обязанностями коменданта лервоклассной крѣпости и въ особенности такой какъ Новогеоргіевскъ, которая въ случаѣ войны съ западными державами, находясь единственнымъ препятствіемъ на пути ихъ наступленія, должна была бы подвергнуться первымъ и самымъ сильнымъ ударамъ противника, я постепенно и непрерывно стремился развернуть свою дѣятельность, имѣя одну цѣль: довести крѣпость до той степени ея готовности къ бою, въ какомъ должна быть каждая пограничная крѣпость. Варшава, въ то время не была еще обнесена фортами и имѣла только дитадель, неспособную защищаться; въ Зегрже также не было никакихъ укрѣпленій, такъ что Новогеоргіевскъ, былъ нашъ единственный оплотъ на западномъ театрѣ войны, находящійся отъ Прусской границы въ разстояніи 75 верстъ. Энергія моя, охота трудиться на пользу крѣпостнаго дѣла, были тѣмъ сильнѣе, что командующій войсками много обращалъ вниманія на крѣпости и явно одобрялъ мои труды.

Нельзя было не замѣтить, что Гурко не ограничивается только наружнымъ знакомствомъ съ крѣпостью и окружающею мѣстностью, но имѣетъ твердое намѣреніе изучить сознательно возможные способы атаки и обороны крѣпости. Отвѣчая ему на тотъ или другой вопросъ, думалось иногда, что это только такъ, для поддержанія разговора онъ спрашиваетъ меня объ этомъ, а между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней случалось услышать отъ него въ родѣ слѣдующаго: «вотъ, вы сказали мнѣ то-то, я думалъ объ этомъ, и вотъ какіе народились при этомъ вопросы...» и т. д. Очевидно было, что ген.-ад. Гурко интересовался крѣпостнымъ дѣломъ не только въ то время, которое посвящено было специально для крѣпости, но и въ другое время. За то года черезъ три ген.-ад. Гурко, овладѣвъ предметомъ, явился начальникомъ, способнымъ

направлять крѣпостное дѣло и руководить насъ—исполнителей. А между тѣмъ по званію Варшавскаго генераль-губернатора, ему приходилось работать и по вопросамъ административнымъ, полицейскимъ, по дѣлу учебному, по дѣламъ католическаго духовенства, благотворительнымъ и мн. др. Занятія у ген.-ад. Гурко распредѣлялись такимъ образомъ. Понедѣльникъ, Среда и Пятница для военныхъ, а Вторникъ, Четвергъ и Суббота для гражданскихъ, и не разъ мнѣ приходилось слышать, что для Іосифа Владимировича военные дни были сравнительно днями отдыха: такъ тяжелы и продолжительны были занятія его въ дни, назначаемые для дѣлъ гражданскихъ. Между тѣмъ, какъ ни придеши къ командирующему войсками въ одинъ изъ военныхъ дней, всегда у него такая масса народу, что стараешься по возможности короче изложить ему свое дѣло, потому что становится просто совѣстно отнимать у него много времени, когда его ждутъ очень серьезные и продолжительные доклады начальниковъ штаба, инженеровъ и артиллеріи, интенданта, окружнаго военно-медицинскаго инспектора, военнаго прокурора и др.

Я имѣлъ случай наблюдать неоднократно труды г.-адъютанта графа Берга, который былъ также очень дѣятеленъ; но графъ касался всего слегка и потому спускалъ доклады очень быстро. Послѣ графа Берга былъ графъ Коцебу, который очень заботливо относился къ своему здоровью, и у него было все размѣрено по часамъ и минутамъ: въ известную минуту дверь его кабинета отворялась, и всѣхъ имѣющихъ къ нему дѣло онъ принималъ въ одной общей комнатѣ, отвѣчая каждому двумя-тремя словами. Изложить что нибудь подробнѣе при такомъ способѣ приѣма не было никакой возможности; весь приѣмъ многочисленной публики оканчивался въ нѣсколько минутъ; графъ удалялся въ свой кабинетъ, куда въ известные дни и часы могли проникать очень немногія лица. Графъ Коцебу окружилъ себя весьма ограниченнымъ числомъ довѣренныхъ лицъ, которыхъ и удостоивалъ своимъ разговоромъ; эти господа и обдѣлывали хорошо свои дѣла, а всему прочему міру Коцебу, фигурка маленькая, представлялся какъ маріонетка, которая появлялась и исчезала въ опредѣленные минуты, какъ на проволокѣ у шарманщиковъ.

Коцебу своею службою въ Привислянскомъ краѣ ничего не внесъ своего: все продолжалось, какъ по гражданской, такъ и по военной частямъ двигаться одною силою инерціи. Онъ продержался въ Варшавѣ около пяти лѣтъ, успѣлъ выманить у правительства очень богатый маіоратъ, цѣнностью, какъ говорятъ, въ 1½ милліона рублей, и былъ, кажется, за эту продѣлку удаленъ. Непонятно зачѣмъ ему понадобился этотъ злосчастный маіоратъ, такъ какъ по женѣ онъ былъ очень бо-

гать, сыновей не имѣлъ, а единственная его дочь вышла замужъ за барона Пиллеръ-фонъ-Пильхау, человѣка тоже достаточнаго.

Послѣ Коцебу командующимъ войсками Варшавскаго округа и генераль-губернаторомъ былъ г.-адъютантъ Альбединскій, джентельменски вѣжливый со всѣми и несравненно болѣе доступный чѣмъ Коцебу. Но каждый проситель получалъ отъ новаго начальника почти неизмѣнно одинаковый отвѣтъ: военному онъ предлагалъ переговорить по его дѣлу съ начальникомъ штаба, а гражданскому чиновнику или частному человеку переговорить съ директоромъ его канцеляріи.

Генераль Альбединскій въ особенности любезничалъ съ Польскою аристократіею, и Поляки, которые начинали уже сворачивать на свою сторону Коцебу, пошли теперь несравненно смѣлѣе; если бы Альбединскій оставался въ краѣ долѣе, то можно было бы опасаться, что Русское тамъ дѣло затормозится, но въ 1882 году онъ умеръ, и на его мѣсто назначенъ былъ г.-адъютантъ Гурко. Онъ сразу поднялъ на надлежащую высоту значеніе Русской власти, и всѣ мы, тамъ служившіе, вздохнули свободнѣе; мы сразу поняли, что новый начальникъ не дастъ Русскому дѣлу въ Польшѣ пропадать, что онъ не только закрѣпитъ всѣ реформы, исполненныя съ цѣлію привязать ближе Польскія провинціи къ Россіи, но и поведетъ это дѣло дальше.

Пока Новогеоргіевскъ былъ единственною крѣпостію на западномъ театрѣ войны, а комендантъ ея дѣятелемъ самостоятельнымъ, я работалъ съ большою энергіею и нерѣдко съ увлеченіемъ, потративъ при этомъ немало труда на обученіе той пѣхоты, которая предназначалась защищать, въ случаѣ войны, крѣпость. Зимой я устраивалъ для командировъ частей и вообще всѣхъ офицеровъ крѣпостнаго гарнизона сообщенія по крѣпостной войнѣ, крѣпостную игру, а лѣтомъ, въ періодъ общихъ сборовъ, производилъ въ возможно болѣшихъ размѣрахъ крѣпостные маневры.

Къ 1892 году кругомъ Варшавы устроены были въ двѣ линіи отдѣльныя укрѣпленія, и такимъ образомъ въ 8—9 лѣтъ возведена значительная первоклассная крѣпость, большой стратегической важности, какъ сосредоточіе управленія всѣмъ Привислинскимъ краемъ и какъ политическій центръ бывшаго Польскаго королевства.

Въ тоже время на Наревѣ, недалеко отъ слиянія рѣкъ Нарева и Буга, устроены на правомъ берегу Нарева сильныя укрѣпленія у деревни Зегрже, и такимъ образомъ получился зародышъ укрѣпленнаго треугольника: Варшава, Новогеоргіевскъ, Зегрже; вершины его укрѣплены, стороны же треугольника, Варшава-Новогеоргіевскъ и Новогеоргіевскъ-Зегрже состоятъ изъ рѣкъ Вислы и Нарева; остается одна только сторона открытою—это Зегрже-Варшава.

Въ 1892 г. назначенъ былъ начальникъ укрѣпленнаго района генералъ-отъ-инфантеріи Павловъ, которому подчинены коменданты Варшавской и Новогеоргіевской крѣпостей. Работы по укрѣпленіямъ въ Зегрже еще не закончены, и потому не сформированы управления крѣпости. Въ то же время приступлено было къ сформированію резервныхъ бригадъ для укрѣпленнаго района.

Значеніе Новогеоргіевска съ устройствомъ въ Варшавѣ первоклассной крѣпости, а въ особенности съ устройствомъ укрѣпленнаго района, значительно измѣнилось и понизилось.

Независимо отъ сего и гораздо прежде обязанности мои по званію коменданта Новогеоргіевской крѣпости начинали тяготить меня частою перемѣною лицъ, съ которыми приходилось быть въ служебныхъ сношеніяхъ. вмѣсто генерала Нагловскаго, внезапно умершаго, начальникомъ штаба Варшавскаго военного округа назначенъ былъ ген.-маіоръ Пузыревскій; затѣмъ вскорѣ, на мѣсто генерала Дешпа, начальникомъ инженеровъ Варшавскаго округа назначенъ былъ ген.-маіоръ Воронцовъ-Вельяминовъ; послѣ умираетъ товарищъ генералъ-инспектора инженеровъ генералъ Звѣревъ, и на его мѣсто назначенъ главнымъ начальникомъ инженеровъ генералъ-маіоръ Заботкинъ, а наконецъ нарождается на свѣтъ Божій укрѣпленный районъ и вмѣстѣ съ тѣмъ новый начальникъ въ лицѣ генерала Павлова. Всѣ эти перемѣны происходили въ теченіе 2—3 лѣтъ, и каждый разъ, съ появленіемъ названныхъ новыхъ лицъ, приходилось возобновлять всѣ тѣ представленія и ходатайства, предположенія и проекты по улучшенію крѣпости въ боевомъ, санитарномъ и другихъ отношеніяхъ и добиваться, чтобы все это было не только принято къ свѣдѣнію, но было бы надлежащимъ образомъ разсмотрѣно, разобрано критически и одобрено. Такія повторенія одного и того же по нѣскольку разъ не могли не вліять на зарожденіе у меня въ извѣстной степени нравственнаго утомленія и нѣкотораго охлажденія къ вопросамъ, къ которымъ до того я относился весьма сочувственно.

Положеніе мое въ крѣпости утомляло меня тѣмъ болѣе, что я началъ замѣчать въ главныхъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ вліяніе на руководство этимъ дѣломъ, неустойчивость взгляда на лучший способъ обороны крѣпости, на значеніе ея фортовъ и проч. вмѣсто правильнаго и яснаго пониманія столь важнаго для коменданта вопроса, который до сего времени одинаково понимали какъ командующій войсками, такъ и высшее инженерное начальство, появились новыя толкованія, которымъ невозможно было сочувствовать. Наконецъ, къ большому моему удовольствію я услышалъ, что г.-ад. Гурко говорилъ обо мнѣ съ военнымъ министромъ, и рѣшено было ими мое назначеніе членомъ Военнаго Совѣта, что и состоялось 3 Мая 1893 года.

Я простился съ г.-адъют. Гурко искренно, выразивъ ему, что служба подъ его начальствомъ была для меня особенно пріятна, и въ двадцатыхъ числахъ Мая мѣсяца 1893 года выѣхалъ радостный изъ Новогоріевска, съ увѣренностію, что мнѣ не придется уже никогда возвращаться къ жизни посреди солдатъ и казармъ и нести какую-нибудь отвѣтственную обязанность. Я чувствовалъ себя какъ-то особенно легко, какъ будто камень свалился съ моихъ плечъ.

Сынъ мой остался временно въ крѣпости, а я, забравъ его семью, т. е. мою невѣстку, внука и внучку, прислугу, отправился изъ Варшавы на Кіевъ и Курскъ въ свою деревню; тамъ я оставался всего 2—3 дня и поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ нанята была для меня квартира на Англійскомъ Проспектѣ.

2-го Іюня 1893 года г.-адъют. Гурко подписалъ слѣдующій приказъ № 61 войскамъ Варшавскаго военнаго округа:

„Командантъ Новогоріевской крѣпости генераль-лейтенантъ Хлѣбниковъ высочайшимъ приказомъ 3-го минувшаго Мая назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и вслѣдствіе этого оставляетъ службу въ войскахъ ввѣреннаго мнѣ округа.

Здѣшнему военному округу и краю принадлежитъ 30-ти лѣтняя безпрерывная служба генераль-лейтенанта Хлѣбникова въ различныхъ званіяхъ по военному и гражданскому управленію; въ должности же команданта Новогоріевской крѣпости ему нынѣ истекаетъ 10-й годъ служенія. Въ это время подъ ближайшимъ его руководствомъ осуществилось преобразование крѣпостнаго управленія и выполнены обширные труды по подготовкѣ крѣпости къ цѣли ея назначенія.

Вынеся изъ участія при оборонѣ Севастополя опытъ боевого примѣненія сапернаго дѣла и проникнувшись любовью къ нему, поддержанною многосторонними въ этой области свѣдѣніями, приложивъ затѣмъ ихъ въ мѣропріятія по боевой подготовкѣ ввѣренной ему крѣпости и по развитію сапернаго дѣла въ войскахъ постояннаго крѣпостнаго гарнизона, онъ этимъ путемъ положилъ основаніе къ наиболѣе раціональному усиленію крѣпостной обороны, въ чемъ я усматриваю одну изъ главнѣйшихъ заслугъ въ дѣятельности сего генерала.

Призванному теперь къ участію въ трудахъ одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, генераль-лейтенанту Хлѣбникову предстоитъ приложеніе въ болѣе обширной средѣ своихъ капитальныхъ научныхъ познаній, административнаго и боевого опыта; мнѣ же остается, разставаясь съ нимъ, исполнить мой долгъ выраженіемъ ему моею искренней признательности за долговременную полезную службу въ войскахъ ввѣреннаго мнѣ округа“.

ИЗЪ ВОЕННО-УГОЛОВНОЙ ХРОНИКИ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Необычайныя событія, сопровождавшія воцареніе императора Николая I, внесли въ мирную жизнь Русскаго общества тревожное настроеніе. Неожиданная кончина любимаго государя въ какомъ-то захолустьи, вдали отъ столицъ, казавшаяся многимъ загадочною; смутныя слухи о заговорахъ; отказъ цесаревича Константина отъ престола; двѣ присяги двумъ государямъ въ теченіи одного мѣсяца; бунтъ на Сенатской площади; таинственныя исчезновенія лицъ, всѣмъ извѣстныхъ, имѣвшихъ видное служебное положеніе: все это разжигало фантазію и порождало толки и слухи, одинъ другого тревожнѣе и нелѣпнѣе. Конечно, они передавались шопотомъ; но у людей нервно-возбужденныхъ, а особенно хмѣльныхъ, языкъ не слушался разсудка и самъ собою выпаливалъ иногда такія словечки, отъ которыхъ слушателей брала ѳторопь. Преданія кроваваго прошлаго были слишкомъ свѣжи: старики еще помнили тайную канцелярію, а пытка была отмѣнена на памяти еще многихъ. Изъ такихъ-то словечекъ возникали дѣла о государственныхъ преступленіяхъ. А такъ какъ матерьяльные уголовные законы оставались въ сущности тѣми же самыми, какими они были во времена „слова и дѣла“, то они грозили неосторожнымъ болтунамъ всяческими ужасами. Но *tempora mutantur*. Законы остались, а духъ времени измѣнился*), и съ нимъ волей-неволей надо было считаться. Если, съ одной стороны, до законодательной отмѣны кнута и плетей оставалось еще 40 лѣтъ, за то съ другой—страшныя времена „слова и дѣла“ были уже давно прожиты, и возвратъ къ нимъ сдѣлался невозможенъ. Поэтому-то, на практикѣ, уголовные ужасы сплошь и рядомъ оставались только на бумагѣ.

Въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія найдется немало такихъ quasi-государственныхъ уголовныхъ дѣлъ, которыя возникли подъ вліяніемъ Декабрскихъ событій 1825 года. Предлагаемъ вниманію читателей одно изъ нихъ, находящееся въ канцеляріи Псковскаго губернатора. Къ сожалѣнію, это не самое слѣдствіе, а только переписка, относящаяся къ слѣдственному дѣлу; поэтому она не содержитъ подлинныхъ показаній обвиняемыхъ и свидѣтелей; однакожъ заключающіеся въ

*) А кому объявы были этимъ измѣненіемъ, какъ не Екатеринѣ и ея любимому внуку, „самодержцу, умѣвшему цѣнить человѣчество“, по выраженію Пушкина? П. Б.

переписки документы даютъ возможность возстановить дѣло въ существенныхъ его чертахъ. Не менѣе, если не болѣе, политической стороны дѣла любопытна еще и другая чисто-бытовая. Она воскрешаетъ предъ нами обстановку, среди которой проходила служба Русскаго солдата того времени.

Прежде всего необходимо пояснить, что въ описываемое время воинскіе чины Псковскаго внутренняго гарнизоннаго батальона лѣчились въ мѣстной городской больницѣ. Въ виду того, что больница обслуживала военное вѣдомство, къ ней прикомандировывались гарнизонные фельдшера, которые и несли тамъ свою службу. Такимъ образомъ у нихъ было два начальства: военное и гражданское.

Инспекторъ Псковской Врачебной Управы Всеволодовъ, донесъ, что 19 Апрѣля 1826 года, на Пасхѣ, въ 11-мъ часу ночи, когда онъ, Всеволодовъ, былъ на визитаціи во Псковской городской больницѣ, пришелъ гарнизонный фельдшеръ Константинъ Ивановъ, подъ предлогомъ поздравить Всеволодова съ праздникомъ. „Но, какъ будто что-то предчувствуя (пишетъ Всеволодовъ), я не позволилъ ему поцѣловать меня и объявилъ, что онъ не стѣдитъ того по своему дурному поведенію“. Ивановъ сталъ ругаться и грозить Всеволодову какими-то доносами. Тогда Всеволодовъ велѣлъ связать Иванова, „для того собственно, чтобы проспался, поелику былъ нетрезвъ“. Но Ивановъ вынулъ ножъ и грозилъ зарѣзать подходившихъ къ нему фельдшера Алексѣева и унтеръ-офицера Якова Иванова. Съ помощью караульныхъ бунякъ всетаки былъ связанъ и посаженъ въ арестантскую. Но и въ арестантской онъ не унялся. „Подобно изступленному, пишетъ Всеволодовъ, онъ увѣрялъ, что никого и ничего не боится, потому что 15-го числа будущаго Мая будетъ новый въ Россіи Императоръ, и именно Константинъ Павловичъ, а царствующаго Государя Императора называлъ полуименемъ“.

Получивъ этотъ рапортъ, Псковскій губернаторъ Адеркасъ *) немедленно донесъ о происшествіи управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, д. т. совѣтнику Василю Сергѣевичу Ланскому, и въ тотъ же день была образована слѣдственная по этому дѣлу комиссія, изъ полиціймейстера Заржицкаго, аудитора Разорина и депутата отъ военной стороны, капитана Гурскаго. Двѣнадцать свидѣтелей подтвердили рапортъ Всеволодова, при чемъ двое, фельдшеръ Алексѣевъ и унтеръ-офицеръ Яковъ Ивановъ, дополнили его только одной подробностью: когда пьяный Константинъ Ивановъ усялся во дворѣ на дрожки Всеволодова, то Всеволодовъ треснулъ его по уху за то, что тотъ смѣлъ сидѣть въ его присутствіи.

Обвиняемый, видимо, растерялся на допросѣ и сталъ путаться въ показаніяхъ. Сначала онъ заявилъ обычное: „былъ пьянъ и ничего не помню“;

*) Былъ Псковскимъ губернаторомъ съ 12 Дек. 1816 по 12 Сент. 1826 г. Занимался стихотворствомъ и давалъ опальному Пушкину переправлять свои стихи (см. соч. Пушкин. изд. Сувор., 1903 г., т. VII, стр. 230). Н. О.—Любопытно, что и въ Одессѣ графъ Ланжеронъ мучилъ опальнаго поэта чтеніемъ своихъ (Французскихъ) стиховъ. П. Б.

но потомъ, наводимый, быть можетъ, искуснымъ аудиторомъ, сталъ разговорчивѣе и понемногу выболталъ именно то, что ему нужно было держать за зубами и чего добивалась комиссія.

„Я (показываетъ Ивановъ) не говорилъ Всеволодову, что ничего не боюсь, а сказалъ только, что не боюсь его, Всеволодова; ибо онъ не мой начальникъ, а есть у меня начальникъ батальонный командиръ. Царствующаго нынѣ Государя полуименемъ не называлъ, а говорилъ, что 15 Мая увидимъ, кто будетъ государемъ: кто приметъ коронацію, тотъ и будетъ государемъ. О томъ, что 15 Мая государемъ будетъ Константинъ Павловичъ, я, дѣйствительно, говорилъ. Я слышалъ это въ великомъ посту, когда сидѣлъ на гауптвахтѣ, отъ пересылавшихся изъ Петербурга рекрутъ, взятыхъ изъ людей графа Воронцова. Эти рекруты рассказывали, что Константинъ Павловичъ идетъ съ войскомъ, состоящимъ изъ трехъ корпусовъ; но куда именно идетъ, того они не знаютъ. Войско раздѣлено на двѣ части; съ первую идетъ самъ цесаревичъ чрезъ Нарву, а вторая часть идетъ чрезъ городъ Порховъ. Имъ, рекрутамъ, сказывали это тѣхъ войскъ квартирьеры, попавшіеся имъ на встрѣчу“.

Далѣе идетъ чисто-бытовая часть показаній, не лишенная въ дѣлѣ своего значенія. Обвиняемый рассказалъ, что въ теченіи своего двухлѣтняго служенія во Псковской градской больницѣ онъ неоднократно замѣчалъ, что лѣкарствами, выписываемыми для воинскихъ чиновъ, Всеволодовъ пользуется всѣхъ, кого придется: частныхъ своихъ пациентовъ, семинаристовъ и проч. Въ прошломъ году Всеволодовъ отправилъ къ себѣ на квартиру, на своихъ дрожкахъ, 375 аршинъ больничнаго холста. Вслѣдствіе этого, онъ, Ивановъ, а также и служащіе при больницѣ школьники, часто употребляли на биты свое собственное старое бѣлье, такъ какъ казенный холстъ былъ весь вывезенъ. Всеволодовъ билъ его, Иванова, нещадно за малѣйшую несправность. 6 Января, замѣтивъ у одного больного примочку въ солоникѣ, Всеволодовъ, въ присутствіи врача Сокольскаго, ударилъ Иванова разъ 30 по зубамъ, вискамъ и головѣ, отчего Ивановъ „пришелъ въ совершенное ивнѣмощіе и едва могъ стоять на ногахъ“. На другой день Всеволодовъ опять избилъ Иванова, такъ что сей послѣдній цѣлый мѣсяцъ лежалъ больной и даже исповѣдывался и причащался.

Послѣ допроса Ивановъ, какъ важный преступникъ, былъ закованъ въ желѣза и посаженъ на главную гауптвахту. Надъ головой его нависла грозная туча, но не совсѣмъ-то ловко долженъ былъ чувствовать себя и инспекторъ Псковской Врачебной Управы Всеволодовъ.

19 Мая жена Иванова, Клара, подала прошеніе командиру Псковскаго гарнизоннаго батальона майору Петрову. Въ этомъ прошеніи она заявляла, что вслѣдствіе побоевъ, которымъ Всеволодовъ часто подвергалъ ея мужа, у послѣдняго стали появляться припадки умоизступленія. Въ доказательство этого она храбро ссылалась не только на сосѣдей и на двухъ священниковъ,

но даже и на самихъ офицеровъ гарнизоннаго батальона, которымъ, будто бы, душевное разстройство ея мужа хорошо извѣстно, такъ какъ въ минувшемъ Февралѣ о Константинѣ Ивановѣ производилось слѣдствіе, установившее его болѣзненное душевное состояніе.

Представляя это прошеніе губернатору Адеркасу, маіоръ Петровъ, со своей стороны, энергично поддержалъ просительницу. Въ своемъ рапортѣ онъ подтвердилъ всѣ ея доводы и просилъ губернатора назначить комиссію для освидѣтельствованія умственныхъ способностей обвиняемаго. Трудно сказать, чѣмъ обуславливалось въ данномъ случаѣ заступничество маіора Петрова: чувствомъ ли справедливости, слезами ли несчастной Клары, личными ли счетами со Всеволодовымъ или опасеніями за свою собственную службу? Преступленіе Иванова могло, вѣдь, отразиться и на судьбѣ батальоннаго командира: дескать, людей распустилъ, ни за чѣмъ не смотреть. Рапортъ маіора Петрова написанъ такъ безграмотно и безтолково, что трудно понять его руководящую мысль *).

Вотъ что пишетъ Петровъ: „А какъ дѣло сіе необходимо доведено будетъ до свѣдѣнія Государя Императора, то чтобы такое донесеніе не оказалось впоследствии времени принятымъ за основаніе отъ человѣка лишеннаго ума, каковая неосмотрительность можетъ вовлечь въ отвѣтственность, я въ обязанности поставилъ донести о семъ вашему превосходительству“... Вѣроятно, Петровъ хотѣлъ сказать, что члены военно-судной комиссіи могутъ попасть подъ отвѣтственность, если окажется, что они осудили сумасшедшаго.

26 Мая состоялось высочайшее повелѣніе о преданіи Иванова военному суду. Немедленно была образована военно-судная комиссія. Эти комиссіи составлялись изъ одного штабъ-офицера, въ качествѣ презуса, двухъ оберъ-офицеровъ, въ качествѣ ассессоровъ, и аудитора. По сохранившимся въ перепискѣ документамъ можно догадываться, что въ дѣлѣ Иванова проявился обычный въ ту пору антагонизмъ между военными и штатскими. Комиссія вела дѣло быстро и энергично. Она настойчиво добивалась выяснить вопросъ о побояхъ, нанесенныхъ Иванову Всеволодовымъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что въ тѣ времена офицеры, да еще гарнизоннаго батальона, давали волю рукамъ не меньше, чѣмъ Всеволодовъ. Оплеухи, заушенія и зуботычины сыпались на солдатъ градомъ и считались дѣломъ естественнымъ и необходимымъ. „За битаго двухъ небитыхъ дають“, говорило начальство въ утѣшеніе солдатамъ. „За тычкомъ не угоишься“, философски разсуждали солдаты. По это битые офицеры считали своею монополіей, и постороннему, „штатскому“, не позволяли тронуть солдата пальцемъ. Съ другой стороны, гражданскія власти, очевидно, не желали давать своего въ обиду и старались замѣять вопросъ о побояхъ. Но замѣять этотъ вопросъ было нелегко, тѣмъ болѣе,

*) Гарнизонные офицеры были обыкновенно изъ солдатъ, такъ называемые „бурбоны“.

что врачъ Сокольскій, на котораго сослался Ивановъ, не рѣшился покрывать своего коллегу и подъ присягой показаль, что 6 Января Всеволодовъ, дѣйствительно, далъ Иванову нѣсколько пощечинъ.

9 Юля комиссія просить губернатора потребовать отъ Всеволодова объясненій. Продержавъ эту бумагу у себя три недѣли, губернаторъ отсылаетъ ее, наконецъ, Всеволодову и въ тотъ же день пишетъ коменданту, что комиссія обязана рассмотреть лишь государственное преступленіе Иванова, вопросъ же о побояхъ, какъ не имѣющій связи съ дѣломъ, подлежитъ рѣшенію гражданскихъ властей. Однако комиссія не уступала и запросила батальоннаго командира, должна ли она расслѣдовать вопросъ о побояхъ. Майоръ Петровъ отвѣчалъ утвердительно, ибо, по его мнѣнію, вопросъ о побояхъ имѣетъ существенное значеніе при опредѣленіи вѣроятности подсудимаго. Послѣ этого комиссія неоднократно просила губернатора выслать ей объясненія Всеволодова, но никакого отвѣта не получала. Между тѣмъ, объясненія эти уже давно были въ рукахъ губернатора. Правда, Всеволодовъ не спѣшилъ съ ними и, получивъ чрезъ губернатора первое требованіе комиссіи, держаль его у себя болѣе двухъ мѣсяцевъ, однакожь все же представилъ свои объясненія губернатору 2 Октября. Тѣмъ не менѣе, губернаторъ *) передалъ бумагу Всеволодова въ комиссію только 3 Декабря.

Какъ и слѣдовало ожидать, Всеволодовъ рѣшительно отвергъ всѣ взведенныя на него Ивановымъ обвиненія. „Фельдшеръ Константинъ Ивановъ, пишетъ онъ, сдѣлалъ на меня въ своемъ допросѣ извѣтъ, по самому времени долженствующій почитаемъ быть ложнымъ; ибо дѣлалъ его тогда, когда уже не осталось ему никакихъ средствъ къ спасенію себя отъ предстоящей гибели. Онъ говорилъ, что я жестоко билъ его. Неправда! Я не билъ его, а наказывалъ, какъ начальникъ, за нерадивое исполненіе его должности, и наказывалъ увѣщаніями (!), угрозами и наконецъ, отсылкою къ батальонному командиру для наказанія розгами передъ фронтомъ. Для исправленія его, сверхъ сихъ мѣръ, я употреблялъ обѣщанія награды не только на словахъ, но и на бумагахъ; но никакія средства не могли заставить его переменить распутное и пьяное свое поведеніе. Онъ доноситъ, что я казенными лѣкарствами, получаемыми изъ Рижской казенной аптеки для лѣченія воинскихъ чиновъ, пользую больныхъ семинаристовъ, градскихъ жителей, прѣходящихъ въ больницу, и вольныхъ больныхъ состоящихъ въ городской больницѣ отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Совершенная ложь. Ибо въ семинаріи есть собственная больница, и лѣкарства выписываются изъ вольной аптеки провизора Кальвера. Я не знаю, чтобы фельдшеръ Ивановъ могъ показать даже одного градскаго жителя, которому бы я отпускаль лѣкарства изъ казенной аптеки. Впрочемъ я позволяю себѣ дать бѣдному кусочекъ пластыря, мази и шепотку ромашки или бузиноваго цвѣта. Онъ доноситъ, не означая впро-

*) Уже новый, д. с. с. Квитка.

чемъ времени, что я полученный изъ Рижской аптеки холстъ, 375 аршинъ, положилъ на дрожки и увезъ домой. Явная ложь по невозможности этого сдѣлать“.

Комиссія, однакожь, не удовлетворилась этимъ объясненіемъ и 4 Декабря вновь просила губернатора истребовать отъ Всеволодова дополнительное объясненіе. При этомъ Комиссія впервые раскрыла свои карты, сославшись на уличающее Всеволодова показаніе врача Сокольскаго, которое, повидимому, до сихъ поръ не было извѣстно Всеволодову. „Объясненіе г. Всеволодова (пишетъ въ своемъ рапортѣ презусъ) съ объясненіемъ оператора Сокольскаго разнствуетъ, а къ тому же наказаніе съ битіемъ не сходствуетъ, потому: 1-е, битіе быть могло отъ ударовъ руки, а 2-е, наказаніе отъ розогъ или палокъ. Слѣдственно побой съ наказаніемъ не могутъ быть равны“.

20-го Декабря Всеволодовъ прислалъ свое второе объясненіе. Это—образецъ канцелярской „отписки“ того времени. Озадаченный уличающимъ его показаніемъ коллеги, Всеволодовъ уже не считаетъ возможнымъ отрицать столь рѣшительно свои кулачныя расправы. Не возражая Сокольскому по существу, онъ придирается къ тому, что Сокольскій былъ допрошенъ не черезъ Врачебную Управу, а черезъ городническое правленіе. По своей увертливости и чисто-подьяческимъ изворотамъ, объясненіе это настолько любопытно, что стоить его привести цѣликомъ.

„Въ предыдущемъ объясненіи моемъ (пишетъ Всеволодовъ), которое комиссія почитаетъ недостаточнымъ, я сказалъ: не билъ его, а наказывалъ, какъ начальникъ, за нерадивое исполненіе его должности, и наказывалъ увѣщаніями, угрозами и, наконецъ, отсылкою къ батальонному командиру, для наказанія розгами предъ фронтомъ. Но не зная, что комиссія военнаго суда, помимо Врачебной Управы, какъ начальственнаго присутственнаго мѣста надъ медицинскими чиновниками, или гражданскаго губернатора, истребовала черезъ посредство Островскаго городническаго правленія отъ находившагося тогда въ городѣ Островѣ для излеченія болѣзни оператора Псковской Врачебной Управы Сокольскаго (уволеннаго туда господиномъ гражданскимъ губернаторомъ) подтвержденіе будто бы чинимыхъ мною побоевъ фельдшеру, я написалъ въ объясненіи своемъ только то, что слѣдовало писать начальнику. Ибо ежели бы фельдшеръ Константинъ Ивановъ битъ былъ кулаками моими, въ присутствіи г. оператора Сокольскаго, какъ заключаетъ комиссія изъ объясненія его: „ударилъ нѣсколько разъ по щекамъ“, то фельдшеръ Ивановъ не находился бы въ арестантской палатѣ около 8 или 9 дней съ исправленіемъ должности (впрочемъ подъ присмотромъ). Но въ это время онъ должности не могъ исправлять, потому что я старался вытрезвить его, признаюсь, пресѣвши всякій способъ опохмѣлиться и воспретивши посѣщенія его жены. Онъ часто былъ сажаемъ мною подъ арестъ или за неперевязку должнымъ образомъ больныхъ или за неисполненіе порученій относительно богоугодныхъ заведеній (потому что онъ получалъ половинное жалованье подлѣкаря

по приказу Общественнаго Призрѣнія), или за частую отлучку отъ настоящей должности во время присутствія моего въ больницѣ, или за нерадивое даваніе больнымъ лѣкарствъ. Посему, ежели онъ за подобные проступки иногда и получалъ отъ меня, большею частію обращавшагося съ нимъ, особенно въ послѣднее время, отечески, нѣкоторыя пощечины, какъ онъ показываетъ и г. операторъ Сокольскій свидѣтельствуеть; ежели онъ, Ивановъ, выведши меня изъ границъ терпѣнія, отсылаемъ былъ мною для наказанія предъ фронтомъ, то какая была причина умалчивать ему о предшествовавшихъ наказаніяхъ, причиненныхъ ему собственнымъ моимъ языкомъ (!), или собственными моими руками, въ тоже самое время? А попавшись подъ судъ и не имѣя надежды къ поправленію своей участи, приносить жалобу на притѣвленія, значить стараться только протянуть процессъ суда. Впрочемъ ударъ по щекѣ есть минутное наказаніе за неисправность по службѣ, на что и фельдшеръ Ивановъ лучше былъ согласенъ, нежели на отсылку передъ фронтъ. Что касается до того, что будто бы Ивановъ отъ побоевъ былъ боленъ съ мѣсяцъ и въ больницѣ сей былъ исповѣдываемъ и приобщаемъ, этого я не помню (потому что онъ не лежалъ столько времени въ больницѣ) а знаю только, что съ Генваря мѣсяца сего 1826 года онъ столько развратился въ своемъ поведеніи, что г. батальонный командиръ принужденъ былъ держать его въ ротѣ подъ особымъ присмотромъ, давъ мнѣ на мѣсто его другого фельдшера, но и тутъ часто содержался на гауптвахтѣ за дурное свое поведеніе, а особливо за поруганіе святыни (!)“.

„Представляя вашему превосходительству сіе объясненіе мое, покорнѣйше прошу ваше превосходительство напомнить комиссіи военнаго суда, что уваженіе ею показаній подсудимаго фельдшера Иванова на своего начальника есть противно первоначальному повелѣнію „предать его военному суду“: ибо нѣсколько разъ наказанный передъ фронтомъ, находившійся подъ слѣдствіемъ за оскорбленіе святыни, содержавшійся подъ особымъ присмотромъ въ ротѣ и, наконецъ, въ буйномъ видѣ произнесшій дерзкія слова на счетъ высочайшихъ особъ, не долженъ имѣть никакого вѣроятія“.

Однакожь, тогдашняя высшая военно-судебная инстанція, Аудиторіатскій Департаментъ, стнеслась къ дѣлу иначе, къ немалому огорченію Всеволодова. Псковскій губернаторъ получилъ слѣдующее отношеніе этого департамента отъ 20 Августа 1827 года:

„Аудиторіатскій Департаментъ, разсмотрѣвъ военно-судное дѣло о фельдшерѣ Псковскаго гарнизоннаго батальона Константинѣ Ивановѣ и признавъ его виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ словъ противу особы Его Императорскаго Величества, въ разглашеніи ложныхъ слуховъ, нарушающихъ общественное спокойствіе, и въ томъ, что онъ бѣжавшихъ за нимъ нижнихъ чиновъ, для взятія его подъ арестъ, грозилъ зарѣзать, полагалъ: Иванова за изъясненныя преступленія, лишивъ унтеръ-офицерскаго и воинскаго званія, наказатъ кнутомъ, давъ ему пятьдесятъ ударовъ, и потомъ сослать въ Сибирь въ каторжную работу; поступокъ же инспектора Псковской Врачебной

Управы Всеволодова, заключающійся въ неприличномъ взысканіи съ фельдшера Иванова, съ причиненіемъ ему своеручно побоевъ за неисправность по должности его, предоставить на разсмотрѣніе Псковскому гражданскому губернатору, но, не приводя сего рѣшенія въ исполненіе, представлялъ оное на высочайшее благоусмотрѣніе; а въ 12-й день сего Августа объявлено высочайшее повелѣніе: разжаловавъ Иванова въ ротные фельдшера, впрочемъ простить. Предоставивъ командиру отдѣльнаго корпуса внутренней стражи учинить зависящее отъ него распоряженіе о приведеніи сего высочайшаго повелѣнія въ исполненіе, Аудиторіатскій Департаментъ увѣдомляетъ о томъ ваше превосходительство, при чемъ прилагаетъ копію отзыва оператора Сокольскаго и выписку изъ показанія фельдшера Ивана Алексѣева и унтер-офицера Якова Иванова, удостовѣряющихъ, что Всеволодовъ причинялъ подсудимому Иванову побой; показаніе же самого Иванова и объясненія Всеволодова противу оныхъ имѣются у васъ въ виду, какъ явствуетъ изъ дѣла объ Ивановѣ“.

Такое чрезвычайное смягченіе участи Иванова обуславливалось, разумѣется, не однимъ тѣмъ, что 22 Августа 1826 года было коронованіе новаго государя, сопровождавшееся обычными милостями. Нѣтъ! Милости манифеста не могли простираться такъ далеко. Несомнѣнно, что здѣсь проявился духъ времени. Взглядъ самой верховной власти на легкомысленную болтовню пьянаго человѣка измѣнился кореннымъ образомъ, такъ что даже Декабрьская смута 1825 г. не могла заставить Николая Павловича вернуться въ этотъ отношеніи къ воззрѣніямъ XVIII вѣка.

Надежды Всеволодова на то, что Ивановъ, изблеченный въ государственномъ преступленіи, не будетъ „имѣть никакого вѣроятія“, также, какъ видимъ, не оправдались. Губернаторъ Квитка далъ Всеволодову предписаніе, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „По докладу мнѣ помянутаго отношенія Аудиторіатскаго Департамента и по внимательномъ разсмотрѣніи онаго и приложенныхъ при ономъ бумагъ, признаю необходимымъ все вышеизъясненное поставить на замѣчаніе вашего высокоблагородія и подтвердить вамъ впредъ, во взысканіи съ подчиненныхъ вамъ за проступки ихъ, руководствоваться изданными на сей предметъ узаконеніями, опасаясь подвергнуть себя строгой отвѣтственности за нарушеніе оныхъ“.

Безпристрастный читатель не можетъ не отмѣтить, что въ этомъ дѣлѣ проявились, быть можетъ, по особому счастливому стеченію обстоятельствъ, два начала, торжественно возвѣщенные почти чрезъ 40 лѣтъ послѣ дѣла Иванова, при изданіи судебныхъ уставовъ 1864 года: правда и милость.

Н. Онуличъ-Назаринъ.

ПЕРВЫЯ НЕДѢЛИ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ТРЕТЬЯГО.

Письма К. П. Побѣдоносцева изъ Петербурга въ Москву
къ Е. О. Тютчевой.

1881 *).

1/2 Марта, 1 часъ ночи.

Богъ наказаль насъ такимъ горемъ, такимъ позоромъ!

Сегодня вечеромъ, въ 12-мъ часу ночи, бѣдный Сынъ и Наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня. О, какъ мнѣ жаль его! Ахъ и себя жаль, милая Екатерина Федоровна. Чтò теперь будетъ? Спаси насъ Господи!

Такой ужасъ во мнѣ, что кажется, какой-то кошмаръ случился, и какъ будто еще не вѣрится.

3 Марта.

Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго Государя! Жаль, какъ бѣднаго, больного, ошеломленнаго ребенка. Боюсь, что воли не будетъ у него. Кто жъ поведетъ его? Покуда все тотъ же фокусникъ Л.-Меликовъ. Теперь по всѣмъ признакамъ, онъ его опутываетъ; ибо у него ключи въ рукахъ, и онъ хранитель безопасности.

Въ первый вечеръ А. А. обнялъ меня со слезами и говорилъ: «Я увѣренъ, что вы будете служить вѣрой и правдой, какъ прежде служили». Я не ждалъ отъ него другого слова, но ради его самого желалъ бы услышать отъ него другое слово, живое слово: «Какъ мнѣ быть? Чтò мнѣ дѣлать?»

Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, но писалъ къ нему. Вчера одинъ изъ простыхъ людей прибѣжалъ ко мнѣ въ слезахъ: «Ради Бога, ска-

*) По кончинѣ Екатерины Федоровны Тютчевой письма эти были возвращены К. П. Побѣдоносцеву. 3 Марта 1896 г. онъ позволилъ намъ списать ихъ для помѣщенія въ „Русскомъ Архивѣ“, когда писавшаго въ живыхъ не будетъ. Мы получили также разрѣшеніе напечатать эти письма отъ брата и наследника Е. О. Тютчевой, Ивана Федоровича Тютчева. П. Б.

жите Государю, что прежде всего надо выслать отсюда Константина и княг. Юрьевскую».

Я писалъ ему сегодня, писалъ, что ему необходимо заявить какъ можно скорѣе свою личную, твердую волю; писалъ, что народъ кричить о Мраморномъ дворцѣ; писалъ, что надо думать о безопасности.

Онъ пишетъ въ отвѣтъ простое слово, въ которомъ видна душа простая и добрая. «Отъ всей души благодарю васъ за ваше задушевное письмо. Молюсь и на одного Бога надѣюсь. Онъ не оставитъ насъ и нашу дорогую Россію».

Но воли не видно.

О Барановѣ я писалъ сегодня тоже Государю. Барановъ просилъ-ся пріѣхать сюда еще въ Февралѣ. Ему послана телеграмма въ такомъ видѣ, что не желаетъ ли-де онъ явиться благодарить Государя за производство. Онъ этимъ не удовольствовался, но требовалъ *вызова*. Вчера Л.-Мел. сказывалъ, что послалъ ему прямое разрѣшеніе пріѣхать. Не думаю, чтобы Л.-М. захотѣлъ его здѣсь оставить; не надѣюсь, чтобы Государь выразилъ свое объ этомъ рѣшеніе. Вы видите положеніе. Чтѣ тутъ дѣлать? Душа моя преисполнена опасеній и подозрѣній.

Константинъ на выходахъ смотритъ звѣремъ *). Противно видѣть его.

Сегодня былъ выносъ въ церковь. Душа болитъ, когда видишь эту толпу сановниковъ и чиновниковъ, безчувственную, пошлую, страшно сказать, подлую.

Заѣхали оттуда къ графинѣ Блудовой. Тоже ощущеніе старческой изношенности придворной. Слышишь: звучитъ забота о томъ, что мѣста не добьешься, какое по рангу слѣдовало бы въ церкви, въ процессіи.

При покойномъ Государѣ было уже три засѣданія о какомъ-то совѣщательномъ собраніи: одно въ Зимнемъ и два въ Аничковскомъ дворцѣ. Я не участвовалъ. Цесаревичъ не заявлялъ возраженій, но сказалъ Л.-Меликову сообщить мнѣ протоколъ. Л.-Меликовъ объявилъ мнѣ о томъ двѣ недѣли тому назадъ и при мнѣ получилъ протоколъ, хотѣлъ прислать его въ тотъ же день и не прислалъ до сихъ поръ.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что по этой стезѣ пойдутъ. Никто не хочетъ вступить въ борьбу. Власть извѣтрилась, измочалилась; всѣ стали не мужчины, «а сердцемъ хладные скопцы». Станутъ твердить, какъ уже твердятъ сегодня газеты: надо устроить *промоотводъ* для личной

*) Вполнѣ понятно. Великій князь сдѣлался жертвою клеветы, возникшей вследствие совпаденія случайныхъ обстоятельствъ. По своей прекрасной душѣ не способенъ онъ былъ ни къ какому злоумышленію; напротивъ, отличался чрезвычайною откровенностью. А какъ любилъ онъ державнаго брата своего, о томъ свидѣлствуютъ его письма къ А. В. Головинну („Русскій Архивъ“ 1898, III, 119). П. Б.

безопасности и безответственности власти. Для власти ослабѣвшей нравственно. Это дьявольское слово соблазна. Надо быть мужемъ силы и разума, чтобъ не послушать его.

3 Марта.

Вчера была присяга новому Государю и выходъ. Когда они вышли оба, лица ихъ были искажены рыданіемъ. Они были похожи на дѣтей захваченныхъ горемъ, а не на новое восходящее свѣтило. Минута торжественная, но торжество пропадаетъ въ чувствѣ глубокой скорби.

Я не могу освободиться отъ трепета и опасеній всякаго рода. Новому царю опасность грозитъ отовсюду. «Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи». Сохрани его, Господи. Сохрани Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію!

5 Марта.

О, какой проклятый городъ, гдѣ я живу, и какая бездна между нимъ и Россіею, судьбами которой онъ заправляетъ.

Тоскую и отъ того, что всё вокругъ точно чужіе и совсѣмъ другого склада люди. Одна Эдита ¹⁾, чувствуешь, что понимаетъ. Есть что-то роковое, таинственное въ этомъ ослѣпленіи умовъ и душъ человѣческихъ. Стоитъ прислушаться къ толкамъ о томъ что намъ дѣлать, и тотчасъ слышишь: бездна между тобой.

Вчера въ концѣ панихиды, подошелъ ко мнѣ Гротъ оберъ-гофмаршалъ и заговорилъ вадоръ. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ или очень навеселъ. А впрочемъ давно уже говорятъ, что онъ съ ума сошелъ.

6 Марта вечеромъ.

Сегодня я дежурилъ у гроба ночью отъ 12 до 2. Таинственный видъ, душа сжимается, но тишины не было: прикладывались гвардейскіе полки. Потомъ дежурилъ въ полдень до 2 часовъ, во время царской панихиды. Кончилось, приложились всё они и вышли. Тогда явилась изъ боковой комнатки вдова, едва держась на ногахъ, съ сестрою. Рыгѣевъ велъ ее. Она упала передъ гробомъ. Лицо усопшаго закрыто бѣлымъ газомъ, и его не снимаютъ; но она, подойдя, быстро откинула его и цѣловала лобъ и лицо часто и много. Потомъ, шатаясь, вышла. Жаль мнѣ бѣдную женщину. Теперь она подлинно жалка и одинока.

Изъ церкви я прошелъ къ Сергѣю и Павлу, которые только что пріѣхали ²⁾ разбитые, смущенные, исполненные тревоги. Они обрадовались мнѣ. Сергѣй горячо передавалъ мнѣ свой ужасъ отъ всего, что

¹⁾ Эдита Федоровна Радень П. Б.

²⁾ Изъ Рима. П. Б.

дѣлалъ и куда вель въ послѣднее время Лорисъ-Меликовъ (5 Марта предполагалось уже издать указъ о представительствѣ!), и свои опасенія, что будетъ и на что рѣшится Государь.

Я вернулся домой. У жены сидѣла Дарья Ѳеодоровна ¹⁾. Она оживлена, она имѣетъ довольный видъ, она перебирается сегодня въ Зимній дворецъ. Говоритъ съ торжествующимъ видомъ: *J'ai déjà eu deux histoires. Je suis entrée avec deux histoires au palais* ²⁾.

Потомъ пріѣхалъ старикъ гр. С. Г. Строгановъ. Онъ въ волненіи. Пріѣзжалъ узнать отъ меня, что дѣлается, на что рѣшились, и удивился, узнавъ, что я—ничего не знаю.

Но сегодня нетерпѣніе взяло меня, и я написалъ Государю большое письмо. Мой планъ, между прочимъ объявить Петербургъ на военномъ положеніи, перемѣнить людей и за тѣмъ оставить Петербургъ, это проклятое мѣсто, покуда очистится, уѣхать въ Москву, если нельзя еще дальше ³⁾. Совѣсть моя не терпитъ молчать. Кого онъ спрашиваетъ? Съ кѣмъ онъ совѣтуется?

Я разспрашивалъ о немъ у Ш. Говоритъ, что онъ смотритъ бодро, оживленно. Сегодня Ш. пилъ тамъ чай и сидѣлъ съ 4 до 6 съ нимъ и съ бывшей Цесаревной. О чемъ говорили? Не о пустякахъ ли? Нѣтъ, говоритъ Ш., и мнѣ понравилось, какъ держала себя и какъ говорила бывшая Цесаревна. Теперь у нихъ громадное семейное собраніе и цѣлый день церемоніи. Съ третьяго дня Государь переѣхалъ ночевать въ Зимній дворецъ; они поселились въ комнатахъ императрицы Александры Ѳеодоровны.

Сегодня за панихидой пронесся слухъ, будто Государь хочетъ ѣхать послѣ похоронъ въ Троицкую Лавру. Хорошо бы было это.

7 Марта, 6 ч. веч.

Сейчасъ былъ у Государя. Спѣшу отправить письмо. Бобринскій ѣдетъ сейчасъ.

¹⁾ Тютчева. П. Б.

²⁾ У меня уже было два исторіи. Я вступила во дворецъ съ двумя исторіями.

³⁾ Это самое говорилъ Александру Александровичу (еще Наслѣднику) князь С. М. Воронцовъ: „Каждый день можетъ случиться, что Вы вступите на престолъ. Необходимо готовиться и теперь же намѣтить лицъ довѣренныхъ“. А послѣ 1-го Марта князь представлялъ ему о необходимости воспользоваться необычайностью событія и перемѣнить столицу (Слышано отъ самого князя). Не знаемъ, ссылался ли онъ при этомъ на своего отца и на князя А. И. Барятинскаго, которые оба, въ разное время, совѣтывали то же, одинъ Николаю Павловичу, другой—Александру Николаевичу, и оба указывали на Кіевъ, водворившись въ которомъ легче рѣшить два вопроса: Польско-Славянскій и Восточный. П. Б.

11 Марта.

Ахъ, милая Екатерина Федоровна, и все таки «ничего въ волнахъ не видно». Жизнь остановилась и не подвигается, не трепещетъ. Я не живу, а прозябаю, въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи силѣ. Ужасно выйти на улицу и видѣть всѣхъ «продающихъ и купующихъ» на яркомъ солнцѣ весенняго дня, видѣть это механическое движеніе колесъ, въ коихъ нѣтъ духа жизни. Ужасно въ крѣпости, послѣ панихиды, наткаться на всякомъ шагу на дамъ и на мужчинъ, которые ловятъ васъ для безцѣльной, бессмысленной или совсѣмъ пошлой болтовни о томъ, что для васъ дѣло жизни и смерти!

А Онъ что? Не знаю, не знаю, ничего не знаю. Для Него эти минуты to be or not to be*). Что если выберетъ not to be? Что съ нами будетъ? Думаю о Гамлетѣ, которому тоже предстояло отомстить смерть отца своего. И кажется, когда бы мстить мечомъ, когда бы встать и спасти себя и все? Можно ли ждать такъ долго!

Въ прошлое Воскресенье, 8 числа, былъ горячій день, который на всю жизнь останется въ памяти.

Не помню, писалъ ли я вамъ прежде о замыслахъ Л.-Меликова и К^о облагодѣтельствовать Россію конституціей или началомъ ея посредствомъ вызова депутатовъ со всей Россіи. Совѣтниками его были профессоры и журналисты. Меня онъ не спрашивалъ, ибо заранѣе зналъ мое мнѣніе. Были уже засѣданія, одно у Государя и два у Цесаревича. Всѣ (!) согласились на сей разъ, что это дѣло невинное и благодѣяніе для Россіи, коего вся Россія ждетъ. Цесаревичъ еще 17 Февраля приказалъ ему сообщить мнѣ проектъ, и Л.-М. сказалъ мнѣ объ этомъ, но не прислалъ проекта. Все уже было подготовлено. 2 Марта назначено быть у Государя Совѣту Министровъ для окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ Л.-М. заготовилъ торжественную публикацію объ этомъ, которая должна была появиться въ Правительственномъ Вѣстникѣ 5 числа.

И вдругъ эта катастрофа!

Казалось, надо было оцѣпенѣть въ ужасѣ и забыть обо всѣхъ бредняхъ, а думать объ одномъ водвореніи порядка. Какъ однако повѣрить, что именно тутъ-то эти господа и предприняли доводить до конца свое безумное дѣло? Журналы со 2 Марта начали, по поводу катастрофы, требовать конституціи. Л.-М. послалъ просить ихъ, чтобъ помолчали только 15 дней.

И вотъ насъ собрали въ Совѣтѣ Министровъ къ Государю въ Воскресенье, въ 2 часа пополудни. Пригласили меня, старика Строганова, Великихъ Князей.

*) Быть или не быть.

Государь, объявивъ въ чемъ дѣло, прибавилъ, что оно не рѣшено еще покойнымъ, что оно сомнительно и что просить всѣхъ говорить не стѣсняясь. Лор.-М. сталъ читать протоколъ и проектъ объявленія, заготовленный уже отъ имени новаго Государя, который считаетъ яко бы священнымъ долгомъ исполнить завѣтъ отца своего.

И представьте, что они имѣли безстыдство въ этомъ объявленіи *теперь* оставить всѣ тѣже мотивы, которые были помѣщены въ прежнемъ: что повсюду водворено спокойствіе, *крамола подавлена*, ссыльные возвращены и пр.

Нѣтъ времени описывать все подробно. Первый Строгановъ выразился противъ, кратко, но энергически *). За тѣмъ Валуевъ, Абаза, Милютинъ сказали напыщенные, отвратительныя рѣчи о томъ, что вся Россія ждетъ этого благодѣянія. Милютинъ при этомъ обмолвился, упомянувъ о народѣ, какъ о *неразумной* массѣ. Валуевъ вмѣсто слова *народъ* употребилъ *народы*. Говорили дальше Набоковъ, Сабуровъ и пр. Только Посыетъ высказался противъ и Мажовъ. Но когда обратились ко мнѣ, я не могъ уже сдержать волненія и негодованія. Объяснивъ всю фальшь учрежденія, я сказалъ, что стыдъ и позоръ покрываютъ лицо, когда подумаешь, въ какія минуты мы объ этомъ разсуждаемъ, когда лежитъ еще непогребенный трупъ нашего Государя. А кто виновенъ въ томъ? Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Мы всѣ повинны въ его смерти. Чтѣ мы дѣлали все это время и въ его царствованіе? Мы говорили, говорили, слушали себя и другъ друга, и всякое изъ его учреждений превратилось въ ложь у насъ подъ руками, и высшая дарованная имъ свобода стала ложью. А въ послѣдніе годы, въ годы взрывовъ и минъ, чтѣ мы дѣлали, чтобъ охранить его? Мы говорили, и только. Все чувство у насъ должно было сосредоточиться въ страхѣ, какъ бы не убили его, а мы напустили себѣ въ душу столько подлыхъ, низкихъ страховъ и стали трепетать общественнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія презрительныхъ журналистовъ: чтѣ скажетъ Европа? А и ее-то знали лишь по журналамъ.

Вы можете себѣ представить, какимъ громомъ упали слова мои. Сосѣди мои, Абаза и Л.-М., едва сдерживали свою ярость на меня. Абаза отвѣтилъ очень рѣзко (и глупо): изъ того-де, чтѣ сказалъ оберъ-прокуроръ Синода слѣдуетъ, что все чтѣ сдѣлано въ минувшее царствованіе никуда не годится, и освобожденіе крестьянъ, и пр., и намъ послѣ этого остается только просить объ увольненіи.

*) Это было послѣднее участіе графа Сергія Григорьевича въ государственныхъ дѣлахъ (черезъ годъ онъ умеръ). Говорить, что въ этомъ засѣданіи онъ стучалъ своимъ костылемъ и обозвалъ А. А. Абазу мальчишкою. П. Б.

Государь (который прежде, на словахъ моихъ «кровь его на насъ» перервалъ меня восклицаніемъ: это правда!) поддержалъ меня, сказавши, что подлинно всѣ виноваты, и что изъ этихъ всѣхъ онъ не исключаетъ и себя.

Говорили еще. И Великіе Князья говорили жидкія, дряблыя рѣчи, въ коихъ слышалось жалкое слово, что надобно же что нибудь сдѣлать, т. е. это что нибудь, значило учрежденіе!

Государь рѣшилъ, что дѣло это слишкомъ сложное и важное, чтобъ рѣшить его теперь: надобно еще разсмотрѣть подробно въ особой комиссіи, и потомъ въ Комитетъ Министровъ, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе не имѣло политическаго характера.

Я поспѣшилъ уйти, какъ только кончилось. Слышно, что будетъ комиссія подъ предѣлательствомъ Великаго Князя Владимира. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ Государя и ничего не знаю.

Въ то же утро, послѣ засѣданія, онъ принималъ Баранова и назначилъ его Петербургскимъ градоначальникомъ. Барановъ въ восторгѣ отъ этого свиданія. Онъ теперь кипитъ день и ночь въ работѣ.

Л.-Мел. въ ярости. Боюсь, что онъ теперь задумываетъ.

Вотъ наше *странное* положеніе.

Сейчасъ привесли *Русь*. Хорошо, сердечно, но - ахъ все не то. Чтò тутъ толковать о *бюрократизмѣ*! Развѣ въ этомъ дѣло? На эту же тему говорилъ и о... Сабуровъ и говорилъ вздоръ: надо-де выгнать всѣхъ чиновниковъ и взять депутатовъ отъ земства.

О Москва! Да развѣ въ Москвѣ-то не перекосялись головы тоже? Только масса народа больше и чище. Но тутъ запасъ силъ, а не органы правительства.

13 Марта.

Вамъ говорятъ que je suis nerveux et qu'on voudrait me consulter *). Но чтò я могу сказать наивнымъ людямъ, которые умоляютъ сказать то и то Государю или спрашиваютъ: какъ же онъ не дѣлаетъ того и того? Боже мой! Отъ этихъ вопросовъ и разговоровъ я долженъ замыкаться въ броню. Когда бы самъ я почувалъ силу, не былъ бы и нервень. А теперь, правда, ни говорить не могу свободно, ни заняться ничѣмъ не могу свободно.

15 Марта.

Барановъ является ко мнѣ изрѣдка, какъ метеоръ на нѣсколько минутъ. Вчера я сидѣла по обыкновенію дома, шла въ церквахъ крестовая всенощная; но силъ моихъ не было идти и въ церковь.

*) Что я нервень, и что со мною желали бы посоветоваться.

Барановъ явился едва держась на ногахъ. Со времени назначенія онъ еще не отдыхалъ ни днемъ, ни ночью. Ночью происходитъ у него главная работа.

Ну завтра, сказалъ онъ, будетъ страшный день. Какъ Богъ вынесетъ! Готовится покушеніе на Государя и на принца Прусскаго въ четырехъ мѣстахъ по дорогѣ; въ одномъ мѣстѣ, на Невскомъ, соберутся люди переодѣтые извозчиками съ тѣмъ, чтобы открыть перекрестные выстрѣлы.

У него въ рукахъ былъ уже планъ всѣхъ предположенныхъ дѣйствій. Вчера кронпринцъ получилъ изъ Берлина шифрованную депешу объ этомъ и прислалъ ее Баранову; но Барановъ имѣлъ уже свой планъ въ рукахъ.

Что отъ человѣка зависитъ, сказалъ онъ, все сдѣлано; но кто знаетъ, что еще есть? Вы не спали бы ночь, если-бы я рассказалъ вамъ все, что обнаружено въ эти дни, что сдѣлано ими и приготовлено. Теперь, изъ 48 человѣкъ, которые должны дѣйствовать, 19 у меня въ рукахъ. Сейчасъ ѣду дѣлать аресты. Въ эту ночь что еще открою, неизвѣстно.

Представьте положеніе бѣднаго Государя, который непременно долженъ былъ ѣхать сегодня въ крѣпость, зная, что на каждомъ шагу его можетъ ждать смерть. «О себѣ я не беспокоюсь», говорилъ онъ Баранову, «но тревожусь только за Императрицу и за дѣтей».

Передъ Зимнимъ дворцомъ, противъ Салтыкова выѣзда, роютъ по распоряженію Баранова канаву; при этомъ успѣли перерѣзать 17 проводовъ отъ мины!

И вы не можете себѣ представить, говоритъ Барановъ, сколько людей мнѣ дѣлаютъ препятствій на каждомъ шагу, начиная съ Адлерберга. Не могъ же я сказать все, что я знаю и для чего дѣлаю!

Утромъ онъ простился со мною, на всякій случай, какъ бы впоследствии.

Каково было знать все это вчера и дожидаться!

Сегодня поѣхали съ Катей*) въ крѣпость въ 10-мъ часу утра. Погода была страшная. Вѣтеръ рвалъ. Вьюга, свѣта Божьяго не видно, Соборъ уже былъ подонъ. Въ ожиданіи всѣ стояли покойные: вотъ одно кончилось, начинается другое. Но прошла ли гроза?? думалось мнѣ. Боже мой! Кровь стынетъ въ жилахъ, когда подумаешь что можетъ случиться.

*) Супруга К. П. Побѣдоносцева, Екатерина Александровна. П. Б.

Всѣ духовныя давно уже ждали у дверей. Было уже 11 часовъ, а ихъ нѣтъ. Прошло еще минутъ восемь ожиданія, для меня страшнаго. Наконецъ, слава Богу, вошли. И кронпринцъ тутъ.

Началась обѣдня. Какъ было умилительно слышать въ этотъ день: Кресту твоему поклоняемся, Владыко! И потомъ Евангеліе: Иже хочетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ и возьметъ крестъ свой.

Наконецъ отпѣли, опустили въ могилу. Они уѣхали, и опять стою въ тревогѣ и жду. Слава Богу, прошло полчаса, ничего не слышно. Послѣ узналъ я, что Барановъ благополучно провезъ ихъ черезъ весь Невскій проспектъ въ Аничковъ дворецъ. Народу было множество, и всѣ кричали ура!

Мы вернулись домой къ 3 часамъ, изможденные усталостью и волненіемъ.

А чтѣ будетъ завтра? Боже, вразуми и помилуй! Радъ я, что у Баранова въ рукахъ дѣло, и онъ сумѣетъ забрать его въ руки, лишь бы остался цѣлъ. Какъ живъ этотъ человѣкъ, право не знаю.

А вотъ онъ и самъ сію минуту заѣхалъ, довольный и веселый: послѣ похоронъ онъ спалъ въ первый разъ въ теченіе 10 сутокъ.

По всей вѣроятности Государь на дняхъ переѣдетъ или въ Петергофъ или въ Царское Село. Необходимо выѣхать отсюда. И сегодня Московскіе пристава: за чѣмъ не ѣдетъ въ Москву? Но ни по его мнѣнію, ни по мнѣнію Баранова, въ Москву неблагоразумно ѣхать. Здѣсь все это происходитъ отъ того, что полиція плоха, а въ Москвѣ нѣтъ никакой полиціи, и тамъ злоумышленники давно свили себѣ гнѣзда совершенно спокойно. Всѣ говорятъ: мы будемъ охранять его; но, увы! это патріархальное мы ничего не значить.

Прошу передать письмо Чичерину. Сегодня получилъ отъ него записку, которая попадаетъ въ тонъ здѣшнимъ проектамъ. Онъ тоже видитъ единственное спасеніе въ призваніи депутатовъ отъ дворянства и отъ земства. Удивительное ослѣпленіе! Какъ будто во множествѣ и во множествѣ рѣчей и мнѣній можетъ родиться сила воли и разума!

24 Марта.

Государь никуда не выѣзжаетъ. Такъ это грустно; но говорятъ, что опасность грозитъ ему на каждомъ шагу.

Ко мнѣ онъ показываетъ довѣріе и расположеніе. 18 числа написалъ мнѣ записку, просилъ придти въ 2 часа—поговорить. Говорили цѣлый часъ. 20 числа онъ написалъ мнѣ еще и просилъ вступить въ переговоры съ бар. Николаи о Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Потомъ 23 числа онъ призвалъ его къ себѣ, и дѣло устроилось. Сабуровъ смѣщенъ, и слава Богу! Б. Николаи по крайней мѣрѣ человѣкъ

твердыхъ правилъ и старой школы, основательной культуры. Всѣ прочіе очень легки и ненадежны въ своихъ воззрѣніяхъ на дѣло.

27 Апрѣля. Пишу въ Гатчинѣ, въ ожиданіи поезда.

21 Апрѣля созвали насъ въ Гатчину, къ Государю, т. е. меня, Лориса, Абазу, Милютина, Николаи, Н. Н., Набокова. Государь исключилъ Валуева, Урусова; хотѣлъ исключить Набокова, но я убѣдилъ его, что нельзя исключать министра юстиціи, пока онъ остается въ своемъ званіи.

Мы поѣхали въ 9 ч. утра, въ одномъ вагонѣ. Всѣ сидѣли по угламъ. Мои непріатели не говорили со мною, а лишь между собою. Заѣданіе собрано было для того, чтобы министры объяснили Государю, чтѣ же они хотятъ дѣлать, въ какомъ духѣ управлять и какія мѣры предпринимать. Лорисъ за нѣсколько дней все твердилъ, что необходимо раньше сговориться между собою; однако этого сговора не было, а только Лорисъ совѣщался съ Абазою особымъ заговоромъ.

Приѣхали, вошли, сѣли въ кружокъ около Государя. Онъ обратился ко всѣмъ съ краткою рѣчью и сталъ вызывать на объясненія, по очереди. Пошли рѣчи, состоявшія изъ фразъ, въ коихъ сквозила все таже двусмысленная нота. Говорили о необходимости единства, о необходимости, чтобы министры пользовались полнымъ довѣріемъ Государя. Лорисъ говорилъ, сколько предстоитъ впереди организацій по разнымъ частямъ, и между прочимъ произнесъ такую нелѣпую фразу, что и христіанство-де совершенствуется, тѣмъ болѣе государственныя учрежденія должны совершенствоваться. Абаза произнесъ фразистую рѣчь. Милютинъ до того заговорился, что повторилъ приемъ передовыхъ статей Петербургскихъ газетъ, т. е. заявилъ, яко бы вся бѣда отъ того, что реформы покойнаго Государя остановились на полдорогѣ.

Къ послѣдному обратились ко мнѣ. Я заявилъ, что нельзя не согласиться въ общемъ смыслѣ со всѣмъ, чтѣ говорили остальные о единодушіи, о довѣрїи, о необходимости организовать многое дезорганизованное; но надо имѣть въ виду потребность настоящей минуты: всѣ ждутъ и находятся въ томительной неизвѣстности; ждутъ, чтобы правительство заявило себя рѣшительно дѣйствіями, не оставляющими сомнѣнія въ томъ, чего оно хочетъ и чего никакъ не допустить. Потомъ я оговорилъ, въ смыслѣ недоразумѣнія, и фразу Лориса, и фразу Милютина, выведя то и другое на чистую воду: начала христіанства вѣчны, но осуществленіе ихъ правдою въ жизни безгранично, и въ этомъ смыслѣ реформа внутренняя никогда не останавливается.

Тутъ Абаза вздумалъ обидѣться и сталъ возражать противъ меня очень ѣдко; но раздраженіе заставило его наговорить глупостей, кото-

рия мнѣ нетрудно было опровергнуть. Тутъ говорилъ N. N. въ томъ смыслѣ, что о конституціи-де и думать и говорить нечего, что надобно однако дѣлать что-нибудь, что всё повидимому согласны въ существенномъ, а разногласія происходятъ единственно отъ несущественныхъ недоразумѣній. Конечно такъ: милыя дѣти, будь между вами миръ и любовь, но при томъ вы должны собираться и совѣщаться между собою, чтобы согласиться опредѣлительно, что хотите предпринять и дѣлать; а на слѣдующей недѣлѣ пріѣдете ко мнѣ сказать что вы придумали.

Какъ только мы вышли изъ комнаты, точно очарованіе спало. Между министрами показалась внезапная оттепель. Абаза едва не бросился на шею ко мнѣ: какъ радъ, что недоразумѣніе кончилось. Точно именинный праздникъ! Пошли завтракать, стали рассказывать анекдоты. На обратномъ пути въ вагонѣ министры похожи были на *écoliers en vacance. Les amis-cochons* *)!

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!

Они ѣхали туда въ страхъ, не прогнать ли ихъ, вернулись въ горьжествѣ невообразимомъ и стали говорить, что одержали блестящую побѣду. Надъ кѣмъ это? Надо мною или надъ Государемъ? Пароль данъ такой, что я посрамленъ, и побѣда одержана надо мною.

Едва пріѣхавъ домой Лорисъ, какъ дамы (о, эти дамы!), съ волненіемъ сидѣвшія въ гостиныхъ, посылаютъ спрашивать его: что? Елис. Павл., бывшая Эйлеръ, пишетъ ему: Знаемъ, что вамъ некогда; но скажите два слова: побѣдили вы? Онъ пишетъ: да, и отсылаетъ записку.

Лорисъ и Абаза обѣдали въ этотъ день у Елены Никол. Нелидовой, пили здоровье, поздравляли другъ друга. Вечеромъ тоже.

29 Апрѣля.

Вчера собрали насъ вечеромъ къ Лорисъ-Меликову на совѣщаніе. Пріѣхавъ и N. N. Пріѣхавъ Набоковъ и привезъ извѣстіе о манифестѣ. Оно поразило министровъ какъ громомъ. Никто не зналъ.

Послѣ засѣданія, когда уѣхавъ N. N., Абаза въ волненіи открылъ еще совѣщаніе. Говорятъ, есть какой-то манифестъ. Что это значитъ? Кто писалъ его? Я отозвался, сказавъ, что писалъ по приказанію Государя. Положеніе было тяжкое. Я чувствовалъ, что меня проклинаютъ. Лорисъ, особливо Абаза, не умѣли сдержать досады. Абаза дрожащимъ голосомъ заявилъ, что это обида, что этого невозможно было ожидать послѣ того *соглашенія* (онъ еще выразился *контракта*), въ которое Го-

*) Школьники на свободѣ отъ ученья. Въ панибратствѣ.

сударь вступилъ съ министрами; что онъ съ своей стороны не можетъ оставаться и въ Пятницу будетъ просить объ увольненіи.

Я вскорѣ ушелъ, но часть ихъ осталась. Я долго не могъ заснуть. Думалъ и ни въ чемъ не могу упрекнуть себя. Эти люди ведутъ къ гибели. Государь не вступалъ съ ними ни въ какое соглашеніе, и претензія ихъ странная. Неужели Русскій Государь не можетъ прямо, не совѣщаясь съ министрами, обратиться къ народу съ открытымъ словомъ, въ коемъ не задѣта ни одна отрасль управленія? Неужели не можетъ онъ, безъ совѣта, заявить народу о своей самодержавной власти? А въ настоящемъ случаѣ пора было: ибо всѣ, одни съ восторгомъ, другіе съ ужасомъ, ждали манифеста о конституціи. Вся Россія въ смятеніи. Необходимо было прекратить всѣ толки твердымъ словомъ.

Имя мое въ ушахъ всей здѣшной интеллигенціи съ проклятіями, съ пѣною у рта: «отверзоша на мя уста своя».

29 Апрѣля вечеромъ.

Положеніе очень обострилось. Абаза обезумѣлъ отъ самолюбія и отъ досады на меня. Онъ серьезно воображаетъ, что Государь будто бы заключилъ съ нимъ какой-то договоръ (сами они пустили этотъ слухъ) и долженъ подчиниться избранному имъ правительству. Теперь онъ ставитъ вопросъ такъ: либо *они*, либо *я*. Государя они сразу почли за куклу или за идіота, и въ ослѣпленіи своего самолюбія ничего не видятъ дальше. Возбѣшенный Азіатецъ Лорисъ можетъ задумать много сквернаго; но я чувствую, что со мною *правда*. Не о себѣ я забочусь, а о Россіи и о Государѣ, котораго люблю. Увы! Какъ немногіе знаютъ его и любятъ!

По Петербургу пущень слухъ, что будетъ какое-то единое министерство, управляющее Россіей по большинству голосовъ, и Лорисъ первый министръ. Дамы пошли ѣздить по городу. Къ намъ пріѣзжали развѣдывать, но мы заперлись на два вечера и никого не принимали.

Но у Государя чутье вѣрное. Ему не понравилось, что говорили Лорисъ, Абаза, Милютинъ, о чемъ онъ написалъ мнѣ на другой день послѣ засѣданія, которое произвело на него «самое грустное впечатлѣніе».

Принялся я за работу писать для него манифестъ. Я знаю, что онъ самъ хотѣлъ этого и говорилъ министрамъ; но они возражали, что не нужно, что надо подождать.

Третьяго дня я кончилъ и остался доволенъ. Жена тоже. Взялъ каждое слово. Вчера отправилъ къ нему съ объяснительнымъ письмомъ, убѣждая не совѣтоваться ни съ кѣмъ и издать манифестъ въ Петербургъ въ день парада.

Въ 3 часа ночи приносятъ телеграмму. Государь пишетъ, что вполне доволенъ проектомъ и зоветъ прѣхать въ 2 часа.

Сегодня рожденіе Георгія Александровича. Я засталъ еще обѣдню и послѣ завтрака просидѣлъ почти 1½ часа у Государя. Онъ очень доволенъ, нѣсколько разъ читалъ, и съ Императрицей: точно обрадовался выходу изъ положенія. «Что же, говоритъ онъ, я нѣсколько разъ говорилъ *имъ*; но *они* все говорятъ, что не надо». Онъ не хотѣлъ съ ними совѣтоваться. Ему пріятно было думать, какой для нихъ будетъ сюрпризъ. «Вотъ», говорилъ онъ, «а эти строки очень имъ не понравятся, гдѣ сказано: «Вѣруя въ истину и силу самодержавной власти». На другой день хотѣлъ онъ переслать манифестъ Набокову для напечатанія и выпустить 29 числа, въ день парада, когда онъ прѣдетъ въ Петербургъ.

1 Мая.

Вслѣдствіе манифеста происходитъ настоящій coup d'etat *). Третьяго дни Л.-Меликовъ послалъ, подъ видомъ болѣзни, просьбу объ увольненіи. Государь написалъ: «Я ожидалъ этого; но мнѣ грустно думать, что это совпало именно съ выходомъ манифеста». Вчера Государь звалъ Игнатьева. Кажется, онъ, будетъ преемникомъ.

Сегодня и Абаза самъ не поѣхалъ съ докладомъ, но тоже послалъ просьбу объ увольненіи. Государь принялъ ее, тоже съ очень рѣзкою помѣтою.

Абаза совсѣмъ попутался. Послѣ засѣданія 21 Апрѣля онъ искусственно поднялъ курсъ на биржѣ и потомъ указывалъ, какъ поднялись фонды наши вслѣдствіе засѣданія. Тогда онъ посылалъ за границу телеграммы о томъ, что «либеральная партія взяла верхъ»; теперь, послѣ выхода манифеста, онъ, посредствомъ Учетнаго Банка, тоже искусственно уронилъ курсъ на биржѣ.

* * *

Государь прислалъ мнѣ прочесть письмо, имъ полученное. Оно такъ энергично написано (прислано безъ имени изъ Сѣдлецкой губернии), что я выписываю вамъ начало (конечно *только* для васъ). По всѣмъ признакамъ писано духовнымъ лицомъ.

«Ты возвѣстилъ Россіи, что пойдешь по пути дѣда твоего и отца твоего; но послѣ того вдругъ смутился и сталъ въ нерѣшительности. Есть и отъ чего! Послѣ смерти отца твоего со всѣхъ сторонъ шлются на выставку людской молвы разные хвалебные пѣсни и гимны, стро-

*) Государственный переолохъ.

ятся часовни, церкви, челоѡколюбивыя заведенія и другія общества въ память великихъ дѣлъ и любви къ отцу твоему; а кафедра Исакіевскаго собора, не задумавшись, въ своемъ самообольщенномъ ослѣпленіи, представляетъ на картинѣ отца твоего мученикомъ, святымъ, душа котораго несена ангелами въ рай. О, Государь мой, призываю во свидѣтели истину Божію, сколько лжи, сколько лицемѣрія, сколько коварства во всѣхъ этихъ похвалахъ дѣламъ и правленію отца твоего! Злые, подлые люди хотятъ, чтобы и твое правленіе было слабо, чтобы рука твоя была для нихъ также милостиво добра, снисходительна, какъ и отца твоего, и подучаютъ простодушныхъ людей трубить о великихъ будто бы дѣлахъ, совершенныхъ въ правленіе отца твоего; а сами втихомолку, подъ звуки сладкой пѣсенки, усыпляютъ правительство твое, готовятъ для всѣхъ орудія смерти. Посуди самъ, сравни: эти великія дѣла, и вдругъ не неожиданная, не случайная смерть, а ужъ давно твоимъ отцомъ со страхомъ ожидаемая. Какимъ образомъ корень зла, корень яда уже давно и всѣми былъ замѣчаемъ, а отецъ твой, имѣвшій всяческую власть, не только не вырвалъ этого корня, но далъ и себя и другихъ отравить имъ? Отецъ твой и не мученикъ, и не святой, потому что пострадалъ не за церковь, не за крестъ, не за христіанскую вѣру, не за правое дѣло, а за то единственно, что распустилъ народъ, и этотъ распущенный народъ убилъ его. Это безначаліе, эта распущенность, это хищеніе казны, это страшное обѣднѣніе народа, отъ пьянства, безнаказанныхъ грабежей, воровства, разврата, вотъ внутренность, вотъ сердце великихъ дѣлъ, совершенныхъ отцомъ твоимъ»

РѢЧЬ К. П. ПОБѢДНОСЦЕВА О КОНСТИТУЦИИ *).

(Произнесена 8 Марта 1881 года въ Зимнемъ дворцѣ).

Ваше Величество! По долгу присяги и совѣсти, я обязанъ высказать вамъ все, что у меня на душѣ. Я нахожусь не только въ смущеніи, но и въ отчаяніи. Какъ въ прежнія времена предъ гибелью Польши говорили. «Finis Poloniae!», такъ теперь едва ли не приходится сказать и намъ: «Finis Russiae!» При соображеніи проекта, предлагаемаго на уваженіе ваше, сжимается сердце. Въ этомъ проектѣ слышится фальшь, скажу болѣе: оно дышитъ фальшью. Намъ говорятъ, что для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ нужно приглашать людей, знающихъ народную жизнь, нужно выслушивать экспертовъ. Противъ этого и ничего не сказалъ бы, если бы хотѣли сдѣлать это только. Эксперты вызывались и въ прежнія времена, но не такъ какъ предлагается теперь. Нѣтъ! Въ Россіи хотятъ ввести конституцію и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ... А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Западная Европа. Конституція, тамъ существующія, суть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ. Примѣровъ этому множество, и даже въ настоящее именно время мы видимъ во Франціи охватившую все государство борьбу, нмѣющею цѣлью не дѣйствительное благо народа или усовершенствованіе законовъ, а измѣненіе порядка выборовъ для доставленія торжества честолюбцу Гамбеттѣ, помышляющему сдѣлаться диктаторомъ государства. Вотъ къ чему можетъ вести конституція. Намъ говорятъ, что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей; но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ. Они будутъ выражать только личные свои взгляды...

*) Приводимъ эту превосходную рѣчь изъ 1-й книги поваго историческаго изданія *Былое* 1906 года. Она записана по памяти однимъ изъ участвовавшихъ въ засѣданіи 8 Марта 1881 года, и точность этой записи можетъ возбуждать сомнѣніе, такъ какъ самъ произносившій эту рѣчь, сколько намъ известно, никогда не записывалъ своихъ рѣчей. П. Б.

И эту фальшь, по по иноземному образцу, для насъ не пригодному, хотятъ, къ нашему несчастью, къ нашей гибели, ввести и у насъ... Россія была сильна благодаря самодержавію, благодаря неограниченному взаимному довѣрію и тѣсной связи между народомъ и его царемъ. Такая связь Русскаго царя съ его народомъ есть неоцѣнимое благо. Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ; многому можно у него поучиться! Такъ называемые представители земства только разобщаютъ царя съ народомъ. Между тѣмъ правительство должно радѣть о народѣ, оно должно познать дѣйствительныя его нужды, должно помогать ему справляться съ безысходною часто нуждою. Вотъ цѣль, къ достиженію которой нужно стремиться, вотъ истинныя задачи новаго царствованія. А вмѣсто того предлагаютъ устроить у насъ говорильню, въ родѣ Французскихъ «*états généraux*». Мы и безъ того страдаемъ отъ говорильни, которыя, подъ вліяніемъ негодныхъ, ничего не стоящихъ журналовъ, разжигаютъ только народныя страсти. Благодаря пустымъ болтунамъ, что случилось съ высокими предназначеніями покойнаго незабвеннаго Государя, пріившаго подъ конецъ своего царствованія мученической вѣнецъ? Къ чему привела великая святая мысль освобожденія крестьянъ?.. Къ тому, что дана имъ свобода, но не устроено надъ ними надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей. Мало того, открыты всюду кабаки *); бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться къ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, ѣжидовъ и всякихъ ростовщиковъ. Затѣмъ открыты были земскія и городскія учрежденія, говорильни, въ которыхъ не занимаются дѣйствительнымъ дѣломъ, а разглагольствуютъ вкривь и вкось о самыхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ, вовсе не подлежащихъ вѣдѣнію говорящихъ. И кто же разглагольствуетъ? Кто орудуетъ въ этихъ говорильняхъ? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положеніе занимаютъ лица, не живущія съ своими семействами, предающіяся разврату, помышляющія лишь о личной выгодѣ, ищущія популярности и вносящія во все всякую смуту. Потомъ открылись новыя судебныя учрежденія, новыя говорильни, говорильни адвокатовъ, благодаря которымъ самыя ужасныя преступленія, несомнѣнныя убійства и другія тяжкія злодѣянія остаются безнаказанными. Дали нако-

*) Вспоминаются хвастливыя слова Огрызки И. С. Аксакову (переданныя намъ симъ послѣднимъ): „Вы ихъ освободили, а мы съ Гротомъ ихъ споемъ“. Вслѣдъ за распрощеніемъ отгнѣнены ссуды для дворянъ изъ Опекунскихъ Совѣтовъ и заведены земельныя банки, эти „мышеловки“, какъ называлъ ихъ В. А. Кокоревъ. П. Б.

пецъ и свободу печати, этой самой ужасной говорильнѣ, которая во всѣ концы необъятной земли Русской, на тысячи и десятки тысячъ верстъ, разноситъ хулу и порицаніе на власть и посѣваетъ между людьми мирными и честными сѣмена раздора и неудовольствія, разжигаетъ страсти, побуждаетъ народъ къ самымъ ужаснымъ беззаконіямъ. И когда, Государь, предлагаютъ учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? Теперь, когда прошло лишь нѣсколько дней послѣ совершенія самаго ужаснаго злодѣянія, никогда не бывавшаго на Руси, когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежитъ въ Петропавловскомъ соборѣ непогребенный прахъ благодушнаго Русскаго царя, который средь бѣла дня растерзанъ Русскими же людьми. Я не буду говорить о винѣ злодѣевъ, совершившихъ это ужасающее, безпримѣрное въ исторіи преступленіе. Но и всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго, должны каяться въ томъ, что такъ легко смотрѣли на совершившееся вокругъ насъ; всѣ мы виноваты въ томъ, что, не смотря на постоянно повторявшіяся покушенія на жизнь общаго нашего благодѣтеля, мы въ бездѣятельности и апатіи нашей не сумѣли охранить праведника. На насъ всѣхъ лежитъ клеймо несмываемаго позора, павшаго на Русскую землю. Всѣ мы должны каяться.

ОТПРАВЛЕНІЕ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ, УЧАСТВОВАВШИХЪ ВЪ ПРОИСШЕСТВІИ 14 ДЕКАБРЯ НА КАВКАЗЪ.

(Приказъ по гвардейскому корпусу 17 Февраля 1826 г., № 22).

Государь Императоръ, даровавъ всемилостивѣйшее прощенье участвовавшимъ въ происшествіи 14 прошедшаго Декабря нижнимъ чинамъ нѣкоторыхъ ротъ л.-гв. Московскаго и Гренадерскаго полковъ, въ уваженіе, что они были увлечены въ сіе преступленіе злоумышленниками по ложному понятію о присягѣ, изволилъ рѣшить — предоставить симъ нижнимъ чинамъ первый удобный случай изгладить и самое пятно мнутаго своего заблужденія и запечатлѣть вѣрность свою къ законной власти при первомъ военномъ дѣйствіи. Случай сей теперь представился. Отъ командира Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса полученъ Его Императорскимъ Величествомъ рапортъ, что продолжающійся въ Чечнѣ бунтъ принуждаетъ генерала Ермолова, съ наступленіемъ весны, приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для наказанія возмутившихся горцевъ. Вслѣдствіе сего Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ сформировать два гвардейскіе батальона, одинъ изъ л.-гв. Московскаго, а другой изъ л.-гв. Гренадерскаго полка, изъ тѣхъ самыхъ нижнихъ чиновъ, которые, во время происшествія 14 Декабря, увлечены были ложнымъ истолкованіемъ и понятіемъ присяги; по сформированіи же отправить сіи два батальона подъ командою л.-гв. Преображенскаго полка полковника Шипова на Кавказскую линію, съ тѣмъ, что, по наказаніи и усмиреніи горцевъ, они должны возвратиться въ С.-Петербургъ къ прежнимъ своимъ командамъ.

Его Императорское Величество остается притомъ въ полной надеждѣ, что командируемые въ Кавказскій корпусъ нижніе чины, возчувствовавъ оказанную имъ монаршую милость, постараются своею усердною и ревностною службою доказать не только предъ своими со товарищами, но и предъ лицомъ всей Россіи, что мгновенное ихъ заблужденіе и уклоненіе отъ своихъ обязанностей было только послѣдствіе злобы и обмана злоумышленниковъ и что они, познавъ сей обманъ, остаются навсегда вѣрными всемилостивѣйшему своему Государю.

(Сообщилъ М. К. Соколовскій).

ЗАПИСКИ РОСТОВЦА М. И. МАРАКУЕВА.

Записки почетнаго гражданина Михаила Ивановича Маракуева, бывшаго Ростовскаго городского головы, имѣють въ бытовомъ отношеніи большую цѣнность. Маракуевъ, двоюродный братъ моего дѣда Ивана Андреевича Титова, до конца своей жизни (1853 г.) былъ съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. (Они называли другъ друга „братцами“). Маракуевъ былъ очень уменъ и имѣлъ большую библіотеку, которая въ то время считалась самой лучшей въ Ростовѣ. Кромѣ того, онъ довольно хорошо владелъ перомъ, и за время его службы городскимъ головой въ думскомъ архивѣ осталось немало дѣльныхъ докладовъ, журналовъ, отпусковъ, написанныхъ имъ своеручно.

Къ сожалѣнію, большая часть Записокъ Маракуева сгорѣла во время пожара въ его домѣ. Однако, по счастливому стеченію обстоятельствъ, сполна уцѣлѣло все начало ихъ, которое было дано Маракуевымъ моему дѣду до пожара и сохранялось въ нашемъ семейномъ архивѣ.

Въ своихъ повѣствованіяхъ М. И. Маракуевъ безхитростно изображаетъ жизнь купцовъ небольшого провинціальнаго города въ началѣ XIX вѣка. Ведя значительную торговлю въ Малороссіи полотномъ и бумажной пряжей, онъ описываетъ отчасти свои знакомства и торговыя отношенія. Но самыя цѣнныя страницы—это описаніе толковъ и разговоровъ въ провинціи о событіяхъ двѣнадцатаго года, во время которыхъ авторъ былъ на ярмаркахъ въ Украинѣ. Затѣмъ имѣють большую цѣнность рассказы очевидцевъ о Московскомъ пожарищѣ и свидѣтельство самого автора о томъ печальномъ состояніи, въ какомъ онъ нашелъ первопрестольную столицу.

Ростовъ Великій 1906. Октября 22.

А. Титовъ.

1789 Октября 28 я родился въ Ростовѣ въ деревянномъ домѣ, былъ первенцемъ у моихъ родителей, добрыхъ, простосердечныхъ и достойныхъ всей моей любви и почтенія. Семейство было велико, состояніе ниже посредственнаго, образъ жизни простой и суровый, что совершенно и для меня памятно. Счастливыя лѣта младенчества моего,

какъ и у всѣхъ, прошли какъ сонъ; начало отрочества предоставлено было природѣ и случаю. До 10 лѣтъ, голуби, бабки и летучіе бумажные змѣи были забавою и должностію; грамотѣ наученъ дома у тѣтки въ келіи, писать у священника (это уже считалось необходимостью). ◊ дальнѣйшемъ образованіи никто не имѣлъ понятія, и все что выходило изъ круга познанія нашихъ домашнихъ, считалось или ненужнымъ, или вреднымъ.

1800 года Юля 1-е повезъ меня въ Украину дяди мой Андрей Петровичъ. Съ сего времени сдѣлалась переменна въ образѣ моихъ занятій и знакомствъ. Любовь ко мнѣ дяди, чуждая пристрастія, совершила то, что обыкновенно дѣлаетъ долгъ родителей просвѣщенныхъ и опытныхъ.

Знакомство сведенное мною въ Украинѣ съ г. Киселевымъ *) обратилось впоследствии между нами въ дружбу.

Я родился во мракѣ невѣжества и злѣйшихъ суевѣрій перекрещеванцевъ, которыми были тогда всѣ въ домѣ нашемъ. Потомъ прямо съ подвиговъ фарисейскихъ, чѣтокъ, подручниковъ и поклоновъ, перешелъ я въ руки злѣйшихъ враговъ Спасителя моего, вольнодумцевъ.

Украина была для меня школою для дѣлъ торговыхъ и нравственности; проживание въ Калугѣ на свободѣ и безъ дѣла едва не совратило съ пути добродѣтели; охота къ чтенію сохранила меня въ молодости отъ многихъ глупостей, а можетъ быть и преступленій. Но чтеніе безъ выбору и добраго руководителя много вредило чистотѣ душевной и христіанской нравственности. Домашнее житье было для меня непріятно. Въ отъѣздѣ привыкнувъ къ образованному кругу, скучно было смотрѣть на домашнія причуды, особливо нѣкоторыхъ особъ зараженныхъ раскрещеванскимъ изувѣрствомъ.

До 1807 года я мало имѣлъ влеченія къ дѣламъ торговли: дѣлалъ, но не болѣе, какъ что было поручено, въ чемъ однакоже старался быть столь рачительнымъ и точнымъ, что, при всемъ разсѣяніи молодости, казался озабоченъ. Торговое дѣло въ Калугѣ и сторонѣ Стародубской по тогдашнему времени было незначительно, но приносило хорошую пользу. Имъ управлять батюшка. Украинскія дѣла, коими распорядился дядюшка, велись съ точностію и вѣрностію прибыли. Весь капиталъ нашъ состоялъ тогда въ довольно значительной цифрѣ.

*) О Киселевыхъ см. „Русскій Архивъ“ 1905, I, стр. 237, въ Запискахъ архіепископа Саввы.

Около сего времени случилась несчастная кончина Николая Абрамовича Ломгева, въ Калугѣ. Онъ дядя мнѣ и былъ прикащикомъ у Гаврилы Федоровича Маракуева. Тогда узналъ я, что значать допросы, придирки и тюрьма и какъ легко сцѣпленіе случаевъ заставить можетъ самую невинность потерпѣть поношеніе. Его нашли висѣвшимъ на кушакѣ въ своей комнатѣ. Частный приставъ, почитая его удавленникомъ, приказалъ съ кушака его снять, а меня, какъ одногородца и родственника, пригласилъ съ другой квартиры быть при описи его имущества. Но медицинскіе чиновники сказали, что онъ не удавился, а убитъ и тѣмъ дали сему дѣлу ужасный ходъ. Частнаго пристава отдали къ суду, хозяевъ въ острогъ, а меня съ моимъ приказчикомъ взяли въ полицію. Дѣло длилось цѣлый годъ, и семейство, гдѣ онъ квартировалъ, все страдало. При слѣдствіи переспрашеванно болѣе 500 человекъ, но ничего не открыто, и дѣло отдано на судъ Богу. Покуда мы содержались, дома и Богъ знаетъ какихъ не было о насъ слуховъ; но мы послѣ 11 дней неволи получили свободу и пріѣхали въ Ростовъ благополучно.

Раздѣлъ между моимъ дѣдомъ Петромъ и его братомъ Гаврилой Федоровичами произошелъ въ 1784 года въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, и съ того времени дѣла стали вести каждый особенно. Капиталъ нашъ тогда состоялъ въ 3000 р., что видно изъ счетныхъ записокъ того времени; тамъ же показано, что свадьба дядюшки Андрея Петровича, бывшая въ 1783 году, стоила всего 130 рублей.

1795 года Мая 25-го въ Ростовѣ выгорѣла улица Покровская. Пожаръ начался въ часъ заполуни, въ домѣ столяра Пенькова, котораго домъ былъ тутъ, гдѣ нынче жерновная площадь, и при сильномъ вѣтрѣ пламя разлилось въ мгновеніе и поглощало все. Пособія почти никакого дать было невозможно: головни кидало на великое разстояніе, отчего вдругъ во многихъ мѣстахъ загоралось. Наша улица была сначала въ большой опасности, но потомъ вѣтеръ поворотилъ въ противоположную сторону, и Богъ сохранилъ насъ; а 150 домовъ и 2 церкви сдѣлались добычею пламени; по всей улицѣ постройка была деревянная, плохая и тѣсная, и сгорѣвшія церкви, Покровская и Петра и Павла, были деревянные тоже; послѣдняя была на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Съѣзжая часть. Послѣ сего несчастія мѣстѣ въ Покровской улицѣ старые владѣльцы по бѣдности уступали новымъ достаточнымъ, которые и начали строить дома каменные по выдаваемымъ полиціею фасадамъ, къ чему непосредственно содѣйствовалъ тогдашній городничій Горбуновъ, любитель и знатокъ архитектуры. По сей части городъ многимъ ему обязанъ. Онъ приучилъ обывателей находить выгоды въ

правильной и красивой постройкѣ, былъ весьма человекъ умный и просвѣщенный, но до невѣроятности злой и большой взяточникъ. Это время я помню какъ будто сквозь сонъ.

1800 годъ памятенъ для семейства нашего, особенно для матушки, несчастною болѣзнію батюшки Ивана Петровича. Это было родъ ипохондріи, до того сильный, что разстройство разсудка для всякаго было замѣтно, что и продолжалось почти годъ; но Господь по Своему милосердію насъ не оставилъ, и онъ выздоровѣлъ. Тогдашнему доктору Релю за совѣты и стараніе много мы обязаны.

Съ 1805 года началась дружеская переписка моя съ Демидомъ Васильевичемъ Киселевымъ. Въ семь-же году началъ я вести свои замѣчанія, а въ порядокъ ихъ приводить сталъ въ 1823 г.

1807 года весной начали отдѣлывать каменный домъ, въ которомъ теперь живемъ; склавъ два этажа, разсудили сдѣлать еще мезонинъ, что впослѣдствіи послужило, особливо для меня, въ величайшую пользу и удовольствіе; кончили совершенной отдѣлкой 1810 года весной; кромѣ бута и стѣнъ нижняго этажа, стоилъ намъ домъ 18000 руб. Это было самое дешевое время постройки. Внутреннее украшеніе и уборка мебелью дѣлались по времени, не въ одинъ разъ, но исподволь.

1807 г. Ноября 10-го дня день моей свадьбы. Дочь Андрея Михайловича Серебряникова стала моею супругою.

Съ 1807 г., послѣ Тильзитскаго мира правительствомъ запрещенъ былъ ввозъ большой части заморскихъ товаровъ, потребность коихъ замѣнили Русскіе, чрезъ что торговля Украинская начала увеличиваться, и съ 1807 года по 1812 г. приняла довольно обширный размѣръ. Съ сего времени началось и мое непосредственное вліяніе на дѣло. Въ 1808 года на Ильинскую, въ первый разъ было товаровъ нашихъ вывезено на 50 тысячъ, а прежде бывало не болѣе какъ на 20 и 25 т. Дядюшка Андрей Петровичъ по болѣзни оставался въ Ростовѣ, и я управлялъ дѣлами главной ярмарки, въ первый еще разъ, и отмѣнно счастливо. Отсюда начинается постепенное увеличеніе дѣлъ нашихъ въ Украинѣ, которыя, при Божіей помощи, зависли уже отъ меня. Дружество мое съ г. Киселевымъ много способствовало къ образованію моему въ дѣлахъ торговли.

Я, любя болѣе порядокъ, всегда предпочиталъ малую, но вѣрную прибыль большой, но сопряженной съ отвагою. Симъ только ходъ мною управляемыхъ дѣлъ отличался отъ дѣлъ г. Киселева. Особенно

послѣ второй блестящей эпохи дѣлъ, начавшейся съ 1812 года, умѣренность моя и строгая система порядка спасли насъ отъ важныхъ потерь, которыя имѣли другіе.

1808 года, Марта 7, Ростовское общество имѣло завидное счастье получить высочайшую грамоту Государя Императора за пожертвованіе на защиту отечества 50 т. руб. которая и хранится въ домѣ городского общества, въ ковчегѣ для того устроенномъ.

Началь я заниматься токарнымъ художествомъ, какъ по склонности, такъ и для движенія. Станокъ подарилъ мнѣ столяръ Никита Савельевъ, который отдѣлывалъ домъ, но я уже впоследствии сдѣлалъ лучший, а тотъ продалъ г. Киселеву. Не знаю и самъ, стыдиться или хвалиться слѣдуетъ мнѣ симъ занятіемъ? Но примѣры Петра и Екатерины Великихъ достаточны для моего оправданія.

1812 года Юня 10-го дня выѣхалъ я изъ Ростова въ Рѣмѣнь ¹⁾, по обыкновенному теченію дѣлъ нашихъ, на Ильинскую ярмарку. Во время бытности моей въ Украинѣ не было еще въ народѣ никакихъ особенныхъ опасеній войны, а тѣмъ менѣе войны внутри отечества. Духъ народный не терпѣлъ Французовъ, но не боялся ихъ; но уже съ самого Тильзитскаго мира не только люди знающіе, но и простой народъ считали войну близкой, и мысль о столь сильномъ врагѣ тяготила всякаго, хотя далеко было думать, что онъ можетъ оскорбить насъ еще внутри отечества. Привыкши слышать о войнѣ изъ далека, никто не воображалъ о семъ событіи, тѣмъ болѣе страшномъ, чѣмъ менѣе ожидаемомъ. Я какъ теперь помню, съ какимъ восторгомъ читали о побѣдѣ при Эйлау и какія лестныя надежды занимали публику, судя по первымъ успѣхамъ лишь только начавшейся войны, какъ вмѣсто исполненія таковыхъ надеждъ, въ одно почти время, публика узнаётъ о сраженіи подъ Фридрихландомъ и о мирѣ въ Тильзитѣ. Такая неожиданность привела въ уныніе всѣхъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, всякъ ожидалъ непременно войны жестокой, и на сей разъ, «гласъ народа, точно былъ гласъ Божій» ²⁾.

¹⁾ Т. е. въ Ромны, городъ Полтавской губерніи, который упоминается и въ Волынской летописи, гдѣ почему-то названъ *Римомъ*. П. Б.

²⁾ Покойный А. С. Хомяковъ передавалъ намъ, что послѣ Тильзитскаго мира народная пѣсня въ Россіи сразу замолкла. Позднѣ Русское пѣснолюбіе возобновилось. У моей матери, Тамбовской помѣщицы, наши дворовые люди постоянно пѣли, и въ дѣвичьей за кружевами, и въ передней за сапожнымъ или другимъ ремесломъ. П. Б.

1812 г. Юля 11-го. Я, подъѣжая къ Москвѣ, узналъ, что Государь Императоръ находится въ Москвѣ и прибылъ неожиданно. Приѣзжаю на квартиру, около половина дня, но никого не застаю; черезъ полчаса приходитъ Овчинниковъ и съ первымъ словомъ подаетъ мнѣ печатный листъ: «Воззваніе къ первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ!» Когда я пробѣжалъ его, холодный потъ выступилъ по всему моему тѣлу; ужась, смѣшанный съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ души, мѣшала видѣть предметы въ настоящемъ ихъ видѣ. Это воззваніе въ первый день такъ напугало Московскихъ жителей, еще непривыкшихъ, робкихъ и болтливыхъ, что многіе полагали, будто непріятель находится, всею силою, по сю сторону Смоленска, а конница въ ста тысячахъ не далѣе Можайска. Такъ предчувствовали судьбу свою!

12-го Юля. Было въ Кремлѣ молебствіе о мирѣ съ Турками. Государь Императоръ изволилъ шествовать съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ. Архіерей встрѣтилъ Его Величество въ дверяхъ собора со крестомъ и говорилъ привѣтствіе. Чтò Государь Императоръ ему отвѣчалъ, звонъ колоколовъ и шумъ народа мѣшали услышать. Кремль былъ полонъ народа, всякій желалъ читать во взорахъ Монарха судьбу отечества, и сказать правду, величественное чело его показывало великую заботу.

Но вотъ что странно: публика знала о заключеніи мира съ Турками и отнюдь не думала, чтобы это было событіе важное для отечества и чтобы можно было сему радоваться и торжествовать. Кого ни спросишь, миру что ли съ Турками нынѣ праздновали? отвѣчаютъ: говорятъ такъ, но это неимовѣрно. Такъ былъ разстроень и встревоженъ духъ народный бѣдствіемъ, грозившимъ каждому изъ насъ, что не могъ дать цѣны столь драгоцѣнному подвигу Кутузова.

12-го Юля, во время происходившаго молебствія въ Кремлѣ, когда онъ по обыкновенію былъ, такъ сказать, набитъ народомъ, вдругъ разнеслась молва, выдуманная неблагонамѣренными людьми, будто собрали въ Кремль народъ, подъ предлогомъ молебствія, для того, чтобы какъ Кремль наполнится любопытными, то запереть всѣ ворота и брать каждаго силою въ солдаты. Едва эта молва *) промчалась, какъ чернь ринулась вонъ, и въ нѣсколько минутъ Кремль опустѣлъ. Изъ Кремля разнеслось это по всей Москвѣ, и множество чернаго народа изъ нея разбѣжалось: такъ простой народъ, по невѣжеству своему, бываетъ легковѣренъ.

*) Не графъ ли Растопчинъ распустилъ эту молву? П. Б.

Къ вечеру того дня мы собрались изъ Москвы выѣхать въ Ромѣнь, но удержалъ насъ П. Сем. Губкинъ, который, имѣя по дѣламъ торговымъ надобность быть въ Ромнѣ, опасался оставить въ Москвѣ свое семейство, а потому и рѣшился взять его съ собой. Поздно пріѣхали мы вмѣстѣ съ нимъ въ домъ его тестя Титова, у Калужской заставы; тутъ пробыли до утра, пили на балконѣ чай и плакали, воображая, что непріятель завтра или послѣ завтра будетъ въ Москвѣ и, быть можетъ, болѣе не увидимся: такъ близка казалось опасность Московскимъ жителямъ.

13-е поутру мы выѣхали изъ Москвы и видѣли по дорогѣ, недалеко отъ Москвы, толпы мужиковъ изъ нея ушедшихъ. Они спрашивали насъ, чтò дѣлается въ Москвѣ, и не берутъ ли въ солдаты?

12-го числа послалъ я въ Ростовъ нарочнаго съ этими вѣстями и съ печатнымъ воззваніемъ, которое и теперь хранится у меня подлинное.

Въ слѣдующій день въ Москвѣ дворянство и граждане бывъ приглашены къ пожертвованію на защиту отечества, съ несказаннымъ усердіемъ и ревностью возлагали избытки свои на алтарь отечества. Дворяне жертвовали, вооружая на свой счетъ ратниковъ, изъ своихъ крестьянъ отъ 25 чел. одного, а кучество, деньгами, всякій по своему усердію. Весьма многіе жертвовали по 20, 30 и 50 тыс. руб. Впослѣдствіи пожертвованія производились и по всемъ городамъ. Ростовъ принесъ въ даръ отечеству 50 тыс. руб.: это второе нашего города пожертвованіе.

Дорогою въ Ромѣнь, мы ѣхали весело: горевали, спорили и смѣялись надъ трусостью нѣкоторыхъ изъ нашей компаніи. На каждой станціи разсматривали на досугъ карту Россіи, предполагали, угадывали и надѣялись.

Въ Орлѣ начальство крайне было озабочено. Въ Неплюевской, за 40 верстъ не доѣжая Ромѣнь, съѣхались для корму съ бариномъ, которому на досугъ сообщили Московскія новости и показали воззваніе. Онъ до того потерялъ голову, что говорилъ какъ помѣшанный, чтò при всей неопытности нашей, казалось намъ до крайности смѣшнымъ.

1812 года. Іюль. Ярмарку торговали въ Ромнѣ очень худо. Народъ сходилъ толпами и старался узнавать, чтò дѣлается въ арміи. Къ концу ярмарки получено извѣстіе о побѣдѣ графа Витгенштейна, чтò сильно обрадовало публику.

1812 года. Августъ. Въ Харьковѣ, на Успенскую ярмарку пріѣхали мы безъ особенныхъ приключеній, а здѣсь уже политическія новости стали доходить до публики скорѣе, но тѣмъ болѣе непріятныя. Печатнаго отъ правительства почти ничего не было, между тѣмъ какъ нѣкоторые чиновники Университета, будучи иностранцы и слѣдовательно худые доброжелатели Россіи, громко говорили объ успѣхахъ Наполеона. Духъ публики упадалъ; дѣла ярмарки остановились, и никакихъ дѣлокъ торговыхъ не происходило; только всѣ старались собирать деньги и запасались монетою *). Правда, многіе наши покупатели желали у насъ купить товаръ, на прежнемъ положеніи, т. е. въ кредитъ; но мы уже на это не рѣшались. Они, будучи удалены отъ мѣста военныхъ дѣйствій и какъ бы состоя въ Россіи, равнодушно судили о бѣдствіяхъ отечества. Ихъ рискованъ духъ, какимъ отличаются всѣ бродяги, населяющіе край Новороссійскій, дѣлалъ совершенно какъ бы чужестранцами. Въ это время открылась въ Одессѣ чума, о чемъ въ Харьковѣ были получены секретныя извѣстія.

1812 года. Августа 30-го, въ день тезоименитства Государя Императора, Харьковское общество давало праздникъ и угощеніе Турецкимъ военнопленнымъ въ домѣ купца Тараканова; чиновники угощались въ комнатахъ, по обычаю Европейскому, а рядовые въ саду, на Азіатскій манеръ. Кушанья готовили они для себя сами; лакомое блюдо состояло въ кашѣ изъ сарачинскаго пшена съ изюмомъ, которой съѣдено болѣе 20 котловъ. А чтобъ угодить совершенно Турецкому вкусу, въ комнатахъ и въ саду, по приличнымъ мѣстамъ, навалены были груды табаку и ворохи трубокъ. Балъ продолжался до полночи; домъ и садъ были прекрасно иллюминированы; число всѣхъ Турокъ простиралось до 500. Миръ былъ заключенъ, и скоро послѣ сего отправились они въ Молдавію. Въ Харьковѣ имъ давали праздникъ. А въ Валкахъ, уѣздномъ городкѣ Харьковской г., не задолго до сего, жители и мужики ихъ нѣсколько человекъ и умертвили, будто бы за бунтъ, что однакожъ невѣроятно, потому что въ другихъ мѣстахъ вездѣ жили они очень скромно: работали изъ найма, разводили огурцы, арбузы, жили во всемъ довольствѣ и должны благословлять милосердаго нашего Монарха внимательнаго къ нуждамъ и самыхъ враговъ своихъ.

Въ Харьковѣ, подъ конецъ ярмарки, получено печальное извѣстіе о взятіи непріателемъ Смоленска. Бывшіе въ то время въ Харьковѣ

*) Точно такъ и Сперанскій въ Нижнемъ ходилъ по ярмаркѣ и вымѣнивалъ себя золотую монету, о чемъ проговорился въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Масальскому, П. Г.

военные именно утверждали, что Москва не устоитъ, что выключая Смоленска, нѣтъ до самой Москвы такой позиціи, гдѣ бы можно было съ выгодною противустать непріятелю. Всѣ таковыя разсказы только умножали всеобщее уныніе. А глупыя афишки Растопчина, писанныя нарѣчіемъ деревенскихъ бабъ, совершенно убивали надежду публики. Въ одной изъ тѣхъ афишекъ онъ, писавши о дешевизнѣ въ Москвѣ говядины, исчисляеть тутъ же всю Россійскую армію. Ничего въ то время пагубнѣе выдумать невозможно было, какъ это исчисленіе. Арміи насчиталь онъ до 120 тысячъ, между тѣмъ какъ публика полагала, что ея есть на лицѣ до 400 тысячъ. Какъ скоро это сдѣлалось извѣстно, всѣ рѣшительно положили, что Россія погибла. Малороссійская чернь съ внутреннимъ удовольствіемъ принимала успѣхи Французовъ: въ ней еще не угасъ крамольный духъ Польскій; но дворяне не отдѣляли себя отъ насъ, и мыслили, и дѣйствовали, какъ истинныя дѣти одного отечества.

Получаемыя тогда изъ Москвы партикулярныя письма ничего въ себѣ не содержали кромѣ извѣстія о здоровьѣ и увѣдомленій, что завтра или послѣ завтра выѣзжаемъ для богомолія къ Троицѣ; потому опасались писать прямо о побѣгѣ изъ Москвы чтобъ начальство не вздумало удержать. Но это былъ пустой страхъ: никого не принуждали ни оставаться, ни выѣзжать, всякій располагалъ сообразно своему намѣренію. Выѣзды и отправки имущества изъ Москвы начались рѣшительно съ 15-го Августа, большею частію по дорогамъ Владимирской, и Нижегородской, частію Рязанской. Нельзя умолчать о тогдашнемъ неудовольствіи публики на главнокомандующаго арміею, Барклай-де-Толли. Не имѣя не только свѣдѣній, но и понятія о военной наукѣ, о силѣ нашей и способахъ непріятеля, всѣ непремѣнно требовали, чтобъ онъ на каждомъ, такъ сказать, шагѣ побѣждалъ непріятеля, и отступленіе арміи нашей приписывали не иному чему, какъ явной его измѣнѣ, между тѣмъ какъ князь Багратіонъ былъ обожаемъ публикою: на него они совершенно во всемъ надѣялись.

До полученія извѣстія о Смоленскѣ, публика все еще надѣялась, но послѣ сего всѣ надежды кончились, и мы сначала думали оставаться въ Малороссіи, по крайней мѣрѣ до Октября; но тогда перемѣнили намѣреніе и рѣшились ѣхать домой. Ничего не зная о участи арміи и о судьбѣ Москвы, перевязали товары въ кипы и положили въ подвалы, запрета своимъ прикащикамъ, которые при нихъ были оставлены, продавать ихъ или перевозить въ другія мѣста.

29-го Августа 1812 года собрались мы выѣхать домой. Всѣхъ насъ на 20 тройкахъ было 50 человекъ, большею частію свои рядскіе

и доѣхали ночевать до Липицъ. Въ то лѣто въ Малороссіи было много болѣзней и больныхъ, большею частію лихорадкой и горячкой. Я ѣхалъ на своей тройкѣ съ г. Киселевымъ, былъ здоровъ совершенно; но пріѣхавши въ Липицы, вдругъ захворалъ лихорадкою, которая потомъ мучила меня до 6-го Декабря.

По пріѣздѣ въ Курскъ увидали многихъ знакомыхъ изъ Калуги, которые оттуда выѣхали, опасаясь непріятеля; отъ нихъ узнали, что непріятель вездѣ тѣснить силы наши и стремительно идетъ къ Москвѣ. А потому ѣхать на Москву чрезъ Тулу мы уже не разсудили; а отобѣдавъ 2-е число въ Курскѣ, почевали въ деревнѣ противъ самой копенской ярмарки.

4-е Сентября кормили въ Ливнахъ, гдѣ читали афишку отъ 26-го Августа о битвѣ Бородинской, которая состояла въ нѣсколькихъ строкахъ; а въ ней же говорилось о побѣдѣ непріятеля, съ чего всѣ тогда заключали, что наша армія разбита, и надежда отстоять Москву исчезла. Вечеромъ на почлегѣ встрѣтили курьера, ѣхавшаго изъ Петербурга въ Воронежъ, и отъ него узнали, что непріятель разстроилъ нашу армію, которая ретируется чрезъ Москву, что непріятель былъ только за 30 верстъ, а теперь вѣроятно уже въ Москвѣ. Тогда всякаго можно и вездѣ было спрашивать: бѣдствіе отечества общее всѣмъ и всѣхъ уравнивало.

5-го Сентября проѣхали городъ Ефремовъ, гдѣ читали письмо Платона, митрополита Московскаго, къ Государю Императору, пророческое, сильное и чувствительное. Въ Епифани инвалидной солдатъ сказалъ намъ, что Москва точно взята непріятелемъ, чему мы тогда не повѣрили. Выѣзжая изъ Епифани, въ 3 часа за полночь (было ужасно темно и бурно) видѣли къ сторонѣ Москвы сильное зарево, но мало похожее на зарево обыкновенное, а къ концу горизонта весь воздухъ казался какъ бы раскаленнымъ до красна столбомъ, который простирался отъ земли до неба и казался какъ бы колеблющимся или дрожащимъ. Меня тогда мучила лихорадка, однакожь всталъ и я. Смотря на это, не можно было выразить тѣхъ чувствъ, какія были тогда въ душѣ. Страхъ, жалость и ужасная неизвѣстность приводили въ какое-то оцѣпенѣніе. Мы тогда полагали, что должно быть сильному сраженію подъ Москвою и что это горитъ Москва.

6-го Сентября проѣхали Михайловъ, гдѣ видѣли знакомыхъ и узнали совершенно, что Москва 2-е число, въ самыя вечерни, занята Французами безъ бою.

8-го Сентября пріѣхали мы въ Рязань. Подъѣзжая къ ней утромъ верстѣ за пять, открывается прекрасная равнина, и въ лѣво дорога изъ Москвы. Только мы выѣхали на равнину, то представилось намъ зрѣлище единственное и жалостное: какъ только могъ досягать взоръ, вся Московская дорога покрыта была въ нѣсколько рядовъ разными экипажами и пѣшими, бѣгущими изъ несчастной столицы жителями; одни другихъ выпереживали и спѣшили, гонимые страхомъ, въ каретахъ, коляскахъ, дрожкахъ и телѣгахъ, наскоро, кто въ чемъ могъ и успѣлъ, съ глазами заплаканными и пыльными лицами, окладенныя дѣтьми различныхъ возрастовъ. А и того жалостиѣ: хорошо одѣтые мужчины и женщины брели пѣшіе, таща съ собою дѣтей своихъ и бѣдной запасъ пропитанія; мать вела взрослыхъ, а отецъ въ телѣжкѣ или за плечами тащилъ тѣхъ, которые еще не могли ходить; всякъ вышелъ на скоро, не приготовясь, бывъ постигнутъ печально, и брели безъ цѣли и большею частію безъ денегъ и безъ хлѣба. Смѣтрянъ на эту картину бѣдствія, невозможно было удержаться отъ слезъ. Гулъ отъ множества ѣдущихъ и идущихъ былъ слышенъ весьма издалека и, сливаясь въ воздухѣ, казался какимъ-то стономъ, потрясающимъ душу. А въ Рязани улицы, не говоря уже комнаты и дворы, были полны народа, который на открытомъ воздухѣ сидѣлъ и лежалъ цѣлыми семьями: что-либо пили, ѣли и плакали.

А и по другимъ трактамъ, Владимирскому, Нижегородскому и Ярославскому, было тоже, если не болѣе. Въ Ростовѣ проѣздъ начался съ 20-го Августа и продолжался до 10-го Сентября: улицы были зачерпнуты проѣзжающими и пѣшими, которые бѣжали изъ Москвы; ни въ самую полночь не было перемешки: одинъ конецъ обоза въ 3 и 4 ряда, застилавшій улицу, упирался у заставы, а другой, не пересѣкаясь, выходилъ за Московскую.

Въ Рязани увидѣлъ я знакомыхъ своихъ изъ Калуги, Петра Макс. Золотарева и Билибинныхъ. Золотаревъ изъ Москвы выѣхалъ тогда, когда Французы начали въ нее входить, и заплатилъ до Коломны мужику на парижкѣ 200 р. Билибины изъ Калуги проѣхали по Окѣ, баркою, со своимъ имуществомъ.

По началу мы располагались пробывать въ Рязани сутки двои: но въ тотъ день когда мы пріѣхали, вдругъ разнеслась молва, что Россійская армія отступаетъ чрезъ Коломну на Рязань, а за нею идетъ и непріятель. Такія вѣсти привели всѣхъ въ смятеніе, всякій спѣшилъ скорѣе куда ни есть уѣхать; почему и мы болѣе оставаться не разсудили, а удумали ѣхать прямо проселкомъ на Владимиръ, сплошными

лѣсами между Меленокъ и Егорья, дабы избѣжать встрѣчи мародѣровъ непріятельскихъ и своихъ, которые всюду шатались. Также опасались мы и мужиковъ, про которыхъ была всюду молва, что они своихъ грабятъ, что къ истинной чести Русскихъ поселянъ было совершенная неправда, разсѣянная или излишнимъ страхомъ, или неблагонамѣренными людьми. Между тѣмъ этотъ ложный слухъ попрепятствовалъ многимъ спасти свое имущество. Грабежа нигдѣ не бывало. Многіе осторожные слишкомъ Москвитяне оставляли свое имущество въ Москвѣ, въ палаткахъ и подвалахъ, которое все пропало, какъ бы въ наказаніе за худое мнѣніе о своихъ соотечественникахъ. Мы, проѣзжая въ самый пылъ бѣдствія, не только не имѣли отъ поселянъ никакой непріятности, но всегда встрѣчали ласки и услуги.

Отъ Рязани Ока отстоитъ версты на полторы, гдѣ намъ должно было ее переѣзжать; но по прїѣздѣ нашемъ къ проѣзду была тутъ великая тѣснота и беспорядокъ: начальства никакого не было, а кто успѣлъ или смогъ, тотъ скорѣе и переправлялся. Мы также воспользовались правами сильнаго. Такъ какъ насъ было много, то, устрани прочихъ, не безъ шуму, переѣхали благополучно и, отѣхавши отъ Рязани 25 верстъ, ночевали. Тутъ, для большей осторожности, деньги обшили около себя, дабы на всякой случай быть готовыми къ побѣгу въ лѣсъ. Хотя у насъ было вооруженіе и соблюдался порядокъ, но было положено въ правилѣ дѣлать оборону только противу мужиковъ, а противъ войскъ молчать, потому мы одолѣть и малаго ихъ числа по неискусству не надѣялись.

Выше я сказалъ о движеніи нашей арміи на Рязань. Она точно изъ Москвы ретировалась на три пункта: на Владимиръ, Ярославль и Рязань; но, пройдя по симъ трактамъ небольшое разстояніе, всѣ склонились сперва на Тульскую, а потомъ на старую Калужскую дорогу, гдѣ и остановились потомъ на извѣстной позиціи при Таругинѣ, оставя на тѣхъ трактахъ одни отряды для наблюденія.

Кстати упомянуть здѣсь о неблагонамѣренныхъ разглашеніяхъ. Они легко могли произойти по внушенію непріятельскихъ лазутчиковъ. Наполеонъ, за долго еще до вторженія въ Россію, разсѣялъ по ней своихъ агентовъ и шпионовъ, кои вползали всюду, что думаю и правительству было извѣстно. Изъ нихъ нѣкоторые были переловлены; но, кажется, Наполеону пользы они никакой не принесли. Прямо съ народомъ имъ сблизиться нельзя, по характеру и обычаямъ Русскаго, а съ высшимъ состояніемъ, хотя они и сблизились, будучи то дядьками, то учителями, но высшее состояніе въ Россіи еще не цѣлая Россія.

1811-й годъ чрезвычайно замѣчательнъ былъ въ Южной Россіи великими бѣдствіями отъ пожаровъ: цѣлыя мѣстечки и города превращались въ пепелъ. Еще до вторженія непріятеля народный голосъ считалъ виновникомъ сихъ бѣдствій Наполеона.

8. 9. 10 Сентября. Изъ Рязани на Владимиръ ѣхали сплошными лѣсами, чрезъ болота и рѣки, на которыхъ ни мостовъ, ни переправъ не было. Дорога эта положена на картѣ проѣзжею, и показано разстояніе отъ Рязани до Владимира 180 верстъ, но при томъ не менѣе будетъ какъ 200; по ней ѣздить только по первопуткѣ, въ другое же время она къ проѣзду совершенно неудобна. Мы подвигались по ней съ большимъ трудомъ, сами дѣлали переправы, мостили. Селенія по дорогѣ рѣдки, но велики; избы у крестьянъ превысокія съ конькомъ въ два посада, но улицы до крайности узки, такъ что только одна телѣга пройти можетъ.

На 3-й станціи отъ Рязани встрѣтился съ нами полковникъ, ѣдущій въ Рязань съ барабанами, который просто и усердно не совѣтывалъ намъ ѣхать во Владимиръ, считая невозможнымъ проѣхать намъ по такой дурной дорогѣ; между тѣмъ мы совѣтъ его растолковали по своему и узнали навѣрное, будто Владимиръ занятъ непріателемъ. Этого полковникъ не хотѣлъ намъ сказать, а просто только желалъ отклонить насъ ѣхать во Владимиръ; но при всемъ томъ, мы подавались далѣе, въ надеждѣ встрѣтить кого еще и узнать обстоятельнѣе. Въ тотъ день переѣхали поперекъ дорогу, идущую изъ Москвы въ Касимовъ, гдѣ утверждался тогда военный госпиталь и куда везли раненныхъ, стонъ ихъ слышенъ былъ изъ далека, жалостная картина! Мы однакожъ скоро отъ нея удалились. Ѣхавши столь глухою дорогою, мы ни съ кѣмъ не встрѣтились и ничего не знали, чтò дѣлается и гдѣ непріатель, а потому 10-е число, въ ночь, не доѣзжая 50 верстъ Владимира, послали порожнюю тройку впередъ узнать, нѣтъ ли опасности отъ непріятеля, которая и встрѣтила насъ въ лѣсу, за 30 верстъ до Владимира, объясняя, что опасности никакой нѣтъ.

11-го Сентября пріѣхали во Владимиръ, къ обѣду. Шелъ дождь и было холодно; въ городѣ было весьма много Московскихъ изгнанниковъ. Здѣсь впервые увидали мы плѣнныхъ Французовъ, около 1000 человѣкъ, полунагихъ, обернутыхъ въ рожи: ихъ гнали къ Нижнему. Во Владимирѣ узналъ я, что семейство наше изъ Ростова выѣхало къ Волгѣ, но куда именно, узнать не могъ. Эта вѣсть безмѣрно меня опечалила. Одиночество и болѣзнь въ такое ужасное время и безъ того изнурили меня. Несказанное многолюдство изгнанниковъ дѣлало поиски

почти невозможными. Къ вечеру, оставя своихъ лошадей, я съ прочими выѣхалъ переменными въ Шую, въ той надеждѣ, что вѣрнѣе могу узнать, куда выѣхали домашніе. На дорогѣ проѣхали ночью Суздаль, гдѣ верховой отрядъ гражданской стражи насъ опросилъ. Въ это время и въ Ростовѣ была учреждена изъ гражданъ стража, пѣшая и конная, которая ночью сохраняла порядокъ въ городѣ.

Къ стати здѣсь упомянуть о выѣздѣ изъ Ростова нашего семейства. Съ 15-го почти Августа стали появляться проѣзжіе изъ Москвы и обозы, большими отдѣленіями, похожіе на казенные; но на распросы любопытныхъ всегда сказывались чьихъ-либо изъ фамильныхъ баръ: Воронцова, Толстого, Юсупова и проч.. Къ послѣднимъ числамъ Августа, число проѣзжихъ съ каждымъ днемъ безпрестанно умножалось; изъ нихъ нѣкоторые оставались въ Ростовѣ, другіе ѣхали далѣе, а къ 1-му числу Сентября проѣздъ сдѣлался немовѣрнымъ, такъ что день и ночь по улицамъ въ три и четыре ряда ѣхали всякіе экипажи и шли пѣшіе, съ имуществомъ и дѣтьми.

Наши собрали все имущество и товары и послали на Волгу въ Плѣсь, съ приказчикомъ Колесниковымъ; но семейство еще оставалось дома. 2-е число Сентября остановился въ домѣ нашемъ попечитель Московскаго университета, тайный совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ съ семействомъ. Онъ ѣхалъ изъ Москвы, былъ родственникъ свѣтлѣйшему; а потому домашніе были рады такому гостю, отъ котораго могли знать вѣрнѣе ходъ дѣлъ и въ случаѣ получить совѣтъ. Приняли, вмѣстѣ горевали, и онъ, какъ видѣлось, располагался жить въ Ростовѣ; но 3-е число вечеромъ получается извѣстіе, что Москва занята непріателемъ. Затворясь одни, они горько плакали; но тогда домашнимъ нашимъ ничего не сказали, а поутру рано собрались ѣхать далѣе, и тогда уже сказали, за секретъ, что Москва занята непріателемъ, что здѣсь оставаться опасно, и совѣтовали ѣхать за Волгу, въ глухую сторону. Этотъ совѣтъ и поразительная вѣсть о занятіи Москвы рѣшили наше семейство къ разлукѣ съ милымъ отечествомъ. 5-го Сентября большіе и малые, помолясь Богу, подъ надзоромъ дѣдушки Андрея Петровича, пустились въ путь, четырьмя семействами: нашимъ, Трусовыхъ, Пѣтуниныхъ и Щениковыхъ. Сынь мой Николай былъ тогда по второму году. Время стояло дождливое, ночи темныя, и наше семейство, не спѣша, подавалось впередъ, какъ особенный случай заставилъ ускорить ѣзду и переправиться за Волгу. На 6-е число въ полночь, во время сильной бури съ дождемъ, когда жители города, мучимые неизвѣстностью и страхомъ, только что успокоились, вдругъ слышатъ необыкновенный на улицахъ шумъ народа,

суету и бѣгалье и, думая навѣрное, что то непріятель, приходятъ въ несказанный ужасъ. Но онъ былъ напрасной: 4000 солдатъ безъ ружей были отправлены изъ депо въ Москву, чтобы тамъ получить ихъ; не зная ничего о происходившемъ, они шли спокойно, куда было велѣно; но, не доходя заставы Московской, версты двѣ, встрѣчаетъ ихъ отрядъ казаковъ, увѣдомляетъ о происшедшемъ и велитъ идти назадъ, какъ можно скорѣе. Между тѣмъ непріятель ихъ замѣтилъ и выслалъ отрядъ конницы; но съ помощію казаковъ они отъ перваго удара успѣли уклониться въ лѣсъ, лежащій въ лѣво, и лишились немногихъ, и этимъ лѣсомъ бѣжали до самой Тарасовки, куда и пришли ночью и по совѣту казаковъ, сдѣлавши обыкновенный привалъ на ночь, между тѣмъ молча ушли, сколько силы позволяли дальше. Эти самые солдаты, бѣжавшіе изъ Москвы, такъ сказать, безъ оглядки, пришли въ Ростовъ въ полночь и перепугали всѣхъ. Они такъ встревожили жителей, что на утро всякъ, кто только могъ, изъ города выѣхалъ. Въ нашемъ домѣ остались дѣдушка и батюшка; они, какъ скоро это услышали, тогда же и отправили парочнаго къ дядюшкѣ съ понужденіемъ какъ можно скорѣе переправиться за Волгу.

Деревня Тарасовка, отстоящая отъ Москвы 22 версты по нашему тракту, въ коей протекаетъ рѣка Клязьма, во всю бытность непріятеля въ Москвѣ, служила непріятельскому передовому посту квартирою, а рѣка границею съ нашими казаками подъ командою сотника Побѣдова, котораго квартира была въ Пушкинѣ.

12-го Сентября пріѣхали въ Шую, въ самый обѣдъ. Нечаянный пріѣздъ Діомида Васильевича несказанно обрадовалъ все семейство. Мое положеніе нисколько не сдѣлалось лучше: о выѣздѣ домашнихъ нашихъ знали, но гдѣ они находятся, сказать мнѣ не могли, и писемъ ко мнѣ также не было. Тутъ простился я съ г. Юрковымъ, который поѣхалъ въ Вишневокское, и при семъ я никакъ отъ горести удержать себя не могъ и горько плакалъ: всѣ находились съ своими семействами, одинъ я былъ сирота и боленъ. Письма, кои мы посылали изъ Харькова, оставались въ Тулѣ.

13-е Сентября. Проживъ въ Шуѣ бесполезно сутки, послѣ обѣда выѣхалъ я въ Иваново, въ надеждѣ узнать тамъ что нибудь о семействѣ. Пріѣхалъ въ Иваново вечеромъ поздно, располагалъ побывать у знакомыхъ. Но лихорадка, мучившая меня весь вечеръ, до того не допустила; здѣсь однако же узналъ я, что въ Плѣсѣ находится, съ имуществомъ, нашъ прикащикъ. О семействѣ и тутъ ничего узнать не могъ, и когда казалось вся надежда исчезла, тогда Богъ нечаянно меня утѣ-

шилъ. Съ растерзаннымъ сердцемъ и горестными мыслями, я хотѣлъ лечь въ постель; вдругъ, совсѣмъ неожиданно стучится у окна человекъ, спрашиваетъ меня и подаетъ письмо отъ Діомида Васильевича, и въ немъ другое отъ дядюшки, къ Василию Михайловичу; въ немъ онъ спрашиваетъ г. Киселева обо мнѣ и увѣдомляетъ, что онъ съ семействомъ будетъ находится за Волгою, въ селѣ Красномъ. Этотъ радостный вѣстникъ совершенно оживилъ меня, и я, почевавши въ Ивановѣ, 14 число, рано утромъ отправился прямо въ Красное и взялъ съ собою Ивановскаго хозяина квартиры нашей, Ефима Гондурина. Крайнее нетерпѣніе, съ какимъ я желалъ скорѣе доѣхать до Краснаго, было причиною, что я на половинѣ дороги замучилъ своихъ лошадей, которыя, будучи изнурены продолжительнымъ и труднымъ путемъ, совершенно не пошли и заставили меня два часа кормить. Эти два часа показались мнѣ годомъ. По сую сторону Волги, въ селѣ Сидоровскомъ, спрашивалъ я о проѣздѣ своего семейства, а проѣхавши къ Волгѣ на перевозъ, узналъ, что вчерашній день, то-есть 13-е Сентября, наше семейство переправилось черезъ Волгу и находится въ Красномъ. На паромъ повозку мою поставить было уже нельзя, и оставить ее я не хотѣлъ: по причинѣ, что въ ней былъ значущій денежный капиталъ. То и послалъ я напередъ себя Ефима; затѣмъ скоро перевезли и меня. Въѣзжая въ село, я вижу къ неописанной радости всѣхъ близкихъ сердцу моему, меня ожидающихъ. Пусть вообразятъ себѣ, чтó я тогда чувствовалъ!

Семейство наше и Трусовы, занимали цѣлый домъ, двѣ изрядныя горницы, дворъ крытый; на немъ стояли наши повозки совсѣмъ готовые въ путь; въ нихъ лежало все дорогое наше имущество, и наличный капиталъ, который былъ изъ дому и который я привезъ съ собою, былъ слишкомъ достаточенъ для нашего продовольствія и обезпечивалъ насъ на долгое время. Люди и лошади занимали другой домъ подлѣ; хозяинъ, у котораго мы жили въ домѣ, Левъ, занимался мастерствомъ, серебряникъ, человекъ изрядный, да и во всемъ селѣ народъ весьма добрый и благонравный. Во все наше проживаниеъ мы не только обидѣ, но и грубостей никакихъ отъ нихъ не имѣли. Изъ Ростова получали два раза въ недѣлю вѣсти и запасы, и сами взаимно извѣщали, жили спокойно, молились Богу, а тогда всѣ молились усердно! Ходили гулять на берегъ Волги, ловили рыбу, стрѣляли дичь. Я однакожъ по болѣзни не принималъ въ томъ участія: лихорадка мучила меня два раза въ сутки.

Во время проживания нашего въ Красномъ проѣзжающихъ сквозь него было мало; только и проѣхали въ большомъ числѣ весь комплектъ

воспитанниковъ и актеровъ Московскаго театра изъ Костромы въ Плѣсъ. Только скорбь изгнанія и неизвѣстность о будущемъ отравляли жизни нашу.

Скоро запасъ у нашихъ товарищей истощился, и семейства Пѣтунина и Щеникова отправились въ Ростовъ обратно. Я хворалъ, скучалъ и съ 1-го Октября каждый день собирался въ Ростовъ, чтобы записаться книгами и кое-чѣмъ еще, что все было оставлено дома, и съ симъ запасомъ воротиться въ Красное; надумалъ и раздумывалъ: слабое здоровье и дурная дорога отнимали охоту; напоследокъ рѣшился ѣхать, и съ Н. С. Трусовымъ вдвоемъ отправился.

5-го числа Октября вечеромъ пріѣхали въ Ростовъ, который болѣе походилъ на станъ военный, чѣмъ на городъ: куда ни посмотришь, вездѣ военные караулы. Слышались отосюду бой барабановъ и оклики часовыхъ, что въ ночное время наводило какой-то невольный страхъ. Тогда въ Ростовѣ квартировали морской учебной баталіонъ и около 20 тысячъ милиціи; впрочемъ войска эти были для насъ бесполезны, и городъ на ихъ оборону надѣяться не могъ: милиція, собранная изъ необразованныхъ мужиковъ, имѣла неспособныхъ начальниковъ; а командиръ морскаго баталіона, подполковникъ Лагуновъ, имѣлъ предписаніе, при появленіи непріятеля, отступить въ Ярославль. Въ домъ у насъ все было пусто. Я приготовилъ съ собою въ Красное книгъ и другихъ предметовъ, нужныхъ въ нашемъ изгнаніи, Н. С. дѣлалъ тоже, и мы всякій часъ готовились выѣхать. Въ это время имѣли проживаніе въ Ярославлѣ ихъ императорскія высочества, великая княгиня Екатерина Павловна съ своимъ супругомъ, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ. Еще задолго до занятія непріятелемъ Москвы, изъ Твери, гдѣ они обыкновенно проживали, переѣхали они въ Ярославль. Для извѣщенія ихъ высочествъ былъ посланъ изъ села Пушкина отъ начальствующаго казацкимъ отрядомъ на Ярославскомъ трактѣ, сотника Побѣдова, казакъ съ рапортомъ о состояніи дѣлъ, который въ Ростовѣ и проѣзжалъ всякой день въ извѣстные часы. Народъ, зная это, уже и дожидался его, и какъ только пріѣдетъ на Куракинское подворье, гдѣ стояли почтовые лошади, то его угостятъ, и онъ покажетъ донесеніе, которое всегда было открытое, и въ добавокъ расскажетъ и объяснитъ многое на словахъ. Все это было весьма вѣрно и много ободряло жителей, которые ждали казака съ нетерпѣніемъ и по его проѣздѣ снова успокоивались на сутки. Во все продолженіе времени бытности непріятельской, смутило нашъ городъ справедливое опасеніе, извѣстіе о движеніи непріятеля на Дмитровъ; но какъ онъ скоро воротился опять въ Москву, то и въ городѣ нашемъ опять успокоились.

По приѣздѣ нашемъ изъ Краснаго въ Ростовъ, извѣстія привозимыя казакомъ, каждый день становились благопріятнѣе. Дурныя для непріятели обстоятельства отъ часу умножались по осеннему времени года и усилению нашихъ войскъ, какъ въ дорогѣ, такъ и на пунктахъ сообщеній. Лучшія войска началъ онъ въ это время готовить къ обратному походу, и на нашемъ трактѣ оставались кое-какія, и то мало, что казакамъ дало возможность отгѣснить ихъ до Ростокина, въ чемъ способствовали имъ и окружные мужики, которыхъ корысть дѣлала храбрыми. Такія пріятныя вѣсти удерживали насъ въ Ростовѣ день за день. Потомъ тотчасъ же казакъ извѣстилъ, что они доходили до заставы, тамъ до Сухаревой башни; потомъ привезъ извѣстіе, что дрались у самыхъ Никольскихъ воротъ, что непріятелей въ Москвѣ мало и что вѣроятно они выходятъ; потомъ рѣшительно извѣстилъ насъ, что непріятель Москву оставилъ.

Это случилось между 7 и 10 числами. Радостная эта вѣсть тотчасъ разнеслась повсюду и заставила насъ поѣздку въ Красное оставить совершенно. Вслѣдъ за этими извѣстіями, нѣкоторые Московскіе жители и двое изъ нашихъ гражданъ, Мих. Матвѣичъ Кайдаловъ и Дмитр. Ѳед. Симоновъ, поѣхали въ Москву, узнать о судьбѣ своего имущества, кое было оставлено; но часть его сгорѣла, а болѣе того окрестные жители разграбили. Сами они это видѣли, но остановить были не въ силахъ, да и не смѣли: буйство народа въ сіе время было неописанное. Народъ только лишь узналъ о выходѣ непріятели, то цѣлыми обозами ринулся для грабежа, и чего не истребили въ Москвѣ непріятели, то разграбили окрестные поселяне. Полиція Московская была во Владимирѣ и вступила въ Москву поздно. По разсказамъ нашихъ гражданъ, Кайдалова и Симонова, Москва тогда представляла зрѣлище ничѣмъ неизобразимое, могущее привести самаго безстрашнаго человѣка въ ужасъ и содроганіе. Отъ самой Крестовской заставы вплоть до Кремля, по большимъ улицамъ и переулкамъ лежали въ безпорядкѣ груды мертвыхъ тѣлъ непріятельскихъ и лошадей, такъ что пройти пѣшкомъ не было возможности. Церкви всѣ, кои они видѣли, были растворены, и въ нихъ были конныя стойла. Кремль представлялъ зрѣлище возмущавшее душу: святыня поругана до такой степени, что языкъ не можетъ выговорить и перо написать, не чувствуя смятенія совѣсти. Между труповъ и развалинъ блуждали жители Москвы, тутъ проживавшіе съ непріателемъ; блѣдныя, топшія и закоптѣлыя лица ихъ являли всѣ ихъ страданія; но взоры звѣрскіе наводили невольный ужасъ, и обликъ людей сихъ такъ измѣнился, что самыхъ родныхъ узнать было трудно. Безпрерывное страданіе, напряжение отъ ужаса, сдѣлало ихъ самихъ свирѣпыми и ужасными.

Въ первый день бытности Кайдалова въ Москвѣ, ни пить, ни ѣсть было нечего, а остановиться было страшно; а потому они уѣхали ночевать въ деревню; но уже на утро привезли два воза Муромскихъ калачей и начали ихъ продавать у Спасской башни. Во все это время полиціи еще не было, а былъ конный отрядъ войска генерала Иловайскаго. Гусары и казаки стояли бивуакомъ на Красной площади и по бульвару; кое-гдѣ попадались еще оставшіеся непріатели, вѣроятно отсталые, которыхъ собирали къ бивуакамъ. Дней пять проживши въ Ростовѣ и получая извѣстія одно другого пріятнѣе, мы рѣшили возвратить семейство домой, что и исполнили. Изгнаніе еге продолжалось 35 дней. Однакожъ и по пріѣздѣ семейства, имущество долго находилось въ готовности тотчасъ по первой тревогѣ выѣхать, а товары въ Плѣсѣ оставались до зимняго пути.

Такъ кончилась эпоха ужаснѣйшая, коей мы были свидѣтели. Потомство съ трудомъ повѣритъ событіямъ, самовидцами повѣствуемымъ, что въ нашъ такъ называемый просвѣщенный вѣкъ народомъ самымъ образованнымъ и любезнымъ, подѣ предводительствомъ великаго полководца, содѣланы такія пакости, злодѣянія и ужасы, какихъ устыдился бы и самъ Атилла съ своими свирѣпыми ордами. По видѣнному, просвѣщеніе, лишенное упованія и вѣры въ Бога, унижаетъ челоуѣка болѣе самого грубаго дикаря и невѣжды. Гнѣвъ Божій за приумноженіе нашихъ грѣховъ навелъ на насъ сію горькую годину искушенія, дабы мы почувствовали руку Божію, могущую сокрушить насъ подобно трости, но всегда готовую и сохранить призывающихъ имя Его святое.

Послѣ оставленія непріателемъ Москвы, я уже не описываю происшествія. Они всѣмъ извѣстны изъ многихъ описаній, тогда же выданныхъ. Врагъ вышелъ; мы внимали отзывамъ брани, подобно удаляющемуся грому, гулъ коего издалека еще напоминалъ бѣдствія наши, но уже не производилъ страха.

Не долженъ однакоже умолчать я о нѣкоторыхъ происшествіяхъ 1812 года, которыя, не заключая въ себѣ важности, могутъ быть любопытны.

Тогда въ народѣ всякое упражненіе дѣлъ прекратилось. Только и занимались вѣстями и слухами; влияніе мѣстныхъ начальствъ, особенно полицейскаго, крайне ослабѣло; народъ волновался. Нужно было управлять его искусно и ласково. Рѣшительный языкъ власти и барства болѣе не годился и былъ опасенъ. Изданныя тогда отъ прави-

тельствъ воззванія и различныя извѣщенія къ народу чрезвычайно были любезны публикѣ, а воззваніе Св. Синода въ особенности отличалось краснорѣчіемъ, силою и истиною. За то афишки Московскаго градоначальника гр. Растопчина выводили всѣхъ изъ терпѣнія деревенскимъ сказочнымъ стилемъ, которымъ желалъ онъ приблизиться къ понятію черни. Неудачныя эти выдумки его вызывали презрѣніе, а чернь неизвѣстно за что питала къ нему величайшую ненависть. Около 25-го Августа получена въ Ростовѣ афишка его о шарѣ, въ которой между прочимъ сказано, что тотъ шаръ полетитъ по вѣтру и противъ вѣтру; «но вы», говорилось, «не бойтесь». Тогда никто этого не понималъ, но уже впоследствии, когда непріятель занялъ Москву, ходила въ Ростовѣ изданная имъ въ Москвѣ бумага на Французскомъ и Россійскомъ языкахъ; въ ней описывалось, что на мызѣ Воронцовѣ какимъ-то иностранцемъ были дѣланы два шара и поднимали лодки, но вѣроятно не успѣли во-время, а потому и были истреблены. Только примѣтно, гдѣ они сожжены, мѣсто по множеству различныхъ скобъ и винтовъ. А какое было ихъ назначеніе и дѣйствіе отъ нихъ ожидаемое, неизвѣстно. Въ этой же бумагѣ описанъ былъ военный судъ надъ 12-ти человекъ Русскими, будто бы зажигателями, которые, какъ тутъ сказано, и были разстрѣляны; а за дѣло, или для виду только, неизвѣстно. Потому тутъ непріятель винитъ Русскихъ, что они сожгли Москву съ намѣреніемъ, а мы винимъ его. А извѣстно только то отъ самовидцевъ, что непріятель занялъ Москву 2-го Сент. въ вечерни, и ту ночь было совершенно спокойно, но уже на другую ночь первый загорѣлся москательный рядъ, а потомъ и во многихъ другихъ мѣстахъ; съ тѣхъ поръ пожаръ не переставалъ и кончился подорваніемъ Кремля, что уже учинено непріятелемъ.

1-го Сентября получена въ Ростовѣ афишка Растопчина, коя начиналась: «Братцы! Сила наша многочисленна!» Тутъ онъ приглашалъ вооруженный народъ собираться на Трехъ Горахъ, куда и самъ обѣщаль явиться. Часть народа дѣйствительно собралась, но онъ и не показался, какъ-бы тѣмъ насмѣялся надъ усердіемъ народа. Эта афишка произвела въ Ростовѣ величайшее уныніе; ее считали уже послѣднею мѣрою отчаянія, между тѣмъ какъ это была мѣра безумія. Носился тогда слухъ, что около сего времени, то есть между 30-мъ Августомъ и 2-мъ Сентяремъ, Растопчинъ казнилъ въ Москвѣ какого-то купецкаго сына Верещагина за распространеніе непріятельскихъ прокламацій отъ Наполеона къ Рейнскому Союзу, которая начинается: «Венценосные друзья Франціи!» будто бы взятыхъ имъ изъ иностранныхъ газетъ. Онъ въ 1813 году были изданы при особой книжкѣ, подъ титуломъ:

«*Походъ Наполеона въ Россію и бѣгство его изъ оной*». Москва въ типографіи Всеволожскаго.

Происшествіе, случившееся въ Ростовѣ около 4 Сентября, показать можетъ духъ народный и до чего тогда народъ былъ слѣпъ. Съ извѣстіемъ отъ главнокомандующаго войсками посланъ въ Ярославль конно-гвардейскій офицеръ, который ѣхалъ сквозь нашъ городъ и остановился для перемѣны лошадей въ домъ кн. Куракина; а бывший при немъ казакъ пошелъ на базаръ купить хлѣба. На немъ была Французская синяя шинель, Французская сабля и пистолеты; народъ, въ то время весьма примѣчательный и любопытный, увидя казака, подошелъ къ нему, сталъ спрашивать, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ? Онъ отвѣчалъ, что казакъ и ѣдетъ изъ Москвы съ офицеромъ въ Ярославль. Чтò въ Москвѣ?—Въ Москвѣ Франгузы.—Какъ Франгузы?—Такъ же!—Быть не можетъ.—Очень можетъ, когда я знаю это вѣрно. Народъ пришелъ въ ужась, но опомнясь, тотчасъ взялъ подозрѣніе. Слово шпионъ разнеслось какъ молнія; казака окружили, осмотрѣли и нашли все на немъ Французское. Это точно переодѣтый шпионъ! Почему у тебя, говорятъ казаку, шинель, сабля и пистолеты не Русскіе, а Французскіе? Потому, говоритъ, что Русскіе не хороши; такъ мы ихъ бросаемъ, а беремъ Французскіе, кои лучшіе. Нѣтъ, говорятъ, пустяки; ты шпионъ. Какъ можетъ быть Москва взята? Гдѣ твой офицеръ?—Офицеръ мой на станціи. Вся эта толпа кинулась на подворье Куракинское, нашли офицера. Тотъ смѣтилъ, что дѣло худо и казакъ надѣлалъ хлопотъ; однакоже, не теряя присутствія духа, на вопросъ толпы: правда ли, что въ Москвѣ Франгузы, отвѣчалъ, правда, друзья мои, Франгузы точно Москву заняли. вмѣсто того чтобы повѣрить, всѣ закричали: вздоръ, это шпионы! Народъ бѣжалъ со всѣхъ сторонъ: «шпионовъ поймали, шпионовъ поймали!» Между тѣмъ дали знать полицмейстеру и, по приходѣ его, посадили ихъ на тройку и повезли въ полицію, а тутъ полицмейстеръ велѣлъ ихъ взять въ присутствіе, гдѣ увидѣли ясно, кто они и куда ѣдутъ, но боялись ярости народа, котораго набѣжало полная площадь, внутри дому архіерейскаго, гдѣ прежде была полиція.

Иванъ Борисовъ Маниковъ и глупый полковникъ Куломзинъ, начальникъ милиціи, особенно настояли на то, что это шпионы, хотя на офицеръ былъ Россійскій мундиръ. Полицейстеръ, видя опасное изступленіе народа, рѣшился обмануть, вышелъ въ двери полиціи и говоритъ: господа! ваше подозрѣніе справедливо, люди эти сомнительны; а потому я посылаю ихъ въ Ярославль съ приказу, подъ присмотромъ частнаго. Едва это объяснилось, частный съ ними сѣлъ: по лошадямъ, и были таковы! Народъ ахнулъ, когда они усажали; но дѣлать было

нечего и, стоя на мѣстѣ, долго твердили: такъ это шпіоны! но ихъ частный отпустить, они его подкупаютъ. Частный подлинно, проводя ихъ до заставы, воротился, но уже толпа разошлась. Этотъ офицеръ обязанъ жизни догадливости полицмейстера Симановскаго.

Тогда вообще опасно было для иностранцевъ: народъ, каждаго изъ нихъ считалъ Французскимъ шпіономъ и не только дѣлалъ грубости, но и большія обиды. Въ то же время въ Ростовѣ прибитъ былъ народомъ Московской 1-й гильдіи купецъ Миллеръ, такъ что платье на немъ и бывшіе документы все изорвали и ежели бы не полиція, то былъ бы убитъ до смерти; а трое Англичанъ, ѣхавшихъ въ Архангельскъ, были остановлены у Николы на перевозѣ; однако въ тотъ же вечеръ, получили точныя извѣстія, что Москва взята непріателемъ. А въ газетахъ о занятіи Москвы напечатали недѣли черезъ двѣ. Кутузовъ, извѣщая о семъ несчастіи публику, утѣшаетъ тѣмъ, что потеря Москвы не есть потеря отечества, что онъ заперъ непріателя въ ней, сталъ на пунктѣ его сообщеній и продовольствія. Такимъ рассказамъ тогда никто не вѣрилъ; говорили на это, что Кутузовъ съ ума сошелъ.

1812 года въ Декабрѣ, назначена въ домѣ нашемъ квартира генералу Гладкову, которой формировалъ тогда полки въ Ростовѣ. Намъ крайне не хотѣлось принять его въ домъ; но, не смотря на наше нежеланіе, онъ пріѣхалъ вдругъ, прежде чѣмъ мы ожидали. Это такъ разстрогало дядю Андрея Петровича, что въ полночь открылось у него сильное кровотеченіе изъ носа, такъ что до половины дня кровь никакимъ способомъ унять не могли; уже къ полудню, при совершенномъ ослабленіи и безпрестанныхъ обморокахъ, лекаръ кое-какъ ее остановилъ; вышло два большихъ таза, отъ чего и сдѣлался онъ опасно боленъ; думали, что не доживетъ и до утра. Въ тотъ день, когда это случилось, располагали мы съ нимъ выѣхать въ Харьковъ на Крещенскую, своими лошадьми; но этотъ случай заставилъ дядю остаться дома, и я отправился въ Харьковъ одинъ.

Съ этого времени пересталъ дядя Андрей Петровичъ ѣздить въ Украину совершенно и быть въ ней уже никогда не располагаетъ. Съ сего времени дѣла Украинскія совершенно перешли въ непосредственное мое управленіе и распоряженіе.

1814 года Декабря 24-го пріѣхалъ я въ Москву. Народу было уже много, но мѣстъ для жительства не доставало совершенно; лавокъ для торговли тоже не было, всѣ сгорѣли, а по площадямъ были построены временныя, деревянныя; также столики и рогожи замѣняли гостинный дворъ. Тутъ продавалось все нужное и ненужное, дурное и хорошее. Множество вещей хорошихъ, въ это время, купить было можно не задорого, но уже все не такъ какъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ,

тотчасъ по выходѣ непріятеля: тогда рублевую вещь продавали по 5 коп.; опасались покупать, думали, что будутъ розыскивать, хозяева отберутъ купленное и станутъ преслѣдовать судомъ; но какъ отъ правительства было опубликовано, что ни за какія вещи слѣдствія не начинать, чьи-бы они ни были и у кого ни находились, а кто владѣеть, тотъ имъ и хозяинъ: тогда все вдругъ приняло цѣну близко настоящей.

Въ Кремль и тогда еще никого не пускали, Спасскіе ворота какъ были перерыты непріателемъ въ аркѣ, стробомъ деревяннымъ и землею въ него насыпанною, такъ и оставались; Никольскіе повреждены были отъ взрыва арсенала, и удивительное дѣло: крѣпкая башня надъ воротами не могла устоять отъ силы удара и сняло ее какъ по чертѣ по самую икону Св. Николая, у которой между тѣмъ самое стекло осталось цѣло; истинное чудо, которое угодно было Богу показать во славу великаго Своего угодника. Взорванный арсеналь представлялъ картину совершеннаго ужаса; на великое около него пространство, кирпичи и камни покрываютъ улицы, особенно Моховую и Неглинную. Между грудами камней торчатъ огромныя бревна, концами вверхъ; все это болѣе чѣмъ на полвершка было покрыто сѣдою пылью. Боровицкая башня взорвана до самой подошвы, такъ что и слѣдовъ ея не осталось; Кремлевская стѣна отъ Москвы-рѣки также взорвана въ двухъ мѣстахъ, и отъ чрезмѣрной силы взрыва каменная мостовая и набережная дрогнули, часть плитъ и желѣзная рѣшетка скинуты въ рѣку. Кремлевскій дворецъ и Грановитая Палата стояли обгорѣлые и представляли болѣзненную для сердца картину; а Иванъ Великій стоялъ какъ сирота, лишенный подпоръ своихъ. Въ какомъ видѣ тогда остались и были Кремлевскіе соборы, я не видалъ; но рассказываютъ ужасы ужасовъ, отъ которыхъ сердце обливается кровью. Что же касается до прочихъ храмовъ, то, кромѣ всеобщаго ихъ поруганія, самовидцы рассказываютъ такіе анекдоты, которые благоразуміе и благопристойность повелѣваютъ, со слезами горести, сокрыть въ глубинѣ сердца. Замоскворѣчье все было выжжено и кромѣ церквей представляло гладкое поле, покрытое пепломъ и развалинами. Воздухъ во всей Москвѣ былъ смраденъ и душенъ.

Все время народъ толпился еще только около Кремля, а по прочимъ мѣстамъ вездѣ было пусто, и было небезопасно вечеромъ и ночью. Страшныя и содрѣлыя лица Московскихъ жителей, проживавшихъ съ непріателемъ въ Москвѣ, были еще разительнѣе отъ противоположности съ вновь пріѣхавшими изъ бѣгства гражданами Москвы, которые во время наступившей зимы помѣщались въ подвалахъ и погребахъ; уцѣлѣвшихъ отъ пожара и разрушенія; дома отъ сильнаго жару большею частію были повреждены, а другіе и совсѣмъ разрушились.

ПРЕДАНИЯ О КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКОМЪ ¹⁾.

Въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы жила въ Москвѣ близъ Никитскихъ воротъ въ Хлѣбномъ переулкѣ ²⁾ вдова Дарья Григорьевна Потемкина, Смоленская помѣщица, имѣвшая душъ около 300 крестьянъ. Отъ покойнаго мужа у нея остались нѣсколько дочерей и сынъ Григорій Александровичъ. Это былъ тотъ самый Потемкинъ, который впоследствии съ такою легкостью составлялъ проекты объ изгнаніи Турокъ, о завоеваніи Китая и пр., и съ такою рѣшительностью готовъ былъ приводить эти проекты въ исполненіе. Мальчикъ былъ отданъ въ училище къ пастору Литхену ³⁾, въ Нѣмецкой Слободѣ содержавшему родъ пансіона. Любопытно слышать, что за все содержаніе и ученіе мальчика ежемѣсячно платилось въ пансіонъ только 7 рублей. Въ 1755 г. открылся Московскій Университетъ, и молодой Потемкинъ былъ одинъ изъ первыхъ его студентовъ. Уже тогда онъ удивлялъ товарищей своими способностями, видимымъ невниманіемъ къ лекціямъ и въ тоже время бѣглостью, быстротою пониманія, впечатлительностью.

¹⁾ Кажется, что это дядь адмирала графа Литке. П. Б.

²⁾ Въ 1853 году С. П. Шевыревъ, работавшій надъ Исторіею Московскаго Университета (въ которой ректоръ Альфовскій запретилъ ему даже упоминать о знаменитомъ Н. П. Новиковѣ, такъ какъ-де онъ при Екатеринѣ подвергся заточенію въ крѣпости) и надъ Словаремъ профессоровъ Московскаго Университета, имѣлъ въ виду составить и Словарь славныхъ воспитанниковъ онаго, и поручалъ недавно кончившимъ курсъ студентамъ заняться собираніемъ біографическихъ свѣдѣній о нихъ. Было написано нѣсколько біографій, но Шевыревъ, послѣ несчастной исторіи съ графомъ Бобринскимъ, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ чужіе края. Работы остановились. Лѣто 1853 года и посвятилъ подъ Орломъ И. Ф. Моейра и его дочь Екатерину Ивановну Елагину. Они жили въ селѣ Буинѣ и познакомили меня со своими сосѣдами Бабарыкиными, отъ нихъ я записалъ для Словаря помѣщаемыя здѣсь преданія. П. Б.

³⁾ Близъ церкви Большаго Вознесенія, гдѣ были похоронены ея дочери. Старинная колокольня этой церкви до сихъ поръ красуется своею прорѣзною узорочностью, а въ пылшнемъ своемъ расширенномъ видѣ церковь освящена въ 1822 году. Это сооруженіе произведено на средства Потемкинскихъ наследниковъ, и въ лѣвомъ предѣлѣ церкви хранятся вѣнцы отъ бракосочетанія Потемкина съ Екатериною Великою, состоявшагося въ Петербургѣ на Выборгской сторонѣ у Саксонія. П. Б.

Извѣстно, какъ потомъ И. И. Шуваловъ вызвалъ студентовъ въ Петербургъ на показъ императрицѣ. Елисавета ихъ обласкала и пожаловала сержантами гвардіи; ихъ возили по всей знати, для нихъ устраивались балы. Когда они вернулись назадъ въ Москву, въ головѣ пылаго юноши уже не было мѣста ученію. Мы знаемъ, что онъ былъ исключенъ изъ Университета, и вскорѣ застаемъ его въ Петербургѣ служащимъ въ Конной гвардіи. Тамъ вмѣстѣ съ нимъ служилъ бывший товарищъ его по университету и еще по Литкенову училищу, Дмитрій Лукьяновичъ Бабарыкинъ. Со словъ его сына, теперъ почти 90 лѣтняго старца, Александра Дмитриевича и составлена эта Записка. Онъ живеть въ селѣ Рябинкахъ Орлов. губ. и уѣзда, отставленный давно уже отъ сенаторства по несчастной своей неосторожности (взявъ себѣ въ секретари родного брата жены своей г. В. и увѣренный въ его честности, онъ не слѣдилъ за нимъ и далъ ему возможность брать взятки. Обличать его послѣ предъ судомъ онъ не могъ, уже по тому одному, что онъ былъ ему шуриномъ. Старикъ пользуется славою честнѣйшаго и правдивѣйшаго человѣка).

Родственникъ Дмитрія Лукьяновича Бабарыкина, г. Баскаковъ, служившій капитаномъ въ Преображенскомъ полку, одинъ изъ первыхъ присталъ къ Орловымъ; онъ уговаривалъ Бабарыкина вступить въ ихъ общество, раскрывши ему всѣ ихъ цѣли; но Бабарыкинъ, зная образъ жизни Орловыхъ, ихъ разгульность, связь третьяго ихъ брата, Григорія, съ великою княгинею, почелъ для себя неприличнымъ согласиться на предложеніе Баскакова. Потемкинъ же, только что услыхалъ обо всемъ этомъ отъ Бабарыкина, тотчасъ попросилъ познакомить его съ Баскаковымъ и не медля присталъ къ заговору. Извѣстна первая его встрѣча съ Екатериною, на дорогѣ между Петербургомъ и Петергофомъ, когда у Императрицы, одѣтой въ гвардейскій мундиръ, не доставало темляка на саблѣ. Но познакомились они по слѣдующему случаю. Потемкинъ удивительно передразнивалъ. Какой-то изъ Орловыхъ случайно рассказалъ Екатеринѣ, что у нихъ есть офицеръ, который самымъ забавнымъ образомъ передаетъ голосъ и всѣ движенія Ивана Александровича Нарышкина. Екатерина позвала Потемкина къ себѣ и просила показать свое искусство. Онъ отвѣчалъ, что вовсе его не имѣеть, но слова эти говорилъ совершенно голосомъ Екатерины. Это забавное обстоятельство обратило на него вниманіе Государыни, скоро перешедшее въ склонность и потомъ въ страсть.

Образъ жизни Потемкина на Югѣ былъ совсѣмъ необыкновенный. Куда онъ ни переѣзжалъ, за нимъ ѣхало 12 фуръ съ его библіотекой. Въ Яссахъ при немъ было 12 ковершицъ, купленныхъ у одного Смо-

ленскаго помѣщика, о которомъ онъ услышалъ, что у него отлично ткуть ковры. Эти коверщицы работали въ самомъ его домѣ. Потемкинъ занимался приготовленіемъ для нихъ рисунковъ, смотрѣлъ ихъ работы, исправлялъ и пр. Также тутъ было при немъ десять человѣкъ Туляковъ, которые по его заказу работали разныя вещи, пуговицы, ножи и пр. Окруженный учеными, онъ любилъ заставлятъ ихъ спорить и, слушая эти споры, самъ набирался свѣдѣній; нѣсколько словъ для такой гениальной головы приносили больше пользы, чѣмъ цѣлыя книги для обыкновеннаго человѣка. Разъ онъ задалъ вопросъ своимъ ученымъ, какъ называлась въ древности рѣчка, на которой стоятъ Яссы, и они долго отыскивали отвѣта въ княжеской библіотекѣ. Соборъ въ Екатеринославѣ, который предполагалъ онъ построить, долженъ былъ превосходить огромностью церковь Св. Петра въ Римѣ. Въ этомъ же городѣ посаженъ былъ съ великими издержками прекрасный садъ: старыя деревья перевозились зимою и пересаживались.

Ближайшіе люди къ князю были В. С. Поповъ, начальникъ его канцеляріи, человѣкъ чрезвычайно дѣятельный и расторопный; по морской части Де-Рибасъ, камердинеръ Григорій, вольноотпущенный человѣкъ г-на Жилина, кн. Н. В. Репнинъ. Въ Яссахъ его фавориткою была Прасковья Андреевна Потемкина, урожденная Закревская, жена его родственника Павла Сергѣевича Потемкина. Мѣсто ея заступила (въ Бендерахъ) княгиня Екатерина Ѳедоровна Долгорукая, урожденная Гарятинская *). Родственники: А. Н. Самойловъ, родной сынъ его сестры, другой Потемкинъ, Михаилъ Сергѣевичъ, кн. Серг. Ѳедоровичъ Голицынъ, женатый на его родной племянницѣ В. В. Энгельгардъ, Раевскій, отецъ героя 12 года, Николая Николаевича, тоже женатый на его родной племянницѣ. Сія послѣдняя во второмъ бракѣ была за Давыдовымъ, Львомъ Денисовичемъ. Этимъ объясняются знакомство Пушкина съ Давыдовыми и пребываніе его въ селѣ Каменкѣ, ихъ Кіевской деревнѣ (Фальстафъ II-й и III-й).

*) Она оставалась лишь первою, но неподступною, барынею Потемкинскаго двора. П. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

(Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“).

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ подъ Бородинымъ былъ раненъ тяжело: пуля пронзила лошадь и сорвала всаднику часть ляжки. Ополченецъ изъ Осташева отыскалъ его между ранеными и позаботился о перенесеніи въ Можайскъ, откуда его перевезли въ Москву, гдѣ и сдѣлали операцію. Потомъ онъ спасался въ Нижній, оттуда ѣздивъ лѣчиться на Кавказъ и только въ Августъ 1813 г. явился на службу подъ Дрезденъ. Но сильные дожди подѣйствовали вредно на его здоровье, и онъ долженъ былъ удалиться въ Россію, гдѣ вскорѣ занялся военно-учебною школою своего отца въ селѣ Осташевѣ.

Его отецъ Николай Николаевичъ Муравьевъ служилъ во флотѣ и съ отличіемъ. Императоръ Павелъ Петровичъ, случайно встрѣтивъ его на улицѣ, велѣлъ перевести въ Елисаветградскій гусарскій полкъ, и тотъ немедленно отправился въ Малороссію. Дѣти съ вогчимомъ и матерью оставались въ Петербургѣ. Николай Николаевичъ-сынъ помнитъ похоронную великолѣпную процессію, когда хоронили императора Павла; между прочимъ ѣхали два рыцаря, одинъ золотой, а другой черный.

*

21 Іюля 1863 г.

Отъ Владимира Николаевича Губерти объ его прадѣдѣ Грибовскомъ. Императоръ Павелъ посадилъ его сначала въ крѣпость; а потомъ вторично его взяли уже въ Подольской губерніи, гдѣ у него было имѣніе Ташино, съ затѣями и садомъ, деревья котораго на почтовыхъ перевезены были изъ Нижегородской губерніи (оно Ташинымъ названо въ честь его жены, красавицы Натальи Чистяковой). На этотъ разъ Грибовскаго избавило заступничество княжны Лопухиной. Ему предложили служить при Александрѣ; но его отзывъ: «стану я, слуга Екатерины, служить этому мальчику?», испортилъ дѣло. Онъ поселился въ Москвѣ, на Мясницкой (нынѣ домъ Фѣрстера, насупротивъ Духовной Консисторіи), тутъ жилъ роскошно, и у него въ гостяхъ бы-

ала знаменитая актриса мамзель Жоржъ. Откупа его разорили: отъ 7000 душъ осталось только подъ Коломною село Щурово (3000 дес. земли), и то выкупленное изъ залога. Въ Щуровѣ садъ весь насыпной. Сынъ его бездѣтный служилъ въ таможи въ городъ Поты, и прекрасное Щурово принадлежитъ нынѣ его внуку Дмитрію Николаевичу Гурбери, сыну Коломенскаго городничаго, который женатъ былъ на единственной дочери Грибовскаго.

Князь Зубовъ былъ нѣсколько рябоватъ.

Отецъ Паскевича былъ прасоль и попался подъ судъ. Его выручилъ единокоремецъ Грибовскій.

Тяжбы занимали старика Грибовскаго. Въ домашнемъ быту онъ былъ деспотъ. Жилъ съ женой какого-то генерала Дашкова и имѣлъ отъ нея сына, Дашкова же.

Отъ графа Рибопьера *).

29 Февраля 1864. СПб.

Отецъ графа Александра Ивановича, Эльзасскій уроженецъ, учился въ Тюбингенѣ вмѣстѣ съ С. С. Апраксинымъ и княземъ Н. Б. Юсуповымъ, которые очень съ нимъ подружились и стали уговаривать, чтобъ онъ не ѣздилъ въ Голландію, куда его звалъ одинъ значительный дядя, а искалъ бы счастья въ Россіи. Рибопьеръ, отецъ Тюбингенскаго студента, былъ друженъ съ Вольтеромъ, который иногда пріѣзжалъ къ нему гостить въ его помѣстье Linègre. По просьбѣ старика, Вольтеръ написалъ для молодого Рибопьера рекомендательное письмо къ Екатеринѣ. «Государыня, писалъ Вольтеръ, я передъ вами безмѣрно виноватъ; всѣ, кого ни рекомендовалъ я, не стоили вашихъ милостей. Чтобы загладить свою вину, рекомендую вамъ Рибопьера». Екатерина опредѣлила его въ адъютанты къ Потемкину. Тамъ онъ подружился съ Мамоновымъ. Когда онъ былъ убитъ подъ Измаиломъ, Екатерина показала большое участіе, а Мамоновъ продолжалъ быть другомъ въ его домѣ. Богатая вдова Рибопьеръ, съ своей матерью Бибиковой (урожд. кн. Козловскою) жила на Моховой (впослѣдствіи д. Мальцова). Къ нимъ же ѣздилъ изъ дворца ихъ родственница фрейлина, княжна Дарья Ѳедоровна Щербатова. (Про ея отца была общая молва, что онъ занесъ чуму въ Москву, навезши изъ Турціи разныхъ пожитковъ). Княжна рано осиротѣла и была взята на попеченіе Екатериною. Фрейлины могли выѣзжать изъ

*) Прекраснаго старика, отлично говорившаго по русски. Онъ жилъ на Большой Морской въ своемъ домѣ (гдѣ позднѣе былъ магазинъ Крумбогеля) и позволялъ мнѣ посѣщать его раннимъ утромъ до 9 часовъ; мое студенческое товарищество съ сыномъ его пріятеля Алексѣя Васильевича Васильчикова снискало мнѣ его благосклонность. П. Б.

дворца безъ особеннаго разрѣшенія императрицы только къ ближайшимъ роднымъ. Такимъ образомъ Мамоновъ безпрестанно видался съ княжной Щербатовой у Рибопьеровъ.

Мамоновъ—единственный изъ фаворитовъ, любимый Наслѣдникомъ. Онъ былъ очень образованъ.

Екатерина призвала Мамонова и стала говорить, что она старѣетъ и съ безпокойствомъ помышляетъ о его участи. Наслѣдникъ тебя любитъ, но у него на одной недѣлѣ семь Пятницъ. Тебѣ сдѣдуетъ обезпечить себя: женись на Брюсовой, она первая въ Россіи невеста. Ей 13 лѣтъ, ты съ ней все можешь сдѣлать. Мамоновъ упалъ на колѣни и сказалъ, что если она находитъ нужнымъ удалить его отъ себя, то чтобъ позволила жениться на той, къ которой занято его сердце. Такъ это правда! воскликнула Екатерина съ горемъ и тотчасъ рѣшилась устроить свадьбу. Она сама торжественно убирала къ вѣнцу княжну Щербатову.

По настоянію Мамонова, пятнадцатого Рибопьера отпустили на показъ Екатерины. Ея камердинеръ Захаръ Константиновичъ пріотворилъ дверь въ уборную, и мальчикъ ни живъ, ни мертвъ сталъ у притолки. Потомъ Рибопьеръ мальчикомъ бывалъ безпрестанно во дворцѣ, и когда уѣзжалъ съ матерью въ Смоленскую деревню, село Новое, въ деревню. Екатерина велѣла ему писать къ себѣ, а мать не хотѣла помогать. Екатерина отвѣчала ему не собственноручно, а только съ подписью; но впоследствии Рибопьеръ отыскалъ въ ея бумагахъ собственное черновое къ нему письмо.

Графъ Александръ Ивановичъ совсѣмъ еще свѣжій человекъ *).

*

Д. В. Дашковъ, бывшій министръ юстиціи, а потомъ назначенный вмѣсто Сперанскаго управлять Вторымъ законодательнымъ отдѣленіемъ Государевой канцеляріи, ипохондрикъ и притомъ неукротимый. Когда на него находила хандра, то, лежа съ трубкой на диванѣ, проводилъ онъ цѣлый мѣсяцъ, ничего не дѣлая, никого не вида; даже и камердинеръ его не смѣлъ входить въ кабинетъ. Конверты съ высочайшими повелѣніями лежали по мѣсяцу нераспечатанными. Разъ по какому-то поводу пріѣхалъ генераль-адъютантъ, чуть ли не потому, что Государь спрашивалъ о какомъ-то дѣлѣ. Камердинеръ сказалъ генераль-адъютанту, что министръ нездоровъ и не принимаетъ. Генераль настаиваетъ, камердинеръ отказывается и доложить. Генераль говоритъ, что пріѣхалъ по высочайшему

*) Въ слѣдующемъ 1865 году онъ умеръ. П. Б.

повелѣнію, и принудилъ камердинера доложить. Послѣдній отворяетъ немного дверь въ кабинетъ и только что начинаетъ говорить, какъ въ отвѣтъ ему Дашковъ пускаетъ чубукъ и трубку. Камердинеръ опять захлопнулъ дверь. Генералъ идетъ самъ въ кабинетъ. Дашковъ встаетъ, выходитъ изъ кабинета, приглашаетъ генерала сдѣлать тоже, выслушиваетъ молча генерала, потомъ говоритъ, что онъ ему те перь нельзя никакого отвѣта дать, извиняется, что не можетъ его принять по болѣзни, поворачивается, уходитъ въ кабинетъ и запираетъ дверь ключемъ. Дашковъ былъ чуть не сумасшедшій, но умнѣйшій человекъ, человекъ гениальный ¹⁾. Отчеты его по министерству были умны и интересны, и тогда въ первый разъ стали ихъ читать. Другіе пишутъ въ отчетахъ только то, что, хорошо, а Дашковъ писалъ то, что худо и что должно исправить. Это былъ замѣчательнѣйшій человекъ; можетъ быть, онъ имѣлъ сходство съ княземъ Потемкинымъ, и такъ же какъ тотъ былъ дурно воспитанъ. Оттого онъ ничего почти не оставилъ послѣ себя для памяти въ публикѣ ²⁾.

*

**6 Сентября ст. ст. 1876 г. въ Гомбургѣ.
Княгиня В. О. Вяземской.**

Примите, бабушка, привѣтливое слово,
И вмѣстѣ теплое желанье, чтобъ вамъ
Какъ можно долѣе и бодро и здорово
Быть бабушкой моею на радость мнѣ и мамѣ.

Въ день именинъ княгини сочинено П. А. Вяземскимъ и произнесено внучатнымъ ея племянникомъ 4-хъ лѣтнимъ княземъ Андреемъ Дмитриевичемъ Голицынымъ. Княгиня пошелъ тогда 89-й годъ. Послѣ обѣдни у нея былъ именинный пирогъ, и ей поднесли огромный букетъ цвѣтовъ подобранныхъ такъ, что выходила цифра 89, а если обернуть, то 98: годъ возраста ея прабабки графини, М. А. Румянцевой.

¹⁾ Пушкинъ называлъ его *бронза*. П. Б.

²⁾ Известно, что, прѣзжая съ докладами къ Государю, Дашковъ имѣлъ въ карманѣ готовое прошеніе объ отставкѣ. Николай Павловичъ могъ знать его издавна: братъ сурруги Дашкова, Елисаветы Васильевны, Михаилъ Васильевичъ Пашковъ, женатъ былъ на Марьѣ Трофимовнѣ Барановой, родной племянницѣ Государева друга графа В. О. Адлерберга. П. Б.

ИЗЪ ДОМОВАГО АРХИВА ГРАФА С. Д. ШЕРЕМЕТЕВА.

Докладъ графу Д. Н. Шереметеву.

Москва, 14 Мая 1826.

Сего Мая въ 16 день, въ псходѣ 9 часа по полудни, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Феодоровна и Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Михаилъ Павловичъ изволили посѣтить село Останкино.

За четыре часа до сего времени о прибытіи высочайшихъ особъ извѣщенъ былъ въ селѣ Останкинѣ отъ господина Московскаго оберъ-полиціймейстера управляющій Московскимъ его сіятельства имѣніемъ, и по сему случаю тотъ же часъ запрещенъ былъ входъ въ господскій домъ всѣмъ господамъ гуляющимъ въ Останкинской дачѣ.

По прибытіи Ея Величество и Его Высочество встрѣчены были управляющимъ и прикащикомъ Валагаевымъ и садовникомъ Маннерсомъ, при чемъ Валагаевъ испросилъ высочайшаго отъ Ея Императорскаго Величества позволенія поцѣловать руку и былъ сего удостоенъ. Высочайшія особы изволили шествовать въ бельэтажъ; здѣсь поднесены были вишни, земляника и виноградъ и удостоены высочайшаго принятія; оттуда въ Египетскій павильонъ, изъ павильона въ Оружейную, потомъ Ея Императорское Величество пожелаала осмотрѣть старый домъ, садъ и оранжереи, но ветхости перваго и позднее уже время сему препятствовали.

Въ 10 часовъ, при многочисленномъ стеченіи народа всѣхъ состояній, августѣйшія особы изволили сѣсть въ карету и отбыть въ Москву.

Ея Императорское Величество при входѣ въ домъ обратилась къ Его Высочеству съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ:

„Здѣсь увидимъ портретъ твоего родителя весьма похожій и нипрекраснѣйшій“.

Внутреннею чистотою дома и сохраненіемъ вещей была довольна; обвиняла бывшее опекунство, что не обратило оно вниманіе на прочное устройство наружности и допустило домъ до настоящей ветхости; сожалѣла,

что его сіятельство графъ Дмитрій Николаевичъ по причинѣ болѣзни не можетъ быть въ Москвѣ. А его Императорское Высочество при выходѣ изъ дома изволилъ сказать: „*Надобно благодарить графа*“.

По сей запискѣ доложить оригиналомъ его сіятельству графу.

Маія 26 дня 1826.

Подписи: Борисъ Дубовъ, Павель Александровъ, Степанъ Мамонтовъ.

(Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ).

*

По водареніи третьяго своего сына, императрица Марія Ѳеодоровна по долгу живала врозь съ новою царственною четкою, то въ Гатчинѣ, то въ Павловскѣ. Объ этомъ могъ вспомнить Пушкинъ въ стихахъ:

И передъ новою столицей
 Главой склонилася Москва,
 Какъ передъ юною царицей
 Порфирнозная вдова.

Она отправилась на встрѣчу старшей своей невѣсткѣ-вдовѣ, ѣхавшей изъ Таганрога; но за кончиною ея въ Бѣлевѣ пріѣхала назадъ въ Москву, гдѣ и оставалась до коронаціи Николая Павловича. Она, какъ мы знаемъ изъ путевыхъ Записокъ княжны Туркестановой, любила осматривать достопамятности всякаго рода, что было полезно ей и для здоровья. Успенскій соборъ посѣтила она, при закрытыхъ дверяхъ и не во время богослуженія, въ сопровожденіи фрейлины Кочетовой и князя С. М. Голицына, который отговаривалъ ее входить въ алтарь, но она заявила свое право на то, какъ миропомазанная.

Останкинскій домъ вновь отдѣланъ былъ черезъ четверть вѣка для старшаго ея внука и его супруги, которые жили въ немъ передъ своею коронаціею. П. Б.

ПИСЬМО КНЯЗЯ В. Θ. ОДОЕВСКАГО КЪ КНЯЗЮ М. А. УРУСОВУ ¹⁾.

27-е Окт. 1865.

Скажите, князь Михаилъ Александровичъ, за что именно вы на меня нападаете? Я не имѣлъ возможности объясниться съ вами въ Сенатѣ; но странно было бы въ наши лѣта, особливо въ мои, сидѣть другъ подлѣ друга и имѣть безпрестанныя столкновенія по какому-то, неизяснимому для меня, недоразумѣнью,—и когда же? когда новое наше положеніе не вполне выяснилось, когда должно идти почти *ощупью* и когда мы всѣ нуждаемся въ дружномъ и взаимномъ содѣйствіи!

Въ первую минуту я даже подумалъ: не сдѣлалъ-ли я вамъ, неумышленно, какого-либо неудовольствія? Но сколько я могъ вспомнить, во всѣхъ бывшихъ между нами сношеніяхъ вы могли видѣть не только мою всегдашнюю ко всѣмъ почтительность, но и мою искреннюю готовность быть вамъ пріятнымъ, на сколько то отъ меня могло зависѣть. Изъ того, что отрывками дошло до моего слуха во время засѣданія, я заключаю, что вы меня подозрѣваете въ какомъ-то неумѣстномъ желаніи первенствовать, господствовать, выставляться и проч. т. п. Этого рода упрекъ есть для меня *самый прискорбный*; ибо я могу имѣть всѣ возможные недостатки и слабости, но въ какомъ либо чванствѣ или тщеславіи меня еще не обвинялъ никто въ теченіе моей долгой жизни. Этого рода побужденія—смѣло могу сказать—для меня не существуютъ; да и не изъ чего мнѣ хлопотать: дѣтей у меня нѣтъ ²⁾, а что касается лично до меня, то не вырвался бы я *силою* изъ Петербурга, изъ среды и обстановки самой видной, самой блестящей. Нѣтъ, могу сказать предъ Богомъ и предъ людьми: другія чувства руководятъ меня; я дорожу дѣломъ, которое на меня возложено, дорожу сочувствіемъ и довѣріемъ моихъ товарищей, а равно и доброй ихъ славой. Я могу ошибаться;

¹⁾ Это бывший Нижегородскій губернаторъ, о которомъ рассказываетъ В. И. Глазгоу въ статьѣ „Нижній Новгородъ былое время“. („Р. Архивъ“ сего года, вып. 2-й). П. Б.

²⁾ Отъ брака своего съ Ольгою Степановною Ланскою (на семь лѣтъ его старше) князь Одоевскій не имѣлъ потомства. Исторически-славное имя князей Одоевскихъ перешло къ внуку его двоюроднаго брата, князю Николаю Николаевичу Одоевскому-Маслову, вынѣ, какъ слышно, начальнику Московскаго дворцоваго управленія. П. Б.

могу видѣть вещи иначе нежели другіе, но изъ этого не слѣдуетъ, что я дѣйствую по эгоизму или по упрямству. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: я конечно не могу быть равнодушенъ къ началу дѣла, которое я десятки лѣтъ призывалъ у Бога молитвой, у людей—словомъ и дѣломъ, и до полнаго развитія котораго я конечно не доживу; но отдайте мнѣ справедливость въ томъ, что я уступилъ во многомъ, *вопреки моимъ убѣжденіямъ*, взгляду нашихъ товарищей: разныя мои распоряженія (расположеніе столовъ, балюстрады и проч. даже молебень) были основаны на *большинствѣ* ихъ мнѣній. (Вы не были при всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ).

Во всемъ этомъ я имѣлъ въ виду не одного себя, но *насъ* осталь, хотя не могу не видѣть, что на мнѣ лежитъ *большая* отвѣтственность, и по закону 11-го Октября (ст. 126), и по прямомъ, официальномъ ко мнѣ отношеніямъ министра юстиціи, дѣйствующаго въ семъ случаѣ государевымъ именемъ (ст. 128 того же закона).

Да, и во всякомъ случаѣ, не ужъ-ли преступленіе стараться, чтобы насъ не упрекнули въ несочувствіи къ новому закону, въ нежеланіи дѣйствовать въ *его духъ*, въ томъ, что мы, привязываясь къ устарѣвшимъ формальностямъ, тормозимъ его развитіе, что мы не довольно облегчаемъ публикѣ доступъ къ слушанію нашихъ дѣлъ, *вопреки явной мысли* Государя? Възлivity и даже *предупредительность* въ отношеніи къ публикѣ (какъ-бы она мала ни была) я считаю въ настоящую минуту, необходимою; ибо тѣмъ налагается въ свою очередь на публику обязанность быть къ намъ самой възлivityю и почтительною, и тѣмъ сильнѣе образуется для насъ право быть строгими, если публика нарушить должное къ намъ уваженіе и порядокъ что есть дѣло весьма возможное, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и какъ уже видимъ по журнальнымъ статьямъ. Dans toutes les éventualités possibles nous devons avoir envers le public *raison et demi*.

Во всемъ этомъ, повторяю, я могу ошибиться. Опытъ покажетъ, чей взглядъ вѣрнѣе, но никогда я не могъ ожидать, что чистота и прямота моихъ дѣйствій будетъ заподозрѣна, и то, что я почиталъ дѣломъ *общей пользы*, какъ для нашей должности, такъ и для насъ лично, будетъ приписано чувству какого-то маленькаго, непонятнаго мнѣ тщеславія. Въ первый разъ въ жизни я встрѣчаю нареканіе такого рода, и оно *глубоко* меня огорчаетъ. Положа руку на сердце, я ничѣмъ не заслужилъ его, а развѣ, напротивъ, имѣю право хоть на маленькое спасибо.

Примите, ваше сіятельство, увѣренія въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Князь В. Одоевской.

А. М. РЫЛБЕВЪ.

3-го Апрѣля сего года скончался въ Петербургѣ, въ глубокой, по мастигой, старости генераль-адъютантъ Александръ Михайловичъ Рылбевъ. Имя его неразрывно связано съ памятью объ императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, при которомъ онъ состоялъ не только на службѣ, но и въ непосредственной близости съ 1849 года до самой кончины Государя. Едва ли проходилъ день, когда бы не видалъ его Рылбевъ, потому въ теченіе слишкомъ четверти вѣка ежедневно либо навѣщавшій его могилу, либо молившійся о немъ въ Зимнемъ дворцѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ Александръ Николаевичъ испустилъ духъ. Рылбевъ былъ просто влюбленъ въ Государя, который однажды сказалъ Д. Θ. Тютчевой, указывая на Рылбева: Поглядите, вѣдь на немъ лица нѣтъ; это потому, что два дня сряду мнѣ не случилось говорить съ нимъ.

Отецъ А. М. Рылбева былъ двоюроднымъ братомъ злосчастному Кондратию Федоровичу, стихами котораго вѣроятно восхищался, во время своего великокняжества, и Николай Павловичъ, любитель и знатокъ изящнаго. Какъ извѣстно, онъ негласно благотворилъ семействамъ Декабристовъ, въ томъ числѣ и Рылбевымъ. Чувство признательности къ царской милости было первоначальнымъ побужденіемъ въ Александрѣ Михайловичѣ. Онъ былъ холостякъ (одна сестра его скончалась въ Московскомъ Вдовьемъ домѣ) и до 1880 года имѣлъ воспитанника и двухъ воспитанницъ, получившихъ имена свѣтлѣйшаго князя и свѣтлѣйшихъ княженъ Юрьевскихъ (одна изъ нихъ за внукомъ А. С. Пушкина, графомъ Меренберомъ).

Двѣ небольшія комнаты въ скромномъ помѣщеніи Рылбева были наполнены предметами, напоминавшими ему Александра Николаевича. Пишущему эти строки пришло на мысль, что эти портреты, статуэттки и вещи могли бы навсегда сохраняться въ одной изъ залъ Историческаго Музея въ Москвѣ. Рылбевъ возразилъ, что при жизни онъ съ ними не разстанется, и при томъ это было бы съ его стороны похвалъбою. Позднѣе онъ передавалъ мнѣ, что написалъ завѣщаніе, по которому нѣкоторыя вещи оставлялъ Севастополю (какъ мѣсту своего рожденія и первой службы), а прочее въ Москву, о чемъ тогда же и сообщено было мною министру народнаго просвѣщенія И. Д. Делянову.

Память приверженности внушаетъ сочувствіе и уваженіе. П. Б.

ЗАМѢТКИ.

Лаконическая сравнительная характеристика семи Виленскихъ генераль-губернаторовъ.

Въ началѣ 1890 года въ Одессу прїѣзжалъ и жилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ по своимъ домашнимъ дѣламъ *Алексѣй Порфирьевичъ Владимировъ*, довольно извѣстный Русскій публицистъ. Онъ долго служилъ въ Вильнѣ и потому хорошо зналъ положеніе дѣлъ въ нашемъ Западномъ краѣ... Объ этихъ-то дѣлахъ онъ и писалъ преимущественно статьи и корреспонденціи въ журналахъ и газетахъ. Его любимую идею было *располяченіе католицизма*, и эту тему онъ горячо доказывалъ въ своихъ статьяхъ*). Познакомился я съ нимъ въ Одессѣ у сослуживца своего, преподавателя Семинаріи о. *Іоанна Хрисановича Стрѣльбицкаго*; а этого послѣдняго познакомилъ съ А. П. Владимировымъ *А. А. Кривцовъ*, Одесскій адвокатъ, дѣятельный членъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества. А. П. Владимировъ много разсказывалъ кое-чего изъ жизни своей, и между прочимъ высказалъ едѣланную имъ сравнительную характеристику семи Виленскихъ генераль-губернаторовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ

Муравьевъ—мало говорилъ, много дѣлалъ.

Кауфманъ—много говорилъ, а мало дѣлалъ.

Барановъ—мало говорилъ, мало дѣлалъ.

Альбединскій—ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ.

Потаповъ—одно говорилъ, и другое дѣлалъ.

Тотлебенъ—зналъ, что ничего не говорилъ и ничего не дѣлалъ.

Казановъ—не зналъ, что говорилъ и что дѣлалъ.

*

Нѣчто изъ жизни Московской Духовной Академіи конца 40-хъ годовъ XIX вѣка.

Упомянутый *А. П. Владимировъ* былъ воспитанникомъ Московской Д. Академіи. Онъ учился въ ней съ 1848 по 1852 годъ. Вотъ нѣсколько воспоминаній его.

*) Нѣсколько времени тому назадъ мы читали извѣстіе въ газетахъ, что А. П. Владимировъ скончался.

1) Митрополитъ Филаретъ былъ маленькій, сухенькій, а держалъ въ трепетѣ все. Студенты иногда играли въ своемъ домашнемъ кругу комедіи Гоголя. Ректоръ *Алексій* позволялъ имъ это. Онъ былъ прекрасный ректоръ, очень добрый и внимательный къ студентамъ; но намѣстникъ Лавры *Антоній* донесъ объ этомъ м. Филарету. Прилетѣла вѣстафета, зовуть Алексія въ Москву къ Филарету. „Что это у васъ тамъ скоморошество завелось?“ сталъ пробирать его Филаретъ. „Всѣхъ васъ разгоню и Академію закрою!“ Алексій палъ ему въ ноги и смиренно сказалъ: „Выше высокопреосвященство! Мы не въ этомъ только, а во многомъ другомъ грѣшны. Ваша воля казнить насъ и миловать“. Филаретъ смягчился, сталъ ласковѣе. „Ну - ну, встань. Нельзя допускать театра въ Академіи. Чтобы этого больше не было! Успокойся и повзжай съ Богомъ.“ Алексій пріѣхалъ, призвалъ студентовъ и сказалъ: „Чтожъ, господа, нельзя больше играть Гоголя. Владыка не позволяетъ. Я думалъ, что лучше это будетъ, вмѣсто пьянства; но кто-то владыкѣ донесъ, и онъ приказалъ, чтобы этого больше не было. Прошу васъ, господа, послушайте меня и не подвергайте больше отвѣтственности передъ владыкою“. Студенты, конечно, послушались добраго ректора.

2) Между студентами и Лаврскими монахами вообще была неприязнь. У привратника монастырскаго было двое ключей: одни онъ относилъ къ намѣстнику Антонію, а другіе оставлялъ у себя. Когда ночью идетъ монахъ, то на вопросъ привратника: „Кто тамъ?“ если послышится отвѣтъ: „Отецъ Сергій“ или тамъ другой-кто изъ монаховъ, привратникъ тотчасъ отворяетъ. А когда на вопросъ послѣдуетъ отвѣтъ: „студентъ“, то привратникъ сейчасъ ворчитъ: „А! Студенный! Ключи у намѣстника!“—„Да отопри, пожалуйста. дамъ 10 коп.“—„Давай 20“. Студентъ вынужденъ дать. Но, и впустивши, привратникъ все ругаетъ студента.

3) М. Филаретъ въ 1848 г. (годъ революцій и всякихъ возбуденій) пріѣхалъ въ Лавру 25 Сентября, на праздникъ препод. Сергія (онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ годъ нѣсколько разъ: на Сергія осенняго и лѣтняго, на Успенье и проч.). Говорилъ онъ тогда проповѣдь изъ текста: „Погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего?“ (1 *Коринь.* 1, 19—20). Въ этой проповѣди онъ сильно обличалъ ученость человѣческую. Но послѣ, когда проф. А. В. Горскій, редакторъ академическаго журнала „Творенія Св. Отецъ“, просилъ у него этой проповѣди для печати, то онъ не далъ.

4) Профессорами - ветеранами въ Академіи были протоіереи *Θ. А. Голубинскій* и *П. С. Делицынъ*. Первый—философъ, а второй—математикъ. Ихъ всѣ очень уважали. Голубинскій былъ сосредоточенный, задумчивый и очень забывчивый. Делицынъ—живой, хохотунъ, смѣхотворъ. Оба они были уже вдовцами и жили въ одномъ домѣ, гдѣ квартиры ихъ были одна противъ другой. Голубинскій, когда уходилъ изъ дому, наприм. на базаръ, то обычно

венно оставлялъ надпись на дверяхъ квартиры: „Ө. А. Голубинскаго нѣтъ дома“. Вотъ онъ разъ возвращается домой задумавшись, читаетъ надпись: „Ө. А. Голубинскаго нѣтъ дома“ и хочетъ было уже уходить назадъ. Тогда Делицынъ выбѣгаетъ изъ своей квартиры и кричитъ: „Дома, дома Федоръ Александровичъ; пожалуйте!“ Можетъ быть это и выдумалъ Делицынъ: это онъ рассказывалъ. И много другихъ случаевъ забывчивости Голубинскаго известно было въ Академіи и служило предметомъ веселыхъ разговоровъ...

5) У меня былъ товарищъ *Николай Головицковъ*, красивый, умный сынъ Ярославскаго протоіеря. Онъ кончилъ курсъ Академіи въ числѣ первыхъ магистровъ, но не пошелъ по духовному вѣдомству, а опредѣлился гдѣ-то въ канцелярію Губернскаго Правленія. Потомъ онъ спился и сдѣлался въ Москвѣ *босжомъ*, тамъ и умеръ. Мнѣ рассказывалъ послѣ въ Вильнѣ Алексій архіеп. Виленскій (тоже Ярославецъ, ниже меня курсомъ), что когда онъ былъ въ Москвѣ викаріемъ, то Головицковъ приходилъ къ нему и какъ нищій просилъ подаянія... Такъ и погибъ умнѣйшій мой товарищъ!.. *).

Сообщ. Л. С. М.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано		Надо
внутри обложки lionne		lionne
Стр.		
509	militair	militaire
513	Фридрихъ II	Фридрихъ III
538	réjouï	réjoüis
—	plû	plu
—	basrelief	bas-relief
557	martiale	martial
626	ь	я
627	Дѡма	doma
646	любетъ	дебютъ

*). Такими неудачниками въ жизни оказался довольно значительный процентъ *магистровъ и кандидатовъ*, выпущенныхъ нашими духовными академіями за почти столѣтній періодъ ихъ существованія. Какія-то были общія причины, порождавшія это печальное явленіе...

Записки, воспоминанія, дневники, путевыя замѣтки *).

А) Русскихъ людей.

1. Изъ Записокъ Анны Ѳеодоровны Аксаковой. Сообщено Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ. 1903. II (5) 5—22. Монахини Дивѣвской пустыни.—Мантія Саровскаго старца Серафима.—Испѣленіе Великой Княжны Маріи Александровны.—Кончина императрицы Александры Ѳеодоровны.
2. Очерки моей жизни. Григ. Никол. Александрова 1904. III (12). Нашествіе Французовъ.—Аудиторіальскій Департаментъ.—Генераль Тучковъ.—Декабристы.—Генер.-аудиторъ Миловановъ.—М. М. Сперанскій и М. А. Балуговскій.—Филаретъ.—В. Б. Важеновъ.—Бар. М. А. Корфъ.—Имп. Николай Павловичъ.—Фонъ-Фрикентъ.—Д. Н. Замятинъ.—В. А. Казадаевъ.
3. Изъ Записной книжки великой княжны Александры Николаевны (1843). Сообщ. Ѳ. А. Оомъ. 1889. I (3), 405—406.
4. Давнія встрѣчи. Изъ воспоминаній А. Н. Андреева. 1890. I (4), 536—552. II (7), 345—362. Бальзакъ.—Джунковский.—Д. Т. Ленскій.—Актеры Максимовъ и Мартыновъ.—Имп. Николай Павловичъ.—Н. Ф. Павловъ и Н. М. Пановскій.—Ренанъ.—Гр. С. Г. Строгановъ и проф. Ваагенъ.—Кронъ-принцъ Рудольфъ.—Лордъ Брунъ.—Трагикъ Росси.—Рамазановъ.—Е. И. Маковский.—Институтка и майоръ СтUARTъ.—С. И. Штуцманъ.—Г. И. Новиковичъ.
5. Дополненіе. Усы въ инженерномъ вѣдомствѣ. Николая Палибина. 1890. III (9), 106—107.
6. Изъ воспоминаній Н. И. Андреева 1879. III (10), 173—202. 1812-й годъ.—Дивизія Невѣровскаго.—Ардатовъ.—Подъ Модлиномъ.—Смотръ при Вертѣ.
7. Записки Михаила Ивановича Антоновскаго. Сообщ. В. И. Помяловскій. 1885. I (2), 146—178. Предокъ-Французъ.—Въ Москов. университетѣ.—Служба при гр. И. Г. Чернышовѣ.—И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ.—Начало Имп. Публичной библіотеки.—Мысли Екатерины о Публичной библіотекѣ.
8. Воспоминанія Юрія Арнольда. (Посв. П. И. Серебрякову). 1891. II (7), 325—356. Павловскъ.—Имп. Марія Ѳеодоровна.—Н. Н. Демидовъ.
9. Изъ воспоминаній Д. В. Бартенева. 1900. III, (11), 429—436. 1901. III, (9), 44—48.—1900,

* Цифрами въ скобкахъ означены номеръ выпуска, гдѣ статья напечатана. Римскою цифрою—книга. Въ 1874 году 12 выпусковъ составляли двѣ книги, а съ 1875—три книги (каждая съ своимъ счетомъ страницъ). Въ Роспись вошли статьи двухъ изданныхъ „Р. Архивомъ“ сборниковъ: „XVIII и XIX Вѣкъ“. П. Б.

- (11) Подъ Шлевной—1901, (9): Укрошеніе Еврейскаго погрома въ Черниговской губ.
10. Изъ записной книжки издателя „Русскаго Архива“. 1891 (2). Великій кн. Константинъ Павловичъ. — Князь Лопухинъ и имп. Николай Павловичъ объ освобожденіи крестьянъ.—1892 (7). О гр. Канкринѣ.—Гр. Д. Н. Блудовъ.—М. Н. Муравьевъ объ освобожденіи крестьянъ.—Стихи С. А. Соболевскаго про В. Д. Д.—Острословіе гр. П. А. Валуева.—Великій кн. Михаилъ Павловичъ.—1892 (5) 160 частица Ризы Господней въ семьѣ Пушкиныхъ. — Княгиня Е. П. Долгорукая и митропол. Филаретъ.—Пѣвица Ираск. Арсен. Бартенева.—Поговорка А. П. Петерсона.—Надпись надъ церковными царскими дверями въ погостѣ Никола Березнякъ, Солигалч. у.—1892, (6): 284—286 Молитва Филарета. Отъ княжны В. Н. Репниной. — Старинное Русское понятіе о памятникахъ. — Четверостишіе преосв. Августина. — Письмо масона А. Поздѣва. О П. В. Шумахерѣ.—1892 (8) 489—491 Дантесъ и Пушкинъ (отъ гр. В. А. Адлерберга).—Эпиграмма Пушкина на кн. Дондукова (отъ А. А. Краевскаго).—Дубельтъ и Кокоревъ.—1892 (10). 231—240 Андр. Ив. Италинскій. — Замѣтка Павла Александровича Муханова на Записки графа М. Ѳ. Комаровскаго.—Острота кн. А. С. Меншикова.—Мать Ольги Сем. Аксаковой.—К. Н. Батюшковъ.—Е. А. Баратынскій.—1893 (3) 315—318. Гр. Лаваль.—Гр. Аракчеевъ.—Вас. Дан. Лаптевъ и кн. Дашкова.—Могила Французскаго офицера при дер. Мышкино.—Встрѣча смерти адмирала Лазарева въ Лондонѣ.—Къ Каролинѣ Карловнѣ Павловой. (стих. Ал.—сѣя Андр. Елагина).—

Изъ письма О. А. Новиковой. (о гр. Бейстѣ). — 1893 (10) 256 Отецъ М. Ю. Лермонтова.—Мнѣніе Имп. Александра II про VIII-ю книгу „Архива Кн. Воронцова“.—Н. Н. Новосильцевъ.—1902 (7) 514, священникъ Никита Яновскій.—Митр. Филаретъ.—А. С. Пушкинъ.—С. А. Хомяковъ.—1903 (12) 670—672 І. В. Васильевъ и митр. Филаретъ.—И. С. Аксаковъ.—Память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ.—1906 (12) О бракъ имп. Екатерины II съ кн. Потемкинымъ.—Дѣти гр. Ѳ. Г. Орлова.—Гр. Паленъ о Потемкинѣ.—Александръ I въ первые дни своего царствованія.—Н. М. Карамзинъ.—Дантесъ и Пушкинъ.—Острословіе М. П. Щербинина.—М. Н. Катковъ.—Стихи С. А. Соболевскаго.—Аверкиевъ про Коптева.—Письмо аббата Мишѣ.—1907 (1) 162 Апологія Екатерины II-й.—Княжна Тараканова. (2) 479 Николай I-й въ Чембарѣ.

11. Записки князя В. И. Бяргинскаго. 1904 (9) 87—105. Альминское сраженіе.—Передъ осадю и первое бомбардированіе Севастополя. — 1904 (10) 270—274 (11), 454—463. (12) 603—605.—Бой „Владимира“ съ „Первазь-Бахри“ (1853).—Послѣ Синопскаго боя.—Штурмъ во время осады Севастополя.—Князь С. С. Урусовъ.—Братъ Б.—Ихъ отецъ и няня. 1905. I, (1), 86—108.—Переѣздъ изъ Старога Юрта въ Грозную.—Взятіе парохода „Первазь-Бахри“.—Турецкій пароходъ Танфъ.—Подъ Синопомъ.—Нахимовъ въ Севастополѣ послѣ Синопа.—Генераль-меломанъ и солдаты, занесенные снѣгомъ.
12. Записки Николая Васильевича Басаргина. XIX-й В. I, 65—200.—П. И. Пестель.—Союзъ Благ.—Бурцовъ.—Ярошевицкій.—Поединокъ Киселева съ Мордвино-

- вымъ.—Смотръ въ Тульчинѣ.—Аракчеевъ.—Шумскій.—Слѣдованіе въ Сибирь.—Ссылный Ермолай.—Иркутскъ.—Чита.—Подпоручикъ Дубининъ.—Свадьба Анненкова.—Ивашевъ.—Каторжникъ Масленниковъ.—Смерть Пестова и Муравьевой.—Лепарскій.—Размѣщеніе Декабристовъ.—Князь Грабе-Горскій.
13. Изъ Украинской старины. Н. Башкирцевой. 1900. I, (3), 321—354.—Захаржевскіе.—Шидловскіе.—А. Л. Донецъ-Захаржевская.—Балавенскіе.—Майоръ ф. Клугенъ.—А. И. Дешертъ.—Павловы.—Норовы.
14. Эпизоды изъ событій 1861—1864 годовъ. Воспоминанія современника-очевидца (Н. В. Берга). 1885. I (1), 103—110. (3), 417—424. III, (6), 257—285. III (9), 89—95. Самоубійство Герштенцвейга, 1861 г. — Об.-полицейм. Левшинъ.—Левшинская полиція и политическія убійства.—Отецъ и сынъ Эккертъ.—Мирза Туганъ-Барановскій.—Домъ Замойскаго.—Убійство Вертольди.—Германи.—Станиславъ Мацѣевскій.—Е. П. Рожковъ.
15. Воспоминанія Василя Борисовича Бланка 1897. III (10) 173—236.—Яковлевы.—Происхожденіе „Мертвыхъ Душъ“. Изъ воспоминаній дипломатической службы на Востока. 1880. I, 474—479.—Похороны Бейрутскаго митрополита.—Итальянецъ Мичарелли.—Бейрутская таможня.
16. Записки графини Антонины Дмитриевны Блудовой. 1872 (7—8) Эртель.—Ив. Як. Телешовъ.—Карль Мейеръ.—Саміенца.—Графы Віельгорскіе. Кн. Серг. Трубецкой.—Гр. В. А. Соллогубъ.—В. А. Жуковский. 1873. (11) Радзивиллы.—Княг. Лигницъ.—Королева Луиза.—Прусскій дворъ 1831.—Стурдза о Штейнѣ.—Баронъ Штейнъ о А. С. Стурдзѣ. 1874 (2 и 6) Польскій мятежъ.—Профессоръ Калмыковъ.—Д. П. Бутурлинъ.—Преосв. Иннокентій.—Герцогиня Ангулемская.—А. Ф. Орловъ. 1875 (2) Небесное явленіе въ Берлинѣ.—Крюковецкій.—Алипаша.—Тѣло патріарха Григорія.—Лордъ Байронъ. 1875 (6) Графъ Гейденъ.—Депеша Поццоди-Борго.—Король Леопольдъ.—Метернихъ. 1878 (11) Э. М. Отсолигъ.—Елена Павловна. 1880. I (1), 39—106. Слуга Гаврила.—Няня Шведка.—Видѣніе Шведскаго короля.—Бабушка Екатерина Ермолаевна.—Ванька-Каинъ.—Шереметевы.—Гр. А. П. Шереметева.—Кн. А. Н. Щербатовъ.—Романъ кн. Орлова.—Княжна Е. П. Щербатова.—А. В. Поликарповъ.—Канкринъ.—Гр. Каменскіе.—Импер. Елисавета Петровна.—Видѣніе Анны Іоанновны. 1879. III (11). 365—376. (12), 481—485.—Заговоръ Тистельвуда.—Госпожа Сталь.—Эрцгерцогиня Александра Павловна.
17. Дневникъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго. 1877. III (10), 116—165. Замятки къ этой статьѣ Л. В. Дала. (11), 337—338.
18. Воспоминанія Н. Д. Богатинова. Съ предисловіемъ А. Тарнавскаго. 1899 (2) Отецъ Дезидерій. 1899, (3): Послушники Симеонъ и Михаилъ.—Д. Г. Бибиковъ.—О. Димитрій. 1899 (4) Отецъ Владимиръ. 1899, (5): Монахъ Симеонъ. 1899, (7). Е. А. Кублицкая.—Н. Р. Ребиндеръ. 1899, (8). Вар. А. П. Николаи.—Инспекторство И. Я. Ростовцева. 1899 (9) Попечитель Витте. 1899 (10) М. Л. Туловъ.—Попечитель Антоновичъ. 1899 (11) Библиотека отца Антонія.—С. П. Голубцовъ.—Отецъ Лаврентій.—1899 (12).

19. Изъ воспоминаній баронессы М. А. Боде. 1882. II, (3), 123—129. кнѣг. Анна Серг. Голицына, бар. Брюднеръ, бар. Беркгеймъ, графиня де-Гаше и имп. Александръ.
20. По поводу воспоминаній бар. Боде. 1882. II (3), 130—132. Дѣло объ ожерельѣ королевы въ 1784 г.
21. Изъ дневника О. М. Бодянского. Съ предисловіемъ А. А. Титова. 1892. III (12), 438—446.
22. Изъ Записной книжки художника В. А. Боровиковскаго (1819 и 1824 гг.). XIX-й вѣкъ I, 213—219.
23. Автобіографическія записки Егора Федоровича фонъ-Брадке. 1875. I, (1), 13—53 и (3), 257—294. Преданіе о Екатеринѣ I-й.—Ген. Гартингъ.—Барклай-де-Толли.—Дибичъ.—Аракчеевъ.—Графъ Виттъ.—Университетъ въ Кіевѣ.—Профессоръ Цихъ.—Гр. Киселевъ.
24. Изъ воспоминаній и разсказовъ. Николай Браилко. 1897. II, (6), 289—316. Гр. М. С. Воронцовъ.—В. И. Нестель.—П. И. Федоровъ.—И. Н. Пандагури.—Казакъ Дубенко.—Цесаревичъ Николай Александровичъ.—Панчулидзевъ.—Л. А. Перовскій. Поправки и дополненія Григорія Тройницкаго. 1897. III (12), 660.
25. Опроверженіе П. Устимовича (по поводу воспоминаній Николая Браилко). 1897 II (8), 657—658.
26. Изъ служебныхъ воспоминаній мирового посредника въ Юго-западномъ краѣ. Д. Броневскаго. 1893. III (12), 497—522.
27. Изъ записокъ мирового посредника былаго времени. Д. Броневскаго. 1901. II (8), 545—562.
28. Сибирскіе казаки и Китайцы. Д. Броневскій). 1904. I, (1), 95—97.
29. Выдержки изъ Записокъ Александра Яковлевича Булгакова, съ примѣчаніями Н. С. Киселева. 1867. (11) 1361—1374.
30. Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. 1900. II, (7), 265—277. Въ Андреевскомъ у графа Воронцова.—Гр. Ростопчинъ во Владимирѣ.—Вымышленный разговоръ Мюрата съ Милордовичемъ.
31. Листки изъ памятной книжки В. П. Бурнашева. 1872 (7—8), 1606—1612. О полковникѣ Лизогубѣ.
32. Воспоминанія Апполинарія Петровича Бутенева. 1881. III (5), 5—84. 1883. I, (1), 5—63.—Гончаровы.—Павель въ Москвѣ.—Князья Салтыковы.—Спафарьевы.—Гр. А. П. Салтыковъ.—Коленкуръ.—Пріѣздъ въ Петербургъ короля и королевы Прусскихъ.—Кн. Багратионъ.—Эмигрантъ Мутье.—Раевскій подъ Дашковкой.—Гр. Румянцевъ.—Графы де-Местры.—Г-жа Сталь.—Гр. С. Р. Воронцовъ.—Ветръча съ гр. Нейпергомъ.—Александръ Павловичъ въ Лейпцигѣ.—Гр. Ю. А. Головкинъ.
33. Записки графа Михаила Дмитриевича Бутурлина. 1897. I (2), 213—247 (3), 396—444 (4), 579—652, II (5), 5—74 (6), 177—256 (7), 337—439 (8), 529—601, III (9), 33—106 (10), 237—282 (11), 313—367 (12), 517—597. 1898. I (1), 125—164 (2), 239—276 (3), 388—424, II (5), 5—40 (6), 303—331 (7), 406—444 (8), 522—589, III (10), 153—222, съ портретомъ автора. 1897 (2). Дивовы.—Княгиня Дашкова.—Аббатъ Сюрюгъ.—1897 (3). Сестры матери.—Станкеры.—Гр. А. Г. Орловъ.—Слоанъ. 1897 (4). Дворецкій Джуліали. 1901 (9). Адм. Чичаговъ.—А. Д. Жеребцовъ.—Александръ Николаевичъ во Флоренціи.—И. П. Мятлевъ.—М. Е. Выходецъ.—Иеронимъ Бонапарте.—Кн. Д. В. Голицынъ. 1901 (10). А. Д. Чертковъ. Герцогъ Лукскій.—Баронъ д'Огеръ.—Гр. М. А. Воронцова. 1901 (11). О. А. Три-

донъ.—Гр. В. А. Сологубъ.—
 А. С. Норовъ.—Гр. К. А. Во-
 ронцова-Дашкова.—Полянскіе.—
 А. Н. Муравьевъ.—Николай Пав-
 ловичъ.—Кн. П. М. Волконскій.
 —Вел. Кн. Михайль Павловичъ.
1901 (12). Гр. М. Г. Разумовская.
 —Ланскіе.—Англичанинъ Путѵ.
 —Живописецъ Берти.—М. Я. Вейс-
 бергъ.—Гр. П. П. Паленъ.—Гр.
 де-Местръ.—Мальцовы.—Д. П.
 Северинъ.—Великановъ.—Лордъ
 Байронъ.—Н. Н. Демидовъ.—
 Свѣчины.—Кн. З. А. Волконская.
1897 (5). Гр. Потоцкій.—О. И.
 Понятовскій.—Гр. А. В. Браниц-
 кая.—А. С. Пушкинъ.—Гр. М. С.
 Воронцовъ.—Гр. Ланжеронъ.—
 Гр. В. П. Кочубей.—С. А. Мас-
 ловъ.—О. А. Тридонъ.—Гр. Чер-
 нышова.—Гр. Г. И. Чернышовъ.
 —Л. Норманди.—Кн. Д. И. Дол-
 горуковъ.—А. А. Дивовъ.—Лю-
 довикъ Бонапартъ.—Бруни. **1897**
 (6). Тончи.—Кн. Бѣлосельская.—
 Гр. Каменскій.—Гр. Комаровскій.
 —Е. И. Пашковъ.—Н. И. Бах-
 метевъ.—О. А. Пашкова. **1897**
 (7). М. М. Магницкій.—Л. С. Пуш-
 кинъ.—Н. М. Пановскій.—Анич-
 ковъ.—Павлицевъ.—Бальтюзь-
 де-Варимонъ.—Н. Т. Кетова.—
 Веселовскіе.—Голубицкіе.—
 Братья Робертсоны.—А. И. На-
 рышкинъ.—Проф. Мухинъ. **1897**
 (8). Гр. С. П. Румянцовъ.—Кн.
 Баратаевъ.—Пашковы.—А. С.
 Цуриковъ.—Соймоновы.—Лангъ.
 Бар. Шрекенфельдъ.—Олонкинъ.
 —Леонъ Капенштейнъ.—Н. Н.
 Муравьевъ.—П. С. Кайсаровъ.—
 А. П. Хвостова.—Преосв. Влади-
 мѣръ Аладинъ.—Митр. Евгеній.
1897 (9). Кн. Видони.—Дини.—
 Маркизь Соммарива.—Илья Ка-
 шиндовъ.—И. М. Муравьевъ-Апо-
 столь.—Е. И. Нарышкина.—А. Н.
 Демидовъ.—Понятовскіе и По-
 тоцкіе.—Герцоги Роганы.—Эн-
 гельбахъ. **1897** (10). А. А. Ми-
 роновъ.—Е. В. Сальясъ.—Ф. П.
 Гаазъ.—Иаѣта.—Варламовъ.—
 Кн. С. М. Голицынъ.—А. Ю. Пуш-

кинъ.—Сулъе. **1897** (11). Гр.
 Клейнмихель.—Рубинштейны.—
 Д. Л. Измаиловъ.—Листъ.—А. И.
 Розе.—Граціани.—Зембулатовъ.
 —А. С. Цурикова.—П. И. Фро-
 ловъ. **1877** (12). Маркиза Пуч-
 чи.—Н. А. Протасова.—Преосв.
 Иринархъ.—Гр. Бенкендорфъ.—
 Кн. К. А. Черкасскій.—Княг. М. П.
 Волконская.—А. И. Сабуровъ.—
 Аткинсонъ.—Клодтъ.—Княг. А. А.
 Голицына.—Кн. Н. А. Голицынъ.
 —Жихаревъ. **1898** (1). Ф. И. Мил-
 леръ.—Чаплины.—Поливановы.
 —Вагнеры.—П. И. Хрущовъ.—
 И. В. Венюковъ.—В. Я. Яко-
 венко.—Толбугинъ.—Докторъ
 Бестъ. **1898** (2). Кн. А. Г. Щер-
 батовъ.—Хрулевъ.—А. А. Раки-
 тинъ.—Убійство кн. Голицыной.
 —Зыковъ.—Домашневы.—Кн.
 П. Д. Черкасскій.—А. П. Носкова.
 —А. А. Болдыревъ. **1898** (3). Но-
 восильцовы.—Архіеп. Гавриилъ.
 —Кн. А. Д. Волконскій.—Раки-
 тинъ.—Желтухина.—Д. Н. Апрак-
 синъ.—Кн. Н. Ф. Голицынъ.—
 А. И. Нарышкина.—Кн. Ю. Н.
 Голицынъ. **1898** (5). Хвоцинскій.
 —Филаретъ.—Кн. А. С. Менши-
 ковъ.—Вишневскіе.—С. И. Яблоч-
 кова.—Гр. А. М. Бутурлина.—
 Генике.—Зейць.—Герветъ. **1899**
 (6). **1898** (7). Д. Г. Бибииковъ.—
 Келли.—Фелькнеръ.—В. В. Скри-
 пидинъ.—Гр. Д. Н. Толстой.—
 Вильямсъ.—П. А. Дубовицкій.
1898 (8). М. Г. Косачъ.—Яков-
 левы.—Кн. Е. П. Оболенскій.—
 Г. С. Батенковъ.—Тимоѣвскіе.
 —1858-й годъ.—Обнинскіе.—
 Кондиторъ Радзиковскій.—Еп.
 Кириллъ.—А. И. Розе.—Арцы-
 мовичъ. **1898** (10). Шамиль.—
 Н. В. Сушковъ.—Кн. Н. Ф. Го-
 лицынъ.—В. А. Кокоревъ.—Н. С.
 Кашкинъ.—Монахиня Антонина.

34. Очерки стародавняго мѣстнаго
 быта. Л. Вейнберга. **1887**. II
 (7), 289 — 306. III (11), 417—
 423. Воевода Волковъ.—Кон-
 драць Голосковъ.—Сѣверцовъ.

35. Кавказскія воспоминанія (1861—1863). М. Венюкова. 1880. I, 400—448. Н. Н. Забудскій.— Псебай.—Графъ Евдокимовъ.— В. А. Гейманъ.—Дѣло фонъ-Бака. И. А. Вельяминовъ.—М. Я. Ольшевскій.
36. По поводу Кавказскихъ воспоминаній М. И. Венюкова. А. Зиссермана. 1884. III (5), 33—54. Подполковникъ Иедлинскій.—Графъ Евдокимовъ.—Проектъ Вельяминова о покореніи Кавказа.
37. Старица (Успенскаго Тобольскаго монастыря) Мавра. А. В. Востокова 1887. III (10), 177—179.
38. Записки Вигеля. Приложение къ „Р. Архиву“. 1863. 1891—1893 Я. И. Сандерсъ.—П. И. Лебедевъ.—В. И. Чулковъ.—Мутъ.—Гр. А. В. Браницкая.—Шардонъ и Шардонша.—Кн. П. М. Дашковъ въ Кіевѣ.—Намѣстникъ С. Е. Ширковъ.—Митроп. Самуиль.—Гр. И. П. Салтыковъ.—И. И. Алексѣевъ.—Кн. Петръ Ивановичъ Одоевскій.—Форсевиль.—Турчанинова.—Кн. С. Ѳ. Голицынъ.—П. И. Сумароковъ.—И. А. Крыловъ.—Встрѣча съ имп. Павломъ.—П. Г. Демидовъ.—Гр. Растопчинъ. Прогулки Павла Перваго.—Актриса Шевалье.—П. И. Мятлева.—Карамзинъ.—В. Л. Пушкинъ. Кн. А. Б. Куракинъ.—И. Сперанскій.—Магницкій.—Голубцовъ.—Арбенева.—Гр. Сухтеленъ.—Д. Н. Блудовъ.—Обрѣзковъ.—Мартиновъ.—Злобинъ.—Мансуровъ.—Юшковы.—Есиповы.—Вонифатьевъ.—Тулиновы.—Салтыковы.—А. И. Тургеневъ.—А. П. Хвостова.—Гр. А. И. Кутайсовъ. Ш. Гр. А. Т. Толстой.—Вар. А. Я. Будбергъ.—Гр. Н. П. Румицовъ.—Богатства Кочубея.—Кн. Ал-сѣй Б. Куракинъ.—Гр. Аракчеевъ.—Кн. Д. И. Любановъ.—Г. Г. Пшеничный.—П. С. Валзуевъ.—Колокольцовы.—А. Д. Пачулидзева.—Козодавлевъ.—

А. П. Римскій-Корсаковъ.—И. Н. Бѣлоклоковъ.—Н. П. Дубенскій.—Козодавлева.—Кошкарковы.—Гр. Н. М. Каменскій.—Кн. М. П. Долгоруковъ.—Король и королева Пруссіе въ Петербургѣ.—Кнорингъ.—Ансельмъ-де-Жибори.—Гр. П. А. Шуваловъ.—А. Ѳ. Крыжановскій.—А. М. Салтыковъ.—Замыслы Сперанскаго.—Е. В. Карнѣевъ.—Барклай-де-Толи.—И. И. Дмитріевъ.—Гр. А. К. Разумовскій.—Д. А. Гурьевъ.—Кн. Багратіонъ.—Крыжановскій.—Опочининъ.—А. И. Рибопьеръ.—Гр. Н. М. Каменскій.—А. Д. Балашовъ.—Б. Б. Кампенаузенъ.—Кн. А. Н. Голицынъ.—Актриса Жоржъ.—Кн. А. А. Шаховской.—В. А. Озеровъ.—А. У. Болотниковъ.—А. Д. Копіевъ.—И. К. Лебедевъ.—Тяжба съ Тютчевымъ.—Кн. Г. С. Голицынъ.—Причины опалы Сперанскаго.—И. В. Гудовичъ.—Гр. Ростопчинъ.—П. В. Чичаговъ.—Гр. Н. С. Мордвиновъ.—Кн. Кутузовъ.—Кн. и кн. Вяземскіе.—Молчановъ.—Аракчеевъ.—Е. Ѳ. Муравьева.—Н. Ѳ. Муравьева.—Н. М. Муравьевъ.—Д. В. Дашковъ.—К. Н. Батюшковъ.—Гнѣдичъ.—Оленины.—Кн. П. М. Волконскій.—Людвикъ XVIII-й.—Бетанкуръ.—Сенноверъ.—Базень.—Монферранъ.—Кн. Тюфякинъ.—М. Ѳ. Орловъ и Д. Н. Блудовъ.—Гр. Каподистрія.—А. П. Ермоловъ.—Гр. М. С. Воронцовъ.—Гр. М. А. Милорадовичъ.—Ѳ. П. Лубяновскій.—Козодавлевъ и Вязмитиновъ VI. Ссылка А. С. Пушкина.—П. Я. Чаадаевъ.—Крестинъ.—Каталани.—Е. Ф. Канкринъ.—Дибичъ.—Фотій.—К. Я. Булгаковъ.—Бруновъ.—А. С. Пушкинъ.—Адм. Грейгъ.—М. Ѳ. Орловъ.—И. П. Инпранди.—Графиня Эдлинъ.—Виттъ.—Северинъ-Потоцкій.—И. Н. Инзовъ.—Кн. Кантакузенъ.—Раевскіе.—Консулъ Тома.—Гр. Кочубей.—Желгунъ.—

- Рознаванъ и Гйка.—В. О. Тимковскій.—Н. М. Карамзинъ.—Гр. Бенкендорфъ.—Гр. Закревскій.—Тухачевскію.—Синельниковъ.—Гр. О. П. Паленъ.—Собаньская. Н. В. Сушковъ.—Слѣда.—Ю. М. Кульчинская.—В. А. Перовскій.—Стемиковский.—Кн. Д. В. Голицынъ.—Керчь. Сочиненіе Ф. Ф. Вигеля (1827). 1893.—Родословная Вигелей и Панчулидзевыхъ.
39. Замѣчанія на нынѣшнее состояніе Бессарабіи. Соч. Ф. Ф. Вигеля. 1891. 36 стр. Это приложение къ VII-й ч. Записокъ Вигеля.
40. Объясненіе по поводу Записокъ Ф. Ф. Вигеля. 1863. (12), 960.
41. Москва и Петербургъ. Ф. Ф. Вигеля. 1893. II. (8), 566—584.—В. А. Жуковский.—Гречанка Калисо и Пушкинъ.—Загоскинъ.—Грибоѣдовъ.—Д. В. Давыдовъ.—Языковъ.—Кн. Одоевскій.
42. Записки Винскаго съ предисловіемъ А. И. Тургенева 1877. I, (1) 76—123, (2) 150—197. Равелинъ святого Іоанна.—Брецинскій.—Рыбкинъ.—А. И. Арсеньевъ.—Рычковы и Левашовы.
43. Изъ путевыхъ записокъ епископа Владимира о Сѣверномъ Кавказѣ. 1886. 1904. I (4), 664—682.
44. Графъ Владиславичъ о Китаѣ въ XVIII вѣкѣ. 1900. II (8), 572—580.
45. По поводу записокъ С. Г. Волконскаго. В. Иконникова. 1902. II (6) 265—267. „Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго (Декабриста). Изд. князя М. С. Волконскаго“, Спб 1901.
46. Записки гр. А. Р. Воронцова. 1883. I. (2), 223—290. Гр. Елисавета Романовна.—Маркизь Лопиталь.—Елисавета Петровна.—Гр. Кейзерлингъ.—Марія Терезія.—Вольтеръ.—Людвикъ XVI-й.—И. П. Салтыкова.—Гр. М. П. Бестужевъ.
47. Изъ записной книжки Volteriana. 1887. III, (11), 453—454. Вольтеръ и гр. А. П. Шуваловъ.—Стихи Пушкина княгинѣ Радзивиль.
48. Воспоминаніе о Булгаковыхъ. Кн. Вяземскаго. 1868. (9), 1436—1445.
49. Старая записная книжка (Кн. П. А. Вяземскаго). XIX-й В. II. 219—296. Богдановичъ.—Шишковъ.—Державинъ.—Крыловъ.—Херасковъ.—Книга Тыртова.—Книга о кн. Меншиковѣ.—Обрученныя Манзони.—Стихи Ж. Б. Руссо.—Сужденіе Шлегеля.—Мирабо.—Романъ В. Гюго.—И. И. Дмитріевъ.—Ломоносовъ.—О Кутузовѣ.—Наполеонъ.—Гр. В. Апраксинъ.—Случай съ Пушкинымъ.—Гр. Ланжеронъ.—Американецъ Толстой.—Кн. Черторижскій.—Кн. Дашковъ.—Бар. Жерамба.—Курута.—Н. Н. Новосильцовъ.—Jean de Paris.—В. К. Константины и Новосильцовъ.—Магницкій.—Нелединскій.—Кн. Марцелинъ Любомирскій.—А. Л. Нарышкинъ.—Импер. Павелъ и Виліе.—Аракчеевъ и А. О. Орловъ.—Канингъ въ Москвѣ.—Кн. Д. В. Голицынъ.—Чичаговъ.—Маркова.—Евграфъ Чертковъ.—Сдержанность Екатерины.—Разказы гр. Головиной.—Кн. П. С. Мещерскій.—Тредьяковский.—Хр. Бенкендорфъ.—Гр. Остерманъ и Вьельгорскій.—Гр. Марковъ.—Гр. Меттернихъ.
50. 1893. Замѣчанія на Выдержки изъ Старой Записной книжки 1872. (11), 2251.
51. Еще выдержки изъ „Старой записной книжки“. 1872. (11) 2252—2261.
52. Изъ старой записной книжки, (Кн. П. А. Вяземскаго). 1873—1877. 1873, (1) Изъ неизданныхъ Записокъ короля Станислава Понятовскаго.—Порученіе Ностицу Кейзерлинга. 1873, (6): Гр.

Сакенъ. — Карамзинъ и Александръ I-й. — Маринъ. — А. М. Пушкинъ. — Д. В. Давыдовъ. — Петръ Степ. Молчановъ. — Графъ Ланжеронъ. — Обольяниновъ и Сперанскій. — А. П. Ермоловъ. — Гр. Варв. Вас. Толстой и его супруга. — Пѣвица Габриели. — Импер. Павелъ и гр. Паленъ. — Я. А. Дружининъ. — Кн. Бѣлосельскій. — Гр. Мамоновъ. — Американецъ Толстой. — Министръ Балкъ-Полевъ. — 1873, (9) Вел. кн. Константинъ Павловичъ. — Раевскій. — Актеръ Жулкевскій. — Гр. Бенкендорфъ. — Гр. Красинскій. — Петръ Мих. Лунинъ. — Левъ Пушкинъ. — А. С. Пушкинъ. — 1873, (10). Записки Гр. Хотекъ. — Неѣловъ. — Позняковъ. — Копьевъ. — Оед. Петр. Уваровъ. — Юр. Ал-др. Нелединскій. — Сандунова. — Гр. Дм. Петр. Бутурлинъ. — 1873, (11): А. М. Пушкинъ. — Кн. А. О. Орловъ. — Поццо-ди-Борго. — Кн. Ив. Голицынъ. — Ив. Влад. Лопухинъ. — Дм. Павл. Татищевъ. — Графъ Ег. Фр. Канкринъ. 1874, (1) Н. К. Загряжская. — Гр. Гудовичъ. — Магницкій. — Сперанскій и его отношенія къ Александру I-му. 1874, (2) Баронъ Пальменштернъ. — Принцъ де Кюнти. — Н. Д. Офросимова. — Сибилевъ. — Княгиня Радзивиль. 1874, (5) Donna Sol. — Левъ Пушкинъ. — Мих. Орловъ. — Гр. Д. И. Хвостовъ. — Н. О. Арендтъ. — Талейранъ. — И. П. Мятлевъ. — Графъ Серг. Румянцевъ. 1874, (7). Актриса Жоржъ. — Атаманъ Платовъ. — Кн. Тюфякинъ. — Кн. В. С. Голицынъ. — Гр. Генрихъ Ржевускій. — Н. И. Кривцовъ. 1875, (1) Шведскій принцъ Оскаръ. — Бернадотъ. — Кн. Бѣлосельскій. — О. П. Опочининъ. — В. А. Жуковскій. 1875, (2) Гр. А. И. Остерманъ-Толстой. — Бенкендорфъ-отецъ. — Гр. Сенъ-При. — А. А. Антонскій. — Пѣсни кн. Хованскаго. „Я вечеръ въ лугахъ

гуляла...“ 1875. (3) Княгиня Юсупова. — Т. Б. Потемкина. — Тончи. — Милоновъ. — Сумароковъ. 1875, (4) Новосильцовъ и Байковъ. — Неѣловъ. 1875. (5) Кн. Гагаринъ. — Плетневъ и Гнѣдичъ. — Оссинскій. — Н. Н. Новосильцевъ. — Гр. Вьельгорскій. — Ив. П. Архаровъ. — Н. Ф. Павлова. — Посланіе Языкова къ Чадаеву. 1875, (6) Шлецеръ. — Princesse Nocturne. — А. М. Орловъ. 1875. (12) К. Л. Булгаковъ. — И. А. Рущковскій. — И. Б. Пестель. — Дм. Гавр. Бибииковъ. — Кн. А. К. Разумовскій. — Гр. М. Г. Разумовская. — Гр. Л. К. Резумовскій. 1876. (1) Актеръ Фрожеръ. — Погорѣльскій. 1876. (2) Баратынскій. — О. И. Тютчевъ. — Клопштокъ. — Пав. Ив. Каверинъ. 1876. (6-й) М. О. Орловъ. — Дельвигъ. — Бар. Мальтицъ. — Иезуитъ кн. Гагаринъ. Брюловъ. — П. И. Кутузовъ. — Б. Б. Кампенгаузенъ. 1876. (8-й): В. П. Титовъ. — С. С. Апраксинъ. 1876. (9-й): Батюшковъ о стихахъ своихъ. 1876. (10-й) Ал-дръ Булгаковъ и Англичанинъ. 1877. (4): А. С. Пушкинъ — Гр. Блудовъ. — Н. Хитровъ. — Е. М. Хитрова. — Шредеръ. 1877. (6) Воейковъ.

53. Замѣтка изъ воспоминаній кн. П. А. Вяземскаго (о семействѣ Р. - Корсаковыхъ). 1867. (7), 1069—1071.

54. Очерки и воспоминанія. I. Московское семейство стараго быта. Князя Вяземскаго. 1877. I. (3), 305—314. Кн. П. А. Оболенскій. — Кн. Е. А. Оболенская. — Кн. А. И. Вяземскій. — Дохтуровы. — Кн. А. Ю. Оболенская. — Кн. Андр. Петр. Оболенскій. — Охота.

55. Изъ Записной книжки князя П. А. Вяземскаго. 1899. I (2), 359—360. О восточномъ вопросѣ.

56. Драгоманъ. Изъ Записокъ стараго дипломата. (М. А. Гамазова). 1886. III (10), 203—220.

57. Воспоминанія А. С. Гангелова. 1886. II (6), 181—268. Александръ Павловичъ.— П. Н. Свистуновъ. Разговоръ съ Николаемъ Павловичемъ.— В. В. Левашевъ.— А. Х. Бенкендорфъ.— Гр. З. Г. Чернышовъ.— Бѣляевъ.— М. С. Дунинъ.— Фаленбергъ.— У Раевскихъ.— Ермоловъ.— Французъ Семино.— А. С. Пушкинъ.— Паскевичъ.— А. А. Бестужевъ.— Захаръ Чернышовъ.— Искрицкій.
58. Еще изъ воспоминаній А. С. Гангелова. 1886. III (10), 167—202. Сем. Егор. Гангеловъ.— И. Г. Гогель.— Б. Е. Гине.— Пажъ Арсеньевъ.— Марія Θεодоровна.— Кочетова.
59. Незданное мѣсто изъ Записокъ А. С. Гангелова. 1906. III (12), 596—599. Князя Иванъ и Николай Ивановичи Манвеловы.
60. По поводу воспоминаній А. С. Гангелова. К. Б. 1886. II (7), 438.
61. Изъ Записокъ А. Г. Гебеля. 1871. (10), 1717—1728. М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы.
62. Воспоминанія Ѳ. А. Гилярова. 1094. I (1), 175—188. (2), 326—364 (3), 465—496 (4), 604—621. II (5), 60—134 (6), 238—299. 1904 (1). Д. Д. Языковъ.— 1904 (2). Дьяконы Березкинъ и Гжелскій.— Лачиновъ.— Семень Климычъ. 1904 (3). В. Д. Негрескулъ.— Н. П. Гиляровъ.— Игуменьи Меодія и Клавдія.— 1904 (4). Монахиня Е. Х. Оппель.— Монахиня Репнинская.— Е. С. Герардъ.— Письмо П. В. Кирѣевского. 1904 (5). Книжка Друцкая.— В. Н. Шнаубертъ.— А. В. Кедрскій.— Ф. А. Терновскій.— Митрофанъ Скворцовъ. 1904 (6). Герцень.— Кн. В. А. Черкасскій.— Проф. Озеровъ.— В. Г. Величкннъ.
63. Изъ дневника И. И. Гладилова. 1901. II (6), 278—292.
64. Воспоминанія давно прошедшаго времени. В. И. Глоріантова. 1906. I (2), 209—220; I (3), 427—431; „Роспись“ Русскаго Архива. II (7), 391—398; III (11). 471—480; 1907 (2), 277.
65. Изъ памятныхъ замѣтокъ П. М. Голенищева - Кутузова-Толстого. 1883. I (1), 221—222.
66. Разказы князя А. Н. Голицына. Изъ Записокъ Ю. Н. Бартенева. Сообщено А. З. Зиновьевымъ. 1886. I (3), 369—381. II (5), 52—108 (7), 305—333. III (10), 129—166. 1886 (5).— Кн. Адамъ Чарторыйскій.— Н. Н. Новосильцовъ.— Об.-прок. Явовлевъ. Вѣроотступничество Сперанскаго.— Р. А. Кошелевъ.— А. А. Лѣвннцовъ.— Н. Ѳ. Плещеева.— Бар. Криднеръ.— А. Ѳ. Лабзинъ.— С. Н. Глинка. 1886 (7), 1886 (10). Архим. Фотій.— Е. А. Головинъ.— Гр. Гашеть.— Канцлеръ гр. Румянцовъ.
67. Изъ разказовъ стараго лейбгусара. (Князя А. Н. Голицына). 1887. III (10), 192—197. (Поправка (11), 454). Константинъ Павловичъ.— Полковникъ Захаржевскій.
68. Разказы кн. Сергія Михайловича Голицына, записанные М. П. Полуденскимъ. 1869 (4), 627—644.
69. Загробныя записки кн. Н. С. Голицына. Изъ сказаній дяди его. Сообщено Е. Н. Муромцевомъ. 1905. III (12), 573—591.
70. Записки кн. Ѳ. Н. Голицына. 1874. I (5). 1271—1336. Кн. М. Ѳ. Голицынъ.— Н. И. Панинъ.— Нелидовъ.— Радищевъ.— Гр. Безбородко.— Кн. Зубовъ.— И. И. и П. И. Шуваловы.— Кн. Н. В. Репнинъ.— Гр. З. Г. Чернышовъ.
71. Записки П. И. Голубева. Сообщены П. В. Шиманомъ. 1896. I (3), 402—432 (4), 513—554 (5); 47—109. 1896 (3). Сенаторъ И. С. Захаровъ.— Е. Е. Рудамаевъ.— Трагикъ Яковлевъ. 1896 (4). Гр. Д. А. Гурьевъ.— И. И. Розенбергъ.— Гречкинъ.— Возновы.— В. С. Басинъ. 1896 (5). Гр. Е. Ф. Канкринъ.— Д. М. Бляжевичъ.— А. И. Криль.— И. М. Ореусъ.— Гр. А. Г. Кучелевъ-Безбородко.—

- А. М. Княжевичъ. — Вронченко. — А. К. Ключаревъ. — М. Х. Рейтернъ.
72. Записки неизвѣстнаго (Ив. Ив. Горбачевскаго). (Изъ Общества Соединенныхъ Славянъ). 1882. I (2), 435—555. С. И. Муравьевъ. Бестюжевъ-Рюминъ. — Анаст. Дм. Кузминъ. — Спиридовъ. — Щепило. — Андреевичъ. — Борисовъ 1-й. — Тютчевъ. — Громницкій. — Матвѣй Муравьевъ. — Артамонъ Муравьевъ. — Повало-Швейковскій. — Лангъ. — Мозгалевскій. — Трухинъ. — Быстрицкій. Бар. Соловьевъ. — Сухиновъ. — Кузьминъ. — Драгомановъ. — Троцкій. — Е. П. Нарышкина.
73. Изъ памятныхъ записокъ гр. П. Х. Граббе. 1873. I (3) 416—380 + 0417 - 0418 (5), 781—862. Андерсъ. — Викторовъ. — А. П. Ермоловъ. — Кн. А. А. Суворовъ. — Бар. Бенигсенъ. — Барклай-де-Толли. — Бернадоттъ.
74. Записная книжка гр. П. Хр. Граббе (1828—1869). 1888. (8). 750 стр. Особое приложеніе къ 1888. (вып. 4—11) и 1889 (вып. 3—6, 8—11) годамъ. Родофиникинъ и кн. Прозоровскій. — Гр. А. В. Браницкая. — М. Н. Загоскинъ. — П. Д. Киселевъ. — А. И. Михайловскій-Данилевскій. — Генераль Мельниковъ. — Бар. Гейсмаръ. — Бар. Гайнау.
75. (О „Дневникѣ графа Граббе“ и „Запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго“. 1890, I, (1), 160.
76. Записка О. В. Граббе-Горскаго. XIX-й в. I. 201—212.
77. Изъ бумагъ Н. И. Греча. 1869. (3), 599—608. А. С. Стурдза. — А. С. Пушкинъ. — Измайловъ. — С. Н. Глинка. — Бестужевъ-Марлинскій. — А. М. Андреевъ.
78. Выдержки изъ записокъ Н. И. Греча. 1871. (6), 289—320—0251—0289. М. М. Философовъ. — Сем. Ив. Великій. — Я. А. Дружининъ. — Г. Ив. Вилламовъ. Ф. М. Брискорнъ. — Х. И. Миллеръ. — Лагарпъ. — Веллингтонъ.
- Гр. П. А. Строгановъ. — Н. Н. Новосильцовъ. — Гр. А. А. Аракчеевъ. — Гр. Нессльроде. — Ал. Дм. Балашевъ. — Гр. А. Н. Голицынъ. А. Л. Нарышкинъ. — Гр. П. В. Завадовскій. — И. И. Мартыновъ. — Магницкій. — Д. П. Руничъ. — Н. А. Старынкевичъ. — П. И. Гречъ и Л. В. Васильчиковъ.
79. Записки Н. И. Греча. 1873. I. (3), 226—341. (5), 673—735. Тереза Шнее. — Фрейгольдъ. — Калиостро. — Нордбергъ. — Бездакъ. — Шванебахъ. — Кельбергъ. Брискорнъ. — Вилламовъ. — Семенъ Великій. — Пасторъ Зейберъ. Вилліе. — Бар. Людвигъ. — Озерецковскій. — Актриса Шевалье. — А. И. Чернышевъ. — Шубинъ.
80. Неизданное мѣсто изъ Записокъ Н. И. Греча. 1884. III, (5), 58. В. Кн. Александръ Николаевичъ.
81. Воспоминанія и дневники А. М. Грибовскаго. 1899. I, (1), IV неп. 9—165.
82. Къ Запискамъ А. М. Грибовскаго. Кн. Александра Щербатова. 1899. I, (2), 367.
83. Изъ воспоминаній Натальи Петр. Гротъ. 1902. II, (7), 460—476.
84. Изъ разсказовъ Г. В. Грудева. 1898. III, (11), 426—439. Императрица Елисавета Алексѣевна. — У Аракчеева. — Паскевичъ. — С. С. Уваровъ. — В. А. Нелидова. Левъ А. Перовскій. — Шульгинъ. Американецъ Толстой.
85. Изъ памятныхъ замѣтокъ В. Д. Давыдова. 1871. (4—5), 0948—0964. (6), 0289—0298. Ротшильдъ. — Бар. Зеебахъ. — Наполеонъ III-й. — Н. Д. Киселевъ. — Дибичъ. — Никита Егор. Панинъ. — Кн. Витгенштейнъ.
86. Записки М. В. Данилова. Съ предисловіемъ П. М. Строева. 1883. II (3), 1—67; III (6), 398. — А. А. Астафьевъ. — Импер. Елисавета Петровна. — Шарлота. — Сарті. — Гр. Шувалова. — Гр. П. П. Шуваловъ.
87. О Запискахъ княгини Дашковой.

- Князь А. В. Лобановъ. 1881. I (2), 366—379.
88. „Благодѣтели мои и моего рода“. Воспоминанія священ. Михаила Діева. Съ предисл. А. А. Титова. 1891. II, (5), 61—89. Марья Сем. Аже.—К. К. Бошнякъ.—Ю. Н. Бартеневъ.—Гр. Протасовъ и А. Д. Бороздинъ.—Гр. С. С. Уваровъ.—Гр. С. Г. Строгановъ.—Евгеній митроп.—В. А. Борисовъ.—Кн. П. А. Ширинскій-Шихматовъ.—А. С. Ширяевъ.—Кн. А. Д. Козловскій.—Параск. Петр. Зимица.—П. П. Свинынь.—Н. А. Полевой.—В. А. Мичуринь.—Д. Н. Бантышъ-Каменскій.—М. П. Погодинъ.
89. По поводу книги Кастеры. Разсказы и замѣчанія гр. М. А. Дмитриева-Мамонова. Сообщ. И. И. Гальяни. 1877. III, (12), 389—397. Елисавета Петр. и гр. Разумовскій.—Кн. Я. П. Шаховской.—Гр. З. Г. Чернышовъ.—Гр. Ив. Орловъ.—Гр. Бестужевъ.
90. Памятныя записки княгини Н. Б. Долгорукой. 1867. (1), 1—59.
91. Извѣстіе о Запискахъ кн. И. М. Долгорукаго. Михаила Лонгина. 1865. (3), 364—368.
92. Капище моего сердца. Соч. кн. И. М. Долгорукаго. Приложение „къ Р. Архиву“ 1890 года.
93. Изъ Записокъ кн. Н. В. Долгорукаго. 1892. III, (11), 263—290. Гр. Н. П. Румянцовъ.—Кн. Меттернихъ.—Ришелье.—Полцодиборго.—Каподистрія.
94. Записки Кавказца И. И. Дроздова. 1896. III, (10), 213—274. Водопьяновъ.—Н. И. Евдокимовъ.—Кн. В. С. Голицынъ.—Лермонтовъ.—Горчаковъ и бар. Фитингофъ.—Баумгартенъ.—Н. Н. Муравьевъ.
95. Изъ моихъ воспоминаній. Кн. Друцкаго-Соколицкаго. 1901. I, (4), 661—690, гр. А. А. Закревскій.
96. Изъ Тамбовскихъ былей. И. Дубасова. 1900. I, (3), 421—433.
97. Автобіографія А. О. Дюгамеля. Сообщ. М. О. Дюгамелемъ. 1885. I, (2), 179—217. (4), 489—525. II, (5), 82—126. (6), 222—256. (7), 371—427. III, (10), 161—224. Фроманъ.—Паскевичъ.—Ибрагимъ-паша.—Прокошъ.—Мехметъ-Али и султанъ Махмедъ.—Грибоѣдовъ.—Гр. Симоничъ.—Виткевичъ.—Л. Г. Сенявинъ.—Бар. Бруновъ.—Кн. Гика.—Гр. Канкринъ.—Фуадъ-эффенди.—Гр. Бергъ.—Козловскій.—Д. А. Милютинъ.—Каракозовъ.—Хрущовъ.
98. Юношескія воспоминанія принца Евгенія Виртембергскаго. Изъ его Записокъ, собранныхъ Гельдорфомъ. 1878. I, (1), 43—75. Дибичъ.—Марія Теодоровна.
99. Изъ воспоминаній принца Евгенія Виртембергскаго. 1876. I, (3) 330—359.
100. Памятныя записки М. М. Евреинова. 1891. II, (8), 405—426. Гр. М. Толстой.—М. Θ. Соймоновъ.—Архаровы.—Н. В. Постниковъ.—М. П. Салтыкова.
101. Памятныя записки игуменіи Евгениі Озеровой. 1898. I, (3), 321—357. II, (5), 124—146. (7), 338—405. III, (9), 73—108. 1898. (3): „Юлія болящая“.—Филаретъ. 1898, (5): Стефанъ.—Н. В. Щенкова.—П. Г. Цуриковъ.—Марія Любарская. 1898, (7): Антоній.—Леонидъ. 1898, (9): 1872—1874 гг.—Е. Т. Обухова.—Шереметевы.
102. Изъ воспоминаній Е. И. Елагиной. Съ предисловіемъ С. А. Смирнова. 1902. I, (3), 476—482. Иноземцевъ и Пироговъ.—И. Ф. Моіеръ.
103. Изъ воспоминаній В. М. Еропкина. 1878. I, (2), 175—184. К. А. Булгаковъ. Замѣтки на нихъ Виктора Герцыка. 1878. I, (4), 494—495. Гр. Залусскій и Мартыновъ.
104. Записки С. П. Жихарева. При-

- ложено кь „Русск. Арх.“ за 1890 (10—12)—1891 (1—5) годы.
105. Изъ путевыхъ замѣтокъ В. А. Жуковского. Сообщ. гр. А. Барановымъ. 1885. I, (3), 331—346. К. П. Брюловъ.
106. Журналъ біографическій моей жизни. 1895. II, (6), 200—216.
107. Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ. Воспоминанія А. Л. Зиссермана. 1884. III, (6), 413—434. 1885. I, (1), 67—102. (2), 273—298. (4), 600—628. II, (5), 127—148. Бар. Л. П. Николаи.—Рудановскій.—Гр. Евдокимовъ.—А. А. Офрейнъ.—А. И. Руновскій.—Фадѣевъ.—Клугенау.—Кн. Бяринскій.—Д. И. Романовскій.—Суходольскій.—Затрапезный.—Д. А. Милютинъ.—Корадини.—А. П. Граматинъ.—А. Б. Иваницкій.—Акад. Абихъ.
108. Замѣтки А. Зиссермана. 1896. III, (12), 631—636. 1897. I, (2), 338—340. Бар. Меллеръ-Закомельскій.—И. И. Дроздовъ.—Н. Н. Муравьевъ.
109. Дѣла давно минувшихъ дней А. Л. Зиссермана. 1897. I, (4), 664—667.
110. По поводу найденнаго чемодана съ золотомъ монетою. Н. Браилко. 1897. II, (7), 440.
111. Изъ путевыхъ замѣтокъ Д. И. Иловайскаго. 1878. I, (3), 370—372.
112. Изъ Записокъ Н. С. Ильинскаго, Воспоминанія моей жизни. Съ предисл. А. Круглага. 1879. III, (12), 377—434. Н. П. Рязановъ.—Августъ Коцебу.—Дольскій.—Обольяниновъ.—Радищевъ.—Гр. Завадовскій.—Б. М. Салтыковъ.—Г. Ан. Розенкампфъ.—Кн. Лопухинъ.—Харламова.
113. Изъ записной книжки А. О. Имберга. 1870. (2), 373—404. Вел. кн. Екатерина Павловна, А. В. Васильчиковъ, В. Бибиковъ, кн. Н. Г. Репнинъ, А. Д. Гурьевъ и В. А. Перовскій.
114. Изъ Записокъ стараго Преображенца. Кн. Николая Имеретинскаго. 1885. I, (1), 54—66. (2), 227—241. (4), 558—599. Докторъ Мандъ.—Гр. Э. Т. Барановъ.—Н. А. Азаревичева.—Вяткинъ.—Гр. Редигеръ.—Мусинъ-Пушкинъ.—Витовтовъ.—П. С. Лашкаревъ.—В. Е. Челищевъ.
115. Изъ Кавказскихъ воспоминаній В. А. Инсарскаго. Поѣздка въ Баку (1857). 1868. (3), 475—515.
116. Кавказскіе праздники. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. 1868. (6), 1003—1031.
117. Изъ записокъ В. А. Инсарскаго. 1873. I, (4), 513—592. Дубенскій.—Лермонтовъ.—П. Д. Киселевъ.—Клоковъ.—Калашниковъ.—М. Н. Муравьевъ и Гамалея.—Бар. Деллингаузенъ.—Н. А. Жеребцовъ.—П. И. Кепленъ.—Энегольмъ.—В. А. Жуковский.—Е. О. фонъ-Брадке.
118. Изъ Записокъ В. А. Инсарскаго. Каджоры (1857). 1874. II, (8), 301—335.
119. Изъ моихъ воспоминаній. А. И. Казначеева. 1871. (1), 183—186.
120. Воспоминанія Т. П. Калашникова, съ предисл. Б. Модзалевскаго. 1904. III, (10), 145—183. В. В. Нарышкинъ.—И. В. Тевяшовъ.
121. Изъ воспоминаній А. П. Кетова. 1904. (III, (9), 27—59. Бекетовы.—Ө. Д. Шнейдеръ.—М. З. Дурасовъ.—Оберъ-полицм. Цынскій.
122. Изъ семейной памяти. П. Кичеева. 1865. (10—11), 1293—1305; 1866. (2), 185—203; 1868. (1), 91—102. А. В. Марковъ.—Гр. М. А. Мамоновъ.—Гр. Блудовъ.
123. Воспоминанія давно прошедшаго. А. Кокорева. 1885. III, (9), 154—157. (10), 263—272. 1888. II, (5), 0123—28. Гр. А. А. Закревскій.—В. Назимовъ и Ермоловъ.—Гр. Блудовъ.
124. Экономическіе провалы. По воспоминаніямъ съ 1837 года. В. А. Кокорева. 1887. I, (2), 245—279. (3), 369—382. (4), 503—514. II, (5), 130—144. (6), 263

- 272. (7), 394—416. Гр. Канкринъ.—Кн. М. С. Воронцовъ.—Кн. Вярятинскій.—Бар. Кнопъ.
125. По поводу „Экономическихъ Проваловъ“. Письмо В. А. Полетики къ В. А. Кокореву. 1887. II, (8), 535—540.
126. Отвѣтъ В. А. Кокорева. В. А. Полетикѣ на письмо его по поводу „Экономическихъ Проваловъ“. 1887. III, (9), 13—128.
127. По поводу „Экономическихъ Проваловъ“. Д. Д. Голохвастова. 1887. III, (10), 297—303.
128. Письмо къ В. А. Кокореву по поводу „Экономическихъ Проваловъ“. Д. В. Каншина. 1887. III, (11), 439—442.
129. Отвѣтъ В. А. Кокорева Д. В. Каншину. 1887. III, (11), 443—448.
130. По поводу письма Д. Д. Голохвастова. В. А. Кокорева. 1887. III, (12), 567—570.
131. Изъ записокъ Н. П. Колюбакина. 1903. I, (4), 549—594. II, (6), 236—280. 1903. (4): Ферухъханъ.—1903, (6): Ольшевскій и Хрулевъ.—Лорисъ - Меликовъ.—Н. Н. Муравьевъ.—С. А. Хрулевъ.
132. О запискахъ Н. П. Колюбакина. Е. Вейденбаума. 1905. I, (2), 374—375.
133. Изъ записокъ графа Е. Ѳ. Комаровскаго XVIII-й В. I, 314—351.
134. Изъ записокъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. 1867. (2), 219—248. (4). 521—575. (5—6), 747—788 и (10), 1276—1330. А. Д. Балашовъ.—Гр. Армфельдъ.—Гр. Ѳ. В. Растопчинъ.—М. Л. Кутузовъ.—Барклай де - Толи.—Кн. А. И. Горчаковъ.—Кн. С. Н. Долгоруковъ.—И. О. Лаба.
135. Изъ записокъ гр. Е. Ѳ. Комаровскаго. 1877. II, (7), 267—268. Григорій Ивановъ и Шубинъ.
136. Изъ памятной книжки конногвардейца. 1905. III. (10), 271—277.
137. Изъ путевыхъ записокъ моряка Николая Коростовца. Сообщ. М. В. Бееръ. 1905. I, (1), 43—69. (2), 201—236. (3), 444—486. А. Х. Бенкендорфъ.—1905, (3): Д. П. Татищевъ.—Дамасъ.—Бар. Росси. Иона Лукреція.
138. Кое-что изъ прошлаго. А. К(орсакова). 1879. II, (6), 224—236.
139. Воспоминанія Московскаго кадета А. К(орсакова). 1879. II, (7). 304—326. 1880. I, 449—473. 1882. I, 358—376. Бар. Корфъ.—Свящ. Полянскій.—В. кн. Михаилъ Павловичъ.—Н. И. Демидовъ.—С. Н. Глинка.—В. Ф. Святловскій.—С. М. Райковичъ.—Г. А. Дорошинскій.—Н. П. Львовъ.—В. И. Ланге.—А. Вас. Жиряковъ.—В. Х. Минуть.—А. А. Левшинъ.—К. И. Гросвальдъ. А. Н. Черкезъ.—Соколовскій.—Житковъ.—И. О. Сухозанетъ.—А. О. Статковскій.—Хоткевичъ.
140. Воспоминанія изъ моей студенческой жизни. Я. И. Костенецкаго. 1887. I, (1), 99—117, (2), 229—244. (3), 321—349. II, (5), 73—81. (6), 217—242. II, (4), П. Калугинъ.—Тимковскій.—Каменскій.—Почека.—Оболенскій.—Герценъ.—Огаревъ.—Станкевичъ.—Лермонтовъ.—М. Г. Павловъ.—Погодинъ.—Цвѣтаевъ.—Василевскій.—Сандуновъ.—Васильевъ.—Щербитскій.—Маловъ.—Посудевскій.—Живописцевъ.—Кенигъ и Мочаловъ.—Настасья Филиповна.—Сенаторъ Башиловъ.—Студентъ Антоновичъ.—Инспекторъ Чумаковъ.—Гумбольдъ.—Попечитель Писаревъ.—Кондиція у Рахманова.—Гуровъ и Сунгуровъ.—Полковникъ Козловъ.—Топорнинъ.—Кольрейфъ и Кюблехъ.—Кошевскій.—Клевета Полоника.—Оправданіе Топорнина.—Гр. Строгановъ.—Небольсинъ.—Сталь.
141. Отвѣдъ г. Костенецкому. П. Полевой. 1887. I. (3), 383—388.
142. Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ земляхъ. П. А. Лав-

- ровскаго. 1866. (8—9), 1285—1290.
143. Изъ временъ давно минувшихъ. К. А. Лаврова. 1899. III, (11), 407—412.
144. Изъ записокъ К. Н. Лебедева. 1888. I, (3), 481—488. (4), 617—628. II, (5), 0122—0144. (6), 0232—0243. (7), 346—0366. III, (10), 249—270. (11), 455—467. 1889. I, (1), 142—152, 1900. III (9) 55—70. (10) 245—288. Поправки (12) 643, Н. Н. Вохина 1901, I (4) 103. 1893. I (3) 284—297. (4) 337—399; 1897. II (8) 633—655. А. В. Абаза.—Кн. А. А. Суворовъ. Ф. П. Вронченко.—И. В. Кирѣевскій.—Гоголь.—Жуковскій. Паскевичъ и Толь.—В. А. Шереметевъ.—Гр. С. С. Уваровъ.—С. С. Ланской. П. И. Якушкинъ.
145. Достопамятныя минуты въ моей жизни. Записка А. И. Левшина. 1885. II, (8), 475—557.
146. Изъ записокъ Леонида. 1905. II, (8), 593—606. III, (12), 496—501. 1906. I, (4), 593—611. II, (5), 81—90. 1905. (8): Слѣповъ. 1905; (22): 1906. (4): Иерод. Маркъ.—Пугачинъ.—Архим. Гурій. 1906, (5).
147. Изъ студенческихъ воспоминаній К. А. Леонтьева. 1889. I, 491—498. Ф. И. Иноземцевъ.—А. И. Оверъ.—К. Я. Млодзѣевскій.—И. Разумова.
148. Изъ записокъ И. П. Липранди по поводу „Воспоминаній Вигея“. 1870. (2), 331—374.
149. Разказы изъ недавней старины И. С. Листовскаго. 1878. III, (12), 507—521. 1879. III (10), 249—264. 1884. I, (1), 223—229. (2), 283—297. 1885. I, (3), 437—450. III, (10), 287—295. 1889. (12), 492—498. 1878. (12): К. С. Безносиковъ.—Кутневичъ.—Тюфяевъ.—Г. И. Невельскій—1879. (10): Архіеп. Августинъ.—Кн. Дм. Ив. Лобановъ - Ростовскій.—Еп. Діонисій.—Кіевскій митроп. Филаретъ.—Братья Белингсгаузены.—Гр. Клейнмихель. И. Д. Талызинъ.—Гр. М. Н. Муравьевъ.—И. А. Набоковъ.—Ганъ.—Л. О. Строковскій. 1884, (1): Тюфилинова.—Можарова.—1884. (2): Архимандритъ Гавриилъ.—Д. И. Мейеръ. 1885, (3): Митроп. Павель.—Назимовъ.—Жолковскій.—И. И. Денъ.—Хмельницкій.—Вельяминовъ.—Еп. Козловскій.—Еп. Евсеvій.—Гр. В. А. Перовскій.—Кашенинъ.—1885, (10): Импер. Марія Александровна.—Еп. Аркадій.—Архіеп. Иннокентій.—Филаретъ Черниговскій.—Архіеп. Анатолий.—Кн. Васильчиковъ и гр. Киселевъ.—С. А. Пальчиковъ.—1889. (12). Митроп. Филовей.—Митроп. Платонъ.—Архим. Гавриилъ.—Деминъ.—Принцъ П. Г. Ольденбургскій.—А. Р. Дрентельнъ.
150. Изъ недавней старины. И. С. Листовскаго. 1900. III, (9), 136. (10), 235—243. Игнатій Брянчаниновъ.—Еп. Дмитрій и Никаноръ.—Лазаревы и Фомины.
151. Много лѣтъ назадъ. И. Листовскаго. 1885, (8), 575.
152. Начала мюридизма на Кавказѣ. Изъ записокъ кн. М. Б. Лобанова-Ростовскаго. 1865. (10—11), 1379—1395. Грейгъ.
153. Путевыя письма Н. М. Лонгинова. 1905. III, (12), 549—572. Гр. А. В. Браницкая.—Гр. М. С. Воронцовъ.—Грейгъ.
154. Записки И. В. Лопухина. Сообщ. В. А. Елагинымъ. 1884. I, (1), 1—154. Гр. Бресъ.—Арестъ Новикова.—Допросы кн. Прозоровскаго.—М. И. Невзоровъ.—З. Я. Карѣевъ.
155. Разказы и воспоминанія Н. И. Лорера. 1872. (11), 2261—2268. 1874. I (2), 361—418; II (9) 639—730. Илья Байковъ.—Лукинъ. 1874. I (2), 361—418; II (9), 639—703. Минихъ.—М. И. Платовъ.—А. С. Пушкинъ.—А. и Н. Раевскіе.—Бефани.—П. Ф. Мессеръ.—Кн. З. С. Херхеулидзеvъ.

- Кн. В. М. Голицынъ.—Цебриковъ.—Зассъ.—М. А. Назимовъ. Хомутовъ.—И. К. Арнольди.—Лермонтовъ.—В. И. Пестель и гр. М. С. Воронцовъ.
156. Воспоминанія О. П. Лубяновскаго. 1872. (1), 98—185. (3—4), 449—533.—Проѣздъ Екатерины П.—В. И. Лопухинъ.—Графъ Орловъ.—Кн. Н. В. Репнинъ.—Кн. Безбородко.—Ласси.—Ю. А. Нелединскій.—Митроп. Платонъ.—Гр. Грабьянка.—Сперанскій.—Кн. Н. И. Салтыковъ.—Принцъ Георгій Ольденбургскій.—Гр. Растопчинъ.
157. Путешествіе въ святую землю священника Лукьянова. (Сообщ. С. А. Соболевскимъ). 1863. Вып. I, 21—64; вып. II, 113—159; вып. III, 223—264; вып. IV, 305—344 и вып. V—VI, 385—416.
158. Еще о (священникѣ) Лукьяновѣ. Гр. А. В. Милорадовича. 1864. (7—8) 871—872.
159. Записки А. О. Львова. 1884. II, (4), 225—260. III, (5), 65—114. Настасья Минкина.—Малышевъ.—Беріо.—В. княгиня Александра Николаевна.—Архим. Теофанъ.—Имп. Александра Θεодоровна.
160. Изъ воспоминаній Л. О. Львова. 1837—1841. 1885. I, (1), 43—53. (2), 218—226. (3), 347—365. (4), 541—557. Гр. Струтинскій.—Рупертъ.—М. С. Луинъ.—Рыковъ.
161. Замѣтки на воспоминанія Л. О. Львова. И. В. Ефимова. 1885. III, (12), 553—564.—Никита Муравьевъ.—А. И. Якубовичъ.—И. Персинъ.—Державинъ.
162. Студенческія воспоминанія Ф. Л. Ляликова. 1875. III, (11), 376—387. Ник. Ник. Савдуновъ. М. М. Снегиревъ.—Ш. И. Страховъ. М. Я. Мудровъ.—Л. Ал. Цвѣтаевъ.—И. А. Геймъ.—Мерзляковъ.—Брянцевъ.—Мих. Як. Маловъ и Смирновъ.
163. Ревель. 1822—1825. Воспоминанія Ф. Л. Ляликова. 1878. II, (6), 240—253.
164. Изъ провинціальной жизни прошлаго столѣтія. А. Манурова. 1895. III (10, 319—321).
165. Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ. Анна Петровна Маркова-Виноградская. П. Б. (артенева). 1884. III (6), 329—348. Д. Головановъ.—Г. Мелиссино.—С. Полторацкая.—Любовь О. Муравьева.—Бенда.—Соболевскій.
166. Записки инженернаго офицера Мартоса (1806—1818). Съ послѣд. Ан. Титова. 1893. II, (7), 305—368. (8), 449—512.
167. Гуаша. Отрывокъ изъ записокъ Н. С. Мартынова. 1898. I (2), 314—320.
168. Изъ разсказовъ Вѣры Ивановны Анненковой. Н. Мердерь. 1906. I (1), 105—121). О. М. Полторацкій.—Е. О. Бухарина.—А. А. Полторацкая.—Энгельманъ.
169. Записки Дмитрія Борисовича Мертваго. 1760—1824. (Сообщены В. П. Безобразовымъ). Изданіе 1867 (8—9) занимаютъ полностію оба выпуска. С. Т. Аксаковъ о Д. Б. Мертваго.—І. Пугачовщина. Мертваго. Бригад. Пиль. Гр. П. И. Панинъ. Служба въ Оренбургскомъ краю. Игельстромъ.—Цеутлингъ.—Въ Петербургѣ.—Знакомство и дружба съ Державинымъ.—Ш. И. Чичаговъ.—Е. Я. Державина.—Обезьяна князя Зубова.—С. К. Вязминовъ.—Ш. Служба въ Петербургѣ въ провіантскомъ вѣдомствѣ. П. Х. Обольяниновъ.—Кн. Лопухина.—Зубовъ.—Н. С. Свѣчинъ.—Оборона.—Ламба.—IV. Служба въ Крыму. Злобинъ.—Державинъ. Сафоновъ.—Гр. Кочубей.—В. М. Полторацкой.—Баязетъ-бей.—Розенбергъ.—Таяръ-бей.—V. Служба въ должности генераль-провіантмейстера. В. С. Поповъ.—Копьевъ.—И. Я. Бухаринъ.
170. Дополненія къ запискамъ Д. Б. Мертваго. 1868 (1), 123—136.
171. Изъ моей старины. Воспоминанія кн. А-ра Васильевича Мещер-

- скаго. 1900. II, (6), 239 — 263. (7) 355—382. (8), 478 — 497. III. (9) 71—84. (10) 292—312 (11), 443—456 (12), 600—621
1901. I. (1). 95—118 (3), 470—504. 1900 (6), М. С. Татищева. Княг. С. С. Мещерская.—Княж. С. И. Мещерская.—П. Я. Чаадаевъ.—М. Ѳ. Орловъ.—И. С. Мальцовъ.—Россія и Испанія.—Дѣдъ.—1900 (7) Татьяна Осиповна.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Перовскій и К. П. Брюловъ.—Ѳ. В. Самаринъ.—С. Н. Апраксина.—1900 (8). Князь Ливень.—Гр. С. Г. Строгановъ.—Кн. Багратионъ.—1900 (9): князь Д. В. Голицынъ.—А. В. Сивявина.—М. А. Волкова.—Лермонтовъ.—1900 (10) Княжна С. В. Оболенская.—А. Н. Муравьевъ. Я. П. Полонскій.—Гр. Л. Н. Жюльверкуръ.—Фроловъ.—Деянова.—1900 (11): Н. Е. Лукашъ.—А. Н. Карамзинъ.—1900 (12): кн. П. А. Вяземскій.—Гр. Д. Н. Блудовъ.—А. К. Карамзина.—Гр. Армфельдъ.—Кн. С. Д. Абамелекъ.—Ломоносовъ.—Поединокъ кн. Яшвиля и Долгорукаго.—1901 (1): кн. Н. Лобановъ-Ростовскій.—Братья Абазы.—А. О. Смирнова.—Гр. М. Ю. Вьельгорскій.—1901 (13): Кн. П. И. Мещерскій.—Ѳ. И. Тютчевъ.—Гр. Л. А. Закревская.—И. П. Мятлевъ.—Ю. Ѳ. Самаринъ.—Вел. княжна Александра Николаевна.—В. Н. Карамзинъ.—И. С. Тургеневъ.—Гр. Д. А. Толстой и гр. А. П. Бобринскій.
172. Московская духовная академія по воспоминаніямъ братьевъ Іак. Вас. и Мих. Вас. Миловскихъ. 1893. III. (9), 36—56 (поправка (11) 398.—Филаретъ.—Агаангель.—Донось на Павскаго.—Митрополитъ Филаретъ.
173. Августъ 1856 года. Изъ дневника графа Г. А. Милорадовича. 1884. II (3) 181—206.—Коронація Александра II-го.—Балъ у Гренвиля.—Гр Эстергази.
174. Изъ Записокъ Ѳ. Я. Мирковича. Ѳедоръ Яковлевичъ Мирковичъ: 1786—1876. Его жизнеописаніе, составленное по собственнымъ его запискамъ. 1890. I. (3).
175. Изъ воспоминаній Ив. Арс. Митропольскаго. 1895. II. (18), 529—539. III. (9), 100—124 (10), 225—252 (11), 297—318. 1896. I. (1), 77—96. II (5), 110—126. 1895 (8): В. М. Никольскій.—Фокъ и Гильденштуббе.—Ильинскій.—1895. (9): А. И. Самойло.—1895 (10): В. И. Рудинскій.—Е. М. Алексѣева.—Каракозовъ.—1895 (11): Н. М. Добряковъ.—С. Д. Яновскій.—Ганъ.
176. Отповѣдь г-ну Митропольскому. С. Яновскаго. 1896. II. (6), 303—304.
177. Записки гр. Надежды Николаевны Мординовой объ ея отцѣ. 1883. I (1), 145—199.
178. Изъ Одесскихъ воспоминаній П. Т. Морозова. 1877. III. (11), 324—330. А. С. Стурдза.—Бларамбергъ.—А. С. Пушкинъ.—Магницкій.
179. Записки Сергѣя Ивановича Мосалова. 1905. I (1), 124—173.—О 1812 годѣ.
180. Къ Запискамъ С. И. Мосалова. Михаила Соколовскаго. 1905. I. (9), 375.
181. Изъ Записокъ князя-Москвича. (кн. Крапоткина). Сообщилъ А. Него. 1903. III. (12), 590—640.—Жирандотъ.—Апраксинъ дворъ и его пожаръ.—Гр. Н. Н. Муравьевъ - Амурскій.—Миклуха-Маклай.—И. С. Тургеневъ.
182. Изъ рассказовъ Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Сооб. Авг. Навл. Сазановичъ. 1888. III. (11). 368—372. Дюмурье, живоц. Монье, кн. Ник. Гр. Рѣпинъ.
183. Записка А. Н. Муравьева о состояніи православной церкви въ Россіи. 1883. II (3), 175—203.
184. Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго 1885. III (9), 5—84 (10), 225—262 (11) 337—408

3. Осада Полтавы (описанія). Рисунки: чертежъ бывшихъ укрѣпленій Полтавы, восстановленный по архивнымъ даннымъ; могила, гдѣ погребены павшіе во время осады, три вида Полтавы начала XVIII в. (раньше снимковъ нѣтъ), видъ села, гдѣ перешли Русскія войска. Всего 7 рис.

4. Полтавскій бой (описанія). Рисунки: мѣсто, гдѣ былъ бой, редутъ на полѣ битвы, восстановленный; Петръ передъ битвой объѣзжаетъ войско, Карлъ XII объѣзжаетъ войско, мундиръ Петра В., лошадь его, качалка, носилки, рисунокъ Каразина, шляпа П. В., Карлъ XII въ сраженіи, всего 11 рис.

5. Петръ послѣ боя (описанія). Рисунки. Петръ объѣзжаетъ войско, П. служитъ молебень, П. вручаетъ шпагу Реншильду, къ Петру приводятъ плѣнныхъ. Бѣгство Карла и Мазепы (2 рис.), Карлъ XII у Днѣпра, Карлъ переправляется въ Турецкія владѣнія, двѣ гравюры, сдача арміи у Переволочны. Всего 11 рис.

6. Сподвижники Петра В. и Карла XII, ихъ краткія біографіи: Шереметевъ, Меньшиковъ, Брюсъ, Долгорукій, Голицынъ, Репнинъ, Скоропадскій, Реншильдъ, Левенгауптъ, Мазепа. Всего 11 рис.

7. Рисунки воиновъ, солдатъ и офицеровъ, 16 рис.

8. Планы, извлеченные изъ архива Главнаго Штаба, 5 пл.

9. Гравюры, изображающія Полтавскій бой 1) современныя, 2) художниковъ, начиная съ Ломоносова, 3) мемуары XVIII в., рисующія общій бой и его моменты. 18 рис. Описаніе ихъ.

10. Оружіе: пушки, пушки - револьверы и др. 8 рис. Описаніе ихъ.

11. Празднованіе Полтавской побѣды въ Москвѣ, фейерверки, торжественное шествіе Петра, триумфальные ворота и проч. 10 рис. Описаніе торжества.

12. Памятники битвы (описанія). Рисунки: первый памятникъ Руденка, самъ Руденко, кн. Куракинъ, памятникъ въ столѣтіе, медаль въ столѣтіе; храмъ, гдѣ служилъ П. молебень послѣ боя, два памятника на мѣстѣ отдыха, открытіе памятника въ 1897 г., могила въ Пришибѣ, рисунки 7 медалей. Всего 17 рис.

13. Шведская могила, истор. очеркъ, съ 12 рис.

14. Школа, основанная плѣнными Шведами.

Приложенія: реляція Петра В., указы, письма, стихотворенія, народныя пѣсни; данныя, извлеченныя изъ архива Министерства Иностр. Дѣлъ, Академіи Наукъ, артилл. музея, мѣстныхъ архивовъ etc.

Рисунки извлечены: изъ Румицескаго Музея, Императорской Публичной Библиотеки, Академіи Художествъ, Артиллерійскаго Музея. Есть 4 снимка изъ Стокгольмской Королевской библиотеки.

М. Павловскій.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ МѢСЯЦЪ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ, присылая номеръ адреса.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляють свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книги «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по **одному** рублю.

**Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платять вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель «Русскаго Архива» **Петръ Бартеневъ.**

(45-й годъ изданія).

РУССКОЙ АРХИВЪ

1907

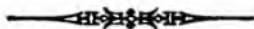
6.

Стр.

145. Записки **Е. Д. Хлѣбникова**. Глава X. (Поездка въ Египтъ.—
Представленіе императору Александру Александровичу).
187. Исковскіе Декабристы. Статья **Н. Ф. Окуличъ-Базарина**.
194. Великая княгиня Александра Николаевна. Статья **Н. А. Гаст-
Фрейнда**.
239. Черты изъ исторіи Православія въ Балтійскомъ краѣ. 1847.
(Священникъ Устрицовъ и полковникъ Миллеръ).
257. Попытки сближенія Россіи съ Франціей въ началѣ XVIII вѣка.
Статья профессора **С. И. Кедрова**.
278. Еще письма графа **З. Г. Чернышова** къ **И. И. Шувалову**.
281. Трагическая конклюдія. Рѣдная книга. Сообщилъ **А. Горскій**.
282. Чиновничье грабленіе крестьянъ въ Воронежской губерніи. 1843.
Служебная бумага барона **Ховена**.
286. Изъ памятныхъ записокъ **Е. Н. Добровольскаго** (Поручикъ
Богдановъ, зубной врачъ).

Внутри сорочки: О XII-й книгѣ „Старины и Новизны“.

Приложены листы Предметной Росписи „Русскаго Архива“ за
1803—1907 годы (Записки Русскихъ людей и иностранцевъ
о Россіи.—Время до-Петровское).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

СТАРИНА И НОВИЗНА. Книга XII-я. Москва. 1907. Большая 8-ка, 388 и 4 нен. стр.

Большая часть этой книги занята окончанием лекцій **Ө. И. Буслаяа** Цесаревичу Николаю Александровичу о нашей словесности, преимущественно древней, простонародной и XVIII вѣка. Эти лекціи, конечно, цѣнны своимъ содержаніемъ и важны для науки; но вѣдь достопочтенный **Ө. И. Буслаяевъ** (можетъ быть, не сознавая) отвядилъ своихъ слушателей отъ Церковно-славянскаго языка, къ которому, пожалуй, и учитель его **Гриммъ** относился съ ббольшимъ сочувствіемъ; а вѣдь на этомъ языкѣ воспиталъ Русскій народъ и достигъ своего общенароднаго величія. Отъ лекцій Буслаяева воее не вѣяло на даровитаго юношу благоуханіемъ стиховъ **Жуковскаго**, **Батюшкова**, **Пушкина**, **Баратынскаго**, **Лермонтова**, **Тютчева**... Про новѣйшую же нашу словесность Буслаяевъ отзывался почти презрительно, и мы поминимъ, какое негодование выражалъ онъ, прослушавъ „Смерть Ивана Ильича“ въ публичномъ заезданіи Общества Любителей Русской Словесности. Также сухо, хотя и дѣльно, привѣтствіе Буслаяева Великому Князю въ день его совершеннолѣтія; стихи, написанные по этому же случаю лютераниномъ-инородцемъ **Я. К. Гротомъ**, много привлекательнѣе.

Примѣчанія **В. П. Смольянинова** къ помѣщенной вездѣ за Буслаяевскими лекціями такъ-называемой „Чаши Государевой“ (это широколѣщательное заздравное привѣтствіе, сказанное княземъ **И. С. Куракинымъ** царю **Михаилу Федоровичу**) любопытнѣе самой „Чаши“.

Цѣлѣть XII-й книги—четыре письма Пушкина къ князю **П. А. Вяземскому**. (Всякое вновь находимое письмо Пушкина—это намъ милый, загробный его голосъ: Россія и понинѣ еще не можетъ забыть, чего она въ немъ лишилась). Письма изданы съ примѣчаніями новаго дѣятеля по части библиографіи, **П. И. Щеттера**, которому нельзя не пожелать усѣха въ его разысканіяхъ. Жаль, однако, что примѣчанія напечатаны то внизу подъ письмами, то позади вѣсѣхъ четырехъ писемъ и съ нѣкоторымъ избыткомъ усердія, отъ чего запорощивается чтеніе самыхъ писемъ (не только множество ссылокъ, но и означеніе года, мѣста, чуть ли не типографіи). Весму есть мѣра; относиться къ начертанію словъ и буквъ въ письмахъ Пушкина, какъ будто къ какой древней, пергаментной рукописи, не подобаетъ и приводить на память его стихи „умно или нѣтъ я могъ соврать“. Другое дѣло помѣщенное тутъ же письмо **И. И. Дмитриева**: самая, порою, безграмотность его любопытна. Все это найдено въ Остафьевѣ, которое почему-то названо усадьбою, тогда какъ это старинное село. Вѣсѣ четыре письма Пушкина относятся къ первымъ мѣсяцамъ семейной жизни поэта, когда онъ поселился въ Царевомъ Селѣ, гдѣ отъ **Жуковскаго** и фрейлины **Росетти** (будущаго своего друга, **Александры Осиповны Смирновой**, ученицы **Плетиева**) узнавалъ дворекія и политическія новости. То былъ разгаръ Польскаго возстанія, и дни кроваваго мятежа военныхъ поселеній, когда Государь еще болѣе, нежели 14 Декабря подвергался гибели и проявилъ благородную силу души своей.

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРИЕВИЧА ХЛЪБНИКОВА.

Г Л А В А X.

Поѣздка моя въ Египеть.

Члены Военнаго Совѣта пользуются правомъ на ежегодный отпускъ на 2½ мѣсяца съ сохраненіемъ содержанія. На радостяхъ, что такъ благополучно я отдѣлался отъ своей отвѣтственной должности коменданта, я задумалъ отпраздновать такое событіе какою нибудь интересною прогулкою за границу. Послѣ разныхъ колебаній я рѣшилъ отправиться въ Египеть.

Въ Среду 1-го Сентября 1893 г. съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги я выѣхалъ изъ Петербурга въ 7 ч. 45 м. вечера и на другой день около 4-хъ часовъ дня былъ въ Бѣлостокѣ, куда выѣхалъ изъ Варшавы на свиданіе со мною мой сынъ Василій; тутъ мы пообѣдали и проѣхали вмѣстѣ до Бреста-Литовскаго; 3-го Сентября утромъ былъ я въ Казатинѣ, а въ 10 час. вечера въ Одессѣ.

Въ Субботу 4-го числа я былъ уже на пароходѣ «Чихачевъ», который часа въ 4 пополудни вышелъ въ море. Боже, какъ хорошо быть въ морѣ, какъ легко дышется, какой воздухъ, какая тишина! Пароходъ «Чихачевъ»—самый новый изъ пароходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли на Черномъ морѣ, самага усовершенствованнаго типа, съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ роскошною отдѣлкою каютъ, гостиной, столовой и курительной комнаты; тамъ имѣются 72 койки для пассажировъ 1-го класса и мраморныя ванны. «Чихачевъ» обошелся обществу 1 милліонъ рублей, и по его чертежамъ заказанъ другой пароходъ. Онъ громаденъ; съ одного конца до другого на верхней палубѣ я насчиталъ 183 шага. На этотъ разъ пассажировъ было очень мало, всего 4—5 человекъ 1-го класса; поэтому я получилъ одну цѣлую каюту. Море совершенно спокойно, и я блаженствовалъ.

5-го Сентября въ 11 час. вечера мы вошли въ Константинопольскій проливъ и бросили якорь у Кавака; на другой день утромъ на пароходъ прибылъ Турецкій врачъ для осмотра всей команды и дезинфекцірованія, а вслѣдъ за тѣмъ всѣ пассажиры обязаны были

*) См. первую книгу нынѣшняго года, выпуски 3 и 4-й.

ѣхать на лодкахъ на берегъ въ дезинфекціонныя камеры, гдѣ мы раздѣвались, и все наше платье и бѣлье подвергалось сильному дезинфицированію. Весь день 6 Сентября мы оставались подъ карантиннымъ флагомъ у Кавака и только рано утромъ 7-го числа перешли въ Золотой Рогъ.

Панораму пролива хотя я уже и видѣлъ пять лѣтъ тому назадъ, но конечно не могъ отказаться отъ удовольствія полюбоваться лишній разъ этою чудною картиною. Въ проливѣ существуетъ постоянное теченіе изъ Чернаго моря въ Мраморное, и поэтому, идя отъ Кавака къ Золотому Рогу, мы шли по теченію и переходъ совершили въ часъ времени; а если-бы шли обратно, то на это потребовалось бы 1 ч. 40 м.

По прибытіи къ Константинополю, въ Золотомъ Рогѣ, пароходъ началъ выгружать воловъ и овецъ; первыхъ поднимали на тесьмахъ, подложенныхъ подъ брюхомъ (поднимаютъ краномъ вола высоко и потомъ спускаютъ въ шаланду), а овецъ брали по нѣскольку штукъ разомъ, привязавъ конецъ за заднюю ногу овцы. На первый разъ мнѣ этотъ способъ выгрузки овецъ показался безжалостнымъ отношеніемъ къ животному. Въ замѣнъ этого товара, пароходъ нашъ грузился сыромъ, табакомъ и досками.

Я отправился на берегъ и сначала зашелъ въ мѣстное отдѣленіе Правленія Общества Пароходовъ и Торговли на Черномъ морѣ, которымъ вѣдаетъ г. Ивановъ; мнѣ хотѣлось познакомиться съ этимъ талантливымъ и образованнымъ дѣятелемъ. Онъ получаетъ отъ Общества 10 т. р. жалованья въ годъ и сверхъ того извѣстный процентъ отъ стоимости грузовъ, которые по его заботливости и распорядительности будутъ доставлены въ теченіе года пароходамъ Общества, что составляетъ г. Иванову также значительную сумму. Отъ него я отправился, въ сопровожденіи одного изъ секретарей правленія, въ Оттоманскій банкъ взять частицу денегъ по кредитиву отъ нашего государственнаго банка и попросить передать остальную часть кредитива въ банки Александрии и Каира.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, всю остальную часть дня я употребилъ на осмотръ лѣтняго помѣщенія нашего посла. Лѣтомъ онъ живетъ къ Сѣверу отъ города, въ живописной мѣстности Буюкдере, на Европейскомъ берегу пролива. Туда я отправился на пароходѣ, которые въ теченіе дня отходятъ каждый часъ отъ моста въ Золотомъ Рогѣ и идутъ ко многимъ пристанямъ обоихъ береговъ пролива. Самаго дома посла я не могъ видѣть, а прогуливался по обширному саду, расположенному позади дома террасами довольно крутой горы; видъ на проливъ, усѣянный по берегамъ дворцами и богатыми виллами, съ верхнихъ террасъ сада великолѣпный. Тутъ-же, не подалеку отъ дома на-

ко посла, я нашелъ очень хорошую отель, въ ресторанѣ котораго ошо пообѣдалъ, и на пароходѣ-же вернулся на «Чихачевъ».

Когда мы снимались съ якоря, въ 10 часовъ вечера, налетѣли ту-громъ и молнія, пошелъ крупный дождь. Капитанъ нашего паро-а И. Е. Лефтеръ былъ опытный морякъ, но тѣмъ не менѣе въ та-о темную и бурную ночь я былъ не совсѣмъ покоенъ: на рейдѣ оидилось много судовъ, и я опасался столкновенія, но все прошло ополучно, и мы повернули въ Мраморное море. Я спустился въ оту спать, заказавъ приготовить себѣ на другой день утромъ, до е, ванну изъ морской воды, подогрѣтой градусовъ до 20—22 R. Я ожилъ себѣ купаться ежедневно въ морской водѣ.

На другой день 8-го Сентября, мы проходили Дарданельскій про-ъ, видѣли справа Галлиполи и вскорѣ послѣ того подошли къ лѣ-у берегу, для сдачи почты въ Дарданеллахъ. Мы постоянно держали гротъ-мачтѣ карантинный флагъ.

9-го числа, въ 6-мъ часу утра, мы подходили къ Пирею и въ окль видѣли развалины живописнаго Акрополя и королевскій дво-ль въ Аѳинахъ. Въ числѣ пассажировъ была съ нами жена агента, ѳдывающего Отдѣленіемъ Русскаго Общ. Парох. и Торг.; она ѳздила Одессу на свиданіе съ матерью и сестрою, и вотъ теперь попалась этими карантинами, затѣянными въ Турціи и Греціи (послѣдняя пегеоляла даже Турцію въ усердіи не по-разуму).

Эта дама ограничилась только тѣмъ, что посмотрѣла издали на его молодого мужа, подѣхавшаго къ намъ на лодкѣ и, поболтавъ нимъ, рѣшилась ѳхать съ нами въ Александрію съ тѣмъ, чтобы нуться оттуда съ ближайшимъ пароходомъ и какъ прибывающая изъ Россіи, а изъ Африки, избавиться карантина.

Черезъ 2 часа мы пошли дальше безъ остановки въ теченіи дня сей ночи. Утромъ 10-го числа капитанъ, встрѣтившись со мною, залъ: «а вѣдь прошедшую ночь мы съ вами чуть не утонули» и ѳмъ рассказалъ мнѣ, что часовъ около двухъ ночи, когда онъ спалъ своей каютѣ, онъ былъ разбуженъ сильными свистками; выскочивъ мостикъ, онъ увидалъ, что большой Англійскій броненосецъ идетъ нымъ ходомъ и держитъ курсъ подъ такимъ угломъ къ направленію него движенія, что столкновение представлялось неизбѣжнымъ. Не-ленно капитанъ приказалъ положить руль на лѣво и звонить въ ко-оль; только тогда Англичане проснулись и также, измѣнивъ свой съ, начали отдаляться отъ насъ. «Обѣдаютъ они поздно и при этомъ ошо, конечно, выпьютъ, продолжалъ говорить капитанъ, вотъ оттого пять; имъ что на броненосцѣ: никто ихъ не задѣнетъ, а если они о ударятъ, то такому гибель неизбѣжная, и уже конечно Англичане

не останутся, чтобы спасти утопающих; напротив того, уйдутъ скорѣе, чтобы и концы въ воду. Впрочемъ, кто ихъ знаетъ, можетъ быть вахтенный лейтенантъ съ намѣреніемъ приблизился къ намъ, чтобы посмотрѣть на пароходъ».

Вставали мы рано, часовъ въ 7. Я тотчасъ же бѣжалъ въ ванну, затѣмъ несложный туалетъ и кофе. Затѣмъ начинается хожденіе и сидѣніе на палубѣ; читать ничего не хочется, а хочется смотрѣть только на море. Море и небо—больше ничего не видно; иной подумаетъ, что это однообразно и долго смотрѣть наскучитъ, а между тѣмъ нельзя оторваться отъ этого спектакля. Рано утромъ, если только приближаемся къ какому нибудь берегу, замѣчается невооруженнымъ глазомъ на горизонтѣ моря сначала туманъ, который, по мѣрѣ хода парохода, начинаетъ понемногу подыматься, начинаютъ обрисовываться понемногу горы и получаютъ различнаго рода освѣщеніе и окраску. Вдали виднѣются паровыя и парусныя суда; попутчиковъ мы обыкновенно обгоняемъ, имѣя до 14 узловъ хода въ часъ. Днемъ, часовъ около 2-хъ, жара дѣлается нестерпимою, на пароходѣ всѣ имѣютъ видъ усталый, утомленный; вахтенные дремаютъ, тишина полная. Къ вечеру становится легче, солнце близится къ закату, новое зрѣлище для наблюденія; сумерки наступаютъ быстро, пароходъ начинаетъ блестѣть своимъ электричествомъ. На морѣ, къ сторонѣ луны, начинаютъ появляться блестики, а затѣмъ эти блестики сливаются въ одну сплошную широкую блестящую полосу. Посмотрите, читатель, за бортъ парохода на пѣнящіяся волны и вырывающуюся съ глубины воду, вытѣсняемую корпусомъ парохода, и вы залюбуетесь этою картиною.

Въ 6 часовъ утра 10-го числа подошли къ острову Кацдіи, обогнувъ который мы простились съ Греческимъ архипелагомъ и вступили въ Средиземное море.

Все время нашего плаванія погода была ясная, безвѣтренная, море совершенно спокойно, и днемъ и ночью очень тепло; конечно, что въ срединѣ дня приходилось скрываться отъ жары въ тѣни. Кормили насъ на «Чихачевѣ» превосходно, но морской воздухъ свое беретъ, и я съ капитаномъ сознались однажды одинъ другому, что ужъ не разъ каждый изъ насъ посматривалъ на часы, чтобы знать, далеко-ли до завтрака, когда-же наконецъ его подадутъ, а подаютъ его никакъ не позже 11 часовъ утра; обѣдъ въ 5 час., и вечерній чай въ 8 часовъ.

Все было прекрасно на «Чихачевѣ», но немного подгуляло общество. Послѣ Константинополя въ 1-омъ классѣ было 6 человѣкъ, и ни одно лицо не представляло ни малѣйшаго интереса, такъ что приходилось всѣ дни проводить одному. Собираясь еще въ Египетъ, я очень заботился подыскать себѣ какого-нибудь интереснаго компаньона и

сильно упрашивалъ М. И. Горлову, мою давнюю знакомую и даже отдаленную родственницу, которая хотѣла предпринять дальнее путешествіе куда-нибудь, въ страны ей еще невѣдомыя, упрашивалъ ее пуститься со мною на берега Нила; но М. И. боялась морскихъ переходовъ и потому предпочла на этотъ разъ ѣхать на южный берегъ Крыма по желѣзнымъ дорогамъ, даже не на Одессу, а прямо въ Крымъ, и такимъ образомъ я уѣхалъ одинъ, хорошо сознавая, что не разъ въ моемъ длинномъ пути я пожалѣю, что путешествую одинъ, безъ собесѣдника.

Когда я вышелъ 11-го числа утромъ на палубу и хотѣлъ сѣсть на одну изъ скамеекъ, я замѣтилъ, что она была обильно смочена водою, какъ бы послѣ сильнаго дождя. «Это значить, сказалъ мнѣ капитанъ, что мы недалеко отъ Александріи, гдѣ это явленіе есть совершенно обычное: обиліе водяныхъ паровъ въ воздухѣ».

За весь переходъ отъ Одессы до Александріи въ 1-мъ классѣ и со столомъ, почти полныхъ 7 сутокъ, я заплатилъ въ Одессѣ кредитными билетами около 102 рублей, а если бы не имѣлъ плана ѣхать изъ Египта въ Сиракузы, Палермо и Корфу и могъ бы навѣрное предвидѣть, что мой обратный путь будетъ тотъ-же, что и теперь, то за билетъ изъ Одессы въ Александрію и обратно я заплатилъ бы значительно дешевле.

Но я не зналъ сколько времени потребуется на мои экскурсіи по Египту и сколько, слѣдовательно, останется у меня свободнаго до окончанія отпуска времени на Сицилію, Корфу и Грецію. Вообще для этого путешествія у меня не было никакого строго обдуманнаго плана; я зналъ одно, что у меня есть отпускъ съ сохраненіемъ всего моего содержанія на 2 $\frac{1}{2}$ мѣсяца и что мнѣ очень хочется побывать въ Египтѣ, а успѣю ли я посмотретьъ на другіе намѣченные мною пункты, мнѣ было почти все равно. Тѣмъ лучше, думалъ я, если придется дольше пробыть въ Египтѣ: лучше я всмотрюсь въ жизнь этой страны и больше наслушаюсь отъ мѣстныхъ дѣятелей.

И какъ тутъ было составлять обстоятельные проекты для путешествія, когда, ко времени моего выѣзда изъ Петербурга, я только по газетнымъ свѣдѣніямъ узнавалъ о распоряженіяхъ Турецкаго и Греческаго правительствъ объ учрежденіи карантинныхъ пунктовъ для провенансовъ изъ Россіи? Кто напримѣръ могъ думать, что такая бѣдная страна какъ Греція запрется отъ насъ двухъ недѣльными карантинами, и какая надобность была строить противъ холеры подобныя защиты? А между тѣмъ бѣдный людъ въ Пиреяхъ, который только и живетъ тѣмъ, что зарабатываетъ за выгрузку и нагрузку нашихъ пароходовъ разными товарами, остался безъ куска хлѣба.

На «Чихачевъ» я узналъ, что намъ придется, по приходѣ въ Александрію, выдержать тамъ карантинъ въ продолженіе трехъ сутокъ, и другое обстоятельство, что въ Сентябрѣ немисливо ѣхать въ Каиръ и дальше по Нилу вслѣдствіе сильныхъ жаровъ, что весь Каирскій и Александрійскій beau-monde проживаетъ это время неподалеку отъ Александріи, на морскомъ берегу, въ Ramley, что туда идетъ желѣзная дорога, и что для меня самое лучше ѣхать по этой специально для дачниковъ построенной дорогѣ до самаго ея конца, гдѣ существуетъ очень хорошей отель на самомъ берегу моря San-Stefano-Club. Какой-то оригиналъ передъ своею смертію пожертвовалъ капиталъ съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы никогда на эти деньги не строить гостиницы; вотъ поэтому распорядители наслѣдствомъ и построили зданіе съ танцевальною залою, съ прекрасными залами для газетъ и журналовъ, съ рестораномъ и нѣсколькими номерами для пріѣзжающихъ, но эти пріѣзжающіе считаются непременно членами клуба, для поступленія въ который однако ничего не вносятъ.

На 7-ой день плаванія, 11-го Сентября въ 10 час. утра, капитанъ сказалъ мнѣ, что въ бинокль видитъ Александрійскій маякъ.

Вода съ утра была уже другого цвѣта. Все время плаванія по Архипелагу и въ Средиземномъ морѣ вода была цвѣта голубаго съ чудными отливами, отливами цвѣта бирюзы, а съ приближеніемъ къ Александріи морская вода сдѣлалась зеленою; на снастяхъ парохода появилась пиголица, вѣроятно отбившаяся отъ берега на какомъ нибудь кораблѣ отошедшемъ изъ Александріи.

Въ этотъ день, равно какъ и наканунѣ, дулъ слабый попутный вѣтеръ, въ каютахъ и на палубѣ было душно. Жара отъ солнца усиливалась жарою отъ паровыхъ котловъ. Когда до входа на рейдъ оставалось всего 4—5 верстъ, насъ встрѣтилъ ботъ съ лоцманомъ. Къ полудню мы вошли на рейдъ, гдѣ было очень мало судовъ; вдали видѣлся дворецъ хедива, гавани, городскія зданія, пальмы. Нельзя сказать, чтобы тутъ было что нибудь, что восхищало-бы взоръ, возбуждало бы любопытство; одно только безоблачное небо и жгучее солнце подсказывали, что мы въ Африкѣ.

Вскорѣ пріѣхали карантинные чиновники и объявили намъ, что насъ отвезутъ въ карантинъ, временно устроенный въ зданіяхъ бывшихъ казармъ, называемый Lazaret-Gabbari.

Черезъ 2—3 часа къ «Чихачеву» подошелъ небольшой буксирный пароходикъ съ шаландою; на этой шаландѣ, совершенно грязной, была палуба, а на ней поставлены простая скамейка, некрашеная и грязная, и такіе же стулья и табуреты. Мы простились съ капитаномъ и сопровождаемые пароходною прислугою, несшею нашъ багажъ (такъ

какъ никто изъ людей на буксирномъ пароходѣ не могъ приближаться къ намъ и никого изъ нихъ не было на шаландѣ): на насъ очевидно смотрѣли какъ на зачумленныхъ. Пароходикъ потащилъ насъ въ гавань, гдѣ мы вышли на каменный молъ, оцѣпленный рядомъ часовыхъ съ ружьями. По этому молу мы прошли къ поѣзду и размѣстились въ грязныхъ вагонахъ 3-го класса; послѣ разныхъ маневрированій и длиннаго ожиданія на одномъ пунктѣ прохода поѣзда, насъ подвезли къ зданіямъ Lazaret-Gabbari: большіе дворы, по краямъ которыхъ построены каменные одноэтажныя казармы, раздѣленные на небольшіе участки по 3—4 комнаты въ каждомъ; при каждомъ участкѣ впереди казармы отдѣльный небольшой дворикъ или садикъ. Эти садики обнесены деревянною рѣшеткою, а съ передней стороны или со стороны двора въ разстояніи отъ рѣшетки около трехъ шаговъ поставлена другая рѣшетка, очевидно для того, чтобы посѣтители не могли имѣть никакого соприкосновенія съ выдерживающими карантинъ: на насъ смотрѣли просто какъ на зачумленныхъ. Пассажировъ 1-го класса (4 мужчины и одна дама) насъ посадили въ одно отдѣленіе; негоціантъ изъ Александріи и какой-то Грекъ взяли одну комнату, въ которую я не хотѣлъ идти, быть третьимъ; мужъ съ женою взяли вторую комнату, а 3-ья назначена быть нашею общею столовою. Вотъ въ эту комнату я и просилъ поставить мнѣ кровать съ ширмою. Впрочемъ въ столовой мы обѣдали только въ день пріѣзда, а въ остальные дни столовою служилъ дворикъ, гдѣ былъ поставленъ длинный общій столъ, который мы передвигали, смотря по солнцу, чтобы всегда оставаться въ тѣни той, то другой пышной, развѣсистой сикоморы, сортъ дерева, который я видѣлъ тогда впервые.

Кормили насъ превосходно, помѣщенія наши были по своему устройству и убранству крайне простыя, такъ что въ матеріальномъ отношеніи нельзя было жаловаться; прислуга состояла изъ Суданца Aley и его помощника Египтянина, и была довольно услужлива; но сознаніе, что вы арестованы—было крайне тягостное чувство.

У меня были кое-какія кпиги съ описаніями Египта, но мнѣ мало приходилось читать, такъ какъ нѣкоторыя я успѣлъ уже прочесть въ теченіи семидневнаго плаванія, а съ другими я хотя и поверхностно познакомился, но рѣшилъ уже ихъ не читать. Разговаривать мнѣ было не съ кѣмъ, и потому самыми пріятными минутами были тѣ часы, когда намъ приносили изъ ресторана нашъ утренній кофе, завтракъ и вечеромъ обѣдъ. Столовое бѣлье и вся посуда, вмѣстѣ съ кушаньями, передавались намъ въ ящикѣ по деревянному жолобу, утвержденному на двухъ рядахъ рѣшетчатаго забора, на переднемъ фасѣ дворика; этотъ ящикъ таскали къ тому или другому концу жолоба помощью веревки.

Мы съѣли въ карантинъ въ 3-мъ часу дня 11 Сентября и должны были быть освобождены въ этотъ-же часъ 14 числа. Съ ранняго утра этого дня всѣ мы начали собираться вылетѣть изъ кѣлѣтки. Прежде всего насъ предупредили приготовить все носильное грязное бѣлье къ дезинфекціи; дѣло это прошло очень скоро, и также весьма скоро мнѣ принесли счетъ de l'Administration Sanitaire—5 піастровъ; затѣмъ изъ ресторана принесли счетъ въ 147 піастровъ, наконецъ Conseil Sanitaire Maritime et Quarantenaire прислалъ счетъ въ 71½ піастровъ; всего я заплатилъ за претерпѣнные мною бѣдствія 223,5 піастра или на наши деньги 13 рублей. Послѣ завтрака, часовъ около 2-хъ пополудни, пришли къ намъ три чиновника, и одинъ изъ нихъ, довольно еще молодой человекъ, не безъ нѣкоторой торжественности произнесъ: «Messieurs, nous vous rendons la liberté!» и намъ роздали наши паспорта. Не чуя подъ собою ногъ, я быстро направился къ воротамъ, гдѣ насъ ожидали извозчики: Алеу тащилъ мою сумку: это былъ весь мой багажъ. Я сѣлъ въ ближайшій къ воротамъ фаетонъ и сказалъ по-англійски: «Ramley's station». Щегольской фаетонъ, содержимый безукоризненно опрятно, имѣя въ шпорахъ пару превосходныхъ коней, покатишь весьма скоро по наружнымъ аллеямъ Александріи къ вокзалу. На дорогѣ намъ пришлось проѣзжать черезъ ярмарочное мѣсто, густо занятое Арабскими шатрами и массою Арабовъ, двигавшихся во всѣ стороны; ловкій кучеръ чрезвычайно искусно обошелъ всѣ трудности, никого и ничего не задѣлъ и, когда выѣхалъ на свободу, то снова покатишь сильною и ровною рысью.

Странное дѣло! Гдѣ я ни былъ въ Европѣ, въ Русскихъ городахъ, на Кавказѣ, въ такихъ отдаленныхъ и сравнительно глухихъ мѣстахъ какъ Кутаисъ или Абасъ-Туманъ, и наконецъ вотъ въ Африкѣ, нигдѣ мнѣ не привелось видѣть такихъ ужасныхъ извозчиковъ съ покалѣченными лошадьми, грязными, неуклюжими экипажами, и въ одеждахъ съ заплатами, какихъ мы видимъ въ Петербургѣ. Какъ будто это какая-то его привилегія.

Между Александріею и San-Stefano поѣздъ ходитъ ежечасно, какъ у насъ лѣтомъ между Петербургомъ и Павловскомъ. Къ 4-мъ часамъ дня я былъ уже въ San-Stefano-Club. Меня встрѣтила молодая и стройная дѣвица, вся черная какъ уголь, съ короткими вьющимися волосами на хорошенькой головкѣ; на изящномъ Французскомъ языкѣ она начала предлагать мнѣ различныя комнаты, я и устроился на правой половинѣ зданія, надъ газетною комнатою. Мое окно смотрѣло на море.

Все зданіе расположено параллельно морскому берегу въ 30—40 саженахъ отъ моря; между зданіемъ и моремъ—мѣсто для прогулокъ и для оркестра, который играетъ ежедневно, немного утромъ и затѣмъ

весь вечеръ. Купальни для мужчинъ и дамъ устроены на противоположныхъ концахъ берега, принадлежащаго клубу.

Вскорѣ я познакомился съ двумя Русскими: А. Θ. Ивановымъ, роднымъ братомъ Константинопольскаго Иванова, и съ Н. А. Преображенскимъ. Первый изъ нихъ занимаетъ почтенное мѣсто нашего консула въ Каирѣ, а послѣдній состоитъ въ числѣ чиновъ нашего посольства въ Константинополь и командированъ въ Каиръ на время отсутствія нашего дипломатическаго представителя въ Каирѣ д. с. с. Коандера, исполнять его обязанности. Оба они проживали въ San-Stefano-Club, укрываясь отъ сильныхъ Каирскихъ жаровъ. Оба прекрасно образованные и воспитанные люди, и я былъ очень доволенъ познакомившись съ ними, равно какъ очень признателенъ А. Θ. Иванову за оказанное мнѣ содѣйствіе къ осмотру всего примѣчательнаго въ Каирѣ и въ Верхнемъ Египтѣ.

Жизнь въ San-Stefano-Club начиналась рано, около 9 часовъ. Дамы, дѣвицы и дѣти прїѣзжали изъ окрестныхъ дачъ на осликахъ, сопровождаемыхъ Арабами, и шли въ купальню; многія изъ молодыхъ особъ, по выходѣ изъ купальни, направлялись къ газетной комнатѣ и здѣсь на открытомъ воздухѣ, пользуясь тѣмъ, что жара еще не началась, пили свой утренній кофе, просматривали журналы или бесѣдовали съ молодыми джентельменами; но эти утреннія встрѣчи дѣвицъ и молодыхъ людей были непродолжительны, тогда какъ по вечерамъ, во время музыки, образовывались большіе кружки блестящей молодежи, которые засиживались здѣсь до 11 и 12 часовъ ночи; бесѣды велись, конечно, на Французскомъ языкѣ.

Кормили насъ въ клубѣ очень хорошо: въ полдень завтракъ изъ 2—3 блюдъ и фрукты, свѣжіе финики, бананы, а въ 8 часовъ вечера обѣдъ изъ 4—5 блюдъ и фрукты; послѣ завтрака вся публика расходилась по домамъ предаваться кейфу—faire la sieste, раздѣвались до конца и спали или валялись на диванахъ съ книгою или газетою въ рукахъ. Въ Александріи отъ 12 до 3-хъ часовъ дня, на время сіеста, присутственныя мѣста, конторы и магазины закрываются, et tout le monde va faire la sieste.

Кромѣ прїѣхавшихъ на лѣтнее время Европейскихъ семействъ, проживающихъ въ Каирѣ и Александріи, сюда прїѣзжаютъ къ концу лѣта для купаній также достаточныя семейства изъ Италіи и Греціи. Молодые люди, въ большинствѣ были изъ служащихъ въ дипломатическихъ агентствахъ въ Каирѣ отъ разныхъ Европейскихъ государствъ и при консульствахъ въ Александріи.

По временамъ устраивались въ клубѣ балы, для чего имѣется тамъ обширная зала. Разъ или два невдалекѣ отъ клуба были интересныя

скачки на хорошихъ Арабскихъ коняхъ, привлекавшія все лучшее общество, которое только проживало въ окрестностяхъ Ramleh. Независимо отъ сего молодые люди изъ постоянныхъ посѣтителей клуба устраивали передъ самымъ его зданіемъ скачки съ разнаго рода препятствіями.

Проводя цѣлые дни на воздухѣ, на берегу моря, я даже и на ночь оставлялъ свое окно открытымъ; но потомъ мнѣ многіе говорили, что можно простудиться, и потому я началъ закрывать окно на ночь; купался въ морѣ ежедневно и вскорѣ почувствовалъ въ себѣ благопріятную переменѣ: я началъ легко засыпать, чего со мною давно уже не было. Послѣ Крымской войны, въ особенности послѣ моихъ занятій съ Тотлебенемъ по составленію «Описанія обороны Севастополя» я потерялъ сонъ и въ теченіе многихъ лѣтъ не могъ избавиться отъ бессонницы, хотя и обращался за совѣтами ко многимъ врачамъ и преисправно слѣдовалъ ихъ совѣтамъ. Но тутъ въ Ramleh сонъ пришелъ ко мнѣ самъ собою; я чувствовалъ себя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Живя на морскомъ берегу, было возможно переносить жару. Выдѣленіе водяныхъ паровъ изъ атмосферы весьма замѣтное; садись на скамейку—оказывается, что она вся мокрая; ощупываешь свое платье—все покрыто водою; носильное бѣлье, хоть выжимай, но это не парина тѣла, а вода изъ атмосферы.

Расхаживая по морскому берегу, подлѣ музыки, я замѣчалъ, что съ наступленіемъ темноты по берегу становятся часовые. Не успѣлъ я распросить кого-нибудь, зачѣмъ это дѣлается, какъ въ одинъ вечеръ слышу подлѣ себя выстрѣлъ, затѣмъ другой, какіе-то люди бѣгутъ къ самому морю; инстинктивно и я было сунулся туда, но тотчасъ одумался и остановился. Разъяснилось потомъ, что выстрѣлы были сдѣланы часовыми пограничной стражи, которые замѣтили приближеніе къ берегу большой лодки контрабандистовъ, пытавшихся привозить въ Египетъ хашишъ съ острововъ Греческаго архипелага.

Наступилъ Октябрь мѣсяцъ, и я рѣшился разстаться съ прелестнымъ Ramleh. 3-го числа отходилъ пароходъ «Цесаревичъ» Русскаго Общества Парох. и Торг. изъ Александріи въ Портъ-Сайдъ, и потому, заплативъ г. Санти, арендатору казино San-Stefano-Club'a за свой номеръ, утренній кофе, завтраки и обѣды съ 14 Сентября по 2 Октября 334 frs. 50 cent., я поѣхалъ утромъ 3-го Октября въ Александрію и тамъ прямо на пароходъ.

Мы снялись около 2-хъ часовъ пополудни 3-го Октября и пошли вдоль берега на Востокъ; вслѣдствіе этой близости къ берегу качка была чувствительная. На пароходъ я познакомился съ извѣстнымъ нашимъ путешественникомъ по Африкѣ, докторомъ Елисеѣвымъ. Онъ везъ свою сестру въ Іерусалимъ и затѣмъ рассчитывалъ предпринять

путешествіе въ глубь Африки; вечеромъ мы разговорились съ нимъ, и онъ поразказалъ мнѣ много интереснаго объ экспедиціи Ашинова.

Рано утромъ 4 Октября мы подошли къ Портъ-Сайду. Колоссальныя пароходы Англійскіе и Французскіе, только что пришедшіе изъ Индіи и Японіи съ массою народа и публики, встрѣтились намъ на рейдѣ; съ борта и всѣхъ люковъ выглядывали лица и бѣлыя и черныя всевозможныхъ національностей, всѣ грязные, какъ бы по недѣлямъ немывшіяся; многіе кричали намъ что-то, но нельзя было разобрать даже и языка, на какомъ обращались они къ намъ.

Портъ-Сайдъ въ настоящее время далеко не похожъ на то, чѣмъ онъ былъ въ 1859 году, когда первая партія сотрудниковъ Лессепа поселилась на пустынной косѣ, когда деревянные бараки, поставленные на сваяхъ надъ водою, считались уже роскошнымъ помѣщеніемъ, и наконецъ когда прѣсная вода была едва ли не дороже Французскаго вина. Огромныя выемки портовыхъ бассейновъ обратились въ пространную площадь насыпи, назначенную для постройки города, который снабжается водою изъ водопровода, проведеннаго изъ Измаиліи; 5-тиэтажные дома высятся теперь по нѣсколькимъ улицамъ, большія отели манятъ къ себѣ путника, и громадныя заводы и механическія мастерскія свѣдѣтельствуя бойкую жизнь Портъ-Сайда. Для образованія у Портъ-Сайда закрытаго рейда выведены два мола, въ разстояніи одинъ отъ другого на 400 метровъ до 10 и 8-ми-метровой глубины воды.

Въ Портъ-Сайдѣ я познакомился съ нашимъ инженеромъ путей сообщенія А. А. Ярковскимъ, который подобно мнѣ жаждалъ имѣть компаньона для путешествія; онъ пріѣхалъ посмотрѣть на Каиръ и его окрестности, но ѣхать далѣе по Нилу не располагалъ.

Мы поспѣшили съ нимъ отправиться на небольшой пароходъ, который поддерживаетъ срочные рейсы между Портъ-Сайдомъ и Измаиліей и скоро долженъ былъ отойти. Плаваніе по Суецкому каналу, кромѣ вида на профиль канала, ничего особо интереснаго не представляетъ; глубина канала 8 метровъ, ширина его на днѣ 22 метра, на поверхности воды 100 метровъ, вся длина канала 162 километра; уклоны откосовъ сдѣланы сообразно съ встрѣченными грунтами, но по большей части какъ 2:1. По западному краю канала мы видѣли совершенно оконченную желѣзную дорогу, открытіе которой и ожидалось на-дняхъ; встрѣтили въ каналѣ 2—3 большихъ корабля, шедшихъ изъ Индіи и Китая; они шли, согласно правиламъ движенія, по каналу, малымъ ходомъ, дабы не производить волненія, которое могло бы вредно дѣйствовать на обдѣлку откосовъ канала. Послѣ пяти часовъ плаванія по каналу мы вошли въ небольшое озеро Тимза и, свернувъ немного вправо, подошли къ пристани Измаиліе; здѣсь мы сѣли на желѣзно-конную доро-

гу и поѣхали къ вокзалу желѣзной дороги, ведущей къ Каиру. До отхода поѣзда оставалось часа два, и потому всѣ путешественники приглашены были зайти въ гостиницу для обѣда, который напомнилъ мнѣ обѣдъ на Принцевыхъ островахъ въ Греческомъ ресторанѣ: зелень, огородныя овощи и фрукты.

Сколько успѣлъ замѣтить изъ вагона желѣзно-конной дороги, Измаиліе состоитъ изъ небольшихъ деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ обширными садами.

Переѣздъ отъ Измаиліе къ Каиру небольшой, часа 3—4; подѣзжая къ городу, мы видѣли знаменитыя пирамиды; къ вечеру мы были въ Каирѣ.

Каирь—это одна изъ предѣстныхъ столицъ міра. Здѣсь нѣтъ 10-ти этажныхъ домовъ съ кѣтками для людей, здѣсь есть дома; но больше всего производятъ пріятное впечатлѣніе дома-особняки, расположенные въ саду и устроенные съ террасами и балконами, окруженные самою роскошною тропическою растительностью. Улицы широкія съ широкими тротуарами и обсажены деревьями; каменныхъ мостовъ нѣтъ; улицы, а часто и тротуары шоссированы. Гостиницы въ Каирѣ замѣчательны по своей роскоши и богатому убранству; напримѣръ Hotel Continental такъ грандіозна, что я не помню, видѣлъ-ли я что нибудь подобное въ Европѣ. По совѣту А. Ѳ. Иванова, я не остановился въ одной изъ этихъ богатыхъ гостиницъ, а направился въ Villa Victoria, Private Hotel, Ismaileh, Quartre и былъ чрезвычайно доволенъ ею за комфортабельное помѣщеніе, отличный столъ, разнообразный и всегда изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ, а главное за ту уютность, какую я испытывалъ, когда, выйдя изъ своей комнаты прямо въ садъ, я усаживался за круглымъ столомъ утромъ пить свой кофе или въ теченіе дня читать газеты; тамъ я чувствовалъ себя совершенно какъ дома. Хозяйка гостиницы, братъ и сестра Rocheman, родомъ Французы, люди благовоспитанные, услужливые и крайне обязательные.

5-го Октября, на другой день пріѣзда въ Каиръ, я съ Янковскимъ отправились къ «смоковницѣ Богородицы», а оттуда на ферму страусовъ, которою завѣдуетъ старикъ Французъ; послѣ полудня ѣздили осматривать древнюю мечеть Гассана, существующую съ половины XIV столѣтія (громадное зданіе, нынѣ совсѣмъ запущенное) а оттуда въ цитадель, гдѣ осматривали щегольски, съ большимъ вкусомъ, построенную мечеть Мохамеда-Али; видъ съ цитадели на городъ восхитительный.

6-го числа мы поѣхали въ Гизе къ пирамидамъ, запасшись холоднымъ завтракомъ и виномъ съ тѣмъ, чтобы послѣ пирамидъ осмотрѣть заодно находящійся по той же дорогѣ и Булакскій музей.

Съ нами былъ проводникъ, молодой человѣкъ, говорившій по-арабски и знакомый съ этими надобдливими и навязчивыми попрошайками-Арабами. Не успѣли мы выйти изъ экипажа, какъ насъ обступила громадная толпа, и каждый требовалъ вниманія къ его словамъ; говорили и на дурномъ Французскомъ языкѣ и на дурномъ Англійскомъ. Энергичный проводникъ нашъ крикнулъ на нихъ, пригрозилъ палкою, и толпа понемногу стихла. Изъ деревни Гизе пришелъ старшина, и начались правильные переговоры по найму Арабовъ для сопровожденія насъ на пирамиду Хеопса и затѣмъ на осмотръ ея внутри. Для каждаго изъ насъ взяли по три Араба за условленную плату; двое Арабовъ должны были прыгать впередъ и тащить путешественника вверхъ, а третій долженъ подталкивать его снизу. Восхожденіе весьма утомительное, въ особенности въ верхней половинѣ пирамиды. Ярковскій пришелъ на верхъ гораздо раньше меня. Нельзя сказать, чтобы трудъ подъема на пирамиду былъ вознаграждаемъ какимъ либо особеннымъ видомъ съ вершины на окрестности.

Съ нами пошли не только нанятые нами Арабы, но и волонтеры. Приставаніямъ ихъ не было конца: одинъ предлагаетъ вамъ воды, другой лѣзетъ сдѣлать вамъ массажъ ногъ; докучливость ихъ становится просто невыносимою; мы не могли посидѣть спокойно на верхней площадкѣ пирамиды и тѣсняемые со всѣхъ сторонъ Арабами рѣшили идти внизъ. Спускъ совершили скоро и безъ особаго утомленія, такъ что рѣшили идти во внутрь пирамиды, но это дѣло гораздо труднѣе, чѣмъ восхожденіе.

Начало было таково, что мы должны были лечь на землю и ползти подъ низкимъ сводомъ нѣсколько шаговъ, а затѣмъ подниматься по крутымъ каменнымъ плоскостямъ, крайне скользкимъ, такъ какъ эти подъемы отполированы ногами тысячи путешественниковъ, посѣщающихъ ежегодно пирамиды. Внутри ихъ мы видѣли просторные залы, въ которыхъ помѣщались саркофаги съ муміями фараоновъ, ихъ женъ и дѣтей. Въ настоящее время ни саркофаговъ, ни мумій въ пирамидахъ нѣтъ—они перенесены въ музеи Европы и въ Булакскій музей.

Покончивъ съ осмотромъ пирамидъ, мы отправились къ фотографу, живущему тамъ и предложили ему снять съ насъ фотографію. На ней вышли: я съ Ярковскимъ, нашъ проводникъ и Арабъ; съ праваго краю видны головы нашихъ осликовъ, а на заднемъ планѣ сфинксъ и пирамида Хеопса. Было давно уже за полдень, и мы успѣли сѣсть на ослівъ и добраться по сыпучимъ пескамъ до нашего экипажа, оставленнаго на шоссе, гдѣ ожидала насъ холодная закуска, бананы и свѣжіе финики, а также столовое вино; мы позавтракали въ экипажѣ, въ

тѣни подъ развѣсистыми сикоморами и поѣхали въ обратный путь къ Булакскому музею. Тамъ мы познакомились съ однимъ изъ помощниковъ директора музея г. де-Моргана, подъ руководствомъ котораго и начали ознакомливаться съ музеемъ. Указанія и поясненія такого авторитетнаго чичероне были для насъ весьма цѣнны.

Устроенный на лѣвомъ берегу Нила по распоряженію хедива Изамаила дворець Gizeh (мѣстные жители произносятъ—Гизѣ) назначенъ былъ въ 1880 году подъ музей древностей, и Гребо (M. E. Grébau), въ то время главный директоръ музея и раскопокъ, распорядился перемѣщеніемъ изъ Булака древностей, которыя въ теченіе 30-ти лѣтъ хранились тамъ подъ наблюденіемъ Мариетта (A. Mariette), Масперо (M. G. Maspero) и наконецъ самого Гребо. Тѣспота помѣщений въ Булакѣ и вновь сдѣланныя комиссіею раскопокъ открытія требовали значительнаго расширенія помѣщений, Египетское же правительство не соглашалось на огромныя затраты, какія требовались для возведенія specialнаго зданія музея на правомъ берегу Нила, т. е. въ Канрѣ, и потому рѣшило отдать подъ музей роскошное жилище Изамаила.

Цѣлая плеяда французскихъ ученыхъ работала надъ сформированіемъ интереснѣйшихъ коллекцій, по которымъ есть полная возможность изучать остатки цивилизаціи замѣчательно древней и не имѣющей себѣ соперницы, но два человека въ особенности способствовали этому дѣлу: Мариеттъ и Масперо.

Мариеттъ организовалъ всю службу по раскопкѣ Египетскихъ древностей, основалъ музей и учредилъ сохраненіе коллекцій; ему обязана наука за открытіе наиболѣе замѣчательныхъ сооружений въ долинѣ Нила. Мариетта называютъ создателемъ Египетскихъ древностей.

Масперо придалъ археологіи въ Египтѣ научный методъ, которымъ и руководится она до настоящаго времени; онъ организовалъ административную часть службы, обогатилъ музей открытіемъ царскихъ мумій, а своими учеными трудами познакомилъ ученыхъ всего свѣта съ богатствами, хранившимися въ Булакскихъ галлереяхъ и разбросанными по территоріи Египта.

Незадолго до своей смерти Мариеттъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ подлѣ музея; ему очевидно хотѣлось быть безсмѣннымъ стражемъ этихъ ученыхъ сокровищъ, которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы. Воля покойнаго уважена, и гробница его помѣщена передъ главнымъ фасадомъ дворца Гизѣ, грандіознымъ и простымъ памятникомъ преданности Мариетта любимой наукѣ.

Мечта Мариетта была размѣстить коллекціи въ зданіи монументальномъ, ихъ достойномъ. Онъ оставилъ большую часть открытыхъ

имъ монументовъ на мѣстѣ ихъ находки, но размѣры ихъ не позволяли размѣстить ихъ въ слишкомъ тѣсныхъ галлерейхъ Булакскаго музея. Къ несчастію смерть должна была вскорѣ отнять у науки этого леутомимаго трудолюбца, и его мечта не была осуществлена его непосредственнымъ преемникомъ Масперо. Только второму преемнику знаменитаго Мариетта, Гребо удалось размѣстить достойнымъ образомъ коллекціи, добытыя въ теченіе столькихъ лѣтъ. Гребо принимался за этотъ трудъ исподволь, и первые 45 залъ, заключающіе въ себѣ большое число древностей, были открыты для публики въ 1891 году. Болѣзнь и чрезвычайное утомленіе новаго директора приостановили дальнѣйшій успѣхъ работъ; Гребо передалъ де-Моргану (J. de Morgan) склады, переполненные древностями и галлерей новаго музея Gizeh еще не оконченными.

Безъ особыхъ, добавочныхъ ассигнованій, въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, молодой, полный силъ и энергіи де-Морганъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію E. Brugsch-bey, Daressy, Bazil, Virey, A. Barsanti, успѣлъ докончить размѣщеніе коллекцій, и въ началѣ осени 1892 года музей имѣлъ 46 новыхъ залъ, готовыхъ къ открытію для публики.

Въ этихъ 91 залѣ заключаются всѣ древности какими владѣетъ Египетъ; эти залы, какъ Египтологическій музей, суть безспорно самыя богатяя и наилучше составленныя изъ всѣхъ, какія только существуютъ на свѣтѣ. Коллекціи изображаютъ фараоническую цивилизацію въ самыхъ мелкихъ деталяхъ и, начиная со статуй и обелисковъ царей древнѣйшей имперіи до послѣднихъ художественныхъ произведеній христіанъ-Коптовъ, повѣствуютъ любознательному посѣтителю о всѣхъ проявленіяхъ художественнаго творчества у древнихъ жителей долины Нила.

Не смотря на многочисленность предметовъ, сосредоточенныхъ въ музей, нельзя думать, чтобы этимъ и ограничилось дѣло по разысканію древностей: каждый годъ, каждый мѣсяць музей обогащается новыми экземплярами, и трудно предвидѣть всю потребность въ зданіяхъ для сохраненія Египетскихъ древностей. Какъ бы то ни было, но вѣрно то, что черезъ нѣсколько лѣтъ даже и дворець Gizeh окажется слишкомъ тѣснымъ.

Музей Gizeh есть скорѣе специально фараоническій; въ немъ хотя и хранятся предметы Греко-римскаго и Коптскаго періодовъ, но лишь съ цѣлю показать, какъ исчезло это искусство, столь обособленное, столь характерно развивавшееся въ долину Нила. Древности Греческія, Римскія и Коптскія нынѣ имѣютъ другой центръ, онѣ должны быть сосредоточены въ специальномъ для этихъ эпохъ музей, основанномъ въ Маѣ мѣсяць 1892 года въ Александріи. Это здѣсь, въ самой столицѣ Египта древнихъ Птоломеевъ, будутъ собраны предметы, относящіяся

къ исторіи страны временъ Грековъ и Римлянъ, и если въ музей Гизѣ и имѣется еще вѣсколько залъ, заключающихъ предметы временъ послѣ Фараоновъ, то единственно для того, чтобы показать постепеную агонию искусства и обычаевъ независимаго Египта.

Классификація предметовъ въ музей Гизѣ составлена въ залахъ нижняго этажа въ хронологическомъ порядкѣ, тогда какъ въ верхнемъ этажѣ должны были придерживаться порядка размѣщенія предметовъ согласно ихъ назначенія. Было чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно, размѣстить въ хронологическомъ порядкѣ всѣ мелкія вещицы, подчасъ не зная въ точности ихъ эпохи, и приходилось также ставить рядомъ предметы несоразмѣрной величины, потому только, что они относились къ одному періоду или принадлежали одному царствованію. Такимъ образомъ музей естественно раздѣленъ на двѣ части: одна заключаетъ всѣ громоздкіе и тяжелые предметы, размѣщенные въ нижнемъ этажѣ, а другая часть, въ которой находятся вещи малыя или легкія, наполняетъ залы верхняго этажа.

Настоящій входъ въ музей не представляетъ главнаго входа во дворецъ Измаила-паши; для музея потребовалось пробить дверь съ правой стороны зданія, и здѣсь построена временная лѣстница. Такимъ образомъ, пройдя обширный вестибюль, попадаютъ въ залы древняго міра.

Тринадцать залъ вмѣщаютъ древности первыхъ династій; здѣсь можно любоваться шедеврами Египетскаго искусства пятидесятаго вѣка до нашей эры; далѣе въ шести залахъ, украшенныхъ статуями и барельефами, представлены средніе вѣка царства.

Предметы древности послѣднихъ династій занимаютъ 17 залъ, пройдя которые мы осматривали затѣмъ послѣдовательно залы Греко-римскіе съ остатками Птолемеевой эпохи и двѣ залы Коптскіе, временъ не задолго до завоеванія Египта мусульманами.

Въ большомъ залѣ нижняго этажа, въ части дворца, называемой гаремомъ—длинный рядъ саркофаговъ всевозможныхъ эпохъ. Эти предметы, какъ крайне тяжелые и громоздкіе, не могли быть распределены по историческимъ заламъ; они составляютъ часть коллекціи предметовъ погребенія, находящейся въ верхнемъ этажѣ.

Болѣе легкіе и мелкіе предметы древности наполняютъ весь второй этажъ. Они расположены по родамъ ихъ назначенія: божества сдѣланныя изъ бронзы, всѣ священныя изображенія и принадлежности обрядовъ богослуженія размѣщены въ большомъ залѣ, имѣющемъ въ планѣ видъ креста и находящемся надъ залами среднихъ вѣковъ Царства.

Рядомъ хранятся въ витринахъ масса мелкихъ вещицъ, но кажется, что болѣе всего жуковъ (*scarabée*) разныхъ величинъ и сдѣланныхъ изъ различныхъ матеріаловъ: изъ гранита, эмальированной глины,

цвѣтнаго стекла и проч. Извѣстно, что у Египтянъ жукъ служить символомъ превращенія и непрерывнаго возобновленія. По ихъ ученію, воспринятому и Пифагоромъ, ничто на свѣтѣ не уничтожается; все что умираетъ, должно снова возродиться; душа человѣка по разрушеніи одного тѣла должна перейти въ другое; но частицы этого стараго тѣла, по освобожденіи ихъ, вступаютъ въ созидательное движеніе природы, гдѣ Провидѣніе располагаетъ ими для образованія новыхъ существованій. Жукъ, символъ этихъ измѣненій, которыя поддерживаютъ жизнь творенія, есть въ тоже время символъ безсмертія. Вотъ почему древніе клали скарабею на мѣсто сердца умершаго царя, разсматривая послѣднее какъ зерно, разложеніе котораго должно породить новую жизнь. Изъ этихъ скарабеевъ, историческихъ, имѣются всегда царскія картуши, начиная съ IV династіи. Надо здѣсь добавить, что имена царей писались особенно: каждый слогъ имени ставился не рядомъ съ предъидущимъ, а ниже его, и всѣ они обводились чертой. Такое обозначеніе именъ царей ученые и обозначаютъ словомъ картушь.

Кромѣ скарабеевъ въ витринахъ находится много ювелирныхъ вещей, и всѣ предметы одѣянія, матеріи, гончарныя издѣлія, вазы металлическія, каменные и деревянные, оружіе и всевозможные царскіе и погребальныя предметы, папирусы, раковины, модели скульпторовъ, эскизы живописцевъ, мебель, образцы промышленности, проекты архитекторовъ. Въ шкафахъ висятъ большіе куски тканей, въ которыя заворачивали усопшихъ царей. Нашъ любезный проводникъ и руководитель по музею (очень сожалею, что не знаю его фамиліи), вынимая и показывая намъ нѣкоторые изъ этихъ кусковъ, воскликнулъ: «Что дали бы наши дамы, чтобы имѣть теперь подобныя матеріи!»

Тутъ кончается рядъ фараоническихъ древностей; за нимъ слѣдуютъ залы Греко-римскія и Коптскія; послѣдняя заключаетъ въ себѣ всѣ предметы чуждые искусству Египта, но которые однако найдены были на его территоріи. Къ этимъ галлереевъ слѣдуетъ прибавить тѣ, которыя были исключительно предоставлены знаменитой находкѣ царскихъ мумій и залы священнослужителей Аммона.

Таковъ въ короткихъ словахъ музей Гизѣ и таковы коллекціи, заключающіяся въ обширномъ дворцѣ. Обзоръ столь значительнаго числа залъ очень утомителенъ; мы съ А. А. Ярковскимъ ходили до послѣднихъ силъ: такъ интересно и увлекательно было хотя бѣгло взглянуть на эти сокровища.

Для облеченія осмотра въ каждомъ залѣ помѣщены на стѣнахъ необходимыя указанія, дабы посѣтитель не терялъ намѣченнаго пути и легко могъ бы отыскать галлерей, которыя его интересуютъ; съ тою же цѣлю открыты ходы, облегчающіе внутреннее сообщеніе.

Наконецъ часть закрытія музея наступилъ и мы должны были его покинуть; поблагодаривъ самымъ искреннимъ образомъ помощника главнаго директора, мы простились съ нимъ и зашли тутъ же въ магазинъ, въ которомъ отъ того же правленія музеемъ и раскопками продаются по утвержденной цѣнѣ различныя древнія вещи, найденныя при раскопкахъ и около мумій, которыя встрѣчаются во многихъ тождественныхъ экземплярахъ и во всѣхъ большихъ музеяхъ уже имѣются. На память я купилъ глиняную кружку, вполне хорошо сохранившуюся, бывшую при муміи и древность которой опредѣлена археологами, какъ значится въ описи, около пяти тысячъ лѣтъ.

7, 8 и 9-го Октября мы осматривали гробницы калифовъ, Арабскій музей, церковь Коптовъ, библіотечку и окаменѣлый лѣсъ, а также успѣли быть и на службѣ дервишей-ревуновъ.

При обходѣ гробницъ калифовъ я замѣтилъ, что въ боковой бѣлой мраморной доскѣ одной изъ гробницъ пробита сквозная дыра; сквозь эту дыру просунулась маленькая ручка ребенка, и вмѣстѣ съ тѣмъ слышны были плачевнымъ тономъ произносимые возгласы: «сись, сись!....» Попрошайничество у Арабовъ такъ развито, что вотъ это былъ, какъ оказалось, не болѣе какъ 3-хъ лѣтній ребенокъ, пролѣзшій сквозь дыру въ гробницу, чтобы укрыться отъ солнечнаго жара, а когда онъ услышалъ говоръ иностранцевъ, онъ тоже счелъ своею обязанностью протянуть ручонку и просить бакшишъ (baksis). Православная церковь Коптовъ находится въ самомъ бѣдномъ кварталѣ Каира, очень и очень просто убранная, въ совершенно нищенскомъ положеніи; между тѣмъ по преданію, Богородица, укрывая здѣсь своего Божественнаго Младенца отъ преслѣдователей, пряталась въ пещерѣ, на мѣстѣ которой приходится алтарь храма и пребывала тутъ со Св. Іосифомъ около пяти дней.

9-го числа мы совершили большую прогулку на осликахъ къ мѣсту окаменѣлаго лѣса; прогулка эта была не изъ очень пріятныхъ, потому что пришлось ѣхать довольно далеко и по мѣстности каменистой, совершенно обнаженной; впрочемъ взглянуть на небольшіе остатки окаменѣлаго лѣса было очень интересно. Вся площадь покрыта мелкими кучками и каждая изъ нихъ по своему строенію есть непременно частица ствола дерева, между тѣмъ, если ударить такой кусочекъ другимъ, то звукъ получается металлическій; ботаники легко различаютъ по этимъ кусочкамъ къ какому сорту дерева они принадлежали. Я взялъ на память нѣсколько кусковъ.

Обводненіе долины Нила не могло не интересоваться меня въ высокой степени, и потому я былъ очень радъ познакомиться съ Французскимъ инженеромъ путей сообщенія m-g Roux, который про-

живалъ одновременно со мною въ Victoria-Hôtel и вставалъ, а слѣдовательно и пилъ свой кофе такъ же рано, какъ я. (Вотъ за этимъ то кофеемъ мы и бесѣдовали, ибо остальную часть дня м-г Roux въ огель не было). Онъ говорилъ мнѣ, что изъ Французовъ онъ остался только одинъ, всѣ мѣста инженеровъ путей сообщенія заняты теперь въ Египтѣ Англичанами. Объяснивъ общій планъ орошенія Нильской долины, м-г Roux совѣтовалъ мнѣ отправиться по желѣзной дорогѣ на станцію «Baggages» и снабдилъ меня рекомендательною карточкою къ инженеру-Американцу, который распоряжается на этомъ пунктѣ всѣми наводненіями долины.

Весь день 10-го Октября мы употребили съ г. Ярковскимъ на поѣздку въ «Baggages», на осмотръ тамъ грандіознѣйшихъ шлюзныхъ прегражденій Нила и бесѣду съ инженеромъ-Американцемъ. Изъ его словъ видно, что въ Египтѣ есть инспекторъ земледѣлія, у котораго сосредоточиваются всѣ свѣдѣнія о времени посѣвовъ и о времени сбора произведеній земли—хлопка, сахарнаго тростника и маиса. Инспекторъ этотъ сообщаетъ инженеру въ «Baggages», что съ полей такой-то провинціи уборка окончена и мѣстность эта можетъ быть наводнена; инженеръ тотчасъ же распоряжается для производства этого наводненія и для сего по телеграфу отдаетъ приказанія закрыть такіе-то и такіе шлюзы, а открыть вотъ такіе-то на каналахъ, которыми изрѣзана вся долина Нила. Глубина наводненія довольно значительная, такъ что для сообщеній между поселками или городами построены высокія плотины, прерываемыя отъ мѣста до мѣста сквозными отверстіями, надъ которыми устроены деревянные мосты. Залитая такимъ образомъ вся провинція или ея часть остается подъ водою 3, 4 и 5 недѣль, послѣ чего вода по распоряженію того же инженера-Американца спускается также по соответствующимъ каналамъ. Но горячее солнце Египта скоро высушиваетъ верхній слой земли, образуящей собою тогда твердую кору, чрезъ которую не могутъ пробиться и должнымъ образомъ развиваться колосы и стебли, и потому вдоль береговъ Нила молодые Арабы постоянно работаютъ, поднимая на коромыслахъ бадьи и выливая воду на берегъ, гдѣ она и направляется небольшими канавками по различнымъ частямъ поля.

11-го Октября положено было отправиться въ Мемѣисъ довольно большимъ обществомъ. Кромѣ Ярковского и меня, пожелали ѣхать Французскій консулъ изъ Адена, Gaston Lemaу съ женою, Н. А. Преображенскій, одна хорошенькая барышня изъ Аѣинъ съ братомъ и еще два-три господина. Мы выѣхали утромъ по желѣзной дорогѣ, со станціи на правомъ берегу Нила, проѣхали великолѣпный желѣзный мостъ черезъ Ниль и направились вверхъ по рѣкѣ, при чемъ проѣзжали

лѣсомъ пальмъ. На желѣзнодорожной станціи «Bedrachim» мы покинули желѣзную дорогу и дальше поѣхали на осликахъ, равнѣ заготовленныхъ. Gaston Lemaу оказался веселымъ малымъ, и своими шутками онъ настроилъ все общество на веселый тонъ. Мы осматривали колоссальную статую Рамзеса Великаго, большую Саккарскую пирамиду и послѣ того зашли въ домъ гдѣ жилъ (всего двѣ комнаты) Марріетъ.

Здѣсь мы развернули привезенныя съ собою закуски и подкрѣпились, а затѣмъ поѣхали осматривать Серапеумъ, гробницу Ти и вновь открытую, замѣчательную по своей величинѣ и богатству отдѣлки, гробницу Мера; этимъ и закончили свою экскурсію и направились на осликахъ къ той же станціи желѣзной дороги «Bedrachim», гдѣ были и утромъ. По прибытіи на станцію мы узнали ко всеобщему огорченію, что поѣзда, идущаго въ Каиръ, надо ожидать около двухъ часовъ; между тѣмъ солнце уже садилось. Въ обществѣ образовался расколъ: утомленные длиннымъ днемъ подъ жгучимъ солнцемъ и ѣздой на осликахъ предпочли скучать два часа на бѣдной по своей обстановкѣ станціи въ ожиданіи поѣзда, а большая часть общества, въ томъ числѣ и дамы, рѣшили ѣхать снова на осликахъ къ берегу Нила, отыскать тамъ баржу и переправиться на правый берегъ съ тѣмъ, чтобы поѣхать искать обѣда въ Helouan и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Каиръ.

Доѣхать до берега было дѣло нѣсколькихъ минутъ, но мы долго провозились въ ожиданіи свободной баржи, да къ тому же и ослики наши заставили потерять нѣсколько времени: баржа была безъ палубы, и ослики заупрямились прыгать въ баржу на ея днище; наконецъ все было улажено: вся публика, ослики и проводники-Арабы кое-какъ размѣстились, и мы отчалили. На Нилѣ мы почувствовали сильный вѣтеръ противъ теченія и на рѣкѣ была порядочная зыбь, а борты баржи были низкіе, превышая уровень воды всего на 3—4 вершка; поставили парусъ. Въ этомъ мѣстѣ Нилъ показался мнѣ шире Невы по крайней мѣрѣ въ 1½ раза. Доплыли до праваго берега благополучно, выгрузились безъ промедленія и пустились снова въ путь.

Еще было свѣтло, и Helouan видѣлся отъ насъ немного влѣво, казалось верстахъ всего 5—7-ми; мы ѣхали хорошою рысью и казалось, что вотъ скоро и городокъ, между тѣмъ солнце давно уже сѣло, наступила ночь, затѣмъ появилась луна, а Helouan'a нѣтъ какъ нѣтъ. Тихая лунная ночь, очень порядочные ослики, которые идутъ хорошою ровною рысью, и всѣ мы послѣ жаркаго дня наслаждаемся настоящею прогулкою въ теплую ночь. Понемногу слышался сзади шумъ отъ топота лошадей, оглянулись и увидѣли догнавшихъ насъ двухъ саисовъ съ длинными бамбуковыми шестами въ рукахъ, которые вполголоса просили посторовиться и дать мѣсто двумъ откры-

тымъ экипажамъ, въ которыхъ ѣхали мать хедива и его сестры-дѣв-
цы, возвращавшіяся въ Нелопп вѣроятно съ прогулки.

Какъ ни прелестна была наша ночная прогулка, но мы съ удо-
вольствіемъ увидѣли, что подъѣзжаемъ къ этому городку, еще недавно
возродившемуся, благодаря Тефикъ-пашѣ, отцу нынѣшняго хедива. Онъ
построилъ здѣсь небольшой дворецъ и проживалъ въ немъ большую
часть зимняго сезона, пользуясь здѣсь здоровымъ воздухомъ, сѣри-
стыми ваннами и проч. Многіе изъ богатыхъ людей Каира послѣдова-
ли примѣру покойнаго хедива и построили для своихъ семействъ бо-
гатые виллы и дома, такъ что теперь въ Нелопп'ѣ найдется много
прекрасныхъ Европейскихъ зданій и небольшихъ дворцовъ.

Сѣристыя ванны въ Нелопп'ѣ рекомендуются для ревматиковъ и
противъ кожныхъ болѣзней.

Главною заботою нашею было поискать отеля, гдѣ можно было бы
пообѣдать; но всѣ лучшіе отели заперты, такъ какъ сезонъ еще не на-
ступилъ. Пришлось довольствоваться какимъ-то скромнымъ Греческимъ
рестораномъ, гдѣ обѣщали намъ черезъ часъ приготовить обѣдъ.
Въ ожиданіи такого блага мы рассчитались съ Арабами за осли-
ковъ и сходили на станцію желѣзной дороги справиться на счетъ вре-
мени отхода поѣзда въ Каиръ; оказалось, что времени у насъ довольно
и что къ полуночи мы попадемъ домой. Импровизированный обѣдъ про-
шелъ весело и очень довольные прогулкою и порядочно уставшіе
мы были наконецъ въ городѣ.

Это былъ единственный день, когда мои эскурсіи я совершалъ въ
обществѣ, а на другой день я долженъ былъ пуститься опять одинъ
вверхъ по Нилу въ Верхній Египетъ. Спутникъ мой по Каиру А. А.
Ярковскій долженъ былъ подумать уже о возвращеніи въ Россію.

12-го Октября, въ день выезда въ Верхній Египетъ, я пошелъ
еще разъ полюбоваться на общественный садъ въ Каирѣ—Эзбекіэ.
Подобнаго сада нѣтъ конечно ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ; вкусъ и
искусство Европейца и благодатное небо Африки при богатой почвѣ
и обильномъ орошеніи—такія условія, которыя нигдѣ болѣе не встрѣ-
чаются; садъ столь замѣчательный, что заслуживаетъ подробнаго опи-
санія ученаго натуралиста, но не поддается описанію Европейца-тури-
ста, для котораго что ни дерево, какъ сикомора или баобабъ, то но-
вость ему невѣдомая. Въ этомъ саду находится превосходный ресто-
ранъ, содержимый г. Санти, роднымъ братомъ того, который содержитъ
ресторанъ въ San-Stefano-Club, оба люди энергичные и добросовѣстные.

Для поѣздки въ Верхній Египетъ я зашелъ утромъ въ контору
Кука и взялъ билетъ для поѣзда до Ассуана, сначала по желѣзной
дорогѣ, а затѣмъ на пароходѣ въ 1-мъ классѣ со столомъ, за что и за-

платилъ 23 фунта стерлинговъ или 207 рублей за 14 дней; цѣна по моему мнѣнію преувеличенная, и заплатилъ бы я менѣе, расплачиваясь на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ и съ рестораторами на мѣстѣ, обыкновеннымъ порядкомъ.

Во Вторникъ, 12 Октября въ 9 ч. 30 м. вечера, я выѣхалъ изъ Каира по желѣзной дорогѣ въ Quirgh, куда и пріѣхалъ на другой день въ 11¼ час. утра и тотчасъ же перебрался на пароходъ «Ambisole», маленькій съ однимъ колесомъ позади, и потому во время хода, пароходъ такъ трясеть, что писать можно лишь съ большимъ трудомъ. Пароходъ этотъ шель по Нилу въ послѣдній разъ съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи въ Каиръ, войти въ гавань для капитальныхъ починковъ. Капитанъ парохода—Англичанинъ, молодой человекъ, сухошавый, высокаго роста, очень любезный и обязательный человекъ; кормленіе на пароходѣ очень удовлетворительное. Въ 1 часъ дня пароходъ тронулся и останавливался на промежуточныхъ пристаняхъ: Valiana, Abou-Chouchna и Ношган; къ 8 ч. 40 мин. пароходъ подошелъ къ пристани города Naghout, выпустилъ пары и ошвартовался на ночь. Замѣчательно, съ какою пунктуальностью пароходы подходятъ къ каждому пункту и отходятъ согласно росписанія, минута въ минуту. Капитанъ мнѣ рассказывалъ, что такая точность въ движеніи пароходовъ достигнута настойчивостію правленія, которое въ прежнее время преслѣдовало капитановъ за малѣйшее нарушеніе расписанія и надѣдало имъ, постоянно запрашивая ихъ о причинахъ запозданія въ прибытіи къ той или другой пристани.

На другой день, 14 Октября, мы отошли отъ Фаршута въ 4 часа утра и въ теченіи дня подходили къ 9-ти пристанямъ. На каждой изъ нихъ—тѣмъ народа, все продавцы разныхъ съѣстныхъ припасовъ и фруктовъ; всѣ кричатъ, всѣ протягиваютъ руки свои съ товаромъ къ пассажирамъ 3-го класса, размѣщеннымъ внизу на палубѣ; многіе садятся на корточки на самомъ краю пристани, вотъ такъ и кажется, что въ такой толкотнѣ не тотъ, такъ другой упадетъ въ воду, въ пылу горячаго торга; но проходитъ минутъ пять такого шумнаго базара, пароходъ начинаетъ отходить, и всѣ смолкаютъ, все успокаивается.

Въ этотъ день мы должны были подойти вечеромъ къ Люксору (дренія Фивы) на ночлегъ. Вечеръ при лунномъ освѣщеніи былъ великолѣпный; я сидѣлъ на верхнемъ мостикѣ и любовался окружающею картиною: широкая рѣка, раза въ 1½ больше Невы, справа Ливійскія горы, а слѣва высокой маисъ и масса пальмъ составляли чудный пейзажъ. Мое желаніе было воспользоваться луннымъ вечеромъ и осмотрѣть въ Фивахъ замѣчательный храмъ Карнакъ. Мнѣ говорили, что при лунномъ освѣщеніи видъ этого храма особенно величественъ и

производить на зрителя особенное впечатлѣніе; на обратномъ же пути, когда я предполагалъ провести въ Люксорѣ нѣсколько дней, по моему расчету лунныхъ почей больше не должно было быть. Я сообщилъ о своемъ намѣреніи осмотрѣть Карнакъ въ этотъ вечеръ капитану, и по его соображенію моя побѣдка была вполне осуществима. Капитанъ обѣщаль мнѣ найти опытнаго проводника и нанять осликовъ.

Отъ пристани до ближайшихъ построекъ храма ѣзды хорошею рысью мнутъ 20. Я былъ пораженъ величественною картиною Карнакскаго храма; переѣзжаю съ мѣста на мѣсто—все новые виды, все мрачно и грандіозно. Постройки храма раскинуты на значительномъ пространствѣ; колонны перекрѣплены не сводами или арками, которыхъ тогда не знали, а большими цѣльными массивами; нѣкоторыя изъ нихъ сошли съ мѣста и однимъ концомъ висятъ на воздухѣ; вотъ такъ и кажется, что эта громада сейчасъ рухнетъ. Тоже самое видно и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пилоновъ, цѣлая часть зданія сильно наклонилась удивляешься отчего она не падаетъ, а между тѣмъ мой главный проводникъ, арабъ Мустафа Сезаи поясняетъ, что онъ лѣтъ уже 20 показываегь путешественникамъ Карнакскій храмъ и что здѣсь за это время не упалъ ни одинъ камень. Мы говорили съ нимъ по-англійски.

Вся внутренность храма завалена большими массивами; во многихъ мѣстахъ приходится крутиться, чтобы объѣхать глыбы, а въ другихъ мѣстахъ и совсѣмъ невозможно пробраться, такъ что приходится ограничиться осмотромъ въ этомъ мѣстѣ храма только снаружи.

Трудно было разстаться съ Карнакомъ: все хотѣлось еще посмотреть что нибудь, но наконецъ пришлось отправиться въ обратный путь. Ахъ, какъ хороши лунныя ночи въ Египтѣ! Тепло и не шелохнетъ въ воздухѣ, ни шума, ни звука!

15-го Октября въ 11¼ ч. утра мы подошли къ городу Есна, довольно большой городъ; я съ капитаномъ отправились пѣшкомъ осматривать древній храмъ незначительныхъ размѣровъ, хорошо сохранившійся; онъ весь находится въ землѣ, и только верхій карнизъ храма и капитали его толстыхъ колоннъ находятся выше уровня земли. Каменные стѣны покрыты скульптурною работою и іероглифами.

Послѣ Есна подходили къ двумъ промежуточнымъ пристанямъ: Bassalié и Edfou. День былъ жаркій; *it's rather too hot to day*, говорить мнѣ капитанъ за объѣдомъ, хотя ему не привыкать стать къ жарамъ: онъ передъ тѣмъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Индіи. На ночлегъ остановились мы въ 9½ часовъ вечера въ El-Ramodi; это не городъ, а просто пристань для остановки парохода на ночь.

16 Октября. Идемъ въ Assouan, конечный пунктъ моего путешествія, почти на границѣ 24° сѣверной широты, на границѣ Нубіи, оби-

татели которой черные, съ лоснящеюся кожею и съ вьющимися короткими волосами; ихъ здѣсь называютъ Барбарійцами.

Невдалекѣ отъ Assouan'a первые пороги Нила и островъ Филе.

На этомъ маленькомъ пароходѣ «Ambicole» есть также ванна, не совсѣмъ-то важно обставленная, но при нуждѣ все-таки ею можно пользоваться; я купался въ этотъ день, но послѣ постели вода показалась мнѣ неприятно свѣжею; думаю, что ея температура была не болѣе $+18^{\circ}$ R., а между тѣмъ въ рѣкѣ все населеніе купается совершенно свободно. Днемъ жара на воздухѣ невыносимая, въ особенности отъ 10 час. утра и до 5 ч. вечера; утро и вечеръ прекрасны, въ особенности вечеръ при лунномъ освѣщеніи.

Въ Assouan мы прибѣли въ 3 часа 20 мин. пополудни; но было такъ жарко, что нельзя было и подумать высунуть носъ наружу. Въ 5-мъ часу я нанялъ лодку и гйда и отправился осматривать Египетскія древности на островъ Elephantine, но кромѣ большой статуи изъ гранита и нѣсколькихъ bas-reliefs ничего не нашелъ; на этомъ же островѣ существуетъ военный госпиталь барачной системы.

17-го Октября. Въ 7¼ час. утра я отправился съ гйдомъ на осликахъ по правому берегу Нила къ Югу отъ города, мѣстность холмистая и лишенная растительности, повсюду камень и часто попадаетъ гранитъ; въ одномъ мѣстѣ осматривалъ лежащій въ землѣ обелискъ, очень тщательной работы; послѣ часовой ѣзды подѣхалъ къ берегу Нила и на большой лодкѣ (фелука) переправился на островъ Philé, гдѣ находятся остатки храма, замѣчательнаго по громаднмъ размѣрамъ и по изяществу отдѣлки.

Здѣсь я позавтракалъ, пользуясь взятою мною провизіею, и походилъ еще немного, чтобы убѣдиться, не пропустилъ ли чегонибудь, а затѣмъ на той же лодкѣ началъ спускаться по Нилу къ его порогамъ. Все шло благополучно, мы во время остановились и вышли на берегъ, чтобы пройти еще сажень 200; но жадные къ бакшишу Арабы и здѣсь испортили мою прогулку: одинъ за другимъ раздѣлись и бросились въ воду и послѣ начали приставать ко мнѣ дать имъ бакшишъ; я разсердился не на шутку и принялся кричать на нихъ и грозить имъ палкою; на силу успѣлъ сдержать ихъ нахальство.

Что касается до самаго вида водопада на порогахъ, то надо сказать, что я видѣлъ и Рейнскій водопадъ въ Шафгаузенѣ, и Иматру въ Финляндіи, которые куда эффектнѣе нижняго порога Нила. Извѣстное ощущеніе и силу теченія воды я ощутилъ, когда переправлялся съ лѣваго берега на правый, чтобы возвращаться въ Assouan; моя фелука попала въ верхнюю часть водоворота подѣ правымъ берегомъ Нила, и гребцы съ трудомъ справлялись, чтобы выйти изъ этой струи; вода, не-

сущаяся сверху и попадая подъ плоское дно фелуки съ правой ея стороны, стремилась опрокинуть лодку черезъ лѣвый бортъ и быстро сносила внизъ; были скверныя мгновенія, когда казалось, что всѣ наши усилія не могутъ одолѣть силы теченія, и вотъ-вотъ понесетъ насъ колотить по камнямъ, но мы кое-какъ успѣли выбраться изъ бѣды. На правомъ берегу Нила насъ ожидали наши ослики, и мы поѣхали искать крокодиловъ, которые въ эту пору дня нерѣдко показываются у подножія скалъ выступающихъ со дна Нила.

Но крокодиловъ не было, и сначала мы продолжали ѣхать по тропинкѣ, пробитой у обрыва высокаго берега (мѣстность была живописная) а послѣ мы повернули вправо и попали въ селеніе. Въ селѣ, черезъ которое мы проѣзжали, въ одномъ домѣ былъ покойникъ, а кругомъ этого дома стояла толпа женщинъ, которыя голосили на всевозможные лады; когда же мы миновали село и вѣхали въ лѣсъ, то наткнулись на 12—15 мужчинъ шедшихъ по тому же направленію, какъ мы ѣхали. Всѣ рослые и статные, они несли на плечахъ носилки къ кладбищу, чтобы завтра положить на нихъ покойника; всѣ Арабы шли ровнымъ шагомъ и какъ-бы въ ногу и отъ времени до времени пѣли тихимъ голосомъ, вѣроятно, псалмы Корана; напѣвъ торжественный съ примѣсью грусти; тропинка, по которой шла эта процессія, была узкая, и я поневолѣ долженъ былъ слѣдовать за нею. Пѣніе Арабовъ мнѣ очень понравилось, оно было какъ бы въ тактъ ихъ шага.

Поѣздка моя въ этотъ день была продолжительная, я чувствовалъ сильную жажду и потому, вѣхавъ въ Assouan, я остановился у лучшаго ресторана, чтобы отдохнуть и утолить жажду; расплатился съ Арабами и взойдя въ ресторанъ, спросилъ питья и газету. Оказалось 3—4 газеты Арабскихъ, 2—3 Итальянскихъ и ни одной Англійской или Французской, хотя наканунѣ я былъ въ этомъ ресторанѣ съ своимъ капитаномъ, и мы видѣли тамъ многихъ Англичанъ. За наимѣнѣею газетой, я обратился къ картинамъ, развѣшаннымъ на стѣнахъ; всѣ довольно аляповатой работы—портреты Греческаго короля и королевы (рестораторъ, очевидно, Грекъ), затѣмъ идутъ произведенія Россійскія: «Молитва Пожарскаго подъ Москвою», «Сдача крѣпости Рущукъ 20 Февраля 1878 г.» генераль-адъютантъ Гурко и послѣдняя—генералы Гурко и Скобелевъ. Странно было видѣть все это въ Ассуанѣ, въ Верхнемъ Египтѣ!

18 Октября. Въ 8 час. утра отправился въ лодкѣ на лѣвый берегъ Нила, гдѣ въ горѣ выдѣланы обширныя пещеры, украшенныя хорошо сохранившимися скульптурными работами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны и краски. Въ этихъ пещерахъ устанавливались каменные и члзъ мрамора саркофаги, въ которыхъ сохранялись тысячелѣтія

муміи древнихъ царей. Въ одной просторной пещерѣ находятся ниши, въ которыхъ стоямя помѣщены каменные муміи, а въ другой находится масса череповъ и часть костей, а также много кувшиновъ, которые по обилковенію древнихъ ставились около покойниковъ. Всѣ замѣчательные мраморные саркофаги, всѣ сохранившіяся муміи и ихъ одежды, масса тончайшихъ тканей, въ которыя обертывали покойниковъ, все это выбрано теперь изъ пещеръ и развезено по различнымъ музеямъ, въ особенности Англійскимъ. При этомъ расхвата и набросано много череповъ, костей и кувшиновъ.

Послѣ осмотра мѣстъ успокоенія древнихъ царей поднялся на вершину горы, откуда открывается большая панорама: городъ Assouan и островъ Elephantine какъ на ладони; южнѣ Assouan'a Нилъ имѣетъ много острововъ покрытыхъ растительностью и зеленью и островковъ или каменныхъ скалъ, а еще южнѣ ихъ, видны первые его пороги.

Въ 1 часъ дня парходикъ «Ambicole» отдалъ швартовы, и мы пустились въ обратный путь, вдоль по теченію; ночевали въ Edfou.

Рано утромъ 19 Октября, въ 5½ часовъ, я сѣлъ на ослика и отправился осматривать храмъ въ Edfou. Строеніе громадное, подобное храму въ Филе, но лучше сохранилось. Всмотриваясь въ симметричное расположеніе храма въ Филе, я не могъ объяснить нарушеніе этой симметричности въ размѣщеніи колоннадъ ничѣмъ инымъ, какъ допустивъ предположеніе, что нѣсколько вѣковъ тому назадъ островъ Филе подвергся землетрясенію, при чемъ одна половина боковыхъ сооружений сдвинута была къ серединѣ дворовъ.

Въ 2 часа пополудни парходъ подошелъ къ Люксору. Какая разница въ скорости хода противъ теченія и по теченію! Отъ Люксора до Ассуана мы шли, идя вверхъ по рѣкѣ, 28 час. 45 мин., а это же разстояніе, идя внизъ, прошли въ 14 час. 25 мин.

Гостиница въ Люксорѣ вполне благоустроенная, имѣетъ 140 номеровъ и съ отличнымъ садомъ, но ко дню моего пріѣзда она только готовилась къ пріему путешественниковъ: вездѣ шла дѣятельная чистка, разстилали ковры, поправляли билліарды, что-то доканчивали въ обширномъ заведеніи прачешной.

Говорятъ, что сезонъ начинается съ 1-го Ноября новаго стиля; но главная часть сезона, въ дѣйствительности, начинается послѣ праздниковъ Рождества Христова. Тогда одинъ за другимъ парходы, комфортабельно устроенные, несутъ на себѣ многочисленныя группы Англичанъ и Американцевъ, будущихъ съ своими семействами и третящихъ здѣсь большія деньги. Прогулки по Нилу и пребываніе по нѣсколько

недѣль въ Люксорѣ составляютъ для многихъ джентльменовъ и хорошихъ миссъ и миссисъ истинный праздникъ.

Всѣ надписи въ Люксорскомъ отелѣ на Англійскомъ языкѣ: Dining room, smoking room, reading and writing rooms, barber's salon, change of money и т. д.; въ саду есть также и Англиканская церковь. Прислуга въ отелѣ—молодые Арабы въ своихъ костюмахъ, всѣ исправно говорятъ по-англійски. Все это показываетъ, къ какой національности принадлежитъ большинство туристовъ по Нилу; случаются путешественники изъ Франціи или Германіи, но никогда нѣтъ Русскихъ.

Въ Люксорѣ я пробылъ 5 дней и осматрѣлъ подробно на обоихъ берегахъ Нила все, что есть интереснаго. Проѣзжалъ по разнымъ городкамъ и селеніямъ. Постройки ихъ замѣчательны тѣмъ, что всѣ изъ землянаго кирпича, бурога цвѣта: это илъ, наносимый теченіемъ Нила съ добавленіемъ черной земли мѣстной почвы; на домахъ нѣтъ ни крышъ, ни потолковъ, въ стѣнахъ нѣтъ оконъ. Для Арабовъ назначеніе стѣнъ очевидно ограничивается цѣлю прикрыть отъ взоровъ постороннихъ внутреннюю жизнь семейства.

Дожди въ верхнемъ Египтѣ составляютъ большую рѣдкость и очень непродолжительны; въ Англійскихъ путеводителяхъ по Нилу сказано, что въ теченіе сезона (отъ начала Ноября до конца Марта) дождь въ Люксорѣ бываетъ 2 раза, одинъ разъ въ теченіе 5 минутъ, а другой идетъ только нѣсколько секундъ.

Въ отелѣ Люксора сдѣланы были наблюденія надъ температурою какъ внѣшняго, такъ и комнатнаго воздуха въ теченіи 13 недѣль сезона, причемъ для измѣренія температуры наружнаго воздуха термометръ помѣщенъ былъ на фасадной стѣнѣ отеля, обращенной къ Сѣверо-западу, подъ каменную сводчатою галлереею, гдѣ термометръ постоянно находится въ тѣни. Комнатная же температура измѣрялась ночью въ комнатѣ, обращенной къ Юго-востоку, которая днемъ вентилировалась, окно запиралось на ночь въ теченіе первыхъ девяти недѣль и держалось открытымъ послѣднія четыре недѣли. Вотъ результаты этихъ наблюденій, записанныя въ среднихъ числахъ за цѣлыя недѣли. (Наблюденія производились термометрами Фаренгейта, мало у насъ знакомыми и потому я перевелъ цифры на термометръ Реомюра).

Т е м п е р а т у р а :

Янв.		Наружная.			Комнатная.	
		9 ч. у.	2 ч. пд.	6 ч. пд.	Max.	Min.
	1	13	17	16		
"	8	12	15 ¹ / ₂	14 ³ / ₄		
"	15	11 ¹ / ₂	15 ¹ / ₂	14 ³ / ₄	15 ¹ / ₂	13 ³ / ₄
"	22	13 ¹ / ₄	16 ³ / ₄	15 ¹ / ₂	16 ¹ / ₄	15
"	29	12 ¹ / ₂	16	15	15 ³ / ₄	14 ¹ / ₄

Февр.	5	11	15	14	15	13
"	12	13 ¹ / ₂	18 ¹ / ₄	17 ¹ / ₄	17 ¹ / ₂	15 ¹ / ₄
"	19	13	17 ¹ / ₄	15 ¹ / ₂	16 ¹ / ₂	14 ¹ / ₂
"	26	13 ³ / ₄	18 ¹ / ₄	17	16 ¹ / ₂	14 ¹ / ₂
Мартъ	5	17 ³ / ₄	23	21 ¹ / ₄	20 ¹ / ₂	18 ¹ / ₄
"	12	16 ¹ / ₂	20	18 ¹ / ₄	19 ¹ / ₄	18 ¹ / ₄
"	19	18	22 ¹ / ₄	21 ¹ / ₄	21	18 ¹ / ₄
"	26	17 ¹ / ₄	22 ¹ / ₄	21	20 ¹ / ₂	17 ¹ / ₄

Изъ этого видно, какъ ничтожна разница въ температурѣ въ 2 часа пополудни и въ 6 час. вечера; это мѣстная особенность въ это время года. Небольшія разницы между maximum и minimum температуры комнатнаго воздуха объясняются способностію стѣнъ строенія, возведеннаго изъ Нильскаго ила поглощать жаръ солнечныхъ лучей и выдѣлять ночью эту теплоту въ комнаты. Такимъ образомъ, занавѣшивая днемъ окна и закрывая ихъ на ночь, достигаютъ извѣстной прохлады въ комнатахъ днемъ и теплоты ночью. Больные, осужденные проводить дни и ночи въ комнатахъ, пользуются посему одинаковою температурою въ теченіе цѣлыхъ сутокъ.

Средняя влажность воздуха въ Верхнемъ Египтѣ съ начала Января и до конца Марта—53, принимая 100 за градусъ полного насыщешія, тогда какъ, напримѣръ, въ Англіи, въ тотъ же періодъ года, влажность равна—91 и даже въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, въ самое сухое время, влажность воздуха равна 76.

Профильтрованная вода Нила представляетъ самую чистую и лучшія качества воду для питья.

Преобладающіе вѣтры въ Люксорѣ съ Января и по конецъ Марта—сѣверные.

Въ санитарномъ отношеніи устройство Люксорскаго отеля не оставляетъ ничего желать больше; необходимѣйшія мѣста устроены по системѣ Муля (пудръ-клозеты); «for ladies» они устроены далеко отъ мужскихъ, такъ что никакого стѣсненія не можетъ быть для пользованія ими. Замѣчательно, съ какою внимательностію Англичане относятся къ удобному, даже комфортабельному устройству этой части домашняго обихода. За одно скажу здѣсь, что и на Нильскихъ пароходахъ эта статья устроена отлично хорошо, а главное въ достаточномъ числѣ экземпляровъ: запертъ одинъ номеръ, то другой или третій свободенъ.

Компанія «Cook and sons», публикуя объявленіе о своихъ пароходахъ на Нилѣ и гостиницахъ въ Верхнемъ Египтѣ, старается увѣрить публику о пользѣ пребыванія въ Люксорѣ для чахоточныхъ, ревматиковъ, страдающихъ удушьемъ и разными нервными болѣзнями.

Напрасный трудъ, ибо какъ только провѣдали въ Лондонѣ, что дѣловитая и энергичная фирма Кука взяла на себя поддерживать парходныя сообщенія по Нилу и устраивать свои отели въ Люксорѣ и Ассуанѣ, то, начиная съ 1877 года, прїѣздъ Англійскихъ туристовъ въ Верхній Египетъ растетъ съ каждымъ годомъ въ такой мѣрѣ, что перелѣ перваго же года размѣръ первоначально устроеннаго «Luxor Hôtel» пришлось удвоить и потомъ постепенно увеличивать до современнаго размѣра въ 140 номеровъ. Въ теченіе 1888 г. устроены обширный столовый залъ и извѣстное число добавочныхъ спальныхъ комнатъ, но и это оказалось недостаточнымъ, и компанія «Cook and sons» вынуждена была купить «Karnak-Hôtel» съ принадлежащимъ ему земельнымъ участкомъ. Расширены были сады, устроены отдѣльный павильонъ для биллиардовъ, lawn-tennis, добавочныя спальныя комнаты; но и это оказалось недостаточнымъ, потому что Англичане въ сезоны 1889—90, 1890—91, 1891—92, и 1892—93 г.г. прїѣзжали все въ большемъ и большемъ числѣ, и главное—это не больные одышкою или чахоткою, а страдальцы тѣмъ, что карманы ихъ переполнены фунтами стерлинговъ. Вотъ отъ какой болѣзни прїѣзжаютъ сюда Англичане искать облегченія. Около роялей я видѣлъ массу нотъ какъ для игры, такъ и для пѣнія; библіотека наполнена произведеніями лучшихъ Англійскихъ авторовъ по литературѣ, исторіи и проч. Пришлось заботиться о новыхъ постройкахъ для отеля, а пока что, поставили въ Ассуанѣ и въ Люксорѣ старые пароходы и приспособили ихъ къ жилью, поспѣшили выписать извѣстнѣйшихъ своимъ искусствомъ поваровъ и, въ добавокъ къ огородамъ, заведеннымъ на арендуемыхъ въ Ассутѣ поляхъ, расширить огороды близъ Люксора для овощей, пастбища для откармливанія телятъ и барановъ и увеличить птичьи дворы, а также организовать заново молочное хозяйство, приготовленіе сливочнаго масла и льда. Словомъ, практическая компанія знала какъ распорядиться для пріема своихъ дорогихъ гостей.

24 Октября (5) Ноября. День былъ невыносимо жаркій, въ тѣни + 24° R, но на солнцѣ было не менѣе 40 градусовъ: такъ жгучи лучи. Къ вечеру собрались тучи кругомъ, и съ наступленіемъ темноты заблестала со всѣхъ сторонъ молнія. Въ 5¼ час. вечера пришелъ изъ Ассуана пароходъ «Amernatos», съ которымъ я и отплылъ изъ Люксора въ 6¼ час., проживъ здѣсь 5 дней.

Не знаю, какимъ считается пароходъ «Amernatos» въ большемъ числѣ пароходовъ и Dahabeah, составляющихъ большую флотилію компаніи; но на мой взглядъ «Amernatos» соединялъ въ себѣ всѣ условія для удобнаго и даже комфортабельнаго плаванія туристовъ; какъ по устройству своему, такъ и отличному содержанію, пароходъ во всѣхъ

отношеніяхъ былъ прекрасный. Капитанъ парохода изъ Арабовъ, красивый, живой и любезный хозяинъ, свободно изъяснявшійся и по-французски, и по-англійски.

Очутившись на пароходѣ, я сразу почувствовалъ отдыхъ отъ жары и духоты. На пароходѣ кромѣ меня было еще 3 пассажира: одинъ Англичанинъ-офицеръ и два Египтянина; одинъ изъ нихъ молодой человекъ, землевладелецъ въ Ассіутѣ, очень хорошо говорилъ по-англійски. Въ 8½ час. вечера мы остановились ночевать въ Nogaда.

Ночью я проснулся. Вижу, что молнія кругомъ и непрерывно дѣйствуетъ; громъ гремитъ постоянно и безъ малѣйшаго перерыва; въ каютѣ мнѣ показалось душно, я зажегъ свѣчу и вышелъ на палубу. Все спало, нигдѣ не было и признака жизни; но только что я успѣлъ войти въ каюту и лечь, какъ начался сильнѣйшій ливень и вскорѣ градъ, который стучалъ съ такою силою по палубѣ парохода, что можно было подумать, что насъ атаковала тысяча Арабовъ, которые бросаютъ въ насъ камни. Въ первое мгновеніе мнѣ и представилось, что это большіе камни; я боялся, что такой градъ пробьетъ потолокъ и закроетъ голову обѣими руками; на пароходѣ поднялась тревога: всѣ вскочили съ кроватей, въ каютахъ зажгли свѣчи. Англичанинъ-офицеръ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ его солдатомъ принялись перетаскивать тюки на палубѣ, чтобы спрятать ихъ отъ подмочки, матросы крѣпили швартовы; къ счастью это скоро кончилось, черезъ 10—15 минутъ. Всѣ говорили, что подобнаго никогда въ жизни не видали.

25 Октября, въ 3 часа пополудни, «Amernatos» пришелъ въ Guirguet, а въ 5 час. я отправился съ скорымъ поѣздомъ въ Каиръ. Вагоны этой линіи отчаянные, въ каждое купе отдѣльный входъ, вагоны запущены, грязно содержатся и всегда въ пыли; ни умывальниковъ, ни ватерклозетовъ нѣтъ, ни въ вагонахъ, ни на станціяхъ; ресторановъ на станціяхъ нигдѣ нѣтъ. Самое полотно дороги содержится до крайности небрежно и неопратно. Ъзда же очень скорая, тряска и подбрасываніе вагоновъ весьма чувствительныя; шумъ въ вагонахъ отъ хода поѣзда страшный; сидишь себѣ одинъ и только молишь Бога, какъ бы доѣхать до Каира, не сломавъ себѣ шеи.

26 Октября, Вторникъ, въ 6 ч. 20 м. утра, пріѣхали въ Каиръ, и я направился въ гостепримную Victoria Hôtel мыться и чиститься.

Прежде всего заѣхалъ въ почтамтъ и получилъ тамъ второе письмо отъ сына; оказалось, что дома все благополучно; затѣмъ я написалъ письмо къ агенту Русскаго Общ. Парох. и Торг. въ Александрію г. Прассиносу, прося сообщить мнѣ, закрыты ли въ Греціи карантинны противъ холеры и могу ли я ѣхать туда, не опасаясь быть посаженнымъ на нѣсколько дней на пищу св. Антонія; отвѣтъ я просилъ со-

общить мнѣ по телеграфу, дабы возможно было воспользоваться первымъ же пароходомъ, отходящимъ изъ Александріи въ Пирей.

Справивъ эти дѣлишки, я пошелъ навѣстить нашего консула А. Ѳ. Иванова, отъ котораго узналъ, что дипломатическій агентъ нашъ въ Каирѣ д. с. с. Алекс. Иван. Кояндеръ возвратился изъ отпуска, и потому я поспѣшилъ сдѣлать ему визитъ. Это дипломатъ извѣстный по своей долгой и полезной службѣ въ Китаѣ и послѣ въ Болгаріи, свѣжій человѣкъ, который принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ; опасаясь помѣшать ему въ занятіяхъ, я пытался не оставаться у него долго, но хозяинъ задержалъ меня, и я имѣлъ случай познакомиться съ пріѣзжавшими къ Александру Ивановичу съ визитами сперва съ Греческимъ архіепископомъ Синайской горы о. Порфиріемъ, сторонникомъ Русскихъ, а послѣ съ главнымъ директоромъ музея и раскопокъ Египетскихъ древностей г. де-Морганомъ: человѣкъ молодой, полный жизни и энергіи; по его словамъ весь успѣхъ возложеннаго на него дѣла зависитъ отъ размѣра ассигнованій.

Гостепріимный хозяинъ, не смотря на мои объясненія, что у меня какъ у человѣка военнаго, только временно носящаго статское платье, не имѣется надлежащаго туалета для обѣда, настоялъ на своемъ, чтобы въ этотъ день я обѣдалъ у него въ 8 час. вечера. Тутъ же былъ я представленъ и Варв. Конст. Кояндеръ. А. Ѳ. Ивановъ при мнѣ сообщилъ ей, что въ Каирѣ пріѣхали на зиму двѣ сестры, Русскія барышни, и просятъ, для предоставленія имъ возможности существовать, рекомендацій для полученія уроковъ музыки, Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. В. К. Кояндеръ тогчасъ же взяла записную книжку, и что-то записывая, отвѣчала консулу: «хорошо, я сегодня же заѣду къ такимъ-то и такимъ-то, постараюсь устроить дѣло барышень; вѣрно больныя, что пріѣхали сюда». И дѣйствительно, какъ я узналъ впоследствии, В. К. Кояндеръ успѣла доставить соотечественницамъ столько уроковъ, что онѣ могли безъ затрудненія прожить въ Каирѣ нѣсколько мѣсяцевъ и успѣли даже поправить свое здоровье. Мнѣ говорили, что когда дѣло идетъ о помощи бѣднымъ, то никто такъ просто и легко не дѣлаетъ этого, какъ m-me Кояндеръ; своею наружностію и обходительностію она произвела на меня чрезвычайно отрадное впечатлѣніе.

Послѣ обѣда любезные хозяева предложили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними на Арабскій праздникъ. Весь Арабскій кварталъ, состоящій изъ магазиновъ и разныхъ лавокъ и лавочекъ былъ обильно освѣщенъ фонарями и лампами, всѣ магазины открыты и также залиты огнемъ; повсюду гремитъ музыка и неисчислимая масса народа по всѣмъ улицамъ, переулкамъ и магазинамъ. Мои хозяева были специально приглашены какимъ-то именитымъ купцомъ и непременно хотѣли почтить его

своимъ визитомъ. Мы пробивались сквозь густую толпу при помощи каваса и нашихъ локтей, заботясь прежде всего не разъединиться (иначе можно было совсѣмъ потеряться), наконецъ добрались до желаемого магазина и кое-какъ усѣлись; намъ предложили по чашечкѣ Турецкаго кофе. Купецъ, изгибаясь на всѣ лады, не зная какъ и благодарить за оказанную ему честь. Оттуда мы заходили въ наиболѣе просторные магазины, гдѣ поменьше публики, чтобы посмотрѣть на выставку разныхъ мѣстныхъ произведеній и въ одномъ изъ такихъ магазиновъ встрѣтили г. Юнина съ женою и сыномъ; познакомившись съ нимъ, я сообщилъ ему, съ какимъ интересомъ я зачитывался описаніями его путешествій по Южной Америкѣ. Г. Юнинъ, какъ видно, бросилъ свое дипломатическое поприще и служить въ Каирѣ въ международной комиссіи національнаго долга.

Подобно Турціи, Египетъ, какъ извѣстно, обремененъ европейскими долгами, и въ обезпеченіе ихъ уплаты, на основаніи международныхъ трактатовъ, были отчислены извѣстныя отрасли государственныхъ доходовъ, которыя должны поступать прямо въ распоряженіе Египетской международной долговой комиссіи, въ которой и служить теперь г. Юнинъ, какъ представитель Россіи.

По возвращеніи съ праздника, любезныя Кояндеръ подвезли меня къ Victoria Hôtel.

27 Октября. Прассиносъ отвѣтилъ, что ѣхать въ Грецію, по его мнѣнію, не слѣдуетъ, потому что Греческое правительство едва ли не каждый день мѣняетъ свои распоряженія относительно провенансовъ не только изъ Россіи, но и изъ Египта. На этомъ основаніи я рѣшилъ отказаться и на этотъ разъ отъ посѣщенія Греціи и отправиться прямо въ Россію на пароходѣ «Царица» который долженъ выйти изъ Александріи 29 Октября, въ Пятницу; объ этомъ я телеграфировалъ Прассиносу, увѣдомивъ, что въ Четвергъ вечеромъ приѣду прямо на пароходъ, не ночуя въ Александріи, но Прассиносъ отвѣтилъ, что вечеромъ таможня закрыта, и потому проѣхать на пароходъ нѣтъ возможности. Эти таможни въ Египтѣ учреждены, какъ мнѣ говорили, болѣе для надзора не вывозятъ ли какихъ либо Египетскихъ древностей, а можетъ быть и для сбора денегъ въ пользу казны опустошаемой англичанами, но я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ночевать для этого въ незнакомой мнѣ гостиницѣ и потому просилъ А. И. Кояндера устранить для меня лишнее затрудненіе, для чего требовалось только снабдить меня въ Александріи кавасомъ; Александръ Ивановичъ тотчасъ же телеграфировалъ объ этомъ въ Александрію.

Днемъ 27 Октября я заходилъ въ мастерскую Парвиса, замѣчательную по работѣ мебели въ Арабскомъ вкусѣ. Передъ закатомъ же

солнца напялъ фазтонъ, чтобы прогуляться на лѣвомъ берегу Нила, около Гезири, и при этомъ случайно попалъ на мѣсто забавъ Англичанъ. Съ одной стороны дороги обширная площадка для lawn-tennis, а съ другой большое поле для игры въ поло; тутъ построены цѣлый домъ съ террасами къ полю, гдѣ сидѣли леди и джентльмены, наблюдавшіе за ходомъ игры, а игра состоитъ въ томъ, что двѣ группы всадниковъ, отличающихся цвѣтомъ лентъ, надѣтыхъ черезъ плечо, выѣзжаютъ на коняхъ къ деревянному шару и, имѣя въ рукахъ деревянные молотки на длинныхъ древкахъ, стараются загнать шаръ на свою сторону. Игра эта требуетъ отличныхъ коней, отличныхъ ѣздоковъ и ловкихъ игроковъ; она продолжается всего 15—20 минутъ, звонокъ даетъ знать объ окончаніи, и на смѣну первыхъ игроковъ выѣзжаютъ новые. Постоянная скачка, безпрерывныя перемѣны направленія ѣзды дѣлаютъ то, что и конь и всадникъ оканчиваютъ игру въ сильнѣйшей испаринѣ. Соскочивъ съ коней, джентльмены бѣгутъ въ домъ и, вооружась большими губками, моются и смѣняютъ бѣлье и платье свѣжими, и, закутавшись въ пальто, сѣдаютъ въ тюльбюри къ своимъ женамъ, которыя и отвозятъ ихъ домой. Я не знаю націи, гдѣ бы столько любили всевозможныя физическія упражненія на открытомъ воздухѣ, какъ Англичане. Съ другой стороны, меня поражало то приволье, съ которымъ Англичане живутъ въ Каирѣ: собственные экипажи, верховыя лошади, особый костюмъ для прогулки верхомъ, для lawn-tennis, особый костюмъ для поло, туалеты ихъ дамъ, вѣдь на все это требуются большія деньги, вѣдь все это военные люди, слѣдовательно имѣютъ еще и военный костюмъ. Неужели же всѣ Англичане богатые люди? На это отвѣчали мнѣ, что Англійское правительство отпускаетъ своимъ офицерамъ, служащимъ въ Египтѣ, большое содержаніе, распорядясь въ этомъ случаѣ деньгами этой страны.

Въ 6 час. вечера заѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ А. И. Кояндеръ. Это человекъ преданный своему дѣлу и большой патриотъ, и я съ большимъ интересомъ слушалъ своего собесѣдника, когда онъ заговорилъ о нашихъ дѣлахъ въ Болгаріи, о князѣ Баттенбергскомъ, о Стамбуловѣ и наконецъ о значеніи Англійской оккупациі Египта. Въ заключеніе своего визита А. И. Кояндеръ сказалъ, что супруга его приглашаетъ меня быть у нихъ завтра, передъ отъѣдомъ, позавтракать въ 1 часъ дня.

Прогуливаясь послѣ обѣда и проходя мимо Hôtel Continental, я увидалъ на наружной террасѣ г. Юнина и его жену; я зашелъ къ нимъ и съ большимъ удовольствіемъ просидѣлъ съ ними съ часъ; m-me Юнина родомъ изъ Черногоріи, очень видная и красивая дама.

28 Октября, Четвергъ. Въ 1 часъ дня я былъ у гостепріимныхъ Кояндеръ, тамъ были А. Ѳ. Ивановъ и Н. А. Преображенскій; по
И, 12

окончаніи нашего завтрака пришелъ и г. Юнинъ, чтобы проститься со мною. Послѣ того я возвратился въ Villa Victoria, уложилъ свои вещи и заплатилъ за 7, 8 и 9 Ноября нов. ст. 36 франк. 75 сент.

Поѣздъ въ Александрію отходилъ изъ Каира въ 4 час. 45 мин.; на вокзалъ проводить меня пріѣхали А. И. Кояндеръ и Н. А. Преображенскій. Въ Александрію мы прибыли въ 8½ час. вечера. Меня встрѣтили секретарь Прассиноса и кавасъ, высланный по приказанію А. И. Кояндера. Вотъ этотъ-то кавасъ, старикъ почтенныхъ лѣтъ, и устроилъ все дѣло въ таможнѣ, гдѣ не очень желали пропустить меня, но старикъ стучалъ въ ворота, что-то кричалъ и наконецъ добился своего: не выѣзая изъ экипажа, безъ всякаго осмотра вещей, я проѣхалъ на пристань прямо къ своему пароходу «Царица»; капитана не было дома, но мнѣ безпрепятственно дали какоту, хотя я и не имѣлъ билета на поѣздъ въ Одессу и долженъ былъ получить его завтра отъ Прассиноса, передъ выходомъ парохода въ море.

Желѣзная дорога Каиръ-Александрія несравненно лучше и опрятнѣе линій Каиръ-Гиргей и Измаиліе-Каиръ.

29-го Октября, Пятница. Въ 10 час. утра мы тронулись изъ Александріи; матросы наши кричали и посылали воздушные поцѣлуи матросамъ какого-то Французскаго корабля, которые въ свою очередь неистовствовали въ изъявленіи знаковъ дружбы; видно, наканунѣ гдѣ нибудь порядочно вмѣстѣ выпили.

Я познакомился съ капитаномъ, весьма почтеннымъ, опытнымъ и заботливымъ морякомъ. Погода превосходная, море совершенно спокойное.

Въ 1-мъ классѣ кромѣ меня былъ еще одинъ пассажиръ le wagon E. de Seefried Buttenheim, второй секретарь императорскаго Германскаго посольства въ Константинополь; онъ командированъ былъ въ Іерусалимъ и теперь возвращался оттуда; а въ это время жена барона съ ребенкомъ своимъ ѣздила на родину повидаться съ родными и ожидала уже его въ Константинополь. Баронъ, изъ Баваріи, соотечественникъ знаменитому артиллерійскому генералу Зауеру и чуть ли не родственникъ ему, человекъ весьма образованный, сообществу котораго я былъ весьма радъ.

30 Октября, Суббота. Пароходъ «Царица» хорошій ходокъ, сполна нагруженъ хлопкомъ. Погода теплая, солнце жжетъ по обыкновенію, но вѣтеръ ЮЮЗ усилился, поставили паруса, насъ порядочно покачиваетъ, мой баронъ не переноситъ качки.

Въ 2¼—3 часа пополудни проходили мимо острова Кандія (Критъ), имѣя его съ нашей лѣвой стороны, а нѣсколько минутъ раньше видѣли съ правой стороны какой-то другой островъ. Здѣсь мы вступили въ Греческій архипелагъ.

31 Октября, Воскресенье. Ясное дѣло, что мы ужъ не въ Египтѣ: температура замѣтно понизилась, небо покрыто облаками; я принужденъ надѣть въ первый разъ свое легкое пальто и подумать, не могу ли еще какъ нибудь усилить свое одѣяніе, но увы ничего у меня нѣтъ; надо укрываться въ каютѣ, а не расхаживать по палубѣ. Сѣверный вѣтеръ, качки нѣтъ. Баронъ бодрится, но онъ такого высокаго роста, что, оставаясь со мною въ каютѣ, часто расколачиваетъ свою голову о бимсы.

Между пассажирами 3-го класса на палубѣ я встрѣтилъ мальчика лѣтъ 14—15: Татаринъ, возвращающійся съ другими взрослыми Татарами изъ Мекки въ Рязанскую губернію; говоритъ по-русски.

Въ 1 ч. 35 мин. пополудни бросили якорь въ Пирей—51½ часовъ хода отъ Александріи до Пирея.

Здѣсь застали нашу эскадру, вернувшуюся изъ Тулона: «Нахимовъ», «Память Азова», «Рында» и др. Изъ Пирея вышли въ 5 час. пополудни, взявъ въ число пассажировъ 1-аго класса старшаго врача съ «Нахимова»; онъ ѣхалъ въ отпускъ въ Кронштадтъ для свиданія съ своимъ семействомъ, передъ уходомъ на «Нахимовъ» въ дальнее плаваніе.

Разказы этого старшаго врача о пріемѣ нашей эскадры въ Тулонѣ и о побѣдѣ опредѣленнаго числа чиновъ эскадры въ Парижѣ, гдѣ они были постоянно окружаемы наибольшимъ вниманіемъ всѣхъ сословій общества, старавшихся наперерывъ сдѣлать что-нибудь пріятное для гостей, были чрезвычайно интересны. Къ поясненію разсказовъ старшій врачъ показалъ намъ много подарковъ, полученныхъ имъ и для него, и для его жены.

1 Ноября, Понедѣльникъ. Стужа дѣлается очень чувствительною, я боюсь простудиться и потерять все, что успѣлъ пріобрѣсти хорошаго для здоровья; $+10^{\circ}\text{R}$, я не выхожу изъ каюты. Утромъ стою у окна и слышу такой разговоръ двухъ служащихъ на пароходѣ: «А вотъ, какъ я сталъ послѣ васъ въ 4 часа утра на вахту, то пока новый рулевой установилъ ходъ какъ слѣдуетъ, насъ сильно подбрасывало».—«Да», отвѣчалъ ему другой, ёжась отъ холода и переступая съ ноги на ногу, «теперь такая ужъ пора года, что какъ вышелъ изъ порта, то дуй во всѣ лопатки». По моему это значить, что какъ ни худо, но теперь осенью и не жди ничего лучшаго; торопись, чтобы не встрѣтить чего худшаго. Баронъ мой лежитъ, его укачало. Вѣтеръ сильный съ Сѣвера и очень холодный; этотъ вѣтеръ, а отчасти и противное теченіе сдѣлали то, что, какъ ни напрягали работу машины, вмѣсто 13½ узловъ дѣлали только 10 и потому не могли придти въ Дарданеллы до заката солнца; пришли въ 5½ час. вечера, потому и не

могли, по правиламъ Турецкихъ портовъ, получить практики, т. е. выгрузки товаровъ, и вообще прѣва сношенія съ берегомъ, вслѣдствіе чего должны были оставаться здѣсь до утра. Переходъ отъ Пирея до Дарданеллъ 25 часовъ. Отсюда до Константинополя 130 миль, придемъ туда также послѣ заката и практику получимъ только 3-го Ноября, въ Среду; такимъ образомъ цѣлые сутки потеряны изъ за опозданія въ Дарданеллахъ на $\frac{1}{2}$ часа.

2 Ноября, Вторникъ. День солнечный, но по вчерашнему холодный, ибо дуетъ тотъ же сильный сѣверный вѣтеръ. Къ намъ хочетъ съѣсть начальникъ проливовъ, паша, обязанный переѣхать, кажется, въ Константинополь, но что всего интереснѣе для насъ съ барономъ—это, что паша ѣдетъ вмѣстѣ со своимъ гаремомъ. Баронъ, а за нимъ и я сочли нужнымъ вмѣшаться по вопросу выбора каютъ для гарема, и тактика наша состояла въ томъ, чтобы выбрать для красавиць такія каюты, чтобы для насъ оставался хотя какой-нибудь шансъ увидать ихъ. Пароходная дѣвушка въ этомъ вопросѣ была на нашей сторонѣ. Но увы, всѣ наши заботы по размѣщенію гарема были напрасны; паша прислалъ сказать, что не надѣется успѣть быть во время на пароходѣ и потому просить его не ожидать.

Вышли изъ Дарданеллъ въ 1 часъ пополудни и шли малымъ ходомъ, чтобы быть въ Константинополь только утромъ завтра. По настоящему же этотъ переходъ можно сдѣлать въ 12 часовъ времени.

3 Ноября, Среда. Пришли въ Константинополь въ 7 час. утра; вѣтра нѣтъ, но все небо покрыто тучами, идетъ дождь и очень свѣжо; ахъ, какъ это все тяжело переносить, такъ бы хотѣлось вернуться назадъ! Вѣдь дождь и холодъ—это предести, на которыя я уже успѣлъ насмотрѣться въ Петербургѣ, проживя тамъ Іюнь, Іюль и Августъ. Вотъ входитъ въ Золотой Рогъ какой-то корабль, идущій изъ Чернаго моря, реи поломаны, на бортахъ тоже поврежденія; слышу говоръ, рассказываетъ кто-то, что на Черномъ Морѣ страшныя бури, что корабль выдерживалъ сильный штормъ; но оказалось вскорѣ, что все это невѣрно: корабль, не знаю какъ, сцѣпился съ другимъ судномъ и много поломался.

Смотрю влѣво къ проливу и узнаю «Чихачева», который очевидно идетъ очереднымъ рейсомъ въ Александрію; не утерпѣлъ, взялъ лодку и поѣхалъ на «Чихачевъ» повидаться съ капитаномъ и посмѣтрѣть на счастливецевъ, ѣдущихъ въ Каиръ.

Капитанъ на этотъ разъ ѣхалъ съ женою, что дозволяется въ Обществѣ Пароходства и Торговли; онъ представилъ меня своей женѣ, и мы посидѣли нѣсколько минутъ. По словамъ капитана переходъ изъ

Одессы былъ довольно спокойный; онъ нѣсколько разъ повторилъ мнѣ, что я за эти два мѣсяца замѣчательно поправился.

Съ «Чихачева» я поѣхалъ въ городъ въ наше посольство, гдѣ познакомился съ старшимъ секретаремъ императорскаго посольства въ Константинополь, камеръ-юнкеромъ Е. И. В. Юриемъ Николаевичемъ Щербачевымъ, который былъ столь любезенъ, что снабдилъ меня карасомъ; я нанялъ коляску и поѣхалъ сперва въ Оттоманскій банкъ за деньгами, а оттуда съ визитомъ къ бывшему у насъ въ Петербургѣ посланникомъ Шакиръ-пашѣ. Онъ живетъ въ нагорной части города, весьма далеко отъ центра, почти на окраинѣ города; на бѣду я не засталъ Шакира-пашу дома и долженъ былъ ограничиться отдачею своей визитной карточки. Оттуда я поѣхалъ отыскивать и къ счастью скоро нашелъ свою хорошую знакомую Наталію Ивановну Пташинскую. Съ нею я провелъ цѣлый день. Поѣхали сначала осматривать знаменитый саркофагъ, о которомъ всѣ говорятъ; его откуда-то доставили въ Константинополь въ недавнее время; изваяніе изъ бѣлаго мрамора настолько искусное, что каждому лицу, несмотря на малый размѣръ человѣческихъ фигуръ, ваятель успѣлъ придать явственное выраженіе лица; зритель безъ коментарій различаетъ мысли и чувства, воодушевляющія каждое дѣйствующее лицо въ данную минуту. Послѣ того мы посѣтили Софійскій соборъ, гробницы послѣднихъ султановъ, заѣхали въ городъ за какими-то покупками, вернулись домой къ Наталіи Ивановнѣ вечеромъ и застали у нея Шакира-пашу и еще нѣсколько человѣкъ приглашенныхъ къ обѣду. Послѣ обѣда я вскорѣ раскланялся и вернулся на пароходъ въ 9-мъ часу вечера.

4 Ноября, Четвергъ. Въ 3½ часа пополудни простились съ Константинополемъ, въ 5 ч. 10 м. миновали Кавакъ и вошли въ Черное море; погода изъ холодной становилась мягкою.

5 Ноября, Пятница. Небольшой юго-восточный вѣтеръ, довольно тепло, море совершенно спокойное, никакой качки.

Въ 12¼ часовъ съ 5-го на 6 Ноября пароходъ бросилъ якорь снаружи Одесскаго брекватера, а въ 7-мъ часу утра перешелъ въ гавань. Ура! я спасенъ, не заболѣлъ простудою, ибо въ Одессѣ ожидала меня моя военная одежда, а въ томъ числѣ и зимнее пальто и калоши.

Въ 8 час. вечера 6 Ноября, въ Субботу я выѣхалъ курьерскимъ поѣздомъ на Кіевъ и Москву въ Петербургъ.

9 Ноября, Вторникъ, утромъ въ 11 час. я прибылъ въ Петербургъ.

Въ два съ небольшимъ мѣсяца мнѣ удалось совершить интереснѣйшее путешествіе, доставившее мнѣ столько новыхъ впечатлѣній и здоровья, а обошлось оно всего около 1400 руб. со включеніемъ расхода въ 150 рублей на разныя покупки.

Дня черезъ два по возвращеніи въ Петербургъ я былъ у военнаго министра и отъ него зашелъ въ главный штабъ узнать, не могу ли теперь представиться Государю Императору по случаю назначенія меня членомъ Военнаго Совѣта. Мнѣ сказали, что Государь находится въ Гатчинѣ, что по всей вѣроятности скоро получитъ разрѣшеніе мнѣ представиться и что о днѣ приѣма мнѣ сообщать.

Представиться къ Государю я пытался еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, тотчасъ по приѣздѣ изъ Новогоріевска, но тогда Государь собирался ѣхать въ шхеры и на докладной запискѣ штаба о представляющихся, въ числѣ коихъ былъ и я, Государь собственноручно написалъ: «Не знаю, буду ли имѣть время принять и когда». Мнѣ тогда же пришла грѣшная мысль, что не надобѣаютъ ли Государю наши представленія и не подлѣживается ли нашъ симпатичнѣйшій Государь лѣтомъ, съ наступленіемъ жаркихъ дней; вѣдь что же, каждый, я думаю, изъ насъ испытываетъ въ такое время желаніе отдохнуть отъ обычныхъ своихъ занятій, какъ бы легки они ни были, и предаться ничегонеделанію.

Вслѣдъ за тѣмъ главный штабъ увѣдомилъ, что приѣмогъ у Государя совсѣмъ не предвидится въ ближайшее время. А мнѣ такъ хотѣлось видѣть Государя и именно въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ которомъ мнѣ никогда не случалось бывать и потому я не имѣлъ о немъ никакого представленія.

Потерпѣвъ такую неудачу, мнѣ ничего не оставалось дѣлать въ Петербургѣ, какъ отправиться въ отпускъ, и 1-го Сентября я уѣхалъ въ Египетъ на 2½ мѣсяца.

Теперь же, въ Ноябрь мѣсяцѣ, велико было мое удовольствіе, когда дня черезъ три послѣ моего визита въ главный штабъ, я получилъ оттуда извѣщеніе: «Государь Императоръ соизволить принять ваше превосходительство завтрашняго числа въ 11½ ч. утра въ Гатчинскомъ дворцѣ».

Въ прежніе разы на подобныхъ запискахъ дѣлали обыкновенно внизу приписку карандашомъ, что «удобнѣе ѣхать съ такимъ-то поѣздомъ», но на этотъ разъ такого подсказыванія не было, а между тѣмъ въ Гатчино можно ѣхать и по Варшавской, и по Балтійской дорогамъ. На другой день я поѣхалъ наугадъ по послѣдней дорогѣ, но какъ только взоселъ въ вокзалъ, то тотчасъ же увидѣлъ, что я ошибся: на вокзалѣ никого не было въ парадной формѣ; значитъ, всѣ представляющіеся ѣдутъ по Варшавской дорогѣ и въ Гатчинѣ придворные экипажи будутъ высланы на вокзалъ этой дороги. По приѣздѣ въ Гатчино я успокоился, увидавъ, что дворецъ въ виду вокзала и опоздать я не могу. Представляющихся военныхъ и гражданскихъ чиповъ было очень много.

Послѣ обычнаго угощенія чаемъ и кофеемъ, насъ пригласили отправиться сначала на половину Государыни Императрицы Маріи Фесдоровны. Я, какъ старшій въ чинѣ, представлялся первымъ и былъ удостоенъ очень милостиваго приѣма. Императрица, узнавъ, что я только что вернулся изъ Египта, сдѣлала мнѣ замѣчаніе, что для здоровья опасно послѣ жаровъ въ тропикахъ поѣхать прямо въ страну морозовъ и снѣговъ. Покои Императрицы были въ нижнемъ этажѣ, и намъ пришлось пройти чрезъ всѣ залы нижняго этажа. По окончаніи аудіенціи у Ея Величества, меня направили къ Государю Императору, и для этого также пришлось проходить по коридорамъ и заламъ почти всего верхняго этажа дворца, который произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе: и уютно и богато, масса картинъ.

На половинѣ Его Величества я встрѣтилъ дежурнаго флигель-адъютанта, который сказалъ мнѣ, что въ слѣдующей комнатѣ кабинетъ Государя, въ которомъ Онъ въ настоящую минуту слушаетъ докладъ министра юстиціи Манасеина (какъ я узналъ послѣ, это былъ его послѣдній докладъ; на его мѣсто былъ назначенъ Муравьевъ). Еще не кончился докладъ министра, какъ въ приемную комнату взшелъ командующій войсками Московскаго военнаго округа ген.-адъют. Костанда; онъ старше меня, и потому по выходѣ изъ кабинета Манасеина, туда позвали сперва Костанду, но онъ былъ всего 1—2 минуты, и затѣмъ наступила моя очередь.

Государь хорошо зналъ меня въ лицо, и я въ свою очередь не въ первый разъ имѣлъ случай говорить съ Нимъ. Его доступность и простота въ обращеніи съ другими всегда чаровали меня, такъ что я ожидалъ минуты встрѣчи съ Нимъ какъ особаго счастья.

Въ 1884 г. Государь пробылъ пять сутокъ въ Новогеоргіевской крѣпости, и тогда я, какъ главный ея начальникъ, былъ удостоенъ приглашеніемъ каждадневно къ завтраку и къ обѣду за высочайшимъ столомъ; но тогда, неся ежеминутно громадную отвѣтственность за все, я не имѣлъ ни минуты душевнаго спокойствія и далеко не могъ безмятежно играть роль посторонняго наблюдателя; къ тому же мнѣ ни разу не приходилось въ Новогеоргіевскѣ сидѣть близко къ Царю и разговаривать съ Нимъ.

Совсѣмъ другое дѣло было въ 1892 г., когда въ Варшавскомъ округѣ назначены были въ высочайшемъ присутствіи большіе маневры въ окрестностяхъ крѣпости Ивангорода, для чего собрано было около 60 т. чел. войска, а я назначенъ былъ въ числѣ посредниковъ. Въ кр. Ивангородѣ я былъ посторонній человекъ, ни за что не отвѣтственный и, получивъ приглашеніе, какъ одинъ изъ старшихъ генераловъ, ежедневно завтракать и обѣдать за высочайшимъ столомъ, я имѣлъ

полную возможность предаваться занятіямъ наблюдателя независимаго и спокойнаго. Къ тому же не разъ случалось такъ, что генералы старше меня, по занятіямъ ли службы, болѣзни или другимъ какимъ либо причинамъ, не могли явиться къ столу, и мѣста ихъ, ближайшія къ Государю, оказывались незанятыми; тогда Его Величество приглашалъ насъ занимать такія мѣста, говоря: «Садитесь ближе, не оставяйте, господа, пустыхъ мѣстъ», и такимъ образомъ мнѣ случалось сидѣть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ къ Государю, что неоднократно или Онъ обращался непосредственно ко мнѣ съ разговоромъ, или мнѣ хорошо слышны были Его бесѣды съ Императрицею, съ министрами военнымъ или двора и другими лицами, близко къ Нему сидѣвшими. Привѣтливость Государя и простота, съ какою Онъ держалъ себя, производили на меня чарующее впечатлѣніе.

Въ день парада войскъ въ Ивангородѣ, за завтракомъ, Государь, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «А вчера-то, подъ вечеръ, когда пошелъ дождь, я подумалъ, ну пропало наше дѣло съ парадомъ; между тѣмъ дождь скоро прекратился и вечеръ былъ превосходный, а сегодня погода вѣдь какъ на заказъ, чудо какъ хороша! Въ Петербургѣ же, повѣрите ли, дожди это лѣто идутъ постоянно и днемъ, и ночью; просто выводятъ изъ всякаго терпѣнія. Шѣтъ, господа, въ хорошемъ климатѣ вы здѣсь живете».

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, Государь всталъ и произнесъ небольшую рѣчь, выражая свое удовольствіе по поводу того состоянія войскъ Варшавскаго округа, въ которомъ онъ ихъ нашелъ. «Смотря сегодня на войска, сердце радовалось видѣть ихъ въ такомъ блестящемъ состояніи», сказалъ между прочимъ Государь. Говорилъ онъ очень плавно и свободно, голосомъ сначала и до конца рѣчи одинаково громкимъ и твердымъ; видно было, что онъ говорилъ рѣчь не заранѣе подготовленную, а она вылилась у него экспромptomъ, и видно было также, что въ эту минуту у него работала только разумъ и ни малѣйшаго участія не принимало чувство или нервы; голосъ не дрогнулъ ни на мгновеніе.

Наканунѣ этого дня парада, при заключеніи маневровъ, на фортѣ «Ванновскій», въ присутствіи Государя Императора и Государыни Императрицы, при стрѣльбѣ холостыми зарядами, случилось несчастіе съ однимъ канониромъ, которому, при заряданіи орудія, оторвало руку; какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ, то Государыня, подойдя къ раненому, опустилась на колѣни и обѣими руками поддерживала голову несчастному во время перевязки его.

И вотъ, въ виду этого обстоятельства, когда за обѣдомъ наступилъ моментъ поднять бокалы за здоровье Государыни Императрицы,

командующій войсками округа ген.-адъют. Гурко сказалъ весьма почувствованное слово, называя Императрицу нѣжною для всѣхъ насъ матерью, которая горячо заботится *о больстяхъ солдата* и проч. и проч. Нашимъ восторгамъ при здравицахъ за Ихъ Величества не было предѣловъ, мы всѣ страшно волновались; но Государь, какъ мнѣ казалось, оставался совершенно спокойнымъ; только небольшимъ наклоненіемъ головы и двумя словами Государь поблагодарилъ генерала Гурко за его пламенные рѣчи. Очевидно, что Государь умѣлъ владѣть собою.

Съ Императрицею онъ разговаривалъ большею частію по-французски, и пріятно было слушать его говоръ щегольски правильный, а по существу всегда искренно дружескій и часто шутиный. *Aimez Саша, c'est une âme de cristale*—приходило въ это время на память *).

Получивъ такимъ образомъ навывъ въ Новогеоргіевскѣ, въ Ивангородѣ и при нѣсколькихъ представленіяхъ въ Петербургѣ, въ Аничковомъ дворцѣ и въ Александріи подъ Петергофомъ, къ личнымъ встрѣчамъ съ Государемъ и зная изъ опыта, что каждая такая встрѣча оставляетъ по себѣ никогда неизгладимое пріятное впечатлѣніе, я при своемъ послѣднемъ представленіи, въ Гатчинѣ, въ Ноябрь мѣсяцѣ былъ спокоенъ и увѣренъ, что въ бесѣдѣ съ Государемъ Императоромъ я снова испытаю величайшее для себя наслажденіе.

И дѣйствительно, какъ только взошелъ я въ кабинетъ, Государь встрѣтилъ меня съ обычною своею ласковостію, въ 3—4 шагахъ отъ входной двери и стоя началъ разговоръ. Первое спросилъ, кому я сдалъ крѣпость, и я долженъ былъ объяснить ему, что я выѣхалъ изъ Новогеоргіевска еще въ Маѣ мѣсяцѣ (разговоръ этотъ происходилъ въ Ноябрь) и сдалъ тогда свою обязанность старшему по себѣ; что, прибывъ въ Петербургъ въ началѣ Іюня, я искалъ счастья представиться Его Величеству, но пріемы представляющихся были тогда имъ пріостановлены. «А, помню, помню», сказалъ Государь и при этомъ такъ улыбнулся, что я невольно, мысленно, подтвердилъ себѣ свою догадку насчетъ истинной причины прекращенія въ Іюнь 1893 г. пріемовъ у Государя. Затѣмъ онъ спросилъ у меня, сколько лѣтъ я пробылъ въ крѣпости; на отвѣтъ мой, что комендантомъ я былъ 10 лѣтъ, Государь замѣтилъ: «Ну, это заслуга пребыть въ Новогеоргіевскѣ 10 лѣтъ». Кромѣ 10 лѣтъ въ крѣпости, я пробылъ еще 20 лѣтъ въ Привислинскомъ краѣ, доложилъ я Государю. Подумавъ немного, Его Величество сказалъ: «Тутъ, говоря откровенно, я не вижу ничего особеннаго; но повторяю, что пребыть 10 лѣтъ въ крѣпости—это заслуга, хотя Ново-

*) Такъ въ предсмертныхъ письмахъ къ своимъ братьямъ писалъ изъ Ниццы покойный Великій Князь Цесаревичъ Николай Александровичъ.

георгіевскъ еще не такая глушь, какъ Ивангородъ; а я слыхалъ, что прежде у васъ было еще худшее захоустье—это Замостье». При этомъ я позволилъ себѣ спросить Государя, справедливъ ли былъ слухъ, что въ Замостьѣ на мѣстѣ упраздненной и разрушенной крѣпости предполагается возвести новую крѣпость. «О нѣтъ, я не думаю этого дѣлать, полагая, что съ устройствомъ укрѣпленнаго района—Варшава, Новогеоргіевскъ, Зегрже, мы стоимъ на западномъ театрѣ войны твердо и прочно». Затѣмъ не помню, какъ разговоръ перешелъ на другіе предметы, и Государь спросилъ меня, давно ли я видѣлъ Севастополь. Я доложилъ ему, что ѣздилъ въ Крымъ специально для того, чтобы полюбоваться возрожденіемъ этого дорогаго моему сердцу уголка Россіи. «Да, но все таки существуютъ еще мѣстами развалины, напоминающія тяжелыя времена Севастополя», сказалъ Государь. На это я съ живостію и воодушевленіемъ говорилъ, что Севастополь до Крымской войны далеко не былъ такъ хорошъ и наряденъ какъ теперь, а что касается нѣсколькихъ развалинъ, то, право, онѣ не портятъ общаго впечатлѣнія и, какъ мнѣ сказывали, развалины эти не уничтожаются единственно по той причинѣ, что для недвижимыхъ городскихъ собственности существуетъ законъ, по которому собственники, напримѣръ наслѣдники тѣхъ лицъ, которымъ принадлежали дома во время обороны Севастополя, сохраняютъ это право на обладаніе недвижимостію въ теченіе 50 лѣтъ. Теперь городъ даже и не знаетъ, есть ли какіе нибудь претенденты, имѣющіе право владѣть этими развалинами; а по минованіи 50 лѣтъ со дня окончанія обороны Севастополя, если таковыя не объявятся, городъ будетъ имѣть право распорядиться съ развалинами и продать ихъ желающимъ построить новые дома.

Вся бесѣда длилась около четверти часа. Государь простился со мною и направился къ своему рабочему столу.

Увы, я и не подозрѣвалъ тогда, что это послѣдній разъ имѣлъ я счастье разговаривать съ Государемъ.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ передавали, что Государь на праздникъ одного изъ гвардейскихъ полковъ рассказывалъ о моей поѣздкѣ въ Египетъ и какъ я тамъ страдалъ отъ жары, о чемъ я однако не докладывалъ Его Величеству и полагаю, что объ этомъ ему сообщила Императрица.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Государя въ церкви Зимняго Дворца, въ ночь на Пасху, въ 1894 году, и троекратно облобызался съ Нимъ, почти за шесть мѣсяцевъ до Его кончины.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О ПСКОВСКИХЪ ДЕКАБРИСТАХЪ.

21 Августа 1826 г. Псковскій губериаторъ, д. с. с. Адеркасъ, получилъ отъ Рижскаго военнаго генералъ-губернатора, ген.-адъютанта маркиза Пауллуччи *). слѣдующее предписаніе:

„Государю Императору благоугодно знать въ возможной подробности положеніе и домашнія обстоятельства ближайшихъ родныхъ всѣхъ тѣхъ преступниковъ, кои были преданы Верховному Уголовному Суду и по приговорамъ онаго осуждены, о чемъ объявлено мнѣ высочайшее повелѣніе господиномъ военнымъ министромъ. Вслѣдствіе сего поручаю вашему превосходительству немедленно собрать по вѣренной вамъ губерніи, чрезъ сношеніе съ представителями дворянства, свѣдѣнія: не имѣется ли у кого изъ именованныхъ въ приложенномъ у сего списокѣ ближайшихъ родныхъ, и донести мнѣ о томъ что оажется“.

Къ предписанію былъ приложенъ печатный списокъ осужденныхъ, въ числѣ 121 человека.

Съ какою цѣлью предпринята была эта мѣра?

Здѣсь возможны три предположенія.

Во первыхъ, мѣра эта могла быть чисто-полицейскою. Подозрительность правительства могла простираться не только на близкихъ друзей и товарищей преступниковъ, но даже и на близкихъ родныхъ. Не имѣлось ли въ виду учрежденіе за всѣми ими тайнаго полицейскаго надзора? Но тогда самое изложеніе предписанія было бы иное: въ немъ говорилось бы не о „положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ“, а объ образѣ мыслей, о поведеніи и т. под. Затѣмъ всѣ такія мѣропріятія сообщаются всегда секретно, между тѣмъ переписка о ближайшихъ родныхъ преступниковъ велась открыто. Наконецъ, никакого надзора во Псковской губерніи надъ родными Декабристовъ учреждено не было, хотя такіе родные и нашлись, какъ это увидимъ далѣе.

Во вторыхъ, цѣль могла быть благотворительная. Среди Декабристовъ немало было людей совершенно бѣдныхъ, въ родѣ Выгодовскаго, Загорѣцкаго, братьевъ Борисовыхъ, Фохта, Иванова и пр. Въ лицѣ ихъ семейства могли лишиться единственныхъ кормильцевъ. Было бы исторической несправедли-

*) Указомъ 9 Августа 1823 г. Псковская губерніа была причислена къ Остзейскимъ губерніамъ и подчинена, въ административномъ отношеніи, Рижскому военному ген.-губернатору; такъ продолжалось до 31 Декабря 1829 года.

востью отрицать въ характерѣ императора Николая черты великодушія и состраданія. Недаромъ такой прямой и благородный человекъ, какъ А. С. Пушкинъ, сказалъ про него въ 1828 г.:

Тому, кого караетъ явно,
Онъ тайнъ милости творитъ.

Однакожь, пока не явятся на свѣтъ несомнѣнные показанія о томъ, что правительство того времени дѣйствительно давало пособія или, вообще, какъ-нибудь поддерживало семейства бѣдныхъ Декабристовъ, трудно пастан- вать на этомъ предположеніи.

Въ третьихъ, быть можетъ, правительство желало выяснитъ матерьяль- ное положеніе осужденныхъ, дабы заранѣе опредѣлить размѣръ казенныхъ на нихъ отпусковъ. Почти одновременно съ этимъ состоялся высочайшій указъ, касавшійся, между прочимъ, матерьяльнаго быта сосланныхъ государ- ственныхъ преступниковъ. Тутъ сказано: 1) „дабы изъ числа сихъ преступ- никовъ тѣ, кои имѣютъ богатыхъ родственниковъ, не могли получать отъ нихъ большихъ денежныхъ суммъ, то для огражденія въ семъ случаѣ наблю- дать, что каждый изъ ссыльныхъ можетъ получать отъ родственниковъ на первое обзаведеніе не болѣе какъ до 2 т. р. ассигн., а потомъ на содержаніе ежегодно не болѣе, какъ до 1 т. р. асс.; но и сіи суммы доставлять имъ не иначе какъ черезъ гражданскихъ губернаторовъ, кои должны выдавать имъ оную помѣсячно, или какъ за удобное признають; 2) если же между сослан- ными на поселеніе преступниками есть не имѣющіе достаточныхъ родствен- никовъ и не могущіе получать отъ нихъ никакого вспомошествованія, тако- вымъ давать отъ казны солдатскій паекъ и крестьянскую зимнюю и лѣтнюю одежду, по распоряженію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ *)“.

Не находилась ли разбираемая нами мѣра въ какой-нибудь связи съ этимъ высочайшимъ указомъ?

По собраннымъ справкамъ оказалось, что въ Псковской губерніи живутъ родные слѣдующихъ преступниковъ: Михаила Назимова, Юсіа Поджіо, Нила Кожевникова и бывшаго князя Федора Шаховского. Кроме того, въ Опочечкомъ уѣздѣ оказалось имѣніе графини Анны Ивановны Коновницкой- матери преступника, бывшаго графа Петра Коновницына.

Вотъ свѣдѣнія, доставленныя губернатору Адеркасу.

„Списокъ о родственникахъ и положеніи дѣлъ сосланнаго на поселеніе Михайлы Назимова“.

„Надворная совѣтница Марѳа Степанова Назимова, лилась въ 1810 г. мужа, осталась съ семерыми дѣтьми: 5 сыновьями и 2 дочерьми, изъ коихъ старшій, Борисъ, за годъ предъ тѣмъ только выпущенъ былъ изъ Морского Корпуса офицеромъ, прочія же оставались малолѣтними до такого возраста, что младшей дочери было 2 года. На недвижимомъ имѣніи состояло долгу казеннаго и частнаго до 70 т. рублей. Заботливостью ея и родительскимъ

*) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, „Декабристы въ Западной Сибіри“, стр. 7.

попеченіемъ долги уплачивались исправно, дѣти воспитывались въ страхѣ Господнемъ, съ преподаніемъ познаній возможнымъ въ провинціяхъ по другимъ предметамъ. Въ 1811 г. выдала старшую по 1-мъ сынѣ дочь Варвару въ замужество за колл. сов. Озерскаго *), наградя движимымъ и недвижимымъ имѣніемъ по цѣнности на 100 т. р., которая живетъ нынѣ отдѣльно, въ Холмскомъ уѣздѣ, въ имѣніи своемъ. Полагая опору на старшаго сына, располагая имѣть помощь отъ него въ трудахъ ея, лишилась въ 1813 г. и его: онъ убитъ подъ Данцигомъ. Старшій по немъ оставался Сергѣй, гардемаринномъ въ морскомъ корпусѣ, 16 лѣтъ. Выпущенъ будучи офицеромъ и прослужа около 4-хъ лѣтъ, мать не въ силахъ будучи уже распорядиться имѣніемъ одна, вынуждена была просить его, оставя службу, быть ей помощникомъ. Въ 1817 г., оставя онъ службу военную, занимался хозяйствомъ въ общемъ нераздѣльномъ имѣніи, въ Островскомъ уѣздѣ; по выбору дворянства служилъ 8 лѣтъ сряду; съ какимъ успѣхомъ продолжалъ оную, о томъ предстоитъ атестовать его вашему превосходительству. Издержки, требуемыя на воспитаніе дѣтей, еще 3 сыновей и дочери, уже не дома, но въ общественныхъ заведеніяхъ столицы, пребываніе ея при нихъ, отдѣленіе части имѣнія замужней дочери, значительныхъ пожертвованій и исправное исполненіе повинностей въ войну 1812 года, не давали возможность привести дѣла имѣнія въ надлежащее устройство. Изъ числа 3-хъ сыновей, воспитывавшихся въ С.-Петербургѣ, одинъ, по болѣзни и неспособности къ службѣ, Александръ, уволенъ изъ Морского Корпуса кадетомъ. и служба потомъ по статской службѣ, женился на дочери колл. асс. Крекшина, имѣетъ нынѣ жителство въ имѣніи жены своей, въ С.-Петербургской губерніи, въ Лужскомъ уѣздѣ. По немъ Михаилъ, нынѣ сосланный, опредѣленъ будучи въ конную артиллерію юнкеромъ и получа офицерскій чинъ, перемѣщенъ былъ лейб-гвардіи начальню въ саперный батальонъ, а потомъ въ конно-піонерный эскадронъ. За нимъ выпущенъ былъ изъ юнкеровъ Инженернаго училища офицеромъ Илья, который нынѣ находится лейб-гвардіи въ Саперномъ батальонѣ. За годъ предъ симъ выпущена была изъ Патріотическаго Института младшая дочь ея Анна, воспитывавшаяся въ ономъ, какъ и старшія ея дѣти по другимъ заведеніямъ, на счетъ собственный ея. Издержки на содержаніе сыновей офицерами гвардіи и выпущенной въ публику юной дочери увеличились. Мать, по минованіи младшему сыну Ильѣ совершенныхъ лѣтъ, подѣлила каждому изъ нихъ движимое и недвижимое имѣніе; оставшіяся жъ затѣмъ 350 душъ продала тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Лаврову, и за уплатою нѣкоторой части долговъ, принятыхъ ею платежемъ на себя, 120 т. рублей, г. Лавровъ по покупкѣ остался ей должнымъ. Выдавъ по-

*) Во время своего пребыванія на поселеніи въ Курганѣ. Тобол. губ., М. А. Назимовъ имѣлъ утѣшеніе увидѣться со своимъ племянникомъ А. Д. Озерскимъ, сыномъ Варвары Александровны. Озерскій путешествовалъ тогда, въ качествѣ горнаго офицера, по Уралу и Алтаю, съ генераломъ де-Сентъ-Альдегондомъ, и нарочно взялъ отпускъ на два дня, чтобы посѣтить своего дядю. (Розенъ, „Въ ссылку“, изд. 2, стр. 167).

слѣдную дочь Анну въ замужество за подполковника Набокова, перевела ей въ награжденіе, изъ числа 120 т. рублей, 90 тысячъ. Такимъ образомъ, устроивъ, съ помощью старшаго сына своего, прочихъ дѣтей своихъ, наградивъ каждого удѣломъ, давъ каждому приличное воспитаніе, поставя на путь благородной и отличной службы, располагала преклонныя лѣта свои проводить спокойно со старшею родною сестрою своею, дѣвицей Авдотьею Шишковой, которая, по долговременной болѣзни, въ прошедшемъ году скончалась. Но напротивъ того, г. Лавровъ за купленное имѣніе уплаты не дѣлаетъ; выданная въ замужество младшая дочь, не получая тоже уплаты, живетъ на отвѣтственности ея, не имѣя затѣмъ болѣе никакого имѣнія, какъ у себя, такъ и со стороны мужа своего. Лишась сестры, чрезъ годъ увидѣла впаваго въ преступленіе и сына Михайлу; разстроиваясь въ дѣлахъ своихъ чрезъ неполученіе должной г. Лавровымъ суммы, видя разстройство и почти крайнее положеніе чрезъ сіе же оставшейся неустроенной дочери, скорбя безъ роптанія по сестрѣ и сынѣ и не имѣя возможности болѣе дать пособія дѣтямъ, она, съ свойственнымъ ей смиреніемъ, въ надеждѣ объ участи сына на милосердіе Государя, объ устройствѣ дѣлъ своихъ и уплаты долговъ ожидая отъ г. Лаврова удовлетворенія, пребываетъ нынѣ въ имѣніи своемъ“.

Подписано: „Псковскій уѣздный предводитель дворянства Н. Яхонтовъ“.

Нельзя не замѣтить, что все это официальное донесеніе проникнуто сердечною теплотой и глубокимъ сочувствіемъ къ горю несчастной матери. Псковскіе сторожилы еще помнятъ Николая Александровича Яхонтова, очень добраго и очень набожнаго человѣка. Въ его имѣніе Камя, въ 7 верстахъ отъ Пскова, пріѣзжалъ изъ своего Михайловскаго А. С. Пушкинъ. Въ память этого событія до сихъ поръ бережется, какъ святыня, старая развѣсистая липа, подъ которою отдыхалъ великій поэтъ и ласкалъ маленькаго сына хозяина (впослѣдствіи также извѣстнаго поэта 50—70 годовъ, Александра Николаевича Яхонтова). По возвращеніи Назимова изъ ссылки, въ началѣ царствованія Александра II, между нимъ и поэтомъ Яхонтовымъ установились самыя сердечныя отношенія. Ихъ сблизжали общность міровоззрѣній и нравственная порядочность, такъ сказать, духовный аристократизмъ. Оба они были дѣятельными работниками по освобожденію крестьянъ, оба были идеалистами въ лучшемъ значеніи слова. Вообще, личность Назимова представляетъ столь крупную величину въ духовномъ смыслѣ, что заслуживаетъ особой обстоятельной біографіи.

Въ 1839 г. М. С. Назимову посѣтилъ въ Псковѣ Декабристъ А. Е. Розень. „Почтенная старушка, пишетъ онъ, была разбита параличемъ, лежала на кровати, и когда я подошелъ къ ней, чтобы поцѣловать ручку, то она обняла мою голову, склонила ее къ сердцу, заплакала, и сказала: Такъ ты съ моимъ сыномъ жилъ въ Сибири! и благословила меня“.

Марѳа Степановна Назимова не дождалась возвращенія своего сына.

Дополненіемъ бумаги Яхонтова служить донесеніе Островскаго уѣзднаго предводителя дворянства, полковника и кавалера В. Беклешова, болѣе сухое и дѣловитое.

Хотя изъ этихъ документовъ и видно, что въ 1826 г. денежные дѣла Назимовыхъ были не въ особенно блестящемъ положеніи, тѣмъ не менѣе родные Михаила Александровича не давали ему бѣдствовать въ ссылкѣ. Помощь ихъ была настолько существенная, что М. А. былъ вполне обезпеченъ ею и даже помогалъ мѣстнымъ жителямъ и своимъ бѣднымъ товарищамъ ¹⁾. По возвращеніи изъ ссылки онъ также жилъ далеко не бѣднымъ человѣкомъ. Онъ владѣлъ прекраснымъ имѣніемъ Быстрцовымъ, которое въ послѣдніе годы жизни продалъ своему другу, извѣстному богачу Н. О. Фандеролиту.

Относительно І. Поджіо имѣется коротенькое донесеніе Торопецкаго предводителя дворянства Алексѣя Кутузова, сообщившаго, что „въ Торопецкой округѣ жительствоуетъ вдова, совѣтница Гертруда Яковлевна Челищева, родная теща бывшаго шт.-капит. Поджіо, преступника, осужденнаго Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Дочь же ея, бывшая за нимъ въ замужествѣ, покойна, и оставшіяся дѣти находятся у родной матери Поджіо. Она же, г-жа Челищева, имѣетъ пребываніе у родного сына своего, отставнаго подполковника Михайлы Челищева, который имѣетъ достаточное состояніе свое и по устроенному имѣнію свосму доставляетъ ей всѣ средства по спокойной и удовольственной жизни“.

Отъ брака съ Челищевой Поджіо имѣлъ двухъ сыновей, Александра и Льва. Въ описываемое время онъ былъ уже женатъ вторично, на извѣстной красавицѣ Маріи Андреевнѣ Бороздиной, которая, послѣ осужденія мужа, развелась съ нимъ и вышла замужъ за князя Гагарина ²⁾, убитаго впоследствии на Кавказѣ владѣльцемъ Горной Сванетіи, княземъ Дадепкалиани. Мрачная исторія второго брака Поджіо рассказана въ воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго. І. В. Поджіо умеръ въ Иркутскѣ, въ 1848 г. Въ Псковской губерніи до сихъ поръ есть дворяне Поджіо, потомки Іосифа Викторовича отъ перваго брака.

Новоржевскій предводитель дворянства Шушеринъ донесъ, что „бывшему подпор. л.-гв. Измайловскаго полка Кожевникову находится въ живыхъ родной отецъ, отставной чиновникъ 7 класса и кавалеръ Павелъ Александровъ сынъ Кожевниковъ, имѣющій жительство въ С.-Петербургѣ. въ отставкѣ; имѣніе жъ за нимъ, г. Кожевниковымъ, въ Новоржевскомъ уѣздѣ, писанныхъ по послѣдней 7-й ревизіи мужеска пола дворовыхъ людей и крестьянъ 50 душъ, кои и состоятъ подъ запрещеніемъ по начетамъ Провіантскаго Департамента; въ другихъ же губерніяхъ и уѣздахъ за нимъ, господиномъ Кожевниковымъ, никакого имѣнія не состоитъ; по домашнимъ же обстоятельствамъ находится онъ въ бѣдномъ положеніи“.

Нилъ Павловичъ Кожевниковъ былъ сосланъ въ Сибирь, но куда именно, намъ неизвѣстно. Въ 1837 г. онъ былъ переведенъ рядовымъ на Кавказъ. Въ дѣло Декабристовъ былъ замѣшанъ еще другой Кожевниковъ, подпоручикъ л.-гв. гренадерскаго полка, сынъ бывшаго Астраханскаго губернатора. Онъ не былъ преданъ Верховному Уголовному Суду, а прямо переведенъ, въ

¹⁾ Дмитриевъ-Мамоновъ, „Декабристы въ Зап. Сиб.“ стр. 157.

²⁾ Записки кн. М. Н. Волконской, Спб., 1904, стр. 164.

административномъ порядкѣ, тѣмъ же чиномъ въ Иркутскій гарнизонный полкъ ¹⁾). Въ 60-хъ годахъ который-то изъ этихъ Кожевниковыхъ былъ Минскимъ губернаторомъ. Въ некрологѣ Декабристовъ, составленномъ барономъ А. Е. Розеномъ и приложенномъ къ заграничному изданію его Записокъ, Нилъ Павловичъ Кожевниковъ показанъ умершимъ въ 1856 г. Судя по этому, надлежало бы признать, что въ 60-хъ годахъ былъ Минскимъ губернаторомъ другой Кожевниковъ, именно бывший лейбъ-граведеръ; но упомянутый некрологъ не заслуживаетъ, вообще, большого довѣрія.

Холмскій уѣздный предводитель дворянства Муравьевъ представилъ Адеркасу въ подлинникъ письмо отца Декабриста Шаховского, Холмскаго помѣщика, тайнаго совѣтника и кавалера, князя Петра Ивановича Шаховскаго. Вотъ оно.

„Милостивый государь, Николай Александровичъ. Во исполненіе требованій начальства, отъ вашего высокоблагородія мнѣ сообщенныхъ, по высочайшей волѣ, о положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ, въ возможной подробности, ближайшихъ родныхъ тѣхъ преступниковъ, кои были преданы Верховному Уголовному Суду и по приговорамъ осуждены, имѣю честь изложить нижеслѣдующее. Послѣ несчастнаго сына моего, котораго я имѣлъ только одного въ мужескомъ колѣнѣ, остались жена его и малолѣтній сынъ, князь Дмитрій, 6-ти лѣтъ. Она находится теперь у отца своего, князя Щербатаго, въ Москвѣ, и сама подробное и вѣрное положеніе и домашнія обстоятельства свои объяснить можетъ, тѣмъ паче, что по смерти матери его остались у нихъ счеты и документы съ родною его сестрою, а моею дочерью, княжной Прасковьей, нынѣ по мужу Война - Куринской ²⁾, которая по разстроеннымъ обстоятельствамъ несчастнаго брата ея и понинѣ еще не вполне удовлетворена ей принадлежащимъ. Я-жъ въ преклонныхъ лѣтахъ живу теперь съ больною сестрою въ весьма посредственномъ имѣніи моемъ Псковской губерніи, отягощенный скорбію и довольно значительнымъ по состоянію моему партикулярнымъ долгомъ, который съ большимъ трудомъ уплачиваю изъ годового дохода моего, удѣляя себѣ изъ того и на жизненное продовольствіе. Притомъ имѣю интересное дѣло съ камергеромъ Арбеневымъ, 18 лѣтъ продолжающееся, которое довольно извѣстно въ Государственномъ Совѣтѣ по мнѣніямъ онаго, состоявшимся 14 Маія и 18 Августа 1819 и 9 Октября 1822 г. высочайше утвержденнымъ. Оное находится понинѣ въ 8 Департаментѣ Правительствующаго Сената. Но и о семъ не упоминалъ бы я при настоящемъ горестномъ моемъ положеніи, буде бы подробность домашнихъ обстоятельствъ не требовалась отъ меня нынѣ начальствомъ по высочайшей волѣ августѣйшаго, милосердаго и человѣколюбивѣйшаго монарха нашего.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, милостивый государь, вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга князь П. Шаховскій. Село Заостровье, 1826 г., Октября 26 дня“.

¹⁾ Шильдеръ, „Импер. Никол. Первый“, т. I, стр. 774.

²⁾ Въ Москвѣ, въ Скотертномъ переулкѣ, въ приходѣ св. Николая, чтѣ на Курьихъ Ножахъ, донинѣ находится домъ Война-Куринскаго.

Съ 1811 по 1816 годъ Псковскимъ губернаторомъ былъ тайный совѣтникъ, князь Петръ Ивановичъ Шаховской. Полное совпаденіе именъ и чиновъ даетъ право сказать, что это одно и тоже лицо.

Сынъ его Ѳедоръ Петровичъ Шаховской былъ поселенъ, по однимъ свѣдѣніямъ ¹⁾ въ Туруханскъ, по другимъ ²⁾ въ Енисейскъ. Онъ сошелъ съ ума и, по ходатайству родныхъ, былъ возвращенъ въ Европейскую Россію. Впослѣдствіи его заключили въ Суздальскій Спасо-Евфиміевскій монастырь, гдѣ онъ и скончался въ 1834 г. На монастырскомъ арестантскомъ кладбищѣ уцѣлѣла до сихъ поръ его могила ³⁾.

Наконецъ, относительно Декабриста графа Коновницына имѣется донесеніе Опочецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Бороздина, изъ котораго видно, что за его матерью, гр. Анной Ивановной, состоитъ въ Опочецкомъ уѣздѣ въ 470 душахъ имѣніе, „но въ какомъ она положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ, по жительству ея въ городѣ Петербургѣ“ свѣдѣній не имѣется.

Сынъ героя 1812 г., гр. Коновницынъ, запутанный въ дѣло Декабристовъ, былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ, гдѣ и прослужилъ съ 1826 по 1831 г. Въ 1831 г., онъ получилъ 28-ми дневный отпускъ для свиданія съ горячо любимой матерью. Доѣхавъ до Владикавказа, онъ заболѣлъ холерой и скончался ⁴⁾. Товарищъ его, поэтъ кн. Одоевскій, посвятилъ его памяти извѣстные стихи.

Несчастное событіе 14 Декабря отняло у гр. Анны Ивановны не только сына, но и дочь, бывшую замужемъ за М. М. Наргипкинымъ, сосланнымъ въ каторжную работу. Елисавета Петровна послѣдовала за своимъ мужемъ и раздѣляла съ нимъ тяжесть изгнанія. Анна Ивановна объявила своей дворнѣ, что каждый, кто согласится поѣхать въ добровольную ссылку вмѣстѣ съ ея дочерью и пробудетъ тамъ пять лѣтъ, получить вольную со всемъ своимъ семействомъ. Охотниковъ нашлось много, но графиня выбрала 20-ти лѣтнюю дѣвушку Анисью, съ ея братомъ. Прослуживъ условленные пять лѣтъ, Анисья не воспользовалась дарованною свободой, но осталась при своихъ господахъ до конца дней, превратившись изъ слуги въ вѣрнаго, испытаннаго друга ⁵⁾.

Н. Окуличъ-Казаринъ.

¹⁾ „Декабристы, 86 портретовъ“, стр. 264.

²⁾ Записки Якушкина, изд. 2, стр. 141.

³⁾ „Судебныя драмы“, Май 1904 г., стр. 212.

⁴⁾ „Воспоминанія“ Гангеблова, стр. 221.

На грозномъ приступѣ, въ пылу кровавой битвы,
Онъ важной матери нигдѣ не забывалъ.....

⁵⁾ Записки Лорера, „Русскій Архивъ“ 1874 г. кн. 2, стр. 701.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА.

.... Чуть земля коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

Хомяковъ.

Великая княгиня Александра Николаевна род. 12 (24) Юня 1825 г. Она была третьею великою княжною и четвертымъ ребенкомъ императора Николая Павловича. Получивъ прекрасное образованіе подъ руководствомъ поэта Жуковскаго, она росла, любимая родителями, среди лицъ, восхищавшихся ея красотою и находившихся подъ обаяніемъ ея нравственныхъ качествъ ¹⁾).

Плѣнительный образъ великой княжны, такъ неотразимо дѣйствовавшій на современниковъ, цѣлкомъ вылился въ слѣдующемъ ея письмѣ къ Жуковскому, писанномъ весною ²⁾ 1843 г.

«Милый, любезный мой Василій Андреевичъ, пишетъ она своему наставнику. Возможно ли, чтобъ прекрасный сонъ мой однажды получить отъ васъ поэму, точно исполнился! Могла ли я думать, что вы точно еще вспомнили обо мнѣ въ вашемъ мирномъ уголкѣ на берегу

¹⁾ А. О. Смирнова въ письмѣ къ В. А. Жуковскому отъ 2 Октября 1842 г. даетъ вамъ такое описаніе великой княжны: „Ольга Николаевна поблѣднѣла передъ Александрой, которая похорошѣла удивительно и притомъ жива, умна и весела какъ птичка беззаботная“. Рус. Арх. 1902 г. кн. 5, стр. 101.

²⁾ Такъ предполагаетъ П. И. Бартеньевъ, на томъ основаніи, что посвященіе поэмы *Наль и Дамаанти* помѣчено Жуковскимъ (въ печатномъ текстѣ): Дюссельдорфъ 16 (28) Февраля 1843 г. Въ посвященіи этомъ, принадлежащемъ къ лучшимъ произведеніямъ Жуковскаго, поэтъ вспоминаетъ Берлинскіе маскарады и живыя картины 1821 года, въ которыхъ императрица Александра Федоровна, тогда еще великая княгиня, являлась въ сценахъ (изъ поэмы Томаса Мура: *Лалла-Рукъ*) Индѣйскою царевною, проносимою на паланганахъ. Письмо великой княгини сообщено княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ. Рус. Арх. за 1868 г., стр. 107—108.

Рейна, въ первомъ счастіи семейной жизни! Но въ исполненіи вашего обѣщанія узнала я вашу всегдашнюю привязанность къ нашему семейству и ваше Русское сердце. Поэтому благодарю васъ именемъ Россіи за то, что не забыли насъ и почитаю себя счастливою, что мое радостное восклицаніе при слухѣ о намѣреніи вашемъ писать эту поэму могло доставить моей милой родинѣ еще произведеніе ея любимой лиры. Хотя я далека отъ идеала, поразившаго ваши взоры на паланкинѣ, но я постараюсь идти въ слѣдъ ему и постараюсь достигнуть его чистоты сердца, смиренія, и получить вмѣстѣ съ тѣмъ удивительный его даръ распространять счастіе вокругъ себя. Ничто не могло быть мнѣ пріятнѣе, какъ увидѣть образъ этого небеснаго существа во главѣ мнѣ посвященной поэмы. Съ неизглаголанною жадностью начала я читать вашу Дамаанти, и въ каждой строкѣ о васъ думала и мысленно благодарила. Жаль только то, что не могу словесно васъ благодарить, изустно сказать вамъ, какъ мнѣ лестно имѣть отъ Василія Андреевича поэму. Но, надѣюсь, будетъ время, когда желаніе мое исполнится, когда васъ опять увидимъ въ кругу нашемъ съ вашимъ семействомъ».

«Что вамъ сказать про насъ? Мы живемъ въ томъ же блаженномъ счастіи, въ которомъ вы насъ оставили. Семья увеличивается, и вмѣстѣ съ ней и семейныя радости. Надѣюсь, что всегда будемъ жить также, т. е. вѣра въ Бога и въ любви между собою. Чего намъ желать больше?»

О раннихъ лѣтахъ великой княжны находимъ свѣдѣнія въ воспоминаніяхъ А. А. Окуловой, фрейлины при великихъ княжнахъ *). Здѣсь мы находимъ не только интересныя подробности о юности великой княж-

*) Анна Алексѣевна Окулова (род. 3 Сентября 1794 г.) 6 Декабря 1836 года определена фрейлиной и воспитательницей къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, впоследствии королевы Виртембергской; 26 Августа 1837 года пожалована камерфрейлиной. Скончалась 13 Февраля 1861 г. въ Спб. въ Зимнемъ дворцѣ, похоронена въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ. Братъ ея Матвій Алексѣевичъ былъ директоромъ первой Московской Гимназіи, въ которой за время его управленія получили воспитаніе многіе достойнѣйшіе дѣтели. Сестра Елисавета Алексѣевна (въ замужествѣ Дьякова) славилась отличнымъ знаніемъ музыки. Рус. Арх. за 1879 г. кн. 5, стр. 115. О ней, между прочимъ, упоминаетъ А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату, когда сообщаетъ, что на вечерѣ у его дочери княгини Долгорукой пѣла Окулова. Рус. Арх. за 1902 г. кн. 4, стр. 621.—Анна Алексѣевна Окулова, послѣ смерти великой княгини Александры Николаевны, сопровождала Императрицу и великую княжну Ольгу Николаевну въ ихъ поездкѣ въ Палермо, въ 1845 году. См. письмо А. О. Смирновой (урожд. Россети) къ В. А. Жуковскому Августа 19-го 1845 г. Рус. Арх. 1902 г. 5, стр. 116. Ср. письмо графа М. Ю. Вильгорскаго къ В. А. Жуковскому отъ 9 Августа 1844 г. Рус. Арх. 1902 г. № 7 стр. 449 и 450. А. Я. Булгаковъ въ письмѣ къ брату изъ Москвы отъ 19 Января 1831 г. упоминаетъ объ Окуловыхъ, которые были соседями съ имѣніемъ князя Вяземскаго, Остаѣево. Рус. Арх. 1902 г. кн. 1, стр. 47.

ны Александры Николаевны и объ ея, такъ сказать, интимной жизни, но находимъ также разсказъ о вліяніи на великую княжну ея гувернантки-Англичанки и многія подробности.

«У великой княгини Александры Николаевны, когда она была еще маленькая, была няня Англичанка, двѣ гувернантки Англичанки, которыя вышли замужъ и, наконецъ, на 11-мъ году ей взяли опять Англичанку, но только гораздо похитрѣе и посмѣтливѣе ея предшественницъ. Она была дочь умертвившаго себя негоціанта, и братъ ея тѣмъ же кончилъ жизнь: увидя, что дѣла коммерціи идутъ плохо, онъ рѣшилъ, что гораздо лучше перестать жить, нежели покориться волѣ Божіей и пережить богатство. Въ 1836 г., когда я была назначена въ наставницы къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, Англичанка была уже годъ при Александрѣ Николаевнѣ, Ю. О. Баранова при Маріи Николаевнѣ; но сія послѣдняя была главная надъ прочими, и вообще гувернантки не имѣли особенной должности: каждая при своей великой княжнѣ. Одна могла находиться при всѣхъ трехъ, и то та, то другая изъ великихъ княженъ были подъ надзоромъ которой ни попало. Во время классовъ каждая сидѣла у своей великой княжны; но и тутъ, если одна должна была отлучиться къ своимъ роднымъ, или была больна, то оставшаяся располагалась такъ, чтобы наблюдать за всѣми; это впрочемъ случалось очень рѣдко. Въ день моего опредѣленія во дворецъ, 5-го Декабря 1836 года я сдѣлана была фрейлиной, а Баранова гофмейстериной при ихъ высочествахъ; по сему каждая была на своемъ мѣстѣ. Англичанка, какъ хитрая и ловкая особа, подѣхала ко мнѣ съ разсказами: осторожнымъ, но весьма подробнымъ образомъ описала мнѣ всѣхъ съ перваго до послѣдняго и не весьма хорошими красками. Особенно она не щадила мою предшественницу Дункеръ; говорила мнѣ, что она содѣйствовала ея удаленію отъ великой княжны, сама же она хотя годъ находилась при ихъ высочествахъ, но не была очень любима. Во мнѣ великія княжны нашли Русскую, отъ души имъ преданную, веселую женщину и очень меня полюбили, особенно Марія Николаевна, которая тогда не очень терпѣла Баранову, хотя любила ее. Александра Николаевна также любила быть со мною и очень была ласкова. Ольга Николаевна была ко мнѣ всѣхъ холоднѣе; я приписывала сіе къ привязанности, которую она имѣла къ Дункеръ, и это меня огорчало, потому болѣе, что между ними была переписка, и я думала, что такимъ образомъ великая княжна, отдаваясь отъ меня, никогда ко мнѣ не привыкнетъ».

«Такимъ образомъ продолжалось весь 1837 годъ. Государыня съ Маріей Николаевной ѣздили въ Вознесенскъ въ 1837 году, Ольга и

Александра Николаевна оставались одни и очень сблизилась. Тутъ Англичанка смекнула, что ей надо одной управлять умомъ Александры Николаевны и начала отдалять отъ нея вліяніе Барановой; миѣ же говорила, что Баранова такая эгоистка, что кромѣ себя никому добра не сдѣлаетъ; что положеніе ея очень непріятно, что съ нею обходятся очень унизительно (что впрочемъ совсѣмъ была неправда; но такъ какъ она ставила себя слишкомъ высоко, то ей казалось, что ее ставятъ низко), что она проситъ у меня совѣта, что ей дѣлать. Я увѣрила ее, что это только ей такъ кажется и чтобы она лучше терпѣла, что со мною поступали точно также, какъ и съ нею. «Но какая разница: вы все таки Фрейлина!» Не бывъ довольна моимъ совѣтомъ, она начала отъ меня удаляться; и потомъ поѣхала за границу. Тутъ она была совершенно на своей волѣ и думала переимѣнить непріятную ей роль Англичанки. Она совершенно завладѣла умомъ Александры Николаевны, которая между прочимъ возвратилась съ кашлемъ, который очень долго продолжался. Я не знаю, что такое она напѣвала Александрѣ Николаевнѣ, но только съ тѣхъ поръ сія послѣдняя удвоила къ ней атепціи и всегда при всѣхъ старалась показывать, что miss для нея выше всего. Списавъ совершенную довѣренность и любовь Александры Николаевны, ей захотѣлось играть роль. Она начала поддѣлываться къ Фрейлинамъ и такъ хорошо, такъ ловко, что только и слышно было: «Мисинька, Мисинька», что ей весьма правилось; приобрѣла многихъ довѣренность (конечно слегка) и въ эпизодѣ Калиновской*), играла роль покровительницы. Немудрено овладѣть умомъ молодыхъ дѣвицъ. При свободѣ Маріи Николаевны, она тайными интригами получила позволеніе быть на выходахъ. Неслышанная вещь: купчиха при Россійскомъ дворѣ! Но ее подстрекала примѣръ Питтъ, съ которой она завела переписку, окружила себя всѣми Англичанками, коимъ особенно покровительствовала, и все это для того только, чтобы, возвышая ихъ, себя поставить еще выше. Баранову, умомъ которой она совершенно овладѣла, она менажировала для двухъ причинъ: во первыхъ потому, что никакъ не могла ее сшибить, во вторыхъ, что черезъ нее получала

*) Польша Калиновская (сестра которой была за генераломъ Плаутинымъ), предметъ юношеской привязанности Александры Николаевны:

О юныя лѣта
Младаго Наслѣдника...
Ему Калиновскія
Всю душу мутить.
Она бы таковская,
Папаша сердить.

(Стихи Соболевскаго). П. Б.

все, чего не могла получить своими происками; меня же совершенно отдалила отъ Александры Николаевны, такъ что я совершенно перестала къ ней ходить. Скажу, бывало, что нибудь Александръ Николаевнѣ: она тутъ съ своимъ противорѣчіемъ даетъ мнѣ чувствовать, чтобы я оставила ее одну поправлять Александру Николаевну... Взойду ли я зачѣмъ въ комнату къ великой княжнѣ, тотчасъ обращается къ ней и говоритъ: вамъ некогда разговаривать, вамъ надо учиться, давая мнѣ тѣмъ почувствовать, что я тутъ въ комнатѣ лишняя. Надо ли ей куда отлучиться, то вмѣсто того чтобы, какъ по прежнему, попросить меня посидѣть у Александры Николаевны, она пошлетъ просить Ю. В. Литке сидѣть съ ней. Однимъ словомъ я довольно наглядѣлась ея хитростей, и все бы ей простила, ибо для удаленія спора много ей уступала; но когда доходило что нибудь серьезное, то я ей и Барановой про нее говорила смѣло, что ее весьма раздражало; ибо, надѣвая передо всѣми маску, чего она хотѣла, передо мною не могла показываться иначе, какъ и я ее знала. Но вотъ что было несносно и въ чемъ у насъ съ ней была совершенная разладица, это то, что ей хотѣлось всегда унижить достоинство Ольги Николаевны, и она располагала въ комнатахъ всегда такъ, чтобы Ольга Николаевна уступала Александръ Николаевнѣ. Ольга Николаевна дѣлала это весьма часто, потому что нравъ имѣла ангельскій. Несносное слово, ею употребляемое, было: *ma grande-duchesse*. Баранова сказала однажды тоже про Марію Николаевну; я ее остановила, говоря: Какъ вамъ не стыдно говорить такъ, какъ *miss*? Развѣ не всѣ три великія княжны ваши, и зачѣмъ отдѣлять одну отъ другой, какъ будто одну присвоиваете, а другую отвергаете? Съ тѣхъ поръ Баранову отучили говорить: *ma grande-duchesse*, моя великая княжна *)).

Къ этимъ интереснымъ воспоминаніямъ можно добавить не менѣе интересныя воспоминанія баронессы Маріи Петровны Фредериксъ, которая выросла въ семьѣ императора Николая Павловича, а потому ея воспоминанія представляютъ намъ еще большій интересъ и являются еще болѣе достовѣрными, чѣмъ всѣ прочія воспоминанія. «Самое мое свѣтлое воспоминаніе дѣтства, говоритъ баронесса Фредериксъ, которое навсегда осталось запечатлѣннымъ въ моей памяти, это когда я присутствовала на утреннихъ завтракахъ членовъ царской семьи. Всѣ они собирались каждый день къ августѣйшей матери пить кофе. Что это была за картина, Боже мой! Во первыхъ, три красавицы великія княжны, Марія, Ольга и Александра Николаевны, прелестныя, полныя обая-

*) Выдержка изъ Записокъ А. А. Окуловой. Рус. Арх. 1896 г. кн. 4, стр. 610—613.

нiя, всякая въ своемъ родѣ. Потомъ великiя князья одинъ лучше другаго. Какая дружба между ними была! Какая радость видѣться снова утромъ! Всѣ были такъ веселы, такъ счастливы, окружали родителей съ такой любовью, безъ малѣйшей натяжки. Тутъ императоръ Николай Павловичъ былъ самый нѣжный отецъ семейства, веселый, шутильвый, забывающiй все серьезное, чтобъ провести спокойный часокъ среди своей возлюбленной супруги, дѣтей, а позже и внуковъ. Императоръ Николай I отличался своей любовью и почтенiемъ къ женѣ и былъ самый нѣжный отецъ. А какую любовь умѣлъ онъ внушать и своему семейству и приближеннымъ! Правда онъ сохранялъ всегда и во всемъ свой внушительно-величественный видъ, и когда заслышишь, напримѣръ, его твердые приближающiеся шаги, сердце всегда забьется отъ какого-то невольнаго страха; но это чувство такъ перемѣшивалось съ чувствомъ счастья его увидеть, что въ тебѣ происходило что-то такое, что трудно выразить и ни съ чѣмъ сравнить нельзя; а когда онъ милостиво посмотритъ и улыбнется своими, полными обаянiя, взглядомъ и улыбкой, притомъ скажетъ нѣсколько словъ, то, право, осчастливитъ надолго *).

Не менѣе радостенъ былъ канунъ Рождества Христова для царственной семьи. Въ сочельникъ у императрицы устраивалась елка. Этотъ обычай императрица Александра Феодоровна перенесла изъ своей родины—Пруссiи въ свое новое отечество—Россiю. У насъ онъ привился и пустилъ глубокiе корни. Всѣ приглашенные, какъ дѣти, такъ и взрослые, въ томъ числѣ и царскiя дѣти, собирались во внутреннихъ покояхъ Ея Величества, и здѣсь около закрытыхъ дверей концертнаго зала или ротонды въ Зимнемъ дворцѣ, въ которыхъ обыкновенно происходила елка, всѣ съ нетерпѣнiемъ ожидали, пока императрица осмотритъ все ли находится въ порядкѣ въ комнатѣ, гдѣ находилась елка. Вдругъ раздается звонокъ, двери распахиваются, и всѣ бѣгутъ съ шумомъ и гамомъ въ освѣщенный тысячею свѣчами залъ, перегоняя по дорогѣ другъ друга, чтобы первымъ попасть въ завѣтный залъ. Государь, царскiя дѣти и нѣкоторыя дѣти изъ приглашенныхъ имѣли каждый свой столъ съ елкой, убранною разными подарками. Императрица сама подводила каждого къ назначенному столу и давала подарки; потомъ входили въ другую залу, гдѣ былъ приготовленъ большой, длинный столъ, украшенный разными изящными фарфоровыми вещами съ Императорской Александровской мануфактуры. Здѣсь разыгрывалась лотерея для всей свиты; обыкновенно Государь выкрики-

*) Историческiй Вѣстникъ 1898 г. т. 71, Янв., стр. 64.

валъ карту, и выигравшій подходилъ къ ея величеству и получалъ свой выигрышъ-подарокъ изъ ея рукъ» ¹⁾.

Не менѣе интересно воспоминаніе баронессы Фредериксъ 1837 года, которое врѣзалось ей въ память, хотя ей было всего пять лѣтъ, по случаю пожара Зимняго дворца; нужно замѣтить, что приблизительно за недѣлю до Рождества и «большой» елки устраивалась въ какой нибудь избранный день «маленькая елка» (le petit Noël) у великихъ княженъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ; на этой маленькой елкѣ юныя великія княжны и малолѣтніе великіе князья дарили другъ другу разныя бездѣлушки. И вотъ въ 1837 году le petit Noël пришелся на 17-ое Декабря. На этой елкѣ были: кромѣ Маріи Петровны Фредериксъ, ея сестра Софья, братъ Сергѣй и подруга дѣтства Александры Николаевны, графиня Анна Михайловна Віельгорская. По окончаніи дѣтскаго праздника дѣтей (т. е. Николая и Михаила Николаевичей ²⁾) и баронессу Марію Петровну Фредериксъ повели пить чай въ дѣтскую великихъ князей. За столсмъ сидѣла и разливала чай старшая няня, Англичанка Марія Васильевна Кайсовская, которую звали Мими и которая была въ большемъ почетѣ у императорской фамилии, такъ какъ вынянчала всѣхъ царскихъ дѣтей, начиная съ великаго князя Александра Николаевича. «Вотъ эта старушка Мими, какъ вчера помню, говоритъ за чаемъ входившему лакею: что это такъ гарью пахнетъ? вѣрно, у тебя что нибудь на сапогахъ». Лакей осматривается и отвѣчаетъ: «никакъ нѣтъ-съ, не могу знать». По окончаніи чая баронессу Фредериксъ отправили домой и уложили спать; это было приблизительно между 8-ю и 9-ю часами вечера. Оказывается, что когда пили чай у великихъ князей, и старушка Мими чувствовала запахъ гари, то дворецъ уже горѣлъ, но никто этого не подозрѣвалъ. «Впрочемъ, замѣчаетъ баронесса Фредериксъ, потомъ говорили, что балки уже тлѣли за нѣсколько дней до того. Послѣ моего отъѣзда, великихъ князей уложили спать, а часа черезъ два пламя показалось уже снаружи, такъ что сестра моя и графиня Віельгорская находились еще у великихъ княженъ при первой тревогѣ пожара» ³⁾.

«Какъ извѣстно, въ молодости Николай Павловичъ обладалъ звучнымъ баритономъ, а потому самъ часто пѣлъ, становясь на клиросѣ съ пѣвчими. Эту любовь къ пѣнію унаслѣдовали вмѣстѣ съ пѣвчимъ голосомъ отъ своего отца и великія княжны, которыя тоже пѣли за

¹⁾ Историческій Вѣстникъ 1898 г. т. 71, Январь, стр. 65.

²⁾ Николаю Николаевичу было 6 лѣтъ, а Михаилу Николаевичу 5 лѣтъ.

³⁾ Историческій Вѣстникъ 1898 г. т. 71, Янв., стр. 66 и 67.

обѣднею, а великая княжна Александра Николаевна, кромѣ того, покровительствовала маленькимъ пѣвчимъ, а потому ей былъ сшитъ ихъ малиновый кафтанъ. Этотъ костюмъ хранится въ придворной пѣвческой капеллѣ, въ витринѣ, стоящей въ концертномъ залѣ¹⁾.

По достиженіи великой княжной 19-ти лѣтняго возраста стали думать о выходѣ ея замужъ и о пріисканіи ей подходящаго жениха. Это было сдѣлать тѣмъ удобнѣе, что въ это время довольно долго проживала въ Россіи ландграфиня Гессенъ-Кассальская Луиза Шарлотта (род. 30-го Октября 1789 г. † 28 Марта 1864 г.) принцесса Датская, сестра короля Датскаго Христиана VIII Фридриха (род. 18 Сентября 1786 г. † 20 Января 1848 г.) и дочь наслѣднаго принца Датскаго Фридриха (род. 11-го Октября 1753 г. † 7 Декабря 1805 г.) и его жены принцессы Софіи Фредерики Мекленбургъ-Шверинской († 29 Ноября 1794 г.).

При участіи ландграфини претендентомъ на руку великой княжны Александры Николаевны явился сынъ ея Фридрихъ (Вильгельмъ-Георгій-Адольфъ, род. 26 Ноября 1820 г.²⁾). Бракъ ихъ состоялся 16 (28³⁾ Января 1844 года, по новому стилю; принцъ Фридрихъ былъ генераль-маіоромъ въ Датской службѣ и шефомъ Маріупольскаго гусарскаго полка въ Россіи.

По поводу этого брака приведемъ довольно интересный эпизодъ.

«Передъ тѣмъ какъ заключить брачный договоръ, обычай требуетъ, чтобы отъ двора жениха посланъ былъ делегатъ для подписи этого договора. Владѣтельный принцъ Гессенскій, объявивъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ брака молодого принца Фридриха съ Русскою великой княжной, не захотѣлъ однако посылать кого бы то ни было для подписи брачнаго контракта. Это отступленіе отъ всѣми принятыхъ и соблюдаемыхъ правилъ въ данномъ случаѣ оскорбило Государя. Графъ Бенкендорфъ осмѣлился замѣтить, что вѣроятно принцъ Гессенскій не забылъ обиды, нанесенной ему во время путешествія Его

¹⁾ Тамъ же стр. 76.

²⁾ Въ письмѣ графа М. Ю. Вильгорскаго къ В. А. Жуковскому изъ С.-Пб. отъ 22 Августа (3 Сентября) 1843 г., мы находимъ указаніе на время помолвки великой княжны, состоявшейся въ Августѣ мѣсяцѣ 1843 г. Вильгорскій сообщаетъ, что „объявлена помолвка Александры Николаевны за принца Гессенскаго, сына принца Вильгельма, Копенгагенскаго генерала-губернатора и въ отдаленномъ времени наслѣдника трона Датскаго и Гессенкассельскаго“. Рус. Арх. 1902 г. 7, стр. 444.

³⁾ По новому стилю.

Величества въ чужіе края и поспѣшили напомнить Государю этотъ случай: по прїездѣ Его Величества въ Фульду, почетный караулъ, во главѣ котораго стоялъ самъ принцъ, былъ помѣщенъ противъ дома, приготовленнаго для августѣйшаго путешественника. Государь, недовольный такой оглаской, которой онъ вовсе и не ожидалъ, отказался отъ почетнаго караула и не принялъ его шефа. Государь съ сожалѣніемъ вспомнилъ объ этомъ случаѣ¹⁾.

Характеристику принца мы находимъ у В. А. Муханова, который говоритъ: «Принцъ Гессенскій, женихъ дочери Государя, очень прїятной наружности, средняго роста, хорошо сложенъ и съ ласковой улыбкой. По моему, онъ нѣсколько быстръ въ своихъ движеніяхъ, но это зависитъ отъ лѣтъ, и нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ нашихъ великихъ князей дастъ его манерамъ то полное величія спокойствіе, которое ихъ такъ отличаетъ»²⁾ (съ Франц.).

Князь А. В. Мещерскій, какъ очевидецъ, описываетъ великую княгиню Александру Николаевну слѣдующимъ образомъ: «Великая княжна Александра Николаевна, во время своего вѣнчанія и на всѣхъ праздникахъ, сопровождавшихъ объ высочайшія свадьбы³⁾, представлялась на мой взглядъ и по мнѣнію многихъ какимъ-то волшебнымъ призракомъ или, лучше сказать, какимъ-то существомъ не отъ міра сего... Весь ея идеальный обликъ составлялъ нѣчто среднее между земной и небесной красотой. Ничего подобнаго этому величественному и свѣтлому образу я никогда нигдѣ не видалъ, хотя немало прожилъ на бѣломъ свѣтѣ. Такова была она—это неземное существо, съ того момента, когда она явилась намъ во дворцѣ, въ бѣлой подвѣнечной одеждѣ, съ голубой Андреевской лентой черезъ плечо, сопровождаемая величественнымъ отцомъ, который велъ ее въ церковь. И такова она, неземною, сошла въ могилу менѣе года послѣ своей свадьбы... Но, по моему мнѣнію, великая княжна Александра Николаевна стояла выше своихъ сестеръ въ этомъ отношеніи, (т. е. по красотѣ) потому что ея

¹⁾ Дневныя записки В. А. Муханова 1836—1855, переводъ съ Французскаго. 10 Января 1843 г. Рус. Арх. 1897 г. кн. 2, стр. 285.

²⁾ Изъ дневника В. А. Муханова. 3 Января 1843 г. Рус. Арх. 1897 г. кн. 2, стр. 284.

³⁾ Великая княжна Елисавета Михайловна, вторая дочь великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны, вышла замужъ 19 (31) Января 1844 года за герцога Адольфа Нассаускаго, тогда еще владѣтельнаго. Въ честь этихъ двухъ свадебъ у нихъ величество было дано великолѣпное представленіе всего „Оберона“ (Вебера) съ пантомимой и танцами (изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредераксъ. Историческій Вѣстн. 1898 г. Январь, т. LXXI, стр. 86).

красота была неземная, какъ существа, обреченнаго Провидѣніемъ пожить этотъ міръ въ самыхъ юныхъ своихъ годахъ»¹⁾.

Но недолго продолжалось семейное счастье великой княгини. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы ее постигла болѣзнь, сведшая въ могилу. Она какъ бы сама предчувствовала, что ея семейное счастье не будетъ продолжительно. Передъ свадьбою она заноситъ въ свой дневникъ отъ 29 Іюня 1843 г. слѣдующія грустныя строки:

«Кончаю этотъ дневникъ, и странно, что въ тоже время оканчиваю и мое дѣвическое существованіе. Это молодое существованіе было очень прекрасно и очень счастливо. Я не знала горя. Богъ и любящіе меня люди помогли мнѣ заpastись нужнымъ для моей будущности. Она раскрывается теперь передо мною, какъ заря прекраснаго дня. Облака, которыми она обложится, пусть разсѣются прежде вечера, и вечеръ жизни моей да будетъ похожъ на его зарю. Господи, помогай мнѣ!»²⁾

О началѣ болѣзни, первыхъ ея симптомахъ, сообщаетъ также Окулова.

«9-го Мая 1844 года ужасное время, говоритъ Окулова въ своихъ Запискахъ. Никто изъ приближенныхъ не подозрѣвалъ отъѣзда Императора въ Англію, а полагали, что онъ отправится въ Киссингенъ для пользованія минеральными водами. Императрица съ великой княгиней Ольгой Николаевной, Тизенгаузенъ, Нелидовой и мною должна была 20-го Мая ѣхать въ Берлинъ безъ всякой извѣстной причины. Сіе путешествіе казалось тѣмъ страннѣе, что великая княгиня Александра Николаевна должна была остаться безъ нея нѣсколько времени и послѣ того отправиться въ новое свое отечество Данію. Здоровье ея подавало большія опасенія: рвоту приписывали беременности, а кашель ея, продолжавшійся уже годъ, никакъ не переставалъ. 9-го числа къ вечеру въ 12 часовъ, Государь пришелъ проститься съ великой княжной Ольгой Николаевной и просилъ ее, чтобы «она въ Берлинѣ успокаивала Государыню, а если паче чаянія здоровье Александры Николаевны не возстановится и императрица вздумаетъ остаться, то чтобы она не предавалась преждевременной грусти».

Съ отъѣзда Государя Александра Николаевна постепенно и почти незримѣтно ослабѣвала. Маркусъ, докторъ приходящій, Раухъ, докторъ

¹⁾ Воспомин. кн. Мещерскаго Русск. Арх. 1901 г., 3, стр. 490 и 491.

²⁾ Рус. Арх. за 1889 г. кн. 3, стр. 405 и 406. Эта выписка изъ дневника великой княгини сохранилась въ числѣ бумагъ, принадлежавшихъ Ѳ. П. Литке, и опубликована родственникомъ его Федоромъ Адольфовичемъ Оомомъ.

лѣчащій; пригласили Мандта, доктора ихъ величества, къ которому Александра Николаевна, по вліянію Гигенботомъ ¹⁾, чувствовала отвращеніе; но тутъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Государю, позволила Мандту придти къ себѣ. Онъ ее осмотрѣлъ, разспросилъ, подписалъ свое мнѣніе съ мнѣніемъ двухъ другихъ докторовъ и отправился въ Киссингенъ. Тутъ начались разные толки. Иные говорили, что Мандтъ ее осудилъ, другіе оспаривали; но настоящее было то, что сказали; легкія дѣйстви-тельно повреждены и если дитя, которымъ она беременна, отъ слабости матери не окрѣпчаетъ и родится прежде времени, то здоровье великой княгини будетъ въ большой опасности. Она между тѣмъ была то слаба, то покрѣпче, судя по кашлю и рвотѣ, которые ее не оставляли, но мучали съ постояннымъ упорствомъ. Государыня, откладывая свою поѣздку на нѣкоторое время, все еще не оставляла намѣренія ѣхать; наконецъ, великая княжна Ольга Николаевна, видя, что сестрицѣ ея не легче, хотя и сама никакой опасности не видала, уговорила Государыню ѣхать не прежде Александры Николаевны и, кажется было положено ѣхать вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ узнали, что Государь поѣхалъ въ Лондонъ. Всѣ продолжали веселиться, гулять, ѣздили вер-хами въ Павловскъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Въ Петербургѣ умножали опасность Александры Николаевны. Въ совершенной увѣренности, что болѣзнь происходитъ отъ беременности, принцъ Фредерикъ съ прочими находился на гуляньѣ и въ кабриолетъ свой приглашалъ иногда М. В. Столыпину или сестру ея О. В. Устинову. Сія невинная во всѣхъ отношеніяхъ прогулка навлекла большое нареканіе на принца и очень дурно расположила къ нему сердца всѣхъ. Начали говорить, что онъ не любитъ великую княгиню, что онъ съ ней не бываетъ и что отъ того она чахнетъ. Судя по наружности, извинительно, что такъ судила публика; но тотъ, кто зналъ подробно настоящій ходъ дѣлъ, зналъ и истинную правду».

Нѣкоторыя свѣдѣнія о болѣзни Александры Николаевны мы находимъ въ письмѣ Жуковскаго по поводу смерти великой княгини Елисаветы Михайловны ²⁾, о которой въ публикѣ въ Петербургѣ распространился слухъ, что она померла отъ падучей болѣзни. Вотъ по поводу то этого слуха Жуковскій и пишетъ письмо графу М. Ю. Вельгорскому отъ 21 Февраля (5 Марта) 1845 года, и изъ этого письма мы узнаемъ, чѣмъ болѣла Александра Николаевна: «Какой глупый болтунъ Петербургъ! Падучая болѣзнь!! И въ поминѣ ея не бывало, но просто

¹⁾ Своей Англійской гувернантш.

²⁾ Скончалась 16 Января 1845 года.

совершенно тоже, что погубило свѣжую, молодую жизнь великой княгини Александры Николаевны: чахотка, начавшаяся еще прежде замужества. По раскрытіи тѣла оказалось, что одно легкое было совершенно уничтожено и что печень была такъ огромна, что съ одной стороны жало сердце, въ которомъ происходили отъ сего часто жестокія судороги, а въ другой давило желудокъ, что дѣлало беременность несказанно мучительною. Ей нельзя было долго жить, еслибъ она и родила благополучно. Но падучей болѣзни и признака никогда не бывало. Все это, я думаю, уже извѣстно родителямъ, ибо имъ посланъ былъ подробный протоколъ вскрытія тѣла. Прошу о томъ, что пишу, не говорить, это не нужно: можетъ быть, не хотятъ, чтобы всѣ эти подробности были извѣстны». Рус. Арх. 1902 г. № 7, стр. 458.

О послѣднихъ минутахъ жизни великой княгини Александры Николаевны и о родившемся принцѣ Вильгельмѣ мы находимъ интересныя подробности въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ ¹⁾ и въ архивѣ Царско-сельской Лютеранской церкви (собственно о рожденіи принца ²⁾).

Въ Субботу 29 Іюля 1844 г. въ 8 часовъ утра великая княгиня Александра Николаевна причастилась Св. Даровъ, принесенныхъ протоіереемъ Бажановымъ изъ походной церкви, въ присутствіи ихъ величества и принца Фридриха Гессенскаго, ея супруга, находившихся въ кабинетѣ Императрицы, гдѣ въ продолженіе болѣзни своей помѣщалась ея высочество. Въ столовой же Ея Величества находились: Цесаревичъ съ супругою, великій князь Михаилъ Павловичъ, великія княжны Марія и Ольга Николаевны, в. герцогиня и принцесса Мекленбургъ-Шверинская ³⁾,

¹⁾ Приношу глубокую признательность г. министру Императорскаго Двора баронау Владимиру Борисовичу Фредериксу за любезное разрѣшеніе воспользоваться драгоценными свидѣніями Камеръ-фурьерскаго журнала за 1844 г., а также завѣдывавшему Общимъ Архивомъ Министерства покойному Аватолію Викторовичу Половцову.

²⁾ Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность пастору Царскосельской лютеранской церкви Александру Александровичу Добберту за сообщеніе мнѣ свидѣній устныхъ и письменныхъ изъ архива церковнаго.

³⁾ Великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская Фредерика-Вильгельмина-Александрина-Марія-Елена родилась 23 Февраля 1803 г., дочь короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма III (слѣдовательно, сестра Императрицы Александры Федоровны), вышла замужъ 25 Мая 1822 г. за великаго герцога Павла-Фридриха и овдовѣла 7 Марта 1842 г., а принцесса Мекленбургъ-Шверинская была, вѣроятно, Люиза-Марія-Елена, ея дочь, род. 17 Мая 1824 года, которая впоследствии вышла замужъ (20 Октября 1849 г.) за Гюга-(Нугез)-Альореда-Адольва-Филиппа (род. 26 Мая 1823 г.) генералъ-маіора Австрійской службы, сына Веранда, принца Виндишъ-Грецъ (Windischgrätz), Австр. камергера (род. 31 Мая 1790 г. † 28 Октября 1867 г.); принцесса Люиза умерла 9 Марта 1859 года, мужъ ея женился вторично на княгинѣ Радзивилль.

герцогъ Лейхтенбергскій ¹⁾, принцы Александръ Гессенскій ²⁾ и Христіанъ Гольштейнскій ³⁾).

Въ четверть десятаго великая княгиня Александра Николаевна разрышилась преждевременно отъ бремени сыномъ, «которому протопресвитеромъ Бажановымъ прочтена была молитва и наречено имя Вильгельмъ».

«Вскорѣ за симъ ⁴⁾ новорожденный по обряду лютеранскаго вѣроисповѣданія былъ окрещенъ пасторомъ лютеранской Царскосельской церкви Авенариусомъ въ столовой предъ кабинетомъ комнатъ».

Въ Царскосельской лютеранской церкви существуетъ преданіе, что 29 Іюля 1844 года рано утромъ пасторъ Авенариусъ былъ потребованъ во дворецъ. Онъ счелъ нужнымъ прежде чѣмъ явиться во дворецъ выбриться, но спѣшиа побриться порѣзалъ себя, а потому не могъ прибыть тотчасъ же по приглашенію. Такъ какъ родившійся младенецъ былъ очень слабъ, то предложили императору Николаю Павловичу самому окрестить своего внука по лютеранскому обряду. Николай I-й какъ строгій блюститель закона, не могъ поручить совершеніе этого таинства православному священнику, за другимъ же пасторомъ не было времени посылать. По лютеранскому же обряду крестить можетъ всякій, даже не христіанинъ; для законности акта требуется только прочтеніе всѣхъ молитвъ, положенныхъ въ лютеранскомъ требникѣ при крещеніи. Преданіе это имѣетъ свою преемственность; о немъ передавалъ нынѣшнему пастору Царскосельской церкви прежній оберъ-пасторъ Дальтонъ. Какъ бы въ подтвержденіе этого преданія мы находимъ въ церковной книгѣ Царскосельской лютеранской церкви подъ 29 Іюля запись, что въ 10 часовъ 15 минутъ утра пасторъ Авенариусъ утвердилъ (bestätigt) актъ крещенія во дворцѣ. Изъ этой записи Авенариуса можно вывести слѣдующее заключеніе: такъ какъ пасторъ только утвердилъ своею подписью актъ крещенія, то слѣдовательно ребенокъ былъ окрещенъ до него, императоромъ ли Николаемъ Павловичемъ, или кѣмъ либо другимъ по лютеранскому обряду. Запись пастора Авенариуса стоитъ од-

¹⁾ О герцогѣ Лейхтенбергскомъ см. ниже.

²⁾ Сынъ великаго герцога Гессенскаго, принцъ Александръ Людвигъ-Христіанъ-Георгъ-Фридрихъ-Эмиль род. 15 Іюля 1823 г. братъ Цесаревны, будущей Императрицы Маріи Александровны, женатъ съ 28 Октября 1851 г. на Юліи, принцессѣ Баттенбергской, род. 12 Ноябр. 1825 г., дочери графа Маврикія Гауке (de Haucke). Ихъ сынъ принцъ Александръ Баттенбергскій былъ первымъ княземъ Болгаріи.

³⁾ Впослѣдствіи король Датскій Христіанъ IX. О немъ см. ниже.

⁴⁾ Пасторъ Авенариусъ отмѣтилъ, что въ четверть одинадцатаго онъ былъ окрещенъ императоромъ Николаемъ по лютеранскому обряду.

нако въ противорѣчїи съ вышеприведенными словами камеръ-фурьерскаго журнала. Объяснить такое различіе довольно затруднительно. Во всякомъ случаѣ, предпочтеніе въ степени достовѣрности на сторонѣ камеръ-фурьерскаго журнала, записи котораго, прежде чѣмъ поступить на храненіе, представляются Государю для прочтенія, что категорически говорить о точности содержащихся въ журналѣ свѣдѣній. Пасторъ Авенаріусъ могъ принять за актъ крещенія, что протопресвитеръ Бажановъ далъ ребенку молитву и нарекъ имя и могъ ограничиться только обливаніемъ ребенка (по обряду же православной церкви въ актѣ крещенія существенное значеніе имѣеть погруженіе въ воду, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ—обливаніе, какъ это допускается въ Западномъ краѣ, хотя по православному обряду и незаконно). Такимъ образомъ Авенаріусъ, принявъ молитву, данную Бажановымъ младенцу, за прочтеніе молитвъ, положенныхъ по лютеранскому обряду, ограничился подтвержденіемъ таинства крещенія. И въ дальнѣйшемъ мы находимъ нѣкоторыя противорѣчїя въ записи пастора Авенаріуса и камеръ-фурьерскаго журнала. Такъ въ журналѣ говорится, что воспріемниками новорожденного принца были: 1, Ихъ Величества, 2, Ландграфъ Гессенскій и его супруга*), 3, принцесса Люиза и принцъ Христіанъ Гольштейнъ-Зонденбургъ-Глюксбургскій. Между тѣмъ пасторъ Авенаріусъ воспріемниками записалъ слѣдующихъ лицъ: 1, Его Величество, Самодержецъ Всероссійскій Николай Павловичъ, 2, его великогерцогская свѣтлость ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій, 3, Ея королевское высочество ландграфиня Вильгельмина Гессенская, урожденная принцесса Датская. По всѣмъ вѣроятїямъ пасторъ Авенаріусъ смѣшалъ имя ландграфини Гессенской съ именемъ ея дочери, которая называлась *Люиза-Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлія* и была женою принца Христіана Шлез-

*) Ландграфъ Вильгельмъ род. 24 Декабря 1787 г. † 5 Сентября 1867 г. Мать его Каролина Поликсена принцесса Нассаузгенъ, род. 4 Апрѣля 1762 г. † 18 Августа 1823 г. про нее Фридрихъ Великій говорилъ *femina aequi, anima viri*, (т. е. по природѣ женщина, по душѣ мужчина), генералъ-лейтенантъ Датской службы, шефъ пѣхотнаго полка и губернаторъ г. Копенгагена, женатъ 10 Ноября 1810 г. на принцессѣ Люизѣ *Шарлотъ*, род. 30 Октября 1789 года, дочери Фридриха, наследнаго принца Датскаго и сестры короля Датскаго. Ихъ дочь была принцесса *Люиза Вильгельмина-Фредерика-Каролина-Августа-Юлія* род. 7 Сентября 1817 г., замужемъ съ 26 Мая 1842 г. за Христіаномъ принцемъ Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскимъ, род. 8 Апрѣля 1818 г. (сынъ Фридриха-Вильгельма-Павла-Леопольда род. 4 Января 1786 г. † 17 Февраля 1831 г. и Люизы-Каролины принц. Гессенской), вступилъ на Датскій престолъ подъ именемъ Христіана IX 15 Ноября 1863 г. на основаніи Лондонскаго трактата отъ 8 Мая 1852 г. и на основаніи Датскаго закона о престолонаслѣдіи отъ 31 Іюля 1853 г. Королева Люиза умерла 17 Сентября 1898 г., а супругъ ея король Датскій Христіанъ IX умеръ 16 Января 1906, на 88 году жизни.

вигъ-Годьштейнъ-Зондербургъ-Глюксбургскаго, какъ о томъ и упомянуто въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ.

Въ 45 минутъ одинадцатаго новокрещенный младенецъ принцъ Вильгельмъ скончался въ той же комнатѣ. Такимъ образомъ новорожденный принцъ жилъ на свѣтъ всего 90 минутъ или полтора часа. Въ 20 минутъ пятаго часа пополудни великая княгиня Александра Николаевна «въ вышепомянутомъ кабинетѣ представилась отъ сея временныя жизни въ вѣчное блаженство». При кончинѣ ея присутствовали Государь и Государыня, Цеслѣдникъ съ супругою, великіе князья Константинъ Николаевичъ ¹⁾ и Михаилъ Павловичъ, великіе княжны Марія и Ольга Николаевны, великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская со своею дочерью, герцогъ Лейхтенбергскій ²⁾, принцъ Петръ Ольден-

¹⁾ Николай и Михаилъ Николаевичи въ сіе время не присутствовали, отмѣчено въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ.

²⁾ Родоначальникомъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ былъ Евгений Богарне, сынъ Жозефины, графини Богарне, императрицы Французской и пріемный сынъ Наполеона Бонапарте, вице-король Итальянскій, принцъ Венеціанскій и наследственный великій герцогъ Франкфуртскій; послѣ паденія Наполеона, принцъ Евгений поселился въ странѣ своего тестя короля Максимилиана Баварскаго (умер. 13 Октября 1825 г.), на дочери котораго Августъ-Амалия (род. 21 Юни 1788 г. † 13 Мая 1851 г.) былъ женатъ съ 14 Января 1806 г. Въ 1817 г. 15 Октября король Баварскій пожаловалъ своему зятю титулъ герцога Лейхтенбергскаго и принца Эйхштедскаго съ названіемъ королевскаго высочества и съ признаніемъ за его родомъ первенства среди княжескихъ родовъ Баварской монархіи. Новопожалованному герцогу было указано мѣсто непосредственно за принцами королевской фамилии. Герцогство Эйхштедское было уступлено ему за 5 мил. франковъ. Сдѣлка эта являлась результатомъ предварительныхъ переговоровъ между государями коалиціи по трактату 11 Апрѣля 1814 года, по которому полагалось создать этому принцу положеніе, какъ только политическія обстоятельства то позволятъ. За принцемъ же остались его земли въ Италіи, а также его частная собственность во Франціи и Америкѣ. Королевское повелѣніе, по которому принцу Евгению передавался титулъ герцога Лейхтенбергскаго и принца Эйхштедскаго гласило, что вся почести, права и привилегіи, сопряженныя съ этими двумя титулами, будутъ принадлежать его дому навсегда; въ то же время удостоверялось, что титулъ святости (le titre d'Altesse Sérénissime) будетъ принадлежать всѣмъ его потомкамъ, что титулъ герцога будетъ принадлежать только старшему въ родѣ, и что остальные дѣти будутъ носить титулъ принцевъ и принцессъ Лейхтенбергскихъ и Эйхштедскихъ. Другимъ королевскимъ повелѣніемъ отъ 26 Мая 1818 г. герцогъ Лейхтенбергскій и его потомки въ правахъ первородства были объявлены первыми наследственными пэрами (Reichsräthe) Баварской короны. Герцогъ Евгений умеръ въ Мюнхенѣ 24 Сентября 1824 г. Его сынъ Августъ (род. 9 Декабря 1810 г.) отказался отъ всѣхъ правъ на герцогство Эйхштедское, оставивъ за собою всѣ другія прерогативы своей семьи. Онъ женился 1 Декабря 1834 г. заочно и 26 Января 1835 г. лично на королевѣ Португальской Доннѣ Маріи и принялъ титулъ принца Португальскаго и званіе пэра и главнокомандующаго войсками королевства. Онъ умеръ уже 28 Марта 1835 г.

бургскій *), принцъ Фридрихъ Гессенъ Кассельскій, супругъ ея высочества, въ Бозѣ почившей великой княгини, принцъ Александръ Гессенскій и принцъ Христіанъ Гольштейнскій.

Трогательное описаніе послѣднихъ минутъ жизни усопшей мы имѣемъ въ письмѣ А. О. Смирновой (урожденной Россети) къ В. А.

„не будучи въ состояніи удовлетворить Донну Марію“. Ему наследовалъ съ 28 Марта 1835 г. подъ регентствомъ матери братъ *Максимиліанъ*, Іосифъ, Евгений, Августъ-Наполеонъ, род. 2 Октября 1817 г. 1) Онъ женился 14 (2) Юля 1839 г. на великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ (род. 18 (6) Августа 1819 г.) и получилъ при свадьбѣ титулъ Императорскаго Высочества. Обрученіе ихъ было 4 Декабря ст. с. 1838 г. въ Эрмитажѣ. Императоръ пожеловалъ герцогу Лейхтенбергскому Андрею Первозваннаго, что дало ему, по словамъ Дивова, право на чинъ генераль-лейтенанта (Дневникъ П. Г. Дивова, 23 Октября 1838 г. Русск. Стар. 1902 г., т. 110, Юль, стр. 650 и т. III, Сентябрь, стр. 646). Его сестра принцесса Жозефина, род. 14 Марта 1807 г., была замужемъ за наследнымъ принцемъ Шведскимъ Оскаромъ, род. 4 Юля 1799 г. (сыномъ короля Шведскаго Карла XIV) впоследствии король Шведскій † 3 Юля 1859 г.; 2) Принцесса Евгения род. 13 Декабря 1808 г. † 1 Сентября 1847 г., была замужемъ за наследнымъ принцемъ Фридрихомъ-Гогенцоллернъ-Гехвингенъ, род. 16 Февр. 1801 г.; 3) Принцесса Амелія род. 31 Юля 1812 г., замужемъ съ 17 Октяб. 1829 г. за императоромъ Бразильскимъ Донъ-Педро I, овдовѣла 24 Сентября 1834 г.; 4) Принцесса Теодолinda-Люиза-Евгенія-Наполеонна род. 13 Апр. 1814 г., вышла замужъ 8 Февраля 1841 г. за Вильгельма грава Виртембергскаго. Тетка герцога Максимиліана Гортензія-Евгенія, герцогиня Сентъ Лё (St. Leu), дочь императрицы Жозефины, род. 10 Апр. 1783 г., замужемъ съ 3 Января 1802 г. за Людовикомъ Бонапартомъ, королемъ Голландскимъ, род. 2 Сентября 1778 г., ум. въ 1845 г.

*) Принцъ Константинъ-Фридрихъ-Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій род. въ Ярославлѣ 14 Августа 1812 года, былъ вторымъ сыномъ состоявшаго на Русской службѣ принца Петра-Фридриха-Георга Гольштейнъ-Ольденбургскаго (род. 9 Мая н. с. 1734 г.) и великой княгини Екатерины Павловны (род. 10 Мая с. с. (21 н. с.) 1788 г., вышла замужъ 3-го Августа 1809 г.). Четырехъ мѣсяцевъ принцъ Петръ лишился своего отца († 27 Декабря 1812 г.); за отъѣздомъ матери его за границу для поправленія здоровья, онъ остался въ Петербургѣ на попеченіи своей бабушки, императрицы Маріи Феодоровны. Когда въ 1816 году (24 Января) великая княгиня вступила во второй бракъ съ принцемъ, впоследствии королемъ Виртембергскимъ, Вильгельмомъ I (род. 27 Сентября 1781 г.), оба ея сына, старшій Александръ и младшій Петръ, последовали за нею въ Штутгартъ но скоро принцы лишились и матери: 28 Декабря с. с. 1818 г. (9 Января н. с. 1819 г.) королевы Виртембергской Екатерины Павловны не стало. Первые годы принцъ провелъ подъ непосредственнымъ надзоромъ своей матери; въ началѣ 1820 г. онъ съ братомъ переселился въ Ольденбургъ, гдѣ ихъ воспитаніемъ занялся дядь герцогъ Петръ-Фридрихъ-Людвигъ. 16 Ноября 1829 г. умеръ его единственный кровный родственникъ, родной братъ, Александръ. Въ концѣ 1830 г. императоръ Николай Павловичъ вызвалъ принца Петра въ Россію. Ходили одно время слухи, что онъ является кандидатомъ на Греческій престолъ. 11 (23) Апрѣля 1837 г. принцъ Петръ вступилъ въ бракъ съ дочерью герцога Нассаускаго Вильгельма, принцессою Терезіей-Вильгельминой-Фредерикой-Изабеллой-Шарлотой (род. 17 Апрѣля 1815 г., † 8 Декабря 1871 г.). Въ 1845 г. принцъ и его супруга получили титулъ Императорскаго Высочества. Дѣятельность принца Петра Ольденбургскаго см. въ „Русскій Архивъ“ 1907.

Жуковскому отъ 22 Августа 1844 года. Смирнова собрала эти свидѣнія отъ г-жи Фредериксъ. «Ночь на 30 была ¹⁾ очень худою, и появились нѣкоторыя симптомы къ преждевременнымъ родамъ. Маркусъ предложилъ великой княгинѣ приобщиться; она возражала, что боли помѣшали ей молитвенно приготовиться къ таинству. Въ это время появился (въ комнатѣ) Бажановъ, неся въ рукахъ чашу съ Дарами. Въ 8 часовъ утра она исповѣдалась въ полной памяти, послѣ причастія съ жаромъ прижала свои губы къ чашѣ, сложивъ крестообразно руки. Въ 9 часовъ, безъ всякой боли, разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который былъ живъ; Императрица и Государь прибѣжали на первый крикъ этого ребенка, которому было только шесть съ половиною мѣсяцевъ. Великая княгиня не переставала спрашивать, не былъ ли это выкидышъ и очень беспокоилась; чтобы успокоить себя, она требовала показать ей дитя. Мое дитя! мое дитя, говорила она. Однако это утѣшеніе не было ей доставлено. Младенецъ былъ такъ малъ, что побоялись показать его ей. Въ 9 съ половиною часовъ утра ²⁾ онъ умеръ, мать объ этомъ не узнала; его окрестили по протестантскому обряду. Послѣ родовъ великая княгиня испытала чувство удовольствія, она спросила позавтракать. Въ часъ она второй разъ позавтракала съ аппетитомъ и приказала приготовить обѣдъ въ четыре часа. Въ 3 часа все семейство окружало ее въ комнатѣ: говорили, молчали, ловили всѣ ея движенія, ея дыханіе. Ей стало холодно, и она заставила Государя потереть ей колѣни, она просила его поправить подушки. «Теперь я спать хочу, сказала она по-русски, прощайте, прощайте!» Посылая имъ поцѣлуи, она положила голову на подушки, вдохнула, все кончилось для этого ангела. Всѣ думали, что она заснула, и только черезъ нѣсколько минутъ, когда сидѣлка пришла ей закрыть глаза, всѣ встали для молитвы на колѣни вокругъ ея кровати. Какія всхлипыванія, какія слезы раздались вокругъ этой кровати страданія, миѣ нечего говорить вамъ объ этомъ! Она умерла въ больномъ кабинетѣ Императрицы, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находилась печка.... Послѣ обычныхъ церемоній она была выставлена окруженная цвѣтами въ большой спаль-

скаго въ Россіи, гдѣ онъ провелъ всю свою жизнь, слишкомъ извѣстна, чтобы о ней здѣсь распространяться; 1 Декабря 1880 года принцъ праздновалъ пятидесяти-лѣтній юбилей своей государственной службы. Въ 1835 г. принцъ учредилъ Училище Правовѣданія на свой собственный счетъ, а съ 1843 г. принцъ былъ попечителемъ Императорскаго Александровскаго Лицея. 2-го Мая 1881 г. принцъ Петръ Георгіевичъ въ Бозѣ почилъ и похороненъ въ Троице-Сергіевой пустыни.

¹⁾ На 29, а не на 30.

²⁾ А. О. Смирнова ошибается.

нѣ. Въ продолженіе этихъ трехъ дней все семейство постоянно находилось при покойной. Императрица сама украшала ее цвѣтами, цѣловала ей руки. Здѣсь (у гроба) собирались всѣ, говорили о ней какъ о живой, вспоминали малѣйшіе факты, начиная съ ея дѣтства. Какъ это трогательно и чувствительно! ¹⁾».

Баронесса М. Фредериксъ въ своихъ воспоминаніяхъ также сообщаетъ о смерти великой княгини. «Помню, говоритъ она, какъ, въ день смерти великой княгини, матушкѣ, возвратившейся домой только для того, чтобы съ нами пообѣдать, во время стола пришли сказать, что ея высочество скончалась. Мать моя бросила и насъ, и обѣдъ и поспѣшно отправилась къ убитой горемъ Императрицѣ. Вечеромъ меня повезли приложиться къ тѣлу усопшей. Это была первая покойница, которую мнѣ приходилось видѣть. Она была чудо какъ хороша; лежала на своемъ смертномъ одрѣ, какъ изваянная изъ бѣлаго мрамора статуя; около нея покоился ея новорожденный ребенокъ, котораго, кѣжется, она даже не доносила, и онъ жилъ только нѣсколько часовъ. Комната была въ полумракѣ, все было тихо, уныло, слышался только голосъ дьякона, читавшаго на распѣвъ грустнымъ, тихимъ голосомъ Св. Евангеліе. Первое семейное горе, постигшее нашу дорогую Императорскую фамилію! Вся Россія приняла жгучее участіе въ несчастіи, поразившемъ ея возлюбленныхъ царя и царицу» ²⁾....

«Въ этотъ печальный день въ столовой съ ея величествомъ кушали въ уборной комнатѣ великая княжна Ольга Николаевна и великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская. Его величество обѣденнаго стола имѣть не изволилъ.

Въ половинѣ восьмого часа вечера надъ тѣломъ покойной совершена была протоіереемъ Нажановымъ съ протоіаконами и придворными пѣвчими первая панихида въ присутствіи ихъ величествъ, ихъ высочествъ и лицъ свиты (отсутствовали цесаревичъ съ супругою и Михаилъ Павловичъ). Съ вечера началось въ кабинетѣ дежурство одной фрейлины при тѣлѣ, а также началось чтеніе Св. Евангелія.

За вечернимъ столомъ его величество изволилъ кушать въ своемъ кабинетѣ. Ея величество вечерняго стола имѣть не изволила. Великая княгиня Ольга Николаевна, герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, принцъ Фридрихъ Гессенскій и принцъ Христіанъ Гольштиинскій кушали на своихъ половинахъ. Въ Воскресенье 30 Іюля по утру его величество выходъ имѣлъ прогуливаться. Въ 10 часовъ ея величество съ принцемъ Гессенскимъ въ дрожкахъ выѣздъ имѣла прогуливаться. Въ одинадцать часовъ надъ тѣломъ покойной совершена была духовникомъ

¹⁾ Русскій Архивъ 1902, кв. 5, стр. 101.

²⁾ Историч. Вѣст. за 1898 г. Январь, т. LXXI, стр. 86.

Музовскимъ панихида. Въ 35 минутъ двѣнадцатаго часа былъ выходъ въ походную церковь къ слушанію литургіи, совершаемой протоіереемъ Бажановымъ; его величество принималъ затѣмъ съ докладомъ министра двора князя Волконскаго и послѣ сего выѣздъ имѣлъ прогуливаться. Въ два часа ея величество съ великою герцогинею Мекленбургъ-Шверинскою, Ольга Николаевна съ принцессою Мекленбургскою выѣздъ имѣли прогуливаться ¹⁾).

Въ два же часа по полудни тѣло младенца принца Вильгельма камеръ-юнгферами ея высочества покойной великой княгини положено было въ свинцовый гробъ, который въ присутствіи въ должности гофмаршала графа Шувалова и генераль-маіора князя Суворова былъ запаянъ и потомъ поставленъ въ деревянный гробъ, обложенный золотымъ газетомъ и серебрянымъ газомъ, послѣ же перенесенъ графомъ Шуваловымъ и княземъ Суворовымъ въ комнату, гдѣ находилась покойная великая княгиня и поставленъ на пріуготовленный для того столъ. Юля 31 тѣло покойнаго младенца Вильгельма оставалось въ кабинетѣ, при которомъ находился адъютантъ принца Фридриха Гессенскаго Линдгольмъ. За обѣденнымъ столомъ съ ихъ величествами кушали великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія, въ бывшей опочивальной комнатѣ Государыни Императрицы. Послѣ обѣда его величество выходъ имѣлъ прогуливаться. Въ десять минутъ шестого надъ тѣломъ въ Богѣ почившей великой княгини Александры Николаевны совершена была панихида духовникомъ Музовскимъ съ протодіакономъ и пѣвчими въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ и нѣкоторыхъ особъ, составляющихъ высочайшую свиту (его свѣтлость принцъ Ольденбургскій не присутствовалъ). За вечернимъ столомъ съ ихъ величествами кушали въ большой опочивальной комнатѣ Марія и Ольга Николаевны, великая герцогиня Мекленбургъ Шверинская и принцесса Мекленбургская, герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, принцъ Фридрихъ Гессенскій и принцъ Гольштинскій.

Въ Понедѣльникъ 31 Юля, съ 2-хъ часовъ ночи и до 6 утра, ея высочество бальзамирована была докторомъ Рулемъ ²⁾, при чемъ нахо-

¹⁾ Въ этотъ же день была разослана отъ двора его императорскаго величества повѣстка господамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинамъ, фрейлинамъ, господамъ придворнымъ кавалерамъ и первымъ пяти классовъ особамъ обоюго пола слѣдующаго содержания: Государь Императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ всѣмъ военнымъ генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ до похоронъ въ Богѣ почившей Государыни великой княгини Александры Николаевны носить полный трауръ на эполетахъ, аксельбантахъ, на лѣвой рукѣ, темлякахъ и на шляпахъ, а послѣ только на лѣвой рукѣ и на темлякахъ; государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: наложить при высочайшемъ дворѣ трауръ для первыхъ пяти классовъ на три мѣсяца, начавъ оный съ 29 сего Юля. Кавалерамъ носить въ мундирахъ обыкновенный трауръ, а дамамъ по нижеслѣдующему раздѣленію: 1) четыре недѣли дамы носить платье изъ чернаго крепа, на головѣ уборы черные, 2) четыре недѣли дамы носить черныя шелковыя платья и 3) четыре недѣли дамы носить черное шелковое платье съ цвѣтными лентами.

²⁾ Въ Камеръ-фурьерскомъ журналѣ находится довольно комическая описка: докторъ

дились лейбъ-медикъ Маркусъ и повивальная бабка. Въ 7 часовъ утра въ концертномъ залѣ поставленъ былъ бикетъ отъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго ея величества полка, въ корридорѣ великихъ князей—отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Въ 10 часовъ утра надъ тѣломъ въ Бозѣ почившей великой княгини въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ протоіереемъ Бажановымъ съ протодіакономъ и пѣвчими совершена была литія, и послѣ оной тѣло ея высочества камеръ-юнгферами положено было въ гробъ, обложенный золотымъ газетомъ и серебрянымъ газомъ съ таковыми же четырьмя по угламъ кистями. Послѣ сего начался церемональный выносъ тѣла въ Бозѣ почившей великой княгини изъ кабинета ея величества въ походную церковь черезъ собственный садикъ на терасѣ, а съ онаго въ овальное зало и потомъ комнатами, ведущими къ походной церкви».

Баронесса М. Фредериксъ дополняетъ эти свѣдѣнія. Великая княгиня Александра Николаевна скончалась въ большомъ угловомъ кабинетѣ императрицы. Мѣсто, на которомъ стояла кровать страждущей дочери, впоследствии было отдѣлено отъ кабинета, и на немъ устроена молежня въ ея память. Нашъ извѣстный художникъ Брюловъ написалъ поясной образъ натуральной величины, гдѣ чудное лицо Александры Николаевны изображено въ ликѣ Св. мученицы Царицы Александры, восходящей на небо. Образъ этотъ поставленъ по средней стѣнѣ, а по боковымъ стѣнамъ висятъ кіоты со всѣми принадлежавшими покойницѣ иконами. Императрица не занимала больше этотъ кабинетъ, она не въ силахъ была жить въ комнатѣ, напоминавшей понесенную ею утрату, и впоследствии здѣсь была сдѣлана молежня. Поэтому распредѣленіе покоевъ ея величества было совсѣмъ переиначено, и въ Александровскомъ дворцѣ больше никогда не давалось, при жизни Николая Павловича и Александры Θεодоровны, ни баловъ и никакихъ празднествъ. Ихъ величества не хотѣли, чтобъ веселились въ залахъ, черезъ которыя проносились останки ихъ возлюбленной дочери, отошедшей преждевременно въ вѣчность. Въ одной изъ залъ былъ поставленъ походный иконостасъ, и тамъ стояло нѣсколько дней тѣло покойной великой княгини.

«Церемональ былъ слѣдующій: 1) камеръ-фурьеръ; 2) два камердинера несли крышку гроба; 3) придворные пѣвчіе пѣли Св. Боже; 4) два псаломщика со свѣчами и 5) протоіерей Бажановъ съ протодіакономъ. Гробъ съ тѣломъ покойной великой княгини Александры Николаевны несенъ былъ Государемъ Императоромъ, Государемъ цесаревичемъ, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцами Петромъ Ольденбургскимъ, Фридрихомъ, супругомъ покойной великой княгини, Александромъ Гессенскимъ и Христіаномъ Гольштинскимъ, министромъ высочайшаго двора княземъ Волконскимъ, генераль-адъютантами княземъ Васильчиковымъ, графомъ

Рухъ (Rühl) названъ докторомъ ру; вѣроятно, камеръ-фурьеру показалось страннымъ написать, что ея высочество бальзамирована была докторомъ Рухемъ, а поэтому онъ написалъ ру (съ маленькой буквы).

Левашевымъ, графомъ Орловымъ и Адлербергомъ (и графомъ Апраксинымъ, Философовымъ и Литою). За гробомъ изволили шествовать Государыня Императрица, Государыня Цесаревна, великія княгини Елена Павловна и Марія Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія и особы, составляющія высочайшую свиту. Предъ входомъ въ церковь тѣло въ Божѣ почившей ея высочества великой княгини встрѣчено было духовникомъ Музовскимъ съ придворнымъ духовенствомъ.

По поставленіи въ церкви несшими Высочайшими особами гроба съ тѣломъ на катафалкъ, съ одною ступенью, обитый малиновымъ бархатомъ съ золотымъ галуномъ, началась панихида, которую совершалъ духовникъ Музовскій пятернымъ соборнымъ служеніемъ. (Въ церкви при тѣлѣ въ Божѣ почивающей великой княгини находились на дежурствѣ двѣ фрейлины и генераль-адъютантъ по два часа. По сторонамъ гроба стояли по два дворцовыхъ гренадера).

Послѣ панихиды въ присутствіи Высочайшихъ и прочихъ особъ началась протоiereемъ Бажановымъ 3-мъ (sic) соборнымъ служеніемъ Божественная литургія. Во время литургіи, послѣ колѣнопреклонной молитвы, высочайшія особы, поклонясь тѣлу, отсутствовали. Ея величество, Государыня Цесаревна, великія княгини Елена Павловна и Марія Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія перешли во внутренніе апартаменты Государыни Императрицы, а Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Ольденбургскій, Фридрихъ и Александръ Гессенскіе и Христіанъ Голштинскій въ угловой кабинетъ ея величества, гдѣ пасторомъ лютеранской церкви Авенариусомъ надъ тѣломъ покойнаго младенца принца Вильгельма говорена была рѣчь. (Послѣ литургіи дозволенъ былъ входъ публики для прощанія).

Послѣ оной гробъ съ тѣломъ младенца принца несенъ былъ чрезъ темный корридоръ на подъѣздъ Государя Императора, его величествомъ, Государемъ Цесаревичемъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцемъ Фридрихомъ-родителемъ его; за гробомъ шли пасторъ, принцъ Александръ Гессенскій, Христіанъ Голштинскій и два кавалера свиты принца Фридриха Гессенскаго.

По принесеніи гроба съ тѣломъ къ вышеупомянутому подъѣзду пасторъ сѣлъ въ приготовленную у онаго парадную заложенную цугомъ въ шесть лошадей карету (за каретою находились два придворныхъ лакея во всенедневной ливреѣ) и принялъ поданный высочайшими особами гробъ съ тѣломъ, и потомъ оный сопровождаетъ былъ въ разныхъ экипажахъ вышеписанными высочайшими особами, кромѣ Государя Императора, и везенъ былъ въ Царскосельскую лютеранскую церковь. По прибытіи къ оной гробъ съ тѣломъ принятъ былъ изъ кареты сопровождавшими высочайшими особами и внесенъ въ церковь, гдѣ поставленъ на приготовленный обитый трауромъ катафалкъ; въ сіе время пасторомъ Авенариусомъ говорена была краткая рѣчь, послѣ которой высочайшія особы, приложась къ гробу, возвратились въ Новый дворецъ и потомъ отбыли въ мѣста своего пребыванія. (При тѣлѣ

въ церкви до отвезенія въ С.-Петербургъ находились день и ночь въ дежурствѣ адъютантъ принца Фридриха Гессенскаго Лендгольмъ (sic) высочайшаго двора офицанты въ траурѣ и два лакея во вседневной диврѣ).

Въ этотъ день за обѣденнымъ столомъ съ ихъ величествами кушали великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія въ бывшей почивальной Государыни Императрицы комнатѣ. Послѣ обѣда его величество нѣсколько прогуливался.

Въ 7 часовъ вечера ихъ величества съ ихъ высочествами изъ внутреннихъ апартаментовъ выходъ имѣли въ походную церковь къ слушанію панихиды, которую совершалъ протоіерей Бажановъ съ протодіакономъ и придворными пѣвчими. Во время панихиды кромѣ дежурныхъ при тѣлѣ Фрейлинъ и генераль-адъютанта никого изъ особъ не было.

За вечернимъ столомъ ихъ величества кушали въ бывшей почивальной комнатѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими.

Августа 1-го, во Вторникъ, день праздника Происхожденія Честныхъ Древъ Животворящаго Креста, высочайшаго выхода на водоосвященіе не было.

Полутру его величество выходъ имѣлъ прогуливаться. (На гауптвахтѣ занимали караулъ л.-гв. гарнизонный баталіонъ со знаменемъ. Въ Концертномъ залѣ бикетъ отъ л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка. Въ корридорѣ отъ занимаемаго караула на главной гауптвахтѣ).

Въ 11 часовъ утра ихъ величества съ ихъ высочествами, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Государынею Цесаревною, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, великими княгинями Еленою Павловною и Марією Николаевною, великими княжнами Ольгою Николаевною и Марією Михайловною, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцами Александромъ и Фридрихомъ Гессенскими и Христіаномъ Голштинскимъ изъ внутреннихъ апартаментъ выходъ имѣли въ походную церковь къ слушанію панихиды, которую совершалъ протоіерей Бажановъ съ протодіакономъ и придворными пѣвчими.

Во время панихиды находились въ Концертномъ залѣ составляющія высочайшую свиту и нѣкоторыя проживающія въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ особы. По окончаніи панихиды высочайшія особы, приложась къ тѣлу покойной ея высочества великой княгини, изволили возвратиться во внутренніе апартаменты; потомъ началась Божественная литургія, которую совершалъ духовникъ Музовской тройнымъ соборнымъ служеніемъ и придворными пѣвчими.

За обѣденнымъ столомъ съ ихъ величествами кушали въ бывшей почивальной государыни императрицы великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія.

Въ 6 часовъ по полудни гробъ съ тѣломъ покойной великой княгини накрытъ былъ безъ высочайшаго присутствія крышкою, а предъ тѣмъ, послѣ стола, ихъ величества изволили быть нѣсколько времени у тѣла покойной ея высочества.

Въ сіе время дежурныя фрейлины, генераль-адъютантъ и гренадеры дворцовой роты выходили въ комнату предъ церковью.

Въ 7 часовъ ихъ величества съ ихъ высочествами выходъ имѣли въ походную церковь къ слушанію панихиды, которую совершалъ протоіерей Бажановъ съ протодіакономъ и придворными пѣвчими. (Во время панихиды въ Концертномъ залѣ находились извѣщенные отъ высочайшаго двора проживающія въ г. Царскомъ Селѣ и Павловскѣ высочайшей свиты особы). По окончаніи панихиды высочайшія особы, приложились ко гробу, и послѣ сего Государемъ Императоромъ, Государемъ Цесаревичемъ и всѣми высочайшими мужескаго пола особами и генераль-адъютантами гробъ съ тѣломъ поднять былъ съ катаfalка и несенъ чрезъ Концертное зало и корридоръ между комнатами великихъ князей на подъѣздъ ихъ.

Впереди гроба несли покровъ въ должности гофмаршала графъ Шуваловъ, генераль-маіоръ князь Суворовъ, олггель-адъютантъ Пашковъ и адъютантъ герцога Лейхтенбергскаго Столыпинъ.

Шли пѣвчіе, два псаломщика со свѣчами, протоіерей Бажановъ съ образомъ и съ протодіакономъ Логиневскимъ.

За гробомъ изволили до подъѣзда шествовать государыня императрица, государыня цесаревна, великія княгини Елена Павловна и Марія Николаевна, великія княжны Ольга Николаевна и Марія Михайловна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія и особы бывшія при панихидѣ.

По принесеніи на вышеупомянутый подъѣздъ гробъ съ тѣломъ поставленъ былъ въ приготовленную заложенную цугомъ ландау въ 8 лошадей, въ которую сѣли для поддержанія гроба два камердинера покойной ея высочества въ траурномъ платьѣ, со шпагами, позади ландау встали высочайшаго двора два лакея въ статсъ-двиреѣ съ золотымъ басономъ и бѣлыхъ брюкахъ *).

35 минутъ восьмого часа вечера отъ подъѣзда послѣдовала печальная процессія въ С.-Петербургъ въ Петропавловскій соборъ слѣдующимъ порядкомъ:

1-ое. Эскадронъ кирасиръ его величества полка со штандартномъ.

2-ое. Въ парадной каретѣ, заложеной въ 6 лошадей ѣхалъ протоіерей Бажановъ съ образомъ Спасителя и протодіаконъ.

3-е. Ландау съ тѣломъ покойной великой княгини Александры Николаевны.

4-ое. Около кареты Государь Императоръ, Государь Цесаревичъ и всѣ высочайшія мужескаго пола особы и находившіяся при выносѣ тѣла генераль и олггель-адъютанты и адъютанты ихъ высочествъ верхами.

*) Изъ этого видно, что А. О. Смирнова въ письмѣ къ В. А. Жуковскому („Рус. Арх.“ 1902, кн. 5) сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія, будто бы перевезеніе тѣла совершилось въ полночь въ открытомъ ландо. Она совершенно вѣрно прибавляетъ, что священники ѣхали также въ каретахъ, Государь же и великіе князья слѣдовали шагомъ верхомъ за ландо съ гробомъ почившей безъ оружія и факеловъ.

5-ое. Въ парадной каретѣ, заложеной въ 6 лошадей, цугомъ, статсъ-дама Баранова, фрейлина Столыпина и наставница покойной великой княгини Гигинботомъ.

6-ое. Въ таковой же каретѣ камеръ-фрау и камеръ-юнгферы покойной ея высочества.

За всѣми каретами стояли высочайшаго двора по два лакея въ статсъ-ливреѣ съ золотымъ басономъ и бѣлыхъ брюкахъ.

При выносѣ гроба на подъѣздъ отъ стоящаго на площадкѣ противу подъезда почетнаго л.-гв. Преображенскаго полка 1-го баталіона караула со знаменемъ отдаваема была почесть съ музыкою и барабаннымъ боемъ».

Трогательную подробность сообщилъ Петру Ивановичу Бартеневу покойный Николай Николаевичъ Вельяминовъ, молодымъ человекомъ участвовавшій въ этомъ погребальномъ шествіи. Онъ рассказывалъ, что въ моментъ выноса и установки гроба въ ландо у всѣхъ на виду опустился на гробъ великой княгини лебедь и тутъ же испустилъ духъ. Это былъ одинъ изъ Царскосельскихъ лебедей съ островка, куда въ лодкѣ ѣздила при жизни великая княжна кормить ихъ («Рус. Арх.» за 1902 г. кн. 5, стр. 104). А. О. Смирнова, со словъ своего брата, участвовавшаго въ церемоніи, пишетъ, что солдаты подъ ружьемъ плакали и что вообще сочувствіе къ великой княгинѣ было столь велико, что народъ безъ всякаго приказанія стоялъ, начиная отъ Царскаго Села вплоть до Петропавловской крѣпости, и вся эта толпа вела себя самымъ трогательнымъ и почтительнымъ образомъ безъ всякаго участія позіціи. Императрица вышла на подъездъ, добавляетъ Смирновъ, чтобы благословить смертныя останки, которыя у нея снимали.

«Ея величество съ оставшимися высочайшими особами по отсутствіи печальной процессіи, отъ подъезда возвратились во внутренніе свои апартаменты.

Въ половинѣ же 10-го часа вечера, тѣло покойнаго младенца принца Вильгельма изъ Лютеранской Царскосельской церкви взято было адъютантомъ принца Фридриха Гессенскаго Линдгольмомъ и повезено въ придворной каретѣ (за каретою находился одинъ придворный лакей) по загородному въ С.-Петербургъ въ Анненскую Лютеранскую церковь. (Офиціанты во все время были въ траурѣ, ливрейные по всенедневному).

Къ 10 часамъ вечера съѣзжались въ Петропавловскую крѣпость на дежурство по извѣщенію отъ департамента церемоніальныхъ дѣлъ статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины, дамы и кавалеры 2-го и 3-го классовъ; отъ оберъ-камергера: камергеры и камеръ-юнкеры и по извѣщенію командующаго главною квартирою: генераль-адъютанты свиты его величества, генераль-маіоры и флигель-адъютанты и адъютанты ихъ высочествъ и собрались въ домъ занимаемомъ комендантомъ крѣпости, дамы въ глубокомъ траурѣ, а кавалеры военные въ обыкновенной формѣ, лентахъ и шарфахъ, а статскіе въ маленькихъ мундирахъ и

лентахъ, камергеры и камеръ-юнкеры въ башмакахъ, имѣя глубокій на мундирахъ трауръ.

По прибытіи печальнаго шествія изъ Царскаго Села къ Петропавловской крѣпости всѣ особы проходили въ соборъ, дежурные стали на свои мѣста, у катафалка, дамы по лѣвую, а кавалеры по правую стороны, генераль-адъютанты, свиты его величества генераль-маіоры, флигель-адъютанты и адъютанты ихъ высочества встрѣтили гробъ на паперти.

Камердинеры и ливрейная услуга его свѣтлости принца Фридриха Гессенскаго въ траурномъ платьѣ находились близъ катафалка на правой сторонѣ за кавалерами.

Военный генераль-губернаторъ Кавелинъ, 2-й с.-Петербургскій комендантъ баронъ Зальца и оберъ-полицеймейстеръ Кокошкинъ, встрѣтили тѣло ея высочества у Московской заставы, и въ сопровожденіи ихъ везено было по Большой Садовой улицѣ чрезъ Марсово поле, на Троицкій мостъ, и по прибытіи къ Петропавловской крѣпости предшествующіе верхами эскадронъ кирасиръ его величества полка выстроились во фронтъ, духовникъ ея высочества протоіерей Бажановъ съ протодіакономъ вышелъ изъ экипажа съ образомъ, а сопровождавшія высочайшія и прочія особы сошли съ лошадей и бывшія въ экипажахъ дамы вышли и сопровождали до Петропавловскаго собора къ главному входу, гдѣ находился почетный караулъ отъ д.-гв. Преображенскаго полка.

По подвезеніи гроба къ паперти 45 минутъ 1 часа встрѣтили на оной высокопреосвященный митрополитъ Антоній, архимандриты Костромской Наанаилъ, Подольскій Сафоній, Астраханскій Аполлинарій, духовникъ Музовской съ придворнымъ и онаго собора духовенствомъ и придворными пѣвчими.

Несшій предъ гробомъ образъ духовникъ ея высочества положилъ оный на приготовленный аналой впереди гроба предъ катафалкомъ.

Покровъ съ гроба ея высочества сняли и несли до катафалка свиты его величества генераль-маіоры, флигель-адъютанты и въ должности шталмейстера ея высочества графъ Ферзенъ.

Гробъ же внесли въ соборъ его величество, государь цесаревичъ, великіе князья Константинъ Николаевичъ и Михаилъ Павловичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, принцы супругъ ея высочества Фридрихъ и Александръ Гессенскіе и Петръ Ольденбургскій, Христіанъ Голштейнскій и гг. генераль-адъютанты, въ предшествіи вышеозначеннаго духовенства и пѣвчихъ, поставили на катафалкъ при пѣніи «Святый Боже».

По постановленіи гроба на мѣсто и положеніи покрыва на оный митрополитомъ Антоніемъ съ вышеписаннымъ духовенствомъ отпѣта была литія, и послѣ сего высочайшія особы, приложась къ гробу ея высочества, отбыли съ мѣста своего пребыванія на Благинъ островъ.

Потомъ священники онаго собора и командированные изъ прочихъ церквей поочередно читали на поставленномъ аналоѣ въ головахъ гроба ея высочества предъ катафалкомъ Св. Евангеліе, при чемъ діаконъ во все время чтенія стоялъ со свѣчею.

Въ тотъ же день, въ половинѣ 2 часа вечера, ея величество, государыня цесаревна, великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ

Николаевичъ, великая княгиня Марія Николаевна и великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія прибыли изъ Царскаго Села по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ и проѣзжали въ экипажахъ въ Елагиноостровскій дворець.

За вечернимъ столомъ съ ея величествомъ кушали въ кабинетѣ: государыня цесаревна, великая княгиня Марія Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія, принцесса Ольденбургская.

Половина 2 часа ночи прибылъ изъ Петропавловскаго собора его величество съ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ въ коляскѣ въ Елагиноостровскій дворець.

Въ Петропавловскій соборъ при гробѣ назначено быть дежурство: 3 статсъ-дамы, 1 камеръ-фрейлина, 6 фрейлинъ, 6 дамъ 2-го класса; 6 дамъ 3-го класса, 6 кавалеровъ 2-го класса, 6 кавалеровъ 3-го класса, 6 камергеровъ и 6 камеръ-юнкеровъ ¹⁾.

Въ должности шталмейстера ея высочества покойной великой княгини графъ Ферзенъ находился при гробѣ во время прїѣздовъ ихъ величество въ соборъ, два камергера стояли подлѣ гроба на катафалкѣ въ головахъ, обращенными къ алтарю, а 2 камеръ-юнкера въ ногахъ, обращенными къ гробу, при началіи же панихиды становились съ прочими особами ²⁾.

Августа 2-го въ Среду, въ 8 часовъ утра его величество выходъ имѣлъ прогуливаться.

Въ 9 часовъ ея высочество великая княгиня Марія Николаевна и великая княжна Ольга Николаевна выходъ имѣли въ церковь Елагиноостровскаго дворца къ слушанію Божественной литургіи, совершаемой протоіереемъ Бажановымъ съ протоіакономъ Верещагинымъ и придворными пѣвчими. Ихъ величества къ литургіи выхода имѣть не изволили.

¹⁾ Дежурство оныхъ особъ находилось на три смѣны. Сего числа были дежурными по 9 часъ предыдущаго вечера, статсъ-дамы: княгиня Софья Григорьевна Волконская, графиня Марія Дмитриевна Нессельродъ. Дамы 2-го класса: графиня Юлія Петровна Строгонова, Екатерина Александровна Сухованеть, графиня Александра Григорьевна Лаваль, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, Екатерина Осиповна Горголій, Елисавета Андреевна Бутурлина. Фрейлины: княжна Надежда Илларионовна Васильчикова, графиня Елисавета Александровна Гурьева, Марія Алексѣевна Сверчкова, (sic) Алекс. Безобразова, Марія Александровна Безобразова, Варвара Васильевна Ланская. Кавалеры 2-го класса: графъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, князь Ал. Ивановичъ Чернышевъ, князь Александръ Сергѣевичъ Мешиковъ, графъ Василій Васильевичъ Левашовъ, графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, Александръ Христіановичъ Эйлеръ. Кав. 3-го класса: князь Иванъ Александровичъ Лобановъ-Ростовскій, Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, Сергій Степановичъ Ланской, графъ Александръ Ивановичъ Апраксинъ, Александръ Петровичъ Бергманъ, князь Алексій Александровичъ Лобановъ, Александръ Михайловичъ Геденовъ. Камергеры: Бибиковъ, Политковскій, Сабуровъ, Маркеловъ, Провоповичъ-Антоновскій, Быковъ. Камеръ-юнкеры: Рахмановъ, Челящевъ 1-й, Столыпинъ, Шерпваль, Вестманъ, Яковлевъ. 3 церемоніймейстера, 4 гренадера дворцовой роты, 2 камеръ-юнкера и 2 камердинера ея высочества находились до погребенія.

²⁾ Объ устройствѣ катафалка въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ ничего не говорится.

Въ 7 часовъ утра дозволенъ былъ входъ публикѣ въ Петропавловскій соборъ, и всѣ прикладывались къ рукѣ ея высочества.

Въ 9 часовъ прибылъ въ Петропавловскій соборъ митрополитъ Антоній съ архимандритами Наѳанаиломъ Костромскимъ и Сафоніемъ Подольскимъ, совершалъ панихиду и Божественную литургію.

По окончаніи литургіи входъ публикѣ былъ прекращенъ.

Въ 12 часовъ изволили прибыть въ разныхъ экипажахъ въ Петропавловскій соборъ ихъ величества съ ихъ высочествомъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ, государынею цесаревною, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, великою княгинею Марією Николаевною, великими княжнами Ольгою Николаевною и Марією Михайловною, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцами Петромъ Ольденбургскимъ, Фридрихомъ и Александромъ Гессенскими и Христіаномъ Голштейнскимъ, слушали панихиду, совершаемую духовникомъ Музовскимъ съ придворнымъ духовенствомъ и придворными пѣвчими.

По окончаніи панихиды высочайшія особы прикладывались ко гробу, а потомъ къ гробницамъ императоровъ: Павла Петровича, Александра Павловича, и императрицъ: Маріи Ѳеодоровны и Елисаветы Алексѣевны и отбыли въ мѣста своего пребыванія, послѣ сего допущена была публика.

Въ 5 часовъ архіепископомъ Иллѣодоромъ Курскимъ была совершена вечерня и панихида. По окончаніи панихиды впускъ публики прекращенъ.

За обѣденнымъ столомъ съ ихъ величествами въ Елагиноостровскомъ дворцѣ кушали: великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія, принцъ Фридрихъ Гессенскій и принцъ Христіанъ Голштейнскій.

(Его величеству и великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ со 2-го и до 6-го числа кушанье подаваемо было постное).

Послѣ обѣденнаго стола его величество выходъ имѣлъ прогуливаться.

Въ половинѣ 8-го часа ихъ величества съ ихъ высочествами изволили прибыть въ соборъ къ слушанію панихиды, совершаемой духовникомъ Музовскимъ съ придворнымъ духовенствомъ и двумя хорами пѣвчихъ.

Высочайшія особы по прибытіи и по окончаніи панихиды прикладывались ко гробу. По отбытіи высочайшихъ особъ допущена была публика до 10-ти часовъ вечера *).

*) Сего числа были дежурными съ 8-ми часовъ вечера статсъ-дамы: княгиня Елисавета Николаевна Чернышева, княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова, графиня Екатерина Владимировна Апраксина, княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова. Фрейлины: Елисавета Павловна Батюшкова, княжна Елисавета Александровна Чернышева, Анна Дмитриевна Бутурлина, графиня Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ, Варвара Аркадьевна Нелидова, Прасковья Арсеньевна Бартенева; дамы 2-го класса: Елисавета Арсеньевна Огарева, Марія Алексѣевна Хитрова, княгиня Екатерина Дмитриевна Долгорукова, Марія Никитична Дурнова, графиня Аграфена Ѳеодоровна Закревская, княгиня Варвара Аркадьевна

Съ сего числа по особому высочайшему повелѣнію назначены были дежурными по 12 оберъ-офицеровъ л.-гв. Преображенскаго полка, которые становились при гробѣ по 4 съ обнаженными подусаблями, на погребеніи при панихидѣ же становились по 6.

За вечернимъ столомъ кушали въ Елагиноостровскомъ дворцѣ ихъ величества, государь цесаревичъ, государыня цесаревна, великая княгиня Марія Николаевна, великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія, герцогъ Лейхтенбергскій, принцъ Фридрихъ Гессенскій, принцъ Ольденбургскій и принцъ Голштейнскій.

Въ тотъ же день были разсланы повѣстки слѣдующаго содержанія.

I. Отъ двора его императорскаго величества чрезъ сіе объявляется: госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ - фрейлинамъ, фрейлинамъ, придворнымъ кавалерамъ и обоюго пола первыхъ 4-хъ классовъ особамъ.

Его Императорское величество, назначивъ погребеніе тѣла ея императорскаго высочества благовѣрныя государыни великія княгини Александры Николаевны въ Петропавловской крѣпости сего Августа 4-го дня, высочайше повелѣтъ соизволилъ съѣзжаться въ оный соборъ обоюго пола первыхъ 4-хъ классовъ особамъ, генераламъ, лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицерамъ того дня поутру въ 9 часовъ къ слушанію Божественной литургіи.

II. Отъ двора его Императорскаго величества чрезъ сіе объявляется: госпожамъ статсъ-дамамъ, камеръ - фрейлинамъ, фрейлинамъ и дамамъ первыхъ 4-хъ классовъ, чтобы во время дежурства и Божественной литургіи въ день погребенія ея императорскаго высочества великой княгини Александры Николаевны быть въ Петропавловскомъ соборѣ въ черныхъ креповыхъ чепчикахъ съ черными длинными креповыми вуалями.

Августа 3-го, въ Четвергъ, въ половинѣ 6-го часа утра было послано съ конюшни 20 экипажей съ придворными лакеями въ институты благородныхъ дѣвицъ: Екатерининскій, Патріотическій и Павловскій для привезенія воспитанницъ въ Петропавловскій соборъ; по прибытіи ихъ въ 7 часовъ входили съ правой стороны собора, прикладывались къ рукѣ ея высочества и отвезены обратно. (При семъ находился его свѣтлость принцъ Ольденбургскій).

Горчакова; 3-го класса: княгиня Изabella Адамовна Гагарина, Елена Павловна Захаржевская, княгиня Варвара Ѳедоровна Вяземская, графиня Екатерина Дмитриевна Куселева, Марія Сергѣевна Берхманъ, княгиня Любовь Васильевна Суворова; кавалеры 2-го класса: Матвей Евграфовичъ Храповицкій, графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ, князь Николай Васильевичъ Долгоруковъ, Василій Ивановичъ Болгарскій, Николай Александровичъ Исленьевъ, Иванъ Савичъ Горголий; 3-го класса: Григорій Петровичъ Митусовъ, Егоръ Ѳедоровичъ оонъ Брадке, Алексѣй Николаевичъ Пещуровъ, Карлъ Андреевичъ Шильдеръ, Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, Николай Петровичъ Анненковъ, камергеры: Сенинны 1-й и 2-ой, графъ Ильинскій, графъ Бержинскій, Лазаревы 1-й и 2-й, камеръ-юнкеры: Атрешковъ, Безобразовъ, Арсеньевъ, графъ Сиверсъ, Щербининъ, Ячевскій.

Изъ прочихъ же заведеній воспитанницы и воспитанники были приводимы ихъ дамами и директорами.

Въ сіе же время л.-гв. Преображенскаго полка нижніе чины съ ихъ офицерами по нѣскольку человекъ изъ роты прощались съ ея высочествомъ, прикладываясь къ рукъ. Потомъ былъ выпускъ публики.

Въ 9 часовъ совершена была архіепископомъ Венедиктомъ Олодецкимъ Божественная литургія и панихида.

По окончаніи входъ публики прекращень.

Четверть 11-го часа государь цесаревичъ, государыня цесаревна, великая княгиня Марія Николаевна и великая княжна Ольга Николаевна выходъ имѣли въ церковь Елагиноостровскаго дворца къ слушанію Божественной литургіи, совершаемой протоіереемъ Бажановымъ съ протодіакономъ Верещагинымъ и придворными пѣвчими. (Во время литургіи выходъ имѣлъ въ церковь и его величество съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. По окончаніи литургіи его величество принималъ съ докладомъ министра высочайшаго двора князя Волковскаго).

Въ половинѣ 1-го часа ихъ величества съ государемъ цесаревичемъ, государынею цесаревною, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, великою княгинею Еленою Павловною и Марією Николаевною, великими княжнами Ольгою Николаевною, Марією Михайловною и Екатериною Михайловною, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими, принцами Ольденбургскимъ, Фридрихомъ и Александромъ Гессенскими и Христіаномъ Голштинскимъ и герцогомъ Лейхтенбергскимъ, прибыли въ Петропавловскій соборъ къ слушанію панихиды, совершаемой митрополитомъ Аптоніемъ съ духовникомъ Музовскимъ, архимандритомъ Наѳанайломъ Костромскимъ съ придворнымъ духовенствомъ и 2-мя хорами пѣвчихъ. По прибытіи и по окончаніи панихиды высочайшія особы прикладывались ко гробу.

По отбытіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ изъ Петропавловскаго собора имѣли пріѣздъ въ оный особы дипломатическаго корпуса для поклоненія въ Божѣ почившей ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ (съ оберъ-церемоніймейстеромъ и церемоніймейстеромъ), потомъ начался входъ публики до 8-ми часовъ вечера.

За обѣденнымъ столомъ съ ихъ величествами кушали въ Елагиноостровскомъ дворцѣ: великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія и принцъ Фридрихъ Гессенскій.

Четверть десятаго часа ихъ величества и ихъ высочества государь цесаревичъ, государыня цесаревна, великіе князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Михаилъ Павловичъ, великая княгиня Елена Павловна и Марія Николаевна, великія княжны Ольга Николаевна и Марія Михайловна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія, герцогъ Лейхтенбергскій, принцы Ольденбургскій, Фридрихъ и Александръ Гессенскіе и Христіанъ Голштейнскій, прибыли въ Петропавловскій соборъ къ слушанію панихиды, совершаемой духовникомъ Музовскимъ съ придворнымъ духовенствомъ

и 2-мя хорами пѣвчихъ. При окончаніи панихиды дежурныя и въ бывшія при панихидѣ особы вышли изъ собора кромѣ лейбъ-медика Маркуса и духовника ея высочества протоіерея Бажанова.

Духовенство и пѣвчіе отошли въ алтарь, когда высочайшія особы остались однѣ и въ сіе время прощались съ ея высочествомъ.

Послѣ сего высочайшія особы отбыли въ мѣста своего пребыванія.

Потомъ гробъ закрытъ былъ крышкою съ приготовленіемъ на погребеніе, и болѣе публики къ прощанію не допускали.

Въ продолженіе же нахождения въ соборѣ тѣла ея высочества въ присутствіи ихъ величествъ гробъ накрывался крышкою, только былъ открытъ въ сіе послѣднее прощаніе. По отсутствіи ихъ величествъ и во время прощанія публики находился открытымъ.

За вечернимъ столомъ съ ихъ величествами кушали: великая княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія принцъ Фридрихъ Гессенскій.

Послѣ стола ихъ величества съ ихъ высочествами выѣздъ имѣли прогуливаться *).

Августа 4-го, въ Пятницу, въ день погребенія ея высочества великой княгини Александры Николаевны, въ 9 часовъ утра по повѣстанкамъ отъ высочайшаго двора съѣзжались въ Петропавловскій соборъ особы 4-хъ классовъ, штабъ и оберъ-офицеры полковъ лейбъ-гвардіи и собрались въ означенномъ соборѣ, дамы по лѣвую сторону, а кавалеры по правую, военные въ обыкновенной формѣ, лентахъ и шарфахъ, придворныя и прочія гражданскія особы въ маленькихъ мундирахъ и лентахъ, камергеры и камеръ-юнкеры въ башмакахъ, имѣя полный трауръ, къ литургіи, совершаемой митрополитомъ Антоніемъ съ архіепископами и придворнымъ духовенствомъ и придворными пѣвчими.

По окончаніи литургіи военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры и прочія 4-хъ классовъ особы вышли изъ собора.

*) Сего числа съ 8-ми часовъ пополудни были дежурными: статсъ-дамы: княгиня Анна Григорьевна Ылосельская, Юлія Ѳедоровна Барацова, камеръ-фрейлина княжна В. М. Боллошская, фрейлины: Екатерина Ивановна Горголій, Марія Алексѣевна Пешурова, Марія Арсеньевна Бартецова, графиня Антон. Дмитріевна Блудова, Елисавета Александровна Хатова, Марія Львовна Бодѣ, Татына Дмитріевна Васильчикова; дамы 2-го класса: графиня Юлія Петровна Строгонова, графиня Александра Григорьевна Лаваль, Екатерина Осиповна Горголій, графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова, Марія Павловна Кавелина, баронесса Цецилія Владимировна Фредериксъ; 3-го класса: (sic) Тршнцатна, Северина Осиповна Плаутина, Вѣра Ивановна Анненкова, Анна Григорьевна Философова, княгиня Марія Ѳедоровна Барятинская, Елисавета Христ. Пешурова; кавалеры 2-го класса: Алексѣй Захаровичъ Хитрово, Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, Николай Александровичъ Челищевъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Берхъ (sic), Василій Алексѣевичъ Перевскій, Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ; 3-го класса: Петръ Ѳедоровичъ Веймаръ, Александръ Ивановичъ Михайл.-Давылевъ, Ильа Гавриловичъ Бибиковъ, Александръ Васильевичъ Кочубей, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, Константъ Матвѣевичъ Бороздинъ; камергеры: Бибиковъ, Долгополовъ, Дубенскій, Башуцкій, Муравьевъ, Войцеховичъ; камеръ-юнкеры: Воллярирскій, Семичевъ, Миллашевскій 2-й, Струковъ графъ Кеизерлингъ, Цезь.

Для присутствія при отпѣваніи и погребеніи ея высочества оставались въ соборѣ: статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, фрейлины и орденскія дамы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы, генералъ-адъютанты, свиты генералъ-маіоры, флигель-адъютанты, адъютанты ихъ высочества и всѣ чины высочайшаго двора.

Кромѣ сего по повелѣнію его величества находились при погребеніи тѣла ея высочества С.-Петербургскій городской голова Алферовскій съ депутатами, сестры милосердія и учителя ея высочества.

Гренадеры дворцовой роты, кои находились для дежурства, безъ ружей поставлены были въ недалекомъ разстояніи отъ могилы.

Половина 10-го часа ихъ величества и ихъ высочества выходъ имѣли въ церковь Елагиноостровскаго дворца къ слушанію Божественной литургіи, совершаемой протоіереемъ Гавриловымъ съ протодіакономъ Верещагинымъ и придворными пѣвчими. (Его величество изволилъ приказать во время литургіи читать Евангеліе, положенное при отпѣваніи).

По окончаніи литургіи въ 11 часовъ его величество съ ихъ высочествами государемъ цесаревичемъ, великими князьями Константиномъ Николаевичемъ, Николаемъ Николаевичемъ, Михаиломъ Николаевичемъ и Михаиломъ Павловичемъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ, принцами Петромъ Ольденбургскимъ, принцами Фридрихомъ, супругомъ покойной великой княгини Александры Николаевны и Александромъ Гессенскими и Христіаномъ Голштейнскимъ, изволили прибыть въ Петропавловскій соборъ и встрѣчены митрополитомъ Антоніемъ со крестомъ, митрополитомъ Іоною, архіепископами Олонекскимъ Венедиктомъ, Курскимъ Пліодоромъ, Полтавскимъ Гедеономъ, духовникомъ Музовскимъ, оберъ-священникомъ Кутневичемъ, архимандритами Костромскимъ Наанаиломъ, Подольскимъ Саеоніемъ, Астраханскимъ Аполинаріемъ и Авакумомъ.

Послѣ сего высочайшія особы проходили къ гробу и прикладывались къ оному.

Потомъ вышеозначеннымъ духовенствомъ началось отпѣваніе тѣла ея императорскаго высочества великой княгини Александры Николаевны.

По окончаніи митрополиты, архіепископы, духовникъ ихъ величествъ, оберъ-священникъ, архимандриты и духовникъ ея высочества протоіерей Бажановъ прикладывались ко гробу, а послѣ сихъ высочайшія особы.

Потомъ сняли съ гроба покровъ свиты генералъ-маіоры и флигель-адъютанты и положили оный на приготовленное мѣсто по лѣвую сторону.

Послѣ сего его величество Государь Императоръ, государь наследникъ цесаревичъ, великіе князья Константинъ Николаевичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ и Михаилъ Павловичъ, принцъ Ольденбургскій, Фридрихъ и Александръ Гессенскіе, Христіанъ Голштейнскій и генералъ-адъютанты подняли съ катафалка гробъ и въ предшествіи всего духовенства и придворныхъ пѣвчихъ несея былъ къ мѣсту погребенія, приготовленному на лѣвой сторонѣ, впереди великихъ княженъ Анны и Александры Михайловнъ.

По совершеніи надъ гробомъ литіи 8 гренадеровъ дворцовой роты опустили на полотнѣ гробъ въ могилу, и потомъ митрополитъ Антоній окропилъ святою водою и предалъ землѣ.

Послѣ сего митрополитъ подалъ землю Его Величеству и Государю Наслѣднику Цесаревичу, которую лопаточкою опускали на гробъ, а послѣ ихъ, ихъ высочества и ихъ свѣтлости и, поклонясь гробу, отбыли въ мѣста своего пребыванія. Во время отпѣванія перезванивали въ колокола, а при поднятіи гроба и погребенія трезвонили.

Ея величество съ государынею цесаревною, съ великою княгинею Марією Николаевною, великими княжнами Ольгою Николаевною, Марією Михайловною и Екатериною Михайловною, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими, слушали въ церкви Елагиноостровскаго дворца панихиду, а на погребеніи присутствовать не изволили.

Послѣ погребенія предъ отъѣздомъ въ Петергофъ принцу Фридриху Гессенскому по пріѣздѣ изъ Петропавловской крѣпости откланивались въ Елагиноостровскомъ дворцѣ, въ столовой комнатѣ, члены Государственного Совѣта, генераль-адъютанты, свиты Его Величества генераль-майоры и флигель-адъютанты и адъютанты ихъ высочествъ.

(Во все присутствіе высочайшихъ особъ въ Петропавловскомъ соборѣ находились по 14 камеръ-пажей. При встрѣчѣ тѣла покойной великой княгини и во все время пребыванія въ Петропавловскомъ соборѣ офиціанты въ траурѣ, а ливрейные служители были во вседневномъ платьѣ).

Три четверти перваго часа Ихъ Величества съ ихъ высочествами отсутствовали (sic) на пароходѣ Невгѣ въ Петергофъ и на пути имѣли обѣденный столъ въ 17-ти персонахъ, по прибытіи въ гавань проѣзжали въ дачу Александрію.

На 2-мъ пароходѣ находились свита проживающихъ особъ на Елагиномъ островѣ и также имѣли обѣденный столъ въ 21 персонѣ.

Августа 4-го. Въ четверть 9-го часа Ихъ Величества съ ихъ высочествами, Государемъ Цесаревичемъ, великою княжною Ольгою Николаевною, великою герцогинею и принцессою Мекленбургскими и принцемъ Александромъ Гессенскимъ выѣздъ имѣли въ гавань для провозанія принца Фридриха Гессенскаго*), супруга покойной великой княгини Александры Николаевны, и принца Христіана Голштейнскаго въ ихъ отечество отправлявшихся на пароходѣ «Камчаткѣ» (адъютантъ принца Фридриха Гессенскаго Ливдгольмъ принялъ изъ Анненской Лютеранской церкви тѣло покойнаго принца Вильгельма, сына покойной великой княгини, его свѣтлости, изъ С.-Петербурга отбылъ на вольномъ пароходѣ «Амстердамъ» въ свое отечество), до котораго Государь Цесаревичъ и принцъ Александръ Гессенскій проводили ихъ свѣтлостей.

За вечернимъ столомъ съ Ихъ Величествами кушали въ дачѣ Александрія: Государь Цесаревичъ, государыня цесаревна, великая

*) Принцъ Фридрихъ женился во второй разъ 26 Мая 1853 г. на Маріи-Анны-Фредерикѣ, родившейся 17 Мая 1836 г., дочери Фридриха-Карла-Александра, принца Пруссаго.

княжна Ольга Николаевна, великая герцогиня и принцесса Мекленбургскія и принцъ Александръ Гессенскій.

На этомъ свѣдѣніи Камеръ-фурьерскаго журнала о событіяхъ смерти и погребенія великой княгини и заканчиваются. А. О. Смирнова какъ бы съ сожалѣніемъ сообщаетъ В. А. Жуковскому, что принцъ Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій уѣхалъ въ день похоронъ, взявъ съ собою тѣло своего сына. Она сообщаетъ также, что въ продолженіе времени, когда тѣло великой княгини было выставлено въ Петропавловскомъ соборѣ, тысячныя толпы народа приходили поклониться ему. Сама Смирнова пріѣхала изъ за границы 10 дней спустя послѣ погребенія и передаетъ Жуковскому, уже какъ очевидица, что могила покрыта вся живыми цвѣтами, окружена бываетъ народомъ, постоянно служатся панихиды, на которыхъ плачутъ даже священники и пѣвчіе. Всякій рассказываетъ о ней (о почившей великой княгинѣ) что нибудь интересное. Не говоря уже о благодѣяніяхъ, которыя она расточала*), нужно восхищаться ея деликатностью, ея заботами о каждомъ: она распредѣлила маленькіе подарочки для каждаго въ видахъ своего отъѣзда въ Копенгагенъ, между прочимъ браслетъ для г-жи Нессельроде, которую очень полюбила; она даже послала конфеты маленькимъ пѣвчимъ. Лакеи, камеристки неутѣшны. Во время болѣзни она только въ теченіе 15 дней проявляла капризы; она сама сожалѣла о нихъ, со слезами просила извиненія у своей Англичанки и у своего камеръ-лакея; она тревожилась, чтобы эти капризы не имѣли вліянія на характеръ ея ребенка; всѣ ея заботы были такъ нѣжны и такъ мало себялюбивы. Ея Англичанка, Василій Петровичъ, ея камердинеръ и Микушина, ея камеристка, находились неотлучно около нея. Съ нею случались упадки силъ по временамъ очень сильныя, и она старалась скрыть ихъ отъ своихъ. «Вотъ, любезный Жуковскій, пишетъ Смирнова, грустныя подробности, грустныя и трогательныя; впрочемъ, все, что я видала и слышала по этому поводу—прекрасно и трогательно». Въ другомъ письмѣ къ Жуковскому Смирнова говоритъ, что многія трогательныя подробности о великой княгинѣ переданы ей однимъ священникомъ, другомъ Бажанова, отъ котораго она и слышала о нихъ. По словамъ Бажанова, великая княгиня была совершенно подготовлена къ смерти; частыя бесѣды, которыя онъ велъ съ нею до ея болѣзни, открыли ему много интимныхъ обстоятельствъ, которыя были неизвѣстны ея родителямъ.

*) Благодѣянія великой княгини не прекратились даже и послѣ ея кончины; такъ напримѣръ одинъ изъ современниковъ пишетъ, что „пятьсотъ рублей изъ суммъ великой княжны Александры Николаевны было назначено въ пенсію Рейтерну, тестю Жуковскаго“ („Русск. Стар.“ 1902 г., т. 110, Апрель, стр. 130 и 132).

Она еще до Рождества, будучи невѣстой, записала свои мысли въ маленькую книжечку; она уже тогда не считала себя жилицей на этомъ свѣтѣ. Бажановъ не хотѣлъ передать этотъ дневникъ Императрицѣ до 15 Августа—дня, когда она приобщалась. Причастіе принесло ей (Императрицѣ) много пользы. Императоръ тоже бесѣдовалъ съ Бажановымъ, который столь же доволенъ, какъ и счастливъ выраженными Императоромъ мыслями. Въ немъ много покорности судьбѣ и кротости въ несчастіи. Вотъ что онъ говорилъ (т. е. Бажановъ), и горестно, и радостно это слушать ¹⁾. Все это настраиваетъ на душеспасительныя и высокія размышленія. Хотѣлось бы оставаться, всегда оставаться подъ этими впечатлѣніями! Негодуешь на суету, которая отвлекаетъ отъ этихъ мыслей. Если-бы чаще ставить себя лицомъ къ лицу къ смерти, то насколько мы были бы лучше! Какъ всѣ житейскія дрязги исчезли бы передъ этимъ словомъ ²⁾. Императрица, продолжаетъ Смирнова, была столь добра, что, приняла меня, она уже начала вести корреспонденцію. Вотъ что она мнѣ сказала, нѣжно поцѣловавъ, такъ что я расплакалась: «J'écris et je pleure encore beaucoup; c'est si inutile de pleurer; cela me fait tant de mal, et cependant si naturel qu'on doit me pardonner cette faiblesse». (Я пишу и еще очень плачу, плакать такъ бесполезно, это причиняетъ мнѣ такъ много зла, а между тѣмъ это такъ естественно, что меня должны извинить за эту слабость).

Она говорила только о ней, какъ о живой, о тысячѣ мелочей; кажется, что ей трудно увѣрить себя въ страшной дѣйствительности ³⁾. Она

¹⁾ Это написано Смирновой по-русски.

²⁾ Эти письма Смирновой служатъ отвѣтомъ на запросы Жуковского, обращенные къ ней по поводу болѣзни и послѣднихъ минутъ жизни великой княгини Александры Николаевны, которую онъ интересовался не только какъ своею бывшею ученицею, но и какъ идеальной личностью. Такъ въ письмѣ отъ 11 (23) Августа 1844 г. изъ Франкеурта на Майнъ, онъ пишетъ Смирновой слѣдующее: „Прошу васъ, милая, напишите мнѣ о послѣднихъ дняхъ нашей несравненной великой княгини и обо всемъ, что было послѣ ея кончины; напишите все, все, что видѣли и что слышали. Я желаю имѣть всѣ подробности; всякая мелочь мнѣ будетъ дорога. Здѣсь ничего не слышу; что слышу, то невѣрно; въ официальныхъ извѣстіяхъ мало проку; а вы дайте мнѣ живыхъ вѣстей. Во всемъ этомъ такъ много прекраснаго, трогательнаго. Письмо Государя къ Кавелину несравненно; я увѣренъ, оно писано имъ самимъ, въ первую минуту по возвращеніи съ проводовъ дочери къ могилѣ. Грустно, грустно, что я въ такія минуты былъ отъ нихъ далеко; эти минуты сердечнаго страданія суть главныя въ жизни, ея прямое сокровище. Прошу васъ написать мнѣ побольше о Императорѣ и Императрицѣ: простое человѣческое горе, когда оно такъ живо и чисто, какъ въ нихъ, даетъ особенное сіяніе царской коронѣ“... „Рус. Арх.“ за 1883 г. кн. 2, стр. 340.

³⁾ Даже по прошествіи года Императрица не могла безъ слезъ вспомнить о смерти своей дочери. Такъ въ письмѣ графа М. Ю. Вельгорскаго къ В. А. Жуковскому отъ

воскрешаетъ ее въ своихъ воспоминаніяхъ; ея здоровье достаточно хорошо; странная вещь: въ продолженіе этихъ двухъ мѣсяцевъ тревогъ и столь печальной дѣйствительности, въ продолженіе 22 дней, у ней обнаружилось только одинъ разъ легкое сердцебіеніе; передъ этимъ же событіемъ она страдала весьма частыми и продолжительными сердцебіеніями. Императоръ постарѣлъ, очень постарѣлъ; слава Богу, онъ болѣе сосредоточенъ (*plus gefasst*), чѣмъ я бы могла думать, онъ болѣе грустенъ, чѣмъ удрученъ. Съ самаго начала онъ далъ мнѣ знакъ не говорить ему объ этомъ событіи, между тѣмъ онъ кончилъ тѣмъ, что самъ заговорилъ о немъ: «Это кровавая рана на всю жизнь, сказалъ онъ мнѣ, мы не можемъ и не должны забыть никогда Адини. (*C'est une plaie saignante pour la vie, m'a-t-il dit; nous ne pouvons et ne devons oublier jamais Adini...*»).

И дѣйствительно, память ея осталась святынею для царскаго семейства. Ея утрата была великимъ событіемъ жизни Николая Павловича: послѣ нея онъ значительно переѣнился характеромъ, что имѣло значительное вліяніе и на его правленіе. Даже и въ дѣлахъ общей политики кончина Александры Николаевны имѣла значеніе: будь она Датскою королевою, конечно, хищному сосѣду не удалось бы такъ ограбить Данію¹⁾. Съ кончиною великой княгини Александры Николаевны прекратился очень симпатичный обычай въ Царскомъ Селѣ, который заключался въ томъ, чтобы допускать публику къ окнамъ дворца во время домашнихъ вечеринокъ въ царской семьѣ. Съ этихъ поръ въ Александровскомъ дворцѣ въ Царскомъ никакихъ уже увеселеній не было²⁾... Ихъ Величества не хотѣли, чтобы веселились въ залахъ, чрезъ которыя проносились останки ихъ возлюбленной дочери, отошедшей преждевременно въ вѣчность³⁾.

Еще до погребенія великой княгини, 1 Августа, Императоръ Николай Павловичъ подѣлился своимъ горемъ съ Паскевичемъ, у котораго въ это время померла дочь Александра Ивановна, бывшая въ замужествѣ за флигель-адъютантомъ Петромъ Александровичемъ Балашевымъ. Вотъ это интересное письмо: «Царское Село, 1 (13) Августа 1844 г.

10 Февраля 1845 г. сообщается, что на экзаменѣ въ Смольномъ монастырѣ, въ которомъ очень большое участіе принимала покойная Александра Николаевна, Государыня была вся въ слезахъ и долго не могла выйти въ залу. („Рус. Арх.“ 1902 г. № 7, стр. 451).

1) „Рус. Арх.“ за 1869 г. кн. 3, стр. 406.

2) Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ. „Историческій Вѣстникъ“ 1898 г. Январь, т. LXXI, стр. 78.

«Пораженный тѣмъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и ты, любезный мой отецъ-командиръ, солью мою невыразимую скорбь съ твоею, ибо чувствовалъ заранѣе и теперь вполнѣ ощущаю то, чтó и твое отцовское сердце терпитъ. На это словъ нѣтъ, и кто прошелъ черезъ подобное можетъ только смиряться предъ Богомъ и говорить отъ глубины растерзаннаго сердца: да будетъ воля Твоя! Медлилъ я отвѣчать на первое твое письмо, потому что не могъ духомъ собраться все это время, чтобы взяться за перо. Почти девять недѣль ожиданія того, чтó третьяго дня совершилось, такъ сокрушило мою душу, что я съ трудомъ исполнялъ часть только своихъ обязанностей; ибо все это время былъ занятъ другою, святою. Наконецъ, Бугу угодно было прекратить страданія нашего ангела и призвать его къ Себѣ! И мы, хотя съ сокрушеннымъ сердцемъ, благодаримъ Господа, ибо Онъ ангелу далъ вѣрно ангельское мѣсто. Теперь въ грусти одно утѣшеніе—молитва и служба; я займусь попрежнему всѣми обязанностями, и авось Богъ подкрѣпитъ насъ. Какія плачевныя вѣсти сообщилъ ты мнѣ! Чтó за всеобщія пагубы! Несчастливымъ должно помочь немедленно и во чтобъ ни стало. Я желаю, чтобъ имя покойной моей дочери было связано съ благодѣяніемъ для Варшавскихъ бѣдныхъ и велѣлъ Туркуду тебѣ о томъ донести» *).

Кончина великой княгини Александры Николаевны, какъ мы уже знаемъ изъ писемъ А. О. Смирновой, явилась общимъ горемъ для всѣхъ жителей Петербурга, принадлежащихъ къ разнымъ слоямъ общества.

Это общее сочувствіе всего народонаселенія горю царской семьи было пріятнымъ утѣшеніемъ Императору Николаю Павловичу въ его семейномъ горѣ, и онъ выразилъ это въ рескриптѣ на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, который оповѣстилъ жителей столицы объ этомъ рескриптѣ, распространивъ его въ печатныхъ экземплярахъ. Въ этомъ оповѣщеніи было напечатано слѣдующее: «С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ, удостоясь получить, сегодня въ два часа по-полуночи, собственноручный высочайшій рескриптъ, поспѣшаетъ сообщить оный жителямъ столицы.

«Александръ Александровичъ! Проводивъ тѣло покойной моей дочери до послѣдняго ея жилища, первую потребностію моего сердца поручить вамъ возвѣстить жителей столицы, сколь глубоко, душевно тронуты мы всѣ всеобщимъ участіемъ, оказаннымъ намъ, какъ во время продолжительной смертельной болѣзни усопшей нашей любезной

*) Императоръ Николай Павловичъ въ его письмахъ къ князю Паскевичу. Рус. Архивъ за 1897 г. кн. 1, стр. 30—31.

дочери, такъ и при кончинѣ ея и наконецъ въ сію же ночь. Не новы для меня подобныя изъявленія всеобщихъ чувствъ. Доселѣ они оказывались въ дни радостей; когда же Богу угодно было испытать насъ самымъ чувствительнымъ ударомъ, смирясь предъ неисповѣдимой волей, что можетъ быть утѣшительнѣе для нашихъ родительскихъ сердецъ, какъ видѣть столь разительно, столь умизительно, что горе наше—горе общее, горе всей семьи народной, Богомъ мнѣ врученной! Благодаримъ отцовски за сыновнюю любовь. Въ сей любви намъ утѣшеніе, мнѣ—сила подвизаться на тяжеломъ поприщѣ.

«Да будутъ сіи взаимныя чувства залогомъ и впредь счастья Россіи. Пребываемъ вамъ всегда благосклоннымъ Николай».

Елѣгинъ Островъ. 2-го Августа 1844 г.,
во второмъ часу утра.

Наконецъ, по поводу кончины великой княгини мы имѣемъ письмо В. А. Жуковскаго изъ Франкфурта на Майнѣ отъ 14 (26) Августа 1844 г. къ великому князю наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу. Это письмо можетъ прибавить еще одинъ лишній лавръ къ славѣ Жуковскаго. По своей высокой поэтичности, глубокой грусти и по своей христіанской покорности судьбѣ—оно представляетъ высокій интересъ. Въ этомъ письмѣ вылилась вся поэтическая душа Жуковскаго, открывъ намъ его любвеобильное сердце; въ немъ онъ является прежде всего человѣкомъ, помнящимъ тѣ минуты, которыя онъ проводилъ въ семьѣ своей царственной ученицы. Вотъ это интересное письмо: «То чего давно съ трепетомъ ожидали, наконецъ совершилось; но оно поразило душу какъ неожиданное. Все казалось, не смотря на неизбѣжность очевидную, что эта чаша еще можетъ пройти мимо. Подкрѣпи Богъ душу отца и матери! Мысль о нихъ безпрестанно отзывается въ сердцѣ. Не могу сказать вашему высочеству, какъ мнѣ грустно быть въ сторонѣ, тогда, какъ первое несчастье семейное постигло домъ царскій, гдѣ въ свое время я со всѣми вами дѣлилъ однѣ только радости. Тоской по отчизнѣ наполнилось сердце, когда мнѣ рассказаны были немногія здѣсь извѣстныя подробности кончины нашей ангельской великой княгини, и ничто бы меня здѣсь не удержало, если бы я былъ одинъ, если бы положеніе жены моей не лишало насъ всякой возможности тронуться съ мѣста. Но отдаленіе въ такія минуты можно назвать несчастіемъ. Какъ многое тревожить, какъ многое необходимо знать! И нѣтъ никакого способа успокоить свою тревогу. Что Государь? Что Государыня? Теперь только, послѣ мучительныхъ заботъ, которыя напоминали всѣ минуты, пока продолжалась болѣзнь, а

съ нею и надежда на спасеніе, наступили минуты покойнаго безнадежнаго убѣжденія, что все кончилось. Боюсь этихъ минутъ для родительскаго сердца; конечно, когда оно перейдетъ черезъ нихъ, когда вознесется на высоту человѣческаго страданія, то съ этой высоты откроется глазамъ иной горизонтъ. Въ каждой земной уtratѣ слышится намъ голосъ: Приидете ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы! Счастлива душа способная слышать этотъ призывъ; а всякая печаль есть не иное что какъ путь, по которому медленнѣе или скорѣе мы доходимъ къ этому призывающему Успокоителю. А здѣсь столько умиляющаго, умиряющаго вѣрующую душу! Кого отпустили мы въ лучшую жизнь? Чистаго ангела, достойнаго всѣхъ ея радостей. И какъ будто въ награду за страданія, перенесенныя такъ смиренно въ продолженіе тяжкой болѣзни, Богъ обратилъ ея послѣднія минуты въ радость матери; она слышала голосъ этого младенца, и душа сына, котораго здѣсь она въ лицо не видала, первая встрѣтила ее на порогѣ той жизни—два товарища, неразлучные на всю жизнь, равно чистые: одна непорочною жизнію, другой незнаемъ здѣшней жизни, въ которой только успѣлъ получить право на вѣчную, не испытавъ никакихъ здѣшнихъ превратностей и искушеній. Все это трогаетъ и возвышаетъ сердце. Земная сторона этого событія представляетъ во всей разительности ничтожность земныхъ благъ и упованій. Что сказалъ бы какой-нибудь Воссюэтъ, смотря съ одной стороны на гробъ, въ которомъ столько прелести затворилось, а съ другой на сокрушеніе отца и матери съ цѣлымъ народомъ и на несчастнаго вдовца, который долженъ теперь возвратиться въ свою землю съ однимъ только гробомъ минутнаго своего сына. Но сторона небесная этой утраты возноситъ душу. Это ангельская кончина, это вѣрность вѣчныхъ радостей не слишкомъ дорогою цѣною купленныхъ, это свѣтлое вѣчное товарищество двухъ родныхъ душъ, эта неразлучность съ своими и на землѣ, наконецъ, самая эта скорбь родительская, отозвавшаяся во всѣхъ сердцахъ семьи народной и обращающаяся въ благословеніе Богу,—что передъ этимъ все остальное? Государь въ несравненномъ своемъ письмѣ, написанномъ въ кипѣніи первой скорби, выразилъ всю тайну этой высокой скорби. Не одни небесныя утѣшенія для него существуютъ; для него много и земныхъ, столь же вѣрныхъ, какъ тѣ. А она между тѣмъ блаженствуетъ, и навсегда! Не могу надѣяться, чтобы ваше высочество нашли время написать мнѣ и сообщить подробности кончины великой княгини, которая всѣ для меня драгоценны; если вамъ нѣтъ возможности подарить меня письмомъ, то сдѣлайте мнѣ другой подарокъ. Я этого подарка хотѣлъ просить у нея самой, но не успѣлъ; она вѣрно бы мнѣ не отказала. За посвященіе ей моей поэмы *Налъ и Дамаянти*,

я хотѣлъ просить ее прислать мнѣ маленькую копію акварелью, сдѣланную Гау съ ея портрета. Теперь мнѣ чрезвычайно грустно, что я этого сдѣлать не успѣлъ. Не можете ли ваше высочество дать мнѣ эту копію? Для меня было бы весьма дорого получить ее отъ васъ, а вамъ ее мнѣ дать весьма легко: стоитъ только захотѣть и сказать одно слово. Я и надѣюсь отъ васъ этой милости *)»...

Какъ продолженіе этого письма Жуковскаго невольно запрашиваются стихи его, писанные хотя и не на смерть великой княгини Александры Николаевны, но вполнѣ приложимые въ данномъ случаѣ къ ней и характеризующіе ее, какъ поэтическую идеальную личность не отъ міра сего:

„Какъ радость чистая, сердца влекла она,
 Какъ непорочная надежда расцвѣтала!
 Была невинность ей въ соупутницы дана,
 И младость ей свои всѣ блага обѣщала.
 Но жизнь ея—призракъ! Плынулъ насъ и исчезъ.
 Лишь плачущимъ о ней гласить ея могила,
 Что совершенное судьба опредѣлила
 Не для земли, а для небесъ“.

Еще поэтичнѣе, но болѣе сжато Жуковскій выразилъ ту же мысль въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Минуту насъ она собой плѣняла!
 Какъ милый блескъ, пропала изъ очесъ!
 Рука Творца ее образовала
 Не для земли, а для небесъ“.

Память о великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ сохранилась въ особенности въ Царскомъ Селѣ какъ во дворцахъ, такъ и въ паркахъ. По увѣренію лэди Блюмфильдъ, которая посѣтила 2 Іюня 1846 года Зимній дворецъ, ей показывали комнаты покойной великой княгини Александры Николаевны, отдѣланныя къ ея бракосочетанію съ принцемъ Нассаускимъ и которыя остались нежилыми послѣ ея кончины. Въ той комнатѣ, гдѣ скончалась Александра Николаевна, въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, устроена молельня. Для этого пришлось отдѣлать отъ большаго углового кабинета Императрицы часть комнаты, именно то мѣсто, на которомъ стояла кровать, и здѣсь образовалась темненькая комната, отдѣленная дверью отъ другой части комнаты, въ которой осталось окно. На этомъ окнѣ есть чудное изображеніе ангела со свѣчей и кадиломъ, принадлежащее, кажется, кисти архимандрита Брянчанинова. Въ этой темной комнатѣ поставленъ въ

*) Рус. Арх. за 1883 г. 4, стр. CI—CII.

1845 году по средней стѣнѣ образъ, а по боковымъ стѣнамъ висятъ кіоты со всѣми принадлежавшими покойной иконами. Образъ этотъ изображаетъ въ натуральную величину св. мученицу, царицу Александру, ликъ которой представляетъ точную копію лица Александры Николаевны и писанъ нашимъ извѣстнымъ художникомъ Карломъ Брюловымъ ¹⁾. Конечно, съ устройствомъ этой моленной Императрица не занимала больше этотъ кабинетъ, такъ какъ не въ силахъ была жить въ комнатѣ, напоминавшей понесенную ею утрату; поэтому распредѣленіе покоевъ ея величества было совсѣмъ переиначено.

Во время своей болѣзни Александра Николаевна задумала устроить сюрпризъ своимъ родителямъ и приказала построить на одномъ изъ острововъ въ Царскосельскомъ паркѣ, на которомъ она часто проводила время со своею матерью, небольшой сельскій деревянный домикъ. Но сюрпризъ этотъ былъ готовъ уже послѣ ея кончины... Въ домикѣ виситъ небольшой акварельный портретъ великой княгини, съ подписью словъ, сказанныхъ ею: «Je sais que le plus grand plaisir de papa c'est d'en faire à maman!» («Я знаю, что самое большое удовольствие папа состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать удовольствіе мама!» ..) Она все это устраивала въ память себя для матери, въ мысли, что она оставитъ родительскій домъ и отечество, чтобъ слѣдовать за мужемъ. На прудѣ, окружающемъ этотъ островокъ, плаваютъ черные лебеди. Грустное мѣсто ²⁾).

Въ саду, окружающемъ этотъ домикъ, недалеко отъ берега пруда, въ Александровскомъ паркѣ, поставленъ въ 1850 году памятникъ въ честь покойной Александры Николаевны. Онъ изображаетъ собою часовню изъ бѣлаго мрамора, въ которой поставлена статуя великой княгини съ младенцемъ на рукахъ. Монументъ исполненъ художникомъ Витали ³⁾. Баронесса М. П. Фредериксъ замѣчаетъ:.. «Статуя во весь ростъ, держащая на рукахъ младенца, стоитъ на облакахъ и собирается улетать. Статуя эта исполнена изъ бѣлаго мрамора художникомъ Витали; сходство поразительное, особенно профиль совершенно ея»

¹⁾ Кажется, образъ этотъ поставленъ иждивеніемъ офицеровъ Кирасирскаго его величества полка.

²⁾ Изъ воспомин. барон. М. П. Фредериксъ, Истор. Вѣсти. 1898 г. т. LXXI, Январь, стр. 86 и 87. Свѣдѣніе объ островѣ неверно. Память немного измѣнилась баронессѣ, такъ какъ этотъ домикъ находится не на островѣ, а на материкѣ, на берегу небольшого озера, образуемаго протекающею черезъ паркъ рѣчкою.

³⁾ Историческіе памятники въ г. Царскомъ селѣ Н. Л. Шряева. Истор. Вѣсти. 1893 г. т. LIII, Іюль, стр. 190.—Царское Село. А. Волкова, стр. 12.

(стр. 87). Лэди Блюмфильдъ, сообщаетъ, въ свою очередь, что она посѣтила въ Царскомъ Селѣ любимое мѣсто великой княгини, гдѣ она кормила своихъ лебедей. Государь воздвигъ памятникъ изъ бѣлаго и чернаго мрамора, причеиъ великая княгиня съ ребенкомъ на рукахъ представлена восходящею на небо. Говорятъ, что голова похожа, но туловище длинно и непропорціонально ¹⁾

Всѣ эти памятники принадлежатъ къ воспоминаніямъ о великой княгинѣ ея родителей. Но кромѣ этихъ памятниковъ, существуютъ еще памятники, имѣющіе общественное значеніе.

Къ таковымъ памятникамъ общественнаго значенія слѣдуетъ поставить на первое мѣсто Александринскую больницу для чахоточныхъ женщинъ въ С.-Петербургѣ на Надеждинской улицѣ. Учрежденіемъ этой больницы какъ бы офиціально удостовѣрилась болѣзнь—чахотка, отъ которой умерла великая княгиня. Другія же заведенія въ честь ея въ С.-Петербургѣ и въ провинціи учреждены для дѣтей.

Александровская больница возникла слѣдующимъ образомъ. Наканунѣ погребенія великой княгини, именно 3 Августа 1844 г., императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна обратились къ наслѣднику цесаревичу Александру Николаевичу съ слѣдующимъ рескриптомъ: «Государю наслѣднику. Супругъ покойной сестры вашей, любезной дочери нашей Александры Николаевны, принцъ Фридрихъ Гессенскій обратился къ намъ съ желаніемъ почтить память усопшей супруги богоугоднымъ дѣломъ, которое бы на вѣчныя времена сохранило въ памяти жителей столицы имя столь горестно нами оплакиваемой и имъ столь любимой представившейся. Его свѣтлость жертвуетъ на сей предметъ капиталъ, равный цѣнности драгоценнымъ вещамъ, принадлежавшимъ къ приданому великой княгини. Съ особымъ удовольствіемъ принявъ благородное намѣреніе принца, столь согласное со всегдашними чувствами любезной нашей дочери, Императрица и я изъявили вполнѣ наше согласіе и удовольствіе его свѣтлости. Сходно его желанію поручаю вамъ составить комитетъ подъ вашимъ предсѣдательствомъ, изъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, принцевъ Петра Ольденбургскаго и Александра Гессенскаго, и генералъ-адъютанта Кавелина ²⁾, для исполненія сего богоугоднаго дѣла».

¹⁾ Рус. Арх. 1899 г. №, 6, стр. 239.

²⁾ 16 Февраля 1847 г. генералъ-адъютанта Кавелина заиинилъ генералъ-адъютанта М. Е. Храповицкаго.

«Я надѣюсь, что въ память сестры вашей вскорѣ столица украсится новымъ заведеніемъ на пользу страждующимъ, въ которомъ на вѣчныя времена возсылаются будутъ молитвы о упокоеніи души любезной въ блаженство переселившейся дочери».

«Заведенію сему, по намѣренію принца, именоваться: заведеніемъ великой княгини Александры Николаевны, учрежденнымъ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ». «Пребываемъ васъ нѣжно любящими». На подлинномъ собственною ихъ императорскихъ величествъ рукою написано: «Александръ», «Николай». Вслѣдъ за симъ 15 Августа 1844 г. ¹⁾ воспослѣдовалъ именной высочайшій указъ Кабинету:

«Оставшіяся послѣ любезнѣйшей дочери нашей, въ Богѣ почившей великой княгини Александры Николаевны и поступившія въ Кабинетъ приданія брилліантовыя вещи повелѣваю: записать въ приходъ, а сумму двѣсти пятьдесятъ пять тысячъ двѣсти семь рублей серебромъ, въ что обошлось кабинету приготовленіе тѣхъ вещей, пожертвованную супругомъ ея высочества его свѣтлостью принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ на богоугодное дѣло, въ память преставившейся, отчислить изъ капиталовъ Кабинета, и, присоединивъ двадцать семь тысячъ двѣсти пятьдесятъ восемь рублей, оставшіяся отъ приготовленія гардероба, а всего двѣсти восемьдесятъ двѣ тысячи четыреста шестьдесятъ пять рублей, внести въ одно изъ кредитивныхъ учрежденій, обращая проценты съ сего капитала на содержаніе того богоугоднаго заведенія, которое въ память покойной учреждено будетъ». На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Николай».

Приступивъ къ исполненію высочайшей воли, изложенной въ рескриптѣ Государя Императора на имя Государя Наслѣдника Цесаревича, отъ 3-го Августа 1844 года, комитетъ нашелъ ²⁾, что «дѣломъ наиболѣе согласнымъ съ желаніемъ его свѣтлости принца Фридриха Гессенскаго и вполне сообразнымъ съ христіанскими чувствованіями въ Богѣ почившей государыни великой княгини Александры Николаевны было бы учрежденіе такой женской больницы, гдѣ страждущія тяжкими хроническими болѣзнями, не подающими надежды на исцѣленіе и въ обыкновенныя городскія больницы неприняемаыя, находили бы возможное въ

¹⁾ Высочайшій рескриптъ, отъ 3 Августа 1844 г., и именной указъ отъ 15 того же Августа, навлечены изъ дѣла № 374, архива собственной его императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи.

²⁾ Журналъ Комитета, 22 Августа 1844 г. (д. Архива № 374).

страданіяхъ своихъ облегченіе, спокойный пріютъ и внимательную заботливость, могущія усладить дни ихъ, изочтенные Провидѣніемъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, въ 1848 году, по мысли и на средства супруга покойной княгини принца Фридриха Гессенскаго, въ Петербургѣ, на нынѣшней Надеждинской ул., открыта женская больница имени великой княгини Александры Николаевны. Принцъ Фридрихъ Гессенскій, какъ мы видѣли выше, пожертвовалъ на устройство больницы сумму, равную приданому великой княгини, 225,207 рублей серебромъ, да Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Цесаревна еще прибавили изъ своихъ средствъ 30,000 рублей серебромъ. Больница построена по плану архитектора Брюлова; начата постройка весною 1845 года, открытіе послѣдовало 29 Юля 1848 года въ высочайшемъ присутствіи. По мысли комитета, высочайше образованнаго для обсужденія способовъ осуществленія желанія принца Гессенскаго, открываемая больница имѣеть въ виду главнымъ образомъ доставить «облегченіе въ страданіяхъ, спокойный пріютъ и внимательную заботливость страдающимъ тяжкими хроническими болѣзнями, не подающимъ надежды къ исцѣленію и въ обыкновенныя городскія больницы неприняемымъ». Число кроватей ограничено 50. Въ 1888 г. сдѣлана двухъэтажная пристройка, въ первомъ этажѣ помѣщены кабинеты для лѣченія ингаляціями, второй представляетъ большое зало для прогулокъ больныхъ. По официальнымъ даннымъ, сохранившимся въ архивахъ больницы и затѣмъ въ архивѣ контроля Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи, число принятыхъ больныхъ за все время существованія больницы до 1898 г. равняется 11,062. Больныя въ отчетахъ раздѣляются на двѣ рубрики: неизлѣчимыя и беременныя. Громаднѣйшее число изъ принятыхъ больныхъ— чахоточныя. Со дня открытія Александринской женской больницы до 1881 г. ею, вмѣстѣ съ Маріинской, управлялъ почетный опекунъ, его императорское высочество принцъ Георгій Петровичъ Ольденбургскій, въ настоящее время почетнымъ опекуномъ состоитъ главноуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, генералъ-адъютантъ графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ ²⁾.

Второе заведеніе въ память великой княгини находится также въ С.-Петербургѣ и предназначено для образованія дѣвочекъ и мальчиковъ.

¹⁾ Краткій историческій очеркъ 50-ти-лѣтняго существованія Александринской женской больницы, учрежденной въ память въ Богѣ почивающей великой княгини Александры Николаевны. Составленъ помощникомъ директора В. И. Кусковымъ и А. Н. Лозатниковымъ подъ редакціей лейбъ-хирурга Е. В. Павлова. С.-Пб. 1899, стр. 1 и 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 14.

Приютъ имени великой княгини Александры Николаевны въ Петербургѣ учрежденъ 1 Марта 1844 года на 150 приходящихъ дѣтей. Въ 1847 г. для него выстроены каменный домъ на Ново-Петергофскомъ проспектѣ, въ 1849 г. при приютѣ открыто сиротское отдѣленіе на 28 круглыхъ сиротъ дѣвочекъ, которому впослѣдствіи присвоено наименованіе Строгановскаго. Въ 1864 г. съ Строгановскимъ отдѣленіемъ соединены Петергофское и Царскосельскія отдѣленія, и комплектъ увеличеннаго такимъ образомъ Строгановскаго отдѣленія былъ опредѣленъ въ 75 сиротъ дѣвочекъ. Воспитанницы Строгановскаго отдѣленія по своимъ способностямъ распредѣлялись на три группы: первая группа занималась учебными предметами и предназначалась къ занятію въ приютахъ мѣсть помощницъ-смотрительницъ, другая занималась преимущественно рукодѣліями и приготавливалась къ поступленію въ мастерскія, третья подготавливалась въ прислуги. Въ настоящее время приютъ вмѣстѣ съ Строгановскимъ отдѣленіемъ находится подъ покровительствомъ великой княгини Александры Іосифовны и приарѣваетъ 100 постоянно живущихъ дѣвочекъ и 190 приходящихъ дѣтей обоого пола. Приютъ имѣетъ собственнаго капитала 122,650 р., содержаніе его обходится въ 18,300 р. въ годъ. При приютѣ находится храмъ во имя св. мученицы царицы Александры, отстроенный въ 1868 году *).

Наконецъ, еще одно благотворительное учрежденіе въ память великой княгини Александры Николаевны мы находимъ уже въ провинціи, а именно въ гор. Полтавѣ. Въ 1845 г. дѣтскому приюту, открытому въ гор. Полтавѣ 1 Ноября 1844 г., присвоено наименованіе «Александринскій» въ память великой княгини Александры Николаевны. Основной капиталъ приюта, первоначально составлявшій 5,297 р. 64½ к., образовался путемъ пожертвованій, затѣмъ отъ концертовъ и лотерей. Въ послѣдующее время капиталъ разными путями увеличивался и къ 1-му Января 1888 года достигъ 44,571 р. 51 к. Въ 1850 г. при приютѣ учреждено ночлежное отдѣленіе для постоянного содержанія въ ономъ дѣтей бѣдныхъ родственниковъ Петлюры, главнаго жертвователя въ пользу приюта, и другихъ бѣднѣйшихъ дѣтей, всего въ количествѣ 6. Съ расширеніемъ приюта въ 1875 г. новыми пристройками увеличилось число приарѣваемыхъ дѣтей: приходящихъ до 60 и помѣщающихся въ ночлежномъ отдѣленіи до 12; въ настоящее время Полтавскій приютъ приарѣваетъ 112 дѣтей, въ томъ числѣ 32 пансіонерки въ ночлежномъ

*) Датскіе приюты Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи (1839—1889). Въ пятидесятлѣтію со времени изданія положенія о датскихъ приютахъ 27 Декабря 1839 г. С.-Пб. 1889 г., стр. 52—55.

отдѣленіи. Въ 1887 году послѣдовало высочайшее разрѣшеніе оставлять въ ночлежномъ отдѣленіи дѣтей-сиротъ до 17-ти-лѣтняго возраста съ цѣлю предоставленія имъ возможности приобрѣтать практическія знанія какихъ-либо ремеслъ и рукодѣлій*).

Николай Гастфрейндъ.

П р и л о ж е н і е.

Le prince de Hesse, promis de la fille de l'Empereur, est d'un extérieur très agréable, d'une taille moyenne, il est beau fait, et son sourire est bienveillant. Je l'ai trouvé un peu trop vif dans ses mouvements, mais cela tient à son âge, et il est certain que l'exemple de nos princes donnera à sa tenue ce calme si plein de dignité, qui les distingue.

10 Janvier. Quand une alliance de famille est sur le point d'être conclue, il est d'usage que la cour du pays d'où est le promis envoie un délégué pour signer le contract du mariage. Le prince régnant de Hesse, tout en déclarant qu'il n'avait rien à dire contre l'union du jeune prince Frédéric avec la Grande-Duchesse de Russie, s'opposa à l'envoi d'un employé diplomatique ou autre pour la signature du contract. Cette déviation aux formalités reçues et observées en pareil cas blessa l'Empereur. Le comte B. osa lui remarquer à cette occasion que le prince de Hesse gardait rancune pour un fait qui s'est passé lors d'un des voyages de Sa Majesté Impériale à l'étranger, et que le chef de la gendarmerie s'empressa de rappeler à l'Empereur. A l'arrivée de Sa Majesté à Foulda une garde d'honneur, ayant à sa tête le prince lui-même, stationnait devant la maison préparée pour l'auguste voyageur. Le Souverain, contrarié de cette manifestation à laquelle il ne s'attendait point, n'accepta pas la garde d'honneur et ne reçut pas son chef. C'est avec regret que l'Empereur se ressouvint de cet événement.

*) Датскіе приюты Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи (1839—1889). Къ пятидесятилѣтію со времени изданія положенія о дѣтскихъ приютахъ 27 Декабря 1839 г. С.-Пб. 1889 г., стр. 237—240.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ БАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

1847.

Церковный попечитель Каррійскаго прихода отставной полковникъ фонъ-Миллеръ 21 Мая 1847 года Эзельскому орднунгсгерихту донесъ, что, узнавъ о томъ, что православный священникъ Устрицовъ, съ причетникомъ своей церкви, прибылъ въ принадлежащую къ округу Каррійскаго пастората деревню Ливнакà къ крестьянину Гиндрику Михелю, съ тѣмъ, чтобы совершить мѣропомазаніе, онъ Миллеръ отправился туда, чтобы удержать его отъ зего незаконнаго мѣропомазанія въ крестьянскомъ домѣ.

Тотчасъ по прибытіи онъ Миллеръ спросилъ у священника Устрицова, почему онъ предпринимаетъ мѣропомазаніе въ деревнѣ, тогда какъ для этого назначены церковь въ Аренсбургѣ и его временная церковь. На что онъ отвѣтилъ, что ему никто не можетъ препятствовать крестить гдѣ ему угодно. На это Миллеръ сказалъ стоявшимъ въ комнатѣ крестьянамъ, множеству женщинъ, мужчинъ и дѣтей, чтобы они, если пришли для мѣропомазанія, удалились, такъ какъ это запрещено совершать въ крестьянскихъ домахъ. Тутъ священникъ Устрицовъ началъ говорить, что онъ не позволитъ имъ удалиться и что они не должны уходить. Вслѣдъ за симъ между Миллеромъ и священникомъ Устрицовымъ начался разговоръ, при которомъ онъ не только обращался къ Миллеру съ самою неприличною грубостію, называя его «ты», притворился, будто Миллера не знаетъ и называлъ его опущеннымъ солдатомъ, хотя онъ Миллеръ сказалъ ему, кто онъ таковъ, и замѣтилъ, что онъ не въ правѣ ни лишать его чина, ни отказывать ему въ приличной вѣжливости. На это онъ отвѣчалъ только словами: «врешь, врешь», и вызывалъ крестьянъ связать этого опущеннаго солдата, требуя при томъ веревокъ, которыя и были ему брошены изъ толпы, но къмъ, онъ Миллеръ не замѣтилъ. Затѣмъ онъ самъ схватилъ его, чтобы выполнить эту обиду; но какъ Миллеръ могъ взяться за свертокъ веревокъ, то дѣло и не дошло до того, ибо и крестьяне не содѣйствовали. Послѣ священникъ толкнулъ его въ уголъ, приставилъ

къ двери двухъ крестьянъ для присмотра, чтобы онъ не ушелъ, и началъ, въ его присутствіи, крестить и миропомазывать множество людей. Миллеръ же между тѣмъ свободно вышелъ чрезъ другую дверь и уѣхалъ домой, чтобы донести орднунгсгерихту объ оскорбительномъ и выходящемъ за черту всякаго приличія поступкѣ съ нимъ и просить о защитѣ при исполненіи порученій начальства. Онъ Миллеръ съ своей стороны ни съ кѣмъ не обращался неприлично, священника Устрицова всегда называлъ «вы», и нѣсколько разъ просилъ его уважать мундиръ Государя и, такъ какъ онъ, стоя одинъ противу толпы, ничего сдѣлать не могъ, просилъ пустить его идти своею дорогою; но онъ отвѣчалъ на это, что не позволяетъ и хочетъ отослать его въ городъ.

Все вышеизложенное онъ Миллеръ можетъ засвидѣтельствовать, по сущей справедливости, съ присовокупленіемъ, что во время такого обращенія съ нимъ на немъ разорванъ его форменный сюртукъ, но кѣмъ именно, этого онъ сказать не можетъ.

Вслѣдствіе сего Эзельскій орднунгсгерихтеръ, 26 того же Мая, въ донесеніи исправляющему должность Лифляндскаго гражданскаго губернатора, изъяснилъ, что изъ препровождаемаго при семъ донесенія полковника Миллера видно, какія 21 числа того Мая мѣсяца случились неподалеку отъ Каррійской церкви въ д. Линнакѣ, при содѣйствіи и по наущенію священника Иванова (называемаго Устрицовымъ) противузаконности и явное возстаніе противу существующаго порядка и законныхъ властей. Когда церковный попечитель фонъ-Миллеръ отправился въ помянутую деревню съ тѣмъ, чтобы, вслѣдствіе даннаго ему высшимъ начальствомъ порученія, исполнить законнымъ путемъ свою должностную обязанность предъ собраніемъ въ крестьянскомъ дворѣ, состоявшимъ почти изъ 400 человекъ, священникъ Ивановъ выступилъ противу него предъ собравшимися крестьянами съ насиліемъ и наложилъ даже на него руки, вызывая къ тому же и окрестъ стоявшихъ. Хотя крестьяне (какъ онъ орднунгсгерихтеръ убѣдился по сдѣланному уже 26 Мая предварительному слѣдствію) еще боялись совершенно исполнить таковой вызовъ, ибо только одинъ изъ нихъ украдкою бросилъ веревку, которою имѣлъ быть связанъ полковникъ фонъ-Миллеръ, однакожь произведенное этою выходкою волненіе между крестьянами крайне опасно; потому что случившееся, кажется имъ, служить яснымъ доказательствомъ, что теперь существующій законный порядокъ опровергнуть. По сему онъ орднунгсгерихтеръ, доводя о семъ до свѣдѣнія, вмѣнилъ себѣ при томъ въ обязанность просить начальника губерніи, чтобы священникъ Устрицовъ, который, по своему нынѣшнему образу жизни, повсюду извѣстенъ какъ грубый и дерзкій человекъ и слѣдовательно не можетъ способствовать къ сохраненію тишины, былъ удаленъ съ

Эзеля какъ можно скорѣе; ибо иначе могло бы дойти до еще болѣе опасныхъ выходовъ, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ показанъ примѣръ формальнаго сопротивленія употребленной полковникомъ Миллеромъ полицейской власти.

Предоставляя это, а равно строгое и рѣшительное наказаніе настоящаго случая, благоусмотрѣнію начальника, ордунгсрихтеръ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ предписаній и распоряженій, не применитъ продолжать изслѣдованіе, по которому уже оказалось, въ дополненіе рапорта полковника фонъ-Миллера, что дьячекъ полученную имъ отъ работника Юрри Медера веревку надѣлъ петлею полковнику фонъ-Миллеру на ноги и затѣмъ, вмѣстѣ съ священникомъ, повалилъ его на землю, при чемъ и разорванъ мундиръ помянутаго церковнаго попечителя.

27-го того жъ Мая преосвященный Филаретъ епископъ Рижскій въ присланномъ къ исправляющему должность Лифляндскаго гражданскаго губернатора отношеніи изъяснилъ что «Іоанновскій священникъ (на о. Эзелѣ) Петръ Ивановъ рапортомъ отъ 23 сего Мая донесъ ему, что тогда какъ онъ въ своемъ приходѣ 21 Мая совершалъ надъ нѣсколькими младенцами крещеніе и приготавливалъ къ причастію и муропомазанію нѣсколькихъ человекъ, въ то самое время, какъ онъ хотѣлъ начинать муропомазаніе, вбѣжалъ въ комнату въ пыли человекъ и съ громкимъ крикомъ спрашивалъ «кто вамъ позволилъ сюда прибыть, что вы дѣлаете?» и не ожидая отвѣта, бывшею въ рукахъ толстою палкою началъ бить крестьянъ и выгонять вонъ. Такъ какъ это было во временномъ походномъ храмѣ и начиналось совершаться таинство, то священникъ сталъ останавливать бѣснующагося (иначе назвать его нельзя). Онъ же оттолкнулъ священника и у причетника Конюшевскаго разорвалъ шинель, а священника грозилъ связать. Едва удержавъ его отъ буйства, священникъ объяснилъ ему, что долженъ отправить его въ ордунгсгерихтъ. На вопросъ: кто онъ таковъ, онъ отвѣчалъ только, что онъ Миллеръ. Во время совершенія муропомазанія онъ удалился изъ дома». Священникъ, по случаю отхода почты поспѣшивъ отправить сіе донесеніе, просилъ его о скоромъ распоряженіи къ огражденію его, св. храма и таинствъ отъ подобныхъ неистовствъ. По сему преосвященный просилъ учинить немедленно распоряженіе къ прекращенію подобныхъ неистовствъ противъ Православія; и если прописанный Миллеръ не лишень ума и онъ есть тотъ самый, о которомъ уже писано было къ генералъ-губернатору въ отношеніи отъ 8 Апрѣля того года за № 2975 *), то предать его строгому суду по законамъ.

*) Въ чемъ состояло это отношеніе, не знаемъ. П. Б.

А 2 Іюня того 1847 года, Эзельскій орднунгсгерихтъ рапортовалъ Рижскому генераль-губернатору, что 26 Мая, Каррійскій церковный попечитель полковникъ фонъ-Миллеръ донесъ орднунгсгерихту, что онъ, согласно предписанію главнаго церковнаго попечительства блюсти за исполненіемъ высочайшей воли, которою воспрещено совершеніе мѣропомазанія по деревнямъ и объ отмѣненіи которой тогда еще не было объявлено, отправился, 21 Мая, въ находящійся въ д. Линнакѣ крестьянскій дворъ Михеля Мельдера, гдѣ собралось около прибывшаго туда Нейенгофскаго священника Иванова множество крестьянъ, отъ которыхъ онъ фонъ-Миллеръ потребовалъ, чтобы они, если пришли для мѣропомазанія, удалились, такъ какъ это таинство запрещено совершать въ такомъ мѣстѣ. Тогда священникъ Ивановъ, не смотря на напоминаніе фонъ-Миллера о царскомъ мундирѣ, который онъ въ то время имѣлъ на себѣ и о должномъ ему уваженіи, напустился на него, въ присутствіи крестьянъ, на Эстонскомъ нарѣчій, съ «ты» и выраженіями какъ «отпущенный солдатъ», «врешь, врешь» и грозилъ связать его веревками, которыя наконецъ и были принесены; при этомъ на немъ разорванъ царскій мундиръ, и онъ, по приказанію священника, который грозилъ отослать его въ городъ, съ насиліемъ былъ засажень въ уголъ комнаты.

Изъ произведеннаго, вслѣдствіе сего, орднунгсгерихтеромъ, гвардіи штабсъ-капитаномъ фонъ-Буксгевденомъ, мѣстнаго изслѣдованія и изъ открытыхъ донынѣ въ Эзельскомъ орднунгсгерихтѣ (при генеральномъ изслѣдованіи, по согласному показанію свидѣтелей) обстоятельствъ, оказывается еще, въ дополненіе къ помянутому донесенію полковника фонъ-Миллера, слѣдующее: 1) что 400 человекъ собрались въ д. Линнакѣ безъ предварительнаго какого-либо объявленія; 2) что прежде чѣмъ полковникъ, церковный попечитель фонъ-Миллеръ вошелъ въ комнату, крестьянинъ Юрри Мельдеръ объявилъ о прибытіи его, и затѣмъ священникъ всталъ изъ за обѣденнаго стола и надѣлъ рясу; 3) что священникъ Ивановъ называлъ церковнаго попечителя полковника фонъ-Миллера, «отпущенный солдатъ», и что священникъ и его дьячекъ схватили его за грудь и бросили на землю, что было сдѣлано съ помощію веревки, которую потребовалъ священникъ и которую полковнику фонъ-Миллеру надѣли на ноги; при семъ еще священникъ Ивановъ съ пантоминою удара противу лица полковника фонъ-Миллера, сказалъ крестьянамъ: «если и этакой бьете, такъ бейте его вотъ такъ дважды назадъ»; что при семъ насиліи разорванъ мундиръ полковника фонъ-Миллера, и онъ засажень былъ въ уголъ, послѣ чего священникъ приказалъ крестьянину Яику Тулли стеречь полковника фонъ-Миллера.

Исправляющій должность Лифляндскаго гражданскаго губернатора, вице-губернаторъ фонъ-Кубе, 2 Юня того 1847 г., поручилъ управляющему особенною канцеляріею военнаго губернатора надворному совѣтнику графу Толстому*), произвести о семъ надлежащее изслѣдованіе, и вслѣдъ за симъ, и именно 6 того жъ Юня, препроводилъ къ нему засвидѣтельствованный переводъ циркулярнаго предписанія всѣмъ киршпильгерихтамъ, орднунггерихтамъ, магистратамъ, управамъ благочинія и Рижскому крейсгерихту, Лютеранскимъ консисторіямъ и церковнымъ попечителямъ. Предписаніе это не объявлено, потому что оно касается только до православныхъ священниковъ и лицъ православнаго вѣроисповѣданія, а не до лицъ, исповѣдующихъ лютеранскую вѣру.

Циркулярное предписаніе исправляющаго должность Лифляндскаго гражданскаго губернатора отъ 20 Мая 1847 г. слѣдующаго содержанія.

Генералъ-губернаторъ изъ разныхъ поступившихъ къ нему рапортовъ и представленій убѣдился, что высочайшее повелѣніе Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича о воспрещеніи православнымъ священникамъ посѣщать мызы для совершенія духовныхъ требъ безъ сопровожденія особыхъ чиновниковъ, не всѣми до кого сіе относится ясно выраумлено, и что послѣдующія затѣмъ распоряженія не всѣмъ извѣстны. Для отвращенія всѣхъ возникшихъ отъ того недоразумѣній, генералъ-губернаторъ предложеніями отъ 28 Апрѣля и 10 Мая за № 550—617 поручилъ исправляющему должность гражданскаго губернатора сдѣлать извѣстными, кому надлежитъ, слѣдующія распоряженія: 1) Что вышеозначенное высочайшее повелѣніе, состоявшееся въ то время, когда православные приходы еще не были разграничены, и имѣвшее цѣлю отклоненіе могущихъ встрѣтиться недоразумѣній отъ непосредственныхъ сношеній священниковъ съ мызными управленіями (чему были тогда примѣры) впоследствии, когда границы приходовъ опредѣлились, было отмѣнено высочайшимъ повелѣніемъ Государя Императора, которымъ дозволено священникамъ посѣщать свои приходы безъ сопровожденія чиновниковъ. 2) Что на семъ основаніи указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 9 Февраля 1847 года № 632 разрѣшено каждому священнику въ своемъ приходѣ безъ сопровожденія чиновника совершать и мѣропомазаніе, при соблюденіи однакоже условій, высочайшею волею для того установленныхъ. 3) Что приписка желающихъ присоединиться къ Православію должна производиться лишь въ мѣстахъ постояннаго жительства священниковъ, такъ какъ шнуrowыя книги и все относящееся къ сему дѣлопроизводству должно находиться въ квартирахъ священниковъ. 4) Что допросы

*) Это былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой-Знаменскій. П. Б.

крестьянамъ и приписка ихъ во всякомъ случаѣ должны происходить въ непремѣнномъ присутствіи гражданскаго чиновника или сельскаго начальства, по установленному порядку. По сему поводу онъ испра- вляющій должность гражданскаго губернатора объявилъ упомянутому присутственному мѣсту, для свѣдѣнія и непремѣннаго исполненія въ подлежащихъ случаяхъ, все вышеизложенное съ присовокупленіемъ, что подъ именемъ «сельское начальство», по силѣ данныхъ уже прежде о томъ предписаній, должно разумѣть лишь лице представляющее мыз- ное управленіе, или же предсѣдателя мѣстнаго мірскаго суда, и что въ первомъ случаѣ отнюдь не должно командировать лицъ, которыя воо- бще не дѣйствуютъ обыкновенно какъ представители мызнаго у пра- вленія.

Слѣдователь надворный совѣтникъ Толстой обще съ засѣдателемъ орднунгсгерихта Буксгевденомъ и депутатомъ Аренбургскимъ священ- никомъ Поповымъ 13 Іюня 1847 г. приступилъ къ изслѣдованію, при которомъ на допросахъ показали:

Дьячекъ Игнатій Конюшевскій, 32 лѣтъ, подъ судомъ и въ штра- фахъ не бывалъ. Прибыли они 21 Мая 1847 года съ священникомъ Петромъ Ивановымъ въ д. Линнака для исполненія духовныхъ требъ и для присоединенія желающихъ къ Православію. Муромомазавъ около 50 человекъ, они сѣли завтракать, и въ это время вбѣжалъ въ ком- нату весь въ пыли въ мундирномъ сюртукѣ неизвѣстный имъ человекъ, который закричалъ: «что вы здѣсь дѣлаете? кто позволилъ вамъ при- соединеніе?» и, не дождавшись отвѣта, началъ гнать и бить палкою крестья- нянъ. Тогда священникъ сказалъ крестьянамъ, чтобы они остались и не выходили. Послѣ сего возникъ между этимъ человекомъ и священни- комъ споръ, при которомъ первый сказалъ послѣднему, что онъ его свяжетъ и, подойдя къ священнику съ палкою, толкнулъ его въ грудь. Причетникъ Конюшевскій, опасаясь, чтобы онъ не ударилъ священника, на груди котораго находились Св. Дары, схватилъ его за палку. Въ это время неизвѣстный крестьянинъ вырвалъ эту палку и унесъ. Тогда вошедшій упомянутый въ мундирномъ сюртукѣ человекъ разорвалъ на немъ Конюшевскомъ пинель. Послѣ чего священникъ приказалъ быв- шимъ тутъ крестьянамъ схватить его и связать и связаннаго отдалъ тутъ же подъ караулъ, но вскорѣ потомъ освободилъ его. Тогда онъ сказалъ, что онъ полковникъ Миллеръ и имѣетъ право, данное ему отъ суда, остановить присоединеніе. Въ продолженіе спора, прежде нежели Миллеръ былъ связанъ, священникъ говорилъ ему, что онъ его не знаетъ и называлъ разбойникомъ и отставнымъ солдатомъ, а крестья- яне бранили, говоря, что онъ не можетъ препятствовать имъ въ испол- неніи ихъ желанія присоединиться къ Православію. Показать и назвать

крестьянъ по имени онъ не можетъ, потому что, находясь въ страхѣ, онъ не могъ ихъ замѣтить. Показаніе его могутъ подтвердить хозяинъ дома Михаилъ Мельдеръ и Нейенгофскій крестьянинъ, по имени коего онъ не знаетъ, но онъ былъ у нихъ подводчикомъ. При чемъ присовокупилъ, что священникъ дѣйствительно далъ знакъ рукою пощечины, но что онъ говорилъ, того онъ не разумѣлъ.

Крестьянскій хозяинъ Михаилъ Мельдеръ показаніе свое подтверждаетъ съ присовокупленіемъ, что при требованіи веревки жена его Михаила подала свой поясъ, который однакожь взялъ у нея Мартъ Янца и положилъ въ карманъ. О томъ, что былъ ли полковникъ Миллеръ связанъ, онъ ничего не знаетъ, хотя и былъ поваленъ на полъ, но къмъ, онъ не могъ видѣть, веревки же получены отъ Карла Эльта.

Крестьянинъ Мартъ Янца, 39 лѣтъ, православнаго вѣроисповѣданія, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, за присягою показавъ: былъ онъ 21 Мая въ д. Линнакѣ и вошелъ въ домъ тогда уже, когда Миллеръ приказывалъ всѣмъ выйти и билъ ли кого, того онъ не видалъ, но при немъ священникъ и Миллеръ держали другъ друга за грудь, и Миллеръ хотѣлъ вывести священника вонъ. Тогда священникъ закричалъ, чтобы подали веревки связать Миллера, назвавъ его разбойникомъ, почему Ингель Мельдеръ подала было поясъ, но онъ Янца взялъ его у нея и положилъ въ карманъ, а другіе неизвѣстные ему крестьяне принесли вожжи, и священникъ съ дьячкомъ повалили Миллера на землю и пытались связать, но не успѣли, потому что онъ не давался. Послѣ того приказали его оставить подъ карауломъ Янцу Тулли и другимъ женщинамъ, которые его окружали, и священникъ сталъ муропомазывать, послѣ чего Миллеръ ушелъ. Когда же Миллеръ, послѣ того какъ былъ поваленъ, всталъ, то священникъ далъ ему читать какую-то бумагу, которой однакоже онъ читать не сталъ. О томъ приказывалъ ли священникъ крестьянамъ, чтобы, если Миллеръ ихъ ударить, то били бы его вдвое, при чемъ дѣлалъ движенія рукою въ видѣ пощечины, онъ Янца утверждаетъ, что это правда, что разорвалъ сюртукъ на Миллерѣ, то онъ видѣлъ, когда онъ вышелъ изъ дома; что же касается до того, разорвалъ ли Миллеръ шинель на Конюшевскомъ, того онъ не видалъ, но слышалъ отъ другихъ, что дѣйствительно разорвалъ.

Крестьянинъ Адо Раке, 22 лѣтъ (былъ прикосновенъ къ дѣлу о безпорядкахъ, бывшихъ въ Лютеранской церкви, но наказанію не былъ подверженъ, потому что дѣло еще не кончено), за присягою показавъ, что онъ былъ у лошадей и когда услышалъ шумъ въ домъ, то изъ любопытства вошелъ, но по тѣснотѣ и небольшому росту не могъ видѣть, былъ ли Миллеръ связанъ, но видѣлъ онъ, что Миллеръ

вошелъ съ окружающими его женщинами, возжей онъ не давалъ и какія были употреблены, не знаетъ.

Ингель Мельдеръ показала, что прежнее показаніе ея не вѣрно, потому что она была научена къ тому Адо Кутомъ; поясъ по требованію священника она дѣйствительно принесла, по у нея взялъ его Мартъ Янца и положилъ въ карманъ, и былъ ли Миллеръ связанъ, она не знаетъ, потому что много было народу.

Адо Куть подтвердилъ прежнее свое показаніе относительно того, что священникъ и причетникъ пытались связать Миллера, а крестьяне не принимали въ томъ никакого участія.

На очной ставкѣ, данной причетнику Конюшевскому съ Михаиломъ Мельдеромъ, первый показалъ, что священникъ и Миллеръ держали другъ-друга за грудь, и что былъ ли Миллеръ связанъ, онъ утвердить не можетъ, но подтверждаетъ, что приказано было его связать; а послѣдній, оставаясь при прежнемъ показаніи, присовокупилъ, что когда Миллеръ ударилъ палкою его брата и велѣлъ выдти всѣмъ, то изъ онъ Михайлъ вышелъ въ то время въ каморку, а потому не могъ видѣть происходившаго.

На очной ставкѣ между работникомъ Карломъ Эльтомъ и Адо Кутомъ, первый утверждалъ, что хотя онъ и показалъ 7 Юня, что онъ видѣлъ въ рукахъ священника поясъ, однакоже это не правда, и онъ видѣлъ не поясъ, но веревку, но кѣмъ принесена, ему неизвѣстно; показалъ же онъ, что видѣлъ поясъ, потому, что научилъ его Адо Куть, во избѣжаніе отвѣтственности, а послѣдній сначала отрицался, а потомъ сознался, что онъ говорилъ это женѣ Михайла Мельдера и что Эльтъ, быть можетъ, бывши при томъ, это слышалъ; но кто принесъ веревку, ему неизвѣстно.

На очной ставкѣ Ингель Мельдеръ показала, что дѣйствительно къ первому показанію была научена Адо Кутомъ, а сей послѣдній сознался, что онъ научилъ ее сказать, что видала свой поясъ въ рукахъ священника изъ боязни наказанія и ареста.

На очной ставкѣ между причетникомъ Конюшевскимъ и крестьяниномъ Мартиномъ Янца, въ томъ, кто вязалъ полковника Миллера, первый остался при своемъ показаніи, а послѣдній утвердилъ, что веревки, т. е. возжи, были взяты имъ Конюшевскимъ и священникомъ, и они двое пытались его связать, но онъ не дался.

Священникъ Петръ Ивановъ 17 Юня объяснилъ. Изъ слѣдственнаго дѣла, произведеннаго Эзелскою земскою полиціею, о происшествіи, случившемся въ д. Линнакѣ 21 Мая, видно, что полиція старалась вызвать отъ крестьянъ, что дѣлалъ священникъ надъ Миллеромъ, а не Миллеръ надъ священникомъ; тогда какъ первоначальною причиною

происшествія и всѣхъ нанесенныхъ ему обидъ былъ самъ же Миллеръ, и что слѣдовательно обиженъ онъ, а не Миллеръ. Крестьяне, допрошенные полиціею, какъ свидѣтели помнутаго происшествія, почти всѣ изъ пастората Каррисъ, какъ онъ узналъ, слѣдовательно уже и по закону не могутъ быть свидѣтелями, какъ приверженные и сообщники Миллера. Сообщеніе и приверженность крестьянъ съ Миллеромъ видны изъ того, что двое изъ свидѣтелей, живущіе у пастора въ услуженіи, по приказанію пастора, отправились съ просьбою къ Миллеру на мызу и указали ему его мѣстопробываніе съ тѣмъ, чтобы воспрепятствовать ему въ св. дѣлѣ и тѣмъ поругаться надъ священнодѣйствіемъ и надъ нимъ, чтò и исполнилось. При томъ всѣ они были допрошены земскимъ судьей безъ присяги. Самъ же судья, какъ ему извѣстно, имѣетъ къ нему большую нерасположенность съ давняго времени, усилившуюся еще болѣе со времени пребыванія въ Аренсбургѣ чиновника особыхъ порученій Толстого. Что же касается до вопроса, снятаго отъ дьячка Конюшевскаго, то на это объясняетъ, что онъ священникъ дѣйствительно приказывалъ схватить и вязать для усмиренія Миллера (званіе и состояніе коего въ то время было ему неизвѣстно), какъ разбойника и буяна, могущаго учинить въ глазахъ его смертоубійство, но онъ не былъ связанъ. Разбойникомъ и отставнымъ даже бѣглымъ солдатомъ, не зная Миллера и смотря на его дѣйствія, онъ дѣйствительно называлъ, и получивъ отъ него толчокъ въ грудь, дѣйствительно защищалъ жизнь другихъ и свою собственную, не допуская Миллера наносить удары, имѣя при себѣ Св. Дары и ограждая ихъ, какъ святиню, отъ поруганія, ограждался отъ побоевъ иступленнаго. Посему просилъ, отмѣнивъ разслѣдованіе ордунгсгерихта, произвести новое разслѣдованіе о происшествіи на мѣстѣ преступленія, въ свидѣтели коему, если дозволено будетъ ему съѣздить въ мызу Нейенгофъ, онъ представитъ новыхъ лицъ совершенно изъ другихъ мызъ, противъ которыхъ онъ подозрѣній не имѣетъ. При томъ, если угодно будетъ, онъ съ своей стороны также согласенъ быть и находиться на мѣстѣ преступленія.

Слѣдователь графъ Толстой увѣдомилъ священника Иванова, что онъ объясненіе его, что отводъ, выставляемый имъ противу ордунгсгерихтера Буксгевдена, какъ не подкрѣпленный никакими доказательствами, за силою 1164 ст. XV т. Св. Зак., не можетъ признанъ уважительнымъ, и что замѣчаніе, сдѣланное священникомъ о томъ, что свидѣтели спрошены безъ присяги, также неосновательно: ибо по прикосновенности ихъ самихъ къ дѣлу они, по смыслу 1 § 1087 ст. того же тома, не могли быть допущены къ присягѣ. За симъ, не имѣя права отмѣнить изслѣдованія произведеннаго мѣстною законною властію, онъ

не находить повода приступить къ новому слѣдствію, тѣмъ болѣе, что дѣйствія его должны ограничиться только предварительнымъ дознаніемъ: ибо на осн. 1024 ст. означеннаго тома первоначальное изслѣдованіе о его священника поступкахъ принадлежитъ духовному вѣдомству, почему онъ слѣдователь не считаетъ себя въ правѣ удовлетворить желаніе его священника принять отъ него объясненія на мѣстѣ происшествія. Что же касается до дальнѣйшаго разслѣдованія о поступкахъ Миллера въ отношеніи его священника, то, признавая его требованіе совершенно справедливымъ, онъ готовъ произвести о семъ надлежащіе допросы, почему просилъ сообщить списокъ бывшихъ въ деревнѣ Линнакѣ 21 Мая крестьянъ, такъ какъ, по случаю присоединенія ихъ къ Православію, онъ долженъ имѣть подробныя о нихъ свѣдѣнія, а о тѣхъ, которые допущены были къ Св. причащенію, онъ долженъ имѣть исповѣдныя росписи.

По представленіи священникомъ Ивановымъ списка съ поименованіемъ 317 крестьянъ, слѣдователь графъ Толстой его увѣдомилъ, что онъ, усмотрѣвъ изъ списка, что число крестьянъ простирается до 317, не можетъ нынѣ приступить къ допросу ихъ, а предоставляетъ сіе уполномоченнымъ къ тому по закону лицамъ, при производствѣ формальнаго слѣдствія.

Слѣдователи, прибывъ на мѣсто 12 Іюля, вызвали полковника Миллера къ слѣдствію, который 13 числа объявилъ, что онъ тогда лишь дастъ отвѣты, когда вопросныя пункты доставлены будутъ въ его квартиру. А на данные слѣдователями священнику Петру Иванову вопросы, онъ 14 Іюля объяснилъ: 1) что 21 Мая 1847 года прибылъ въ деревню Линнакѣ для присоединенія къ Православію и совершенія муропомазанія, какъ вбѣжалъ Миллеръ и обратился къ нему со словами: «Что ты дѣлаешь, обманщикъ? Пришелъ обманывать людей, я велю связать тебя», и началъ при ударахъ палки выгонять крестьянъ. Когда же онъ священникъ подошелъ къ Миллеру и просилъ его удалиться, то Миллеръ бросился на него и схватилъ за эпитрахиль. Онъ же священникъ до сего времени его не зналъ, и онъ о званіи своемъ ничего не говорилъ. Дерзкое обращеніе Миллера побудило его сказать, что такія дѣйствія могутъ произойти отъ бѣглаго только солдата, что такого сумасшедшаго надлежало бы связать, вслѣдъ зачѣмъ неизвѣстный крестьянинъ принесъ веревку и двѣ крестьянки пытались связать его, но по его настоянію онъ связанъ не былъ, но былъ поваленъ, арестованъ же не былъ, но поручалъ онъ крестьянамъ блюсти за нимъ. Знака пощечины показателъ не дѣлалъ, а сказалъ крестьянамъ, указывая на Миллера: Ежели онъ васъ будетъ бить, и вы сдѣлаете тоже, то изъ сего выйдетъ прямой разбой.

Дьячекъ Игнатій Конюшевскій объяснилъ. Церковный попечитель Миллеръ при входѣ обратился къ священнику съ грубостію, сталъ бить крестьянъ и выгонять палкою; между священникомъ и Миллеромъ возникъ споръ, потомъ были принесены веревки. Миллеръ разорвалъ на немъ показателъ шинель, когда онъ взялъ отъ него трость изъ руки. А священникъ при сильномъ нападеніи долженъ былъ остановить Миллера за руки.

На очной ставкѣ священника съ дьячкомъ, послѣдній сознался, что священникъ не отдавалъ Миллера подъ караулъ, что онъ не прямо къ Миллеру относилъ слова: разбойникъ и солдатъ, и указывая на Миллера, сдѣлалъ знакъ рукою, но не знаетъ съ какимъ намѣреніемъ; потому что священникъ говорилъ по-чухонски.

Слѣдователь ордунгсрихтеръ того же 14 числа объявилъ, что священникъ Ивановъ, отлучась отъ города Аренсбурга, склоняетъ крестьянъ къ ложному свидѣтельству. Священникъ Ивановъ подалъ слѣдователямъ отзывъ, что личная непріязнь ордунгсрихтера къ нему заставляетъ его просить продолжать допросы безъ ордунгсрихтера, а 17 числа Нейенгофскій священникъ Куликовскій показалъ, что священникъ Устрицовъ *) по просьбѣ его сопутствовалъ для крещенія младенца въ деревню Линнака и что съ крестьянами въ разговоръ по дѣлу полковника Миллера не входилъ.

15 Іюля церковный попечитель отставной полковникъ фонъ-Миллеръ увѣдомилъ слѣдователя князя Гагарина на отношеніе его отъ 14 числа, что онъ не смѣетъ войти въ объясненія и отвѣты на вопросы, кромѣ только въ установленныхъ присутственныхъ мѣстахъ.

Вслѣдствіе сего, по распоряженію слѣдователей, потребована была подписка отъ полковника Миллера о безотлучномъ пребываніи на островѣ Эзелѣ, отъ дачи каковой полковникъ Миллеръ, на основаніи объясненія своего отъ 15 числа, отказался.

Затѣмъ слѣдователи 17 Іюля приступили къ допросу крестьянъ.

По окончаніи слѣдствія, слѣдователи 22 Іюля 1847 г. въ постановленіи своемъ изъяснили: что 1) мѣстный ордунгсрихтеръ былъ не въ правѣ приступить къ разысканіямъ по этому дѣлу, потому что по точному смыслу 1024 ст. XV тома Св. зак. уголов., право первоначальнаго даже изысканія принадлежало одному только духовному вѣдомству. 2) Мѣстный ордунгсрихтеръ и священникъ Іоанновъ официально огласили непріязненность ихъ частныхъ отношеній. 3) Кирхенфорштегеръ Миллеръ, возставая торжественно противъ распоряженій основанныхъ на предписаніяхъ генералъ-губернатора Остзейскаго края, объ-

*) Устрицовъ и Ивановъ—одно и тоже лицо. П. Б.

ясняя, что онъ ожидаетъ иныхъ распоряженій, потому что принесъ свою жалобу въ С.-Петербургъ, а не генераль-губернатору, подъ этимъ предлогомъ отъ слѣдствія бѣжалъ, не давъ вопреки требованія подписки о пребываніи на Эзелѣ до окончанія дѣла о немъ. 4) Обвиненіе, введеное мѣстнымъ орднунгсрихтеромъ противъ священника Іоаннова, оказалось ложнымъ по единогласнымъ въ этомъ отношеніи показаніямъ очевидцевъ. 5) Ссора между священникомъ Іоанновымъ и кирхенфорштегеромъ Миллеромъ возникла отъ дерзости обнаруженной первоначально симъ послѣднимъ при самомъ входѣ въ домъ крестьянина Мельдера. 6) Обстоятельства сопровождавшія ссору, по сдѣланнымъ подъ присягою показаніямъ очевидцевъ, состоятъ въ томъ, что Миллеръ пеистово вбѣжалъ въ то мѣсто, къ которому стеклись прибывшіе къ требамъ, называлъ священника обманщикомъ, говорилъ ему, что онъ обманываетъ людей, что онъ его свяжетъ, бросился на священника, толкалъ его въ грудь, держалъ и даже дергалъ за эпитрахиль, и что священникъ, въ свою очередь, который до сего времени не зналъ Миллера въ лицо, оказывая ему вынужденное сопротивленіе, говорилъ, что его надо связать, какъ бѣглаго солдата и отправить въ городъ на распоряженіе мѣстнаго начальства, называлъ его нарушителемъ порядка и потребовалъ веревокъ. 7) Во время ссоры крестьянскія женки Віу-Куть и Ингель-Куть, выбѣжавъ изъ толпы, когда священникъ потребовалъ веревокъ, пытались связать Миллера, но были священникомъ остановлены. 8) Кирхенфорштегеръ Миллеръ былъ дѣйствительно поваленъ на полъ и въ то именно время, когда женки Ингель-Куть и Віу-Куть пытались связать его; въ этомъ удостовѣряютъ показанія всѣхъ почти очевидцевъ кромѣ крестьянина Іогана Меленца, который, возводя противъ Миллера новое обвиненіе, состоящее въ томъ, что онъ священника хотѣлъ даже вытащить изъ комнаты, равнымъ образомъ обвиняетъ и священника въ томъ, что Миллеръ былъ въ это время именно имъ поваленъ на полъ, но показаніе Іогана Меленца по точному смыслу ст. XV тома Свод. Зак. Уголов. безсильно, потому что противурѣчить показаніямъ большинства очевидцевъ и очною ставкою осталось не разъясненнымъ. 9) Дьячекъ Конюшевскій изобличается въ участіи въ ссорѣ священника Іоаннова съ кирхенфорштегеромъ Миллеромъ, но мѣра этого участія осталась неопредѣленною отъ противурѣчій самихъ очевидцевъ въ этомъ отношеніи.

По сему слѣдователи постановили: 1) Записать о семъ въ особое постановленіе для видимости при слѣдственномъ производствѣ. 2) Объ оказавшемся донести генераль-губернатору и прервать слѣдствіе до распоряженія о вызовѣ Миллера изъ того мѣста, куда онъ произвольно выбылъ.

За симъ 21 Юля ордунгерихтеръ словесно объяснилъ, что до его свѣдѣнiя дошло, что полковникъ Миллеръ, при проѣздѣ чрезъ Малый Зундъ, былъ задержанъ шкиперомъ и пограничною стражею, которые объяснили, что они исполняютъ приказанiе князя Гагарина. Въ это же время командированный для перевода священникъ Сорнетъ объяснилъ съ своей стороны, что онъ по собственному усмотрѣнiю и безъ вѣдома князя Гагарина сказалъ станціонному смотрителю, чтобы онъ въ случаѣ проѣзда Миллера чрезъ станцію объяснилъ ему о прибытiи въ Аренбургъ слѣдователей по его дѣлу съ священникомъ Иоанновымъ.

Затѣмъ, вслѣдствiе предложенiя генераль-губернатора отъ 16 Октября, Лифляндскiй гофгерихтъ 28 Октября 1847 г. предписалъ Эзельскому ландгерихту, касательно крестьянокъ Ингель и Виу Куть производить специальное слѣдствiе, а касательно полковника фонъ-Миллера производить законное изслѣдованiе судебнымъ порядкомъ.

Вслѣдствiе чего въ Эзельскомъ ландгерихтѣ 18 Ноября полковникъ и кавалеръ Константинъ Оттонъ Леопольдъ фонъ-Миллеръ, 60 лѣтъ отъ роду, дворянскаго происхожденiя, сынъ генераль-маiора, лютеранинъ, отставной полковникъ, нынѣ церковный попечитель, имѣеть ордена Св. Анны 2 ст. Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, Прусскiй орденъ Пурлемерита, дважды высочайше награжденъ золотую шпагою за храбрость, получилъ серебряную медаль за войну 1812 г. и за взятiе Парижа 1814 годовъ, причастившiйся Св. Таинъ сего года, показалъ: что по возвращенiи 21 Маiа 1847 г. съ похоронъ, дѣти сообщили ему, что нѣкiй православный священникъ въ крестьянскомъ дворѣ Михели Мельдера совершаетъ муропомазанiе. Онъ, какъ церковный попечитель, имѣя въ виду предписанiе Консistoriи отъ 18 Марта, отправился туда пѣшкомъ. Дорогою онъ взялъ съ собою пономаря Адо, чтобы отъ него узнать, кто изъ крестьянъ принадлежитъ къ пасторату; а поваръ Мартъ безъ вызова послѣдовалъ съ ними. Въ крестьянскомъ дворѣ онъ засталъ весь домъ и дворъ наполненные людьми, и когда вошелъ въ комнату, то обѣдавшiй православный священникъ, вставъ поспѣшно, надѣлъ рясу и поправлялъ волосы. На вопросъ его по-русски, за чѣмъ онъ тутъ крестить, когда въ крестьянскихъ домахъ крещенiе запрещено, священникъ отвѣтилъ: никто не можетъ запретить мнѣ крестить гдѣ хочу. Онъ Миллеръ тутъ сказалъ крестьянамъ: идите, тутъ запрещено крестить, и держа хотя въ рукѣ палку, однако никого не билъ и никого не выгонялъ. А священникъ за этимъ на Эстонскомъ языкѣ сказалъ крестьянамъ: оставайтесь, не слушайте его, и когда такой васъ будетъ бить, то бейте его опять, дѣлая при семь рукою пантомину пощечины, а потомъ обратился къ нему, говоря: ты отставной солдатъ, тутъ никакого дѣла не имѣешь. На отвѣтъ же его, я полковникъ Ми-

леръ, церковный попечитель, конечно имѣю право прогнать сихъ людей, священникъ сказалъ: врешь, врешь, и потребовалъ веревокъ. Тутъ онъ внезапно сзади поднять былъ толпою и поваленъ, при чемъ мундирный сюртукъ на немъ изорванъ и палка у него изъ руки выпала. Когда онъ послѣ этого нападенія всталъ, то священникъ, взявъ его за обѣ руки, потѣснилъ въ уголъ за столъ и препоручилъ крестьянамъ смотрѣть за нимъ, чтобы онъ не ушелъ, покуда совершитъ крещеніе, для чего надѣлъ эпитрахиль.

Далѣе на вопросы суда показалъ полковникъ Миллеръ, что ему высочайшее отмѣненіе указа его высочества наслѣдника престола, на которомъ основано циркулярное предписаніе провинціальныхъ консисторій церковнымъ попечителямъ, извѣстно не было; что священникъ эпитрахиль надѣлъ по окончаніи всего происшествія, когда онъ началъ крещеніе (мвропомазаніе), что онъ не говорилъ православному священнику: «что ты дѣлаешь, обманщикъ, ты пришелъ обманывать людей, я прикажу тебя связать», о чемъ ссылается на истинный разсказъ его о семъ происшествіи; что онъ никого не билъ, а также и Юрри Мельдера и на то вообще повода не имѣлъ; что священникъ не просилъ его удалиться.

Послѣ сего, по предьявленіи полковнику Миллеру объясненія священника, онъ объявилъ, что онъ этому объясненію долженъ противурѣчить, что онъ во всемъ ссылается на сдѣланное ландгерихту показаніе, прибавляя: 1) что ему совершенно ничего неизвѣстно о участвованій женщинъ при поваленіи его, 2) что священникъ отнюдь не защищалъ его, а напротивъ того вызывалъ людей повторительно связать его и, 3) что священникъ не оказывалъ ему ни малѣйшей учтивости и повторительно кричалъ, что можетъ крестить (мвропомазывать), гдѣ захочетъ.

При семъ Миллеръ, противу объясненія дьячка Игнатія Конюшевскаго, ссылаясь на свое показаніе и присовокупляя, что онъ хотя тогда видѣлъ Конюшевскаго въ крестьянскомъ дворѣ, но не промолвилъ съ нимъ ни слова, и вообще съ нимъ никогда дѣла не имѣлъ, и что онъ не вырывалъ у него палки, а палка, какъ показано, выпала изъ рукъ его, когда онъ поваленъ былъ, также онъ не разорвалъ шинель Конюшевскаго; а что тотъ участвовалъ въ оказанномъ ему насильствѣ, о томъ онъ узналъ лишь затѣмъ.

Затѣмъ 19 Ноября показали: крестьянка Віу Куть, 42 лѣтъ, что священникъ 21 Мая созвалъ множество людей въ крестьянскій дворъ Михеля Мельдера, и она находилась въ полной людми комнатѣ, а внезапно полковникъ вошелъ въ комнату съ палкою въ рукѣ и выгонялъ оною людей, а нѣкоторыхъ, именно Рутзи Юрри Мельдера билъ. Она

со всѣми прочими уѣбжала изъ комнаты, но священникъ опять позвалъ людей назадъ, отъ чего возникъ споръ между имъ и Миллеромъ; ибо сей выгонялъ людей, а другой удерживалъ. Тутъ Миллеръ схватилъ священника за грудь, почему онъ требовалъ веревокъ. Вдругъ въ рукахъ ея показательницы (она и не понимаетъ, какимъ образомъ), нашлись веревки изъ рукъ близъ стоящей Ингель-Куть, и когда Миллеръ захватилъ священника, она и Ингель-Куть приняли видъ, что хотять связать его, однако не связали, а онъ имѣли только намѣреніе постращать его. Она отъ обоихъ стояла только на одинъ шагъ. Священникъ захватилъ и Миллера, и первый повторительно приказывалъ связать его, что однако произведено не было. Полковникъ Миллеръ упалъ на полъ, но не знаетъ она отъ чего, ибо въ то самое мгновеніе окружили ее множество людей и потѣснили ее назадъ. Она видѣла только, что полковникъ Миллеръ, когда священникъ приказалъ посторониться, всталъ, на что священникъ толкнулъ Миллера въ уголъ за столъ и у дверей заставилъ караулить стараго крестьянина Яки, чтобы Миллеръ не ушелъ. За этимъ священникъ продолжалъ совершать муропомазаніе; а когда Миллеръ вошелъ въ комнату, то священникъ сидѣлъ за обѣдомъ, тотчасъ надѣлъ рясу и епитрахиль; что распря началась между полковникомъ Миллеромъ и священникомъ сначала по-русски, а потомъ по-эстонски, и священникъ спрашивалъ, кто онъ таковъ, на что Миллеръ отвѣтилъ: я полковникъ Миллеръ, церковный попечитель и пришелъ по указу присутственнаго мѣста, то священникъ сказалъ Миллеру, что не знаетъ, не отставной ли онъ солдатъ. И затѣмъ она видѣла, что священникъ съ Миллеромъ схватились, а по какой причинѣ не знаетъ; также не слышала на Эстонскомъ языкѣ слово: обманщикъ. Что она съ Ингель-Куть веревки на ноги Миллеру не накидывала и на полъ не валили его, но веревки показывала только полковнику Миллеру, чтобы постращать его, однако не касалась его. Также она въ продолженіе спора отстранена была толпою отъ полковника Миллера. И такъ она не знаетъ, какимъ образомъ онъ упалъ. Когда полковникъ людей выгонялъ изъ комнаты, то и она вышла, и потому она не знаетъ, что до возвращенія ея въ комнату происходило. Она не слышала, что полковникъ Миллеръ священника ругалъ, также не знаетъ, кто Миллера повалилъ, и наконецъ показывала полковнику Миллеру веревки единственно надѣясь напугать его.

Михель Мельдеръ, 51 года, по данной уже присягѣ при увѣщаніи показалъ: Священникъ Устрицовъ, желая совершить требы, приказывалъ, чтобы люди 21 Мая 1847 г., собрались въ его крестьянскомъ дворѣ, такъ какъ у него большая комната. Вслѣдствіе этого въ сей день собралось у него множество людей, и священникъ обѣдалъ, когда

братъ его Юрри, отворяя двери комнаты, закричалъ: «Каррійскій господи́нь идетъ». Священникъ изъ за стола всталъ, надѣлъ рясу и епитрахиль, и въ самое это мгновеніе полковникъ фонъ-Миллеръ вошелъ въ комнату съ дубиною и кричалъ собравшимся людямъ: «тотчасъ убирайтесь, вамъ тутъ нечего дѣлать», выгонялъ ихъ, а брата его Юрри ударилъ дубиною. Тутъ священникъ спросилъ: кто тутъ выгоняетъ людей и на какомъ правѣ, а полковникъ Миллеръ отвѣтилъ: я полковникъ Миллеръ, церковный попечитель и пришелъ по предписанію суда. На сіе священникъ сказалъ: «когда ты церковный попечитель, такъ иди въ свою церковь, но ты отпущенный солдатъ». За этимъ началась распря, которую онъ не понималъ, и во время которой священникъ и полковникъ Миллеръ взаимно схватились за грудь, а первый изъ нихъ повторительно требовалъ веревокъ, чтобы Миллера связать какъ отпущеннаго солдата, нарушающаго покой. Работникъ Карлъ Эльтъ подавалъ веревокъ. Въ самое это мгновеніе онъ показателъ пошелъ за дѣломъ въ каморку и не знаетъ что между тѣмъ случилось, и Ингель или Віу-Куть или кто первый касался полковника фонъ-Миллера. Когда онъ возвратился въ комнату, полковникъ фонъ-Миллеръ поднялся на ноги, священникъ толкнулъ его въ уголъ комнаты и приказалъ Яку Тулли караулить его, что священникъ совершилъ мѣропомазаніе, а полковникъ Миллеръ съ руками въ карманахъ, сидѣлъ за столомъ, былъ зрителемъ мѣропомазанія, а потомъ, по свободному до дверей мѣсту, безпрепятственно вышелъ. При семъ Мельдеръ присовокупилъ, что не слышалъ, что полковникъ ругалъ священника, ибо священникъ хотя сказалъ, когда такой васъ ударитъ, то бейте его два раза; но что онъ не замѣтилъ, что священникъ при семъ дѣлалъ знакъ пощечины.

Поваръ Мартъ Апсъ, 24 лѣтъ, показалъ. Когда полковникъ Миллеръ началъ прогонять людей, священникъ кричалъ: подайте веревокъ, свяжемъ его и пошлемъ въ Аренбургъ. На сіе Карлъ Эльтъ изъ каморки подавалъ веревокъ, который Русскій дьячекъ принялъ и накинулъ на ноги полковника Миллера, и посредствомъ петли повалилъ его. Когда полковникъ Миллеръ всталъ, то сказалъ священнику: вы до меня коснулись, на что священникъ отвѣтилъ: видите, что я въ этомъ облаченіи; я могу стоять предъ Богомъ и Государемъ, а вы кто? бѣглый солдатъ; на что полковникъ Миллеръ возразилъ: я церковный попечитель. А священникъ: когда ты церковный попечитель, то иди въ свою церковь и сядь у дверей. Умѣешь ли ты читать по-русски, то я покажу тебѣ бумаги. Потомъ священникъ еще сказалъ людямъ: когда такой васъ будетъ бить, то бейте его два раза, махая руками и присовокупляя: поведите его въ уголъ и караульте. За симъ священникъ продолжалъ мѣропомазаніе, а онъ показателъ ушелъ. Что когда Мил-

леръ вошелъ въ комнату, то не замѣтилъ на священникѣ надѣтой епитрахили, и что не видѣлъ, чтобы Миллеръ прогонялъ людей палкою и билъ Раутса и Юрри Мельдера. Если и было, то вѣроятно прежде прибытія его показателя въ комнату и что онъ не видѣлъ, чтобы Миллеръ схватилъ священника за грудь и не слышалъ, что онъ его ругалъ. Разговоръ между ими шелъ то на Русскомъ языкѣ (котораго онъ не понимаетъ), то на Эстонскомъ. Что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ продолженіе спора Миллера со священникомъ Русскій дьячекъ по нѣскольку разъ погнулся, покуда ему удалось сзади повалить Миллера.

Эзельскій ландгерихтъ въ мнѣніи своемъ 2 Января 1848 г. писалъ. Церковный попечитель, отставной полковникъ и кавалеръ Константинъ фонъ-Миллеръ узналъ на основаніи циркулярнаго предписанія Эзельской Евангелическо-Лютеранской Консисторіи отъ 18 Марта прошлаго года за № 219, коимъ препоручено церковнымъ попечителямъ въ разсужденіе указа гражданскаго губернатора отъ 7-го Февраля 1846 г. за № 2181 и орднунггерихту, чтобы воспрепятствовать совершенію требъ православными священниками въ иныхъ мѣстахъ, кромѣ мѣстожителства, отправляя въ поименованный крестьянскій дворъ и какъ по дѣлу доказано, не зная еще высочайшаго указа, отмѣняющаго это распоряженіе его императорскаго высочества цесаревича наследника престола, старался прогнать собравшуюся толпу людей изъ комнаты. По сопротивленіи сему священника между нимъ и церковнымъ попечителемъ возникла распря, въ продолженіи своемъ усилившаяся такъ, что священникъ требовалъ веревокъ, чтобы полковника фонъ-Миллера, какъ нарушителя связать, и отослать въ Аренсбургъ. Работникъ крестьянскаго хозяина Карлъ Эльтъ и жена Ингель Мельдеръ, слыша крикъ священника въ смежной каморкѣ, поспѣшили исполнить требованіе, но прежде еще подачи Карломъ Эльтомъ веревокъ и по устраненіи поданнаго Ингель Мельдеръ пояса, разсудительнѣйшимъ Мартомъ Янца, нашлись веревки изъ неизвѣстныхъ рукъ въ рукахъ лицъ, стоявшихъ близъ Миллера, и внезапно, безъ всякой возможности сопротивляться, онъ поваленъ былъ на полъ, кѣмъ, священникомъ ли, дьячкомъ ли, или крестьянками Ингель и Віу-Куть, въ разсужденіе этого свидѣтелевы показанія не согласуются. А что за симъ происходило, какъ этотъ во многихъ битвахъ и по содержанію послужнаго свидѣтельства и соображаясь съ полученными знаками отличія, служившій съ отличіемъ мужъ преданъ былъ позору толпы, все это сюда не входитъ, поелику сужденіе о семъ, о винѣ какъ священника, такъ и полковника фонъ-Миллера, предоставлено другимъ судебнымъ мѣстамъ, а ландгерихту препоручено только постановить мнѣніе касательно насилія и связанія полковника фонъ-Миллера, въ коихъ обвиняются крестьянки

Ингель и Віу-Куть, при чемъ само-собою разумѣется, что мнѣніе это должно распространиться единовременно и на тѣхъ лицъ, о коихъ окажется, что они участвовали въ насиліи. Что же касается до допрашиваемыхъ крестьянскихъ женъ Ингель 46 и Віу - Куть 44 лѣтъ, обѣ православныя, 22 Мая сего года причастившіяся, то хотя обѣ запираются противъ введеной на нихъ вины въ содѣйствіи къ насилію оказанному полковнику фонъ-Миллеру, и несмотря на то, что нѣкоторые свидѣтели видѣли ихъ въ самой близости полковника и замѣтили, что онѣ надъ нимъ нагибались, когда онъ лежалъ на полу, однако всѣ отклоняють отъ себя, что касались столь крайне обиженнаго мужа, а допускають только, что они показывали ему веревки, кинутыя имъ неизвѣстными лицами, съ тѣмъ, чтобы пострадать и удержать его отъ сопротивленія. Если подсудимые сознались, что провинились въ угроженіи, сопряженномъ съ тѣлеснымъ оскорбленіемъ, а Уложеніемъ ст. 2036 такая угроза подвержена аресту отъ семи дней до трехъ недѣль, то слѣдуетъ положить высшую мѣру наказанія, тѣмъ болѣе, что угроза обращена была противъ лица, удостоеннаго государствомъ не только отличія и чина, но дѣйствовавшаго также въ качествѣ церковнаго попечителя, имѣющаго по сей должности полицейскую власть, отъ которой не могутъ уклоняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тѣ, которые не исповѣдуютъ уже лютеранской вѣры, когда церковнымъ попечителямъ предоставлены особыя права относительно ихъ приходоѡвъ. Не можетъ быть взято въ уваженіе даже то обстоятельство, что священникъ былъ правъ, когда совершалъ требу въ другомъ мѣстѣ внѣ своего жительства, такъ какъ полковникъ фонъ - Миллеръ, пытаясь прервать оную, руководствовался инструкціею непосредственнаго начальства, Консисто-ріи, и онъ 21 Мая не могъ знать отмѣненіе опубликованное ордуиунгсгерихтомъ спустя за тѣмъ 6 дней, и наконецъ вообще ни подсудимыя, ниже кто либо изъ другихъ присутствовавшихъ не смѣли одной или другой сторонѣ спорившимъ помогать. По сей причинѣ и какъ они слишкомъ поспѣшно исполняли требованіе священника, подать веревокъ для связанія полковника фонъ-Миллера, нельзя оставить безъ наказанія и Карла Эльта 18 лѣтъ и Ингель-Мельдеръ 48 лѣтъ, оба православныя, причастившіяся 22 Мая прошлаго года, ибо сами приняли участіе въ спорѣ, а что насиліе произведено не поданными ими веревками, относится къ обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ нихъ. А потому и ихъ должно наказать экстраординарно за вмѣшательство въ споръ, и за преднамѣренное содѣйствіе къ насилію, вмѣсто воспрепятствованія онаго; а посему ландгерихтъ опредѣлилъ: подсудимыхъ Віу и Ингель Куть подвергнуть каждую трехнедѣльному аресту въ смиренномъ домѣ, а Карла-Эльта и Ингель-Мельдера наказать по 30 ударовъ розгами въ судѣ, предоставляя разсмотрѣніе вышнему судебному мѣсту.

ПЕРВЫЯ ПОПЫТКИ СБЛИЖЕНІЯ РОССИИ СЪ ФРАНЦІЕЙ.

Первый годъ послѣ Полтавской побѣды, 1710-й, закончился для Россіи блестяще. Прежніе союзники Петра, Данія и Польша, снова примкнули къ союзу съ царемъ; оборонительный союзъ заключили съ нимъ Пруссія и Ганноверъ. Русскія войска съ полей Полтавы перешли на берега Балтійскаго моря, гдѣ взяты у Шведовъ города Рига, Динамюнде, Перновъ, Ревель, Выборгъ, Кексгольмъ. По предложенію Россіи, Пруссіи, Даніи и Польши въ Гагъ заключенъ союзъ невмѣшательства («нейтральства»), для охраны спокойствія въ Римской имперіи. Англія, Голландія и Германія, съ сѣверными государствами, обязывались наблюдать, чтобы воюющіе не вносили огня въ Имперію; на нарушителя покоя обрушивались силы союзниковъ. Ближайшимъ образомъ союзъ имѣлъ въ виду Шведское войско, стоявшее въ Помераніи или такъ называемое «корпо» (т. е. корпусъ) съ генераломъ Красовымъ во главѣ, преграждая ему военныя дѣйствія въ Саксоніи и на Югѣ Даніи *). Повидимому все обѣщало Петру успѣшное окончаніе Сѣверной войны. Но наступилъ 1711-й годъ и обстоятельства перемѣнились. Достойный соперникъ царя, Карлъ XII, бѣжавшій отъ Полтавы въ Турецкую крѣпость Бендеры, не растерялся: при помощи Западныхъ державъ, не желавшихъ усиленія на материкѣ Европы новаго государства, Русскаго, онъ возбудилъ Турецкую войну, отвлекавшую силы царя отъ береговъ Балтійскаго моря. Начавшаяся война тѣмъ болѣе была обременительна, что союзники Петра не могли помогать ему на Югѣ. Карлъ XII не признавалъ нейтралитета, обезпечивающаго покой Германіи; а союзники Запада, несмотря на всѣ усилія Русскаго правительства, не исполняли обѣщанія снарядить нейтральное войско для охраненія этого покоя. Вслѣдствіе этого «корпо Красова» грозилъ вторженіемъ въ Саксонію и тѣмъ отвлекало Августа Польскаго отъ своевременной помощи царю въ Молдавіи: какъ курфирстъ Саксоніи, Августъ долженъ былъ защищать свои Германскія владѣнія. Другой союзникъ Петра, Датскій король, частію по безденежью, частію по про-

*) Подробно объ этомъ въ „Русскомъ Архивѣ“, 1905 г., стр. 395 и слѣд.

искалъ Англіи, не отваживался на одиночную борьбу съ Шведами на Сѣверѣ Германіи. Въ то же время на Западѣ прекращалась война за Испанское наслѣдство, отвлекавшая силы и вниманіе западныхъ державъ отъ прямой поддержки Швеціи. Въ Австріи умеръ Іосифъ I; братъ его, Карлъ, кандидатъ на Испанскій престолъ, приобрѣталъ Австрійскія земли и корону Имперіи: не въ интересахъ западныхъ «аліатовъ» было возстановлять времена Карла V, владѣвшаго въ XVI в. почти всѣмъ Западомъ Европы. Англія, Голландія и Германія, по прекращеніи войны, оставшись свободными, могли всѣ силы употребить на то, чтобы остановить «счастливые прогрессы» оружія царя или, по крайней мѣрѣ, отвлечь отъ союза съ нимъ Данію и Польшу.

При такомъ состояніи Европы 1711-й годъ былъ для Петра однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Приходилось нести бремя двухъ войнъ: сѣверной, гдѣ въ случаѣ успѣха корпуса Красова можно было потерять Прибалтійскія завоеванія, и южной, гдѣ борьба одинокой, ослабленной предыдущею войною Россіи съ Турціей не могла обѣщать побѣды; одновременно съ этимъ и будущее не открывало свѣтлыхъ надеждъ. Не даромъ Петръ на Прутѣ разсуждалъ «о смертномъ часѣ»...

Но какъ было выйти изъ затруднительнаго положенія? Своихъ силъ для борьбы на Югѣ и Сѣверѣ не доставало; союзники Запада, кромѣ обѣщаній и медленныхъ резолюцій, въ лучшемъ случаѣ клонившихся къ невмѣшательству въ войну Сѣвера, дѣйствительной помощи не оказывали. Приходилось искать новыхъ союзниковъ и при томъ такихъ, выгоды которыхъ, такъ или иначе, совпадали бы съ выгодами Россіи. Такимъ являлся Людовикъ XIV, король Франціи, со стороны которой открывались виды на доброе для Россіи окончаніе Шведской войны.

И конечно, Русская дипломатія, заключая союзы и своимъ вмѣшательствомъ въ войну за Испанское наслѣдство поддерживая враговъ Франціи, не могла, въ то же время, не обращать вниманія на это государство, значеніе котораго было тѣмъ важнѣе, чѣмъ ближе были его отношенія къ Швеціи. Извѣстно, что еще со временъ Франциска I, въ борьбѣ съ могущественною Габсбургскою монархіею, Франція держалась на Востокѣ особой политической системы, извѣстной подъ названіемъ «Barrière du Nord». Она поддерживала дружественныя связи съ Швеціей, Польшей и Турціей, стараясь образовать изъ нихъ вредный для Римской имперіи союзъ. Но эти державы въ то же время были и врагами Москвы; отсюда, кромѣ всякаго рода другихъ расчетовъ, сама собою вытекала необходимость обоюднаго сближенія обѣ-

ихъ странъ—Россіи и Франціи». Франція могла и Россію привлечь къ сѣверному союзу или, по крайней мѣрѣ, ослабить ея значеніе на Востоку Европы*). Людовикъ XIV, не смотря на свои неудачи въ войнѣ съ союзниками, и самъ по себѣ былъ настолько грозною силою, что невозможно было съ нею не считаться: его планы и успѣхи разрушали коалицію, на сторонѣ которой было (хотя и вынужденное) сочувствіе Россіи. Наконецъ, и тогдашнее политическое состояніе Европы, съ Римскою имперіею въ ея срединѣ, напоминающее отчасти современное намъ положеніе, могло дать поводъ къ возникновенію мысли о сближеніи Франціи съ Россіей въ цѣль ограниченія средне-европейскаго союза. По всему этому отношенія Россіи къ Франціи въ эпоху Петра пріобрѣтаютъ особенное значеніе.

Сношенія Россіи съ Франціей отходятъ къ отдаленнѣйшему времени, еще ко времени Ярослава Мудраго; но болѣе важныя для исторической жизни Россіи начинаются съ Михаила Теодоровича, когда и вообще положено было начало болѣе прочнымъ связямъ Восточной Европы съ Западною. Въ 1615 г. царь Михаилъ, «желая снискать себѣ друзей», отправилъ пословъ, Ивана Кондырева и подъячаго Невѣрова, къ Людовику XIII, чтобы объявить о своемъ восшествіи на престолъ и просить помощи противъ Шведовъ и Поляковъ. Посольство не привело ни къ чему; Французы не признавали прочнымъ положеніе царя, такъ какъ престолъ у него оспаривался Владиславомъ. И только въ 1629 г. въ первый разъ пріѣхалъ въ Россію посолъ Франціи де-Гай Курмененъ (Людовикъ Дегансъ) съ цѣлію заключить торговый договоръ. Уже тогда Французы высказывали мысль о необходимости сближенія съ Россіей. Курмененъ говорилъ: «Царское величество глава и начальникъ надъ восточною странюю и надъ Греческою вѣрою, а Людовикъ, король Французскій, начальникъ въ полуденной странѣ. Когда царь будетъ съ королемъ въ дружбѣ, любви и соединеніи, то у царскихъ недруговъ много силы убудетъ; цезарь Римскій съ Литовскимъ королемъ заодно, а царю съ королемъ Французскимъ потому же надобно быть въ дружбѣ и на недруговъ стоять за одно... Такіе великіе государи, царь и король, вездѣ славны; другихъ такихъ великихъ и сильныхъ государей нѣтъ, и подданные ихъ, всѣ люди, во всемъ имъ послушны, не такъ какъ Англичане и Брабанцы (Голландцы), дѣлающіе все по своему хотѣнію: что есть дешевыхъ товаровъ скупятъ въ Испанской землѣ, да Русскимъ людямъ и продаютъ дорогою

*) Ср. „Историческій Вѣстникъ“ 1903 г. Май. Статья г. Штейна: Петръ Великій и Франко-русскій союзъ.

цѣною, а Францужане все будутъ продавать дешево». Договоръ былъ заключенъ въ Москвѣ 1630 г. Ноября 12-го; онъ возбудилъ подозрѣніе Швеціи, полагавшей, что договоръ заключенъ ей во вредъ ¹⁾. Отдаленность Россіи и нерасположеніе Французовъ къ торговлѣ съ Русскими были причинами, что въ ближайшее затѣмъ время не было болѣе тѣсныхъ сношеній между обѣими державами. Но уже при Людовикѣ XIV посланники Россіи были во Франціи нѣсколько разъ, именно въ 1654, 1668, 1681 и 1687—88 годахъ. Въ 1653—54 г.г. съ извѣщеніемъ о Польской войнѣ былъ посланъ во Францію гонецъ Мачехингъ. Представившись Людовику XIV, Мачехингъ получилъ отъ него отвѣтъ, что король желалъ бы видѣть на Востокѣ миръ, а не войну между Польшей и Россіей ²⁾. Въ 1668 г. царь отправилъ во Францію стольника П. Потемкина и дьяка Румянцева, съ объясненіемъ о прекращеніи Польской войны. Послѣ представленія королю въ С. Жерменѣ, Русскіе послы объявили королевскимъ думнымъ людямъ, что царь желаетъ быть съ королемъ въ любви и соединеніи, для подкрѣпленія чего пусть бы Людовикъ, если желаетъ, прислалъ своихъ пословъ въ Москву, и что купцы обѣихъ странъ пусть бы беспрепятственно торговали во всѣхъ городахъ. Министры короля предложили посламъ заключить торговый договоръ; но Потемкинъ и Румянцевъ отвѣчали, что они не имѣютъ наказа договариваться объ этомъ дѣлѣ: пусть король пошлетъ для переговоровъ о торгѣ съ Россіей своихъ людей въ Россію. Купцамъ Потемкинъ совѣтовалъ ѣхать въ Архангельскъ, говоря, что обиды имъ не будетъ. «Безъ договора и постановленія въ такой дальній путь ѣхать намъ ненадежно», отвѣчали купцы. Тѣмъ дѣло и кончилось ³⁾. Въ 1681 г. Потемкинъ, на этотъ разъ съ Волковымъ, снова пріѣзжалъ во Францію хлопотать о продолженіи дружбы царя съ королемъ и заключеніи торговаго договора. Хотя Русскіе послы встрѣчены были съ особымъ почетомъ ⁴⁾, не дававшимъ, повидимому, повода сомнѣваться въ расположеніи короля къ Московскимъ царямъ, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе споровъ о царскомъ титулѣ, заключеніе договора не состоялось. Французы говорили, что нравы и обычаи ихъ такъ были различны съ Русскими, что нельзя было ожидать согласія націй и договоръ, въ случаѣ заключенія, могъ бы уничтожиться самъ собою ⁵⁾.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Рус. Истор. Общества т. 34; I—II стр. Ср. Соловьевъ IX, 192—195; онъ говоритъ, что Курмененъ ничего новаго не добился, но это противорѣчатъ Французскимъ документамъ.

²⁾ Соловьевъ X, 351 и слѣд.

³⁾ Соловьевъ XII, 248—250.

⁴⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Историч. Общества. 34, 1—10.

⁵⁾ Сборникъ 34, 399—401.

Въ 1683 г. изъ Франціи предполагалось отправить чрезвычайное посольство въ Россію, во главѣ съ г. Пикарьеромъ, чтобы привлечь Россію къ союзу съ Франціею, Даніею и Бранденбургскимъ курфюрстомъ въ видахъ ограниченія военныхъ замысловъ Швеціи. Кромѣ того, посланникъ долженъ былъ установить взаимныя торговыя сношенія и представить подробный отчетъ о состояніи Россіи, которымъ очень интересовались Французы ¹⁾. Эта поѣздка г. Пикарьера не состоялась; но здѣсь важно отмѣтить, что мысль о сближеніи Россіи съ Франціей, назрѣвала въ политическомъ сознаніи уже въ XVII вѣкѣ. Когда началась Сѣверная война, эта мысль получила новое развитіе. Въ 1687 г. Русскіе послы, князья Яковъ Долгорукій и Яковъ Мышецкій, хлопотали о томъ, чтобы Людовикъ XIV присталъ къ союзу Россіи, Польши и Австріи противъ Турціи, или, по крайней мѣрѣ, не препятствовалъ войнѣ съ этою державою. Король объявилъ посламъ, что крайне безразсудно было бы съ его стороны объявлять войну Туркамъ и вообще и въ виду возобновленныхъ имъ въ 1673 г. дружественныхъ договоровъ съ султаномъ; что онъ, король, хотя и имѣлъ бы справедливыя основанія начать войну съ Имперіей для поддержанія своихъ родственныхъ правъ ²⁾ и пользуясь отвлеченіемъ ея силъ къ Турціи, тѣмъ не менѣе, пока союзные государи не подадутъ законнаго повода къ разрыву, король не будетъ мѣшать союзу Христіанскаго оружія, ни препятствовать его успѣхамъ. Кромѣ того, Русскіе послы просили короля, чтобы онъ способствовалъ процвѣтанію торговаго Франціи съ Россіей чрезъ Архангельскъ и отправилъ пословъ въ Москву, гдѣ они будутъ хорошо приняты. Король обѣщалъ исполнить послѣднюю просьбу пословъ, но при этомъ заявилъ, что Московскіе цари сдѣлали бы ему великое удовольствіе, если бы облегчили переѣздъ чрезъ Россію въ Китай Іезуитамъ и другимъ миссіонерамъ. Русскіе послы оставили по себѣ дурное впечатлѣніе во Франціи своими излишними притязаніями на удовольствіе, отпускавшееся имъ по заведенному обычаю Французскимъ правительствомъ, и своимъ поведеніемъ, производя контрабандный торгъ мѣхами и тканями и предпочитая личныя выгоды чести своихъ государей, такъ что Людовикъ XIV одно время хотѣлъ выпроводить «этихъ негодяевъ» безъ всякихъ церемоній за границу ³⁾. Иначе доносили Русскіе послы: «встрѣчены и провожены они были неслестно потому, что пріѣхали къ Людовику съ неприятымъ дѣломъ—союза противъ Турціи, и потому что оберегали честь своихъ государей» ⁴⁾.

¹⁾ Сборникъ 34, 401—408.

²⁾ Въ Польцкомъ курюршествѣ.

³⁾ Сборникъ 34, 16—19.

⁴⁾ Соловьевъ XIV, 59—63.

Когда началась Сѣверная война, сношенія Россіи съ Франціей усилились. Въ Февралѣ 1701 г. посланникъ Франціи, г. дю-Геронъ, имѣлъ въ Биржѣ (Динабургскомъ уѣздѣ) аудіенцію у царя, который сказалъ ему, что питаетъ особое расположеніе къ Людовику XIV и ставить его себѣ въ примѣръ, что слѣдовало бы поумѣрить слѣсъ Голландцевъ, которые желаютъ вмѣшиваться въ Европейскія дѣла, и что онъ царь желалъ бы для обоюдныхъ выгодъ заключить торговый договоръ съ Франціей. Такія же предложенія шли отъ Россіи и другимъ Французскимъ министрамъ при разныхъ Европейскихъ дворахъ. Людовикъ XIV отвѣчалъ, что онъ съ радостію встрѣтилъ бы установленіе тѣсныхъ сношеній между державами. Послѣ того, уже въ половинѣ Января 1702 г., Русскій посланникъ, при свиданіи съ дю-Герономъ, сообщилъ ему, что царь усердно желаетъ войти въ союзъ съ Людовикомъ XIV; что до сихъ поръ ему приходилось лишь терпѣть ущербъ отъ союза съ Императоромъ, Англіей и Голландіей, не соблюдавшими договорныхъ обязательствъ; что Польскій король тоже даетъ поводъ къ жалобамъ, что въ интересахъ короля занять войска Шведскаго и Польскаго королей, чтобы они не подкрѣпляли ими непріятелей Франціи; что если король хочетъ наказать Голландцевъ, то пусть онъ поможетъ Петру утвердиться на Блгійскомъ морѣ: тогда царь заведетъ на морѣ обширный флотъ, благодаря которому и союзному флоту Франціи, вытѣснится торговля Голландцевъ на морѣ, перейдя въ руки Франціи и Россіи. Геронъ отвѣчалъ Русскому посланнику при Польскомъ дворѣ, что сообщить Людовику о желаніи царя и увѣренъ, что король съ удовольствіемъ приметъ предложеніе о дружбѣ; но при этомъ сказалъ, что если царь дорожить успѣхомъ дѣла, то пусть не допускаетъ Польскаго короля входить въ соглашеніе съ Императоромъ и Голландцами, дабы такимъ образомъ Французскому королю не было необходимости вступать въ сношенія съ врагами Польскаго короля, которые въ тоже время и враги Франціи. И позднѣе, въ концѣ Января, со стороны Русскаго посланника въ Польшѣ дѣлались предложенія Герону въ томъ смыслѣ, чтобы Людовикъ побуждалъ Польскаго короля къ войнѣ съ Швеціей для отвлеченія его силъ отъ помощи Императору, съ которымъ Августъ II былъ въ союзѣ, обѣщая 20 т. войска. Геронъ отвѣчалъ на эти предложенія, что Людовикъ, въ силу давнихъ трактатовъ заключенныхъ Франціей съ Швеціей, не можетъ содѣйствовать продолженію войны на Сѣверѣ; что, напротивъ, онъ долженъ заботиться о примиреніи Польши и Швеціи въ качествѣ посредника; что поэтому и онъ Геронъ будетъ только простымъ зрителемъ событій, доколѣ не получитъ особыхъ предписаній отъ своего государя. Одновременно съ этимъ и Паткуль, какъ извѣстно, принимавшій дѣятельное

участіе въ событіяхъ Сѣверной войны, говорилъ Герону, что Людовику слѣдовало бы принять Петра въ свой союзъ: тогда царь постарался бы отстранить Датскаго короля отъ помощи Голландцамъ, а Прусскаго отъ помощи Императору. Вообще-же, совѣтовалъ Паткуль, слѣдовало бы Людовику прислать въ Россію представителя Франціи для уягненія взаимныхъ отношеній между державами.

Обо всемъ этомъ Геронъ доносилъ своему королю. Относительно Паткуля Людовикъ говорилъ, что не слѣдуетъ ему довѣрять: это человекъ неискренній, сторонникъ Императора. Щадя въ тоже время Швецію, Людовикъ приказывалъ Герону ни въ какіе планы не входить, чтобы не умножить числа ея враговъ. Но Русское правительство, однако, настойчиво преслѣдовало свои цѣли. Въ концѣ Августа, Паткуль, чрезъ одно довѣренное лицо, справлялся у Герона объ отвѣтъ короля; при этомъ Герону снова было заявлено о желаніи царя вступить въ дружбу съ королемъ съ изъясненіемъ, что эта дружба была бы небезполезна. Такъ какъ тогда происходило возстаніе въ Венгріи противъ императора Леопольда, то заявлялось, что царь могъ бы послать на помощь возставшимъ, въ Трансильванію, казаковъ. А далѣе говорилось, что Петръ могъ бы содѣйствовать возведенію на Польскій престолъ Французскаго принца, такъ какъ современное положеніе дѣлъ въ Польшѣ предвѣщало революцію; что онъ могъ бы доставить Людовику свои войска, пославъ ихъ на корабляхъ чрезъ проливы, если бы Турки дозволили; что онъ далъ бы неперемѣнно и денегъ; что царь недоволенъ Императоромъ, Голландіей и Англіей, а равно и Прусскимъ королемъ, о которомъ онъ сталъ другого мнѣнія. Желаніе союза съ Людовикомъ со стороны Россіи было на столько сильно, что царь обѣщалъ, если вѣрить Французскимъ документамъ, воздержаться, въ случаѣ заключенія союза, отъ продолженія военныхъ дѣйствій съ Швеціей въ предположеніи союза ея съ Людовикомъ.

На эти послѣднія предложенія Геронъ отвѣчалъ, что и король согласенъ на союзъ, что пусть бы царь поручилъ хлопотать объ этомъ дѣлѣ, сообщивъ свои предположенія своимъ министрамъ въ Гагъ, Копенгагенъ и Варшавѣ; тогда представители Франціи сдѣлаютъ докладъ королю, который сообщитъ имъ инструкціи для вступленія въ переговоры. Это согласіе на союзъ со стороны Франціи являлось слѣдствіемъ важности Русскихъ предложеній, хотя послѣднія и шли отъ лица Паткуля, дѣйствовавшего чрезъ довѣрителя, а Паткулю Французы плохо вѣрили. Людовикъ сообщилъ Герону, что онъ уполномочиваетъ его получить Русскія предложенія, что для веденія переговоровъ назна-

чается въ Россію особый посланникъ Балюзъ, что особенно полезна была бы диверсія въ Венгріи, что если бы встрѣтилась здѣсь нужда для командованія Русскими отрядами, то онъ назначилъ бы своихъ субалтернъ-офицеровъ ¹⁾.

Когда шли эти переговоры и Балюзъ ѣхалъ въ Россію, изъ нея отправленъ былъ во Францію дворянинъ Постниковъ безъ посланническаго, однако, характера ²⁾. Проживая въ Парижѣ, онъ получалъ изъ Россіи извѣстія о побѣдахъ надъ Шведами, передавалъ ихъ министру иностранныхъ дѣлъ де-Торси, а этотъ показывалъ ихъ королю. Кромѣ этого, Постниковъ покупалъ во Франціи инструменты и нанималъ на Русскую службу искусныхъ людей; но при этомъ, на сколько могъ, освѣдомлялся о политическихъ событіяхъ, о чемъ и доносилъ Русскому правительству. Изъ этихъ донесеній видно, что Французовъ очень занимали дѣятельность Петра и его политика. Правда, сообщалъ Постниковъ, Французы опредѣляли положеніе Москвы на краю свѣта и думали, что она съ «Индіями граничитъ»; тѣмъ не менѣе «они радостно хотѣли знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отправленій Петра по сухому и морскому пути, но и доброе, славное управленіе, которымъ (славился) Петръ, этотъ присно - хвалительный суверенъ надъ тако многочисленными народами» ³⁾.

Балюзъ выѣхалъ изъ Варшавы въ Москву 1702 г. 8 Декабря. Французы не надѣялись на успѣхъ переговоровъ; Балюзъ посылался болѣе для того, чтобы развѣдать обстоятельства и провѣрить сообщенія дю-Герона. Для успокоенія Швеціи, Французское правительство говорило, что король далекъ отъ намѣренія дать Петру средства для сильнѣйшаго нападенія на Шведскія владѣнія; король хотѣлъ найти лишь средства отклонить Русскихъ отъ союза съ врагами Швеціи и если договаривался съ царемъ, то главнымъ предметомъ переговоровъ было установленіе соглашенія царя съ Шведскимъ королемъ. Опираясь на послѣднія сообщенія Герона, Балюзъ долженъ былъ получить отъ Русскаго правительства двѣ статьи, которыя, однако, самъ не долженъ былъ предлагать: а) чтобы царь сдѣлалъ диверсію въ Трансильванію съ казаками для поддержанія возстанія Венгровъ и б) ссудилъ Людовика деньгами. Такъ какъ трудно было царю воевать одно-

¹⁾ Сборникъ 34, V—XI.

²⁾ О немъ А. Матвѣевъ отзывался, какъ о человѣкѣ умномъ, знающемъ дѣла Европейскія, наблюдавшемъ пользу государя и въ языкахъ ученомъ. См. „Историч. Вѣстникъ“ 1903 г. Май.

³⁾ Соловьевъ XV, 68 и слѣд.

временно съ Императоромъ и Шведами, то онъ долженъ былъ предварительно заключить миръ съ сими послѣдними, принявъ посредничество Франціи, при чемъ король обѣщаль употребить все усилія для удержанія царемъ завоеванныхъ имъ мѣстъ *).

Въ концѣ Марта 1703 г. Балюзъ принятъ былъ Петромъ, хотя и въ частной аудіенціи, но весьма милостиво; а затѣмъ сталъ имѣть совѣщанія съ Головинымъ, на которыхъ высказалъ, что Людовикъ XIV, кромѣ желанія утвердить дружественныя сношенія между обѣими державами, «расположенъ къ заключенію такого обязательства, какое будетъ угодно Петру». При этомъ Балюзъ настаивалъ на томъ, чтобы Россія первая предложила статьи союза. Головинъ отвѣчалъ, что царь этого сдѣлать не можетъ «не разорвавъ союза съ тѣми державами, къ которымъ онъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, долженъ относиться съ осторожностію, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ вполне увѣренъ въ дружбѣ короля». Балюзъ обѣщаль: 1) сообщить Людовику объ искреннемъ желаніи Московскаго двора заключить съ королемъ трактатъ союза «непоколебимо твердаго и взаимно-полезнаго» и 2) просить Людовика выслать ему условія трактата, а также полномочія вести переговоры о союзѣ. Балюзъ такъ и сдѣлалъ. Но изъ Франціи условій не высылали; вмѣсто ихъ Московскому послу въ Копенгагенъ посломъ Франціи были сдѣланы три предложенія: а) объ установленіи дружескихъ сношеній между царемъ и королемъ, б) объ изыятіи торговли изъ рукъ Англичанъ и Голландцевъ и передачѣ ея Французамъ, и в) объ избраніи Людовика единственнымъ посредникомъ при заключеніи мира между Россією и Швеціей. Царь принималъ первое и третье; но относительно торговли сказалъ, что онъ не можетъ разорвать связей съ морскими державами при настоящихъ обстоятельствахъ, не нанеся вреда своимъ подданнымъ и доходамъ; онъ издастъ только приказъ, чтобы Французы пользовались въ Русскихъ гаваняхъ хорошимъ приѣмомъ и обхожденіемъ. Сообщая объ этомъ своему правительству, Балюзъ писалъ, что открылся бы хорошій путь къ успѣшному окончанію переговоровъ, если бы Людовикъ настоялъ у Шведскаго короля о размѣнѣ плѣнныхъ; этого размѣна царь никакъ не могъ добиться чрезъ посредство своихъ союзниковъ. Хорошее впечатлѣніе, доносилъ Балюзъ, произвело бы на царя и то обстоятельство, если бы ему поднесли въ подарокъ рисунки главныхъ военныхъ кораблей Франціи, а также галеръ и галіотовъ вооруженныхъ мортирами. При этомъ Балюзъ добавлялъ, что царь сообщилъ ему чрезъ посредство Греческаго купца Сана

* Инструкція Балюзу въ Сборникъ, т. 34, стр. 408—414.

о возможности, при посредствѣ Константинополя, установить торговлю съ Франціей чрезъ Азовъ, помимо Балтійскаго моря, въ гаваняхъ котораго Англичане и Голландцы особенно старались получить привилегіи и гдѣ царь охотно оказалъ бы предпочтеніе Французамъ...

Несмотря на эти донесенія, Людовикъ не пожелалъ сообщить условія договора. Въ Ноябрь Балюзъ сказалъ Головину, что несообщеніе условій трактата со стороны Россіи дало королю поводъ предполагать, что мысли царя о союзѣ съ Франціей измѣнились, что поэтому король приказалъ ему, испросивъ прощальную аудіенцію, оставить Россію. На этой аудіенціи Петръ лично подтвердилъ Балюзу о своемъ желаніи заключить съ королемъ дружественный союзъ и объ установленіи торговли съ Франціей чрезъ Средиземное море. Послѣ того Балюзъ уѣхалъ въ Варшаву, сообщивъ Московскому правительству обѣщанія короля, что купцы Россіи со стороны Франціи «будутъ пользоваться полною безопасностію въ своемъ плаваніи и въ своей торговлѣ».

Царь, полагая, что успѣхъ переговоровъ будетъ болѣе обезпеченъ, если они будутъ ведены во Франціи его посланникомъ, отправилъ въ 1705 году изъ Гаги въ Парижъ А. А. Матвѣева, который долженъ былъ хлопотать, между прочимъ, о возвращеніи конфискованныхъ Французами двухъ Русскихъ торговыхъ кораблей, которые, плывя изъ Архангельской бухты въ Голландію и Лондонъ, были схвачены Французскими каперами, хотя они плыли подъ флагомъ царя, съ обычными засвидѣтельствованными бумагами, и не имѣли запрещенныхъ товаровъ. А на одномъ кораблѣ Французы захватили вещи самого Матвѣева и конфисковали ихъ. Все это дѣлалось вопреки обѣщаній короля о безопасности со стороны Франціи морскихъ плаваній для Русскихъ судовъ и вопреки нейтралитета, соблюдавшагося Русскимъ правительствомъ. Когда Матвѣевъ прибылъ ко двору Людовика и сталъ хлопотать о дѣлѣ кораблей, то король отвѣчалъ, что конфискаціей не были нарушены его обѣщанія: «коносаменты» (т. е. росписки, которыми шкиперъ удостовѣряетъ принятіе груза) не были подписаны, и въ нихъ не было объяснено, согласно установленіямъ и общему обычаю всѣхъ Европейскихъ государствъ, имѣющихъ порты, кому слѣдовалъ грузъ; вслѣдствіе этого Французы и захватили корабли въ предположеніи, что грузъ назначался Голландцамъ. Относительно же вещей Матвѣева было заявлено, что они, или ихъ стоимость, будутъ возвращены, если будетъ объяснено, какія собственно вещи были захвачены и кѣмъ, Французскими или Испанскими подданными. Сообщая объ этомъ Матвѣеву, король и на будущее время не отрекался отъ своихъ обѣщаній, прося и царя

оказывать покровительство Французскимъ подданнымъ въ Русскихъ портахъ.

Своимъ обращеніемъ, умомъ, вѣжливостію и знаніемъ Европейскихъ дѣлъ Матвѣевъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на Французовъ *). Онъ старался объяснить Французскому правительству, что чувства и намѣренія Петра къ королю и народу были болѣе честны и дружественны, чѣмъ какъ привыкли думать объ этомъ Французы подъ вліяніемъ злыхъ навѣтовъ враговъ Россіи, что въ высшей степени было бы полезно для обѣихъ державъ, если бы при ихъ дворахъ находились уполномоченные послы, охраняющіе выгоды государствъ, и установилась бы настоящая, правильная торговля избыточествующими товарами и припасами. Это могло бы случиться, если бы король вошелъ въ тѣсный союзъ съ Россіей, полезный для обѣихъ странъ. Тѣмъ не менѣе, и посольство Матвѣева цѣли не достигло. Изъ переговоровъ выяснилось, что «разгорѣвшаяся во всѣхъ частяхъ Европы война до того шла въ разрѣзъ съ выгодами обѣихъ державъ, что ранѣе установленія мира невозможно было устранить первыя встрѣтившіяся затрудненія для составленія условій дружественнаго договора между царемъ и королемъ». Сей послѣдній не могъ принять на себя и статей торговаго договора, предложеннаго Матвѣевымъ, пока не установился бы миръ на Сѣверѣ и король не узналъ бы, какія привилегіи будутъ предоставлены Англійскимъ и Голландскимъ купцамъ. вмѣсто торговаго договора, Матвѣевъ получилъ только письмо министра де-Торси, которое признавалось, однако, обѣими сторонами, равнозначущимъ договору. (Впослѣдствіи, когда рѣчь заходила о нарушеніи Французами торговыхъ выгодъ на Балтійскомъ морѣ, Русскіе ссылались на письмо Торси, какъ на договоръ). Министръ писалъ, что современное положеніе дѣлъ въ Европѣ не даетъ возможности заключить союзный договоръ: война задерживаетъ мореходство на Сѣверѣ; надо выждать болѣе благопріятное время; а пока общее положеніе дѣлъ дозволяло только, какъ Франціи, такъ и Россіи дружественно принимать корабли переговаривавшихся державъ въ свои гавани, снабженные надлежащими документами и соблюдающіе уставы мореходства.

Изъ вышеизложеннаго видно, что Франція, хотя и не видѣла въ Швеціи особенно полезнаго для себя союзника, однако не считала такимъ и Россію, чѣмъ и объясняется ея почти равнодушное отношеніе къ Русскимъ предложеніямъ. А при этомъ условіи естественна была и

*) Матвѣевъ, а не князь Куранинъ, какъ ошибочно объяснено въ Сборникѣ, т. 34, стр. 44; ср. 550.

та осторожность, съ которою Петръ относился къ Людовику, желая, чтобы онъ откровенно раскрылъ свои намѣренія.

Такое положеніе дѣлъ измѣнила Полтавская побѣда, утвердившая господство Петра на Балтійскомъ морѣ. Заведеніе царемъ флота и привлеченіе въ Петербургъ иностранныхъ купцовъ показало Людовику, что предложеніями Русскаго царя, власть котораго усиливалась съ каждымъ днемъ, пренебрегать не слѣдуетъ; что геній Петра не знаетъ препятствій, что неудачи не ослабляютъ его настойчивости и что сила царя на Сѣверѣ, разумно направленная, могла бы оказать добрую услугу Франціи. Ея положеніе въ то время (1710 г.) было тяжелое: война шла неудачно. Переговоры съ коалиціею о мирѣ показали королю, что враги его не столько стремились къ прекращенію войны, сколько къ отысканію предлоговъ къ тому, чтобы обратить на Францію нареканіе за продолженіе войны. Голландцы прямо требовали, чтобы Людовикъ собственными силами принудилъ своего внука, Филиппа Анжуйскаго, уступить Испанію и ея колоніи въ Индіи союзникамъ въ теченіе 15 дней. Предложеніе Людовика о посредничествѣ союзниковъ Сѣвера при предполагавшемся заключеніи мира съ коалиціею было отвергнуто его врагами «съ высокоуміемъ людей, полагавшихъ на собственные силы и считавшихъ себя въ состояніи налагать законы всему міру»^{*)}. При такихъ требованіяхъ, Людовикъ, прекративъ переговоры съ союзниками о мирѣ, обратилъ вниманіе на Московскаго царя и на ожидавшуюся отъ него помощь. Франція теперь полагала, что для нея нѣтъ особой выгоды щадить Швецію, которая отказала ей въ союзѣ въ происходившей войнѣ и предпочла заключить его съ Англіей и Голландіей, на которыхъ она возлагала надежду для поправленія своихъ обстоятельствъ. Карлъ XII на столько былъ упрямъ, на столько не дорожилъ славою и выгодами своего государства, послѣ низложенія Августа, было особенно велико. И это онъ сдѣлалъ для того, чтобы преслѣдовать безумную цѣль—одолѣть Петра, доведшую его до гибели. Между тѣмъ Петръ на столько усилился въ Прибалтійскомъ краѣ, что трудно было отнять у него сдѣланныя завоеванія въ силу ихъ географическаго положенія. Завоеванныя области съ Сѣвера закрыты Ладожскимъ озеромъ; завладѣвъ Нарвою и Выборгомъ, царь началъ господствовать надъ Финскимъ заливомъ, который защищенъ укрѣпленнымъ островомъ; берега Эстоніи и Ливоніи защищены Ревелемъ и Перновымъ, а граница со стороны Польши закрыта Западною Двиною, доступною для плаванія кораблей

^{*)} Сборникъ 84, 480 и др.

до Риги, города укрѣпленнаго и самого по себѣ и защищеннаго крѣпостью Дюнамюнде при устьѣ рѣки. Сдѣлавъ значительныя завоеванія, царь въ то же время свое честолюбіе полагалъ въ возрожденіи народа: онъ заботился о его обученіи и просвѣщеніи, создалъ регулярную армію, приглашалъ къ себѣ офицеровъ и всякаго рода свѣдущихъ людей; его земли были богаты всѣмъ тѣмъ, что нужно для мореплаванія; его гавани обширны. Онъ желалъ, чтобы его подданные торговали со всею Западною Европою. Все это дѣлало царя грознымъ для его сосѣдей, возбуждало основательную зависть въ Императорѣ и морскихъ державахъ, желавшихъ сосредоточить морскую и всемірную торговлю исключительно въ своихъ рукахъ. Англія и Голландія, занятая войною, были въ согласіи съ Петромъ; но, полагаясь на силу Шведскаго короля, они не ожидали быстрого возрастанія Русскаго могущества. Въ то же время они обижали и Швецію, которая недовольна была тѣмъ, что въ актѣ нейтральства включены были Голштинія, Ютландія и Саксонія, но исключены были изъ него Финляндія и Ливонія. Во всемъ этомъ Шведскій король усматривалъ пристрастіе морскихъ державъ къ его врагамъ. Теперь даже невозможно было и дальнѣйшее совмѣщеніе выгодъ царя съ выгодами Англіи и Голландіи; Петръ сносилъ съ нетерпѣніемъ ихъ могущество и желаніе ихъ во что бы ни стало возвысить Австрію. Императоръ, въ свою очередь, долженъ былъ опасаться усиленія Петра въ Польшѣ, его покровительства имперскимъ князьямъ и Венгерскимъ повстанцамъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Французское правительство и полагало, что настало время серьезнаго сближенія съ возраставшею въ силѣ Русскою землею. Оно выработало такой планъ этого сближенія.

При посредствѣ Франціи Петръ заключаетъ союзъ съ Швеціей. О желаніи Швеціи заключить этотъ союзъ Людовикъ получилъ свѣдѣнія отъ своего посла въ Константинополь Дезальера *). Желанія Россіи ему и прежде были извѣстны. Если бы этого союза и не было заключено, то Петръ, во всякомъ случаю, предлагаетъ свое посредничество державамъ, воюющимъ на Западѣ, въ цѣляхъ содѣйствія умиротворенію Европы. Для того, чтобы это предложеніе имѣло силу, образуется на Сѣверѣ, во главѣ съ Петромъ, *Лига*, въ составъ которой входятъ, кро-

*) И въ Россіи было извѣстно о желаніи Карла послѣ Полтавской побѣды заключить миръ съ Петромъ. Предложенія о мирѣ Карлъ дѣлалъ чрезъ одного католическаго патера Фрея и г. Ницедаго, сторонниковъ Рагоцци. Сборникъ, 50, 388.

мъ Россіи и Франціи, Польша, Данія и курфирстъ Бранденбургскій. Сей послѣдній за участіе въ союзѣ получаетъ Шведскую Померанію; Данія—Шведскія земли въ Мекленбургѣ или земли герцога Голштейнъ-Готторпскаго. При этомъ дѣлѣжѣ Шведскихъ земель въ Германіи герцогъ Ганноверскій постарается захватить герцогство Бременское и, несмотря на свою симпатію къ Швеціи и той осмотрительности, какую онъ обязанъ былъ имѣть по отношенію къ Англіи, герцогъ, въ силу наслѣдства Англійскаго престола, несомнѣнно не откажется отъ участія въ раздѣлѣ Шведскихъ владѣній. Соображеніе, что, въ случаѣ примиренія, враги Франціи, соединившись, возстановили бы владѣнія Швеціи въ Германіи (въ силу акта нейтральства) не должно было смущать съверныхъ: стоило имъ только отозвать свои войска, находившіяся на службѣ союзниковъ въ Нидерландахъ, какъ Франція съ своими союзниками повсюду оказалась бы въ превосходствѣ силъ, и тогда возможно было бы заключить миръ, продиктованный Франко-русскимъ союзомъ. Бояться Швеціи царю не слѣдовало: ослабленная войною, она не въ состояніи была отнять прекрасно защищенныя Прибалтійскія области. Со стороны Имперіи тоже нечего было опасаться ни Россіи, ни Польши: въ Венгріи было возстаніе, подъ предводительствомъ князя Рагоци; требовалась поддержка возставшихъ для ослабленія силъ Императора.

Это возстаніе, по поводу котораго мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ для уясненія дѣла, произведено было съ цѣлію возстановить старинныя привилегіи Венгерскаго народа, нарушаемыя Габсбургами. Въ началѣ XVIII в. предводителемъ возставшихъ былъ Трансильванскій принцъ, Францискъ Леопольдъ Рагоци, мать котораго, по смерти перваго мужа, вторично вышла замужъ за графа Текели, предводителя Венгровъ (бѣжавшаго впоследствии въ Турцію). Молодой Рагоци воспитывался подъ строгимъ надзоромъ Австрійскаго двора; за каждымъ его шагомъ тщательно слѣдили. Такое воспитаніе и семейныя впечатлѣнія создавали въ душѣ его нерасположеніе къ Австрійцамъ и сочувствіе къ угнетаемому ими Венгерскому народу. Несмотря на это, Рагоци первоначально не вмѣшивался въ политику. Онъ женился и мирно жилъ въ своихъ Венгерскихъ помѣстьяхъ. Тѣмъ не менѣе, императоръ Леопольдъ обвинилъ Рагоци въ происшедшемъ тогда возстаніи крестьянъ и въ томъ, что онъ сносился съ Франціей. Рагоци былъ посаженъ въ крѣпость, но успѣлъ бѣжать въ Польшу, гдѣ въ то время находился его родственникъ, тоже изгнанникъ Венгріи, графъ Берчени. Въ 1703 г., когда вспыхнуло новое возстаніе въ Венгріи, Рагоци, надѣясь на поддержку Франціи, оставилъ Польшу, сталъ во главѣ возставшихъ и, благодаря войнѣ Австріи съ Французами, довелъ дѣло до

того, что Леопольдъ принужденъ былъ вступить съ Венгріею въ переговоры. Сии послѣдніе однако ни къ чему не привели: Рагоци требовалъ возстановленія всѣхъ старинныхъ привилегій Венгерскаго народа и прѣва его избирать себѣ государя, на что Императоръ не могъ согласиться. Между тѣмъ Леопольдъ усилился, получилъ поддержку отъ Англіи и Голландіи, а Французы помогали вождю возстанія только совѣтами; вслѣдствіе этого война продолжалась, хотя и съ меньшимъ для Рагоци успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, уже по смерти Леопольда (1705 г.), при его преемникѣ Іосифѣ I, Рагоци въ 1707 г. государственными чинами Венгріи провозглашенъ былъ президентомъ народа. Тогда же Рагоци заключилъ договоръ съ Петромъ, въ которомъ царь обязывался помогать ему деньгами и войскомъ не только въ дѣлѣ возстанія, но и въ дѣлѣ избранія Рагоци королемъ Польши, въ противовѣсъ Шведскому вліянію въ этой странѣ; въ случаѣ же неудачи обязывался дать князю и его друзьямъ убѣжище въ Россіи, отдѣливъ на содержаніе ихъ какую либо область въ своемъ государствѣ. Не смотря на это, успѣхъ Рагоци былъ непродолжителенъ: въ 1708 г. онъ былъ окончательно разбитъ и потерялъ свою артиллерію; отъ него отдѣлилась часть генераловъ и перешла на сторону Императора, а моровая язва истребила его солдатъ. Считаая свое дѣло при участіи однѣхъ Венгерскихъ силъ проиграннымъ, Рагоци удалился въ Польшу въ началѣ 1710 г., гдѣ мы и застаемъ его въ свитѣ Петра въ описываемое время; у царя Рагоци искалъ поддержки и содѣйствія своимъ планамъ *).

Въ проектированномъ Франціею планѣ сближенія ея съ Россіею Рагоци игралъ видную роль. Опираясь на сочувствіе Петра къ принцу и особенно на заключенный съ нимъ въ 1708 г. договоръ, Французское правительство рассчитывало теперь на то, что царь окажетъ поддержку Венграмъ или одинъ, или съ Шведскимъ королемъ, когда они помирятся. При этомъ царь долженъ былъ подумать и о пріисканіи Венграмъ предводителя, который примирилъ бы, будучи нейтральнымъ, несогласныя партіи, существовавшія тогда среди Венгерцевъ. Рагоци рекомендовалъ сдѣлать кололемъ Венгріи курфирста Баварскаго, союзника Людовика XIV, хотя курфирстъ и не хотѣлъ обременять себя пустымъ титуломъ, не имѣя необходимой силы для его поддержанія. Предполагалось, далѣе, посадить на престолъ Венгріи царевича Алексѣя Петровича; если бы и это не удалось, то королевство Венгерское передавалось Польскому королю Августу, а корону Польши предполагалось передать Станиславу, стороннику Франціи. Кромѣ всего этого царю предоставлялась возможность заключить выгодный торговый договоръ

*) „Архивъ Князя Ф. А. Курявина“ V, XV—XIX.

съ Франціей и Испаніей. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Людовикъ XIV и рѣшилъ вступить въ союзъ съ Петромъ I, отправивъ къ нему Балюза, прежде бывшаго въ Россіи въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Балюзъ долженъ былъ стараться склонить Петра къ Французскому плану, другими словами «употребить всевозможныя средства для того, чтобы заставить царя признать себя въ качествѣ посредника въ дѣлѣ примиренія Людовика съ союзниками, этимъ достигъ славы и содѣйствовать умиротворенію Европы» ¹⁾). Полтавская побѣда на столько высоко подняла значеніе Петра, что мечтавшій о всемірномъ господствѣ Король-Солнце прибѣгалъ теперь къ посредничеству царя, ставя его во главѣ Лиги Сѣвера, какъ умиротворителя Европы. Но при этомъ христіаннѣйшій король Запада, кажется, опирался болѣе на славолубіе царя, чѣмъ на практическія данныя своего времени, вслѣдствіе чего и Французскіе планы не имѣли успѣха.

Въ Іюлѣ 1710 г. Балюзъ получилъ инструкціи въ смыслѣ вышеизложенныхъ соображеній и выѣхалъ въ Варшаву, не отваживаясь на путешествіе въ Москву. Французы хотѣли провести посольство осторожно, чтобы не дать повода врагамъ Франціи ослабить своими внушеніями при Русскомъ дворѣ значеніе посольства. Осторожность тѣмъ болѣе была необходима, что одновременно съ Балюзомъ ѣхалъ къ царю изъ Англіи и Витвортъ, зорко слѣдившій за ходомъ Французской политики на Сѣверѣ. Враждебныя Франціи державы даже ходатайствовали о томъ, чтобы Балюзъ не былъ принятъ Русскимъ дворомъ ²⁾). Любопытно, что сначала Французское правительство торопило Балюза путешествіемъ въ Россію; но когда было получено извѣстіе о Турецкой войнѣ, то посланнику предписывалось не спѣшить поѣздкою и выждать благопріятныхъ обстоятельствъ ³⁾, и только когда было узно Французами, что враги ихъ все дѣло возбужденія войны съ Турціей приписывали въ Россіи настояніямъ Людовика у Порты, Балюзу приказано было немедленно отправиться къ царю, чтобы разсѣять враждебныя навѣты. Балюзъ долженъ былъ встрѣтиться съ царемъ въ Польской Руси, гдѣ предполагалось удобнѣе начать переговоры и куда весною 1711 г. долженъ былъ пріѣхать царь, чтобы принять команду надъ войскомъ, отправлявшимся въ Турцію. Людовикъ надѣялся на успѣхъ переговоровъ и вообще, и въ частности, потому что, по смерти Іосифа въ Австріи (1711 г.), Шведскаго короля должны были бо-

¹⁾ Сборникъ, 34, 432.

²⁾ Сборникъ 34, 54.

³⁾ Тамъ же, 443.

лѣе занимать дѣла Германскія, чѣмъ Московскія, и Карлъ XII долженъ былъ подумать о заключеніи мира съ Москвою ¹⁾).

Въ концѣ Апрѣля Балюзъ встрѣтилъ царя въ Яворовѣ и встрѣченъ былъ холоднѣе, чѣмъ какъ его встрѣчали въ Москвѣ въ 1703 г.: никто не привѣтствовалъ Французскаго посла съ прїѣздомъ, и въ дальнѣйшихъ сношеніяхъ Балюзъ не пользовался радушіемъ. Надо думать, что не одна Полтавская побѣда была причиною измѣнившагося на этотъ разъ настроенія Русскаго правительства: ему было извѣстно участіе Французской дипломатіи въ возбужденіи Турецкой войны; свѣдѣнія, полученныя изъ Константинополя и другихъ мѣстъ, прямо указывали на это участіе ²⁾). Вотъ почему на первомъ же свиданіи съ Русскими министрами Балюзъ всячески старался разсѣять подозрѣнія. Его величество, король, говорилъ посланникъ, не могъ бы содѣйствовать Турецкой войнѣ безъ ущерба своимъ интересамъ и своей славѣ, причиняя непріятности монарху, всегда дружественно къ нему относившемуся. Московскіе министры съ своей стороны любезно отвѣчали, что совершенно искреннія чувства ихъ повелителя никогда не позволяли ему вѣрить, чтобы король намѣревался повредить выгодамъ Россіи, но что, тѣмъ не менѣе, Франціи выгодно было возбудить Турецкую войну, хотя бы, напр., на тотъ конецъ, чтобы побудить государей сѣвернаго союза отозвать войска изъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ противъ Франціи ³⁾). Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ съ Балюзомъ Русскіе уполномоченные говорили ему, что царь прежде всего желалъ бы помириться при помощи Франціи съ Турками, дабы отнять у Карла XII всякую поддержку съ этой стороны; что если бы Французы употребили дѣйствительныя мѣры къ прекращенію Турецкой войны, то это было бы самымъ лучшимъ доказательствомъ дружбы короля; что Англія и Голландія, изъ желанія отвлечь Францію отъ союза съ Россією, съ своей стороны, готовы предложить посредничество въ дѣлѣ примиренія Петра съ Турціей, но царь охотнѣе принялъ бы Французское, такъ какъ союзъ съ Франціей для Россіи болѣе выгоденъ и надеженъ, чѣмъ съ морскими державами; что послѣ прекращенія Турецкой войны Петръ на дѣлѣ сумѣетъ доказать свое расположеніе къ Людовику; что тогда удобнѣе будетъ совершить диверсію и въ Трансильванію для помощи Венгерскимъ конфедератамъ.

¹⁾ Стр. 460.

²⁾ Кроме донесеній изъ Константинополя, Англичане и Австрійскій посолъ, графъ Вельзекъ говорили, что Турецкая война возбуждалась Французами. Сборникъ, т. 50, стр. 414, 418.

³⁾ Французы съ своей стороны дѣло возбужденія войны приписывали Австрійцамъ. Сборникъ, т. 50, 418; т. 34, 443, 445.

Одновременно Балюзъ хлопоталъ о дѣлѣ Рагоци и о поддержкѣ его въ Венгріи, согласно договору 1708 г. *).

Отъ Рагоци, который тогда находился при царѣ, Балюзъ узналъ, что большая часть соображеній, которыя онъ высказалъ не была доложена царю. Вслѣдствіе этого онъ сталъ добиваться вторичной аудіенціи, найдя защитницу своихъ интересовъ въ лицѣ супруги Краковскаго воеводы, г-жи Синявской, которая уговорила Петра дать эту аудіенцію наединѣ, въ саду, гдѣ царь работалъ съ Синявской надъ постройкою лодки. Въ то же время, Русское правительство, чтобы изгладить впечатлѣніе отъ первой аудіенціи, окружило Балюза особымъ почетомъ, какъ ни трудно было это сдѣлать въ виду неудобствъ военного времени. Вторичная аудіенція состоялась въ половинѣ Мая и, какъ было предположено, въ саду, въ присутствіи Шафирова и другихъ министровъ. На этой аудіенціи Балюзъ просилъ Петра дать паспортъ нѣкому де-Безенвалю, отправлявшемуся къ Карлу XII для того, чтобы узнать его условія мира. Петръ отказалъ въ этомъ Французскому посланнику, говоря, что Русскія намѣренія состоятъ въ томъ, чтобы заключить миръ съ одной Портой, а не одновременно съ Швеціей и Турціей: Карлъ XII будетъ сговорчивѣе, когда прекратится Турецкая война. При этомъ Шафировъ заявилъ Балюзу, что такъ какъ союзъ Людовика съ Карломъ XII никогда не приносилъ Франціи особой пользы, то, по заключеніи союзнаго договора съ царемъ, прежній союзникъ Французовъ окажется для нихъ совершенно бесполезнымъ и что поэтому не слѣдуетъ и помышлять объ одновременномъ мирѣ Россіи съ Турціей и Швеціей; съ Портой миръ можетъ состояться, не будучи направленъ противъ Карла XII. Франція могла бы употребить свое посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціей и потому, что между Карломъ и султаномъ не было никакого договора, что, стало-быть, и заботиться объ одновременномъ заключеніи мира съ обѣими державами нѣтъ основаній. Обо всѣхъ этихъ переговорахъ Балюзъ взялся сообщить Людовику.

Эти переговоры, однако, ни къ чему не привели. Самая мысль о союзѣ съ Франціей была оставлена, потому что измѣнились политическія обстоятельства, заставлявшія искать этого союза. Аліаты Запада, по смерти Іосифа, начали сближаться съ Франціей и искать генеральнаго мира; ея положеніе, такимъ образомъ, улучшалось, и она уже не нуждалась въ помощи Россіи. Для Петра миновала опасность со стороны Турціи, вслѣдствіе заключеннаго съ нею мира на Прутѣ; царю не было надобности связывать себя новыми договорами, возлагавшими и новыя обязанности. Все это и обнаружилось въ дальнѣйшихъ пере-

*) Сборникъ 34, 60, 65.

говорахъ между обѣими державами. Людовикъ ХІV явно шадилъ Шведскаго короля. Уже въ Іюнѣ 1711 г. онъ писалъ Балюзу, что со стороны Россіи мало замѣтно расположенія заключить миръ съ Швеціей; что Русскіе, требуя Французскаго посредничества въ заключеніи мира только съ Турціей, независимо отъ Швеціи, тѣмъ самымъ желаютъ ослабить Карла ХІІ, лишивъ его единственнаго союзника, съ помощью котораго онъ могъ бы вернуться въ свои владѣнія; что онъ, Людовикъ, не намѣренъ вредить государю, не соединявшемуся съ его врагами во все время войны за Испанское наслѣдство или содѣйствовать умноженію его бѣдъ ¹⁾. Людовикъ думалъ, что, заботясь о мирѣ между царемъ и Карломъ, онъ будетъ содѣйствовать также и заключенію мира съ Турками; что если враги короля дѣлали царю иныя предложенія, то они его обманывали, обманывали и Шведскаго короля, равно обѣщая каждому защищать его выгоды противъ непріятелей. На упреки Русскихъ, что король, предлагая посредничество, въ то же время явно держалъ сторону Карла и, стало быть, дѣйствовалъ неискренне, Людовикъ отвѣчалъ, что до тѣхъ поръ, пока онъ не заключилъ договора съ какою-нибудь державою, онъ воленъ разсматривать, въ какія связи преимущественно для своей пользы онъ долженъ вступать; и только, когда договоръ заключенъ, онъ обязанъ свято держать его условія. Вслѣдствіе этого и поддержка Шведскаго короля не можетъ служить для Людовика упрекомъ или основаніемъ къ тому, чтобы его намѣренія по отношенію къ Россіи были уклончивы ²⁾. «Если Русскіе искренне желаютъ союза съ Франціей, то пусть бы они на дѣлѣ доказали это поддержкою Рагоцци и Венгерскихъ конфедератовъ, не допустивъ ихъ до полнаго разоренія ³⁾. На обвиненіе Людовика въ томъ, что его посланники возбуждали войну Россіи съ Турціей, король отвѣчалъ указаніемъ на Императора, который ускорилъ войну, чтобы отвратить Венгерскую; что посланники Императора ставили себѣ въ особенную заслугу возбужденіе этой войны, что для Франціи не было въ ней пользы; что еслибы и на самомъ дѣлѣ Франція содѣйствовала составленію диверсіи, весьма затруднительной для ея враговъ, то и въ такомъ случаѣ царь не могъ бы ей сдѣлать ни малѣйшаго упрека, потому что самъ онъ вполне расположенъ былъ поощрять государей, находившихся съ нею въ войнѣ. Король дѣйствовалъ въ Турціи, говорили министры въ Парижѣ Русскому резиденту Волкову, на основаніи нейтралитета; если же кто изъ представителей Франціи уклонился отъ намѣреній короля прежде, нежели узналъ о нихъ, то нѣтъ причинъ изумляться этому: они разсудили,

¹⁾ Сборникъ 34, 465; ср 458.

²⁾ Сборникъ 34, 460—461.

³⁾ Тамъ-же, стр. 452—453, 455.

что согласовалось бы съ пользою королевской службы произвести диверсію государямъ, войска которыхъ находились въ войскахъ враговъ Франціи ¹⁾. Теперь положеніе ея на столько измѣнилось, что Французы прямо говорили: не королю надо искать посредничества, но его врагамъ ²⁾.

При такомъ направленіи политики Людовика, конечно, нечего было и думать о союзѣ съ Франціей. Правда, Петръ недоволенъ былъ и аліатами, которые, именно Голландцы и Англичане, тоже поддерживали Карла XII, отыскивая, напр., ему суммы для займа гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ они отказались поручиться за царя и короля Августа ³⁾. Однажды Петръ сказалъ супругѣ Краковскаго воеводы, что Шведскій король возжегъ Турецкую войну, а союзники поддерживали ее деньгами. Когда г-жа Синявская вслѣдъ за тѣмъ выразила царю свою радость по поводу его благополучнаго возвращенія изъ Турецкаго похода, то Петръ сказалъ ей: счастье мое заключается лишь въ томъ, что вмѣсто ста ударовъ, которые я могъ получить, мнѣ дали только пятьдесятъ ⁴⁾. Однакоже, старые союзники оказывались болѣе выгодными, чѣмъ новые, т.-е. Французы, надежда на которыхъ въ предотвращеніи Турецкой войны не осуществилась; а эта надежда и была главнымъ побужденіемъ искать союза съ Франціей. Прервать переговоры съ ней побуждали царя и отношенія къ Австріи. Графъ Вельзекъ, посоль Императора, сообщилъ, что дѣло Рагоцци, проиграно, такъ какъ Венгрія была усмирена; въ ней дѣйствовала 55 тысячная регулярная армія Австрійцевъ. Перемѣнялись для нихъ и обстоятельства Западной войны. Если бы союзники Сѣвера отозвали свои войска изъ аліатскихъ корпусовъ, то Императоръ могъ бы, взявъ ихъ, отправить 16000 войска, назначеннаго для наблюденія за генераломъ Красовымъ въ Помераніи ⁵⁾. Въ то же время шли новыя извѣстія изъ Константинополя о недовольствѣ Турокъ и объ угрозахъ со стороны ихъ новою войною; а это заставляло царя подумать объ оборонительномъ союзѣ съ Австріей.

Охлажденіе къ Франціи и ея представителю Балюзу началось вскорѣ по возвращеніи Царя изъ Прутскаго похода. 29 Августа Балюзъ въ Ярославлѣ представился Петру ⁶⁾ и поздравилъ его съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ похода; царь ничего не отвѣтилъ на привѣтствіе, повернулся къ Балюзу спиной и попрежнему сталъ от-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 466.

²⁾ Тамъ-же, стр. 476.

³⁾ Тамъ-же, стр. 336.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 80.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 463. Сборникъ, т. 50, 408—409; стр. 482.

⁶⁾ Дѣло было на берегу рѣки Сана, гдѣ царь осматривалъ лодки и давалъ распоряженія объ отплытіи въ Эльбингъ.

давать приказанія о своемъ отплытіи ¹⁾. Сообщая объ этомъ Людовику, Балюзъ говорилъ: монархъ этотъ, его, министры и генералы показались мнѣ весьма сдержанными и смущенными ²⁾. Послѣ того Балюзъ обратился къ графу Головкину и спросилъ его, не пожелаетъ ли царь поручить ему что-либо такое, о чемъ онъ могъ доложить королю? Головкинъ отвѣчалъ: нѣтъ. Такъ какъ тогда Балюзъ хотѣлъ поселиться въ Варшавѣ, то Головкинъ, продолжая свою бесѣду съ посланникомъ, замѣтилъ ему, что царь одобряетъ его намѣреніе жить въ Варшавѣ, куда и будетъ направляться все, что сочтетъ необходимымъ Русское правительство сообщить королю; а свои письма Балюзъ можетъ пересылать чрезъ посредство Варшавскаго посланника, кн. Долгорукова. Такъ, не личнымъ предстательствомъ, но путемъ переписки соглашались теперь обѣ стороны поддерживать доброе согласіе между собою. Окончательнаго разрыва пока не произошло: Людовикъ обѣщалъ продолжать нейтралитетъ въ Сѣверной войнѣ, а Балюзу предписывалъ сохранять добрыя отношенія, пока не случится стеченіе обстоятельствъ, могущихъ сдѣлать ихъ болѣе существенными и дѣйствительными ³⁾. Но уже въ Декабрѣ 1711 г. король предписалъ Балюзу получить прощальную аудіенцію, такъ какъ обязанности, возложенныя на него, прекращались ⁴⁾.

Французы думали, что это посольство было все-таки не бесполезно. Балюзу удалось будто бы разубѣдить царя въ томъ, что Франція возбуждала Турецкую войну и что она соблюдала строгій нейтралитетъ, какъ по отношенію къ Петру, такъ и къ Шведскому королю. Что до Россіи, то кромѣ того, что изъ опыта попытокъ сближенія съ Франціей Петръ вынесъ убѣжденіе въ неискренности Французской политики ⁵⁾ онъ понялъ, что Франко-русскій союзъ могъ состояться только при наличныхъ, благопріятствующихъ условіяхъ; при отсутствіи ихъ союзъ нарушалъ старыя связи, усиливая нерасположеніе западныхъ государствъ къ новой державѣ. По окончаніи Турецкой войны важнѣе были дѣла Сѣвера, гдѣ помощь со стороны Франціи не могла имѣть серьезнаго значенія. Этимъ и объясняется то, что въ послѣдующее время, хотя мысль о союзѣ съ Франціей и не была оставлена, тѣмъ не менѣе политика царя пошла по старому, проторенному пути—сближенія съ западными аліатами (т. е. съ Англією и Голландією).

С. Кедровъ.

¹⁾ Такъ же относился царь и къ Плейеру, императорскому резиденту въ Москвѣ. Сборникъ 50, 421.

²⁾ Сборникъ 34, 78.

³⁾ Тамъ-же стр. 463.

⁴⁾ Тамъ-же стр. 479.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. XXI. и слѣд. Въ 1715 г. Франція возобновила договоръ съ Шведскимъ королемъ, въ силу котораго она предоставляла ему значительныя субсидіи.

ЕЩЕ ПИСЬМА ГРАФА З. Г. ЧЕРНЫШОВА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Во время Семилѣтней войны *).

1.

Милостивый государь! Хотя высочайшая милость Ея Императорскаго Величества столь велика для такого какъ я, которой изъ одной ея щедрости получаетъ, а образъ тотъ, какимъ я удостоенъ, усугубляетъ еще болѣе и приводитъ меня совсѣмъ въ несостояніе мою рабскую благодарность объяснить. И такъ позволю, милостивый государь, чтобъ, вспомоствованіемъ вашего всегдашняго ко мнѣ покровительства, она къ стопамъ Ея Величества подвержена была.

Я сегодня пожалованную мнѣ ленту надѣлъ, и въ исполненіе милостивѣйшаго повелѣнія чрезъ вашего превосходительства мною вчерашняго дня полученнаго, въ нѣсколько часовъ отсюда ѣду въ Вѣну, гдѣ какъ можно мало употребляю время на тамошне пребываніе, отираюсь въ Петербургъ и буду стараться пріѣхавши засвидѣтельствовать вашему превосходительству за милостивое участіе, которое въ благополучіи моемъ принимать изволите, ту преданность и искреннѣйшее признаніе, съ которымъ пребываю, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга гр. З. Чернышовъ.

Изъ гвуптъ-квартиры, при Лиссау,
8 Октября 1757.

2.

Милостивый государь! Не имѣвъ ничего къ донесенію вашему превосходительству послѣ отправленнаго моего письма, принужденъ былъ до сего времени промѣшкать; а теперь, получа отъ полковъ на сихъ дняхъ рапорты, имѣю честь объявить вашему превосходительству,

*) См. первую книгу „Р. Архива“ нынѣшняго года (выпускъ 2-й).

что я столько благополученъ, что всѣ тѣ препятствія, которыя были и которыя часто меня въ наибольшее безпокойствіе приводили, чтобъ полки въ маршѣ своемъ остановки не имѣли въ неполученіи по тракту фуражу, кажутся совсѣмъ преодолѣны; ибо дѣйствительно гренадерскій и третій мушкатерскій полкъ давно здѣсь, пятой пришелъ въ назначенное ему мѣсто въ Крынки сегодня, первый и четвертый уже мильяхъ въ 20 находятся; артиллерія нѣсколько осталась, однакожь и та по моему исчисленію въ Минскъ прибыла.

Правда, ежели бы всѣ подчиненные мои съ такою ревностію и стараніемъ по предписаніемъ моимъ поступали, какъ-то нѣкоторые дѣлали, то бы я увѣренъ былъ, что всѣ полки уже здѣсь были бъ; но по несчастію я съ такими людьми дѣло имѣю, которыхъ угрозы и штрафы приводить только къ исполненію могутъ того, къ чему бы честь и слава одна довольны были къ побужденію. Но какъ оно ни есть, думаю, что около 12 нынѣшняго мѣсяца всѣ здѣсь соберутся и, буде командиры мои мнѣ прикажутъ поемъ впередъ маршировать, безъ замедленія то исполню.

До самаго Новодворска у меня уже магазейны заготовлены, а туда посылая одного штабъ-офицера освѣдомиться, какъ о положеніи мѣста, чтобъ будучи подлѣ такого мѣста, откуда много зрителей будетъ, пристойнымъ образомъ и по военнымъ порядкамъ въ лагерь стать, такъ и о томъ, есть ли тамъ заготовленные магазейны, который возвратясь мнѣ объявилъ, что тамъ никакихъ приуготовленій къ тому нѣтъ. И такъ я отправилъ тотчасъ къ г. Брауну о томъ съ извѣстіемъ и съ требованіемъ наставленія, самъ ли онъ въ томъ мѣры приметъ, или оное на мое попеченіе положить, но еще отвѣту не имѣю, а ожидаю скоро.

По всѣмъ обстоятельствамъ видно, что ожидаемая къ нашему корпусу кавалерія за препятствіями не будетъ; а жаль, ежели оной на Вислѣ напрасно только стоять будетъ; генераль же Ферморъ за немѣніемъ довольноаго числа инфантеріи, можетъ быть, не съ такою (силою) дѣйствія свои производить противъ непріятели будетъ: ибо у него хотя въ командѣ счетомъ полковъ довольно, но изъ того числа, какъ слышу, оставлено въ Пруссіи, да и сверхъ того всѣ полки не въ комплектѣ. А буде надѣяться, что они наполнены будутъ рекрутами, то сіе почетея можетъ за безвинную жертву, которая приведена будетъ, потому что оныхъ половины дѣйствительно не дойдеть, а которые и придутъ, тѣ будутъ слабы, слѣдовательно полезнѣе бы было ихъ на гра-

ницѣ содержать, покуда окрѣпятся и безъ крайней нужды ни куда от-
тудова не трогать. То я принимаю смѣлость вашему превосходительству
по той справедливости, съ которою вы мнѣ дозволить изволили съ
собою говорить, представить свое мнѣніе сему корпусу на Вислѣ и
Таруилѣ и далѣе расположиться и быть, такъ какъ онъ имѣется
обсервационнымъ, а гренадерской оного корпусу полкъ отправить къ
г. Фермору, ибо эти люди выбранные и надежные великое приумно-
женіе силы войску г. Фермора сдѣлають и съ пользою употребиться
могутъ.

Г. генерала Брауна ожидаю сюда скоро, ибо пишетъ, что къ
Грауденца отправится 21, по прибытіи его къ командѣ. Сотвори, ба-
тющка, милость, чтобъ я въ команду г-а Фермора опредѣленъ былъ.
Пребываю съ совершенною и искреннею преданностію, милостивый го-
сударь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій и вѣрный слуга
гр. З. Чернышовъ.

Изъ Гродны.
1-го Мая 1758.

*

Эти письма, конечно, доводились до свѣдѣнія императрицы Елисаветы
Петровны. Самъ графъ Захаръ Григорьевичъ былъ близкій ей человекъ, и
письма его имѣютъ важное значеніе для исторіи Семилѣтней войны, о кото-
рой И. И. Шуваловъ велъ записки, принадлежація нынѣ правнуку его
сестры, князю Александру Михайловичу Голицыну и къ сожалѣнію неиздан-
ныя доселѣ. П. Б.

ТРАГИЧЕСКАЯ КОНКЛЮЗИЯ ИЛИ АПОВЕОЗЪ КРАСОТЪ РИТОРИЧЕСКИХЪ.

Подъ смотрѣніемъ Тверской Семинаріи преефекта и поэзіи учителя архимандрита Макарія учениками оной Семинаріи сочиненная. Въ Санктъ-Петербургѣ 1757 г. при Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ. 8°. 112 стр.

Не смотря на труды Геннади, Губерти, Остроглазова и др. по разысканію рѣдкихъ книгъ, все-таки оказывается, что списокъ ихъ далеко не полонъ. Къ числу такихъ книгъ должно отнести и вышеозначенное сочиненіе. Хотя одинъ экземпляръ этой книги и находится въ Тверской Семинаріи, но его нѣтъ ни въ Императорской Публичной библиотекѣ, ни въ Румянцевскомъ Музеѣ. Объ этой книгѣ не упоминается ни у Сопикова, ни у Губерти.

Большая часть стихотвореній, помѣщенныхъ въ этихъ „риторическихъ красотахъ“, относится до Тверского архіепископа Митрофана, большого любителя поэзіи и преобразователя Тверской Семинаріи, которая при немъ, по словамъ сочинителей-семинаристовъ, „великую сладость воспріяла“ (стр. 96)

Съ первой же страницы начинаются восхваленія этому архіепископу.

„Сердца не только ищутъ Еридана,
Словенскаго здѣсь имя Митрофана.
Слава трубна гремитъ повсягдно,
Еже бы имя пастырю природно“...

Любопытны и другія вирши, полныя полонизмовъ и латвизмовъ.

„Сколько ни дутца, но быкомъ не бывать лягушкѣ,
Вѣдь больше цѣна въ деньгѣ, нежели въ полушкѣ.
Почто же льву съ зайцемъ въ запуски пускатца,
Тридцать дней Февралю во вѣкъ не дождатца“.

Всѣхъ стихотворныхъ привѣтствій и виршей въ книжкѣ 52. Съ 94 стр. начинается проза съ разными поученіями и примѣрами.

„Если всегда будешь памятовать, въ какомъ бы то мѣстѣ душа или тѣло твое что-нибудь сдѣлала, вездѣ Богъ надзираетъ: то во всякихъ твоихъ разговорахъ и дѣлахъ твоихъ будешь опасаться присутствія Надзирателя, Коего ничто не можетъ укрыться; Бога же видѣвшимъ господиномъ твоего сердца будешь имѣть“.

Послѣднія двѣ страницы книжки заключаютъ разсужденіе „о обхожденіи благопристойномъ“ и заканчиваются тѣмъ, чтобы за первое правило поставить „какъ самому не вдаваться въ шутку, такъ и другому ничего на смѣхъ не сказать, и словомъ, ни единого колкого слова не испустить на счетъ своего ближняго“.

Алексій Горскій.

ЧИНОВНИЧЬЕ ГРАБЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ¹⁾.

1843.

Военнаго губернатора города Воронежа и Воронежскаго гражданскаго губернатора. Канцелярія, столяръ уголовный, 21 Февраля 1843 г. № 62.

Нижнедѣвицкому окружному начальнику г. Протопопову.

Господинъ министръ государственныхъ имуществъ *) изволилъ сообщить мнѣ слѣдующія свѣдѣнія.

Воронежская палата государственныхъ имуществъ общественнымъ мнѣніемъ обвиняется вообще въ корыстолюбивомъ направленіи своихъ дѣйствій. Изъ нихъ между прочимъ указываютъ на слѣдующія.

По части хозяйственной. Ни одно мѣсто не предоставлялось искателямъ безъ предварительнаго пожертвованія въ пользу управляющаго палатою суммы, размѣрной съ выгодностію каждаго мѣста. Цѣна каждаго мѣста опредѣлялась всемъ извѣстною таксою, отъ которой отклонялись только по особымъ уваженіямъ. Порядокъ по части продажи мѣстъ былъ слѣдующій. Окружные начальники покупали мѣста свои отъ 4 до 7 тыс. рублей. Помощники окружныхъ начальниковъ платили за назначеніе отъ 1000 до 2000 руб., дѣлопроизводители окружныхъ управленій отъ 500 до 1000 р. Окружные начальники и другіе чиновники за помянутыя уплаты оставались на мѣстахъ не болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ они однакоже не избав-

*) Съ современнаго списка. Ссылка на министра сдѣлана, конечно, для острастки. Вспоминаются стихи И. С. Аксакова:

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ славные извѣя.

Обличителемъ явился баронъ Ховенъ, позднѣе сенаторъ въ Москвѣ, пріятель князя В. Ѳ. Одоевскаго. П. Б.

*) Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ. Его затѣйливое управленіе, съ иностранными названіями (кадастры, ликвидація и пр.), съ дворцами для правителей послужило къ разоренію государственныхъ крестьянъ, что дало поводъ къ остроумію князя Меншикова (въ то время наши дѣла на Кавказѣ шли неудачно): пошлите туда Киселева, онъ разорилъ крестьянъ, разорить и Кавказъ. Въ затѣяхъ его и его прямыхъ послѣдователей нѣкоторые усматриваютъ сходство съ Александро-Араччеевскими военными поселеніями: живи не такъ, какъ ты привыкъ и жми сотни лѣтъ, а какъ мнѣ кажется, что тебѣ лучше жать. На памяти Киселева лежитъ и другое обвиненіе: управляя Дунайскими княжествами, онъ допустилъ замѣну Церковно-славянскою азбукою Латинскою азбукою, чѣмъ содѣйствовалъ отчужденію Молдаванъ и Валаховъ отъ Россіи. П. Б.

лялись отъ временныхъ денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ по мѣрѣ вины; временные штрафы раздѣлялись между управляющимъ, совѣтникомъ и канцеляріею палаты. Притѣсненіе крестьянъ или утайка государственнаго интереса не почитались виною; главнѣйшимъ штрафамъ подвергались: всякое допущеніе жалобъ, несвоевременная срочная присылка управляющему откупщичьихъ платежей, простирающихся отъ 10 до 20 коп. съ ревизской души; неисправность въ дѣлопроизводствѣ, могущая обнаружить злоупотребленія и тому подобное. Независимо отъ сихъ постоянныхъ налоговъ, всякій крестьянинъ, имѣвшій дѣло въ палатѣ, облагался мелкими чиновниками оной по мѣрѣ его возможности и важности дѣла. Окружные начальники и помощники ихъ, по минованію условнаго срока, вносили новый откупъ и перемѣщались въ другіе округа, но весьма рѣдко оставались на прежнихъ мѣстахъ, не вносящіе же увольнялись.

Окружные начальники въ свою очередь возмѣщали свои постоянные оброки постоянными же оброками съ головъ и старшинъ, жалованье коихъ почти по всей губерніи исполна поступало въ пользу окружныхъ начальниковъ. Немаловажную отрасль также постоянныхъ доходовъ окружныхъ начальниковъ составляли поборы съ оброкосодержателей казенныхъ и мірскихъ статей. Независимо отъ постояннаго налога съ головъ и старшинъ производились временные сборы по разнымъ случаямъ, какъ напр.: имянннъ, свадебъ окружныхъ начальниковъ, крещенія ихъ дѣтей. Сверхъ того за проѣздъ каждаго чиновника палатскаго или министерскаго взыскивалась съ должностныхъ крестьянъ сумма, соразмѣрная съ важностью чиновника; сіи послѣдніе временные сборы простирались отъ 10 и до 200 руб. съ лица. Одни писаря не облагались постояннымъ налогомъ, а въ замѣну того служили агентами начальства и только временно и на ряду со всеми должностными лицами облагались штрафами за неисполненіе приказаній начальства или упущенія по дѣлопроизводству. Всѣ сіи постоянные и частію временные доходы поступали въ пользу окружныхъ начальниковъ, которые дополняли ихъ временными поборамъ съ разныхъ просителей, какъ государственныхъ крестьянъ, такъ и постороннихъ. Сія послѣдняя отрасль дохода составляла въ особенности значительную статью въ годѣ рекрутскихъ наборовъ.

Помощникамъ окружныхъ начальниковъ предоставлялось собирать доходы при разныхъ слѣдствіяхъ и налагать временные небольшіе поборы съ должностныхъ крестьянъ за открытыя ими самими неисправности. Въ слѣдствіе такого порядка ни малѣйшее упущеніе не укрывалось отъ начальства и не оставалось безъ строгаго денежнаго наказанія. Всякій открытый поводъ къ штрафу получалъ свою акциденцію. Сельскимъ начальникамъ предоставлялось собирать доходы всякими путями, какъ напр.: а) отобраніемъ мірскихъ земель и отдачею ихъ подъ рукою въ оброкъ, б) сборомъ за пашпорты, билеты и въ родѣ акциденціи за рѣшеніе дѣлъ по расправамъ, в) подъемнымъ, подушнымъ и другимъ тайнымъ налогомъ, г) полученіемъ платы за вопскіе постои безъ отдачи міру и т. д. Всѣ сіи дѣйствія дозволялись только съ тѣмъ условіемъ, чтобы жалобъ съ доказательствами до на-

чалства окружнаго и губернскаго отнюдь не доходило, а чтобы всякое дѣйствіе было прикрыто бумажною формальностью; въ противномъ случаѣ должностные крестьяне облагались, какъ выше сказано, различными штрафами или замѣнялись другими болѣе ловкими. Однимъ словомъ, вся система основана на самомъ бдительномъ надзорѣ со стороны начальства, поощряемомъ денежными доходами, на изворотливомъ дѣлопроизводствѣ и на совершенномъ наружномъ благоустройствѣ. Малѣйшее отступленіе отъ введенныхъ правилъ строго наказывалось денежными штрафами, а потому страхъ къ начальству, субординація и наружный порядокъ были доведены до высшей степени.

Въ одномъ изъ округовъ буреломнаго лѣса есть въ величайшемъ множествѣ вѣковые дубы огромнѣйшаго размѣра; они при паденіи своемъ на большомъ пространствѣ уничтожаютъ молодой лѣсъ во множествѣ и лежатъ, иные уже превратились въ совершенную гнилость, а другіе также скоро перейдутъ въ одинаковое состояніе, здоровый же буреломъ лѣсничими исподоволь продается. Въ иныхъ мѣстахъ высокаго размѣра дубы, упавшіе въ воду, почти обтекающей этотъ лѣсъ рѣвки, нерѣдко бывають уносимы водою на другой берегъ помѣщичьяго владѣнія; растущіе же лежатъ въ водѣ, молодые отпрыски отъ произрастающихъ липовыхъ пней, лутомъ называемыхъ, срѣзываются ножомъ около самой земли многочисленною стражею сложенною изъ крестьянъ и солдатъ; всѣ они большею частью бывають родные, знакомые. Для нихъ сія вещь необходимая, дорогая; пучекъ изъ волюкъ продается за рубль, а сажень по сортамъ отъ 35 до 70 руб. Часто находились на дубахъ заготовленные котелки луту, привѣшеннаго между листьевъ. Это дѣйствіе непремѣнное стражи; солдатъ же ему долженъ потворствовать потому, что солдатъ изъ страха упомянутаго лѣса, еще не выслужившій срока двухъ лѣтъ, далъ займообразно 1200 руб. бывшему ревизору Греве, который теперь въ Вологдѣ окружнымъ лѣсничимъ и который выдавалъ себя ученымъ; онъ-то съ бывшимъ губернскимъ лѣсничимъ Крузе все себѣ позволяли по всей губерніи и, гдѣ только можно было, домогались денегъ. Въ томъ же округѣ открыта перерубка лѣса по билетамъ; лѣснымъ ревизоромъ билеты отобраны, и какъ онъ нашелъ величайшее зло, т. е. гдѣ билетомъ дозволено срубить 3 десятины, тамъ срублено 30 десятинъ, а въ иномъ мѣстѣ, вмѣсто 10 срублено 70 дес., и за сіе упущеніе Греве вытянулъ большія деньги; за скрытіе всего ему также предлагали ихъ, но онъ отвергъ сіе и донесъ палатѣ и управляющему, а на билетахъ, не сдѣлавъ надписи, представилъ ихъ въ палату. Послѣ того сдѣлано распоряженіе послать чиновника особыхъ порученій дознать о точности сего донесенія, и посланъ былъ Исаевъ; но какой сему дѣлу данъ оборотъ, неизвѣстно. Въ иныхъ округахъ открыто самовольное истребленіе лѣсовъ, излишне вырубленные участки, потравленная скотомъ поросль, выпускъ въ лѣса за деньги гуртовъ. Раздѣленіе лѣсныхъ дачъ на дѣлянки по душамъ издавна и по нынѣ тайно въ одинаковомъ положеніи состоитъ, лежаніе угля, парницы для гнутія ободей и полозьевъ дубовыхъ и ясеневыхъ, избираемая присяжная стража для храненія лѣсовъ въ

совершенномъ бездѣйствіи и ни окружное, ни волостное и сельское начальства наблюденія за ними не имѣютъ. Въ другомъ округѣ подлѣсничій при продажѣ шипова лѣса изъ назначенной пропорціи по смѣтѣ противу таксы бралъ излишнія деньги за сырораствующіе валежныя дрова и хворостъ, въ чемъ казенные крестьяне и билетники дали сказки. А частные покупатели охотно платятъ ему по 5 и 6 руб. за сажень, каковыхъ покупателей шипова лѣса въ этомъ мѣстѣ до 30 душъ словили и никакого наказанія не сдѣлали. Изъ сего лѣса сбытъ валежныхъ дровъ весьма удобенъ, и Карачинскій обо всемъ этомъ чрезъ посланнаго имъ чиновника узналъ; но когда означенный лѣсничій кровнаго жеребенка подвелъ къ Карачинскому, то онъ, это дѣло продержавъ, далъ приказаніе переслѣдовать другому чиновнику. Въ Нижнедѣвицкомъ округѣ открыто истребленіе лѣсовъ: обывателями Матрены, Старой и Новой Дубовки срублено прошедшею зимою до 100 дес. самовольно большаю частію дубоваго лѣсу. Въ иныхъ тоже открыты таковыя безпорядки; во всѣхъ мѣстахъ потравлены лѣса, гурты свободно обществами на молодую въ лѣсахъ поросль пускаются изъ платы, и до послѣдней точки лѣса навсегда уничтожаются. Въ Землянскомъ уѣздѣ, при селѣ Горянковѣ, пустошь, состоящая изъ 500 дес. отдѣльнаго дубоваго лѣса, лѣтъ 8 тому назадъ съ послабленія бывшаго тогда начальства, сначала срублена, потомъ нѣсколько лѣтъ пушались въ оную гурты и, когда она дача превратилась въ одинъ ничтожный, кривой чепыжъ, отъ земли въ поларшина растущій, то казенные крестьяне самовольно оный раскопали и обратили въ пашню; теперь по однѣмъ только межамъ остались признаки, что былъ лѣсъ *); и о семъ самовольствѣ никто не доносилъ. О всѣхъ сихъ открытыхъ безпорядкахъ передано окружнымъ начальникамъ и предписано лѣсничимъ съ приложеніемъ подписокъ отъ сельскихъ обществъ, коими, по внушенію и по самому убѣжденію, обязались они сберегать свои лѣса отъ самовольства и удерживаться отъ непослушности. При семъ замѣчено, что гдѣ больше допущено истребленіе лѣсовъ, тамъ и подати заплачены, почему окружные и сельскіе начальники къ отвращенію сего зла не только не имѣютъ малѣйшаго попеченія, но еще какъ бы способствуютъ къ уничтоженію лѣса. Извѣстно, что г. Карачинскій за переводъ Денисова въ Острогожскъ окружнымъ начальникомъ взялъ 7000, а въ Павловскѣ съ постутившаго 5000 р. въ Воронежѣ, Землянскѣ, Нижнедѣвицкѣ и Коротоякѣ по 5000 р., съ каждаго; съ полковника Троицаго за переводъ изъ Коротояка въ Богучаръ 10000 руб. Въ Богучарѣ былъ опредѣленъ еще при Похвисневѣ нищій Пушкинскій, который въ семъ году купилъ имѣніе въ 100 т. р. и въ 60 т. р. чистыми вы платилъ. Въ Бирючѣ братъ Троицаго, величайшій хищникъ, на купленномъ

*) Въ дѣтство мое, подъ городомъ Липецкомъ былъ прекрасный густой лѣсъ, на пространствѣ многихъ десятинъ, и я помню, какъ, проѣзжая его, тетюшка моя встала и читала псаломъ „Господь пасеть мя“, такъ какъ ходили слухи про разбойниковъ въ немъ укрывавшихся. Въ управленіе Киселевское заведена тамъ образцовая ферма съ орошителями-Поляками, и въ мое студенчество вмѣсто лѣса разводились бабчи. П. Б.

мѣстѣ за 1500 р. основаль твердое свое существованіе, и прочіе лѣсничіе также заплатили свой годовой окладъ жалованія, равно какъ и всѣ помощники ихъ платили, за переводъ же съ мѣста на мѣсто половину, кромѣ годового акциза съ окружныхъ начальниковъ, который, полагать надобно, былъ такой соразмѣрности, какъ получался съ откупщиковъ, меньше не было округа 5000 р. Въ настоящее время, послѣ отсутствія Карачинскаго въ деревню, губернской лѣсничей наследоваль его привычки: пустился по стопамъ его и въ высшей степени рвалъ, гдѣ только смогъ, дѣла же своего рѣшительно не знаетъ, и лѣсная часть въ самомъ жалкомъ состояніи; ассесоръ имъ располагаетъ какъ вздумаетъ по обстоятельствамъ.

Сообщая вашему высокоблагородію эти свѣдѣнія, предписываю имѣть оныя въ виду при производствѣ секретныхъ розысываній, не было ли подобныхъ злоупотребленій по Нижнедѣвицкому округу, каковыя въ спискѣ окажутся, не замедлите произвести о нихъ формальное слѣдствіе.

Генераль-маіоръ баронъ Ховень.

ПОРУЧИКЪ БОРОДИНЪ ЗУБНЫМЪ ВРАЧЕМЪ.

Послѣ Крымской кампаніи вышло распоряженіе по военному вѣдомству прикомандировывать раненыхъ офицеровъ къ Кадетскимъ корпусамъ, не обязывая ихъ вести какую-либо службу. Въ 1860 году многіе кадеты I-го корпуса страдали зубами. Однажды Государь Императоръ пріѣхалъ въ лагерь и, замѣтивъ, что кадеты были подвязаны, спросилъ директора корпуса г. Лихонина, что это значитъ? Директоръ доложилъ, что они болѣютъ зубами. — „Какъ жаль“, сказалъ Государь, „что у насъ при корпусахъ нѣтъ дантистовъ. — У меня лѣичить, ваше величество, прикомандированный къ корпусу поручикъ Бородинъ. — Помогаетъ?—Помогаетъ, ваше величество. — Скажите ему отъ меня спасибо.

Случилось, что я заболѣлъ зубной болью. Прихожу къ Бородину и прошу его полѣчить меня. Онъ соглашается охотно, но предупреждаетъ, что требуемые для лѣченія порошки стоятъ ему дорого, и потому слѣдуетъ ему за нихъ уплатить два рубля. Я, конечно, согласился, и вотъ какую онъ устроилъ со мной процедуру. Велѣлъ мнѣ раздѣться и лечь въ постель; за тѣмъ подавъ былъ кипящій самоваръ, жаровня съ угольемъ и порошная кадushка. Кадushкой этой онъ накрылъ жаровню, насыпавъ на нее предварительно какого-то порошку, издававшего неимоверно-противную, угарную вонь; и, накрывъ меня съ головой ватнымъ одѣяломъ, велѣлъ дышать надъ кадushкой, наполненной дымомъ и кипяченой водой, приказавъ при томъ нѣсколькимъ кадетамъ держать одѣяло, дабы я не могъ освободиться. Я полагалъ, что задохнусь на смерть, и черезъ $\frac{1}{4}$ часа меня раскрыли; я былъ въ изнеможеніи и почувствовалъ сильную головную боль. — „А что зубъ лучше?“ спрашиваетъ Бородинъ. — „Не знаю“ отвѣчалъ я.

Дѣйствительно, отъ притупленнаго чувства показалось какъ будто лучше.

— А вотъ посмотримъ, сколько червячковъ-то вышло изъ больного зуба. Вотъ цѣлыхъ шесть.

Уплативъ требуемый гонораръ, я пошелъ въ свою палатку. Зубъ черезъ дня два пересталъ болѣть.

По окончаніи лагернаго сбора мы возвратились въ Петербургъ. Не успѣвъ еще Бородинъ устроиться, какъ явился къ нему фельдъегерь, требуя, чтобы онъ отправился немедленно съ нимъ экстреннымъ поѣздомъ въ Петергофъ къ великому князю для лѣченія отъ зубной боли его супруги. Забравъ съ собой порошки, кадущку и жаровню, Бородинъ отправился въ Петергофъ. Великій князь, встрѣтивъ Бородина, сказалъ ему.

— Мнѣ Государь Императоръ передалъ, что вы хорошо лѣчите отъ зубной боли. Моя жена страдаетъ зубами, и мои лейбъ-медики не могутъ унять боль. Беретесь ли лѣчить ее?—Берусь, если прикажете, Ваше Императорское Высочество.—У нея голова болитъ; не будетъ ли ваше лѣченіе противно?—Напротивъ, ваше высочество, и головная боль должна пройти.

Входитъ импровизированный дантистъ въ спальню великой княгини; она лежитъ въ постели, вокругъ нея лейбъ-медики. Бородинъ обращается къ великому князю:

— Прикажіте, ваше высочество, выйти г.г. лейбъ-медикамъ, такъ какъ мое лѣченіе составляетъ мой секретъ. Великій князь приказалъ имъ удалиться, и тѣ, ретируясь, повстрѣчались съ жаровней, кадущкой и самоваромъ. Великій князь, увидѣвъ эти приспособленія, говоритъ Бородину:—Бородинъ, вы со мной не шутите! Если женѣ будетъ хуже, вамъ не одобровать.—Я съ полной увѣренностью приступаю къ дѣлу, ваше высочество.—Прикажіте, ваше высочество отрядить мнѣ хоть четырехъ дюжихъ дамъ для держанія ея высочества.—Хорошо; но я уйду и не хочу быть свидѣтелемъ этого лѣченія.

За тѣмъ Бородинъ продѣлалъ съ великой княгиней всѣ процедуры точно также какъ и со мной. По окончаніи процесса лѣченія княгиня спросила вошедшихъ лейбъ-медиковъ, можно-ли напиться воды? Они изъявили свое согласіе, но Бородинъ запретилъ наотрѣзъ, и она послушалась. Послѣ этого великій князь приказалъ Бородину отправиться на гауптвахту и ожидать когда его позовутъ. Привесли Бородину на гауптвахту сытный ужинъ и бутылку вина, но онъ такъ безпокоился исходомъ своего лѣченія и арестомъ, что почти не дотронулся до ужина. Ночь была имъ проведена тревожно. На другой день въ 11 часовъ утра его потребовали къ великому князю. Бородинъ старается издали уловить выраженіе лица великаго князя, и ему показалось, что оно было спокойное.

— Ну, Бородинъ, спасибо за лѣченіе: женѣ лучше, зубная боль унялась; а вотъ это примите отъ меня.

Великій князь преподнесъ ему брилліантовый перстень и пакетъ, въ которомъ оказалось 700 рублей денегъ. Вскорѣ послѣ того Бородинъ былъ, по высочайшему повелѣнію, назначенъ дантистомъ къ военно-учебнымъ заведе-

ніямъ съ приличнымъ жалованьемъ; но этаго мало: послѣ пресловутаго лѣченія великой княгини, Бородина стали приглашать въ аристократическіе дома, чѣмъ онъ сдѣлалъ значительный подрывъ извѣстному доктору-дантисту Вагенгейму, который предлагалъ Бородину 25,000 рублей за то, чтобы онъ прекратилъ свою практику, но импровизированный дантистъ отвѣтилъ Вагенгейму, что его предложеніе совершенно ничтожно въ сравненіи съ размеромъ дѣйствительной его прибыли отъ практики, ибо онъ зарабатываетъ ежемѣсячно не менѣе 7000 рублей. Бородинъ и этимъ не удовольствовался: познакомившись съ какимъ-то праздношатающимся фармацевтомъ, сталъ готовить у себя разные эликсиры и лѣчить отъ всѣхъ болѣзней.

Уезжая изъ Петербурга, я пришелъ проститься съ двумя Француженками. Младшую m-lle Пробетъ я засталъ сильно больной, старшая сестра говоритъ мнѣ, что уже и Бородина приглашали, надо было дать 500 р. за визитъ, и тотъ не помогъ... Я сказалъ m-lle Пробетъ, что трудно было ожидать хорошихъ результатовъ отъ лѣченія армейскаго строевого офицера, и я сожалѣю объ издержкахъ ея. Врачебная Управа не разъ вызывала Бородину и просила его предъявить ей докторскій дипломъ; но Бородинъ каждый разъ отвѣчалъ, что его дипломъ остался у великаго князя, у котораго онъ лѣчилъ супругу.

Узнавъ о моемъ выѣздѣ изъ Петербурга (въ Декабрѣ 1861 г.) Бородинъ завернулъ ко мнѣ съ прощальнымъ визитомъ и рассказалъ мнѣ выше описанныя подробности; я видѣлъ великолѣпный, брилліантовый на его рукѣ перстень в. князя. Въ истинѣ переданнаго мнѣ нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, такъ какъ на весь Петербургъ въ то время прогремѣла слава Бородина. Онъ сознался мнѣ, что лѣченіе в. княгини, особенно при головной боли, было крайне рискованно; но въ случаѣ неудачи, всячески бы голову не сняли, а при удачѣ будущность рисовалась блестящая. Я сказалъ ему, что, оставляя Петербургъ, я лишенъ буду возможности повредить ему въ его докторской карьерѣ, а потому просилъ сообщить мнѣ, гдѣ онъ научился этому лѣченію. Вотъ какъ было дѣло, говорилъ Бородинъ. Ёдучи съ Кавказа, на одной почтовой станціи въ Орловской губ. деньщикъ мой такъ сильно заболѣлъ зубами, что просилъ оставить его на произволъ судьбы, но онъ былъ славный человекъ, и я этого не могъ сдѣлать; сталъ я совѣтоваться съ начальникомъ станціи, и тотъ мнѣ сказалъ, что верстахъ въ 10 въ сосѣднемъ селеніи славится знахарка, которая, говорятъ, отлично лѣчитъ и отъ зубной боли. Пришлось остановиться на станціи дня на два, послали за знахаркой, и она продолжала извѣстное уже вамъ леченіе. Деньщику стало лучше, онъ въ состояніи былъ продолжать путь. Знахарка потребовала гонорара рубль, я охотно ей далъ и пообщалъ еще другой, если она откроетъ мнѣ секретъ ея лѣченія. Она охотно согласилась и сказала, что порошокъ, употребляемый ею—это сѣмена зелья, называемаго дурманомъ (*datura stramonium*). Благодаря этому сообщенію, Бородинъ сдѣлался знаменитостью и богатымъ человекомъ.

К. Добровольскій.

12 Марта 1907. г. Кіевъ.

Пушкинъ сочувственно описываетъ подвигъ Кржевцаго, и тутъ же прибавляетъ: „но все-таки ихъ надобно задуть“. Любопытно было бы сравнить, какъ относился къ Польскому лихорадочному возстанію (возбужденному зложелательствомъ къ Россіи со стороны Европейскаго Запада) князь Вяземскій, Жуковскій (уговорившій молодого Вигулина не принимать участія въ братоубійственной войнѣ), Хомяковъ (взывавшій къ великодушію Русскаго народа въ стихотвореніи Ritterspruch-Richterspruch) и Тютчевъ (въ удивительныхъ стихахъ на взятіе Варшавы).

Въ третьемъ письмѣ Пушкина ужасныя подробности о Старорусскомъ бунтѣ, въ четвертомъ шуточные стихи о пожалованіи князя Вяземскаго въ камергеры. Вспомнимъ, что отъ камергерскаго ключа князь отказывался въ послѣдніе годы предыдущаго царствованія. Есть еще шесть строкъ, приписанныхъ *) Пушкинымъ въ письмѣ 1832 года, которое князь, тогда уже служившій въ Министерствѣ Финансовъ, писалъ къ своей супругѣ, въ Москву. Пушкинъ увѣдомляетъ ее о рожденіи дочери и выражаетъ недовольство тѣмъ, что она на него похожа лицомъ. Это достопочтенѣйшая Марья Александровна Гартунгъ; выросши, она заняла красоты у своей красавицы-матери, а отъ сходства съ отцомъ сохранила тотъ искренній задушевный смѣхъ, о которомъ А. С. Хомяковъ говаривалъ, что смѣхъ

*) Русскій переводъ этой приписки сдѣланъ невѣрно: fatuité тутъ скорѣе значить

Пушкина былъ также увлекателемъ какъ его стихи.

Въ книгѣ находимъ два письма князя Вяземскаго: одно къ А. С. Норову *) съ крайне замѣчательными опасеніями относительно того, что раскрѣпостители не вѣдали Русскаго народа, и другое къ своей супругѣ о женскомъ воспитаніи, очень замѣчательное и не утратившее своего значенія и для нашихъ дней. Тутъ же узнаемъ, что несчастнаго Батюшкова вздумали въ Москвѣ лѣчить отъ умопомѣшательства общеніемъ съ нянитою дѣвицею, чѣмъ князь крайне возмущается, а Пушкинъ по этому поводу шуточно сообщаетъ, что восторженная Е. М. Хитрова предлагала самоё себя, чтобы вылѣчить поэта.

Въ письмѣ И. И. Дмитріева буква К. (стр. 330) можетъ означать Кологривова, въ деревню котораго удалялся князь Вяземскій, преслѣдуемый обидными подозрѣніями правительства.

Шуточный Арзамасскій дипломъ Карамзину сочиненъ былъ, конечно, Жуковскимъ: онъ и писанъ его рукою, какъ видно по приложенной литографіи.

Краткія выдержки изъ писемъ недавнихъ покойниковъ, С. А. Рачинскаго и Н. М. Навлова помѣщены, можетъ быть, для того, чтобы оправдалось названіе книги „и новизны“.

П. Б.

*) Въ примѣчаніи къ этому письму ошибочно сказано, что супруга Норова была урожденная Демядова (она родомъ Панина; старыя Москвичи помнятъ ея брата Никиту

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 15-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургъ, Харьковъ, Одессъ, Саратовъ и Ростовъ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ, присылая печатный ярлыкъ адреса.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книги «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по одному рублю.

**Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепевъ.**

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

7.

Стр.

289. Русь Петра Великаго за границей. 1711 годъ. (Князь Б. П. Курякинъ передъ назначеніемъ посломъ въ Голландію). Статья С. И. Кедрова.
314. Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландскаго резидента Де-Визъ. Переводъ съ Голландскаго, князя И. Н. Шаховскаго.
340. Воцареніе Петра Третьяго по разсказу Екатерины Второй.
350. П. А. Витовтовъ. Воспоминанія его дочери А. П. Салтыковой.
390. Резолюція императора Николая Шварловича о дьячкѣ Рыбниковѣ. Его же.
392. Два письма В. Н. Барзмина къ В. Г. Анастасевичу. Сообщено П. А. Гфремовымъ.
397. Мать Гоголи. Эпизодъ изъ ея помѣщичьяго хозяйства. А. А. Голомбьевскаго.
400. Стихи на графа С. М. Каменскаго съ предисловіемъ А. А. Титова.
406. Могила графа А. А. Закревскаго ***. Съ послѣсловіемъ П. В.
410. Императоръ Александръ Николаевичъ въ Московской Измайловской богадѣльнѣ. Изъ Записокъ архіепископа Леонтія (Кавелина).
420. Разныя разности. Изъ Записной книжки. Замѣтки. Мелочи. Поправки.

Внутри сорочки: по поводу статьи виконта де-Вогюэ о К. П. Побѣдоносцевѣ.

Приложены листы Предметной Росписи „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы (Царь Великій.—Елисавета Петровна.—Екатерина Великая).

—*—*—*—

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

ВИКОНТЪ ДЕ-ВОГЮЕ О К. П. ПОБЪДНОСЦЕВЪ.

Французскій академикъ Виконтъ де-Вогюэ, извѣстный превосходными статьями о Россіи, помѣстилъ (въ 158-мъ выпускѣ газеты „Фигаро“) цѣлую статью о появившихся въ „Русскомъ Архивѣ“ (выпускѣ 5-мъ) письмахъ К. П. Побѣдоносцева къ Е. Ѡ. Тютчевой, въ которыхъ наглядно изображено тяжкое положеніе наше въ первые недѣли царствованія Александра III-го. Вогюэ сопоставляетъ оное съ нѣкоторыми происшествіями изъ исторіи Франціи. Онъ оцѣниваетъ высокое исторіографическое значеніе этихъ дружескихъ и въ тоже время государственныхъ повѣреній Побѣдоносцева, но къ сожалѣнію замалчиваетъ приложенное къ нимъ знаменательное письмо неизвѣстнаго лица къ Александру III-му о родителяхъ его и его царствованіи, напоминающее намъ про отзывъ одной Москвички, говорившей, что *христіанскую* кончину Александра Николаевича, который даже въ самыя минуты гибели проявилъ чувство милосердія, вымолила ему покойная его супруга.

Вогюэ приравниваетъ Побѣдоносцева къ знаменитому апологету католичества графу Жозефу Местру и конечно въ томъ ошибается: Жозефъ Местръ былъ человекъ злой, ненавидившій Россію, которая его пріютила и на хлѣбахъ которой онъ много лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ, тогда какъ Побѣдоносцевъ не питалъ никакой злобы къ инновѣрцамъ, хотя сознавалъ ихъ Каинское къ Россіи братоненавидѣніе. Немного зналъ и

людей, говоритъ Вогюэ, столь просвѣщенныхъ, столь вѣжливыхъ какъ Побѣдоносцевъ. По слухамъ о немъ распространеннымъ это былъ суровый и тупой богословъ, что-то въ родѣ Торквемады; но на первыхъ же порахъ личнаго знакомства Побѣдоносцевъ изумилъ Французскаго академика сочувственными и свободолобивыми отзывами о наименѣе правдивѣрныхъ Англійскихъ поэтахъ, Шелли, Броунингѣ, Свинборнѣ. Въ теченіи многихъ лѣтъ печатались въ „Русскомъ Архивѣ“ его „книжныя заграничныя вѣсти“, въ которыхъ онъ сообщалъ, что печаталось за границею по части Русской исторіи.

Вогюэ былъ въ Петропавловскомъ соборѣ на погребеніи Государя и видѣлъ, какъ прощалась съ его тѣломъ вторая его (съ 6 Іюля 1880 года) супруга, свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская (правнучка адмирала Рибаса и Настасьи Ивановны Соколовой, дочери Бецаго). Съ кончивою Государя гибли всѣ надежды для той, про которую передъ тѣмъ говорили, что коронованіе ея въ Москвѣ состоится черезъ нѣсколько недѣль. Дѣйствительно, Александръ Николаевичъ, въ самый день своей кончины, подписалъ манифестъ о новой императрицѣ, подлинникъ котораго былъ въ рукахъ передававшего намъ о томъ графа Д. А. Толстаго. Утверждаютъ даже, что манифестъ этотъ уже печатался въ Сенатской типографіи. Бывшій на похоронахъ и стоявшій неподалеку отъ Вогюэ принцъ Вельскій (нынѣ Эдуардъ VII-й) выражалъ сердечную жалость къ несказанному горю молодой вдовы.

(12) 451—497. 1886. I (1) 5—54 (2) 69—146. 1885 (10): Лунинь.—Н. И. Депперадовичъ.—Колошинъ.—Толь.—Кутузовъ.—Братья Орловы. 1885 (11): В. А. Перовскій.—Юзефовичъ.—Фигнеръ.—Гр. Орловъ-Денисовъ.—А. А. Вельяминовъ.—Голандецъ Ротъерсъ.—Кн. Д. З. Орбельяни.—Максвилъ.—Кургановъ.—Преосв. Теофилактъ.—Роткирхъ.—Адамовичъ.—Мишѣ.—Д. Д. Курута. 1886: I (4). 445—524. II (5), 5—32. III (11), 289—340 (12), 430—496. 1887: III (9), 5—42 (10), 145—176 (11), 393—416. 1888: I (1), 71—92 (2), 235—258 (3), 393—432. II (5), 97—0122. (7), 313—0352. III (9), 5—48 (10), 193—324 (11), 385—433. 1889: I (2), 177—208 (4), 571—604. II (8), 536—561. III (9), 60—97 (11), 273—316. 1891. III (9), 5—82 (10), 177—228.—Александръ - царевичъ.—Поединокъ Грибоѣдова съ Якубовичемъ.—Самоубійство Иванова.—П. Н. Ермоловъ.—Исмаиль, ханъ Шекинскій.—Энегольмъ.—Шишковъ Второй.—Гамазовъ.—Пономаревъ.—Купецъ Углевъ.—Авенариусъ.—Кюхельбекеръ.—Износковъ.—Князь Горчаковъ.—В. Ѳ. Тимковскій.—Кулебяка.—Авенариусъ.—Кн. Эристовъ.—Коцебу.—Адъютантъ Артемовскій.—Кіать-ага.—Женитьба кн. Мадатова.—Н. Н. Мординова. Гибель Грекова и Лисневича въ Чечнѣ.—Гассанъ - ханъ.—Снѣжевскій.—Воронковъ.—Фридрихсъ.—Кн. Севарземидзевъ.—Арсеній Бебутовъ.—Дѣвицы Ахвердова и Перфильева.—Реутъ.—Паскевичъ.—К. Х. Бенкендорфъ.—Грибоѣдова.—Лекаръ Рокъ.—Бурцовъ.—Егоръ Ахвердовъ.—Арабатскій.—(Замѣтка 1889. 4, 581—589. Н. Палибина). 1889: II, 6, 320.—Амулатбекъ и Верховскій.—Шахалъ Тарковскій.—Ладинскій.—Вы-

„Роспись“ Русскаго Архива.

соцкій.—Джафаръ-кули-ага Карабахскій.—Кардо - Сысоевъ.—Мандерштернъ. 1889: III, 9, 128. 1893: III (11), 316. 1893 (11): Красовскій.—Д. Е. Сакенъ.—Симоничъ.—Кн. Гассанъ - бей.—Поповъ.—Кн. И. М. Вадбольскій.—Котляревскій.—Устимовичъ.—Ренненкампфъ.—Эспехо. 1893 (12) Бородинъ.—Поручикъ Санковскій.—Гессе.—Магмедъ - папа.—Фетъ-Улла.—1894 (1): Абрамовичъ.—Абдулло-ага.—Жихаревъ.—Кастелась.—И. С. Мальцовъ.—Зубаловъ.—Бурцовы.—Кн. А. Б. Голицынъ.—1894 (4): Н. Н. Раевскій.—Рябининъ.—1894 (7): С. Г. Чернышева.—Кругликова.—Квистъ.—Шмаковъ.—Графъ Ильинскій.—1895: Кашинцовъ и Цынскій.—Тергукасовъ.—Орлова.—Ховенъ.—Ворон. архіеп. Антоній.—Затвор. Иларіонъ.—Муравьевъ.—М. С. Воронцовъ.—А. И. Казначеевъ.—Фонъ-Бринкъ.—Е. А. Головинъ.—Анрепъ.—Кн. Илья и Владимиръ Андреевичи Долгорукіе.—Иванинъ.

Къ Запискамъ графа М. Н. Муравьева. Примѣчаніе (его брата) Андрея Николаевича Муравьева 1885. II (6), 200—201.

185. По поводу Записокъ Н. Н. Муравьева. Замѣчанія М. И. Муравьева-Апостола. 1886. I (2), 225—227.

186. Воспоминанія Матвѣя Матвѣевича Муромцова. 1890. I (1), 59—81, (2), 366—394.—Гр. Грабянка.—Кн. Аркадій Суворовъ.—К. Н. Батюшковъ.

187. Изъ далекаго прошлаго. Сооб. В. Мустафинъ. 1898. II (8), 513—517. Ланде.—А. П. Сумароковъ.

188. Изъ Записокъ Марьи Сергѣевны Мухановой. 1878. I (2), 209—215 (3), 299—325.

189. Изъ дневныхъ Записокъ В. А. Муханова. 1833—1855, 1897. I (2), 267—301. II (5), 75—94. 1896. III (10), 161—199 (11),

- 327—336 (12), 547—567. 1897. I (1), 45—109.
190. Изъ новонайденныхъ записныхъ книжекъ В. А. Муханова. 1847. 1900. I (2), 316. Устряловъ и Ермоловъ.
191. По поводу дневника В. А. Муханова. Н. Галкина-Враскаго. 1897. II (6), 287—288.
192. Изъ дневника Николая Алексѣевича Муханова. (1832). 1897. I (4), 653—657.
193. Изъ записной книжки протоіерея П. Н. Мысловскаго. 1905. III (9), 132—133. Пестель.
194. Записки Ивана Ивановича Мѣшкова. 1767—1832. Сообщ. Б. Л. Модзалевскимъ. 1905. II (6), 177—242. Н. С. Лаптевъ.—И. Н. Корсаковъ.—Ф. А. Вигель.—О. П. Козодавлевъ.—Бахметевъ и Столыпины.—Сперанскій.
195. Записки М. И. Маракуева. 1907. I (5).
196. Изъ походнаго дневника А. И. Нарбута. 1895. III (10), 161—193 (11), 269—296. Кн. Гагаринъ.—Стурджа.—А. Э. Циммерманъ.—Генераль Добровольскій.
197. Борода Тимоея Архипыча. Изъ воспоминаній Е. А. Нарышкиной. Записано Ѳ. И. Тимирязевымъ. 1874. I (8), 612—620
198. Записки В. А. Нащокина. Съ предисл. Д. И. Языкова. 1883. I (4), 243—351. Погребеніе графа Шереметева.—Петръ I-й въ Ревель.—Свадьба Анны Петровны. Кн. Меншиковъ.—Дивіеръ.—Казнь Волынскаго.—Вопареніе Елисаветы.—Свадьба Екатерины II-й.—Бригад. Пашковъ.—Кейтъ.—Гр. А. И. Румянцевъ.—Люберась.
199. Изъ дневника неизвѣстнаго лица. Январь 1846 г. 1903. III (11), 511—512.
200. Никаноръ Херсонскій архіепископъ. А. А. Титова. 1906. II (7), 321—352.
201. Записки архіеп. Никанора. 1906. II (7), 353—390 (8), 497—519. III (9), 5—37 (10), 161—213 (11), 321—357 (12), 481—504. (7): В. К. Саблеръ и С. В. Керскій.—Митрополитъ Платонъ.—Великая княгиня Александра Петровна.—Іоанникій.—Н. П. Маслова.—Н. А. Новосельскій.—Митрополитъ Исидоръ.—Макарій.—Пресвящ. Германъ.—Н. Д. Пупцина.—Архіепископы Павелъ и Леонтій.—Александръ Третій.—Архіеп. Алексѣй.—Бракосочетаніе Павла Александровича.—И. А. Чистовичъ.
202. Путевыя записки епископа Никодима. Сообщ. М. Н. Галкинъ-Враскій. 1903. I (9), 230—252 (3), 387—424 (4), 595—607. II (5), 118—139 (6), 281—286 (7), 458—472.
203. О путевыхъ запискахъ епископа Никодима. М. Н. Галкина-Враскаго 1903. I (3). 448.
204. Черты стариннаго дворянскаго быта. Воспоминанія Марьи Сергѣевны Николовой. Сообщ. Е. И. Держинская. 1893. III (9), 107—120 (10), 129—196. Протопоповы.—Митроп. Филаретъ.—Старуха Пассекъ.—Римскіе-Корсаковы.—Братья Юрьевы.—Н. П. Воейковъ.—Бологовскіе.—Крыловы.—Голубцовы.—Геденовы.
205. Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ.—Барона А. П. Николаи. 1891. II (6), 133—153; I (5), 91—125 (6) 222—246 (8), 447—478.
206. Изъ записной книжки Ольги Алексѣевны Новиковой. Разговоръ съ кн. Горчаковымъ. 1902. III (10) 302—304.
207. Изъ воспоминаній Петра Петровича Новосильцева. 1870 (6), 1161—1169.
208. Выписки изъ тетрадей инженера Нордштейна „Всякая всячина“. 1905. III (10), 233—270. Вел. Кн. Михаилъ Павловичъ.—Кн. А. С. Меншиковъ.—Наполеонъ.—Гр. Толь.—Н. И. Богдановъ.—А. Н. Загоскинъ.—И. Н. Загос-

- книжь.—Соболевскій.—А. В. Лутохинъ.
209. Воспоминанія Авраама Сергѣевича Норова. 1881. III (5), 173—214.
210. Изъ Записокъ генераль-адъютанта графа Г. И. Ностица. 1806. Съ предисл. гр. И. Г. Ностица. 1893. II (6), 257—280.
211. Изъ воспоминаній гр. И. Г. Ностица о Польскомъ возстаніи 1863 года. 1900. II (8), 559—571.
212. Воспоминанія юриста. П. Н. Обининскаго. 1892. I (1), 98—138.
213. Наброски изъ воспоминаній кн. Д. Д. Оболенскаго. 1894. III (10), 251—286 (12), 531—589. 1895. I (1), 42—65 (2), 231—248 (3), 357—372 (4), 502—518. II (10) 211—218; 1898. III (11), 417—425. Гр. В. А. Бобринскій.—Покупеніе Гартмана.—Кн. С. Н. Урусовъ.—Д. Д. Голохвостовъ и Ю. Ф. Самаринъ.—О. И. Комисаровъ.—А. В. Шереметевъ.—А. В. Казаковъ.—М. Р. Шидловскій.—Н. И. Путиловъ.—Семья кн. Львовыхъ.—Графъ Л. Н. Толстой.—Графъ В. А. Соллогубъ.—С. А. Соболевскій.—П. П. Свининъ.—Н. С. Корсаковъ.—Д. Д. Давыдовъ.—Богачъ Яковлевъ.—А. С. Козловъ.—Л. Н. Гартунгъ.—Д. А. Балкашинъ.—А. Е. Горвиць.—В. П. Мининъ.—Принцъ Валійскій.—Ф. Я. Ваймусъ.—А. И. Нейгардъ.—А. Д. Измайловъ.
214. По поводу воспоминаній кн. Д. Д. Оболенскаго. И. А. Митропольскаго. 1895. I (3), 371—372.
215. Записки Ростовца Николая Васильевича Одинцова. 1863—1865. 1906. II (5), 16—46. М. И. Чудиновъ.
216. Къ Запискамъ Оже. (Кн. А. Б. Лобанова). 1877. II (5), 108.
217. Выдержки изъ записокъ А. А. Окуловой. 1896. I (4), 607—613.
218. По поводу Записокъ генерала Ольшевскаго. Барона А. П. Николая. 1893. III (10), 227—232.
219. По поводу Записокъ М. Я. Ольшевскаго. А. Зиссермана. 1895. I (1), 120—128. Графъ Евдокимовъ.—Случай съ Г. К. Властовымъ.—О письмахъ князя Барятинскаго къ Александру Николаевичу.
220. Воспоминанія Федора Адольфовича Оома. 1896. II (6), 217—272 (7), 427—452 (8), 541—573. III (9), 34—58 (поправка (8), 615, 1896 (6): К. Д. Кавелинъ. Гр. С. Г. Строгановъ.—Цесаревичъ Николай Александровичъ.—Кн. А. А. Суворовъ.—И. П. Хрущовъ.—Гр. П. X. Граббе.
221. По поводу воспоминаній Ф. А. Оома. 1897. I (1), 180.
222. Воспоминанія совѣстнаго судьи. Гр. В. Орлова-Давыдова. 1880. II, 400—425. Розингъ.—Гр. В. Н. Панинъ.—Гр. Д. Н. Блудовъ.—Гр. А. Ф. Орловъ и кн. А. Ф. Голицынъ.
223. Изъ неизданнаго сочиненія Михаила Федоровича Орлова. Сооб. Н. М. Орловымъ. 1874. I (6), 1578—1579. Петръ Великій и финансистъ Лау.
224. Изъ записной книжки А. М. Павловой 1874. II (11), 957—958. А. П. Сумароковъ.
225. Мои воспоминанія. К. К. Павловой. 1876. III (10), 222—240. Гр. Ростопчинъ.—Верещагинъ.—Гр. Ал. П. Строгановъ.—Нат. Андр. Карпова.—Кн. П. И. Одоевскій.
226. Поправка къ „Разсказамъ изъ недавней старины“. И. Павловскаго. 1879. II (5), 141—144.
227. Волны житейскаго моря. И. У. Паллиссестова. 1893. III (12), 479—491. Нельзя ли объясниться? 1894. I (2), 273—275. Вопросъ А. Л. Зиссерману.
228. Нѣсколько замѣчаній по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ. Д. Д. Голохвостова. 1876. II (6), 231—236.
229. Дневникъ К. П. Побѣдоносцева 1897 I (4).

230. Воспоминанія Петра Ивановича Поветики. Сообщ. Вас. Апол. Полетика. 1885. III (11), 305—336.
231. Изъ Записокъ Ивана Гавриловича Поливанова. Сообщ. И. Поливановымъ. 1877. III (12) 414—441.
232. Изъ воспоминаній Н. П. Поливанова о Восточной Сибири. 1898. III (12), 569—582.
233. Мой дядя и кое-что изъ его разсказовъ. Я. П. Полонскаго. 1876. I (1) 72—78. Кн. Плат. Степ. Мецкерскій.—Овцынъ.—Ив. Авт. Мосоловъ.—О. О. Орловъ.
234. По поводу воспоминаній Смоленскаго дворянина. В. К. Попандопуло. 1896. III (10), 290—295.
235. Выписка изъ дневника преосвященнаго Порфирія Успенскаго. 1904. III, 622.
236. Порфирій Успенскій (Изъ „Книги бытія моего“). А. А. Титова. 1905. III (12), 502—530. Леонидъ Кавелинъ.—Митроп. Филовей.
237. Нѣсколько замѣтокъ по поводу „Воспоминаній“ г-на Иржецлавскаго. Сергѣя Сущкова. 1876. II (8), 460—471.
238. Простонародные разсказы изъ прошлыхъ временъ. Съ предисл. Н. П. Барышникова. 1874. I (3) 621—636, 198—1100.
239. Изъ Записокъ неизвѣстнаго лица (Степана Протасьева). Сообщ. И. В. Помяловскимъ. 1898. III, (9), 36—51. Барклай-де-Толли.—Самсоновъ.—Измайловъ.
240. Кому принадлежатъ Записки неизвѣстнаго лица? 1898. III (10), 296. Полковникъ Ал. Оскар. Зеландъ.—Степанъ Протасьевъ.
241. Изъ записной книжки Н. В. Путятты. Сообщ. О. Н. Тютчевой. 1899. II (6), 350—353. Знакомство съ А. С. Пушкинымъ.
242. Замѣтки старожила Елецкаго уѣзда. И. В. Пущечникова. Сообщ. Серг. Ник. Шеннигомъ. 1905. I (4), 537—646.
243. Изъ памятной книги. Е. И. Раевской. 1883. I (2), 291—302. 1888. I (2) 292—310. И. Г. Бибииковъ. Кн. В. М. Голицынъ.—Кн. Д. А. Ухтомская.—М. М. Нарышкинъ. Кн. Е. П. Оболенскій.—В. С. Георгіевская. (дополненіе А. Ярцова. 1890. III (11), К. Мазингъ.—Д. В. Насоновъ.—А. И. Гроздовъ.—Бар. Менгденъ.—Кн. В. А. Черкасскій.—А. С. Оленина.—Кн. Г. С. Волконскій. 1896. I (2), 220—240.
244. Изъ воспоминаній Николая Максимовича Распопова. Сообщ. П. Ник. Распоповъ. 1879. III (9), 36—44.
245. Изъ Записокъ графа О. В. Растопчина. XIX В. II, 114—140.
246. Изъ дневника М. С. Рембелинскаго (1792—1812). Сообщ. П. Юдинымъ. 1887. I (3) 464—481. 1898. III (9), 52—72.
247. Изъ воспоминаній о прошломъ. Княжны В. П. Репниной. 1870. (8—9), 1724—1727; 1889. II (5) 115—157. Мар. Арт. Воронцова.
248. Памятныя записки Глафиры Ивановны Ржевской. Сообщ. П. Н. Свистуновъ. 1871 (1), 1—52. Кн. Анна Серг. Долгорукова.—Г-жа Лафонъ.—И. И. Бецкій.—Вел. кн. Наталья Алексѣевна.—Гр. И. П. Кутайсовъ.
249. Записки гр. А. И. Рибоьера (1781—1865). Съ предисл. А. А. Васильчикова 1877. I (4), 460—506. I (5), 5—36. П. А. Бибииковъ.—Поединокъ кн. Зубова.—Фельдмаршалъ Каменскій.—Имп. Францъ.—Король Иеронимъ.
250. О Польскомъ катихизисѣ. Изъ записокъ В. А. Роткирха. 1882. III (6), 244—251.
251. Желѣзнодорожныя впечатлѣнія. Изъ воспоминаній В. А. Роткирха. 1895. I (1). 57—90.
252. Критическія замѣтки А. Л. Зиссермана. 1885. II (6), 329—332. По поводу Записокъ И. Д. Рудакова.
253. Два листка изъ дорожной книжки Русской полковой дамы. 1870. (11), 2071—2076.

254. Записки П. И. Рычкова (1712—1777). Сообщ. Н. Д. Рычковымъ. 1905. III (11), 289—340. И. П. Тамесъ.—Вилимъ Эмзель.—Кн. В. А. Урусовъ.—Академ. Мюллеръ.—Шалласъ.—Гр. А. И. Панинъ.
255. Дѣла давно минувшихъ дней. Ник. Арист. Рѣшетова. 1885. II (5), 149—154 (6), 300—305 (7), 428—441. III (10), 445—450 (12), 539—547. 1886 I (2), 212—218 (3), 363—368. (4) 525—533. III (10), 221—239 (12) 497—515. 1887. I (3) 350—355. Какъ М. Н. Муравьевъ взыскивалъ въ Курскѣ недоимки.—Кн. А. Б. Мещерская.—Кн. А. В. Голицынъ.—День.—Полторацкій.—К. И. Пауловичъ.—И. Н. Шидловскій.—С. М. Карповъ.—М. А. Офросимовъ.—П. И. Фроловъ.—Преторіусъ.
256. Записки Марыи Степановны Сабининой (1841—1860). 1900. I (4), 519—544. II (5), 37—67. (6), 113—144 (8), 498—517. 1901. I (1), 119—140 (3), 520—526. II (5), 145—154 (6), 262—277 (7), 438—446 (8), 576—586. III (9), 49—80 (10), 229—250 (11) 422—428. 1902 I (2) 326—336.—Кочетовы.—В. кн. Марія Павловна.—Гр. Фредро.—Гоголь. Дженни-Линдъ.—Королева Анна Павловна.—Клара Шуманъ.—Чета Шумановъ.—Иоакимъ.—Липманъ.—Бюловъ.—Листъ.—Беттина Арнимъ.—Брамсъ.—Агнеса Денисъ-Стритъ.—Берлюозъ. Рубинштейнъ.—М. П. Соколова.—Тютчевы.—Имп. Марія Александровна.—Мортъе.—К. К. Павлова.—К. Таузигъ.—Пій IX-й.—Гумбольдтъ.—Витгенштейнъ.
257. Изъ записокъ Н. А. Саблукова. Перев. съ Англійскаго С. А. Рачинскій. 1869. 1869—1953.
258. Изъ записокъ архіеп. Саввы, извлеч. 1906. I (3), 395—426. III (12), 505—536.—Кн. Крапоткина.—Ковалевскій.—Никаноръ Боровковичъ.—Митроп. Филоеѣй.—„Юлія болящая“.—Присяга Оедосію Яновскому.—Игуменья Валерія.—В. Б. Бажановъ.—Ф. А. Терновскій.
259. Изъ записокъ архіеп. Саввы. Извлеченіе А. Титова. 1905. I (2), 237—294. Снѣгиревъ.—Оеодоръ Бухаревъ.—А. В. Горскій.—Игуменія Паисія.—Архіеп. Леонидъ. Бѣлостинъ.—Обѣдъ Каткову и Леонтьеву.—А. В. Рачинскій.—Н. П. Кирѣевскій.—Нилъ Ярославскій.—Профессоръ Ростиславовъ.—Митрофанія.
260. Керчь. Изъ путевыхъ замѣтокъ Л. Савелова. 1898. II, (6) 336.
261. Воспоминанія Евгениа Петровича Самсонова. 1884. I (2), 423—464. II (3), 133—178.—Дубельтъ.—Герц. Максимилианъ Лейхтенбергскій.—Гр. Бенкендорфъ.
262. Воспоминанія Валерьяна Ивановича Сафоновича. 1903. I (1), 112—140 (2), 145—200 (3). 331—368 (4), 492—533. II (5), 96—117.—К. А. Лубьяновичъ.—А. А. Прокоповичъ-Антонскій.—Вальковскій.—И. П. Бунинъ.—Карповы.—Н. Р. Политковскій.—Д. М. Княжевичъ.—А. Е. Измайловъ.—Даргомыжская.—Воронины.—Веловзоровы.—Гр. Е. А. Уварова.—О Пушкинѣ.—Н. К. Загряжская.—Гр. Е. З. Канкринъ.—Завилейскій.—Левъ Алекс. Перовскій.—Оржевскій.—А. Л. Гофманъ.—И. Г. Снявинъ.—Вульфъ.—М. А. Стаховичъ.—Борщевскій.
263. Дополненіе къ „Воспоминаніямъ В. И. Сафоновича“ Ольги Старовой. 1903. II (6), 296—302.
264. Изъ записокъ Д. Н. Свербеева. 1899. III (9), 140—149. Д. А. Валуевъ.—Н. М. Языковъ.
265. Изъ давнихъ воспоминаній. В. В. Селивановъ. 1869 (1), 153—174. Лавръ Львов. Демидовъ.—Поздѣевъ.—Андр. Ник. Соковнинъ.—Гессе.—Юни.
266. Изъ воспоминаній молодости. Н. Я. Скарятинъ. 1893. II (5), 18—22. 1894 II (8), 600—602.

267. Воспоминанія А. О. Смирновой (о Жуковскомъ и Пушкинѣ). 1871. (11), 1869—1883.
268. Изъ Записокъ знатной дамы. 1845 годъ. (А. О. Смирновой). 1882. I (1), 206—219.
269. Изъ записной книжки А. О. Смирновой. 1890. II (6), 283—284.
270. Изъ Записокъ А. О. Смирновой. Съ замѣтками П. Баргтенева). 1895. II (5), 17—27. II (6), 188—199 (7), 323—348 (8), 449—464 III (9), 77—90. Сватовство князя С. М. Голицына.—Витгенштейнъ. Поццо-ди-Борго.—Ребиндеръ.—Карамзинъ.—Оночининъ.—Бибикова.—К. К. Мердеръ. Гр. Иосифъ Вельгорскій.—Сестры Бороздины.—А. С. Норовъ.—Бруновъ.—Братья Бутаковы.—Наполеонъ III-й и его сынъ.—П. П. Смирновъ.—Гр. А. Е. Толстаго.—Ю. Ф. Самаринъ.—С. С. Киселева.—Фридрихъ-Вильгельмъ III-й.
271. Замѣтки по поводу Записокъ А. О. Смирновой. Валерьянъ Полонцовъ и Мих. Ал. Лакомте. 1895. III (10), 253.
272. О Запискахъ А. О. Смирновой. дочери Н. Н. Соренъ. 1899. II (5), 160.
273. Изъ памятныхъ замѣтокъ Н. М. Смирнова. 1882. I (2), 227—244. Пушкинъ и Дантесъ.—Лермонтовъ.
274. Воспоминанія И. М. Снѣгирева. 1866 (4), 513—562 (5) 735—760.
275. Воспоминанія И. М. Снѣгирева. Съ его портретомъ. 1905. II (5), 10—56. Извольскій.—И. С. Брыкинъ и его кончина.—Каченовскій.—Горюшкинъ.—Чеботаревъ.—Брянцевъ.—Страховъ.—Панкевичъ.—Сохацкій.
276. Дневникъ Ивана Михайловича Снѣгирева (1821—1865). Съ предисл. А. А. Титова 1902. II (6), 177—212 (7), 369—435 (8), 529—576. III (9), 5—65 (10), 161—186 (11), 305—320 (12), 461—485; 1903 I (1), 95—111 (2), 216—229 (3), 369—386 (4), 534—548. II (5), 82—95 (6), 220—235 (7), 445—457 (8), 565—583 III (9), 87—108 (10), 265—288 (11), 433—456 (12), 519—536. 1904. I (1), 98—114 (2), 286—300 (3), 449—464 (4), 588—603. II (5), 37—59 (6), 224—237 (7), 427—446 (8), 555—572. III (9), 60—75 (10), 204—224 (11), 382—403. 1905. I (1), 109—123 (2), 295—305 (3), 487—504 (4), 647—611. II (5), 5—9.
277. Изъ рассказовъ С. А. Соболевскаго. Н. Бергъ. 1871 (1) 187—195.
278. Замѣтка на замѣтку. (По поводу предыдущей статьи), Н. В. Бергъ 1871 (10), 1734—1737.
279. Изъ воспоминаній стараго режиссера С. Соловьева. 1873. II (10), 2046—2068. С. В. Васильевъ.—Д. Т. Ленскій.—Лужинъ и Верстовскій.
280. Изъ воспоминаній гр. В. А. Сологуба. 1865 (5—6), 735—772.
281. Воспоминанія сапера И. Старицкаго. 1885. II (6), 324—328.
282. Приживальщики и приживалки. Старушка изъ степи (Е. И. Раевскій). 1883. II (3), 70—79.
283. Сумеречные рассказы старушки. 1889. III (11), 397—403. Н. М. Щербининой.
284. Изъ воспоминаній стараго моряка (Барона Н. Г. Шиллингъ). 1892. II (5), 126—159 (6), 247—276 (7), 287—318. Разградскій.—Бачмановъ.—Н. Н. Муравьевъ.—Амурскій.—Адмир. Прейсъ.—Элиотъ.
285. Воспоминанія Анны Владимировны Стерлиговой. 1898. I (4), 557—613. В. Д. Олсуфьевъ.—Кн. С. С. Трубецкая.—П. Г. Ободовскій.—Цесаревна Марья Александровна.—Импер. Александра Феодоровна.
286. Изъ Записокъ А. Я. Стороженка. 1873. II (9), 1735—1754.
287. Изъ рассказовъ графа С. Г. Строганова. 1896. III (6), 291—292.

288. Изъ памятныхъ тетрадей С. М. Сухотина (1860—1878). 1894. I (2). 225—266 (3), 417—436 (4), 599—610. II (5). 139—149 (6), 241—256 (7), 433—447 (8). 581—589. III (9), 51—68.—Моли-нари.—А. С. Хомяковъ.—П. Д. Юркевичъ.—Арцимовичъ.—Ба-тенковъ.—Достоевскій.—Кн. А. А. Щербатовъ.—Каракозовъ.—Ө. В. Чижовъ.—Ю. Ө. Самаринъ.—М. И. Муравьевъ-Апо-столь.—А. Л. Потаповъ.—Кн. Н. И. Грубецкой.—Лекціи протоіе-рея Сергіевскаго.—Кн. В. И. Ва-сильчиковъ.—И. С. Тургеневъ.—Арх. Макарій.—И. П. Борисовъ.—П. Н. Свистуновъ.—Ө. В. Чи-жовъ.—М. Х. Рейтернъ.—Гр. П. Х. Граббе.
289. По поводу „Памятныхъ тетра-дей“ С. М. Сухотина. А. Ман-жосъ. 1895 I (2), 229—230.
290. Воспоминанія Ирасковьи Нико-лаевны Татлиной. 1899, III (10), 190—224. (Поправка (12), 633). П. В. Кирѣевскій.
291. Изъ давнихъ воспоминаній Тео-бальда (В. А. фонъ-Роткирхъ). 1886, II (5), 128—142. (Поправка III (9), 127).
292. Двѣ службы. Изъ воспоминаній Теобальда (В. А. фонъ-Роткирхъ). 1889, I (3), 425—445. Гр. Крейцъ.—Огрудекъ Оома.
293. Далекое прошлое. Изъ воспоми-наній Теобальда (В. А. фонъ-Роткирхъ). 1890. I (1), 131—138. Авг. Конст. Гизбертъ.
294. Страницы прошлаго. Ө. Тимирязевъ. 1884, I (1), 155—180 (2), 298—330. В. кн. Константинъ Павловичъ.—Барклай-де-Толли.—С. Ө. Тимирязева.—Юбилей Жуковского.
295. Записки Ильи Өеодоровича Тим-ковскаго. 1874, I (6), 1377—1466. И. И. Шуваловъ.—Кн. А. Б. Ку-ракинъ.
296. Изъ Записной книжки дипломата (В. П. Титова). (1855—1859). 1895, I (1), 105—119. И. В. Ки-рѣевскій.
297. Изъ служебныхъ воспоминаній В. С. Толстаго (1852). 1884, II (3), 55—60.
298. Записки гр. Дмитрія Николаевича Толстаго. 1885, II (5). 5—70. М. А. Дохтурова.—Окуньковы.—С. А. Масловъ.—П. Г. Волковъ.—Н. М. Лонгиновъ.—Я. А. Со-ловьевъ.
299. Дай оглянусь. Гр. Дмитрія Тол-стаго-Знаменскаго. 1881, II (3), 164—176.
300. Мои воспоминанія. Гр. М. В. Тол-стаго. 1881, I (2), 245—313, II (3). 42—131, III (5), 113—172 (6). 423—432. П. С. Сумаро-ковъ.—П. И. Красильниковъ.—Ө. А. Голубинскій.—А. С. Ко-ризна.—Игужинская.—Архiep. Досифей.—Архим. Аванасій.—Старцы Леонтій и Игнатій.—Архим. Поликарпъ.—Пресов. Ириней.—Филаретъ и Фотій.—Витовскій.—П. С. Делицынъ.—Архим. Иннокентій.—П. Е. Ло-пухинъ.—Е. О. Мухинъ.—Н. М. Шатровъ.—Корсаковы.—М. В. Рихтеръ.—Тихменевы.—Стахо-вичи.—Лилѣевъ.—Архим. Анто-ній.—П. Д. Голенбовскій.—Митр. Юсифъ.—С. Д. Нецаевъ.—Гр. Н. А. Зубова.—Гр. П. А. Тол-стой.—Дѣвицы Павловы.—А. К. Грязевъ.—Имп. Марія Алексан-дровна.—М. М. Евреиновъ.—Юродивая Марѳа Яковлевна.—А. Ө. Лавровъ.—Митр. Арсеній.—Патріархъ Григорій.—Архим. Евлампій.—П. И. Голенищевъ-Кутузовъ.—М. Я. Мудровъ.—П. А. Курбатовъ.—Кн. Серг. Никит. Долгоруковъ.—Прох. Ив. Долбиловъ.—С. Н. Корсаковъ.
301. По поводу воспоминаній гр. М. В. Толстаго. Александра Стаховича и Н. 1881, II (4), 505—508. А. В. и М. В. Перваго.
302. Путешествіе стольника П. А. Тол-стаго. 1697—1699. Съ предисл. Дмитрія Андр. Толстаго, 1888, I (2), 161—204 (3), 321—368 (4), 505—552, II (5), 5—62 (6), 113—156 (7), 225—264 (8), 369—400.

- Замѣтка къ этой статьѣ Н. Акальева (о словѣ „Сапецъ“). II (6), 0256.
303. Дѣла давно минувшихъ дней. Толычова. 1871 (7—8), 1289—1296.
304. Историческіе рассказы, анекдоты и мелочи. Толычова. 1877, I (2), 262—570, II (5), 48—103, III (7), 361—368. Зап. Лермонтова. — Опочининъ. — Шатровъ. — Н. Ф. Павловъ. — Прас. Ал-др. Волкова. — Гр. Остерманъ-Толстой. — Кн. А. А. Шаховской. — А. С. Пушкинъ. — В. И. Кирѣевскій. — А. А. Плещеевъ.
305. Рассказы объ Ярославской старинѣ. Л. Трефолевъ, 1876, III (11), 313—344 (12), 500—516, 1877, II (5), 50—54, III (12), 399—403, II. 211—219, 1896, I (2), 206—219, II (9), 83—106, 1897, I (2), 179—212. Поэтъ Праволамскій. — Крыловъ и Пушкинъ по рассказамъ Ярославцевъ. — Архитекторъ Ал-дръ Каллистр. Савельевъ. — Ник. Мих. Коининъ.
306. О дневникѣ ки-ни Александры Ивановны Трубецкой. Д. В. Колومیцевъ. 1894, II (6), 299.
307. Воспоминанія Андрея Михайловича Фадѣева. Съ предисл. Н. Фадѣевой. 1891, I (2), 288—329 (3), 385—424 (4), 465—494, II (5), 14—60, III (9), 105—164 (10), 229—257 (11), 424—447 (12), 453—522. Свенсонъ. — Бандре-де-Плесси. — Гр. А. Р. Чернышова. — Кн. А. И. Долгорукая. — Кн. П. В. Долгорукій. — Е. Б. Кожина. — С. Х. Контеніусъ. — И. Н. Инзовъ. — А. С. Пушкинъ. — Акимъ Стев. Якимовъ. — Гр. де-Мезонъ.
308. По поводу воспоминаній А. М. Фадѣева. Аскалонъ Труворовъ. 1892, II (7), 390—391.
309. Изъ Записокъ Петра Ивановича Фаленберга. 1877, III (9), 92—105 (10), 199—217.
310. Рассказы митропол. Филарета, записанные А. В. Горскимъ. 1888, III (12), 583—596. Слипецъ-Ширяевъ. — Сперанскій. — Фесслеръ. — Теофилактъ Рязанскій. — Кн. А. Н. Голицынъ. — Иннокентій Пензенскій. Воспоминанія и отзывы м. Филарета, записанные его викаріемъ Леонидомъ. 1905, III (10). 1907 (1), 49.
311. Изъ путевыхъ замѣтокъ Д. Д. Филимонова. 1878, I (2), 251—252. Герцогъ Сергій Максимилиановичъ Лейхтенбергскій.
312. Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона. 1883, III (5), 73—200 (6), 241—356. 1884. I (1), 199—222 (2), 331—390. II (3), 99—130. Подбѣльскій. — Н. С. Квятковскій. — Ротный командиръ Непенинъ. — Кн. И. В. Гагаринъ. — Притвицъ. — Обладовичъ. — Дибичъ. — Сементковскій. — Бѣлугинъ. — Бар. Зедделеръ. — Сухозанетъ. — Гр. Толь. — Заасъ. — Майеръ. — А. А. Вельяминовъ. — Лаз. Марк. Серебряковъ. — Ал-дръ Сем. Троскинъ. — М. П. Лазаревъ. — Н. Н. Раевскій. — А. С. Пушкинъ. — Анна Мих. Раевская. — Князь Михаилъ Шервашидзе. — Князь А. И. Одоевскій. — Гасфорть. — Багриновскій. — Анрепъ. — Походъ Мураева. — Ротъ и Серебрякова. — Чернышовъ на Кавказѣ. — Иеромонахъ Макарій. — Альбрандтъ. — Витковскій. — А. И. Нейдгардъ. — Клименко. — Мих. Аргир. Цакни. — Н. С. Заводовскій. — Кн. В. С. Голицынъ. — Волобуевъ и Заборовъ. — Еписк. Иеремія. — Копьевъ. Пав. Ник. Броневскій. — М. М. Ольшевскій.
313. Къ Запискамъ Г. И. Филипсона. А. Л. Зиссермана. 1884, II (3), 219—222.
314. Памятныя замѣтки Вологжанина. Ѳ. Фортунатовъ. 1867 (12), 1646—1707.
315. Изъ Записокъ Юрьевского архим. Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ въ 1819 году. Съ при-

- мѣчаніями П. И. Мельникова. 1869, I (6), 929—944, 1873, II (8), 1434—1453.
315. Анти-Фотій. Павла Кукольника. 1874, I (3) 589—611.
316. Изъ воспоминавій баронессы М. П. Фредериксъ. 1900, II (5), 110—111.
317. Разказы о старинѣ. А. И. Ханенка. 1868 (7—8), 1069—1080. Н. П. Котлубицкій.—Аракчеевъ.—П. П. Пашенко.—С. М. Кочубей.—Гр. П. В. Завадовскій, Безбородко и Храповицкій.
318. Нѣсколько словъ по поводу воспоминаній г. Харитоновна о Кавказѣ. Г. Т. Туманова. 1894, II (5), 153—157.
319. Записки Василя Семеновича Хвостова. Сообщ. Е. А. Хвостовою. 1870 (3), 551—610.
320. Мои бредни. (Записки Александры Петровны Хвостовой). 1907, I (1), 5.
321. Записки К. Д. Хлѣбникова. 1907, I (3, 4, 5, 6 и 7).
322. Изъ Записокъ Анны Григорьевны Хомутовой. Сообщ. Екат. Ив. Розе. 1867 (7), 1053—1065.
323. Воспоминанія А. Г. Хомутовой. Съ предисл. Л. Н. Майкова. 1891, III (11), 309—328.
324. О Запискахъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. 1864 (10), 1099—1100.
325. Объ изданіи памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго, Д. В. Полѣнова. 1867 (5—6), 921—952.
326. По поводу статьи г-на Брикнера о Дневникѣ Храповицкаго. Замячанія Н. П. Барсукова. 1875, III (11), 389—393.
327. О Дневникѣ Храповицкаго. П. И. Бартенева. 1876, I (4), 489.
328. Еще о Дневникѣ Храповицкаго. Николай Барсуковъ. 1876, II (5), 104.
329. Дневникъ А. В. Храповицкаго, съ библиографіею и указателемъ Н. Барсукова. 1901, II—III (отдѣльное приложеніе). Письма Екатерины Великой къ А. В. Храповицкому.—Разказы Екатерины Великой о водареніи ея.—Роспись „Русскаго Архива“.
- Ея замѣчанія на книгу аббата Денины.
330. Воспоминанія крѣпостной старушки А. Г. Хрущовой, записанныя В. Н. Волоцкою. 1901, I (4), 529—544.
331. Калейдоскопъ воспоминаній. Ципринуса (О. А. Пржецлавскаго). 1872 (9) 1705—1769 (10), 1887—1954 (12), 2269—2334. Н. Н. Новосильцовъ.—Адамъ Мицкевичъ.—Пушкинь, Джустиніани и Сенковскій.
332. По поводу воспоминаній г. Ципринуса, замѣтки П. И. Бартенева 1873. I (6) 1052—1056.
333. Дневникъ Н. И. Цылова. 1906. III (10), 246—299.
334. Примѣчанія къ дневнику Цѣшковскаго. 1904. III (11), 326—339.
335. Дневникъ М. Г. Черняева. Сообщ. А. М. Черняевой. 1906. I (3), 459—486.
336. Изъ моихъ воспоминаній. По поводу дневника Н. И. Кривцова. Б. Н. Чечерина. 1890. I (4), 501—525. Братья Баратынскіе.—Н. Ф. Павловъ.—Кн. Г. С. Голицынъ.—Е. О. Кривцова.
337. Изъ воспоминаній объ Уніи въ Бѣлоруссіи Я. А. Чободько. 1903. III (12), 437—544.
338. Воспоминанія Николая Игнатьевича Шѣнига. 1880. III, 267—325. 1881. I (1), 238—244. Объ Аракчеевѣ.—Чивинсь и Зосимы.—Вогакъ.—Самозванецъ гр. Медингъ.—Замѣтка къ той статьѣ Петра Севастьянова. 1882. II (4), 508.
339. Семейство Апрѣлевыхъ. Изъ воспоминаній гр. С. Д. Шереметева. 1899. I (2), 253—264.
340. Полвѣка обыкновенной жизни. (Воспоминанія Ивана Алексѣевича Шестакова). Съ предисловіемъ О. В. Чижова. 1873. I (2), 164—200.
341. Полвѣка назадъ. В. Шиманъ. 1901. III (12), 554—568.
342. Воспоминанія Сергѣя Павловича Шипова. Сообщ. А. А. Шулеп-

- никовымъ. 1878. II (6), 144—202. Войновъ.—Лицденъ.
343. Записка о крамолахъ враговъ Россіи. Сочиненіе А. С. Шишкова. съ предисл. священ. М. Морощкина. 1868. (9), 1329—1391.
344. Изъ дневника Елены Андреевны Штакеншнейдеръ (1856). 1893. II (6), 281—283.
345. Двѣнадцать лѣтъ молодости. Воспоминанія Г. Д. Щербачева. 1890. I (1), 83—130. (2), 215—284. Шварцъ. — Овсянниковъ. — Левицъ. — Чарторижскій.
346. Изъ воспоминаній Григорія Дмитриевича Щербачева. 1891. I (1), 29—76 (2), 225—284. Баронъ Ник. Ив. Корфъ.—Штось.—Богдановъ.—Н. Серно-Соловьевичъ.—Лаврова.—М. П. Погодинъ.—Горстинъ.—П. А. Булгаковъ.—А. И. Шало.—Н. В. Исакъ.—Ал-сѣй Ив. Филатовъ.
347. Воспоминанія М. П. Щербинина. 1876. III (11), 285—313.
348. По поводу разсказовъ А. В. Эвальда. Баронессы М. П. Фредериксъ. 1896. III (10), 298—302.
349. Записки А. А. Эйлера. Сообщ.
- А. А. Эйслромъ. 1880. II, 333—399.
350. Изъ Нижегородской старины П. Юдина. 1897. III (5), 31—140. Дополненіе Г. А. Тройницкаго. II (6), 336.
351. Изъ памятныхъ замѣтокъ М. В. Юзефовича. 1874. II (9), 728—734. О. А. Туманскій.—Д. В. Давыдовъ.
352. Изъ Записной книжки П. М. Языкова. О гр. Е. Ф. Канкринѣ. (Сообщ. А. М. Языковымъ). 1867. (3), 392—395.
353. Изъ записокъ декабриста (И. Д. Якушкина). 1870. (8—9), 1566—1633.
354. По поводу записокъ И. Д. Якушкина и статьи о нихъ П. Н. Свистунова. 1871 (2), 0189—0192—380. въ „Русск. Архивъ“ 1870 г. подъ заглавіемъ „Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14 Декабря и о Декабристахъ.—Бар. А. В. Розенъ.—С. В. Максимовъ.—П. Н. Свистуновъ.—П. И. Пестель.—Лоскутовъ.—Созановичъ.—Г. С. Батенковъ.—Н. А. Бестужевъ.

Б. Иностранцевъ.

355. Изъ воспоминаній бар. Баранта. 1890, III (10), 212—226.
356. Записки гр. Бассевича. Переводъ И. О. Аммона. 1865 (1), 1—54 (2), 141—204 (5—6), 567—636.
357. Дневникъ камеръ-юнкера Ф. В. Берхгольца. Переводъ И. О. Аммона. Особое приложеніе къ 1902—1903 гг.
358. Записки Бернулли. 1902, I (1), 5—30.
359. Изъ воспоминаній леди Блумфильдъ. Съ предисл. О. Гогеля. 1899, II (6), 218—241.
360. Изъ Записокъ Польскаго епископа Буткевича. Сообщ. П. К. Щербальскимъ. 1876, II (7), 321—357 (8), 427—451. Епископъ
- Лентовскій. — Монсиньоръ Ферри.
361. Изъ Дневниковъ Варнгагена-фонъ-Энзе. Съ предисловіемъ А. А. Чумикова. 1875, II (7), 344—354.
362. Изъ Записокъ доктора Вейкарта (1784—1789). Съ предисловіемъ А. К. 1886, I (3), 229—261 Гр. А. П. Шуваловъ.—Циммерманъ.—А. Д. Ланской.—Серръ.
363. Случайные люди въ Россіи. Гельбига. Перев. М. Н. Лонгинова. 1865 (1), 54—64 (2), 205—212 (7), 821—846 (12), 1447—1468. Петръ Шафировъ.—Карлъ Скавронскій.—Олицъ.—Завадовскій. Ягужинскій. — Чоглоковъ. — Ив.

- Черкасовъ. — Дм. Шепелевъ. — Турчаниновъ.
364. Забѣтка о Гельбигѣ 1865 (2), 211—212.
365. Изъ Записокъ Петра Петровича фони-Гёце. 1902, III (9), 66—107 (11), 321—329.
366. Изъ записокъ гр. Гогендорпа. 1888, III (9), 108—119. Графъ А. Р. Воронцовъ.—Графъ А. И. Марковъ.—Стутергеймъ и Подцоди-ди-Борго.—Камергеръ Рязановъ.
367. Записки Эрнеста Вильгельма Дримпельмана. Съ предисл. А. О. Круглага. 1881, I (1), 32—51.
368. Воспоминанія К. К. Зейдлица. 1878, I (4), 412—435, II (5), 88—113.
369. По поводу Записокъ гр. Зенфта. Кн. П. А. Вяземскаго. 1876, I (3), 362—373 (4), 464—480.
370. Изъ Записокъ гр. Ланжерона. 1895, II (10), 147—160.
371. Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ (Ленца). 1878, I (4), 436—468, II (6), 254—269. Бартоломей. — Графиня Девьеръ.—Кн. В. О. Одоевскій.—Дегай.—К. Я. Булгаковъ.—Д. В. Дашковъ.—Гр. М. Ю. Вьельгорскій.—Дантесъ.—С. В. Салтыковъ.—Кн. А. Д. Салтыковъ.—Кн. И. А. Лобановъ-Ростовскій.—Кн. А. О. Голицынъ.—Львовъ.—Кн. А. А. Лобановъ.—Кн. Н. В. Репнинъ.—Гр. Эрнестъ Штакельбергъ.—Липгардъ.—Гр. Штакельбергъ.
372. Записки Томаса Леглера о походѣ въ Россію въ 1812 году. 1907, I (2), 218.
373. Письма о Россіи въ Испанію. Дюка де-Лирія. Перев. К. Кустодіева. XVIII-й в. II. 1—214, III, 27—129.
374. Лордъ Мальмсбюри о Россіи. 1874, I (6), 1465—1512, II (7), 143—186 (8), 349—440 (11), 737—900. Гр. И. И. Панинъ — Зоричъ и Корсаковъ. Братья Орловы.—Ланской.—Гр. А. С. Строгановъ.—Адмир. Грейсъ.—
- Иосифъ II-й.—Фридрихъ II-й.—Алопеусъ.—Мордвиновъ.—Гр. Остерманъ.—Гр. Герцъ.
375. Записки Мессельера. Съ предисл. М. Н. Лонгинова. 1875, I (4), 952—1031.
376. Изъ воспоминаній гр. Нёльи. М. О. Шугурова. XVIII-й в. III, 396—405.
377. Воспоминанія гр. Нессельроде. 1905, II (8), 491—534. Бар. Криденеръ.—Гр. М. О. Каменскій.—Бенингсенъ.—Гр. П. А. Толстой.
378. Изъ Записокъ Юліана Урсина Нѣмцевича. Перев. И. И. Ханенка. 1881, I (2), 383—385.
379. Изъ Записокъ Ипполита Оже. 1814—1817. 1877, I (1), 51—75 (2), 241—261 (4), 519—541, II (5), 55—68. Ф. Ф. Вигель.—Тухачевскіе.—Братья Хрущовы.—М. С. Лунинъ.—Е. С. Уварова.
380. Первый пріѣздъ Вильяма Пальмера въ Россію. 1840—1841. Извлч. изъ его дневника. 1894, III (9), 78—98. Гр. Протасовъ.—Кутисвичъ.—Маловъ.—Митр. Филаретъ.
381. Превратности судьбы Польскаго дворянина. Сообщ. А. А. Чумиковъ. 1898, I (4), 479—508.
382. Изъ воспоминаній гр. Рошешуара. 1890, I (4), 473—500. М. А. Нарышкинъ.—Морб.—Бернадотъ.
383. О путешествіи по Россіи Голландца Стрюйса. П. Юрченко. 1879, II (7), 265—269.
384. Путешествіе по Россіи Голландца Стрюйса. Съ предисл. Петра Юрченко. 1880, I, 5—128.
385. Изъ Записной книжки гр. П. П. Сухтелена 1876, I (3), 346—355.
386. Изъ воспоминаній Богдана Тьебб. 1901, I (3), 364—397. Дидрд.—Бюффонъ-сынъ и Ларивьеръ.—Гр. Камеке и Головкины.—Князь В. С. Долгорукій.
387. Нѣсколько словъ о Запискахъ гр. Фицтума. 1887, II (5), 110—116.
388. Изъ дневника графини Фоссъ. 1885, I (4), 465—488.
389. Изъ Записокъ Фридриха Вели-

- каго о Россіи. Перев. Маврикія Жуазеля. 1877, I (1), 5—21.
390. Записки Хршонщевскаго (1770—1820). Съ предисл. I. I. Ролле. 1874, I (4), 898—951.
391. Анекдоты прошлаго столѣтія. Изъ книги Шерера. Перев. И. В. Шпажинскаго. 1877, III (10), 166—179 (11), 280—292 (12), 374—388.
392. Изъ Записокъ гр. Эделингъ. 1887, I (2), 194—228 (3), 289—304 (4), 405—440, III (12), 521—532.
393. Дневникъ гр. П. П. Сухтслена. Сообщ. М. Розановъ. 1889, I (1), 240—260.
394. Записки Юста Юля. Перев. Ю. Н. Щербачева. 1892, I (3), 273—314, II (5), 35—74 (7), 319—333 (8), 495—518, II (7), 398, III (9), 5—48 (10), 113—150 (11), 241—262; 1893, III (11), 399.
395. Юсть Юль. Краткое его жизнеописаніе. Ю. Н. Щербачева. 1893, I (2), 147—148.

Исторія Россіи.

А. Время до-Петровское.

396. Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси. Преданія первоначальной Русской лѣтописи. Д. И. Иловайскаго. 1873, I (4), 654—666. Отвѣтъ Н. И. Костомарову.
397. Къ исторіи изданія Пушкинскаго (Лаврентьевскаго) списка лѣтописи преподобнаго Нестора. Н. П. Барсукова. 1896, I, (3), 449—455.
398. Подарокъ изъ Скандинавіи. М. П. Погодина. 1872, 2. 438—440. Замячаніе (на предыдущую статью). Д. И. Иловайскаго. 1872, (2), 440.
399. Замятка (по Варяжскому вопросу), Д. И. Иловайскаго. 1872, (12), 1499—2504.
400. О Славянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ. Д. И. Иловайскаго. 1874, II (7), 55—144.
401. Уроки исторіи. (Мнимые охранители). Д. И. Иловайскаго. 1874, I (2), 0549—0577: (3), 801—825.
402. Корректурная критика профессора Русской исторіи. Д. И. Иловайскаго. 1891, II, 104—117. Отвѣтъ профес. Платонову.
403. Два профессора Русской исторіи о происхожденіи Руош. Д. И. Иловайскаго 1896, III (10), 275—282. (Филевичъ. Брикнеръ).
404. Еще замятка о номенклатурной теоріи г. Филевича Д. И. Иловайскаго. 1897, I (2), 302—305.
405. Неизвѣстная рукопись А. И. Манкіева. П. И. Шукина. 1899, III (10), 319—320. («Ядро Россійской исторіи»).
406. Какія нынѣ печатаются статьи по Русской исторіи, Д. И. Иловайскаго. 1894, I, 105—112.
407. Мысли и замѣтки о Русской исторіи и объ нашей исторической наукѣ. Нашъ отвѣтъ Бестужеву-Рюмину. Н. М. Павлова. 1897, I (1), 145—177.
408. Кончилась ли всемірная исторія?*** 1900, III (10), 289—291.
409. О древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ. Сочиненіе Н. М. Карамзина. 1870, (12). 2225—2350.
410. Притчи святаго Кирилла-философа, учителя Славянскаго. С. А. Соболевскаго. 1864 (2). 172—177. † 14 Февр. 869 г.
411. Благотворительность въ древней Руси. Г. Воробьева 1892 I (4), 481—486.
412. Историческая замятка (о Милоликѣ, матери св. кн. Бориса и Глѣба) архим. Леонида. 1889, II (6), 320.
413. Сказаніе о святыхъ Романѣ и Давидѣ и о кончинѣ Русскаго епископа святаго Оомы. По Армянскимъ Чети-Минсямъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. О. Эмина. 1877, I (3), 273—288.
414. Раскрытіе историческаго обмана.

- Св. Станиславъ и Болеславъ Смѣльскій. А. И. 1899, I, (4), 679—684.
415. Бури въ Европейской Россіи. Историческая справка М. И. Успенскаго. 1904, III (9), 140—143. Лѣтопись бурь съ 1125 по 1904 г.
416. Галицкое наслѣдство. Д. И. Иловайскаго. 1879, III (9), 5—18.
417. Юрьевъ день. О подвижности народонаселенія въ древней Россіи. Сочиненіе князя В. А. Черкаскаго. 1882, I (1), 5—32.
418. Корчма. Историческій очеркъ. И. Прыжова. 1866 (7), 1053—1064.
419. Угорская Русь. Историческій очеркъ Григорія Деволлана 1878, I (2), 235—250.
420. Пятисотлѣтіе Куликовской битвы. Д. И. Иловайскаго. 1879. I (1). 142—144.
421. Древнее поученіе въ формѣ притчи. (Сообщено архим. Леонидомъ). 1877, III (11), 332.
422. Святой Сергій Радонежскій. 1892, III (9) 112. По поводу 500 лѣтія со дня его кончины.
423. Святой Сергій Радонежскій. Ю. П. Бартенева. 1892, III (10), 223—233.
424. По поводу замѣтки о Св. Сергій Радонежскомъ. Ю. П. Бартенева. 1892, III (11). 352.
425. Въ какомъ году скончался преподобный Сергій Радонежскій? Г. Воробьева. 1892. III (11), 350—351.
426. Обыденныя церкви на Руси. Къ пятисотлѣтію открытія святыхъ мощей Сергія Радонежскаго. 1894, III (11), 443—453.
427. Памятныя записи пятнадцатаго вѣка. Архим. Леонидъ. 1894, II (6), 161—164.
428. Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи до отмѣны Юрьева дня. Статья князя В. А. Черкаскаго. (Съ послѣсл. П. И. Бартенева). 1880, III, 03—149.
429. Дьякъ Федоръ Курицынъ. Ф. Ильинскій. 1895, I, (1), 5—16. Книгиня Елена Стефановна.—Матвѣй Карвинъ.—Поправка къ этой статьѣ Владимира Янушевскаго. II, (6), 256.
430. О мнимомъ еретичествѣ Московскаго митрополита Зосимы. Ф. М. И. 1900, II, 330—341.
431. Кто былъ въ мѣрѣ старецъ Іона Чеботовъ? А. А. Титовъ. 1906, III, (12), 600—602.
432. Историческое значеніе слова «кормленіе». Д. Д. Голохвастова. 1889, I, (4), 650—655.
433. По поводу замѣтки Д. Д. Голохвастова объ историческомъ значеніи слова „кормленіе“. Письмо къ издателю В. О. Ключевскаго. 1889, II, (5), 138—145.
434. Моимъ возражателямъ (Бѣлову о тиранствѣ Ивана Грознаго и Голохвастову о кормленіи). Д. И. Иловайскаго. 1889, II, (5), 129—137.
435. Боярское кормленіе. П. Д. Голохвастова. 1890, II, (6), 209—248.
436. Покореніе Казани. (Изъ 3-го тома „Исторія Россіи“). Д. И. Иловайскаго. 1888, III, (12), 473—496.
437. Изъ царствованія Ивана Васильевича Грознаго. Поволожье и Ливонія. Д. И. Иловайскаго. 1889, I, (1), 5—38.
438. Историко-критическія замѣтки. Д. И. Иловайскаго. 1889, I, (2), 362—370.
439. Душевная болѣзнь Іоанна Грознаго Д. М. Глаголева. 1902, II, (7), 500—515.
440. Подлинный портретъ Іоанна Грознаго. Д. М. Глаголева. 1902, I, (2), 337.
441. Кафтаны Іоанна Грознаго. Д. М. Глаголева. 1902, II, (8), 577.
442. О разбойникѣ Кудіарѣ. Ростислава Маркова. 1897, III, (12), 598—613.
443. О значеніи слова. Кудіаръ въ древнихъ Русскихъ сказаніяхъ. Н. Остроумовъ. 1898, II, (7), 460.
444. Наши первые карантинныя. Замѣтка доктора Л. Ф. Зміева. 1888, I, (2), 311—312.
445. Съ Волги на Терекъ. (Къ исторіи

- заселенія Поволожья и Кавказа). П. Юдина. 1901, II, (8), 531—544.
446. Наши сношенія съ Китаемъ (съ 1567 по 1805). П. В. Шумахера. 1879, II, (6), 245—183.
447. Духовное завѣщаніе Григорія Ивановича Колычева, въ 1570 г. Сообщено барономъ М. .І. Бодс. 1869, (12), 2104—2105.
448. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году. С. А. Соболевскаго. 1868, (12), 2047—2050.
449. Папская попытка войти въ сношенія съ Москвою. 1579. (Съ предисловіемъ С. С. Слуцкаго). 1896, III, (12), 513—525. Стефанъ Баторій.—НунційКалигари.
450. Двѣ грамоты Ивана Грознаго въ Суздальскій Покровскій монастырь 1580 и 1582 г.г. Сообщилъ архим. Леонидъ. 1888, II, (5), 63.
451. Первая Русскія поселенія на Сибирскомъ Востокѣ. П. В. Шумахера. 1897, II, (5), 5—36.
452. О кончинѣ царевича Дмитрія. Николая Арцыбашева. 1886, III, (11), 274—284.
453. Убіеніе царевича Дмитрія. Д. М. Глаголева. 1902, II, (4), 483—497.
454. Бояринъ и воевода князь Михаилъ Васильевич Скопинъ-Шуйскій. Г. Воробьева. 1889, II, (8), 465—517.
455. Князь Константинъ-Василій Острожскій. О. М. Уманца. 1904, I, (4), 625—634.
456. Смоленская крѣпостная стѣна. Василя Грачева. 1900, III, (12), 577—595.
457. Духовное завѣщаніе Ѳ. И. Хворостинина (1603). Съ предисл. гр. С. Д. Шереметева. 1896, I, (4), 571—575.
458. О приготовленіи перваго Лжедмитрія къ войнѣ съ Польшею 1886, III, (9), 123—124.
459. Святѣйшій патріаръ Ермогенъ. Д. М. Глаголева. 1902, III, (10), 245—301.
460. Родъ великаго господина святѣйшаго Ермогена. Д. М. Глаголева. 1902, II, (8), 578.
461. Замятка о ссылкѣ великаго князя Симеона Бекбулатовича (1606). Гр. С. Д. Шереметева. 1893, I, (2), 202—210.
462. Краткая замятка на мнѣніе С. Ѳ. Платонова о происхожденіи патріарха Ермогена. Д. М. Глаголева. 1901, III, (9), 125.
463. Смутное время. Дѣятельность Русскаго духовенства (1605—1613). Г. Воробьевъ. 1892, I, 1, 5—49.
464. Замятка къ „Исторіи Смутнаго времени“, Д. И. Иловайскаго. 1894, II, (6), 302—303.
465. Памятникъ „Смутнаго Времени“. Ив. Якунина. 1877, III, (11), 278—279. Часовня въ Кинешемскомъ бору.
466. Списокъ воеводъ Яренскаго на Выми городка (нынѣ г. Яренска) (1609—1779). А. А. Титова. 1906, III, (12), 610—612.
467. Клушинская битва. 1610 годъ. Д. И. Иловайскаго. 1894, I, (2), 182—189.
468. По вопросу о личности перваго Самозванца и Гришки Отрепьева. Статья Н. И. Костомарова. 1886, II, (8), 567—572. Отвѣтъ Н. М. Павлова Н. И. Костомарову. 1886, II, (8), 573—582.
469. Еще о первомъ Самозванцѣ. Статья Н. И. Костомарова. 1886, II, (8), 582—590.
470. Отвѣтъ г-ну Костомарову на статью его „Еще о первомъ Самозванцѣ“. Съ послѣсл. Н. М. Павлова. 1886, II, (8), 590—604.
471. Правда о Лжедмитріи. Н. М. Павлова. 1886, II, (8), 525—566.
472. Исторія Дмитрія царя Московскаго и Марины Мишиекъ. (Дневникъ Мартына Стадницкаго), съ предисл. А. А. Титова. 1906, II, (5), 129—174. (6), 177—222.
473. Польское показаніе о Дмитріи Самозванцѣ. Сообщ. архим. Леонидъ. 1886, III, (11), 285—286.

474. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное время. И. Е. Забѣлина. 1872, (2), 353—424. (3—4), 581—621. (5), 881—926.
475. Поясненія въ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій“ (отвѣтъ на статью Костомарова „Кто виноватъ въ Смутномъ времени“). И. Е. Забѣлина. 1872, (12), 2436—2499.
476. Преданія о „панахъ“ въ Новгородской, Вологодской и Ярославской губерніяхъ. А. В. Балова. 1897, II, (6), 329—335.
477. Авраамій Палицынъ какъ писатель. С. И. Кедрова. 1886, II, (8), 441—524.
478. Казаки по отношенію къ государству и обществу. П. А. Кулиша. 1877, I, (3), 352—368. II, (F), 113—135.
479. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича А. Г. Пасевьеву (1632). 1904, II, (3), 492—494.
480. Два памятника древне-Русскаго монастырскаго быта. 1873, II, (9), 1770—1782. I. Списокъ съ грамоты архіепископа Нектарія Сибирскаго и Тобольскаго.— II. Списокъ съ челобитной Колызина монастыря.
481. Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи, какъ Донскіе казаки сидѣли въ осаждѣ отъ Турокъ во градѣ Азовѣ, (1642). Сообщ. А. А. Карасевымъ. 1898, II (8), 481—498.
482. Герои Албазина и Даурской земли. Ю. П. Бартенева. 1899, I, (2), 304—336.
483. Замятка къ исторіи города Тамбова. М. Ф. Де-Пуле. 1877 I, (1), 143—144.
484. Царица Марія Владимировна. А. А. Милорадовичъ. 1897, III, (9), 5—32. (Поправка. (12), 660).
485. Царица Евдокія Лукьяновна Стрѣшневыхъ. А. А. Милорадовичъ. 1897. III, (12), 473—500. 1901. I, (2), 177—218. (Поправка (1901. III, (9), 125).
486. Правда о Сусанинѣ. Алексѣя Домнинскаго, съ предисл. В. Дорогобужинова. 1871, (2), 10—034.
487. О замѣткѣ г-на Акатьева на слово „Сапецъ“. Аскалона Труворова. 1888. II, (9), 506.
488. Русскія пытки. Историческій очеркъ. (А. Э. Циммерманъ). 1867. (7), 1139—1167. Часть большаго изслѣдованія о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, написаннаго по поводу книги Устрялова.
489. Любовное посланіе XVII вѣка. Л. Н. Майкова. 1881, III, (6), 385—389.
490. Еще отвѣдъ Костомарову (о Сусанинѣ). Владимира Дорогобужинова. 1871, (10), 1729—1734.
491. Филаретъ Никитичъ Романовъ. Съ большимъ гравированнымъ его портретомъ. 1882, II, (4), 313—315.
492. Замячательный портретъ патріарха Филарета. (Л. П. Яковлева). 1863, (4), 348—349.
493. Ерофей Павловъ Хабаровъ. Добытчикъ и прибыльщикъ XVII-го вѣка. Н. П. Чулкова. 1898. I, (2), 177—190.
494. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Павла Хмѣлевскаго (съ замѣткой К. Н. Бестужева-Рюмина). 1863, (10—11, 721—761.
495. О ироговой или единороговой кости и ея цѣлебныхъ свойствахъ. Съ предисловіемъ архим. Леонида. 1884, III, (5), 230—233. Переводъ съ Нѣмецкаго письма, сказки дохтура Вендеминуса Зибелиста о ироговой кости, переведенъ 148 году Ноября въ 2-й день (1639). — Сказка дохтура Романа Пана о ироговой кости, переведена 148 году. Ноября въ 7 день (1639). — Сказка дохтуръ Армонъ Грамонъ про единорогихъ звѣрей.
496. Замячательная грамота царя Алексѣя Михайловича (вдовѣ Голландскаго купца Фанрингена) (1652). Сообщ. Н. В. Шеметова. 1895, III, (12), 503—504.
497. Грамота царя Алексѣя Михайловича Кіевскому воеводѣ боярину

- Василію Борисовичу Шереметеву. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1904, I, (3), 521—522.
498. Жалованная грамота стольнику Ивану Акиноевичу Бутурлину. Сообщ. Ф. Кудринскій. 1897, II, (8), 522—523.
499. Замятка объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно Нѣмцевъ. А. А. Гатцука. 1871. (1), 0249—0250.
500. Стрѣлецкая служба въ XVII вѣкѣ. Писцовый наказъ 7185 (1675) года. (Макарію Балавенскому). 1895. I, 17—22.
501. Первая война Русскихъ съ Турками въ 1677—1678 годахъ. Сообщилъ архим. Леонидъ. 1878, II, (7), 273—275.
502. Лицкое войско до появленія Пугачева. В. Н. Витевского. 1879, I, (3), 273—304. (4). 401—443. II, (8), 377—428. III, (10), 203—241. (11). 0377—0402. (12). 435—458.
503. Московскій приказъ XVII вѣка на Московской выставкѣ историческихкихъ картинъ XIX вѣка. Н. Ардашева 1895, II, (7), 308—322.
504. Келарь Діонисій Омачкинъ. А. А. Титова. 1904, II, (8), 603—614.
505. Помощь раненымъ воинамъ въ XVII вѣкѣ. Михаила Лахтина. 1904, III, 262—269.
506. Вознагражденіе врачамъ въ Московской Руси. М. Лахтина, 1904, III, (12), 609—614.
507. Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокина Малороссійскимъ Приказомъ. П. А. Матвѣевъ. 1901, I, (1), 219—243.
508. Украйна въ изображеніяхъ Французовъ. В. Горленка. 1893, II, (6), 247—256. Бопланъ.—Мериме.—Вогюэ.—Полю Деруледъ.—Путешествіе де-Лагарда.—Гриценко.
509. Духовенство и воинская повинность. Н. И. Кедрова. 1888, II, (5), 0129—0132. (6), 0249—0254.
510. Челобитная протопопа Аввакума царю Алексѣю Михайловичу 1864, (1), 26—33.
511. Посланія протопопа Аввакума къ боярыню Феодорѣ Морозовой княгинѣ Евдокіи Урусовой и Маріи Даниловой. Сообщ. П. И. Мельниковымъ. 1864, (7—8) 707—717.
512. Автобіографія В. А. Даурова. Съ предисл. Д. Л. 1889, II, (5), 5—20.
513. Письмо Григорія Дорошенка къ Петру Васильевичу Шереметеву. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ, съ примѣч. А. П. Барсукова. 1902. III, (9), 139—140.
514. Челобитная Черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича царю Алексѣю Михайловичу о напечатаніи сочиненія его „Трубы“. Сообщено Л. Н. Майковымъ, съ примѣчаніемъ А. Е. Викторовъ). 1875, III, (11), 308—309.
515. Паисій Лигаридъ (1662—1666). Г. Воробьева. 1893, I, (1), 5—32. Прїѣздъ Паисія въ Москву.—Паисій противъ Никона.
516. Замятка о Паисіи Лигаридѣ. Е. И. Козубскаго. 1900, II, (5), 93—94.
517. Разсказъ Петра Великаго о патріархѣ Никонѣ. I. Письмо протоіерея Алексѣева императору Павлу Петровичу.—II. Анекдотъ о свитѣйшемъ Никонѣ, изустнымъ преданіемъ чрезъ Ив. Ив. Козлова, дошедшій Московскаго Архангельскаго собора до протоіерея Петра Алексѣева). 1863. (8—9), 397—707.
518. Черта къ жизнеописанію патріарха Никона. Соловей въ Иверскомъ монастырѣ. Сообщ. архим. Леонидъ. 1878, II (8), 473—775.
519. Отзывъ патріарха Никона объ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича. В. М. Ундольскаго. 1886, II, (8), 605—620.
520. Челобитныя патріарху Никону съ его собственноручными рѣшеніями (1657—1663). Сообщ. М. Г. Поповымъ. 1894, I, (3), 350—368. III, (11), 289—298.

РУСЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Назначеніе князя В. И. Куракина посломъ въ Голландію.

Въ 1711 г. 12 Іюня князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ получилъ въ Лондонѣ отъ канцлера Головкина письмо, въ которомъ ему приказывалось немедленно ѣхать въ Россію; Петръ намѣренъ былъ отправить Куракина посломъ въ Парижъ. Отъѣвъ князя изъ Англіи относился къ тому времени, когда Французскій посоль, Балюзъ находился въ Яворовѣ, откуда отправлялся царь къ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ въ Молдавіи. Балюзъ велъ переговоры о союзѣ Франціи съ Россіей; для окончательнаго заключенія договора Петръ хотѣлъ отправить Куракина къ Людовику XIV. 22 Іюня 1711 г. князь отъѣхалъ изъ Лондона въ Голландію *). Здѣсь Куракинъ пробылъ пять дней, видѣлся съ Матвѣевымъ и занимался устройствомъ воспитанія своего сына Александра, пріѣхавшаго тогда изъ Россіи. Послѣ того, почтою, чрезъ Ганноверъ, Вольфенбютель, Лейпцигъ, Дрезденъ, Бреславль, Краковъ и Леополь, Куракинъ отъѣхалъ къ арміи царя; день 20 Іюля, своего рожденія, князь провелъ въ дорогѣ. Въ Краковѣ онъ впервые получилъ слухъ «о баталіи съ Турками въ упадокъ нашей сторонѣ» и о заключеніи съ ними мира на Прутѣ, чтѣ происходило въ срединныхъ числахъ Іюля. Изъ Кракова кн. Куракинъ, вмѣстѣ съ своимъ добрымъ пріятелемъ, католическимъ миссіонеромъ Стеф. Фрумбетти, взявъ Московскихъ казаковъ, которые поставлены были на почтахъ, «въ великомъ страхѣ и съ трудомъ», поѣхалъ на Сендоміръ, а отсюда въ Львовъ. Долго пришлось князю кружить по Польшѣ, прежде чѣмъ онъ встрѣтилъ Петра. Во Львовѣ онъ получилъ подтвержденіе Краковскихъ слуховъ о сраженіи и мирѣ съ Турками, равно узналъ и о томъ, что армія отступаетъ къ Кіеву. Получивъ это извѣстіе, князь, Московскою почтою по Кіевской дорогѣ, изъ Львова отправился въ Полонное, а отсюда, поворота направо, къ Днѣпру, въ мѣстечко Могилевъ, близъ Сорокъ. Однако расчеты князя оказались

*) „Русскій Архивъ“ 1906 г. кн. IV, стр. 588—590.
II, 19

„Русскій Архивъ“. 1907.

неправильными. На дорогѣ, въ Межибожѣ, мѣстечкѣ гетмана Синявскаго, онъ встрѣтилъ Ингерманландскаго полка одного капитана, который сказалъ ему, что царь пошелъ на Каменецъ, во Львовъ, откуда намѣренъ отправиться въ Саксонію. Тогда князь тою же дорогою, какою ѣхалъ до Межибожа, снова поворотилъ на Львовъ; но пріѣхавъ сюда, онъ узналъ, что двора здѣсь не было и не будетъ, что царь поѣхалъ на Жолъву до Ярославля, вслѣдствіе чего, «желая упредить государя», князь отправился въ Ярославль. Во Львовѣ онъ разстался съ Фрумбетти. Пріѣхавъ въ Ярославль, князь Куракинъ встрѣтилъ здѣсь передовыхъ офицеровъ морской службы, Синявина и Муханова, которые готовили для царя и его свиты рѣчныя суда, такъ какъ Петръ, Вислою, хотѣлъ проѣхать до Торна. Приблизительно, это было числа 9 Августа. Въ ожиданіи царя князь прожилъ въ Ярославлѣ пять дней; а потомъ, въ навечерье Успеньева дня, онъ поѣхалъ навстрѣчу царскому величеству, найдя его въ мѣстечкѣ Бѣломъ, въ трехъ миляхъ отъ Ярославля.

Родовитому князю, свойственнику царя, не чуждому старинныхъ преданій, привыкшему за границей къ оглядливости и вѣжливому обращенію, при томъ ожидавшему признанія своихъ заслугъ, многое показалось страннымъ при новомъ дворѣ Петра Великаго. Вечеромъ, 14 Августа, князю не пришлось быть при дворѣ; ночевалъ онъ у капитана поручика, Ив. Вас. Панина, въ походной квартирѣ котораго, вѣроятно, остановились на ночлегъ и другія лица свиты государя и сопровождавшихъ его министровъ. Наблюденіе надъ ними и обращеніе ихъ съ княземъ вызвало въ душѣ послѣдняго горькія чувства обиды и протеста противъ новыхъ людей. Какой-то дворецкій Датскаго посланника, кн. В. А. Долгорукаго, полуполковника отъ гвардіи, имени котораго кн. Куракинъ не могъ припомнить, затеръ его въ самый уголь, такъ что князь принужденъ былъ уныло прижаться къ самой печкѣ. Раннимъ утромъ, въ Успеневъ день, Куракинъ отправился къ кн. Долгорукому, пользовавшемуся особенными милостями царя, вѣроятно съ жалобою на дерзости дворецкаго, но не засталъ его дома. Отсюда князь пошелъ на площадь, гдѣ и встрѣтилъ кн. Долгорукаго, а съ нимъ Брюса, Зотова и др. Всѣ они отнеслись къ князю холодно. Послѣ того, кн. Б. Ивановичъ отправился къ гр. Головкипу, который встрѣтилъ его хитро и съ величайшею завистью (*la ricevuta di furbaria con grandissimo invidia*). Визитъ былъ церемонный. Чѣмъ объяснить такую холодность приѣма и нерасположеніе канцлера, сказать трудно. Возможно, что гр. Головкинъ былъ недоволенъ посольствомъ кн. Куракина въ Лондонъ и въ особенности тѣмъ, что онъ запоздалъ пріѣздомъ въ Россію, несмотря

на приказъ немедленнаго прибытія ¹⁾). Представившись гр. Головкину, кн. Куракинъ, вмѣстѣ съ нимъ, пошелъ къ обѣднѣ, на которой долженъ былъ присутствовать и царь. Дорогою, предварительно, канцлеръ и князь зашли въ домъ, гдѣ помѣщался Петръ съ супругою; кн. Куракинъ остался на дворѣ, а остальные лица свиты государя вошли въ домъ. Когда Петръ пошелъ къ обѣднѣ, то замѣтилъ князя и принялъ его, какъ обыкновенно всѣхъ принималъ. Когда шли изъ церкви, князь Куракинъ представился новой царицѣ и цѣловалъ у нея руку. Объ Екатеринѣ онъ замѣтилъ, что она націи Лифляндской, дочь одного капитана, «жена ума изряднаго и всѣхъ квалитъ». Затѣмъ, князь приглашенъ былъ въ покои государя, съ которымъ долго бесѣдовалъ о дѣлахъ Испанской монархіи; разговоръ продолжался и во время царскаго обѣда. Откланившись Петру, князь повидался затѣмъ съ принцемъ Рагощи, его родственникомъ, графомъ Берчени и супругою королева гетмана, г-жею Синявскою. Всѣ эти лица, изъ которыхъ съ нѣкоторыми кн. Куракинъ знакомъ былъ и раньше, нашли его сильно измѣнившимся; они отнеслись къ нему со всякимъ почтеніемъ и уваженіемъ.

Вечеромъ, въ Успеневъ день, Петръ со свитою отправился изъ Бѣлаго въ Ярославль, гдѣ и жилъ пять дней: время, показавшееся кн. Куракину за годъ. «Охъ, охъ, моего несчастія, уничтоженія», восклицаетъ онъ въ своихъ запискахъ ²⁾). Г. Головкинъ не хотѣлъ его ни видѣть, ни говорить; доношенія объ Англійскихъ дѣлахъ не слушалъ, во всемъ ему противорѣчилъ; даже грамоту отъ королевы не хотѣлъ вручить царскому величеству. Кн. Куракинъ вызванъ былъ за тѣмъ, чтобы отправиться во Францію, между тѣмъ объ этомъ съ нимъ и не заговаривали. Проживая безъ дѣла и обижаясь на нерасположеніе къ себѣ власть имущихъ, не видя себѣ никакого опредѣленія, кн. Куракинъ, на четвертый день пребыванія въ Ярославлѣ, отправился къ гр. Головкину и сталъ иронически просить его—выхлопотать у царя опредѣленіе объ отправленіи въ Семеновскій полкъ. При этомъ князь жаловался канцлеру на болѣе, чѣмъ равнодушное отношеніе къ своимъ заслугамъ, на то, что доселѣ онъ ничѣмъ не взысканъ, что вслѣдствіе этого онъ «не хочетъ оставить себя съ робятами», т. е. съ обыкновенными дворянами, служившими царю. Канцлеръ отвѣчалъ: «Чего тебѣ еще надо? Царское

¹⁾ Письмо Головкина въ Лондонъ писано было 25 Мая въ Ярославль. Бумага оно получено было 12 Іюня; 22-го онъ выѣхалъ въ Россію и 9-го Августа былъ въ Ярославль. Такимъ образомъ, все путешествіе князя продолжалось около двухъ мѣсяцевъ—срокъ достаточно длинный, если считать время по расчету доставки корреспонденціи изъ Россіи въ Лондонъ. См. „Русск. Арх.“ 1906 г. I, 588.

²⁾ „Архивъ Кн. Ф. А. Куракина“ т. III, 301—314.

величество и такъ тебя удовольствовалъ во всемъ; онъ далъ тебѣ чинъ полуполковника отъ гвардіи, что равняется генераль-майорскому рангу; вездѣ тебя посылаетъ въ характерѣ полномочнаго посла, жалованья опредѣлилъ по 6000 ефимковъ, какъ и другимъ министрамъ». Не могъ согласиться съ такими рѣчами канцлера гордый своимъ происхожденіемъ князь: «Своимъ дишкурсомъ, замѣчаетъ онъ, Головкинъ пробилъ мое сердце и привелъ меня въ такое уничтожеванье, что будто я не достоинъ по своей породѣ всѣхъ тѣхъ чиновъ, о которыхъ онъ упоминалъ, причитая ихъ мнѣ за диковинку или находку». Не говоря ни слова въ отвѣтъ канцлеру, кн. Куракинъ ушелъ отъ него «съ великою скрухою на сердцѣ». Такъ, за все время пребыванія въ Ярославлѣ гр. Головкинъ ничего для кн. Куракина не сдѣлалъ «и водилъ его безъ всякаго плода». Изъ Ярославля, вмѣстѣ съ Государемъ и въ его свитѣ, князь отправился чрезъ Варшаву въ Торнъ, на особомъ стругѣ, на которомъ ѣхали Семеновскій капитанъ Сухотинъ и другіе офицеры. Въ эту поѣздку князь никакой себѣ отмѣны, сравнительно съ другими, не видѣлъ; только однажды Петръ зашелъ къ нему «для пѣвчихъ». Свиданіе, повидимому, было дружественное; царь и подданный «нѣсколько Венгерскаго вина попили» ¹⁾. Тѣмъ не менѣе кн. Куракинъ былъ очень печаленъ и ничего не узнавъ о своей участи. Предполагая, что будетъ назначенъ во Францію, князь началъ сближаться съ Рагоцци и графомъ Берчени, «понеже оные были начинателями въ установленіи доброй корреспонденціи между нашимъ дворомъ и Французскимъ». Рагоцци и раньше былъ знакомъ съ кн. Куракинымъ; а его пребываніе въ Англіи и знаніе Европейскихъ дѣлъ побуждали принца къ особенному сближенію. Рагоцци находился въ свитѣ Петра, слѣдовалъ за нимъ непосредственно въ особой лодкѣ, назначенной для того, чтобы охранять особу царя, противъ которой «Вѣнскій дворъ имѣлъ намѣренія, неблагопріятныя для его спокойствія» ²⁾. Повидимому, Петръ относился къ принцу очень благосклонно; онъ лично рассказалъ ему о затруднительномъ положеніи на Прутѣ, общалъ рассмотреть его дѣло, заявивъ однако, что ничего не можетъ предпринять въ его пользу безъ согласія своихъ союзниковъ ³⁾. Съ своей стороны и Рагоцци такъ горячо искалъ поддержки со

¹⁾ Во время слѣдованія царя чрезъ Польшу его свита пользовалась широкимъ гостеприимствомъ Поляковъ. Балюсъ рассказываетъ, что „однажды, вблизи Яновца или Кавиіра, оберъ-камергеръ королевства Польскаго давалъ царю обѣдъ въ его лодкѣ, и при этомъ было выпито столько вина, что этотъ сановникъ на слѣдующее утро не могъ вернуться домой съ острова, къ которому царскія лодки причалили для ночлега и на который его люди привезли ему карету“. Сборникъ, т. 34; 82.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же. стр. 76.

стороны Петра, что отдалъ ему на службу свои, хотя и немногочисленные, остававшіяся у него, войска (4000 человекъ *). Дорогою кн. Куракинъ велъ бесѣды съ Рагоцци, но какъ частный человекъ. Бесѣды эти выясняютъ взгляды князя на современное положеніе дѣлъ въ Европѣ и внѣшнюю политику Россіи.

«Дишкурсъ» началъ Рагоцци. Онъ спросилъ князя: «его царское величество, премилостивѣйшій Государь, принявъ насъ подъ свою протекцію, обѣщаль намъ во всѣхъ причинахъ вспомошествовать разными образы. Но желаю вѣдать, въ какомъ состояніи аліаты, а особенно Испанія? На что потомъ вамъ общаю обстоятельно сообщить о своихъ дѣлахъ». Кн. Куракинъ отвѣчалъ подробнымъ объясненіемъ политическаго состоянія Европы, при чемъ обнаружилъ свои взгляды на это состояніе и выгоды Россіи. Онъ говорилъ: «Хотя Англія и Голландія всѣми силами продолжали войну, истощая себя, однако не могли сломить Францію, которая имѣетъ еще достаточно силъ для обороны. Умножая свои войска въ Брабантѣ и заставивъ герцога Савойскаго принять участіе въ кампаніи, аліаты сдѣлали ошибку, оставивъ Испанію; ей не можетъ помочь Португалія, потому, что нація здѣсь болѣе склонна къ Франціи, чѣмъ Австріи; да, кромѣ этого, великія жары въ странѣ, недостатокъ провіанта и кавалеріи, состоящей изъ ишаковъ, на которыхъ биться трудно, не дозволяютъ Португаліи успѣшно бороться съ Франціей. Видя и понимая все это, Англія не замедлитъ заключить миръ съ Франціей, хотя бы и партикулярный, въ ущербъ генеральнаго, на условіяхъ уступки Испаніи съ Индіей Филиппу (Анжуйскому), а Италіи—Карлу, выдѣливъ изъ нея часть герцогу Савойскому. Что до Голландіи, то ея интересъ заключается въ продолженіи войны. Для Голландіи, какъ сосѣди Франціи, ослабленіе сей послѣдней крайне выгодно; продолжая войну, Голландія наживается и пользуется прекращеніемъ торговли Англіи съ Франціей; а далѣе, такъ какъ войска всѣхъ аліатовъ находятся въ Голландіи (Брабантѣ и Фландріи), то, получая на ихъ содержаніе, обмундировку и пр. большія суммы изъ Англіи, Голландія тѣмъ богатѣетъ. Однако, за неизмѣнимъ устойчиваго земельного фонда и въ виду коммерческаго непостоянства, Голландія, сильнѣе истощенная, войною, чѣмъ Англія, край плодоносный, въ которомъ нація всегда сама себя можетъ пропитать, поспѣшитъ согласиться съ союзницей и окончить войну». Кн. Куракинъ повѣдалъ Рагоцци и такое «субтельное» разсужденіе аліатовъ. Если бы умеръ Людовикъ XIV, то Испанія была бы отдана Филиппу Анжуйскому съ условіемъ, за прекращеніемъ Бурбонской линіи въ его дѣтяхъ, наслѣдства Австрійскаго. Если бы это на-

*) Сборникъ т. 50, стр. 442—443; ср. т. 34, стр. 468—469.

сдѣдство пресѣклось, Испанія перешла бы къ общей линіи дома Бурбоновъ. Такое сублительное разсужденіе явилось у аліатовъ послѣ смерти Іосифа, когда его братъ Карлъ признанъ былъ морскими потенціями императоромъ и когда открылась опасность совмѣщенія въ его рукахъ Австрійскихъ владѣній съ Испанскими, чѣмъ нарушалась баланція (политическое равновѣсіе) Европы. Съ другой стороны, аліатовъ побуждало къ уступкѣ Испаніи Филиппу и то соображеніе, что дофинъ былъ характера Италіанскаго, злой, не склонный къ войнѣ, плохой наблюдатель своихъ интересовъ, за исключеніемъ экономическихъ; онъ любилъ покой, и въ случаѣ вступленія на престолъ прекратилъ бы войну, о чемъ уже и заявлялъ въ разговорахъ, чтобы заботится о богатствѣ своихъ подданныхъ. Брата своего, будущаго короля Испаніи, герцога Анжуйскаго, онъ не любилъ. Послѣдній, занявъ престолъ, по нерасположенію къ дофину, вступить «дефенсиво» въ аліансъ съ морскими потенціями противъ Франціи, какъ то дѣлали и прежніе короли Испаніи.

По вопросу объ отношеніи Запада къ войнѣ «Норда» кн. Курякинъ заявилъ Рагоцци, что царь, еще въ ту пору, когда Шведъ находился въ добромъ состояніи, потерявъ только Ингрію и Нарву, обѣщалъ вступить въ великій аліансъ противъ Франціи, съ обязательствомъ дать 10 т. доброй инфантеріи на условіи, чтобы одна половина ея содержалась царемъ, а другая аліатами. Предложеніе было отвергнуто. Въ вытѣшнемъ (1711 г.), царь сдѣлалъ другое предложеніе, чтобы морскія потенціи примирили Россію съ Турціей и Швеціей, обѣщая аліатамъ, по заключеніи мира, 30000 войска. Ни я въ Англіи (говорилъ кн. Курякинъ), ни Матвѣевъ въ Голландіи не получили отвѣта и на это предложеніе. Почему же аліаты не принимали Россію въ свой союзъ? Въ первый разъ потому, что опасались Шведа и его силы; а если бы обязались съ царемъ, то поневолѣ стали бы дѣйствовать противъ Шведціи, или должны были хотя бы гарантировать завоеванія Петра на Балтійскомъ морѣ, что было противъ интересовъ морскихъ державъ. Не правились, даже, аліатамъ и широкія кондиціи царя о мирѣ съ Турками и Шведами. Наконецъ, безспорно, морскія потенціи, Цесарь и Венеціане, совмѣстно съ Франціей, трудились надъ тѣмъ, чтобы возбудить войну Россіи съ Турціей и для того, чтобы: 1) возстановить упавшаго Шведа, какъ «они обыкновенно въ баланціи всѣхъ держать» и 2) не оставить свободно такую великую потенцію, какою была Россія, съ своимъ 100000 войскомъ: неизвѣстно, куда бы эта машина наклонилась. А Франція при этомъ разсчитывала на новое вторженіе Карла въ Саксонію, что могло зажечь огонь въ Имперіи. По всему этому, на вторичное предложеніе Россіи, вмѣсто отвѣта, дѣйствовало *relentio*.

Къ союзникамъ Петра, Датскому и Польскому королямъ, аліаты Запада тоже обнаружили двусмысленное отношеніе. Это сказалося въ вопросѣ о корпусѣ Красова въ Помераніи и въ дѣлѣ о нейтралитетѣ. Красовъ, несмотря на актъ нейтральства, формировавъ своимъ войска въ Помераніи, ожидая добраго способа для вступленія въ Польшу и Саксонію. Аліаты, хотя и обѣщали соблюдать нейтралитетъ, все дѣлали, однако, на пользу Шведскому королю, заявляя ему, что его Нѣмецкія провинціи будутъ сохранены. Когда же увидали союзники Запада, что царь находится во многой тягости со стороны Турціи, тогда совсѣмъ не послали своихъ войскъ въ нейтральный корпусъ. Мало этого, кн. Куракинъ думалъ, что аліаты и Туркамъ обѣщали свободныя руки въ Польшѣ, а цезарь—что онъ не вступитъ противъ нихъ въ аліансъ. Когда же началась Турецкая война, то морскія потенціи стали хлопотать о томъ, чтобы оторвать Данію и Польшу отъ союза съ Россією. Въ Даніи объ этомъ явно заявлялъ Англійскій посланникъ Пультеней, а въ Польшѣ дѣйствовали скрытно. Кн. Куракинъ протестовалъ, какъ бы Августъ, прежде Датскаго, «и самоохотно насъ не оставилъ»¹⁾.

Относительно самого Рагоцци и Венгерскихъ конфедератовъ кн. Куракинъ сказалъ, что когда началась Турецкая война и принцъ пріѣхалъ къ Петру, то сей послѣдній объявилъ союзникамъ Запада, что принялъ Рагоцци «не яко бы подъ свою протекцію, но какъ добрый другъ и корреспондентъ Австрійскаго дома», что, согласясь съ морскими державами, царь хочетъ только примирить принца съ Габсбургами и все дѣло его предать вѣчному забвенію²⁾. Союзники Запада на это кратко замѣтили, что благодарятъ царя за сообщеніе, которое и принимаютъ къ свѣдѣнію. Смотри теперь, говорилъ кн. Куракинъ принцу, какія усматриваются изъ всѣхъ происшедшихъ дѣлъ несклонности, великая желюзія и непріязнь къ царю аліатовъ Запада. Это потому, что они не хотятъ видѣть царя въ великой силѣ, какой онъ достигъ. Теперь, когда состоялся миръ съ Турками, слѣдуетъ, не упуская времени, взять мѣры, сходныя съ интересами. Какія же? Такъ какъ на морскія потенціи у царя нѣтъ надежды, то слѣдуетъ взять партію Французскую. Это не то значить, чтобы объявить войну Голландіи и Англии (было бы предосудительно въ коммерціи), но надобно политиче-

¹⁾ Витвортъ доносилъ, что Данія и Польша стремились къ отдѣльному миру еще въ 1711 г. Августъ отклонялся отъ союза съ царемъ, что его сильно раздражало. Сборникъ т. 50, 436, 438.

²⁾ Царь предлагалъ Австріи свое посредничество въ дѣлѣ примиренія съ Венгерскими мятежниками, но получилъ отвѣтъ, чтобы онъ не вмѣшивался въ Австрійскія дѣла. Сборникъ 50, 390.

ски, подъ рукою, чинить диверсію въ Имперіи, чрезъ два имѣвшіеся въ рукахъ инструмента—королей Датскаго и Польскаго. Какъ? Того и другого побудить отозвать свои войска изъ службы аліатской, именно 15 т. Датчанъ и 12 т. Саксонцевъ. Этимъ ослабятся аліаты Запада, а Франція будетъ свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ другой стороны, можно и открыто дѣйствовать противъ Австріи; а если и не такъ, то посредствомъ поддержки Венгерскихъ конфедератовъ, давъ войска Рагоцци, какъ ауксиліарныя, или за деньги наемныя. Если не взять партіи Французской, то аліаты своею силою заставятъ Францію заключить миръ. Тогда война Норда затянется; морскія потенціи, сдѣлавшись медиаторами, Шведа, конечно, удовольствуютъ и возвратятъ ему завоеванное; Лещинскаго посадятъ на престолъ Польши, «чего для будемъ въ конечной опасности и бѣдѣ». Въ предупрежденіе всего этого, польза царя и его аліатовъ заключается въ томъ, чтобы война на Западѣ продолжалась и Россія примирилась бы со Шведомъ ранѣ окончанія Западной войны. Но князь Куракинъ не думалъ, чтобы аліаты Запада допустили это примиреніе. Лучше всего стараться о томъ, чтобы при генеральномъ мирѣ царю съ его союзниками быть медиаторами въ Западной войнѣ, а морскимъ потенціямъ въ Сѣверной. При генеральномъ мирѣ и при стремленіи державъ Европы къ политическому равновѣсію царь «въ бальянці» скорѣе можетъ найти свою пользу—завоеванное удержать и гарантировать, чѣмъ въ продолженіи войны. И потому еще слѣдовало бы взять Французскую партію, что Россія и Франція по политической натурѣ сходны. Морскія потенціи—правленія вольнаго; ихъ содержаніе—въ богатствѣ, въ коммерціи; ихъ интересъ—принцевъ Европы держать въ уравненіи. Франція и Россія самодержавны; онѣ ищутъ не только пользы отечества, но и славы; не смотря на бальянцію Европы, амбіція понуждаетъ ихъ «хотя бы и универсальнымъ монархомъ заставить», т. е. ко всемірному господству... Поэтому естественнѣе сближеніе Россіи съ Франціей, чѣмъ съ морскими потенціями.

Если бы кто возразилъ противъ этого союза, что Франція всегда находилась въ союзѣ съ Швеціей, то «я скажу, говорилъ кн. Куракинъ, оковтрерь» (напротивъ). Правда, ранѣ Франція считала Россію за ничто, а Швецію «въ людѣхъ», отъ которыхъ въ прежнее время видѣла много пользы; но теперь времена переимѣнились. Московское государство имѣетъ 100000 регулярную, добрую армію и на столько славную, что она разбила наиславнѣйшаго Шведскаго короля. Въ послѣдней войнѣ Швеція ничѣмъ не помогла Франціи и тѣмъ потеряла свой кредитъ въ ея глазахъ. Еще больше: если Швеція потеряетъ свои провинціи Померанію, Бременъ и Верденъ въ Германіи, то, при такомъ ея ослабленіи, несомнѣнно, наилучшій исходъ для Франціи бу-

деть заключаться въ крѣпчайшемъ альянсѣ съ Московскимъ государствомъ, которое, въ свою очередь, видя безсоюзство Франціи съ Швеціей, должно обязаться наитвердѣйшимъ и постояннымъ альянсомъ съ Франціею, «чтобы свои интересы предостерегать и въ баландіи другихъ содержать».

Свой «дишкурсъ» кн. Куракинъ закончилъ словами: «кратко говорю; часъ и время обязаться съ Франціею, царю предложить свою медиацию на Западѣ, принявъ обратную отъ морскихъ потенцій». Конечно государь и его союзники, заключивъ миръ, будутъ честно его содержать. При заключеніи мира удовольствоваться Венгрію вольностію, княжество Трансильванское возвратить Рагоцци, чтобы Австрійскій домъ не былъ въ великой силѣ. Это первый противникъ интересамъ царскаго величества и всей имперіи Россійской. Одно принятіе царемъ титула императора возбудило зависть Австріи и сдѣлало ее внутреннимъ врагомъ Россіи.

Поблагодаривъ кн. Куракина за «пріобщенія», Рагоцци отвѣчалъ ему изложеніемъ исторіи своихъ предшествовавшихъ сношеній съ Русскимъ правительствомъ и своего мнѣнія по вопросу о сближеніи Франціи съ Россіей. «Я нуждаюсь переговорить съ вами, какъ съ человекомъ, который, благодаря пребыванію въ Англіи и Имперіи, знаетъ хорошо политическія дѣла Европы и можетъ дать мнѣ свѣдѣнія, полезныя для интересовъ царя. Со времени заключенія въ Варшавѣ моего трактата съ царемъ, я считаю его интересы своими, почему и предостерегаю ихъ». При этомъ Рагоцци показалъ кн. Куракину и самый трактатъ, въ которомъ было сказано, чтобы принца сдѣлать Польскимъ жоролемъ, Августа—Венгерскимъ, всѣмъ троимъ, т. е. и Россіи, чинить противъ непріятеля единодушно военныя операціи; царю во всѣхъ случаяхъ быть протекторомъ Рагоцци, а при неуспѣхѣ дать принцу и его приближеннымъ добрыя маетности въ имперіи. «Мой господинъ! говорилъ Рагоцци, смотри, насколько дружелюбно царь вступилъ въ обязательства со мною!» Но времена перемѣнились. Вслѣдствіе моровой язвы армія въ Венгріи разорилась, а Австрійскія войска умножились; поневолѣ пришлось ретироваться въ Польшу и искать протекціи у царя. Въ Польшѣ я понялъ, что морскія потенціи весьма противны и завистливы къ интересамъ царя и что они преимущественно трудились о разорваніи союза Петра съ Турціею. Правда и Франція здѣсь была небезучастна; но чтò изъ этого? Всякъ своего интереса ищетъ; скажу, однако, что Французы никогда не будутъ дѣйствовать противъ прогрессовъ царя въ той силѣ, какъ другія державы. Вотъ почему я, упреждая всякаго зла, т. е. Турецкую войну, взялъ такія мѣры, чтобы заключить союзъ Россіи съ Франціей и многими доводами старался до-

казать, что онъ выгоднѣе союза съ западными державами. Безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, я отправилъ своего курьера съ письмами и пропозиціями къ царю; но генералъ Янусъ арестовалъ курьера, отобралъ отъ него письма, распечаталъ, а кошіи съ нихъ отправилъ—одни въ Вѣну, а другія къ Августу. Продержавъ курьера долгое время, Янусъ отпустилъ его. Курьеръ пріѣхалъ въ Ригу, но за моровымъ повѣтріемъ принужденъ былъ жить здѣсь шесть недѣль, потомъ поѣхалъ въ Петербургъ, но царя тамъ не засталъ, а нашелъ его уже въ Москвѣ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отправки, когда Турецкая война уже была объявлена. Тѣмъ не менѣе, я твердо держался принципа соглашенія царя съ Франціей и когда увидалъ, что аліаты Запада возбуждаютъ войну Россіи съ Турціей, то «тотчасъ» Французскій дворъ отъ кредита Шведскаго отвратилъ, чтобы заключить союзъ Франціи съ Россіей. На первыхъ порахъ Франція предлагала четыре пункта союза: а) о взаимной посылкѣ министровъ съ характеромъ; б) о снисхожденности къ интересамъ Венгріи и принца Рагоцци; в) Французскому министру хлопотать о привлеченіи къ союзу Польши и г) ни съ кѣмъ въ Имперіи не обязываться до времени, пока «доброе намѣреніе къ доброму окончанію приведено будетъ или нѣтъ». Правда, заключеніе такого союза было не безъ труда; г. Бонавъ (Французскій посланникъ, сторонникъ Швеціи) и Шведскіе министры усердно дѣйствовали во Франціи, стараясь внушить Людовику XIV, что Шведскій король еще въ силѣ; но я рассчитывалъ на успѣхъ соглашенія, и конечно, если бы мои послыжи въ время достигли цѣли, Турецкая война не была бы объявлена. Когда при началѣ Турецкой войны царь пришелъ въ Польшу, тогда я (говорилъ Рагоцци) устно и письменно убѣждалъ царя пристать къ союзу съ Франціей, которая, принявъ во вниманіе мои доводы, дѣйствительно прислала Балюза. Но соболѣзную, что сей мужъ, какъ вижу, больше своего покоя желаетъ, нежели труда приложить ищетъ. Тогда-то царь, вмѣстѣ съ Польскимъ королемъ, взявъ резолюцію отозвать изъ Англій вашу персону и отправить ко двору Французскому. До отправки царя къ арміи на Прутъ, Русскій дворъ, дѣйствительно, очень сочувствовалъ Французскимъ интересамъ, болѣе, чѣмъ аліатскимъ; даже крайній сторонникъ послѣднихъ, подканцлеръ Шафировъ, не только скрытно былъ пріятелемъ Франціи, но и въ публичныхъ разговорахъ, напр., за столомъ, высказывался въ ея пользу. Совсѣмъ по иному Русскій дворъ сталъ относиться къ Французскому вопросу теперь, по возвращеніи царя изъ похода и по заключеніи мира съ Турками; не нуждаясь болѣе во Французахъ для примиренія съ Турціей, Русскій дворъ, по прежнему, хочетъ держаться стороны аліатской.

Рагоци не одобрялъ этой политики и видѣлъ въ ней скорѣе ущербъ для Россіи, чѣмъ выгоду. Высказываясь за союзъ, принцъ отчасти рассуждалъ согласно съ кн. Куракинымъ, отчасти дополнялъ и развивалъ его мнѣнія, рисуя какъ бы программу политической жизни Европейскихъ державъ на будущее время.

Онъ говорилъ, что не только теперь, но и всегда ничего не можетъ быть лучше, какъ объѣмъ державамъ, Франціи и Россіи, находится въ добромъ согласіи и такимъ путемъ искать своихъ интересовъ. Морскія потенціи правленія вольнаго, а не «монаршишко»; чрезъ коммерцію они пришли въ великое богатство и этою силою «повеличиваются всѣми потентатами». Они господствуютъ подъ предлогомъ, что не хотятъ увеличивать своихъ владѣній и желаютъ содержать въ равновѣсіи всѣхъ принцевъ; но въ существѣ дѣла—это не баянція, но скявита (т. е. рабство) ¹⁾ всѣхъ подъ Англією и Голландією. Благодаря этому равновѣсію, не дѣлая насильственныхъ завоеваній, но только время отъ времени обогащая себя, эти державы и господствуютъ. Посему ясно для каждаго, что новая потенція царскаго величества составляетъ предметъ зависти и не только для морскихъ державъ, но и тѣхъ изъ потентатовъ, которые согласны съ первыми или находятся въ обязательствѣ съ ними для своихъ интересовъ. Посему и направленіе Русской международной политики слѣдуетъ такъ опредѣлять, чтобы она была согласна съ политикою другихъ державъ. И для Россіи ничего не можетъ быть сходнѣе, какъ согласіе съ Франціей, которой одинаково завидуютъ другія потенціи, какъ и Россіи. Только такое согласіе двухъ коронъ можетъ содержать правдивую баянцію въ Европѣ, выгодную для обѣихъ державъ и въ смыслѣ распространенія коммерціи. Къ такому согласію должна побуждать и политика Австріи, которая не расположена къ царю за титулъ императора ²⁾, какимъ трактуютъ его не только въ письмахъ, но и чрезъ пословъ Англія и Франція. Помимо этого, Австрія опасается Россіи какъ могущественнаго сосѣда въ вопросѣ Турецкомъ: царь всегда можетъ быть посессоромъ Греческой имперіи, такъ какъ на его сторонѣ симпатіи нѣкоторыхъ націй Балканскаго полуострова, единыхъ съ Русскимъ народомъ по религіи и языку; часть этихъ націй находится и подъ властію Цезаря. Вотъ почему и въ прошедшія времена Австрійскій дворъ своими интригами нарушалъ интересы Россіи. Такъ было въ дѣлѣ союза противъ Турокъ (заключен-

¹⁾ Отъ Италіанскаго—schiavo, рабъ.

²⁾ Австрійцы говорили царю, что императоръ Германскій, какъ таковой, не можетъ вносить никакихъ искаженій въ обычныя обращенія къ иностраннымъ монархамъ безъ согласія имперскихъ представителей. Сборникъ 61, 5, 6—7.

ченнаго при Собѣсскомъ). Когда Австрія увидѣла прогрессы царя при взятіи Азова и другихъ мѣстъ, то поспѣшила заключить Карловицкій миръ, оставивъ царя одинокимъ въ войнѣ, вслѣдствіе чего и онъ принужденъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ Турками ¹⁾. Кромѣ этого, Австрія и послѣ того трудилась въ фаворъ Швеціи и Имперіи противъ Россіи. А послѣднія интриги Габсбургскаго дома и морскихъ потенцій всему свѣту извѣстны; никто другой, какъ эти державы обнадежили Порту, что если она въ свой и Шведскій интересъ начнетъ войну съ Россіей, то Австрія никогда въ нее не вмѣшается, что поддержала, между прочимъ, и Венеція. Теперь, когда война съ Турками счастливо окончилась, что станутъ дѣлать Австрія и морскія потенціи въ виду свободной, грозной силы царя? И будутъ обманывать, интриговать всякими способами, чтобы продолжалась война со Шведомъ до генеральнаго мира. А замирившись, объявятъ себя, какъ повелители, медиаторами въ Сѣверной войнѣ. При такомъ условіи мало надежды на то, чтобы царь и его союзники сохранили за собою завоеванное. Возраженіе тѣхъ, которые утверждаютъ, что ради коммерческихъ интересовъ, какія имѣютъ морскія державы въ Россіи, они не станутъ воевать съ нею за Швецію, справедливо; но если и не станутъ воевать открыто, то подъ рукою всегда будутъ помогать врагамъ царя. Своєю силою они могутъ примирить Данію съ Швеціей; могутъ возвратитъ Августа въ Саксонію, или, приведя его въ свой «сентиментъ», имъ или Лещинскимъ дѣйствовать въ Польшѣ; за одинъ милліонъ талеровъ вся Польша «тѣми факціями усилена будетъ». При всемъ этомъ, не слѣдуетъ особенно разсчитывать и на миръ съ Портою: султанъ и визирь— не безсмертны; а кромѣ того, какъ знать? великая сумма денегъ можетъ и ихъ заставить дѣйствовать саблею.

Всѣ эти обстоятельства, говорилъ Рагоци, побуждаютъ Россію, не теряя времени, принимать свои мѣры, сходныя съ ея интересами и вспомоцествовать Франціи. На первыхъ порахъ достаточно и того, чтобы отправить публичныхъ пословъ къ переговаривающимся державамъ: «изъ этого предастся желузія (зависть) морскимъ потенціямъ». Въ то же время слѣдуетъ устанавливать дружественный договоръ и добиваться медиаторства царя въ дѣлѣ примиренія Франціи съ аліатами. Слѣдствіемъ такой политики будетъ: а) то, что вѣчный кредитъ утвердится между коронами Франціи и Россіи. б) Шведскій кредитъ будетъ потерянъ, в) Франція, оставшись въ силѣ, будетъ всегда твердымъ помощникомъ Россійской имперіи противъ всѣхъ ея завистниковъ, г) бо-

¹⁾ Самъ Петръ впоследствии говорилъ Витворту, что при заключеніи Карловицкаго мира Австрія обратила вниманіе на царя не большее, чѣмъ на собаку. Сборникъ 61, 2.

лѣе же всего, при генеральномъ мирѣ, Россія устроить и свой миръ со Шведомъ чрезъ взаимную медиацию морскихъ державъ и не только ихъ, но и Франціи. Венгрія, хотя и подъ протекціею дома Габсбурговъ, однако сохранить свои права и привилегіи, а княжество Трансильванское будетъ уступлено законному наслѣднику. По заключеніи трактата всѣ будутъ обязаны другъ друга гарантировать. д) Наконецъ, будетъ установлена коммерція между Россіей и Франціей, что принесетъ Россіи великій государственный прибытокъ, какъ въ наукахъ и рукодѣліи, такъ въ военныхъ дѣлахъ и политическомъ искусствѣ; «изъ Франціи вся Европа научена и научается».

Но если бы враги Франціи не захотѣли принять медиацию царя и его союзниковъ, то какъ тогда поступить? Объявить войну? Нѣтъ, говорилъ Рагоцци; такая война была бы разорительна для царя; лучше всего чинить въ Имперіи разныя диверсіи какъ чрезъ свои войска, такъ и чрезъ два «инструмента», Польскаго и Датскаго королей. Какъ? Время покажетъ, лишь бы у царя была къ тому склонность. Можно найти разныя предлоги, чтобы дѣйствовать и противъ дома Австрійскаго; напр., указать на то, что былъ afrontъ царскому министру *), или, что Австрія не съ достаточнымъ уваженіемъ относилась къ царю и его державѣ. Наконецъ, подъ рукою можно перепустить нѣсколько Русскихъ помощныхъ войскъ въ Венгрію, какъ бы за деньги. По всей вѣроятности и Франція заплатитъ нѣкоторое число денегъ за эти войска. При такомъ расчетѣ враги Франціи поневолѣ согласятся принять царя за медиатора; иначе можетъ случиться, что вся ихъ продолжительная война съ Франціей обратится въ ничто.

Рагоцци говорилъ, наконецъ, князю Куракину, что, на сколько онъ принцъ могъ замѣтить, король Польши очень ревниво относился къ добрымъ успѣхамъ арміи царя и къ его могуществу; для этой цѣли и ради лучшихъ интересовъ Россіи хорошо бы было въ будущемъ, чтобы Польша имѣла всегда короля Французской партіи, а не имперской. Думаю, говорилъ Рагоцци, что въ концѣ Сѣверной войны мы увидимъ, на сколько Августъ будетъ мѣшать мѣрамъ сходнымъ съ интересами царя; король Польши такъ долженъ будетъ поступить ради своихъ наслѣдственныхъ провинцій въ Имперіи. О королѣ Шведскомъ Рагоцци замѣтилъ, что онъ склоненъ къ миру; только тягостныя пропозиціи Русскаго двора препятствуютъ ему приступить къ перегово-

*) Въ началѣ Сѣверной войны Вѣнскій дворъ холодно и презрительно относился къ Россіи, именно къ посланникамъ кн. П. А. Голицыну и поздаѣ къ Урбиху Соловьевъ, XVII, 99, 101.

рамъ. Въ заключеніе принцъ просилъ кн. Куракина быть съ нимъ нѣ добромъ согласіи ради интересовъ царя ¹⁾.

Доброе согласіе между переговаривавшимися поддерживалось и въ послѣдующее время, не смотря на то, что Русское правительство позднѣе отказалось помогать Рагоцци и стало относиться къ нему холодно. Положеніе принца сдѣлалось критическимъ, такъ какъ царь не могъ его поддержать. По совѣту Людовика XIV, однако, Рагоцци держался тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ только и могъ надѣяться на поправленіе своихъ дѣлъ ²⁾ Поэтому и кн. Куракинъ, хотя и поддерживалъ доброе согласіе съ принцемъ, но держалъ себя осторожно. Въ обнародованныхъ документахъ мы не встрѣчаемъ копій съ писемъ кн. Куракина къ Рагоцци, чтѣ обыкновенно князь дѣлалъ, когда писалъ другимъ лицамъ. По отвѣтнымъ письмамъ, писаннымъ Рагоцци изъ Данцига въ концѣ 1711 и первой половинѣ 1712 г., мы видимъ, что самъ принцъ тщательно соблюдалъ инкогнито, подписываясь графомъ Сааросомъ и прося Куракина адресовать письмо на имя Помпея Четтони. Гонимый судьбою, горячій поборникъ свободы Венгерскаго народа, Рагоцци въ этихъ письмахъ благодарно относится къ князю Куракину, не прерывавшему съ нимъ отношеній, высоко цѣнитъ его дружбу, считаетъ себя не въ правѣ когда-либо измѣнить чувствамъ своего уваженія къ князю; сообщаетъ ему, что своими рекомендаціями старается упрочить авторитетъ князя Куракина во Франціи, особенно у христіаннѣйшаго короля, заявляя, что князь единственный человѣкъ, на котораго можно рассчитывать и дружбы котораго стоитъ добиваться. Съ грустію видѣлъ Рагоцци, что идея его о союзѣ Россіи съ Франціей, вслѣдствіе расположенія царя къ аліатамъ, не осуществилась, на что и жаловался князю Куракину. Въ Эльбингѣ, куда пріѣхалъ Петръ изъ Ярославля, царь обнадѣжилъ принца обѣщаніемъ назначить конференцію для обсужденія какъ его дѣлъ, такъ Французскихъ; но обѣщаніе осталось неисполненнымъ. Царь и его свита равнодушно стали относиться въ Рагоцци и съ оскорбительнымъ пренебреженіемъ къ его совѣтамъ; Петръ даже ограничилъ содержаніе свиты принца. Это поведеніе, писалъ онъ князю Куракину, поразило меня тѣмъ болѣе, что, провѣряя себя, я не нахожу никакого нѣ тому повода. «Винovníкомъ этого охлажденія Рагоцци считалъ Урбиха и его интриги. О канцеляріи Петра принцъ сообщалъ князю, что она наполнена была креатурами и приверженцами союзниковъ, вслѣдствіе чего онъ и принужденъ былъ прервать съ нею всякія сношенія. Въ послѣднихъ письмахъ Рагоцци высказывалъ кн. Куракину свое сожалѣніе о

¹⁾ „Архивъ Князя О. А. Куракина V, 5—21.

²⁾ Сборникъ 34, 474—475., Рагоцци жилъ нѣкоторое время въ Данцигѣ.

томъ, что при Русскомъ дворѣ не было такого лица, посредствомъ котораго можно было бы внушить царю, на сколько важно, при начавшихся тогда переговорахъ о мирѣ, принять заранѣе мѣры, касавшіяся интересовъ и славы государя, на случай, если бы переговоры о всеобщемъ мирѣ не достигли своей цѣли. Всякій новый слухъ или извѣстіе, такъ или иначе касавшееся интересовъ Россіи, Рагоцци старался сообщить кн. Куракину. Узнавъ о тайномъ договорѣ Голландіи съ Англіей, Рагоцци спѣшилъ извѣстить князя, что этотъ договоръ долженъ побудить царя къ тѣснѣйшему сближенію съ Франціей. Черезъ графа Берчени Рагоцци выпытывалъ Шведскаго короля о готовности его заключить миръ съ Россіей. «Но вашъ дворъ, писалъ принцъ, такъ мало печется о своихъ интересахъ, что я не предвижу никакихъ успѣховъ съ его стороны въ этомъ великомъ дѣлѣ, не смотря на всю мою преданность этому двору, которою онъ пренебрегаетъ окончательно, не исполняя ни одного изъ своихъ обѣщаній... Съ глубокимъ сожалѣніемъ я замѣчаю, что Русскій дворъ такъ пренебрегаетъ мною, какъ будто я никогда не имѣлъ никакихъ съ нимъ сношеній, хотя я и могъ бы еще оказать ему услуги. Всегда сохраняемое мною искреннее расположеніе къ его интересамъ увеличиваетъ мое горе при видѣ того вліянія, какое оказываютъ на переговоры совѣты Вѣнскаго двора. Между тѣмъ тѣ совѣты, какіе я могъ бы дать его величеству, какъ и тѣ, которыя я давалъ прежде, исходя отъ вполнѣ преданнаго царю лица, могли бы быть ему гораздо полезнѣе совѣтовъ нѣкоторыхъ державъ, интересы которыхъ не сходятся съ его интересами.» Рагоцци не удивлялся, что Русскій дворъ позабылъ о его интересахъ, видя, какъ онъ пренебрегалъ своими собственными. Извѣщая кн. Куракина о желаніи Польши заключить отдѣльно миръ съ Швеціей (о чемъ хлопоталъ Флемингъ, посланникъ Августа при Прусскомъ королѣ, котораго Поляки хотѣли сдѣлать посредникомъ при заключеніи этого мира) Рагоцци писалъ, что въ Польшѣ интересы царя такъ же мало охранялись, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Относительно предложавшагося сѣзда въ Утрехтѣ, Рагоцци сообщалъ князю, что ничего не могло бы быть выгоднѣе и доблестнѣе для царя, какъ принять на себя посредничество въ дѣлѣ примиренія союзниковъ съ Франціей. Посредничество морскихъ державъ, о которомъ усилленно хлопоталъ Шафировъ, по мнѣнію Рагоцци, было не выгодно для Россіи: въ силу своихъ собственныхъ интересовъ, эти державы скорѣе должны были хлопотать объ умаленіи могущества царя, а не о возвышеніи его. «Возможно ли, спрашивалъ Рагоцци князя, чтобы Голландцы и нѣкоторыя другія державы могли предписывать царю, кому онъ обязанъ дарить расположеніе и кому отказывать въ немъ?» По поводу того, что тогда Турки снова грозили войною Россіи, изъ за неисполненія Петромъ

нѣкоторыхъ условій Прутскаго договора, Рагоцци сообщалъ кн. Куракину, что эта новая война есть только заранѣе условленный способъ отнять у царя возможность принимать участіе въ Европейскихъ дѣлахъ. Менѣе всего въ этомъ виновата была Франція, хотя другія державы и сваливали всю вину на нее ¹⁾. Кромѣ этого, эти державы пускали въ ходъ все отъ нихъ зависящее, чтобы отклонить Шведскаго короля отъ переговоровъ съ Россіей; разъ всеобщій миръ будетъ заключенъ, онѣ могутъ сдѣлаться посредниками въ мирѣ сѣверномъ. «Я знаю, писалъ Рагоцци, изъ хорошаго источника, что Голландцы и Англичане увѣрили Шведское правительство въ своемъ желаніи, во чтобы ни стало, по заключеніи мира низвести могущество царя до его прежнихъ размѣровъ, противъ чего, конечно, Вѣнскій дворъ ничего имѣть не будетъ». Рагоцци просилъ кн. Куракина поддерживать его плавы при Петербургскомъ дворѣ и въ тоже время совѣтывалъ, какъ князь долженъ былъ дѣйствовать, не возбуждая подозрѣній. Онъ благодарилъ князя за письма о немъ ко двору и умѣлое предстательство предъ царемъ, высказывая въ тоже время опасеніе, что кредитъ Урбиха и сторонники Австріи помѣшаютъ добрымъ намѣреніямъ князя. Повидимому ходатайства князя Куракина предъ царемъ за принца имѣли нѣкоторый успѣхъ: изъ послѣдующихъ писемъ видно, что Петръ велѣлъ передать Рагоцци свое мнѣніе о необходимости, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, шадить Вѣнскій дворъ и увѣрилъ принца въ продолженіи царской милости ²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдующее время Рагоцци рѣшительно убѣдился въ нежеланіи Петра помогать его дѣлу ³⁾. Это потому, что теперь самая мысль о союзѣ съ Франціей была оставлена.

Кромѣ Рагоцци, кн. Куракинъ въ Августѣ мѣсяцѣ познакомился и съ Французскимъ посломъ Балюзомъ. Сей послѣдній о князѣ сообщилъ, что онъ предлагалъ мнѣніе для пользы Сѣвернаго союза воспользоваться отсутствіемъ Карла XII, такъ какъ, когда онъ вернется въ Германію, то непременно возбудитъ смуты, которыми умножатся несчастія Польши. Когда кн. Куракина, однажды, кто-то спросилъ въ присутствіи посла, было-ли ему пріятно при дворахъ, гдѣ онъ находился, то князь дипломатично отвѣтилъ, что во Франціи иностранный

¹⁾ Это противорѣчитъ сообщеніямъ Шаеврова и Толстого изъ Константинополя, доновившихъ царю объ интригахъ Франціи, Соловьевъ XVI, 117, 113.

²⁾ Архивъ Князя О. А. Куракина V, стр. 173, 174, 181, 186, 198, 205, 213.

³⁾ Въ 1713 г. мы видимъ принца уже во Франціи, гдѣ онъ жилъ въ теченіи четырехъ лѣтъ подъ именемъ графа Саароса, получая содержаніе отъ Французскаго двора. Свою тревожную жизнь Рагоцци закончилъ въ Турціи, въ 1735 г., куда принужденъ былъ удалиться по настоянію Австріи.

посольство можетъ разсчитывать на самыя большія удовольствія. Съ Балюзомъ кн. Куракинъ велъ себя весьма сдержанно ¹⁾. Думать надо, что причина этого заключалась въ томъ поворотѣ направленія Русской политики, слѣдствіемъ котораго было несостоявшееся назначеніе князя посланцемъ въ Парижъ, какъ предполагалось раньше: царь снова началъ сближаться съ аліатами. Не даромъ и сами Французы находили назначеніе кн. Куракина посланцемъ въ Парижъ (въ цѣляхъ заключенія союза между обѣими державами, на основаніяхъ обоюднаго посредничества въ прекращеніи войнъ Западной и Сѣверной) бесполезнымъ, такъ какъ онъ, все равно, не достигъ бы цѣли. Иное было бы дѣло, если бы царь захотѣлъ имѣть постояннаго посла во Франціи, какъ своего представителя; такое представительство Людовикъ встрѣтилъ бы съ удовольствіемъ ²⁾. Но пока Петръ не находилъ этого полезнымъ и готовилъ кн. Куракину другое назначеніе. Въ Парижъ для веденія текущихъ дѣлъ отправленъ былъ секретарь Посольскаго Приказа, Гр. Ив. Волковъ.

Изъ Ярославля Петръ 29 Августа, съ царицею и министрами, въ числѣ которыхъ находился и кн. Куракинъ, отправился въ Варшаву и Торнъ. На пути князь слышалъ, что его хотѣли отправить въ Саксонію; но самъ онъ «и малаго знака не хотѣлъ подать, что охотень къ этой поѣздкѣ». Изъ Торна, оставивши царицу, Петръ «скорымъ маршемъ», въ три дня ³⁾, совершилъ путешествіе въ Карлсбадъ для лѣченія ⁴⁾. Царя сопровождали Головкинъ, Куракинъ, Брюсъ, Ян. Долгорукій, г.-майоръ Гешовъ, Шеховской и нѣсколько слугъ. Петръ самъ составилъ расписаніе поѣздки, которымъ кн. Куракинъ былъ очень недоволенъ: «оно, съ опредѣленіемъ количества лошадей каждому лицу, мнѣ немалый шагринъ (печаль) принесло, потому что я има свое нашегъ подъ Шеховскимъ». Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою печаль, дорогою, князь узналъ многое отъ Шеховскаго на счетъ своей персоны. Вѣроятно дѣло касалось или взглядовъ царя и новыхъ людей на кн. Куракина и его дѣятельность за границей, или причинъ несостоявшагося назначенія въ Парижъ; самъ князь не говоритъ, о чемъ бесѣдовалъ онъ съ Шеховскимъ. Такъ какъ кн. Куракинъ и раньше былъ въ Карлсбадѣ для лѣченія, то, кромѣ соображеній политическаго свойства, царь нуждался въ князѣ какъ въ человѣкѣ, знакомомъ съ этимъ мѣстомъ. Въ Карлсбадѣ, куда они пріѣхали 13 (24) Сентября, кн. Кура-

¹⁾ Сборникъ 34, 83.

²⁾ Сборникъ 34, 470, 471. Рагоци, въ Торнѣ, составилъ даже особый проектъ, написанный имъ на Итальянскомъ языкѣ и показанный кн. Куракину; тутъ высказывались соображенія о назначеніи князя во Францію. Архивъ Кн. К. III, 307.

³⁾ Витвортъ называетъ поѣздки царя эксцентрическими. Сборникъ, 61, 11.

⁴⁾ Были колики и засореніе желудка. Сборникъ, 20, 39.

кинъ жилъ съ царемъ въ одномъ домѣ и имѣлъ съ нимъ общій столъ. Всего прожили они въ Карлсбадѣ 4 недѣли, а съ проѣздомъ изъ Ярославля, семь ¹⁾. Царь и его свита пользовались водами каждое утро; изрѣдка царь прерывалъ лѣченіе, вслѣдствіе сильнаго расслабленія. По временамъ Петръ то присутствовалъ на ужинахъ у пословъ, то самъ устраивалъ пиршества, какъ, наприм., 9 Октября, въ годовщину побѣды подъ Лѣсной, Австрійцы желали оказать царю особенное вниманіе; сюда доставлены были вина и прочіе припасы, что было принято царемъ съ благодарностію, хотя онъ даже не послалъ церемонному Вѣнскому двору извѣстія о своемъ пріѣздѣ. Свое усердіе этотъ дворъ простиралъ до того, что хотѣлъ замѣнить Саксонскій караулъ, нарочито взятый Петромъ у Августа, своимъ цезарскимъ, что вызывало большія осложненія и послужило поводомъ къ тому, что царь принужденъ былъ выѣхать изъ Карлсбада ранѣе на день или два предположеннаго срока ²⁾.

Главнымъ занятіемъ въ Карлсбадѣ было рѣшеніе политическихъ дѣлъ. Поэтому кромѣ Русскихъ министровъ, въ число которыхъ вошелъ и Урбихъ, пріѣхавшій изъ Вѣны, сюда прибыли графъ Фитцумъ изъ Саксоніи, Камке изъ Берлина, Витвортъ изъ Англіи и императорскій комиссаръ, Чешскій сановникъ, графъ Ностицъ. Временно навѣщали царя и другія лица. Такъ какъ съ поѣздкою Петра въ Германію связано было дѣло бракосочетанія царевича съ принцессою Вольфенбютельскою, то пріѣзжалъ въ Карлсбадъ Шлейницъ, уполномоченный Петра въ Ганноверѣ, чтобы условиться о мѣстѣ и времени свадьбы, при чемъ опредѣлено было совершить ее въ Торгау, обычной резиденціи Польской королевы, куда должна была прибыть съ своими родственниками и молодая принцесса. Пріѣзжали въ Карлсбадъ съ дипломатическимъ порученіемъ Бернсдорфъ, представитель Ганноверскаго курфюрста; сестра короля Прусскаго, вдовствующая герцогиня Курляндіи и другія лица. Кн. Куракинъ все время находился «во многихъ шагриняхъ и не въ эстимѣ». Однако онъ не упускалъ случаевъ, чтобы заявить о себѣ и старался имѣть особенно хорошее обхожденіе съ чужестранными министрами, которые выдѣлялись князя среди остальныхъ чле-

¹⁾ Такъ сообщаетъ кн. Куракинъ. Архивъ III, 308, но по Витворту—три недѣли, что вѣрнѣе; царь пріѣхалъ 13 (24) Сент., выѣхалъ 3 (14) Окт., Сборникъ т. 50, 523; ср. т. 61, 14; ср. т. 20, 50, 53—54.

²⁾ Сборникъ 50, 525—527; ср. 61, 13—14; вѣроятно царь опасался происковъ Вѣнскаго двора, о которомъ носились слухи, что онъ имѣлъ «намѣренія неблагопріятныя для его спокойствія» 34, 82. Витвортъ объясняетъ желаніе царя сохранить Саксонскій караулъ намѣреніемъ Петра угодить Августу. Однако, какъ только солдаты Императора вступили въ Карлсбадъ, то царь тотчасъ же изъ него выѣхалъ. Царь не извѣстилъ Императора, можетъ быть потому, что хотѣлъ соблюдать инкогнито. Сборникъ 20, 40.

новъ царской свиты и тѣмъ возвышали въ глазахъ соотечественниковъ. Устанавливая, такимъ образомъ, «свой кредитъ», князь Куракинъ чрезъ нѣсколько дней былъ даже допущенъ въ «консиліе секретное», хотя и не пользовался такимъ расположеніемъ, какъ Датскій посолъ князь В. Л. Долгорукій, находившійся въ большомъ пріятельствѣ съ Головкинымъ, который совѣтывался съ нимъ о всѣхъ дѣлахъ. Канцлеръ былъ «въ великомъ превосходительствѣ» надъ кн. Куракинымъ. Пользовавшійся особеннымъ вліяніемъ въ Карлсбадѣ, Витвортъ сообщаетъ, что Головкинъ желалъ, чтобы всѣ дѣла шли чрезъ его руки, хотя это было и неудобно, потому что канцлеръ не зналъ ни одного языка, кромѣ Русскаго. Къ своей власти онъ относился до того ревниво, что князя Куракинъ и Долгорукій, сносно говорившіе по-французски, отказывались помогать этимъ знаніемъ Головкину и вообще устранились отъ всякаго общественнаго дѣла. Изъ сообщеній того же посла мы видимъ, что въ секретныхъ консиліяхъ разсуждали въ Карлсбадѣ главнымъ образомъ о Турецкихъ дѣлахъ, именно объ исполненіи Прутскаго договора, о новыхъ планахъ войны (походъ Русскихъ въ Померанію, осадъ Штеттина и Висмара, о соединеніи подъ командою Петра флотовъ Датскаго и Русскаго, чтобы уничтожить Шведскій и сдѣлать высадку на берега Швеціи) и объ отношеніи къ союзникамъ Запада. Иностранные министры, дѣйствуя въ видахъ своихъ правительствъ, соперничали другъ съ другомъ. Представитель Прусскаго короля, «съ обычной заботой приглядывавшійся къ тому, нельзя-ли чѣмъ нибудь воспользоваться въ мутной водѣ», министр Камке предлагалъ царю союзъ Фридриха I, при чемъ сей послѣдній обѣщалъ снабдить Петра артиллеріей и боевыми припасами для осады Штеттина, если ему отдадутъ Эльбингъ и часть Помераніи, которую онъ признаетъ для себя наиболѣе удобной. Такая политика Пруссіи не нравилась царю; онъ требовалъ, чтобы Пруссія прямо объявила войну Швеціи, если хочетъ получить право считаться въ Сѣверномъ союзѣ²⁾. Прибывшій въ Карлсбадъ 26 (7) Октября адъютантъ Датскаго короля Орренъ просилъ у Петра денегъ для дѣятельнаго участія Даніи въ Сѣверной войнѣ; Данія хотѣла захватить Бременъ и др. Шведскія владѣнія въ Германіи, чтобы потомъ обмѣнять ихъ на Шонію. Представитель Ганновера, Бернсдорфъ заботился о томъ, чтобы Бременъ не достался Даніи, а Померанія Пруссіи. Августъ чрезъ Фитцума хлопоталъ о томъ, чтобы царь принялъ по-

²⁾ Однажды царь сказалъ Бранденбургскому резиденту въ Ярославлѣ: „Вы всегда поступаете въ дѣлахъ философически, тогда какъ мы дѣствуемъ механически“, желая тѣмъ показать, что онъ ведетъ дѣло просто и прямо, а Берлинскій дворъ относится къ нимъ съ хитростію, которая царю несвойственна. Сборникъ 34, 84.

средничество между Англійей и Франціей взамѣнъ посредничества Англійи между Швеціей и Россіей. Но царь, говоритъ Витвортъ, «былъ очень жалкаго мнѣнія о своихъ союзникахъ, какъ бы сомнѣваясь въ возможности для нихъ помѣшать его намѣреніямъ. Исходя изъ этого ошибочнаго взгляда, онъ почти способенъ довести положеніе вещей до крайности». Въ устахъ Витворта эти рѣчи имѣли тотъ смыслъ, что Англія дѣйствительно опасалась намѣреній царя открыть зимою 1711—1712 г.г., военныя дѣйствія въ Германіи и идти на помощь Датчанамъ и Саксонцамъ, вторгнувшимся тогда въ Померанію, чтобы разсѣять Шведскій корпусъ Красова. Это нарушеніе нейтралитета сдѣлано было потому, что Карлъ XII отказался признать его, почему союзники Запада и допустили вторженіе. Англія до того опасалась будущихъ намѣреній царя, что Витвортъ въ продолжительныхъ конференціяхъ съ Головкинымъ и бесѣдахъ съ царемъ, заявляя о постоянно добрыхъ намѣреніяхъ своего правительства, сообщалъ теперь о готовности его при заключеніи мира съ Швеціей домогаться справедливыхъ и разумныхъ выгодъ для Россіи и заключить съ нею договоръ о торговлѣ чрезъ Балтійскіе порты, лишь бы только царь не вносилъ огня въ Имперію, чего будто бы не требовали интересы Россіи. Однажды, на вечерѣ у Фитцума, Витвортъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ Головкинымъ и царемъ о причинахъ неудовольствія членовъ Великаго союза противъ союза Сѣвернаго. Сѣверные жаловались на пристрастіе Западныхъ къ Швеціи, на несвоевременную отправку нейтральной арміи, какъ на одну изъ причинъ неудачи царя въ Молдавіи, такъ какъ, опасаясь Шведовъ, Поляки и Саксонцы не могли въ время помочь царю; на то, что союзники постоянно отказывали принять царя въ «великую аліанцію». Съ своей стороны Витвортъ указывалъ на покровительство Рагоци, на постоянныя разногласія съ имперскимъ дворомъ, тревогу въ Помераніи и на приближеніе сѣверныхъ войскъ къ границамъ Германіи. Когда рѣчь зашла объ Австрійскомъ домѣ, то царь, припомнивъ Карловицкій миръ, до того разгнѣвался, что всѣхъ Вѣнскихъ министровъ назвалъ мошенниками; а на замѣчаніе Фитцума, что пора забыть прошлое и заключить дружбу на будущее время, воскликнулъ: «Дружбу! Вотъ такъ друзья! Въ жизнь не забуду того, что потерпѣлъ отъ нихъ; чувствую, какъ оставили меня эти друзья съ пустымъ карманомъ». Сознывая потребность высказаться, царь отошелъ въ уголокъ комнаты къ одному изъ своихъ приближенныхъ и сказалъ ему: «Собаку побей безъ причины, и та не возвратится къ тому, кто ее билъ. Теперь мнѣ все равно: хорошо живется Австрійскому дому, тѣмъ лучше для него, не хорошо—его дѣло». Насилу Витвортъ могъ успокоить царя, заговоривъ съ нимъ о любимомъ Петербургѣ. Англійскаго посла возмущало то обстоятель-

ство, что царь слишкомъ надѣялся на свою мощь. Однажды онъ сказалъ Витворту по вопросу объ императорскомъ титулѣ, который оспаривали Австрійцы, что скоро онъ Петръ займетъ такое положеніе, при которомъ не только Австрія, но и вся Европа воздадутъ ему то, что принадлежитъ ему по праву. Посоль старался внушить царю умѣренность и удержать «отъ тщеславныхъ» (разумѣется, съ точки зрѣнія Англійскихъ интересовъ) замысловъ; даже, вопреки инструкцій Витвортъ говорилъ, что сомнѣвается въ согласіи западныхъ союзниковъ на тѣ предложенія, какія царь дѣлалъ Швеціи по вопросу о мирѣ¹⁾. При всей силѣ своего дипломатическаго вліянія въ Карлсбадѣ, а потомъ въ Дрезденѣ, Витвортъ не могъ однако добиться того, чтобы Россія не вмѣшивалась въ дѣла Германіи. Теперь прошли уже тѣ времена, когда союзники Запада, не смотря на хлопоты кн. Куракина въ Лондонѣ и Матвѣева въ Гагѣ, болѣе чѣмъ равнодушно относились къ сохраненію нейтралитета въ Германіи и плохо формировали нейтральный корпусъ. Русское правительство справедливо замѣчало Витворту, что «послѣ отказа короля Шведскаго отъ соблюденія нейтралитета международное право и законы самозащиты дозволили королямъ Датскому и Польскому предупредить врага, занявъ Померанію для огражденія собственной безопасности». Что до Русскихъ войскъ, то, если они и идутъ въ Германію, то лишь исключительно затѣмъ, чтобы поддержать справедливыя требованія союзниковъ Петра. Когда же Витвортъ спросилъ: «Удовольствуются-ли они мѣропріятіями, которыя приведутъ къ удаленію корпуса Красова и удовлетворятъ прежде заявленнымъ ими притязаніямъ», ему отвѣчали, что «теперь уже поздно»²⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ совѣщаніяхъ участвовалъ и кн. Куракинъ, положеніе котораго все еще было неопредѣленно. Онъ не зналъ, куда его назначать; были слухи о посылкѣ въ Ганноверъ, Австрію, Голландію и опять въ Англію. «Могу назвать себя счастливымъ», говоритъ онъ, что всѣ дворы меня просили къ комисіямъ. Англійскій посоль говорилъ въ первой конференціи съ Головкинымъ, что его королева безмѣрно была благодарна моими поступками, и мое отозваніе придадо многое подозрѣніе». Самъ Витвортъ отзывался о кн. Куракинѣ, какъ человѣкъ доброжелательномъ къ Англіи, который сумѣетъ сдѣлать все возможное для утвержденія добраго согласія между царемъ, ея величествомъ, королевою Англіи и ея союзниками, такъ какъ

1) Удержаніе за Россіей Риги, Кексгольма, Петербурга, Нарвы и Ревеля со всѣми прилегающими мѣстностями, за Польшей—части Ливоніи и Помераніи, за Дакіей—Шоніи, Голландіи и Блекенса.

2) Сборникъ 60, 15—38; 43 и слѣд.

князь былъ убѣжденъ, что такое согласіе наиболѣе обезпечиваетъ интересы Петра ¹⁾. Любезность Витворта къ кн. Куракину простиралась до того, что посольство отъ имени С. Джона передавалъ князю привѣтствія, но, кажется, безъ полномочій послѣдняго, а исключительно въ виду соображенія, что кн. Куракинъ могъ быть полезенъ Англіи ²⁾. Представителемъ Россіи желали имѣть князя и другія державы: Ностиць просилъ въ Австрію, Фитцумъ въ Варшаву, на мѣсто кн. Григорія Долгорукова, а «гр. Головкинъ съ рукъ сбывалъ, хотя бы опять въ Англію». Эти просьбы усиливали кредитъ кн. Куракина у Государя, слѣдствіемъ чего и явилось назначеніе въ Голландію. Сначала хотѣли послать на мѣсто Матвѣева въ Гагу Урбиха; но его не любили въ Голландіи. Одно время, въ началѣ Сѣверной войны, послѣ Травендальскаго договора, Урбихъ въ Гагѣ дѣлалъ такія предложенія о включеніи царя въ западный союзъ, что ратпенсіонарій и другія сановники сочли ихъ «дикими ³⁾». Витвортъ говорилъ, что горячій, подозрительный, несчастный характеръ Урбиха способенъ былъ скорѣе разрушить, чѣмъ создать доброе согласіе между державами ⁴⁾. Когда кн. Куракинъ узналъ о предполагавшемся назначеніи Урбиха, то, желая самъ попасть въ Голландію, началъ отклонять Вѣнскаго посла отъ поѣздки. Онъ говорилъ ему, что въ Голландіи очень трудно жить вслѣдствіе дороговизны, что 12000 ефимковъ жалованья, получаемаго Урбихомъ отъ Россіи, недостаточно, что кромѣ этого въ Гагѣ необходимъ посольскій характеръ, а безъ него ничего не подѣлаешь. Внимая совѣтамъ кн. Куракина, Урбихъ, дѣйствительно, «учинилъ предложеніе двору, прося посольскаго характера и также 16000 ефимковъ на расходы; но царь не согласился съ этими предложеніями. Однажды, рассказываетъ кн. Куракинъ, въ Карлсбадѣ былъ тайный консилій, на которомъ были царь, Головкинъ, Долгорукій и самъ князь. Тутъ Петръ предложилъ кн. Куракину ѣхать въ Ганноверъ, чтобы вмѣстѣ съ Шлейницемъ улаживать вопросъ о присоединеніи Бремена и Вердена къ Ганноверу. Князь отказывался, приводя многія причины противъ назначенія и совѣтуя средоточить это дѣло въ рукахъ Датскаго посланника, кн. Долгорукаго. Въ тоже время зашла рѣчь и объ Урбихѣ. Нѣкоторые члены совѣта указывали на то, что Урбихъ нелюбимъ въ Голландіи и что «онъ, тамъ, всѣмъ будетъ противенъ». Послѣ этого царь удалился въ сосѣднюю комнату вмѣстѣ съ Головкинымъ и сказалъ ему: «оставимъ Матвѣева по прежнему въ Гол-

¹⁾ Сборникъ, 61, 73.

²⁾ Тамъ же, стр. 50.

³⁾ Тамъ же, стр. 3.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 38.

ландіи до указу и пошлемъ туда кн. Куракина; пусть онъ вѣдаетъ дѣла совместно съ Матвѣевымъ и во всемъ съ нимъ совѣтуется». Объ этомъ разговорѣ кн. Куракинъ узналъ отъ Головкина впоследствии, когда уже состоялось открытое назначеніе.

Это случилось послѣ свадьбы Царевича, на которой присутствовалъ и кн. Куракинъ, не только какъ членъ свиты царя, но и какъ дядя Царевича. Свадьба происходила 14 Октября, въ королевскомъ замкѣ, въ присутствіи Польской королевы, дѣда, отца и матери принцессы. Князь замѣчаетъ, что его бытность въ Торгау была такъ «меланхолична», что и описать ее трудно. Иностранцы смотрѣли на кн. Куракина, какъ на ближайшую родню и почетно къ нему относились: «дому тутошняго, говоритъ онъ, почтили меня по достоинству»; но иначе отнесся къ кн. Куракину царь: князь получилъ афронтъ. Во время бракосочетанія вѣнецъ надъ принцессою держалъ Головкинъ. Въ 8 часовъ вечера былъ устроенъ свадебный столъ въ большой залѣ замка. За столомъ разѣлись такъ: въ центрѣ—молодые; по правую отъ нихъ сторону—Петръ, за нимъ герцогъ, дѣдъ принцессы, и ея мать; далѣе Головкинъ и Брюсъ. По лѣвую сѣли: герцогъ, отецъ принцессы, рядомъ съ нимъ Долгорукій, а за нимъ князя Куракинъ и Юрій Трубецкой *). Кн. Куракинъ, такимъ образомъ, сидѣлъ на предпоследнемъ мѣстѣ, куда онъ сѣлъ нарочито. «Когда почали садиться за столъ, говоритъ онъ, то персоною самого царскаго величества посаженъ Яковъ Брюсъ. Тогда я принужденъ былъ самъ взять послѣднее мѣсто и ниже всѣхъ тѣхъ помянутыхъ сѣсть, и нарочито являлъ лицо мальконтентъ (недовольное). Вѣроятно царь, врагъ всякихъ церемоній, сдѣлалъ случайно то, что посадилъ по правую отъ себя сторону Брюса, а со-всѣмъ не съ желаніемъ уколоть князя, какъ представителя Допухиныхъ. Но кн. Куракинъ понялъ поступокъ царя именно въ семъ послѣднемъ смыслѣ, чѣмъ и объясняется его недовольство. Досадно ему было не то, что онъ сидѣлъ на послѣднемъ или предпоследнемъ мѣстѣ, а то, что въ такой публичной оказіи, на виду дома Вольфенбютельскаго, онъ былъ униженъ Петромъ. «И въ ту свою бытность, замѣчаетъ онъ, великій кредитъ свой, ранѣе установленный, я снова утратилъ. Однакомъ могу себѣ причестъ за счастье, что двора государева многіе мнѣ великое благодареніе являли и соблазновали о такихъ моихъ несчастливыхъ поступкахъ». Тѣмъ не менѣе при отъѣздѣ изъ Торгау (20 Октября) царь простился съ кн. Куракинымъ, повидимому, радушно: «князь видѣлъ себѣ нѣкоторую отгѣну отъ царскаго величества». Тогда-то кн. Куракинъ и получилъ официальное назначеніе ѣхать въ Гагу, чтобы наблю-

*) Исторія царствованія Петра Великаго. Устряловъ, т. VI стр. 27.

дать царскіе интересы. Но въ дачѣ денегъ, замѣчаетъ князь, «насилу великую могъ выходить у гр. Головкина 6000 ефимковъ годоваго моего жалованья». Долгорукій получилъ 8000.

Кн. Куракинъ не сообщаетъ, почему онъ понудилъ себя отправиться въ Голландію: послѣ, говоритъ онъ, опишу свои рефлексіи. Однако, въ сохранившихся его мемуарахъ мы не нашли этого описанія. Позволительно, тѣмъ не менѣе, думать, что одною изъ побудительныхъ причинъ поѣздки въ Гагу были тѣ афронты, которые встрѣчалъ онъ на родинѣ. Онъ былъ, несмотря на знакомство съ Европой, представителемъ стараго порядка, воплощавшагося въ первой семьѣ царя. Отсюда и рядовое, если не меньшее, отношеніе къ князю птенцовъ царя; отсюда и неровное отношеніе послѣдняго, то дружественное, то холодное. Думать надо, что Петръ цѣнилъ способности, образованіе и дипломатическіе взгляды князя Куракина. Самое назначеніе его на отвѣтственные мѣста свидѣтельствуетъ о признаніи его заслугъ царемъ и довѣрчивомъ къ нему отношеніи. Но кажется, что самъ Петръ различалъ между отношеніемъ къ лицу и отношеніемъ къ дѣлу. Какъ постоянное напоминаніе старыхъ взглядовъ, вытекавшихъ изъ родовыхъ понятій, сторожникомъ которыхъ, хотя и въ облагороженной формѣ, былъ кн. Куракинъ, онъ могъ быть непріятенъ царю и тѣмъ болѣе, чѣмъ ярче самъ князь подчеркивалъ свою родовитость. Но иное былъ кн. Куракинъ, какъ дѣловой сотрудникъ царя, понимавшій его планы и намѣренія. Отсутствие цѣльности въ отношеніяхъ Петра къ кн. Куракину оскорбляло послѣдняго, и онъ слѣшилъ опять и опять удалиться съ родины. Но куда? Отъ воли царя, въ концѣ концовъ, зависѣло назначеніе; но поскольку въ этомъ возможно было участіе князя, оно и обнаружилось въ избраніи Голландіи. Лондонъ, Ганноверъ, Вѣна, Парижъ, Варшава, куда просили кн. Куракина, правда, увеличивали его значеніе въ глазахъ царя, но не всѣ въ одинаковой степени были заманчивы. Въ Лондонѣ, хотя кн. Куракинъ и установилъ хорошія отношенія, но, помимо того, что жизнь тамъ была дорогà, трудно было вести дѣла въ странѣ, слишкомъ медленной на свои резолюціи и недовѣрчивой къ Россіи. Ганноверъ представлялъ собою второстепенное мѣсто, гдѣ, притомъ, было сильно Шведское вліяніе. Въ Варшавѣ, повидимому, прочно сидѣлъ кн. Долгорукій; а Августъ, по Саксоніи, находился въ зависимости отъ Вѣны. Поляки, кромѣ того, были сильно раздражены хозяйничанствомъ царя. Вѣна своимъ чопорнымъ дворомъ и его недружелюбнымъ отношеніемъ къ Петру, прославившая себя, притомъ, оскорбительными выходками противъ Русскихъ посланниковъ, не могла быть пріятнымъ мѣстомъ; во всякомъ случаѣ здѣсь пришлось бы устанавливать новыя отношенія, что было и трудно, и убыточно. Оставались Парижъ

и Голландія. Но съ Франціей пока не было острыхъ дѣлъ; на время она могла быть поручена наблюденію ближайшаго, по мѣсту, посланника, какъ Ганноверъ порученъ былъ кн. В. Долгорукому. Наилучшимъ мѣстомъ была, такимъ образомъ, Голландія, съ которой и дѣятелями которой кн. Куракинъ былъ знакомъ во время предыдущихъ посѣщеній. Страна эта пользовалась особеннымъ расположеніемъ царя, который соединялъ съ ней лучшія воспоминанія и во многомъ, подобно великому курфирсту Бранденбурга Фридриху, подражалъ ей. Для кн. Куракина, особенно искавшаго расположенія царя, мѣсто это представлялось тѣмъ болѣе лестнымъ, чѣмъ важнѣе была Голландія въ глазахъ Петра. Для постоянно болѣзненнаго князя жизнь въ Гагѣ была удобнѣе въ томъ отношеніи, что здѣсь находились доктора, лѣчившіе его и раньше, а недалеко отъ Голландіи Ахенскіе источники, полезные для «скорбутики». Далѣе сынъ его, Александръ, жилъ и учился въ Лейденѣ. А главное, Голландія была центромъ великаго аліанса; это былъ штабъ западной войны, гдѣ сосредоточивались и откуда исходили ея главнѣйшія дѣйствія. Теперь наступало такое время этой войны, когда опредѣленіе отношеній Запада къ Востоку являлось существенно необходимымъ: аліаты заговаривали о мирѣ. Въ Голландію должны были собраться представители всей Европы для разрѣшенія «важныхъ обстоятельствъ», какъ говорилъ объ этомъ времени Витвортъ, особенно горячо привѣтствовавшій назначеніе кн. Куракина *). Дальновидный князь понялъ политическое значеніе времени, почему и согласился ѣхать въ Голландію для того, чтобы потрудиться въ этой странѣ на благо родины.

С. Недровъ.

*) Сборникъ 61: 14, 73.

ДѢЛО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА ПО ИЗВѢСТІЯМЪ ГОЛЛАНДСКАГО РЕЗИДЕНТА ДЕ-БІЗ.

(Переводъ съ Голландскаго князя Ивана Николаевича Шаховскаго).

16 выписокъ изъ секретныхъ донесеній Голландскаго резидента въ С.-Петербургѣ, барона Якова де-Біз, отъ 1718 года, относящихся до дѣла о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, переведены мною по спискамъ съ подлинныхъ Голландскихъ документовъ, хранящихся въ Королевскомъ Музеѣ въ Гаагѣ ¹⁾. Онѣ могутъ служить новымъ дополненіемъ къ тѣмъ извѣстіямъ объ этомъ событіи, которые уже сдѣлались достояніемъ читающей публики.

Сообщаемыя барономъ де-Бізъ свѣдѣнія о дѣлѣ Царевича заключаются собственно въ 15 выпискахъ; но я счелъ излишнимъ прибавить къ нимъ еще одну (№ 16), въ которой Голландскій резидентъ подробно и наивно излагаетъ всѣ тѣ оскорбленія и притѣсненія, которымъ былъ онъ подвергнутъ со стороны канцлеровъ и посольской канцеляріи, за добросовѣстныя, по его убѣжденію, донесенія своему правительству о событіяхъ происходившихъ въ Россіи, во время его тамъ пребыванія. Князь Иванъ Шаховской.

С.-Петербургъ, Апрель 1872.

1.

Москва, 10 Февраля 1718 г., (пол. 19 Марта).

Его Высочество, Царевичъ, остановился въ Твери, городѣ отстоящемъ въ 180 верстахъ отъ Москвы, и прислалъ предварительно къ Его Величеству г-на Толстаго, который уже поѣхалъ обратно къ Его Высочеству. Помѣщеніе для Царевича приготовлено близъ покоевъ Его Величества, такъ что вѣроятно онъ скоро прибудетъ въ Москву ²⁾.

¹⁾ Списки эти, нынѣ хранящіеся въ С.-Петербургской Академіи Наукъ, были сообщены покойному князю И. И. Шаховскому А. М. Энгелемъ (нынѣ также покойнымъ), который извѣстенъ прекраснымъ „Описаніемъ архива Виленскаго генералъ-губернаторства (т. I) и къ сожалѣнію неконченнымъ переводомъ извѣстій Голландскихъ резидентовъ о Россіи въ XVII в. („Вѣстникъ Европы“ 1868 г.).

²⁾ Близъ Твери, въ Желтиковомъ монастырѣ, сохранились прекрасные покои, которые по преданію назначены были для жительства царевичу Алексѣю Петровичу. П. Б.

2.

Москва, 17 Февраля 1718 г., (пол. 21 Марта).

Вечеромъ 11-го числа, Его Высочество прибылъ въ Москву, въ сопровожденіи г-на Толстаго и имѣлъ долгій разговоръ съ Его Величествомъ. На другой день, 12-го, рано утромъ, собранъ былъ большой совѣтъ. 13-го, приказано было гвардіи Преображенскому и Семеновскому полкамъ, а также двумъ гренадерскимъ ротамъ, быть наготовѣ съ боевыми патронами и заряженными ружьями. 14-го, съ восходомъ солнца, войска эти двинулись и были разставлены кругомъ дворца, занявъ всѣ входы и выходы его. Всѣмъ министрамъ и боярамъ послано было повелѣніе собраться въ большой залъ дворца, а духовенству въ большой церкви. Приказанія эти были въ точности соблюдены. Тогда ударили въ большой колоколъ, и въ это время Царевичъ, который передъ тѣмъ наканунѣ былъ перевезенъ въ одно мѣсто, лежащее въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, совершилъ свой въѣздъ въ городъ, но безъ шпаги.

Взойдя въ большую залу дворца, гдѣ находился Царь, окруженный всѣми своими сановниками, Царевичъ вручилъ ему бумагу и палъ на колѣни передъ нимъ. Царь передалъ эту бумагу вице-канцлеру барону Шафирову и, поднявъ несчастнаго сына своего, распростертаго у его ногъ, спросилъ его, чтѣ имѣеть онъ сказать? Царевичъ отвѣчалъ, что онъ умоляетъ о прощеніи и о дарованіи ему жизни. На это Царь возразилъ ему: «Я тебѣ дарую то, о чемъ ты просишь, но ты потерялъ всякую надежду наслѣдовать престоломъ нашимъ и долженъ отречься отъ него торжественнымъ актомъ за свою подпись». Царевичъ изъявилъ свое согласіе. Послѣ того Царь сказалъ: «Зачѣмъ не внялъ ты прежде моимъ предостереженіямъ, и кто могъ совѣтовать тебѣ бѣжать?» При этомъ вопросѣ Царевичъ приблизился къ Царю и говорилъ ему что-то на ухо. Тогда они оба удалились въ смежную залу, и полагаютъ, что тамъ Царевичъ назвалъ своихъ сообщниковъ. Это мнѣніе тѣмъ болѣе подтверждается, что въ тотъ же день было отправлено три гонца въ различныя мѣста. Когда Его Величество и Царевичъ возвратились въ большую залу, то сей послѣдній подписалъ актъ, въ которомъ объявляетъ, что, чувствуя себя неспособнымъ царствовать, онъ отрывается отъ своихъ правъ на наслѣдство престола.

Послѣ подписанія акта, были грамогласно прочитаны причины, вынудившія Царя отрѣшить сына своего отъ наслѣдованія престоломъ. По окончаніи чтенія, всѣ присутствующіе отправились въ большую церковь, гдѣ Его Величество, въ длинной рѣчи, изложилъ преступное поведеніе и послушаніе своего сына. Вслѣдъ за тѣмъ Его Величество

возвратился во дворець, гдѣ былъ обѣденный столъ, за которымъ присутствовалъ и Царевичъ.

3.

Москва, 24 Февраля 1718 года, (пол. 1 Апрѣля).

Говорятъ, что открыты важные заговоры, въ которыхъ участвуетъ много лицъ изъ высшаго дворянства, и даже изъ приближенныхъ и слугъ Его Величества. Утверждаютъ, что вина ихъ состоитъ главнымъ образомъ въ соглашеніи, вопреки волѣ и опредѣленію Царя, возвести послѣ его смерти на престолъ царевича Алексѣя.

4.

Москва, 3 Марта 1718 года, (пол. 2 Мая).

Отовсюду приходятъ извѣстія объ арестованіи въ Москвѣ и Петербургѣ лицъ, какъ высшаго, такъ и низшихъ классовъ. Допросы которыми ихъ подвергаютъ, заставили Царя отстрочить выѣздъ свой изъ Москвы.

5.

С.-Петербургъ, 22 Апрѣля 1718 года, (пол. 13 Мая).

Царица, мать Царевича и царевна Марія, преданныя въ Москвѣ суду духовенства, должны вскорѣ прибыть сюда. Онѣ оставались въ Новгородѣ послѣ нашего отъѣзда изъ этого города. Я не знаю еще, какой будетъ произнесенъ приговоръ; но вообще говорятъ, что онѣ будутъ навѣки заключены въ Шлиссельбургской крѣпости, на Ладожскомъ озерѣ.

6.

Генер.-лейт. князь Василій Долгорукій снова арестованъ самымъ строжайшимъ образомъ, и ему угрожаетъ наказаніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ ссылка. Арестовано еще множество другихъ обвиненныхъ, и скоро сдѣлается извѣстною участь, которая ихъ ожидаетъ.

7.

С.-Петербургъ, 29 Апрѣля 1718 года, (пол. 20 Мая).

Любовница царевича привезена сюда изъ Германіи. При ней много золота, брилліантовъ и богатыхъ нарядовъ. Всѣ удивляются, что Царевичъ могъ питать чувство къ женщинѣ такого низкаго класса. Отъ нея все отобрали, оставивъ только необходимое. Впослѣдствіи узнается, что за судьба ее ожидаетъ.

8.

С-Петербургъ, 29 Апрѣля 1718 года, (пол. 20 Мая).

Относительно уголовного слѣдствія, производившагося во время моего пребыванія въ Москвѣ, я могу сообщить только то, что происходило публично. По истинѣ, сердцу Его Величества должно быть больно видѣть такое противодѣйствіе своимъ предназначеніямъ, измѣну и клевету, даже въ средѣ своихъ ближайшихъ сродниковъ, любимцевъ и слугъ. Я не слышалъ, чтобы до сего времени было обличено существованіе заговора противъ жизни Его Величества; но заговорщики хотѣли только возвести, послѣ его смерти, на престолъ отрѣшеннаго Царевича, умертвить всѣхъ иностранцевъ, какъ ввонниковъ введенія въ странѣ чужеземныхъ обычаевъ. заключить миръ съ Швеціею и распустить учрежденную милицію. Мнѣ говорили также, что заговорщики имѣли намѣреніе преслѣдовать нѣсколькихъ любимцевъ Его Величества, и даже самую царицу и ея дѣтей; но что всего страшнѣе въ этомъ дѣлѣ, это то, что обѣ партіи, въ немъ участвовавшія, находясь въ полномъ невѣдѣніи одна о другой, имѣли одну общую цѣль: возвести на престолъ царевича Алексѣя. Вождями одной изъ этихъ партій были отлученная царица, царевна Марія, маіоръ Глѣбовъ и нѣкоторые другія лица, между которыми находится митрополитъ Ростовскій, успѣвшій поддерживать всѣхъ заговорщиковъ въ ихъ замыслахъ, посредствомъ святотатственныхъ вымысловъ. Главнымъ вождемъ заговорщиковъ другой партіи былъ, какъ кажется, г. Кикинъ, уже казненный и бывший однимъ изъ первыхъ любимцевъ Его Величества. По всѣмъ вѣроятіямъ, г. Кикинъ, приговоренный нѣсколько лѣтъ предъ этимъ къ оштрафованію и къ ссылкѣ и вскорѣ потомъ помилованный, искалъ случая отмстить за перенесенное имъ оскорбленіе и, для достиженія этой цѣли, составилъ вокругъ себя партію преданныхъ царевичу Алексѣю людей. Очень возможно также, что онъ успѣлъ привлечь къ своей партіи многихъ знатныхъ лицъ; но я, съ своей стороны, позволяю себѣ почти положительно утверждать, что всѣ Русскіе, къ какому бы сословію они ни принадлежали, раздѣляютъ эти чувства. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что пока живъ Царь, всѣ будутъ имѣть видъ покорный и послушный, но если царевичъ Алексѣй будетъ живъ въ то время, когда царевичъ Петръ не достигнетъ еще извѣстнаго возраста, можно предвидѣть, что Россія будетъ подвергнута большимъ волненіямъ. Страшнѣе всего что здоровье Царя шатко, и что наследникъ престола, царевичъ Петръ, очень слабого сложенія, и нельзя рассчитывать на продолжительность его жизни. Ему теперь 1½ года,

но онъ еще не говоритъ и не ходитъ и постоянно боленъ. Если этотъ ребенокъ умретъ, то царю будетъ снова предстоять выборъ наследника; развѣ только, въ предстоящихъ родахъ, царица разрѣшится отъ бремени царевичемъ. Во всякомъ случаетъ, мало вѣроятія, чтобы царь прожилъ достаточно долго, чтобы воспитать своего наследника и утвердить его на престолѣ. Вслѣдствіе всего этого, нужно ожидать большихъ волненій въ этой странѣ.

9.

С.-Петербургъ, 6 Мая 1718 года (пол. 24 Юня).

Въ ночь съ 1-го на 2-е Мая, всѣ арестованные государственные преступники привезены были въ крѣпость для новаго допроса. Много говорятъ о скорыхъ казняхъ.

10.

С.-Петербургъ, 24 Мая 1718 года (пол. 10 Юня).

Царевичъ Алексѣй не видѣлъ еще своихъ дѣтей; но я не могу сказать, запрещено ли ему было это свиданіе, или онъ самъ того не желалъ. Его Высочество все еще находится подъ строгимъ карауломъ, вблизи покоевъ Царя, и рѣдко появляется при дворѣ. Говорятъ, что умственные способности его не въ порядкѣ. Продолжаютъ допрашивать въ большой тайнѣ всѣхъ его любимцевъ, и въ особенности брата его матери Лопухина и генер.-лейт. кн. Долгорукаго. Главная вина сего послѣдняго состоитъ въ томъ, что за 2½ года предъ симъ, когда царь, будучи опасно боленъ, послалъ его къ царевичу Алексѣю убѣдить его удалиться въ монастырь, кн. Долгорукій, на отказъ сего послѣдняго, сказалъ ему: «идите теперь въ монастырь, а когда настанетъ время, то мы сумѣемъ освободить оттуда Ваше Высочество». Вѣроятно царевичъ передалъ эти слова своему отцу, что и повергло въ опалу эту многочисленную и весьма могущественную фамилію. Братъ его былъ также арестованъ, а дядя, президентъ совѣта, отставленъ отъ должности.

Съ самаго начала этого уголовнаго слѣдствія, говорили по всей Москвѣ, что князь Куракинъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ, а въ послѣдствіи рассказывали, что онъ посылалъ изъ Голландіи деньги Царевичу, во время бѣгства сего послѣдняго въ Германію. Этого было бы достаточно, чтобы навлечь на него всевозможныя несчастія, если бы Его Величество имѣлъ его въ своихъ рукахъ, враги Куракина не замедлили бы способствовать тому; но повидимому, или вина его не такъ велика, или царь выжидаетъ болѣе благопріятную минуту, чтобы за-

братъ его въ свои руки. Я слышалъ при дворѣ, что кн. Куракинъ говорилъ, будто бы, что онъ готовъ во всю жизнь свою служить царю внѣ Россіи, но что онъ никогда не возвратится въ отечество. Если эти слова были сказаны, то изъ нихъ можно заключить, что онъ не чувствуетъ себя здѣсь въ безопасности.

11.

С.-Петербургъ, 27 Мая 1718 года (пол. 18 Юня).

Изъ Москвы положительно утверждаютъ, что 27 Марта открыли всѣ четыре вены царицѣ, матери царевича Алексѣя, но что послали всю ея свиту въ Шлюссельбургъ для того, чтобы думали, чтобы и она находится тамъ же.

12.

С.-Петербургъ, 30 Мая 1718 года, (пол. 23 Юня).

Мнѣ сказали, что оба брата князя Долгорукіе, изъ коихъ одинъ генер.-лейтенантъ, а другой сенаторъ, и Абрамъ Лопухинъ, братъ бывшей царицы, были на прошедшей недѣлѣ перевезены въ Петербургъ для новаго допроса, и что это произошло вслѣдствіе признаній, сдѣланныхъ любовницею низложеннаго Царевича. Послѣ допроса, они были препровождены въ другое мѣсто; но куда, того невозможно узнать. Во всякомъ случаѣ достоверно, что имѣнія ихъ конфискованы, и что на дняхъ будетъ продаваться съ публичнаго торга ихъ движимое имущество.

13.

С.-Петербургъ, 3 Юня 1718 года, (пол. 24 Юня).

На дняхъ началась публичная продажа имущества кн. В. Долгорукаго, послѣ чего будетъ продано имущество его брата и Лопухина. Мнѣ говорили что ген.-лейт. князь Долгорукій былъ дважды пытанъ и что признанія его такъ поразили Царя, что Его Величество задался мыслию, не лучше ли положить конецъ всѣмъ допросамъ и дальнѣйшимъ разысканіямъ всей этой нити замысловъ и интригъ, тѣмъ болѣе, что теперь узнано, что генералъ князь Долгорукій въ гвардейскомъ полку, бывшемъ подъ его командою, посѣялъ весьма тревожныя и опасныя чувства. Нѣсколько солдатъ уже было арестовано, и истиннѣ, ничего не надо опасаться столько, какъ возмущенія въ этомъ войскѣ, имѣющемъ среди себя множество дворянъ и примѣръ котораго можетъ имѣть гибельное вліяніе на другіе полки. Полагаютъ, что это было причиною тайнаго отправления въ ссылку вышеупомянутыхъ трехъ лицъ. Иначе, я убѣжденъ, что воспользовались бы публичнымъ ихъ наказаніемъ для поданія примѣра строгости.

14.

С.-Петербургъ, 26 Іюня 1718 года, (пол. 27 Іюля).

25 числа этого мѣсяца, рано утромъ, Сенать генералитеть и духовенство собрались въ церкви, гдѣ, въ присутствіи царя, было совершено богослуженіе и призвано благословеніе Божіе. Послѣ того, всѣ сіи сановники отправились въ большую залу Сената, куда приведенъ былъ царевичъ Алексѣй окруженный сильнымъ конвоемъ. Въ его присутствіи вскрыли шкатулку, наполненную письмами и бумагами, которыя и были громогласно прочтены. Между ними было много писемъ, писанныхъ различными сановниками. Изъ содержанія этихъ писемъ оказалось, что существуетъ заговоръ, имѣющій цѣлю отнять у царя престоль и лишить его жизни. Эти бумаги открыто представлены Его Величеству, послѣ возвращенія его изъ Москвы, и открытіемъ этимъ главнымъ образомъ, обязаны показаніямъ любовницы Царевича. Чтеніе происходило публично, при открытыхъ дверяхъ и окнахъ. Послѣ чтенія, Его Величество началъ упрекать сына своего, который во время пребыванія ихъ въ Москвѣ, обѣщался и клялся на Евангеліи, что раскроетъ всѣ дѣйствія, намѣренія свои, а равно и сообщниковъ своихъ, между тѣмъ какъ онъ не открылъ и сотою части того, въ чемъ клялся сознаться, изъ чего видна рѣшимость его косятъ въ преступныхъ своихъ замыслахъ. Его Высочество, павъ на колѣна, умолялъ о пощадѣ. Тогда царь, поцѣловавъ своего сына, со слезами на глазахъ сказалъ ему, что онъ съ глубокою горестью видитъ его виновнымъ въ столь преступномъ посягательствѣ, что въ Москвѣ онъ могъ ему простить то, въ чемъ онъ сознался, но что теперь не желаетъ болѣе судить тѣ преступленія, которыя онъ утаилъ, и что поэтому онъ предастъ Царевича и его сообщниковъ суду здѣсь присутствующаго духовенства. Затѣмъ, обращаясь къ духовенству, Его Величество просилъ его рассмотреть это дѣло со тщаніемъ и произнести приговоръ, за который они не страшились бы отвѣтить предъ Всемогущимъ Богомъ, цѣлымъ міромъ и самимъ царемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество убѣждалъ духовенство быть умѣреннымъ и не быть неумолимымъ. Это событіе, котораго не ожидали, произвело потрясающее дѣйствіе, и въ скоромъ времени результатъ онаго сдѣлается извѣстнымъ. Послѣ всего вышеизложеннаго, несчастный Царевичъ былъ отвезенъ обратно въ крѣпость, гдѣ содержится подъ строжайшимъ карауломъ.

22 числа сюда привезены изъ Москвы три весьма важныхъ лица, закованныя въ тяжелыя цѣпи.

Всѣ документы и письма, о которыхъ я говорилъ, будутъ напечатаны и опубликованы.

15.

С.-Петербургъ, 4 Юля 1718 гѣда, (ноя. 30).

При семъ прилагаемая реляція составлена на основаніи того, что было сообщено однимъ изъ вліятельнѣйшихъ царскихъ министровъ резиденту одной изъ иностранныхъ державъ. Я счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія высокихъ штатовъ этотъ документъ. Трудно опредѣлить время окончанія занятій верховнаго суда, ибо много лицъ участвующихъ въ заговорѣ должны еще быть привезены сюда. Князь Львовъ, однажды уже арестованный и выпущенный на свободу, снова арестованъ и признанъ виновнымъ. Говорятъ также, что фельдмаршала Шереметева подозрѣваютъ въ участіи въ этомъ дѣлѣ, и что его скоро привезутъ сюда. Очевидно, что заговоръ этотъ весьма обширенъ и что результатъ слѣдствія и суда будетъ кровавый. Несомнѣнно, что твердость царя превозможетъ все и возстановитъ спокойствіе въ странѣ. Судъ составленъ изъ духовенства, сенаторовъ, губернаторовъ, генералитета и чиновъ Преображенскаго полка, что доходитъ до 100 человекъ, и онъ собирается ежедневно.

Р е л я ц і я.

Послѣ смертныхъ казней, происходившихъ въ Москвѣ, думали, что уголовное слѣдствіе уже окончено и что всѣ волненія утихнутъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сохраняли въ глубокой тайнѣ все, что дѣлалось со времени нашего возвращенія въ Петербургъ. Но каковы же были удивленіе и ужасъ публики, когда она узнала, что всѣ самыя строжайшія изслѣдованія, пытки и мученія, которымъ было подвергнуто въ Москвѣ столько виновныхъ, далеко не раскрыли всей истины и что ни отъ кого изъ находящихся въ настоящее время въ заключеніи заговорщиковъ не допытались бы ничего, если бы съ одной стороны перехваченная переписка съ другой, письма найденныя зашитыми въ платьяхъ генер.-лейт. князя Долгорукова и другихъ преступниковъ, не способствовали къ открытію истины и не показали, что не только низложенный царевичъ Алексѣй былъ виновникомъ этого гнуснаго заговора, но что по всей Россіи находится великое множество лицъ, принимающихъ въ немъ участіе? Его Величество тѣмъ болѣе опечаленъ этимъ, что въ Москвѣ онъ даровалъ жизнь царевичу Алексѣю съ условіемъ, что сей послѣдній покажетъ всю истину, въ чемъ Царевичъ клялся на Евангеліи, на крестѣ и передъ принятіемъ Св. Тайнъ. Но такъ какъ Царевичъ, вопреки этимъ клятвамъ, утаилъ всѣ самыя важныя обстоятельства, то Его Величество былъ вынужденъ назначить верховный судъ надъ Царевичемъ и его прежними и нынѣшними сооб-

щниками. Для сего Его Величество созвалъ немедленно въ Петербургъ всѣхъ высшихъ представителей духовенства, которые уже съѣхались двѣ недѣли тому назадъ, и учредилъ уголовное судилище, состоящее изъ ста членовъ, избранныхъ среди духовенства и государственныхъ чиновниковъ; всѣ министры участвуютъ въ этомъ судилищѣ. Его Величество ежедневно, со слезами, колѣнопреклоненный, въ теченіи 8 дней, молилъ Бога внушить ему то, что повелѣваютъ ему честь его и благо-его государства. Верховное судилище открыто было 25 Іюня въ залѣ Сената, куда прибылъ Царь въ сопровожденіи ста членовъ суда послѣ совершеннаго въ церкви богослуженія, въ которомъ призывалось на нихъ благословеніе Духа Святого.

Когда всѣ члены суда заняли свои мѣста и всѣ двери и окна залы были отворены, дабы всѣ могли приблизиться, видѣть и слышать, царевичъ Алексѣй былъ введенъ въ сопровожденіи четырехъ унтеръ-офицеровъ и поставленъ насупротивъ царя, который, несмотря на душевное волненіе, рѣзко упрекалъ его въ преступныхъ его замыслахъ. Тогда Царевичъ съ твердостью, которой въ немъ никогда не предполагали, сознался, что не только онъ хотѣлъ возбудить возстаніе во всей Россіи, но что если Царь захотѣлъ бы уничтожить всѣхъ соучастниковъ его, то ему пришлось бы истребить все населеніе страны. Онъ объявилъ себя поборникомъ старинныхъ нравовъ и обычаевъ, также какъ и Русской вѣры, и этимъ самымъ привлечь къ себѣ сочувствіе и любовь народа. Въ эту минуту Царь, обратясь къ духовенству, сказалъ: «Смотрите, какъ зачерствѣло это сердце и обратите вниманіе на то, что онъ говоритъ. Соберитесь послѣ моего ухода, спросите свою совѣсть, право и справедливость, и представьте мнѣ письменно ваше мнѣніе о наказаніи, которое онъ заслужилъ, злоумышляя противъ отца своего. Но мнѣніе это не будетъ конечнымъ судомъ; вамъ, судьямъ земнымъ, поручено исполнять правосудіе на землѣ. Во всякомъ случаѣ, я прошу васъ не обращать вниманіе ни на личность, ни на общественное положеніе виновнаго, но видѣть въ немъ лишь частное лицо и произнести вашъ приговоръ надъ нимъ по совѣсти и законамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я прошу также, чтобъ приговоръ вашъ былъ умѣренъ и милосердъ, на сколько вы найдете возможнымъ это сдѣлать».

Царевичъ, остававшійся во все это время спокойнымъ и являвшій видъ большой рѣшимости, былъ послѣ сего отвезенъ обратно въ крѣпость. Помѣщеніе его состоитъ изъ маленькой комнаты воалѣ мѣста пытки. Но не долго продолжалъ онъ оказывать твердость, ибо вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ кажется очень убитымъ. Говорятъ, что приговоръ будетъ скоро объявленъ, и по этому случаю на стѣнахъ крѣ-

пости воздвигли эстраду обтянутую краснымъ сукномъ, со столомъ и скамьями.

Кіевскій архіепископъ и еще три высокопоставленныя лица должны быть привезены сюда; но этимъ, какъ кажется, не кончатся аресты. Со времени заговора Донъ-Карлоса, сына Филиппа II, короля Испанскаго, Христіанскій міръ не видѣлъ ничего подобнаго этому событію; но Его Величество слѣдуетъ въ этомъ плачевномъ дѣлѣ весьма похвальной методѣ, оставляя, какъ монархъ, изслѣдовать и обсудить всѣ дѣйствія публично, на основаніи законовъ и правосудія, дабы весь міръ узналъ страшные и преступные замыслы его сына и необходимость, которая заставила Его Величество такъ дѣйствовать. Дѣйствительно, государь этотъ находится въ весьма прискорбномъ и тяжеломъ положеніи. Говорятъ, что заговорщики намѣревались съечь Петербургъ и флотъ, распустить милицію и умертвить всѣхъ иностранцевъ, какъ виновниковъ введенія въ странѣ чужеземныхъ нравовъ, обычаевъ и правилъ; равно какъ убить всѣхъ любимцевъ царя, священная особа и семейство котораго, вѣроятно, тоже не были бы пощажены.

16.

С.-Петербургъ, 25 Іюля 1718 года, (пол. 26 Августа).

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что высокіе штаты извѣщены уже министрами и посланниками Его Величества о необычайныхъ и неожиданныхъ дѣйствіяхъ, которымъ подверглись здѣсь моя личность и офиціальное положеніе мое. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что постарались очернить меня самымъ гнуснымъ образомъ предъ высокими штатами и что мнѣ приписали то, что никогда не входило въ помышленія мои. На обязанности моей лежало, и интересъ мой требовалъ, чтобы я немедленно представилъ высокимъ штатамъ подробное донесеніе обо всемъ случившемся; но нравственное разстройство и болѣзненное мое состояніе не позволили мнѣ это сдѣлать. Поэтому я долженъ былъ ограничиться краткимъ извѣщеніемъ обо всемъ случившемся зятя моего, Филиппа фонъ-Свиндена, въ письмѣ отъ 15 числа сего мѣсяца. Изъ послѣдующаго донесенія моего, высокіе штаты могутъ усмотрѣть, какимъ образомъ было возвращено мнѣ это письмо. Этимъ дѣйствіемъ мнѣ было ясно доказано, что ни одно письмо мое не будетъ пропущено безъ просмотра; поэтому я долженъ былъ ограничиться веденіемъ журнала всѣмъ дѣйствіямъ совершеннымъ по сей день и ожидать удобнаго случая, чтобы препроводить высокимъ штатамъ вѣрное и подробное донесеніе о всѣхъ происшедшихъ событіяхъ. По всей истинѣ я могу подтвердить, что въ предлагаемой мною реляціи я на только ни слова не

прибавилъ къ тому, что мнѣ было говорено, но что, напротивъ, я еще смягчилъ, сколько было возможно, рѣзкость употребленныхъ выраженій.

Во всякомъ случаѣ я долженъ сказать, что мнѣ невозможно передать тѣ жесты, рѣзкость движеній и интонаціи голоса, употребленныя въ разговорѣ со мною; если бы я могъ это сдѣлать, то я увѣренъ, что чтеніе этой реляціи было бы достаточнымъ, чтобы устроить человека самаго храбраго.

Свидѣтельствую здѣсь, со всею чистотою совѣсти, что я всегда дѣйствовалъ какъ вѣрный слуга правительства, извѣщая высокіе штаты обо всемъ томъ, что я считалъ непремѣннымъ долгомъ своимъ доводить до ихъ свѣдѣнія. За невозможностію вести корреспонденцію посредствомъ шифра, я соблюдалъ всевозможную осторожность въ важнѣйшихъ донесеніяхъ моихъ г-ну генеральному секретарю.

Здѣсь очень раздражены тѣмъ, что я занимался вещами будто бы не входившими въ кругъ моихъ обязанностей какъ резидента; но какъ бы могъ я, находясь въ Москвѣ и будучи очевидцемъ столь важныхъ событій, какъ учрежденіе царемъ уголовного слѣдствія, казнь преступниковъ, не довести объ этомъ до свѣдѣнія высокіхъ штатовъ? По возвращеніи въ Петербургъ, могъ ли я не доносить о томъ, что происходило послѣ Московскихъ событій, о возобновленіи уголовного слѣдствія, о томъ что совершалось на Аландскомъ конгрессѣ, тѣмъ болѣе, что я очень хорошо зналъ, какъ гибельна эта сѣверная война для интересовъ правительства высокіхъ штатовъ и ихъ подданныхъ, и что вашимъ высококомочіямъ весьма важно было знать, что совершилось положительнаго на Аландскихъ островахъ? Для достиженія этой цѣли, я не ограничивался слухами и летучими извѣстіями, но вошелъ въ близкія сношенія съ иностранными резидентами и старался получить отъ нихъ достовѣрныя свѣдѣнія о всемъ томъ, что тамъ происходило. При этомъ, я долженъ сказать, что Ганноверскій резидентъ г. Веберъ, въ виду дружественнаго союза своего государя съ высокими штатами, показывалъ мнѣ въ этомъ отношеніи большую довѣренность, какъ это можно усмотрѣть изъ писемъ моихъ къ г. генеральному секретарю. Съ своей стороны, я дѣлалъ все что могъ для того, чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія, такъ что въ этомъ отношеніи я не только не вижу повода упрекнуть себя въ чемъ либо, но имѣю, напротивъ, право сказать, что я горячо принималъ къ сердцу исполненіе моихъ обязанностей. Очень можетъ быть, что Русское министерство было недовольно, раздражено даже, прочитавъ въ моихъ донесеніяхъ разсужденія мои относительно запрещенія ввоза сюда произведеній нашихъ лучшихъ фабрикъ и способа возмездія, который я имѣлъ смѣлость повергнуть на благоусмотрѣніе вашихъ высококомочій. Я также увѣренъ, что письма мои относи-

тельно рѣзкости выраженій по поводу снаряженія флота высокихъ штатовъ и цѣли его плаванія, должны были увеличить еще болѣе существующее уже противъ меня раздраженіе; но во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, въ чемъ могла бы упрекнуть меня моя совѣсть; ибо, какъ благонамѣренный и вѣрный подданный, я, въ донесеніяхъ своихъ, не скрывалъ ни малѣйшей мысли моей, и я дѣлалъ это съ тѣмъ болѣею откровенностію, что былъ далекъ отъ мысли, что, нарушивъ тайну писемъ, посягнуть на неприкосновенность министра, оиціально окредитованнаго, что его задержать и отберуть отъ него всѣ его бумаги. Повторяю еще разъ вашимъ высококомочіямъ, что во всемъ этомъ я, по совѣсти, не могу сдѣлать себѣ никакого упрека. Я только сожалею, что всѣ свѣдѣнія, предназначенныя для высокихъ штатовъ, попали въ недостойныя руки, и благодарю Бога, что могу явиться предъ августѣйшимъ собраніемъ вашихъ высококомочій для представленія отчета въ моихъ дѣйствіяхъ.

Нѣтъ возможности, чтобы меня обвиняли въ неумѣстной частной корреспонденціи. Въ существованіи этого меня никто не убѣдитъ, потому что предъявленіемъ исходящаго регистра моей корреспонденціи (если онъ будетъ мнѣ возвращенъ) и письмама моими я могу доказать, что не имѣлъ переписки ни съ кѣмъ болѣе, какъ съ г. посланникомъ Брюйнигсомъ, секретаремъ Ансильономъ и резидентомъ Румпфомъ, и то рѣдко. Всѣ эти лица могутъ засвидѣтельствовать, что я не писалъ имъ ничего предосудительнаго. Я скажу даже, что письма, которыя мнѣ пересылались для доставленій въ Швецію на имя Русскихъ находящихся тамъ въ плѣну, давали мнѣ возможность и поводъ писать г. Румпфу, съ которымъ я не могъ, по случаю уничтоженія обыкновенныхъ почтовыхъ сообщеній, поддерживать переписку, что я, по крайнему убѣжденію моему имѣлъ право дѣлать, не подвергаясь никакому осужденію.

Кромѣ этой корреспонденціи, я долженъ сознаться, что писалъ изрѣдка къ г. Ренару, Англійскому агенту въ Амстердамъ, которому я давалъ различныя порученія, и что иногда я по дружбѣ увѣдомлялъ его о томъ, что здѣсь происходитъ. Съ своей стороны, и онъ, отъ времени до времени, сообщалъ мнѣ извѣстія, которыя онъ получалъ изъ Англии, Франціи и Испаніи. Это можетъ быть подтверждено имъ подъ присягою. Затѣмъ, я не думаю, чтобы могли меня подозрѣвать въ веденіи переписки съ Голландскими негоціантами, проживающими въ Архангельскѣ и Москвѣ, а также въ Амстердамѣ.

Меня упрекали въ написаніи письма исполненнаго клеветы на вице-канцлера барона Шафирова и совѣтника канцеляріи Остермана; объ этомъ будетъ упомянуто въ подробномъ донесеніи моемъ. Объявляю

во всей чистотѣ совѣсти моей, предъ вашими высокоочіями и предъ всемогущимъ Богомъ, что у меня никогда не было подобной мысли; что подробности, извлеченныя изъ этого подложнаго письма, мнѣ совершенно неизвѣстны. Кромѣ того, я полагаю, что ваши высокоочія могли замѣтить изъ моихъ донесеній, что я всегда отзывался съ большимъ уваженіемъ объ этихъ господахъ и выставялъ вице-канцлера какъ челоуѣка весьма вліятельнаго и способнаго, которымъ слѣдуетъ дорожить. Поэтому я громко объявляю, что одни только злые люди могутъ мнѣ приписывать подобнаго рода письмо, и что письмо это выдуманно съ низкою цѣлью послать копію съ него, подъ моимъ именемъ, къ вице-канцлеру. Но тѣмъ не менѣе, это злосчастное письмо принесло мнѣ много вреда и было первою причиною моей невзгоды. Во время пребыванія моего въ Москвѣ, баронъ Шафировъ далъ мнѣ понять, что меня подозрѣваютъ въ томъ, что я писалъ противъ него, но съ большою откровенностію сказалъ мнѣ, что знаетъ, что меня неспособнымъ сдѣлать подобную мерзость.

Но исторія письма, посланнаго княземъ Куракинымъ негоціанту Бартоломею Борсту, подъ конвертомъ негоціанта Эгберта Тезинга, съ приказаніемъ имъ передать это письмо г. Лопухину, арестованному за государственное преступленіе, или же возвратить его немедленно, и совѣтъ, который я далъ, возбудили противъ меня крайнее негодованіе, и съ тѣхъ поръ не переставали обвинять меня въ вещахъ самыхъ необычайныхъ и гнусныхъ. Въ надеждѣ найти подтвержденіе этимъ обвиненіямъ, вскрывали всѣ мои письма; но никто въ цѣломъ мірѣ не можетъ доказать мнѣ, что я имѣлъ, съ кѣмъ бы то ни было изъ Русскихъ поданныхъ, къ какому бы классу они ни принадлежали, какія нибудь секретныя сношенія, тѣмъ болѣе, какую либо корреспонденцію. Такимъ образомъ всѣ эти подозрѣнія, всѣ обвиненія, столь легковѣрно на меня введенныя, должны пасть сами собою; и вотъ поэтому налегли на слово *возмущеніе*, которое дѣйствительно находится въ нѣсколькихъ донесеніяхъ моихъ, и вывели самыя гнусныя заключенія изъ того, что я писалъ, находясь въ большомъ страхѣ, въ Москвѣ и здѣсь, во время производства уголовного слѣдствія.

Я сознаю, что это справедливо, такъ какъ всегда думалъ, что если низложенный Царевичъ переживетъ его величество, то онъ, не смотря на отреченіе свое, на клятву, на распоряженія и проклятія отца, будетъ стремиться къ овладѣнію престоломъ и, найдя многочисленныхъ приверженцевъ, возбудитъ въ цѣлой странѣ смуты, со всѣми ихъ кровавыми ужасами. Безъ сомнѣнія, всѣ найдутъ весьма страннымъ, что подобнаго рода мысли могли быть перетолкованы такимъ предательскимъ образомъ.

Не знаю, въ чемъ могутъ состоять другія взведенныя на меня обвиненія; но полагаюсь на невинность мою, на правосудіе Божіе и на защиту вашихъ высокомоцій, которыя не покинете вѣрнаго слугу и не допустите, чтобы ему причиняли притѣсненія; а такъ какъ мнѣ не остается ничего болѣе, какъ ожидать отзыва моего отсюда, то я всенижайше умоляю ваши высокомоція отозвать меня, какъ можно скорѣе, и дозволить для избѣжанія путевыхъ расходовъ и для безопасности моей и семейства моего, чтобы одинъ изъ кораблей эскадры, находящейся въ настоящую минуту въ Балтикѣ, пришелъ за мною въ Петербургъ. Не прошу ничего иного, кромѣ возможности какъ можно скорѣе выѣхать изъ этой несчастной страны и предстать предъ вашими высокомоціями для отданія отчета о дѣйствіяхъ моихъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, нимаю не сомнѣваясь, что ваши высокомоція, будучи убѣждены въ моей невинности, сообразовоудите употребить меня на дальнѣйшее служеніе правительству.

Вѣрная и сокращенная реляція о нарушеніи международнаго права и о насиліяхъ, причиненныхъ мнѣ, резиденту вашихъ высокомоцій, высочихъ штатовъ соединенныхъ провинцій, при дворѣ Его Величества, царя Всероссійскаго.

13 Іюля, около 7½ часовъ вечера, прибылъ ко мнѣ секретарь канцеляріи съ извѣщеніемъ, что такъ какъ царь и г.г. канцлеры отправляются въ путешествіе, то ихъ превосходительства желали бы переговорить со мною о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Полагая, что хотятъ объявить мнѣ (какъ это сдѣлано въ отношеніи другихъ иностранныхъ резидентовъ), что царь чрезъ Кроншлотъ отправляется съ флотомъ въ Ревель, и что я долженъ слѣдовать за нимъ, я рѣшился переправиться чрезъ рѣку, чтобы явиться въ канцелярію. Вслѣдствіе того, сдѣлавъ всѣ свои приготовленія и не смотря на то, что мой единственный ребенокъ находился въ конвульсіяхъ и боролся со смертію, и что жена моя была повержена этимъ въ отчаяніе, я сѣлъ въ шлюпку и велѣлъ перевезти себя къ канцеляріи, къ канцлеру графу Головкину. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, я былъ введенъ къ его пр—ву, гдѣ нашелъ и г. вице-канцлера, барона Шафирова. Поклонясь ихъ пр—мъ, я сказалъ, что я тщетно искалъ утромъ возможности переправиться черезъ рѣку, и что теперь я пріѣхалъ узнать чего ихъ пр—мъ угодно отъ меня. На это г. вице-канцлеръ, съ живостію обратясь ко мнѣ, объявилъ, что я подвергся немилости царя, говоря, что его величество, хотя и требовалъ однажды моего отзыва, но не желалъ давать дальнѣйшаго хода этому дѣлу; однакоже, вслѣдствіе многихъ уважительныхъ причинъ, приказавъ съ нѣкотораго времени вскрывать всѣ мои письма и доне-

сенія, его величество нашелъ сильныя поводы обратиться со мною самымъ строгимъ образомъ, до того даже, что я могу подвергнуться предсѣдованію предъ правительствомъ штатовъ и сложить свою голову на эшафотъ. «У насъ находятся всѣ ваши подлые и лживыя письма», присовокупилъ онъ. Но я очень могъ замѣтить, что они были переведены на Русскій языкъ, и поэтому надѣялся, что по крайней мѣрѣ подлинники были отправлены. Тогда г. вице-канцлеръ, баронъ Шафировъ, съ запальчивостію спросилъ меня: «По какой причинѣ вы такъ часто общались, что боитесь скорого возмущенія въ Россіи? Здѣсь нечего бояться возстанія, а если оно должно произойти, то вы должны имѣть о томъ свѣдѣнія». Я отвѣчалъ, что не знаю ни о какомъ возмущеніи и что я не имѣлъ никакихъ сношеній съ Русскими подданными, а тѣмъ менѣе, какихъ нибудь секретныхъ корреспонденцій, но что видѣлъ въ Москвѣ такое броженіе, столько арестовъ и казней, что, наравнѣ со всѣми иностранцами, и въ особенности моими соотечественниками, боялся, чтобы не произошло чего нибудь подобнаго. Тогда вице-канцлеръ съ гнѣвомъ и пѣною у рта вскочилъ: «Ты долженъ что-нибудь знать, и сознаешься въ этомъ, или сдѣлаешь себя несчастнымъ на всю жизнь. Мы съ тобою поступимъ, какъ поступили съ Гилленбергомъ» *). Я возразилъ немедленно, что они въ правѣ дѣлать что имъ угодно, но что я, во всякомъ случаѣ, радуюсь, что опасенія мои были напрасны, и что отъ души желаю, чтобы Богъ даровалъ царю доброе здоровье и успѣхъ. На это баронъ Шафировъ снова спросилъ меня: «зачѣмъ, будучи въ Петербургѣ, говорили вы опять о близости возмущенія?» Я отвѣчалъ, что мнѣ не было причины разсѣять свои опасенія, ибо получалъ все тѣже страшныя свѣдѣнія и даже слышалъ, что царственный принцъ рѣшился умышлять противъ жизни своего государя и отца. Мой испугъ былъ до того великъ, что я желалъ бы тогда быть далеко отъ этой страны, съ женою моею, ребенкомъ и всѣмъ имуществомъ моимъ, тѣмъ болѣе, что я, узнавъ, что генералъ-лейт. кн. Долгорукій оказался также виновнымъ, боялся, что злой духъ возстанія и заговоръ проникнетъ и въ армію. «Этотъ человекъ» возразилъ въ свою очередь вице-канцлеръ, «сдѣлался несчастнымъ вслѣдствіе неосторожно произнесенныхъ имъ преступныхъ словъ; но ни онъ, ни другія арестованныя лица не были еще признаны виновными въ измѣнѣ». На это я отвѣтилъ, что мнѣ весьма пріятно это слышать. Тогда вице-канцлеръ

*) Въ 1716 году, графъ Гилленборгъ, Шведскій посланникъ въ Лондонъ, былъ арестованъ за участіе въ заговорѣ противъ короля Георга I-го для сверженія его въ пользу Якова Стюарта. (Это было выгодно для Петра Великаго, отвлекая Англійское правительство отъ поддержки Карлу XII-му). П. Б.

спросилъ меня, кто тотъ пріятель мой, который такъ быстро увѣдомилъ меня о смерти царевича Алексѣя? Я отвѣчалъ, что извѣстіе это повсемѣстно распространено, и что, не придавая тому особеннаго значенія, объ этомъ сообщилъ мнѣ хирургъ маіоръ Говей. «А!» воскликнулъ бар. Шафировъ «Такъ это онъ, который служить вамъ вѣстовщикомъ новостей!» Нѣтъ, отвѣтилъ я, и это была первая сколько нибудь важная новость, которую онъ мнѣ сообщилъ. «Но, какъ видно изъ донесенія вашего, онъ вашъ другъ?»—Да, отвѣчалъ я, и охотно въ этомъ сознаюсь, потому что я, жена моя и дѣти, были имъ пользованы всегда съ истинною дружбою.

На вопросъ о томъ, откуда взялась у меня мысль, что царевичъ Алексѣй умеръ неестественною смертью и что ему открывали вены, я отвѣтилъ, что хотя и не довѣряю этому, полагаясь болѣе на то что вице-канцлеръ сказалъ мнѣ и Датскому резиденту г-ну Вестфалену, во время обѣда 8 числа, въ день годовщины Полтавской побѣды, но долженъ однакоже сознаться, что многіе раздѣляютъ эту мысль. Конечно, было бы невозможно обращать вниманіе на всѣ слухи и толки, которые ходятъ по городу; такъ на примѣръ, нѣсколько дѣтей и старухъ рассказывали различно о томъ, какъ выставлено было тѣло Царевича. Одни говорили, что прикладывались къ его рукамъ, другіе это отрицали; одна старая повивальная бабка рассказывала моей женѣ, что были допущены къ цѣлованію руки, говоря, что заподлинно это знаетъ, потому что дочь ея живетъ въ крѣпости, и въ квартирѣ ея готовилась пища Царевичу. Послѣ того, его пр-во спросилъ меня, «кто мнѣ сказалъ что г. Герцъ, въ частномъ разговорѣ съ г. Брюсомъ, на остр. Аландѣ, предложилъ проектъ брака герцога Голстинскаго съ царевною Анною, и какая была моя мысль, когда я сказалъ, что царица поддерживаетъ этотъ планъ съ цѣлью имѣть, въ случаѣ надобности, вѣрное убѣжище?» На это я отвѣтилъ, что имѣю поводъ думать, что почерпнулъ это извѣстіе изъ хорошаго источника, что могу и доказать. Будучи убѣжденнымъ, что его пр-во, перехвативъ всѣ мои письма, долженъ былъ видѣть изъ донесеній моихъ, что я пользовался полнымъ довѣріемъ Ганноверскаго резидента, я сказалъ, что свѣдѣнія это я получилъ отъ него. Его пр-во не хотѣлъ этому вѣрить и сказалъ мнѣ съ большимъ раздраженіемъ: «Что подразумѣваете вы подъ словомъ *убѣжище*? Развѣ ея величество не царица въ странѣ?» Я отвѣчалъ, что это дѣйствительно такъ, но что я всегда боялся, чтобы Царевичъ, хотя онъ и отрекся отъ своихъ правъ на престолъ, не пренебрегъ бы своею клятвою въ случаѣ, если онъ переживетъ царя, и не сталъ бы искать средствъ къ вступленію на престолъ; что если бы эта преступная попытка удалась, то я думалъ, что ея величество царица могла бы най-

ти убѣжище у своей дочери, но что я однакоже надѣялся и былъ увѣренъ, что дѣло никогда не дойдетъ до такой крайности, и что даже, если смотрѣть на всѣ обстоятельства съ самой мрачной точки зрѣнія, то въ этомъ можно видѣть только преждевременныя опасенія, внушаемая любовью къ ея величеству и ея царству. «Нѣтъ, воскликнулъ вице-канцлеръ, г. Веберъ не могъ сказать подобной вещи; онъ слишкомъ уменъ и остороженъ; вашъ повѣренный,—это подлый клеветникъ, г-нъ Плейеръ, резидентъ императора, и неужели вы думаете, что мы не знаемъ той короткости отношеній, которыя существуютъ между вами? У насъ слѣдять за вами достаточно глазъ, и даже болѣе нежели вы думаете». Я отвѣтилъ, что нимало въ этомъ не сомнѣваюсь и что я не отрицаю, что имѣю съ этимъ лицомъ сношенія, подобно какъ и съ другими иностранными резидентами, но что г. Плейеръ никогда не сообщалъ мнѣ ничего дурного или вреднаго интересамъ царя. За тѣмъ, вице-канцлеръ спросилъ меня, по какому поводу писалъ я, что, повидимому, здѣсь ненавидятъ Голландскую націю? Но очень многимъ причинамъ, отвѣтилъ; я такъ напримѣръ, я не могу считать доказательствомъ дружбы запрещеніе ввоза сюда самыхъ лучшихъ произведеній нашихъ мануфактуръ и неожиданное повелѣніе направлять на Петербургъ всю Архангельскую торговлю; но что, впрочемъ, я не вижу, почему я долженъ отдавать здѣсь отчеты въ моихъ поступкахъ, тогда какъ правительство высокихъ штатовъ есть мой единственный и высшій судья. На это бар. Шафировъ возразилъ мнѣ: «Мы васъ не судимъ; судить васъ будутъ ваши властители, и повѣрьте, что съумѣютъ преслѣдовать васъ предъ нами до послѣдней крайности. Вы не воображаете себѣ, что высокіе штаты изъ за васъ объявятъ войну его величеству. Вы были присланы сюда лишь для веденія торговыхъ дѣлъ, но предательскимъ и хитрымъ образомъ вы успѣли проникнуть въ дѣла самыя деликатныя, которыя до васъ не относились. Вы въ состояніи изъ самаго сладкаго меда извлечь самый ужасный ядъ, и такъ какъ у васъ совѣсть не была чиста, то вы писали, прося отозванія вашего, думая тѣмъ ускользнуть отъ насъ во время; но вы ошиблись въ вашихъ расчетахъ». На эту дерзкую выходку я отвѣчалъ, что дѣйствительно просилъ объ моемъ отозваніи, но вовсе не вслѣдствіе упрековъ моей совѣсти, а потому только, что съ нѣкотораго времени я видѣлъ уменьшеніе расположенія ко мнѣ, что опасался критическихъ событій въ странѣ и потому наконецъ, что я въ тоже самое время видѣлъ всѣ старанія употребленныя для уничтоженія торговли моей націи, не имѣя возможности достигнуть ни малѣйшаго удовлетворенія самыхъ справедливыхъ жалобъ. На вопросъ о томъ, кто говорилъ мнѣ, что наслѣдннй Царевичъ часто подверженъ конвульсіямъ, и что онъ весьма

слабаго здоровья, я отвѣчалъ, что это всѣмъ извѣстно, и что жена доктора Блументроста говорила моей женѣ, что прорѣзываніе зубовъ у маленькаго царевича идетъ очень тяжело, и что онъ весьма слабъ; притомъ я ни въ какомъ случаѣ не думаю, что сдѣлалъ худо, освѣдомившись о здоровьѣ маленькаго Царевича *). «Ну, теперь чтò думаете вы объ этомъ письмѣ?» воскликнулъ вице-канцлеръ, и прочелъ мнѣ часть письма, написаннаго по нѣмецки, въ которомъ личность его и совѣтника канцеляріи, Остермана изображены въ самомъ гнусномъ свѣтѣ. «Въ чемъ дурномъ были мы когда либо виноваты передъ вами, что вы рѣшились написать подобныя клеветы на насъ?» Я былъ, поистинѣ, пораженъ содержаніемъ этого письма и возразилъ, что тотъ, кто писалъ его, гнусный клеветникъ; что я согласился-бы, чтобы мнѣ отрубили правую руку, если могутъ доказать мнѣ, что я написалъ подобное письмо, и что кромѣ того, хотя я и знаю Нѣмецкій языкъ, но никогда не пишу на немъ. Тогда вице-канцлеръ сказалъ мнѣ: «дѣла государя должны идти прежде дѣлъ частныхъ лицъ» и положилъ это письмо въ карманъ. По выраженіи мною желанія видѣть гр. Головкина, мнѣ было предложено удалиться на минуту въ другую комнату. Я отправился и нашелъ тамъ моего Русскаго кучера, который сказалъ мнѣ, что, во время отсутствія моего, въ моемъ домѣ произведены большія насилія и что всѣ комнаты были подвергнуты обыску. Послѣ получасоваго ожиданія, я снова былъ введенъ въ комнату канцлеровъ, и баронъ Шафировъ сказалъ мнѣ: «мы составили на бумагѣ нѣсколько вопросныхъ пунктовъ, на которые вы отвѣтите письменно». Находясь въ столь тяжеломъ душевномъ настроеніи, я отвѣчалъ, что такъ какъ все высказанное мною на словахъ было выраженіемъ истины, я нимало не затрудняюсь повторить тоже самое и на бумагѣ. На это бар. Шафировъ сказалъ: «мы разрѣшаемъ вамъ возвратиться домой, но вы будете пребывать тамъ арестованнымъ». Я возразилъ, что вынужденъ подчиниться всему, но неужели ко мнѣ не будутъ допускать никого, даже и негеціантовъ моей націи? На это мнѣ было сказано, что негеціанты могутъ бывать у меня. Кромѣ того, я спросилъ, можно ли мнѣ воспользоваться почтою, для увѣдомленія моего правительства о томъ чтò произошло со мною? Вице-канцлеръ отвѣтилъ мнѣ: Это сдѣлается и безъ васъ; но если вы хотите писать, то можете прислать письма ваши въ канцелярію или въ почтамтъ, гдѣ они будутъ просмотрѣны». Затѣмъ, откланявшись, я вышелъ въ сопровожденіи секретаря Курбатова, которому поручено было передать караулу приказаніе не производить

*) Сынъ Петра и Екатерины, первое ихъ законное чадо. П. Б.

безпорядковъ въ моемъ домѣ и оставить мнѣ пользование всѣми комнатами.

Я возвратился домой въ большомъ волненіи, съ лицомъ искаженнымъ страданіями, и, къ вѣщему ужасу своему, увидѣлъ жену мою, находящуюся на послѣднихъ порахъ беременности, въ слезахъ и окруженную гренадерами съ ружьями. Послѣ первыхъ ощущеній при свиданіи, сперва жена моя, а потомъ и прислуга рассказали мнѣ и подтвердили все случившееся у меня на дому. Только что я вышелъ изъ дома, прибылъ туда секретарь канцеляріи, Веселовскій, спросивъ, можетъ ли онъ меня видѣть. На отрицательный отвѣтъ, онъ спросилъ дозволенія переговорить съ моею женою, которая, хотя и не была расположена видѣть его, по причинѣ тяжкой болѣзни нашего ребенка, но рѣшилась, однакоже, принять его. Тогда г-нъ Веселовскій спросилъ ее, дома ли я; она отвѣтила, что, будучи за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ призванъ канцлерами, я отправился туда, но что, можетъ быть, есть возможность еще догнать меня, и, призвавъ одного изъ слугъ, приказала какъ можно скорѣе меня настигнуть и просить вернуться; но слугъ было воспрещено отлучаться. За тѣмъ, г. секретарь сказалъ моей женѣ, что онъ имѣетъ отъ канцлеровъ и отъ Его Величества приказаніе наложить печати на всѣ мои письма и бумаги и взять ихъ съ собою, и поэтому просилъ мою жену указать, гдѣ эти бумаги находятся. Жена моя, испуганная сообщеннымъ ей приказаніемъ, возразила секретарю, что онъ исполняетъ странное порученіе, но что она не хочетъ и не обязана указать ему гдѣ находятся бумаги ея мужа, а тѣмъ менѣе еще вручить ему оныя; поэтому она проситъ его обождать немного, и такъ какъ я не могу быть еще далеко, то она пошлетъ за мною слугу. Въ ту минуту какъ сей послѣдній собирался исполнить это приказаніе, онъ былъ задержанъ гренадеромъ; ибо во время разговора жены моей съ секретаремъ на мой дворъ прибыли майоръ и лейтенантъ съ 11-ю гренадерами и унтеръ-офицеромъ и заняли всѣ входы и выходы. Г. секретарь продолжалъ однакоже настаивать, чтобы жена моя вручила ему мои бумаги, дабы этимъ избѣжать дальнѣйшихъ для насъ несчастій. Она умоляла обождать моего возвращенія, ибо тогда я могъ или поступить по моему усмотрѣнію, или подчиниться необходимости; но всѣ ея просьбы были тщетны, и секретарь объявилъ, что если она будетъ упираться еще далѣе, то тѣмъ вынудитъ его прибѣгнуть къ необходимости велѣть все вскрыть силою. Въ отчаяніи своемъ, желая избѣгнуть еще ббльшихъ непріятностей, жена моя должна была указать, гдѣ находится мой кабинетъ, куда и направился немедленно г. секретарь въ сопровожденіи 3-хъ гренадеръ, спрашивая ключи отъ этой комнаты, которые я, противъ обыкновенія своего, взялъ съ собою.

Жена моя сказала, что такъ какъ ключей у нея нѣтъ, то она и не можетъ дать ихъ и присовокупила: «пошлите въ канцелярію, и вы убѣдитесь, что мужъ мой унесъ ихъ съ собою». Затѣмъ г. секретарь приказалъ принести топоръ, что было тотчасъ же исполнено, и чрезъ минуту дверь моего рабочаго кабинета была взломана. Войдя въ эту комнату, г. секретарь сейчасъ же подошелъ къ моему бюро и спросить ключъ отъ него. Жена моя снова отвѣчала, что не имѣетъ его. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ словъ, прибѣгли къ помощи топора, и въ бюро были сломаны замки. Всѣ бумаги и письма, находившіяся въ немъ, были взяты, запечатаны и положены въ мѣшокъ. Покончивъ съ этимъ, г. секретарь спросилъ мою жену, не имѣется ли у меня еще какихъ нибудь бумагъ? Отвѣтивъ, что того не знаетъ, она сказала ему, что онъ самымъ грубымъ образомъ нарушилъ международное право и поступилъ съ нею, слабою женщиною, съ хитростью и безъ малѣйшаго къ ней вниманія, ибо меня выманили изъ дома для того, чтобы можно было съ бѣльшимъ удобствомъ совершать всѣ произведенныя насилія, но что со временемъ убѣдятся, какъ они странно ошибались и что высокіе штаты сумѣютъ получить удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя ихъ представителю. Г. секретарь отвѣтилъ, что онъ въ этомъ не виноватъ, и что онъ только исполняетъ полученное имъ приказаніе, но что все таки желаетъ знать, не имѣется ли у меня еще другихъ бумагъ. Тогда жена моя повела его по всѣмъ комнатамъ и въ видѣ насмѣшки открыла всѣ сундуки и шкафы, наполненные бѣльемъ, платьемъ, провизіею и т. д. Пристыженный этимъ и смущенный безуспѣшностію этой инквизиторской попытки, г. секретарь хотѣлъ уже удалиться, когда жена моя, съ необыкновеннымъ присутвіемъ духа, сказала ему: «Вы не можете удалиться такимъ образомъ; вы употребили насиліе, вы взломали двери рабочаго кабинета моего мужа топоромъ, сломали замки отъ его бюро и взяли всѣ его бумаги; теперь вы должны приложить печати къ дверямъ этой комнаты, дабы мой мужъ имѣлъ видимое доказательство, что вы были здѣсь». Г. секретарь, наложивъ печати къ дверямъ кабинета, удалился со своими двумя писцами.

Достойно замѣчанія, что генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ, хозяинъ дома *), въ которомъ я живу, г. тайный совѣтникъ Толстой и многіе другіе знатные Русскіе во все послѣбѣдненное время гуляли по

*) Домъ этотъ, на мѣстѣ нынѣшняго Зимняго дворца, былъ отданъ въ даръ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ графомъ Апраксинымъ, которая въ немъ и поселилась, пріѣхавъ изъ Москвы въ Январѣ 1732 года. Въ домѣ чадили печи, и Милютинъ (хозяинъ нынѣшнихъ Милютиныхъ лавокъ) исправилъ печи, за что и пожалованъ быть во дворяне съ печною вьюшкою въ гербѣ (слышано отъ его правнука, Николая Алексѣевича Милютина). П. В.

принадлежащему къ дому этому саду и были свидѣтелями производимыхъ у меня насилій, и что генералъ-адмиралу доносили о всемъ происходившемъ у меня. Лакей Пруссаго резидента, пришедшій къ одному изъ моихъ слугъ, былъ задержанъ и выпущенъ на свободу только по произведеніи надъ нимъ обыска. Моя несчастная жена, испуганная всѣми случившимся, приказала слугъ отправиться къ доктору и просить его прибыть немедленно; но этому воспротивлялись, и только послѣ многихъ разсужденій согласились послать одного гренадера къ доктору, который прибылъ тотчасъ же; но ему дозволили лишь сдѣлать на лѣстницѣ, въ присутствіи офицера и солдатъ, нѣсколько вопросовъ моей женѣ и передать ей склянку съ каплями для нея и для больного ребенка. Моей женѣ воспрещено было имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было, и у нея спросили число и имена находящихся у насъ слугъ.

Все это происходило во время моего отсутствія и, возвратясь домой, я увидѣлъ, что тамъ еще оставленъ былъ лейтенантъ и 8 солдатъ. Въ 11½ часовъ вечера, адъютантъ, присланный г-мъ тайнымъ совѣтникомъ Толстымъ, привезъ лейтенанту этому приказаніе удалиться и объявилъ мнѣ, что домъ мой свободенъ и состоитъ въ полномъ моемъ распоряженіи. Когда лейтенантъ собирался уже уходить, я спросилъ его, должны ли оставаться нетронутыми печати наложенныя на двери моего рабочаго кабинета, или я могу пользоваться и имъ, какъ и другими комнатами. Послѣ минутнаго размышленія, лейтенантъ взялъ ножикъ, срѣзалъ печати и, сказавъ мнѣ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, удалился съ своею командою.

Я думаю, что будетъ лишнимъ говорить, какъ велико было огорченіе и пораженіе наше при видѣ грубости, съ какою было нарушено всякое право въ отношеніи меня, моего офиціальнаго характера, моего семейства, бумагъ и жилища моего. Одно утѣшеніе наше, это убѣжденіе въ нашей невинности, при упованіи на Бога и на покровительство высокихъ штатовъ.

На другой день, 14-го, со мною были приливы крови къ головѣ и конвульсивныя движенія въ тѣлѣ, такъ что мнѣ посовѣтывали для избѣжанія апоплексіи пустить кровь, что я и сдѣлалъ. Мнѣ воспрещено было всякое сношеніе съ посторонними лицами; негоціанты, съ которыми мнѣ разрѣшено было видѣться, боясь себя скомпроментировать, избѣгали моего дома, и секретарь Курбатовъ, который сопровождалъ меня изъ канцеляріи домой, въ тотъ же вечеръ передалъ иностраннымъ резидентамъ запрещеніе посѣщать меня.

Утромъ, 14-го, прибылъ ко мнѣ секретарь Веселовскій и вручилъ мнѣ ноту, въ которой заключались письменные вопросы, одинаковые съ тѣми, которые дѣлаемы были мнѣ съ такою дерзостью словесно

бар. Шафировымъ въ канцеляріи, съ приказаніемъ теперь же написать на нихъ отвѣты. Я сначала отказался было отъ этого, на томъ основаніи, что уже далъ отвѣты словесные; но г. Веселовскій замѣтилъ мнѣ, что уклониться отъ этого невозможно, и что эти письменные отвѣты мои могутъ только послужить мнѣ въ пользу. Я въ немногихъ словахъ сказалъ ему, что, по чистой совѣсти, протестую противъ обвиненія въ веденіи мною здѣсь какой либо корреспонденціи, могущей причинить вредъ интересамъ царя, и въ написаніи письма исполненнаго гнусныхъ клеветъ противъ барона Шафирова и совѣтника канцеляріи Остермана. Послѣ этого г. Веселовскій удалился; сознаюсь, что въ эту минуту, я выказалъ, можетъ быть, нѣкоторую слабость. Въ утро 14-го же, хирургъ Говей и повивальная бабка были арестованы, вслѣдствіе выше-помянутыхъ словъ моихъ.

Размышляя о всемъ случившемся и стараясь отдать себѣ въ томъ отчетъ, я въ тоже время узналъ отъ слугъ моихъ, что прислуга генераль-адмирала говорила имъ, что въ теченіи трехъ недѣль, съ самаго ранняго утра, безотлучно находилось въ саду моемъ неизвѣстное лицо, которое записывало всѣхъ приходившихъ ко мнѣ. При этомъ извѣстии, собравшись съ мыслями, я убѣдился, что это было справедливо, и что лицо это былъ адъютантъ генерала - адмирала, котораго я, противъ обыкновенія, видѣлъ въ своемъ саду по утрамъ и по вечерамъ; но, не подозрѣвая, чтобы я могъ быть подвергнутъ подобнаго рода инквизиціи и чувствуя совѣсть свою спокойною, я не обратилъ на это никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что люди генераль - адмирала почти постоянно находились въ саду, для наблюденія за рабочими. Слуги мои сказали мнѣ также, что они слышали отъ людей графа Апраксина, что въ эти три недѣли я ни разу не выходилъ изъ дома безъ того чтобы за мною не слѣдили издали двое солдатъ, дабы видѣть, съ кѣмъ я буду разговаривать дорогою. Это мнѣ показалось правоподобнымъ, въ особенности когда я припоминалъ слова бар. Шафирова, что на меня обращено болѣе глазъ, чѣмъ я думаю.

Въ ночь съ 14-го на 15-е, у меня были лихорадка и сильное нервное волненіе, такъ что я послалъ за докторомъ и не вставалъ съ постели. Глубоко огорченный арестомъ хирурга Говея и повивальной бабки, я послалъ, не смотря на свою болѣзнь, просить секретаря Веселовскаго посѣтить меня. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ, и тогда жена моя и я, мы съ чистосердечіемъ убѣждали его, что эти люди ни въ чемъ не виноваты и упрашивали его объ освобожденіи ихъ, и въ особенности бѣдной повивальной бабки, потому что жена моя, находясь въ послѣднемъ періодѣ беременности, боялась, чтобы всѣ испытанныя ею тревоги не ускорили родовъ ея. Г. Веселовскій обѣщалъ хлопотать

объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ меня передать ему отвѣты мои на сдѣланные мнѣ наканунѣ вопросы; но въ отвѣтахъ этихъ не упоминать о послѣднемъ пунктѣ, относящемся до объявленія моего, что не я авторъ оскорбительнаго для вице-канцлера и для г. Остермана письма, присовокупивъ, что отрицаніе это можетъ быть предметомъ особаго частнаго письма, которымъ его пр-во удовлетворится. Я отвѣтилъ, что не въ состояніи былъ писать, какъ можетъ это видѣть самъ г. Веселовскій, но что какъ только мнѣ будетъ лучше, то я охотно напишу требуемое письмо. Послѣ того, г. секретарь удалился. Послѣ обѣда, волненіе мое уменьшилось и, чувствуя себя нѣсколько лучше, я написалъ это письмо весьма краткаго содержанія и приложилъ къ нему открытое письмо на имя зятя моего, Филиппа фонъ-Свидена, въ которомъ увѣдомлялъ его о несчастіяхъ происшедшихъ со мною. Я послалъ эти оба письма къ г. Веселовскому, прося его передать первое г. вице-канцлеру, а второе, по прочтеніи его, возвратить для отнесенія его на почту моему человѣку, которому я, для этой цѣли далъ печать свою. Кромѣ того, я просилъ его убѣдительно выхлопотать освобожденіе несчастной повивальной бабки для того, чтобы, послѣ всего уже перенесеннаго мною, я не имѣлъ несчастія лишиться еще и жены моей, вслѣдствіе отсутствія необходимой помощи. Вечеромъ, послѣ 8 часовъ, слуга мой, возвратясь, донесъ мнѣ, что баронъ Шафировъ, давъ ему лично письмо мое на имя зятя, сказалъ: «Кланяйтесь отъ меня вашему господину и передайте ему, что мы не можемъ отправить этого письма, потому что въ немъ написана одна только ложь; онъ не арестованъ, и домъ его не окруженъ солдатами. Если онъ желаетъ писать, то чтобы, по крайней мѣрѣ, писалъ правду». Къ этому слуга мой присовокупилъ что г. Веселовскій, съ своей стороны, сказалъ ему, что повивальная бабка не можетъ быть выпущена на свободу, потому что она была слишкомъ болтлива; да къ тому же есть кромѣ нея много бабокъ Шведокъ и Финдляннокъ, къ которымъ можетъ обратиться моя жена. Отвѣтъ этотъ еще болѣе усилилъ мое отчаяніе, потому что я видѣлъ, что мнѣ не хотятъ дать возможности извѣстить ваши высококомочія о моемъ положеніи и что имѣютъ намѣреніе очернить меня предъ высокими штатами и представить поведеніе мое въ самыхъ черныхъ краскахъ. Во всякомъ случаѣ я покорился въ твердомъ упованіи на Бога, на мою невинность и на покровительство вашихъ высококомочій, и въ полномъ убѣжденіи, что въ донесеніяхъ моихъ они не могли усмотрѣть ничего враждебнаго противъ царя и никакихъ злыхъ умысловъ; но, напротивъ, только искренное желаніе добра правительству. Съ этою утѣшительною мыслію я вооружился терпѣніемъ, но тѣмъ не менѣе

преисполненъ былъ горести по случаю отказа женѣ моей въ той помощи, которой требовало критическое положеніе ея.

16-го числа, я опять долженъ былъ оставаться въ постели. Въ теченіе этаго дня, ко мнѣ были присланы одинъ за другимъ два секретаря канцеляріи, съ приглашеніемъ явиться къ вице-канцлеру. Я имъ отвѣтилъ, что не въ состояніи этого исполнить, но что если его примѣть что нибудь сообщить мнѣ, то чтобы поручилъ это секретарю. Затѣмъ, въ этотъ день никто болѣе не являлся.

17-го утромъ, въ 7½ часовъ, прибылъ ко мнѣ чиновникъ канцеляріи съ приглашеніемъ немедленно явиться къ канцлеру. Я ему отвѣтилъ тоже что и наканунѣ. 18-го, между 9 и 10 часами утра, пріѣхалъ секретарь Веселовскій, чтобы освѣдомиться объ моемъ здоровьѣ, на что я отвѣтилъ ему, что объ этомъ легко узнать по лицу моему. Тогда онъ передалъ мнѣ ноту на Нѣмецкомъ языкѣ, въ которой отъ меня требовали, чтобы, въ виду того, что въ словесныхъ отвѣтахъ, данныхъ мною при допросѣ 13-го числа, я показавъ, что во время пребыванія въ Москвѣ и производства уголовного слѣдствія, я, подобно всѣмъ Голландскимъ негоціантамъ, находился въ непревѣдномъ страхѣ, я называлъ всѣхъ этихъ боязливыхъ негоціантовъ или бы указалъ на одного изъ нихъ; въ случаѣ же отказа съ моей стороны, со мною поступлено будетъ какъ съ лицомъ не облеченнымъ никакимъ официальнымъ характеромъ. Но это требованіе я возразилъ, что совершенно будетъ лишнимъ называть нѣкоторыя имена, потому что не одни только Голландцы, но всѣ безъ исключенія иностранцы были въ это время въ такомъ же страхѣ какъ и я. Кромѣ того, я замѣтилъ, что никто не имѣетъ право лишить меня характера, которымъ я облеченъ, исключая вашихъ высокомоцій, моихъ единственныхъ судей, и что съ этой минуты я не буду давать никому никакого отвѣта, ни объясненія, горько упрекая себя, что выказавъ столько слабости, но что я надѣялся быть оправданнымъ, тѣмъ болѣе, что поведеніе въ отношеніи меня бар. Шафирова было безпримѣрно грубо, и что со мною поступаютъ самымъ страннымъ и необъяснимымъ образомъ: не только не удовольствовались полнымъ нарушеніемъ международнаго права, но мнѣ еще препятствуютъ довести до свѣдѣнія штатовъ о моемъ бѣдственномъ положеніи и обвиняютъ меня во лжи. При этомъ я спросилъ г-на Веселовскаго, будто неправда, что домъ мой былъ занятъ майоромъ, лейтенантомъ и сержантомъ, которые охраняли всѣ его выходы и входы и посредствомъ топора взломали дверь моего рабочаго кабинета, вскрыли бюро, и что не есть ли это настоящій арестъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: «Это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока я не забралъ ваши бумаги;

послѣ того у васъ оставлены были только одинъ лейтенантъ и шестеро солдатъ». Такимъ образомъ, возразилъ я, могутъ сказать, что я не находился подъ арестомъ до 11½ часовъ вечера, когда, по приказанію г. Толстого, удалилась стража, состоявшая изъ лейтенанта и 8, а не 6-ти, какъ говорите вы, солдатъ; но я не такъ понимаю вещи, и вы можете сказать бар. Шафирову, что онъ самъ, при выходѣ моемъ изъ канцеляріи, объявилъ мнѣ громкимъ голосомъ, что я нахожусь подъ арестомъ, и что я не думаю выходить изъ дома, доколѣ не получу приказаній отъ вашихъ высококомочій и не узнаю, какъ приняли вы извѣстіе объ оскорбленіяхъ, которымъ подвергся вашъ резидентъ. Въ то же время я объявляю вамъ, что пусть приываютъ меня сто разъ въ канцелярію, я туда не поѣду, не имѣя никакого желанія вновь слышать дерзости бар. Шафирова и подвергать мою жизнь опасности, вслѣдствіе всѣхъ тяжелыхъ испытаній, вынесенныхъ мною. Г. секретарь Веселовскій потребовалъ, чтобъ я переписалъ набѣло мои отвѣты, и чтобъ я вычеркнулъ изъ нихъ то, чтò относится до бар. Шафирова, потому что его пр-во удовольствовался письмомъ моимъ. На это я отвѣтилъ, что не сдѣлаю ни того, ни другого, что я сожалею объ оказанной мною уступчивости, но чтò сдѣлано, того не вернуть. Онъ спросилъ меня также, не имѣлъ ли я какихъ-нибудь частныхъ корреспонденцій; я отвѣтилъ утвердительно, присовокупивъ только, что онѣ не заключаютъ въ себѣ ничего предосудительнаго и могущаго причинить вредъ Его Величеству. Г. Веселовскій просилъ меня хорошенько припомнить себѣ всё, и тогда, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, я вспомнилъ, что послалъ нѣсколько запечатанныхъ писемъ генералъ-маіора Ивана Михайловича *), въ которыхъ, по словамъ вице-канцлера, находились векселя на имя брата его, бывшаго въ плѣну въ Швеціи; что мнѣ неоднократно присылали изъ канцеляріи письма плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ для доставленія ихъ, подъ моею печатью, въ Швецію, чтò и было мною въ точности исполняемо; что однажды я получилъ открытое письмо г-жи Седергіельмъ на имя ея мужа, которое и переслалъ изъ Москвы, съ разрѣшенія князя Меншикова; что съ тѣхъ поръ я получалъ отъ г. Седергіельма два письма на имя его жены, изъ коихъ одно было мною переслано, а другое находится въ отобранныхъ у меня бумагахъ; потому что, получивъ его незадолго передъ тѣмъ, я намѣревался его отправить 14-го въ виду того, что вице-канцлеромъ было объявлено о запрещеніи кому бы то ни было принимать письма, приходящія отъ плѣнныхъ Шведовъ или адресованныя имъ. При этомъ я присовокупилъ, что весьма можетъ быть, что при пересылкѣ нѣсколькихъ писемъ от-

*) Фамилія лица не обозначена.

сюда въ Швецію и полученіи таковыхъ оттуда, я иногда и оказывалъ легкую услугу, но что это не должно служить поводомъ къ подозрѣванію меня въ преступномъ умыслѣ. Послѣ этого, г. Веселовскій удалился.

19, 20, 21 и 22 никто не являлся ко мнѣ, такъ какъ дворъ и всѣ иностранные резиденты поѣхали въ Кроншлотъ, куда отправились и г.г. вице-канцлеры. По сей день 25 число, меня болѣе не тревожили, но я не выходилъ еще изъ дома.

*

За тѣмъ баронъ Де-Біа доноситъ своему правительству отъ 7-го Октября, что онъ немедленно выѣзжаетъ изъ Россіи и описываетъ прощальную аудіенцію свою у князя Меншикова, принявшаго его очень дружелюбно *).

*

По статьямъ досточтимого С. И. Кедрова о князѣ Б. И. Куракицѣ („Русь Петра Великаго за границей“) читатели наши знаютъ, въ какія тонкія отношенія или, какъ тогда выражались, „политическія сопряженія“ вступила Россія съ Западными державами во время Сѣверной войны. Петръ Великій конечно понималъ и чувствовалъ ихъ Каинское безсознательное брато-ненавидѣніе ко всѣмъ вообще Славянамъ, которое порождено кровавыми обидами, питалось въ теченіи вѣковъ и о которомъ впоследствии говорила Екатерина Великая въ своемъ „Антидотѣ“. Заговоръ въ пользу Царевича Алексѣя Петровича былъ великимъ Европейскимъ событіемъ. Его вѣтви простирались отъ замка св. Ельмта въ Неаполѣ до Иркутска. Въ случаѣ его удачи, не одна Австрія, которой Петръ Великій грозилъ возстаніемъ ея Славянскихъ подданныхъ, но и другія державы воспользовались бы ужаснымъ положеніемъ Россіи. А между тѣмъ шли мирные переговоры на Аландскомъ конгрессѣ. По этому вполне понятна строгая осторожность въ отношеніи къ Голландскому резиденту, письма котораго изъ Москвы и Петербурга въ Гагу (бывшую тогда средоточіемъ международныхъ связей), могли принести намъ ущербъ въ переговорахъ о мирѣ. Голландецъ-торговецъ не захотѣлъ поднять это. П. Б.

*) Можетъ быть, по своей враждебности въ барону Шаапру. П. Б.

ВОЦАРЕНІЕ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО ПО РАЗКАЗУ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ ¹⁾.

Во время болѣзни блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1761 года, слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы, Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ Государыни Императрицы, о будущемъ жребіи ихъ ²⁾; что отъ сей робости ихъ рождаются у многихъ окружающихъ ихъ разнообразныя проекты; что наследника ея всѣ боятся; что онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама Государыня совѣтуетъ, кому поручить престолъ; что склонность въ ней находятъ отрѣшить наследника неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его семилѣтняго и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что посредствомъ Мельгунова ³⁾ Шуваловы помирились съ Петромъ III, и Государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій. Но тѣмъ не кончилась ферментация публики, а начало ея приписать можно дурному Шуваловскому управленію и незаконному Бестужевскому дѣлу, то есть къ 1759 году.

При самой кончинѣ Госуд. Имп. Елисаветы Петровны прислалъ ко мнѣ князь Михаилъ Иван. Дашковъ ⁴⁾, тогдашней капитанъ гвардіи, сказать: «повели, мы тебя возведемъ на престолъ». Я приказала ему сказать: «Бога ради, не начинайте вздоръ; что Богъ захочетъ, то и будетъ, а ваше предпріятіе есть рановременная и несозрѣлая вещь». Къ князю Дашкову же ѣзжали и въ дружбѣ и согласіи находились всѣ

¹⁾ Изъ XII-го тома изданныхъ Императорскою Академіею Наукъ Сочиненій Екатерины Второй. Оттуда же взято и помѣщаемое ниже ея Завѣщаніе. П. Б.

²⁾ См. письма о семъ въ „Архивъ Князя Воронцова“. П. Б.

³⁾ А. П. Мельгуновъ (при Екатеринѣ Ярославскій намѣстникъ) часто выдавался съ великимъ княземъ Петромъ Федоровичемъ, завѣдуя Сухопутнымъ Шляхетнымъ Корпусомъ, списокъ воспитанниковъ котораго имъ тогда же напечатанъ. П. Б.

⁴⁾ См. ниже о легкомысліи его. П. Б.

тѣ, кои потомъ имѣли участіе въ моемъ восшествіи, яко то: трое Орловы, пятеро капитаны полку Измайловскаго и прочіе. Женагъ же онъ былъ на родной сестрѣ Елисаветѣ Романовнѣ, дочери Воронцовой, любимицѣ Петра III. Княгиня же Дашкова ¹⁾ отъ самаго почти ребячества ко мнѣ оказывала особливую привязанность, но тутъ находилась еще персона опасная, братъ княгининъ, Семень Романовичъ Воронцовъ ²⁾, котораго Елисавета Романовна, да по ней и Петръ III, чрезвычайно любили. Отецъ же Воронцовыхъ Романъ Ларионовичъ опаснѣе всѣхъ былъ по своему сварливому и переметливому нраву; онъ же не любилъ княгиню Дашкову.

Императрица Елисавета Петровна скончалась въ самое Рождество 25 Декабря 1761 года, въ три часа за полудни. Я осталась при тѣлѣ ея. Петръ III, вышедъ изъ покоя, пошелъ въ Конференцію и прислалъ мнѣ сказать чрезъ Мельгунова, чтобъ я осталась при тѣлѣ, дондеже пришлетъ мнѣ сказать. Я Мельгунову сказала: «Вы видите, что я здѣсь и приказаніе исполню». Я изъ сего приказанія заключила, что владычествующая факція опасается моей инфуленціи. Тѣло Императрицы Елисаветы Петровны едва успѣли убрать и положить на кровать съ балдахинномъ, какъ гофъ-маршалъ ко мнѣ пришелъ съ повѣсткою, что будетъ въ галереѣ (то есть, комнаты черезъ три отъ усопшаго тѣла) ужинъ, для котораго повѣщено быть въ свѣтломъ богатомъ платьѣ ³⁾. Я послала богатое платье въ комнаты сына моего, живущаго возлѣ покойной Государыни. Я одѣлась и паки въ такомъ нарядѣ пришла къ усопшему тѣлу, гдѣ мнѣ велѣно было оставаться и ждать приказаній. Тутъ уже окошки были открыты, и Евангеліе читали.

Погода нѣсколько, пришли отъ Государя мнѣ сказать, чтобъ я шла въ церковь. Пришедъ туда, я нашла, что тутъ всѣ собраны для присяги, послѣ которой отпѣли вмѣсто панихиды благодарственный молебенъ; потомъ митрополитъ Новгородскій Сѣменовъ говорилъ рѣчь Государю. Сей былъ внѣ себя отъ радости, оной нимаю не скрывалъ, и имѣлъ совершенно позорное поведеніе, кривляясь всячески и не произнося окомъ вадорныхъ рѣчей не соответствующихъ ни сану, ни обстоятельствамъ, представляя болѣе смѣшного Арлегина, нежели иного

¹⁾ На 14 лѣтъ моложе Екатерины. П. Б.

²⁾ Графъ С. Г. Строгановъ передавалъ мнѣ, что, по прочтеніи 8-й книги „Архива Князя Воронцова“, гдѣ появились Записки графа Семена Романовича, императоръ Александръ Николаевичъ сказалъ ему графу Строганову, что Петръ Третій усядѣлъ бы на престолѣ, будь графъ Воронцовъ постарше годами. П. Б.

³⁾ Императрица Елисавета Петровна скончалась въ тогдашнемъ Зимнемъ дворцѣ, на Невскомъ, на углу Большой Морской, что нынѣ домъ Елисеева. П. Б.

чево, требуя однако всякое почтеніе. Изъ церкви вышедши, я пошла въ свой покой, гдѣ до самаго ужина я горько плакала толико о покойной Государынѣ, которая всякія милости ко мнѣ оказывала и послѣдніе два года меня полюбила отчѣнно, какъ и о настоящемъ положеніи вещей. Когда кушанье поставлено было, мнѣ пришло сказать, и я пошла къ ужину. Столъ поставленъ былъ въ куртажной ¹⁾ галереѣ персонъ на полтора и болѣе, и галерея набита была зрителями. Многие, не нашедъ мѣста заужиномъ, ходили такъ же около стола, въ томъ числѣ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и Мельгуновъ. Сей изъ прислужниковъ Шуваловыхъ сдѣлался ихъ протекторомъ. У Ивана же Ивановича Шувалова хотя знаки отчаянности были на щекѣ, ибо видно было, какъ пяти пальцами кожа содрана была, но тутъ за студомъ Петра III стоя, шутилъ и смѣялся съ нимъ. Я сидѣла возлѣ новаго Императора, а возлѣ меня князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, который во весь столъ ни о чемъ не говорилъ, какъ о великой своей радости, что Государь царствуетъ. Множество дамъ такъ же ужинали; многія изъ нихъ, такъ какъ и я, были съ расплаканными глазами, а многія изъ нихъ въ тотъ же день, не бывъ въ дружбѣ, между собой помирились. Ужинъ сей продолжался часа полтора. Пришедъ въ свои комнаты, я начала раздѣваться, чтобы лечь въ постель, когда принесли повѣстку, чтобъ дамамъ на завтра быть въ робахъ богатыхъ, и будетъ большой обѣденный столъ въ той же галереѣ; сидѣть же по билетамъ.

Потомъ я легла въ постель; но я, хотя предъ тѣмъ двѣ ночи не спала, проводя оныя въ покоѣ покойной Императрицы, но сонъ далеко отъ меня былъ и никакъ заснуть не могла, и начала размышлять о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. И сдѣлала я слѣдующее заключеніе. Ежели въ первомъ часу царствованія отставили честнаго человѣка, а не постыдились на его мѣсто возвести бездѣльника, чего ждать? ²⁾ Говорила я себѣ: твою инфуенцію опасаются; удались отъ всего. Ты знаешь, съ кѣмъ дѣло имѣешь, по твоимъ мыслямъ и правиламъ дѣла не поведутъ, слѣдовательно ни чести, ни славы тутъ не будетъ; пусть ихъ дѣлаютъ, что хотятъ. Взявъ сіе за правило своего поведенія, во всѣ шесть мѣсяцевъ царствованія Петра III я ни во что не вступалась, кромѣ похоронъ покойной Государыни, по которымъ траурной комисіи велѣно было мнѣ докладываться, что я и исполняла со всякимъ ра-

¹⁾ Т. е. тамъ, гдѣ происходили куртаги, вечернія собранія высочайшаго двора. Французско-Нѣмецкое слово „куртагъ“—дворскій день. П. Б.

²⁾ Вѣроятно разумѣются тутъ сама Екатерина и Елисавета Романовна Воронцова. П. Б.

двѣнемъ, въ чемъ я и заслужила похвалу отъ всѣхъ ¹⁾. Я же тутъ брала совѣты отъ старыхъ дамъ, графини Марьи Андр. Румянцевой, графини Анны Карловны Воронцовой, отъ фельдмаршальши Аграфены Леонтьевны Апраксиной и иныхъ, подручно случающихся, въ чемъ и на нихъ угодила чрезвычайно.

На другой день поутру нарядилась въ богатой робѣ и пошла къ обѣднѣ, потомъ на поклонъ къ тѣлу, а оттуда къ столу по билетамъ. Сей столъ былъ съ расплаканными глазами почти у всѣхъ, и мало было лицъ равнодушныхъ, и усталъ на всѣхъ видно было. Послѣ обѣда я пошла къ себѣ. Во время сего стола тѣло покойной Государыни анатомили. Къ вечеру пришли мнѣ сказать, что посланы курьеры для освобожденія и возвращенія въ Петербургъ Бирона, Миниха, Лестока и Лопухиныхъ, и что Гудовичъ ѣдетъ въ Берлинъ съ объявленіемъ о вступленіи на престолъ Императора. Я на сіе сказала: «Дѣла поспѣшно идутъ».

На третій день я, надѣвъ черное платье, пошла къ тѣлу, гдѣ отправлялась панихида; тутъ ни Императора и никого не было, кромѣ у тѣла дневальныхъ, да тѣ, кои со мною пришли. Оттудова я пошла къ сыну моему, а потомъ посѣтила я графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ его покоѣ во дворцѣ ²⁾, гдѣ онъ отъ чистосердечной горести по покойной Государынѣ находился боленъ. Онъ хотѣлъ пасть къ ногамъ моимъ; но я, не допустя его до того, обняла его и, обнявшись, оба мы завyli голосомъ и немогли почти говорить слова оба. Я, вышедъ отъ него, пошла къ себѣ.

Пришедъ въ свой покой, услышала, что Императоръ приказалъ приготовить для себя покой отъ меня черезъ сѣни, гдѣ жилъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, и что въ его покоѣ, возлѣ моихъ, будетъ жить Елисавета Романовна Воронцова.

¹⁾ См. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 года портретъ Екатерины, работы Чемесова, въ широкой траурной одеждѣ и съ такъ называемымъ шнйпомъ на головѣ. Она въ это время была на пятомъ мѣсяцѣ беременности Бобринскимъ. П. Б.

²⁾ И такъ графъ А. Г. Разумовскій, неоглашенный супругъ Елисаветы, имѣлъ покой въ ея дворцѣ, гдѣ жилъ и И. И. Шуваловъ, о которомъ семейное преданіе передаетъ, что онъ отдалъ Петру Третьему ключи отъ сундуковъ съ золотою монетою на нѣсколько миллионъ (война съ Пруссіею велась безъ ассигнацій). Эти сокровища были расхищены налетѣвшими къ Петру Третьему Голштинцами и Нѣмцами. Немудрено, что и Фридрихъ, которому тогда приходилось пускать въ оборотъ фальшивые талеры, поживился. У грава А. Г. Разумовскаго былъ и свой домъ, нынѣшній Аничковъ дворецъ; тогда это была еще окраина города. По близости, на другомъ берегу той же Фонтанки, въ саду при домѣ грава Шереметева, еще долго послѣ находили остатки кладбища. П. Б.

Въ сей день въ вечеру Императоръ поѣхалъ куда-то на вечеринку править Святки.

Какъ покои Александра Ивановича Шувалова убраны были дня черезъ два, Императоръ перешелъ въ нихъ, а Елисавета Воронцова въ его покой переѣхала; мой же покой парадные обили чернымъ сукномъ, и людей Императоръ принималъ въ оныхъ; по утрамъ и по вечерамъ ѣзжалъ въ гости ко всѣмъ знатнымъ особамъ, кои устроили для него великіе пиры; отъ сихъ пировъ я уклонилась по причинѣ великаго кашля.

Наканунъ того дня, какъ переносить положено было тѣло покойной Государыни изъ той комнаты, гдѣ скончалася, на парадную постелю, Императоръ ужиналъ у графа Шереметьева ¹⁾; тутъ Елисавета Воронцова приревновала не знаю къ кому, и пріѣхали домой въ великой ссорѣ. На другой день, послѣ обѣда часу въ пятомъ, она прислала ко мнѣ письмо, прося меня, дабы я для Бога самого пришла къ ней, что она имѣетъ величайшую нужду говорить со мною, сама же не можетъ прійти ко мнѣ, понеже лежитъ больна въ постели. Я пошла къ ней и нашла ее въ великихъ слезахъ. Увидя меня, долго говорить не могла. Я съла возлѣ ея постели, зачала спросить, чѣмъ больна; она, ваявъ руки мои, цѣловала, жала и обливала слезами. Я спрашивала, объ чемъ она столь горюетъ? Она мнѣ на то сказала: «Пожалуй, потише говорите». Я спросила: «Какой причины ради?» Она мнѣ сказала: «Въ другой комнатѣ сестра моя, Анна Михайловная Строгонова, сидитъ съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, c'est-à-dire, qu'elle leurs avoit ménagé un rendez-vous, tandis qu'elle s'entretenoit avec moi ²⁾. Я разсмѣялась, и она посвободише стала отъ слезъ и начала меня просить, чтобы я пошла бы къ Императору и просила бы его именемъ ея, чтобъ онъ бы ее отпустилъ къ отцу жить, что она болѣе не хочетъ во дворцѣ остаться. При семъ она бранила его окружающихъ всячески и его самого, чего она уже и наканунѣ у Шереметьева дѣлала къ удивленію всѣхъ слышателей, и за что Императоръ приказывалъ отца ея арестовать, но однако упросили его. Я сказала ей, чтобы она кого иного выбрала для сей комиссіи, которая ему будетъ, можно быть, досадительна; но она увѣряла меня, что ему то и надобно и не черезъ ково окромъ меня ей о томъ просить, понеже всѣ бездушные бездѣльники, а одна я, на комъ она полагаетъ свое упованіе. Дабы укротить мое у нея

¹⁾ Жившаго тогда на Дворцовой набережной, гдѣ нынѣ дворецъ Великаго Князя Михаила Николаевича. П. Б.

²⁾ Т. е., что она имѣла дама повидаться, пока бесѣдовала со мною.

пребываніе, я обѣщала ей пойти къ нему и донести ему о ея просьбѣ, и пришедъ къ себѣ, послала навѣдываться, дома ли онъ и можно ли къ нему прійти. Сказали, что опочиваетъ, а какъ проснулся часу въ седьмомъ, пришли мнѣ сказать, и я пошла къ Императору.

Я нашла его въ шлафроку; ходилъ взадъ [и] впередъ по комнатѣ и былъ еще весьма сонень. Я начала говорить ему: «Ежели вы дивитесь моему приходу, то еще болѣе удивитесь, когда свѣдаете, съ чѣмъ я пришла» и рассказала ему все отъ слова до слова, какъ Е. Ром. Воронцова ко мнѣ писала, и что говорила со мною, и какъ я отклоняла сію комиссію и причины, кои она имѣетъ не ввѣрять окромѣ меня оной. Онъ, услыша сіе съ удивленіемъ и задумчивостью, заставилъ меня повторить сказанное. Въ сіе время вошли въ комнату Мельгуновъ и Левъ Александровичъ Нарышкинъ. Онъ имъ рассказывалъ, съ чѣмъ я пришла, съ досадою на Елисавету Воронцову. Сіе продолжилось съ часъ; наконецъ я сказала: «Какой отвѣтъ прикажете ей сказать, или кого иного пошлете?» На сіе Мельгуновъ и Нарышкинъ ему совѣтовалъ сказать, что онъ къ ней пришлетъ отвѣтъ. Я пошла къ себѣ и велѣла Елисаветѣ Воронцовой сказать, что къ ней отвѣтъ присланъ будетъ. Погодя, она паки прислала ко мнѣ сказать, что она отпущена, одѣвается и ждетъ карету, дабы ѣхать изъ дворца къ отцу, и просить дозволенія прійти ко мнѣ прощаться. Я сказала: «Пусть прійдетъ». Между тѣмъ чрезъ мою переднюю, предъ уборной, сдѣлалось великое бѣганіе: то Мельгуновъ, то Нарышкинъ къ ней, а отъ нея взадъ-впередъ ходили, что продолжалось часу до одинадцатаго. Тогда самъ Императоръ къ ней пошелъ и, побывъ у нея, возвратился въ свои покои; а она ко мнѣ написала цыдулку, что она ко мнѣ не будетъ, понеже ей приказано остаться во дворцѣ. Я легла спать, а на другой день ввечеру Петръ III, съ Мельгуновомъ и Львомъ Нарышкинымъ, пришедъ ко мнѣ, бранили и ругали всячески Елисавету Воронцову, и видно было, что имъ хотѣлось, дабы я пристала къ ихъ рѣчамъ; но я молча слушала. Императоръ же тутъ рассказывалъ, какъ она не хотѣла надѣтъ мой портретъ, когда онъ ее пожаловалъ камеръ-фрелиною, и хотѣла имѣть его портретъ. Онъ думалъ, что за то осержусь, но когда онъ увидѣлъ, что я тому смѣюсь и нимало не сержусь, тогда вышелъ вонъ изъ комнаты. Тогда Мельгуновъ и Левъ Нарышкинъ мнѣ пеняли, что, имѣвъ такую хорошую оказію выгнать ее изъ дома, не воспользовалась тѣмъ. Я имъ отвѣчала: «А я вамъ дивлюсь, что вы сами не успѣли въ своемъ желаніи вчерась».

Отъ дня кончины покойной Государыни былъ во дворцѣ двойной караулъ, то-есть одинъ полной караулъ у тѣла, а другой таковой же у Императора. Въ сіе же время случились великіе морозы; караульня

же была мала и тѣсна, такъ что не помѣщались люди, и многіе изъ солдатъ оставались на дворѣ. Сіе обстоятельство въ нихъ произвело, да и въ публикѣ, или прибавило роптаніе. Всякой день же изъ дворца выходили новыя исторіи: то тово арестуютъ, то другога; съ женщинами, коихъ ежедневно множество звалъ ужинать у себя, либо гдѣ въ гостяхъ, поссорится и мужа велитъ посадить безъ шпаги, либо къ кому по службѣ за бездѣлицу придерется и велитъ посадить на гауптвахту. Изъ стола же почти никогда не вставалъ, не бывъ безъ языка почти пѣянь, и проявилось у него множество новыхъ фаворитовъ, между прочимъ капитанъ-поручикъ полку Преображенскаго, князь Иванъ Ѳедор. Голицынъ, на котораго вдругъ налѣпилъ орденъ святыя Анны, а до того дня мало кто его и зналъ. Въ сіе время Императоръ взялъ въ Кабинетъ секретаря, бывшаго конференцъ-секретаря, Дмитрія Васил. Волкова. Про сего Ник. Иван. Панинъ думалъ и мнѣ говорилъ, что сей Мельгунову и Шуваловымъ голову сломить; про него тогда думали, что главу имѣетъ необыкновенную, но оказалось послѣ, что хотя былъ быстръ и краснорѣчивъ, но вѣтренъ до крайности, и понеже писалъ хорошо, то болѣе писывалъ, а мало дѣйствовалъ, а любилъ пить и веселиться.

Двѣ недѣли по кончинѣ покойной Государыни умре графъ Петръ Иван. Шуваловъ. За нѣсколько дней до кончины его, онъ и братъ его большой, Александръ Иван. Шуваловъ, были отъ Императора пожалованы въ фельдмаршалы. И проявилось новое опредѣленіе. Вдругъ Императоръ пожаловалъ въ четырехъ полкахъ гвардіи четыре полковника, а имянно въ Преображенской—фельдм. князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, въ Семеновской—фельдм. графа Александра Ивановича Шувалова, въ Измайловской—фельдм. графа Кирила Григорьевича Разумовскаго; въ конной гвардіи хотѣлъ пожаловать графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, но сей оттого пошелъ въ отставку, и на его мѣсто сдѣланъ полковникомъ принцъ Жоржъ Голштинской. Сіи новые полковники сами всячески спорили и старались отвратить сіе пожалованіе, но не предупѣли. Полкамъ же гвардіи сіе было громовой несносной ударъ.

Хотя огромныя похороны и при оныхъ великолѣпныя выносы указомъ покойной Государыни запрещены были, но однако господа Шуваловы выпросили у бывшаго Императора, дабы графъ Петръ Иван. со великолѣпной церемоніею иогребенъ былъ; самъ Императоръ обѣщался быть на выносѣ. Въ назначенной день ждали очень долго Императора, и онъ не прежде какъ къ полудню въ печальной день пріѣхалъ; народъ же ждалъ для смотрѣнія церемоніи съ самаго утра, день же былъ весьма

холодной. Отъ той нетерпѣливости произошли разныя въ народѣ разсужденія: иные, вспомня табанной того Шувалова откупъ, говорили, что долго его не везуть по причинѣ той, что табакомъ осыпаютъ; другіе говорили, что солью осыпаютъ, приводя на память, что по его проекту накладка на соль послѣдовала; иные говорили, что его кладутъ въ моржовое сало, понеже моржовое сало на откупѣ имѣли и лѣвлю трески. Тутъ вспомнили, что ту зиму треску ни за какія деньги получить нельзя, и начали Шувалова бранить и ругать всячески. Наконецъ, тѣло его повезли изъ его дома на Мойкѣ въ Невскій монастырь. Тогдашній генераль-полицмейстеръ Корфъ ѣхалъ верхомъ предъ огромной церемоніей, и онъ самъ мнѣ рассказывалъ въ тотъ же день, что не было ругательства и бранныхъ словъ, коихъ онъ бы самъ не слышалъ противу покойника, такъ что онъ, вышедъ изъ терпѣнія, нѣсколько изъ ругателей велѣлъ схватить и посадить въ полицію; но народъ, вступая за нихъ, отбилъ было, что видя, онъ оныхъ отпустить велѣлъ, чѣмъ предупредилъ драку и удержалъ по его словамъ тишину.

По прошествіи трехъ недѣль по кончинѣ Государыни, я пошла къ тѣлу для панихиды. Идучи чрезъ переднюю, нашла тутъ князя Михаила Иван. Дашкова плачущаго и видѣ себя отъ радости и, подбѣжавъ ко мнѣ, говорилъ: «Государь достоинъ, дабы ему воздвигнуть статую золотую; онъ всему дворянству далъ вольность», и съ тѣмъ ѣдетъ въ Сенатъ, чтобы объявить. Я ему сказала: «развѣ вы были крѣпостными и васъ продавали донья?» Въ чемъ же эта вольность состоитъ? И вышло, что въ томъ, чтобы служить и не служить по волѣ всякаго. Сіе и прежде было, ибо шли въ отставку; но осталось изстари, что дворянство, съ вотчинъ и помѣстья, служа всѣ, кромѣ одряхлѣлыхъ и малолѣтнихъ, въ службѣ Имперіи записаны были. вмѣсто людей дворянскихъ Петръ I началъ рекрутъ собирать, а дворянство осталось въ службѣ, отчего вздумали, что въ неволѣ. Романъ Воронцовъ и генераль-прокуроръ думали великое дѣло дѣлать, доложивъ Государю, дабы дать волю дворянству, а въ самомъ дѣлѣ выпросили не что иное окромѣ того, чтобъ всякъ былъ воленъ служить и не служить.

Пришедъ съ панихиды къ себѣ, я увидѣла у задняго врыльца стоитъ карета парадная съ короною, и Императоръ поѣхалъ въ ней въ Сенатъ. Но сей кортежъ въ народѣ произвелъ негодованіе, говорили: Какъ ему ѣхать подъ короною? Онъ не коронованъ и не помазанъ. Рановременно вздумалъ употребить корону. У всѣхъ дворянъ велика была радость о данномъ дозволеніи служить или не служить, и въ тотъ часъ совершенно позабыли, что предки ихъ службою приобрѣли почести и имѣніе, которымъ пользуются.

За десять дней до погребенія Государыни положили тѣло ея во гробъ и понесли оный въ траурный залъ посреди всѣхъ регалій, и народъ дважды въ него допущенъ былъ, какъ и прежде, отъ дня кончины ея. Въ гробу Государыня лежала одѣта въ серебрянной робѣ, съ кружевными рукавами, имѣя на головѣ императорскую золотую большую корону, на нижнемъ обручѣ съ надписью: «Благочестивѣйшая Самодержавнѣйшая, Великая Государыня Императрица Елисавета Петровна, родилась 18 Декабря 1709 года, воцарилась 25 Ноября 1741, скончалась 25 Декабря 1761 года». Гробъ поставленъ на возвышеніе подъ балдахиномъ, гласета золотого съ горностаевымъ спускомъ отъ балдахина до земли; позади гроба посреди спуска гербъ золотой государственной.

Въ 25 день Генваря 1762 года повезли тѣло Государыни, во гробѣ лежащее, со всевозможнымъ великолѣпіемъ и подобающими почестями, изъ дворца черезъ рѣку въ Петропавловскій соборъ, въ крѣпость. Самъ Императоръ, за нимъ я, за мной Скавронскіе, за ними Нарышкины, потомъ всѣ по рангамъ шли пѣши за гробомъ отъ самаго дворца до церкви *).

Императоръ въ сей день былъ чрезвычайно веселъ и посреди церемоніи сей траурной сдѣлалъ себѣ забаву: нарочно отстанеть отъ везущаго тѣло одра, пустя онаго впередъ сажень тридцать, потомъ изо всей силы добѣжить. Старшіе камергеры, носящіе шлейфъ епанчи его черной, паче же оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, носящій конецъ епанчи, не могли бѣжать за нимъ, принуждены были епанчу пустить, и какъ вѣтромъ ее раздувало, то сіе Петру III пуще забавно стало, и онъ повторялъ нѣсколько разъ сію шутку, отчего сдѣлалось, что я и всѣ, за мною идущіе, отстали отъ гроба, и наконецъ принуждены были послать остановить всю церемонію, дондеже оставшіе дошли. О непристойномъ поведеніи семъ произошли многіе разговоры не въ пользу особъ Императора, и толки пошли о безразсудныхъ его во многихъ случаяхъ поступкахъ.

По погребеніи тѣла покойной Государыни, начали во дворцѣ убирать ея покой для Императора.

*) Въ Музеѣ Петра Ивановича Щукина въ Москвѣ находится длинная картина на бумагѣ съ современнымъ изображеніемъ этого погребальнаго шествія. Елисавету Петрову любилъ. П. Б.

ЗАВѢЩАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ О МѢСТѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ ¹⁾.

Буде я умру въ Царскомъ Селѣ, то положить мнѣ на Софійевской городской кладбищѣ ²⁾.

Буде я умру въ городѣ святого Петра—въ Невскомъ монастырѣ въ соборной или погребальной церкви ³⁾.

Буде я умру въ Пеллѣ ⁴⁾, то перевезите водой въ Невскій монастырь.

Буде я умру на Москвѣ—въ Донской монастырь ⁵⁾ или на ближней городской кладбищѣ.

Буде я умру въ Петергофѣ—въ Троицко-Сергіевской пустинѣ ⁶⁾.

Буде я умру въ иномъ мѣстѣ—на ближней кладбище.

Носить гробъ кавалергардамъ, а не иному кому.

Положить тѣло мое въ бѣлой одеждѣ, на головѣ вѣнецъ золотой, на которомъ означить имя мое.

Носить трауръ полъ года, а не болѣе, а что менѣе того, то лучше. Послѣ первыхъ шесть недѣль раскрыть паки все народныя увеселенія. По погребеніи разрѣшить венчаніе, бракъ и музыку.

Вивліофику мою со всеми манускриптами и что въ моихъ бумагахъ найдется моею рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также рѣзные мои каменіе, и благословляю его моимъ умомъ и сердцемъ. Кошію съ сего для лучшаго исполненіе положится и положено въ такомъ вѣрномъ мѣстѣ, что чрезъ долго или коротко нанесетъ стыдъ и посрамленіе неисполнителямъ сей моей воли.

Мое намѣреніе есть возвести Константина Павловича на престолъ Греческой восточной имперіи.

Для благо имперіи Россійской и Греческой совѣтую отдалить отъ дѣлъ и совѣтовъ оныхъ имперій принцовъ Виртенбергскихъ и съ ними знаться какъ возможно менѣе, равномѣрно отдалить отъ совѣтовъ обоихъ полъ Нѣмцовъ.

¹⁾ Храповицкій читалъ это черновое завѣщаніе, убирая бумаги изъ кабинета Екатерины для перевоза ихъ въ Царское Село, куда Государыня переехала въ Апрель 1792 г. Оно писано вскорѣ послѣ убіенія Густава III-го и загадочной кончины Леопольда II-го, начавшаго войну противъ Франціи. Неизвѣстное доселѣ въ полномъ своемъ видѣ завѣщаніе это въ двухъ послѣднихъ ствѣяхъ изображаетъ намъ Екатерину. П. Б.

²⁾ Память А. Д. Ланскаго.—³⁾ Память дочери Анны (отъ Понятовскаго).—⁴⁾ Память Потемкина.—⁵⁾ Память князя Орлова.—⁶⁾ Память первыхъ двухъ дней водаренія. П. Б.

П. А. ВИТОВТОВЪ.

(Воспоминанія его дочери Аделаиды Павловны Садтыковой).

Дѣдъ мой, съ отцовской стороны, вель родъ свой отъ князей Литовскихъ. Предокъ его Витовтъ прибылъ въ Россію въ числѣ родичей, съ княжной Софьей Витовтовой, вступившей въ бракъ съ Василиемъ Темнымъ. Впослѣдствіи потомки его приняли Русское окончаніе родового имени. Упустивъ однакоже, невѣдомо почему, свой княжескій титулъ, они приписались къ Костромскому дворянству. При императорѣ Павлѣ дѣдъ началъ свою службу въ л.-гв. Семеновскомъ полку и былъ любимъ, какъ царемъ, такъ и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Въ чинѣ г.-маіора, 26-ти лѣтъ, командовалъ онъ мушкетерскимъ полкомъ въ Нарвѣ, гдѣ и погребенъ 28 л. отъ роду. На памятникѣ надпись гласитъ: «сынъ генералъ-лейтенантъ отцу-генералъ-маіору». Готовясь къ царскому смотру въ Іюльскіе жаркіе дни, высокій, полный, перетянутый по тогдашней военной выправкѣ, онъ былъ сраженъ на конѣ солнечнымъ ударомъ. Онъ уѣхалъ изъ дому бодрымъ, веселымъ, и черезъ какіе нибудь два-три часа былъ внесенъ бездыханнымъ трупомъ къ бѣдной, молодой вдовѣ (18 л.), оставшейся послѣ него съ двумя крошками, сыномъ и дочерью *). Отецъ мой былъ крестникъ государевъ и записанъ при рожденіи подирпорщикомъ въ полкъ его отца. Въ бытность императора въ Нарвѣ, онъ, въ пятилѣтнемъ возрастѣ, представлялся ему со всѣмъ составомъ офицеровъ. Тогда такія представленія были нерѣдкостію. Дѣду моему обѣщаны были царемъ за удачный смотръ тысяча душъ и слѣдующій чинъ; но судьба рѣшила иначе. Бабушкѣ трудно жилось при вдовой пенсіи и небольшомъ доходѣ съ имѣнія, до поступленія отца моего въ корпусъ, а тетки въ Смольный институтъ. Много разказовъ передавала мнѣ милая старушка о тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ, какъ боялись проѣзжать Стрѣльну, гдѣ квартировалъ уланскій полкъ цесаревича Константина Павловича. Это

*) Бабушка моя, рожденная Ореѣева. Сестры ея были замужемъ: одна за Ромодановскимъ, а другая за Кадниковымъ, богатымъ Вологодскимъ помѣщикомъ, на землѣ котораго и выстроился уѣздный городъ этого имени.

были, повидимому, настоящіе баши-бузуки, безцеремонно останавливали и заглядывали въ экипажи проѣзжихъ. Она сама подверглась такому осмотру, но, предупрежденная, подвязала щеку платкомъ и притворилась спящей. Еще говорила она, какъ трудно было дамамъ при встрѣчѣ съ Государемъ, заранѣе остановивъ экипажъ, выходить на ступеньки и присѣдать. Бывъ въ интересномъ положеніи, она разъ при такой встрѣчѣ велѣла кучеру гнать лошадей и съ трудомъ уѣхала отъ зоркаго царскаго глаза. Кареты тогда имѣли видъ настоящихъ ковчеговъ, и въ нихъ собирались по нѣсколькимъ откиднымъ ступенькамъ.

Къ уменьшенію роскоши были придуманы для полковыхъ дамъ платья-мундиры тѣхъ цвѣтовъ, которые носили офицеры. Но это нововведеніе не привилось конечно. Отецъ учился отлично и однимъ изъ первыхъ кончилъ въ кадетскомъ корпусѣ. Вотъ какъ въ былое время нравы и обычаи были просты и сердечны отношенія брата къ сестрѣ: располагая самыми ничтожными карманными деньгами, отецъ по Воскресеньямъ и праздникамъ рано утромъ отправлялся пѣшкомъ на пріемъ въ Смольный, который начинался тогда чуть ли не въ 11 часовъ. Выпивъ стаканъ сбитня и закусивъ булкой, купивъ дешевое лакомство, онъ въ морозъ и дождь шествовалъ съ Васильевского острова. Не полагалось кадетамъ ни калошъ, ни башлыковъ, а шинели казенныя были подбиты вѣтромъ. Такъ закалялись люди и относились къ роскоши если не пренебрежительно, то, по крайней мѣрѣ, равнодушно. Оттого они понимали нужду подчиненныхъ, радѣли о нихъ и пріобрѣтали, въ свою очередь, ихъ довѣріе и расположеніе.

По выходѣ изъ корпуса отецъ поступилъ въ саперный баталіонъ и имѣлъ счастье, капитаномъ, оказать государственную услугу въ смутные дни воцаренія Николая I-го. Всѣ офицеры съ командиромъ во главѣ отправились во дворецъ къ присягѣ; отцу разрѣшили остаться дома. Жена его (первая) только что скончалась и лежала на столѣ. Вдругъ прискакалъ дежурый флигель-адъютантъ, кн. Голицынъ, съ повелѣніемъ немедленно собрать баталіонъ и скорымъ шагомъ идти занять дворцовыя караулы. Почти бѣгомъ добѣжали саперы, захвативъ патроны, и только успѣли вступить въ карауль, какъ съ шумомъ и криками «не наши!» ворвались мятежники и скрылись. Въ пятидесятилѣтній юбилей отца ему поднесли картину съ его изображеніемъ предъ выстроившимся баталіономъ и Государя Императора съ Наслѣдникомъ на рукахъ, поручающаго его охранѣ вѣрнаго войска. При сооруженіи памятника императору Николаю I баронъ Клотъ пріѣзжалъ къ отцу за его портретомъ, и тамъ отецъ тоже изображенъ. Картина въ настоящее время находится въ дежурной комнатѣ 1-гвардіи сапернаго баталіона,

куда отецъ ее завѣщалъ. Слышала я также отъ отца про его знакомство съ Рылѣвымъ, Бестужевымъ, Пестелемъ и другими; про то, какъ строго хранились ихъ тайныя совѣщанія; про его дружбу съ Пуцинымъ, братомъ одного изъ главныхъ заговорщиковъ, который находился въ ихъ компаніи не по сочувствію, а преимущественно изъ-за опасенія за брата. Онъ потерпѣлъ кару въ меньшей мѣрѣ, разжалованъ былъ въ рядовые и служилъ въ отрядѣ Паскевича. За храбрость ему возвращено было офицерское званіе, но я уже помню его статскимъ: симпатичная личность, нависшія густыя брови надъ добрыми, сѣрыми глазами и добрѣйшій смѣхъ. Онъ часто посѣщалъ насъ. По лицу его пробѣгала нередко скорбная тѣнь, вызываемая горькими воспоминаніями прошлаго. Да и не мудрено! Вся эта образованная, пылкая молодежь приглашала отца на свои собранія и, ничего не подозревающій, онъ неоднократно стремился къ нимъ, но всякій разъ являлась какая-нибудь неожиданная помѣха. Наконецъ, выбравъ свободную минуту, онъ отправился, но на полпути вдругъ встрѣчается съ Пуцинымъ. «Ты куда катишь, Витовтовъ?» спрашиваетъ онъ. «Да вотъ, братецъ, удалось избавиться отъ дѣлъ и ѣду въ гости къ Рылѣву послушать умныхъ рѣчей» — «Возвращайся во свояси, не пуцу», объявляетъ убѣдительно добрый пріятель. Насилу удалось ему отговорить отца и тѣмъ спасти его отъ неминуемой бѣды. Конечно, отецъ не согласился бы принять участіе въ заговорѣ, но плохо бы ему пришлось: утаить — значить дѣйствовать противъ присяги, ей измѣнять, а выдать товарищей онъ никогда бы не рѣшился по врожденному благородству. Провидѣніе видимо ему покровительствовало.

Будучи великимъ княземъ, Николай Павловичъ всегда оказывалъ отцу особое благорасположеніе и часто, здороваясь съ нимъ, говорилъ: «здравствуй, Витовтъ, князь Литовскій». Но, воцарившись, онъ не повторялъ этихъ словъ. Отецъ смѣялся и говорилъ, что такъ какъ царское слово ненарушимо, то онъ отвѣтилъ бы Царю: «съ милостиваго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества оставляю за собою этотъ титулъ».

Во дворцѣ у вдовствовавшей Маріи Феодоровны бывали балы, на которые всегда приглашался отецъ, въ числѣ лучшихъ танцоровъ. Онъ описывалъ намъ эти блестящіе приемы и какъ тогда кадрили танцевались въ четыре пары; надо было продѣлывать искусныя пируэты, *pas de bougée*, *pas de pigeon* и др. Ребенкомъ я надоѣдала отцу просьбами показать мнѣ, какъ онъ исполнялъ всѣ эти хореграфическія трудности, и иногда онъ, къ моему восторгу, удовлетворялъ мое дѣт-

ское, назойливое любопытство. По словамъ отца, дамы на этихъ балахъ слѣдовали модамъ Парижскихъ щеголихъ первой Имперіи: такі короткія, лифы очень вырѣзанные, бѣлыя кисейныя платья и газовые розовыя, голубыя и другихъ цвѣтовъ шарфы. Младшая Императрица и великія княжны блистали граціей и красотой, а наружность императора Николая I-го всѣмъ извѣстна благородствомъ, величавостью и правильными, античными чертами лица. Очень характеристично по этому поводу остроумное замѣчаніе извѣстной Французской актрисы m-lle Georges. Увидѣвъ Государя, она выразилась такъ: «il a le physique de son emploi»¹⁾.

Отецъ былъ повышенъ въ чинъ и назначенъ командовать саперной бригадой, расположенной въ Бобруйскѣ. Посѣтивъ свое Костромское имѣніе, онъ вздумалъ завернуть по сосѣдству въ Вологду, гдѣ рѣшилась его судьба: онъ вторично вступилъ въ бракъ съ моею матерью, урожденной Волковой, красавицей, въ числѣ немногихъ Петербургскихъ, но рѣдко, только по необходимости, показывавшейся въ обществѣ, не любившей свѣтъ, да и здоровья довольно хрупкаго. Воспитывалась она въ Екатерининскомъ Институтѣ и обворожила Марію Феодоровну своимъ прелестнымъ личикомъ. Ея Величество особенно ласково къ ней относилась, при выпускѣ (а кончила она 15-ти лѣтъ); привозила ей конфетъ, цѣловала и благословляла ее. Когда императоръ Александръ I-ый путешествовалъ по Россіи, императрица поручила ему справиться о «*ma petite Volkoff de Vologda*»²⁾. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ, на балѣ въ честь его, Государь спросилъ о любимицѣ своей матери. Ему подвели высокую, стройную, красивую дѣвушку, сконфуженную, раскраснѣвшуюся, и онъ, съ очаровательной, чарующей улыбкой, передалъ ей порученіе матери. Великую зависть возбудила эта бесѣда и пройденный царемъ Польскій съ моею матерью среди Вологодскихъ дамъ и дѣвицъ. Чести такой удостоились только супруги предводителей.

Послѣ женитьбы своей пришлось отцу въ 1828 или 1829 году отправиться въ Турецкій походъ. Мать непременно хотѣла сопутствовать ему, и такъ какъ это позволялось только до извѣстныхъ предѣловъ, испрошено было разрѣшеніе главнаго командира арміи генерала Рота, который задалъ вопросъ «а какова она, не рожа?» и на отвѣтъ: «красавица», соблаговолилъ позволить. Но ей скоро пришлось одной вер-

¹⁾ Его наружность соответствуетъ его сану.

²⁾ Моя маленькая Вологжанка Волкова.

нуться въ Одессу. Началась осада Варны. Отецъ съ своей командой наводилъ подъ непріятельскимъ огнемъ понтонный мостъ для переправы и первый вступилъ на непріятельскій берегъ. Схвативъ мѣстную лихорадку и не на шутку разхворавшись, онъ вмѣстѣ съ больными и ранеными офицерами и нижними чинами, въ числѣ 25 человекъ, долженъ былъ отбыть въ Россію. Онъ былъ только раненъ Турецкимъ штыкомъ въ ногу. Плыли они на незначительномъ иностранномъ суднѣ и всякую минуту подвергались опасности быть захваченными Турецкими, сновавшими по морю, судами. На отца, какъ на старшаго, возложена была обязанность раздачи порцій хлѣба и прѣсной воды. Запасъ истощился, а на бѣду ихъ застигла сильная буря. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ихъ носило по высоко вздымавшимся волнамъ, и казалось, что, бросая изъ стороны въ сторону ихъ углѣю ладью, эти волны вотъ-вотъ перевернутъ ихъ, или выбросятъ на Турецкое побережье. Всѣ одѣлись въ парадную форму въ ожиданіи роковой минуты. Если бы пришлось попасться въ руки ко врагу, дорого продали бы они свою жизнь. Но небо смилостивилось, и Господь донесъ ихъ до желанной пристани. Въ Москвѣ отцу было прописано лѣченіе минеральными водами. Въ то время существовало нѣчто въ родѣ курзала, гдѣ больные пили воды и гуляли, въ довольно обширномъ саду на Остоженкѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Лицей Цесаревича Николая.

Состоялся переводъ отца въ Петербургъ командиромъ а.-гв. сапернаго баталіона. Вскорѣ послѣ этого случился надѣлавшій много тревоги и причинившій большіе убытки пожаръ Зимняго дворца. Загорѣлось въ верхнемъ этажѣ, гдѣ жила прислуга и гдѣ царствовалъ невообразимый хоасъ (воспитывались тамъ и куры, и телята). Отецъ, дежурный по карауламъ, поспѣшно ѣхалъ на мѣсто катастрофы; лошади понесли его, на мосту Мойки вывалили изъ саней, и онъ ударился головою о тумбу. Кровь хлынула изъ рта, носа и, главное, изъ ушей, что указывало на сотрясеніе въ мозгу. Его отвезли въ безпамятствѣ въ близъ лежавшія Павловскія казармы. На другой день былъ присланъ Государемъ почтенный, заслуженный старикъ, лейбъ-медикъ баронетъ Вилье, и послано было за семейнымъ нашимъ дорогимъ докторомъ Буяльскимъ, весьма извѣстнымъ по удачнымъ операціямъ. Созванный консиліумъ объявилъ, что надежды нѣтъ; но Вилье и Буяльскій остались при особомъ мнѣніи, и послѣдній напрягалъ всѣ свои знанія, чтобы спасти любимаго имъ человѣка. И онъ достигъ своей цѣли. Какъ только больному нѣсколько полегчало, его перенесли на Милліонную, въ домъ нашихъ родственниковъ Глинокъ - Мавриныхъ. Конечно, тамъ уходъ за отцомъ былъ самый усердный. А бѣдная мать

была въ отсутствіи: она уѣхала со старшей сестрой моей навѣстить бабушку въ ея Вологодскомъ имѣніи. Дядя Н. П. Волковъ, ея братъ (также саперъ, впоследствии начальникъ штаба гвардейскаго пѣхотнаго корпуса и позже Олонецкій губернаторъ) поскакалъ извѣстить ее, а также подготовить къ печальному событію, и она, нигдѣ не останавливаясь, дни и ночи спѣшила къ больному. Поправлялся отецъ весьма медленно, память возвращалась постепенно, и почти съ годъ ему было разрѣшено вмѣсто тяжелаго кивера носить фуражку. Великій князь Михаилъ Павл. за время его болѣзненнаго безпамятства и по выздоровленіи нѣсколько разъ навѣщалъ его. Вообще его высочество, не смотря на суровый видъ, былъ человѣкъ необычайной доброты. Кто не читалъ про его снисходительное отношеніе къ проказамъ офицера Булгакова? Кому не извѣстны его отеческое попеченіе и широкая благотворительность? Инвалидамъ и ихъ семьямъ онъ отвелъ помѣщеніе у себя во дворцѣ. Къ нему примѣнно Французское названіе *le bouqui bienfaisant* (благодѣтельный угрюмецъ). Онъ очень любилъ острить. Смѣясь надъ собою и графомъ Сумароковымъ въ бытность обоихъ артиллеристами, онъ говорилъ: *l'artillerie roule sur deux roues* (артиллерія катитъ на двухъ рыжихъ, на двухъ колесахъ: *roux*—рыжій): оба начальника были рыжіе. Когда подписанъ былъ выгодный для Россіи миръ съ Турціей, уронивъ султана, который тогда носили на треугольныхъ шляпахъ, онъ сказалъ Государю: *Sire, le sultan est à vos pieds* (Государь, султанъ у вашихъ ногъ). Когда состоялась помолвка великой княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, стоя съ Государемъ у окна и увидѣвъ подѣхавшаго герцога, чрезвычайно красиваго, онъ воскликнулъ! *Ah le beau haïnois*. (Ахъ, прекрасная упряжь; ахъ, Богарне; Максимилианъ былъ сыномъ Евгенія Богарне). Съ великимъ княземъ соперничалъ мѣткими словами и такъ называемыми *bons mots* только князь Меншиковъ, извѣстный своимъ остроуміемъ и находчивостью.

Вскорѣ послѣдовало назначеніе отца командиромъ л.-гв. сапернаго баталіона, а въ непродолжительномъ времени и начальника инженеровъ. Мы продолжали жить въ саперныхъ казармахъ. Но мать стала хворать; опасались горловой чахотки, и вотъ рѣшена была наша поѣздка въ чужіе края. Тогда еще не было и помину о Варшавской желѣзной дорогѣ; переѣздъ за границу совершался воднымъ путемъ, на частныхъ пароходахъ, грязныхъ и тѣсныхъ. По докладу морского министра дозволено было Императоромъ довести нашу семью до Свиномюнде на царскомъ пароходѣ, шедшемъ туда за кѣмъ-то изъ членовъ царской фамиліи. Мать, сестра, двоюродная сестра, выросшая у насъ въ домѣ

сирота (дочь покойной сестры отца) я, моя няня и поварь, типичные крѣпостные слуги, отправились въ путь. Съ нами вмѣстѣ перевозился нашъ дормезъ, цѣлый ковчегъ. Комфортъ былъ полный, и общество веселое и пріятное. Капитанъ Глазенапъ, командиръ судна, и вся его команда наперерывъ ублажали меня-ребенка и сестру-подростка, баловали, а офицеры ухаживали за красавицей шестнадцатилѣтней нашей кузиной. Мать на палубу почти не выходила. Хотя погода и благопріятствовала, тѣмъ не менѣе морская болѣзнь дала о себѣ знать. Отецъ, получивъ отпускъ, пріѣхалъ въ Ниццу, гдѣ мы зимовали и провелъ съ нами Рождественскіе праздники. Зима для Италіи въ этомъ году была суровая. Обывателямъ Ниццы дано мѣткое прозвище *pag-chands de soleil* (торгаши солнцемъ) и, дѣйствительно, комнаты на Югъ оплачиваются вдвое дороже противъ расположенныхъ на Сѣверъ. Соотечественниковъ нашихъ было великое множество, да въ изобиліи вездѣсущихъ Англичанъ. Съ нашими слугами происходили забавныя исторіи. Напримѣръ, докторъ прописалъ матери супъ изъ улитокъ. Когда мать призвала повара и приказала изготовить себѣ это блюдо, онъ упалъ къ ней въ ноги, произнося дрожащимъ голосомъ: «Ну, ма-тушка-барыня, какъ угодно, а я подобной гадости моей генеральшѣ не приготовлю». Такъ и пришлось обратиться къ квартирной хозяйкѣ. Няня моя находила Итальянскій языкъ и ихъ вертлявость прямо неприличными, удивляясь, что насъ учатъ такому басурманскому языку и позволяютъ знакомиться и разговаривать съ шутами. Былъ еще пре-забавный случай. Только что мы перешли съ моря на сушу и двинулись изъ Штеттина далѣе, гдѣ мы ни останавливались, въ деревняхъ и городахъ, любопытство Нѣмцевъ было крайне возбуждено гербомъ на нашемъ дормезѣ (каретникъ постарался таки придать ему внушительные размѣры). Гдѣ бы мы ни останавливались, насъ окружали, награждая всевозможными титулами, благодаря чему при остановкахъ въ отеляхъ брали за все втридорога. Матери это надѣло, и въ какомъ-то городкѣ, гдѣ мы намѣревались провести день - другой, былъ позванъ маляръ и, по распоряженію матери, гербъ закрасилъ. Надо было видѣть отчаяніе нашего повара! И онъ, и моя няня неотступно просили барыню не ронять своего дворянскаго достоинства; но мать была неумолима, и мы поѣхали далѣе, потерявъ свое обаяніе, простыми бюргерами или медкими *gentiers*. Да, дѣйствительно, въ старину слуги дорожили своими господами; они радовались ихъ радостями, печалились ихъ печальми.

Въ началѣ Апрѣля уже начинаются сильныя вѣтры и наступаютъ жары, отъ которыхъ, какъ птицы разлетаются въ разныя стороны

прѣзжіе. Мистраль упорно и свирѣпо дуетъ черезъ водяное пространство изъ Африки; вихремъ несется онъ, необузданность его равняется дикости тамошняго населенія. Порывы вѣтра такъ сильны, что едва устоишь на ногахъ; дома дрожать, крыши срываетъ, а море кипитъ, какъ въ котлѣ, осаждаѣ мирный городъ пѣнящимися волнами.

Изъ Ниццы двинулись мы по живописной прелестнѣйшей дорогѣ «согнѣ», вьющейся по берегу моря и на каждомъ шагу открывающей очаровательные виды. Это положительно перлъ Ривьеры. Ѣхали мы на долгихъ, съ частыми остановками, до самаго Рима, съ такъ называемымъ «vetturino», ямщикомъ, по произволу, согласно съ усталостью своихъ коней, избирающимъ ночлеги и дневные отдыхи, но по условію обязаннымъ доставить насъ на мѣсто въ извѣстный срокъ. Въ городахъ мы проводили иногда сутки и болѣе, желая осмотрѣть достопримѣчательности. Тогда еще ходили слухи про разбойниковъ и подчасъ оправдывались. Два раза мы натерпѣлись порядочнаго страха. Спускаясь съ крутизны къ ручью, пересѣкающему дорогу, мы увидѣли толпу, стоящую у подошвы спуска. Какіе-то рослые люди въ широкополыхъ шляпахъ, съ накинутыми на плечи плащами и съ остроконечными палками или баграми въ рукахъ. Ужасно! Нѣтъ сомнѣнія, что они нападутъ на насъ и оберутъ какъ липку! Кто знаетъ чужую совесть: быть можетъ, и нашъ возница съ ними за одно! Всѣ мы поблѣднѣли. Мать поспѣшно разрѣзала на имперіалѣ сукно и сунула туда все, что находилось на лицо золота и серебра. (За кредитныя, какъ именныя, она не боялась). Кузина засунула за щеку только что подаренные ей изящные часики; сестра прижимала къ сердцу первый свой браслетъ; я, обливаясь горькими слезами, держала въ объятіяхъ новую куклу, а няня, неистово крестясь, въ тоже время не похристіански проклинала заграничные порядки, пѣвучій языкъ Италіи находила собачьимъ, ставя въ противоположность всему этому безобразію мирное житье на родинѣ. Но когда мы подъѣхали къ толпѣ, наши опасенія разсѣялись. Въ гористыхъ мѣстахъ отъ сильныхъ дождей, нерѣдко безобидные, тихо журчащіе ручейки внезапно превращаются въ бурные потоки. За неимѣніемъ мостовъ ихъ приходится переѣзжать въ бродѣ. При этомъ теченіемъ легко относить экипажъ и лошадей, и вотъ люди эти изъ близъ лежащихъ деревень, для заработка, помогаютъ переправѣ проѣзжихъ. Вознагражденіе за такой трудъ весьма скудное, но по ихъ бѣдности и лѣни все-таки годится. И такъ, воображаемые ора-діаволо оказались простыми поселянами и когда «bella esellenza», моя мать, щедро имъ заплатила, они рассыпались въ восклицаніяхъ и благодарностяхъ. Все это говорилось скоро, сопровождалось нескончаемыми

движеніями рукъ и ногъ. Словохотливый, жизнерадостный народъ! Переходы въ настроеніи самыя рѣзкіе послѣ сердечной рѣчи вдругъ слышатся ругательства, лицо мгновенно искажается. Нашъ поваръ готовился оборонять господъ и сталъ въ довольно воинственную позу, что при его тщедушной фигурѣ предъ рослыми, на картину просящимися Итальянцами, было крайне забавно.

Еще случай во время путешествія по Италиі, нагнавшій на насъ страху. Ночная остановка пришлась не то въ селѣ, не то въ мѣстечкѣ, скромномъ по виду, въ дикой мѣстности, не тамъ, куда мы направлялись. А остановиться здѣсь надо было, потому что перегонъ былъ слишкомъ великъ, усталыя лошади едва плелись. Отвели намъ помѣщеніе въ какой-то убогой пристройкѣ, прислоненной къ каменной, полуразвалившейся башнѣ. Большая пустая комната должна была служить намъ ночлегомъ. Окна крошечныя, запоровъ у дверей нѣтъ, таинственная нѣмая прислужница. Все это, вмѣстѣ взятое, служило къ нашему вящему недоумѣвію и смущенію. Пищи никакой, кромѣ галетокъ изъ овсяной муки и козьего молока. О, это козье молоко! Какъ я его ненавиждала, когда меня въ свѣтъ ни заря будили и полусонную поили имъ съ кофеемъ! Нагромодивши у дверей все, что было потяжеле, взрослые почти не смыкали глазъ. Радостно привѣтствовали мы свѣтъ (безконечной казалась эта, столь тревожная ночь) и поблагодарили Бога, что все обошлось благополучно. Утромъ мать пыталась распрашивать у *vettagino*, что это была за постройка. Онъ твердилъ «*locanda*», а прежде стоялъ здѣсь «*castello*», вѣроятно, замокъ феодальной эпохи, развалины котораго были еще довольно живописны.

Въ Римѣ мы провели торжественные праздники Пасхи. Многое меня, не смотря на мой дѣтскій возрастъ, приводило въ какое-то восторженное состояніе. Храмъ Св. Петра поразилъ меня своей грандіозностью, объемомъ, ширью, высью. Я какъ-то все это не объясняла себѣ, но чувствовала всѣмъ существомъ. Росла я между взрослыми и не догодамъ была чутка. Было многое, что дѣйствовало на меня смѣшливѣе образомъ: палская гвардія въ ея чисто-шутовскомъ костюмѣ, половинна туловища красная, а другая синяя; неистовыя движенія на церковныхъ высокихъ кафедрахъ проповѣдниковъ, облеченныхъ въ красное, съ крестомъ въ рукахъ, которымъ безцеремонно хлопали они по краямъ кафедры въ патетическихъ мѣстахъ для произведенія выщаго впечатлѣнія. Я даже спросила у матери, почему въ храмъ допускаютъ автеровъ: такъ была убѣждена, что человекъ этотъ вовсе не духовное лицо. Оркестры военной музыки, въ церкви исполняющіе новѣйшія

пьесы, не исключая и танцевъ; дамы, входящія молиться съ собачками на рукахъ. Окончательно изумлена была я въ театрѣ маріонетокъ. Когда во время представленія раздался звонокъ для молитвы Ave Maria, на сценѣ куклы остановились въ самыхъ оригинальныхъ позахъ; зрители въ партерѣ и ложахъ упали на колѣни, набожно скрестивъ на груди руки.

Приготовленія наши къ Свѣтлomu Христову Воскресенію удивляли не только прислугу гостиницы, но и живущихъ въ ней. Кудичи, паски, окорока, красныя яйца, все съ любопытствомъ осматривалось, обнюхивалось, обсуждалось. Это было апофеозомъ нашего старика Василия Остаповича. Его дружески трепали по плечу; были и такіе, что просили отвѣдать заморскихъ яствъ; но онъ неодобрительно и важно качалъ головой, движеніями лица и рукъ внушительно давая понять, что «прежде синьора». Собравшіеся весьма благодушно бесѣдовали другъ съ другомъ. Мать съ сестрой и кузиной присутствовали на торжественной мессѣ, съ трудомъ выхлопотавъ себѣ входные билеты чрезъ обязательное посредство какого-то монсиньора, должно быть, поклонника дамъ. Меня бѣдную не брали на ночную службу въ нашу посольскую церковь, не смотря на мои просьбы и слезы. Сестра и кузина рассказывали мнѣ о неблаговоспитанномъ поведеніи жены Американскаго посла. Надо сказать, что въ Римѣ необычайное количество блохъ; онѣ нападаютъ на васъ цѣлыми арміями, и вотъ посланница, не смотря на мѣсто и многолюдство, храбро съ ними воевала.

Тотъ же кардиналъ вызвался выхлопотать для матери премъ у папы. Онъ настоятельно убѣждалъ и хотѣлъ прислать свой экипажъ: но мать не согласилась ѣхать въ Ватиканъ, зная, что, удостоившись чести видѣть святаго отца, въ знакъ благоговѣнія и смиренія припадаютъ къ его ногамъ, цѣлуя его туфлю, на которой, какъ говорятъ, изображеніе Пресвятой Дѣвы. Для православной это показалось слишкомъ. Красота вообще обаятельно дѣйствуетъ на этотъ народъ. Бывало въ Римѣ, гуляя по улицамъ, часто случалось слышать возгласы: «come ved belle», отъ прохожихъ, даже престолюдиновъ, оборачивавшихся и смотрѣвшихъ на мою мать и сестру. Въ Генуѣ, гдѣ мы были проездомъ, на страстной недѣлѣ, ходилъ по городу процессія какъ называемыхъ «frères pénitents». Это была зодотая молодежь, прожигающая жизнь съ масками на лицѣ, въ сѣрыхъ изъ грубой матеріи, въ родѣ власяницъ, одеждахъ, подрясанные веревкой, въ сандаляхъ на босу ногу, шлм они, точно костюмированные, рядами по улицамъ, перебирая четки и входя во всѣ церкви. Этими они искупали свои грѣхи. Но все-таки судъ

людской превышалъ судъ Божій: лицо было скрыто отъ взоровъ встречающихся. Мы, въ качествѣ туристовъ, осматривали въ какой-то древней церкви архитектуру и живопись ея. Среди моря цвѣтовъ и бездны огней отъ лампадъ и свѣчей, покоилось на бѣломъ мраморномъ ложѣ тѣло Спасителя изъ воска, художественной работы. Поразительно живо лежалъ Онъ, съ окровавленными ранами на рукахъ, ногахъ и боку. Конечно такое зрѣлище не можетъ не производить сильнаго впечатлѣнія. Монахи вошли тоже и, подойдя близко къ намъ, перешептывались, смѣялись, заглядывали подъ шляпки сестеръ, а когда онѣ что-то говорили по-русски другъ съ другомъ, принялись ихъ передразнивать. Мать это возмутило, и мы скоро ушли. Удивительно, какъ у католиковъ понятія перекутаны: благочестіе, доходящее до мистицизма, идетъ рядомъ съ шутовствомъ и глумленіемъ. Особенно замѣтно это въ Итальянцахъ, благодаря подвижности ихъ и воспримчивости.

Второе путешествіе наше было при другихъ условіяхъ, хотя ѣхали мы опять-таки на царскомъ пароходѣ. (Яхтъ тогда еще и въ поминѣ не существовало). Отцу дано было высочайшее повелѣніе осмотрѣть нѣкоторыя крѣпости за границей и ознакомиться съ новѣйшими примѣненіями гальванопластики и минными работами. На этотъ разъ отецъ зимовалъ въ Парижѣ съ нами и со своей свитой, состоявшей изъ двухъ адъютантовъ (князя Багратіона, впоследствии при герцогѣ Лейхтенбергскомъ, а еще позже - Тверского губернатора), барона Тизенгаузена, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна и секретаря Мюсара. Воздвигнутыя Людовикомъ Филиппомъ укрѣпленія Парижа давали поводъ Французамъ говорить, что они возведены не противъ непріятеля, а противъ жителей. Пошли у насъ въ квартирѣ разные визиты. Между прочимъ запоминаю появленіе Гизо, тогдашняго министра, романиста Бальзака, добродушнаго толстяка и великаго говоруна, познакомившагося съ отцомъ во время путешествія. Гизо казался очень сосредоточеннымъ человѣкомъ. Разсказывали тогда, что онъ и Тьеръ вырывали другъ у друга власть и, наружно будто въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, всегда высказывали противоположныя мнѣнія, облеченныя въ краснорѣчивыя и вкрадчивыя рѣчи. Отецъ и мать, кромѣ приглашенія на балъ къ министру, были приглашены еще къ князю Тюфякину, бывшему нѣкогда у насъ начальникомъ императорскихъ театровъ. Покинувъ родину, какъ говорили, изъ любви къ Французской актрисѣ и по служебнымъ непріятностямъ, онъ поселился навсегда въ «столицѣ міра». По богатству, щедрости и гостепримству онъ слылъ знатнымъ бояриномъ. Никакая нація не падка на дворянство и ордена, не поддается на громкіе титулы столько, какъ Французская. Нигдѣ

отъ прислуги не требуется такой подобострастной вѣжливости къ господамъ. Всякій ничтожный bourgeois и спитъ, и видитъ о какомъ нибудь знакъ отличія, т. е. ленточкѣ въ петлицѣ. Сенъ - Жерменское предмѣстье свысока смотритъ на все остальное населеніе. Богатые банкиры и негоціанты предмѣстья С-Антуанъ лѣзутъ въ высшее общество изъ всѣхъ силъ и презираютъ tiers - état. Мѣщанство, въ свою очередь, кичится передъ бѣднѣйшимъ людомъ. Въ этомъ отношеніи съ республиканской Франціей соперничаетъ демократическая Америка, стараясь выдавать своихъ дочекъ за обнищавшихъ Итальянскихъ prinсipe и Англійскихъ лордовъ, падкихъ до золота. У насъ въ квартирѣ было тепло и уютно. Въ каминъ проведены были трубы желѣзныхъ калориферофъ, вставлены двойныя рамы въ окна. Часто собиралась у насъ Русская колонія, изъ которой выдѣлялись: Гречь, Айвазовскій, Даргомыжскій. Они утверждали, что чувствуютъ себя у насъ, какъ на родинѣ и вопреки всѣмъ климатическимъ условіямъ согрѣваются только у насъ, воспринувъ и тѣломъ и духомъ отъ Парижской суматохи, стрекотни и помѣщеній, лишенныхъ всякаго комфорта, лишь элегантно обставленныхъ. Гречь казался мнѣ насупившимся старымъ ворчуномъ а, познакомившись впоследствии съ его грамматикой и зубря ее, я еще меньше чувствовала къ нему симпатіи. Айвазовскій словно всегда находился въ какой-то нирванѣ, мысленно отсутствовалъ, витая въ сферахъ искусства. Даргомыжскій, хриповатый весельчакъ, всегда что-то мурлыкалъ. Сестра, много старше меня, усердно занималась музыкой подъ руководствомъ Шопена. Начала она свое музыкальное образованіе у Карла Майера, и сперва Шопенъ отказывался заняться съ столь юной ученицей, но мать упростила прослушать ее, и онъ согласился. Эту крупную музыкальную величину я видѣла, пріѣхавши разъ съ матерью за сестрой. Моему дѣтскому воображанію онъ представлялся какимъ-то привидѣніемъ; истощенный, донельзя худой и блѣдный, онъ, прислушиваясь къ игрѣ сестры, нервными отрывистыми шагами двигался назадъ и впередъ по комнатѣ. Я уже говорила, что наблюдательность моя была сильно развита, какъ у ребенка, постоянно вращавшагося въ обществѣ взрослыхъ. Полагаю, что на мнѣ отражались взгляды и мнѣнія старшихъ.

Отецъ уѣхалъ въ Англію, гдѣ ознакомился со всѣмъ, что ему слѣдовало. Осмотрѣвъ доки и арсеналы Вульвича, онъ обѣдалъ у мѣстнаго начальника, лорда Блумфильда. Отецъ очень удивлялся патриархальнымъ нравамъ, царившимъ тогда въ Англійскихъ семьяхъ. Сынъ старика, посланникъ въ Петербургъ, когда обращался отецъ къ нему съ рѣчью, отвѣчая ему, почтительно привставалъ. Но это

«сэръ» какъ-то непріятно звучить въ устахъ дѣтей относительно родителей. Холодомъ вѣетъ отъ него. Верхъ вѣжливости соблюдается въ семейномъ быту; но внѣ дома, на материкѣ особенно, Англичанинъ невыносимъ. Высокомѣріемъ никто его не превзойдетъ. Никого и ничего не существуетъ кромѣ его особы. Но скажу одно (справедливость отдать слѣдуетъ) вѣрнѣе и надежнѣе друзей нѣтъ.

Отцу не пришлось представиться королевѣ: она отсутствовала. За то его приглашали въ замки разныхъ вельможъ, вѣроятно изъ любопытства посмотреть на «Русскаго медвѣдя». Всѣмъ намъ давалась тогда такая кличка, хотя многіе иностранцы, пожалуй, съ честью могли бы ее себѣ присвоить. Отецъ приходилъ въ отчаяніе отъ обязательнаго костюма для обѣдовъ и пріемовъ: ему, какъ военному, претили чулки, башмаки, фракъ и бѣлый галстухъ.

Веселый Парижскій праздникъ Voeuf Gras, во Вторникъ первой недѣли поста, очень живъ въ моемъ воспоминаніи. Необыкновенное оживленіе по всему городу, пѣсни, смѣхъ, музыка и торжественное шествіе виновника праздника, самаго откормленнаго быка, едва двигающагося отъ чрезмѣрнаго жира, разукрашеннаго гирляндами розъ и сопутствующаго всадниками и громадной колесницей, въ которой важно застѣдали богини и боги Олимпа—цехъ прачекъ и мясниковъ столицы. На другой день развѣшаны были при тушахъ объявленія: племянникъ, братъ, дядя, отецъ «отца Горіо» (названіе, данное въ честь повѣсти Бальзака чудовищному по размѣрамъ быку). На площади Карусель, предъ Тюлерійскимъ дворцомъ, отецъ взялъ меня на руки, и я увидѣла на балконѣ всю королевскую семью. Людовикъ - Филиппъ доживалъ послѣдніе дни монархіи. Какъ теперь я вижу его грушеобразное Бурбонское лицо и хорошенькихъ его внуковъ, графа Парижскаго и герцога Шартрскаго. Король привѣтливо раскланивался направо и налево, а толпа дружелюбно шумѣла. Не прошло и года, какъ онъ былъ низвергнутъ и, боясь народной расправы, боясь подвергнуться участи Людовика XVI, поспѣшно покинулъ Францію. Теперь же и отъ Тюлерійскаго дворца остался одинъ пепель, да и тотъ давно развѣянъ вѣтромъ.

Матери моей пришло въ голову для усовершенствованія Французскаго языка сестры отдать ее на годъ въ одинъ изъ монастырей, гдѣ воспитывались барышни аристократическихъ семей, въ «*casé coen*» или «*souvent des oiseaux*». Отговорила ее прелестная маркиза Гюнь, представительница стариннаго рода, прежней благовоспитанности и

иашества Француженокъ, воспитавшаяся въ пансіонѣ известной въ то время м—ъ Кампанъ. Умная маркиза плѣняла своимъ любезнымъ обращеніемъ и смѣло могла быть по своему слогу соперницей прославившейся Севиньи. Она очень сошлась съ матерью, и вотъ какіе доводы приводила она противъ ея намѣренія. Во-первыхъ, она утверждала, что монахи не пожалѣютъ никакихъ ухищреній, чтобы обратить схизматичку въ католическую вѣру. Во-вторыхъ, положеніе сестры не будетъ изъ самыхъ пріятныхъ въ такой средѣ, гдѣ много суевѣровъ и вѣтъ часы, когда три раза въ день всѣ отправляются къ службамъ, а также въ часы уроковъ Закона Божьяго, что она будетъ дѣлать? Хотя мать не боялась за сестру относительно вѣры, но она признала, что маркиза была права и отбросила эту мысль. Къ сестрѣ наняли какого-то профессора, а для меня довольствовались одной пожилой болтушкой, съ которой мы прекрасно ладили. Въ Тюлерійскомъ саду я ежедневно бѣгала и дружила съ цѣлымъ роемъ маленькихъ, живыхъ Француженокъ, которыя сперва, выпаливъ и безъ того большіе глазаки, съ удивленіемъ смотрѣли на Русскую дѣвочку, но, привыкнувъ, считали меня въ числѣ своихъ. У меня было двѣ косы свѣтло-пепельнаго цвѣта и, по совѣту парикмахера, мать тщательно прятала ихъ подъ пальто: онъ угрожалъ, что такъ какъ цвѣтъ этотъ у нихъ рѣдкость, то ихъ въ толпѣ мнѣ ловко отрѣжутъ. Моя преподавательница не была сильна даже въ первоначальныхъ познаніяхъ, но за то она у насъ согрѣвалась, повторяя: «oh, la boppe châteaur!» и наивдалась вслѣсть. Пѣсенъ она знала безконечное число и готова была ихъ пѣть цѣлый день безъ умолку.

Отецъ уѣхалъ назадъ въ Россію. Мы съ матерью, пропутешествовавъ по Рейну, отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ мать предприняла виноградное леченіе, а мы занимались. Къ сестрѣ ходили университетскіе учителя, уроками которыхъ и я позже пользовалась. Нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ были чрезвычайно симпатичны и просты въ обращеніи: ни важности, ни натянутости они на себя не напускали. Фамили ихъ я позабыла, но память о нихъ самая хорошая осталась. Добросовѣстность ихъ удивительна: минутой раньше уговореннаго часа они не уйдутъ. Между прочимъ мать наняла учителя музыки; услышавъ игру сестры, онъ заявилъ, что ему учить ее не приходится: такъ у ней хороша техника и выразительна игра. Условились играть въ четыре руки, чтобы хорошо, бойко читать ноты. Жили мы на противоположномъ берегу Неккара. Какъ сквозъ сонъ видятся мнѣ развалины замка съ славившейся въ нихъ или возлѣ нихъ колоссальной пивной бочкой.

По возвращеніи нашемъ въ Россію, великій князь Михаилъ Павловичъ, какъ командующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, пожелалъ имѣть отца начальникомъ штаба. Государь неохотно согласился на это переименованіе. Инженерную часть онъ очень любилъ и дѣятельность отца признавалъ полезной. Согласился онъ только въ угоду брату, съ которымъ онъ жилъ душа въ душу. По смерти великаго князя, вскорѣ послѣдовавшей, его мѣсто занялъ Наслѣдникъ. Отецъ мой занималъ должность начальника штаба 12-тъ лѣтъ. Молодой главнокомандующій былъ неопытенъ, мало знакомъ съ дѣломъ; все лежало на отцѣ. По какому-то случаю было многолюдное представленіе. Обходя присутствующихъ, Государь милостиво протянулъ руку моему отцу и сказалъ: «Витовтовъ! Зная вѣрную твою службу, поручаю тебѣ помогать Наслѣднику, надѣюсь, что и впредь ты будешь также исполнять свой долгъ». Отецъ вернулся домой растроганный лестными словами Государя, и вся семья ликовала вмѣстѣ съ нимъ. За то и поработалъ же онъ усердно, не жалѣя ни трудовъ, ни здоровья, стараясь удалить съ пути Его Высочества всякія непріятности и безпорядки, каждую ничтожную проруху на смотрахъ и маневрахъ принимая къ сердцу.

Во Франціи возникла вторая республика. Теперешніе наши друзья тогда относились къ намъ насмѣшливо и недружелюбно; называли насъ не иначе, какъ: «*changeurs de chandelles*». Составилось такое прозвище еще въ 1814-мъ году, въ пребываніе нашей арміи въ пресловутомъ Парижѣ, благодаря солдатамъ-любителямъ Малороссійскаго сала, истреблявшимъ его охотно, что казалось Французамъ чудовищнымъ. Надъ самовластнымъ, по ихъ мнѣнію, деспотомъ императоромъ Николаемъ они позволяли себѣ выпускать разныя карикатуры и статьи; даже въ циркѣ шла пьеса, весьма позорная для Россіи. Узнавъ о ней, Государь черезъ министра иностранныхъ дѣлъ повелѣлъ передать Французскому правительству, что онъ пришлетъ 100,000 казаковъ ей апплодировать, и пьеса немедленно была снята со сцены.

Сестра моя была сдѣлана фрейлиной при великой княжнѣ Маріи Михайловнѣ. Мать моя на поступленіе сестры во фрейлины согласилась только съ тѣмъ условіемъ, что жить она будетъ подъ родительскимъ кровомъ, а на дежурства и торжества будетъ ѣздить во дворецъ. Статсъ-дама Апраксина, которой дано было мѣткое имя «*fée Carabosse*» (злой волшебницы) изъ какой-то сказки, дѣйствительно олицетворяла собою этотъ типъ. Выше этикета у нея въ жизни ничего не было. Великія княжны и тѣ боялись ея пуще огня. Недолго, впрочемъ, пришлось служить сестрѣ при маломъ дворѣ: в. к. Марія Михайловна умерла.

Сестрѣ данъ былъ шифръ, и она перешла къ большому двору, фрейлиной императрицы Александры Θεодоровны. Но великая княгиня Елена Павловна всегда благосклонно относилась къ сестрѣ и вообще къ нащей семьѣ. Часто приглашала она сестру съ собою кататься, заставляла ее заниматься своей корреспонденціей и, съ разрѣшенія Государыни испросивъ согласіе матери, перевела ее на лѣто къ себѣ, въ Павловскъ. Но сестра была тамъ недолго. Не смотря на красивый дворецъ и роскошный паркъ, мѣсто было очень сырое, и сестрѣ стало нездоровиться. Мать испугалась и увезла сестру въ Царское, гдѣ мы жили и гдѣ воздухъ и почва сухіе и здоровые.

По переѣздѣ въ гвардейскій штабъ у насъ часто бывали музыкальные вечера; участвовали въ нихъ знаменитости еще въ зародышѣ. Игралъ на рояли Рубинштейнъ, на скрипкѣ Венявскій, извѣстная тогда въ Петербургѣ по голосу и передачѣ романсовъ Варламова и Даргомыжскаго г-жа Шиловская. Даргомыжскій былъ изъ постоянныхъ посѣтителей, постоянно акомпанировалъ г-жѣ Шиловской. Появился и какъ-то скрылся, какъ метеоръ, подававшій большія надежды, скрипачъ Аванасьевъ. Какъ слышно было, онъ занялъ мѣсто второй скрипки въ оркестрѣ Итальянской оперы. Сестра, восторженная поклонница Гризи, передъ ея бенефисомъ написала ей такое милое и любезное письмо, прося билета, что пѣвица, въ отвѣтъ, сама явилась съ намъ. Я смотрѣла на все въ дверную щелку: мнѣ еще возбранялось присутствовать во время пріемовъ въ гостиной. Она была удивительно хороша, хотя скажу, что наружность и манеры ея нѣсколько отзывались вульгарностью плебейки, чѣмъ она и была. Нотъ она совсѣмъ не знала, пѣла всѣ свои партіи какъ птица, съ голоса, по памяти, благодаря удивительно развитому, музыкальному слуху; но такой Нормы, по отзывамъ знатоковъ, никогда не было и не будетъ. Позже я была лично знакома съ соловьемъ Патти. Удивительно, насколько эти прогремѣвшія съ одного края земного шара до другого примадонны были односторонни и убоги въ умственномъ отношеніи! Ихъ всецѣло поглощало ихъ искусство, да кромѣ того жажда овацій и подношеній.

Петербургское общество было потрясено крупной растратой инвалиднаго капитала. Вѣроятно теперь, когда всякіе крахи и кражи такъ часто повторяются, впечатлѣніе было бы менѣе тягостно. Грабителемъ казенной собственности оказался казначей, вездѣ принятый, гостеприимный, въ высшей степени щедрый, всѣми величаемый Монте-Кристо, Политковскій. У всѣхъ глаза были будто завязаны, и въ голову никому не приходило, изъ какого неприкосновеннаго источника берутся

эти средства, тѣмъ болѣе, что членами комитета для провѣрки суммъ состояли заслуженные старики, генералъ-адъютанты. Съ полнымъ довѣріемъ, не желая обидѣть Политковскаго, они перваго числа каждаго мѣсяца довѣрчиво скрѣпляли все своей подписью. Пострадали и наказаны были они за свое халатное отношеніе къ дѣлу. Ихъ было пять или шесть. Бѣдила я съ матерью къ двумъ изъ нихъ. Навѣстили мы графа Граббе, извѣстнаго своею храбростію (онъ меня любилъ, потому мать и взяла меня съ собою) и адмирала Колзакова, бывшаго въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ нашей семьей. Удручающе дѣйствовало присутствіе вооруженнаго солдата при входѣ въ квартиру. Стоически переносили они налетѣвшую справедливую немилость, преклоняясь предъ монаршей волей, но все-таки замѣчалась угнетенность. Впрочемъ, вскорѣ они были оправданы судомъ, который вмѣнилъ имъ арестъ въ наказаніе за небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и довѣріе къ мошеннику, обморочившему ихъ. Не знаю, было ли что внесено въ формуляръ; говорили да и нѣтъ.

Исторія заговора Петрашевскаго также служила предметомъ для противорѣчивыхъ разговоровъ и надѣлала много шума. Кружекъ былъ пойманъ и посаженъ въ крѣпость. Кого обвинили, а кого и простили.

Когда императоръ Николай прощался съ молодымъ Австрійскимъ императоромъ, тогда весьма юнымъ, маленькаго роста, онъ, какъ много старше, приподнял его за локти и поцѣловалъ добросердечно. Габсбургская гордость не перенесла этого.

Въ Варшавѣ на балахъ, Царь, видя много молодежи, рослой, красивой и болтающейся безъ дѣла то дома, то за границей, выразилъ желаніе (что равнялось приказанію), чтобы эти юноши явились въ рядахъ его гвардіи. Бабушки, маменьки, тетеньки привезли, конечно, съ неудовольствіемъ своихъ баловней. Вздохамъ и слезамъ не было конца, словно ихъ вели на плаху. Къ моей матери, какъ женѣ начальника штаба, распредѣляющаго ихъ по полкамъ, явились графини Млодецкія, Потоцкія, Тышкевичъ и другія, упрасивая ее подѣйствовать на мужа при опредѣленіи. Онѣ желали, чтобы тѣ попали въ тотъ или иной полкъ, сообразно съ ихъ знакомствами или по какимъ нибудь другимъ причинамъ. Одна изъ нихъ ссылалась на то, что воспитывалась съ матерью въ одномъ институтѣ, почему она, какъ бывшая товарка, обязательно должна оказать ей протекцію и воздѣйствовать на отца. Мать скромно отвѣчала, что, не смотря на желаніе помочь имъ, она никогда не вмѣшивается въ служебныя дѣла и что мужъ ея даже не допустилъ бы этого. Насилу отдѣлалась она отъ назойливыхъ

и льстивыхъ, когда это нужно, Полекъ. Тогда женщины еще признавали авторитетъ главы семейства, не отстаивали равноправность.

Императоръ Николай дѣйствительно царилъ между коронованными особами и наружностью, и благородствомъ. Очень обрисовываетъ его поступокъ съ Австрійскимъ фельдмаршаломъ, поступившимъ несправедливо съ нашими войсками во время похода. Привзавъ его въ свой кабинетъ, онъ началъ громко высказывать ему свое неудовольствіе, и Австріецъ пятился къ двери, притворяя ее, чтобы не услышали, какъ царь его распекаетъ. Тогда Государь соскочилъ съ мѣста, настѣжь распахнулъ двери и закричалъ: «Когда Русскій Императоръ дѣлаетъ кому либо замѣчаніе, весь свѣтъ можетъ слышать его». Конечно онъ приобрѣлъ себѣ въ немъ непримиримаго врага, но можно ли было давать своихъ въ обиду?»

Лѣтомъ мы кочевали: жили въ Петергофѣ, въ такъ называемыхъ «кавалерскихъ домахъ» и въ Царскомъ въ Китайской по прозвищу деревнѣ, находящейся въ паркѣ. Лагерное время мы большею частью проводили въ Красномъ Селѣ. Величественна бывала заря съ церемоніей, въ присутствіи всей царской фамиліи. При торжественныхъ звукахъ всѣхъ военныхъ оркестровъ исполнялось «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ». При чтеніи дежурнымъ фельдфебелемъ «Отче нашъ» всѣ головы обнажались, благоговѣнно внимала масса военныхъ, начиная съ рядовыхъ, блестящаго офицерства, до убѣленнаго сѣдинами почтеннаго генералитета. Еще грандіозенъ былъ видъ изъ царской палатки на поле, гдѣ происходилъ финальный смотръ. Пѣхота проходила тѣсными рядами, кавалерія неслась то рысью, то маршъ - маршемъ. Пестрѣли на солнцѣ цвѣта мундировъ, блестяли каски и штыки, громыхали орудія артиллеріи, раздавалось гулко и повторялось эхомъ ура, какое-то радостное и неумолкающее. Отецъ возилъ насъ на джигитовку горцевъ, любовью которыхъ мы изумлялись.

Очень дружна была сестра съ дочерьми графа Сумарокова, и я подросткомъ вертѣлась между ними. Гуляя вечеромъ по пустыннымъ улицамъ или, вѣрнѣе, улицъ Краснаго Села, когда все, утомленное дневными занятіями военное населеніе мирно спало, мы весело смѣялись, болтали; на насъ находилъ какой-то шаловливый стихъ, и мы придумывали всякія штуки; къ сожалѣнію (всѣ хотя онѣ были и самого невиннаго свойства) нельзя было приводить въ исполненіе: досталось бы отъ старшихъ.

Въ Царскомъ Селѣ было истинное раздолье гулять. Съ утра, взявъ съ собой легкую закуску и книгу, мы отправлялись съ гувернанткой въ паркъ и оставались тамъ чуть не до обѣда. Располагались мы гдѣ нибудь подъ тѣнью деревьевъ, но все портило (хотя я и не была лѣнлива) въ такой предместной обстановкѣ, въ такомъ воздухѣ, зубрение всякихъ наукъ. Такъ и хотѣлось закричать: «довольно! на это—зима съ хмурыми Петербургскими днями, съ необходимымъ подчасъ, благодаря ненастью, затворничеству въ четырехъ стѣнахъ. Но голосъ мой былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, учение шло своимъ чередомъ, только нѣсколько сокращеннѣе зимнаго. Какъ красивъ былъ павильонъ въ деревенскомъ вкусѣ, на берегу пруда, гдѣ плавали, гордо скользя по водѣ, черные лебеди. Построенъ былъ этотъ павильонъ въ память такъ рано скошенной смертью великой княжны Александры Николаевны. Она часто дѣвочкой сидѣла тутъ, кормя своихъ любимцевъ. Это мѣсто навѣвало какую-то меланхолію, особенно если взглянуть на портретъ великой княжны, висѣвшій внутри павильона. Удачна бронзовая статуя молодой дѣвушки, сидящей на большомъ камнѣ съ разбитымъ кувшиномъ, изъ котораго струится свѣтлая какъ хрусталь вода. Какъ часто припадала я жадными устами къ прозрачной, освѣжающей струѣ! Тревожно разгуливалъ тогда еще на зеленомъ лугу, обнесенномъ изгородью, бѣлый, какъ лунь, историческій конь, на которомъ императоръ Александръ I побѣдоносно вѣзжалъ въ столицу міра.

Императоръ Николай I иногда присутствовалъ на небольшихъ вечерахъ въ Зимнемъ и Михайловскомъ дворцахъ и любилъ играть въ лото. Ставкой была трехрублевая бумажка, и сестрѣ посчастливилось выиграть такую ассигнацію изъ собственнаго кошелька Государя. Вѣроятно она хранится въ семьѣ, какъ святыня. Послѣ выхода замужъ за ротмистра кавалергардскаго полка В. М. Родзянко, она недолго жила въ Петербургѣ. Мужъ ея взялъ безсрочный отпускъ, и они поселились съ дѣтьми въ его Малороссійскомъ имѣніи. Мать моего зятя, уважаемая старушка, рожденная Квашнина-Самарина, была фрейлиной в. к. Анны Павловны. Эту свою тетушку в. к. Николай и Михаилъ Николаевичи сильно не долюбивали за ея чопорность, называя ее «тетушкой на пружинахъ». Е. В. Родзянко многіе годы была начальницей Екатерининскаго Института. Всѣ, кто только ее зналъ, любили и чтили ее за удивительную деликатность и отзывчивость. При старости лѣтъ она была еще миловидна и гибка; недаромъ ей поручено было обучать пріѣхавшую невѣстой, будущую Императрицу, Александру Теодоровну поклонамъ и реверансамъ на пріемахъ и церемоніяхъ, что при длинномъ шлейфѣ задача нелегкая; но всѣ современники единогласно го-

ворять, что рѣдко кто обладалъ граціей во всѣхъ движеніяхъ и такимъ достоинствомъ въ манерахъ, какими отличалась тогдашняя царица. Коронаціонныя торжества описывать считаю излишнимъ.

Въ Сувалкахъ сердце сжималось, глядя на бѣдноту края. Дѣти бродили по улицамъ, какъ бездомныя собаки, спали, приткнувшись, на ступенькахъ подъѣздовъ, ютясь подъ воротами, едва прикрытые убогими лохмотьями, а зима была не изъ «сиротскихъ». И никому не было дѣла до нихъ! Мать торопилась, собравъ небольшую сумму пожертвованій, устроить для нихъ ночлеги; нанята была стряпуха, которая два раза въ день кормила ихъ похлебкой и хлѣбомъ. Сама мать и довѣренныя лица ходили за ней наблюдать. Снабжены дѣти были и одеждой, хотя тоже не изъ особенно согрѣвающей, но все же лучшей того тряпья, которое съ нихъ сняли. Въ этомъ добромъ дѣлѣ участвовалъ военный персоналъ, да нѣкоторые Евреи-купцы, такъ какъ между призрѣваемыми были и ихъ единоплеменники. Съ мѣстными сосѣдними панями родители мои ладили. При отъѣздѣ нашемъ въ синагогѣ отслуженъ былъ, по Еврейскому обряду, молебень за папа генералова и его семью. Въ Сувалкахъ мать накупила много хорошенькихъ вещицъ и матерій; все это была контрабанда. Таможенная стража имѣла постоянныя, чуть не ежедневныя, стычки съ Евреями, которые въ высшей степени трусливы; но, когда дѣло шло о наживѣ или уtratѣ нажитого, они становились отважными. Помѣщики въ окрестности были не изъ состоятельныхъ; извѣстно, что шляхта выше магнатовъ держать голову, и гоноръ ей бѣда затронуть. Но для общества Поляки незамѣнимы: находчивы, веселы, утонченно вѣжливы. Они имѣютъ въ этомъ отношеніи сходство съ Французами, но вѣжливость ихъ даже приторна: въ ней кроется и чувствуется какая-то неискренность. Тогда еще не были приняты рѣшительныя мѣры для обрусѣнія Польши; она не умѣла пользоваться въ предѣлахъ, ей данныхъ, своими прерогативами. Намѣстникъ князь Горчаковъ былъ извѣстенъ своею разсѣянностью: снявъ фуражку, онъ влетѣлъ къ намъ въ гостинную въ шинели и калошахъ; просидѣвъ нѣкоторое время вдругъ замѣтилъ свою оплошность и, сконфузившись, сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ.

Въ Москвѣ мы заняли прекрасный домъ на Садовой, отведенный городомъ отцу. Мелькали всѣхъ цвѣтовъ и покровъ мундиры и головныя уборы. Европейцы, Американцы, Азіаты, все это въ перемежку толпились во дворцѣ. Державы нашей части свѣта соперничали блескомъ, но всѣхъ перещеголяли послы Австрійскій и Французскій, графъ Морни, пріемы котораго отличались оживленіемъ и блескомъ. Наружность его

не была привлекательна: пожилой, съ лысиной, съ красноватымъ носомъ и выраженіемъ фальши на обрюзгомъ лицѣ. Влюбился онъ и вскорѣ женился на Русской красоткѣ, княжнѣ Трубецкой, только что вышедшей изъ Екатерининскаго Института. Восхищалась я ея очаровательнымъ, точно изъ кости выточенымъ личикомъ, черными глазами и пепельнаго цвѣта волосами; но, не смотря на всю свою красоту, она производила на меня непріятное впечатлѣніе маски Медузы. Что-то недоброе свѣтилось въ ея прелестномъ, леденящемъ взглядѣ и пробѣгало въ улыбка ея тонко очерченныхъ губъ. Циникъ, сладострастный графъ едва ли осчастливилъ ея выборомъ; развѣ положеніе его удовлетворяло ея самолюбію. Неутѣшной вдовой она оставалась недолго и вскорѣ послѣ смерти его обвѣнчалась съ Испанскимъ грандомъ. Отечество свое она не признавала; да и мать ея проживала въ болѣе, чѣмъ когда либо развращенной столицѣ міра. Въ числѣ другихъ нашихъ соотечественницъ она подвизалась на Аѳинскихъ вечерахъ Второй Имперіи. За это царствованіе роскошь и безнравственность доведены были до крайности, правителями государства были авантюристы и искательницы приключеній. Легкомысленныхъ, лакомыхъ на удовольствія Французовъ забавляли на всѣ лады и этимъ туманомъ застилали имъ глаза. Страшную эпоху переживала Европа, небывалую въ лѣтописяхъ исторіи, признавая такую чету и приравнивая къ другимъ государямъ. Въ царствованіе Наполеона III все было основано на ловкости, великолѣпно организованной тайной полиціи и непрерываемомъ рядѣ зрѣлищъ, парадовъ и эффектности всего наружнаго. Въ вѣчной лихорадкѣ удовольствій, смотровъ изнѣженнаго войска, пріемовъ иностранныхъ гостей, бойкой торговли и приливѣ пріѣзжавшихъ со всего свѣта посмотрѣть на все это волшебство и веселіе, дни за днями проходили незамѣтно, и Французы вышли изъ этого заколдованнаго круга только когда загремѣли орудія Седана. Монархія рухнула, и блестящій сонъ замѣненъ непроязвительной дѣйствительностью. Деморализація оказалась весьма печальной, Пруссаки побѣдоносно наступали и отхватили у Франціи Эльзасъ и Лотарингію. Поговорили о «revanche», хвастливо увѣряя, что Парижъ капитулировалъ, не допуская слова «grise» и на томъ успокоились. Хотя и проклинали Бисмарка, но я все-таки преклоняюсь предъ его умомъ и волею.

По окончаніи Крымской кампаніи отецъ, пораженный смертью моей матери, скончавшейся скоротечной холерою, сталъ еще болѣе страдать ногами; боли были настолько мучительны, что онъ съ трудомъ подавлялъ крики. Государь предложилъ ему для перемѣны климата командованіе 4-мъ армейскимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Воронежской и

сосѣднихъ губерніяхъ. Корпусъ этотъ былъ одинъ изъ самыхъ боевыхъ, съ участниками осады Севастополя. Изъ строевыхъ офицеровъ пѣхоты врядь ли бы нашелся одинъ не раненый, а у иныхъ было по нѣскольку ранъ. Нѣкоторые страдали приступами меланхоли, другіе острыми болями при наступленіи непогоды, особенно контуженные въ голову. Храбрый и добрѣйшій баронъ Дельвигъ былъ начальникомъ штаба при отцѣ. На зиму къ намъ пріѣхала изъ Екатеринославской губ. сестра съ дѣтьми погостить и похозяйничать, такъ какъ я была слишкомъ молода и неопытна для такой роли.

Вѣроятно потеря матери, первое мое горе, поколебало меня: я стала хворать, и недомоганіе разразилось горячкой, съ полнѣйшимъ упадкомъ силъ. Мы поѣхали съ отцомъ въ чужіе края на воды, въ сопровожденіи приставленной ко мнѣ старой преданной дѣвы, давно намъ знакомой, но права невыносимаго. Она заставляла прибѣгать, въ обращеніи съ нею къ уловкамъ, дабы не возбудить слезъ и ревности, а ревновала она меня даже къ моей собачкѣ, левреткѣ. Отецъ лѣчился въ Ахенъ, гдѣ около источниковъ воздухъ былъ ужасенъ, пропитанный испареніями сѣры. Я поселилась съ моей дуэней въ Спа, гдѣ желѣзные источники. Это мѣстечко очень хорошенькое, безъ особыхъ притязаній на городскую стройность. Домъ въ садахъ; много стремительныхъ, весело жужжащихъ ручейковъ; поэтическія прогулки подъ сводами ярко зеленыхъ разнородныхъ деревьевъ. Листва и луга Бельгій какого-то изумруднаго оттѣнка; говорятъ, съ ними соперничаетъ только Англійская зелень. Изъ любопытства мы посѣтили салоны, гдѣ толпилось ради рулетки самое разнокалиберное общество. Жутко было смотрѣть на искаженные алчностью лица присутствующихъ.

Лѣчившій меня старичокъ-докторъ относился ко мнѣ какъ нельзя лучше. Я провела много отрадныхъ минутъ въ обществѣ его и его столь же милой жены. Хотя оба были Англичане, въ нихъ не было и тѣни натянутости и равнодушія. Оба роста небольшого, сѣденькіе, розовенькіе, бѣленькіе они могли сойти за Филемона и Бавкиду. Всегда привѣтливые, въ хорошемъ расположеніи духа, они принимали меня у себя въ саду, которымъ съ любовью сами занимались и который казался мнѣ просто раемъ. Особенно красовались въ немъ пышные кусты золотисто-желтыхъ розъ, всевозможныхъ тѣней. Сады были ихъ гордостью и дѣтищемъ; мнѣ сдается, что похвалы саду были имъ настолько же пріятны, насколько пріятно бываетъ родителямъ, когда одобрительно отзываются о дѣтяхъ ихъ. Часто заглядывая къ нимъ, я познакомилась съ красавцемъ Англичаниномъ, младшимъ сыномъ какого-то лорда. По неимѣнію средствъ, проживалъ онъ на континентѣ, подобно

многимъ другимъ отпрыскамъ семей въ Англіи, гдѣ все состояніе передается старшему въ родѣ (большая несправедливость, какъ признаёмъ мы, но съ которой воспитанные въ этомъ духѣ и считающіе ее неизбѣжною легко мирятся). Эти обездоленные проводятъ лѣто въ курортахъ, а зимой ютятся въ недорогихъ и мало населенныхъ городахъ Франціи, Германіи и Италиі. Разъ утромъ онъ явился къ намъ, умоляя вечеромъ придти въ казино. Моя вѣрная компаньонка воспротивилась этому, да и я была съ ней согласна; но онъ такъ убѣдительно уговаривалъ, что мы сдались. Нашъ знакомый небрежно стоялъ у самаго стола, хладнокровно и неподвижно взирая на окружавшее его волненіе. При видѣ насъ онъ опустился въ кресло, будто намѣреваясь принять участіе въ игрѣ. Мы недоумѣвали, что будетъ дальше. Черезъ минуту не болѣе поднялся невообразимый гвалтъ. Дамы визжали, стулья падали, многіе повывскакивали изъ за стола; *stouriers* *) недоумѣвали, безмолвно вытаращивъ глаза. И что же оказалось? По зеленому столу, ища спасенія, мечется мышенокъ. Поуспокоившись стали его преслѣдовать со всѣхъ сторонъ, но какъ за нимъ ни гонялись съ палками, онъ таки ухитрился найти лазейку, отчаяннымъ скачкомъ очутился на полу и былъ таковъ. Не скоро все пришло въ порядокъ, но не досчитывались денегъ, ловко похищенныхъ въ пылу суматохи. Нѣтъ словъ, что сцена вышла до крайности комичной; не смѣялись только потерпѣвшіе. Англичанинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, медленной, автоматической походкой пошелъ къ выходу и скрылся. Прождавъ немного, и мы вышли въ садъ, гдѣ онъ насъ поджидалъ, важно разгуливая. Подошедши къ намъ, онъ съ торжествующимъ смѣхомъ спросилъ, удачна ли была шутка. Я разсердилась и серьезно спросила его: пріятна ли была такая продѣлка тѣмъ, которые, быть можетъ, лишились всѣхъ своихъ денегъ.—«Что же? невозмутимо возразилъ онъ, немного вышли изъ однообразной колеи и только, а меня очень мучилъ возившійся въ моемъ рукавѣ звѣрокъ». Эгоизмъ цѣлой націи высказался въ этихъ словахъ, и меня это взорвало. «Не хотите ли вы, обратилась я къ нему, подражать Спартакскому мальчику, который, чтобы испытать свое мужество, спряталъ у себя на груди лисицу, которая безпощадно грызла его. И вы собою жертвовали для общественнаго удовольствія?» Моя насмѣшка видимо не пришлась ему по вкусу, онъ вскорѣ распрощался съ нами. Моя компаньонка замѣтила мнѣ, что я была слишкомъ рѣзка, но я осталась очень довольна собой.

Еще доказательство Англійской безсердечности. По сосѣдству находится пещера и небольшой водопадъ, которые служатъ цѣлью для

*) Лица сѣдвация за игрой, отбирающія и отдающія ставки.

прогулокъ. Эта пещера не представляетъ собою ничего особеннаго. Внутри течетъ ручей; идешь по узкой тропѣ-каменистой и скользкой, близъ возвышающейся сводомъ скалы. Мы шествовали гуськомъ въ бѣлыхъ балахонахъ, съ факелами. Картина была таинственная, призрачная. Сталактитовъ оказалось мало, рѣдко отражался въ нихъ огонь. Около водопада стояло пять-шесть отвратительныхъ старухъ съ собачками. Онѣ точь-въ-точь похожи на вѣдьмъ Шекспировской трагедіи. За ничтожное вознагражденіе онѣ бросали животное въ водопадъ, и оно, кувыряясь и борясь съ теченіемъ воды, выплывало на берегъ. Англичанинъ предложилъ одной изъ этихъ фурій бросить пятилѣтняго ребенка, судя 1000 франковъ. Она согласилась, но за то общество выгнало ее изъ своей среды. Ребенокъ живъ, но припадочный... Какое звѣрство!

Окончивъ обязательный курсъ леченія, я чувствовала себя вполне хорошо, и мы отправились къ отцу въ Ахенъ. И ему, видно, воды принесли желанную пользу. Видѣлся онъ съ своими товарищами ген.-адъютантами графомъ Баранцевымъ и кн. Святополкъ-Мирскимъ. Приемъ состоялъ его адъютантъ князь Енгальчевъ, преданный ему, услужливый, прекрасный человекъ. Юля 22-го, въ день именинъ императрицы Маріи Александровны, вздумалось отцу устроить праздникъ. Балконъ нашей квартиры, выходящей на улицу, иллюминировали; передъ нимъ игралъ оркестръ. Гремѣлъ онъ до полуночи, и толпы Нѣмцевъ разгуливали передъ домою. Они падки на музыку, какъ мухи на медъ. Страстные меломаны, они въ каждомъ ничтожномъ городишкѣ или мѣстечкѣ имѣютъ «Verej'ны пѣвчихъ». По окончаніи дѣлового, рабочаго дня раздаются стройно исполненные «Lieder». Когда усердный камердинеръ отца обносилъ и угощалъ музыкантовъ пивомъ, и изъ публики кое-кто выпрашивалъ себѣ стаканчикъ; подвыпивъ, во все горло орали «hoch».

Ахенъ, одинъ изъ старѣйшихъ городовъ Германіи, нѣкогда былъ возвеличенъ пребываніемъ Карла Великаго. Доселѣ, кажется, въ соборѣ показываютъ его каменный тронъ. Для такихъ богатырей и требовались такія прочныя сѣдалища. Улицы тѣсныя, постройки во многихъ кварталахъ напоминаютъ средневѣковую архитектуру; онѣ не рѣдко встрѣчаются по всей странѣ. Улицы настолько узки, что двумъ экипажамъ не разѣхаться, а проживающіе въ нихъ могутъ, какъ увѣряютъ, пожать руку своихъ vis-à-vis. Процессій безъ конца; населеніе преимущественно католическое, и врядъ ли у нихъ меньше праздниковъ, чѣмъ у насъ.

Изъ Ахена мы двинулись въ Парижъ для такъ называемой «Nachtig»¹⁾, отдыха и развлечения, и пробыли тамъ недѣли двѣ. Отецъ почти не выѣзжалъ, предоставивъ мнѣ подъ охраной компаніонки и кн. Енгальчева колесить по всему городу и осматривать чтò захочу. Я ежедневно каталась въ Булонскомъ лѣсу, любуясь экипажами и туалетами. Не смотря на такъ именуемый, «мертвый» сезонъ, народу было многое множество. Это все болѣе чужеземцы, наводняющіе въ Юлѣ и Августѣ Парижъ, спѣшащіе на морскія купанья или въ Швейцарію, снующіе непрерывно взадъ и впередъ. Обѣдали мы съ отцомъ въ ресторанахъ разнаго типа; руководителями нашими по кулинарной части были Бутурлинъ и кн. Горчаковъ (сынъ канцлера). Первый тащилъ туда, гдѣ было повкуснѣе и посытнѣе; онъ слылъ гастрономомъ и соперничалъ аппетитомъ съ извѣстнымъ въ Москвѣ Рахмановымъ, которому приписываютъ слѣдующія слова. Сидя у открытаго окна, онъ всласть накушался; четверть телятины уменьшилась на половину. Въ ту минуту, когда онъ отдыхалъ, какъ боа, и переваривалъ проглоченное, подошелъ нищій, прося милостыню и жадно глядя на пищу. «Счастливецъ, воскликнулъ обжора; онъ ѣсть хочетъ!» Наоборотъ умѣренный и расчетливый князь впадалъ въ другую крайность: онъ разыскивалъ дешевые рестораны, которые оказывались весьма плохими; отецъ, любившій хорошо кушать, даже ворчалъ; да и я, не смотря на свою неприхотливость, выходила изъ за стола почти голодная.

Мы, конечно, посѣтили гробницу Великаго Наполеона, окруженную его трофеями. Увы! Географическая карта Франціи не расширилась вслѣдствіе его завоеваній. Можно только повторить за мудрецомъ: Oh, vanité des vanités, tout n'est que vanité!²⁾

Въ театрѣ Итальянской оперы шелъ «Пророкъ», когда мы тамъ важно засѣдали въ ложѣ противъ Императорской, почему на насъ направлены были бинокли со всѣхъ сторонъ. Вѣроятно насъ принимали за Американскихъ милліардеровъ, владѣтельныхъ принцевъ Нѣмецкихъ или очень важныхъ Русскихъ бояръ. Вѣдь мы занимали самую дорожную во всей залѣ ложу.

Изъ Парижа мы поѣхали въ Аркашонъ. Проѣзжая Бордо въ утомительно жаркую погоду, мы все-таки захотѣли взглянуть на этотъ городъ винной торговли. Тутъ все сосредоточено на этой промышленности, лавки, подвалы крупныхъ фирмъ, изъ которыхъ одна изъ выдающихся нашего Елисеѣва. У него свои виноградники, свои суда. Здѣсь всѣ величаютъ его графомъ.

¹⁾ Послѣ леченія.

²⁾ О суета суетъ, а все суета!

Когда, возвращаясь, мы переѣхали нашу границу, повѣяло на меня отечественнымъ духомъ. Хотя невзрачна наша природа, но сердцу Русскому мила; въ ней есть что-то недосказанное и что-то въ будущемъ сулящее. Моя мысль, быть можетъ, покажется странной, но я испытываю такое чувство при взглядѣ на наши необъятныя тихія нивы, на наши широкія, безконечныя рѣки, на наши пространныя лѣса, на всю эту ширь. Тамъ на Западѣ произнесено послѣднее слово въ промышленности, изобрѣтеніяхъ, наукъ, да кромѣ того много искалѣчено въ области нравственности и истинной вѣры; у насъ еще многое не договорено, и зазвучить оно мощно и славно въ будущемъ.

Послѣ смерти матери я еще не снимала трауръ. Хотя мы провели нѣсколько дней въ Петергофѣ, гдѣ готовились къ свадьбѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, но я нигдѣ не бывала. Отецъ, по обязанности службы, присутствовалъ на выходахъ и балахъ. Вскорѣ мы уѣхали на зимнія квартиры въ Воронежъ. Конечно, я жалѣла о Петербургѣ, но дѣлать было нечего. Мощи св. Митрофана привлекаютъ множество богомольцевъ; но удивительно, насколько наши губернскіе города унылы, безлюдны; словно жизнь въ нихъ заснула, какъ царевна въ сказкѣ, ожидая какого-нибудь принца, который бы разбудилъ ее. Во время нашего пребыванія епископомъ былъ благочестивый, добрейшій старецъ Іосифъ. Это былъ истинный подвижникъ: самъ носилъ себѣ воду, кололъ дрова, несмотря на свои преклонные годы. Окончилъ онъ дни свои слѣпымъ въ Задонскѣ на покоѣ. Я съ отцомъ почти всякій праздникъ, по окончаніи обѣдни, пила у него чай. Такая мягкость, ласковость звучала въ его голосѣ; добрая улыбка не сходила съ его старческаго, но свѣжаго лица съ яснымъ, какъ у младенца, выраженіемъ глазъ. Для перваго знакомства онъ меня нѣсколько озадачилъ, спросивъ, какъ мнѣ нравится соборъ и святыня въ немъ. Я отвѣчала, сконфузившись, что очень, но одно нахожу, что много вездѣ пыли и паутины. Онъ добродушно разсмѣялся, сказавъ: «А гдѣ же столичная барышня это усмотрѣла? Не забываетъ ли она, сколько сотенъ сапоговъ и лаптей перебивается въ теченіе дня въ храмъ?» Я храбро (однако, сильно покраснѣвъ) возразила: «Конечно, ваше преосвященство, но то на полу слѣды грязи, а отчего столько пыли и паутины на бархатной сѣни у раки преподобнаго?»—«Такъ, такъ, весело заговорилъ онъ, молодые глазки все разглядятъ, а старые проглядятъ». Спустя нѣкоторое время онъ посѣтилъ отца, долго бесѣдовалъ со мною и осѣдомлялся, конечно, у меня, все ли теперь въ порядкѣ. Я отвѣчала утвердительно. Но, говорятъ, изъ за моего доноса сильно досталось монахамъ за недосмотръ; вѣроятно, они меня не поблагодарили за это.

Забавлялъ меня очень часовой въ будкѣ у нашего подъѣзда, а, главное, что онъ мнѣ тоже, при моемъ появленіи, отдавалъ честь. Это отецъ потомъ отмѣнилъ. Правилось мнѣ и шествіе изъ собора по торжественнымъ и царскимъ днямъ; а нашъ домъ находился какъ разъ противъ. Цѣлая вереница должностныхъ лицъ и дворянъ, идущихъ съ поздравленіемъ къ отцу. По Вторникамъ къ намъ собирались какъ на средней почвѣ, даже враждующіе межъ собой люди. Оригинальна была встрѣча непримиримыхъ враговъ, г-жи Шалё, желавшей играть въ городѣ первенствующую роль и писавшей невозможныя пригласительныя записки на Французскомъ языкѣ (это было нѣчто очаровательное) и ея противника, Вигеля, очень неглупаго, довольно язвительнаго господина. Изъ за чего возникла между ними такая злоба, не знаю; но при встрѣчѣ она, проходя мимо его, бросала ему убійственные взгляды и какъ-то шипѣла. Онъ избѣгалъ находиться въ одной съ ней комнатѣ и при видѣ ея отдувался и надувался какъ Индѣйскій пѣтухъ. Такъ и просились они оба на подмостки или на страницы юмористическаго журнала. Пріятные собесѣдники были братья Шидловскіе и Сѣверцовъ; славная была семья у послѣдняго и у вице-губернатора Окунева. Изъ моихъ сверстницъ я очень любила Черткову, Лопухину, ея кузину и красивую Лачинову, а всего болѣе дружна была съ княгиней Гагариной, племянницей предводителя дворянства. И онъ самъ принадлежалъ къ нашему кружку. Губернаторомъ былъ тогда Синельниковъ, нѣкогда дежурный офицеръ, въ бытность отца начальникомъ штаба. При отцѣ всѣ военные были прекраснѣйшіе люди: начальникъ штаба баронъ Дельвицъ, адъютанты—кн. Енгальчевъ, большой мой пріятель, и графъ Остенъ-Сакенъ, сынъ генерала, Севастопольскаго героя, имя котораго упоминается въ сложившейся у солдатъ пѣснѣ.

Въ это время собрана была комиссія по освобожденію крестьянъ. Разработка животрепещущихъ вопросовъ велась дѣятельно (насколько цѣлесобразно, дѣло не моего ума). Многіе помѣщики принялись за благое дѣло, сознавая, насколько этотъ переворотъ необходимъ. Но не обошлось безъ ропота. Ожидая себѣ неминуемую гибель, нѣкоторые думали, что подписываютъ свой смертный приговоръ. Въ ихъ сознаниіи не возникала мысль объ общемъ благѣ, не поднимался вопросъ о процвѣтаніи и развитіи Россіи, объ изытаніи ея изъ царства тьмы, забитости, подневолія.

Весной мы вторично предприняли заграничное путешествіе. Прѣездомъ, въ Москвѣ, я увидѣла нашего Кавказскаго побѣдоноснаго вожда Ермолова. Львиная голова его врѣзалась мнѣ въ память; любезное его обращеніе отзывалось не свѣтской вѣжливостью, но чѣмъ-то искрен-

нимъ, чисто-Русскимъ добродушіемъ. Приглашены мы были въ Ивановское къ графу Закревскому, игравшему роль вице-короля; все предъ нимъ преклонялось, трепетало при его неудовольствіи и замѣчаніи. Служащіе слетали съ мѣстъ безъ всякихъ объясненій. Роста онъ былъ ниже средняго, съ почти совершенно голой головой; ничего властнаго въ фигурѣ и въ выраженіи лица нельзя было подмѣтить. Напускалъ ли онъ грубоватость или она была ему присуща, опредѣлить не могу; умень онъ былъ, конечно, по природѣ, но едва ли очень образованъ. Все же въ немъ было что-то барское. Графиня, жена его, скорѣе могла быть принята за толстую веселую купчиху, чѣмъ за важную особу. Оба они, и мужъ, и жена, были хлѣбосолы, и у нихъ въ домѣ всѣмъ чувствовалось легко и хорошо. Къ сожалѣнію, прославившуюся ихъ дочь, графиню Нессельроде я не видѣла; воспитана она была въ романѣ Дюма. Я сидѣла противъ графини Ростопчиной и, быть можетъ, черезчуръ назойливо на нее смотрѣла: любопытство, свойственное молодой дѣвчкѣ при видѣ знаменитости. Она вела оживленный разговоръ съ своимъ сосѣдомъ, молодымъ офицеромъ. Послѣ обѣда, когда я проходила мимо нея, она остановила меня словами: «Вы, кажется, m-ле Витовтова, удивились, что такая пожилая особа, какъ я, любезничаютъ съ молодымъ человѣкомъ: онъ сынъ моей пріятельницы». Меня она такимъ высказомъ привела въ смущеніе, но, собравшись съ духомъ, я отвѣчала, что смотрѣла на нее съ восторгомъ, какъ и вся Россія. Должно быть, наивное и вмѣстѣ съ тѣмъ лестное мое объясненіе ей понравилось; она со мною продолжала разговаривать и впоследствии, чрезъ общихъ знакомыхъ, присылала мнѣ поклонны. Красива она не была, но въ умныхъ глазахъ ея пробѣгали какія-то искорки, на лицѣ отражалось что-то необыкновенное, своеобразное, чрезвычайно привлекательное.

Памятна мнѣ встрѣча на какой-то перекрестной станціи съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ, отцомъ нынѣшняго императора Вильгельма, такъ недолго процарствовавшимъ. Принцъ былъ строенъ и съ очень привлекательной наружностью. Поздоровавшись съ отцомъ, котораго прежде зналъ, онъ любезно протянулъ мнѣ руку и спросилъ: «Люблю ли я путешествіе и не скучаю ли по родинѣ?»

Осенью мы возвратились въ Воронежъ. Зимой давались вечера и балы въ красивомъ и обширномъ залѣ Дворянскаго собранія, по случаю предстоявшихъ выборовъ. Впервые присутствовала я на этомъ шумномъ сѣздѣ, событіе важное для губернскаго мірка. Съ любопытствомъ слѣдила я съ хоръ за передвигавшимися непрерывно группами дворянъ, жужжавшими подобно улью и охотно жалившими другъ

друга, какъ гнѣздо ось. Около меня волновались за мужей, родныхъ и поклонниковъ заинтересованныя въ выборахъ дамы, и онѣ одна на другую бросали косые, не совсѣмъ таки доброжелательные, взгляды. Началась баготировка. Торжественно подходили по очереди старыя, пожилыя и молодыя; въ ящикъ безшумно опускался шаръ и рѣшалъ судьбу волнующихся. Дѣло разрѣшилось выборомъ большинствомъ голосовъ А. Н. Сомова въ «губернскіе». Отставной морякъ, богатый помѣщикъ, холостякъ, онъ былъ «отчаяніемъ» маменекъ. Выгодная партія ускользала изъ ихъ рукъ, не смотря на всевозможные подходы и ухищренія. «Быть можетъ, теперь удастся: вѣдь нужна же ему хозяйка для пріемовъ», таковы были надежды маменекъ послѣ выборовъ. Но нѣтъ, онъ все-таки продолжалъ избѣгать узъ Гименея и упорствовалъ въ безбрачіи. Впрочемъ, прошло два-три года, и онъ былъ назначенъ Тверскимъ губернаторомъ: безпокойная губернія, величаемая передовой, требовала умиротворяющаго элемента, и онъ оказался на высотѣ своего призванія. Обходительный и дѣловитый, онъ сумѣлъ покорить буйныя головы и строптивыя сердца и, если вспышки бывали, и онъ не вполне ихъ укротилъ, то разными мягкими, умѣлыми пріемами ихъ обуздалъ, хотя отчасти. Одно огорченіе причинилъ онъ: онъ не былъ хлѣбосоломъ и не отличался гостепріимствомъ. Отъ важнѣйшаго до мельчайшаго у насъ все совершается «покушавши», по Французской весьма мѣткой пословицѣ: *Ventre affamé n'a pas d'oreilles*. Обличье Пѣтуха Гоголевскаго болѣе или менѣе проглядываетъ въ каждомъ Русскомъ, не въ столь утонченномъ видѣ, но съ тѣмъ же стремленіемъ угостить и въ столь же добродушномъ настроеніи за трапезой. Ревизуя уѣзды, Сомовъ по старой памяти заѣзжалъ навѣстить меня въ наше имѣніе.

Пріѣзжалъ въ Воронежъ, еще не въ зенитѣ своей славы, Славянской и улаждалъ нашъ слухъ Русскими напѣвами.

Въ числѣ моихъ Воронежскихъ знакомыхъ была весьма красивая особа, легкомысленно обвѣнчавшаяся въ первый разъ со скромнымъ «становымъ», но за тѣмъ поправившая ловко непростительную ошибку, вышедши за богатаго аристократа, занимавшаго высокое служебное мѣсто. Я у нея даже крестила сына. Знакомство наше началось во время ничтожества ея положенія, когда она на вечера, за неимѣніемъ своихъ, надѣвала мои платья, но съ наступленіемъ времени величія наши пути разошлись: я, по выходѣ замужъ жила въ деревнѣ, она же блистала въ большомъ свѣтѣ, который я покинула.

Отецъ поѣхалъ дѣлать кавалерійскіе смотры въ расположенныя по близъ лежащимъ губерніямъ полки, а меня отпустилъ къ сестрѣ.

Радостно пустилась я въ путь, ѣхала со всевозможными удобствами, въ дормезъ съ приспособленіями, съ кроватью, которая раздвигалась, и спалось на ней отлично, какъ у себя дома. Были и часы, и фонарь, и шкафики по бокамъ для книгъ и лѣкарствъ. Сопровождалъ меня цѣлый штатъ: компаньонка, внушительнаго вида жандармъ на козлахъ, при пистолетахъ и саблѣ, а на запяткахъ великанъ-лакей въ военной форменной одеждѣ. Упряжь почтовая шестерикомъ везла на славу, по допотопной дорогѣ. Станціонный смотритель при нашемъ появленіи стремительно сбѣгалъ съ лѣстницы, слѣшно застегивалъ на всѣ пуговицы свой потертый мундирчикъ, и, подскакивая къ дверцѣ кареты, спрашивалъ или, скорѣе, почтительно освѣдомлялся, какъ будетъ угодно ея высокопревосходительству: сейчасъ отправиться далѣе или напиться чаю и отдохнуть. Въ одну изъ такихъ остановокъ, я отъ жары и мухъ вышла на крылечко изъ душевой избы, но и тутъ зрѣлище было безотрадное. У дома стоялъ огромный чанъ воды, кругомъ черноземная липкая грязь; цѣлыя кучи вымазанныхъ дегтемъ жирныхъ хрюкающихъ свиней, всякихъ возрастовъ и цвѣтовъ, подходили къ чану то и дѣло и жадно пили, испуская какіе-то неопредѣленные звуки. Освѣжившись, они радостно встряхивались. Каково было мое удивленіе, каковъ мой ужасъ, когда я увидѣла бабу тоже грязную, вышедшую изъ дома съ ведромъ и преспокойно черпавшую воду изъ того же чана, первоначально разогнавши свиней крѣпкими словцами и ударами прута. Я, точно по предчувствію, обратилась къ ней съ вопросомъ, куда она несетъ ведро?— «Извѣстно, отвѣчала она, добродушно улыбаясь, тебѣ, барышня, на самоваръ»... Я и моя компаньонка стали отчитывать оторопѣвшую бабу. На эту сцену выскочилъ смотритель, вытолкалъ совсѣмъ ошеломленную бабу и поспѣшилъ насъ успокоить, объявивъ, что сейчасъ же пошлетъ за водой. Какъ оказалось, колодезная вода горька, затхлая и совсѣмъ не годится для питья: имъ лѣнь ѣздить съ бочкой подъ гору и брать воду изъ рѣки.

Природа скудная, наводящая уныніе, и хаты какія-то безмолвныя, угрюмыя. Только около Корочи разнообразяетъ видъ мѣловыя горы, издали напоминающія снѣжныя вершины Альпъ. Орелъ—городъ заурядный, но Харьковъ произвелъ на меня выгодное впечатлѣніе. За станцію до него тянулся обширный лѣсъ, какъ утверждали, небезопасный для путешественниковъ. Обстановка наша была слишкомъ внушительна, чтобы опасаться нападенія, хотя бы и ночью. Однакоже одновременно съ нами ѣхалъ офицеръ-ремонтёръ и предложилъ намъ свои услуги. Самъ онъ помѣстился рядомъ съ ямщикомомъ, а жандарму уступилъ свою перекладную. Кажется, такое перемѣщеніе обоихъ удовлетворило: офи-

церу было пріятнѣе отдохнуть, ѣдучи послѣ тряской тележки въ рессорномъ экипажѣ, а жандармъ могъ въ волю накуриться, чего онъ не позволялъ себѣ въ нашемъ присутствіи, изъ уваженія къ столь именитымъ особамъ. Нашъ поѣздъ принялъ воинственный видъ, но ни свиста «соловья-разбойника», ни зловѣщихъ фигуръ мы нигдѣ не видѣли и не слышали.

Наконецъ, черезъ нѣсколько дней, добрались мы до имѣнія моего зятя. Сестра окружила меня сердечными заботами. У нихъ было четверо дѣтей: три сына и одна дочь. Послѣднему мальчику не было и года, когда они осиротѣли. Лишившись материнскихъ ласкъ, они воспитывались попеченіями доброй бабушки, начальницы Екатерининскаго Института и подъ надзоромъ дочери ея, незамужней тетки, фрейлины Родзянко. Изъ числа моихъ племянниковъ старшій первымъ окончилъ Академію Генеральнаго Штаба; второй, по выходѣ изъ Пажескаго Корпуса, вскорѣ женился; третій, покинувъ кавалергардскій полкъ, куда всѣ трое поступили, служилъ по земству въ своей губерніи. Мой любимецъ съ дѣтства средній, Павелъ (нынѣ штабмейстеръ высочайшаго двора), съ собственнымъ санитарнымъ поѣздомъ отправился на Дальній Востокъ, гдѣ дѣлать и переносить всѣ трудности наравнѣ со всѣми... Да благословить его Господь за этотъ подвигъ! Живой портретъ физически и нравственно своего дѣда,—моего отца. Племянница замужемъ за Пантелѣевымъ. Она очень напоминаетъ мнѣ сестру не столько наружностью, сколько благоразуміемъ и попеченіемъ о семьѣ. Она была крестницей императора Александра II, лично стоявшаго у купели съ моей матерью. Государь всегда очень ласково къ ней относился и въ дѣтствѣ называлъ всегда Машей. Въ пребываніе Персидскаго шаха, на балу, Его Величество спросилъ племянницу, какъ нравится ей шахъ? Она отвѣтила, что ни дать, ни взять одинъ изъ конвоя Государя: такой же черный и носатый. Государь очень смѣялся. Она обожала своего Царя и въ ночь на роковое 1-го Марта видѣла вѣщій сонъ. Ей дважды приснилось, что Государю угрожаетъ опасность. Она такъ плакала и металась во снѣ, что мужъ встревоженный разбудилъ ее. Рассказавъ ему про испытанный ею страхъ, какъ бы услышавъ пророческое предупрежденіе, она умоляла мужа скорѣе спѣшить во дворецъ, добиться приѣма и убѣдить Государя не ѣхать на предположенный смотръ. Конечно, мужъ не согласился; да и возможно ли было взять на себя такое порученіе? Сочли все это дѣломъ возбужденнаго воображенія, дикимъ сномъ; а кто знаетъ, не могъ ли онъ быть благодѣтельнымъ предупрежденіемъ кровавой изъ ряда вонъ катастрофы или даже предотвращеніемъ ея?

Прогостила я у сестры недѣли двѣ слишкомъ, насмотрѣлась на цвѣтушія степи Малороссіи съ хлѣбами и травами въ ростъ человѣческой, сплошными коврами цвѣтовъ и зелени, колеблющейся какъ волны морскія при дуновеніи вѣтерка; на громадныя стада овецъ въ 5—6 тысячъ головъ, сопровождаемыя волкообразными злыми псами и пастухами верхомъ; на красивыхъ «дѣвчатъ» въ ихъ пестрыхъ, оригинальныхъ нарядахъ со множествомъ цвѣтовъ, монистъ и бусъ, отражающими лучи солнца, съ живыми глазами, смуглой кожей и яркимъ румянцемъ; на флегматически распологающихся на своихъ скрипучихъ телѣгахъ или неподвижно сидящихъ съ «люлькой» въ зубахъ хохлоузъ, при медленномъ шествіи воловъ. Кто изъ нихъ лѣнивѣе—вопросъ, еще не разрѣшенный. Малороссъ за поясъ затянетъ лѣнивѣйшаго Неаполитанскаго лаццарони. Я страшно боялась тарантуловъ, а ихъ въ этой мѣстности много. Единственное спасеніе отъ нихъ овечья шкура; въ полѣ только на ней можно безопасно уснуть: тарантулы боятся овечьего запаха, такъ какъ овцы ихъ уничтожаютъ. Средство отъ ужаленія—они же сами, настоянные на маслѣ. Укушеніе ихъ бываетъ смертельное и причиняетъ большія страданія. На Югѣ жаркіе дни смѣняются всегда не только свѣжими, но даже холодными ночами, темными, звѣздными, какими-то таинственными. Красивы и отрадны байраки. Въ этихъ долинахъ растутъ дубъ, кленъ и другія деревья; между ними пробирается обыкновенно ручеекъ студеной прозрачной воды. Послѣ раскаленного воздуха стѣпы какъ пріятно пробраться въ этотъ оазисъ, насладиться прохладой и глоткомъ освѣжающей влаги. Тутъ же всегда бываютъ насѣки и ихъ охранитель—сѣдой какъ лунь «дідъ». Богатая почва, какъ добрая мать, всѣхъ щедро награждаетъ; даже не приходится въ потѣ лица обрабатывать ее.

Посѣтили мы архіерейскую дачу съ ея обширнымъ садомъ, гуляя въ которомъ получили приглашеніе владыки зайти къ нему. Его преосвященство угощалъ насъ чаемъ и фруктами и оживленно бесѣдовалъ. Изъ себя онъ былъ высокъ и статенъ, съ легкой просѣдью, весьма любезенъ: рѣзкая противоположность по своей свѣтлости смиренному, благодушному архипастырю Воронежскому. Были мы въ праздникъ купецей въ очень изящной синагогѣ. Высокій куполь внутри по лазурному цвѣту усыпанъ звѣздами, а изъ оконъ струится на него и на бѣлыя стѣны и колонны мягкій свѣтъ. Сидѣли Евреи въ своемъ храмѣ кучками, по двое и по-трое, облеченные въ полосатыя хламиды и не то пѣли тихо, не то шептали что-то непонятное. Отъ времени до времени сѣдовласый раввинъ, похожій на библейское изображеніе старѣйшинъ Израиля, подходилъ къ ковчегу и доставалъ изъ него, не знаю что—скрижали или

Тору, громко при этомъ произнося какія-то слова, и потомъ, въ свою очередь, что-то бормоталъ. Женщины тутъ не допускаются: онѣ толпятся на хорахъ.

Продавъ всю лишнюю мебель (провозъ ея обходится очень дорого: кладъ шла на подводахъ, такъ какъ Россія не была исполосована желѣзными дорогами, сократившими и время, и траты), мы покинули Воронежъ. Отецъ попросилъ разрѣшенія у Государя оставить занимаемое имъ мѣсто. Мы ѣхали въ Петербургъ, я, чтобы болѣе не возвращаться, но отцу приходилось еще побывать въ Воронежѣ для передачи вѣреннаго ему корпуса преемнику.

Мы торопились поспѣть къ торжественному открытію памятника императору Николаю I. Состоялось оно при великолѣпной погодѣ и многотысячной публикѣ. Полки приходили передъ памятникомъ церемониальнымъ маршемъ. Царская фамилія присутствовала въ полномъ составѣ, окруженная дворомъ и высшими военными и гражданскими чинами; конечно, тутъ же находились и придворныя дамы. При этомъ вспомнился мнѣ рассказъ бабушки о церемоніи при поднятіи Александровской колонны. Устроены были особыя приспособленныя машины для водворенія ея на цоколь и, кажется, фигура благословляющаго ангела водружена была послѣ окончательнаго водруженія самой колонны. Статуя Николая Павловича, въ кирасирской формѣ, верхомъ, очень удачна; его осанка вѣрно схвачена, какъ и черты лица съ повелительнымъ взглядомъ, барельефы изображаютъ главныя событія его царствованія. Но, по моему, самый пьедесталь череазуръ высокъ. Всего лучше это четыре фигуры по угламъ, портреты вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны и трехъ ея дочерей. Всѣ онѣ классически хороши, и лица ихъ пригодны для статуй. Отецъ уѣхалъ, помѣстивъ меня у родственниковъ Глинокъ-Мавриныхъ, у которыхъ я гостила въ имѣніи близъ Луги. У нихъ жилось очень привольно: старинная барская усадьба, окруженная прекраснымъ паркомъ, за предѣлами котораго блестяло озеро, а на берегу виднѣлся монастырь, скромная обитель, куда мы ѣздили къ обѣднѣ. Въ стѣнахъ его все, начиная съ братіи и кончая строеніями, было очень не роскошно и ничѣмъ не напоминало богатство пригородныхъ монастырей.

Въ Петербургѣ меня ожидало великое горе. Не стало сестры... Я впала въ какую-то апатію, и мнѣ предписаны были нашимъ другомъ Буяльскимъ постоянныя катанія и гулянья пѣшкомъ.

Сестра умерла въ Іюль, и я до Рождественскихъ праздниковъ почти никуда не выѣзжала, бывая только у родныхъ и самыхъ хорошихъ

знакомыхъ. Изъ числа моихъ ближайшихъ подругъ назову С. Норову и сестеръ Клейнмихель; хороша я также была съ А. Корфъ. Первая вышла замужъ за Пилляръ-фонъ-Пильхау, вторая была за Козеномъ. (Трудно вспомнить, какъ онъ объ, Норова и я, веселились въ обществѣ другъ друга. Теперешнія барышни скучаютъ безъ присутствія мужчинъ; нашъ квартетъ не нуждался въ нихъ, чтобы безъ умолку болтать, проказничать и смѣяться. Графъ съ семьей занималъ просто дворецъ; богатая обстановка, ватага прислуги и безконечное число просителей и посѣтителей. Частые базары въ обширныхъ залахъ въ пользу патриотическихъ школъ, которыхъ графиня была предсѣдательницей, не обходились безъ меня; я торговала игрушками, и меня, продавщицу, покупатели осыпали подарками. Давались блистательные балы съ присутствіемъ царской фамиліи, спектакли съ благотворительною цѣлью. На одномъ изъ нихъ и я отличалась. Семейный бытъ ихъ былъ очень привлекателенъ, хотя въ присутствіи главы семейства, не смотря на его добродушіе и шутки, всѣмъ было какъ-то стѣснительно. Хозяинъ онъ былъ предлюбезный, но на небольшіе вечера иногда совсѣмъ не выходилъ, или выходилъ очень поздно, ссылаясь на занятія. Мнѣ вѣзало разговоръ во время обѣда. Разсуждалъ онъ съ кѣмъ-то о недавно выстроенной желѣзной дорогѣ и смѣялся, рассказывая, что въ первый годъ своего существованія она принесла чистаго дохода нѣсколько копѣекъ. Немудрено: большинство боялось такихъ путешествій и относилось скептически. Меня графъ любилъ, а я, не сознавая его тогдашняго величія, безцеремонно съ нимъ шутила. Кромѣ баронессы Корфъ (впослѣдствіи замужемъ за посланникомъ Моренгеймомъ въ Парижѣ, прелестной Гретхенъ), я дружна была съ рѣдкой по уму и сердцу графиней Игнатъевой, нынѣ Зуровой.

Часто приходили ко мнѣ двоюродные братья, которыхъ у меня было пятеро. Мы занимались музыкой, шумно бесѣдовали и играли въ карты. Скучно не было; но отецъ находилъ, что я въ такіе молодые годы слишкомъ долго не выхожу изъ траура и веду жизнь слишкомъ затворническую. Онъ пожелалъ, чтобы съ наступленіемъ свѣтокъ я начала выѣзжать. Развлеченій было много. Начались мои выѣзды оперой, и выѣздъ этотъ составляетъ эпоху въ моей жизни. Будучи за границей, я часто встрѣчала (хотя знакома не была) моего мужа. Онъ въ моихъ дѣвичьихъ грезахъ занималъ первенствующее мѣсто. Войдя въ ложу, я была поражена и обрадована до испуга, увидѣвъ въ сосѣдней ложѣ предметъ моихъ мечтаній. Послѣ частыхъ встрѣчъ на водахъ мнѣ ни разу не удавалось его видѣть. Вообще онъ любилъ только товарищеское общество и отклонялъ всякія приглашенія. Вскорѣ

при дворѣ былъ назначенъ балъ въ концертномъ залѣ, всегда очень многолюдный. Двоюродный братъ мой, Волковъ, товарищъ мужа по Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, по его просьбѣ подвелъ его ко мнѣ. Онъ не танцевалъ (что мнѣ очень понравилось) и, поговоривъ, выразилъ желаніе представиться отцу. На другой день онъ былъ съ визитомъ. Такъ началось наше знакомство. Мечта моя сбылась; конечно, подъ впечатлѣніемъ происшедшаго, я не обращала вниманія ни на нарядный залъ, бѣлый съ колоннами, вокругъ коихъ висѣли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ, ни на роскошь туалетовъ, сиявшихъ самоцвѣтными камнями, не слушала оркестра Лядова, переходившаго отъ полныхъ нѣги вальсовъ къ оживленнымъ кадрилиамъ и воодушевляющей мазуркѣ. Я была въ чаду...

Еще веселѣе были эрмитажные балы, для избраннаго кружка. Танцуютъ въ восхитительномъ залѣ въ Мавританскомъ вкусѣ, напоминающемъ рассказы объ Альгамбрѣ. Весь онъ тоже бѣлый, но съ легкой причудливой позолотой на стѣнахъ. Вверху тянется легкая галерея или хоры; на нихъ играетъ музыка. Залъ оѣдѣленъ отъ зимняго сада огромной аркой съ великолѣпной, разноцвѣтной, въ восточномъ вкусѣ, занавѣсью. Для ужина она раздвигается и, среди зелени и освѣщенія разнаго цвѣта фонарями, накрыты столы на 9—10 приборовъ. Великолѣпны спектакли въ небольшихъ размѣровъ эрмитажномъ театрѣ. Залъ расположенъ амфитеатромъ; въ партерѣ ряды креселъ, занимаемые — первый царственными особами, остальные сановниками статскаго и военнаго вѣдомствъ. Мундиры, расшитые золотомъ и серебромъ, ленты, ордена на груди и шеѣ... На скамейкахъ, покрытыхъ бархатомъ, подымающихся одна надъ другой, воссѣдаютъ барыни, залитыя брилльянтами и драгоценными камнями, въ сіяніи роскошнаго туалета и красоты. Когда я присутствовала здѣсь, шла «Дочь полка», конечно, съ участіемъ лучшихъ Итальянскихъ артистовъ. Тогда гремѣли имена Лабшаша, Тамбурины, Кальцолари, несравненной по голосу и изящной наружности Бозио. Кажется, съ Патти, Луккой, Нельсонъ, Дебаини, Еврарди, Форшесо закончилось все выдающееся въ мірѣ классическихъ пѣвцовъ. Жижѣ и жижѣ становятся голоса, менѣе и менѣе увлекаютъ они слушателя; передача страстной музыки Верди, поэтической Россини, Беллини съ Доницетти, патетической Мейерберга не находятъ себѣ достойныхъ исполнителей, не дѣйствуетъ захватывающимъ образомъ; изъ театра выходишь равнодушно.

Необычайно милостивъ былъ ко мнѣ обожаемый и мною и отцомъ ангель-монархъ Александръ II. Сколько мягкости, душевной теплоты

отражалось въ его обликѣ и обращеніи! Не даромъ былъ онъ воспитанъ Жуковскимъ. Въ немъ не тлѣла, а ярко свѣтила идеальная искорка, заброшенная въ его отзывчивое, любвеобильное сердце даровитымъ воспитателемъ. Всегда и ко всѣмъ привѣтливый, сочувствующій; лицо его постоянно озаряла ясная улыбка. Я свято храню память о его вниманіи ко мнѣ, о всѣхъ оказанныхъ имъ милостяхъ отцу моему, съ глубокой признательностью. До сей минуты безъ какого-то нервнаго трепета не могу вспомнить о кровавомъ злодѣяннн 1-го Марта. Часто благодарю Господа, что отецъ, при его пламенной любви къ незабвенному царю, не дожилъ до рокового дня. Отношеніе Его Величества къ престарѣлому вѣрному слугѣ было настолько тепло, что онъ нерѣдко удостоивалъ его своимъ посѣщеніемъ, лично крестилъ съ моею матерью ребенка моей сестры. По его желанію нарисована и поднесена отцу, въ пятидесятилѣтній юбилей служенія его въ офицерскихъ чинахъ, картина, изображающая его капитаномъ, стоящимъ предъ его батальономъ и императора Николая съ наслѣдникомъ на рукахъ. По царскому повелѣнію въ квартирѣ юбиляра собралась вся государева свита. Присутствовали также нѣкоторые изъ великихъ князей. Обѣдъ въ Дворянскомъ Собраніи состоялся кувертовъ на 500, произносились рѣчи, читались стихи Глинки. Были члены и царской фамиліи, министры, генералитетъ, прежніе сослуживцы, по этому случаю пріѣхавшіе родные, друзья.

Когда отцу разрѣшено было Государемъ переселиться въ Москву, въ надеждѣ улучшенія здоровья, онъ все-таки считался состоящимъ на службѣ при особѣ Государя, въ качествѣ генералъ-адъютанта. Въ бытность свою въ Москвѣ, Государь всегда навѣщалъ отца. Въ годъ свадьбы своей дочери Е. И. Величество сопровождалъ молодыхъ въ первопрестольную столицу. Императрица сопутствовать имъ не могла по причинѣ слабости и уже тогда таившагося въ ней недуга. Начался цѣлый рядъ увеселеній для встрѣчи новобрачныхъ. Увидавъ меня на балу дворянскомъ, Государь подошелъ ко мнѣ и обратился съ такими словами: «Какъ чувствуетъ себя Павелъ Александровичъ? Сожалѣю, но врядъ ли къ нему попаду». Я отвѣчала, что поспѣшу передать отцу сказанное имъ и что и это его утѣшитъ и придастъ бодрости. Возвратившись поздно домой, я однакоже наскоро сообщила отцу о разговорѣ и велѣла рано утромъ отнести къ нему мое посланіе. Съ выхода, когда цѣловали руку у новобрачной, въ придворномъ платьѣ я пробѣжала прямо къ отцу. Онъ встрѣтилъ меня съ сіяющимъ лицомъ и голосомъ, дрожащимъ отъ умиленія, объявилъ мнѣ: «А царь только что былъ у меня!» Въ вечеръ того же дня Государь на балѣ у князя Долгорукаго опять осчастливилъ меня разговоромъ. «А я нашелъ время,

сказалъ онъ улыбаясь, навѣстить Павла Александровича и прочесть вашу записку. Аккуратно исполняете вы порученія. Жаль, не удалось мнѣ привезти ему моихъ молодыхъ».

У квартиры отца, на Тверской, противъ церкви Благовѣщенія, всегда при царскихъ посѣщеніяхъ собиралась густая толпа, и въ ней шли разнообразныя толки, къ кому Его Величество ѣздитъ. Было рѣшено, что къ бывшему своему дядкѣ.

Я съ мужемъ и дѣтьми жила въ имѣніи и познакомилась съ новой родней и съ однимъ изъ ея членовъ, извѣстнымъ Щедринымъ *), братомъ моего мужа. Въ семейномъ быту онъ былъ молчаливъ и угрюмъ, но когда, случалось, на него находилъ разговорчивый стихъ, въ теченіе цѣлаго часа онъ высказывалъ по поводу одного и того же предмета диаметрально противоположныя сужденія и мнѣнія, и все съ желчнымъ отгѣнкомъ и видимымъ раздраженіемъ. Быть можетъ, это зависѣло отъ чрезмеръ большого запаса мыслей, отягощающаго мозгъ, или это было плодомъ постоянной работы сатирической паблюдательности. Я его литературной дѣятельностью не восхищалась. Высказываю это смѣло. Сарказмы его доморощенные и отдають вовсе не аттической, а чисто-Русской, повареной солью. Не могу простить глумленія его падъ собственной семьей, а въ особенности выставленію на показъ родной своей матери. Къ нему примѣнима пословица: «для краснаго словца не жалѣть ни матери, ни отца»; а мнѣ сдается, что близкіе, кровные своего рода «святое святыхъ»; допускать туда докучливыя взоры праздной толпы непохвально; скорѣе слѣдуетъ ихъ защищать и щадить, не выставляя на показъ ихъ слабости и порочныя стороны. Это по моему значитъ надругаться надъ самимъ собой. Люди высокаго ума, вѣроятно, судятъ иначе. Удивительная была у него смѣсь доброты и злобы. Мнѣ всегда казалось, что онъ глубоко скрываетъ свое честолюбіе. Вѣдь онъ не былъ чуждъ повышеніямъ по службѣ и всякимъ отличіямъ. Золотой телецъ былъ его идоломъ.

Свекровь моя, хотя по стрункѣ вела своихъ подданныхъ и все дѣлалось по ея велѣнію безропотно и безпрекословно, была женщина недюжиннаго ума и обижать ихъ не обижала. Соблюдая собственныя выгоды, она не отягощала ихъ работой и поборами. Конечно, для меня, непривычной, странно и зазорно казалось, что престарѣлыхъ служите-

*) Родовое имѣніе Салтыковыхъ, доставшееся старшему въ роду, Дмитрію Евтрафовичу, село Спасское, Тверской губ., Калезинскаго у., даровано Салтыковымъ съ 500 душъ крестьянъ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ. Царица Парасковья, жена царя Іоанна Алексѣевича, вначитса въ родословной Салтыковыхъ. Изъ нихъ нѣкоторые пожалованы позднѣе графами и князьями.

лей и служанокъ величали Фильками, Матрешками, гоняли за нѣсколько десятковъ верстъ въ стужу и непогоду пѣшкомъ съ нужными и ненужными порученіями, иногда просто съ барскими затѣями. Я втайнѣ негодовала. Но, повторяю, обиды они себѣ не видали, а это принималось ими, какъ подневольными, за нѣчто должное, для нихъ обязательное. Въ старикахъ видны были остатки прежней приниженности; но въ молодыхъ проявилось нѣкоторое самосознаніе. Слышались иногда внушительные оклики свекрови: «что, матушка, носъ-то задрала, рано фордыбачиться стала; острастки-то видно, полагаешь, на тебя нѣтъ, ошибаешься». Вся женская прислуга во всякую погоду бѣгала босикомъ. Меня это коробило, и я попала впросакъ: недолго думая, всѣмъ имъ я заказала обувь. И досталось же мнѣ за это своевольное распоряженіе! «Городская моль жительница, невѣстушка, порицаетъ старую дуру; людей она, вишь, мучаетъ, въ черномъ тѣлѣ; посвоему прислугу держать хочетъ»... Я, конечно, извинилась, да вовсе и не имѣла намѣренія стать сопровительницей и дала себѣ слово до поры до времени ни во что не вмѣшиваться, чтобы не накликать на себя неудовольствіе и упреки старушки, хотя сдѣлала это изъ состраданія, безъ всякаго поползновенія разыгрывать хозяйку и подрывать ея власть. Впрочемъ, со свекровью мы ладили, жили дружно, не смотря на разнь во взглядахъ, привитыхъ воспитаніемъ, примѣромъ и средой, а главное, благодаря перевороту въ нравахъ и обычаяхъ. Я палила укоренившіяся въ ней понятія самодержавія, а она снисходительно относилась къ новшеству моихъ возрѣній.

Еще непригляднѣе и возмутительнѣе казалось мнѣ обращеніе съ духовенствомъ. Словно и оно состояло у помѣщиковъ въ какомъ-то непонятномъ подчиненіи. Возмущала меня кличка «попъ»; часто повторялось: «тащи попа всенощную служить» и т. п. грубые отзывы. Удивлялась я также неряшливости и какой-то одичалости священниковъ, отсутствію въ нихъ самолюбія; смущали меня косички дьячковъ, чрезвычайно комичныя, ихъ неотесанность, усиленные, подобострастные ихъ поклоны. Когда я вникла во все это, я все хорошо поняла. Ничѣмъ не обезпеченный служитель алтаря, по большей части обремененный семьей, зависѣлъ вполне отъ помѣщика, особенно богатаго и вліятельнаго, а также, нерѣдко, заносчиваго самодура. Разсердившись на него, если въ чемъ ему не угодилъ, случалось, отказывалъ онъ отъ дома, и требы исполнялись іереемъ изъ сосѣдняго прихода. Иногда писались на него жалобы, совершенно несправедливыя, къ владыкѣ, и бѣднягъ приходилось, скрѣпя сердце, уступать и терпѣть. Я говорю вообще; но у насъ въ вотчинѣ, служа въ двухъ приходахъ, состояли два брата, Бѣгородскіе, трезвые и весьма порядочные. Совѣстно упоминать объ одномъ знатномъ титу-

лованомъ владѣльцѣ, жившемъ невдалекѣ отъ насъ, который проводилъ время, гоняясь ямщикомъ на своихъ кровныхъ рысакѣхъ, и считалъ лучшимъ развлеченіемъ для себя, созавши причетъ, напоить всѣхъ до «чортиковъ», иныхъ въ состояніи невмѣняемости привязывать къ стулу, а у иныхъ, заснувшихъ облокотившись на столъ и низко опустившихъ голову, припечатать сургучемъ бороду. Вотъ какія бывали выходки! А домъ этого человѣка, на берегу Волги, былъ нѣкогда дворцомъ Бориса Годунова. Разоренный и проданный имъ, онъ нынѣ собственность купца, учредившаго въ немъ какую-то мелкую фабрику.

Въ вотчинѣ моего мужа крестьяне почти всѣ были зажиточные, исключая отчаянныхъ пропойць и лежебокъ. Теперь посмотришь, куда дѣвалась эта зажиточность! Мало уцѣлѣло хорошихъ хозяйствъ. Стада плохія, поля обработаны небрежно, всѣхъ одолѣла тяга въ городъ, на легкую наживу, на фабричное раздолье. Не существуетъ болѣе семей въ числѣ 20 и болѣе душъ; всѣ раздѣлились, рѣдкость найти семью дружную, состоящую изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ и родителей, живущихъ подъ однимъ кровомъ. Прежде, когда не было всеобщей повинности, помѣщики самоуправно отдавали въ солдаты крѣпостныхъ. Имѣло это и свою хорошую сторону: вмѣсто работающаго, подлежащаго рекрутскому набору, мужики ставили нерадиваго, негоднаго. Когда состоялся раздѣлъ по уставнымъ грамотамъ, мужики крайне недовѣрчиво относились къ отрѣзкамъ участковъ, вездѣ ожидая обмана въ ущербъ себѣ. Въ одной мѣстности, за негодностью земли, мужъ мой предоставилъ мужикамъ по 1½ дес. лишнихъ, болѣе положеннаго. Они долго упорствовали, не соглашаясь принять даръ и подозрѣвая въ этомъ уловку, чтобы задержать ихъ въ крѣпости; имъ насилу втолковали, что противъ царскаго указа идти нельзя, и отмѣнить или отложить ихъ увольненіе никто не въ правѣ. Сцены съ уставными грамотами случались самыя разнообразныя и комичныя. Помѣщиковъ въ родѣ Плюшкина оказалось немало; дрожали они за свою собственность, за каждый клочекъ земли самой негодной, за всякій кустикъ, съ ожесточеніемъ смотрѣли на бывшихъ своихъ холоповъ. Сожалѣю, что по молодости и глупости не записывала я любопытные рассказы мужа, бывшаго мировымъ посредникомъ и обладавшаго такою же наблюдательностью, какъ и его братъ. Надо было вооружиться хладнокровіемъ и терпѣніемъ, чтобы выслушивать пререканія и всякія вадорныя выходки и согласить упрямство помѣщиковъ и крестьянъ, изъ которыхъ одни дѣйствительно многого не понимали, а другіе умышленно понять не хотѣли статьи закона и противились исполненію предписаннаго.

Вскорѣ послѣ объявленія воли, вѣроятно по чутью, налетѣли въ сѣла аферисты для скупки старинныхъ монетъ. За серебряный рубль

давали 10 коп., а за пятирублевый золотой чуть ли не подтинникъ. Въ одномъ изъ сель мужниной вотчины, гдѣ насчитывалось до сорока дворовъ, эти аферисты загребли до 11 тысячъ. Хранились эти деньги въ корчагахъ и зарыты были въ укрытыхъ мѣстахъ въ землѣ отъ жадныхъ и зоркихъ взоровъ господъ и ихъ управляющихъ, еще чище обиравшихъ крестьянъ. Конечно не всѣ бы изъ первыхъ воспользовались чужими сбереженіями, добытыми въ потѣ лица; но были и такіе которые не посовѣстились бы захватить собственность своихъ вассаловъ, думая, что какъ они сами, такъ и все имъ принадлежащее составляетъ ихъ достояніе. Недовѣріе понятно.

Когда свекровь передала въ руки мужа имѣніе, почти всѣ служившіе при прежнихъ порядкахъ въ разныхъ должностяхъ остались на своихъ мѣстахъ, и теперь нѣкоторые изъ нихъ мирно доживаютъ вѣкъ а иждивеніи моего сына. Насколько я присмотрѣлась къ пресловутому, ипомѣщичьему хозяйничанью, оно велось своеобразно и необременительно для самихъ владѣльцевъ. Избирался обыкновенно, среди крѣпостныхъ, для домашняго хозяйства, среди дворовыхъ, для полевого между крестьянами, какой-нибудь юркій, способный и умѣвшій угодить челоуѣкъ, и ему оказывалось полнѣйшее довѣріе. Онъ забиралъ въ свои цѣпкія руки бразды правленія и, отдавая отчетъ въ своихъ плутовскихъ дѣяніяхъ, умѣлъ все округлить и барынѣ зубы заговорить. Выборъ падалъ иногда на Нѣмца для вящей острастки вотчины и въ полномъ убѣжденіи его честности...

Отецъ мой скончался 10 Марта 1876 года. Горе было великое. Утѣшало сочувствіе всѣхъ и, еще разъ, расположеніе незабвеннаго царя, назначившаго панихиду по отцѣ въ дворцовой церкви. Въ Москвѣ служили панихиды, торжественно сопровождали тѣло, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, военные; шель пѣшкомъ съ духовенствомъ преосвященный Леонидъ, а окло Покровскихъ казармъ выстроены были солдаты по пути слѣдованія. Отпѣвали, по прибытіи въ Петербургъ, въ церкви Спаса Преображенія, соборъ гвардіи, въ присутствіи Его Императорскаго Величества и великихъ князей. Государь со свитой слѣдовалъ за погребальной процессіей почти до половины Литейной. Далѣе шествіе дошло до Дѣвичьяго монастыря, гдѣ и покоится прахъ моихъ родителей. Въ обѣихъ столицахъ улицы были полны народа, конки были приостановлены, и вообще воздано покойному то, что было заслужено имъ безпредѣльной привязанностью къ царю, строгимъ и честнымъ исполненіемъ долга.

РЕЗОЛЮЦІЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА О ДЬЯКЪ РЫБНИКОВЪ.

Въ Воскресенье, 11 Ноября 1828 года, въ городѣ Бѣлевѣ, въ единовѣрческой церкви шла литургія. Дьяконъ Стефановъ, участвовавшій въ богослуженіи, былъ, какъ замѣтилъ священникъ Семеновъ, «въ неспокойномъ духѣ», «не смотря на Воскресный день не сообщался Св. Тайнамъ» и даже, «читая Евангеліе, ошибался». На клиросѣ пѣлъ исполнявшій обязанности дьячка Калужскій мѣщанинъ Рыбниковъ, 40 лѣтъ, пользовавшійся расположеніемъ и «одобрявшійся» прихожанами.

Во время сугубой ектеньи, когда дьяконъ провозглашалъ моленіе о здравіи Его Императорскаго Величества, Рыбниковъ не только не сталъ пѣть «Господи помилуй», но закричалъ «безчинно» дьякону: «Самъ ты пой, а я не хочу. Чтò такой за Императоръ и чтò за Николай Павловичъ? По нашему Никола и не Императоръ, а просто Государь».

Произошелъ переполохъ. Все это слышали и потомъ подтвердили священникъ, церковный староста Семень, церковный сторожъ Петровъ и молящіяся въ церкви. Однако Рыбниковъ началъ пѣть, и «божественная служба кончилась безъ помѣшательства».

На другой день, 12 Ноября, дьяконъ Стефановъ донесъ о происшествіи полиціи. Рыбниковъ былъ заключенъ подъ стражу и преданъ суду за оскорбленіе Величества. На допросѣ онъ сознался, что онъ дѣйствительно «останавливался пѣть», но «отъ, случившейся съ нимъ болѣзни», при чемъ, однако, утверждалъ, что «должно помянуть *Николу Павловича*».

Къ этому нужно прибавить, что, по показанію священника Семёнова, съ самого его поступленія въ церковь и до него, «поминовеніе Высочайшей Императорской фамиліи производилось по старопечатнымъ книгамъ». Объ этомъ самъ священникъ донесъ епархіальному архіерею и получилъ отъ него приказаніе «помянуть по предписанной формѣ».

Дѣло Рыбникова пошло по инстанціямъ. Прежде всего Бѣлевскій городской магистратъ опредѣлилъ: «Рыбникова наказати плетми и отдать въ общество съ строжайшимъ подтвержденіемъ впредь отъ подобныхъ поступковъ всемѣрно воздержаться, а о дьяконѣ предоставить заключенію духовнаго начальства».

Тульская Уголовная Палата утвердила рѣшеніе Магистрата съ «такой отмѣною, чтобы Рыбникову вмѣсто наказанія плетми вмѣнить содержаніе его подъ стражею»; гражданскій губернаторъ, однако, со-

гласился вполне съ рѣшеніемъ Магистрата. Дѣло перешло въ Сенатъ, согласно указа 17 Января 1802 г., которымъ предписывалось дѣла «о преступленіяхъ противу первыхъ двухъ пунктовъ», по коимъ рѣшено будетъ «подвергать обвиняемыхъ наказанію, не исполняя приговоровъ, представлять въ Сенатъ, а ему по разсмотрѣніи и уваженіи всѣхъ обстоятельствъ съ мнѣніемъ своимъ о каждомъ доносить намъ и ожидать утвержденія». Въ Сенатъ послѣдовало такое рѣшеніе: Признать Рыбникова виновнымъ, а Сенатъ, не имѣя права ослабить силы закона, находить себя въ обязанности подвергнуть Рыбникова опредѣленному Бѣлевскимъ Магистратомъ наказанію плетьюми... Въ тоже время Сенатъ призналъ слѣдующія смягчающія обстоятельства: «Какъ изъ показанія священника и спрошенныхъ по сему случаю людей видно, что Рыбниковъ, послѣ произнесенія имъ означенныхъ словъ, пѣтъ началъ, и божественная служба кончилась безъ помѣшательства, сверхъ того священникъ въ показаніи своемъ пишетъ, что и имъ, вообще съ дьякономъ, поминовленіе Высочайшей Императорской фамилии, отъ самаго поступленія его въ церковь, читалось по старопечатнымъ книгамъ, о чемъ онъ объяснялъ епархіальному архіерею, который приказалъ ему дѣлать поминовленіе по предписанной формѣ, что имъ и исполняется, а потому и оказываются здѣсь въ поступкѣ Рыбникова болѣе невѣжество и приверженность къ древнимъ обрядамъ служенія, нежели умышленная дерзость противу Императорскаго Величества; по симъ причинамъ Сенатъ полагаетъ, не приводя заключенія въ исполненіе, поступки Рыбникова повергнуть въ милосердное воззрѣніе всемилостивѣйшаго Государа Императора».

Министръ Юстиціи князь А. А. Долгорукій, согласившись съ заключеніемъ Сената, внесъ дѣло 15 Мая 1829 г. въ Государственный Совѣтъ.

Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, разсмотрѣвъ дѣло и принимая во вниманіе, что «въ сей церкви незадолго до сего времени совершалось поминовленіе Высочайшей фамилии по старопечатнымъ книгамъ», въ которыхъ поминовленіе это напечатано такъ: «Благовѣрнаго и Богомъ хранимаго Великаго Государа нашего Николу Павловича», «принялъ мнѣніе Сената». Общее собраніе Государственнаго Совѣта въ засѣданіи 10 Юня 1829 года, въ составѣ 19 членовъ (отсутствовало четверо), «утвердило заключеніе Гражданскаго Департамента».

Меморія Общаго Собранія была разсмотрѣна и утверждена Государемъ, 12 Юля, въ Красномъ Селѣ, при чемъ противъ дѣла о Рыбниковѣ Государъ написалъ карандашомъ: «Рыбникова простить».

Сообщилъ А. Голомбѣвскій.

ДВА ПИСЬМА В. Н. КАРАЗИНА КЪ В. Г. АНАСТАСЕВИЧУ.

Въ концѣ 1863-го года самымъ безобразнымъ образомъ были распроданы въ Петербургѣ или, лучше сказать, уничтожены послѣдніе остатки нѣкогда драгоцѣнной библіотеки В. Г. Анастасевича (см. „Голосъ“ 1863 г. № 302 и 329). Мнѣ удалось купить незначительную часть книгъ, рукописей, автографовъ, писемъ разныхъ лицъ и дѣловыхъ бумагъ Анастасевича; но все собраніе уже было разрознено, разбито по разнымъ лавкамъ Апраксина двора и Семеновскаго плаца, а большая часть поступила на бумажныя фабрики.

П. Ефремовъ.

I.

Мая 9. 1810. Москва.

Виновать я предъ вами, любезный другъ Василій Григорьевичъ: долго медлилъ отвѣчать на письмо ваше, письмо подлинно пріятнѣйшее и столько занимательное, что я не утерпѣлъ казать его многимъ.

Но причина моего медленія была необыкновенная, то-есть ни болѣзнь, ни лѣность, ниже разсѣянность: я собирался препроводить къ вамъ одну бумагу и чрезъ васъ доставить ее вашему *достойному князю*. Проклятые переписчики мучили и еще мучаютъ меня донинѣ ¹⁾. Дивятся, что у насъ въ Россіи дѣловыхъ людей мало. Спросите много ли (въ столицахъ даже!) такихъ, которые *готовое* переписать порядочно въ состояніи. Изъ трудности найти ихъ, крайней дороговизны и затѣмъ еще изъ хлопотъ съ ними, я узналъ это такъ, какъ не ожидалъ. Нашъ Глинка, проповѣдуя Русскимъ, кричитъ, для чего у насъ не берутъ родители Русскихъ наставниковъ? Да гдѣ взять ихъ, милостивый государь? Тотъ, кто мало-мальски смыслить грамоту, немедленно прочить себя въ Сперанскіе; да немногіе, правду сказать, и ошибаются. Людей нѣтъ, или если и есть они, то весьма въ недостаточномъ количествѣ.

¹⁾ Тоже самое, но гораздо повиднѣе, испытывалъ пишущій эти строки, приготовляя въ Одессѣ въ изданію „Архивъ Князя Воронцова“. Князь С. М. Воронцовъ утѣшалъ его тѣмъ, что и въ Марселѣ и вообще въ приморскихъ городахъ населеніе полуграмотно: за большія деньги трудно найти хорошаго переписчика. П. Б.

Оставляя сію матерію, скажу я вамъ, что съ слѣдующею почтою, или чрезъ почту, пришлю я къ вамъ два экземпляра одной моей бумаги: одинъ, которой прошу васъ при письмѣ моемъ вручить князю А. А. ²⁾, а другой немедленно отдать въ цензуру. Мнѣ хочется въ одно время испытать всѣхъ цензуръ; авось не всѣ будутъ въ заговорѣ противъ святой, *невинной* и, можно, сказать полезной истины. На васъ возлагаю и на дружбу вашу возложить *смѣю* похлопотать о семъ манускриптѣ. Вы мнѣ существенное одолженіе оказать можете. Вы уже предварены изъ Харькова о книгѣ, которой это одна изъ составныхъ частей. *Въ прочемъ, нѣтъ никакой нужды, говорить князю о такомъ назначеніи сей бумаги.* Довольно, что она была въ свое мѣсто писана ³⁾.

Нравится ли вамъ и *донинѣ* вашъ г. Буше? ⁴⁾ Признаюсь вамъ (хоть за непросвѣщеннаго меня сочтите!), что онъ меня не просвѣщаетъ. Его задача, даже и самый образъ ея выраженія, не показываетъ въ немъ большого мудреца. Кто сомнѣвается въ томъ, что надобны какія нибудь знаки, *въ укромомъ видѣ* изображающіе избытокъ, и что знаками этими лучше всего быть металламъ, поелику ихъ можно плавить, тянуть, рѣзать?

Сказавъ, что полуостровъ его окруженъ, осажденъ со всѣхъ сторонъ, какъ смѣшно прибавленіе: *si, d'ailleurs, ce pays était sans crédit et sans aucune relation!*... ⁵⁾ Поучиться бѣ ему у нѣкоторыхъ великихъ соотечественниковъ своихъ выражаться, не плодя словъ, но ясно и опредѣлительно.

Я день ото дня болѣе подтверждаюсь въ мнѣніи, что съ XVIII-мъ вѣкомъ у Французовъ со стороны наукъ и слова все окончилось, какъ ни старается воздвигнуть ихъ еще разъ величайшій правительственный умъ, каковой только былъ когда-либо на землѣ ⁶⁾. Но пора проститься и

²⁾ Къ князю Адаму Адамовичу Чарторижскому, который былъ тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Анастасевичъ былъ у него свой человекъ. П. Б.

³⁾ Вѣроятно это относится съ *находящейся* въ бумагахъ Анастасевича запискѣ (въ листъ, на 46 стр.): „Практическое защищеніе противу иностранцевъ, подчиненности порядка нынѣ, существующихъ въ Россіи. Письмо одного помѣщика . . . ской губ. къ своему губернатору. Москва 11 Апр. 1810. (В. Каразинъ⁴⁾). П. Б.

⁴⁾ Буше (Р. Б. Bouchet), профессоръ торговаго и морскаго права. Онъ былъ вызванъ въ Россію и получилъ чинъ статскаго совѣтника. Каразинъ вѣроятно разуметь книгу его, изданную въ 1808 году: *Traité complet, théorique et pratique de tous les papiers de crédit et de commerce.* П. Б.

⁵⁾ Т. е. если бы впрочемъ, эта страна не пользовалась довѣріемъ и оставалась безъ всякихъ сношеній.

⁶⁾ Т. е. Наполеонъ.

обнять васъ отъ всего сердца. Вашъ искреннѣйшій слуга и почитатель В. Каразинъ.

II.

27 Сентября. 1811. Село Кручино⁷⁾.

Милостивый государь Василий Григорьевичъ!

Я, бывши довольно виноватъ предъ вами, какъ будто нарочно для преклоненія васъ меня простить, пишу къ вамъ не въ почтовой день, а среди недѣли, въ день для меня радостной, значительной: праздную рожденіе моей Александры Васильевны.

Вчера, отправивъ мою почту, я только-только что успѣлъ извиниться предъ вами въ письмѣ къ Николаю Степановичу⁸⁾. Столько было различныхъ пакетовъ и пакетцовъ, что я (бывъ въ твердомъ намѣреніи написать къ вамъ съ листъ, когда прежде увертывалъ Словарь Линде) не смогъ написать ни строки. Упомянутаго Словаря еще остался у меня одинъ томъ, которой также перешлѣтся. Владѣйте имъ, любезнѣйшій Василий Григорьевичъ, доколѣ издадите сами другой полнѣйшій и исправнѣйшій. Я вамъ не умѣю ни въ чемъ отказывать. У васъ моихъ теперъ двѣ книги⁹⁾. Я запишу ихъ у себя въ библиотекѣ отпущенными изъ праздно домашней жизни *на службу*. Смотрите жъ, чтобъ не служили они подобно, какъ многіе молодые наши дворяне при министрахъ! Мысль, что вы хотите подарить нашу словесность словаремъ подобнымъ этому, не выходитъ у меня изъ головы со времени полученія письма, въ которомъ вы это писали. Ради Бога, исполните это похвальное, умное, патріотическое предпріятіе. Оно одно сдѣлаетъ вамъ болѣе чести, нежели изданіе сотни журналовъ¹⁰⁾. Оно, сколько могу судить, зная васъ, *точно* по вашимъ талантамъ, по вашему трудолюбію. Оно сдѣлаетъ вамъ *навѣрное* безсмертное имя. Бросьте пожалуйста всѣ другія упражненія: они ни къ чему не ведутъ и только что пожираютъ ваше время. А пуще всего бывшее предпріятіе. Оно само по себѣ будетъ стоить невѣроятныхъ трудовъ, если обработать его не на смѣхъ, а начнетъ дѣлать впечатлѣніе въ нашей публикѣ развѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ. Отрывки же его, какіе случай вамъ

⁷⁾ 24-го, у насъ былъ громъ, и вѣтъ 12° по Реом: Таковъ ли вашъ климатъ Петербургской?

⁸⁾ Лицо намъ неизвѣстное. П. Б.

⁹⁾ (De l'imprimerie).

¹⁰⁾ Въ 1811 и 1812 годахъ Анастасевичъ издавалъ журналъ „Улей“. П. Б.

представилъ, или между тѣмъ представить, украсить Словарь вашъ. Журналъ вашъ хорошъ; нечего противъ него сказать. Лучше многихъ, по журналomanіи писанныхъ. Особливо мысль ваша сблизать однородцевъ Поляковъ съ Россіанами и Россіанъ съ Поляками (послѣднее едва ль еще не труднѣе!) для меня есть почтенная мысль. Но судите сами, до какой степени *обрыдли* уже намъ журналы! Ихъ ужъ чрезъ мѣру много для нашего малаго числа чтецовъ. Въ провинціи нѣкоторые старики по привычкѣ къ новостямъ берутъ еще *такъ называемый* Вѣстникъ Европы, да и только! Я вамъ здѣсь нашель трехъ пренумерантовъ. Больше жъ, право; не можно. Положите по 3 въ каждую губернію: какая (я разумѣю моральная) въ томъ польза, если вы въ пространной Россіи будете имѣть 150 читателей? Столицы исключите: это праздный въ моральномъ отношеніи народъ. Иного можетъ прельстить суетность быть журналистомъ, или надежда зашибить *неутомимыми трудами* ста четыре или пять въ годъ. Но я васъ, кажется, знаю: мизерные столь виды не должны васъ соблазнять, нѣтъ; право, послушайте меня, почтенный Василій Григорьевичъ, бросьте Улей, бросьте все, кромѣ службы; и, перекрестясь большимъ крестомъ, принимайтесь за Словарь. Сдѣлайте болѣе, нежели Академія! Объявите только: многіе добрые люди вамъ и помощниками найдутся.

Я говорилъ какъ истинный другъ вашъ; ваша воля за это и осердиться.

Слышу, что дѣло о напечатаніи условій графа Стройковскаго имѣло уже конецъ непріятный ¹¹⁾. Удивляюсь. При *такомъ* Государѣ, при *такихъ* началахъ правительства!... Почти нѣтъ номера газетъ, чтобы не шла рѣчь о свободныхъ хлѣбопашцахъ... Чудное смѣшеніе правилъ! Пришлите мнѣ, пожалуйста, хоть въ рукописи сіе сочиненіе. Я чрезвычайно любопытенъ сравнить мысли почтеннаго автора съ моими; и я бы весьма желалъ, чтобы вы нашли досугъ сообщить ему *in extenso* мою тетрадку. Жаль только, что нельзя вамъ взять на себя трудъ пересказать ему всѣ подробности, особливо подробности началъ, на которыхъ все у меня основано ¹²⁾.

Вмѣстѣ съ Словаремъ Линде отправилъ я къ вамъ нѣсколько экземпляровъ моей рѣчи, въ ожиданіи, пока прочее, принадлежащее къ

¹¹⁾ Дѣло идетъ о безцензурномъ напечатаніи Русскаго перевода книги гр. Стройковскаго: „объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“. За это досталось и Виленскому университету, и автору, и переводчику, а особенно Завадскимъ, содержателямъ типографіи. П. Е.

¹²⁾ На поляхъ: многочисленныя помарки отъ того, что спать хочется.

сѣзду нынѣшнему Ф. О., вамъ пришлю. Кажется, всѣхъ 6 экз. послано, т. е. по два, вамъ съ Никол. Степ., одинъ г-ну Арсеневу, объ отдачѣ котораго просилъ я Н. С., послѣдній же усердно прошу васъ потрудиться свезти къ одному изъ извѣстнѣйшихъ и самыхъ дѣловыхъ въ департаментъ почтъ людей, *Николаю Максимовичу Яновскому* ¹³⁾. Вы будете имѣть случай познакомиться съ достойнѣйшимъ чоловѣкомъ, добрымъ, умнымъ, прямымъ, котораго я изъ юношескихъ лѣтъ моихъ почитаю. Я пишу къ нему о васъ.

Какимъ это чудомъ стало, что наши филотехн. правила напечатаны на Французскомъ и притомъ на счетъ Кабинета, какъ вы писали?.. Недоумѣваю. Простите! Ал. Вас. вамъ кланяется, вашъ усерднѣйшій слуга: В. Каразинъ.

Р. С. На случай, если бы кому понадобилась моя рѣчь, я шлю десять экз. оной къ Матвѣю Глазунову. Зная малое любопытство нашей публики, я напечаталъ только 100 экз. со включеніемъ членовъ ¹⁴⁾.

Университетъ здѣсь управляется ректоромъ Аѳанасіемъ Ивановичемъ Стойковичемъ. Пошлите одинъ экз. Уля на его имя, или на имя Университета. Я уже говорилъ, послѣдній № Уля очень-очень мнѣ понравился. Всѣ историческія статьи... прекрасны. Но стихи не очень. Главное дѣло, что всѣ журналы выходятъ изъ кредита въ губерніяхъ.

О именахъ другихъ охотниковъ увѣдомлю васъ, коль скоро получу отъ нихъ деньги. А то не одинъ уже разъ приходило мнѣ самому расплачиваться. Долго буду я помнить, какой *Ключъ къ словесности* г-на Галенковскаго, и Русской Вѣстникъ!

¹³⁾ Онъ, я думаю, теперь уже статскій совѣтникъ.

¹⁴⁾ „Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство, произнесенная въ Харьковѣ 18 Генваря 1813 года, въ торжественномъ Собраніи Филотехническаго Общества, его членомъ и правителемъ дѣлъ, *Василіемъ Назаріевичемъ Каразинымъ*. II (?). Въ Харьковѣ. Въ Унив. Тип. 1813 года“. Въ 4 д. л., 20 стр.—На корректуру этой рѣчи, исправленной рукою Каразина, противъ одного мѣста находится его помята „Nota для Вас. Гр. Хотѣлось было напечатать курсивомъ, равно какъ и одно мѣсто предыдущей страницы. Но раздумалъ, страха ради Иудейска. Умною и такъ пойметъ. Замѣчанія, кои слѣдуютъ за цѣрама, вамъ полюбятся“. Первое изъ этихъ мѣстъ находится въ печатномъ текстѣ на стр. 11, строка 4—7 и не только не напечатано курсивомъ, но еще измѣнено противъ первой корректуры. 2-е мѣсто находится на стр. 12, на 4 и 3 строкахъ снизу“.

У Анастасевича сохранилась еще и другая рѣчь Каразина: „О ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи“ (Спб. 1820. Въ 4 д. л., 11 стр.). Анастасевичъ помѣтилъ на ней: „Сія рѣчь надѣлала шуму въ Собраніи Общества Соревнователей и заставила автора оставить сіе общество“. Рѣчь была напечатана *въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ*, единственно для членовъ Общества Любителей Словесности. П. Е.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПОМѢЩИЧЬЯ ХОЗЯЙСТВА МАТЕРИ ГОГОЛЯ.

Въ 1828 году крѣпостной крестьянинъ помѣщицы Миргородскаго повѣта, Полтавской губерніи, жены коллежскаго асессора Маріи Гоголь-Яновской, Артѣмъ Ивановъ, былъ присужденъ судомъ за какое-то преступленіе (изъ дѣла не видно) къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. У сосланнаго на родинѣ оставались жена, Прасковья Иванова съ двумя дѣтьми, дочерью Дарьей 12 лѣтъ и сыномъ Иваномъ 4-хъ лѣтъ, также крѣпостными Гоголь-Яновской. По просьбѣ жены сосланнаго, Прасковьи Ивановой, Полтавское Губернское Правленіе разрѣшило ей съ дѣтьми слѣдовать въ Сибирь за мужемъ. Тогда помѣщица подала Малороссійскому военному губернатору (князю Никол. Гр. Репнину) жалобу на рѣшеніе Губернскаго Правленія, послѣдовавшее „безъ согласія на то ея, Гоголь-Яновской“. Князь Репнинъ напелъ жалобу владѣлицы основательной и потребовалъ объясненія отъ Полтавскаго Губернскаго Правленія. Получивъ „донесеніе“ Губернскаго Правленія и разсмотрѣвъ его, военный губернаторъ напелъ, что Правленіе „позволило Ивановой слѣдовать съ дѣтьми своими въ Сибирь на поселеніе безъ согласія владѣлицы, на основаніи устава о ссыльныхъ 1822 года, указа 17 Генваря 1818 и положенія Комитета г.г. Министровъ, въ 7-й день Августа 1823 года высочайше утвержденнаго, не сообразивъ съ указомъ 30-го Сентября 1812 года, коимъ повелѣно: „касательно помѣщичьихъ крестьянъ-посылаемыхъ за преступленія по суду въ Сибирь на поселеніе, предоставить на волю и распоряженіе самихъ помѣщиковъ отправлять къ нимъ женъ и дѣтей ихъ“. Въ виду этого губернаторъ призналъ „дѣйствіе Губернскаго Правленія неправильнымъ и совершенно противнымъ упомянутому указу, а потому полагалъ: отправленную въ Сибирь на поселеніе крестьянку помѣщицы Гоголь-Яновской, Парасковью Иванову, съ дѣтьми ея, возвратити къ владѣтельницамъ ея на счетъ членовъ Губернскаго Правленія, подписавшихъ опредѣленіе о позволеніи Ивановой слѣдовать въ Сибирь за мужемъ своимъ“.

Но дѣло на этомъ не кончилось, и Малороссійскій генераль-губернаторъ представилъ свое рѣшеніе въ Сенатъ.

1-й департаментъ Правительствующаго Сената, по выслушаніи о семъ представленія военнаго губернатора, опредѣлилъ: „Крестьянку помѣщицы Гоголь-Яновской, Парасковью Иванову съ дѣтьми ея возвратити по владѣнію ея, Гоголь-Яновской, на счетъ тѣхъ членовъ и секретаря Полтавскаго

Губернскаго Правленія, которые подписали опредѣленіе о позволеніи Ивановой слѣдовать въ Сибирь за своимъ мужемъ; но, не приводя сего въ исполненіе, предоставить г. управляющему Министерствомъ Юстиціи довести о семъ до свѣдѣнія Государя Императора и испросить высочайшее разрѣшеніе⁴.

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій, управлявшій тогда Министерствомъ Юстиціи, пришелъ, однако, совсѣмъ къ противоположному заключенію, обрисовывающему болѣе гуманный взглядъ на дѣло.

„Г. управляющій Министерствомъ Юстиціи⁴, говорится въ дѣлѣ, „разсмотрѣвъ вышеозначенное опредѣленіе Правительствующаго Сената, напелъ, что крестьянка Иванова, дозволеніемъ, по опредѣленію Полтавскаго Губернскаго Правленія, слѣдовать ей съ дѣтьми за своимъ мужемъ въ Сибирь, была уже изъ крѣпостного владѣнія помѣщицы ея Гоголь-Яновской; а какъ по Высочайше утвержденному въ 6-й день Сентября 1821 года положенію Комитета г.г. Министровъ, „кто единожды воспользовался свободою, по отпуску ли помѣщика, или по распоряженію правительства, тотъ не можетъ уже быть возвращенъ въ крѣпостное владѣніе“: то и предложилъ Правительствующему Сенату, не благоугодно ли будетъ, на точномъ основаніи означеннаго узаконенія, не возвращая крестьянки Ивановой изъ Сибири, опредѣлить за нее съ дѣтьми для помѣщицы Гоголь-Яновской вознагражденіе, какое по законамъ слѣдуетъ, съ обращеніемъ взысканія онаго на членовъ Полтавскаго Губернскаго Правленія, подписавшихъ опредѣленіе о позволеніи означенной крестьянки слѣдовать за своимъ мужемъ въ Сибирь, безъ согласія на то помѣщицы“.

Г.г. сенаторы 1-го департамента, подписавшіе прежде опредѣленіе, не пришли къ соглашенію. „Одна особа (Н. Н. Муравьевъ) объявила, что онъ, согласно съ заключеніемъ г. управляющаго Министерствомъ Юстиціи, полагаетъ: не возвращая крестьянку Иванову изъ Сибири, выдать за нее съ дѣтьми помѣщицѣ Гоголь-Яновской, собравъ табели 24-го Ноября 1821 года (въ которой опредѣлена цѣна за ревизскую душу мужеска пола, ниже коей въ крѣпостныхъ актахъ писать запрещено, 700 руб.), взыскавъ оныя съ членовъ и секретаря Полтавскаго Губернскаго Правленія, подписавшихъ вышеозначенное опредѣленіе; а три особы (Е. Н. Мечниковъ, Ф. Н. Енгель и И. В. Гладковъ) остались при прежде данной резолюціи⁴.

Въ виду этого дѣло было перенесено въ Общее Собраніе первыхъ трехъ департаментовъ Правительствующаго Сената и, „по выслушаніи въ ономъ г.г. сенаторы объявили: тринадцать особъ (Н. А. Челищевъ, С. Ф. Мавринъ, князь Б. А. Куракинъ, баронъ А. Я Бюллеръ, Е. Н. Мечниковъ, П. Л. Батюшковъ, П. Г. Дивовъ, графъ Д. И. Хвостовъ, И. В. Гладковъ, А. П. Адауровъ, П. Я. Башуцкій, графъ Е. Ѳ. Комаровскій и М. А. Обрѣсковъ), что они утверждаютъ опредѣленіе 1-го департамента Правительствующаго Сената; а восемь особъ (О. О. Дюгамель, П. И. Нейгардтъ, графъ А. И. Ильинскій, Д. О. Барановъ, С. А. Пустошкинъ, Д. Н. Сенявинъ, графъ

К. О. де-Ламбертъ и царевичъ Грузинскій Миріанъ Пракліевичъ), согласно съ заключеніемъ г. управляющаго Министерствомъ Юстиціи, не возвращая крестьянку Иванову съ дѣтьми изъ Сибири, выдать за нихъ помѣщицѣ Гоголь-Яновской, по силѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ 19-й день Ноября 1828 года Высочайше утвержденнаго, 800 руб., взыскавъ оныя съ членовъ и секретаря Полтавскаго Губернскаго Правленія, подписавшихъ опредѣленіе о позволеніи Ивановой слѣдовать за своимъ мужемъ въ Сибирь“.

Такъ какъ и теперь „не составилось узаконеннаго числа голосовъ, согласныхъ съ „заключеніемъ“ министра Юстиціи, то князь Долгорукій препроводилъ 20 Марта 1829 г. дѣло при отношеніи, за № 2814, къ и. д. государственнаго секретаря, для внесенія его въ Государственный Совѣтъ.

Разсмотрѣнное 5 Апрѣля въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, оно перешло въ Общее Собраніе, гдѣ и послѣдовало 10 Юля слѣдующее „мнѣніе“ Государственнаго Совѣта: „Признавая основательнымъ заключенія управляющаго Министерствомъ Юстиціи и согласныхъ съ нимъ сенаторовъ, Государственный Совѣтъ положилъ удовлетворить помѣщицу Гоголь-Яновскую за крестьянку Иванову съ сыномъ и дочерью, по силѣ Высочайше утвержденнаго 29 Ноября 1828 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, деньгами 800 рублями, взыскавъ оныя съ членовъ и секретаря Полтавскаго губернскаго правленія“. Это мнѣніе было удостоено Высочайшаго утвержденія.

Настоящее дѣло, хранящееся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта (Департ. Гражд. и Духовныхъ дѣлъ, 1829 г., № 103), интересно не только какъ біографическій эпизодъ изъ жизни матери Гоголя, Миргородской помѣщицы, но и какъ бытовая черта изъ исторіи постепеннаго упраздненія крѣпостного права.

А. Голомбѣвскій.

СТИХИ НА ГРАФА С. М. КАМЕНСКАГО.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1869 года, въ Запискахъ графа М. Д. Бутурлина описанъ театръ графа Каменскаго въ Орлѣ. На основаніи этихъ записокъ и разсказовъ старожиловъ М. И. Пыляевъ въ своемъ прекрасномъ очеркѣ описалъ эти „полубарскія затѣи“ *).

Театръ гр. С. М. Каменскаго часто бывалъ предметомъ насмѣшекъ. Всѣ актеры, музыканты, машинисты, декораторы были изъ его крѣпостныхъ. Графъ сидѣлъ въ особо устроенной ложѣ, а въ примыкающей къ ней галлереѣ находились дворовыя дѣвушки, готовившіяся въ танцовщицы и актрисы; онѣ назывались пенсіонерками. Въ ложѣ передъ графомъ лежала книга, куда онъ своеручно вписывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки и упущенія, а сзади его висѣло на стѣнѣ нѣсколько плѣтокъ, и послѣ каждаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ иногда стегалъ виновныхъ, вопли которыхъ долетали до зрителей. Зрителей всегда собиралось во множествѣ, но не высшего круга, изъ котораго прѣзжали ради смѣха надъ актерами. Разъ посѣтилъ театръ корпусный командиръ баронъ Корфъ, вмѣстѣ съ дамами. Графъ замѣтивъ ихъ насмѣшки, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, и началъ въ задѣ запахомъ масла. Билеты для входа графъ продавалъ и раздавалъ самъ, сидя у кассы, украшенный Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени. Шалуны того времени платили графу за мѣста мѣдными деньгами, которыя пересчитывать ему иногда приходилось по получасу и больше.

Графъ Каменскій имѣлъ болѣе 7000 душъ крестьянъ; но когда онъ умеръ, нечѣмъ было его похоронить. Отъ огромнаго состоянія ничего не осталось, все богатство пошло на театръ.

Сохранилось слѣдующее сатирическое стихотвореніе на графа Каменскаго, которое мы извлекаемъ изъ рѣдной рукописи, находящейся въ собраніи В. А. Вахрамѣева (№ 203, л. 7 об.).

А. Титовъ.

Ростовъ Великій
1907 Февраля 14.

*) „Историч. Вѣстникъ“, т. XXV, стр. 543.

Графу Сергѣю Каменскому, что въ Орлѣ.

Твой братъ и твой отецъ отечеству служили,
 Противъ враговъ его они полки водили.
 Хвалю тебя, мой графъ, мой полный генералъ,
 Талантомъ что своимъ другую часть избралъ.
 Идетъ ли богачу, фельдмаршальскому сыну,
 Вести себя на бой, подобно какъ скотину?
 Подъ пушками бывать, въ ряды враговъ вкдаться,
 Ни ядерь, на картечь, ни сабли не бояться?
 Безумцамъ лишь однимъ прилично то творить.
 Потомство о такихъ что будетъ говорить?
 И храбрый самъ Тюренъ, великій Аннибалъ.
 Рукою времени забытымъ уже сталъ.
 А сѣверный герой, Багратионъ извѣстный,
 Отъ лишней храбрости теперь въ могилѣ тѣсной.
 Хвалю, любезный графъ, что остороженъ былъ:
 Ты запахъ пороха нимаго не любилъ.
 Изъ-подъ жестога сраженья Городечна *)
 (Да будетъ проклято, забыто оно вѣчно),
 Ты съ свитою своей какъ молнія свернулъ
 И въ нѣсколько минутъ верстъ за семь улизнулъ.
 Самъ Шварценбергъ, Ренъ, мортиры ихъ и пушки
 Въ дистанціи такой казались за игрушки.
 Смѣясь надъ всѣми храбрецами,
 Въ квартирѣ пилъ ты кофе съ сухарями.
 Хоть Тормасовъ тебя и жестоко ругалъ,
 Болваномъ, подлецомъ и трусомъ называлъ;
 Но это не ядро, и это не бѣда,
 И брань на ворота не виснетъ никогда.
 Ты поступалъ, мой графъ, умно и осторожно.
 Не хватать всё, но съ тѣмъ еще жить можно.
 Взгляни на смѣльчаковъ: иной нестарыхъ гѣтъ;
 Вотъ первый Остерманъ—руки по домотъ нѣтъ;
 Непейцынъ безъ ноги и бродить съ костылемъ.
 Какую выгоду они находятъ въ томъ?
 Давыдовъ генералъ изстрѣленъ, изувѣченъ,
 На всю свою онъ жизнь остался искалѣченъ.

*) Сраженіе при Городечнѣ происходило въ 1812 году, Іюня 31 дня, въ Польшѣ противъ соединенныхъ Французскихъ войскъ, которыми командовали Шварценбергъ и Ренъ.

А Бульневъ во гробу, и Багговуть въ могилѣ
 И духъ свой испустилъ въ Тарутинской равнинѣ.
 Бутайсовъ и Тучковъ на Бородинскомъ полѣ
 Скопчали свой животъ, и нѣтъ уже ихъ болѣ.
 Лубенскаго полка гусарскій генералъ ¹⁾
 Повелъ въ атаку полкъ, предъ фронтомъ первый палъ.
 А храбрый Дороховъ подъ Вереею кровь лилъ ²⁾
 И кровію своей могилу тамъ купилъ.
 Великіе мужья Россійскія державы,
 У коихъ истинно нельзя отнять ихъ славы,
 Суворовъ Рымникскій, Кутузовъ князь Смоленскій,
 Самъ Задунайскій графъ и Долгорукій-Крымскій
 Отечеству, Царю до старости служили;
 Но что же лучшаго, и гдѣ они теперь?
 Имъ служба, раны, грудь отверзали гроба дверь.
 А если бы они тебя уподоблялись,
 Съ полей сраженія почаще удалялись,
 За честию, за мечтой, за выдуманной славой
 Нимало ни гонясь, храня разсудокъ здравый:
 То, можетъ быть, поднесъ изъ нихъ иной бы жилъ
 И жизнью своей другихъ бы веселилъ,
 Такъ точно, какъ и ты, Орловскій утѣшитель,
 Театра, кресель, ложъ великій покровитель.

Но мнѣ ли, слабому и юному пѣвцу,
 Твои всѣ подвиги умѣть привести къ концу?
 Возможно ли мечтать и можно ли успѣть
 Тебя, достойный мужъ, прилично чтобъ воспѣть?
 Любивши тишину и чти тебя неслестно,
 Взялся я за перо, да будетъ всѣмъ извѣстно,
 Ни славы, ни хвалы, писавши, ожидаю.
 Къ тебѣ почтеніе, которое питаю,
 Невольно мнѣ велить на лирѣ пробренчать
 И, сколько будетъ силъ, тебя возвеличать.
 Въ двѣнадцатомъ году, въ эпоху незабвенну,
 Когда ужасный Галлъ, забравши полвселенну,
 Отъ Нѣмана къ Москвѣ какъ исполнѣ шагаль

¹⁾ Лубенскаго гусарскаго полка шефъ Александръ Петровичъ Меллишо убитъ подъ Дрезденомъ.

²⁾ Дороховъ въ сраженіи подъ Вереею совершенно разбилъ непріятелей, спасъ городъ, но самъ жестоко былъ раненъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ писалъ къ Верейскимъ жителямъ, прося у нихъ три аршина земли, гдѣ и былъ погребенъ.

И все, что ни встрѣчалъ, губилъ, разилъ, сжигалъ,
 Въ растерзанной странѣ преступничьей рукою,
 Вездѣ былъ слышенъ вопль и кровь лилась рѣкою,
 А жители Москвы въ бѣдахъ, огнѣ и мукѣ,
 Къ сынамъ отечества протягивали руки,
 Просили ищенья, просили избавленья.
 Вѣщали такъ они: собирайте ополченія,
 Идите, не щади ни жизни, ни дѣтей;
 Слѣшите дань платить вы родинѣ своей.
 Ужъ въ храмахъ Божіихъ нѣтъ службы алтарямъ.
 Жестокіе враги, подобные звѣрямъ,
 Влекутъ невинныхъ дѣвъ, во храмѣ оскверняютъ,
 Жрецовъ и пастырей во храмѣ убиваютъ.
 Въ конюшню превративъ Архангельскій соборъ,
 Тѣла угодниковъ повыкинувъ на дворъ,
 Ругались надъ церковью и ликами святыхъ,
 Иконы ободравъ, варили вѣсть на нихъ.
 Отъ злобныхъ руки ни старецъ, ни дитя,
 Ни слабый, ни больной не могъ спасти себя.
 Младенцевъ на рукахъ мечемъ насквозь пронзаютъ
 И въ хранилѣ людей нарочно запираютъ,
 И послѣ, подложивъ огонь со всѣхъ сторонъ,
 Сжуются, тѣшатся, сгоравшихъ слыша стонъ.
 Вдова лишается имѣнья, дому, дочери.
 Другой спасается, а только лишь за двери,
 Неистовый Полякъ тотчасъ по немъ стрѣляетъ,
 Къ ногамъ онъ матери дочь жертву повергаетъ.
 Тамъ женщина бѣжитъ въ пылающей одеждѣ,
 Слѣпить скорѣй къ рѣкѣ и, будучи въ надеждѣ,
 Что огонь водой залетѣть, пускаетъ жалкій крикъ,
 Какъ тутъ же ей Французъ вонзаетъ въ сердце штыкъ.
 Течетъ по стогамъ кровь. Москва въ огнѣ пылаетъ
 И вѣрныхъ Россіянъ еще къ себѣ сзываетъ:
 Умремъ, или должно намъ отечество спасать,
 Или изгнать враговъ, или трупами лежать.

Въ тѣ грозныя часы, въ ужасныя минуты,
 Когда Россія вся терпѣла язвы люты,
 И всякій къ извергамъ и гнѣвъ и мечь питалъ,
 Ты вновь, сіятельный, полезень Россамъ сталъ.
 Ты, видя каждаго тоску и огорченье,

*) Медоксъ, нѣсколько лѣтъ бывший въ Москвѣ содержателемъ частнаго театра, а потомъ сдѣлавшійся банкротомъ.

Почувствовалъ въ душѣ къ несчастнымъ сожалѣнье:
 Оставилъ поприще военна ремесла,
 Куда было тебя нелегка занесла,
 Ты въ содержателя театра претворился,
 Орелъ сталъ утѣшать, Медовсомъ тамъ явился *).
 Лишь чуть заря, ужъ ты билеты распускаешь
 И даже за раекъ самъ деньги собираешь;
 Своєю графскою рукой билеты пишешь,
 Благимъ устройствомъ ты ежеминутно дышешь;
 Въ мундирѣ, въ двухъ звѣздахъ, съ Георгіемъ на шеѣ,
 Потѣешь, трудишься, о пользѣ сей радѣя.
 За половину дня въ конторѣ засѣдаешь,
 Для блага Русскаго труды въ ничто вмѣняешь.
 И можно ли сіе кому препоручать?
 Другой удобенъ ли билетъ такъ подписать?
 Ты твердо помнишь креселъ нумера.
 Къ кому когда была природа такъ щедра?
 Кто памятью когда и смысломъ могъ хвалиться?
 Подобный геній во сто лѣтъ лишь разъ родится!

Но люди мудрены, нельзя всѣмъ угодить:
 Иной доволенъ имъ, другой его бранить.
 Какой то Храбруновъ, въ недавнихъ временахъ,
 Въ театрѣ сидючи безъ графска дозволенья,
 Осмѣлился свершить большое преступленье:
 У графа не спросясь, по дерзости своей,
 На сцену передъ нимъ онъ кинулъ сто рублей.
 Разгнѣвался нашъ графъ и яростью кипѣлъ.
 Обиду кто бъ поистинѣ стерпѣлъ?
 Не тако нашъ герой въ сраженьяхъ ополчался,
 Подъ Шумлой, Варною, Базарчукомъ сражался,
 Не тако Александръ на Персовъ наступалъ,
 Какъ оскорбленный графъ начати брань смѣшить,
 Въ мундирѣ, въ орденахъ, къ полковнику летить.
 Онъ грозно нападалъ и требовалъ отчету:
 Какъ смѣлъ, не доложась, кидать при мнѣ монету?!
 Полковникъ все молчалъ, не говорилъ ни слова
 И будто оробѣлъ, а графъ храбрился снова;
 А послѣ, всякое терпѣнье потерялъ,
 Принявши важный видъ, онъ графу такъ вѣщалъ:
 „Скажи, пожалуйста, давно ль ты сталъ храбрецъ?
 Всѣ знаютъ въ арміи, что трусъ ты и подлецъ,
 И что то истинно, могу я доказать.
 Ты долженъ здѣсь сейчасъ мнѣ удовольствие дать,

На сабляхъ, палахахъ, на шпагахъ или стрѣляться.
Ты долженъ здѣсь сейчасъ, сейчасъ со мной сражаться!“
Оружіе велѣлъ себѣ подать,
Любое приказалъ онъ графу выбирать.
О Боже! О судьба! И мой несчастный графъ
Слезами залился и, на колѣна ставъ,
Просилъ прощенія; рыдая извинялся
И вѣкъ не храбровать полковнику повлялся.

Итакъ, чудесный графъ, равнялся ль кто съ тобой?
Портретъ твой дописать талантъ не въ силахъ мой.
Хочу просить тебя, творецъ Фелицы *), Бога
(Хоть критики тебя судить старались строго)
Ты можешь лишь одинъ его изобразить
И сердцу, и уму, и честности дать видъ.

*) Державинъ † въ 1816 году. П. В.

МОГИЛА ГРАФА А. А. ЗАКРЕВСКАГО.

Вѣроятно весьма немногіе Москвичи, дѣды и отцы которыхъ долго находились подѣ отеческой, часто крутой, а иногда даже грозной опекой графа Арсенія Андреевича Закревскаго, знаютъ, гдѣ похороненъ этотъ замѣчательно умный, дѣловитый и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный проконсулъ Москвы, видный сподвижникъ трехъ императоровъ, Александра I-го, Николая I-го и Александра II-го.

Закревскій не походилъ на знатныхъ и богатыхъ своихъ соотечественниковъ, которымъ судьба какъ будто велитъ и по смерти скитаться по бѣлу свѣту, такъ что умершіе въ Петербургѣ отправляются обыкновенно на Московскія кладбища, и *vice-versa*, скончавшихся за границею почти всегда перевозятъ въ Россію. Графъ Закревскій неоднократно высказывалъ желаніе быть похороненнымъ тамъ, гдѣ его застигнетъ кончина.

Въ четырехъ верстахъ отъ Прато, небольшого города близъ Флоренціи, приобрѣлъ онъ въ 1863 г. большое по Итальянскимъ понятіямъ имѣніе Гальчето, въ 142 десятины, раздѣленное на 14 отдѣльныхъ фермъ (теперь ихъ даже 16) отдаваемыхъ въ аренду по здѣшнему обычаю изъ-полу, съ великолѣпнымъ трехъэтажнымъ дворцомъ, монументальной наружной лѣстницей и почти такимъ же обширнымъ домомъ для управляющаго имѣніемъ. Тутъ была католическая каплица, которую графъ намѣревался обратить въ православный храмъ, и здѣсь же пожелалъ онъ быть похороненнымъ. По наружности каплица ничѣмъ не отличалась отъ обыкновенныхъ сельскихъ небольшихъ церквей, не имѣющихъ особой колокольни, даже крестъ на ней остался Латинскій. Внутри уже нѣтъ алтаря, а прекрасное мраморное распятіе Греческаго образца о четырехъ гвоздяхъ указываетъ на переходъ католической каплицы въ православную часовню. Посреди, напротивъ распятія, подѣ мраморной бѣлой плитой покоится прахъ графа Закревскаго. На плитѣ вырѣзано довольно мелкими буквами: „Здѣсь похоронено тѣло генераль-адъютанта, генерала отъ инфантеріи, графа Арсенія Андреевича Закревскаго, скончавшагося 11/23 Января 1865 г. во Флоренціи.“

Могила графа не забывается. Кромѣ его внучки (дочери княгини Друцкой, теперешней владѣлицы имѣнія, въ лѣтніе мѣсяцы живущей съ теткой своей г-жей Цукелли въ Гальчето) бываютъ и другіе Русскіе, помнящіе графа. Сторожъ рассказывалъ намъ про посѣщеніе Гальчето однимъ изъ бывшихъ

адъютантовъ графа; по описанію его высокаго, худого, сѣдого старика, не трудно догадаться, что это князь Александръ Васильевичъ Мещерскій, довольно долго служившій при графѣ Арсеніи Андреевичѣ и всегда хранившій о немъ благодарную память.

По правую сторону, подъ такой же плитой, покоится графиня Аграфена Θεодоровна, рожденная графиня Толстала, на четырнадцать лѣтъ пережившая своего мужа (которыя она провела, не выѣзжая изъ Флоренціи); а въ ногахъ у нихъ единственная дочь ихъ, княгиня Лидія Арсеньевна Друцкая, бывшая по первому расторгенному браку графиня Нессельроде, скончавшаяся въ 1884 году въ Петербургѣ. По лѣвую сторону могилы графа Закревскаго, подъ одинаковой плитой, лежитъ компаньонка княгини Друцкой Жанъ. Надъ этою плитою трогательная надпись, составленная ея другомъ-госпожею на Французскомъ языкѣ.

Стѣны трехъ большихъ залъ дворца въ Гальчето и потолки расписаны въ Итальянскомъ древнемъ вкусѣ и увѣшаны портретами графа, графини, дочери ихъ и фотографіями (въ группахъ и отдѣльно) Москвичей, переносившіе пишущаго эти строки въ барскую Москву пятидесятихъ годовъ, съ радужными приѣмами Закревскихъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ на Тверской и въ ихъ подмосковной Ивановскомъ, гдѣ такъ гостепріимны и ласковы были старики-хозяева и такъ привлекательна была умомъ, веселостью и кокетствомъ графиня Лидія, увлекавшая всю Московскую молодежь и даже стариковъ сенаторовъ и почетныхъ опекуновъ, устоевъ тогдашняго великосвѣтскаго Московскаго общества.

Флоренція. Апрель, 1907 г.

* * *

Графъ А. А. Закревскій (род. 13 Сент. 1787), сынъ мелкаго полицейскаго чиновника въ городѣ Зубцовѣ Тверской губерніи и княгини Солнцевоы, обучавшійся въ Шюловскомъ Кадетскомъ корпусѣ и съ отличіемъ участвовавшій въ великихъ бояхъ Александровскаго царствования, назначенъ былъ, на исходѣ 1848 года, послѣ многолѣтней жизни въ отставкѣ, въ Москву генераль-губернаторомъ на мѣсто добродушнаго князя Алексѣя Григорьевича Щербатова. Императоръ Николай Павловичъ облекъ его чрезвычайной властью. Покойный графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что у Закревскаго были такъ называемые бланки за подписью Государя, на которыхъ могъ онъ писать что находилъ нужнымъ. Закревскій долженъ былъ находиться въ перепискѣ съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, начальникомъ Третьяго Отдѣленія Государевой канцеляріи (обращенной Польскими происками въ сыскную государственную управу и сдѣлавшейся непосредственнымъ орудіемъ самодержавной власти). Что графъ Орловъ, какъ и графъ Закревскій,

былъ человѣкъ честный, объ этомъ говорила намъ А. С. Аксакова (тогда Тютчева). Въ бесѣдѣ у Маріи Александровны (тогда цесаревны), графъ Киселевъ указалъ на окно Зимняго дворца, въ которое заботливо глядывалъ императоръ Александръ Павловичъ, поджидая къ дворцовому параду Французскаго посла Коленкура и съ появленіемъ на площади его коляски поспѣшно убѣгалъ внизъ. «Неужели, воскликнула цесаревна, до того доходило униженіе передъ Наполеономъ?»—«А теперешній, замѣтилъ графъ Орловъ, развѣ не тревожится, прочитавъ неблагоприятный для него номеръ Французской газеты?» Дѣло въ томъ, что Николай Павловичъ, послѣ Февральской революціи и въ особенности послѣ кровавыхъ Мартовскихъ сценъ въ Берлинѣ (когда шурина его долженъ былъ обнажать голову передъ провозимыми мимо его балкона жертвами подавленнаго мятежа, а братъ этого короля, будущій императоръ Вильгельмъ I, спасся изъ города, переодѣвшись въ женское платье возымѣлъ крайнюю подозрительность къ людямъ ученымъ, писателямъ и профессорамъ, намѣревался закрыть университеты и только по убѣдительнымъ представленіямъ графа Блудова дозволилъ принимать въ студенты всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, не болѣе трехъ сотъ человѣкъ. Тревожныя опасенія государя возбуждала въ особенности Москва и не столько профессора въ университетѣ, какъ небольшой кружокъ Славянофиловъ, беречься которыхъ, сверхъ того, получались Искаріотскіе совѣты изъ Австріи. Графу Закревскому приказано было слѣдить за всѣми входами и выходами этихъ людей, и самыя нелѣпыя донесенія сыщиковъ, въ родѣ того, кто именно въ такой-то день былъ у Хомякова на Собачьей площадкѣ, посылались въ Петербургъ. Весною 1854 года пришла ко мнѣ повѣстка явиться къ графу Закревскому. Не безъ тревоги прибрелъ я въ его кабинетъ. Онъ посадилъ меня противъ себя за письменный столъ, и первымъ его словомъ было, чтобы я не беспокоился; а потомъ онъ пододвинулъ мнѣ листъ и сказалъ, чтобы я написалъ отвѣты на полученные имъ изъ Петербурга вопросы: 1) зачѣмъ ѣздилъ я въ Петербургъ? 2) зачѣмъ распространяю неизданные стихи Хомякова? Я написалъ, что прогостилъ Страстную и Святую недѣли у графа Блудова (два старшихъ внука котораго были, не задолго передъ тѣмъ, моими учениками) а стихи Хомякова такъ хороши, что я знаю ихъ наизусть. Этимъ весь допросъ кончился. За тѣмъ графъ спросилъ о моемъ происхожденіи и я назвалъ ему покойнаго моего отца, подполковника Арзамаскаго Конноегерскаго полка; онъ немедленно заговорилъ о славномъ военномъ времени и когда я назвалъ какъ-то графа Каменскаго, рѣчь у него пошла, и онъ между прочимъ сообщилъ мнѣ, что благодѣтель его графъ Каменскій отравился чаемъ въ Букарестѣ у Французскаго консула.

Бесѣда длилась добрыхъ минутъ двадцать и, когда я уходилъ назадъ, собравшіеся у него въ залахъ посѣтители и просители глядѣли на меня съ недоумѣніемъ, можетъ быть полагая, что я важный государственный преступникъ. Много лѣтъ послѣ М. П. Погодинъ, въ числѣ предметовъ для Русской живописи, предлагалъ нарисовать меня, вызваннаго къ допросу и грознаго графа, подвергнутаго мною исторіографическому допросу. Одна строфа изъ упомянутыхъ выше стиховъ Хомякова возбудила тогда негодованіе не только г-жи Арсеньевой (выразившей оное въ прекрасныхъ стихахъ), но и Наслѣдника престола. На одномъ вечерѣ въ его присутствіи графиня А. Д. Блудова прочла эти стихи, но опустила третью строфу. Александръ Николаевичъ тотчасъ замѣтилъ это и отозвался сурово о сочинителѣ, которому въ его царствованіе и досталось. Въ великую Пятницу 1856 года, когда я былъ у него, принесли къ нему высочайшее повелѣніе отъричь бороду, а графъ Закревскій вызвалъ его къ себѣ и передалъ приказаніе не читать стиховъ. «Ну, а матушкѣ можно?», спросилъ Хомяковъ. «Можно, но съ осторожностью», отвѣчалъ улыбаясь графъ. Дѣло въ томъ, что онъ зналъ Хомякова еще по его службѣ въ конной гвардіи и бывалъ у его родителей. Намѣревались даже выслать Алексѣя Степановича изъ Москвы, и графиня А. Д. Блудова позднѣе показывала мнѣ письмо къ ней отъ супруги графа Орлова, извѣщавшее, что приказаніе отмѣнено.

И такъ графъ Закревскій былъ только исполнителемъ державныхъ повелѣній, чего не знала графиня Ростопчина, сочинившая посланіе къ нему, которое получило большую извѣстность. Конечно, бывали злоупотребленія, по чрезмѣрной его снисходительности къ супругѣ и дочери; но при немъ жилось въ Москвѣ спокойно и дешево: онъ не терпѣлъ стачекъ и единоторжія, имѣя правителемъ своей канцеляріи благороднѣйшаго Ѳ. П. Корнилова. Не любилъ онъ также миндальничанья власти, зная, что оно къ добру не ведетъ. Покойный В. А. Кокоревъ утверждалъ, что если бы Александръ Николаевичъ безповоротно выразилъ свою волю раскрѣпить помѣщичьихъ крестьянъ и призвалъ къ участію въ великомъ этомъ дѣлѣ графа Закревскаго, то ни помѣщики не разорились бы, ни крестьяне не обнищали. Читатели «Русскаго Архива» знакомы съ графомъ Закревскимъ по перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ и по воспоминаніямъ о немъ его зятя, князя Д. В. Друцкаго-Соколинскаго. (1901, I, 661). П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ИЗМАИЛОВСКОЙ БОГАДѢЛЬНѢ ВЪ МОСКВѢ.

Августъ 1863.

(Изъ записокъ архіепископа Леонида).

16. Въ 6 ч. былъ у владыки; онъ называетъ вчерашній день исключительнымъ. Онъ рѣшился всѣ силы употребить для встрѣчи Государя. Для этого надобно было облегчить между прочимъ одежду. Онъ взялъ два облаченія, употребленныя при коронаціяхъ Николая Павловича и Александра Николаевича, и велѣлъ ихъ взвѣсить; первое оказалось на 2½ ф. легче; его и рѣшился онъ употребить. Изъ него вынута подкладокъ еще фунта на два, и оно употреблено: красное, шитое мелкимъ золотомъ, поношеное, непрigладное, но предпочтена легкость и какъ бывшее при коронаціи. Всячески себя облегчая, владыка даже и карманныхъ часовъ не взялъ съ собою. Всталъ хорошо, но когда уже ѣхать въ соборъ, почувствовалъ себя худо; черезъ отворенное въ каретѣ окно напился воздухомъ и ожилъ. Въ рѣчи его сказано о мятежныхъ Полякахъ, что они недостойны чести именоваться врагами. Эти слова помѣщены по слѣдующему случаю. Въ Бельгійской газетѣ сказано, что императоръ Александръ расположился дать Полякамъ самую либеральную учрежденія и ввести ихъ поручилъ К. Н-чу, но Поляки этого не поняли; возникли недоумѣнія, вспыхнулъ мятежъ; теперь водворилось спокойствіе, и обѣщанное будетъ даровано: либеральная конституція съ в. к. К. Н. во главѣ. Это сдѣлать не трудно, ибо правительство этого желаетъ, а мнѣнія общественнаго нѣтъ въ Россіи. Москва не представляетъ ничего, кромѣ направленія правительства, которому вторить. Правительство было противъ Поляковъ, тогда Москва и за нею Россія были противъ Поляковъ; правительство за Поляковъ, и потому Москва и Россія будутъ за нихъ же. Чтобы показать, что Москва имѣетъ свое мнѣніе и держится его, владыка употребилъ эти слова. Владыка крайне опечаленъ извѣстіемъ о Польшѣ.

Отъ него я завѣжалъ къ Н. В. Сушкову. М. Н. Муравьевъ, пишетъ жена его къ Дарьѣ Нв. Сушковой, желаетъ учрежденія въ Виль-

нѣ монастыря женскаго и Дарьѣ Ив. поручаетъ искать въ Москвѣ монахинь. Я посовѣтовалъ, чтобы пр. Іосифъ обратился къ владыкѣ письмомъ, и чтобы монастырь устроень былъ общежительный. Владыка нашъ удивленъ, что Государь ни самъ не посѣтилъ, ни къ себѣ ни призвавъ пр. Іосифа Литовскаго «послѣ такого рескрипта». Рескриптъ великолѣпный, писанъ владыкою, Государь дважды велѣлъ перечитать его себѣ и былъ очень доволенъ. Владыка говорить, что, разумѣется, онъ сказалъ бы Государю о Польшѣ, но вѣроятно, что съ Государемъ болѣе не увидится. Да и такъ Государю некогда: ѣздилъ въ с. Ильинское, ѣздилъ по нѣкоторымъ заведеніямъ, день въ лагерь, вечеръ въ театрѣ.

17. Владыка призвавъ меня прежде обѣда, говорилъ о предстоящемъ молебнѣ, который мнѣ поручаетъ. Молебенъ въ Измайловѣ. И говорить, что к. Н. И. Трубецкой полагаетъ невѣроятнымъ извѣстіе о Польшѣ, ибо Государь старается примирить брата съ обществомъ, но такого довѣрія ему не окажетъ. Владыка съ подробностію занялся распоряженіями къ молебну: ризницею, порядкомъ приѣма, службы и т. д.

*

18. Въ первомъ часу одѣлся въ архіерейскій цвѣтъ, *couleur d' évêque*: кафтанъ блѣдно-сиреневаго цвѣта, опоясалъ его бисернымъ поясомъ съ малиновыми Турецкими цвѣтами, покрылъ лиловою рясою, руку обернулъ аметистовыми четками, украсилъ грудь, поверхъ орденскихъ знаковъ, моею драгоцѣнной брилліантовой панагіей съ грушевидными жемчужинами и въ этой полной и безукоризненной по придворному приличію одеждѣ ждалъ минуты, въ которую должно выѣхать, чтобы не опоздать: отъ меня до с. Измайлова болѣе 10 верстъ. Покровка усѣяна народомъ.

Я пріѣхалъ скорѣе, чѣмъ ожидалъ; повтому сходить успѣлъ въ церковь Всѣхъ Святыхъ, переименованную во имя св. царицы Александры. Не знаю, почему это плоское мѣсто облюбовалъ царь Алексѣй Михайловичъ; только теперь, когда употреблено много искусства, оно получило приглядность. До 1837 года главная церковь стояла въ запустѣннѣи, и владыка думалъ было сюда перевести Алексѣевскій монастырь. Теперь церковь обновлена въ прежнемъ видѣ, но съ свѣрлой и южной сторонѣ она стиснута пристроенными къ ней двухъэтажными корпусами. Иконостасъ сохранился древній, многоярусный, ярко грубовато раскрашенный, но хорошо дѣйствуетъ на глазъ. Икона Іерусалимской Божіей Матери весьма чтима въ окрестности.—Въ 2¼ я сталъ облачаться. Раздалось: ѣдетъ Государь. Мы поспѣшили выйти, но то

была ошибка; однако въ алтарь мы уже не возвращались. Многие подходили говорить со мною: кн. Меншиковъ, Долгорукой и многие, многие. Толстой сказалъ между прочимъ, что въ Россіи почтовыхъ дорогъ на 96 т. верстъ, что много причинъ къ неудовлетворительному состоянію почтъ, и между прочимъ и то, что управленіе путями сообщеній есть, а сообщеній нѣтъ, почтовые тракты таковы только по имени, мостовъ нигдѣ почти нѣтъ. Левшинъ сообщилъ, что Государь удивился, что лекціи въ университетѣ уже начались, хотя еще не рѣшительно, ибо многие профессора еще въ отпуску; что онъ сказалъ Государю, что по неудобству помѣщенія 50 человѣкамъ отказано въ приемѣ. Онъ прямой человѣкъ и Государю говорить прямо.

Въ 3 часа раздался колокольный звонъ и отдаленные крики народа. Мы вышли на паперть.

Государь, по въѣздѣ на дворъ, вышелъ изъ экипажа и прошелъ по рядамъ инвалидовъ, которыхъ старческой голосъ привѣтствовалъ его обычными словами: «здравія желаемъ!» Какъ только, поднимаясь по довольно высокой открытой лѣстницѣ храма, Государь увидѣлъ св. крестъ въ рукѣ моей, тотчасъ снялъ каску съ бѣлыми перьями. Приложившись ко кресту, онъ спросилъ о владыкѣ и замѣтилъ, что вѣроятно онъ ослабѣлъ отъ служенія въ Успенскомъ соборѣ. Послѣ этихъ словъ онъ отошелъ на шагъ; поочередно подходили великіе князья Александръ, Алексій Александровичъ, Николай Константиновичъ и князь Евгений Максимиліановичъ. Обрядъ обычный: каждый приложится ко кресту, получить на руку нѣсколько капель св. воды (которую держать съ правой стороны) и поздоровается съ архіереемъ (рука въ руку). Съ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя» вошли мы въ церковь. Посрединѣ для меня былъ разосланъ коверъ и на немъ орлець; а для Государя красный бархатъ у праваго столба, но онъ сталъ западнѣе бархата. Я отдалъ крестъ и положилъ начало. Въ это время Государь сказалъ мнѣ: «погодите»; но было уже поздно, пѣвчіе начали: Царю Небесный! Онъ обратился къ дежурн. ген. адъютанту или къ военному министру (не разобралъ я) и спросилъ «вы не сказали?» — Не сказалъ! — Государь съ неудовольствіемъ покачалъ на него головою и черезъ нѣсколько секундъ къ-то сказано мнѣ было, чтобы послѣ отпуска діаконъ не начиналъ многолѣтія, пока не будетъ прочитанъ рескриптъ.

Молебень шелъ стройно и неспѣшно. Я опасался охриплости; но, слава Богу, ея не было, и я могъ читать Евангеліе и молитву очень громко и ясно. Въ рескриптъ Государь хвалитъ дѣйствія Комитета о раненыхъ и вновь назначаетъ его предсѣдателемъ, в. к. К.—на

Н—ча, членами двухъ другихъ братьевъ и всѣхъ начальниковъ округовъ. За рескриптомъ прочитанъ приказъ по войскамъ объ этихъ назначеніяхъ. Читалъ эти бумаги военный министръ, обратясь лицомъ къ Государю со средины церкви. По знаку Государя протодіаконъ придворный сказалъ многолѣтіе всѣмъ членамъ царскаго дома, потомъ вѣчную память благочестив. Государямъ Императорамъ: основателю Комитета Александру I-му и основателю богадѣльни Николаю I, вѣчную память войнамъ, на брани за вѣру, Царя и отечество животовъ свой положившимъ, и многая лѣта воинству. Приложились ко кресту Государь и в. князя. Государь пожелалъ, чтобы окроплены были «старики». Пока ходили въ алтарь за св. водою, Государь указалъ членамъ Комитета приложиться ко кресту. Инавалиды были выстроены около западной стѣны; я кропилъ ихъ крестообразно, а Государь шелъ подлѣ меня или за мною.

Изъ церкви онъ пригласилъ меня въ палаты больныхъ и слабыхъ; тутъ я кропилъ каждого больного особо. При поворотѣ изъ длиннаго коридора въ палату, Государь, который шелъ съ правой руки, уступивъ мнѣ коверъ, посмотрѣлъ на меня и, очень весело улыбаясь, сказалъ: «Вѣдь и вы тоже были военнымъ?—И очень утѣшаюсь этимъ, Государь». Многихъ стариковъ спрашивалъ Государь чѣмъ боленъ, или гдѣ служилъ, и т. д. Возвращаясь къ церкви, выразилъ удовольствіе, что нашлось возможнымъ столькимъ старикамъ дать призывніе. «Ваше величество прекрасный праздникъ празднуете сегодня». Государь сказалъ, что надѣется нынѣ же добровольною подпискою покрыть нѣкоторыя нужды учрежденія. Мы перешли черезъ церковь до южныхъ дверей; тутъ Государю напомнилъ Толмачевъ, что далѣе обѣденная зала. Государь сказалъ, что онъ туда и идетъ, только подождать меня, пока разоблачусь, и повторилъ тоже мнѣ. Разоблачиться было недолго, но надо было отмывать руки, запачканныя краскою отъ фольги кропила; а при выходѣ изъ алтаря меня задержали требующіе благословенія.

Столовая зала была наполнена гостями. Государь меня ожидалъ. Я прочиталъ молитву и благословилъ на обѣ стороны трапезы. Мое мѣсто было по правую руку Государя; по лѣвую отъ меня сидѣли: вел. кн. А—дръ А—чъ въ мундирѣ олггель-адъютанта и кн. Евг. М—чъ въ мундирѣ лейбъ-уланскаго полка. По лѣвую руку Государя въ бѣломъ конногвардейскомъ кафтанѣ—Міръковичъ, вел. кн. Алексій А—чъ въ Преображ. и Ник. К—ичъ въ Волинскомъ (съ желтыми лацканами). Противъ Государя сѣлъ кн. В. А. Долгорукій. Пригла-

шенныхъ было до 250 человекъ, генералы и Георг. кавалеры. Оба архимандрита сидѣли послѣ вторыхъ чиновъ, священники на послѣднемъ столѣ, ректоръ семинаріи и Даниловскій, іерей мѣстный и Черкизовскій. Зала большая; это собственно двѣ залы, раздѣленные коридоромъ, но въ стѣнахъ коридоровъ раздѣланы симметричныя арки, весьма широкія, по стѣнамъ портреты государей. Столы были накрыты въ отдѣленіи на право по выходѣ изъ южныхъ дверей церкви, вдоль оконъ, покоемъ. Государь занялъ мѣсто посрединѣ стола спиной къ окну. Играла военная музыка; кушанья подавались на нѣсколько блюдовъ, начиная съ Государя и съ меня. Нѣкоторыя блюда были общія, нѣкоторыя особыя для монаховъ. Было нешумно, но и не молчаливо, и вообще свободно.

Государь началъ говорить со мною при началѣ стола, говорилъ и съ другими, напримѣръ съ Долгорукимъ, съ Толмачевымъ, но очень немного, со мною же весьма немало. Онъ началъ со слѣдующихъ словъ: «Не правда ли прекрасная по размѣрамъ церковь? До 1837 г. она была почти въ развалинахъ; но мнѣ она очень понравилась, я просилъ, чтобы ее возобновить, и Государю пришла тогда мысль устроить при церкви богадѣльню, и такимъ образомъ можно сказать, что я былъ виновникомъ устройства этой богадѣльни». Немного погодя, Государь спросилъ меня, въ какомъ возрастѣ и при какихъ обстоятельствахъ, постепенно и незамѣтно, или въ какую-нибудь памятную минуту, пришло ко мнѣ желаніе посвятить себя монашеской жизни? Я отвѣчалъ Государю: «Къ счастью, В. В., такая минута была, и я могу дать вамъ отчетъ. Съ малыхъ лѣтъ я желалъ быть военнымъ, и мнѣ особенно хотѣлось, по примѣру нѣкоторыхъ товарищей, служить въ лейбъ-уланахъ». Государь прервалъ меня: «Въ которыхъ? Въ моихъ уланахъ?» Этотъ вопросъ затруднилъ меня, ибо не знаю, который изъ двухъ полковъ въ настоящее время носить имя его величества. Я отвѣчалъ обоюдно, но справедливо, что у меня товарищи были и въ томъ и въ другомъ полку, и продолжалъ: «но батюшка основательно отказалъ мнѣ въ моемъ желаніи, такъ какъ не имѣлъ средствъ къ такому содержанию въ конницѣ, а по юношескому легкомыслію я не согласился служить въ пѣхотѣ, и по совѣту его пріятеля ген.-л. Лог. Ив. Голенничева-Кутузова я рѣшился поступить во флотъ (Государь сказалъ, что онъ помнитъ Кутузова). И въ тотъ день, въ который я объявилъ о своей рѣшимости Кутузову, случилось мнѣ присутствовать при освященіи пр. Григоріемъ (впослѣдствіи митрополитомъ) храма на Псковскомъ подворьѣ. Не знаю, какъ это произошло въ душѣ, ибо въ церковь я зашелъ безъ всякой особенной мысли, но изъ храма я вынесъ рѣшимость сдѣлаться монахомъ. Могло быть, что мысль объ опасностяхъ, которымъ подвергнетъ меня избираемая служба, живѣе представила

«опасность вѣчной гибели!..» Государь спросилъ; гдѣ же я служилъ по постриженіи, въ Троицкой ли академіи? Я отвѣчалъ, что я служилъ въ Виѣ. семинаріи. потомъ въ академіи помощн. профессора или бакалавромъ.—«Вы служили вмѣстѣ съ Боконъ, который при моемъ сынѣ?»—В. В., въ вѣрныя руки отдала дѣло воспитанія его высочества.—«Да, я давно искалъ такого человѣка и очень радъ, что нашелъ его: благородный и прямой характеръ.»—Изъ того же выпуска одинъ изъ ближнихъ вашихъ слугъ, министръ. Зеленый.—«Бокъ очень друженъ съ Зеленымъ. Зеленый ровесникъ мнѣ по лѣтамъ, мы родились въ одномъ году; а вамъ сколько лѣтъ?»—Я родился въ 1817.—«Ну вы годомъ старше.»—Еще Львовскій!—«Да и Львовскій! Я былъ у него на эскадрѣ. Давно не доставлялъ мнѣ такого удовольствія морской смотръ. Самыя трудныя работы, напр., перемѣна лафетовъ и др., производятся у него съ необыкновенною легкостью и быстротою.»—Ему будетъ, В. В., очень утѣшительно узнать, если позволите сказать ему, что, въ такой знаменательный для военныхъ день, вы такъ милостиво вспоминаете о немъ.—«Онъ теперь въ отпуску. Я отпустилъ его въ Швейцарію къ женѣ. Вы не знаете, что онъ женился?»—Не знаю.—«Да съ годъ тому назадъ, на женщину, которая гораздо старше его.—Братъ К. Н.—чѣмъ исходатайствовалъ устройство на корабляхъ походныхъ церквей. Это предполагалось еще при Петрѣ В., но предположеніе это никогда не было приведено въ исполненіе, и церквей не было, вы помните.»—Точно такъ, былъ только корабельный образъ.—«И потому, продолжалъ Государь, литургіи нельзя было совершать.»—Я прибавилъ: «Флотъ навсегда останется признателемъ его имп. высочеству за это нововведеніе.»—«А вотъ», сказалъ Государь, указывая головою влѣво, гдѣ сидѣли вел. князья Алексѣй А. и Николай К.—чѣмъ, его сынъ вмѣстѣ съ моимъ сыномъ только что возвратились изъ морского похода, несли службу, стояли на вахтѣ. Но его сына укачиваетъ; ему первую же вахту случилось стоять ночью, при дурной погодѣ; окончивъ вахту, онъ сошелъ внизъ и говорить: нѣтъ, я вижу, что не призванъ къ морской службѣ; но братъ все еще надѣется, что превозможетъ.»—Я сказалъ Государю, что нѣкогда в. князь К. Н. сказалъ мнѣ о супругѣ своей, что море ея не любитъ, а она всегда страдаетъ на морѣ.

Государь, вставъ, провозгласилъ тостъ за благоденствіе Комитета, за войско и за всѣхъ раненыхъ: «Желаю имъ здоровья!» Когда сѣли снова, Государь сказалъ в. к. Ал—дру А—чу: «Скажи князю Меншикову, что я пью за его здоровье.»—Князь Меншиковъ всталъ и поклонился. Государь сказалъ мнѣ: «У князя Меншикова была необыкновенная рана. Ядро пролетѣло у него между ногъ, вырвало по куску мяса изъ обѣихъ ногъ, а костей не повредило, и Меншиковъ приписываетъ это

худой своей привычкѣ стоять раскорякой», и Государь при этомъ раздвинулъ два пальца правой руки, бысто опутивъ ихъ, пониже стола, такъ что другіе не видали. Это припоминаетъ, сказалъ я, другую болѣе удивительную рану: князя Кутузова Смоленскаго.—«Да, въ високъ навылеть», подхватилъ Государь, указывая пальцемъ на мѣсто раны Кутузова. Онъ сталъ затѣмъ рассказывать мнѣ о страшныхъ ранахъ Граббе 1 и о молодецкой смерти Граббе 2. Я привелъ ему на память, что и другого Кавказскаго генерала Нейдгарта сынъ убить въ сраженіи съ мятежниками.—«Да, изъ моихъ стрѣлковъ; они всѣ отлично дрались; капитанъ моей роты, страшно израненъ, равно испорченъ мозгъ спинной, и онъ ужасно страдаетъ; теперь уѣхалъ лѣчиться въ Теплицъ» —Государь, Богъ не посылаетъ испытаній выше силъ. Слѣпцовъ просилъ у Бога, чтобы умереть въ битвѣ, но не страдая отъ ранъ. Господь исполнилъ его желаніе, ибо при живости его характера ему трудно было бы переносить страданія.—Государь сталъ говорить о Слѣпцовѣ съ большимъ чувствомъ и довольно много, вспоминалъ, гдѣ съ нимъ встрѣтился. «Какой это былъ славный, благородный, храбрый генералъ! Какъ обожалъ его полкъ!» Онъ съ восторгомъ писалъ мнѣ, Государь, что его полкъ удостоился подвести вамъ коня.—«Да, да!.. а его начальникъ, генералъ Болговскій, кончилъ жизнь на Кавказѣ уже въ чинѣ генералъ-лейтенанта, но ни разу не бывъ въ Петербургѣ... Вы гдѣ знакомы были съ Слѣпцовымъ?»—Я учился вмѣстѣ съ нимъ, и это былъ лучшій мой другъ, съ которымъ не прекращались у насъ отношенія до послѣднихъ его дней.—О владыкѣ Государь принимался говорить неоднократно, чрезвычайно сожалѣлъ, что его нѣтъ сегодня здѣсь, что силы его слабы, что въ нынѣшній короткій прѣздъ почти не видался съ нимъ. «Былъ ли онъ нынче въ Лаврѣ и долго ли жилъ въ скиту?» Я отвѣчалъ, что за нездоровьемъ онъ долженъ былъ отложить поѣздку до Іюля и пробылъ тамъ менѣе четырехъ недѣль.—«Онъ говоритъ, припомнилъ Государь, въ Геесиманіи тамошній лѣсной воздухъ для него полезенъ».—Этотъ воздухъ до нѣкоторой степени родной для владыки: въ молодыхъ лѣтахъ онъ тутъ проводилъ лѣто, ибо Корбуха при м. Платонѣ служила какъ дача для учителей и учениковъ.—«Да, при м. Платонѣ», повторилъ Государь и сказалъ: въ «Геесиманскомъ скиту схимникомъ есть тоже морякъ, но, кажется, изъ матросовъ. Есть морякъ и на Валаамѣ».—О Савинской обители Государь всегда вспоминаетъ съ удовольствіемъ и нынче спрашивалъ, какъ устроились келіи въ скитѣ и освящена ли церковь? «Какая прекрасная мѣстность! И имѣю желаніе опять быть въ Савинѣ».—Позвольте мнѣ сообщить это братіи, чтобы она къ обычнымъ молитвамъ о васъ и вашемъ домѣ присоединила молитву о томъ, чтобы желаніе ваше исполнилось, и ей

имѣть утѣшеніе снова видѣть васъ. Государь спросилъ: «Здоровъ о. Антоній и что онъ дѣлаетъ?»—Слава Богу, здоровъ и попрежнему не утомимъ.—«Скажите ему, что я ему кланяюсь и желаю здоровья».

Въ промежуткахъ, когда прерывался разговоръ съ Государемъ, со мною говорилъ в. к. Александръ А—чъ. Онъ началъ о Богѣ.—«Георгій Тим. Бокъ очень сожалѣетъ, что въ эти немногіе дни ему никакъ нельзя было прѣхать къ вамъ».—Я отозвался съ похвалою о Бокѣ. «Да сказалъ в. к., прекрасный человекъ, образованный, благородный», и, вѣжется, прибавилъ: «Дай Богъ, чтобы онъ съ нами пожилъ. Жалко, что мы такъ мало были въ Москвѣ».—Москва всегда бываетъ рада видѣть Государя и его августѣйшее семейство, которому она глубоко предана.—«Удивительно, какъ хорошо принимаютъ здѣсь Государя».—Я позволю себѣ замѣтить предъ вашимъ высочествомъ, что Русскому народу и Москвѣ въ особенности такъ свойственна любовь къ царямъ, что было бы не только удивительно, но и ужасно, если бы охладѣлъ тотъ жаръ, съ которымъ принимаютъ Русскіе Государя. В. к. сказалъ что-то о древностяхъ Московскихъ. Я отозвался: надобно уйти далеко отъ Москвы, чтобы удалиться отъ историческихъ воспоминаній. Измайлово имѣетъ 200 лѣтнюю исторію; но извѣстно ли вамъ, что подлѣ Измайлова есть село Черкизово съ воспоминаніями XIV вѣка.—«Нѣтъ, я совсѣмъ не знаю; я былъ въ селѣ Преображенскомъ, на раскольниковомъ кладбищѣ».—Въ Чудовѣ сохранилась собственная записка свѣтителя Алексѣя: «Черкизово сельцо куплено на мое келейное серебрѣцо». Церковь села Черкизова та самая, въ которой служилъ и молился свѣтитель, и даже сохранилась та комната, въ которой стоялъ онъ, слушая литургію, когда самъ не совершалъ ея.—«А домъ сохранился?»—Нѣтъ; комната эта, теперь обращенная въ алтарь придѣльной церкви, служила связью съ деревяннымъ домомъ, отъ котораго теперь кромѣ признаковъ фундамента ничего не осталось. В. К. спросилъ меня, какъ я попалъ во флотъ, были ли у меня родственники во флотѣ. Я повторилъ и ему, что сказалъ Государю о причинѣ, которая побудила меня идти во флотъ, ничего не говоря о монашествѣ. Услышавъ, что въ отрочествѣ я мечталъ быть уланомъ, вел. кн. что-то сказалъ Евг. М—чу и потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: позвольте представить вамъ моего двоюроднаго брата, Евгенія М—ча. Князь Романовскій всталъ и поклонился мнѣ; я отвѣтилъ ему тѣмъ же, но въ разговоръ не вступилъ. В. к. сказалъ: «Онъ съ этимъ полкомъ былъ нынче въ лагерьъ, въ Красномъ Селѣ». Замѣтивъ подъ Андреевской лентой в. к. орденскій крестъ св. Владимира 4 степени, данный ему за военную службу въ мирное время, я сказалъ: могу свидѣтельствовать в. в—ву,

что общерадостно принято было извѣстiе о томъ, что Государь изволилъ возложить на васъ 4 ст. Владимирскаго ордена; мы знали, что Государь желалъ возвысить этотъ орденъ за гражданскiя заслуги; нельзя было лучше этого сдѣлать, какъ возложивъ его на васъ: возвышая орденъ, онъ возвысилъ и заслуги, за которыя онъ установленъ.— «Да, государю очень этого хотѣлось».—Вы изволили спросить, не было ли у меня родныхъ въ морской службѣ. Прежде меня не было, но я имѣю сестру, которая съ мужемъ своимъ плавала по восточному Океану. Онъ спросилъ о мужѣ ея, и сказалъ, что у него братъ и двоюродный братъ моряки и что онъ самъ преимущественно любить и уважаетъ морскую службу. Въ концѣ стола в. к. спросилъ меня: «Что прикажете передать Георгiю Тим. Боку?»—Прошу передать ему, что я призываю благословенiе Божiе на его великое и священное дѣло.— «Непремѣнно передамъ: ему будетъ очень прiятно, что вы за него молитесь».

Когда, по окончанiи обѣда, встали изъ-за стола, Государь поклонился мнѣ и пошелъ, а я стоялъ, уступая мѣсто в. князю; однако онъ не двигался, предоставляя мнѣ идти за Государемъ. Проходя мимо генераловъ, Государь тому-другому сказалъ по слову и остановился противъ своего портрета: небольшой въ ростъ, на которомъ онъ изображенъ въ дѣтскомъ возрастѣ, въ казачьемъ кафтанѣ.—«Саша», сказалъ онъ Ал—ру А—чу, «никогда не видалъ я этого портрета». Государь перешелъ въ другую половину залы, не занятую столами. На пути поговорилъ съ майоромъ Федоровымъ, о которомъ я успѣлъ сказать за обѣдомъ Государю. Пока за Государемъ двигалась толпа, ко мнѣ подошелъ человекъ невысокаго роста въ Аннинской лентѣ и лицомъ очень знакомый. Только началъ онъ рекомендоваться, какъ я узналъ въ немъ А. А. Зеленаго. Мы разговорились, вспомнили моего зятя Петра Павловича Ушакова, говорили о сестрѣ, о службѣ подъ начальствомъ Трилина на фрегатѣ. Между тѣмъ Государь, переходя черезъ залу, замѣтилъ насъ вмѣстѣ, улыбнулся и сказалъ: «что сошлись, снова ознакомились?»—Очень давнее знакомство, сказалъ Зеленый, и Государь пошелъ далѣе, достигъ до архимандритовъ, спрашивалъ ихъ о должностяхъ, давно ли въ монашествѣ, о владыкѣ и въ заключенiе сказалъ: «а вашъ преосвященный викарiй изъ моряковъ». Обошедъ и одаривъ почти каждаго своимъ словомъ, онъ, подходя къ выходнымъ дверямъ, раскланялся со всѣми. Я все еще стоялъ къ Зеленымъ и довольно далеко отъ Государя. Вмѣстѣ съ другими поклонился и я. Замѣтивъ это, Государь еще разъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку, которая уже была въ перчаткѣ; я подалъ ему

свою, и онъ сталъ очень вѣжливо просить, чтобы я передалъ владыкѣ, какъ онъ сожалѣетъ, что не видалъ его нынче у себя, что онъ желаетъ ему здоровья и просить молитвъ. Я отвѣчалъ, что въ точности передамъ ему эти слова, равно и о томъ, какъ милостиво были мы приняты. Государь съ пріятностію сказалъ: «благодарю васъ», поклонился и пошелъ.

Отъ Зеленаго я рѣшился вывѣдать, справедливъ ли слухъ о Польшѣ. «Смѣю положительно сказать, что несправедливъ. Одного только человѣка и знаю, который со всею твердostí стоитъ противъ множества. И мужчины и дамы жужжать ему объ этомъ въ уши, падаютъ въ обморокъ въ его кабинетъ; но это ни къ чему не служить. Онъ хочетъ передъ обществомъ поднять К. Н—ча *), но этого онъ не сдѣлаетъ». Я выразилъ министру общую благодарность за то, что онъ такъ смѣло указалъ Государю на необходимость вызвать М. Н. Муравьева. — «Это было единственнымъ средствомъ поднять М. Н—ча для общей пользы. Если бы меня послушали и назначили бы въ Кіевъ Бибикова, то дѣла шли бы гораздо лучше и въ Юго-Западномъ краѣ. Тутъ нечего съ ними (съ Поляками) церемониться». Я пожелалъ ему твердости въ совѣтъ. Онъ сказалъ: лучше уйду, нежели стану говорить ложь. Государь пошелъ въ бараки инвалидовъ, а я поѣхалъ среди множества экипажей и толпы народа.

30. Далъ Богъ служить со владыкою въ Успенскомъ соборѣ. Онъ былъ въ Александровской лентѣ и въ Андреевской съ брилліантовымъ орломъ. Какъ нарочно, онъ и оба его викаріа были въ фіолетовыхъ рясахъ. Онъ употребляетъ этотъ цвѣтъ при алой лентѣ, а подъ голубою лентою чаще случается видѣть его въ коричневой. Онъ принималъ насъ въ Чудовѣ. Владыка, благодареніе Богу, чувствовалъ себя крѣпкимъ настолько, что и на обѣдъ къ г. губ. пріѣхалъ. Собраніе, какъ и всегда, блистательное. Неклюдовъ представилъ мнѣ министра юстиціи Замятина, а Н. В. Сушковъ познакомилъ меня съ об.-прок. Побѣдоносцевымъ, который только что сегодня покрылъ себя Станиславской лентой.

Министру, который спрашивалъ меня о морской службѣ, я имѣлъ случай сказать, что я теперь вижу пользу для себя въ томъ, что провѣлъ въ военной службѣ нѣсколько первыхъ лѣтъ службы, что хорошо дѣлаетъ Западная Европа, всѣхъ гражданъ опредѣляя въ солдаты, ибо эта служба учитъ повиновенію, которое нужно для того, кому суждено повелѣвать, и самообладанію, которое нужно для всякаго члена общества.

*) Измаиловская богадѣльня состояла въ вѣданіи великаго князя Константина Николаевича, который тогда былъ намістникомъ въ Варшавѣ и смущалъ Русскихъ людей своимъ мнроленіемъ Полякамъ. П. Б.

Владыка нынѣшнюю музыку называетъ революціонною и бѣшеною, говоря, что въ ней отразилось настроеніе Европейскаго общества. При началѣ каждой пьесы (на хорахъ за зеленью скрывались военные музыканты). Владыка приказывалъ мнѣ разобрать по картѣ, что играютъ и чье сочиненіе, и принимался внимательно слушать, какъ музыканты отъ юности.

Толмачовъ ¹⁾ говоритъ, что старики его больше смотрѣли на меня, нежели на Государя, говоря, что Государя они въ прошломъ годѣ видѣли, а преосвященнаго никогда не видали. «Да чтобы ему у насъ совсѣмъ остаться» прибавили они простодушно. Говорилъ также, что въ баракахъ Государь благодарилъ и цѣловалъ его.

(Извлечено изъ Юньской книжки „Душеполезнаго Чтенія“ нынѣшняго года).

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

По поводу статьи В. Н. Рогожина «о имѣніи и домахъ поручика Николая Новикова», помѣщенной въ № 4 «Русскаго Архива» 1900 года.

Приведенная г. Рогожинымъ выписка изъ дѣла Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія объ имуществѣ Новикова доказываетъ, что у него нашлось, изъ недвижимости, только два дома въ Москвѣ. Между тѣмъ я лично неоднократно бывалъ въ селѣ Авдотьянѣ, Московской губернии, Бронницкая уѣзда, на рѣкѣ Сѣверкѣ, которое, по словамъ старожиловъ, тоже принадлежало Новикову и перешло къ нему отъ Лопухинныхъ (или имъ досталось послѣ него, этого я хорошенько разобрать не могъ).

Село Авдотьино было тоже въ вѣдѣніи Приказа Общественнаго Призрѣнія, откуда и поступило во владѣніе Московской Городской Думы, а въ немъ теперь устроена богадѣльня ²⁾.

Село это удивляетъ всякаго, кто въ него заѣхалъ, прекрасными каменными домами крестьянъ; эти дома тоже, по преданію, построены Новиковымъ или Лопухиннымъ.

Я видѣлъ въ Авдотьянѣ, на чердакѣ стараго хлѣбнаго амбара, прекрасный портретъ, во весь ростъ императора Петра III, безъ рамы,

¹⁾ Начальникъ Измаиловской богадѣльни. П. Б.

²⁾ Которую такъ усердно занимался покойный Г. В. Грудевъ, при всей своей глубокой старости не оставлявшій Авдотьянѣ своихъ личныхъ надзоромъ и ежегодно туда ѣздившій. Намъ переданъ туда портретъ И. И. Новикова. П. Б.

свернутый въ трубку, и нѣсколько старинныхъ вещей. Куда дѣвался этотъ портретъ, не значившійся «въ описи» имущества, находящагося въ этомъ имѣннн, объ этомъ можно узнать у отставнаго генераль-маіора П. В. Аверьянова, бывшаго управляющимъ въ Авдотинѣ, а нынѣ состоящаго смотрителемъ Екатериненскаго богадѣльнаго дома, въ Сокольникахъ, который мнѣ и показывалъ этотъ портретъ, года три тому назадъ.

В. Н. Семеновичъ.

*

Когда Суворовъ вернулся изъ похода, Царь показывалъ ему парадъ на Царициномъ лугу; но онъ отвернулся и не хотѣлъ смотрѣть. Такъ онъ и поставленъ задомъ къ Царицину лугу, говорилъ мнѣ извощикъ, указывая на статую Суворова (19 Февр. 1858 г. Спб.).

*

Сперанскій († 1839) сказывалъ князю Вяземскому, что черезъ полгода по воцаренн Павла Петровича читалъ онъ Записки его матери въ подлинникъ полиѣе тѣхъ списковъ, которые ходили позднѣе по рукамъ, и что Екатерина, такъ сказать, хвалилась передъ сыномъ своимъ, котораго, по ея словамъ, Петръ III-й хотѣлъ отлучить отъ наслѣдства престоломъ.

*

Императрица Елизавета Алексѣевна родилась въ 1779 году. Она была внука того Баденскаго курфирста, который въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія благодѣтельно правилъ своимъ краемъ. Отецъ ея не былъ владѣтельнымъ государемъ. Онъ скоростижно окончивъ жизнь на дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Стокгольма, куда ѣздилъ навѣстить свою дочь королеву. По матери, Елизавета Алексѣевна принадлежала къ Дармштатскому дому. Ея родная тетка была первою супругою императора Павла. Видно, что умъ и дарованія наслѣдственны въ этомъ семействѣ.

Александрю не было 16 лѣтъ, Елизаветѣ 14, когда ихъ обвинчали, 27 Сентября 1793 года. Вигель утверждаетъ, что Екатерина поспѣшила женить внука, узнавъ стороною о его ранней зрѣлости въ половомъ отношенн, что она велѣла воспитателю своихъ внучать кн. Н. И. Самтыкову развѣдать, кто могъ тутъ дурно дѣйствовать на великаго князя, и что тотъ, не желая погубить настоящаго виновника, своего сына (Александра Николаевича, не пользовавшагося впоследствии расположеннмъ Александра) указалъ на другаго совоспитанника, князя Петра Михайловича Волконскаго, который потому и былъ немедленно удаленъ. (Воцарившись, Александръ, будто въ награду за невинное страданн, приблизилъ къ себѣ бывшаго товарища).

По смерти князя В. П. Кочубея осталось много писемъ къ нему императора Александра. Одно изъ нихъ напечатано въ книгѣ барона Корфа о возмущеніи 14 Декабря, въ доказательство того, что Александръ еще въ ранней молодости думалъ отречься отъ своего высокаго сана; другое письмо читала Александра Ивановна Васильчикова (супругъ которой былъ женатъ на сестрѣ князя Кочубея). Въ этомъ письмѣ Александръ съ горестью рассказываетъ, что князь Платонъ Зубовъ ходитъ къ его женѣ и выводитъ его изъ терпѣнія вольностью своего обращенія, и что, не смотря на все это, никто не смѣетъ напомнить ему о неприличіи такого поведенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это столько же мучило и Елисавету, какъ и ея супруга. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ, отношенія между супругами уже были отравлены подозрѣніями, которыя оказались вполнѣ напрасными.

Въ самый день Бородинской битвы, Елисавета писала въ Германію. «По правдѣ сказать, мы на все готовы, кромѣ переговоровъ. Чѣмъ дальше Наполеонъ будетъ подвигаться впередъ, тѣмъ меньше онъ можетъ надѣяться на миръ. Это всѣ чувствуютъ, начиная съ Императора и кончая всѣмъ народомъ, во всѣхъ его классахъ. И, слава Богу, въ этомъ всѣ единодушны. Наполеонъ не разсчитывалъ на это и ошибся, такъ же какъ и во многомъ. Каждый его шагъ въ этой безконечной Россіи приближаетъ его къ гибели. Посмотримъ какъ онъ перенесетъ адѣйшнюю зиму». 28-го Августа (9 Сентября) Императрица продолжаетъ: «Теперешнія обстоятельства имѣютъ свою тяжелую сторону: они причиняютъ много страданій и несчастій отдѣльнымъ лицамъ; но благодаря этимъ обстоятельствамъ, мы видимъ также и такіе высокіе случаи, которые рѣдко встрѣтитъ въ исторіи, такъ какъ, къ счастью для человечества, подобныя времена не часто повторяются. Надо видѣть и слышать, какъ намъ это каждодневно приходится, между всѣми, военными и штатскими, такіа доказательства патріотизма, самоотверженности и геройской храбрости, и тогда не сочтешь это преувеличеніемъ. Ахъ, этотъ храбрый народъ вполнѣ доказываетъ, каковъ онъ, что давно знали всѣ, кто его понималъ, хотя его упорно считали варварскимъ. Какъ только Наполеонъ перешелъ границу, по всей Россіи какъ бы прошла электрическая искра и если бы не огромные размѣры Россіи и объ этомъ могли бы узнать одновременно во всѣхъ уголкахъ Европы, послышался бы такой вопль негодованія, что, я думаю, онъ бы достигъ конца вселенной. По мѣрѣ приближенія Наполеона, чувство это растетъ. Старики, потерявшіе все или почти все свое состояніе, говорятъ: *мы найдемъ средства къ жизни, все предпочтительнѣе постыднаго мира*. Женщины, у которыхъ всѣ близкіе на войнѣ смотрятъ на предстоящія имъ опасности, какъ на нѣчто второстепенное и боятся только мира. Этотъ миръ,

который бы былъ смертнымъ приговоромъ Россіи, *не можетъ* счастливо заключиться; Императоръ не допускаетъ мысли о немъ, и еслибы онъ его даже хотѣлъ, *онъ не могъ бы его заключить*. Вотъ возвышенное, вотъ героизмъ нашего положенія. Въ развлеченіяхъ каждый день нѣтъ недостатка. Каждый день оживаютъ постоянно подавляемыя, стѣсняемыя и оскорбляемыя въ продолженіе пяти лѣтъ, чувства и мнѣнія. Со всѣхъ сторонъ стекаются умные и достойные люди, которыхъ тираническая мелочность Наполеона заставляла скрываться и бѣжать съ континента. Однимъ словомъ, мы здѣсь въ хорошемъ обществѣ; господствуетъ дѣятельность за правое дѣло и это благодѣтельно дѣйствуетъ на мою душу, столько лѣтъ уже стонавшую въ окружающей ее зараженной атмосферѣ. Всѣ составляютъ одну семью, и Англичане, стекающіеся со всѣхъ сторонъ, и Испанцы, и Нѣмцы, мученики за правое дѣло; кажется если бы Турки обнаружили такое же усердіе на пользу общую, съ ними обнялись бы какъ съ братьями». Занятіе и пожаръ Москвы нисколько не поколебали рѣшимости Императрицы; убѣжденія ея не измѣнились, и 24-го Сентября (6-го Октября) она пишетъ: «Вступивъ въ Москву, Наполеонъ не нашелъ ничего, чѣмъ надѣялся тамъ встрѣтить; онъ рассчитывалъ на общество—его не было, всѣ покинули Москву; на подкрѣпленія, и почти ничего не нашелъ; на нравственное состояніе: безнадежность, упадокъ духа, которое онъ думалъ произвести на народъ—онъ только возбудилъ бѣшенство и жажду мести; онъ думалъ, что все это кончится миромъ... но даже если бы Петербургу пришлось испытать тоже самое, Императоръ попрежнему далекъ былъ бы отъ мысли о постыдномъ мирѣ. Вообще, какъ бы ни были велики предстоящія намъ испытанія, но, по мнѣнію всѣхъ, пока Наполеонъ не можетъ надѣяться на миръ, онъ будетъ находиться въ весьма свверномъ положеніи по мѣрѣ своего пребыванія въ Россіи». Вообще Императрица Елисавета Алексѣевна, всегда склонная къ высокимъ движеніямъ души, старалась нѣжною предупредительностью утѣшать Государя, во время тяжелыхъ для него испытаній. «Это его тронуло, пишетъ графиня Эделингъ, и во дни страшнаго бѣдствія пролился въ сердца ихъ лучъ взаимнаго счастья».

*

Въ Варшавѣ, когда писалась конституція для Россіи, Новосильцовъ сказалъ князю Вяземскому, что Государь выразилъ ему опасеніе о томъ, что въ числѣ выборныхъ могутъ попасть люди, коихъ онъ не желаетъ, и что Смоленскіе дворяне пожалуй выберутъ графа Н. П. Панина. Новосильцовъ успокоилъ Государя, сказавъ, что выбирать будутъ двухъ, и правительство удерживаетъ за собою право утверждать одного изъ нихъ (отъ князя П. А. Вяземскаго въ 1876 году).

Позднѣйшее примѣчаніе.

Недавно появившимися въ «Архивѣ Князя Ѳ. А. Куракина» показаніями о характерѣ и образѣ дѣяствій графа Н. П. Панина объясняется отчасти нерасположеніе къ нему Александра Павловича.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Фрески въ домовой церкви у покойнаго Великаго Князя Николая Николаевича расписывалъ Баварскій художникъ *Тиригъ*, а не Киршъ.

*

Гербовой залы въ Зимнемъ дворцѣ, въ которой г. Добровольскій „обыкновенно бывалъ“, не имѣется. Только одна зала въ дворцѣ раздѣлена штофной перегородкой; это та, которая въ собственныхъ апартаментахъ Государя и примыкаетъ къ большой концертной залѣ. Въ этой комнатѣ Государь Александръ Николаевичъ обыкновенно принималъ депутаціи, если онѣ не были слишкомъ многочисленны.

П О П Р А В К И.

Къ 3-му выпуску „Русскаго Архива“.

На 443-й стр., въ строкѣ 15-й, пропущено слово *паровыхъ*

Къ 5-му выпуску „Русскаго Архива“.

Въ размѣщеніи Записокъ К. Д. Хлѣбникова допущенъ грубый недосмотръ: Помѣщенный на стр. 59-й прощальный приказъ по Новогеоргиевской крѣпости слѣдуетъ перенести ниже, на стр. 79-ю.

На стр. 50-й пропущены слова: Въ 1887 году военный министръ г.-ад. Ванновскій, какъ предсѣдатель высочайше учрежденной комиссіи по перестройкѣ крѣпостей, посѣтилъ Новогеоргиевскъ.

На стр. 50-й говорится о посѣщеніи военнымъ министромъ Новогеоргиевска, въ 1887 г.; но этому должно предшествовать описаніе прогулки по Военно - Грузинской дорогѣ въ 1885 году, напечатанное по недосмотру на стр. 70—73.

Суждеіемъ виконта Вогюе о Побѣдоносцевѣ припоминается намъ разговоръ Французскаго въ Москвѣ консула графа Керкарадега съ однимъ кореннымъ Русскимъ человѣкомъ. Графъ зналъ по-русски (дѣдъ его, эмигрантъ, жилъ нѣкогда у Нарышкиныхъ библіотекаремъ). Къ Россіи относился онъ съ полнымъ сочувствіемъ, и у дѣтей его наставница была Русская. Онъ выразилъ недоумѣніе своему собесѣднику, отчего въ Москвѣ простой народъ говоритъ прекраснымъ языкомъ, тогда какъ въ печати тотъ же языкъ искажается. На родинѣ графа (близъ Финистерре) мужчины плохо знаютъ по-французски, а женщины до сихъ поръ почти не знаютъ; да и вообще во Франціи смѣшно было бы учиться Французскому языку отъ простонародья, тогда какъ въ Россіи наоборотъ. Собесѣдникъ отвѣчалъ графу, что причина ясна: въ теченіе вѣковъ рѣчь нашего простонародья облагораживалась языкомъ церковнымъ, возвышеннымъ, но вполне доступнымъ пониманію, тогда какъ населеніе Франціи лишено этой Божьей милости. Чтобы подростки Русскаго народа, въ первоначальныхъ училищахъ, не лишались этой милости, чтобы грамотность не надмевала, а возвышала нравственно,—вотъ чему посвящена была задушевная дѣятельность Побѣдоносцева, особливо въ послѣдніе годы его жизни, когда онъ много занимался Словомъ Божьимъ, переводя на общеупотребитель-

мый языкъ Новый Заветъ. Уже это самое показываетъ, что онъ чуждъ былъ односторонняго мнѣнія людей, опасующихся вреда отъ Русскаго перевода Св. Писанія. Въ предисловіи къ этому предсмертному труду своему Побѣдоносцевъ писалъ:

„Нашъ церковно-славянскій языкъ великое сокровище нашего духа, драгоценный источникъ и вдохновитель нашей народной рѣчи. Сила его, выразительность, глубина мысли, въ немъ отражающей, гармонія его созвучій и построенія всей рѣчи, создаютъ красоту его неподражаемую. И на этомъ языкѣ вдохновенные творцы его, сами воспитанные на красотѣ и силѣ Эллинской рѣчи, дали намъ книги Священнаго Писанія, дали намъ Святое Евангеліе. И всякое слово этой книги, изо дня въ день читаемой въ церкви, знакомое, родное, понятно всякому воспитанному въ церкви Русскому человѣку“.

Иновѣрцы, глядя на Россію со стороны, особливо люди просвѣщенные и безпристрастные, какъ Виконтъ де-Вогюе, могутъ знать ее иной разъ много лучше, чѣмъ сами Русскіе; но подлинная, внутренняя суть Русской жизни остается для нихъ загадкою.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить,
сказалъ вѣщій поэтъ.

П. Б.

П О Д П И С К А

н а

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—**90** коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городского на городской—**30** коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О недолученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книги «Русскаго Архива» *прежнихъ* годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по **одному** рублю.

**Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартевевъ.**

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

8.

Стр.

425. Письма архимандрита Порфирія Успенскаго къ протоіерею М. К. Павловскому съ предисловіемъ Л. С. Мацѣевича.
432. Изъ писемъ Иннокентія Херсонскаго къ К. С. Сербиновичу.
442. Письма его же къ графу Н. А. Протасову.
444. Письма его же къ А. И. Каввачеву.
449. Изъ писемъ А. И. Каввачева къ Иннокентію Херсонскому.
454. Записки Н. И. Цилова.
518. Екатерина Великая про своихъ царственныхъ предшественниковъ и современныхъ ей государей (Чесменскій дворець).
527. Патриотическое разсужденіе Московскаго коммерсанта о вышней Россійской торговлѣ.
550. Саранча въ Херсонской губерніи и въ Бессарабіи (къ біографіи А. С. Пушкина). Л. С. Мацѣевича.
552. Письмо императора Павла къ А. В. Гудовичу.
553. Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ. Ш. В.
557. Недоучки-славянофилы и высокоученый западникъ-профессоръ. (С. М. Соловьевъ и К. С. Аксаковъ) Ю. П. Вартенева.
564. Дополненія и поправки.

Внутри сорочки: По поводу статьи Великаго Князя Николая Михайловича о Федорѣ Кузьмичѣ.

Приложена Роспись содержанія „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годъ.—Дала и люди Екатеринына времени.—Павель Петровичъ и Марія Теодоровна).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибирѣ въ образѣ старца Федора Козьмича.

Этою статьею (помѣщенной въ 7-й книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ нынѣшняго года) Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Михайловичъ оказалъ новую услугу нашему историческому вѣдѣнію, разобравъ, какъ говорится, по косточкамъ, все, что до сихъ поръ говорилось и печаталось о таинственномъ Томскомъ старцѣ, котораго сдѣлали у насъ загробнымъ самозванцемъ, чѣмъ, конечно, память его оскорблена, такъ какъ былъ онъ человекомъ несомнѣнно благочестивымъ († 20 Января 1804). Распространенная по всей Россіи вздорная слухи о Федорѣ Козьмичѣ не есть пустой анекдотъ: читателямъ внушали, что Александръ Павловичъ ушелъ въ Сибирь по чувству раскаянія о томъ, что онъ не далъ обѣщанной конституціи, согласно словамъ пѣсни (чуть ли не Рыльвской):

И людямъ все права людей,
По царской милости своей,
Отдамъ изъ доброй воли.

Что Александръ Павловичъ былъ настоящимъ виновникомъ событія 14 Декабря—это не подлежитъ сомнѣнію. Кто-то, увидавъ портретъ Федора Козьмича, въ 4-й книгѣ Шильдервской біографіи, мѣтко выразился: заварилъ кашу, а когда пришлось расхлебывать, ушелъ въ Сибирь. По вѣдъ достопочтенный Н. К. Шильдеръ не былъ историкомъ, а только анекдотистомъ. Правда, безъ его труда долго и долго не обойдутся настоящіе и будущіе жизнеописатели Государя, прославившаго Русское имя во все концы земли; но это лишь сборникъ исторіографическихъ показаній, и приложенія къ нему (какъ въ Устряловской Исторіи Петра Великаго),

пожалуй, цѣннѣе самаго разсказа. Шильдеръ вовсе не вздумался въ удивительную судьбу Государя, въ причины его двойственности, въ его нравственное положеніе, еще болѣе тяжкое по вступленіи на престолъ, нежели въ царствованіе его отца. Въ книжкѣ Записокъ графини Эдлингъ содержится больше цѣнныхъ указаній для разгадки Сѣпкеа, нежели въ томахъ Шильдера. Псевдо-историкъ не далъ себѣ труда разслѣдовать, отчего Александръ сдѣлался полу-русскимъ человекомъ; тщательно выставлены слабыя его стороны, а героемъ является гениальный семинаристъ, столько надѣлавшій зла малознакомой ему Россіи. Приходилось мнѣ спрашивать у добрейшаго Николая Карловича доказательства его вѣры въ тождество Александра и Федора Козьмича, и великій разъ онъ уклонился отъ положительнаго отвѣта, а любилъ ссылаться на бывшія ему видѣнія: отъ сильной головной боли избавляла появившійся въ изголовьи его старецъ, портретъ котораго былъ изданъ въ „Русской Старинѣ“ и дѣйствительно похожъ на Александра Павловича.

Не одно только желаніе исполнить свое знакомство съ настоящею Россіею руководило Александромъ въ его путешествіяхъ по Россіи: онъ заглушалъ ими „шумъ внутренней тревоги“. Зимній дворецъ, откуда онъ и по зимамъ уѣзжалъ въ Царское Село, могъ быть ему противнѣе Михайловскаго замка.

Низъ овладало безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣсть,
Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный вѣрь.

Вспомнимъ, что только къ концу его царствованія проведена щепенка отъ Петербурга до Москвы, а онъ изъѣздилъ десятки тысячъ верстъ по Русскимъ тогдашнимъ дорогамъ, т. е.

521. Переписка патриарха Никона съ митроп. Иконійскимъ Аванасіемъ и грамотоносцемъ Іерусалимскаго патриарха Нектарія Севастьякомъ. Съ предисл. архим. Леонида. 1873, II, (9), 1601.
522. Черты Русскаго народнаго календаря. А. В. Балова. 1907, (1), 109.
523. Николай Спаарій и его время. Молдавскій періодъ; Ю. В. Арсеньева. 1895, II, (7), 349—360.
524. Письмо Николая Спаарія къ А. С. Матвѣеву. Съ предисл. Ю. В. Арсеньева. 1881, I, (1), 52—57.
525. Молдавскій господарь Стефанъ-Георгій и его сношенія съ Москвою. Ю. В. Арсеньева. 1896, I, (2), 161—186.
526. О „Комедійной Московской школѣ“. Звенигородца. 1889, III, (12), 570—572.
527. Челобитная Василя Петровича Шереметева царю Алексѣю Михайловичу. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ, съ примѣчаніемъ А. П. Барсукова. 1902, III, (9), 137—138.
528. Прошеніе Θεодора Ивановича Шереметева царю Алексѣю Михайловичу. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1902, III, (9), 135—136.
529. Усадьба XVII вѣка. Сообщилъ Д. Н. Сеславинъ. 1897, II, (5), 145—149.
530. Списокъ съ челобитной В. В. Полозова (по находженіи въ плѣну у Крымскихъ Татаръ и о путешествіи въ Святую землю), Сообщ. М. Ф. Шугуровымъ. 1865, (8), 977—983.

Петръ Великій.

531. Рожденіе и дѣтство Петра Великаго до четырехъ-лѣтнаго возраста. М. П. Погодина. 1872, (11), 2045—2061).
532. Петръ Первый. Первые годы единодержавія. Посмертное сочиненіе М. П. Погодина. 1879, I, (1), 5—57.
533. Петръ Великій. Статья М. П. Погодина. 1903, II, (7), 356—370.
534. Первоначальное образованіе Петра Великаго. Николая Астрова. 1875, II, (8), 470—488. III, (9), 90—105. (10), 212—221.
535. Забота Петра Великаго о книгопечатномъ дѣлѣ. Письмо къ боярину И. А. Мусину-Пушкину 1907, I, (3), 375.
536. Записки о Петрѣ Великомъ и его царствованіи. Брауншвейгскаго резидента Вебера. Перев. съ Нѣм. П. П. Барсова. 1872, (6), 1057—1168. (7—8), 1334—1457. (9), 1613—1704.
537. Петръ Великій, первый овцеводъ на Югѣ Россіи. Г. П. Данилевъ. Роспись „Русскаго Архива“.
- скаго. 1873, II, (11), 02288—02296.
538. Къ характеристикѣ Петра Великаго. Н. И. Келрова. 1887, I, (3), 389—404.
539. Петръ Великій въ Парижѣ (1717). М. П. Полуденскаго. 1865, (5—6), 675—702.
540. Петръ Великій въ Реймсѣ (1717). П. Вожина. 1900.
541. Петръ Великій въ Касимовѣ. А. Мансурова. 1895, II, (6), 136—138.
542. Правила Петра Великаго для лицъ, пріѣзжающихъ въ Петергофскій дворецъ. Сообщ. С. В. Арсеньевымъ. 1906, II, (8), 615.
543. Домикъ гдѣ жилъ Петръ Великій въ Голландіи. 1906, I, (3), 488—491.
544. Петръ Великій и папство. Изъ путевыхъ записокъ Августа Коцебу. Перев. С. С. Слудскимъ. 1903, III, (11), 392—398.
545. Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великомъ. Сообщ.

- А. Раменскимъ. 1864, (9), 988—989.
546. Современные рассказы и отзывы о Петрѣ Великомъ. Л. Н. Майкова. 1881, I, (1), 5—16.
547. Рассказы и анекдоты про Петра Великаго 1883, I, (2), 349—368. II, (4), 209—242. 1884, III, (6), 354—370. 1885, I, (3), 425—436. II, (6), 204—221. 1889, III, (11), 382—396.
548. Анекдотъ о Петрѣ Великомъ. С. А. Соболевскаго. 1867, (10), 1341—1342.
549. Анекдотъ о Петрѣ Великомъ. Сообщ. архим. Леонидомъ. 1894, II, (6), 257.
550. Петру. Стихотвореніе К. С. Аксакова. 1905, III, (12), 473—476.
551. Замѣчанія на стихи К. С. Аксакова „Петру“. Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго къ издателю „Русскаго Архива“. 1892, III, (10), 237.
552. Псевдо-портретъ Петра Великаго. А. А. Васильчикова. 1877, II, (5), 95—98.
553. О портретѣ Петра Великаго (приложенномъ къ „Русскому Архиву“). 1872, (6), 1215—1216.
554. Письмо къ издателю отъ княжны В. П. Репниной. 1872, (10), 1982—1984.
555. Забытое благодѣяніе. К. Военскаго 1896. III, (10), 283—287. О памятникѣ Петру Великому въ Саратовѣ по модели П. Н. Тургенева.
556. Переписка Петра В. съ патриархомъ Адрианомъ. Съ предисл. архим. Леонида. 1878, I, (1), 5—9.
557. Письма Петра Великаго къ кн. Федору Юрьевичу Ромодановскому. 1865. (5—6), 635—674.
558. Распоряженіе Петра Великаго. Память Никитѣ Демидову. 1880, I, 129—136.
559. Указъ Петра Великаго противъ пьянства (1706). 1875, II, (5), 43.
560. Приказъ Петра Великаго воинству своему, въ день Полтавскаго сраженія. 1871 (I), 186.
561. Рескрипты и указы императора Петра I-го къ Лифляндскимъ ген-губернаторамъ: Полонскому, кн. Голицыну и кн. Репнину, съ примѣч. Е. В. Чешихина. XVIII-й Вѣкъ IV, 1—77.
562. Печать Антихриста. (Письмо Петра Великаго къ кн. Я. Ѳ. Долгорукову). Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1873, II, (10) 2068—2073.
563. Письмо Петра Великаго къ кн. М. М. Голицыну - младшему (о разведеніи буковыхъ деревьевъ). 1868, (1), 106—107.
564. Указъ Петра Великаго (какъ бить зорю). Сообщ. М. Д. Хмыровымъ. 1868, (1), 105.
565. Пункты о Петергофѣ (писанные Петромъ I-мъ). Сообщ. В. С. Неключовымъ. 1863, (8—9), 660.
566. Шуточный патентъ Петра Великаго Прокошію Ушакову. 1865, (5—6) 673—674.
567. Отзывъ Петра Великаго (объ отношеніяхъ нашихъ къ Европѣ). Изъ бумагъ Остермана, сообщ. П. С. Киселевымъ. 1874, I, (6), 1579.
568. Объ изданіи въ свѣтъ полного собранія писемъ и рукописей Петра Великаго. 1873, I, (1), CLIV—CLVI.
569. Распоряженіе Сената о бумагахъ Петра Великаго. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. 1873, I, (5), 776—779.
570. Россія при Петрѣ Великомъ. Записки секретаря Прусскаго посольства въ Россіи Іоанна Фокерода. 1873. II, (8), 1360—1434.
571. Русь Петра Великаго за границею. Кн. Борисъ Ивановичъ Куракинъ. С. И. Кедрова. 1903, II, (5), 24—50. III, (11), 353—391. 1904, II, (6), 174—199. 1905, I, (3), 377—424. 1906, I, (4) 597—592. 1907, (6), 289.
572. Потѣшные полки Петра Великаго. П. Дирина. 1882. III, (5), 5—26.
573. Клейменная бумага (и ея продажа въ Москвѣ въ 1699—1701 г.г.).

- А. А. Мартынова 1879, II, (8), 488—489.
574. Сыскное дѣло 1697 г. о дорогѣ въ Хиву. Сообщ. Н. В. Калачовымъ. 1867, (3), 395—402.
575. Казнь вѣдьмы въ Щекочинахъ. Н. Ефимова. 1903, III, (10), 249—250.
576. Отзвы иностранцевъ-современниковъ о великой Сѣверной войнѣ. Ф. Витберга. 1896, I, (1), 5—19.
577. О зачатіи и зданіи С.-Петербурга. Сообщ. Г. В. Есиповымъ. 1863, (10—11), 733—844.
578. Бумаги о Булавинскомъ бунтѣ. Съ предисл. А. А. Карасева. 1894, III, (11), 299—305.
579. Икона въ селѣ Жукахъ (Полтавскаго у.) Ивана Павловскаго. 1875, II, (5), 27—28.
580. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка. А. М. Лазаревскаго. 1871, (11), 1884—1905. 1873, I, (3), 341—388.
581. Мореходная школа въ Холмогорахъ въ концѣ XVIII вѣка. Иустина Сибирцева. 1899, III, (10), 281—294.
582. Историческія и политическія замѣтки (1714). III, (5), 474.
583. О печати Антихриста. Г. Н. Александрова. 1873, II, (11), 02296—02297.
584. Перепись Ново-Нѣмецкой слободы дворамъ и въ нихъ жителямъ. Сообщ. Г. Н. Александровъ. 1905, III, (11), 341—350.
585. Попытки сближенія съ Франціей С. И. Кедрова. 1907, II, (7), 257.
586. Къ исторіи сношеній Россіи съ Черногорією при Петрѣ Великомъ. Сообщ. П. И. Савваитовымъ. 1875, III, (11), 310—312.
587. О Персидскомъ походѣ при Петрѣ Великомъ. 1899, III, (12), 481—491.
588. О присягѣ иноземцевъ, принятыхъ въ Русскую службу при Петрѣ Великомъ. Д. В. Полънова. 1869, (11), 1729—1766.
589. Изъ исторіи нравовъ XVIII вѣка. Сообщ. М. П. Погодинымъ, 1865, (7), 817—822. (Жалоба Петровскаго коменданта Андрея Ивинскаго на Астраханскаго губернатора Артемія Волынскаго. Докладная записка о протоіер. Козминѣ. Варлаамъ Лещинскій), съ замѣткою А. Терещенки.
590. Черты внутренняго быта при Петрѣ Великомъ. И. И. Дубасова. 1893, III, (6), 183—189.
591. Изъ времени Петра Великаго. А. А. Титова. 1901, III, (11), 273—283.

Люди Петровскаго времени.

592. Царевичъ Алексѣй Петровичъ въ Германіи. 1903, I, (3), 430—432.
593. Дѣло цесаревича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландскаго резидента Де-Виз. 1907, II, (7) 314.
594. Два письма патриарха Адріана къ св. Митрофану съ предисл. Стефана Зяѣрева. 1903, III, (11), 507—509.
595. Просьба Петра Апраксина (о графскомъ титулѣ) и рѣшеніе Петра Великаго 1863, (12), 903—905.
596. Письма (11) пѣшехода Василя Григорьевича Барскаго (къ роднымъ). Съ предисл. А. М. Лазаревскаго. 1874, II, (9), 513—532.
597. П. М. Бестужевъ-Рюминъ и его Новгородское помѣстье. 1904, I, (1), 5—42.
598. Контръ-адмиралъ Н. И. Вильбуа. (Автобіографическое показаніе). 1867, (10), 1188—1203.
599. Письмо Якова Брюса къ Петру Великому. 1867 (10) 1185—1186.
600. Иванъ Ивановичъ Бугурлинъ. Л. М. Савелова. 1897, III, (11), 372.
601. Архимандритъ Варлаамъ Высоцкій. А. А. Титова. 1901, I, (3), 353—363.

602. Нѣмецъ на чужбинѣ (Леессъ Пиптиръ Вилопсъ). *Ө.* Кудринскаго. 1902. II. (8) 605—608.
603. Письма А. П. Волынскаго къ кн. А. Д. Меншикову съ прим. Г. Н. Александрова. 1878. II, (7), 275—277.
604. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. М. Н. Лонгинова. 1864 (2), 180—191.
605. Георгій Дашковъ. А. А. Титова. 1902. II (6), 313—334.
606. Девіерь къ кн. А. Д. Меншикову. 1865. (10—11), 1233—1276.
607. Автобіографическое показаніе П. А. Демидова. Сообщ. Н. Н. Хозиковымъ. 1874. II (9), 550—554.
608. Преданія о Демидовыхъ и о Демидовскихъ заводахъ. Т. Толмачевой 1878. II (5), 119—124.
609. Св. Димитрій Ростовскій. А. А. Титова. 1895. II (5), 5—16. (Арсеній Маціевичъ.—Письмо кн. А. А. Вяземскаго).
610. Частное письмо св. Дмитрія Ростовскаго. Сообщилъ А. И. Ханенко. 1872. (9), 441.
611. Кн. Я. *Ө.* Долгорукій. Д. Н. Бантыша-Каменскаго. Съ портретомъ. 1883. III (6), 209—225.
612. Первая супруга Петра I Евдокія Феодоровна. И. М. Снегирева. 1863. (7) 541—549.
613. Старинная пѣсня (о постриженіи Е. *Ө.* Лопухиной). Кн. В. *Ө.* О (доевскаго). 1863. 107—111; съ нотами.
614. Память о царицѣ Евдокіѣ Феодоровнѣ на ся родинѣ. Архим. Леонида 1873. I (4), 648—653.
615. Куно-Фишеръ о сочиненіи Русской княгини. 1890. I (3), 439—440. (Про царицу Евдокію, кн. Е. *Ө.* Шаховской).
616. Дѣло о дьячкѣ Василии Ефимовѣ. Сообщ. Н. И. Костомаровымъ. 1867. (12), 1708—1720.
617. Письма Н. Зотова къ Петру Великому. Сообщ. А. Н. Труворовымъ. 1891. II (7), 293—294.
618. Черты изъ жизни духовенства въ началѣ XVIII вѣка. *Ө.* М. Ильинскаго. 1903. III (10), 251—255. Дѣло Бахмутскаго протоп. Артемія Іевлева.
619. Въ защиту памяти патріарха Іоакима. Л. М. Савелова. 1895. I (4), 530.
620. Къ біографіи п. Іоакима. Л. М. Савелова. 1898. На сорочкѣ 9-й кн.
621. Оправдательное донесеніе Карлу XII-му Рижскаго губернатора Дальберга. Съ предисл. С. В. Арсеньева. 1889. I (3), 385—391.
622. Карлъ XII-й въ Кѣлецкой губерніи. Н. Е. Ефимова. 1903. I (4), 610—614.
623. Домъ гдѣ жилъ Карлъ XII, подъ Полтавою. Любима Коростовцева. 1869. (II). 1721—1723.
624. Свѣдѣнія о Василии Киприановѣ, бібліотекарѣ Московской типографіи. Съ предисл. М. Д. Хмырова. 1866. (8—9), 1291—1300.
625. О мѣстѣ кончины Паисія Лигарида. С. Брайловскаго 1893. I (4), 447—448. Грамота патріарха Адріана къ Кіевскому митропол. Варлааму.
626. Преданіе объ образѣ Покрова Божіей Матери и паденіи Мазены преть Покровской церковью, въ Переяславлѣ. А. Герещенка. 1865. (9), 1119—1124.
627. Мазепа. Изъ записокъ Яна Хризостома Пассека. Съ предисл. И. И. Ханенка. 1878. III (11), 343—347.
628. Мазепа въ „Полтавѣ“ Пушкина. С. Нейкирка. 1905. III (10), 282—284.
629. Письмо А. В. Макарова къ М. А. Матюшкину о кончинѣ Петра Великаго. Сообщ. о. Махаевымъ. 1890. II (5), 5—6.
630. Казанскій митрополитъ Маркеллъ. Архим. Леонида. 1889. II (6) 304.
631. Царевна Марѣя Алексѣевна. Архим. Леонида. 1882. III (5), 27—41. Письма ея: къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, къ доктору Лаврентію Ринцбергу, къ князю *Ө.* Ю. Ромадановскому,

- къ царевнамъ Татьянѣ Михайловнѣ и Маріи Алексѣевнѣ, къ царю-брату, къ А. И. Мусину Пушкину и къ старцу Геронтію.
632. Приглашеніе (о доставленіи матеріаловъ для жизнеописанія боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева). П. А. Матвѣева. 1899. На сорочкѣ 4-й книжки.
633. Письма къ П. И. Машкову. (Изъ семейнаго архива барона М. Л. Боде). 1868 (11), 1861—1863. Письмо камеръ-фрау Анны Юшковой.
634. О первыхъ судьбахъ кн. Меншикова. Сообщ. Г. В. Есиповымъ. 1875. III (9), 108.
635. А. Д. Меншиковъ. Г. В. Есипова. 1875. II (7), 233—247. III (9), 47—74 (10), 198—211. (12), 477—481. Переписка съ дѣвцами Арсеньевыми.—Екатерина Трубачова.—Ссора съ Кайзерлингомъ.—Карлъ XII въ Гроднѣ.—Судъ надъ фельдмаршаломъ Гольцомъ.
636. Кн. А. Д. Меншиковъ. А. А. Голембѣевского. 1903. II (8), 481—549.
637. Универсалъ кн. А. Д. Меншикова. Сообщ. гр. К. П. Клейникелемъ. 1899. I (4), 674.
638. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ. Съ предисл. М. Д. Хмырова 1867 (3), 321—332.
639. Духовное завѣщаніе Анны Монсъ. Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1875. I (2), 0258.
640. По поводу духовнаго завѣщанія Анны Монсъ. Прошеніе фонъ-Миллера. Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1875. III (11) 251—253.
641. Жизнь Ивана Ивановича Неплюева (имъ самимъ писанная). Съ предисл. Л. Н. Майкова. 1871. (4—5), 577—696. Воспоминаніе И. И. Голикова.
642. Братья Матвѣй и Василій Дмитриевичи Олсуфьевы. Переписка ихъ съ кн. Меншиковымъ. Съ примѣч. гр. А. В. Олсуфьева. 1883. III (5), 5—72.
643. Письма А. И. Остермана. Г. И. Головкина и другихъ лицъ въ Испанію къ кн. С. Д. Голицыну. XVIII-й Вѣкъ Ш, 133—149.
644. Переписка Ѳ. Поликарпова съ гр. И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ 1868. (7—8) 1041—1057.
645. Павелъ Полуботокъ. А. М. Лазаревского. 1880. I, 137—209.
646. Посошковъ о духовенствѣ. А. С—ва. 1894. I (3). 369—377.
647. Приключеніе съ царевною Прасковьею Іоанновною. Н. И. Кедрова. 1887. III (9), 180—181.
648. Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя Стефана Рамбурка. 1867. (10) 1187—1188.
649. Письмо Николая Спафарія къ Ѳ. А. Головину (о трехъ Арапчикахъ). Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. 1867 (2), 308—309.
650. Письмо Тихона митроп. Казанскаго къ Петру Великому. Сообщ. А. Н. Труворовымъ. 1891. II (7), 295—296.
651. Петръ Андреевичъ Толстой. Сообщ. архим. Леонидъ. 1890. I (4), 569.
652. Краткое описаніе жизни гр. П. А. Толстаго. Сочиненіе Французскаго консула Виллардо. Съ примѣч. гр. М. В. Толстаго. 1896. I (1), 20—28.
653. Письмо гр. П. А. Толстаго изъ Турціи къ брату его И. А. Толстому. 1864. (5—6), 473—493.
654. Письмо кн. А. Я. Хилкова къ адъютанту Чебышеву. Перев. съ Шведскаго А. А. Чумикова. 1874. II (7), 1—4.
655. Подвигъ гр. Бориса Петровича Шереметева. 1906. I (1), 155.
656. О бумагахъ гр. Б. П. Шереметева 1874. II (12) 1127—1128.
657. Духовное завѣщаніе гр. Бориса Петровича Шереметева. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ, 1875. I (1), 86—90.
658. Поправка къ духовному завѣщанію гр. Б. П. Шереметева. 1875. I (3), 310.
659. Для біографіи гравера Адріана

- Шонебека. Кн. А. М. Оболенскаго. 1870. (7), 1390—1391.
660. Переводъ съ письма къ боярину М. Пушкину отъ грьдоровальнаго мастера Адриана Шонбека. 1870. (7), 1391—1392.
661. П. И. Ягузинскій. А. А. Голомбевскаго. 1903. II (7), 371—415.

Царствованіе Екатерины Первой.

662. Екатерина Первая. В. Андреева. XVIII-й Вѣкъ. III, 1—26.
663. Коронація императрицы Екатерины. 1883. I (2), 369—398.
664. Слово похвалительное на вѣнчаніе Екатерины Алексѣевны Софронія Лихудіева съ замѣткою В. М. Ундольскаго. 1863. (10—11), 761—770.
665. Дѣло Новгородскаго архіеп. Θεодосія Яновскаго. 1864 (2), 121—172.
666. Книга прихода-расходная комнатныхъ денегъ (червонцевъ) Екатерины Первой. Найдена Г. В. Есиповымъ. 1874. I (3), 514—567.
667. Указы Екатерины I-й къ кн. Репнину. Извлечено Е. В. Чехинымъ. XVIII-й Вѣкъ. IV. 77—86.
668. Письма къ царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Съ предисл. А. Труворова. 1889. I (3), 392—396: архіатера Ивана Блументроста, А. И. Румянцова. А. Г. Головкина. кн. Г. Θ. Долгорукаго и княгини Марьи Θεодор. Голицыной.
669. Содержаніе умалишенныхъ при Екатеринѣ Первой. Сообщено Г. Н. Александровымъ. 1876. II (7), 360.

Отъ Петра Великаго до Елисаветы Петровны.

670. Для біографіи герцога Бирона. 1867. (3), 469—473. Письма Бирона къ кн. Александру Черкасскому, къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. Эпиграмма на герцога Бирона. Сообщ. П. А. Ефремовымъ.
671. Расписка Бирона (изъ автографовъ собранныхъ кн. Д. И. Долгорукимъ). XVIII Вѣкъ III, 157.
672. Письмо Бирона. XVIII Вѣкъ III, 155—158.
673. Къ исторіи Бирона. Распоряженіе фельдмаршала Ласси о Бироновыхъ позиткахъ. Сообщ. Г. Г. Ломоносовымъ. 1877, I, (3) 417.
674. Къ аресту Бирона. Распоряженіе Рижскаго г.-губернатора гр. Ласси. Инструкція полковнику Ильину 1888. I, (4), 643.
675. Бироны въ Ярославлѣ. Сообщ. А. А. Титовымъ. 1894, III (9), 5—7.
676. Происхожденіе анекдота о Иванѣ Эрнестѣ Биронѣ. Замѣтка. С. Шубинскаго. 1874 I, (4), 01097.
677. Бальзакъ о Биронѣ. М. Веневтинова. 1898, I, (2), 277—290.
678. Густавъ Биронъ, братъ регента. М. Д. Хмырова. XVIII вѣкъ. II, 235—295.
679. Бисмаркъ на Русской службѣ. кн. Августина Голицына. 1867, (5—6), 904—911.
680. Хозяйственныя распоряженія царевенъ Екатерины и Прасковьи Іоанновнъ. 1865 (12), 1411—1418.
681. Духовная кн. Б. И. Куракина и регламентъ его „шпиталя“. 1893. I (2), 149—158.
682. Замѣтка о братьяхъ Іоанникіѣ и Софроніи Лихудіевыхъ. В. М. Ундольскаго. 1863 (10—11) 770—776.
683. Инквизиторы на Руси въ XVIII вѣкѣ. Секретное дѣло о монахѣ Самуилѣ, по донесенію Сергія

- Бурлакова, А. А. Титова. 1901. II (8). 449—460.
684. Матеріалы для Русской исторіи, хранящіеся въ Чехіи. Съ примѣч. Л. Н. Майкова. 1883. III, (6), 227—240. Состояніе Россіи при Петрѣ Второмъ.—Русскіе войска въ Германіи при Аннѣ Іоанновнѣ.
685. Запѣтка о портретѣ Петра II-го, данномъ княжнѣ Е. А. Долгорукой. 1866. (8—9), 1347.
686. Росписи охоты царской, за свое-ручнымъ подписаніемъ императора Петра II-го. Сообщ. Г. В. Есиповымъ. 1869. (10), 1675—1681.
687. Изъ жизни государыни-невѣсты княжны Е. А. Долгорукой, Р. Игнатѣева. 1866 (1), 38—46.
688. Испанскій подлинникъ одной изъ депешъ дюка де-Лирія XVIII-й Вѣкъ III, 130—132.
689. Прошеніе Малороссіянъ на полковника Андрея Маркова. Сообщ. А. И. Ставровскимъ. 1864. (5—6) 493 - 496.
690. Пункта о тягостяхъ и обидахъ отъ бывшаго полковника Лубенского Маркова. 1864. (5—6), 496—505.
691. Ссылка графа Санти въ Сибирь. С. Н. Шубинскаго. 1866 (3), 273—284 (Поправка, 4,660).
692. Царствованіе Анны Іоанновны. Изъ Исторіи Русскаго государства, сочиненія Германа. Переводъ С. В. Флорова. 1866 (1), 1—38 (2), 137—171 (5), 661—674 (10), 1349—1374 (11—12), 1508—1538. Дополненіе къ этой статьѣ М. Н. Лонгинова (2), 269—271.
693. Диспозиція и церемоніаль въѣзда Анны Ивановны въ С.-Петербургъ, съ замѣтками М. Д. Хмырова. 1867 (3), 332—341.
694. Черты изъ частной жизни импер. Анны Іоанновны сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. 1873. II (9), 1631—1672. Запѣтка къ этой статьѣ. II (12). Анна Іоанновна во внутреннихъ своихъ покояхъ. Разсказъ Настасьи Филатѣевны Шестаковой. Переписка Анны Іоанновны съ гр. С. А. Салтыковымъ.
695. Черты изъ домашней жизни Анны Іоанновны. 1904. I (3), 523—526.
696. Письмо Анны Іоанновны о своихъ дворцовыхъ церквяхъ. 1902. III (11), 424.
697. Письма Анны Іоанновны. XVIII Вѣкъ. III, 151—156. Къ А. М. Козодавлевой, распорядженіе по Курляндскому имѣнію, къ Пашкову, къ Остерману.
698. Указъ Анны Іоанновны Троицкому Сергіеву монастырю о первенствѣ надъ прочими монастырями, сообщ. Г. В. Есиповымъ. 1905. II (8), 606.
699. Докладъ Аннѣ кн. Шаховскаго о замѣщеніи Русскими людьми должностей въ конной гвардіи, Сообщ. В. И. Ламанскимъ. 1866. (1), 48—50.
700. Дѣло о кн. А. А. Черкасскомъ (сосланномъ въ Сибирь). Бумаги импер. Анны и гр. Остермана со введеніемъ А. Курепина. 1871 (2) 035—070.
701. Указъ кн. А. М. Черкаскаго управителю его Воронежскихъ деревень Абросиму Семенову. Съ послѣсловіемъ гр. С. Д. Шереметева. 1899, II, (7), 361—363.
702. Отголоски XVIII вѣка. Приданое княгини Н. Б. Долгорукой. Гр. С. Шереметева. 1897, III, (11), 433—440.
703. Поправка о потомствѣ княгини Н. Б. Долгорукой. 1869, (4), 077—078.
704. О княгинѣ Н. Б. Долгорукой. кн. Ив. М. Долгорукаго. 1867, (1), 59—64.
705. Письмо А. И. Остермана къ неизвѣстному лицу. XVIII Вѣкъ. III, 150.
706. Изъ дѣла объ А. П. Волинскомъ. П. Л. Юдина. 1899, III, (9), 39—48.

707. Письма А. П. Волынского къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ. 1865, (3), 323—330.
708. Донесеніе Московскаго г.-губернатора гр. С. А. Салтыкова импер. Аннѣ объ отобраніи драгоцѣнныхъ вещей у кн. Долгорукихъ. Сообщ. В. И. Ламанскимъ, съ замѣткою П. А. 1866, (1), 46—48. Замѣтка къ этой статьѣ П. Бартевева. (8—9), 1347.
709. Переписка гр. С. А. Салтыкова съ императрицею Анною Ивановою и ея духовникомъ Варлаамомъ. Сообщ. протоіер. Ник. Дм. Извъковымъ. 1900, II, (8), 417—441.
710. Переписка Московскаго главнокомандующаго гр. С. А. Салтыкова съ Теофаномъ Прокоповичемъ. Сообщено протоіер. Ник. Дм. Извъковымъ 1900, II, (8), 409—416.
711. Письма А. П. Волынского къ Бирону. Сообщ. А. Н. Филипповымъ. 1906, I, (3), 329—333.
712. Изъ писемъ къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину. Сообщ. А. Н. Филипповымъ. 1906, I, (3), 333—337.
713. Письмо придворнаго шута Петра Мира къ Флорентинскому герцогу. 1864, (3), 262—265. Замѣтка къ письму шута Мира (Н. С. Киселевъ). 1864, (3), 265.
714. Бумаги по дѣлу о убіеніи Синклера. Сообщ. Ю. В. Толстымъ. 1866, (5), 674—685.
715. Двойной вѣроотступникъ. Д. Сапожниковъ. 1885, II, (6), 286—290. Венгерскій ксендзь Торнекъ въ Петербургѣ, въ 1739 году.
716. Симбирскій волшебникъ Яровъ. Д. И. Сапожникова. 1886, I, (3), 382—386.
717. Могила княгини А. П. Волконской. Н. П. Мордвинова. 1893, II, (7) 432.
718. Архимандритъ Варлаамъ, духовникъ Анны Іоанновны. Архим. Леонида. 1874, I, (3), 568—588.
719. Письмо Теофана Прокоповича къ Кіевскому архіеп. Рафаилу о братскомъ училищномъ монастырѣ. Сообщ. А. И. Ставровскимъ. 1865, (4), 439—444.
720. Письмо Теофана Прокоповича къ импер. Аннѣ Ивановнѣ въ защиту православныхъ Славянъ въ Австріи. 1863, (4), 299—302.
721. Изъ семейнаго архива Н. Θ. Иванова. Инструкція секретная полковнику Лудевину. 1897, II, (5), 150—156. Письма С. Θ. Апраксина.
722. О проповѣди Вологодскаго епископа Амвросія Юшкевича на бракосочетаніи принцессы Анны Леопольдовны. П. И. Савваитова. 1871, (1), 193—200.
723. Русскій генералитетъ въ началѣ 1730 г. (По списку П. Θ. Карабанова). М. Н. Лонгинова. XVIII Вѣкъ. III, 161—177.
724. Дѣло о похищеніи изъ Московскаго Успенскаго собора ризы Господней. А. А. Титова. 1904, I (2), 232—234.
725. Оренбургскіе архіереи XVIII-го вѣка. А. А. Титова. 1904, I (4), 638—663. Изслѣдованіе Николая Чернавскаго. Дмитрій Сѣченновъ.—Батыршинъ бунтъ.—Августинъ Сахаровъ.—Архим. Филаретъ Раичъ.—Іоанникій Образцовъ.—Секретарь Маминъ.—Антоній Радонежскій.
726. О жалованьи членамъ Св. Синода. Записка Теофана Прокоповича. Прошеніе членомъ Св. Синода принцессы Мекленбургской Екатерины Іоанновны. Сообщ. Г. В. Есиповымъ. 1870, (11), 1953—1959.
727. Турецкая война при имп. Аннѣ. Съ предисл. С. Сафонова. 1878, I (3), 255—274.
728. Надгробная надпись въ придворной церкви Скоропадскихъ. 1901, III (9), 127—128. Надъ могилою Анны Михайловны Скоропадской, жены г.-аншефа Юрія Григ. Ливена.
729. Дѣла XVIII вѣка, съ предислов. А. А. Титова. 1902, III (11), 401—409.

730. Поселеніе Грузинъ въ Малоросіи. Михаила Плохинскаго. 1894. III (10), 225—237.
731. Историческая несправедливость. (Названія Донскихъ станицъ). А. А. Карасева. 1894. II (5). 155—157.
732. Царствованіе Іоанна VI Антоновича. Изъ сочиненія Германа. 1867, (2), 161—189.
733. По какой причинѣ императоръ Іоаннъ Антоновичъ перемѣщенъ изъ Холмогоръ въ Шлиссельбургъ. Г. П. Данилевскаго. 1874, II, (12), 1124—1126.
734. Острословіе прошлаго вѣка. Application du mot „Tout“ en 1740 à toutes les puissances de l'Europe. Сообщено А. А. Чумиковымъ. 1887. III, (10), 182.

Елисавета Петровна.

735. Черта изъ жизни Елисаветы Петровны. Объ арестованіи регента ея пѣвчихъ Івана Петрова. 1865. (3), 329—332.
736. Краткая реляція о востествіи Елисаветы Петровны на Всероссійскій отеческій престолъ, королевства Великобританскаго великому адмиралу Россійскимъ резидентомъ (кн. И. А. Щербатовымъ) донесенная, Декабря 18 дня 1741 года Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ. 1872. (6), 1169—1181.
737. Историческіе документы 1742 г. Сообщ. С. Н. Шубинскимъ. 1864. (5—6), 505—547. Экстрактъ изъ допросовъ гр. Остермана.
738. Елисаветинскіе лейбъ-кампанцы, именной ихъ списокъ. Сочиненъ Ильею Петровымъ. Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1880. II, 1—143.
739. Кража въ кабинетъ Елисаветы Петровны. Д. В. Сапожникова. 1886. II (7), 334—337.
440. Поѣздка импер. Елисаветы Петровны въ Эстляндскую губернію. 1895. III (9), 5—12.
741. Бумаги первыхъ годовъ Елисаветина царствованія. Сообщ. П. П. Петровымъ. XVIII Вѣкъ. II, 216—234. Собственноручная записка императрицы.—Упражненіе въ словесности в. кн. Петра Оеодор.—В. княжна Екатерина Алексѣевна къ императрицѣ Елисаветѣ.—Вѣдомость челобитень (передъ свадьбой вел. кн. Петра Оеодоровича).
742. Елисавета Петровна и ея записочки къ Василию Ивановичу Демидову. Сообщ. А. Д. Риттихъ. 1878. I (1), 10—15. Здѣсь же докладъ В. И. Демидова Елисаветѣ Петровнѣ и письма къ В. И. Демидову
743. Письма Елисаветы Петровны къ ген.-майору Вишневному о Венгерскихъ винахъ, съ предисл. Ст. Лашкевича. 1870. (2), 273—280.
744. Письмо Елисаветы Петровны къ гр. Скавронской. XVIII Вѣкъ II. 215.
745. Челобитная Черногорцевъ Елисаветѣ Петровнѣ (о подчиненіи Черной горы Россіи). Съ предисл. Дмитрія Бакича. 1878. II (7), 329—334.
746. Наставленіе Елисаветы Петровны графу Н. И. Панину о воспитаніи в. кн. Павла Петровича. Сообщ. Л. Н. Трефоловымъ. 1881. I (1), 17—21.
747. Письма изъ Россіи во Францію 1892. III (9), 49—65 (10), 151—168. Даліона и маркиза Де-ла-Шетарди.
748. Рескриптъ Елисаветы Петровны въ Парижъ къ гр. П. Г. Чернышову (по поводу отказа Бретеля цѣловать руку у в. к. Екатерины Алексѣевны). 1870. (7—8) 1417—1422.
749. Письмо Шотландцевъ къ Елисаветѣ Петровнѣ съ предисл. кн. Я. Б. Лобанова - Ростовскаго. 1865. (4), 487—492.
750. Къ исторіи сношеній съ Крымомъ. (Посылка поручика Зуба-

Роспись „Русскаго Архива“.

6

- рева въ Бахчисарай). П. Л. Юдина. 1898. III (12), 457—467.
751. Къ исторіи первоначальныхъ сношеній съ Японцами. 1904. III (12), 615—620.
752. Правительственныя мѣры по случаю появленія въ Лифляндіи секты Герингутеровъ. 1868. (9) 1391—1395.
753. Россія и Персія въ концѣ 1742 г. (изъ писемъ переводчика Братищова къ кн. Черкасскому). П. Л. Юдина. 1899. I (3), 369—390. Шахъ Надиръ въ Дагестанѣ.—А. М. Кашенский.—Реза-Кулы.
754. Изъ подлинныхъ бумагъ Елисаветинскаго царствованія. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. Выписки изъ перлюстраціи 1748 (денеши Финкенштейна). Записка Бестужева объ его ссорѣ съ Тепловымъ XVIII Вѣкъ. IV, 87—94.
755. Изъ донесеній О. Д. Бехтеева Елисаветѣ Петровнѣ. Сообщ. Л. Н. Трефоловъ. 1903. III (10), 177—248.
756. Взятіе Берлина Русскими войсками. Изъ записокъ Гочковскаго. 1894. III (9). 13—20.
757. Исчисленіе причиненнаго непріятелю урока во время препріятія Русскихъ войскъ на Берлинъ. Сообщ. Д. О. Масловскимъ. 1889. II (6), 305—307.
758. Достопамятная табакерка (съ надписью, относящеяся ко взятію Берлина Русскими войсками). Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ. 1894. III (9), 21—23.
759. Раздача медалей солдатамъ, въ память одержанной побѣды подъ Франкфуртомъ. 1889. II (6), 310.
760. Записки пастора Теге, перев. съ Нѣмецкаго Алексѣя Иларьевича Казановича. 1864. (11—12) 1101—1163.
761. О переселеніи Сербовъ въ Россію. Сообщ. Н. В. Калачевымъ. 1869. (5), 737—740.
762. Къ исторіи Семилѣтней войны. 1873. I (1), LVI—LX. Восточная Пруссія подъ Русскимъ владѣніемъ. Рескриптъ кн. Н. В. Репнину.
763. Графъ З. Г. Чернышовъ въ его письмахъ къ И. И. Шувалову въ Семилѣтнюю войну. 1907. 161 и 278.
764. Чрезвычайное происшествіе въ Цареконстантиновѣ монастырѣ. Сообщ. арх. Леонидъ. 1878. II (7), 278—279. Тайственный колокольный звонъ.
765. Московскія безобразія прошлаго вѣка. Н. П. Розанова. 1878. I (1), 26—30. Драка въ Чудовомъ монастырѣ.—Нѣмецъ-драгунъ.
766. Содержаніе умалишенныхъ въ царствованіе Елисаветы. Съ замѣткою Г. Н. Александрова. 1880. II 144—146. Обхожденіе съ прапорщикомъ-Вишняковымъ.
767. Яицкое войско и прозекъ Неплюева объ его преобразованіи. Съ предисл. В. Витевскаго. 1878. II. (5). 5—33.
768. По поводу Неплюевской записки объ устройствѣ Уральскаго казачьяго войска. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1878. II (8), 487—488.
769. Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ. 1864. (4), 395—398.
770. Письмо принца Августа Голштинскаго съ замѣчаніями Елисаветы и канцлера гр. Бестужева-Рюмина. 1863. (12), 906—910.
771. Анатолій Мелесъ, епископъ. 1870 (4—5), 689—743.
772. Письмо Іоанны Елисаветы Ангальтъ-Цербской къ кн. В. А. Репнину. Съ предислов. кн. М. М. 1887. II (8), 498—515.
773. О пребываніи въ Россіи княгини Ангальтъ-Цербской. М. Д. Хмырова. XVIII Вѣкъ. I, 423—424.
774. Княгиня Ангальтъ-Цербская Анна-Елисавета. 1904. II (8), 457—491. Записка Марка Шампо о

- Русскомъ дворѣ. (С. В. Салтыковъ).—Изъ писемъ кн. Анны-Елисаветы къ Пулюи.—Анна Леопольдовна.
775. Арсеній Мацѣвичъ. Священ. Сергія Троицкаго. 1905. III (10), 153—194.
776. Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣвича. Его крутыя мѣры по Ярославской епархіи. 1863. (10—11), 863—866.
777. Автобіографическое показаніе Арсенія Мацѣвича. съ примѣч. Н. И. Григоровича. XVIII Вѣкъ. II, 361—365.
778. Инструкція Ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣвича Теодору конюху. А. А. Титова. 1893. I (1), 35—38.
779. Два письма Арсенія Мацѣвича къ импер. Елисаветѣ. 1866. (1), 50—52.
780. Письмо Арсенія Мацѣвича къ об.-прокурору Св. Синода. А. А. Титова. 1902. I (4), 498.
781. Письмо гр. А. П. Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патриарху Паисію. 1865. (10—11), 1276—1278.
782. Письмо гр. А. П. Бестужева. Съ замѣткою гр. К. А. Бутенева-Хрептовича. 1900. II (6), 145—149.
783. Письма графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина къ Ивану Ивановичу Шувалову. 1863. (10—11), 776—784.
784. Кончина и духовное завѣщаніе гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина. 1874. II (11), 937—944.
785. Благодарственное письмо Бирона къ Елисаветѣ Петровнѣ. XVIII Вѣкъ. III, 159—160.
786. Дѣло о поступкахъ бывшаго Курляндскаго герцога Ивана Бирона. Сообщ. А. А. Титовымъ. 1900. I (4), 481—485.
787. Письмо Бирона къ его дочери. Съ предисл. барона Ф. А. Бюлера. 1871 (11), 1906—1913.
788. Ванька Каинъ. Г. В. Есипова. XVIII Вѣкъ. III, 280—342.
789. Ванька-Каинъ и г.г. Геннади и Соболевскій. П. А. Ефремова. 1888. III (11), 469—470. (Здѣсь стихи Соболевскаго и Н. А. Некрасова).
790. Челобитная Анны Даниловой Ватазиной къ Елисаветѣ Петровнѣ о своемъ мужѣ и письмо ея къ М. Е. Шуваловой. 1867. (2), 189—191.
791. Бумаги кн. М. Н. Волконскаго. 1865. (9), 1040—1080. Указы гр. А. П. Бестужева-Рюмина бригад. Ливену и кн. Волконскому, четыре указа имп. Петра III. Замятка на эту статью М. Н. Лонгинова. 1865 (12), 1519—1521.
792. Письма гр. М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову. 1864. (3), 266—299 (4), 345—395.
793. Плѣнь графа Гордта въ Россіи. Изъ его Записокъ. Л. Н. Майкова. 1877. II (7), 294—326. Краснощекоевъ.—Тотлебенъ.—Баронъ Н. А. Корфъ.—Обѣдъ у Петра Третьяго.—Ужинъ у Кейта.—Похороны Елисаветы Петровны.—Письмо Фридриха II-го.
794. Челобитная княгини Н. Б. Долгорукой Елизаветѣ Петровнѣ, съ примѣч. М. И. Семевского. 1867 (7), 1167—1168.
795. Прошеніе Канта Елисаветѣ Петровнѣ. Ю. П. Бартенева. 1896. II (7), 455—456.
796. Мученическая кончина іеромонаха Константина Неаполитанскаго. (Къ исторіи Русской православной церкви въ Константинополь). К. Здравомыслова. 1894. III (11), 306—318.
797. Живописецъ Лагренэ въ Россіи В. Горленко. 1891. III (12), 572—574.
798. Записки Ивана Теодоровича Лукина. Сообщ. Н. С. Киселевымъ. 1865. (8), 899—930.
799. О выходѣ Манштейна изъ Русской службы. 1872. (3—4), 791—805.

800. Письма Миниха изъ Сибири Елисаветѣ Петровнѣ и вел. кн. Петру Ѳедоровичу. (Сообщ. В. И. Ламанскимъ). 1865. (12), 1418—1446.
801. Для біографіи гр. Э. Миниха. 1866. (11—12), 1544—1567.
802. Еще письмо Миниха изъ Сибири (къ гр. А. П. Бестужеву-Рюмину). Сообщ. С. Н. Шубинскимъ. 1866. (2), 171—185.
803. Братья графы Панины въ царствованіе Елисаветы Петровны. Сообщ. И. И. Василѣвымъ. 1890. I (1), 53—58.
804. Свадьба Петра Ивановича Панина. Письмо В. Е. Адагурова къ гр. Н. И. Панину. (Изъ семейнаго архива кн. М. А. Мещерской). 1875. I (3), 0370—0372.
805. Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ. (По поводу біографіи А. Я. Полѣнова). М. Ѳ. Шугурова. 1866 (3), 304—324.
806. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. XVIII Вѣкъ. II, 376—630. Графы Алексѣй и Кирилла Григорьевичи.
807. Письмо гр. А. Г. Разумовскаго (въ Малороссію) къ его матери. Сообщ. А. И. Стояновымъ. 1876 I (4), 488.
808. Письма къ И. И. Шувалову. Сообщ. Я. К. Гротомъ. 1869. (11), 1767—1870.
809. Бумаги И. И. Шувалова (по дѣламъ внѣшней и внутренней политики. Сообщ. И. Н. Толстымъ. 1867. (1), 65—97.
810. Письма И. И. Шувалова и гр. М. Л. Воронцова (и записка Екатерины II-й о денежныхъ дѣлахъ ея матери) съ предисл. кн. М. А. Оболенскаго. 1870. (8—9), 1397—1417.
811. Салтычиха. П. Г. Кичеева. 1865. (2), 247—256.
812. Бъ статьѣ о Салтычихѣ. М. П. Лонгинова. 1865. (3), 392.
813. Письма о докторѣ Санхецѣ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ. 1870. (2), 280—284.
814. Оприсвоеніи профессоромъ Тредьяковскимъ жены гренадерской. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. XVIII Вѣкъ. III, 178—181.
815. Записка о вдовѣ кухмистра Фельтена и ея прошеніе о зятѣ ея Шумахерѣ. 1904. III (10), 296—297.
816. Совѣтъ Фридриха Великаго Елисаветѣ Петровнѣ объ удаленіи Брауншвейгской фамилии. 1866. (11—12), 1541—1544.
817. О маркизѣ де ла-Шетарди. Донесеніе (изъ Берлина) Елисаветѣ Петровнѣ гр. П. Г. Чернышова. 1867. (2), 309—310.
818. Левъ Юрловъ и его письмо къ родственникамъ. Л. Н. Майкова. 1868. (7—8), 1053—1064.
819. Русскіе солдаты въ Пруссіи. 1866. 1539—1541.

Петръ Третій.

820. Возареніе Петра Третьяго по разсказу Екатерины Второй. 1907. (7).
821. Письмо герцога Петра Ульриха (Петра III) въ Швецію. 1887. III, (10), 183—184.
822. Изъ Записной книжки бібліофила (о письмѣ великаго князя Петра Ѳедоровича къ его супругѣ). В. М. Остроглазова. 1907. I, (2), 317.
823. Эпитафія Петру Третьему, сочиненіе гр. А. С. Мусина-Пушкина. Сообщ. А. А. Чумиковымъ. 1882. II (4), 312.
824. Эпитафія Петру Третьему (подпись подъ его портретомъ, въ Копенгагенѣ). 1887. III (10), 184.
825. Письма Петра III къ И. И. Шувалову. (Сообщ. М. П. Погодинымъ). 1866. (4), 580—582.
826. Мысли Петра III-го о свободѣ исповѣданія. Сообщ. А. М. Лазаревскимъ 1871. (12), 2055.

827. Синодальное распоряженіе Петра Третьяго. Сообщ. А. Н. Труворовымъ. 1894. I (2), 190—192. Рѣшеніе Екатерины II-й.
828. Письма Петра Третьяго къ Фридриху. Второму. 1898. I (1), 5—17.
829. Письма Фридриха Второго къ Петру Третьему. Съ Француз. съ предисл. А. А. Титова. 1905. I (1), 5—42.
830. Одно изъ распоряженій Петра III о посылкѣ Саввы Тетюшева для закупки вещей въ чужихъ краяхъ. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1874. II (8), 346—350.
831. Приношеніе праху Петра Третьяго. Анна Турчанинова. 1904. III (12), 600—601.
832. О вторичномъ погребеніи Петра III-го. 1871. (12), 2066—2073.
833. Два письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову (о Петрѣ Третьемъ). (1762). Сообщ. С. М. Соловьевымъ. 1874. II (8), 336—346.
834. О Курляндскомъ герцогствѣ при Петрѣ III. П. К. Щебальскаго. 1866. (3), 284—304.
835. О любимцѣ Петра Третьяго II. К. Шванвичѣ. Сообщ. Г. П. Карновичемъ. 1904. III (11), 420—421.

Екатерина Великая лично.

836. Екатерина Вторая. Ея родители и ея прїездъ въ Россію. XVIII Вѣкъ I, 1—44.
837. Разсказъ гр. Н. И. Панина о восшествіи Екатерины Второй на престоль. Л. Н. Майкова. 1879. I (3), 362—369. Изъ Записокъ Ассбургга, съ предисл. Варнгагена фонъ-Энзе.
838. Манифесты по поводу восшествія на престоль Екатерины II-й. XVIII-й Вѣкъ. III, 216—224.
839. Письма о восшествіи на престоль Екатерины II-й. Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. XVIII Вѣкъ II, 634—637. И. Л. Талызина къ Н. И. Панину, гр. П. А. Девьера къ Е. И. Шаргородской.
840. Новыя показанія о воцареніи Екатерины II-й. 1890. II (6), 280—282. Изъ статьи гр. Фицтума.
841. Замѣчанія кн. Дашковой на сочиненіе Рюльера о воцареніи Екатерины II-й. 1877. II (7), 350.
842. Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI на сочиненіе Рюльера (о воцареніи Екатерины). 1877. II (7), 354—359.
843. Замѣтки короля Французскаго Людовика XVI-го на сочиненіе Рюльера о воцареніи Екатерины. Переводъ съ Французскаго. 1905. III (10), 1, 5—152.
844. Донесенія Прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму о восшествіи на престоль Екатерины 1898. I (1), 18—27. Поправки II (5), 176.
845. Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ. Съ замѣткою А. М. Лазаревскаго. XVIII-й Вѣкъ. II, 631—633. Современная записка о восшествіи на престоль Екатерины II-й.
846. Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ В. И. Ламанскимъ. XVIII-й Вѣкъ. IV, 207—215. Указы Сенату, распоряженія его, извѣщеніе Н. И. Панина, рапорты и донесенія Талызина.
847. Первые мѣсяцы царствованія Екатерины Великой. Изъ донесеній Прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму. 1901. I (1), 5—40.
848. Разсказъ Екатерины II-й о ея жизни въ Германіи, о прїездѣ въ Россію, о супружествѣ. 1907 и первыхъ пяти годахъ царствованія. 1865. (4), 469—480.
849. Еще разсказъ Екатерины II-й о своемъ царствованіи. Anecdotes. (Сообщено В. И. Ламанскимъ). 1865. (7), 882—887.
850. Историческія и автобіографиче-

- скія замѣтки Екатерины Второй. 283—291.
851. Двѣ замѣтки императрицы Екатерины II. 1863. (7), 566—571. Предсмертныя мысли императрицы Елизаветы Петровны (устранить отъ престолонаслѣдія Петра Θεодоровича).—Отзывъ на предложеніе Неаполитанскаго двора о женитьбѣ в. к. Константина Павловича.
852. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся Екатерины II и ея царствованія. XVIII вѣкъ. III. 355—393. I. О Хорватѣ. Указъ генер.-губернатору Киевскому И. Θ. Глѣбову, о слѣдствіи надъ Хорватомъ. О Мировичѣ. Письма Екатерины II-й къ графу Н. И. Панину. Манифестъ о кончинѣ Иоанна Антоновича. Два собственноручныхъ письма Екатерины II-й къ г.-прок. кн. Вяземскому во время производства суда надъ Мировичемъ.—Сентенція по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ, свѣдѣнія и выписки изъ подлинныхъ бумагъ о Мировичѣ.—О Лифляндскихъ депутатахъ въ комиссіи объ уложеніи. Два письма Екатерины II къ г.-прок. кн. А. А. Вяземскому.—Письма Екатерины II-й къ разнымъ лицамъ: къ А. А. Вяземскому кн. Б. А. Куракину, неизвѣстному лицу, къ В. С. Попову.
853. О филологическихъ занятіяхъ Екатерины Великой. Сообщ. А. О. Круглый. 1879. I (2), 265—266.
854. Черновые собственноручные наброски Екатерины Великой. Писаны незадолго до кончины. 1886. III (9), 111—112. Проектъ манифеста о внутреннихъ преобразованіяхъ.—О направленіи своей дѣятельности.—Опытъ перевода Иліады.—Характеристика Русскаго чловѣка.
855. Духъ Екатерины II. 1865. (10—11), 1278—1293. Екатерина II о мнимоученыхъ.—Стараніе о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей.—Мнѣніе о Французской революціи.—Мнѣніе о мануфактурахъ.
856. Екатерина Великая о единоторжій. 1891. III (12), 613.
857. Записка Екатерины Великой о Рославльскомъ конномъ полку или Рязанскихъ драгунахъ. 1886. III (9), 106—110.
858. Екатерина Великая. Разговоръ о ней Фридриха II-го съ барономъ Сальдерномъ. Сообщено гр. С. Д. Шереметевымъ. 1900. I (4), 486—487.
859. Отзывъ Фридриха про Екатерину Великую. 1906. II (5), 113.
860. Екатерина Великая какъ благодетельница. Михаилъ Соколовскій. 1904. II (313—341).
861. Екатерина Вторая (стихотвореніе). М. А. Дмитріева. 1866. (1), 52—56.
862. Черты Екатерины II-й. (Изъ книги подъ тѣмъ же заглавіемъ, Павла Ив. Сумарокова. 1870. (11), 2076—2126.
863. Правительственные приемы Екатерины Великой. Изъ письма В. С. Попова къ импер. Александру Павловичу. 1891. II (5), 5.
864. Императрица Екатерина Вторая въ перепискѣ съ иностранцами. Статья Альфреда Рамбо. 1877. II (7), 269—293. (8), 403—424. Баронъ Гриммъ.—Аббатъ Шаппъ.—Книга Рюльера.—Мерсье дѣла-Ривіеръ.—Госпожа Жофренъ.—Даламберъ.—Дидеротъ.—Руссо.—Фальконетъ.—Заказъ мѣднаго всадника.—Сношенія съ Фальконетомъ.—Живописецъ Лосенковъ.
865. Образчики рѣшеній Екатерины II-й на всеподаннѣйшія просьбы. 1864. (4), 398—406. Изъ собственноручной тетради.
866. Екатерина II я и А. Д. Ланской. 1886. I (3), 261—268.
867. Историческія лица въ головѣ простолюдина. Письмо къ издателю Русскаго Архива Александра Барсукова. 1873. II. (10), 2074

- 2076. Екатерина II и князь Орловъ.
868. Достопамятный разговоръ Екатерины Великой съ княгинею Дашковой 1884. I (2), 266—273.
869. О большомъ императорскомъ алмазѣ (поднесенномъ Екатеринѣ II, кн. Г. Г. Орловымъ, 1866. (4), 644—646.
870. Екатерина Великая въ послѣдніе дни свои. Изъ записокъ графини В. Н. Головиной. 1898. I (3), 477—478.
871. Частное письмо въ Москву (Т. П. Кирьяка къ кн. И. М. Долгорукому, о кончинѣ Екатерины II. 1867. (10), 1266—1275.
872. Procès verbal du décès de très haute, très puissante et très illustre Souveraine Catherine II, impératrice des Russies (Сообщ. барономъ М. Л. Боле-Колычевымъ). XVIII Вѣкъ II, 638—642.
873. Собственноручная замѣтка Екатерины II-й о мѣстѣ, гдѣ ее погребсти. 1871. (1), 150 1907 (7).
874. Нѣсколько словъ о портретѣ Екатерины II-й въ траурномъ одѣяніи (по Елисаветѣ Петровнѣ). 1866. (1), 132—134, съ рисункомъ.
875. Приложение ко второй книгѣ Русскаго Архива 1881 года. Картинка, изображающая Екатерину Великую съ ея семействомъ и приближенными лицами. Замѣтка Д. А. Ровинскаго, 1881. I (2), 380—382.
876. Надпись на портретѣ Екатерины, пожалованномъ гр. А. П. Бестужеву. 1869. (12), 2104.
877. О статуѣ императрицы Екатерины II (пожертвованной Д. П. Ознобишинымъ Петербургской Императорской Академіи Художествъ). 1870. (4—5), 998—999.
878. Слова произнесенныя М. П. Погодинымъ въ Московской Городской Думѣ предъ портретомъ Екатерины Второй. 1874. I, 245—246.
879. Переписка братьевъ Коростовцовыхъ съ барономъ Франкомъ и гр. М. С. Воронцовымъ, по поводу сооружеія памятника Екатеринѣ II-й въ г. Екатеринославѣ Сообщено В. Л. Коростовцовъ. 1876. II (8), 410—416.
880. Два анекдота о Екатеринѣ Великой. (Изъ записной книжки М. М. Евреина). 1866. (4), 657—658. Награды оберъ секретаря Сената Карла Ивановича Северина и контръ-адмирала Астафія Степановича Одинцова.
881. Екатерининскіе анекдоты, разсказанные И. А. Крыловымъ. Кн. Евгения Львова. 1884. II (3), 179—180.
882. Анекдоты о Екатеринѣ Великой, записанные адмираломъ А. С. Шишковымъ. 1887. II (8), 516—518.
883. Сатирическій каталогъ при дворѣ Екатерины. М. Н. Лонгинова. 1871. (12), 2039—2054.
884. Нѣсколько новыхъ писемъ и бумагъ императрицы Екатерины. Сообщены кн. Ник. Мих. Голицынымъ. 1870. (3), 540—550. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ съ отмѣтками Екатерины Записочка Екатерины къ А. Н. Парышкиной. Черновое письмо Екатерины къ Д. В. Волкову. Письмо Екатерины къ С. О. Стрѣкалову (о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи), сообщ. Д. А. Кропотковымъ).—(Письмо кн. Потемкина къ Екатеринѣ).
885. Указъ Екатерины Оренбургской губернской канцеляріи, объ арестѣ священника за возношеніе имени Петра III 1871. (7—8), 1253.
886. Автобіографическая памятная замѣтка Екатерины II. (Маскарадъ 1763 года, Екатерина рядится офицеромъ). Съ подлинника сообщено А. О. Бычковымъ. 1870. (4—5), 1155—1158.

- 887.** Письма (13 рескриптовъ) императрицы Екатерины II-й къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода. (1765—1796). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Николая Григоровича **1870.** (4—5). 744—766. Рескрипты Екатерины II-й. 1) Къ Ивану Ивановичу Меллисино, 1765—1767 г.г.)—2) Къ Чебышеву и Акчурину 1769 г.—3) Къ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, 1796 г.
- 888.** Письма къ разнымъ лицамъ, замѣтки и наброски мыслей государыни императрицы Екатерины II-й. (Сообщены И. С. Аксаковымъ IV и IX), В. И. Ламанскимъ (VI, XVII—XX) и выписаны изъ бумагъ принадлежащихъ А. М. Офросимову и Н. В. Сушкову). **1866.** (1), 55—75. I. Къ митрополиту Новгородскому Дмитрію Сѣченову, 1767 г.—II. Еще рассказъ о первыхъ годахъ своего царствованія.—III. И. О. Глѣбову, 1767 г.—IV. Къ князю (А. А.) Вяземскому, 1772.—V. (Указъ 1772 г. о наказаніи крестьянъ).—VI. Къ гр. Ивану Григорьевичу Орлову.—VII. (Надпись при закладкѣ дома у Троицкой пристани), 1769 г.—VIII. (Указъ 1775 г. о преданіи забвенію дѣла Прокофія Демидова).—IX—X. Къ князю А. А. Вяземскому, 1775.—X—XIV. Къ А. В. Храповицкому, 1788—1789 г.г.—XV—XX. Къ Матвѣю Вас. Мамонову, 1789—1790.—XXI. Къ Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому, 1792 г. (объ издательской дѣятельности Н. Новикова. Замѣтки и дополненія къ этимъ письмамъ Михаила Лонгинова (2), 271.
- 889.** Дворцовое распоряженіе императрицы Екатерины Второй (1771). (Изъ домашняго архива графа С. Д. Шереметева) **1878.** I (2), 139. Отмѣненіе побоевъ.
- 890.** Къ дворянскому вопросу. Манифестъ императрицы Екатерины II-й о сокращеніи роскоши (1775) Съ предисловіемъ Федора Бартенева. **1898.** I (3), 445—448.
- 891.** Письма Екатерины Великой. (Изъ собранія автографовъ, принадлежащихъ Вел. Кн. Сергію Александровичу). **1895.** II (7), 305—307. I. Къ Нижегородскому губернатору А. А. Ступишину 1774 и 1780 г.г.—II. Къ правителю Пензенскаго намѣстничества Ивану Алексѣевичу Ступишину (2 п.), 1793—1794 г.г.—III. Къ графу В. П. Мусину-Пушкину, 1788 г.
- 892.** Письма и рескрипты Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ. Съ подлинниковъ, хранящихся въ Московскомъ губернаторскомъ архивѣ. **1872.** (2), 225—336. (3—4), 533—580. (5), 865—880. I. Къ князю В. М. Долгорукову - Крымскому (25), 1780—1782 г.г.—II. Къ графу З. Г. Чернышеву (24), 1782—1784 г.г.—III. Къ графу Я. А. Брюсу (27), 1784—1786 г.г.—IV. Къ П. Д. Еропкину (114), 1786—1790 г.г.—V. Къ князю А. А. Прозоровскому (70), 1790—1794 г.г.—VI. Къ М. М. Измайлову (27), 1795—1796 г.г.
- 893.** Жалованная грамота государыни императрицы Екатерины Второй на права, вольности и преимущества благороднаго Россійскаго дворянства, 21 апрѣля 1787 г. (Изъ Полнаго Собранія Законовъ № 16187). Съ послѣсловіемъ П. Бартенева). **1885.** II (5), 155—0164.
- 894.** Записка императрицы Екатерины II о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства (1792). Сообщено В. И. Ламанскимъ. **1866.** (3), 399—422.
- 895.** Два письма Екатерины II-й къ графу А. А. Безбородкѣ. Сообщены Ал-сѣемъ Ал-сѣев. Плавильщиковымъ. **1870.** (11), 1959—1960.
- 896.** Письмо Екатерины Великой къ Астраханскому губернатору Н.

- А. Бекетову (1765). Сообщено В. С. Абакумовымъ. 1889. I (3), 397. О торговлѣ и тичьимъ пу-
хомъ.
897. Письма императрицы Екатерины II къ А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта (1774) (Сообщено В. И. Ламанскимъ) съ замѣткою П. Б(артенева). 1866. (3), 388—398.
898. Письма государыни императрицы Екатерины II-й къ князю Михаилу Никитичу Волконскому (1762—1775). Съ предисловіемъ П. Б(артенева). XVIII Вѣкъ. I, 52—162. Здѣсь же и донесенія князя Волконскаго о привозѣ въ Москву Пугачова и о показаніяхъ его.
899. Приложеніе къ перепискѣ между императрицею Екатериною II-ю и кн. Волконскимъ. XVIII Вѣкъ I, 305—366. Копія съ письма Яидкихъ казаковъ къ князю Григорію Григорьевичу Орлову. 1774 г.—Копія съ даннаго сего числа отъ его свѣтлости, князя Григорія Григорьевича Орлова, паспорта 1774 г.
900. Переписка Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ. 1788—1789. Съ предисловіемъ П. Б(артенева). 1879. I (2), 145—167. Желаніе сблизиться съ Англіею.—Гроза войны съ Пруссіей.—Свиданіе графа Воронцова съ Фоксомъ.—Англійская опозиція.—Притязательство Пруссіи.—Договоры съ Англіею.—Гаррисъ.—Англійскіе моряки.—Англія съ Пруссіею противъ Россіи.—Выздоровленіе Георга III-го.—Вооруженный нейтралитетъ.
901. Письма (13) императрицы Екатерины II-й къ князю А. А. Вяземскому (1767—1772). (Сообщены К. К. Гротомъ). 1865. (9), 1181—1188.
902. Рескриптъ Екатерины Великой князю А. А. Вяземскому (о чиновникахъ) (1774). Сообщено Н. О. Дубровинымъ. 1892. I (4), 487.
903. Письма (23) императрицы Екатерины II къ И. О. Глѣбову (176.—1768). (Сообщено М. П. Погодинымъ). 1867. (3), 342—364. Въ приложеніи: I. Письмо къ И. О. Глѣбову статсъ-секретаря (Сергѣя) Козмина, 1767.—II. Вице-канцлера къ депутатамъ, послѣ присяги представшимъ лицу Ея Императорскаго Величества.
904. Письмо Екатерины Второй къ фельдмаршалу князю (А. М.) Голицыну по поводу кончины великой княгини Наталіи Алексѣевны (1776). 1878. II (7), 279—280.
905. Письма (9) императрицы Екатерины Второй къ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну (1770—1792). Съ послѣсловіемъ П. Б(артенева). 1878. I (1), 16—19.
906. Письмо Екатерины II къ князю М. М. Голицыну, о посылкѣ дѣтей его въ Нѣмецкія училища (вѣрнѣе, о зловредности воспитанія дѣтей въ Нѣмецкихъ училищахъ). 1865. (9), 1138. Замѣтка къ этому письму Михаила Лонгинова. (12), 1522.
907. Записка Екатерины Великой къ оберъ-гофмаршалу князю Николаю Михайловичу Голицыну (1783). Сообщено Артем. Марк. Выводцевымъ, съ замѣткою П. Б(артенева). 1883. III (6), 226. Объ отношеніяхъ къ сыну и невѣсткѣ.
908. Письма Екатерины Второй къ барону Гримму (1774—1795). (Изъ „Сборника Императорскаго Историческаго Общества“). Съ предисловіемъ и примѣчаніями П. Б(артенева). 1878. III (9), 5—128. (10), 129—240. Поправки (10), 256. Ландграфія Каролина.—Потемкинъ.—Пугачевъ.—Поѣздка въ Москву.—Страсть къ законодательству.—Ходынский праздникъ.—Награды графу Румянцеву.—Покупка Царицына.—Новый Иерусалимъ.—Воспоминанія дѣтства.—Кончина первой

супруги и вторичный брак Павла Петровича.—Князь Орловъ.—Петербургское наводненіе.—Рожденіе Александра Павловича.—Эпитафія себѣ самой.—Игра въ брилліанты.—Праздникъ Азора.—Современное описаніе праздника по случаю рожденія Александра Павловича.—Кончина Вольтера и Пигта.—Великія князья.—И. Н. Корсаковъ.—И. И. Шуваловъ.—Бюффонъ.—Кончина Рафаэля Менгса.—Масоны.—Графъ Фалькенштейнъ.—Поѣздка въ Бѣлоруссію.—Дѣтство Александра Павловича.—Каліостро.—Я. Д. Ланской.—Ленхенъ.—Князь А. А. Вяземскій.—А. Д. Ланской.—Александръ Павловичъ.—Юлій Цезарь.—Бауеръ.—Дюкъ Санъ - Николо.—Святой Владимиръ.—Свиданіе съ Густавомъ III-мъ.—Книги для чтенія внукамъ.—Кончина А. Д. Ланскаго.—Замариваніе горя.—Словари.—„Первобытнй міръ“.—Бобринскій.—Зельмира.—Отзывъ о „наказѣ“.—Поѣздка въ Москву.—Разлученіе Зельмиры съ мужемъ.—Яслегрызъ.—Образъ жизни.—Бобринскій въ Парижѣ.—А. Д. Мамоновъ.—Путешествіе въ Крымъ.—Виртембергская принцесса.—Кісьвъ.—Созваніе Французскихъ чиновъ.—Іосифъ II-й.—Севастополь.—Герцогъ Брауншвейгскій.—Турецкая война.—Рѣзные камни.—Ночлегъ въ Крыму.—А. Г. Бобринскій.—Шведская война.—Густавъ III-й.—Петербургъ во время Шведской войны.—Взятіе Очакова.—Сочиненія Фридриха Великаго.—Пруссія.—Бездѣйствіе Франціи.—Французская революція.—Кончина Іосифа II-го.—Праздникъ Шведскаго мира.—Александръ Павловичъ.—Екатерина предвѣщаетъ Наполеона.—Германскія дѣла.—Принцъ Генрихъ Прусскій.—Потемкинскій праздникъ.—Мирабо.—Графъ Сегюръ.—Англія.—Франція.—Сенакъ де

Мельякъ.—Сенъ-При.—Слабость Людовика XVI-го.—Кончина князя Потемкина.—Французскія дѣла.—Будущая коронація Александра Павловича.—Нѣмецкіе принцы.—Галлы противъ Франковъ.—Графъ д'Артуа.—Французскіе философы.—Занятія Русскою Исторіею.—Воспоминаніе молодости.—Жизнь въ Таврическомъ дворцѣ.—Князь Цицѣновъ.—Іеверь.—Графъ Валерьянъ Зубовъ.—Герцбергъ.—Коалиція.—Армфельдъ.—Шевалье де Саксъ.—Поляки.—Принцессы Кобургскія.—Муртаза-кулиханъ.—Свадьба Константина Павловича.—Иностранцы-агрономы.—Персидская принцесса.—Младенецъ Николай.—Шведскій король въ Петербургѣ.—Людовикъ XVIII-й.

909. Четыре письма императрицы Екатерины II-й къ Дмитрію (Свѣчену), митрополиту Новгородскому (1763—1766). Съ предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями Николая Григоровича. 1896. (2), 196—202.
910. Письмо императрицы Екатерины II-й къ князю (В. М.) Долгорукову-Крымскому отъ 17 Іюля 1771 г. 1871. (9), 1348—1350.
911. Собственноручное письмо Екатерины Великой къ П. Д. Еропкину (1786). 1898. I (4), 614. Просьба принять постъ главнокомандующаго въ Москвѣ.
912. Письмо Екатерины Второй къ гр. П. В. Завадовскому. (1777) Сообщено кн. С. М. Воронцовымъ. 1890. III (9), 102—103.
913. Письма и записочки Екатерины Великой къ гр. Валерьяну Александровичу Зубову. (1789—1796). 1886. I (3), 269—277. Въ этихъ письмахъ есть письмо гр. Платона Александровича Зубова.
914. Переписка Екатерины Великой съ Іосифомъ II-мъ. Переведено съ Французскихъ подлинниковъ Ив. Мих. Живаго, 1880. I, 210—355. О Польской границѣ.—Заступничество за Польшу.—

- Принцъ Прусскій.—Отзывъ Вольтера.—Портреты сестеръ.—Королевъ.—Сужденія о войнѣ за Америку.—Предложеніе взаимнаго ручательства.—Посредничество.—Дѣло барона Юліуса.—Вѣротерпимость.—Сестра Маріи Теодоровны.—Польскія дѣла.—Затрудненія въ заключеніи союза.—Оборонительный договоръ.—Принцесса Елисавета.—Способъ подписанія договора.—Фридрихъ II-й.—Начертаніе и срокъ договора.—Отношеніе къ Турціи.—Намекъ на Фридриха II-го.—Принцъ Генрихъ.—Участіе въ вооруженномъ нейтралитетѣ.—Условія дѣйствій противъ Турціи.—Обозрѣніе Европейскихъ державъ.—Характеристика Турціи.—Предполагаемое новое государство.—Греческое государство.—Соглядатайство Фридриха II-го.—Прусскія внушенія Порте.—На случай войны съ Портою.—Миръ Англій съ Франціей.—Призывъ къ дѣйствию противъ Турокъ.—Шведскій король.—Дандигъ.—Борьба съ Голландцами.—Вражда Фридриха II-го.—Нелады съ Турціею.—Передъ Таврическимъ путешествіемъ.—Турецкая война.—Жалобы на Пруссію.—Передъ Французскою революціей.—Иосифъ II-й передъ смертью.
915. Письма (12) Екатерины Второй рои къ ея сватѣ Гессенъ-Дармштадской ландграфинѣ Каролинѣ. 1878. I (4), 385—399.
916. Три письма Екатерины Великой къ И. И. Козлову (1763). Сообщ. Алрою Ив. Козлову. 1885. II (8), 459—460.
917. Письмо Екатерины II къ С. А. Колычову. Сообщ. барономъ М. Л. Боде. 1869. (2), 209.
918. Письмо Екатерины II-й къ П. П. Коновницыну (о пасквиляхъ на иностранцевъ). (1785). Сообщено А. А. Мартыновымъ. 1877. III (11), 333.
919. Переписка Екатерины Великой съ братьями Людовика XVI-го (объ оказаніи помощи королю) 1890. II (5), 7—14.
920. Рескриптъ Екатерины сенатору Маврину по поводу злоупотребленій въ Вятскомъ намѣстничествѣ. Съ примѣч. А. П. Барсукова. 1896. I (3), 321—322.
921. Письмо и указъ Екатерины Великой. 1903. III (10), 256—258. Къ Литовскому гетману Масальскому. Указъ въ Коллегію Экономіи, 922. Рескриптъ Екатерины Архангельскому генераль-губернатору Мельгунову (объ Американскихъ корабляхъ) (1781). 1893. I (3), 314.
923. Письмо Екатерины II къ фельдмаршалу гр. В. П. Мусину-Пушкину. Сообщ. А. А. Васильчиковымъ. 1869. (2), 208—209.
924. Записки Екатерины къ Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной. Сообщ. Ник. Андреянов. Дивовымъ. 1869. (2). 193—195.
925. Письмо Екатерины къ неизвѣстному лицу (Изъ стариннаго сборника), съ примѣч. М. Н. Лонгинова. 1864. (5—6), 594—595. Замѣтка къ этому письму П. Лебедева 1865 (12), 1514—1516.
926. Письма и указы Екатерины И. И. Неплюеву. Сообщ. Ник. Ник. Неплюевымъ. 1884. I (2), 251—265. Дополненіе къ этой статьѣ Внимательнаго читателя. III (6), 448.
927. Письмо Екатерины къ неизвѣстному лицу (по поводу клеветы на гр. Суворова). Сообщено В. И. Ламанскимъ. 1878. II (7), 281—282.
928. Письма Екатерины II-й къ А. В. Олсуфьеву. (Съ примѣчаніями М. Н. Лонгинова). 1863. (2), 81—107. (3), 177—204. (4), 273—292.
929. Замѣтка о примѣчаніи М. Н. Лонгинова къ LV письму Екатерины къ А. В. Олсуфьеву, Н. С. Киселева. 1863. 492—493.
930. Историческія замѣчанія (по поводу писемъ Екатерины II къ А. В. Олсуфьеву, о Червышо-

- вхъ), съ приложеніями. Кн. М. А. Оболенскаго. 1865. (3), 333—350.
931. Копія съ письма Екатерины къ Курляндскому г.-губ. барону Палену (1796). XVIII-й Вѣкъ. I, 422.
932. Записка Екатерины къ духовнику ея протоіерею Панфилову о графиняхъ Ефимовскихъ. (Сообщ. В. С. Корсаковымъ), съ примѣч. М. Н. Лонгинова. 1864. (5—6). 590—594.
933. Письма императрицы Екатерины къ Рейнгольду Вильгельму фонъ Польману Собщ. барономъ Гаральдомъ Роман. фонъ-Тодемъ, 1888. I (1), 1—16.
934. Рескрипты Екатерины кн. Потемкину. 1874. II (8), 225—280. Сообщ. бар. Э. А. Бюлеромъ.
935. Собственноручная замѣтка императрицы Екатерины II-й (на докладѣ кн. Потемкина). Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1976. I (1), 70—71. Прокрѣт кн. Потемкина о заселеніи Моздокской области.
936. Записочки Екатерины II-й къ кн. Потемкину. Сообщено В. И. Ламанскимъ 1875. III (10), 253—254.
937. Записочка Екатерины Второй къ гетману гр. Разумовскому (о его сынѣ Андреѣ). 1878. II (7), 280.
938. Письмо Екатерины къ гр. Н. П. Румянцову (о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича). 1869. (2), 202—206.
939. Письма Екатерины II къ Н. И. Салтыкову (въ томъ числѣ инструкція, какъ обращаться съ цесаревичемъ Павломъ Пестровичемъ и письмо къ сему послѣднему по вступленіи его въ совершеннолѣтіе). 1864. (9), 925—988.
940. Распоряженіе Екатерины II наставнику великихъ князей Николаю Ивановичу Салтыкову (о томъ, чтобы великіе князья-внуки не забавлялись солдатствомъ). 1865. (8), 1031.
941. Четыре письма Екатерины II-й къ графу Н. И. Салтыкову. Съ примѣчаніемъ Г. Н. Александрова. 1878. III (10), 241—242.
492. Два рескрипта Екатерины гр. П. С. Салтыкову, о вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. Сообщено княгиней М. А. Мещерскою 1886. III (9), 113—122. Копія съ записки врученной королевско-Прусскому полномочному министру барону Гольцу. Указы генералу командующему въ арміи графу Чернышову, Генералу - аншефу П. И. Панину. Копія съ рескрипта отправленнаго въ Берлинъ къ полномочному министру кн. Репнину.
943. Письма Екатерины къ гр. Петру Семеновичу Салтыкову. Сообщ. П. Иванов. Мятлевымъ 1886. III (9), 5—105.
944. Замѣтка по поводу писемъ Екатерины Второй къ гр. П. С. Салтыкову, Д. Э. К(обоко). 1886. III (10), 260—261.
945. Два письма Екатерины Великой къ О. Е. Сатину. 1896. (2), 187.
946. Письмо Екатерины къ полковнику Сатину съ примѣч. Г. Н. Александрова. 1873. I (4), 0449.
947. Письмо Екатерины къ гр. Сенъ-Пря. (1791). 1886. III (9), 110.
948. Рескрипты и указы Екатерины II-й къ А. Н. Сенявину. Сообщено Ал-дромъ Ив. Сенявинимъ. 1871. (9), 1351—1408.
949. Письма Екатерины къ гр. Я. Е. Сиверсу 1870. (8—9), 1422—1438.
950. Письмо Екатерины къ епископу Воронежскому Тихону III-му. Сообщилъ священникъ Стефанъ Звѣревъ. 1897. I (2), 181.
951. Письма Екатерины къ Тимофееву Ивановичу Тутолмину. Сообщ. Ник. Ник. Голицынымъ, 1873. II (12), 2273—2317. По поводу обороны противъ Шведовъ и вѣроисповѣдныя дѣла въ юго-западномъ краѣ.
952. Письма и записки Екатерины къ А. В. Храповицкому, (Изъ бумагъ Н. В. Сушкова). Съ замѣч-

- кою А. Е. Викторова 1872. (11), 2062—2099. Поправки къ этой статьѣ 1872. (12), 2599.
953. Четыре письма Екатерины къ княгинѣ А. П. Черкасской. урожденной Левшиной. 1870. (3), 529—540.
954. Нѣсколько замѣчаній о письмахъ Екатерины II къ княгинѣ Черкасской-Левшиной. М. Н. Лонгинова. 1870. (3), 587—0694.
955. Письмо Екатерины къ гр. З. Г. Чернышову съ примѣч. Г. Н. Александрова. 1873. I (4). 0449—0450.
956. Письма Екатерины II къ гр. Ивану Григорьевичу Чернышову Сообщ. Д. Н. Свербеевымъ, 1871. (9), 1313—1348.
957. Рескриптъ императрицы Екатерины В. А. Черткову (о ссылкѣ князя Н. Н. Трубецкого). 1895. I (4), 480—482. Здѣсь же письмо кн. Н. Н. Трубецкого къ В. А. Черткову и подписка его о невыѣздѣ изъ намѣстничества.
958. Письма и указы Екатерины Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину. 1891. II (5). 6—13.
959. Письмо Екатерины къ Шведскому королю. Сообщ. П. И. Щукинымъ. 1896. II (6), 188.
960. Письма Екатерины къ И. И. Шувалову (1779—85). 1867. (1), 98—100.
961. Три письма Екатеринокъ Евдокиму Алексѣевичу Щербинину. Сообщ. П. И. Щукинымъ 1896. II (6), 185—188.
962. Два письма Екатерины на имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельстрома съ замѣткою Руфа Игнатьева. 1867. (4), 512—516.
963. Указы Екатерины генераль-маіору М. А. Яковлеву. Съ предисл. А. А. Титова и родословіемъ дворянъ Яковлевыхъ. 1893. II (5), 5—17.
964. Еще тѣнь Петра III-го. 1788. (Изъ донесенія въ сенатъ ген.-поручика Ширкова). Сообщ. И. П. Шульгинимъ. 1871. (12), 2055—2065.
965. О Нѣмецкомъ сочиненіи Екатерины II-й. (Сказка Обидагъ, переведенная Семеномъ Великимъ). И. Х(аненко). 1871. (7—8). 1271—1272.
966. О видахъ добра. (Замѣтка Екатерины II. Возраженіе граф. А. С. Строганова. Отзывъ Екатерины). 1864. (5—6), 587—590.

Дѣла и люди Екатеринина времени.

967. Первые пособники Екатерины II. 1864. (2), 198—201.
968. Нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины. М. Н. Лонгинова. XVIII Вѣкъ. III 343—354, 49; и 1870 (5), 965—969.
969. Екатерининскіе пособники - солдаты. Г. Н. Александрова. 1880. II 147—161, 1901, III (11), 429 съ письмами солдатъ къ Потемкину.
970. Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи въ іюнь 1762 г. М. Н. Лонгинова. 1867 (4), 481—486.
971. Три указа Екатерины Второй О движеніяхъ хана Крымскаго. О вторичномъ занятіи Пруссіи Русскими войсками. О заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ.
972. Замѣтка Екатерины Второй по Крымскимъ дѣламъ. 1878. II (7), 280—281.
973. О состояніи Россіи при Екатеринѣ Великой. Вопросы Дидерота и отвѣты Екатерины. 1880. III, 1—29. 1880 III, 483.
974. Екатерина Великая о торговлѣ съ Бухарою. Письмо П. В. Завадовскаго къ Г. Н. Теплову. 1893. I (2), 179.
975. Лордъ Мальмесбюри о Россіи въ 1778—1783 г. 1866. (4), 584—660.
976. Императоръ Іосифъ Второй въ Россіи. М. Ф. Шугурова. 1903. I (1). 5—46.
977. Изъ записки о докладахъ 1781.

- Сообщ. Г. Писаревскій. 1901. I (1), 45. Екатерина II о членахъ секретной экспедиціи въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ.
978. Отзывъ Итальянца о главныхъ правительственныхъ лицахъ во вторую половину Екатерининскаго царствованія. (Изъ Туринскаго Архива). Съ предисл. Н. И. Григоровича. 1875. II (6), 113—125.
979. Урокъ политики въ XVIII столѣтіи. (Изъ записокъ гр. Сегюра, въ переводѣ кн. М. А. Кантакузена) 1893. III (11), 384—386.
980. Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала. (Переписка Екатерины II съ А. П. Мельгуновымъ). Сообщ. Л. Н. Трефолевымъ. 1866. (6), 777—799.
981. Душа, сердце и разумъ Екатерины Великой или достопамятныя о ней сказанія, собранныя Александромъ Шишковымъ. 1907. (2), 191.
982. О должностяхъ человѣка и гражданина. Екатерининская книга для народныхъ училищъ. 1907. I (3), 321.
983. О Екатерининской книгѣ въ народныхъ училищахъ. Записка А. С. Шишкова. 1907. I (2), 303.
984. Русскій дворъ въ 1792—1793 г. Забѣтки гр. Штернберга. Сооб. Л. Н. Майковымъ. 1880. III, 261—266.
985. Письма Германской принцессы (будущей тещи в. кн. Константина Павловича) о Русскомъ дворѣ. 1869. (7—8), 1089—1102.
986. Дворъ и правительство въ Россіи сто лѣтъ назадъ. Историческая справка. Н. А. Ратинскаго 1886. I (2), 149—176. (3). 388.
987. Жалоба крестьянъ Екатерины II о разореніи ихъ исправниками. Сообщ. И. С. Аксаковымъ. 1875. III (11), 397—398.
988. Сенатскій приговоръ по дѣлу жестокой барыни. В. Грибовскаго. 1900. II (7), 345—348.
989. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность Сообщ. В. В. Селивановымъ. 1868. (11), 1863—1864.
990. Народное преданіе объ освобожденіи крестьянъ отъ монастырской неволи. Н. Добротворскаго 1887. II (6), 158—161.
991. Объ уничтоженіи крѣпостного состоянія крестьянъ въ Россіи. (Записка А. Я. Полѣнова). 1865. (3), 285—316.
992. Забѣтка къ статьѣ А. Я. Полѣнова состояніи крестьянъ въ Россіи. Я. Борзова. 1865. (3), 316—318.
993. О крѣпостномъ правѣ въ Малороссіи. Г. Θ. Карпова. 1875. II (6), 229—232.
994. О нашемъ крѣпостномъ вопросѣ въ XVIII столѣтіи. Ореста Миллера. 1875. III (9), 82—89.
995. Мифіе объ освобожденіи крестьянъ. Сообщ. Л. Н. Майковымъ. 1870. (2), 288—291.
996. Диспутъ въ Московскомъ университетѣ 25 августа 1769 г. Доношеніе Синоду архіеп. Амвросія. Сообщ. С. М. Соловьевымъ. 1875. III (11), 312—313.
997. Описаніе Московскаго бунта 1771 г. протоіер. Петра Алексѣева. 1863. (12), 910—916.
998. Москва въ 1771 г. (Бумаги А. А. Саблукова). Сообщ. П. А. Мухановымъ. 1866 (3), 329—339.
999. Пугачевщина. 1876. II (5), 7—44. Письма гр. П. И. Панина къ брату его гр. Никитѣ и къ кн. А. Б. Куракину. Кн. Кантемиръ. Письма Г. А. Потемкина къ гр. П. И. Панину.
1000. Отголосокъ Пугачовщины на Украинѣ. Евгенія Альбовскаго. 1898. III (11), 297—308.
1001. Пугачевскіе сообщники въ Астрахани. П. Л. Юдина. 1900. II (6), 150—158.
1002. Самозванецъ XIX-го столѣтія (Лже-сынъ Екатерины Великой). П. Л. Юдина. 1898. I (4), 615—620.
1003. Къ исторіи Пугачовщины. П. Л. Юдина. 1896. II (5), 5—46. (6), 161—184. Самозванецъ Камск-

- щиковъ. — Бригад. Корфъ. —
Участь Чернышова. — Хлопуша.
Воевода Веревкинъ. — Хорун-
жий Невзоровъ. — Декалонгъ. —
Шугачовъ въ Башкири. — Сту-
пишинъ. — Присяга Уральцевъ.
— Крестьянинъ Журавлевъ. —
Мещерякъ Аптышевъ. — Старо-
вѣръ Завьяловъ. — Крестьяне
Калбановъ и Кривенковъ. —
Солдатъ Колесниковъ. — Второй
самозванецъ. — Жупановъ. —
Оружейниковъ. — Казачка Куз-
нецова. — Рубцовскій бунтъ.
- 1004.** Сказаніе о Колывцинѣ. М. А.
Максимовича. 1875. II (5), 5—
27.
- 1005.** Записка о бунтѣ, Беніовскаго
въ Большерѣцкомъ острогѣ (въ
Камчаткѣ, въ пользу Павла Пе-
тровича). Составлена для имп.
Николая гр. Д. Н. Блудовымъ.
1865. (4), 417—488.
- 1006.** Журнальная записка экспедиціи
кн. Юрія Владимировича Дол-
горукаго, въ Черную Гору.
1886. I (4), 38—437. Степанъ
Малый. — Присяга Черногор-
цевъ Россіи. — Митроп. Савва. —
Патріархъ Василій. — Михаилъ
Христовичъ. — Гр. Войновичъ.
- 1007.** Матеріалы для исторіи Морей-
ской экспедиціи. (Сообщ. гр. Е.
Н. Толстымъ). 1864, (5—6),
547—569. Письмо гр. А. Г. Ор-
лова къ Г. А. Спиридову. —
Письмо Спиридова къ Екате-
ринѣ.
- 1008.** О сношеніяхъ Россіи съ Чер-
ногорією. (Изъ дѣлъ князя По-
темкина). Сообщ. Г. Н. Алек-
сандровъ. 1876. II (7), 257—
270.
- 1009.** Русскіе въ Архипелагѣ въ 1771
году. И. В. Помяловскаго. 1878.
II (5), 114—116.
- 1010.** О рукописной исторіи первой
Екатерининской войны съ Тур-
цією. Степана Гуляева. 1870.
(6), 1158—1159.
- 1011.** Кучукъ - Кайнарджійскій миръ.
И. И. Шаховскаго. 1879. III (10),
137—169. Переписка гр. П. А.
Румянцова съ Екатериной, гр.
Н. И. Панинымъ, Прусскимъ
министромъ Цегелинымъ, пол-
ковн. Петерсономъ, кн. Д. М.
Долгоруковымъ и верховнымъ
визиремъ.
- 1012.** Торжество празднованія Кучукъ-
Кайнарджійскаго мира въ го-
родѣ Вологдѣ. С. Ковалева.
1903. III (12), 513—518.
- 1013.** О памятникѣ Кагульской битвы
(сооруженіи кн. М. С. Ворон-
цова). 1873. I (4), 0463—0466.
- 1014.** Расходы города Лальска по слу-
чаю путешествія Екатерины въ
Крымъ. С. Ковалева. 1902. III
(11), 425—426.
- 1015.** Обрядъ при проѣздѣ Екатерины
II-й чрезъ Харьковское намѣст-
ничество. В. А. Черткова. Сообщ.
Г. П. Данилевскимъ. XVIII Вѣкъ
I, 306—313.
- 1016.** Кое-что о временахъ Екате-
рины II. (Стихи ея и виды на
завоеваніе Турціи). Изъ Запи-
сокъ Н. В. Сушкова. 1865. (12),
1504—1514.
- 1017.** Канцеляріи Правительствующа-
го Сената Приказъ о говнѣи
въ великій постъ. Сообщ. Н.
В. Калачовымъ. 1867. (3), 365.
- 1018.** Потемкинъ и Безбородко объ
отношеніяхъ къ Польшѣ. Со-
общ. И. П. Хрущовымъ. 1888.
III (10), 184—186.
- 1019.** Полякъ-конфедератъ въ Сиби-
ри. Съ предисл. М. Серно-Со-
ловьевича. 1886. I (3), 278—304.
Д. И. Чичеринъ въ Тобольскѣ.
- 1020.** Матеріалы для исторіи присое-
диненія Польши къ Россіи.
1863. (7), 549—566, (8—9),
661—697. (10—11), 785—829.
- 1021.** Письма во время осады Измаи-
ла 1790 гр. Г. И. Чернышова
къ кн. С. Ѳ. Голицыну. 1871.
(3), 385—408.
- 1022.** Верельскій мирный договоръ съ
Швецією (По документамъ изъ
архива гр. Игельстрома). Гр. Д.
А. Толстаго. 1887. III (12), 457
—520. Изъ посмертныхъ исто-
рическихъ записокъ Югана-Аль-

- берта Эренстрёма.—Письма гр. А. А. Безбородки къ гр. О. А. Игельstromу.—Письма Екатерины къ гр. И. П. Салтыкову и къ Игельstromу.—Письма гр. Остермана къ Игельstromу. Игельstromа къ кн. Потомкину.
1023. Разсказъ Евгеніи Вечёсловой о Варшавской рѣзнѣ 1794 года. 1897. I (2), 330—332.
1024. Послѣднія судьбы Польши. Дневникъ Цѣшковскаго. Перев. съ Польскаго г-жи Яворской. Съ предисл. А. А. Титова. 1904. III (11), 305—325.
1025. Замѣтка о днечникѣ Краковскаго возстанія въ 1794 г. А. А. Титова. 1906. I, обложка I вып.
1026. Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVIII в. М. Ф. Де-Пуле. XVIII Вѣкъ, 97—206.
1027. Кто взялъ въ плѣнъ Костюшку? Л. М. Савелова. 1894. III (10), 238—239.
1028. Къ исторіи Шведской войны 1788 г. (По Шведскимъ источникамъ). Я. К. Грота. 1869. (1), 111—124. Гр. Андрей Кирилловичъ Разумовскій.
1029. Мѣстничество въ исходѣ XVIII вѣка. Споръ о командованіи Русскими арміями (по кончинѣ князя Потемкина). Г. Н. Александрова. 1873. I (1). LX—XCVI. Письма М. Ф. Каменскаго.
1030. Мнѣніе кн. Потемкина объ обмундированіи войскъ. 1888. III (11), 364—367.
1031. Разсужденіе о войнѣ 1781 г. (Военно-библиографическая замѣтка). М. К. Соколовскаго. 1904. I (4), 635—637.
1032. Русская армія во второй половинѣ Екатерининскаго царствованія. Отчего она въ упадокъ приведена, и неслестно хорошимъ офицерамъ продолжать службу. С. М. Ржевскаго. Сооб. С. Пестовымъ. 1879. I, 357—362.
1033. Русскіе въ южной Бессарабіи. А. П. К. 1902. II (5), 150—160.
1034. Описаніе событій въ Грузіи и Черкесіи по отношенію къ Оттоманской имперіи. (Изъ „Исторіи Турціи“, соч. Девдетъ-паши). Перев. съ Турецкаго. М. Гамазова. 1888. I (3), 69—3392.
1035. Историческая справка, по поводу празднованія Орловскимъ дворянствомъ столѣтія Дворянской Грамоты. Н. А. Ратынскаго. 1885. II (5), 0166—0176.
1036. Къ столѣтнему юбилею Московскаго Дворянскаго Клуба. Г. Н. Александрова. 1879. I (4), 523—524.
1037. Предложеніе Г. Н. Шатилова дворянскому собранію Тульской губерніи (по случаю столѣтія Дворянской Грамоты). 1885. II (5), 0165—0166.
1038. Къ исторіи Кавказа и Закавказья. Сообщено В. С. Абакумовымъ. 1889. I, 559—570. Рескриптъ Екатерины Медему.
1039. Запечный мастеръ (въ Ярославлѣ въ 1760-хъ г.) Л. Н. Трефолева. 1868. (7—8). 1064—1068.
1040. Ростовскіе переселенцы. (Изъ переписки гр. В. А. Зубова). Л. Н. Трефолева. 1895. I (1), 29—48. Переписка В. А. Зубова съ П. В. Лопухиннымъ.
1041. Объясненіе Хрисанова Неопатрасскаго для соображеній графу Валеріану Зубову передъ походомъ его въ Персію. Сооб. Н. Ф. Самаринымъ. 1873. I (5) 863—876.
1042. Пять писемъ изъ семейной переписки прошлаго столѣтія. Съ послѣсл. Ю. В. Толстаго. 1875. I (3), 364—0369. Кн. Маріи Абрамовны Воротынской.—Кн. Николая Романовича Воротынскаго.
1043. Докладъ гр. Я. Е. Сиверса о состояніи Новгородской губерніи. 1892. III (10), 169—198.
1044. Секретная Комиссія въ Хол-

ТРИ ПИСЬМА ПОРФИРИЯ УСПЕНСКАГО КЪ ПРОТОІЕРЕЮ М. К. ПАВЛОВСКОМУ.

(1841—1856).

Протоіерей *Михаилъ Карповичъ Павловскій*, заслуженный профессоръ богословія въ Новоросійскомъ Университетѣ, скончался 16-го Марта 1898 г. За мѣсяць передъ этимъ мы видѣлись и бесѣдовали съ нимъ, и онъ, будучи уже 89 лѣтъ отъ роду, казался бодрымъ и обнаруживалъ по прежнему живой интересъ къ литературѣ и жизни*).

Въ послѣднее свиданіе свое съ нами, о. протоіерей М. К. Павловскій сообщилъ намъ нижеслѣдующія письма къ нему архим. Порфирія Успенскаго.

Эти письма служатъ къ біографіи знаменитаго нашего путешественника по Востоку, дневникъ котораго, выходящій теперь въ свѣтъ подъ заглавіемъ: „*Книга моего бытія*“, производитъ такое глубокое впечатлѣніе на Русское общество... Изъ его писемъ читатели увидятъ, какія чувства дружбы и любви соединяли архим. Порфирія съ протоіереемъ Павловскимъ. Они подружились въ Одессѣ, состоя вмѣстѣ на учебной службѣ. Сначала они совмѣстно трудились въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ, гдѣ оба преподавали Законъ Божій: Порфирій—въ высшихъ классахъ Лицея, а Павловскій—въ низшихъ, гимназическихъ. Но когда Одесса сдѣлалась въ 1837 г. центромъ ново-учрежденной епархіи *Херсонской* и *Таврической*, когда открыта въ ней архіерейская кафедра, а при кафедрѣ этой предположено было основать и новую

*) Одесса почтительно отнеслась къ кончинѣ своего *старога пастыря*, въ продолженіе получивъ служившаго ей дарованнымъ ему отъ Господа *великими талантами слова*, и въ церкви, и на профессорской кафедрѣ. Тѣло почившаго вынесено было сначала въ Университетскую церковь, гдѣ послѣ панихиды проф. *А. М. Кочубинскій* почтилъ память о. протоіерей прочувствованною рѣчью. Послѣднее же отпаваніе совершено въ кафедральномъ соборѣ 19 Марта, и совершалъ его адѣшній архипастырь Густинъ, архіепископъ Херсонскій и Одесскій. При отпаваніи сказаны были двѣ рѣчи: одна—ректоромъ мѣстной духовной Семинаріи протоіереемъ *М. Ѡ. Челепаню*, а другая—профессоромъ богословія въ Университетѣ протоіер. *В. М. Войтковскимъ*. За гробомъ, до стараго кладбища, шло много народа, и въ средѣ его много бывшихъ учениковъ почившаго о. протоіерей по Лицею и по Университету; отъ лица этихъ учениковъ сказана была предъ самымъ опуцденіемъ тѣла въ могилу рѣчь *С. И. Знаменскимъ*, председателемъ Одесскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Духовную Семинарію, тогда духовное начальство, для первоначальныхъ и основныхъ дѣйствій по учрежденію этой Семинаріи, избрало изъ мѣстныхъ учебныхъ силъ Порфирія и Павловскаго, какъ наиболѣе способныхъ для этой важной цѣли... Первый назначенъ былъ ректоромъ ново-открываемой Семинаріи и профессоромъ богословія, а второй профессоромъ всеобщей Исторіи и Греческаго языка. Конечно, главная распорядительная дѣятельность по открытію Семинаріи, какъ и вообще по образованію въ новой епархіи всѣхъ необходимыхъ для нея учреждений, принадлежала первому архипастырю этой епархіи, архіепископу *Гавриилу Розанову*, человѣку энергическому, много потрудившемуся не только въ качествѣ церковнаго администратора въ Новороссійскомъ краѣ, но и въ качествѣ самаго ревностнаго и кропотливаго изслѣдователя его исторіи и собирателя его преданій ¹⁾. Архим. *Порфирію Успенскому* и протоіер. *Михаилу Павловскому* принадлежала честь быть главными помощниками этого достопамятнаго въ здѣшнемъ краѣ архипастыря, непосредственными органами въ исполненіи его первоначальныхъ распоряженій. Вотъ трудами и усиліями *тихъ-то трехъ лицъ* и подготовлено было все къ открытію въ Одессѣ Духовной Семинаріи, которое послѣдовало 1-го Октября 1838 года съ особенною торжественностію ²⁾... Къ сожалѣнію, недолго пришлось Порфирію и Павловскому служить въ новооткрытой Семинаріи. Павловскій долженъ былъ оставить ее чрезъ три мѣсяца. Его отстояло для себя, хлопотами въ С.-Петербургѣ, свѣтское учебное начальство, и онъ занялъ мѣсто Порфирія въ Рижельскомъ Лицеѣ, именно профессора богословія; а Порфирій оставался въ Одесской Семинаріи только до 1841 года. а затѣмъ высшее начальство, принимая во вниманіе его знанія и способности, предназначило его для служенія православной церкви внѣ Россіи. Въ началѣ 1841 года Порфирій уже оставилъ Одессу.

Въ сообщеніяхъ нашихъ, напечатанныхъ въ „*Русскомъ Архивѣ*“ за 1898 г. (вып. 2), надо исправить двѣ *опечатки*:

1) Въ „Замѣткахъ о М. Л. Магницкомъ“, въ подстрочномъ примѣчаніи о Н. Г. Тройницкомъ, напечатано: „*перваго* выпуска 1832 года“. Нужно читать: „*первый* (т.-е. воспитанникъ) выпуска 1832 г.

2) Въ письмѣ В. В. Гречулевича къ архіеп. Аватолію Мартыновскому напечатано, что сочиненіе преосв. Григорія Казанскаго „*объ истинной церкви*“ *понравилось* м. Филарету. Нужно читать: *не понравилось*. Л. М.

¹⁾ Некоторые изъ историческихъ трудовъ преосв. *Гавриила Розанова* указаны въ *Русскомъ Архивѣ* 1876 г. кн. 3-я, стр. 368-я.

²⁾ Открытіе это подробно описано въ № 86-мъ *Одесскаго Вѣстника* за 1838 г. въ отдѣлѣ „Внутреннія Извѣстія“. Здѣсь сказано, что ректоръ Семинаріи архим. Порфирій провозгласилъ на этомъ открытіи слово „*о преданіяхъ Восточной Православной Каволической Церкви*“; профессоръ М. Павловскій „выразилъ предъ именитымъ собраніемъ чувствованія, вдохновленныя духовнымъ торжествомъ“; а въ заключеніе архіепископъ Гавриилъ „принесъ въ даръ юной Семинаріи нѣсколько книгъ богословскихъ и приветствовалъ начальниковъ и наставниковъ оной краткой назидательной рѣчью на Латинскомъ языкѣ“.

1.

Кострома, 1841 года Февраля 25 дня.

Далеко я отъ васъ, мой добрый и незабвенный другъ! Но мысль моя съ вами или, лучше, я ношу васъ въ душѣ моей: вы имѣете въ ней вѣчное мѣсто. Никакія новыя впечатлѣнія, никакіе люди не вытѣснили васъ изъ любящей души моей. Я чувствую, что содружество мое съ вами прочно, непоколебимо, неизмѣнно. Вы просите меня бесѣдовать съ вами, пока духъ жизни пребудетъ во мнѣ. Хочу и буду и долженъ. Мои мысли, мои чувствованія вамъ принадлежать и всегда будутъ принадлежать. Я вашъ до гроба! Вѣрно слово.

Вы плакали, провожая и благословляя меня въ путь далекій, и теперь, когда я уже закатился отъ васъ далеко, далеко, у васъ prorываются слезы. Спросите же меня: чѣмъ усѣянь путь мой? Слезами. Во всю дорогу я твердилъ ваши слова: «потерять золото значитъ потерять нѣчто; потерять друга значитъ лишиться всего», твердилъ и плакалъ. Я правъ. Гдѣ я встрѣчу, найду такую благородную, добрую душу, какую Богъ вамъ далъ, на радость мнѣ? Кому я повѣрю свои задушевные страданія? На чьей груди успокоюсь? Съ кѣмъ буду бесѣдовать такъ, какъ бесѣдовалъ съ вами? Любите меня: я имѣю нужду въ вашей любви. Говорите со мною: мнѣ отраднo слушать васъ.

Бросивъ послѣдній взглядъ на васъ и на всѣхъ окружавшихъ меня, я залился слезами; мысль моя оцѣпенѣла; одно чувство тоски невыразимой владѣло мною. Когда довольно, довольно настрадалась душа моя, я узналъ, что уже далеко отъ васъ. Въ смущеніи, въ скорби я обронилъ деньги (500 р.) и не умѣлъ найти ихъ. Тотъ ничего не видитъ, у кого очи плачутъ. Потеря мало тревожила меня, потому ли, что пророчесвенная душа моя угадывала пополненіе этого лишенія, или потому, что она никогда не цѣнила дорого земныхъ условій удобной жизни. Чтò значитъ вещественное лишеніе предъ лишеніями душевными? Я не беспокоился много о потерѣ денегъ и потому не принялъ и не хотѣлъ принять никакихъ средствъ къ отысканію ихъ надлежащимъ порядкомъ. День и ночь я ѣхалъ далѣе, все далѣе; не хотѣлъ останавливаться на вашей родинѣ *), потому что пріѣхалъ туда предъ разсвѣтомъ. Поручивъ ваши письма почтальону для доставленія ихъ кому слѣдуетъ, я отправился въ путь. Почтеннѣйшій Григорій Даниловичъ

*) Т. е. въ Елисаветградѣ.

принять и упокоить меня по братски ¹⁾. Хвалю и славлю его добрую и благородную душу. Напишите ему, что я его помню, потому что любилъ.

Не имѣю времени писать подробно о всемъ, что случилось со мною въ дорогѣ. Немало огорченій потерпѣлъ я. Была и опасность: въ степяхъ между Полтавою и Харьковымъ едва не погибъ вашъ другъ. Въ глухую полночь мои ящики сбились съ дороги; вoвокъ съ 6-ю лошадьми загрузъ въ глубокомъ снѣгу; не было никакой возможности высвободиться изъ этой засады; темнота, порывистый вѣтеръ, сильный холодъ увеличивали опасность; я начиналъ чувствовать оцепененіе въ рукахъ и ногахъ и дрожь во всемъ тѣлѣ. Вдругъ пришло мнѣ въ голову, что животное по инстинкту можетъ найти дорогу и свое стойло; я приказалъ подать мнѣ переднюю осѣдланную лошадь; кой-какъ освободили, вытащили ее изъ ямы, и животное спасло меня; на немъ я кое-какъ добрался до деревни, и выслали оттуда людей для освобожденія экипажа. Съ этого времени я боялся пускаться въ дорогу въ глухую полночь. Во все время моей поѣздки до родины погода стояла весьма хорошая, но дороги отъ Харькова до Москвы! Это—цѣпь ухабовъ, ямъ, опасныхъ раскатовъ. Замучился. Едва доставало у меня силъ и терпѣнія переносить труды такого путешествія. По причинѣ дурныхъ дорогъ я ѣхалъ очень медленно. Во всѣхъ губернскихъ городахъ я останавливался, принималъ благословеніе архипастырей, видѣлъ ректоровъ, осматривалъ семинаріи и училища; вездѣ встрѣчалъ пріемъ братскій. Душа моя полна новыми, свѣжими впечатлѣніями, понятіями, чувствованіями. Весьма пріятно и полезно знакомиться съ разными людьми, сравнивать ихъ между собою и съ собою, прозрѣвать въ ихъ души, собирать замѣчанія объ образѣ мыслей и проч. Изъ этихъ замѣчаній я еще не сдѣлалъ общаго вывода, потому что еще не всѣхъ ученыхъ видѣлъ; еще надобно побесѣдовать въ Ярославлѣ, въ Лаврѣ, въ Москвѣ, въ Твери, Новгородѣ и въ Петербургѣ. Что касается до семинарій, то всѣ они—безобразны, грязны, мертвы; вездѣ все изломано, испачкано; языкованія вовсе нѣтъ. Теперь я лучше понимаю, какую услугу оказалъ я Херсонской епархіи, устроивъ семинарію въ Одессѣ надлежащимъ образомъ. Уповаю, что о. ректоръ Аванасій поддержитъ меня ²⁾.

¹⁾ Это—уже въ *Кремльчугѣ*. Григорій Данил. *Стировскій*, женатый на родной сестрѣ М. К. Павловскаго, служилъ здѣсь свѣтскимъ чиновникомъ.

²⁾ Архим. *Аванасій Дроздовъ* (повдѣе ректоръ С.-Петербург. Д. Академіи и послушное орудіе графа Н. А. Протасова) былъ вторымъ ректоромъ Одесской Д. Семинаріи, преемникомъ Порфирія; но онъ не отличался эстетическими наклонностями своего предшественника и потому не поддерживалъ его начинаній. Напротивъ, онъ говорилъ: „къ чему эта

На родину ¹⁾ я прїѣхалъ изъ Москвы 23 Февраля. Домъ мой есть мѣсто раздора, грубости, неповиновенія моея волѣ и плача. Не гошу, а грущу. Зятя съ сестрою я умирилъ; но мать не пускаетъ его въ домъ; какво это? Увѣжаю, не сдѣлавъ ничего, ровно ничего. Да будетъ воля Господня надъ злополучною сестрою и младенцемъ ея!

Обратно въ Москву выѣду 28 дня; постараюсь отыскать вашего брата и лично вручить ему письмо ваше ²⁾. Въ Москвѣ я не замедлю: пора въ Петербургъ. Слышалъ я отъ ректора Московской Семинаріи, что мнѣ дано будетъ какое-то порученіе; объ этомъ говорилъ ему е. с. графъ Протасовъ. Чтѣ будетъ, то и будетъ.

Простите. До свиданія. Да благословить Богъ все ваше семейство. Поцѣлуйте дѣтей вашихъ и напомните имъ о мнѣ. Вашъ А. Порфирій.

Р. С. Въ досужный часъ напишу вамъ нѣсколько строкъ изъ Москвы. Между тѣмъ прошу васъ засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе А. С. Стурдзѣ, и поклонитесь отъ меня куму, Дембровскимъ и прочимъ знакомымъ моимъ. Всѣ они не тѣсно помѣщаются въ сердцѣ моемъ.

2.

С.-Петербургъ. 1854 года 25 Октября.

Священный другъ мой! Устройвъ себѣ временное гнѣздо въ Александроневской Лаврѣ, въ этомъ прежнемъ перепутьи моемъ, отвѣчаю на письмо ваше отъ 14 Сентября.

Вы говорите, что, «не взирая на измѣненія временъ и событій, любите меня, какъ любили 21 годъ тому назадъ». Вѣрю этимъ вишневымъ ³⁾ словамъ вашимъ, и вѣрю потому, что самъ люблю, уважаю и величаю васъ, или лучше тѣ дарованія ваши, коими вы надѣлены нескудно отъ Бога.

роскошь для семинаристовъ?! (Слышано отъ М. К. П—го). Не было и прежняго послушанія архіепа. Гавриилу. Биографъ послѣдняго П. Н. Мурзакевичъ говоритъ: „Заботясь объ улучшеніи внутренняго быта воспитанниковъ, благосердый основатель Семинаріи, къ сожалѣнію, иногда встрѣчалъ пререканія ректоровъ *Аванасія Дроздова* и *Никодима Казанцева*“. (Херс. Еп. Вѣд.⁴ 1879, № 17).

¹⁾ Т. е. въ Кострому.

²⁾ Родной братъ М. К. П—го *Александръ Карповичъ П—скій* служилъ въ Москвѣ прввителемъ канцеляріи Моск. оберъ-полицейстера.

³⁾ Т. е. краснымъ. Такъ изъяснилъ намъ самъ М. К. П—скій этотъ зпитетъ, показавшійся намъ необычнымъ.

Сей Богъ, Который вѣдаетъ удѣльный вѣсь солнцевъ и звѣздъ и о Которомъ сказано, что Онъ есть *болій сердца нашего*, лучше меня знаетъ: кого люблю я сильнѣе, васъ ли, или блаженной памяти друга нашего Александра Скарлатовича, о потерѣ котораго вы скорбите ¹⁾). Скорблю и я, лишившись въ немъ благодѣтеля, и къ рыданіямъ вашимъ присоединяю вопль мой. Умогла цѣвница Православія. Расторглась цѣпь, соединявшая Востокъ съ Сѣверомъ. На небо отлетѣла душа, которой вѣра, надежда и любовь изъ ничего созидали пріюты для сирыхъ и недугующихъ. Но во многихъ сердцахъ, и въ моемъ, какъ въ свѣтломъ чертогѣ, хранится нерукотворенный образъ сего многоблагодатнаго Христіанина. Вѣчная память ему! ²⁾

На вопросъ вашъ «что съ вами, мой святой странникъ»? не знаю, что отвѣчать. Ибо я, пока, подобенъ кораблю, барющемуся съ тревоженіемъ въ непроницаемомъ мракѣ. Только одинъ тринадцатый валъ разложился и исчезъ подо мною: это распространенная здѣсь однимъ сановникомъ тревога, будто я въ Римѣ сдѣлаюсь папистомъ. Прочія же волны обуреваютъ меня сильно. Но поелику Кормчій мой Господь, то я ничего и никого не боюсь и безтрепетно плыву къ пристанищу, какое для меня избрано Имъ, Всевѣдущимъ и Владыкою моимъ.

Въ 17 день Октября здѣсь волею Божіею скончался мой вѣрный и добрый домочадецъ Иванъ. Я оплакалъ его и похоронилъ честно. Теперь мнѣ служить юный Абиссинецъ, Фрументій, черный тѣломъ, но бѣлый душею. Богъ послалъ его мнѣ для того, чтобы я воспиталъ, образовалъ и отправилъ его въ Абиссинію въ санѣ священника.

Кланяюсь вашему архипастырю ³⁾ и лобызаю жертвоприносящую и благодать истѣчающую десницу его, васъ же обнимаю крѣпко и прошу вашихъ молитвъ. А. Порфирій.

Р. S. Спросите г. Мурзакевича, доставлены ли ему монеты мои, золотыя, серебряныя и мѣдныя, посланныя изъ Іерусалима въ 1853 году съ генеральшею Ширманъ, для передачи въ Одесское Общество любителей Исторіи и древностей. и увѣдомьте меня о семъ.

¹⁾ Александръ Скарлатовичъ Стурдза скончался 13 Іюня 1854 г.

²⁾ Вотъ вдохновенная характеристика сего достопамятнѣйшаго дѣятеля Церкви и Отечества. Онъ ждетъ еще полной своей біографіи и сведенія *во-едино* своихъ сочиненій и особенно своей переписки. На внукахъ его лежить священный долгъ сдѣлать этотъ даръ Русскому обществу.

³⁾ Т. е. архіепископу Херсонскому *Инокентію*.

3.

Ораниенбаумъ. 1856 года 14 Іюня.

Священный другъ мой Михаилъ Карповичъ!

Душа моя—чертогъ. Наилучшее украшеніе его есть образъ вашъ, живописуемый дружескою любовію, которая весьма памятлива. Въ этомъ чертогъ бываетъ слово о васъ къ Богу. Но вотъ слово и къ вамъ! Да радуется душа ваша о Господѣ, облекшемъ васъ и насъ въ ризу спасенія; да царствуетъ въ ней миръ Его, превосходящій всякъ умъ; и да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки. 'Ерѣѣ! 1)

О себѣ же имамъ рещи слово любезное слуху вашему. Живу подъ кровомъ великой благодѣтельницы моей 2) и пріятно отдыхаю послѣ напряженныхъ занятій умственныхъ, подвигая впередъ печатаніе четырехъ твореній моихъ, кои, надѣюсь, выдутъ въ свѣтъ въ первые дни будущаго года. Часто вспоминаю Востокъ и твержу слова древняго поѣта: *Avua beata. Petamus avua divites et insulas.* Однако воля моя—вся въ волѣ Божіей.

Напомните обо мнѣ дѣтямъ вашимъ. Прошу благословенія у вашего архипастыря, а васъ лобызаю святымъ лобзаніемъ. Другъ вашъ А. Порфирій.

P. S. Въ *Ораниенбаумъ* (С.-Петербург. губерніи) я проживу до Октября.

Сообщилъ Левъ Мацѣвичъ.

1) Т. е. Здравствуйте! или то, что по-сербски *живио!*.

2) Т. е. великой княгини Елены Павловны.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ХЕРСОНСКАГО АРХІЕПИСКОПА ИННОКЕНТІЯ КЪ К. С. СЕРБИНОВИЧУ *).

1.

Милостивый государь Константинъ Степановичъ!

Бывъ такъ долго лишень удовольствія бесѣдовать съ вами хартиєю и перомъ, я обрадованъ писанію вашему, какъ дорогому, но нежданному гостю, и весьма благодаренъ моей бѣдной книжицѣ за то, что она послужила поводомъ къ сей пріятной обязанности. Теперь очередь за мной, и я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу увѣрить васъ, что я одинъ и тотъ же въ отношеніи къ вамъ, совсѣмъ душевнымъ уваженіемъ за доброту души вашей и общепользные труды ваши. Къ вашему журналу *) признаюсь, я имѣю особенное расположеніе за его внутреннее и внѣшнее достоинство. Немало подобнаго рода статей перебывало подъ рукою, но все такія, на кои надлежало еще наложить послѣднюю, какъ говорится, руку. Это требовало времени, досуга, а въ этихъ-то вещахъ у меня всего менѣе достатка: ничего не дѣлалъ и оставался въ безмолвіи.

Если благое желаніе извиняетъ сколько-нибудь неудачу, то прошу покорно простерть сіе правило и на меня. И вы наконецъ вызываете меня на составленіе сборника богословскихъ наукъ. Очень радъ сему вызову, и я съ вами могу говорить откровенно. Какъ можно мнѣ писать по нынѣшнему ходу наукъ, когда я противъ сего хода, и когда ходъ ихъ нынѣшній мнѣ кажется однимъ изъ главныхъ золь? Не значить ли это составить планъ для увѣтшавшаго дома, когда его нужно вовсе перестроить? Мысль мою касательно сего предмета я достаточно раскрылъ и подтвердилъ предъ кѣмъ слѣдуетъ, еще въ бытность мою у васъ. Согласны принять? Я составлю въ новомъ видѣ. Несогласны? Къ чему переписывать прежнее? Старый одобренный Комиссіей, по нынѣшнему

*) Иннокентій въ то время былъ викаріемъ въ Кіевѣ при митрополитѣ Евгеніи и ректоромъ тамошней Духовной Академіи, а Сербиновичъ (род. 1796 † 1875), если не ошибеяся, директоромъ канцеляріи об. прокурора Св. Синода. П. Б.

ходу наукъ, хорошъ. Не смотря на такое положеніе дѣла, чтобы утолить гнѣвъ Комиссіи, не знаю чѣмъ заслуженный, я рѣшилъ изложить съ нѣкоторыми прибавленіями, и надѣюсь вскорѣ представить ихъ чрезъ нашего владыку Комиссіи Духовныхъ Училищъ. Пусть дѣлають изъ нихъ, что хотятъ; по крайней мѣрѣ не скажутъ, что я не повинуюсь, чего у меня и во снѣ и на умѣ не было. За сею исповѣдью позволте обременить васъ одною покорнѣйшею просьбою. Должность ректора Академіи становится для меня изнурительною тяжестью, и я почелъ бы за милость увольненіе отъ нея. Мало ли теперь людей, могущихъ занять это мѣсто съ честью? А мнѣ кажется, безъ грѣха, послѣ продолжительнаго странствованія по школьной пустынѣ, можно воспользоваться хоть малымъотдыхомъ, коимъ давно пользуются многіе, не говорю изъ товарищей, даже учениковъ моихъ. Посему покорнѣйше прошу довести сіе желаніе мое до свѣдѣнія его сіятельства *). Если для достиженія цѣли нужна съ моей стороны какая-либо офиціальная просьба, то она не замедлитъ явиться по первому увѣдомленію вашему, кого я буду ждать, какъ особенной милости. Вашъ ex toto animo слуга Иннокентій, е. Ч., в. К.

Изъ статей, кои имѣють явиться къ вамъ, нельзя ли поскорѣе напечатать: о Евреяхъ? Прочія отдаются вполнѣ на ваше благоусмотрѣніе.

Кіевъ, Іюня 28, 1836.

2.

На письма, подобныя вашимъ, не медлятъ отвѣтомъ, а я замедлил! Замедлил потому, что получилъ его спустя два мѣсяца послѣ настоящаго срока. Это значитъ, что меня въ это время не было дома. Начальство дало мнѣ позволеніе предпринять путешествіе, частію для обзора семинарій, частію, и главнѣйшимъ образомъ, для поправленія здоровья, и вотъ я объѣхалъ цѣлыхъ 12 губерній, почти весь нашъ Югъ, исключая Грузіи. Такимъ-то образомъ лишился я удовольствія поздравить васъ во время со вступленіемъ снова, какъ точнѣе сказать? съ возвращеніемъ въ прежнее состояніе. Ничего болѣе не могу вамъ при семъ случаѣ пожелать, какъ только того, чтобы надъ вами и почтеннѣйшей сожительницей вашей сбылось во всей силѣ то, что въ своихъ молитвахъ проситъ у Господа для васъ Церковь Христова. Въ залогъ событія сихъ благопожеланій, я не замедлю доставить вамъ пару колець отъ мощей Великомученицы Варвары. О книгѣ моей не знаю что и думать. Она сподобилась такой чести, какой автору ея и во снѣ не представлялось.

*) Графу Протасову. П. Б.
II, 28

Дѣлать нечего, надобно продавать и незавидный товаръ, когда являются требующіе, а лучшаго нѣтъ. Она давно печатается въ С.-Петербургѣ; я думаю скоро должна явиться въ свѣтъ. Посему, ежели будетъ угодно вамъ, то издатель, чиновникъ почтъ-департамента, Карлъ Дмитриевичъ Грузинъ, не замедлитъ доставить вамъ, сколько нужно экземпляровъ. Для журнала посылаю еще одну статью о Еврейскомъ языкѣ. О немъ у насъ мало знаютъ, а языкъ путный. За необработку окончательную статей просимъ извиненія. Хотѣлъ послать вамъ что-либо, предъ отправленіемъ моимъ въ путь, почему и посылаю, чтѣ и какъ случилось. Не будемъ гнѣваться, если чтѣ и не пойдетъ въ дѣло: матеріалъ недорогой. При особомъ отпечатаніи статей нельзя ли дѣлать особаго заглавнаго листа? Черезъ это оттиски особенные, а печатать все равно, получили-бы нѣкоторый видъ самостоятельнаго цѣлаго. Такъ по крайней мѣрѣ думаютъ трудившіеся надъ ними, и удовлетвореніе ихъ желанія въ этомъ отношеніи можетъ служить къ поощренію ихъ на дальнѣйшіе труды.

Среди путешествія моего я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, изъ коихъ одно нахожу нужнымъ передать вамъ. У насъ учатъ нынѣ едва не всѣмъ языкамъ въ свѣтѣ, даже Санскритскому, а того языка, коимъ говорятъ вокругъ насъ, коимъ насъ обманываютъ, коимъ дѣлаютъ заговоръ на нашу жизнь, мы вовсе не знаемъ, и ему никто не учится. Я разумѣю языкъ Еврейскій. Слышали, думаю, объ ужасномъ, адскомъ заговорѣ, составленномъ Евреями—истребить всѣхъ Христіанъ? Началось слѣдствіе; но языка никто не знаетъ!

3.

Отношеніемъ г. оберъ-прокурора дано мнѣ знать, чтобы я распорядился въ принятіи изъ Кабинета ризницы, для меня устроенной. Но взять и вести съ собою составило бы для меня немалую тяжесть. Поэтому я осмѣливаюсь просить его сіятельство о томъ, чтобы она была принята изъ Кабинета и отправлена ко мнѣ въ Кіевъ безъ меня, на что онъ охотно согласится. Между тѣмъ Кабинетъ присылалъ уже ко мнѣ, чтобы я пріѣхалъ за нею. И такъ, прошу покорно уже васъ распорядиться въ принятіи ея. Молиться за васъ есть одна изъ пріятнѣйшихъ для меня обязанностей. Вашъ ex animo I. Гев. 1 1837.

4.

Въ Кіевѣ своемъ нашелъ я все благополучнымъ. Г. Л. *) одинъ изъ первыхъ снялъ съ меня допросъ, чтѣ я сдѣлалъ у васъ для его Археоло-

*) Графъ Левашовъ, тогдашній Кіевскій генералъ-губернаторъ. П. Б.

логической Комиссии. Къ удивленію моему я нашелъ здѣсь множество слуховъ о моемъ пребываніи у васъ, одинъ другого страннѣе... Тоже самое встрѣтилъ и по дорогѣ.

Ученую братію свою я засталъ съ тою же охотою издавать журналъ, съ какою оставилъ я предъ своимъ отъѣздомъ; посему и отправлю немедленно бумаги съ прошеніемъ о позволеніи издавать «Воскресное Чтеніе». Просимъ на первый разъ помочь намъ приложеніемъ при вашемъ журналѣ платнаго объявленія, которое вамъ будетъ доставлено. Недостающіе листы лекцій о началѣ нравственности будутъ присланы по послѣд. почтѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими экземплярами моей новой книжицы, изъ коихъ прошу по одному экземпляру вручить г. г. Войцѣховичу, Журавлеву, Карасевскому и Познину. Къ сожалѣнію записка о покупкѣ книгъ Франц., взятыхъ мною отъ васъ, потеряна мною въ дорогѣ: посему просимъ дать намъ знать о томъ, что въ ней содержалось, чтобы мы могли выйти изъ долга.

Владыка *) касательно ректорства моего почти тоже пишетъ, что и вы. Говоритъ, что избрать мнѣ преемника ему предоставляють на волю, и что онъ сдѣлаетъ это здѣсь. Итакъ, мнѣ тоже будетъ нѣсколько свободнѣе. Только жаль, что весна имѣетъ для меня пройти въ прежнихъ школьныхъ хлопотахъ, а мнѣ непремѣнно надобно лѣвиться употребленіемъ минеральныхъ водъ. Не смотря на сіе, съ Августа, по расдѣлкѣ окончательной съ акад. хлопотами по случаю окончанія курса, думаю рѣшительно заняться докончаніемъ для журнала статей немного готовыхъ, и мнѣ кажется всего лучше, въ ожиданіи цѣлаго, начать печатать ихъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» по частямъ. Не разсудите ли представить эту мысль на благоусмотрѣніе его сіятельства? А Карпъ Дмитріевичъ Грузинъ, пишущій ко мнѣ часто, можетъ отъ васъ передать отвѣтъ мнѣ касательно сего. Разумѣется, будемъ платить, не сказывая, что это изъ Сборника, а просто, какъ особыя статьи. Какою новостью вы подарили насъ 1-го Апрѣля!... О покойной Комиссии не знаю, кто пожалѣлъ бы отъ сердца, кромѣ развѣ комиссіонныхъ чиновниковъ; теперь остается желать, чтобы новое учрежденіе было долго, долго, вѣчно. А будетъ ли такимъ, покажетъ время. Но въ дѣлахъ человѣческихъ ручаться за долговѣчность нельзя...

Кіевъ, Мая 9, 1837.

5.

Издавъ въ свѣтъ небольшую книжку для готовящагося къ исповѣди и причастію святыхъ таинъ, пріятнымъ долгомъ поставляю предъ

*) Митрополитъ Евгеній. П. Б.

ставить ее вашему христіанскому вниманію, прося покорѣйше принять сіе за знакъ того душевнаго уваженія, съ коимъ былъ и никогда не престанетъ быть, вашего превосходительства, милостиваго государя, усерднѣйшимъ богомольцемъ Иннокентій, епископъ Чигиринскій, в(икарій) К(іевскій). 29 Марта 1840 года.

6.

Душевно радъ, что небольшіе гомилетическіе труды мои приписались по вашему чувству христіанскому; еще болѣе утѣшаюсь тѣмъ, что доброе расположеніе ваше ко мнѣ остается въ прежней силѣ. Душевная пріязнь людей подобныхъ вамъ всегда мнѣ казалась одною изъ самыхъ чистыхъ отрадъ въ жизни. Касательно мыслей вашихъ о нуждѣ составить для простаго народа кругъ поученій, въ коемъ, сообразно его нуждамъ, была бы раскрыта сущность вѣры и нравственности, я совершенно согласенъ. И я дивлюсь, что никто изъ бѣлаго духовенства, коему виднѣе понятіе о нуждѣ народа, не возметъ давно за сей общепользительный трудъ. Я увѣренъ, что есть немало людей, къ сему способныхъ. Что касается до меня, хотѣлось бы докончить давно начатый трудъ, или, лучше сказать, духовное отдохновеніе, описаніе послѣднихъ дней жизни Господа І. Христа. Теперь это дѣло кончено. Остается только пройти цензурный осмотръ. Какъ бы хорошо и кстати было для сей цѣли имѣть въ Кіевѣ цензуру! Но вы что-то скупитесь дать намъ этотъ подарокъ. А цензура въ Кіевѣ истинный былъ бы подарокъ для всей южной Руси. Сборникъ мой также немало требуетъ времени. Не можете повѣрить, какъ это, повидимому простое дѣло затруднилось.

Какъ бы нужно было мнѣ возымѣть личное совѣщаніе съ преосв. Московскимъ! Но, при невозможности сдѣлать это, надобно довольствоваться перепискою, которая для насъ очень затруднительна, а потому лаконически не скрою отъ васъ и еще одного препятствія моей Гомилетикѣ. Съ нѣкотораго времени преслѣдуетъ меня мысль заняться Исторіей церкви. Я за грѣхъ признаю противиться ей и потому долженъ посвящать немало времени для собранія и разбора матеріаловъ. Особенно стоитъ труда собрать свѣдѣнія о ходѣ церковныхъ событій у другихъ Славянскихъ народовъ; а мнѣ хочется, чтобы ни одно изъ нихъ не было забыто въ моей исторіи. Ученые заграничные Славяне, съ коими я въ связи, охотно доставляютъ мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія. Скажите, пожалуйста можно ли будетъ имѣть, въ случаѣ нужды, пособіе отъ правительства; мнѣ ничего съ его стороны не нужно, кромѣ доставленія нѣкоторыхъ бумагъ или книгъ, кои иначе нельзя имѣть, какъ при его посредствѣ. Но я желалъ бы, чтобы это было безъ ог-

ласки, ибо огласить объ исторіи еще не существующей, было бы все безразсудно. Чтѣ мнѣ дѣлать съ Сборникомъ, когда онъ будетъ конченъ? Кому и какъ прислать его? Если дѣло дойдетъ до изданія, то, кажется, надобно будетъ издать съ подлинникомъ Греческимъ. Хотѣлось еще сказать слова два-три о нашей Западно-южной Руси и настоящемъ ея церковномъ положеніи, требующемъ крайне вниманія начальства; но объ этомъ предметѣ въ другое время, которое, надѣюсь, не замедлитъ придти.

17 Іюня 1840 г. Кіевъ.

7.

Я отправилъ къ его сіятельству отношеніе о выпискѣ нѣкоторыхъ рукописей. Теперь спѣшу довести до свѣдѣнія вашего, что одна изъ нихъ, Московская, со сказаніемъ о вѣрѣ, Кирилла и Меодія, получена мной уже въ вѣрномъ спискѣ; слѣдов. нѣтъ нужды тревожить Синодальную бібліотеку, хотя, правду сказать, стоило ее очень потревожить. Я хлопоталъ о полученіи списка съ этой рукописи, и его не позволили сдѣлать, кому?... даже профессору Исторіи въ Московскомъ Университетѣ. Сущій вандализмъ, и еще говорятъ, есть какой-то указъ воспреещающій давать желающимъ дѣлать выписи изъ рукописей. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ Москвѣ быть скрѣтнѣе Ватикана, который растворилъ теперь едва не всѣ двери своихъ архивовъ. За медленность въ окончаніи Догм. Сборника, вѣроятно, не одинъ упрекъ составителю. Въ своемъ дѣлѣ мудрено быть судьей. Однакоже въ оправданіе довольно указать на переводъ Правилъ Церковныхъ. Сколько людей (и какихъ!) занимались этимъ дѣломъ, но вдругъ ли его сдѣлать? Сдѣлать, правду сказать, было не очень мало, поелику правила всѣ давно собраны, сто разъ пересмотрѣны, изданы; оставалось только переводить, слѣд. токмо знать Русск. и Греческій языки, послѣдній притомъ не въ догмат., труднѣйшемъ отношеніи. Не то съ Догм. Сборникомъ: тутъ главный трудъ въ сборѣ тѣхъ вещей, кои большей частью ни для кого неизвѣстны. Я насколько не преувеличиваю дѣла: довольно сказать, что подобной книги вовсе нѣтъ въ ученomъ мѣрѣ, даже у Нѣмцевъ и Англичанъ. Сколько помню и знаю, не было ни у кого даже идеи о подобной книгѣ. Почему такъ? Кажется, по двумъ причинамъ: а) такой сборникъ сильно благоприятствуетъ одной нашей Церкви, для всѣхъ прочихъ онъ обличеніе; в) трудъ этотъ неизвѣстный, не таковъ, чтобы создать челоуѣку ученое имя, а времени надъ нимъ потратить бездну. Притомъ Догм. Сборникъ, по моему мнѣнію, никакъ нельзя издавать безъ истор. поясненій матеріала, въ немъ заключающагося. Это нехорошо и въ Правилалъ, а въ Сборникѣ было бы очень худо.

Послѣ сего не судите меня строго и не думайте, что медленность происходитъ отъ лѣни и нехотѣнія. Это такое дѣло, гдѣ спѣшить невозможно. Это странствованіе въ историческихъ странахъ, гдѣ нынѣ тотъ, завтра другой. За то между этимъ дѣломъ дѣлается само почти собой немало другого; напр. у меня образовалось отъ многократнаго разбора актовъ вселенскихъ соборовъ Исторія сихъ соборовъ; равно изъ актовъ ихъ я собралъ немало рѣдкихъ свѣдѣній для Исторіи православныхъ церквей Славянскихъ, въ томъ числѣ и Русской. Вслѣдствіе словъ г. Грузина вы ожидаете отъ меня отрывокъ изъ исторіи Русской церкви? Нѣтъ, Русской я еще не писалъ и не думаю написать, доколѣ не соберу всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и не просмотрю со вниманіемъ всей исторіи церкви Византійской, а равно и Славянскихъ церквей. А вотъ что у меня почти окончено: Исторія церкви Польской. Изъ нея-то я пришлю вамъ начало, подъ особымъ названіемъ: обращеніе Польши въ Христіанство. Помѣстите ее лучше безъ всякаго имени, если только найдете возможнымъ напечатать въ томъ видѣ, какъ пришлемъ. Впрочемъ, я стараюсь быть какъ можно безпристрастнымъ, а, главное, не говорить ни слова безъ доказательствъ историческихъ, хотя они и не будутъ указаны (это крайне испостирило бы статью). Переводъ Польской литургіи Златоустаго готовъ и переписанъ уже; надобно только перечитать его. Онъ явится скоро къ вамъ. Чтѣ у васъ дѣлается съ переводомъ, который я послалъ чрезъ нашего владыку, за годъ назадъ? Равно, какая судьба перевода, который взялъ у меня г. Войцѣховичъ? Видите, какъ я пишу къ вамъ просто и безъ чиновъ? Зачѣмъ же вы наблюдаете столько формы въ письмахъ? Не лучше ли говорить и переключаться за просто? Благополучнаго вступленія въ свѣтлый праздникъ «Новый годъ»! Tuus ex animo.

17 Декабря 1840.

8.

Посылаю вамъ и нашу проскомидію на Польскомъ языкѣ на тотъ случай, если бы сочтено было нужнымъ издать литургію съ проскомидіею. Впрочемъ мое мнѣніе какъ прежде было, такъ и теперь есть, издать, по крайней мѣрѣ сначала, одну литургію, между прочимъ даже для того, чтобы Поляковъ, у коихъ литургія короче нашей, не утратить продолжительностью. Это можетъ удобнѣе сдѣлать у васъ; удобнѣе потому, что вамъ извѣстнѣе побужденія и цѣли правительства, какъ заблагодарасудить оно показать въ семъ случаѣ публикѣ при изданіи подобной книги. Преосв. Іосифъ, владѣющій языкомъ Польскимъ, самый лучший редакторъ для подобныхъ вещей. Только перо его иногда строго.

Въ постъ великій лучше посидѣть дома у подножья святыхъ чудотворцевъ Кіевскихъ. Вчера составили мы изъ себя домашній ученый кругъ для составленія Богословскаго Словаря. Хорошо на первый разъ и то, что человекъ 20-ть молодыхъ и способныхъ людей займутся добрымъ дѣломъ. Я неоднократно опытомъ доказалъ, что подобныя занятія пріохотили молодыхъ людей къ ученымъ трудамъ, наконецъ, образуютъ изъ нихъ хорошихъ и полезныхъ писателей.

Р. С. Переводъ церковныхъ пѣснопѣній требуетъ еще пересмотра. Главное затрудненіе возвышенность, коей пѣтъ соответствующаго стиля въ языкѣ Польскомъ. Служба на Пасху будетъ прислана ко 2-й недѣли поста.

Въ прошедшемъ письмѣ я доводилъ до свѣдѣнія вашего, что исповѣданія Кириллова не нужно требовать изъ Москвы, потому что я получилъ съ него оттуда вѣрный списокъ. Теперь спѣшу сказать вамъ, что нѣтъ нужды тревожить и иностранной библиотеки: почти все оказывается находящимся дома, въ Московской Синодальной Библиотекѣ, этой terra incognita. Въ ней есть даже то, о чемъ не знаютъ вовсе историки Греческой литературы иностранные. Сколько еще въ Москвѣ рукописей! Не упоминаю о нихъ, боясь затруднить ваше вниманіе; одно скажу, что мнѣ очень бы хотѣлось самому осмотрѣть ихъ на мѣстѣ. Можно ли надѣяться имѣть дозволеніе побывать для сего въ Москвѣ? Дѣло осмотра полезно было бы для меня и въ отношеніи Церков. Исторіи. И тѣ немногія рукописи, о коихъ я писалъ къ вамъ и какихъ повидимому нѣтъ въ Москвѣ, напр. Исповѣданіе Григорія, я возымѣлъ надежду достать изъ Вѣны, не утруждая симъ начальства. Туда отправляется на служеніе при миссіи нашей о. ректоръ, архим. Порфирій, коего я и просилъ сдѣлать нужныя выписки изъ тамошней библиотеки.

Благоволите получить одну изъ обѣщанныхъ вещей: литургію на языкѣ Польскомъ. Переводъ провѣряемъ былъ мною и однимъ здѣшнимъ Польскимъ литераторомъ, но у васъ не станетъ дѣло за цензорами: пусть посмотрятъ получше.

Кіевъ. Генв. 14. 1841.

9.

Вотъ и еще копецъ года, а Семинаріи нашей нѣтъ, какъ нѣтъ. А тутъ правительство планируетъ привлекать на ученіе къ намъ и Булгаръ, и Грековъ, и Сербовъ. Куда пригласить, когда въ нашу Семинарію стыдно войти до сихъ поръ? Я удерживалъ здѣшняго генералъ-губернатора представить о семъ безобразіи нашемъ въ отчетѣ Государю. Теперь, воля Синода: не буду дѣлать этого, и ему будетъ стыдно. Писалъ я о семъ 20-ть разъ, и что же? Мои представленія (напр. въ

прошедшемъ Августѣ) даже сокрываются отъ Синода! На что это похоже? Давно уже по всей Россіи ходитъ мысль, что учебное управленіе наше гроша не стоитъ. И точно такъ: эта безпримѣрная медленность, это невниманіе къ своему дѣлу, это запущеніе по всѣмъ частямъ, ни на что не похоже. Если не исправятся, то, рано или поздно, накличуть на себя бѣду. Вотъ какъ я расплакался передъ вами къ новому году. Но, что дѣлать? Отъ полноты сердца уста невольно глаголютъ.

10.

Вѣроятно, ни отъ кого не получали вы писемъ карандашемъ: такъ получите изъ Кіева. Иначе не позволяетъ писать больная рука моя. По желанію вашему посылаю вамъ свою Польшу: дѣлайте съ нею, что хотите. Я думалъ выставить цитаты, кои всѣ добросовѣстно извѣстны; но обстоятельства не позволяютъ сего сдѣлать, да и нужды въ томъ особенной нѣту на первый разъ. Распоряжайтесь статьей, какъ полный хозяинъ—хоть въ огонь! Кто это у васъ позавидовалъ моему Кіевскому убѣжищу?

11.

Я къ вамъ опять съ своимъ карандашемъ и съ покорнѣйшею просьбою. Примите, Христа-ради, трудъ доложить его сіятельству, что состояніе здоровья моего не позволяетъ мнѣ предпринять путь на Сѣверь, въ такой суровый климатъ. Посему, если сжалятся надъ моимъ положеніемъ, то я почелъ бы величайшею милостью быть оставленнымъ въ Кіевѣ на прежнемъ моемъ мѣстѣ, а преемнику моему предоставить мое новое мѣсто. Въ противномъ случаѣ, я долженъ буду просить прямо увольненія отъ всего. Богъ съ ними! Пусть себѣ и упорствуютъ. Если положеніе мое подвигнетъ ко мнѣ на милость, то дайте мнѣ знать, что мнѣ и какъ дѣлать. Если и не подвигнетъ, то все прошу отвѣтить, дабы я самъ на чтонибудь могъ рѣшиться. Всего лучше употребить эстафету.

Мар. 25. 1841. *)

12.

Премного благодарны вамъ за дружелюбную память о насъ по случаю новаго года и между прочимъ за вѣсть объ окончаніи въ Св. Синодѣ о моихъ книжкахъ въ Исторіи страданій Спасителя. А я, признаюсь, ужъ думалъ, что напрасно я вынулъ его изъ подъ спуда трид-

*) И однако, Иннокентій переведенъ былъ изъ Кіева въ Вологду епископомъ.

цати лѣтъ. Но если суждено мертвецу сему ожить и снова увидѣть свѣтъ, не мнѣ лишать его воскресенія. Но, вотъ вопросъ: гдѣ и какъ напечатать? Въ Одессѣ всего бы лучше ради корректуры, среди которой, какъ вамъ извѣстно, многое окончательно переиначивается. Но наши типографіи и крайне медленны, и очень незавидны. Въ Москвѣ добрые люди печатали мои книги и пренедобросовѣстно поступали съ ними. Они, пожалуй, съ радостію возьмутся за это, но съ тѣмъ, чтобы поступить также. Въ Кіевѣ и Харьковѣ можно напечатать, но типографское дѣло и тамъ не цвѣтетъ. Остается вашъ Петербургъ. Но къ кому обратиться въ немъ? Не препоручите ли В. Н. Карпову, профессору, мнѣ давно знакомому? У васъ въ Синодѣ всего бы ближе, но я безъ того обременилъ уже печатаніемъ почтеннѣйшаго Михаила Лукьяновича (коему въ новомъ лѣтѣ многихъ лѣтъ и всякаго блага отъ Господа!) Буду ждать вашего отвѣта и послѣдую ему безпрекословно. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ корректура тутъ вещь самая непріятная, то корректору надобно назначить опредѣленное вознагражденіе, самое нескудное.

Какъ бы я обрадовался, если бы эти книжицы остались подъ спудомъ, а пошла бы въ ходъ моя Семинарія. Это тяжелый грестъ для всѣхъ насъ здѣсь. Прилагаю чтò было говорено надъ гробомъ князя Воронцова. Покойникъ такъ много работалъ, что едва-едва можно было коснуться нѣкоторыхъ трудовъ его. И безъ сомнѣнія, онъ достоинъ былъ не такого надгробія. Не найдете ли способа по самой должности вашей побывать у насъ лѣтомъ на Югѣ? Это могло бы послужить вамъ во здравіе, а между тѣмъ кстати опредѣлилась бы участь здѣшней Семинаріи, особенно мѣсто для ея постройки; ибо, по нашему, ей лучше стать въ монастырѣ въ 10 верстахъ отъ города; а можетъ, пожалуй, быть и иначе, особенно когда теперь изъ Ботаническаго сада отдають цѣлыя десятины, кому угодно, за малую плату. Мы все къ вамъ съ своими нуждами: какъ бы радъ былъ возможности сдѣлать и для васъ что-либо пріятное. По крайней мѣрѣ всегда отъ души готовъ къ тому. (1856).

ДВА ПИСЬМА АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО ИННОКЕНТІЯ КЪ ГРАФУ Н. А. ПРОТАСОВУ.

(Оберъ-прокурору Св. Синода).

1.

Если когда желалъ бы я быть нескуднымъ въ словѣ, то теперь, когда надобно принести благодарность вашему сіятельству. Какихъ знаковъ милостиваго вниманія вашего не видѣлъ я ко мнѣ? И когда подумаю, что все это съ моей стороны ничѣмъ не заслужено, то невольно прихожу къ мысли, что такъ угодно было Тому, Который располагаетъ не только дѣйствіями, самыми сердцами человѣческими. Послѣ сего остается одинъ способъ къ истинной благодарности: молить Его Всеблагого и Премилосердаго изъ глубины души, да осѣняетъ васъ и дѣла ваши присно своею благодатію ко благу Церкви и Отечества, ожидающихъ стъ васъ многого и многого. Путь мой, несмотря на средину зимы, былъ такъ труденъ, то отъ обилія снѣга, то отъ обилія голой земли, что я не разъ, подобно древнимъ Израильтянамъ, подвергался искушенію ропота; но Господь наконецъ управилъ его Своей милостію, и я въ радости узрѣлъ свои златоверхія горы. О какъ прекрасны показались онѣ теперь мнѣ, несмотря на бѣлые покровы свои! Здѣсь, у подножія св. угодниковъ, хотѣлось бы окончить и сномъ смертнымъ! На пути своемъ былъ я въ Юрьевѣ, гдѣ имя ваше читается яко защитника Православія, въ Москвѣ, гдѣ служеніемъ вашимъ на новомъ поприщѣ вашемъ возбуждено много прекрасныхъ надеждъ, въ Орлѣ, гдѣ не знаютъ, какъ извиниться передъ вами, но вполне чувствуютъ свою вину. Въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ я такъ же былъ на короткое время, нельзя было безъ удовольствія душевнаго видѣть тамошняго намѣстника. Одинъ изъ рѣдкихъ людей въ академич. хозяйствѣ своемъ.

Я засталъ все благополучнымъ, благодаря попечительности о. р. Іереміи, коему въ нынѣшній годъ, за моими разъѣздами, довелось управлять Академіей въ продолженіе 6 мѣсяцевъ. Просимъ покорнѣйше не оставить его вашимъ вниманіемъ. По перемѣщеніи въ Михайловскъ и по нѣкоемъ упорядоченіи своихъ дѣлъ думаю немедленно заняться тѣми предме-

тами, о коихъ мысли свои я имѣлъ честь представить вамъ. Смутность обстоятельствъ моихъ никакъ не позволяетъ мнѣ обдумать вполне того, что было писано. По сему и прошу покорнѣйше не трактовать бумагъ моихъ, какъ нѣчто оконченное. Греческаго текста съ Исповѣданія Восточныхъ патріарховъ я еще не получалъ отъ о. ректора С.-Петербургской Академіи. По полученіи Русскій переводъ немедленно будетъ провѣренъ, очищенъ и представленъ вамъ. На дорогѣ, среди неизбѣжной праздности пути, немало пришло мнѣ на мысль предметовъ, какъ по учебной, такъ и по епархіальной части, требующихъ вниманія и исправленія. Если прикажете, я изложу все это на бумагу для вашего соображенія. Вообще мы всѣ здѣсь, и большіе, и малые, готовы служить вамъ отъ всѣхъ нашихъ силъ. Только просимъ васъ пробавить къ намъ милостивое расположеніе ваше. Вашего сіятельства всегдашній усерднѣйшій слуга и богомолецъ Иннокентій, епископъ Чигиринскій, ректоръ Академіи.

Кіевъ, Ген. 30-го 1837.

2.

Ваше сіятельство, милостивый государь!

Послѣ многихъ знаковъ вашего благорасположенія ко мнѣ, которое для меня тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ незаслуженнѣе, весьма совѣстно было бы утруждать васъ еще какою-либо лично касательно меня просьбою. Но настоящая моя просьба такова, что, касаясь моего лица, еще болѣе касается блага здѣшней Академіи. Посему я нисколько не сомнѣваюсь изложить ее предъ вашимъ сіятельствомъ. Во время назначенія моего въ викарія Кіевской епархіи, Святѣйшему Синоду благоугодно было, чтобы я вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ отправлять должность ректора Академіи и профессора богословскихъ наукъ. Какъ ни затруднительно само по себѣ совмѣщеніе сихъ должностей и какъ ни слабы силы мои; но я, покорствуя благой волѣ начальства, дерзнулъ припятъ сугубую отвѣтственность по училищной и епархіальной части. Вскорѣ послѣдовала затѣмъ кончина преосв. Евгенія, митрополита Кіевского, а пребываніе преемника его въ Санктпетербургѣ значительно измѣнило положеніе мое въ качествѣ викарія Кіевского и еще болѣе затруднило исполненіе должностей ученыхъ; но чтобы не явиться изнемогшимъ по малодушію въ самомъ началѣ труднаго поприща, я, при помощи Божіей, продолжалъ идти по немъ до послѣдней возможности. Теперь, видя сію возможность истощающуюся и не желая быть тоже отдаленною причиною упадка Академіи, которая, благодаря Бога, дошла до значительной степени совершенства, я долгомъ совѣсти почитаю просить объ увольненіи меня отъ должности ректора Академіи. Къ вашему сіа-

тельству, во-первыхъ, обращаюсь съ сею просьбою; ибо вы, по благо-расположенію вашему, были первымъ дѣйствователемъ къ совмѣщенію въ лицѣ моемъ должности епархіальной съ учебной. Что касается до здѣшняго преосв. митрополита, то онъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ затруднительности моего положенія, изъявляетъ полное согласіе на удовлетвореніе моей просьбы. Послѣ сей жалобы па самого себя, позвольте принести вашему сіятельству искреннѣйшую благодарность за благосклонное воспоминаніе обо мнѣ въ письмахъ вашихъ къ высокопреосвященному митрополиту.

Кіевъ, Августъ 26, 1838.

Письма его же къ А. И. Казначееву *).

1.

Возвратившись домой, я засталъ у прага дома своего въ слезахъ женщину, которая (рѣдкое явленіе!) хлопочетъ отъ души о положеніи одной бѣдной Еврейки. Исторію ея изволите увидѣть изъ просьбы о ней, при семъ прилагаемой. Немудрено, что Евреи въ подобномъ, случаѣ позволятъ себѣ надъ цеоу разныя, обычныя имъ, жестокости. Посему благое дѣло сдѣлаете, если прикажете возвратить ей свободу и доставить возможность самой быть у васъ и изъяснить свои чувства. Вѣры своей мы навязывать ей не будемъ; а только узнаемъ истину и удовлетворимъ желанію сердца, если оно дѣйствительно въ ней откроется. Будете ли завтра въ 11 часовъ дома? Мнѣ бы хотѣлось съ вами побесѣдовать кое о чемъ. Впрочемъ я могу быть и поздне. Вашего превосходительства отъ души слуга И. а. Х.

Мая 24. 1849.

2.

Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ немирной миръ! Нерѣшительность событій уже начинала производить недоумѣнія. Но теперь всѣ они уступаютъ мѣсто радости! Благодаримъ за прекрасную вѣсть.

А мы давеча, осмотрѣвъ мѣсто будущей церемоніи нашей, заѣхали къ вамъ побесѣдовать на счетъ церемоніала, но не имѣли удовольствія застать васъ дома. Какъ бы повидаться намъ завтра? Пора сдѣлать объявленіе въ газетѣ о ходѣ, что въпрочемъ уже приготовлено. Кажется, все нужное будетъ, и церемонія не отстанетъ отъ своей цѣли и высокаго значенія. И. а. Х.

Авг. 10. 1849.

*) Симееропольскому губернатору, а поздне Одесскому градоначальнику (род. 1788 † 20 Юня 1880 въ Москвѣ). П. Б.

3.

Кто-то, когда-то, съ радостію вскричалъ: Еврика, Еврика—нашелъ, нашелъ! а намъ не приходится сдѣлать тоже. Нашли, нашли, то есть, не рѣшеніе задачи Пифагоровой, а въ Ялту, священника. Да какой священникъ? Лучше и желать нельзя, только бы удержать на мѣстѣ. Это одинъ изъ Апостоловъ, бывший у насъ здѣсь инспекторомъ Дух. Училища, скромный, добрый, ученый. Пожалуйста же примите трудъ внушить Ялтинцамъ, чтобы его приняли съ радушіемъ. Всего болѣе можетъ озаботить его на новомъ мѣстѣ квартира. Квартирныхъ денегъ нѣтъ, да въ Ялтѣ, говорятъ, трудно нанимать квартиру, по немѣннѣю праздныхъ домовъ. Нельзя ли какое-либо на время указать казенное помѣщеніе? И хлопочу такъ усердно потому, что мнѣ жаль Ялтинской церкви, а равно жаль и добраго священника.

Скоро ли вы къ намъ? Мои дни уже изочтены. Недѣля, другая,— и въ путь. 4-го думаю съѣздить въ Николаевъ освятить тамъ церковь 7-го буду дома, а можетъ быть пошлю туда вмѣсто себя и другого, Множество дѣлъ, съ коими надобно справиться до отъѣзда.

4.

Здоровья, мира и радости!

Вамъ, думаю, теперь такъ хорошо, что вы забыли насъ. Отдохните, повеселитесь и за себя, и за насъ. Вотъ вамъ и еще гость, который числомъ лѣтъ превосходитъ всѣхъ васъ. Съ нимъ у васъ будетъ полная іерархія, во всѣхъ отношеніяхъ. Посылаемъ вамъ новости, и Французскія и Нѣмецкія, что кому по вкусу. А Павелъ Иваловичъ *) самъ явится. Пожалуйста, привезите его, хотя до Ялты, по морю. Море послѣ того будетъ покойнѣе.

Бѣда съ Ялтою: вѣдь священникъ для нея назначенный (прекраснѣйшій) отказывается и хочетъ оставаться въ своемъ селѣ. Почему? Потому что доселѣ нѣтъ квартирныхъ денегъ, а жалованье небольшое. Будемъ искать другого, подобнаго, а вы общими силами послужите, гдѣ и чѣмъ ему жить. Въ Ялту нужна не ряса, а человѣкъ....

Въ принятомъ проектѣ моемъ я не помѣстилъ часовню на Чатырдагѣ. А право было бы хорошо. Днемъ золотой крестъ былъ бы виденъ самъ, а ночью можно бы зажигать свѣтильникъ, который служилъ бы маякомъ для всего края и, можетъ быть, послужилъ бы кому-либо, среди бури, во спасеніе.

*) Федоровъ, Новороссійскій губернаторъ. Его сынъ былъ редакторомъ „Нового Времени“. П. Б.

Нѣтъ ли на южномъ берегу деревъ, могущихъ хорошо расти въ Одессѣ? Въ такомъ случаѣ мы желали бы имѣть десятка три-четыре, чтобы на нашей дачѣ посадить ихъ вмѣстѣ и назвать островомъ Крымскимъ.

Сент. 29. 1849.

5.

Какъ много обрадованъ я былъ новымъ назначеніемъ вашимъ! Обрадованъ не только за васъ, но, можно сказать, еще болѣе за Одессу. Вы такъ хорошо знаете всѣ способы и всѣ нужды ея! И безъ сомнѣнія, болѣе многихъ другихъ можете придумать и сдѣлать ко благоустройству ея все нужное. А городъ, какъ сами знаете, стѣбитъ того вполне. Спѣшите же къ своему назначенію; и пока Богъ велитъ намъ слѣдующею весною возвратиться къ вамъ, хотя на дѣто, если не совсемъ (а какъ бы хотѣлось совсемъ!), примите подъ душевный надзоръ вашъ и нашу часть. Издали нельзя видѣть многого нужнаго; а вы, какъ очевидный и самый лучший свидѣтель, можете восполнить недостатокъ нашего видѣнія и давать знать намъ, что будетъ нужно. За полное соответствіе всѣмъ благимъ видамъ вашимъ ручаемся единожды навсегда.

Между прочимъ и теперь примите къ соображенію вашему одну мысль. Одесса, какъ сами знаете, по новости своей, доселѣ еще скудна церковностію: нѣтъ, по примѣру другихъ городовъ Русскихъ, ни одной торжественной церемоніи церковной въ Русскомъ духѣ. Не учредить ли въ память основанія Одессы крестнаго торжественнаго хода изъ Михайловскаго монастыря въ соборъ, съ молебствіемъ на площади? День основанія есть вмѣстѣ и день вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Государя: сугубое приличіе и торжество! Если окружить ходъ сей, по особенному церемонаіу, великолѣпіемъ не только церковнымъ, но и военногражданскимъ (а это легче сдѣлать въ Одессѣ, нежели гдѣ-либѣ), то оно будетъ служить не только въ духовную пользу православныхъ жителей, а произведетъ хорошее впечатлѣніе и на иновѣрцевъ, даже на иностранцевъ, кои прибываютъ въ Одессу наиболѣе съ Востока и Запада Европы, гдѣ крестные ходы часты, сами собою уже предрасположены къ подобному церемонаіу церковному. Я на опытѣ видѣлъ прекрасное дѣйствіе отъ подобнаго учрежденія въ Харьковѣ. Пусть бы это учрежденіе соединилось навсегда въ памяти грядущихъ поколѣній съ вашимъ управленіемъ Одессою. Я писалъ о семъ уже и князю-наместнику и жду отъ него отвѣта, а вы примите трудъ подумать о семъ дѣлѣ за Одессу.

Дек. 13. (1849).

6.

Достопочтениѣйшему Александру Ивановичу душевный поклонъ изъ Питера! Цѣлый мѣсяцъ тащились мы съ Юга на Сѣверъ, и чего не перетерпѣли? На берегу Оки почевали, при 21 градусѣ мороза. Но, слава Богу, подъ самый конецъ Ноября, но добрели благополучно. Теперь уже и осмотрѣлись и начали паки жить здѣшнею жизнію по-прежнему. Живемъ здѣсь, но мысль наша непрестанно витаетъ въ Одессѣ, а если вы вспоминаете о насъ также часто, какъ мы о васъ, то мы и въ отдаленіи недалеко другъ отъ друга. Здѣсь васъ многіе помнятъ со всею любовью и уваженіемъ и усердно желаютъ успѣха на новомъ вашемъ поприщѣ. Онъ и будетъ безъ сомнѣнія, въ разныхъ видахъ. Только, пожалуйста, поберегайте себя, не трогаясь мелочами, не скучая отъ неизбежныхъ непріятностей.

Крайне жаль мнѣ было, что я тотчасъ по моемъ пріѣздѣ не могъ выслать къ вамъ обѣщанныхъ Записокъ покойнаго А. С. Ш. Доселѣ нигдѣ не могли найти и думали уже, что они затерялись. Но вчера послѣдовало обрѣтеніе, и найденное тотчасъ адресовано къ вамъ въ Одессу.

Что нашъ соборъ? Слышу, что печи приходятъ къ концу. Пожалуйста, прикажите кому-либо изъ разумѣющихъ, по временамъ, наблюдать за этимъ дѣломъ. Когда печи будутъ хороши, то и намъ всѣмъ будетъ не худо.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ отвѣта о часовнѣ для иконъ. Помнится, въ отношеніи моемъ къ вамъ по сему предмету была просьба о составленіи плановъ для часовни. Если они готовы, то пожалуйста. Если нѣтъ, то можно обойтись и безъ нихъ: здѣсь могутъ составить не хуже Одесскаго. Необходимо нужно только ваше согласіе на устройство часовни, то-есть, что нѣтъ препятствія быть ей; и быть тамъ, гдѣ предполагается, то есть, на берегу моря.

Крымскій прожектъ нашъ (объ устройеніи тамъ Русскаго Аѳона) заинтересовалъ здѣсь всѣхъ. Съ новаго года думаемъ пуститься съ вѣрою въ это обширное и дальнее плаваніе. Дай Богъ только силъ и времени хоть положить основаніе прочное этому дѣлу. Ибо доверить его во всѣхъ подробностяхъ можно не скоро, не скоро.

Кстати слышимъ, что у васъ переселяютъ насъ изъ Одессы то туда, то сюда. Все это не имѣетъ основанія и происходитъ отъ поверхностныхъ толковъ какъ здѣсь, какъ вамъ безызвѣстно, бываетъ на день по десятку. Нѣтъ, мы такъ любимъ нашъ край, что не хотимъ смѣнять его на ничто и готовы трудиться для него до смерти.

Что вашъ водопроводъ? Можно ли будетъ изъ него достать стаканъ воды хоть будущей весною?

Что́ ваша новая рѣка на дачѣ Ренд? Течетъ ли попрежнему? Хорошо бы разложить составъ воды; я подозреваю въ немъ способность къ цѣлебному употребленію.

Къ вамъ въ Одессу опять прибылъ владыка Севастопольскій. Не забывайте его вашимъ дружелюбнымъ посѣщеніемъ. Старецъ добрый воистину. Слышу, что вашъ сынъ работаетъ гдѣ-то недалеко отъ Петербурга на желѣзной дорогѣ. Познакомьте меня съ нимъ.

Дек. 16, 1849.

7.

Съ великимъ и святымъ постомъ!

Полетѣлъ бы къ вамъ на это время, которое всегда было для меня особенно любезно; но вѣрно, не наше счастье на то покамѣсть. Надобно повиноваться обстоятельствамъ.

Сердечно радуюсь за всѣ ваши благія начинанія. Да поможетъ вамъ Господь совершить ихъ ко благу города! Одесса стѣдитъ того, чтобы попечись о ней усердно каждому, кто можетъ.

А наши предположенія идутъ что-то туго. То справки, то планы, то недоумѣнія, а время уходитъ. Авось святой постъ поможетъ и въ этомъ отношеніи.

На дняхъ я отправилъ въ вашъ Строительный Комитетъ смѣты на исправленіе собора нашего. Далѣе пустить ихъ куда-либо Св. Синодъ не призналъ за нужное. Благоволите употребить ваше вліяніе начальническое, чтобы эти бумаги были поскорѣ пропущены; въ противномъ случаѣ упустимъ время къ подрядамъ, а его и безъ того утекло много.

На дняхъ же я заказалъ для своего собора четыре картины, изображающія въ совокупности крещеніе Св. Владимира и обращеніе Россіи къ Христіанской вѣрѣ. Художникъ отличный, а цѣна весьма умеренная: за всѣ четыре не болѣе 3000 ассиг.

Какъ бы поскорѣй устроить въ карантинѣ церковь! Это очевидный дефектъ, не служащій къ чести Одессы. Кому исправить его, какъ не вамъ?

А картины наши съ полунощнымъ уединеннымъ мѣстомъ въ соборѣ Государя Императора остались безъ дѣйствія!.. Примѣръ смиренія, которому уже и я не разъ былъ особеннымъ свидѣтелемъ. Это не помѣшаетъ намъ однакоже написать картину эту для себя самихъ. Подъ пару къ ней пойдетъ другая, на коей представлень корабль Импера-

*) Во время возвращенія изъ-подъ Варны въ 1826 году. П. Б.

тора среди бури на морѣ, съ коею кошію я заказалъ сдѣлать съ прекрасной картины въ здѣшнемъ Морскомъ Корпусѣ.

За симъ мира, крѣпости и радости душевной вамъ и почтеннѣйшей супругѣ вашей.

Февр. 27-го 1850. (Спб.).

8.

На всякой случай, я отправляю къ вамъ *Revue des deux Mondes*. Благоволите предъявить его о. ректору Семинаріи. NB. въ книжкахъ этихъ есть нѣчто удержанное цензурою.

Изъ писемъ А. И. Казначеева къ архіепископу Иннокентію.

1.

16 числа 1849. Симѣрополь.

Высокопреосвященнѣйшему и всечтимому архипастырю Иннокентію христіанскимъ челомъ бую и прошу принять сердечную мою благодарность за милостивое письмо, братскій привѣтъ и дружескую довѣренность. Постараюсь заслужить ихъ усерднымъ исполненіемъ вашихъ порученій, благихъ совѣтовъ и моею къ вамъ почтительною любовію.

Я позамедлилъ отвѣтомъ отъ того, что находился около двухъ недѣль въ Императорской Оріандѣ для исполненія высочайшей воли по управленію сего прелестнаго имѣнія ея величества, и только по возвращеніи моемъ сюда на дняхъ, нашелъ здѣсь отрадное письмо ваше отъ 18 Дек. 1848. Спѣшу отвѣчать въ суетѣ, при стеченіи дѣлъ и обстоятельствъ, какъ могу.

Въ Одессѣ явлюсь не ранѣе 15 Февраля и, вошедши въ дѣла, непосредственно на меня возложенныя, займусь и вашими порученіями съ особеннымъ усердіемъ.

Правда, мало еще церковности въ новомъ нашемъ краѣ; надобно ее ввести по-русски и православію. Да подастъ вамъ Господь силы и на упроченіе вѣры, правды, безкорыстія, благонамѣренности во всемъ клирѣ священничества! Да подадутъ они подъ руководствомъ вашимъ явный примѣръ свѣтскимъ чинамъ служить Богу, царю, отечеству и человѣчеству вѣрою, правдою, любовію!

Я всегда думалъ, говорилъ и писалъ, что святое направленіе воспитанія народнаго должно идти отъ священниковъ. Министерство Народнаго Просвѣщенія обязано проливать свѣтъ наукъ дружно съ ними

и съ тѣмъ же нравственнымъ воспитаніемъ въ высшихъ классахъ. Куда ведетъ просвѣщеніе безъ нравственнаго христіанскаго воспитанія? Это мы видимъ, къ несчастію, изъ недавнихъ событій въ Европѣ. Пространно бы было мое письмо, если бы я вадумалъ вполне здѣсь развить давнія мои мысли о воспитаніи и образованіи народа; теперь не досугъ. На счетъ Европейскихъ проказъ для любопытства вашего прилагаю при семъ выписку изъ небольшого письма, посланнаго мною въ отвѣтъ брату Татьяны Борисовны Потемкиной и написаннаго наскоро, какъ помню. Посудите, правъ ли я?

Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ и архипастырскому благословенію, прошу о продолженіи начала дружбы, которою вы такъ благодушно меня удостоили: она для меня безцѣнна и спасительна! Душею и сердцемъ преданный вамъ вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга А. К.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ душевное свое высокопочитаніе и сердечно благодаритъ за милостивую вашу о ней память.

2.

13 Марта 1860 Одесса.

Архіерею Иннокентію.

Великое дѣло постъ для души христіанина. Это время привала по пути его жизни, гдѣ онъ мысленно пробѣгаетъ пройденный путь, собираетъ съ силами и готовитъ себя къ предстоящему, лучшему пути. Это время отчета, покаянія и отрадной надежды на милосердіе Божіе.

О, еслибъ не былъ въ мірѣ Богъ,
Какъ страшно было бъ человѣку
На свѣтѣ человѣкомъ быть.

Не было бы Творца, не было бы творенія. Но Творецъ недосажаетъ на высотахъ небесныхъ для падшей на землю искры своей. Христова вѣра есть золотая цѣпь, связующая небо съ землею.

Обыдемъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа Аминь.

Въ гражданскомъ и служебномъ быту постъ также благодѣтеленъ. Не праздники, а праздность людей мѣшаетъ дѣлу. До поста у насъ имъ не было конца. Конечно, непрерывныя веселія показывали благосостояніе Одессы, богатство, довольство и спокойствіе Одесситовъ. Да мнѣ-то труженику каково терпѣть утрату драгоцѣннаго времени? Я всегда думалъ и думаю, что время и деньги имѣютъ цѣнность лишь

по ихъ полезному употребленію. Разница въ томъ: потерю денегъ можно еще возвратить, а время неозвратно.

Кабы Господь благословилъ вашъ полетъ къ намъ на свѣтлый праздникъ Христовъ, съ какою бы живою радостію я встрѣтилъ васъ лично возгласомъ: Христосъ Воскресе!

Мнѣ удалось много дѣлъ важныхъ поднять, вновь открыть и дать имъ ходъ, но большое нескоро двигается, особенно при медленности разрѣшеній, безъ которыхъ здѣсь шагу ступить нельзя. Теперь борюсь съ затрудненіями въ исполненіи моихъ начинаній, и если не успѣю исполнить, то преемнику моему заготовлю всѣ матеріалы для дѣйствій: ему будетъ лучше, нежели мнѣ.

Посылаю вамъ краткую выписку изъ годового отчета моего Его Императорскому Величеству за 1849 г. Изъ нея изволите увидѣть мои виды, предположенія и заключенія на счетъ Одессы. Отчетъ вполне можете здѣсь прочитать на досугѣ по возвращеніи своемъ.

Бумага ваша о исправленіи собора еще не поступила въ строительный комитетъ.

Прекрасно вы дѣлали, заказавъ четыре новыя картины; пора новый нашъ край освѣтить изящностію.

Проектъ, т.-е. планъ и фасадъ церкви въ карантинѣ, скоро будетъ готовъ. Я не замедлю его представить къ утвержденію; но боюсь опять медленности не моей. Вы сами жалуетесь на тугой ходъ вашихъ предположеній. Я уже пересталъ и жаловаться отъ усталости повторительныхъ представленій.

О картинѣ царской побесѣдуемъ при свиданіи. Между тѣмъ я потолкую съ Айвазовскимъ, котораго надѣюсь въ этомъ году увидѣть здѣсь или въ Феодосіи, гдѣ онъ теперь работаетъ.

Амосовскія печи въ соборѣ Шашинъ недавно осматривалъ и сказалъ, что онѣ сдѣланы хорошо. Нужно лишь ихъ зимою хоть понемногу протапливать каждый день или хоть два-три раза въ недѣлю, а не въ день только служенія. Съ душевнымъ высокопочитаніемъ и сердечною преданностію всегда вашъ А. К.

P. S. Жена моя благодаритъ васъ усердно за память, за газеты, за книги и свидѣтельствуетъ вамъ свое усердное почитаніе, прося себѣ, мнѣ и сыну нашему вашего архипастырскаго благословенія.

3.

Письму вашему, всесвятимый нашъ архипастырь, отъ 17 Дек. изъ Питера, обрадовался я какъ ребенокъ. Все, что вы ни переносили въ долгомъ и трудномъ путешествіи своемъ, мнѣ предчувствовалось и тревожило меня. Но благодареніе Господу: вы на мѣстѣ.

Отбытіемъ отсюда вы унесли съ собою ободреніе, одобреніе и отраду мою. А вѣдь ободреніе, какъ вино, придаетъ силы и бодрости, живить сердце. Не оставляйте меня и въ отсутствіи благими наставленіями и внушеніями.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Записки незабвеннаго дяди моего Шишкова. Благоговѣю къ памяти его, вспоминая, какъ пламенно любилъ онъ отечество, какъ любилъ правду, все доброе и прекрасное.

Соборъ нашъ уже съ печами, по милости вашей. 25 Декабря, въ день великаго праздника для человѣчества и особенно для Россіи, мы молились въ немъ со слезами умиленія, не чувствуя холода, который прежде нарушалъ иногда полноту благоговѣнія молящихся.

Осуществленіе мысли о учрежденіи Русскаго Аэона въ Крыму послужить къ сближенію земли съ небомъ. Возьмите меня въ работы: буду работать какъ Русскій крымчадалъ.

По дѣлу водопровода я добился по крайней мѣрѣ того, что князь Воронцовъ официально опредѣлилъ срокъ окончанію Виттенбергова проекта 1850-мъ годомъ. Стакана воды отъ Виттенберга еще можно ожидать, но не болѣе.

Новая рѣка на дачѣ Циціаніи *) течетъ и не уменьшается. Мысль вашу о разложеніи воды изъ этой рѣки постараюсь исполнить.

Митрополитъ Агаангелъ давно уже у насъ; мы нерѣдко съ нимъ садимся и о васъ бесѣдуемъ. Его доброта, всегда свѣтлое лицо и спокойствіе душевное имѣютъ свою прелесть въ маститомъ старцѣ.

Когда кого перемѣщаютъ то туда, то сюда, это значитъ никуда. Но признаюсь по совѣсти, что для Одессы нуженъ начальникъ съ моею дѣятельностью и благонамѣреніемъ, да помоложе и побогатѣе. Съ моимъ 60-лѣтіемъ и скудостью состоянія не могу здѣсь долго остаться. Мнѣ душно здѣсь—я въ Крымъ хочу. Вотъ вамъ сердечная моя исповѣдь.

*) Князь Воронцовъ такъ назвалъ эту дачу, вѣроятно въ память перваго своего начальника по службѣ, князя П. Д. Циціанова. П. Б.

Теперь хлопочу болѣе всего о шоссе во всю длину Пересыпи до подъема на гору, о мощеніи площадей и ремошпированіи улицъ. Эта часть была упущена, и врядь ли можно будетъ ее исправить въ наступающемъ году. Газовое освѣщеніе 25 фонарей приходитъ къ концу, и третьяго дня мы удачно произвели первый опытъ извлеченія газа; газъ горѣлъ прекрасно.

Сыну моему пишу я сегодня, чтобы онъ при первой поѣздкѣ въ Петербургъ явился къ вамъ. Благословите его; въ немъ тѣла мало, души много. Примѣрный сынъ, вѣрный слуга царю и отечеству. При томъ добрый христіанинъ.

Жена моя поручаетъ себя вашимъ святымъ молитвамъ и душевно благодарить за память.

О часовнѣ для иконы на берегу моря противъ гигантской лѣстницы получите отъ меня офиціально бумагу съ этою же почтою.

Я писалъ вамъ о Моранди офиціально, а частно пишу о исходатайствованіи ему въ подарокъ брилліантоваго перстня, хотя не слишкомъ дорогого. За огромный трудъ составленія плана города Одессы князь М. С. выхлопочетъ ему первый офицерскій чинъ. Послѣ чего даровитый иностранецъ сдѣлается Русскимъ подданнымъ, и это будетъ полезнымъ приобрѣтеніемъ.

Сейчасъ принесли мнѣ Записки А. С. Шишкова. Съ какимъ наслажденіемъ я буду ихъ читать!

P. S. Начавши къ вамъ писать, не хочется кончить; но конецъ и начало года соединяетъ столько дѣлъ и отчетовъ, что можно задохнуться отъ нихъ. Оттого, думаю, и отвѣтъ мой не совсѣмъ толковъ.

Вчера не успѣлъ я благодарить ваше высокопреосвященство за милостивыя строки и за добро Лангу: все время провелъ за городомъ, предполагая пустоши засадить лѣсами, который привлечетъ намъ небесную влагу и дастъ питаніе животнымъ, тогда какъ теперь выгоны носятъ только названіе выгоновъ, но безъ травы они не заслуживаютъ своего названія.

Теперь приношу мою благодарность отъ всей души и сердца, исполненныхъ къ вамъ почтительной дружбы и сыновней любви.

ОПИСАНІЕ ЖИЗНИ Н. И. ЦИЛОВА *).

До моего рожденія. Разсказъ моей матушки.

Вотъ, мой другъ, какъ было дѣло. Въ 1799 году, зимою, на праздникъ Знаменія Божіей Матери, твой папаша пригласилъ къ себѣ изъ круга родныхъ и друзей, какъ водилось въ старину, на пироги. Батюшка твой любилъ хорошо покушать, и потому я сама, наканунѣ званаго дня, т. е. 26 Ноября, растворила тѣсто для пирога, которому надлежало разыгрывать solo за завтракомъ будущаго дня. Пироги я пекла очень вкусныя, отецъ ихъ очень любилъ и потому я, никому не довѣряя въ томъ, чтобъ тѣсто, какъ говорится, не ушло, приказала сосудъ съ пирожнымъ матеріаломъ поставить на лежанку въ своей комнатѣ. Въ это время я была тобою беременна. Былъ уже часъ девятый вечера, и я, напившись чаю, начала раскладывать гранпасьянсъ, задумавъ: если онъ выдетъ—тогда родится у меня сынъ, а если не выдетъ—то родится дочь. Пасьянсъ не вышелъ. Тетушка моя и старая няня, по признакамъ тогдашней моей конструкціи, утверждали, что будетъ дочь, и въ заключеніе разныхъ предсказаній посадили меня на полъ и при вставаніи моемъ съ пола замѣтили, что я упиралась на лѣвую руку, и тогда тетушка и няня единогласно рѣшили, что навѣрное будетъ дочка. Кажется, что можетъ быть вѣроятнѣе? Дѣло рѣшено и описано!

Часу въ 11-мъ вечера того же дня, тетушка и няня отправились спать; отца твоего не было дома: онъ, какъ докторъ, отозванъ былъ въ Стрѣльну къ великому князю Константину Павловичу, у котораго онъ лечилъ всѣхъ придворныхъ. Помолясь Господу, я легла въ постель и, не пролежавъ получаса, встала и позвала къ себѣ старую няню, приказавъ ей послать за повивальной бабкой, никому о томъ не говоря, чтобы никто въ домъ о томъ не зналъ. (Въ старину, и кажется еще и теперь, существуетъ предубѣжденіе, что если роды будутъ въ домъ всѣмъ извѣстны, то онъ будутъ тяжелыя). Старуха-няня въ точ-

*) Съ любезнаго дозволенія Петра Ивановича Шудина извлечено изъ VI-го выпуска его „Сборника“. П. Б.

ности исполнила мое приказаніе, и чрезъ двадцать минутъ бабушка уже была у меня въ комнатѣ, куда вскорѣ прибылъ и твой отецъ, виновникъ тихой этой суматохи. Въ продолженіе цѣлой ночи, я много мучилась, то ходила, то ложилась, то садилась, и наконецъ, въ семь часовъ и десять минутъ утра, въ день Знаменія Пресвятой Богородицы, 27 Ноября 1799 года, ты, Николай, родился.

Во все время ночныхъ хлопотъ, отецъ твой занимался писаніемъ записокъ къ тѣмъ лицамъ, которыя были приглашены сегодня на пирогъ. Записки были слѣдующаго содержанія, кому почтеннѣйшій, кому любезнѣйшій: «Жена моя хотѣла угостить васъ сегодня пирогомъ, но раздумала. Она родила сына Николая, который ужасно кричитъ и будетъ васъ беспокоить. Въ день крестинъ—покрываемся. До свиданія! И... Ц...»

Въ спальной комнатѣ не было удобнаго мѣста, куда бы положить новорожденнаго, уже вымытаго и спеленатаго. Ученая бабушка придумала умно, положила ребенка на лежанку, и такъ близко къ бродившему тѣсту, что оно, залѣпивъ тебѣ глаза, могло бы задушить. Къ счастью, старая няня, искавши въ торопяхъ столовую ложку, увидѣла это обстоятельство, и тотчасъ, въ испугъ, отлѣпивъ тѣсто отъ глазъ, переложила тебя на подушкѣ въ Волтерово кресло, стоявшее у моей кровати. Вотъ, любезный мой Никола, какое могло случиться несчастіе! Старушки утѣшали меня тѣмъ, что это обстоятельство служитъ признакомъ будущаго твоего счастья и богатства, толкуя, что тѣсто предсказываетъ счастье и довольство, а серебряная ложка, которую нашла утонувшею въ тѣстѣ, изображаетъ богатство. До крестинъ твоихъ время быстро летѣло въ хопотахъ извѣстныхъ всякому женатому человѣку, имѣвшему дѣтей.

Наконецъ, насталъ день крестинъ; собрались гости, пасторъ пріѣхалъ и дѣло порѣшилъ. Пошли поздравленія съ новорожденнымъ, и въ это время отворяются двери, въ которыя пролѣзаетъ маленькая, но толстая повивальная бабушка, въ чепцѣ съ большими кружевами, съ умиленной улыбкой и съ большущимъ въ рукахъ подносомъ, на которомъ стояли шампанскія рюмки, наполненныя задравнымъ того же имени виномъ; потчuya имъ гостей и дѣлая каждому книксъ по мѣрѣ вклада на подносъ денегъ, какъ это въ старину водилось, она обошла всѣхъ гостей, которыхъ на крестинахъ было много, и возвратилась съ подносомъ во внутреннія комнаты, съ весьма восторженнымъ лицомъ. Старики засѣли играть въ бостонъ, а молодежь усердно принялась танцовать. День кончился весело, и всѣ гости разлѣхались.

Все это рассказывала мнѣ моя матушка, когда мнѣ было уже тридцать лѣтъ.

*

Батюшка мой былъ чрезвычайно строгъ, особенно онъ обращалъ вниманіе на опрятность дѣтей: бѣда если онъ замѣтитъ, что одежда разорвана. Однажды, у меня на курткѣ оборвалась пуговка; я бѣгалъ по саду и услышалъ, что отецъ мой пріѣхалъ. Я тотчасъ выбѣжалъ на улицу и подошелъ къ окошку сосѣдняго дома; возлѣ этого окошка постоянно сидѣла швея-старушка К., лишенная параличемъ ногъ еще въ своемъ дѣтствѣ, и что-то такое шила. Я постучалъ въ окошко, возлѣ котораго она сидѣла, и просилъ ее сквозь слезы: «бабушка, пришей мнѣ пуговку!» Веселая бабушка отворила окно и сказала: «хорошо пришью, если возьмешь меня за себя замужъ?» Она была шутлива и очень любила меня и брата Павла; я вбѣжалъ къ ней въ комнату, и при повтореніи ею вопроса: «возмешь ли меня замужъ?» я согласился. Добрая старушка стала пришивать мнѣ пуговку, говоря, чтобъ я не обманулъ ее; а я съ своей стороны просилъ ее шить поскорѣе, чтобъ папенька не узналъ. Только что она, пришивъ пуговку, оторвала нитку, я стремглавъ выбѣжалъ на улицу къ ея окошку и, постучавъ къ ней въ стекло, закричалъ: «не возьму замужъ, не возьму!» Старушка, погрозивъ мнѣ пальцемъ, отвѣтила: «хорошо же, въ другой разъ не пришью пуговки». Представьте себѣ, м. г. читатели, спустя 18-ть лѣтъ послѣ этого я пріѣхалъ въ Петергофъ, въ мѣсто моей родины, и у того же самаго окошка, гдѣ я пятилѣтній далъ слово жениться, сидѣла у окна таже самая, но уже очень ветхая старушка, моя невѣста, и тоже шила какую-то сумочку. Я зашелъ къ ней, мое удовольствіе было непомерное! Когда я рассказалъ ей о пришиваніи пуговки и о шуточномъ обѣщаніи жениться на ней, она меня припомнила такъ свѣжо, какъ бы это было вчера: сама повторила объ обѣщаніи моемъ на ней жениться, почти слово въ слово, чтѣ утвердило меня въ дѣйствительности запомненнаго мною обстоятельства. Эта старушка, лишенная ногъ еще въ дѣтствѣ, постоянно сидѣла у окошка на одномъ и томъ же мѣстѣ и милостію Монарха пользовалась на пропитаніе дарованнымъ ей пенсіономъ. Скончалась же она на 97-мъ году, безъ болѣзни.

*

На 9-мъ годѣ супружества моихъ родителей, итогъ наличныхъ у нихъ дѣтей былъ пять: три сына и двѣ дочери. Старше меня сестра Елисавета, братъ Павелъ, а потомъ я, по лѣтамъ третій; далѣе сестра Анна, и самый младшій братъ Петръ. Лѣта мои уже нѣсколько укрѣпили мой разумъ, и я уже могъ понимать причины радости и скорби.

Мы часто плакали отъ непріятностей происходившихъ между родителями, которыхъ невольно мы были свидѣтелями, и потому безотчетно тосковали.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней того времени, я вижу, что матушка моя укладываетъ нѣкоторыя домашнія вещи на повозку и куда-то ихъ отправляетъ. Отца нашего не было дома уже третій день; наконецъ, въ ночи на четвертый день онъ пріѣхалъ, и мы по обыкновенію утромъ пришли къ нему въ кабинетъ, чтобы поздороваться. Батюшка насъ принялъ чрезвычайно ласково, цѣловалъ насъ и плакалъ. Мы спрашивали, что съ вами папенька? Онъ, утирая платкомъ слезы, отвѣчалъ: «ничего, мои милые» и наконецъ, послалъ меня позвать маменьку. Я побѣжалъ и вмѣстѣ съ маменькой вошелъ въ кабинетъ къ отцу. Отецъ всталъ съ кресла, подошелъ къ маменькѣ, поцѣловалъ ее и подалъ ей какую-то бумагу. Она стала ее читать, а насъ изъ кабинета выслали. Отъ безотчетнаго сознанія, мы заплакали, еще болѣе отъ сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на насъ волненіями родителей. Ничего не зная и ничего не понимая, что случилось, слышали только ихъ разговоръ между собою на Нѣмецкомъ языкѣ, въ которомъ часто повторялись наши имена. Мы ушли, оставя мать и отца въ кабинетъ, и въ это время насъ позвали завтракать. Черезъ нѣсколько минутъ мать наша пришла къ намъ и очень насъ ласкала и цѣловала со слезами на глазахъ. Отецъ нашъ не выходилъ изъ кабинета, обѣдъ носили къ нему. Вечеромъ маменька, простившись съ нами, сѣла въ коляску и куда-то уѣхала, взявъ съ собою младшую нашу сестру и младшаго нашего брата. Долго мы дожидали ея возвращенія, но природа насъ утомила, и мы заснули на диванѣ.

Маменька домой не возвращалась. Поутру, одѣвшись, по обыкновенію пошли мы къ папенькѣ, который принялъ насъ очень ласково. Мы, поцѣловавъ ему руку, спросили: «гдѣ мамаша?» Онъ грустно смотрѣлъ на насъ, слезы навернулись на его глазахъ, и не могли удержаться, заплакалъ. Мы стояли возлѣ него, съ блѣдными лицами, въ какой-то лихорадкѣ, представляя собою дѣтей, на которыхъ положена серьезная печать принадлежащая только взрослому человѣку. Я первый изъ насъ сказалъ: «Что съ вами, папенька? Няня сказала, что маменька скоро пріѣдетъ!» Отвѣта не было; онъ крѣпко прижалъ меня къ своей груди, махнулъ рукой и, приложя платокъ къ своимъ глазамъ, склонивъ на руку свою голову, находился въ судорожномъ движеніи. Тотчасъ побѣжали мы къ нянѣ и черезъ нѣсколько времени подошли къ дверямъ кабинета, но дверь уже была заперта; у дверей слышно было, что папенька съ кѣмъ-то разговаривалъ. Черезъ часъ пріѣхалъ къ намъ одинъ изъ преданнѣйшихъ людей нашему отцу, Ан-

гличанинъ Б., который всегда насъ ласкалъ, дарилъ игрушки; жена его была предобрѣйшая женщина, и мы очень любили у нихъ бывать. Б. спросилъ насъ, желаемъ ли мы къ нему ѣхать? Безотлагательно мы согласились, забывъ непонимаемое нами горе, сѣли съ нимъ въ карету и тотчасъ поѣхали. Жена и дѣти его приняли насъ какъ родныхъ своихъ, угощали разными лакомствами, надарили разныхъ игрушекъ, и мы провели время въ семействѣ Б. весьма весело. Вечеромъ приѣхалъ туда же и нашъ отецъ. Мы бросились къ нему, и онъ, видя насъ рѣзвящимися, немного разсѣялся, посадилъ насъ трехъ къ себѣ на колѣни, далъ намъ конфектъ, обнялъ и сказалъ: «Если бѣ были тутъ и остальные мои дѣти, то я былъ бы совершенно счастливъ!» Мы занялись конфектами и побѣжали къ дѣтямъ г-на Б. продолжать играть въ солдатики. Въ 9-ть часовъ вечера отецъ взялъ насъ съ собою.

На другой день (не помню только, какимъ образомъ) мы всѣ отправились гулять съ провожатымъ человѣкомъ, который завелъ насъ въ одинъ домъ намъ неизвѣстный. Мы входимъ на лѣстницу и вдругъ увидѣли бѣжавшую на встрѣчу къ намъ маменьку. Бросившись къ ней, наперерывъ мы цѣловали ей ручки; но слезы ни у нея, ни у насъ не наворачивались. Маменька повела насъ въ комнаты, въ которыхъ мы признали нѣкоторую мебель, перевезенную изъ родительскаго дома, и маменькину постель. Начали дѣлать маменькѣ много, хотя дѣтскихъ, вопросовъ, но она была въ замѣшательствѣ и затрудненіи отвѣчать намъ истину, а говорила все аллегорически, такъ что мы ничего не понимали. Помню только, что говорила она: «Милыя мои дѣти, приходите почаще ко мнѣ, всякой раза я буду давать вамъ гостинца. Молитесь Богу усердно! Пора вамъ начать серьезно учиться. Просите папеньку, чтобъ онъ отдалъ васъ въ корпусъ, гдѣ вы выучитесь хорошо и будете лихими офицерами, будете носить саблю и султанъ!».

Эти слова такъ рѣзко вкоренились въ моей памяти, что мыслию я постоянно переносился къ этому времени.

Почти всякой день мы ходили то къ матери, то къ отцу, не замѣчая, что невинно были сплетниками, передавая имъ наши разговоры. День ото дня мы привыкали къ такой глупой жизни, ничему не учились и шалили напраполю, такъ какъ папеньки часто не было дома: онъ, какъ докторъ, посѣщалъ больныхъ и ѣздилъ часто въ Стрѣльну и въ Петербургъ.

*

Отецъ повезъ меня и брата въ Стрѣльну, во дворецъ Его Высочества Константина Павловича. По лѣстницѣ вошли мы въ прекрасную комнату, отецъ поставилъ насъ у окна выходящаго ко взморью и,

оставя насъ куда-то ушелъ. Въ непонятномъ страхѣ, часа полтора мы ждали обѣщаннаго возвращенія батюшки. Между тѣмъ, зала наполнялась генералами и разными офицерами, большею частію лейбъ-гвардіи уланскаго и драгунскаго полковъ. Многіе изъ нихъ часто бывали въ гостяхъ у нашего отца и потому знали насъ за шалуновъ. Они подошли къ намъ, шутили съ нами, что насъ очень окуражило. Наконецъ пришелъ и нашъ папаша, онъ былъ въ кабинетъ Его Высочества. Почти всѣ насъ окружающіе, съ приходомъ къ намъ отца, обратились къ нему, и, сколько я могу припомнить, дружески обнимали его, цѣловали и смѣялись. Вдругъ все утихло. Отворились обѣ половины двери, чрезъ которыя вошелъ благодѣтель нашего отца и всего нашего семейства, Его Высочество Константинъ Павловичъ. Онъ прямо подошелъ къ намъ и сказалъ: «Здравствуйте, карапузики!» Мы подѣтски поклонились, а Его Высочество, повторивъ «здравствуйте карапузики!» приказалъ намъ громко прокричать: «Здравія желаемъ!» Мы по бойкости нашего характера такъ громко прокричали «здравія желаемъ», что всѣ бывшіе въ залѣ разсмѣялись. «Пора вамъ за науку», сказалъ Его Высочество. Мы молчали. Отецъ нашъ приказалъ намъ отвѣчать: «Ради стараться», и мы тотчасъ исполнили приказаніе отца. Его Высочество, сказавъ намъ молодцы! въ тоже время, взявъ важдога изъ насъ за щеку, такъ потянулъ щеку, что у насъ во рту произошелъ щелчокъ отъ внезапнаго отдѣленія щеки отъ десенъ. Послѣ чего, обратясь къ нашему отцу, приказалъ ему ѣхать домой, а насъ оставить у него. Батюшка нашъ низко поклонился Его Высочеству, и слезы благодарности навернулись на глазахъ его.

Великій Князь поручилъ генералу Б... у принять насъ подъ его покровительство.

Генералъ Б. повелъ насъ въ верхнія комнаты дворца, въ которыхъ мы простились съ отцомъ съ горькими слезами. Онъ благословилъ насъ и уѣхалъ. Генералъ Б. ласкалъ и утѣшалъ насъ какъ родной отецъ. Обращеніе его съ нами было обворожительно, онъ былъ задушевнымъ другомъ нашего отца. Черезъ часъ намъ подали завтракъ, который мы ѣли съ большимъ аппетитомъ отъ непривычки такъ долго не ѣсть. Послѣ завтрака, съ какимъ-то Французомъ мы пошли гулять въ садъ, ѣздили тамъ на лодкѣ, и очень усталые, въ 3½ часа возвратились во дворецъ, гдѣ крѣпкимъ сномъ уснули на диванѣ, и проснулись только тогда, какъ генералъ Б. насъ разбудилъ, чтобы сѣсть съ нимъ обѣдать. Во время обѣда мы ничего почти не ѣли кромѣ пирожнаго, конфектъ и фруктовъ. Подъ конецъ обѣда, братъ мой прежде, а я послѣ, горько заплакали; какая-то сильная тоска насъ одолѣла. Ген. Б. истощился въ выборѣ для насъ утѣшеній, и мы тогда только немного

разсѣялись, когда услышали, что въ саду музыканты играютъ зорю. Тотчасъ пошли мы въ садъ съ тѣмъ же веселымъ Французомъ, который былъ къ намъ приставленъ въ родѣ гувернера.

На другой день ген. Б. повелъ насъ въ кабинетъ Его Высочества, гдѣ находился уже и отецъ нашъ. Его Высочество, съ обычною его веселостію, взялъ насъ за щеки и приказалъ нашему отцу отвезти насъ въ 1-й кадетскій корпусъ, давъ ему какую-то бумагу.

На четвертый день, у подъѣзда стояла карета, запряженная въ рядъ четверкой лошадей. Когда отецъ отворилъ дверцы кареты, мы увидѣли въ ней старшую нашу сестру Лизу и тотчасъ влѣзли въ карету, куда сѣлъ и отецъ нашъ.

Въ Петербургѣ мы остановились у родного дяди, гдѣ и провели этотъ день, а поутру, на другой день, отецъ благословилъ меня съ братомъ и сестрой и, посадивъ насъ въ карету, повезъ въ Екатерининской Институтъ, куда была принята наша сестра. Распростившись съ нею, отецъ отвезъ насъ на Васильевскій островъ, въ 1-й кадетскій корпусъ, и сдалъ подъ покровительство знакомаго ему подполковника Р., а самъ, благословя насъ вторично, въ горькихъ слезахъ уѣхалъ. Надо было видѣть, какъ отецъ съ нами прощался, и ту сцену, какъ я съ братомъ упали къ ногамъ отца, обняли ихъ, и руки наши оцѣпенѣли такъ, что едва могли ихъ отнять. Мы какъ бы предчувствовали минуту на вѣчное съ нимъ растанье!

*

Отецъ нашъ былъ докторъ, человѣкъ весьма умный и весьма сильный; ростомъ въ 2 арш. 10 вершковъ, уроженецъ Мекленбургшверинскій. Характеръ имѣлъ строгій и по красотѣ своей и силѣ очень нравился женскому полу. Это свойство не нравилось моей матери; чрезъ ревность часто у нихъ были диспуты, доходившіе до того, что мать моя рѣшилась его оставить.

Буало вотъ какой даетъ совѣтъ ревнивымъ мужьямъ:

Ты вступишь въ бракъ съ невинностью прекрасной;
 Но хотъ подъ именемъ сунруги вѣрной, страстной
 Въ разлуку бывши съ ней и возвращаясь въ домъ,
 Вели ее всегда предупреждать о томъ!
 Не вѣрь слезамъ твоей Лукреція печальной,
 Которыми теби въ путь отпуская дальный,
 Она съ рыданіемъ твою омоетъ грудь,
 И берегись домой нечаянно взглянуть!

Въ 7 часовъ кадеты отправлялись въ классы по длиннымъ, открытымъ и холоднымъ коридорамъ, отчего многіе заболѣвали. Насъ поса-

дили въ самый низшій классъ и начали учить какъ говорится: «съ аза». Учитель азбуки и чистописанія былъ человекъ простой, который также имѣлъ право не только ставить учениковъ въ уголь, на колъни, но и драть за уши. Если же кто худо писалъ, то онъ приказывалъ всѣ пальцы сжать вмѣстѣ и, держа ихъ такимъ образомъ вверхъ, билъ линейкой по оконечностямъ пальцевъ. Такъ мы съ братомъ промаяли 1808-й годъ. Братъ Павелъ не выдержалъ и въ Февралѣ мѣсяцѣ заболѣлъ и отдалъ Богу юношескую прекрасную свою душу.

Мать рассказала мнѣ, что отецъ нашъ отправленъ въ Симферополь, для устройства медицинской части, куда и уѣхалъ тотчасъ по опредѣленіи насъ въ корпусъ. Черезъ пять мѣсяцовъ мать опять пріѣхала ко мнѣ и съ нѣжною ласкою объявила мнѣ, что отецъ мой, возвращаясь изъ командировки, на обратномъ пути въ Екатеринославлѣ заболѣлъ и скоропостижно умеръ.

Кадеты руководимы были старыми закоренѣлыми кадетами, которые присвоивали себѣ какую-то власть, корчивъ изъ себя стариковъ. Они не учились и часто уродовали себя, находя модою и красотою имѣть кривыя ноги: такъ, въ банѣ они клали круглый тазъ между колънами и парили ихъ вѣвникомъ, дабы ноги принимали дугообразный видъ. Кто, бывало, изъ кадетъ заговорить по-французски или по-нѣмецки, и если услышитъ такой разговоръ кадетъ-старикъ, тотчасъ получить въ шею туза.

Въ корпусѣ были въ употребленіи слѣдующія наказанія: ставили въ уголь, ставили на колъни, ставили въ столовой къ столбу, оставляя безъ обѣда или безъ ужина, клали спать на голыя доски, часто драли за уши и давали порядочныя затрешины, отправляли подъ арестъ на хлѣбъ и воду, отправляли въ корпусную такъ называемую тюрьму. Сѣкли розгами и въ ротахъ, и въ разводномъ залѣ при собраніи всѣхъ кадетъ. При послѣднемъ наказаніи всегда присутствовалъ главный начальникъ корпуса. Нянька Ивановна сѣкла больно. Тычки, пинки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейками по пальцамъ, все это было дѣломъ обыкновеннымъ». Ген.-лейт. Клиngerъ (при которомъ я воспитывался) директоръ 1-го кадетскаго корпуса, человекъ, пользовавшійся авторитетомъ въ дѣлѣ воспитанія юношества, говаривалъ: «Русскихъ надо меньше учить, а больше бить».

До половины 1809-го года кадеты, назначаемые по воскреснымъ днямъ на разводъ, пудрились, что дѣлалось такимъ образомъ: одинъ другому намазывалъ волосы сальной свѣчкой, а потомъ насыпалась въ чулокъ бѣлая мука и, держа чулокъ надъ головою, потряхивая имъ, волосы напудривали. Напудренного такимъ образомъ кадета сажали на табуретъ и, до отправленія въ разводъ онъ сидѣлъ на немъ часа два,

какъ проглотившій аршинъ, не шевеля головою, чтобъ пудра не сыпалась съ головы на одежду.

Нѣкоторые изъ кадетъ проявляли таланты къ рисованію, къ скульптурѣ и даже къ поэзіи. Какъ на примѣръ, кадетъ Рыльевъ обнаружилъ призывъ свой къ стихотворенію первоначальными своими стихами къ портрету почтеннаго и очень любимаго кадетами эконома Боброва:

О ты! который управляешь
 Надъ легиономъ поваровъ,
 Межъ ними какъ звезда сіяешь,
 Почтенный виномъ Бобровъ!
 Твой тронъ сіяетъ межъ котловъ,
 Собой всю кухню освѣщаешь,
 Творца съ печенкой пироговъ
 Безсмертну славу возвѣщаешь!
 Преемникъ мудрѣго барона Аша *)
 Ты предковъ превзошелъ своихъ:
 Лапша, шиньонъ и манна каша
 Суть памятники дѣлъ твоихъ!

Андрей Петровичъ Бобровъ былъ человѣкъ весьма честный, любилъ кадетъ и часто ихъ баловалъ. Случалось кадету тихонько убѣжать въ кухню и, встрѣтя тамъ Андрея Петровича, попросить: «Андрей Петровичъ, пожадуйте пирожка!» Никогда не отказывалъ.

Бобровъ имѣлъ у себя помощника по прозванію: «Кулаковъ». Кулаковъ былъ человѣкъ исполнительный и слѣпо повиновавшій Андрею Петровичу. Онъ распорядился въ двухъ кухняхъ и держалъ команду поваровъ строго. Въ одинъ прекрасный Майскій день, Кулаковъ, суетясь по кухнямъ, внезапно упалъ и скоропостижно умеръ. Всѣ кадеты во время обѣда побѣжали въ кухню и застали Андрея Петровича въ слезахъ. Кадетъ Рыльевъ написалъ на другой день слѣдующіе стихи:

Шуми, греми, нестройна лира
 Еще неопытна пѣвица,
 Да возвѣстишь въ предѣлы міра
 Коичину пироговъ' творца!
 Да возвѣщу я гласъ ужасный
 Трехъ твоелей, всѣхъ поваровъ:
 Уже нашъ Кулаковъ несчастный
 Не суетится средь котловъ!
 Ужъ гласъ его не раздается
 Въ обѣихъ кухняхъ нашихъ десь;
 Отъ онаго ужъ не мается
 Соборъ его команды весь!

Почти всѣ кадеты творенія Рыльева списывали и отдавали родителямъ своимъ.

*

*) Въ 1812 году былъ уже Смоленскимъ губернаторомъ.

Въ 1817 г., 25-го Августа, произвели меня въ офицеры и назначили въ 19-ю артиллерійскую бригаду, въ 37-ю легкую роту *). Обмундировали насъ на казенный счетъ весьма экономически; эполеты были кованые мѣдные, этикетки на киверѣ и шарфѣ питяные, сукно, рубашки и чулки полу-офицерскіе, полу-солдатскіе, и каждому единовременно выдали по 200 р. ассигнаціями, кромѣ прогонныхъ денегъ.

Я поступилъ подъ 26-ти лѣтняго полковника Б., героя 1812 года, кавалера ордена Св. Георгія 4-й ст. за храбрость, человѣкъ образованнаго, благоразумнаго и въ полномъ смыслѣ красавца. Онъ принялъ меня какъ сына, обласкалъ и поручилъ одному изъ старшихъ офицеровъ устроить мое жительство въ Георгіевскѣ, гдѣ квартировала 37-я батарейная рота, къ которой полковникъ Б. прикомандировалъ меня, чтобъ имѣть личный надзоръ за только что выпущеннымъ изъ корпуса 17-ти лѣтнимъ офицеромъ; 37-я же легкая рота, въ которую я былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ, расположена была въ г. Моздокѣ, въ 115-ти верстахъ отъ г. Георгіевска. Образъ жизни нашей въ Георгіевскѣ былъ слѣдующій.

Послѣ служебныхъ занятій мы всѣ, наличные офицеры, обязаны были ежедневно являться къ полковнику и оставаться въ его квартирѣ цѣлый день: у него мы завтракали, обѣдали, пили чай и ужинали. Онъ все время находился съ нами. Играли въ шашки, въ шахъ и матъ и въ прочія подобныя игры, читали разныя книги, а кто умѣлъ играть на гитарѣ—училъ другихъ; а иногда полковникъ заставлялъ насъ танцевать; кто же не умѣлъ, тѣхъ учили другіе. Словомъ, подъ надзоромъ полковника мы находились въ наилучшемъ учебномъ отеческомъ пансіонѣ. Онъ насъ экзаменовалъ, заставлялъ рисовать, чертить и задавать другъ другу математическія задачи. Когда онъ оставался кѣмъ доволенъ, составлялъ для тѣхъ кавалькаду, въ которой участвовалъ самъ. Онъ выписывалъ изъ Москвы всѣмъ намъ обмундировку, такъ что всѣ офицеры были и хорошо и щегольски одѣты. Стоимость же обмундировки онъ вычиталъ изъ жалованья cadaго, и потому обмундировка обходилась намъ очень дешево. Всѣ слѣдующія намъ деньги отдавалъ на руки, при чемъ давалъ каждому расходную книжку за своею скрѣпою и требовалъ по временамъ показывать ему расходъ нашихъ денегъ, при чемъ, кого бранилъ, кого хвалилъ, судя по благоразумію расхода. Результатомъ такого отеческаго наблюденія было, что у cadaго изъ насъ отъ жалованья до жалованья хотя немного, но деньги оставались. Получали

*) Въ настоящее время названіе въ артиллеріи ротъ измѣнилось на названіе ихъ батареями.

мы въ годъ 270 р. жалованья ассигнаціями, слѣдовательно 90 рублей въ треть. Онъ научалъ насъ бережливости. Правда, что столъ намъ ничего не стоилъ, такъ какъ полковникъ поилъ и кормилъ насъ на свой счетъ. Водку передъ обѣдомъ пить прапорщикамъ не позволялъ; она позволялась съ производствомъ въ подпоручики. Въ старинныя времена вообще водилось, что офицеры всегда столовали у командировъ.

Въ Георгіевскѣ, бывшемъ губернскомъ городѣ, проживали губернаторъ и прочія губернскія власти, люди семейные; многіе имѣли дочерей хорошенькихъ. Въ эти семейства ходить намъ безъ позволенія полковника не позволялось, и мы тогда только къ нимъ ходили, когда самъ полковникъ идти къ кому-нибудь изъ нихъ собирался и тогда приглашалъ и насъ съ собою. Если же кто изъ насъ офицеровъ желалъ вечеромъ идти къ кому нибудь въ гости, то обязанъ былъ испросить разрѣшенія у полковника, который всегда подробно распросить, къ кому, надолго ли? Иногда разрѣшить, смотря, какою репутаціею въ его мнѣніи пользуется то семейство, къ которому просишься идти въ гости; а иногда скажетъ: оставайся лучше вмѣстѣ съ нами, тамъ только ты научишься играть въ карты, пить или курить. Такъ-то мы и воспитывались въ службѣ у благоразумнѣйшаго и умнѣйшаго начальника. Я и теперь благодарю Господа Бога, что Онъ безъ всякихъ протекторовъ назначилъ начало моей службы на Кавказѣ.

Никакіе танцы въ городѣ не назначались безъ согласія полковника Б. Артиллерійскіе офицеры наши были единственными танцорами. Г. Георгіевскъ, городъ очень грязный, и потому, если въ которомъ семействѣ назначался танцевальный вечеръ, то мы отправлялись туда, сидя верхомъ на деньщикахъ, а полковникъ верхомъ, ибо не было никакой возможности экипажу выѣхать изъ грязи; дамъ же переносили на носилкахъ Евреи за ничтожную цѣну. Не смотря на всѣ неудобства жизни и на многія лишенія, мы жили весело, патриархально и безъ нужды.

Молодой человѣкъ, красавецъ собою полковникъ Б. имѣлъ, разумѣется, поклонницъ. Однажды одна изъ хорошенькихъ дамъ соглашалась идти танцовать съ тѣмъ кавалеромъ, который ловче танцевалъ, отказывая другимъ; но какъ танцоры всѣ артиллеристы, то выходка ея полковнику не понравилась. На танцевальномъ вечерѣ въ собраніи, полковникъ Б. тайно приказалъ намъ не ангажировать привилегированную даму ни на одинъ талецъ. Она смотрѣла, какъ танцуютъ другія, удивлялась, блѣднѣла и волновалась, почему ея не ангажируютъ. Я, по разсвѣнности или по молодости, а можетъ быть по увлеченію къ ней, выбралъ ее въ котильонѣ и сдѣлалъ съ ней одинъ туръ вальса. Это нарушеніе тайнаго распоряженія полковника не осталось безъ на-

казанія: на другой день утромъ я получилъ приказъ, по бригадѣ отданный, въ которомъ мнѣ предписано было отправиться въ г. Моздокъ и явиться къ командиру 37-й легкой роты, т. е. къ той, въ которую я былъ назначенъ при выпускѣ изъ корпуса приказомъ по артиллеріи.

Передъ отъѣздомъ я сдѣлалъ еще ошибку, и хотя грубую, но наивную, изъ боязни солгать. Вотъ въ чемъ заключалась моя ошибка.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1818 г. пріѣхалъ въ Георгіевскъ главнокомандующій отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ А. П. Ермоловъ и остановился у полковника Б., котораго онъ очень любилъ и который былъ ему хорошо извѣстенъ еще по службѣ въ гвардейской артиллеріи, когда Алексѣй Петровичъ командовалъ ею. Послѣ обѣда Алексѣй Петровичъ сказалъ полковнику Б.: «Ну, братъ Александръ (такъ всегда называлъ онъ нашего полковника), покажи-ка мнѣ своихъ лошадей!» Я былъ дежурнымъ по конюшнѣ, и ко мнѣ тотчасъ пріѣхалъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ и передалъ приказаніе полковника: «сей же часъ напоить лошадей». Приказаніе тотчасъ было исполнено, хотя поить лошадей еще время не пришло. Не понимая, какъ неопытный, зачѣмъ было приказано напоить лошадей, я и не добивался причины. Черезъ четверть часа вмѣстѣ съ полковникомъ пріѣхалъ на конюшню Алексѣй Петровичъ. Я, подошедъ къ нему, отрапортовалъ. Онъ спросилъ мою фамилію, давно ли я произведенъ въ офицеры и который мнѣ годъ? Быстро и громко я отвѣчалъ ему. А. П., сказавъ мнѣ «молодецъ», приказалъ выводить лошадей изъ конюшни. Когда лошадей вывели, А. П., обратясь къ полковнику, сказалъ ему: «Александръ! Лошадей напоили». Полковникъ отвѣтилъ, что не поили. Тогда А. П. внезапно обратился ко мнѣ и спросилъ меня: «поили ли лошадей?» Я и отвѣтилъ, что поили. А. П. расхохотался и сказалъ полковнику: «Нѣтъ, братъ Александръ, меня на надуешь, я старый артиллеристъ! Ты хотѣлъ похвастать и показать лошадей въ лучшемъ тѣлѣ, хотя онѣ и такъ хороши». Уѣхавъ послѣ смотра въ городъ и пробывъ тамъ три дня, А. П. поѣхалъ осматривать войска, расположенныя на Кавказской линіи.

Собравши свои потрошенки, я на перекладныхъ отправился къ своей ротѣ и, являсь къ командиру роты, былъ также имъ обласканъ. Онъ помѣстилъ меня на квартирѣ съ однимъ изъ старыхъ офицеровъ, съ которымъ скоро я подружился. Городъ Моздокъ, при рѣкѣ Терекѣ, заселенъ Армянами; въ мокрое время онъ грязенъ. Для молодыхъ людей онъ можетъ почитаться мѣстомъ ссылки, ибо ни одной нѣтъ хорошенькой женщины, и мы для развлеченія почасту ѣздили въ близъ лежащія станицы, гдѣ жили казаки съ прелестными казачками. У жителей Червленной станицы былъ такой обычай, что если дѣвушка-казачка, до свадьбы, не была любима никѣмъ, то это доказывало, что

она въ жены не годится, и такая или долго, или вовсе не выходила замужъ.

Во время жизни моей въ Моздокъ былъ слѣдующій казусъ. Жена коменданта, молодая, красивая женщина, вдругъ умираетъ. Командиръ роты съ наличными офицерами были приглашены на похороны. Она была Лютеранскаго исповѣданія. Явился пасторъ, началъ обрядъ отпѣванія, какъ вдругъ покойница пошевелилась, пролежавъ въ гробу три дня. Всѣ присутствующіе на похоронахъ изумились, подошли къ гробу, и покойница открыла глаза. Тотчасъ вынули ее изъ гроба и положили въ постель. Она постепенно выражала чувства жизни, наконецъ поднялась и, сѣвъ на кровати, дрожащимъ голосомъ спросила: «что со мной? дайте мнѣ пить!» Гробъ тотчасъ вынесли, и всѣ присутствующіе на отпѣваніи разошлись. Черезъ недѣлю она совершенно выздоровѣла. По обыкновенію, мы иногда по вечерамъ ходили къ коменданту, гдѣ она поила насъ чаемъ. Это былъ только одинъ домъ, въ которомъ мы проводили свободное время, прочее же время мы были или на службѣ, или у командира, у котораго всѣ офицеры столовали.

Въ началѣ Апрѣля 1818 г. пріѣхалъ въ Моздокъ нашъ бригадный командиръ 19-й артиллерійской бригады полковникъ Б. инспектировать нашу 37-ю легкую роту. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково и по окончаніи смотра, оставшись весьма доволенъ исправностію роты, обѣдалъ у командира роты со всѣми наличными офицерами. Во время обѣда, онъ обратился къ командиру роты и спросилъ: доволенъ ли онъ моею службою? Когда командиръ мой отозвался обо мнѣ съ самой отличной стороны, тогда полковникъ Б., обратившись ко мнѣ, сказалъ: «по тебѣ, Николай, въ Георгіевскѣ всѣ дамы скучаютъ, и я далъ имъ слово приѣзти тебя обратно въ Георгіевскъ. Собирайся въ путь, и ты поѣдешь со мною». Сильно обрадовавшись, я отъ умиленія заплакалъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ того же 1818 г. получено было предписаніе командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса А. П. Ермолова выступить 37-й батареей ротѣ въ походъ на рѣку Сунжу, впадающую въ р. Терекъ. Полк. Б. опять прикомандировалъ меня къ 37-й батареей ротѣ, и чрезъ недѣлю отъ полученія предписанія мы выступили въ походъ къ мѣсту назначенія, куда уже собирались и прочія войска. Полк. Б. все время насъ поилъ, кормилъ, но табаку чтобы покурить не давалъ, говоря: «на походѣ дорожка вмѣстѣ, а табачокъ врозь». Когда бывало онъ выкурить трубку, мы ее тотчасъ возьмемъ и докуриваемъ.

Прибывъ къ р. Тереку, мы остановились лагеремъ. День былъ очень жаркій. Я и нѣкоторые офицеры пошли купаться. Рѣка Терекъ въ этомъ мѣстѣ мелка почти до колѣнъ. Войдя въ воду, я пошелъ далѣе къ срединѣ рѣки, какъ вдругъ попалъ въ пучину и сталъ тонуть.

Штабсъ-капитанъ С. бросился ко мнѣ, еле, еле отыскалъ меня въ водѣ и, схвативъ за волоса, вытащилъ меня безъ сознанія. Часа два, на берегу, меня откачивали. Съ тѣхъ поръ я усердно сталъ молиться и благодарить Господа, упоминая въ молитвѣ имя штабсъ-капитана С. и прося у Бога даровать ему всѣхъ благъ.

Стоя въ лагерѣ, по нашу сторону Терека, весь отрядъ изъ 7000 человекъ пѣхоты, казаковъ и артиллеріи ожидалъ прибытія А. П. Ермолова. Изъ всѣхъ частей были назначены ему ординарцы, а отъ 37-й батареіной роты на ординарцы былъ назначенъ я. Спустя дней пять, пріѣхалъ А. П. Обѣхавъ войска, поздоровавшись съ нимъ, онъ принималъ ординарцовъ, и когда я подошелъ являться, А-й П-чъ сказалъ мнѣ: «старый знакомый!».

На другой день весь отрядъ переправился за рѣку Терекъ на непріятельскую сторону и двинулся впередъ верстъ на двадцать въ Чечню, на берегъ р. Сунжи, къ избранному мѣсту для построенія крѣпости названной «Грозною». Оберъ-квартирмейстеръ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, подполковникъ Евстафій Ивановичъ Верховскій, человекъ почтенный, опытный, образованный и всѣми уважаемый, находился при Алексѣѣ Петровичѣ, и ему поручено было выбрать мѣсто для построенія крѣпости. А. П. сказалъ полк. Б., чтобы онъ назначилъ одного изъ артиллерійскихъ офицеровъ въ безсмѣнные къ нему ординарцы. Выборъ палъ на меня, и съ тѣхъ поръ я уже находился при штабѣ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. А. П. назначилъ меня помощникомъ къ подполковнику Верховскому.

Началось, въ виду непріятелей-Чеченцовъ, построеніе крѣпости, близъ Ханкальскаго ущелья. Ущелье это было непроходимое, а противъ крѣпости, въ двухверстномъ разстояніи, возвышались небольшія горы, покрытыя лѣсомъ, на которыхъ были аулы такъ называемые «Качалыковскіе». Непріятель, со стороны Ханкальскаго ущелья, часто насъ беспокоилъ во время построенія крѣпости, и потому А. П. приказалъ вырубать лѣсъ, дабы виднѣе было открывать скопища непріятелей. Я былъ постоянно и денно и ночью на работахъ крѣпости. Солдаты работали весело, молодцами, и каждый день получали винныя порціи. Лагерь и ставка Алексѣя Петровича были въ сто саженьяхъ отъ крѣпости, и солдаты, возвращаясь съ работы, всегда проходили съ пѣснями мимо ставки А. П. Какъ-то, два дня они не получали водки по мѣшкотности маркитанта, который привозилъ водку въ отрядъ. Солдаты, не зная причины почему имъ не даютъ водки, на третій день, идя съ работы мимо ставки главнокомандующаго, запѣли извѣстную пѣснь:

Говорятъ, умны они;
Но чтѣ слышу отъ любова:

Жоини да Жоини,
А объ водѣ ни полслова! и т. д.

А. П. расхохотался и сказалъ: «эгіе мошенники! дать имъ по двѣ порціи разомъ», что и исполнилось, такъ какъ маркитантъ съ водкою прибылъ въ тотъ же вечеръ съ транспортомъ. Транспортъ всегда сопровождался войскомъ. Такой транспортъ назывался «оказіей», и при этой оказіи доставлялись намъ и провізія, и письма, и журналы, и высочайшіе приказы.

Вставая со свѣтомъ и отправляясь на работу вмѣстѣ съ солдатами, тяжело было мнѣ, девятнадцатилѣтнему юношѣ; но ласковое обращеніе такого начальника какъ А. П. поддерживало во мнѣ энергію, и я сталъ привыкать къ такой трудной и вмѣстѣ опасной жизни.

Во время построения Грозной крѣпости, на казацкомъ сотникѣ Ф. лежала обязанность рекогносцировки; онъ каждый день, съ отрядомъ казаковъ, дѣлалъ развѣздъ и поутру приходилъ всякой день донести о томъ что видѣлъ и что узналъ. Однажды, рано утромъ, находившаяся всегда въ ставкѣ А. П. собака, по кличкѣ: «Ципушка», стономъ разбудила А. П., и онъ замѣтилъ, что Ципушка щенится, и потому взялъ палку и сталъ выгонять ее изъ ставки. Въ это время развѣздъ возвращался съ рекогносцировки, и А. П. замѣтилъ, что сотника Ф. при развѣздѣ не было. Между тѣмъ сотникъ Ф. рано утромъ, въ шестомъ часу, явился къ А. П. съ рапортомъ. А. П., видѣвъ лично, что сотника Ф. въ развѣздѣ не было, сказалъ ему: «знаешь, братъ Ф., какой у тебя скверный денщикъ? Ты только что поѣдешь въ развѣздъ, а онъ тотчасъ же ляжетъ на твою постель, да и спитъ! Я когданибудь прикажу, въ то время, какъ онъ ляжетъ на твою постель, вадуть его хорошенько нагайками, чтобы онъ не смѣлъ ложиться на постель барина, когда онъ въ развѣздѣ». По окончаніи же этого аллегорическаго замѣчанія, онъ отправилъ его подъ арестъ на недѣлю, сказавъ ему: «если я узнаю ещё разъ, что ты такъ исполняешь службу, то велю тебя живого закопать въ землю».

Въ Октябрѣ постройка крѣпости была окончена, и привезены были крѣпостныя пушки для поставленія ихъ къ амбразурамъ. А. П. приказалъ отряду удалыхъ казаковъ, въ числѣ 50-ти человекъ, одну изъ этихъ пушекъ отвезти въ сумеркахъ скрыто между казаками отъ крѣпости на 200 сажень, и отряду тому, окруживъ орудіе, стоять до тѣхъ поръ, покуда изъ крѣпости будетъ пущена ракета. Между тѣмъ, онъ приказалъ полк. Б. поставить на гласисѣ крѣпости шесть пушекъ заряженныхъ картечью и навести ихъ, имѣя цѣлью то мѣсто, на которомъ было приказано отряду казаковъ остановиться. Никто изъ насъ не зналъ причины такого распоряженія, которое блистательно окончи-

лось. Непрiятель, на разсвѣтѣ, завидя малый отрядъ казаковъ удаленныхъ отъ крѣпости, съ гикомъ бросился на этотъ отрядъ, который, обрубя построжки отъ лафета, тотчасъ съ орудійными лошадьми бросился скакать къ стоящему за крѣпостью баталіону пѣхоты Кабардинскаго полка, оставя орудіе на мѣстѣ. Чеченцы, въ числѣ до 300 человекъ, не видя преслѣдующихъ ихъ, спѣшились и начали пушку тащить. Въ это время, шесть батарейныхъ орудій пол. Б. произвели залпомъ картечный выстрѣлъ, отъ котораго непрiятель потерялъ до 200 человекъ убитыми и ранеными, оставя тяжелую пушку и еле-еле успѣлъ убраться въ горы, преслѣдуемый баталіономъ пѣхоты и отрядомъ казаковъ. Пѣхота на себѣ привезла пушку въ крѣпость, и тѣмъ употребленная хитрость оказала блистательный успѣхъ, а вмѣстѣ и наказаніе Чеченцамъ, беспокоившимъ насъ своими наскоками и выстрѣлами при построении крѣпости и уже на крѣпость, дѣйствительно для нихъ грозную, болѣе не покушались.

25-го Октября 1818 года, А. П. Ермоловъ, оставя въ крѣпости Грозной приличный гарнизонъ, повелъ отрядъ въ числѣ пяти тысячъ человекъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, въ Дагестанъ, для усмиренія вбунтовавшихъ тамъ Лезгинъ противъ ихъ владѣтеля шамхала, всегда мирнаго и вѣрнаго слуги Государю Императору и Россіи, имѣвшаго чинъ нашего ген.-лейтенанта и проживавшаго въ городѣ Таркахъ, стоящемъ на горѣ, близъ берега Каспійскаго моря. По прибытіи въ Тарки, начался проливной дождь, который не переставалъ лить цѣлую недѣлю, такъ что рѣшительно препятствовалъ дальнѣйшему походу, и отрядъ испыталъ на дѣлѣ пословицу: «Сиди у моря, да жди погоды». По грязной, гористой и незнакомой дорогѣ тянулся къ отряду транспортъ съ снарядами и провіантомъ. 9-го Ноября, верстахъ въ 25-ти отъ Тарковъ, онъ рѣшительно остановился, замеченный снѣгомъ, который выпалъ въ тотъ день буквально на полтора аршина. Въ ночь на 10-е число, дано было знать объ этомъ главнокомандующему черезъ одного туземца. Очищеніемъ дорогъ, для удобнаго проѣзда артиллеріи по горамъ, занимался я. По извѣщеніи объ остановкѣ транспорта, рано утромъ, А. П. призвавъ меня къ себѣ и, давъ мнѣ въ команду шесть сотъ человекъ жителей города, повелѣлъ: начиная отъ Тарковъ прочищать всю дорогу навстрѣчу транспорта. Я, взявъ съ собою того самаго въ проводники, который привезъ непріятное извѣстіе объ остановкѣ транспорта, принялся съ командою горцевъ, снабженныхъ набранными въ городѣ лопатами, около полудня за исполненіе приказанія и къ пяти часамъ пополудни слѣдующаго дня явился къ А. П.-у съ рапортомъ о благополучномъ прибытіи транспорта. Ермоловъ, не давъ мнѣ окончить словеснаго донесенія, обнялъ меня и, цоцѣловавъ, сказалъ:

«Ты, братъ, отнынѣ директоръ путей сообщенія». И этимъ названіемъ я постоянно пользовался отъ доблестнаго вождя.

12 Ноября, когда слегка подморозило, отрядъ выступилъ изъ Тарковъ верстъ за 50-тѣ въ глубь Дагестана. На разсвѣтъ, 14 числа, мы подошли къ городу «Большому Джангутаю», гдѣ собралось огромное скопище взбунтовавшихся Лезгинъ. Отчаянная храбрость ихъ доходила до изступленія: каждый шагъ земли былъ обгаренъ кровію сотенъ людей. А. П. поручилъ мнѣ одну изъ батарей и лично указалъ мѣсто для открытія картечнаго огня. Усиленная пальба на отвозахъ впередъ продолжалась почти два часа. Наконецъ непріятель, громимый артиллеріею и поражаемый штыками, долженъ былъ оставить городъ и съ бѣгствомъ искать спасенія въ горахъ. Алексѣй Петровичъ, по окончаніи сраженія, лежа на коврѣ, потребовалъ листъ бумаги и, положа его на камень, собственноручно написалъ слѣдующій приказъ по отдѣльному Кавказскому корпусу:

Труды ваши, храбрые товарищи, усердіе къ службѣ, проложили намъ путь въ средину владѣній Акушинскихъ, народа воинственнаго и сильнѣйшаго въ Дагестанѣ. Страшными явились вы передъ лицомъ непріятеля, и многія тысячи не противостали вамъ, бѣгствомъ снискали спасеніе и благодарны за великодушную пощаду.

Вижу, храбрые товарищи, что не вамъ могутъ подлежать горы неприступныя, пути непроходимые. Скажу волю Императора, и препятствія исчезаютъ передъ вами. Заслуги ваши смѣло свидѣтельствую предъ Государемъ Императоромъ, и кто достойный изъ васъ не одаренъ его милостію! Генералъ Ермоловъ.

Этимъ кончилась экспедиція 1818 г., и отрядъ возвратился на зимнія квартиры, частію въ крѣпость Грозную, а частію въ станицы Гребенскихъ, казаковъ; легкая артиллерія въ г. Моздокъ, а батарейная въ г. Георгіевскъ, куда и я прибылъ вмѣстѣ съ ротой.

Въ продолженіе всей моей службы я не имѣлъ столь лестнаго для меня времени, пользуясь уваженіемъ товарищей и вниманіемъ начальства. Я былъ совершенно счастливъ. Возвратившись въ Георгіевскъ, я былъ принятъ во всѣхъ семействахъ какъ сынъ родной. Меня такъ баловали, что я ни разу не вспомнилъ о томъ несчастіи, которое преслѣдовало меня въ самыхъ юношескихъ лѣтахъ.

Насталъ 1819 годъ. Я жилъ въ совершенномъ довольствѣ, веселился, танцевалъ до упаду, цѣловалъ ручки милыхъ дамъ. Радость моя еще болѣе увеличилась поселеніемъ во мнѣ чувства незнакомаго еще, чувства при полученіи награды отъ Царя. Бригадный командиръ Б. во время обѣда при всѣхъ товарищахъ вручилъ мнѣ слѣдующій рескриптъ на имя мое данный: «Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличной храбрости, оказанной въ сраженіи противъ Лезгинъ 1818 г. Ноября 14-го при городѣ Джангутаѣ, гдѣ вы искуснымъ дѣйствіемъ порученной вамъ ба-

тарей приуготовили успѣхъ войскамъ нашимъ, и непріятель повсюду пораженный лишенъ былъ средствъ наносить намъ вредъ, всемилостивѣйше пожаловали мы васъ указомъ, въ 25 день Апрѣля 1819 г. капитулу даннымъ, кавалеромъ ордена св. Анны 4-й степени».

Умиленіе и свѣтлое состояніе моей души въ это время выразилось благодарственными слезами и поздравленіемъ искренно любимыхъ меня товарищей. Я дрожалъ отъ радости!

Послѣ обѣда, съ разрѣшенія полк. Б., я тотчасъ отправился къ знакомымъ и не утерпѣлъ, чтобъ не похвастать имъ моею наградою и рескриптомъ. А. П. Ермоловъ былъ очень скупъ на награды, и въ то время полученная награда была въ большой цѣнѣ; давшая же мнѣ награда, юношѣ 20 лѣтъ, поселила во мнѣ какую-то благородную гордость и степенность.

Въ Юнѣ мѣсяцѣ 1819 года, главнокомандующій, желая окончательно возстановить покорность въ Дагестанѣ, собралъ подъ личнымъ своимъ предводительствомъ прошлогодній отрядъ, усиленный Куринскимъ и 8-мъ Егерскимъ полками, и по трудному пути, преодолевая всѣ преграды, привелъ его къ деревнѣ Андреевской, въ которой Русская нога съ завоевательной силой до тѣхъ поръ не бывала.

18-го Юни, близъ этой деревни, заложена крѣпость Внезапная, съ блокаузами въ два яруса; стѣны ея возведены были изъ сырого кирпича руками солдатъ, они же приготовляли и самый кирпичъ изъ глины съ соломенною трухою или, какъ туземцы называютъ, съ саманомъ. Я опять былъ назначенъ безсмѣннымъ ординарцемъ къ А. П., и мнѣ же было поручено построеніе этой новой крѣпости, какъ и крѣпости Грозной, подъ главнымъ распоряженіемъ оберъ-квартирмейстера подполковника Верховскаго. Крѣпость Внезапная такъ же строилась съ бою при непрерывныхъ набѣгахъ Акушинцевъ.

А. П. мало на кого надѣялся; гдѣ только можно, онъ дѣятельно и зорко слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ службы не только офицеровъ, но и рядовыхъ. Въ походахъ и сраженіяхъ былъ хладнокровенъ и въ распоряженіяхъ своихъ весьма остороженъ. Эти свойства его и опытность такое внушали къ нему довѣріе всѣхъ подчиненныхъ, что каждаго успокоивало не встрѣтить непріятеля, воспользовавшагося оплошностію отряда идущаго на бой. Онъ весьма часто напоминалъ всѣмъ окружающимъ его поговорку: «Осторожность есть мать премудрости», дополняя это сказаніе тѣмъ, что эту прекрасную поговорку онъ запомнилъ еще изъ прописи, съ которой учился писать.

Судьба полковн. Шульца. Въ 1812 г. полковникъ Шульцъ былъ адъютантомъ у гр. Ланжерона; на двадцать восьмомъ году онъ былъ уже полковникомъ и командиромъ 8-го Егерскаго полка, находившагося

въ отрядѣ, съ которымъ А. П., въ 1819 г. предпринялъ вторичную экспедицію въ глубь Дагестанта. Шульцъ, молодой, образованный и красивый воинъ, всѣми любимый и уважаемый, слѣдовалъ съ полкомъ въ нашемъ отрядѣ. Не доходя до деревни Андреевской за 60-ть верстъ, А. П. остановилъ отрядъ на дневку. Въ ночное время окружали нашъ отрядъ двѣ цѣпи рядовыхъ полка Шульца, одна ходячая, другая секретная, въ которой лежали по два вмѣстѣ стрѣлка въ разстояніи пункта отъ пункта на 50 шаговъ. А. П., какъ начальникъ, хотя привѣтливый, но строгій и заботливый, ночью поѣхалъ осмотрѣть, исправно ли размѣщена цѣпь, но нашелъ, что нѣкоторые солдаты въ секретной цѣпи спали. Поутру, въ день дневки, онъ позвалъ къ себѣ полковника Шульца и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Разумѣется, это замѣчаніе сильно подѣйствовало на самолюбіе Шульца. Онъ на другую ночь лично поѣхалъ осматривать секретную цѣпь, взявъ съ собою баталіоннаго командира маіора Ганемана. Ъдучи верхами передъ цѣпью, они говорили между собою по-нѣмецки; лежащій въ секретѣ рядовой, Малороссіянинъ, въ темнотѣ предполагая, что ѣдутъ непріатели, сдѣлалъ изъ ружья выстрѣлъ, которымъ ранилъ своего полковаго командира въ пахъ. По сдѣланному выстрѣлу, отрядъ встрепенулся, закричали къ ружью, и въ мгновеніе ока отрядъ двинулся къ цѣпи по направленію къ выстрѣлу. Маіоръ Ганеманъ тутъ же донесъ о случившемся, и раненаго Шульца понесли въ кибитку Алексѣя Петровича. По сдѣланіи ему перевязки, Шульцъ приказалъ позвать къ себѣ того солдата, который сдѣлалъ выстрѣлъ, и далъ ему два рубля.

Съ разсвѣтомъ послѣ дневки предположено было продолжать походъ, но за болѣзнію Шульца выступленіе было отложено. Къ вечеру Шульцъ былъ уже въ бреду и на утро скончался. Изъ обозныхъ досокъ кое-какъ сколотили гробъ, обили его чернымъ солдатскимъ сукномъ и черезъ день, въ виду непріателей, похоронили его на курганѣ съ музыкой, воинскою почестью и со стрѣльбою изъ ружей и пушекъ. Послѣ погребенія, тотчасъ ударили въ барабаны генераль-маршъ, и отрядъ двинулся въ походъ къ предназначенной цѣли. Такъ погибъ прекрасный юноша-полковникъ, которому предстояло много радостнаго впереди. Но

Жизнь наша пиръ съ привѣтной лаской.
Фортуна отворяетъ закъ,
Амуръ располагаетъ пляской,
Пряходятъ смерть—и конченъ багъ!

Судьба Шульца этимъ еще не кончилась. Читатель узнаетъ ее изъ дальнѣйшаго описанія.

Во время построения крѣпости Внезапной, именно 18 Августа 1819 г., непріятель, въ массѣ до 10 т. человекъ, сдѣлалъ формальное на крѣпость нападеніе, но былъ отбитъ мужествомъ храбрыхъ ея защитниковъ и отступилъ съ большимъ урономъ. Самую сильную непокорность оказывали жители Качалыковскихъ ауловъ. Главнокомандовавшій, выступивъ противъ нихъ изъ крѣпости Внезапной, достигъ Горцевъ при селеніи Горячевскомъ. Истребивъ Качалыковскія жилища, А. П. вознамѣрился вторгнуться во владѣнія коварнаго врага нашего Сурхая-хана и направилъ отрядъ свой въ глубь Дагестана къ селенію Лаваша, пролагая себѣ путь, до того непроходимый, самымъ усиленнымъ трудомъ и прорубкою дремучихъ лѣсовъ. Силою воли и благоразумія А. П.-ча отрядъ достигнулъ Лавашамъ, гдѣ Горцы, сосредоточенные въ большихъ силахъ и возмущаемые однимъ изъ предводителей Амулатъ-бекомъ*), рѣшились защищаться до послѣдней капли крови, подъ прикрітіемъ возведенныхъ ими огромныхъ заваловъ.

18 Декабря отрядъ, подъ личнымъ предводительствомъ А. П., долженъ былъ стоять безъ всякаго дѣйствія на одномъ мѣстѣ до самаго полудня, ибо въ это время, въ горахъ, былъ столь сильный и густой туманъ, что въ двухъ, а много въ трехъ, шагахъ нельзя было различать предметовъ; доказательствомъ тому служить то, что авангардъ нашъ набрелъ неожиданно на одинъ завалъ и завладѣлъ имъ безъ выстрѣла, потому что испуганный непріятель, принявъ авангардъ за атакующихъ, убоился превосходства силъ и ретировался. Къ 2-мъ часамъ прояснилось, и непріятель, увидя Русскихъ близко подошедшихъ, открылъ такой жестокой огонь, что А. П., не откладывая ни минуты, повелъ штурмовать завалы. Пукъ знаковъ отличія Георгіевскаго ордена, сжатыхъ въ рукѣ А. П., былъ самою блистательною рѣчью; войско наше дрогнуло впередъ, штыки грозно склонились стальнымъ гребнемъ, и сонмъ Горцевъ обратился вспять, какъ вихремъ гонимое стадо. Въ селеніи Лаваша наши множество убитыхъ; живые всѣ выбрались въ горы.

На третій день послѣ сраженія, жители Лаваша и другихъ ауловъ явились къ А. П. съ покорною головою, имѣя повѣшенными на шеѣ свои пашки (на подобіе прямыхъ сабель съ маленькимъ ефесомъ и въ жожаныхъ ножнахъ). Алексѣй Петровичъ приказалъ имъ непременно поймать Амулатъ-бека и предать его къ нему; въ противномъ случаѣ не только не обѣщалъ имъ прощенія, но грозилъ сжечь всѣ ихъ аулы.

Такъ кончилась знаменитая экспедиція, продолжавшаяся до 12 Января 1820 г. Въ награду за построение крѣпости Внезапной, я полу-

*) Читай романъ Марлинскаго: „Амулатъ-бекъ“.

чилъ чинъ подпоручика, и вмѣстѣ съ чиномъ получилъ разрѣшеніе пить передъ обѣдомъ водку, которая, какъ выше сказано, прапорщикамъ не дозволялась.

Въ концѣ 1819 г. предъ распущеніемъ отряда на зимнія квартиры, А. П. отдалъ слѣдующій приказъ:

Еще наказуя противныхъ, надлежало, воины, вознести знамена наши на вершины Кавказа и войти съ побѣдою въ ханство Казакумыцкое. Сильный мужествомъ вашимъ, далъ я вамъ сіе приказаніе, и вы непріятели, въ числѣ превосходнаго, въ мѣстахъ и окопахъ твердыхъ, упорно защищавшагося, ужаснымъ пораженіемъ наказали! Бѣжить коварный Сурхай-ханъ, и владѣнія его вступили въ подданство великаго нашего Государя. Нѣтъ противящихся намъ народовъ въ Дагестанѣ! О дѣлахъ вашихъ, храбрые воины, донесу Императору; знаетъ онъ и труды воиновъ, и опасности раздѣлялъ съ ними. Генераль Ермоловъ.

Распущенный отрядъ на зимнія квартиры обратно слѣдовалъ по тому же пути, по которому достигъ до селенія Лаваши. Проходя мимо кургана, въ которомъ погребено было тѣло полковника Шульца, отрядъ остановился, чтобы отслужить панихиду по покойномъ. Когда мы взошли на высоту кургана, насъ поразило, что могила Шульца разрыта, и гробъ съ прахомъ его украденъ. У Горцевъ было обыкновеніе плѣнныхъ выдавать только тогда, когда ихъ выкупать; а потому, они предполагали, что и за тѣло Шульца будетъ имъ предложенъ выкупъ. Отслуживъ панихиду по покойномъ, мы тотчасъ же отправились въ путь, не дѣлая никакихъ розысканій, такъ какъ Горцы, послѣ покоренія Дагестана, обратились въ мирные и на обратномъ пути отряда оказывали намъ усердныя свои услуги.

Теперь позвольте мнѣ, благосклонные читатели, описать вамъ случай, характеризующій и Ермолова, и Амулатъ-бека, и возбуждающій сильное и невольное сочувствіе къ обоимъ дѣйствителямъ.

Когда Амулатъ-бекъ былъ пойманъ и приведенъ къ ставкѣ А. П-ча, тогда онъ приказалъ переводчику спросить Амулатъ-бека, какъ онъ дерзнулъ, послѣ данной Тарковскому шамхалу присяги быть вѣрнымъ Россіи, вновь возмутиться? Амулатъ спокойно и твердо отвѣтилъ на вопросъ переводчику. Измѣна его была положительно доказана свидѣтельствомъ родственниковъ его, тутъ присутствовавшихъ, и главнокомандующій приказалъ плѣнника повѣсить. Когда сентенція была объявлена Амулатъ-беку чрезъ переводчика, то осужденный, въ эту для всякаго ужасную минуту, повидимому совершенно равнодушный къ приговору, наклонившись, сталъ гладить собаку, принадлежащую А. П-у и восхищаться ею; и потомъ, за конвоемъ, отойдя смиренно отъ ставки А. П-а, пошелъ на смерть, какъ бы на пиръ, безъ малѣйшаго признака безпокойства или волненія, возводя только глаза свои къ небу. Это обстоятельство такъ поразило А. П-вича, что онъ тутъ же сказалъ: «Да сохранить меня Богъ лишитъ жизни человека съ такимъ»

возвышеннымъ духомъ». Амулатъ-бека арестовали, и впоследствии полковникъ Верховскій выпросилъ у А. П. дозволеніе взять его на свое попеченіе и жилъ съ нимъ два года какъ братъ, какъ другъ. Но минута неумолимаго мщенія приближалась быстро и грозно. Сопровождавая постоянно полковника Верховскаго (командовавшаго впоследствии отдѣльнымъ отрядомъ въ Дагестанѣ), Амулатъ-бекъ однажды отсталъ отъ него и, сдѣлавъ по немъ выстрѣлъ сзади, убилъ своего благодѣтеля наповаль и ускакалъ въ лѣсъ въ горы, по знакомому ему пути.

По возвращеніи А. П. въ Тифлисъ, онъ, въ концѣ Апрѣля 1820 г., получилъ донесеніе, что командиръ 44-го Егерскаго полка, расположеннаго въ Гуріи, полковникъ Пузыревскій измѣнническимъ образомъ убилъ въ горахъ нѣкимъ Горцемъ Кайхере-Гуріялъ *). По этому случаю А. П. написалъ приказъ въ 44-й Егерскій полкъ, слѣдующаго содержанія.

Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ великому Государю отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлаго измѣнника. Вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ, отмщевать за гнусное убійство начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Кайхере-Гуріялъ, не оставьте камня на камнѣ въ семь убѣжищъ злодѣевъ, ни одного живого не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ! Требую, храбрые товарищи дружественнаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрными подданными Императора. Приказываю наказывать безъ сожалѣнія злыхъ измѣнниковъ. Ермоловъ.

28-го Апрѣля 1820 года.

Въ то же время 44 Егерскій полкъ, въ совокупности одного баталіона Херсонскаго гренадерскаго полка и одного баталіона 7-го Карабинернаго, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вельяминава, былъ посланъ въ аулъ, гдѣ жилъ убійца. Мщеніе за убійство совершено: Кайхере-Гуріялъ и его сообщники истреблены, а аулъ за непокорность жителей сожженъ.

Полковникъ Пузыревскій былъ женихомъ прелестной дѣвицы Изабеллы, которая, по смерти Пузыревскаго, была невѣстою полковника Верховскаго, который также, въ свою очередь, передъ свадьбою, измѣнническимъ же образомъ, какъ выше сказано, былъ убить Амулатъ-бекомъ. Вотъ судьба Изабеллы!!

*

Окончилось боевое мое поприще, Проживая въ г. Георгіевскѣ, куда я возвратился, высочайшимъ приказомъ отъ 21 Августа 1820 г.,

*) Убійство это было сигналомъ къ возмущенію Имеретинской, Мингрельской и Гурійской провинцій.

я переведенъ въ учебную артиллерійскую бригаду. Грустно мнѣ было разставаться съ Кавказомъ, съ начальствомъ и товарищами, съ Кавказомъ, на которомъ я былъ такъ блистательно счастливъ по службѣ, счастливъ уваженіемъ сослуживцевъ, былъ баловнемъ знакомыхъ, особенно дамъ. Много я съ ними танцевалъ, много писалъ имъ стиховъ и несчетно цѣловалъ ихъ ручки... Въ это же время и бригадный нашъ командиръ полк. Б. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ артиллеріи отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, имѣющаго свой штабъ въ Тифлисъ. 30-го Октября 1820 г. Б. благословилъ меня и сказалъ:

Добрыя собаки съ двора на дворъ не рыщутъ
И отъ добра добра не ищутъ.

Можетъ быть, переводомъ моимъ въ С.-Петербургъ судьба моя и затормозилась. Но судьба людей въ руцѣ Божіей!! Меня провожали до первой станціи почты всѣ товарищи, многіе изъ жителей города, а нѣкоторые даже до г. Ставрополя.

Въ то время, не приведи Богъ какія были дороги. Я пріѣхалъ въ Петербургъ совсѣмъ изнеможенный. Вотъ какъ описалъ ихъ одинъ пѣвецъ:

Ѣду, дѣло къ спѣху
Охъ, пора, пора;
Но съ такою грязью
Не видать добра!

Ну ужѣ дорожка!
Нечего сказать:
Что ни шагъ, помѣха,
И изволь стоять.

То сперва потемки,
Ночь, зима, морозъ,
Не видать дороги,
Свѣтъ ее занесъ!

Тройка по сугробамъ
Вкривъ и вкось неслась;
Вотъ теплѣе стало,
Тройка съѣла въ грязь!

Экая досада!
Не въ дорогѣ жъ жить.
Починять бы надо,—
Да кому чинить?...

Плохи инженеры,
Плохи и пути.
Ну, а такъ далеко,
Право, не уйти.

8-го Декабря 1820 г., явился я къ новому своему начальнику, который прямо назначилъ меня обучать солдатъ грамотѣ, не освободивъ отъ непрерывныхъ учений, которыя въ то время были въ большомъ ходу, такъ какъ въ ученіе солдатъ маршировкѣ введенъ былъ учебный шагъ въ три приема. Это такая была для солдатъ гимнастика, что они непрерывно страдали ломотою ногъ. Свободнаго времени у меня не было ни на минуту: я постоянно былъ или въ классахъ, или на ученьѣ, или дежурнымъ, или въ караулѣ, или на ординарцахъ. Качество учебного шага заключалось въ томъ, чтобы маршировать выбрасывая ногу плавно и ступая на носокъ ноги безъ стуку; и потому мы часто прибѣгали къ хитрости, подбивая подошву сапога черной замшей.

Главный начальникъ надъ учебной бригадой и Артиллерійскимъ Училищемъ ген.-майоръ А. Д. Засядко, зайдя въ классъ, въ которомъ я училъ солдатъ, очень меня благодарилъ за успѣхъ солдатъ въ грамотности и въ тоже время приказалъ уволить меня отъ фронтowychъ учений, но съ тѣмъ, чтобы я занялся и ученіемъ кантонистовъ артиллерійской технической школы, въ то время, по инициативѣ генерала Засядко, только что сформированной. Съ тѣхъ поръ хотя служба моя сдѣлалась легче, но каждый день поутру и вечеромъ я былъ занятъ въ классахъ, то въ учебной бригадѣ, то въ технической школѣ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1822 г. ген. Засядко посѣтилъ техническую школу и, оставшись весьма доволенъ знаніемъ воспитанниковъ, приказалъ выдать мнѣ денежную награду; на другой же день потребовалъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ, въ тоже время, находились два профессора математики. Ген. Засядко, поздоровавшись съ ними, сказалъ профессорамъ: «прошу васъ испытать этого молодого офицера въ математическихъ его познаніяхъ». Не зная причины, по которой приказано было меня экзаменовать, я, признаться сказать, оробѣлъ. Подали бумаги и карандаши, и экзамень начался. Черезъ полчаса взошелъ въ залу ген. Засядко и спросилъ: «ну каково?» Экзаменаторы отвѣтили: «весьма удовлетворительно». Тогда генералъ сказалъ мнѣ: «Я поручаю вамъ занять математическую кафедру въ Артиллерійскомъ Училищѣ съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ, и потому вы получите приказъ». Я весьма обрадовался, что средства къ моей жизни увеличились на 500 р., а вмѣстѣ я струсилъ, не подозревая въ себѣ такого знанія математическихъ наукъ, чтобы я могъ, съ твердою опытностію, преподавать математику въ такомъ высшемъ заведеніи, какъ Артиллерійское Училище.

Я обратился къ профессору математики Шелиховскому, который преподавалъ въ то время въ Горномъ Корпусѣ, и просилъ его принять меня въ свои ученики. Шелиховскій назначилъ мнѣ цѣну за урокъ по

15 р. (въ то время ассигнаціями). Я высказалъ ему мое положеніе и немѣнне средствъ. Шелиховскій отвѣтилъ мнѣ: «я средства вамъ доставлю» и тутъ же предложилъ мнѣ въ одномъ семействѣ давать уроки ариеметики по 5 р. въ часъ. Предложеніе его я принялъ съ благодарностію и на другой же день далъ двумъ мальчикамъ урокъ, а самъ началъ ѣздить въ Горный Корпусъ къ Шелиховскому, чтобъ брать у него уже уроки самому. По способности моей и нѣкоторой опытности я учился у Шелиховскаго быстро, такъ что въ полгода я позналъ всю премудрость новѣйшей системы и уже являлся въ классы положительно увѣреннымъ въ твердомъ знаніи того что преподавалъ. Одинъ урокъ, даваемый мнѣ Шелиховскимъ, достаточенъ былъ на цѣлую недѣлю преподаванія моего въ Училищѣ. Платилъ я Шелиховскому исправно, потому что самъ получалъ за уроки деньги также исправно.

Апрѣля 9-го 1821 г. послѣдовалъ приказъ о прикомандированіи меня къ Артиллерійскому Училищу для преподаванія математическихъ наукъ и исполненія должности дежурнаго офицера. Забылъ я ухаживаніе за молодыми дѣвцами и дамами; словомъ, съ поэтической и боевой жизни на Кавказѣ я перешелъ къ жизни холодной и грустной прозѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ въ Училище поступилъ преподавателемъ Французскаго языка лекторъ Французской словесности въ Петербургскомъ университетѣ Иванъ Алексѣевичъ Тилдъ, считавшійся въ то время лучшимъ преподавателемъ Французской словесности и языка въ Петербургѣ. Онъ преподавалъ въ Инженерномъ Училищѣ, и по неумоимости своей давалъ и частные уроки, получая за урокъ по 25 р. ассигнаціями. Тилдъ былъ женатъ, но съ женою не жилъ, а почему? Это ихъ дѣло. Первоначально онъ изъ скупости ходилъ на уроки пѣшкомъ, но какъ уроковъ у него болѣе и болѣе прибавлялось, то онъ для сохраненія времени купилъ лошадь и дрожки. За лошадь онъ заплатилъ 250 р. ас., но она оказалась пугливою. Кучеръ, служившій у него, неоднократно говорилъ барину, что эту лошадь надо продать, а купить другую. Тилдъ согласился и приказалъ кучеру отыскать купца. Кучеръ отвѣтилъ, что за нее даютъ 200 руб. Какъ можно, сердито отвѣтилъ Тилдъ, меньше 250 рублей ее не отдамъ, я самъ заплатилъ эту сумму! На другой день, въ восьмомъ часу утра, онъ поѣхалъ изъ Горнаго Корпуса (гдѣ имѣлъ казенную квартиру) на лекцію въ Инженерное Училище. Исакіевскимъ мостомъ, началъ накрапывать маленькій дождь; Тило, сидя на дрожкахъ, раскрылъ быстро зонтикъ, отчего лошадь испугалась, понесла, опрокинула дрожки. Бѣдный Тилдъ упалъ и переломилъ себѣ ногу выше колѣна. Въ это же время ѣхалъ въ Инженерное Училище на лекцію и учитель Нѣмецкаго языка Ив. Ив. Вернеръ. Вернеръ, увидя Тило лежащимъ на мостовой, остановился, и съ помощію глазбющихъ поса-

диль его въ коляску и отвезъ на квартиру его въ Горный Корпусъ. Тотчасъ пришли доктора, перевязали больному ногу, и Тилдъ немного уснулъ. На другой день обнаружился сильный жаръ и бредъ, къ вечеру онъ пришелъ въ себя, потребовалъ бумаги и сталъ писать духовное завѣщаніе, но не могъ. Пригласилъ къ себѣ эконома и полицеймейстера Горнаго Корпуса и началъ имъ диктовать завѣщаніе, въ которомъ онъ назначилъ учителю Вернеру 30 т. рублей, потомъ друзьямъ, кому 20 т., кому 15 т., кому 10 т., надѣлилъ и всѣхъ знакомыхъ тысячами, словомъ кто къ нему ни пришелъ-бы, каждому назначалъ сумму денегъ; даже швейцару корпуса и кухаркѣ своей назначилъ по 2 т. рублей; такъ что сумма, назначаемая имъ по духовному завѣщанію, достигла до 560 т. рублей. Всѣ удивились такой суммѣ, никакъ не предполагая, чтобы Тилдъ обладалъ такимъ большимъ капиталомъ. Духовное завѣщаніе засвидѣтельствовали и отдали для храненія казначею корпуса. На третій день ему сдѣлалось хуже, и съ тѣхъ поръ болѣзнь болѣе и болѣе стала увеличиваться; въ ногѣ оказалась гангрена, и на шестой день онъ скончался. Квартиру его послѣ похоронъ запечатали и чрезъ шесть недѣль офиціальнымъ порядкомъ начали приводить оставшееся его имущество въ извѣстность. Чтоже оказалось? Покойный въ болѣзни и самъ не помнилъ счета своимъ деньгамъ: у него было 700 т. рублей, изъ которыхъ 560 т. выданы лицамъ въ завѣщаніи прописаннымъ, а 140 т. были отданы его женѣ, которая явилась только въ квартиру своего мужа на похороны. Тилдъ былъ очень скупъ, ходилъ всегда въ одномъ, довольно изношенномъ фракѣ, ѣлъ тухлые рябчики, и наконецъ погибъ оттого, что не хотѣлъ потерпѣть 50 р. убытка при продажѣ лошади за 200 р. Этимъ примѣромъ частію и рѣшается вопросъ: Кто умнѣе, тотъ ли, кто богато жилъ и только умеръ бѣдно, или тотъ, кто бѣдно жилъ и умеръ богато?

Въ Іюнѣ 1823 г. скончался инспекторъ всей артиллеріи баронъ Меллеръ-Закомельскій. За недостаткомъ офицеровъ меня нарядили на похороны съ артиллеріею учебной артиллерійской бригады. Похороны были назначены въ Лютеранской церкви Св. Анны, что на Фурштатской улицѣ. Войско пришло въ 4 часа полудня и расположилось фронтомъ противъ церкви. Когда войско установили, дано было знать, что генераль-фельдцейгмейстеръ Великій Князь Михаилъ Павловичъ прибудетъ къ войску ровно въ 6-ть часовъ, и тогда начнется обрядъ похоронъ. День былъ жаркій, солнце ярко озаряло Петербургъ. Скомандовали войску: «Ружье къ ногѣ, стоять вольно!» Изъ любопытства я пошелъ въ церковь, гдѣ стоялъ гробъ съ покойникомъ, окруженный подушками съ орденами. Вся внутренность церкви была обита чернымъ сукномъ, множество свѣчей были зажжены, но свѣтъ отъ нихъ противъ

солнечнаго свѣта на улицѣ былъ совершенно ничтоженъ. Вошедши въ церковь съ улицы, я отъ темноты почти ничего не видѣлъ, пока глазъ началъ привыкать къ свѣту отъ свѣчь. Постепенно предметы стали отдѣляться, и наконецъ я могъ различать не только очеркъ людей, но и ихъ лица, цвѣтъ одежды и даже ясно сталъ отличать миловидность одной дамы отъ миловидности другой. Такимъ образомъ, я взглянулъ на хоры полныя дамъ, и мнѣ бросилась въ глаза одна молодая дѣвица прелестной наружности. Съ этой минуты взоръ мой обращенъ былъ только на нее. Дрожь пробѣжала по жиламъ моимъ, и я задумался, при довольно сильномъ біеніи моего сердца. Чтѣ дѣлать? подумалъ я. Если уйду къ фронту—пріятное очарованіе мое исчезнетъ. Гдѣ я найду ее? У кого могу узнать, кто она? Чтѣ она? Ея фамилію? Мѣсто ея жительства? Судьба толкнула меня сильно, какъ бы ударомъ въ шею, и я почти бѣгомъ выбѣжалъ на улицу, прямо къ командиру и, притворившись больнымъ, отпросился у него отъ фронта. Командиръ, уволивъ меня, передъ взводомъ поставилъ фейерверкера. Я тотчасъ же ушелъ въ церковь; опять слѣпота меня одолѣла, пока глазъ привыкъ къ свѣту церковному. Минуть пять я не находилъ очаровавшей меня дѣвицы. Наконецъ, взоръ мой отыскалъ ее, и съ той секунды я уже не спускалъ съ нея глазъ. Ровно въ шесть часовъ Великій Князь вошелъ въ церковь. Я спрятался за публикой, чтобъ Его Высочество, лично зная меня, не замѣтилъ, что я во всей формѣ.

Начался обрядъ отпѣванія, а я все не спускалъ глазъ съ поразившей меня личности. Отпѣваніе кончилось. Его Высочество впереди, взявшись за скобку гроба, выносилъ покойника съ генералами окружавшими гробъ. При постепенномъ приближеніи гроба къ двери, близъ которой стоялъ катафалкъ, публика, стоявшая на хорахъ, начала тихо двигаться къ лѣстницѣ ведущей съ хоръ. Я, замѣтивъ цвѣтъ шляпки, которая была надѣта на прелестномъ существѣ, сталъ внизу у самой лѣстницы и смотрѣлъ на сходящую публику. Въ верху на первой еще ступени я усмотрѣлъ ее, и по мѣрѣ приближенія къ самому сходу—сердце мое пріятно билось. Увидѣвъ ее уже близъ себя, очарованіе мое все болѣе и болѣе увеличивалось. Я вышелъ за ней и въ толпѣ публики шедшей по тротуару къ Литейному проспекту слѣдовалъ за ней сзади въ одной сажени разстоянія. Повернули направо по Литейной, публика все болѣе и болѣе рѣдѣла, такъ что преслѣдованіе за ней мнѣ дѣлалось яснѣе и яснѣе. На углу Пантелеймоновской улицы Его Высочество, ѣхавшій верхомъ за гробомъ, остановился и пропустилъ мимо себя войско, сопровождавшее покойника. Когда войско прошло мимо Его Высочества, тогда Великій Князь, сойдя съ коня, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ по Пантелеймоновской улицѣ къ Цѣпному мосту. остано-

вившаяся публика противъ Великаго Князя, пропускавшаго мимо себя войско, двинулась кто впередъ, кто назадъ и кто куда. Предметъ же мой въ сопровожденіи одной полной дамы продолжалъ путь по Литейной, а я, чтобъ не было замѣтно мое за ними слѣдованіе, отсталъ уже на три сажени, продолжая путь мой до дома, въ который онъ взойдутъ. Къ счастью моему, я увидѣлъ, что обѣ дамы вошли въ подъѣздъ дома Азанчевскаго. Я, ускоривъ ходъ, вошелъ въ подъѣздъ того же дома и увидѣлъ уже ихъ поднимающихся на второй поворотъ лѣстницы, на площадкѣ которой была дверь, куда онъ вошли. Я остановился на той площадкѣ и не рѣшился тотчасъ войти въ ту дверь, а выждавъ пока эти дамы сняли съ себя бурнусы и вошли изъ передней въ комнаты, что продолжалось около двухъ минутъ, отворилъ дверь и спросилъ у человѣка: «здѣсь ли живетъ полковникъ Чемезовъ?» фамилію какъ-то бросившуюся въ то время въ мою голову. Человѣкъ отвѣтилъ: «никакъ нѣтъ» «Кто же здѣсь живетъ?» спросилъ я. Онъ сказалъ, что здѣсь живетъ маіоръ Принцъ, служащій въ департаментѣ путей сообщенія. Я тотчасъ вышелъ и въ размышленіяхъ отправился домой въ Артиллерійское Училище, гдѣ имѣлъ казенную квартиру и жилъ вмѣстѣ съ товарищемъ *Θ. Д. Петерсономъ*. Разсказавъ ему о пораженіи моего сердца, мы стали придумывать, какъ съ нею познакомиться, какъ приступить къ сватовству и проч. и проч. Выслушавъ всѣ предложенія и совѣты товарища, я сказалъ ему: «Нѣтъ, любезный! Это все долго, надо слѣшить, время драгоцѣнно, тратитъ его не должно. Потерять время значитъ потерять все, какъ сказалъ Наполеонъ 1-й, и потому завтра же утромъ я отправлюсь къ маіору Принцу и съ нимъ познакомлюсь, а теперь ляжемъ спать. Утро вечера мудренѣе!» Товарищъ мой былъ человѣкъ прозаическій; во все время нашего спора онъ былъ противъ женитьбы и потому своимъ совѣтомъ откладывалъ сватовство на дальній срокъ. Я совершенно былъ съ нимъ несогласенъ. Тогда мой ледяной товарищъ, для бѣльшаго меня разочарованія, вытѣпилъ извѣстную сатиру Буало о женщинахъ. Я лежа, въ постели закурилъ трубку, а онъ послѣ многихъ моихъ описаній счастливаго супружества сѣлъ возлѣ меня и началъ читать...

На другой день, въ 9 часовъ утра, я одѣлся въ мундиръ, надушилъ, надѣлъ свой брилліантовый перстень и отправился на Литейную въ домъ Азанчевскаго, въ квартиру маіора Принца. Вошедъ въ переднюю, я спросилъ человѣка, который чистилъ тамъ сапоги: «дома г-нъ Принцъ?» Онъ отвѣтилъ: дома. Поди, доложи, что пришелъ офицеръ. Онъ, оставя сапогъ съ колодкой на ларѣ, пошелъ къ барину, который сказалъ, что принять меня не можетъ, потому что не одѣтъ. Тогда я сказалъ его камердинеру: «скажи г-ну маіору, что я прошу его при-

нять меня въ сюртукѣ». Въроятно г. Принцъ самъ заинтересовался узнать, въ чемъ дѣло и приказалъ просить меня въ кабинетъ. Я тотчасъ же вошелъ къ нему, и только что отрекомендовался, въ кабинетъ вошла его жена, молодая красивая, быстрая и, кажется, очень веселая. Я сконфузился и не зналъ какъ начать разсказъ о причинѣ, которая побудила меня придти къ Принцу. Я и краснѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ, и заминался, начиналъ говорить о погодѣ, тотчасъ переходилъ къ другому предмету, такъ что они могли счесть меня за помѣшаннаго; но въ это время принесли имъ кофе, и милая хозяйка приказала чашку кофе принести мнѣ; какъ только она отдала это приказаніе, г. Принцъ предложилъ мнѣ свою чашку съ кофеемъ, я отказывался, но онъ сказалъ: «мнѣ тотчасъ принесутъ». Медленно я началъ пить кофе, и къ моему счастью хозяйка спросила у меня: «какой это у васъ мундиръ?» Я отвѣтилъ, артиллерійскій, и съ этимъ отвѣтомъ робость моя какъ бы пропала. И мнѣ вдругъ пришла мысль: не подруга ли хозяйки та дѣвица, которая вчера вечеромъ была у нея съ какой-то дамой? Съ этой мыслью я, какъ бы охрабрившись, началъ съ нимъ разговоръ такъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что вамъ любопытна причина столь ранняго моего визита. Но если вы узнаете, то не осудите меня. Я ищу счастья!» Разсказавъ имъ про вчерашніе похороны, коснулся я того, какъ поразила меня та дѣвица, въ которую такъ внезапно я влюбился, и какъ неуклонно мое желаніе узнать кто она? Какъ ея фамилія? И гдѣ она живетъ? Судьба, чтобъ исполнить мое желаніе, указала на васъ, потому что я преслѣдовалъ эту дѣвицу». М-ше Принцъ не дала мнѣ продолжать и съ весьма привѣтливой улыбкой, быстро и неожиданно, сказала мнѣ: «А! знаю, знаю, это м-ше Бриммеръ съ матерью, онѣ живутъ въ Екатерининскомъ Институтѣ, такъ какъ мать ея тамъ инспектрисой». А г-ня Принцъ прибавилъ: «она вдова, мужъ ея былъ артиллерійскій ген.-маіоръ и лѣтъ девять какъ умеръ.»

Я искренно поблагодарилъ ихъ за удовлетвореніе моего любопытства и продолжалъ мой разсказъ такъ: «Я служу въ Артиллерійскомъ Училищѣ, въ одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній, преподаю тамъ математикѣ и исполняю должность дежурнаго офицера, куда неблагонадежнаго офицера не возмутъ. Это мой аттестатъ. Это моя рекомендація. Обо мнѣ справится легко, меня тамъ хорошо всѣ знаютъ. Я пришелъ къ вамъ, съ благонамѣренною цѣлію, убѣдительно просить васъ познакомить меня съ г-жею Бриммеръ, такъ какъ я намѣреваюсь сдѣлать предложеніе ея дочери и просить ея руки. Вѣрьте истинѣ моихъ словъ. Я человекъ благородный».

Только что я окончилъ послѣднее слово «благородный», супруга Принца, какъ бы съ радостію, быстро и скоро сказала мнѣ: «Приходите

жъ намъ въ Четвергъ обѣдать. Онѣ тоже будутъ». Я не вытерпѣлъ, мгновенно подѣловалъ ей ручку и сказалъ: «въ два часа я познакомился съ вами какъ съ родными, и увѣряю васъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ м-ше Бримеръ, я забылъ математику, вмѣсто которой, изъ головы моей не выходятъ стихи поэта Жуковскаго.» Я очень люблю стихи, сказала м-ше Принцъ, пожалуйста прочтите ихъ мнѣ. Одушевленный я началъ:

Въ пустынь, въ шумъ городскомъ
 Одной тебѣ внимать мечтаю!
 Твой образъ, забываясь сномъ,
 Съ послѣдней мыслию сливаю!
 Приятный звукъ твоихъ рѣчей
 Со мной во снѣ не разстается,
 Проснусь, и ты въ душѣ моей
 Скорый чѣмъ свѣтъ очамъ коснется

«Вотъ какъ вы влюблены! Пожалуйста напишите эти стихи мнѣ!» Съ поспѣшностью она взяла съ письменнаго стола мужа карандашъ и бумагу и подала мнѣ. Я ихъ написалъ, подалъ. Луиза Андреевна очень меня поблагодарила, и я совершенно ободрился. Простившись, милая хозяйка проводила меня до дверей, говоря: «не забудьте же, въ Четвергъ, въ Четвергъ!» А визитъ мой былъ во Вторникъ. Я вышелъ на улицу въ такомъ радостномъ положеніи, что шель, какъ бы во мнѣ не было никакого вѣса. Торопился къ 12-ти часамъ въ Училище, такъ какъ въ это время назначено было юнкерамъ ученье. На ученьѣ я былъ такой веселый, такой добрый, что ни одного замѣчанія юнкерамъ не сдѣлалъ.

Время со Вторника до Четверга, казалось мнѣ годомъ. На лекціяхъ былъ разсѣянъ. Товарищъ мой безпрестанно спрашивалъ меня: «что съ тобою дѣлается?» и удивлялся, какъ я могъ перемѣниться въ два дня. Онъ догадывался и подсмѣивался надо мною, но я старался затемнить его подозрѣніе и почти непрерывно уходилъ изъ квартиры. Наконецъ насталъ Четвергъ. Къ тремъ часамъ полудня я одѣлся самымъ тщательнымъ образомъ и пошелъ къ парикмахеру, гдѣ завился, надушился, оправился и франтомъ явился къ г-ну Принцу. Мадамъ Бримеръ съ дочерью были уже тамъ. Представьте, читатель, я въ одной комнатѣ съ милѣйшей красавицей! Представьте ту минуту, когда м-ше Принцъ представила меня своимъ дамамъ! Я покраснѣлъ отъ волненія и робко вступилъ въ разговоръ. Веселая хозяйка, обратившись къ намъ, предложила идти кушать. Меня посадили противъ м-ше Бримеръ. Ширина стола была не болѣе одного аршина, и потому мнѣ очень удобно было оказывать всѣ угожденія своему vis-à-vis. Я наливалъ ей въ стаканъ воды, говорилъ ей комплименты, спрашивалъ о жизни ея въ Инсти-

тутъ, и къ концу обѣда разговоръ сдѣлался оживленный, общій, тѣмъ болѣе что г-нъ Принцъ подпускалъ насчетъ меня очень тонкія шутки, но весьма деликатныя. М-ше Принцъ спрашивала меня, сколько мнѣ лѣтъ, и даже сдѣлала замѣчаніе: «пора уже вамъ жениться!» Я покраснѣлъ и еле-еле отвѣтилъ, что это все зависитъ отъ судьбы. Взглянувъ на дочь Бриммеровой, она потупила глаза внизъ. Обѣдъ скоро кончился, и мы встали. Всѣ разошлись по разнымъ комнатамъ, а я какъ-то остался въ обѣденной комнатѣ вмѣстѣ съ м-ше Бриммеръ. Въ самой этотъ моментъ мнѣ пришла въ голову одинадцатая заповѣдь: «не зѣвай!» И я тотчасъ подошелъ къ ней, и тотчасъ вступилъ въ разговоръ съ нею. Мы сѣли на диванъ, разговоръ нашъ оживлялся болѣе и болѣе, какъ вдругъ я ей сказалъ: «мнѣ очень нравится дочь ваша, и я совершенно былъ бы счастливъ, еслибы вы были моею матерью и дозволили бы мнѣ просить ея руки!» Представьте, читатели! Она отвѣтила мнѣ: «Моя Минхенъ уже невѣста и обручена». Я вскочилъ съ дивана, хлопнулъ руками и началъ спрашивать, кто этотъ счастливецъ, которому будетъ принадлежать дочь ваша? Она отвѣтила, что онъ за границей.—Давно ли она обручена?—Мѣсяцевъ уже пять.—Когда же будетъ свадьба?—Не знаю, вѣроятно когда онъ пріѣдетъ изъ за границы.—Пишетъ ли онъ письма?—Мѣсяца три тому, какъ мы получили отъ него одно письмо.—Какъ это можетъ быть? Значитъ онъ ея не любитъ? Позвольте васъ просить, продолжаю я, позвать вашу дочь, чтобъ намъ втроемъ рѣшить этотъ вопросъ?—Какъ это можно? отвѣтила она. Женихъ ея, негоціантъ Гоппе, человѣкъ очень богатый,

— При этомъ словѣ я ей сказалъ: Я видалъ, какъ горьки слезы черезъ золото текутъ! Напрасно вы берете на себя рѣшать судьбу вашей дочери. Неужели вы думаете, что дочь ваша не волнуется тѣмъ, что женихъ не пишетъ ей три мѣсяца? Онъ можетъ не писать еще три мѣсяца, годъ и такъ далѣе! Цѣлую ея ручку, прошу вторично призвать къ себѣ дочь, прибавляя къ моей просьбѣ: Если дочь ваша, узнавъ въ чемъ дѣло, скажетъ нѣтъ, то я успокоюсь, а вы передъ Богомъ и передъ дочерью будете правы». Послѣ этихъ словъ моихъ м-ше Бриммеръ громко сказала: «Минхенъ, Минхенъ!» И за этимъ вызовомъ Минхенъ вошла, и мать съ дочерью начали говорить по-нѣмецки. При входѣ Минхенъ, я всталъ и предложилъ ей свое мѣсто возлѣ матери; но она моего продолженія не приняла, и мы оба стояли. Говорила одна мать; Минхенъ молчала, покраснѣла, долго, долго не отвѣчала держа въ рукахъ носовой платокъ, кончикъ котораго другой рукой щипала. Наконецъ, о Боже, Минхенъ сказала восхитительное для меня: «да». Тотчасъ я бросился къ ней и поцѣловалъ ея ручку. Въ это время она уподобилась розану только что распустившемуся. Г-нъ Принцъ съ же-

ною вошли къ намъ и застали насъ въ радостныхъ слезахъ и меня цѣлующаго ручку матери. Дѣло тотчасъ же разъяснилось, и Принцъ закричалъ человѣку: «Подай Шампанскаго!» Я снялъ съ пальца Миночки (сокращенное имя Вильгельмины) обручальное кольцо и отдалъ его матери, прося, чтобы завтра же это кольцо она отправила къ бывшему жениху.

Я воскресъ, я успокоился, я очаровался, радость моя какъ бы выскакивала изъ души моей, и въ это время я чувствовалъ какъ бы разлитіе на меня всей благодати Господней! Несчетно цѣловалъ ея ручки и испытывалъ благополучіе, которое въ жизни такъ сильно въ первый разъ меня обласкало.

По окончаніи этой сцены, я предложилъ всѣмъ намъ ѣхать гулять на дачу Дурново. Быстро побѣжалъ я на улицу, нанялъ двѣ коляски, купивъ въ кондитерской Молилари конфектъ, чрезъ полчаса возвратился къ Принцу. Вторично подали Шампанское вино. Я отъ сильнаго чувства благодарности къ хозяйевамъ, крѣпко поцѣловалъ ручку m-me Принцъ, а его чуть не задушилъ въ моихъ объятіяхъ. Послѣ сего мы отправились на дачу. Разумѣется, я сѣлъ въ коляску возлѣ Миночки, съ m-me Принцъ; а мать ея съ г-мъ Принцомъ и съ дѣтьми помѣстились въ другой коляскѣ.

Во время гулянья при непрерывныхъ моихъ благодарностяхъ приносимыхъ мною супругѣ г. Принца, она сказала мнѣ при Миночкѣ: «Не столько благодарите меня, сколько вы обязаны судьбѣ и стеченію обстоятельствъ, по которымъ Минхенъ, моя подруга, обязана была дать слово г-ну Гоппе. Матан упросила ее выдти замужъ за Гоппе, потому что Гоппе богатъ, но Минхенъ его не любила и всегда говорила мнѣ: «Какой онъ противный!» Дѣйствительно судьба моя подошла встать. Въ 10 уже часовъ вечера, мы поѣхали обратно, и я довезъ мать и дочь до Екатерининскаго Института, высадилъ ихъ у крыльца, поцѣловавъ имъ ручки, и сказавъ до завтра отправился въ той же коляскѣ въ Училище.

Каждый день я подѣзжалъ въ коляскѣ къ Екатерининскому Институту, не смѣя входить въ комнаты, гдѣ жила мать моей невѣсты, какъ бы въ женскій строгій монастырь. Я увлекалъ мать съ дочерью ѣхать со мной кататься на одну изъ какихъ либо дачъ. Наконецъ, чрезъ начальницу института, съ доклада Ея Императорскому Величеству Маріи Θεодоровнѣ, мнѣ дозволено было отъ 6-ти до 8-ми часовъ вечера ходить къ инспектрисѣ Бриммеръ, съ которой дочь ея Минхенъ жила вмѣстѣ, какъ уже окопчившая институтскій курсъ. Разрѣшенію этому я былъ очень доволенъ, такъ какъ занимать всякій день коляску было для меня довольно дорого. Въ концѣ Іюня 1823 г. я акуратно

каждый день въ 6-ть часовъ являлся въ Институтъ. Воспитывающіяся тамъ дѣвицы разумѣется скоро узнали, что я женихъ Минхенъ, и потому мнѣ было конфузно проходить черезъ длинный широкій корридоръ, въ которомъ гуляли дѣвицы, а онѣ, только что завидѣвъ меня, тотчасъ кричали: «Минхенъ! Минхенъ! Женихъ пришелъ!» При этомъ онѣ бѣгали, суетились, и пока я шелъ, изъ любопытства обгоняли меня, останавливались и смотрѣли мнѣ въ лицо какъ бы на какое чудо или на какое нибудь происшествіе случившееся. Среди сотни дѣвицъ появился военный, молодой мужчина 24-хъ лѣтъ: дѣйствительно происшествіе для нихъ! Я пріѣхалъ въ Институтъ съ моею матерью, чтобы познакомить ее съ невѣстой. Старушка мать моя, увидѣвъ Минхенъ, отъ радости заплакала, и на возвратномъ пути, сидя со мною въ коляскѣ, удивлялась, какъ она выходитъ замужъ за меня, за бѣднаго офицера, при такой ея красотѣ и при такомъ блестящемъ воспитаніи! Я, всегда веселый, любитель поэзіи, отвѣчалъ:

Не въ одномъ богатствѣ счастье.
Развѣ въ хижинахъ вѣнастье,
А въ чертогахъ красный день?
Нѣтъ—вездѣ и свѣтъ и тѣнь!

Минхенъ также не имѣла никакого состоянія, и мы сошлись съ ней какъ бы два Христа-ради! Деньги тому только нужны, кто ихъ не стоитъ, сказалъ Наполеонъ I-й.

Я, какъ лютеранинъ, просилъ пастора Фольборга церкви Св. Петра, что на Невскомъ проспектѣ, сдѣлать троекратный въ церкви окликъ о вступленіи моемъ въ бракъ съ дочерью умершаго артиллеріи ген-маіора Бриммера Вильгельминою. Представьте, читатель, послѣ перваго оклика, къ пастору Фольборгу явился прежній женихъ Миночкинъ, негодіантъ Гоппе, и объявилъ протестъ въ томъ, что съ этой дѣвицей онъ обрученъ, и что свадьба моя состояться не можетъ. Что тутъ дѣлать? Вести процессъ—значить отложить свадьбу на неопредѣленное время! Я успокоился, вспомнивъ стихи:

Не разсуждай, не хлопочи.
Безумство ищеть, глупость судить!
Дневныя раны сномъ лечи,
А завтра быть тому что будетъ.
Живя умѣй все пережить,
Несчастье, радость и тревогу—
Чего желать? О чемъ тужить?
День пережить, и слава Богу!*)

Дѣйствительно, на другой день какъ я узналъ о протестѣ со стороны Гоппе, я по обыкновенію пріѣхалъ въ Екатерининскій Институтъ

*) Это стихи Тютчева. Неужели они написаны въ Августѣ 1823 года? П. Б.

къ невѣстѣ, и тамъ засталъ подполковника Альбедиля, который командовалъ артиллерійскою ротою, расположенною въ лагеряхъ за Охтинскимъ военнымъ поселеніемъ. Альбедиль былъ родной братъ матери моей невѣсты. Человѣкъ онъ веселый, бойкій и съ большимъ характеромъ. Онъ вскочилъ и сказалъ: «Ахъ проклятый! Я его проучу!» Поѣхалъ онъ къ Гоппе, познакомился съ нимъ такъ, какъ бы подружился. Альбедиль обѣщалъ ему показать пороховой Охтенскій заводъ и въ заключеніе сказалъ: «пріѣзжайте завтра ко мнѣ обѣдать, и я пришлю за вами экипажъ». На другой день, 13-го Августа, Гоппе пріѣхалъ въ лагерь, нисколько не подозрѣвая политики Альбедиля, которая была извѣстна только мнѣ. Чтобы имѣть успѣхъ затѣяннаго дѣла, я, по данному Альбедилемъ мнѣ наставленію, 12-го Августа поѣхалъ на Петербургскую сторону во 2-й кадетскій корпусъ къ пастору Цахарту, прося его окликнуть меня въ кадетской лютеранской церкви, и вмѣстѣ просилъ его 16-го Августа въ этой же церкви обвинять меня. Пасторъ Цахартъ согласился, а я тотчасъ же о томъ написалъ Альбедилю для его соображеній.

Настало счастливое для меня число 16-ое Августа! Перенесено было ко мнѣ на квартиру убогое приданое моей невѣсты, состоявшее изъ маленькаго комода березоваго дерева, на которомъ было поставлено зеркальцо въ полъ-аршина, исполняющее должность трюмо. Вотъ и все, въ чемъ состояло богатство несравненной моей Миночки. Диванъ, шесть стульевъ и кровать я передъ свадьбой купилъ.

Желаете знать, что сдѣлалось съ г. Гоппе? Жизнь его кончилась трагически. Три дня, пока я былъ обвиняемъ, онъ находился подъ дружескимъ арестомъ у Альбедиля, который подъ разными предлогами находился у него въ лагерѣ и отпущенъ имъ 17-го Августа, на другой день послѣ моей свадьбы, и только черезъ три дня онъ узналъ, что Минхень уже обвиняна. Это такъ его поразило, что онъ пришелъ домой въ гостиницу, въ которой по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ остановился, легъ на диванъ и.... зарѣзался!

Ровно черезъ 9-ть мѣсяцевъ родился у насъ сынъ Владимиръ. Средства къ жизни нашей быстро стали увеличиваться отъ пансіонеровъ, которыхъ я бралъ для приготовленія къ экзамену въ Артиллерійское Училище. Мнѣ дали казенную квартиру, и я трудился много, въ занятіяхъ какъ по службѣ, такъ и по преподаванію математическихъ наукъ.

Въ 1824 г. на лѣто я переѣхалъ съ женою и ребенкомъ въ Петергофъ, въ мѣсто моей родины, гдѣ познакомилъ жену мою съ тою старушкой, которая мнѣ, пятилѣтнему, пришивала пуговку и которой тогда я далъ слово на ней жениться. Много я собиралъ историческихъ

свѣдѣній о Петергофѣ, но всѣ эти свѣдѣнія въ продолженіе почти пятидесяти лѣтъ растерялись. Но, какъ дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, то я прошу читателей полюбопытствовать и прочесть хотя краткія свѣдѣнія, которыя я собралъ изъ разныхъ книгъ и описаній о Петергофѣ, а особенно изъ прекраснаго описанія его г. А. Гейрота.

Петергофъ основанъ Петромъ I-мъ, и за основаніе его постройки можно назначить время постройки «Монплезира» въ 1711 г. Нѣкоторые писатели за основаніе Петергофа принимаютъ 1709 г., а нѣкоторые 1715 г. Въ журналѣ Петра I-го сказано: «домъ заложить каменный и подвести каналъ отъ него къ морю». Такъ положено основаніе главному нагорному дворцу въ Петергофѣ. Большой дворецъ въ 1746 г. при Елисаветѣ Петровнѣ совершенно былъ перестроенъ по проекту гр. Растрелли. Въ 1781 г. построенъ Англійскій дворецъ, при которомъ существуетъ и донынѣ одна бесѣдка «Березовый домикъ». Бесѣдка эта замѣчательна особою установкою зеркалъ, отражающихъ безконечную перспективу. Въ ней можно видѣть коллекцію карикатуръ Бретерсона и Бюббури. Сады насаживались деревьями и кустами, привозимыми изъ дальнихъ мѣстъ: липовыя деревья куплены въ Амстердамѣ, 40000 ильмовыхъ деревъ и кленовъ привезены изъ Московской губерніи, до 6000 буковыхъ деревъ доставлены изъ Ростова, грабина подвозилась изъ Великихъ Лукъ, яблони—изъ Швеціи, ветла, барбарисъ и розовые кусты изъ Данцига и Ревеля. Каскады и фонтаны въ Петергофѣ, какъ значится въ Дневникѣ Берггольца, въ первый разъ одною половиною, были открыты 13-го Іюня 1721 г. Въ журналѣ же Петра I-го сказано: «Въ 8-й день 1721 г. Его Величество и Государыня Императрица изволили бытъ въ Петергофѣ; того же дня репортовали, что каналъ отъ р. Каваша, мимо Ропшинской мызы, уже выкопанъ на 20 верстѣ, которой работѣ натура такъ послужила, что оная копальная работа отдѣлана вся въ 8 недѣль; а работныхъ людей было отъ 900 до 2000 человекъ». Получивъ это извѣщеніе, Петръ В. вмѣстѣ съ Царицею, герцогомъ Гольштинскимъ и многими сановниками тотчасъ же отправился къ Ропшинской мызѣ, и Государь собственноручно, заступомъ, открылъ теченіе воды изъ р. Каваша въ оконченный водопроводъ. Вода дошла до Петергофа къ слѣдующему утру къ 6-ти часамъ, и тогда же пущены всѣ фонтаны и каскады. Замѣчательнъ по обилію и силѣ бьющей вверхъ воды фонтанъ Самсонъ. Онъ выбрасываетъ воду на вышину 70 футъ и по положительнымъ удостовѣреніямъ поставленъ въ 1735 г. Главное убранство Монплезира заключается во множествѣ прекрасныхъ картинъ Голландской школы. Петръ В., пріѣзжая въ Петергофъ, обыкновенно ночевалъ въ Монплеzirѣ. Прогулки въ Петергофскихъ садахъ и осмотръ дворцовъ

не иначе допускались, какъ съ разрѣшенія самого Государя. Въ 1724 г. для гостей приглашаемыхъ въ Монплезиръ Петромъ В. собственноручно написаны правила, подъ названіемъ пунктовъ, которыя и до сихъ поръ сохраняются подъ стекломъ въ Петергофскомъ дворцовомъ правленіи.

При Петрѣ Петергофъ имѣлъ значеніе уединеннаго лѣтняго мѣсто-пробыванія Государя и не могъ быть мѣстомъ многолюдныхъ празднествъ и народныхъ гуляній, которыя въ послѣдствіи столько удивляли современниковъ своею пышностію и многолюдствомъ стекавшейся публики. Въ царствованіе Анны Іоанновны сдѣланы бассейны на горѣ противъ Мәрлинскаго каскада, два фонтана, гдѣ Самсонъ; 22 фонтана вдоль Гаванскаго канала; вновь устроена, вмѣсто сторѣвшей, шлифовальная мельница; противъ Монплезира построены Драконовъ каскадъ и при немъ внизу два Римскихъ фонтана. При Елисаветѣ Петровнѣ въ зданіи манежа устроенъ театръ. Съ передѣлкою большого дворца, въ правомъ флигелѣ построена каменная церковь во имя Св-хъ Апостоловъ Петра и Павла. На лѣвомъ флигелѣ дворца поставленъ мѣдный вызолоченный трехглавый орелъ по модели Жиардона, отлитый мастеромъ Киршманомъ. Вода къ Самсону проведена вмѣсто деревянныхъ трубъ по чугуннымъ трубамъ. Въ разныхъ мѣстахъ строились павильоны. Въ 1760 г. Елисавета Петровна приказала при Монплезирѣ сдѣлать кухню на Голландскій манеръ. Въ этой кухнѣ Государыня иногда для забавы собственноручно готовила для себя кушанье*). Забытый и запущенный въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II-й Петергофъ оживился со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича. Онъ украсилъ его новыми памятниками искусствъ. Въ 1799 г., противъ главнаго дворца, на малыхъ террасахъ, устроены фонтаны съ каскадами, по сторонамъ большого грота сдѣланы четыре сходныя лѣстницы со ступенями и кордономъ изъ дикаго камня. Въ верхнемъ саду устроенъ каскадъ съ 8-ю фонтанами; каскадъ этотъ съ поставкою двухъ бронзовыхъ львовъ названъ Львинымъ. Передъ верхнимъ дворцомъ поставленъ балюстрада вмѣсто деревяннаго мраморный. Пирамидный фонтанъ отдѣланъ мраморомъ. Построена каменная стѣна, отдѣляющая нижній садъ отъ бывшаго звѣринца (нынѣ Александрія). Построены двѣ каменные свѣтлицы, взаменъ деревянныхъ или заѣзжаго дома Петра Великаго. Куплены дачи гр. Салтыкова и княг. Путятиной. Послѣднюю дачу Павелъ Петровичъ подарилъ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая въ 1804 г. повелѣла всѣ доходы съ этой дачи обратить въ пользу бѣдныхъ.

Съ 1801 по 1825 гг. Петергофъ очень мало измѣнился. Въ 1801 г., въ Ноябрь мѣсяцѣ, были страшная буря и наводненіе, отъ которыхъ

*) Видѣ мать ея самолично готовила кушанье еще у пастора Глюка. П. Б.

послѣдовало опустошеніе въ нижнемъ саду: балюстрада и мраморная площадка предъ Монплезиромъ, а также гавань, сильно были повреждены. Затѣмъ предъ дворцомъ въ нижнемъ саду, построены двѣ колоннады съ колоннами изъ сѣраго мрамора и съ куполами надъ боковыми павильонами. Художникомъ Мартосомъ отлиты статуи: Фавнъ (Сансовино), Психея (Кановы), Фавнъ съ козленкомъ и Аполлино.

При Николаѣ Павловичѣ для Петергофа настала цвѣтущій періодъ. На пустынной мѣстности бывшаго звѣринца возведены въ Александріи постройки, по окончаніи которыхъ въ 1832 г. императоръ въ лѣтнее время постоянно проживалъ въ Петергофѣ. Въ числѣ многихъ капитальныхъ построекъ возведенъ и соборъ Св-хъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ теченіе лагерныхъ занятій воспитанники военно-учебныхъ заведеній располагались въ Петергофѣ въ палаткахъ, между верхнимъ и Англійскимъ садами.

Попечительность Николая Павловича о воспитаніи юношей была выше всѣхъ родительскихъ попеченій. Въ 1835 г. отрядъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній вступалъ въ Петергофъ церемоніальнымъ маршемъ, мимо дворца въ Александріи, на балконъ котораго находилась императорская фамилія. Въ это время пошелъ проливной крупный продолжительный дождь, который промочилъ воспитанниковъ, какъ говорится, до костей. Вступивъ въ лагерь, въ сырыя палатки, дѣти поужинали и легли спать. Въ этотъ день я былъ дежурнымъ. Въ 11-мъ часу вечера въ лагерь изволилъ пріѣхать Николай Павловичъ. Онъ ходилъ по палаткамъ и, нагибаясь, собственными руками оцупывалъ ноги дѣтей, дабы судить о степени сырости ихъ постигшей.

Нынѣ благополучно царствующій Императоръ, въ юныхъ своихъ годахъ, при вступленіи въ Петергофскій лагерь, находился въ рядахъ 1-го кадетскаго корпуса. Всѣ труды лагерной службы его высочество раздѣлялъ съ воспитанниками, проводилъ съ ними ночи подъ открытымъ небомъ, почивая на соломѣ. Одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ старшихъ временъ очень удачно сравнивалъ вѣкъ нынѣшній, начиная съ царствованія императора Николая Павловича, съ прошедшими временами, касательно воспитанія кадетъ:

Былъ вѣкъ, довольно дальною,
 Когда нашъ корпусъ, какъ острогъ,
 Въ травѣ забвенія заглохъ
 И гибнулъ жертвою печальной,
 Какъ гибнуть юные ростки
 Безъ попечительной руки.
 Ихъ гложетъ червь, зной засушаетъ,
 Суровый холодъ убиваетъ....
 Припомнимъ-ка всѣхъ молодцовъ,

Такъ названныхъ вторыхъ отцовъ,
 Какъ къ намъ они бывали строги!
 Начальникъ былъ всегда съ грозой,
 Онъ выходъ изъ своей берлоги
 Торжествовалъ всегда мозой,
 И ежедневно разнымъ родомъ
 Дрался и съкъ передъ разводомъ
 Дѣтей одиннадцати лѣтъ!...
 За то и дѣти были чудо!

Не видно прежнихъ и слѣдовъ.
 Не тотъ ужъ вѣкъ, не тѣ и нравы!
 Разсадникъ доблестныхъ мужей
 Ужъ больше не тюрьма дѣтей,
 Но сънь, гдѣ въ воздухѣ забавы
 Цвѣтутъ науки, зрѣютъ нравы;
 Гдѣ, подѣ влияніемъ щедротъ,
 На юношей царемъ излитыхъ,
 Надежда Россіянъ растеть,
 Откуда мать Россія ждетъ
 Сыновъ, героевъ знаменитыхъ.

Теперь, кто видѣлъ васъ въ тотъ мигъ,
 Восторгъ всеобщій, видъ чудесный!
 Когда полкъ юношей прелестный
 И царскій сынъ въ среднѣ ихъ—
 Идетъ при барабанномъ боѣ,

Вооруженный, въ ратномъ строѣ,
 Въ шатрахъ дни лѣтніе провести,
 Извѣдать нужды жизни бранной,
 И совершивъ походъ желанной,
 Военскій опытъ приобрести!
 Кто видѣлъ васъ въ мгновенье это,
 Съ благоговѣніемъ говорю:
 Въ комъ сердце не было согрѣто
 Любовью пламенной къ царю?

Такъ! Много перешънъ большихъ.
 Теперь кадеты ужъ не жалки,
 Пріятно и смотрѣть на нихъ:
 Сперва они боялись палки,
 Теперь боятся словъ однихъ.
 Любого выхвати изъ ряда—
 Онъ вѣрно вылетитъ огнемъ,
 Станъ, выправка, покрой наряда,
 Являютъ благородство въ немъ;
 И киверъ, и ружье, и ранецъ
 Ему легки. Онъ свѣжъ лицомъ,
 Въ глазахъ душа, въ щекахъ румянецъ,
 Онъ милъ, и смотритъ молодцомъ!
 Конечно, съ множествомъ народа,

На общій вкусъ не угодимъ;
 Мы сами часто говоримъ:
 „Какъ быть! Въ семьѣ не безъ уroda!“
 Всегда затѣйница-природа
 Подшутить больше надъ однимъ.
 Какъ бытъ! На свѣтъ все превратно,
 Въ задатокъ можно брать годъ,
 А ужъ отдать нельзя обратно,
 Чтобъ быть моложе иногда.

*

Средства мои годъ отъ году увеличивались, такъ что я отъ трудовъ своихъ получалъ до 15 т. ассигнаціями. На ежедневное преподаваніе математики, болѣе восьми часовъ въ день, то въ Училищѣ, то дома, приготовляемымъ мною къ экзамену пансіонерамъ меня очень изнурило. По совѣту докторовъ, я долженъ былъ отдохнуть и подалъ рапортъ, въ которомъ просилъ перевести меня въ 6-ю артиллерійскую бригаду, расположенную въ Тамбовской губерніи, дабы тамъ пользоваться Липецкими водами. Переводъ состоялся, и я въ Мартѣ мѣсяцѣ 1825 г. отправился въ Козловъ.

По пріѣздѣ нашемъ мы остановились въ гостинницѣ. Я тотчасъ одѣлся во всю форму и отправился къ бригадному командиру являться. О артиллерія! О прекрасная артиллерія! Бригадный командиръ принялъ меня обходительно. Пріѣздъ изъ Петербурга молодого женатаго чело-вѣка, въ уѣздномъ городѣ составляетъ происшествіе. Любопытство жителей видѣть новыя личности, а особенно любопытство дамъ видѣть Петербургскіе наряды и моды, едва ли больше, чѣмъ бы видѣть Патти и слышать ея голосъ въ первый день концерта. Къ вечеру весь Козловъ уже узналъ о нашемъ пріѣздѣ и о той миловидности, которою обладала моя жена.

Городничій такъ былъ къ намъ внимателенъ, что нашелъ намъ довольно удобную квартиру въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Супруга городничаго прислала женѣ моей горничную, такъ какъ у насъ была одна только нянька, которую мы привезли изъ Петербурга, да еще деньщикъ, опредѣленный ко мнѣ еще на Кавказѣ. Ежедневно или мы въ гостяхъ, или у насъ гости. Такъ прошло три мѣсяца. Въ день Косьмы и Демьяна, въ 11-ть часовъ вечера, мы легли спать. Черезъ полчаса я слышу легкій стукъ въ ставню, прислушиваюсь, стукъ повторяется и еще повторяется. Прошло еще минутъ десять, стукъ въ ставню не перестаетъ; я всталъ и только что подошелъ къ двери, чтобъ выдти на улицу, слышу страшный крикъ: «караулъ, караулъ!» Выйдя на дворъ, вижу, что мой деньщикъ съ почевавшимъ у меня солдатомъ колотятъ по спинѣ какого-то мазурика. Я спрашиваю: «за

что вы его бьете?» «А вотъ, отвѣчаетъ деньщикъ, чтобъ онъ не стучалъ въ ночное время въ ставню». «Кто ты такой?» спросилъ я его. «Помощникъ казначея», отвѣтилъ побитый. «Зачѣмъ вы стучали въ ставню?» Молчить. Тогда мой деньщикъ сказалъ мнѣ: «да онъ, ваше благородіе, вызывалъ горничную Машу, а когда она вышла къ нему, мы подмѣтили, схватили его, а Маша убѣжала!» Я приказалъ этого господина отвести въ полицію. Черезъ десять минутъ деньщикъ и солдатъ возвратились и доложили мнѣ, что арестанта у нихъ отбили. «Какимъ образомъ?» спросилъ я. Деньщикъ отвѣтилъ, что когда они шли мимо квартиры, то арестантъ сталъ кричать; гости, бывшіе у казначея на именинахъ (казначей звали Косьма) выбѣжали на улицу и отняли у насъ арестанта! Я одѣвшись, вмѣсто полиціи пошелъ уже къ казначею. Въ толпѣ пьяныхъ гостей рассказалъ я имъ о поступкѣ ихъ товарища. Казначей и гости начали упрашивать меня, чтобъ дѣло это бросить и, загородивъ мнѣ дорогу къ двери, поднесли мнѣ рюмку наливки и взяли съ меня честное слово не разглашать это обстоятельство, принуждая почти непремѣнно выпить наливку. Находясь одинъ въ средѣ пьяныхъ, я счелъ наилучшимъ выпить наливку и уйти во избѣжаніе могущей быть исторіи.

*

Около 26 Ноября 1825 г. въ Козловѣ стали носиться секретные тайные слухи, что государь императоръ Александръ Павловичъ скончался. 1-го Декабря я получилъ изъ Москвы отъ пріятеля моего письмо, съ приложеніемъ слѣдующей копіи съ письма къ г. Московскому коменданту, писаннаго отставнымъ ген.-маіоромъ Папковымъ, жительствующимъ въ Таганрогѣ.

«Судьбѣ угодно было, что Государь на убѣжденіе согласился отправиться въ Крымъ. 27 Октября близъ Алушты Государь, проѣзжая верхомъ, безпрестанно долженъ былъ или подыматься на гору или спускаться съ таковой. У подошвы горъ было чрезвычайно жарко, почему Государь безпрестанно снималъ фуражку и отиралъ лицо; напротивъ вверху безмѣрный холодъ, и притомъ свирѣпствовала буря, отчего чувствовалъ противное. Въ тотъ же день, чрезъ Байдарскую долину проѣзжая въ Севастополь, остановился на дорогѣ и отправился въ Георгіевскій монастырь верхомъ съ двумя Татарами и переводчикомъ. Въ пяти верстахъ отъ дороги уже смерклося, и было холодно. Государя спрашивали, не угодно ли ему надѣть шинель или бурку? Отвѣтствовалъ не надо и отправился; а возвратясь оттуда часа черезъ два и вставъ съ лошади, сказалъ: «очень холодно», и что онъ озябъ. Надѣлъ шинель, сѣлъ въ коляску и отправился въ Севастополь, куда

прибылъ уже въ 9 часовъ вечера. На другой день, также въ одномъ мундирѣ, былъ при парадѣ, при спускѣ судна на Александровской батарее, потомъ на морѣ, и все сіе было поздно. Замѣтили перемѣну въ лицѣ его, онъ на боль не жаловался, а на балъ не поѣхалъ. Въ Бакчисараѣ, на Гаевѣ и Перекопѣ замѣтили, что онъ казался, такъ сказать, очень не по себѣ. Въ Орѣховѣ самъ уже сказалъ, что немного нездоровъ; а въ Мариуполѣ, за 125 верстъ не доѣзжая до Таганрога, на ночлегъ позвалъ Вилліе и сказалъ, что чувствуетъ ознобъ, и что намѣренъ выпить пуншу, дабы вспотѣть. Выпилъ, окутался, но не вспотѣлъ. 5-го Ноября потребовалъ подъ ноги мѣхъ, надѣлъ мѣховую шинель; на станціи за обѣдомъ сказалъ, что чувствуетъ Крымскую лихорадку. До Таганрога онъ все засыпалъ и послѣднюю станцію едва двигался, такъ тяжело ему было ѣхать, безпрестанно спрашивалъ, сколько верстъ осталось? Приѣхавъ въ семь часовъ вечера, никого не принималъ. На другой день началъ было одѣваться, чтобы ходить пѣшкомъ, но не могъ. Потомъ хуже и хуже. 8-го числа писалъ коротенькое письмо къ Императрицѣ-матери въ С.-Петербургъ. Далѣе все хуже, и какъ ни уговаривали, лекарства не принималъ. 15-го Ноября рано утромъ принялъ предложеніе Императрицы: исповѣдывался и приобщался. Священникъ, приобщивъ его, сталъ предъ нимъ на колѣни и сказалъ, «что онъ уврачевалъ душу, а просить отъ церкви и народа, чтобы Государь согласился уврачевать тѣло». — «Если это надобно, я согласенъ». Потомъ сказалъ: «Теперь я вижу, что опасно боленъ». Пустили 50 пиявокъ, сдѣлалось полегче, потомъ опять хуже, горчица не пособила. 16-го былъ безъ чувствъ; 17-го приложили къ затылку мушку, было легче, проговорилъ, но съ 18-го почти не открывалъ глазъ. 19-го Ноября въ 10 часовъ и 50 минутъ кончилъ жизнь. Императрица была безотлучно при немъ, пять дней не спала и не кушала. Когда сталъ кончаться, начали читать отходную. Императрица держала его за руки и когда испустилъ послѣдній вздохъ, то она закрыла ему глаза и подвязала подбородокъ; потомъ, сжавъ руки, поцѣловала, поклонилась и сказала: «прощай, мой другъ!» обратилась къ образу, помолилась, пошла въ свою половину. Едва къ себѣ вошла, зарыдала, потомъ вскорѣ сказала: «Господи, прости моей слабости!» Ободрившись, приказала при покойномъ служить панихиду, взяла свѣчу и не плакала, но скорбь ужасная была на лицѣ ея. На другой день перевезли ее въ другой домъ, но вчера, 22 числа, была тамъ на панихидѣ, и съ сего дня стала говѣть. Императрица — не человекъ, а воплощенный Ангелъ! Скорбь переносить съ величіемъ души. Но очень слаба. Ужаснѣйшее здѣсь положеніе. Рыданія повсюду! Видимъ тѣло, а все еще не опомнися; все намъ кажется,

не во снѣ ли видимъ. По вскрытіи тѣла, все нашли въ наилучшемъ видѣ, но когда черепъ вскрыли, то вылилось воды до 50-ти золотниковъ. Ждемъ сюда изъ Варшавы Цесаревича».

*

Въ это время начальникъ артиллеріи 2-го пѣхотнаго корпуса, штабъ котораго находился въ г. Тамбовѣ, потребовалъ меня къ себѣ, съ тою цѣлю, чтобы назначить начальникомъ дивизионной артиллерійской школы. По прибытіи въ Тамбовъ тотчасъ же меня и назначили на эту должность. Вскорѣ начальникъ нашей дивизіи высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ былъ директоромъ Артиллерійскаго Департамента, а меня онъ отправилъ опять въ г. Козловъ къ своей бригадѣ. Въ Козловѣ я прожилъ весело и счастливо до Марта 1826 года. Въ Мартѣ же мѣсяцѣ я получилъ новое назначеніе: чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ директору Артиллерійскаго Департамента.

Директоръ, обративъ на меня особенное вниманіе и довѣріе ко мнѣ, безпрестанно давалъ мнѣ командировки. Съ начала послалъ меня въ г. Валдай для заготовленія парковыхъ повозокъ, потомъ командировалъ меня къ крѣпости Эривани для постройки тамъ подъемной машины Ломбара, служившей для поднятія осадныхъ орудій на лафеты. Все это я исполнилъ въ точности. Когда же я возвратился, то чрезъ двѣ недѣли директоръ мнѣ объявилъ, что имѣетъ намѣреніе командировать меня въ Симферополь для исполненія одного важнаго порученія. Я отказался по болѣзненному моему положенію, такъ какъ лечиться на водахъ въ Липецкѣ не имѣлъ времени. Жена моя упрашивала, чтобъ эту должность и оставилъ. Средства мои къ жизни истощились. Въ Артиллерійскомъ Училищѣ я былъ по своимъ средствамъ въ блестящемъ положеніи, и потому, получивъ благословеніе моей жены, я отправился къ главному начальнику училища г.-маіору П. Я. Перрену, объяснилъ ему мое положеніе и просилъ, чтобъ онъ принялъ меня обратно въ Училище. Генералъ Перрень приказалъ мнѣ написать докладную записку, которую я и подалъ на другой день. Доложено имъ имъ моей записки общему благодѣтелю артиллеріи, его высочеству великому князю Михаилу Павловичу, который зналъ меня лично; онъ соизволилъ изъяснить свое согласіе на переводъ меня въ Училище дежурнымъ офицеромъ. По исполненіи разныхъ формальностей состоялся о переводѣ моемъ высочайшій приказъ. О радость! Я опять въ Артиллерійскомъ Училищѣ. Опять принялся за преподаваніе уроковъ. Жена моя блаженствовала, и я доставлялъ ей всѣ удобства къ жизни. Мы возобновили всѣ знакомства и женины, и мои. Главное знакомство жены моей было съ семействомъ консула Танка.

Читатель припомнить, что жена Моздокскаго коменданта была въ летаргическомъ снѣ, и чуть чуть ее не похоронили, если бы она во время отпѣванья не проявила жизни. Она совершенно выздоровѣла; послѣ же смерти мужа, оставшись бездѣтною вдовою, уѣхала въ Петербургъ, имѣя отъ роду 25 или 26 лѣтъ.

Представьте, читатель, я узнаю въ супругъ консула ту самую вдову, которая была женою Моздокскаго коменданта. Она узнала и меня, стараго своего знакомаго и, разумѣется, наше знакомство еще болѣе укрѣпилось и обратилось въ знакомство дружеское. Каждую недѣлю мы у Танковыхъ обѣдали, и меня очень удивляло, что супруга Танка окружена была уже дочерью Элаліею и тремя сыновьями. Все это успѣлось сдѣлаться отъ 1820 года, въ который она вторично вышла замужъ, до 1825-го. Впослѣдствіи, г-жа Танкъ имѣла уже семь человекъ наличныхъ дѣтей. Дочь Элалія, родившаяся въ 1824 г., расцвѣла какъ пышный розанъ. Въ началѣ Іюня мѣсяца 1848 г. г-жа Танкъ отъ холеры скончалась, оставя дочь свою Элалію оплакивать горькую судьбу свою. Мать похоронили на Выборгской сторонѣ, на холерномъ кладбищѣ. Элалія почти ежедневно ѣдила на могилу матери. Спустя пять мѣсяцевъ послѣ смерти ея матери, выпалъ снѣгъ, и Элалія наняла извозчика, чтобы воспользоваться санною дорогою и поѣхала на могилу матери. О ужасъ! Представьте, что извозчикъ, видя, что на кладбищѣ нѣтъ никого, престестную Элалію зарѣзалъ! Консулъ Танкъ со своими дѣтьми скоро выѣхалъ за границу.

Въ 1829 году первоначальный Кавказскій деньщикъ мой Костинъ, служившій у меня съ конца 1817-го г., заболѣлъ и былъ помѣщенъ мною въ сухопутный госпиталь, что на Выборгской сторонѣ. Пролежавъ въ госпиталь полтора мѣсяца, въ Іюнь умеръ. Я часто его навѣщалъ и просилъ, чтобы въ случаѣ его смерти, тотчасъ мнѣ дали знать. Получивъ извѣстіе, что онъ умеръ, я тотчасъ отправился въ госпиталь и объявилъ, что за хорошую мнѣ службу деньщика моего я похороню на свой счетъ. Поставилъ къ покойнику читальщика, положилъ его въ купленный мною гробъ и на третій день его смерти, утромъ, отправилъ тѣло его въ Училищу принадлежащей лодкѣ на Охтинское кладбище, а самъ, въ другой наемной лодкѣ, съ 6-ю человекъ солдатъ учебной артиллерійской бригады, поѣхалъ сзади, дабы отдать покойному послѣдній долгъ, быть при отпѣваньи его въ церкви и при похоронахъ тѣла его. Въ половинѣ уже служенія обѣдни, покойника внесли въ церковь и поставили рядомъ съ четырьмя другими покойниками. Я сталъ въ перкви у окна съ солдатами, привезшими покойника. Въ концѣ обѣдни, предъ началомъ отпѣванія покойниковъ, подходитъ ко мнѣ пономарь и спрашиваетъ какую-то записку. Я отвѣтилъ, что у меня никакой

записки нѣтъ. Онъ ушелъ въ алтарь, откуда вышелъ грязный священникъ и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «я вашего покойника отпѣвать не буду». «Почему? спросилъ я. «А потому, что отъ госпитальнаго священника нѣтъ записки». На что я ему сказалъ: «вы видите, что пришелъ на похороны покойника офицеръ и принесли его вотъ эти солдаты, слѣдовательно тутъ никакого подлога нѣтъ. Покойникъ былъ у меня 12-тъ лѣтъ деньщикомъ, служилъ мнѣ хорошо, и потому я пришелъ только отдать ему послѣдній долгъ мой. Священникъ поколебался, но сказалъ мнѣ, что всетаки онъ отпѣвать его не станетъ. Я отвѣтилъ, что обрядъ отпѣванія вы теперь исполните, а записку отъ госпитальнаго священника я сего же дня вамъ доставлю, въ чемъ дамъ и обязательную росписку. Если же вы отпѣванія теперь не совершите, то тѣмъ только лишите меня отдать покойнику послѣдній долгъ. Я чловѣкъ занятой, солдаты тоже, въ 3 часа должны быть на ученьѣ, чтожъ этимъ вы выиграете? Покойника мы у васъ оставимъ, солдаты уйдутъ, а я уѣду. Вы же будете въ проигрышѣ, ибо съ моимъ уѣздомъ уѣдутъ и деньги. «Я самъ готовъ вамъ дать!» съ сердцемъ сказалъ священникъ. Давайте! отвѣтилъ я. Священникъ пошелъ въ алтарь и вынесъ мнѣ пяти-алтынникъ. Я взялъ его и, сказавъ ему прощайте, самъ уѣхалъ, отдавъ этотъ капиталъ первому нищему, поклонившемуся мнѣ при выходѣ изъ церкви.

Между тѣмъ я послалъ фейерверкера въ госпиталь сказать тамошнему священнику, что безъ его записки покойника не отпѣваютъ. Фейерверкеръ тотчасъ же отправился со мной въ училищной лодкѣ внизъ по Невѣ и къ четыремъ часамъ полудня того же дня возвратился въ церковь съ запиской, гдѣ команда его ожидала. Священника не было, онъ послѣ обѣда уже спалъ на квартирѣ. Фейерверкеръ пошелъ къ нему, но попадя его выгнала. Лихой фейерверкеръ недолго думалъ, пошелъ въ церковь, взялъ съ солдатами гробъ и отнесъ покойника къ священнику, поставивъ гробъ на крыльцо. День былъ жаркій, запахъ отъ покойника невыносимый! Священникъ вышелъ, началъ браниться и приказалъ покойника нести въ церковь, и что завтра онъ совершить отпѣваніе. «Никакъ нѣтъ, батюшка! отвѣтилъ фейерверкеръ, завтра мы не можемъ придти погребать: у насъ смотръ. Совершите отпѣваніе теперь, и мы тогда только унесемъ покойника, когда вы вмѣстѣ съ нами пойдете въ церковь!» Нечего было дѣлать, священникъ въ сопровожденіи покойника пошелъ въ церковь и къ 5-ти часамъ кончилъ наскоро отпѣваніе. Солдаты зарыли покойника, поставили деревянный намогилъ крестъ и ушли.

Описанный этотъ случай вѣроятно единственный: всѣ платятъ священнику за похороны, а за моего покойника священникъ самъ за-

платилъ 15 копѣекъ; кромѣ того, ему не заплачено было ни за свѣчи, ни за вѣнчикъ, ни за паспортъ на тотъ свѣтъ. Когда фейерверке ъ разсказалъ мнѣ подробно объ окончательномъ погребеніи бывшаго моего деньщика, на другой день я поѣхалъ на Охту въ церковь и, войдя въ алтарь, далъ священнику пять рублей, чѣмъ съ нимъ и примирился. Я сдѣлалъ это, признаться, для того, что боялся со стороны священника жадобы..

Въ Январѣ 1830 г., возвратясь съ одного бала, жена моя на другой день почувствовала себя нездоровою. Я послалъ за докторомъ; онъ прописалъ лекарство, но болѣзнь усиливалась. Утромъ 20 Мая 1830 г. я поѣхалъ въ Училище на дежурство, и только пріѣхалъ туда, ко мнѣ прибѣжалъ посланный отъ ея матери съ запиской: «Миночкѣ очень худо. Пріѣзжайте поскорѣй». Тотчасъ съ дежурства меня смѣнили, нарядили другого офицера. Мать въ слезахъ встрѣтила меня въ залѣ и попросила снять сапоги, чтобы войти къ больной тихонько. Я подошелъ къ ея кровати въ чулкахъ, въ мундирѣ, при шпагѣ и шарфѣ. Взглянулъ на Миночку—она дышала рѣдко, потомъ все рѣже и рѣже и наконецъ, сдѣлавъ усиленный послѣдній вздохъ, перестала дышать.

Не ропщи, если сердце болитъ,
Терпѣливо носи жизни бремя;
Горемъ сердце Господь бороздитъ,
Чтобъ посвятить въ немъ доброе сѣмя!
Тѣ посавы слезой окропи,
Слезы теплыи, дождь благотворный;
Никогда не ропщи, но молись и терпи
Провидѣнью свитому покорный!
Не завидуй тому, кто печали не зналъ,
Кто въ довольствѣ и счастья родился:
Человѣкъ тотъ богатства земныя стяжалъ,
Но сокровищъ небесныхъ лишился!

Эти стихи составляютъ для меня всегдашнее лѣкарство отъ моральныхъ болѣзней.

Похоронена моя Миночка на Нѣмецкомъ Смоленскомъ кладбищѣ.

Прожилъ я съ ней только семь лѣтъ, дѣтей у насъ было шестеро. Послѣ ея смерти остались двое.

Все имущество моей жены я роздалъ бѣднымъ, оставя на память у себя только одно шелковое, цвѣтомъ «масака», платье, которое она сама шила, и чашку, изъ которой она пила. Впослѣдствіе платье ея я распоролъ и подшилъ имъ покрывку на алтарь, въ устроенной мною домовою церкви, въ собственномъ моемъ имѣніи «Алфавитовкѣ» С.-Петербургскаго уѣзда, на границѣ Финляндіи.

Кромѣ частыхъ моихъ посѣщеній ея могилы, я непремѣнно вѣдиль еще въ слѣдующіе дни:

1-го Января ежегодно, какъ бы съ визитомъ.

Въ день Свѣтло-Христова Воскресенія, какъ бы похристосоваться.

5-го Марта—въ день ея рожденія.

20-го Мая—въ день ея смерти.

16 Августа—въ день нашей свадьбы.

11-го Октября—въ день ея именинъ.

Въ эти дни, поутру и вечеромъ, я пью чай изъ ея чашки, крапящейся на моемъ письменномъ столѣ, на траурномъ пьедесталѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ.

Странное чувство одиночества передать трудно. Оно измѣняетъ характеръ и образъ жизни. Иногда нападаетъ такая тоска, что не знаешь какъ равогнать ее, что дѣлать или куда уйти! Музыка, одна только музыка служила мнѣ лекарствомъ отъ скуки, и когда я ее слушалъ, у меня навертывались слезы умиленія. Я вспоминалъ покойную жену мою, когда она пѣла пріятнымъ своимъ голосомъ съ небесною улыбкою. Я такъ пристрастился къ музыкѣ, что часто приглашалъ къ себѣ на квартеты лучшихъ въ Петербургѣ артистовъ. Бывало и то, что, я обѣдая одинъ или съ кѣмъ-либо изъ добрыхъ моихъ знакомыхъ, вдвоемъ, и не болѣе какъ втроемъ,—хоръ кавалергардскихъ музыкантовъ игралъ во время скромнаго нашего обѣда.

Впослѣдствіи я замѣтилъ, что многія маменьки и тетеньки были ко мнѣ очень внимательны. Далѣе, все болѣе и болѣе увлекали меня жениться, предлагали и богатыхъ невѣстъ; но я и не думалъ жениться на богатствѣ: такая женитьба въ моемъ мнѣніи значила сдѣлаться мужемъ-рабомъ.

Вотъ примѣръ жизни одного скромнаго, но бѣднаго мужа, женившася на богатой дѣвицѣ. Барыня приказала запрячь карету, чтобы ѣхать куда-то на вечеръ. Мужу и хотѣлось бы ѣхать съ нею вмѣстѣ, но жена его не приглашаетъ. Когда карета была подана, мужъ тихонько спустился съ лѣстницы и зоветъ кучера, сидящаго на козлахъ: «Иванъ, а Иванъ!»—Что вамъ нужно?—«Не знаешь ли, беретъ меня барыня съ собой?»—А я почему знаю, спросите ее! Баринъ возвратился въ комнаты, а барыня уѣхала! Послѣ чего баринъ, сидя дома одинъ, для развлечения началъ раскладывать пасіансъ... А. П. Ермоловъ, не бывъ никогда женатымъ, спрашивалъ женатыхъ: «ты замужемъ или женать?»

Давно, давно, когда я управлялъ Литейною частію, наканунѣ дня Майскаго парада, былъ слѣдующій казусъ.

Въ три часа ночи я послышалъ громкій звонокъ, проведенный изъ конторы съвѣзгаго дома прямо въ мою спальню, прилегающую къ кабинету. Отъ сильнаго звона колокольчика я внезапно проснулся и думая, что вѣроятно пожаръ, быстро одѣлся, поспѣшно вошелъ въ контору и еще на ходу торопливо спросилъ: «что такое случилось?» Въ это время нѣкоторые изъ бродячихъ моихъ писаекъ уже собрались въ контору для окончанія срочныхъ и спѣшныхъ бумагъ, долженствующихъ быть отправленными рано утромъ; нѣкоторые же писаря и домои еще не уходили. Между этими писарями сидѣлъ надзиратель, сочинявшій мудрую записку о случившемся происшествіи; а возлѣ, немного поодаль, на диванѣ сидѣли два юныхъ прекрасныхъ офицера, которыхъ я видалъ по знакомству съ ихъ родителями. По входѣ моемъ въ контору, только что завидѣвъ вставшихъ офицеровъ съ полурастегнутыми сюртуками, тотчасъ же пригласилъ ихъ ко мнѣ въ кабинетъ. Офицеры эти устремились ко мнѣ съ объясненіемъ, а я, зная въ чемъ дѣло, посадилъ ихъ на кресла и попросилъ немного подождать, самъ же пошелъ въ контору, гдѣ въ особой комнатѣ надзиратель доложилъ мнѣ слѣдующее.

Два эти господа офицера пришли въ Итальянскую улицу въ домъ Меншикова, а это было часа въ два ночи, и войдя во дворъ, пошли въ четвертый этажъ къ проживающей тамъ Сашкѣ, такъ-называемой «Гвардейской», къ которой офицеры заходили зачастую. Фамиліи своей они не сказываютъ, а говорятъ: мы сами поѣдемъ къ приставу. Ну что же далѣе? спросилъ я надзирателя, въ чемъ же ихъ вина? Надзиратель продолжалъ: «теперь они уже почти пришли въ себя, а то и говорить не хотятъ, бранятся да и только!»

А дѣло было вотъ въ чемъ. Сашка живетъ въ 4-мъ этажѣ, а какъ во всякой этажъ двери расположены симметрически, то они, вмѣсто 4-го этажа, какъ имъ показалось, стали звонить въ колокольчикъ въ 3-мъ этажѣ, въ квартиру генерала М.; человекъ вышелъ и спросилъ ихъ: «кого вамъ надобно?» задерживая ихъ собою въ самой двери. Офицеры эти, ничего человекъ не отвѣчая, дали ему пощечину, спросивъ, кто у Сашки? А сами силою ворвались въ прихожую. Человекъ генерала М. сталъ громко звать другихъ людей, которые немедленно явились, и въ прихожей поднялся шумъ, отъ котораго проснулся генераль и самъ пришелъ на этотъ скандалъ. «Что генераль говорилъ этимъ офицерамъ, мнѣ неизвѣстно, сказалъ надзиратель извѣстно только, что онъ приказалъ имъ выдти и въ тоже время съ помощію людей захлопнулъ дверь и ее замкнулъ. Потомъ, отворивъ окно во дворъ, гдѣ стояли два дворника, приказалъ одному дворнику идти за полицію, а другому—не выпускать этихъ офицеровъ до прибытія полиціи. Когда

я пришелъ къ дому Меншикова, продолжалъ надзиратель и позвонилъ въ колокольчикъ, ко мнѣ выбѣжалъ лакей генерала М. съ ключомъ отъ воротъ. По требованію г.г. офицеровъ, они сами поѣхали къ вамъ, а на моихъ дрожкахъ вслѣдъ за ними поѣхалъ и мой помощникъ; я же остался въ квартирѣ генерала для подробнаго разузнанія о случившемся. Генералъ, пригласивъ меня къ себѣ въ кабинетъ, разсказалъ мнѣ все лично, дополнивъ свой разсказъ тѣмъ, что офицеры эти избили до полусмерти дворника, который ихъ не выпускалъ изъ воротъ. «Завтра, сказалъ онъ, я самъ приѣду къ приставу».

Выслушавъ докладъ надзирателя, я возвратился въ кабинетъ. Офицеры, сознавая уже вину свою вполне, обратились со слѣдующими ко мнѣ словами: «Ненормальное наше положеніе привело насъ къ случайному, но скверному происшествію. Вы сами военный, и кто въ молодости не попадался въ прегрѣшенія! Вы сами отецъ семейства; подумайте, чтò насъ ожидаетъ?! Какой ударъ готовится родителямъ нашимъ, если вы не извините насъ и не дадите намъ честнаго слова въ томъ, что не скажете нашихъ фамилій. Въ настоящее время вся судьба наша въ вашихъ рукахъ! И если вы не исполните нашей просьбы, тогда мы должны застрѣлиться. Это бы ничего; но какъ мы виноваты предъ начальствомъ, предъ товарищами, которые носятъ одинъ съ нами мундиръ!» Слезы совѣсти катились изъ глазъ ихъ. Вотъ минута, въ которую я сильно боролся самъ съ собой.

Въ минуту ихъ раскаянія я слышалъ на улицѣ сильный стонъ и вышелъ узнать чтò такое. Дежурный побѣжалъ внизъ, и представьте, читатель, дежурный доложилъ мнѣ, что изъ дома Меншикова принесли въ пріемный покой дворника, избитаго этими офицерами. Онъ безбожно кричалъ. Обстоятельство это еще болѣе привело меня въ волненіе; оно много увеличивало виновность офицеровъ, и я, признаюсь, сталъ въ тупикъ и не зналъ какъ поступить въ этомъ случаѣ.

Возвратясь въ кабинетъ, я сказалъ своимъ гостямъ: «Какъ же я могу скрыть такое происшествіе, когда дворника тотчасъ надо отправить въ госпиталь, откуда утромъ же, по заведенному порядку, будетъ донесено Государю Императору еще прежде донесенія оберъ-полицеймейстера?» Гости мои потерялись. Одинъ изъ нихъ, въ слезахъ, сталъ меня просить послать за его отцомъ, говоря, что отецъ самъ поѣдетъ къ оберъ-полицеймейстеру ходатайствовать за насъ. Я было и хотѣлъ исполнить его просьбу, но призадумался, вспомня стихъ:

Одинъ мудрецъ сказалъ въ древнѣйшіе вѣка:
Во всемъ, чтò дѣлаешь—спяши всегда слегка!

Наступилъ шестой часъ утра; по улицѣ начали уже показываться жалонеры, ѣхавшіе на Царицынъ лугъ къ назначенному параду; время

оставалось мало. Въ мысляхъ моихъ бродили разныхъ мѣры, то я скорбѣлъ, то успокоивалъ себя, словомъ, страдалъ не менѣе юношей, находившихся у меня въ гостяхъ, пившихъ сквозь слезы чай, который я приказалъ для нихъ приготовить. Безсознательно пошелъ я въ приемный покой. Дворникъ стоналъ. Я обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Что ты такъ стонешь? Притворяешься?» Отвѣтомъ было: «охъ! ахъ! ноть тутъ очень болитъ, не могу поднять руку», указывая на бокъ, еле-еле поднимая руку. «Ну, тебя отправятъ въ госпиталь, сказалъ я; пожалуй, ты тамъ умрешь. Я тебѣ совѣтую: ступай-ка домой и не охай такъ. Бокъ твой вытрутъ хорошенько летучей мазью; вечеромъ сходи въ баню, а пришедъ изъ бани, выпей хорошій кружокъ водки, то къ утру все пройдетъ! Между тѣмъ теперь тебѣ есть случай съ этихъ офицеровъ содрать порядочно». Дворникъ оханнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «да не велѣно ничего брать». «Какъ не велѣно? спросилъ я. Да вѣдь ты будешь пошлый дуракъ. Ну офицеровъ посадятъ на гауптвахту, пожалуй, на недѣлю, высядятъ да и только. Вѣдь не въ Сибирь же ихъ сослать? Мало ли что бываетъ? Въ кабакахъ-то вы деретесь каждый день, такъ всѣхъ и ссылатъ! Дуракъ ты, дуракъ! Слушай лучше моего совѣта, будешь съ деньгами». Дворникъ призадумался. Я, смекнувъ, что онъ затрудняется сдѣлать одѣнку нанесенныхъ ему побоевъ, сказалъ ему съ удареніемъ на слова: «слупи съ нихъ рублей сто». Больной дворникъ, объявившій, что не можетъ поднять руки, поднявъ ее до затылка, почесывая волосы, и исполняя обычай простого мужика, сказалъ: «ваше высокоблагородіе, ужъ положите сто десять!» Съ этимъ отвѣтомъ дворника я возвратился къ своимъ гостямъ, которымъ объявилъ отвѣтъ дворника, который за побой требуетъ 110 рублей. На это предложеніе офицеры, какъ бы съ просіяющей улыбкой отчаянно больного въ моментъ кризиса къ выздоровленію, съ жаромъ сказали: «мы ему дадимъ 150 рублей!» Обрадовавшись, что къ уменьшенію виновности нашлась нить ихъ спасенія, я имъ сказалъ: «Вѣдь генералъ М. всюду прокричитъ объ этой исторіи. Что тогда мнѣ дѣлать? Вѣдь я долженъ же утромъ доложить оберъ-полицеймейстеру. Какъ же я могу дать вамъ честное слово не говорить вашей фамиліи?» Опять начались умиленные ихъ просьбы дать имъ честное слово. Сердце мое раздиралось ихъ положеніемъ, и я спросилъ самъ себя: есть ли тутъ что нибудь подлаго, когда я дамъ имъ честное слово не сказывать ихъ фамилій? Все что можетъ быть, то велеть оставить службу. Ну такъ что же? Подумаю я: не за скверныя же дѣла! Послѣ такога съ собою разсужденія, я перекрестился и сказалъ приказникамъ: «что будетъ, то будетъ, поѣзжайте съ Богомъ домой!» А вы фамилій нашихъ не скажете? спросили они. «Не скажу», я имъ

отвѣтилъ, и слово это *не скажу* укрѣпилъ даннымъ имъ честнымъ моимъ словомъ. Счастливые несчастливцы обняли меня какъ друга, какъ отца. Спустясь съ лѣстницы, они зашли въ пріемный покой къ дворнику и дали ему два золотыхъ, приготовленныхъ для Сашки, а 150 р. одинъ изъ нихъ привезъ и лично отдалъ дворнику, который, въ свою очередь, подарилъ три рубля фельдшеру теревшему ему бока легучею мазью. Въ 7-мъ часу вечера дворникъ уже пошелъ домой не охая.

Въ 8 часовъ утра я пріѣхалъ къ бывшему въ то время оберъ-полицеймейстеру ген.-ад. Кокошкину. Сергѣй Александровичъ, всегда довольный моею службою (что видно изъ его приказовъ) тотчасъ принялъ меня въ кабинетъ и поздоровавшись спросилъ о причинѣ ранняго моего пріѣзда. Происшествіе случилось, ваше превосходительство, я отвѣтилъ ему, за которое вѣроятно вы останетесь мною недовольны. Что такое? спросилъ онъ съ тревожнымъ видомъ. Я началъ ему докладывать слово въ слово, какъ это происшествіе описано мною выше, не сказывая фамилій офицеровъ, и доложу ему въ докладѣ, что я далъ имъ честное слово не говорить никому ихъ фамилій. О благороднѣйшій начальникъ! Когда я кончилъ ему докладъ, онъ спросилъ меня: «Чѣмъ же я могу быть вами недоволенъ? Послѣ даннаго вами честнаго имъ слова я и знать не хочу ихъ фамилій» Такой благородно высокій его взглядъ не только уничтожилъ во мнѣ душевное волненіе, одолѣвавшее меня какъ во время моего къ нему пути, такъ и во время трепетнаго моего доклада, но отвѣтъ его поселилъ во мнѣ какое-то торжество, заставившее меня смотрѣть на начальника какъ на человѣка съ самой теплой душою.

— Я такъ и доложу Государю, сказалъ онъ. Это не первый случай! Садись! Представь себѣ, со мной не разъ былъ подобный случай. Напримѣръ: въ балетѣ, на которомъ танцевала качучу знаменитая Таліони, четыре такихъ же юноши забрались въ ложу 3-го яруса, и только она начала танцевать, они и давай ей аккомпанировать въ такіе же кастаньеты какъ у нея. Его высочество герцогъ Лейхтенбергскій находился въ театрѣ и сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ возлѣ меня; обративъ вниманіе на этотъ аккомпаниментъ, онъ спросилъ меня: «что это такое?» Я уже въ это время всталъ, чтобъ идти лично узнать объ этихъ шалунахъ. Войдя въ корридоръ 3-го яруса, я приказалъ капельдинеру вызвать ко мнѣ сидящихъ въ той ложѣ. Они вышли, я посмотрѣлъ на нихъ и, увидѣвъ, что они, хотя и офицеры, а просто дѣти, такіе же шалуны, какъ и всѣ другіе въ ихъ лѣтахъ, я приказалъ полицеймейстеру переписать ихъ фамиліи и пригласить теперь же ко мнѣ въ канцелярію. Когда я возвратился въ театръ на свое мѣсто,

герцога спросилъ меня: «кто это такіе?» Я отвѣтилъ его высочеству, что они отправлены въ мою канцелярію для личнаго моего вопроса. Когда тапецъ кончился, его высочество изъ театра вышелъ въ моемъ сопровожденіи и уѣхалъ. Въ то же время и я поѣхалъ въ канцелярію, гдѣ и встрѣтилъ полицеймейстера и прибывшихъ шалуновъ. Послѣ строгаго, мною сдѣланнаго имъ внушенія, я отпустилъ ихъ домой. На другой день, въ 10 часовъ утра, я поѣхалъ къ его высочеству, не говоря ему фамилій этихъ шалуновъ, описалъ только ихъ молодость и раскаяніе, и спросилъ герцога: «Будете ли ваше высочество о поступкѣ этихъ офицеровъ докладывать Государю Императору? И не соизволите ли ихъ простить?» Герцогъ милостиво сказалъ: «Богъ съ ними!» Возвышенность души его высочества спасла шалуновъ отъ, быть можетъ, строгаго наказанія». Разсказавъ мнѣ этотъ эпизодъ, Сергѣй Александровичъ уѣхалъ, а вслѣдъ за нимъ и я.

Въ тотъ же день, въ 10 часовъ утра, пріѣхалъ ко мнѣ генераль М...ъ и вошелъ чрезъ контору въ мой кабинетъ не поздоровавшись, прямо и грозно обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «вы частный приставъ?»—Я, что изволите приказать?—Помилуйте, что у васъ дѣлается? Я, смекнувъ, что это генераль М...ъ, тотчасъ пригласилъ его въ гостиную| комнату, дабы всѣ собравшіеся въ контору не могли слышать нашего разговора. Въ гостиной онъ продолжалъ говорить объ извѣстной читателю исторіи съ такимъ жаромъ, что, вскочивъ съ кресла, сказалъ: «скоро нашихъ дочерей будутъ таскать съ кровати!» Я перебилъ его и подробно разсказалъ нечаянность вины офицеровъ и молодость ихъ лѣтъ. Впрочемъ, прибавилъ я, объ случившейся исторіи я уже донесъ господину оберъ-полицеймейстеру.—Что это за господа и кто они такіе? спросилъ генераль.—Фамиліи ихъ я не имѣю права объявлять частному лицу, а не угодно ли вашему превосходительству спросить о томъ господина оберъ-полицеймейстера?

Видя, что генераль М...ъ все болѣе и болѣе волнуется, я дозволилъ себѣ спросить его: «Зачѣмъ вашему превосходительству угодно знать ихъ фамиліи? Начальство уже будетъ знать, какъ съ ними распорядиться. Взгляните на ихъ лѣта, представьте себѣ, что еслибъ это были ваши сыновья, такъ ли бы со мною говорили? Притомъ, къ чему вамъ наживать враговъ въ ихъ родителяхъ, когда, можетъ быть, они занимаютъ высочія въ государствѣ обязанности, а если бы они и были люди средняго класса, служащіе только изъ куска хлѣба, неужели бы вамъ было пріятно убить ихъ родительскія чувства, вовлекая дѣтей ихъ еще въ большее наказаніе, которое уже и такъ въ моральномъ отношеніи переполнено?» Генераль сдался, сдѣлался мягче, спросилъ мою фамилію и распростился съ пожатіемъ мнѣ руки.

Одно время были введены трещетки, которыя и раздавались дворникамъ. Сильный и здоровый мущина-мѣщанинъ вступилъ съ нѣкоторыми дворниками въ соглашеніе въ слѣдующемъ дѣлѣ. Онъ гдѣ-то купилъ енотовую шубу, которую зимой въ ночное время выносилъ на улицу и разстидалъ ее гдѣ-нибудь у забора, а самъ ложился на нее спать, притворяясь мертвецки пьянымъ; притомъ такъ смышлено на нее ложился, что проходящій мимо невольно замѣчалъ, какъ легко изъ-подъ него выдернуть шубу. Къ исполненію своего замысла и къ приобрѣтенію такой легкой добычи, многіе изъ проходящихъ покушались выдергивать шубу. Во время же самага дѣйствія, мѣщанинъ еще болѣе храпѣлъ, но только что шуба была въ рукахъ похитителя, онъ внезапно вскакивалъ и, схвативъ вора за чупрынь, тащилъ въ контору къ надзирателю. Разумѣется, дѣло плохо, для поправленія его начиналась мировая сдѣлка по оцѣнкѣ поступка; сдѣлка, по которой воръ платилъ мѣщанину рубль, два, три и болѣе, смотря по тому, есть ли и много ли при ворѣ денегъ. Когда же при ворѣ денегъ не оказывалось, то мѣщанинъ тѣмъ оканчивалъ мировую, что, надававъ вору вѣсистыхъ въ шею тузовъ, отпускалъ его почти изнеможеннаго.

Такого рода продѣлки были во время существованія у дворниковъ трещетокъ, которыми они давали знать этому плуту, если кто-нибудь идетъ изъ полицейскихъ. Онъ, предварительно разосланія своей вороловки, зачастую угошалъ ближайшихъ дворниковъ чаемъ, водкой; поутру же, по мѣрѣ ночной заработной платы, снабжалъ ихъ деньгами. Однажды пьяный дворникъ, прогнанный съ мѣста, рассказалъ это обстоятельство городовому, и мѣщанинъ попалъ въ полицію, пойманный на самомъ дѣлѣ. По произведенному дознанію оказалось, что шуба дѣйствительно принадлежала мѣщанину, который по откровенному сознанію былъ оберъ-полицеймейстеромъ освобожденъ. Изъ собственныхъ его разсказовъ открылось, что проходящіе мимо его во время ночи выдергивали изъ-подъ него шубу почти каждыя полчаса, и что въ иную ночь онъ собиралъ до 15-ти рублей. Теперь и посудите, сколько было охотниковъ имѣть даромъ шубу въ продолженіе почти года, посвященнаго мѣщаниномъ на описанный, какъ онъ называетъ, невинный промыселъ, и сколько есть людей, въ тихомолку побитыхъ, не смѣвшихъ о нанесенномъ безчестіи объявить ни женѣ, ни первѣйшему другу.

*

Въ старину любивали побить кого-нибудь по праву или не по праву. Это было просто нипочемъ! А побить начальнику рядового или подчиненнаго, не забавленнаго отъ тѣлеснаго наказанія, и грѣха не

было ни предъ Богомъ, ни передъ начальствомъ. Чуть что—прямо въ зубы! съ прибавленіемъ Русской обычной ругни, употребляемой и въ ссорѣ, и въ дружбѣ. Побой эти страдальцами принимались какъ бы съ благоговѣніемъ. На Литейной улицѣ на тротуарѣ стоялъ отставной старикъ-солдатъ, у котораго не было зубовъ. Когда проходилъ мимо его одинъ генераль, солдатъ снялъ шапку и поклонился. Генераль остановясь спросилъ его: «въ какомъ полку ты служилъ?» Старикъ, языкомъ беззубыхъ, неясно и невнятно, назвалъ тотъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ. Генераль не понялъ отвѣта и повторилъ свой вопросъ, сказавъ солдату, чтобъ онъ говорилъ не торопясь и яснѣе. Солдатъ насилу могъ выговорить: «въ Старо-Ингерманландско-мушка-терскомъ, ваше превосходительство!»—Много ли тебѣ лѣтъ? — За 70, ваше превосходительство!—Отчего у тебя нѣтъ зубовъ? Отвѣтъ служиваго былъ какъ бы съ хвастовствомъ: «начальство *изволило* выбить, ваше превосходительство!» Генераль улыбнулся, далъ служивому какую-то помощь и отправилъ его въ полицію какъ бы за нищенство.

Въ давно прошедшемъ времени къ одному изъ начальниковъ собралось много просителей, которые установились по стѣнамъ пріемной залы одинъ воалъ другого. Начальникъ вышелъ, обратился къ ближайшему, прочиталъ прошеніе, потомъ ко второму, къ третьему и т. д. Подошедъ къ одной маленькой старушкѣ, не имѣвшей письменной просьбы, онъ спросилъ ее: «что тебѣ надобно?» Старуха, не зная какъ величать начальника, наконецъ сказала, ваше сіятельство, а потомъ ваше превосходительство! высказала ему, что сынъ не слушается ея, и что вчера ее побилъ, разорвалъ на ней платокъ, и показала оторванный отъ платка кусокъ. Начальникъ спросилъ ее: гдѣ же твой сынъ?—Да внизу, батюшка; не идетъ сюда, васъ боится, отвѣтила старуха.—Ну поди приведи его, и приказалъ сторожу идти вмѣстѣ съ нею. Старуха низко поклонилась и пошла внизъ со сторожемъ, гдѣ сына не нашла: онъ удралъ. Тогда старуха возвратилась въ пріемную залъ и стала уже послѣднею просительницею; воалъ же нея сталъ довольно большой дѣтина, С.-петербургскій мѣщанинъ, немного запоздавшій. Къ счастью или къ несчастью его, начальникъ еще не всѣхъ просителей выслушалъ и, подойдя вторично къ старушкѣ, ничего ея не спрашивая, но увидя, что воалъ нея стоитъ муштина и предполагая, что это ея сынъ — бацъ прямо его въ рожу (такъ что тотъ запатался), сказавъ: «какъ ты смѣешь оскорблять свою мать? А!» Старуха въ это время поклонилась, сказавъ: Это не онъ, ваше превосходительство. Ванюшка-то со страху убѣжалъ. Въ тоже время получившій пощечину мѣщанинъ сказалъ: «за что же ваше превосходительство вы деретесь?» Начальникъ, поставленный въ такое неловкое положеніе, сказалъ мѣ-

щанину: «извини, братъ, впередъ не подвертывайся!» Принявъ отъ него просьбу и пославъ за сыномъ просительницы, онъ ушелъ въ кабинетъ.

Къ подъезду одного великолѣпнаго дома подъѣхалъ какой-то джентельменъ и быстро соскочивъ съ дрожекъ, прытко вбѣжалъ на лѣстницу. Кучеръ, не отѣхавъ отъ подъезда, сошелъ съ козелъ и сталъ обтирать отъ пыли кровнаго рысака. Въ это время и къ этому же подъезду подъѣзжаетъ какой-то баринъ въ военной формѣ, въ генеральскомъ чинѣ. Его кучеръ басистымъ голосомъ закричалъ, отѣзжай, но тотъ не послушался и хладнокровно холилъ рысака. Нечего дѣлать, баринъ всталъ съ дрожекъ не у подъезда, и подошедъ къ кучеру, началъ собственноручно тузить ослушника. Въ это самое время деликатный джентельменъ возвратился, и вида какъ генералъ тузить его кучера, сказалъ: «покорно благодарю ваше превосходительство, я давно собирался его побить, указывая на кучера, но не хотѣлъ марать рукъ». Съѣлъ на дрожки и поѣхалъ отдавать другой визитъ. На другой день кучеръ былъ потребованъ въ полицію, гдѣ и просидѣлъ подъ арестомъ сутки.

Все это дѣла прошедшія, дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Теперь назови кучера дуракомъ—тотчасъ къ мировому!

Въ началѣ моей службы я зналъ такого ротнаго командира, который въ ясный день выдетъ съ трубкой и съ большимъ брюхомъ на крыльцо и восклицаетъ: «хороша погода, да бить некого!» Значить, что все обстоитъ благополучно.

*

Въ 1848 г. была сильная въ С.-Петербургѣ холера, иной день умирало 900 человекъ. Въ церквахъ не было мѣста ставить гроба, и потому ихъ ставили около церкви. Народъ любопытствовалъ. Въ одномъ гробѣ замѣтили, что крышка на полвершка не доходила до нижней половины гроба. Начали разсматривать въ щель. Одинъ сказалъ: «двое въ гробу!» Другой—«покойника сожгли!» Толпа народа начала собираться, начался шумъ; требовади гробъ открыть. Дали знать генералъ-губернатору, который тотчасъ пріѣхалъ во всей парадной формѣ и приказалъ тотъ гробъ отставить и произвести строжайшее слѣдствіе того же дня. Что же оказалось по слѣдствію? Въ лазаретѣ долгового отдѣленія умеръ арестантъ. Родственники, желая похоронить его на свой счетъ, купили гробъ, положили въ него покойника, котораго и поставили въ особую, такъ называемую «покойницкую» комнату. Покрыли его кисеею, прилѣпили къ изголовью гроба три восковыя свѣчи, зажгли ихъ, помолились и ушли. Сторожъ ту комнату замкнулъ и тоже ушелъ. Черезъ часъ онъ возвратился. Гробъ и покойникъ обгорѣли.

Сторожъ, чтобы скрыть это обстоятельство, положилъ обгорѣлаго покойника въ гробъ въ этой же комнатѣ стоявшаго въ казенномъ гробѣ другаго покойника, и рано утромъ на другой день гробъ съ двумя покойниками отправилъ на кладбище для похоронъ. Родственники обгорѣвшаго покойника пришли позже, и по заявленію сторожа, что покойника уже унесли, отправились его отыскивать.

*

Двѣнадцатилѣтняя моя дѣятельность по службѣ полицейской очень меня утомила. Притомъ, по званію пристава исполнительныхъ дѣлъ я не могъ предвидѣть себѣ повышенія и потому подалъ оберъ-полицеймейстеру прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи меня въ отставку.

По докладу Государю Императору моей просьбы, Его Величество собственноручно изволилъ написать записку военному министру князю Василю Андреевичу Долгорукову: «Князь, призови такого-то къ себѣ, объяви ему мое намѣреніе, и я совершенно увѣренъ, что у него будетъ порядокъ въ Царскомъ Селѣ». Записка эта находится въ дѣлахъ Военнаго Министерства.

Черезъ два дня, именно 11-го Іюня 1853 года, послѣдовалъ высочайшій приказъ о назначеніи меня полицеймейстеромъ въ Царское Село.

Управленіе Литейною частію, въ которую ежегодно поступало около 60 т. входящихъ бумагъ и до милліона рублей пересылочныхъ денегъ и документовъ, я сдалъ въ совершенной исправности въ 24 часа, за что въ приказѣ оберъ-полицеймейстера получилъ благодарность. При этомъ надобно замѣтить, что при такихъ огромныхъ суммахъ, поступавшихъ въ сѣзжіе дома, ни казначеевъ, ни бухгалтеровъ никогда не было и не полагалось.

Господинъ военный министръ, вручивъ мнѣ конвертъ на имя главноуправляющаго дворцовыми правленіями генерала отъ артиллеріи Я. В. Захаржевскаго, приказалъ мнѣ къ нему явиться до выхода еще высочайшаго приказа. 10-го Іюня я подалъ конвертъ новому моему начальнику, и онъ, на отношеніи къ нему военнаго министра, въ которомъ заключалась воля Государя Императора допустить меня къ исполненію должности полицеймейстера въ Царскомъ Селѣ, написалъ резолюцію: «Чрезвычайно доволенъ этимъ назначеніемъ».

Въ первый день вступленія моего въ должность блаженно-достойный памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ при встрѣчѣ моей Его Величества на дебаркадерѣ Царскосельской желѣзной дороги, изволилъ осчастливить меня сими словами: «смотри, будь таковъ же, какъ я привыкъ тебя знать!» Въ первое Воскресеніе по вступленіи моемъ въ должность, я отправился къ обѣднѣ въ соборъ Св. Великому-

ченицы Екатерины. Священникъ этой церкви В., въ концѣ обѣдни, обратясь ко мнѣ, сказалъ рѣчь, которая привела меня въ умиленіе до слезъ; я, поцѣловавъ святой крестъ, сказалъ: «да будетъ тако!» и съ восторженною душою ушелъ домой.

Не буду говорить о службѣ моей полицеймейстеромъ въ Царскомъ Селѣ, въ продолженіе почти семи лѣтъ; она опредѣлится тѣми наградами, которыя въ это время имѣлъ я счастье получить; а именно: 1-е) подарено мнѣ было большое мѣсто для постройки дачи, и ссудою заимообразно 12 т. рублей; 2-е) менѣе какъ черезъ годъ, я былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ полковники; 3-е) удостоился получить императорскую корону на имѣющійся у меня орденъ св. Станислава 2-й ст.; 4-е) черезъ годъ удостоился получить орденъ св. Владимира 3-й ст.; 5-е) отъ его императорскаго высочества, блаженной памяти Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича имѣлъ счастье получить драгоценный перстень; 6-е) отъ Его Императорскаго Величества Государя Императора осчастливился получить брилліантовый перстень съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества. Все это я получилъ въ продолженіе 6½ лѣтней моей службы полицеймейстеромъ въ Царскомъ Селѣ. Теперь предоставляю читателямъ судить о моей служебной дѣятельности, присовокупляя, что главноуправляющій Царскимъ Селомъ Я. В. Захаржевскій такъ былъ скупъ на награды, что, до вступленія моего полицеймейстеромъ, онъ, въ сорокалѣтнее свое управленіе дворцовыми правленіями, почти никого не представлялъ къ наградамъ. Меня онъ постоянно называлъ своимъ другомъ и такъ привлекалъ къ себѣ своимъ расположеніемъ, что я ежедневно у него обѣдалъ. Въ семействѣ же своемъ я обѣдалъ только въ тѣ дни, когда онъ уважалъ въ Петербургъ или былъ приглашаемъ къ высочайшему двору.

Яковъ Васильевичъ былъ человѣкъ строгій и весьма аккуратный. Его всѣ боялись, особенно садовники. При императорѣ Александрѣ I-мъ главнымъ садовникомъ былъ Федоръ Федоровъ Ляминъ, который по высочайшему повелѣнію въ 1814 г. переведенъ былъ изъ садовыхъ мастеровъ Каменноостровскаго сада къ Царскосельскимъ садамъ. Государь Александръ Павловичъ его очень любилъ. Во время прогулки императора по саду, Ляминъ всегда сопутствовалъ Его Величеству. Однажды государь взялъ Лямина подъ руку. Ляминъ, завидѣвши издали, что навстрѣчу императору идетъ Яковъ Васильевичъ, тотчасъ выдернулъ свою руку. Государь остановился и спросилъ Лямина: «это что значитъ?» Идетъ Яковъ Васильевичъ, отвѣчалъ Ляминъ. Этимъ эпизодомъ характеризуется, какъ Ляминъ боялся Якова Васильевича.

На улицахъ и въ садахъ въ то время была необыкновенная чи-

стота. Послѣ дождя Яковъ Васильевичъ вмѣстѣ со мною всегда ѣздилъ по улицамъ и, подѣхавъ къ первой будкѣ, приказывалъ часовому взять колышки, которые хранились во всякой будкѣ. Проѣзжая шагомъ, онъ при каждой малѣйшей лужайкѣ останавливался и приказывалъ будочнику вколотить кругомъ ея колышки, продѣлывая эти замѣчания и огораживанія лужаекъ колышками отъ одной ямочки, наполненной водою, до другой, третьей и т. д. Этимъ способомъ онъ отыскивалъ незамѣчаемыя глазомъ углубленія на улицахъ Царскосельскаго шоссе. Рано утромъ эти ямочки выкирковывались, подсыпался въ нихъ мелкій булыжникъ съ пескомъ, поливалъ который водою, ямочки закапывались. Вотъ отчего шоссе въ Царскомъ Селѣ было какъ хорошій паркетный полъ. Въ садахъ не позволялось не только ѣздить извозчикамъ, но гуляющимъ не позволялось что либо бросать въ аллеяхъ; и потому всѣ, знающіе Якова Васильевича, апельсинныя корки прятали въ карманы. Если же кто броситъ корку, тотчасъ прибѣгалъ мальчишка съ корзиночкой и корочку подберетъ. Словомъ, Царскосельскій садъ изображалъ собою волшебный садъ Армиды. Однажды его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ сдѣлалъ замѣчаніе Якову Васильевичу, сказавъ: «у тебя въ садахъ большой безпорядокъ!»—Въ чемъ, ваше высочество? спросилъ Яковъ Васильевичъ.—«Некуда плюнуть, надо поставить песочницы», разсмѣявшись отвѣтилъ великій князь. Дѣйствительно, чистота была доведена до предѣла. Цвѣты не смѣли блекнуть, стволы деревъ и скоблились, и мылись.

Для крестьянъ Государевой вотчины Яковъ Васильевичъ былъ отцомъ и благодѣтелемъ; они обязаны ему тѣмъ благосостояніемъ, до котораго они доведены его заботливостію и попеченіемъ, хотя онъ съ ними никогда ласково не говорилъ. Яковъ Васильевичъ написалъ для крестьянъ правила, какъ имъ должно соблюдать въ деревняхъ чистоту, какъ на улицахъ, во дворахъ, такъ и въ ихъ избахъ, вообще о крестьянскомъ хорошемъ бытѣ. Въ этихъ правилахъ онъ также указалъ, чтобы каждую Субботу ихъ жены мыли полы, двери, окна и подоконники. Въ 1857 г. въ Маѣ мѣсяцѣ онъ приказалъ изъ каждой деревни Государевой вотчины собрать къ себѣ на дворъ по два человека болѣе благоразумныхъ крестьянъ. Въ 9 часовъ утра, по обыкновенію, я, какъ полицеймейстеръ, явился къ Якову Васильевичу съ рапортомъ; принявъ оный, онъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ къ собравшимся на дворъ крестьянамъ. День былъ прелестный, солнце поразительнымъ блескомъ чудно озаряло дворъ, находящійся при его квартирѣ, обставленный кругомъ красовавшимися разныхъ сортовъ розанами, гортензіями, камеліями и множествомъ цвѣтовъ полной свѣжести, наполнившихъ воздухъ благоуханіемъ. Толпа собравшихся крестьянъ стояла поодаль.

Яковъ Васильевичъ, сошедъ съ низкаго о двухъ ступеняхъ крыльца своего, подходилъ къ крестьянамъ, низко ему поклонившимся, и началъ съ того, что они дураки никогда не исполняютъ правилъ, неоднократно имъ указываемыхъ, какъ хорошему хозяину слѣдуетъ вести хозяйство и вообще какъ соблюдать чистоту въ домахъ и во дворахъ. Все что я вамъ ни говорилъ, вы въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали! Сегодня я созвалъ васъ для того, чтобы прочесть вамъ правила для вашего быта мною составленныя, и я буду строго выскивать, если кто изъ васъ не будетъ исполнять этихъ правилъ. Крестьяне, все время стоявшіе безъ шапокъ, покраснѣвшіе отъ сильно палящаго солнца, вторично поклонились и съ кротостію отвѣчали: «все исполнимъ, ваше превосходительство Яковъ Васильевичъ. Благодаримъ за ваше попеченіе и дѣтямъ накажемъ исполнять строго все, что изволите намъ указать». То-то! Смотрите у меня, я внезапно буду повѣрять васъ! сказалъ Яковъ Васильевичъ. Раздайтесь направо и налево! Самъ онъ вошелъ въ средину толпы, сопровождаемый мною и секретаремъ дворцоваго правленія, который держалъ въ рукѣ правила, четко и красиво на бѣлой бумагѣ переписанныя. Секретарь! Читайте сказалъ Яковъ Васильевичъ. Только что секретарь раскрылъ ротъ, Яковъ Васильевичъ сказалъ: постойте! Позовите Феликса (его камердинера). Феликсъ, спускаясь съ крыльца, въ обѣихъ рукахъ держалъ большой серебряный подносъ, на которомъ лежало множество приготовленныхъ изъ пеньки затычекъ для ушей; и когда подносъ съ затычками былъ принесенъ въ средину толпы крестьянъ, тогда Яковъ Васильевичъ, обратившись къ крестьянамъ, сказалъ имъ: я уже говорилъ вамъ, что вы всякое приказаніе или внушеніе вамъ дѣлаемое, въ одно ухо впускали, а въ другое выпускали, а потому, чтобы и теперь того не случилось, приказалъ крестьянамъ, стоявшимъ на одной сторонѣ—заткнуть правыя уши, а стоящимъ на другой сторонѣ—лѣвыя. Съ подноса носимыя Феликсомъ затычки раздавались крестьянамъ секретаремъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и повѣрялъ, хорошо ли заткнуты уши. Когда процессъ этотъ былъ исполненъ и проверенъ, тогда послѣдовало приказаніе секретарю читать упомянутыя правила. При чтеніи ихъ Яковъ Васильевичъ послѣ каждаго почти параграфа добавлялъ его болѣе подробнымъ своимъ толкованіемъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ приказалъ крестьянамъ идти домой, но чтобы они не смѣли вынимать изъ ушей затычекъ, пока подробно не расскажутъ своимъ односельцамъ все, что имъ было читано и растолковано. Такое оригинальное внушеніе дѣйствительно въ крестьянской головѣ засидеть крѣпко. Яковъ Васильевичъ самъ надъ этимъ способомъ хохоталъ и сказалъ: надо же

какъ нибудь разнообразить, они уже потому только дѣла будутъ рассказывать, что имъ затыкали уши.

13-го февраля 1857 года минуло сорокъ лѣтъ со времени назначенія Я. В. Захаржевскаго управляющимъ Царскосельскимъ дворцовымъ правленіемъ и Царскосельской Государевой вотчиной. Крестьяне возымѣли мысль принести въ этотъ день теплую молитву за здравіе Якова Васильевича и поднесли ему образъ соименнаго ему Святаго. На осуществленіе своего намѣренія они испросили чрезъ графа Владимира Федоровича Адлерберга высочайшее соизволеніе. Въ десять часовъ утра крестьяне съ ихъ семействами, въ числѣ около 2 тыс. человекъ, собрались въ придворную церковь Знаменія Божіей Матери. Въ одиннадцать часовъ начался молебень и освященіе образа Апостола Іакова, Брата Божія. Старшины, въ нарядныхъ золотыхъ кафтанахъ, приняли образъ и въ предшествіи духовенства понесли его на квартиру Якову Васильевичу; пѣвчіе изъ тѣхъ же крестьянъ Государевой вотчины стройными голосами пѣли: «Днесъ благодать Св. Духа насъ собра». Чиновники въ парадныхъ мундирахъ и тысячи народа благоговѣнно сопровождали шествіе. Радостныя и оживленныя ихъ лица, праздничная одежда, особенно бывшихъ кормилицъ у высочайшихъ особъ, представляли изящную картину. Всѣ комнаты квартиры Якова Васильевича и дворъ внезапно наполнились народомъ; на прилегающихъ къ дому улицахъ народъ стоялъ густою толпою, подсаживая дѣтей къ окнамъ квартиры. Лицо добраго нашего начальника выражало понятное въ подобномъ случаѣ чувство удовольствія и въ то же время скромность и искреннюю благодарность. Когда поставленъ былъ образъ на приготовленное мѣсто, тогда вновь было совершено молебствіе, по окончаніи котораго придворный протоіерей, благочинный Царскосельскаго уѣзда слободы Кузьминской и пасторъ Лютеранской церкви въ Царскосельской Государевой вотчинѣ, одинъ за другимъ, привѣтствовали его высокопревосходительство краткими рѣчами.

Отдѣльно поговоря съ нѣкоторыми изъ крестьянъ, Я. В. поручилъ старшинамъ угостить крестьянъ. Для духовенства и присутствовавшихъ чиновниковъ былъ накрытъ обильный завтракъ, на который были приглашены и вотчинные головы. Однимъ изъ присутствовавшихъ были прочтены ему слѣдующіе стихи:

„Когда отъ раны излеченный
Явились вы на службу вновь,
Въ то время Царь Благословенный
Назначилъ васъ подъ свой покровъ.
И не ошибся онъ избраньемъ,
Къ себѣ приближивъ службой васъ:

Вы къ Богу съ теплымъ упованьемъ,
 По правдѣ, вовсе безъ прикрасъ,
 Какъ съ первыхъ вашихъ въ Царскомъ днѣй,
 Такъ сорокъ лѣтъ закону вѣрно,
 По совѣсти честныхъ людей,
 Вы служите Царю примѣрно.
 Начальникъ, правда, вы намъ строгой,
 Но строгость ваша—правога,
 Не служить намъ души тревогой:
 Она есть службы красота.
 За то желаемъ вамъ, безъ лести,
 Здоровья, счастья, всякой чести,
 Богъ милость вамъ чтобы явилъ,
 Дней свѣтлыхъ вашу жизнь продливъ;
 Чтобъ окружали васъ цвѣты
 И Царскаго Села сады!“

Генераль-отъ-артиллеріи, главноуправляющій городомъ Царскимъ Селомъ и дворцовыми правленіями, Царскосельскимъ, Гатчинскимъ и Петергофскимъ, управляющій Царскосельскою городскою полиціею и шефъ конно-артиллерійской резервной облегченной № 1-го батареи, Яковъ Васильевичъ былъ въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ 39 разъ. При Бородинѣ раненъ картечью въ правую ногу; 4-го Октября 1813 г. подъ г. Лейпцигомъ ядромъ оторвало ему правую ногу. Операцию ноги производилъ извѣстный докторъ Николай Ѳедоровичъ Арендъ, который съ тѣхъ поръ былъ задушевымъ другомъ Якова Васильевича. Каждый разъ, когда Арендъ пріѣзжалъ въ Царское Село, онъ останавливался у своего друга. Одинъ разъ, за обѣдомъ, при мнѣ, Яковъ Васильевичъ началъ Н. Ѳ. Аренду выговаривать за то, что онъ худо ему отрѣзалъ ногу. Арендъ расхохотался и сказалъ: «Помилуй, этому прошло болѣе 40 лѣтъ, и ты, слава Богу, здоровъ и веселъ! Чѣмъ же худо я отнялъ тебѣ ногу?»

Кстати, чтобъ не забыть, я припомнилъ о докторѣ Арендѣ слѣдующую легенду. Къ очень трудному больному пригласили его вечеромъ. Арендъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ больного и прописалъ ему какіе-то порошки. На другой день утромъ, въ 11-ть часовъ, онъ опять пріѣхалъ къ больному. Когда лакей сталъ снимать съ него шинель, Арендъ спросилъ лакея:—Ну, какъ барина здоровье?—Изволили сегодня въ 9 часовъ скончаться, отвѣтилъ лакей.—А что, принималъ онъ порошки?—Принялъ три порошка.—А что ночью онъ икалъ?—Икалъ, ваше превосходительство.—Ну это хорошо! сказалъ Арендъ. И не входя къ покойнику, надѣлъ шинель и уѣхалъ.

Подъ главнымъ наблюденіемъ Якова Васильевича въ Царскомъ Селѣ выстроены соборъ Св. Великомученицы Екатерины. Внутри этого собора при входѣ съ правой стороны онъ и погребенъ. Надгробный камень обнесенъ желѣзною рѣшеткою. На камнѣ, въ надписи значится кто онъ. Родился 23 Октября 1780 года, скончался 1-го Марта 1865 года. «Отъ гражданъ». На стѣнѣ, возлѣ могилы, находится образъ Св. Апостола Іакова, Брата Божія, поднесенный ему крестьянами Царско-сельской Государевой вотчины *).

Не будучи женатъ, онъ очень любилъ молоденькихъ женщинъ. Какъ-то онъ завербовалъ одну Надиньку и нанялъ ей квартиру близъ Павловскихъ воротъ съ палисадничкомъ, чрезъ который надо было къ ней проходить. Жившая при немъ сестра была женщина весьма скупая и строго наблюдала за расходами старика, брата своего. Какъ-то она провѣдала, что братецъ часто посѣщаетъ Надиньку и начала придумывать средства, какъ бы брата отъ Надиньки отклонить. Былъ у нея въ Царскомъ Селѣ одинъ родственникъ, котораго она однажды пригласила къ себѣ, и откровенно объявила ему, что братецъ очень расходуетъ деньги и дѣлаетъ Надинькѣ дорогіе подарки. Если онъ къ ней пристрастится, то можетъ быть сдѣлаетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ ей много откажетъ, и вы, обращаясь къ родственнику, ничего не получите. Посовѣтовавшись между собою, придумали, чтобы стороны калитки вымазать въ сумеркахъ дегтемъ. Сказано и сдѣлано. Яковъ Васильевичъ попался. На другой же день онъ пріѣхалъ вечеромъ домой. Лакей снялъ съ него шипель и повѣсилъ на вѣшалкѣ. Сестрица тотчасъ спустилась изъ своихъ комнатъ по внутренней лѣстницѣ, подошла въ прихожей къ вѣшалкѣ и около шинели почувствовала запахъ дегтя. Когда же Яковъ Васильевичъ пришелъ къ чаю, она спросила его: «гдѣ ты такъ долго былъ?»—«Былъ въ госпиталѣ, отвѣтилъ онъ.—«Отчего же твоя шинель пахнетъ дегтемъ?»—«Вѣрно гдѣ нибудь замаралась около стѣны. Тѣмъ кончился разговоръ, и сестрица убѣдилась, что братецъ былъ у Надиньки. По хитрости своей она придумала поселить въ немъ ревность къ Надинькѣ, и потому гдѣ-то добыла офицерскую гусарскую фуражку, которая была положена на столъ въ прихожую комнату у Надиньки. Это средство сестрицѣ помогло. Яковъ Васильевичъ по пріѣздѣ къ Надинькѣ эту фуражку замѣтилъ и хотя завѣждалъ иногда къ ней, но все рѣже и рѣже, и наконецъ сестрица сказала ему: «послушай,

*) Всесильный тогда графъ А. Х. Бенкендорфъ женатъ былъ на Елисаветѣ Андреевнѣ Захаржевской, что могло служить Якову Васильевичу надежною охраною въ случайностихъ дворской службы. П. Б.

братецъ, ты можешь встрѣтиться съ большою непріятностію, ибо къ фавориткѣ твоей ѣздятъ гусары, и ты, въ своихъ лѣтахъ и въ своемъ званіи, можешь быть очень компрометированъ.» Яковъ Васильевичъ поцѣловалъ у сестрицы руку, сказалъ: «пропади она совсѣмъ!» и болѣе къ Надинкѣ не ѣздилъ.

*

Хозяйка, моя жена ¹⁾, выстроивъ на подаренномъ ей въ Царскомъ Селѣ мѣстѣ двѣ дачи, продала ихъ и начала строить домъ въ Петербургѣ. Мнѣ было тогда отроду уже 60 лѣтъ; слѣдовательно, силы мои начали ослабѣвать, и потому въ концѣ 1859 г. я подалъ прошеніе объ увольненіи меня отъ должности полицеймейстера съ зачисленіемъ въ запасныя войска. Вскорѣ послѣдовалъ о томъ высочайшій приказъ, и я переѣхалъ на жительство въ С.-Петербургъ. Черезъ годъ за отличіе по службѣ я былъ произведенъ въ ген.-маіоры съ увольненіемъ отъ службы и съ пенсіономъ полного оклада жалованья.

Находясь въ отставкѣ, я поутру ничего не дѣлалъ, а послѣ обѣда отдыхалъ. Это положеніе послѣ 36-ти лѣтней непрерывной и энергической дѣятельности моей доводило меня до отчаянія. Гдѣ-то я прочиталъ, что однажды маркизъ де-Спинола спросилъ Горація Верне: отчего умеръ его братъ? Верне отвѣчалъ: «сэръ, онъ умеръ отъ скуки, отъ нечего дѣлать». — «О, да, согласился Спинола, этой причины достаточно чтобъ убить каждаго изъ насъ.» Прочитавъ такое мудрое изреченіе, я на другой же день, по совѣту одного моего пріятели, подалъ докладную записку министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой просилъ о зачисленіи меня въ министерство. Г-нъ министръ, зная меня какъ человѣка способнаго и дѣятельнаго, благосклонно принялъ мою докладную записку приказалъ мнѣ подать формальное прошеніе, что я тотчасъ же и исполнилъ. Черезъ три дня вышелъ приказъ, и я зачисленъ въ министерство ²⁾.

¹⁾ Разказа о второй женитьбѣ не имѣется. П. Б.

²⁾ Въ Маѣ 1863 г. Н. И. Цыловъ возобновилъ свою дѣятельную службу въ Вильнѣ при графѣ М. Н. Муравьевѣ. См. его „Дневникъ“ въ „Р. Архивѣ“ 1906 г. въ III-й нд. Онъ скончался въ 1879 году, 80 лѣтъ отъ роду. П. Б.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

про своихъ царственныхъ предшественниковъ и современныхъ ей государей.

Чесменскій дворець.

(Разговоръ портретовъ и медальоновъ).

Старикъ-часовой, обходя вокругъ Чесменскаго дворца, слышалъ въ немъ шумъ. Онъ насторожилъ уши, и къ его великому удивленію оказалось, что находившіеся тамъ портреты и медальоны переговаривались между собою.

Примѣчаніе. Надо знать, что покои Чесменскаго дворца украшены картинами или портретами всѣхъ Русскихъ государей, а также всѣхъ нынѣшнихъ Европейскихъ государей. Старику-часовому показалось, что до слуха его долетало нѣчто въ родѣ нижеслѣдующаго ¹⁾.

Людвигъ XVI. Хочу добра.

Королева ²⁾. Какъ я цалую васъ, государь, за эти прекрасныя слова, и по этому поводу нынче же вечеромъ я дамъ балъ. Пошлите за мамзель Бертянь ³⁾ и скажите, чтобъ она принесла мнѣ перья, которыя мною заказаны къ выѣзду въ театръ, и чтобъ отнюдь не позабыла моихъ духовъ ⁴⁾.

Императрица Марія-Терезія (императору Іосифу II). Ангоанета такъ любитъ бывать въ свѣтѣ, что я опасаюсь за спасеніе ея души.

Іосифъ II. Но она такъ красива, такъ любезна, такъ молода.

¹⁾ Примѣчанія принадлежатъ заурядному переводчику Чесменскаго дворца. *Примѣчаніе* Екатерины II-й. Можетъ быть, при Чесменскомъ дворцѣ (нынѣ Чесменская богадѣльня по дорогѣ изъ Петербурга въ Царское село) находились переводчикъ для посѣщавшихъ его иностранныхъ путешественниковъ. Этотъ переводчикъ упоминается и ниже. Любопытно знать, сохранились ли въ Чесменской богадѣльнѣ эти ведшіе между собою бесѣду портреты и медальоны. П. Б.

²⁾ Марія Ангуанета Австрійская.

³⁾ Модистка.

⁴⁾ Въ подлинникѣ *mon brin d'esprit*. Можетъ быть, это означаетъ какое либо украшеніе. Или перевести: „соломинку ума“, какъ могъ называться султанъ на головѣ. П. Б.

Королева Неаполитанская ⁵⁾ (своему мужу). Ступайте, государь, ступайте на охоту; я позабочусь объ остальномъ.

Король Неаполитанскій. Нѣтъ, я поѣду кататься на лодкѣ съ моими любезными Липаріотами ⁶⁾. Вамъ предоставляю сегодня весь дипломатическій корпусъ, а именно дорогого Рагатцо ⁷⁾; съ нимъ вы позабудете про свою беременность. Онъ по моему пріятію, нежели вашъ духовникъ, ваша Нѣмка-кухарка и косолапая горничная.

Марія-Терезія. И эта еще! Надо молить Бога, чтобы Онъ отвелъ ее отъ ея заблужденій.

Иосифъ II. Я не вѣрю и половинѣ того, о чемъ идетъ молва.

Герцогиня Пармская ⁸⁾ (своему мужу). Въ этихъ бумажонкахъ молитвы, которыя вы ежедневно пишете для прочитыванія у себя въ часовнѣ?

Герцогъ Пармскій. Да, да, государыня.

Герцогиня Пармская. Прощайте, потомокъ Генриха IV, на котораго вы не похожи ни лицомъ, ни осанкою. Сегодня вечеромъ я поѣду верхомъ на Миланскій редутъ ⁹⁾: мой почтальонъ съ двумя лошадьми ждетъ меня у воротъ дворца.

Марія-Терезія. Про эту я не желала бы слышать что говорятъ.

Иосифъ II. Что дѣлать, матушка! По крайней мѣрѣ на нее мало тратъ, такъ какъ ей надобны только двѣ почтовые лошади, чтобы скакать по Италіи.

Эрцгерцогъ Миланскій. Что думаете вы, дорогая моя супруга, на счетъ поѣздки нашей въ Вѣну?

Эрцгерцогиня Миланская. Охотно послѣдую я за вами, и для меня всего лучше быть подлѣ васъ; однако, свои пріятности имѣеть и Италія.

Великая герцогиня Тосканская. Здѣсь я мерзну отъ холода; только въ Испаніи тепло.

⁵⁾ Марія-Каролина, Австрійская.

⁶⁾ Т. е. съ острова Липари, что у Сициліи. П. Б.

⁷⁾ Такъ она называла графа Андрея Разумовскаго, Русскаго посланника. *Примечаніе Екатерины II.*—См. нашу статью о графѣ А. М. Марковѣ, доносившемъ Екатерину о томъ, какъ королева Каролина влюблена была въ графа Разумовскаго („Русская Бесѣда“ 1857 г.). П. Б.

⁸⁾ Марія-Амалия, Австрійская.

⁹⁾ Т. е. въ увеселительное собраніе. П. Б.

Великій герцогъ Тосканскій. Сбереженіе дровъ въ тепломъ климатѣ есть чистый и ясный доходъ ¹⁰⁾.

Иосифъ II. (про себя). Братъ мой любить доходы чистые и ясные. Я тоже не прочь имѣть ихъ; но кромѣ того, я люблю, чтобы и домъ былъ чистъ ¹¹⁾.

Марія-Терезія (Иосифу II). Сынъ мой, что ты бормочешь?

Иосифъ II. Я говорю, что люблю домики. Напримѣръ, этотъ мнѣ нравится.

Марія-Терезія. Да, но здѣсь нужно бы распятіе. Глаза мои къ нему привыкли, и я всегда возлагала всѣ мои упованія на чудеса Іисуса Христа.

Иосифъ II. Хорошо, матушка; но при этомъ мы лишилась Силезіи. Чтобы произвести чудо, которое бы возвратило ее намъ, не обойтись безъ войскъ, безъ денегъ и безъ хорошаго генерала.

Марія-Терезія. Мнѣ бы хотѣлось умереть въ мирѣ. Новая война есть дѣло совѣсти, и тутъ я не рѣшусь ни на что, не посоветовавшись съ моимъ духовникомъ, прелатомъ Св. Доротеи; да кромѣ того, нѣтъ моей доброй пріятельницы, императрицы Елисаветы; она осталась только на медальонѣ.

Императрица Елисавета. Этотъ медальонъ такъ же плохъ, какъ всѣ мои портреты. Но, государыня-кумушка ¹²⁾, зачѣмъ прячете вы лицо ваше въ этотъ большой черный головной уборъ? Когда я была въ живыхъ, никто бы не осмѣлился явиться ко мнѣ въ такомъ странномъ, наводящемъ тоску, убранствѣ. Надъ этимъ смѣются, и оно въ тысячу разъ хуже, нежели двоюродная моя сестра, императрица Анна, которую я всегда осуждала за то, что она носила платье не иное, какъ темнаго цвѣта.

Марія-Терезія. Я вдова, мои лѣта, моя набожность...

Императрица Елисавета. Вотъ именно это сказалъ мнѣ однажды мой проклятый ¹³⁾ племянникъ Петръ III, когда при немъ я говорила противъ вѣчно-темныхъ платьевъ моей двоюродной сестры Анны, которыхъ я не любила; но онъ тотчасъ же прекратилъ свою глупую бол-

¹⁰⁾ Онъ вдавался въ мечтанія экономистовъ.

¹¹⁾ По смерти своей матери онъ выпроходилъ изъ братняго дома своихъ сестеръ.

¹²⁾ Великій герцогъ Тосканскій былъ ея крестникомъ.

¹³⁾ Такъ она часто называла его.

товню, когда я внушительно сказала ему, что Анна была императрицею. Въ этомъ качествѣ она могла, по моему мнѣнію, дѣлать все что хочешь, не стѣняясь.

Марія-Терезія. Я часто объ этомъ думала, но выражала не иначе какъ въ тихомолву, и васъ почитаю я очень счастливою.

Императрица Елисавета. А я такъ не прибѣгала къ уловкамъ. Я говорила о томъ кому было угодно слушать. Я научилась тому отъ тѣхъ, кто царствовалъ до меня. Они тутъ. Можете спросить ихъ. Конечно, вы хорошо сдѣлали, запретивъ хорошенькимъ женщинамъ, по кончинѣ вашего супруга, румяниться. Я тоже, въ теченіе моей жизни, не позволяла молодымъ женщинамъ разныхъ украшеній, и ничто меня такъ не бѣсило, какъ похвалы, имъ воздаваемыя. Во времена моей двоюродной сестры Анны женщины носили что угодно; но я, моими августѣйшими руками, срывала съ нихъ немало мелкихъ украшеній.

Императрица Анна. Есть чѣмъ хвалиться, сестрица. Я любила власть также, какъ и вы, но не прилагала ее къ бездѣлушкамъ.

Импер. Елисавета. Если я примусь говорить, сестрица, то увидать, кто изъ насъ двухъ лучше пользовался своею властію.

Импер. Анна. Въ моемъ царствованіи было больше силы, нежели въ вашемъ.

Импер. Елисавета. Что одни называютъ силою, то у другихъ иногда слыветъ жестокостію.

Импер. Анна. Чувствами и поведеніями вы походите гораздо больше на вашу мать, нежели на отца.

Импер. Екатерина I. Оттого Елисавета всегда была моею любимицею.

Импер. Анна. Мы не разъ бывали тому свидѣтелями. Вѣдь она подписывала ваше имя подъ указами, которые сочинялъ князь Меншиковъ и которыхъ вы никогда не читали за неумѣньемъ грамотѣ.

Импер. Екатерина I. Милая моя племянница. Тутъ было дѣло не въ азбукѣ; надо было царствовать. По собственному опыту вы знаете, что царствуютъ кто какъ можетъ; однако видно, что это дѣло не очень трудное, потому что мнѣ говорили, что всякій и во всякомъ возрастѣ охотникъ въ него мѣшаться; я даже слышала про сапогъ Калигулы, нѣкогда занимавшій его мѣсто въ Римѣ, въ родѣ того, какъ я въ Петербургѣ. Вспоминаю еще про одною тайнаго совѣтника у моего зятя герцога

Годштинскаго. Тотъ говоритъ, что Государю нѣтъ надобности мѣшаться въ управленіе своими владѣніями, которыя въ такомъ случаѣ управляются сами собою. Онъ прибавлялъ: но тогда государство управляется плохо. Тутъ я съ нимъ не согласна. Потолстѣвшая и пышно разодѣтая, въ креслѣ съ поручнями и подъ моимъ балдахиномъ, я занимала мое мѣсто, и я все таки была супругою грознаго и прославленнаго монарха, кончину котораго оплакивала ежедневно.

Импер. Анна. Да, добрая моя тетушка, подъ конецъ шумнѣйшихъ обѣдовъ вы часто становились нѣжны.

Импер. Елисавета (про себя). Злоязычица!

Импер. Анна (Петру II). При вашемъ восшествіи на престолъ дворцовыя кладовыя были ли также полны, какъ и погреба, въ которыхъ была пустота?

Петръ II. Чтò до движимости, то правда, что изъ нея получилъ я немного, и это немногое не дошло до меня, благодаря князю Мешпикову и моимъ тетушкамъ, которые ею подблудились. Когда меня обручали, то для освѣщенія бальной залы не придумали иного средства, какъ вдоль стѣнъ разставить гренадеровъ съ факелами въ рукахъ.

Анна I. Что до посуды, у дѣда моего должно быть было ея много. Онъ принялъ къ себѣ въ службу Француза-повара и когда тотъ спросилъ, сколько блюдъ будетъ за столомъ царя Алексѣя, ему отвѣчали, что будетъ сто золотыхъ блюдъ, а за вторымъ столомъ двѣсти блюдъ серебряныхъ. Петръ I обратилъ все это въ монету. Но поговоримъ о другомъ. Вы тоже не отстали въ снисходительности. Вы позволяли брать вашу движимость. Васъ дважды обручали не спросившись о вашей склонности, вы ежедневно уѣзжали на охоту противъ вашего желанія. Да и умерли вы въ ранней молодости не для того ли, чтобъ дать намъ мѣсто?

Петръ II. Я былъ молодъ и сговорчивъ. Къ кому я привязывался, тотъ могъ дѣлать изъ меня почти все, чтò ему было угодно. Мы хозяйничали вмѣстѣ, мой любимецъ ¹⁴⁾ и я. Мнѣ было 15 лѣтъ, ему 19.

Анна I. Правда ли, что вы покушались жениться на теткѣ вашей Елисаветѣ?

Петръ II. Она мнѣ очень нравилась своею красотою, нѣжностью, умомъ и веселостью; я свылся съ нею; мы каждый день ѣдили на охоту.

¹⁴⁾ Иванъ, князь Долгорукій. Много позже императрица Анна приказала его обезглавить.

Анна I. Отчего же эта склонность не возымѣла дѣйствія?

Петръ II. Елисавета отказала наотрѣзъ подь тѣмъ предлогомъ, что я сынъ ея брата, и что вѣроу запрещенъ подобный союзъ.

Анна I. Вы хорошо говорите: подь предлогомъ, по крайности это благовидно. На мой же ваглядъ двоюродная сестра моя, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вашей кончины, весьма похудѣла. Отъ перемежающейей лихорадки она выровнялась.

Петръ II. Будьте благодарны этой перемежающейей лихорадкѣ: безъ нея вы, можетъ быть, не были бы возведены на престолъ.

Анна I. Я была дочь старшаго брата Петра I.

Петръ II. Да, но налицо была ваша старшая сестра, особа не тупая; да кромѣ того, Елисавета была дочь Петра I, память о которомъ была очень дорога всему обществу.

Анна I. Я была вдова; у сестры живъ былъ мужъ, котораго она покинула, такъ какъ онъ былъ такъ безуменъ, что нашлось нужнымъ назначить надъ нимъ опекуновъ. О Елисаветѣ же знали только, что она тогда помышляла лишь о своихъ удовольствіяхъ.

Петръ II. Впрочемъ эти пререканія до меня не касаются: я наслѣдовалъ моему дѣду, моей бабкѣ. Имъ-шаръ ¹⁵⁾.

Анна I. Дядя мой Петръ I очень цѣнилъ меня. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ и до того времени, когда отецъ вашъ ¹⁶⁾ былъ имъ лишень наслѣдства, и послѣ, что ему досадно, за чѣмъ я не мужского пола.

Петръ I. Правда, племянница, я васъ цѣнилъ, чтò и дало поводъ злорѣчію говорить, будто вы моя дочь; но правду сказать, не дуракъ-же я былъ, чтобы стараться породить для себя государя. Я любилъ васъ за то, что твердый, мужской умъ вашъ обнадеживалъ меня въ томъ, что вы болѣе, чѣмъ другія женщины нашей породы чуждаетесь ро-сказней и пошлыхъ пересудовъ, въ которыхъ главную роль играетъ клевета, мною ненавидимая, потому что я жестоко натерпѣлся отъ нея. Видѣлъ я, какъ часто она, начавшись въ семействахъ, кончалась тѣмъ,

¹⁵⁾ A eux la balle. Екатерина этимъ сказала, что происходила балотировка, кому достанется Русскій престолъ. Вспоминается Пушкинъ, говорившій, что въ его дни поправляютъ состояніе женатбою, откупамъ и проч., а въ XVIII столѣтіи поправляли государственнымъ переворотомъ. П. Б.

¹⁶⁾ Царевичъ Алексѣй.

что изъ нея мутилось государство. Помните ли то время, когда я, ставъ на колѣни у изголовья вашей умиравшей матери ¹⁷⁾ снялъ съ васъ и съ двухъ вашихъ сестеръ ея проклятье? Съ трудомъ добился я того, что она простила васъ; сестры же ваши остались проклятыми.

Анна I. Будь живъ мой дорогій батюшка, этого, можетъ быть, и не случилось бы.

Петръ I. Если меня не послушали, то какъ же вы хотите, чтобы успѣлъ въ этотъ мой братъ, почти слѣпой и слабоумный? Невѣстку мою издавна возстановили противъ васъ приближенные, и какіе приближенные! Такихъ можно встрѣтить развѣ въ больницахъ для неизлѣчимыхъ и разслабленныхъ, для калѣкъ, полоумныхъ. Они являлись къ ней для внушеній, и она совѣщалась съ ними обо всемъ что происходило. Вслѣдствіе направленной дурно набожности мать ваша принимала ихъ, и они были для нея самымъ почетнымъ обществомъ.

Анна I. Я не помню моего отца; знаю только, что онъ былъ чело-вѣкъ болѣзненный и во всемъ довѣрялся теткѣ моей Софії; а окружена была она исключительно также, какъ почти всѣ ваши сестры. Съ ними являлось несчетное число женщинъ, вдовъ и дочерей, всѣхъ возрастовъ и состояній. Я насчитывала ихъ въ одной комнатѣ до семидесяти. Это обыкновеніе продолжалось еще и въ мое время. У двоюродной сестры моей Елисаветы ихъ также было немало. Когда сгорѣлъ дворецъ, я пригласила ее помѣститься у меня, но съ тѣмъ, чтобы она отпустила этихъ дармоѣдовъ. Она не согласилась и предпочла нанять очень тѣсное помѣщеніе, лишь бы не разлучаться съ этою любезною для нея толпою бесполезныхъ ханжей.

Царь Иванъ. Коли не ошибаюсь, кто-то говорилъ обо мнѣ; но мнѣ больно глядѣть, если не побываю въ банѣ.

Петръ I. Если бы обстоятельства не озлобили противъ меня сестры моей Софьи, я охотно бы пользовался совѣтами ея. Въ ней было много гениальнаго, но она чрезчуръ внимала внушеніямъ родственниковъ своей матери ¹⁸⁾, и въ особенности дяди своего Милославскаго, который ненавидѣлъ семью моей матери ¹⁹⁾.

Ц. Федоръ. При мнѣ, братъ, жили мы всѣ въ мирѣ; я уважалъ твою мать, хотя она была мнѣ не родная; мои пять сестеръ, изъ кото-

¹⁷⁾ Она была изъ дома Салтыковыхъ и называлась Прасковей Федоровной.

¹⁸⁾ Марья Ильинишна Милославская.

¹⁹⁾ Наталья Кирилловна Нарышкина.

рыхъ старшія превосходили возрастомъ нашу мачиху, слѣдовали моему примѣру. Но правду сказать, братья, родственники твоей матери были люди горделивые и ограниченные, что возбудило ненависть въ лицахъ, которыя завидовали имъ. Самъ отецъ мой зналъ про ихъ недостатки; онъ не разъ дѣлалъ имъ выговоры.

Ц. Алексѣй. Старшій племянникъ второй жены моей ²⁰⁾, въ моей пріемной палатѣ, по глупости своей, сѣлъ на мое кресло подъ балдахиномъ и сказалъ присутствовавшимъ: «Развѣ я не гожусь? ²¹⁾ Согласитесь, что я былъ бы очень красивымъ царемъ». Это было вѣннено ему въ преступленіе. Въ другой разъ онъ отправился ловить рыбу въ прудахъ мнѣ лично принадлежащихъ. Тамъ были большія рыбы съ золотыми кольцами, которыя имъ для забавы вѣты были прежними царями. Онъ поймалъ ихъ нѣсколько и скушалъ. Узнавъ про его глупости, возбуждавшія негодованіе всѣхъ моихъ старыхъ слугъ, я сказалъ женѣ моей, что всякаго другого я наказалъ бы за такія дерзости, но ради ея прощаю ихъ ея племяннику съ тѣмъ, чтобы впередъ велъ себя благоразумнѣе.

Царь Михаилъ. (Царю Алексѣю). Мой сынъ, мнѣ кажется, что всѣ ссоры въ семьѣ твоей произошли отъ того, что по смерти первой твоей жены, ты, имѣя много взрослыхъ дѣтей, женился во второй разъ.

Царь Алексѣй. А я такъ, дорогѣй батюшка, думалъ, что поступилъ хорошо. У меня было два сына и пять дочерей. Оба мои сына казались мнѣ слабосильными. Я былъ еще молодъ и женился вторично. Мнѣ казалось, что мой выборъ не долженъ былъ возбуждать неудовольствіе, въ виду посредственности родныхъ второй жены моей. Къ несчастію, у нея было много братьевъ, коихъ недостатки и пороки, а особенно выставочность, могли очень повредить сыну твоему Петру и даже погубить его, не родись онъ геніемъ и со свойствами необыкновенными.

Царь Василій. (Царю Михаилу). Ни у кого на свѣтѣ не было такихъ хорошихъ совѣтниковъ, какъ у тебя. При тебѣ былъ отецъ великихъ дарованій, полный благораумія. Тебя породилъ на свѣтѣ патриархъ Филаретъ. Тобой руководили, посадивъ тебя пятнадцатилѣтняго на престолъ, его ловкость, его мудрость. Находясь въ Польскомъ плѣну я былъ свидѣтелемъ...

*

²⁰⁾ Иванъ Львовичъ Нарышкинъ.

²¹⁾ Онъ былъ высокаго роста и хорошо сложенъ.

Тутъ начало свѣтатъ, медальоны и портреты замолкли. Старикъ часовой пошелъ доложить о томъ, что онъ слышалъ; начальникъ обозвалъ его болтуномъ, пьяницей, лжецомъ, духовидцемъ и пр. Старикъ ушелъ отъ него въ полномъ смущеніи. На пути повстрѣчался ему дворцовый переводчикъ, которому онъ торопливо передалъ, что онъ докладывалъ своему начальнику и какъ тотъ ему не повѣрилъ. Толмачъ поспѣшилъ изложить все на бумагѣ. Они разстались съ твердымъ намѣреніемъ идти вмѣстѣ, когда наступитъ ночь и послушать разговоръ. Они даже спозаранку пошли въ залу и спрятались за черножелтою бархатною занавѣсью; но, либо собесѣдники не захотѣли въ этотъ вечеръ болтать, либо стѣсняло ихъ присутствіе тѣхъ, которые пришли ихъ подслушивать, но ночь прошла въ глубочайшемъ молчаніи. Не такъ было въ галлерей № 6-й. Старикъ-часовой, слышавъ тамъ шумъ, пробрался туда, и вотъ что, показалось ему, онъ услышалъ:

Фридрихъ король Прусскій (принцу Генриху). Какъ думаешь, братъ? А вѣдь это напоминаетъ про наши семейные обѣды. Но зачѣмъ намъ сидѣть попарно съ нашими любезными половинами, точно мы перебегаемся въ Ноевъ ковчегъ?

Принцъ Генрихъ. Намъ бы туда не допустили, такъ какъ отъ васъ и отъ меня некому вновь заселять землю.

Фридрихъ. Ни отъ моего брата Фердинанда: его обязанность только тратиться на пастора, который креститъ дѣтей его жены. Одинъ мой большой и толстый племянникъ долженъ продолжить наше племя.

Принцъ Генрихъ. У меня очень болитъ нога.

Принцесса Прусская. Но гдѣ вы нажили эту неисцѣлимую боль, на которую такъ давно жалуетесь?

Принцъ Генрихъ. Тсъ! Сестрица, не говорите съ нимъ объ этомъ; я вамъ потомъ скажу на ухо.

Принцъ Фердинандъ. Это не мое дѣло. Это не мое дѣло. Это дѣло жены моей. Она была очень красива. Она была очень красива. Я люблю хорошенькія личики. Я люблю хорошенькія личики. Адъютанты у меня отборные, отборные.

Принцесса Фердинандъ. А я люблю забавляться; здѣсь же скучаютъ и ѣжатся.

Королева Прусская. А я люблю просто сидѣть, какъ добрая и благоразумная хозяйка, предоставляя всѣмъ свободу. Живутъ, чтобъ жить и когда пожито, то уже не живешь.

Фридрихъ (принцу Прусскому). Какимъ образомъ, мой любезный племянникъ, съ вами сдѣлалось дурно въ самомъ засѣданіи С.-Петербургской Академіи Наукъ?

Принцъ Прусскій. Государь, это были пустяки.

Фридрихъ. Однако оно дало поводъ къ непріятнымъ предположеніямъ. Эти проклятые Австрійцы, принцъ де-Линь, графъ Кобенцель и другіе пересмѣшники говорили, что голова у васъ недостаточно крѣпка, чтобы выдержать академическое засѣданіе, что духъ Академіи, поднавшись къ вашему черепу, причинилъ вамъ эпилепсію.

Принцъ Прусскій. По правдѣ сказать, государь, было жарко, и академическій духъ мнѣ надоѣлъ, а отъ этого, какъ вы знаете, поднимаются пары. Прежде чѣмъ сдѣлалось мнѣ дурно, я тихонько позѣвывалъ, но прикрывая ротъ шляпою, потому что я вѣжливъ.

Фридрихъ (принцу Генриху). Братъ, кто этотъ бородачъ, котораго я тамъ вижу? Господинъ бородачъ, кто вы такой?

Св. Александръ Невскій. Не слѣдуетъ судить о людяхъ по бородѣ. Таковъ, какъ вы меня видите, я никогда не начиналъ неправой войны, я защищалъ мою страну и моихъ союзниковъ, храбро и успѣшно, противъ Шведовъ, Литвы и Тевтонскихъ рыцарей, расположившихся въ Ливоніи и въ Пруссіи. Моими доблестями и въ особенности безкорыстіемъ снискалъ я любовь моего народа и моихъ сосѣдей. Мои родственники любили и уважали меня, потому что я былъ справедливъ и не завидовалъ имъ. За мою христіанскую жизнь и мою мудрость, по кончинѣ моей, дано мнѣ мѣсто между святыми ²²⁾.

Фридрихъ. Поздравляю васъ, господинъ святой. Посудите, столько достоинствъ скрывалось подъ этою бородою!

Св. Александръ Невскій. Мой дорогой собратъ! Недостаточно смѣяться надъ бородою своего ближняго; нужно признавать достоинство, не глядя на бороду. Я родился и жилъ до 1740 года. Вы могли про меня знать, если бы столько же занимались тою частью исторіи, которая до меня касается, какъ Французскими стихами. Я не виноватъ, что вы не узнали меня больше, нежели Нѣмецкую словесность, хотя

²²⁾ Въ одномъ письмѣ Гриму Елизавета восхваляетъ Св. Александра Невского. П. Б.

она вамъ родная. Впрочемъ я вашъ слуга, и мнѣ нечего съ вами дѣлать ни въ теперешнемъ, ни въ другомъ вѣкѣ.

Фридрихъ. Хорошо. Но кто такіе эти другіе господа, у которыхъ подбородки такъ заросли?

Св. Александръ. Направо отъ меня мой отецъ, налѣво мои братья; насупротивъ меня Всеволодъ, мой дѣдъ и двое моихъ дядей.

Фридрихъ. Всѣ они, я думаю, не умѣли ни читать, ни писать.

Ярославъ Ярославичъ. Никто изъ насъ, не зная грамматики и ореографіи, не пытался быть сочинителемъ; но за то всѣ мы умѣли сражаться.

Фридрихъ. Однако, родство у васъ пребольшое.

Василій Ярославичъ. Рюриковъ домъ находился въ родствѣ со многими королями: моя племянница Анна была супругою Французскаго короля Филипа II-го.

Фридрихъ. А дѣдушка развѣ никогда не говорить?

Всеволодъ Юрьевичъ. Не очень я люблю много говорить; однако могу вамъ сказать, что я основатель княжества Владимирскаго и былъ тамъ государемъ 35 лѣтъ.

*

Французскій подлинникъ этого доселѣ неизвѣстнаго произведенія Екатерины Великой напечатанъ въ XII-мъ томѣ ея Сочиненій, изданныхъ Императорскою Академіею Наукъ (стр. 583—594). Это неконченный набросокъ и писанъ конечно, „для разбитія мыслей“, какъ Государыни выражалась про мелкія свои сочиненія, или потому, что, по ея же словамъ, не могла она провести день не исписавши нѣсколькихъ листовъ. Тутъ могло ея руководить и желаніе дать отвѣдъ зложелательнымъ слухамъ, которые про нея распространялись за границею, гдѣ не могли ей простить того, что, будучи Нѣмкою по рожденію, сдѣлалась она такою ревностною и сознательною Русскою Государынею: для того указано ея на поведеніе дочерей суетвѣрно-набожной Маріи Терезіи и на болѣе чѣмъ зазорную нравственность Фридриха Великаго и его братьевъ. Далѣе обращается она къ любимой своей мысли о доблестяхъ до-Петровской Россіи и выставляетъ Св. Александра Невскаго, который былъ героемъ ея воображенія, какъ писала она Гримму и котораго именемъ назвала она перваго своего внука, утвердившаго рожденіемъ своимъ основанную ею династію. П. Б.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ МОСКОВСКАГО КОММЕРСАНТА О ВНѢШНЕЙ РОССІЙСКОЙ ТОРГОВЛѢ.

Объ упадкѣ Россійской торговли

Преуспѣвающая промышленность подобна свободному кровообращенію, и цвѣтущая торговля, какъ бы нѣкое благотворное дыханіе, даютъ государственному тѣлу бодрость, крѣпость, силу и, такъ сказать, доводятъ оное до высочайшей степени политическаго здравія. Истину сію подтверждаютъ не одни поученія глубокомысленныхъ знатоковъ государственной экономіи, но самый опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Можемъ ли мы, Россіяне, коихъ любовь къ отечеству и вѣрность къ престолу толь еще недавно ознаменована предъ свѣтомъ только славными примѣрами, которые сама исторія не иначе какъ съ умиленіемъ передаетъ для примѣра позднѣйшему потомству, можемъ ли, говорю, хотя на минуту усумниться, чтобы правительство наше, толико кроткое, благонамѣренное и мудрое, не обращало всего своего вниманія на сіи главнѣйшіе предметы, входящіе непосредственно въ составъ государственнаго благосостоянія? Не только времена и царства настоящія, но и въ вѣчности уже погребенныя не представляютъ примѣра, чтобы законно и праведно правящіе кормиломъ государства не любили своего отечества и не пеклись о его существенныхъ выгодахъ и да не попуститъ всемогущее Провидѣніе, чтобы Россія дожила когда либо до того ужаснаго несчастія. Всѣ постановленія, всѣ узаконенія, доселѣ въ ней изданныя, напротивъ, удостовѣряютъ насъ, что попеченіе правительства о благѣ Россія неограниченно, неусыпно и безпримѣрно. Но самыя лучшія, самыя благія, самыя святаыя намѣренія и дѣйствія обстоятельствами нерѣдко измѣняются, и потому не удивительно, что мы, вмѣсто преуспѣванія въ торговлѣ, видимъ у себя въ настоящемъ дѣлѣ безпре-
станное банкротство. Извѣстныхъ до того постоянною и обширною своею торговлею купцовъ совершенный упадокъ, кредитъ, подтверждаемый общимъ отголоскомъ такъ, что не знаютъ уже чему и кому вѣрить, увеличивающійся годъ отъ году упадокъ главной Россійской ярмонки, на коей товаровъ видятся грузы, а покупателей нѣтъ, неизмѣніе звон-

кой монеты и даже въ самыхъ ассигнаціяхъ примѣтный недостатокъ и наконецъ уменьшеніе купеческаго сословія во всей Россіи—не суть ли то несомнѣнные признаки чрезвычайнаго упадка внутренней промышленности и отечественной торговли? Вообще, безъ сомнѣнія, толико непріятная истина тѣмъ для каждаго Россіянина прискорбнѣе, что всѣ почти Европейскія государства болѣе самой Россіи, разоренныя бывшими войнами и разорительными контрибуціями усилили торговлю, открыли вѣрные и необременительные источники государственныхъ доходовъ и вполне наслаждаются благотворнымъ миромъ, дарованнымъ Европѣ великомошною десницею вѣнценоснаго ея благодѣтеля, благословеннаго монарха Россіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство не укоснитъ предпріять всѣ мѣры къ точнѣйшему разысканію истинныхъ причинъ настоящаго упадка отечественной нашей торговли и промышленности, и потомъ приметъ самыя дѣятельныя мѣры къ отвращенію всего того, что препятствуетъ и вредитъ возстановленію и успѣху оныхъ. Последнее строгое распоряженіе его сіятельства г. министра финансовъ о оказавшихся въ Москвѣ контрабандистахъ, служитъ тому убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Его сіятельство господинъ военный генералъ - губернаторъ съ своей стороны дозволилъ Московскому градскому обществу представить себѣ по сему случаю свое мнѣніе и чего оно желаетъ для возстановленія отечественной торговли, милостиво обѣщая свое по сему ходатайство. Московская Казенная Палата сдѣлала уже по предписанію его сіятельства господина министра финансовъ вопросъ дому градскаго общества относительно сего предмета. Общество не преминетъ конечно воспользоваться симъ дозволеніемъ достойнымъ себѣ образомъ *); но тѣмъ не менѣе пламенно освѣщенное чувство истиннаго вѣрноподданческаго усердія къ Государю, чувство неограниченной любви къ отечеству, обязываетъ всякаго истиннаго Россіянина въ толико важномъ

*) Вѣдомости объяхъ столицъ обвѣстили уже о множествѣ упавшихъ и выписанныхъ въ мѣщане купцовъ въ 1822 году по С.-Петербургу. Въ Москвѣ съ 1812 года состояло первостатейныхъ 10, по 1-й гильдіи 112, по 2-й гильдіи 332, и по 3-й гильдіи 3128; послѣ самаго разоренія въ 1814-мъ году по 1-й гильдіи 60, по 2-й 228 и по 3-й 2127. На 1823 годъ первостатейныхъ 9, по 1-й гильдіи 42, по 2-й 158, по 3-й 1486, и такъ менѣе вообще противъ 1812 года 1587 капитала, а противъ 1814-го 727. На наступившій же 1823-й годъ число капиталовъ въ Москвѣ еще уменьшилось 161 капиталомъ, по сему можно судить объ уменьшеніи оныхъ во всей Россіи; крайность въ семъ случаѣ тѣмъ примѣтнѣе, что въ 3-ю гильдію записались многіе безкапитальные, чтобы только отбыть рекрутской повинности. Но такъ какъ при упадкѣ промышленности и торговли платежи сей гильдіи непремѣненъ, по обязанности жъ брать бухгалтерныя книги, возвысился почти до 500 рублей, то безкапитальные въ необходимости нашлись остаться въ мѣщанахъ.

дѣлѣ по крайнему разумѣнію и возможности съ сыновнимъ благоговѣніемъ представлять отеческому благовниманію правительства дознаваемую истину, которую было и будетъ всегда вредно скрывать предъ нимъ. Сладостно питать надежду, что сіе патріотическое разсужденіе благонамѣреннаго опытнаго Російскаго коммерсанта о торговлѣ и промышленности можетъ быть на сей первый разъ неизлишнимъ и удостоится благосклоннаго вниманія.

Итакъ, дѣйствительно никто уже не сомнѣвается, что наша торговля и промышленность находятся въ чрезмѣрномъ упадкѣ и разстройствѣ. Но, чтобы съ успѣхомъ уврачевать сію государственную болѣзнь, необходимо нужно прежде открыть настоящій ея источникъ, и открыть его нетрудно: стоитъ только съ истиннымъ безпристрастіемъ обозрѣть ходъ нашей торговли въ продолженіе 12-ти послѣднихъ лѣтъ.

Причина упадка торговли.

1801 годъ по справедливости можетъ почитаться эпохою внешней торговли, и оно было бы блистательно, если бы вскорѣ обстоятельства не измѣнили благонамѣренныхъ предпріятей правительства. Высочайшій манифестъ, изданный того года въ 19 день Декабря, былъ явленіемъ весьма непріятнымъ для иностранцевъ; ибо поставлены были на производство внешней Російской торговли особыя правила, коихъ цѣлю, какъ въ самомъ томъ манифестѣ объяснено было, преградить усиліе непомѣрной роскоши, сократить привозъ товаровъ иностранныхъ и поощрить, сколько можно, произведенія внутренняго труда и промышленности. Государь Императоръ соизволилъ изъявить надежду, что вѣрноподанные будутъ всемѣрно содѣйствовать попеченіямъ высочайшимъ о собственномъ ихъ благѣ, обращеніемъ капиталовъ не въ пищу чужеземной роскоши, но въ поощреніе отечественныхъ фабрикъ и издѣлій.

Правительство не ограничилось на сей разъ однимъ запрещеніемъ ввоза многихъ иностранныхъ товаровъ; оно пригласило даже нѣкоторыхъ извѣстныхъ иностранныхъ фабрикантовъ, какъ напр. изъ Ліона, и дало имъ всевозможныя пособія къ заведенію внутри Россіи новыхъ образцовыхъ фабрикъ, желая тѣмъ конечно поощрить отечественныхъ капиталистовъ къ соревнованію. И дѣйствительно, не только многіе богатые коммерсанты и дворяне, но изъ разнаго состоянія люди приступили къ устройству фабрикъ и заводовъ разнаго рода, не щадя капиталовъ и даже входя въ долги. Все оживилось внутри государства, и вездѣ водворилась особенная дѣятельность. Но вскорѣ наступилъ бѣдственный 1812 годъ. Пожертванія доказали, какъ Россія была еще

богата; едва непріятель изгнанъ былъ изъ отечества нашего, еще не совсѣмъ возстановилось спокойствіе въ Европѣ, какъ уже первопрестольная Москва, подобно Фениксу, съ новымъ велелѣпіемъ вознеслась изъ пепла своего и изумила свѣтъ, видя толь разительный опытъ внутренней силы Россіи. Гордое предреченіе дотоль вѣрнаго въ своихъ расчетахъ Наполеона, осудившаго Москву на столѣтнее ничтожество, весьма было еще свѣжо въ памяти ея вассаловъ. Завистливое око иностранцевъ предвидѣло весьма ясно, что должно ожидать отъ Россіи, если она не будетъ имѣть нужды ни въ чьей помощи. Чтобы двигать страшными своими ополченіями, они чрезъ агентовъ своихъ тогда же постарались разсѣять слухи, что по политическимъ сношеніямъ вскорѣ разрѣшится паки ввозъ въ Россію ихъ издѣлій и тѣмъ пріостановили многихъ изъ Россійскихъ купцовъ, кои готовились распространить полезныя мануфактурныя издѣлія. Въ 1816 году слухи сіи частію дѣйствительно оправдались изданіемъ новаго тарифа на 12-ть лѣтъ. Сей опредѣленный срокъ подкрѣплялъ еще нѣкоторымъ образомъ Россійское купечество въ его надеждахъ; оно думало на извѣстномъ расчетѣ основать свои коммерческія дѣла и, свободно обращая свои капиталы, продолжало стараться объ улучшеніи своихъ фабрикъ. Само небо къ этому благословило Россію необыкновеннымъ урожаемъ при безпогодныхъ дняхъ въ другихъ государствахъ. Хлѣбъ ея проданъ былъ въ Одессѣ на наличныя деньги, звонкая монета явилась повсюду въ оборотѣ, земледѣльцы даже нуждались въ ассигнаціяхъ; въ Московскихъ же рядахъ видны были груды золота; фабрики суконныя до того возвысились, что Китайцы не отказывались брать Русское сукно, и Кяхтинскіе торговцы могли обходиться безъ выписки иностранныхъ суконъ. Ситцы и нанки стали не уступать отдѣлкою уже Англійскимъ; сахаръ, фарфоръ, бронза, бумага, сургучъ доведены едва ль не до совершенства. Шляпы давно уже стали требовать даже за границу. При такомъ усовершенствованіи Россійскихъ фабрикъ, въ Англіи едва не доходило до возмущенія отъ того, что рабочему народу нечего было дѣлать. Между тѣмъ въ публичныхъ нашихъ журналахъ явились разсужденія, доказывающія, что запретная или такъ называемая континентальная система вредна, что нѣтъ надобности предпочитать свое дурное иностранному хорошему *), что это значило бы несправедливо удовлетворить корыстолюбію фабрикантовъ на счетъ публики, и прочее тому подобное. Русское купечество въ сихъ сужденіяхъ видѣло дѣйствіе чужеземныхъ внушеній и предузнавало предвѣстниковъ гибельной для себя перемѣны,

*) При недавно бывшихъ въ палатѣ представителей Французскаго народа разсужденіяхъ, депутаты иначе мыслили и общимъ голосомъ утвердили противное.

каковая дѣйствительно вскорѣ затѣмъ и воспослѣдовала. Тарифомъ 1819 года объявлено всеобщее разрѣшеніе ввоза иностранныхъ товаровъ. Россійское купечество съ сокрушеніемъ прочло въ одномъ изъ отечественныхъ журналовъ, что въ Лондонѣ по сему случаю даны были многія празднества, Британскія фабрики, предъ тѣмъ остановившіяся, пришли въ движеніе, и рабочій народъ получилъ занятіе на счетъ Россіи. Вскорѣ наводнилось отечество наше отовсюду необъятнымъ множествомъ разныхъ иностранныхъ издѣлій, между тѣмъ какъ наше желѣзо лежало на биржѣ безъ хода, и послѣдовало изъ того явное преизбыточество ввоза предъ отпускомъ отечественныхъ товаровъ, и вознагражденіе онаго звонкою монетою вывело ее всю за границу.

Сему содѣйствовалъ немало и транзитъ Прусскихъ суконъ для Китайской торговли; ибо не-Прусскіе кушцы провозили чрезъ Россію сукна сіи и мѣняли на чай для Пруссіи потребный, но Русскіе, выписывая на чистыя деньги и промѣнивая на товары, внутри Россіи расходящіеся. Слѣдовательно въ сей торговой операци не было существеннаго транзита, который былъ бы даже полезенъ тѣмъ, что Пруссаки платили бы за провозъ. Но какъ при изданіи манифеста въ тарифѣ на 1822 годъ относительно сего транзита, правительство обнаружило, что оный допущенъ былъ для пользы Прусскихъ фабрикъ, а не Русскихъ комиссій и, складывая у себя въ домахъ продавать Русскимъ купцамъ не въ первыя уже, но даже въ послѣднія руки, получая за комиссію положенный процентъ, равномерно стали производить для иностранныхъ доверителей своихъ закупки нужныхъ для нихъ Россійскихъ произведеній и наконецъ принимать заказы самыхъ Русскихъ купцовъ, переводя векселя и деньги ихъ по назначенію. Высочайшимъ манифестомъ 1807 года Генваря 1-го иностранцамъ воспрещено производить торговлю во внутреннихъ городахъ Россіи, а предоставлено право вступать въ вѣрноподданые. Сіе узаконеніе не произвело ни малѣйшей существенной перемѣны въ описанной торговлѣ иностранцевъ. Они присягнули на вѣчное подданство и остались тѣми же факторами, тѣми же комиссіонерами своихъ соотечественниковъ и даже богатыхъ Жидовъ. Вся разница въ томъ, что теперь Французъ, Англичанинъ и Пруссакъ не просто иностранцы, но Россійско-подданые. Самая вѣчность ихъ подданства отъ нихъ самихъ зависитъ и всегда можетъ продолжаться не далѣе того времени, пока на счетъ Россіянъ поразбѣгались; извѣстно, что они обладаютъ особеннымъ искусствомъ: разстроивая и подавляя Россійскую торговлю, не остаются при всеобщей бѣдѣ никогда въ накладѣ. Едва правительство открыло заемъ для потушенія внутренняго безгласнаго ассигнаціоннаго долга, какъ они почти одними своими капиталами выполнили весь заемъ. Нынѣ открытъ Коммерческ. и

Банкъ, и они умѣютъ при упадкѣ между Русскими кредита продавать свои товары на векселя, въ банкѣ выдаваемые. Возвышена ли стала пошлина: у нихъ тотчасъ готовы таможенныея клейма, и товары продаютъ едва выше самой пошлины, а потому и дешевле, нежели можетъ продать Русскій фабрикантъ свое издѣліе. Здѣсь весьма кстати обратить ближайшее вниманіе на преобладаніе иностранцевъ въ нашей торговлѣ. Городовымъ положеніемъ дано было иностранцамъ право, вступающая во временное подданство, записываться въ гильдіи и торговать внутри Россійской имперіи. Отсель получили основаніе свое въ главныхъ Россійскихъ городахъ такъ называемыя иностранныя конторы. Онѣ начали получать отъ иностранныхъ купцовъ и фабрикантовъ товары ихъ въ началѣ минувшаго 1822-го года; именно Апрѣля 8-го числа въ 28-мъ № Московскихъ Вѣдомостей на страницѣ 891, было помѣщено отъ имени нынѣшняго Пруссаго консула Егора Кипина и К. объявленіе, которымъ онъ извѣщалъ публику, что въ Россіи у него только одного можно получать пряденую бумагу, выдѣлываемую на фабрикѣ Филипсомъ въ Манчестерѣ и чтобы иначе подъ клеймами сихъ фабрикантовъ не покупать, какъ удостовѣряться, подлинно ли она шла черезъ его руки. Противъ такового объявленія, явно обнаруживающаго вредную, въ подрывъ Россійскихъ купцовъ, монополію, тогда же протестовалъ купецъ Кожевниковъ, одинъ изъ знаменитыхъ Московскихъ капиталистовъ и фабрикантовъ, подавъ просьбу г. военному генералъ-губернатору о прекращеніи такового злоупотребленія.

Настоящее опечатаніе нѣкоторыхъ конторъ и товарныхъ амбаровъ и лавокъ по случаю розысканія о контрабандныхъ товарахъ между прочимъ открыло, что Еврей по прозванію Давыдовъ, записанный по Митавѣ въ купцы 3-й гильдіи, производитъ торговлю въ Москвѣ посредствомъ 1-й гильдіи купца-иностранца, Россійско-подданнаго Бургарда и Митавскаго 2-й гильдіи купца Витта, изъ коихъ тотъ и другой имѣютъ въ Москвѣ свои магазины. Какого же рода сія торговля? Это показываютъ два ящика Прусскихъ янтарей, найденныхъ въ конторѣ упомянутаго Еврея безъ таможенныхъ штемпелей, и потому отосланы уже въ кладочную Московскую таможеню. Подобнымъ образомъ въ великомъ множествѣ и другихъ товаровъ большая часть оказывается уже съ фальшивыми клеймами, и таковой провозъ оныхъ не подверженъ уже никакому сомнѣнію.

По объявленіямъ и вывѣскамъ видно, что многіе иностранцы торгуютъ въ Москвѣ подъ фирмою компании, какъ напримѣръ Маркъ и к., Кипнекъ и к., Кистеръ и к., Стинефальсъ и к., и какъ между тѣмъ по высочайшему манифесту 1807 года (I ст. 5) всякій торговый домъ не иначе можетъ принять гражданское и торговое знаменованіе, какъ по

знесеніи въ магистратъ и въ думу выписки изъ своихъ взаимныхъ постановленій, объявивъ лица, составляющія товарищество, и капиталъ въ складство положенный, посему узаконенію извѣстны въ Московскомъ магистратѣ и думѣ градской два только торговыхъ дома: Кожевникова и Куманиныхъ, т. е. природныхъ Русскихъ. Они одни точные исполнители отечественныхъ узаконеній, а иностранцы присвоили, кажется, себѣ право пріѣзжать въ Россію какъ въ лѣсъ и почитать Русскихъ за дикарей. Не доказываетъ ли все вышесказанное, что своевольно считаютъ, что у насъ не возбранено подрывать нашу торговлю подлогами и тайными подвозами и кромѣ вреда ничего государству не приносить, имѣя даръ вездѣ себя выставить, увѣрить во мнимой честности и честолюбіи; они умѣютъ прибрать все къ своимъ рукамъ, обирая и разоряя насъ. Они же потомъ презрительно смѣются надъ невѣжествомъ и простодушіемъ Русскихъ.

Оставимъ Европейскихъ иностранцевъ. Они подлинно просвѣщеннѣе насъ, самые Азіатцы живутъ въ Россіи на счетъ Русскихъ: Армяне торгуютъ по исключительнымъ правамъ; Индѣйцы въ Астрахани ничѣмъ другимъ не занимаются, кромѣ какъ отдають деньги въ ростъ и, выбирая червонцы, переводятъ во-свои; Персіане и Бухарцы, вмѣсто того, чтобъ торговать только къ Астраханскому порту и въ Оренбургъ и ѣздить на однѣ ярмонки, имѣютъ въ Москвѣ своихъ комиссіонеровъ и явно торгуютъ внутри самой имперіи. Однимъ словомъ, едва ли есть въ подсолнечной другая страна, гдѣ бы чужестранцамъ было такое привольное житье ко вреду природныхъ, какъ въ Россіи. Указомъ Правительствующаго Сената, въ 31-й день Генваря 1821 г. состоявшимся, утверждено мнѣніе департамента внешней торговли о купеческихъ довѣренностяхъ относительно отвращенія впредь злоупотребленной торговли иностранцевъ, которые, не имѣя права торгова посредствомъ довѣренностей, заимствовали только чужое имя и торговали на собственный капиталъ, не платя установленныхъ въ казну податей. Вышеприведенный случай обнаруживаетъ обстоятельства сему противоположныя, которыя также требуютъ поясненій закона, опредѣляющаго права торговли, предоставленной иностранцамъ. Здѣсь выходитъ иностранецъ уже Россійскій подданный, не имѣющій никакого капитала, но объявляющій съ тѣмъ оный единственно, чтобы торговать капиталами Манчестерскихъ и Ліонскихъ фабрикантовъ и другихъ иностранныхъ купцовъ, не выѣзжающихъ изъ своего отечества. Слѣдовательно, казна въ сихъ случаяхъ также лишается своего дохода, который бы она получала, если бы иностранцы продавали товары свои, какъ по закону слѣдуетъ, при однихъ портахъ, въ 6 мѣсяцевъ, или бы иначе

записывались въ заѣзжіе купцы и гости, платя узаконенные проценты съ извѣстнаго капитала.

Высочайшимъ манифестомъ 1807 г. именно воспрещено, чтобы иностранные купцы ни тайно, ни явно не доставали для переворотовъ имѣній Россійскаго подданства; но что же иное подобное присылка товаровъ на комиссію живущимъ въ Москвѣ иностранцамъ Россійско-подданнымъ значить, какъ не скрытый подлогъ именно Россійско-подданнаго? При такомъ преобладаніи и злоупотребленіяхъ иностранцевъ избытокъ отечественныхъ издѣлій прекратился, многіе наши фабриканты принуждены были остановить дѣйствія своихъ фабрикъ, только что заведенныхъ, и съ ними потерявъ невозвратно свой капиталъ, пришли въ разореніе; множество рабочихъ людей лишились своего занятія, доставлявшаго имъ вѣрныя деньги на оплачиваніе податей и оброковъ; нѣкоторые дворяне не только чтобы доходы получать съ помѣстій своихъ, но сами даже кормятъ крестьянъ. Вѣдомости наполнены публикаціями о продажѣ деревень и домовъ. Многіе капитальные купцы, вмѣсто торговли, положили наличныя деньги свои въ ссудныя казны въ капиталъ Опекунскаго Совѣта, считая лучшимъ получать вѣрныхъ пять процентовъ, нежели рисковать онымъ, пуская въ невѣрныя обороты. Правительство само въ сборахъ своихъ видитъ одни безконечныя недостатки и нашлось вынужденнымъ, конечно не безъ прискорбія, издавать строгія повелѣнія, чтобы для пополненія недоимокъ продавать скудное имущество крестьянъ, хотя бы то у нихъ послѣднее. Наконецъ, истребивъ съ 1817 г. 236 милліоновъ ассигнацій, т.-е. болѣе четвертой части всего въ оборотѣ бывшаго количества оныхъ, получивъ отъ иностранцевъ въ 1817 и 1818 г. великое множество золота и серебра въ слиткахъ, выпустивъ въ теченіе двухъ оныхъ лѣтъ 43 милліона звонкой монеты (смотри ст. сов. гос. кр. уст.), сдѣлавъ въ 1820-мъ году таковую же монетою для возвышенія ассигнацій иностранный заемъ въ 40 мил. рублей, правительство не успѣло ни удержать монеты внутри государства, ни повысить достоинство ассигнацій, ниже курса вексельнаго исправить. Серебряный рубль, который при столь важныхъ пожертвованіяхъ долженъ былъ бы упасть по крайней мѣрѣ до 2 р. на ассигнаціи, едва дошелъ до 3 р. 73 коп., а курсъ вексельный на Лондонъ не поднялся свыше 10-ти пензовъ.

Тогда какъ при описанныхъ частныхъ внезапныхъ переменѣнахъ Россійское купечество обманывалось въ своихъ расчетахъ, а торговля и промышленность упадали и разстроивались, налоги на купечество постепенно увеличивались до степени, можно сказать, чрезмѣрной. До 1807-го г. 1-й гильдіи купцы платили въ казну, исключая рекрутскихъ, только 200 р., нынѣ вносятъ разныхъ поборовъ, исключая земскихъ

повинностей и косвенныхъ налоговъ на пашпорты и вексельную гербовую бумагу, 3312 р. 50 коп.; по второй гильдіи тогда платили 100 р., нынѣ 1345 р.; 3-й гильдіи въ то время 25 р., а нынѣ 438 р., не считая земскихъ повинностей и косвенныхъ налоговъ, съ коими многіе платятъ болѣе, нежели въ четыре раза. Войдемъ, напримѣръ, въ коммерческое состояніе купца 3-й гильдіи. У него по самому закону капиталовъ можетъ быть въ 8000 р., но если купецъ по оборотамъ своимъ за всѣми расходами получить 10 проц., онъ говоритъ, что торговля весьма удачна и необыкновенно выгодна, слѣдовательно при самой счастливой торговлѣ купецъ 3-й гильдіи можетъ нажить въ годъ 800 р.; изъ нихъ онъ заплатитъ въ казну и на земскія повинности до 500 р., ему же остается на годъ на содержаніе своего семейства только 300 р. Есть ли такая соразмѣрность? Есть ли физическая возможность къ свободному существованію, не только къ торговлѣ? Скажутъ, что обороты купцовъ бываютъ гораздо выше объявленныхъ капиталовъ поколику они имѣютъ кредитъ; но справедливо ли въ опредѣленіи налоговъ основаться на кредитъ, который нерѣдко служитъ паче къ одному разоренію, нежели къ выгодѣ, ибо всякій довѣритель на кредитъ предварительно разсчитываетъ свои свободные интересы, часто весьма для кредитующагося обременительные?

Извѣстно всѣмъ и каждому, что умноженіе податей была необходимость, вынужденная чрезвычайными обстоятельствами. Извѣстно также и то весьма, что въ критическую минуту для отечества Россіяне готовы были всѣмъ пожертвовать; не тяготились бы и теперь во время благодатнаго мира обогащать государственную казну исправнымъ взносомъ тѣхъ же усильныхъ налоговъ, если бы торговля и промышленность были въ цвѣтущемъ и незыблемомъ состояніи; но когда, напротивъ, съ одной стороны подрываютъ самыя основанія сихъ отраслей государственнаго богатства, а съ другой умножаютъ подати и взыскиваютъ съ строгимъ преслѣдованіемъ, то нѣтъ физической возможности существовать купечеству, и кромѣ всеобщаго разоренія другихъ послѣдствій ожидать изъ того невозможно.

Обозрѣвъ наблюдательнымъ безпристрастнымъ окомъ рядъ событій съ 1810 г. съ ихъ послѣдствіями для отечественной торговли, остается обратить вниманіе еще на одинъ предметъ не меньшей важности. Въ 1820 г. для пользы торговли и промышленности открытъ государственный Коммерческій Банкъ съ его конторами. Едва Правительствующій Сенатъ незадолго предъ тѣмъ опубликовалъ съ подтвержденіемъ высочайшій указъ 1798 г., противу полагающихъ лихву сверхъ узаконенныхъ 6 процентовъ, какъ уже правительство и нашлось въ необходимости назначить за ссуду изъ Коммерческаго Банка 9 проц. (и до

днесь продолжаетъ взимать по 8), чему нигдѣ примѣра нѣтъ. Въ иностранныхъ государствахъ банки довольствуются $3\frac{1}{4}$ и 4 процентами. Сверхъ сего, пустивъ съ самаго начала въ публику милліоны ассигнацій съ полною свободою, вдругъ послѣ двухъ трехъ подлоговъ со стороны злонамѣренныхъ людей (какіе во всѣхъ сословіяхъ всегда бывали, есть и будутъ) приняты мѣры осторожности сокращеніемъ кредита и слѣдовательно стѣсненіемъ и окредитованныхъ, ибо они принуждены были внезапно выбрать изъ оборота значительную сумму и произвести платежъ банку. Нынѣ банкъ дѣлаетъ уже обороты свои большею частію капиталами изъ общества изъятыми, и за всѣмъ тѣмъ въ одной Московской конторѣ до 12 мил. лежитъ безъ движенія. Такое положеніе подобныхъ учрежденій не можетъ вспомоцствовать торговлѣ и промышленности, слѣдовательно и государственной выгодѣ; ибо нѣтъ ни одной политической экономіи, въ которой бы доказывалось, чтобы пользы государства или правительства были различны и даже противоположны съ пользою народа, то государство составляющаго. Разсмотримъ сей предметъ еще внимательнѣе.

Въ обширной Россійской имперіи, въ коей 45 милліоновъ жителей, теперь находится въ обращеніи ассигнацій или представительной монеты около 600 милліоновъ р., и такъ приходится менѣе 15 р. на человѣка. Изъ сего слѣдуетъ, при всякомъ скопленіи въ однѣхъ рукахъ на примѣръ 60 р., трое должны не имѣть ни копѣйки, разумѣя, что другіе удерживаютъ свою долю. Слѣдовательно, если бы всѣ богачи вдругъ выбрали свои капиталы и положили бы въ сундуки, то всѣ другіе сдѣлались бы нищими, и всякое такое задержаніе по справедливости было бы похищеніе общественнаго благоденствія. Посему богачи имѣютъ только право на полученіе важныхъ суммъ, которыя между тѣмъ, обращаясь въ обществѣ, составляютъ временное многихъ тысячъ людей и въ существѣ частное блаженство, ни въ чемъ другомъ состоящее, какъ въ скорѣйшемъ безпрепятственномъ обращеніи монеты.

Такое открытіе ведетъ прямо къ заключенію, что банки государственные, особливо коммерческіе, не что иное должны быть, какъ машины для ускоренія сего денежнаго кругообращенія, чтобы въ немъ, такъ сказать, не было ни малѣйшаго застоя и чтобы однимъ жолобомъ свободно вытекало то, что другимъ впускать было бы можно въ сей денежный бассейнъ, и какъ скоро нѣтъ орудія для приумноженія числительныхъ государственныхъ доходовъ, такъ скоро нѣтъ и надобности никакой полагать излишніе тягостные проценты и сокращать, удерживая, кредитъ.

Опытъ доказалъ, что при случившихся обманахъ капиталъ банка ничего не потерпѣлъ и потерпѣть не могъ; да ежели бы и потерпѣлъ

какой-либо убытокъ, то какой отъ того существенный вредъ государству, что нѣсколько тысячъ бумажныхъ денегъ осталось бы въ рукахъ народа и стоютъ ли подобныя потери того, чтобы для предупрежденія оныхъ принимать мѣры осторожности стѣснительныя для торговли вообще?

Наконецъ, дабы не упустить изъ вида ничего того, что, можетъ быть, относится къ благосостоянію коммерціи и промышленности, надлежитъ упомянуть о торговлѣ крестьянъ. По Городовому Положенію дозволено было казеннымъ крестьянамъ записываться въ посады городовъ, а изъ помѣщичьихъ токмо отпущеннымъ на волю вступать въ мѣщане или купцы. Послѣдующими указами 1797 г. Октября 21 и 1798 Октября 22 предоставлено казеннымъ и удѣльнымъ крестьянамъ съ надлежащимъ отъ начальства и отъ общества уваженіемъ вступать въ купечество, соревнуя ему. Помѣщичьи крестьяне занимались также торговлею, выходящею изъ предѣловъ сельскимъ обывателямъ предписанныхъ, употребляя къ тому разныя ухищренія и подлоги. Наконецъ высочайшимъ манифестомъ, 1812 г. Февраля 11-го дня состоявшимся, какъ казеннымъ, такъ и помѣщичьимъ крестьянамъ даровано равное особенное право производить даже и оптовую торговлю безъ записки въ гильдіи. Между тѣмъ въ семь манифестъ въ 1 § именно сказано: крестьяне какъ казенные, такъ и помѣщичьи не могутъ иначе участвовать въ той торговлѣ, которая исключительно присвоена купечеству, какъ на основаніи доселѣ существующихъ узаконеній, т. е. по временнымъ довѣріямъ отъ тѣхъ лицъ, кои имѣютъ законное право на сію торговлю. Не видно однакожь, чтобы крестьяне кредитовались на счетъ сихъ временныхъ довѣрій, ни даже того, всѣ ли они имѣютъ таковыя довѣрія отъ купцовъ или отъ дворянъ въ гильдіи записанныхъ; ибо иначе нельзя разумѣть словъ: «отъ тѣхъ лицъ, кои имѣютъ законное право на сію торговлю». Если же дающіе имъ довѣренности не обязываются за нихъ отвѣтствовать, то къ чему существенно оныя служатъ? Спустя два года по изданіи упомянутаго манифеста, обнаруживавшееся замѣшательство при взаимныхъ торговыхъ обязательствахъ купцовъ съ крестьянами было поводомъ къ представленію г. министра внутреннихъ дѣлъ о дозволеніи крестьянамъ выдавать и брать векселя, которое разрѣшено мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (въ указѣ 1814 г. Ноября 16-го изображеннымъ), чтобы торгующіе крестьяне имѣли право только брать векселя на свое имя и передавать оныя другимъ, но безъ возврата на себя, самимъ же обязываться векселями не дозволено.

Но какъ никакая торговля не производится безъ кредита, который вездѣ признается душою коммерціи, то и торгующіе крестьяне по самой обоюдной необходимости пользуются онымъ; купечество вѣрить и

часто терпятъ обманъ, не имѣя права даже просить на обманувшаго ихъ должника. Между тѣмъ сей послѣдній своихъ должниковъ купцовъ преслѣдуетъ всею строгостью закона. Къ сему присовокупить должно, что крестьяне, по самой торговлѣ платя менѣе въ казну, нежели купцы, пользуются совершенною свободою, между тѣмъ какъ тѣ часто отвлекаются коронною и городскою службою, конкурсами, опеками и тому подобными обязанностями. Толь ощутительное неравенство правъ служить немалымъ помѣшательствомъ благоуспѣшному ходу внутренней торговли и можетъ безошибочно почитаться истиннымъ вредомъ оной.

Таковыя суть настоящія причины упадка нашей отечественной торговли и промышленности. Нельзя не согласиться однакожъ, что главнѣйшими и дѣйствительнѣйшими изъ нихъ должны почитаться все-разрѣшительная система или такъ называемая свобода торговли, допущенная тарифомъ 1819 г., и преобладаніе иностранцевъ, невозбранно престопающихъ права, дарованныя имъ на торговлю въ Россіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Тарифъ сей, пока успѣли осмотрѣться и остановить гибельное его наитіе, произвелъ для Россіи чего никакими мудрыми мѣрами въ 10-ть лѣтъ поправить невозможно, и если еще далѣе торговля и промышленность наша останутся въ настоящемъ изнурительномъ и разстроенномъ состояніи, то послѣдствія могутъ быть для отечества нашего крайне бѣдственны.

Какими же вѣрными средствами исправить сіе государственное зло, чтобы промышленность и торговля могли быть возстановлены до цвѣтущаго состоянія?

О средствахъ возстановить торговлю.

На сей важный вопросъ гласъ истинной любви къ отечеству, гласъ вѣрноподданнаго усердія къ славѣ Монарха и самого правительства, наконецъ гласъ опыта всѣхъ временъ народовъ велитъ отвѣчать прежде слѣдующею истиною.

Паче всего и прежде всего нужно принять непреложнымъ правиломъ, чтобы обдуманная постановленія правительства относительно коммерціи и промышленности не были подвержены больше частнымъ замѣчаніямъ. Россія сохраняла всегда и будетъ сохранять благоговѣйное повиновеніе велѣніямъ правительства; но довѣренность есть чувство внутреннее, оно не вынуждается, но пріобрѣтается для каждаго коммерсанта. Наипаче нужно то, чтобы онъ точно былъ увѣренъ, что постановленія сіи были отечественны, на которыхъ основывать долженъ всѣ свои расчисленія, предпріятія и обороты, чтобы они были прочны и непоколебимы. Иначе, если онъ разъ потерялъ отъ внезапнаго измѣ-

ненія сихъ постановленій часть своего достоянія, то праведно приогорченный не можетъ уже дѣйствовать съ полною свободою; онъ связанъ, онъ страшится всего и ничему не довѣрлетъ; тогда исчезаетъ и взаимная частная довѣренность, упадаетъ кредитъ, и прерывается неразрывная цѣпь бѣлаго оборота капиталовъ.

Истина сія должна быть необходима, положена камнемъ всѣхъ коммерческихъ оборотовъ или постановленій, и тогда только можно будетъ за ихъ благотворное дѣйствіе ручаться, если при томъ они и въ существѣ своемъ будутъ таковыми. Приемля сіе за основаніе для возстановленія отечественной нашей торговли и промышленности, необходимо нужно:

А) Принять не строгія, но вѣрныя мѣры къ прекращенію неумѣреннаго и тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ.

Б) Рѣшительно стараться о разумноженіи и усовершенствованіи отечественныхъ фабрикъ.

В) Исправить или отмѣнить всѣ тѣ внутреннія постановленія и распоряженія, кои посредственно или непосредственно вредятъ торговлѣ и наконецъ

Г) Ограничить гибельное преобладаніе иностранцевъ.

Мѣры къ прекращенію неумѣреннаго и тайнаго ввоза иностранныхъ товаровъ:

Чтобы дѣйствительно успѣть въ прекращеніи неумѣреннаго и тайнаго ввоза товаровъ иностранныхъ, другихъ надежныхъ средствъ нѣтъ кромѣ слѣдующихъ:

1) Должно, пересмотрѣвъ настоящій тарифъ съ приглашеніемъ къ тому Россійскихъ природныхъ купцовъ, составить новый уже прочный, ограничивъ ввозныя статьи такими только издѣліями иностранныхъ товаровъ, которыя по настоящему положенію нашихъ фабрикъ и промышленности вообще необходимо нужны, Произведенія необработанныя могутъ быть невозбранно разрѣшены, какъ скоро въ Россіи нѣтъ подобныхъ родомъ, качествомъ и добротою. Такой тарифъ непоколебимъ долженъ быть по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ, но измѣняемъ токмо однимъ запрещеніемъ вновь тѣхъ издѣльныхъ товаровъ, которые съ распространеніемъ и усиливаніемъ нашихъ отечественныхъ фабрикъ будутъ уже не нужны и коихъ запрещеніе самое будетъ необходимо для поддержанія распоряженій подобной промышленности внутри отечества.

2) Пошлина на всѣ разрѣшенные товары должна быть самая умѣренная, дабы, говоря языкомъ коммерсантовъ, не стоило изъ чего хлопотать о тайномъ провозѣ. Правило ошибочно чрезмѣрнымъ возвышеніемъ пошлинъ умножить государственный доходъ; ибо провозъ по сей пошлинѣ всегда несправедливъ, и третья часть ея едва ли дойдетъ

до рукъ казны. Опытъ послѣднихъ трехъ лѣтъ вѣроятно доказалъ, что пошлыны умножены вчетверо, а сборъ оной вообще 200.000 и не превзошелъ сборы предыдущихъ лѣтъ; за то сколько же навезено товаровъ контрабандныхъ, за которые Россія конечно не дешево расплатилась!

3) Ограничивъ число самыхъ таможенъ, необходимо нужно дать таможеннымъ чиновникамъ, а особливо директорамъ, вѣрное, достаточное и даже избыточное содержаніе и постановить правиломъ, чтобы безъ явнаго обвиненія въ злоупотребленіи или безъ собственнаго желанія ихъ они не лишались мѣстъ. Примѣры ипостранныхъ сосѣдственныхъ державъ доказываютъ, что тамъ таможенные строго исполняютъ свою должность именпо отъ того, что во-первыхъ дорожатъ своимъ мѣстомъ, доставляющимъ хорошій кусокъ хлѣба, а во-вторыхъ увѣрены, что при честномъ исполненіи должности они никакъ не лишатся сего куска. Тамъ таможенные директора часто хлопчатъ, чтобы мѣсто свое оставить сыну своему вмѣстѣ съ своею честностью.

4) Всякое внутреннее преслѣдованіе противъ контрабанды справедливость требуетъ навсегда оставить, ибо оно производитъ въ коммерціи такое же помѣшательство и разстройство, какъ чума. Оно падаетъ часто на невинныхъ, оно водворяетъ страхъ, а не довѣренность, и всякій боится купецъ, имѣющій таковой товаръ, съ которымъ вмѣсто прибыли лишиться можетъ и самаго даже честнаго имени. Оно наконецъ подаетъ поводъ преслѣдуемымъ отбивать отъ платежа честнымъ купцамъ подъ предлогомъ, что дѣла ихъ были прекращены, товары опечатаны и проч.

5) Что при такомъ прекращеніи преслѣдованій нужно отнять у иностранцевъ возможность впустить еще новыя партіи своихъ издѣлій подъ старымъ клеймомъ, до открытія же навигаціи во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи, у всѣхъ купцовъ; весь наличный товаръ въ цѣлыхъ штукахъ и початый перепечатать печатью городской думы по фактурамъ самимъ, съ которыхъ копіи доставить правительству. Послѣ сего если гдѣ-либо окажется какой товаръ со старымъ таможеннымъ клеймомъ, то оный конфисковать безъ всякихъ розысковъ, взыскивать штрафъ и предавать виновнаго суду. Черезъ такое переключеніе товаровъ не только прекратится поддѣльваніе клеймъ прежнихъ лѣтъ, но правительство удостовѣрится по количеству товаровъ въ невозможности, чтобы оный выписанъ былъ Россійскими оптовыми торговцами.

и 6) Возстановить частію узаконенія Петра Великаго о сборѣ пошлыны при портовыхъ таможенныхъ съ фальшами, съ тѣмъ ограничиваніемъ, чтобы она платилась при выгрузкѣ кораблей съ товаровъ привезенныхъ на продажу къ порту, а которые будутъ выписываемы на счетъ Россійскихъ оптовыхъ купцовъ, за тѣ оставить платежъ пошлинъ ассигнаціями, дабы сіи послѣдніе не были принуждены выписы-

вать сію монету переводя на курсъ и тѣмъ вредить оному. Симъ постановленіемъ, во-первыхъ, откроется паки тотъ источникъ, откуда Россія получила серебро, когда его не было собственнаго, и во-вторыхъ, иностранцы, будучи обязаны привозить съ собою звонкую монету для очистки товаровъ своихъ пошлиною, будутъ поневолѣ ограничиваться въ количествѣ сихъ послѣднихъ, ибо не всегда съ такою удобностью и въ такомъ количествѣ пріобрѣтать могутъ ефимки, какъ Русскія ассигнаціи. Многіе утверждаютъ, что пріобрѣтеніе звонкой монеты не нужно, ибо это также товаръ, безспорно. Товаръ, но только такой, съ которымъ вездѣ и все предпринять можно и если бы торговый балансъ склонился въ пользу иностранцевъ, то при расплатѣ они его же обѣими руками примутъ назадъ. Блонды, лано-батисты, кисеи, даже хлѣбъ, желѣзо, составляютъ безъ сомнѣнія капиталъ; но если надобно будетъ снарядить флотъ или двинуть армію, то капиталъ сей потребуется прежде всего обмѣнять на деньги, а это не такъ-то легко.

О размноженіи и усовершенствованіи отечественныхъ фабрикъ.

Излишнимъ будетъ изъяснить, что сіи же самыя мѣры суть главнѣйшія изъ тѣхъ, какія служатъ къ поощренію отечественныхъ фабрикъ и промышленности вообще. Но сверхъ того необходимо нужно, чтобы благотворное правительство продолжало оказывать существенныя пособія къ распространенію мануфактурныхъ заведеній. Пособія сіи должны быть конечно основаны на безошибочномъ расчетѣ и для того именно необходимо нужно, чтобы въ Москвѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, учредить Мануфактурный Совѣтъ, при коемъ можетъ составиться особое общество соревнователей отечественной промышленности по примѣру подобнаго любителей сельскаго хозяйства. Цѣль сего общества должна быть та, чтобы, собирая свѣдѣнія о настоящемъ состояніи и успѣхахъ отечественныхъ мануфактурныхъ заведеній, содѣйствовать онымъ совѣтами, выпискою машинъ, мастеровъ и проч., а сверхъ того предстательствовать предъ правительствомъ о тѣхъ распоряженіяхъ и пособіяхъ, какія по усмотрѣнію Совѣта для поощренія промышленности вообще или для пособія какой-либо фабрикѣ или мануфактурѣ въ особенности будутъ необходимы. Извѣстно, что о семъ предметѣ былъ уже представленъ подробный проектъ его сіятельству г. министру финансовъ, и потому распространяться здѣсь почитается неумѣстнымъ; довольно замѣтить одно то, что лучшій поощритель трудолюбія и промышленности есть выгода; всякій трудится въ надеждѣ получить вознагражденія за свои усилія и неутомимость, нужно только, чтобы надежда сія была основана на вѣрномъ и несомнительномъ расчетѣ.

По окончаніи послѣдней войны, когда побѣдоносная Россійская армія возвращалась въ недавно разоренныя предѣлы своего отечества и требовалось обмундировать оную Россію, суконныя фабрики были безсилны, а Англичае не пропустили воспользоваться симъ случаемъ. Нынѣ Русскія фабрики объявили готовность выставить такое количество сукна, какого едва ли на двѣ арміи не станеть, и отчего это? Секретъ весь состоитъ въ томъ: благонамѣренный и столь же благо-разумный бывшій предсѣдатель суконнаго комитета въ Москвѣ ходатайствовалъ у правительства, чтобы деньги за поставляемыя сукна выдавались немедленно и за неисправность не было бы строгаго преслѣдованія и отлученія отъ поставокъ. Прежде фабриканты ставили сукна непосредственно къ Коммисаріатъ, который, какъ бы по непреодолимому какому правилу никогда не платилъ въ свое время денегъ, но послѣ контрактовъ, между тѣмъ безъ пощады преслѣдовалъ фабрикантовъ за малѣйшія упущенія съ ихъ стороны въ исполненіи обязанности. Такия мѣры способны только разорять, а не поощрять отечественную промышленность. Нынѣ многіе и почти всѣ суконные фабриканты должны понести убытки отъ того уже, что казніе не нужно все то количество суконъ, какое они, усиливъ новыми пожертвованіями дѣйствія своихъ фабрикъ, выработать и поставить надѣялись. На подобный-то именно случай существованіе въ Москвѣ Мануфактурнаго Совѣта было бы весьма полезно; ибо, имѣя свѣдѣнія о всѣхъ дѣйствіяхъ фабрикантовъ, Совѣтъ могъ бы предупредить дѣлателей армейскихъ суконъ, объявя имъ заблаговременно, что для сей одной потребности не нужно уже умножать число становъ, а кому то угодно, тотъ пусть умножаетъ выдѣлку тонкихъ суконъ на продажу, если не желаетъ остаться въ явномъ накладѣ.

Въ заключеніе сей статьи нельзя умолчать объ одномъ извѣстномъ возраженіи противъ размноженія въ Россіи фабрикъ, которое часто повторяютъ любители государственной экономіи. Прежде, нежели разводить въ Россіи фабрики, говорятъ они, надобно бы было изслѣдовать, способна ли къ тому Россія по своему естественному состоянію, не есть ли она скорѣе земледѣльческое государство. Не приводя дальнѣйшихъ сужденій о доводахъ, которыми обыкновенно подкрѣпляютъ сію гипотезу, можно и согласиться съ тѣмъ, что Россіи можетъ быть болѣе свойственно распространять земледѣліе и сельское хозяйство вообще, нежели думать о торговлѣ своими мануфактурными издѣліями; но доколѣ въ пространномъ нашемъ обществѣ будутъ съ одной стороны многочисленныя губерніи безъ земель, а съ другой - обширныя степныя области безъ людей, дотолѣ будетъ существовать шести и осьми-мѣсячная зима, большую часть которой крестьяне остаются безъ дѣла.

Но учрежденіе мануфактуръ и фабрикъ не вредъ, а истинно существенную пользу приносить будетъ нашему отечеству, и слѣдовательно необходимо надобно, чтобы знать выгоды нашего отечества безошибочно, ближе смотрѣть на всѣ вещи, и не по иностраннымъ писателямъ и прихотямъ, но по самой Россіи судить о Россіи.

Сколько тысячъ народу приходитъ въ одну Москву и Петербургъ на зиму, чтобы сыскать работу! Настанетъ весна, и никого не удержишь: всѣ уходятъ къ своимъ пашнямъ. Слѣдовательно работа на фабрикахъ не можетъ предить хлѣбопашеству; напротивъ, если бы даже одиѣ заведенныя съ 1810-го года мануфактуры существовали и не были разорены, то правительство не дошло бы, можетъ быть, до такой прискорбной необходимости, о которой выше сего упомянуто. Если бы были подобныя заведенія въ Смоленской, Витебской и Псковской губерніяхъ, три года сряду посѣщенныхъ свыше бѣдственнымъ неурожаемъ, то помѣщики видѣли бы своихъ крестьянъ пропитывающимися собственными трудами и не были бы принуждены кормить ихъ, закладывая имѣнія и жертвуя послѣднимъ своимъ достояніемъ. Самое право торговли, крестьянамъ дарованное, доказываетъ, во-первыхъ, что правительство не находитъ нужды удерживать крестьянъ при одномъ земледѣльствѣ, и во-вторыхъ, что многіе крестьяне свободно могутъ оставлять свои земли, кои вѣроятно не остаются же впустѣ. Множество разныхъ и мощныхъ людей изъ сего класса, тунеядствуя по многочисленнымъ Московскимъ гербергамъ, такъ называемымъ ресторациямъ, харчевнямъ и погребамъ или сидя въ квасныхъ лавочкахъ, или шатаясь по улицамъ съ лоточками, свидѣтельствуютъ собою, что у нихъ много крестьянскихъ рукъ праздныхъ, не занятыхъ. Многимъ можетъ извѣстно, что въ Москвѣ числится 25.600 мѣщанъ изъ коихъ едва ли двѣ или три тысячи занимаются прямымъ своимъ ремесломъ, какимъ по Городовому Положенію должно; большая часть оныхъ промышляетъ шильничествомъ и озорничествомъ вообще. Это суть признаки государственной болѣзни, которая требуетъ исцѣленія, но исцѣленія сего искать надобно въ доставленіи полезнаго занятія.

Наконецъ присовокупимъ къ сему, что цѣль учрежденія и размноженія фабрикъ не та должна быть, чтобы своими издѣліями тотчасъ вступить въ состояніе съ коммерческими державами, но та единственно, чтобы не брать у сосѣдей, что есть или можемъ сдѣлать дома и не платить того иностраннымъ работникамъ, что можно заплатить своимъ собственнымъ. Достаточно будетъ одного примѣра къ убѣжденію въ явной пользѣ сей цѣли. Китайская трава-чай вошла по Россіи въ такое употребленіе, что можетъ похвастаться уже одной изъ первыхъ необходимостей. Большую часть товаръ сей Россіяне вымѣниваютъ на сукна,

получаемыя теперь паки отъ иностранцевъ и слѣдовательно или платятъ иностранцамъ деньги или отдаютъ такой товаръ, за который дали бы они намъ тѣже деньги, что все одно и тоже. Но у насъ и шерсть своя и рукъ много, мы легко бы могли обойтись въ семь случаевъ безъ иностранцевъ и за волну Крымскихъ овецъ велѣтъ Китайцамъ подавать Вандеуль-Джуланъ или Маюконъ и пить сколько душъ угодно, не разоряя отечества.

Объ исправленіи нѣкоторыхъ постановленій и распоряженій относительно торговли.

Послѣ того, что сказано выше о налогахъ, о Коммерческомъ Банкѣ и о торговлѣ крестьянъ, не нужно, кажется, доказывать, сколько необходимо для блага торговли и промышленности исправленіе и самое отмѣненіе описанныхъ постановленій и распоряженій правительства въ означенныхъ трехъ отношеніяхъ. Время удостовѣрить, что сія тема одного только безпрестаннаго усиливанія налоговъ безъ соображенія съ народными способами и возможностью, столько же не прочна, какъ и вредна и что всѣ основанныя на оной расчеты о приумноженіи государственныхъ доходовъ столько же ошибочны, сколько кратковременны мнимыя въ томъ успѣхи. И такъ надлежитъ:

1) По ближайшемъ разсмотрѣніи истиннаго положенія Россійскаго купечества, ограничить настоящіе налоги и повинности по крайней мѣрѣ столько, чтобы оныя вообще не превышали четырехъ процентовъ съ объявленнаго капитала. Сіе тѣмъ справедливо, что дворянство воспользовалось уже подобною милостію, ибо установленный въ 1812 году сборъ съ получаемаго дворянами дохода высочайшимъ указомъ, въ 12-й день Декабря 1819 г. состоявшимся, отмѣненъ совершенно, напротивъ налоги на купечество умножены.

Въ семъ отношеніи слѣдуетъ принять въ соображеніе то, что уменьшеніемъ налоговъ, облегча купечество, дадутъ поводъ и возможность войти многимъ изъ мѣщанъ въ 3-ю гильдію для избѣжанія рекрутской повинности, а изъ 3-й гильдіи переписаться во 2-ю для обширнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ правъ. Слѣдовательно уменьшеніе многихъ налоговъ вознаградится умноженіемъ числа капиталовъ.

Нынѣ, напримѣръ, одно новое постановленіе о пашпортахъ было причиною, что въ Москвѣ многіе вышли изъ 3-й гильдіи въ мѣщане; ибо есть изъ нихъ многосемейные, кои, состоя въ одномъ капиталѣ въ числѣ 10-ти душъ, имѣютъ нужду всѣ въ пашпортахъ, потому сдѣлались обязаны заплатить съ капитала за одни пашпорты 250 рублей, слѣдовательно съ прочими налогами и повинностями около 740 р., что

составить почти уже десять процентовъ съ капитала, тогда какъ нѣтъ никакой возможности выручать оныя безъ годового оборота.

2) Уменьшить число процентовъ за ссуду изъ Коммерческаго Банка по крайней мѣрѣ до пяти, а сего должно быть слишкомъ достаточно. Сверхъ того поставить правиломъ, чтобы не было въ банкахъ столь важныхъ суммъ безъ обращенія и потому выдавать оныя свободнѣе по крайней мѣрѣ тѣмъ лицамъ, которыя извѣстны со стороны коммерческихъ оборотовъ предприимчивостью или важностью своихъ мануфактурныхъ заведеній.

и 3) Торгующихъ крестьянъ, имѣющихъ какъ выше объяснено, важное преимущество предъ купечествомъ, обращающееся къ стѣсненію сихъ послѣднихъ, уравнивать во всемъ съ онымъ. Таковое уравниеніе тѣмъ болѣе будетъ справедливо, что самимъ дворянамъ право торговли не иначе дано, какъ съ обязанностію записываться въ гильдію, соблюдать всѣ взаимно-коммерческія постановленія и участвовать во всѣхъ городскихъ повинностяхъ наравнѣ съ прочими одной гильдіи купцами. Достигнуть сего уравниенія весьма не трудно; стѣбитъ только казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ оставить по прежнему при одной свободѣ вступать навсегда въ мѣщане и вписываться въ гильдію на точномъ основаніи Городоваго Положенія 139 и 92 статей и указовъ 1777 года 31 Іюля и 1797 г. Октября 22-го. За силою сихъ законовъ, по справедливости не было нужды существенной давать имъ особое право на торговлю по свидѣтельствамъ, ниже для самихъ доходовъ; ибо, записываясь въ купечество, они болѣе платили бѣ, нежели теперь платятъ, а при томъ до ревизіи продолжали бы платить также и крестьянскую подать. Что жъ касается до крестьянъ помѣщичьихъ, то съ дозволенія помѣщиковъ предоставить имъ право записываться по городамъ гдѣ пожелаютъ во временные гости, на основаніи 66 статьи Городоваго Положенія, съ объявленіемъ капитала по одной изъ 3-хъ гильдій, безъ личныхъ правъ настоящаго гильдейца-обывателя города, съ тѣмъ при томъ, чтобы во первыхъ, помѣщикъ, давая своимъ крестьянамъ письменныя дозволенія законнымъ образомъ засвидѣтельствованныя, означалъ въ оныхъ, имѣютъ ли они какую недвижимую собственность и гдѣ именно и ручались бы, что въ случаѣ исковъ за долги оную присваивать не будутъ и представлять кредиторамъ; во вторыхъ, чтобы, записываясь гостемъ и объявя капиталъ, они несли по смыслу 12 статьи Городоваго Положенія всѣ купеческія повинности кромѣ личныхъ службъ, въ третьихъ чтобы они также имѣли по гильдіи купеческія книги, векселевались отъ своего лица и въ случаѣ несостоятельности подвергались дѣйствию банкротскаго устава, ибо ни съ какою справедливостію

несогласно, чтобы они, въ случаѣ завладѣнія чужою собственностью и обманомъ избѣгали законнаго преслѣдованія потому только, что они помѣщичьи. Наконецъ, въ четвертыхъ, чтобы, прекращая торговлю и отбывая изъ гостей города, они исполнили 129 статью Городоваго Положенія, то-есть: объявили бы о томъ городовому магистрату, расплачивались бы съ долгами и платили бы городу трехгодичную подать. На семъ основаніи торговля крестьянъ будетъ безобидна для купцовъ и слѣдовательно не только не вредна, но еще полезна для торговли вообще умноженіемъ числа настоящихъ купцовъ. Впрочемъ и самый доходъ казны чрезъ то не уменьшится, но еще и умножится. Такія записыванія во временные гости и гильдіи въ существѣ своемъ согласны съ самымъ Городовымъ Положеніемъ, ибо въ 92 статьѣ именно сказано: дозволяется всякому, какого бы кто ни былъ рода, поколѣнія, семьи, состоянія, торгова, промысла, руководія или ремесла, кто за собою объявитъ капиталъ, записаться въ гильдіи. Сначала сія статья, какъ видно изъ указа 1790 г. Ноября 27 дня, была точно принята въ настоящемъ обширнѣйшемъ смыслѣ, и по Москвѣ нѣсколько дворянъ записались въ гильдіи. По означеннымъ указамъ по толкованію прокурора и стряпчихъ сей смыслъ ограниченъ въ тѣснѣйшіе предѣлы, и дворянъ велѣно выписать изъ гильдіи. Нынѣ же, когда въ торговлѣ всѣ сословія, кромѣ духовенства и служащихъ, участвовать могутъ, то означенная статья кореннаго закона можетъ и должна воспринять настоящее свое значеніе и силу.

Объ ограниченія преобладанія иностранцевъ.

Напослѣдокъ, относительно преобладанія иностранцевъ, хотя средства къ ограниченію ихъ не такъ вредны, но по крайней мѣрѣ они могутъ нѣсколько обуздать ихъ и тѣмъ уже принести значительную государству пользу. Средства сіи суть слѣдующія:

1) Надлежитъ пояснить законъ, чтобъ впередъ иностранные фабриканты для продажи внутри Россіи товаровъ своихъ не присылали, но или бы продавали въ портахъ, какъ указано въ проложенный срокъ, или бы присылали по выпискѣ на счетъ Россійскихъ купцовъ, имѣющихъ право оптовой заграничной торговли.

2) Если послѣ того откроется еще нарушеніе таковаго постановленія, то уже товары должны быть конфискованы и съ виновными Россійско-подданными поступать по всей строгости законовъ и иностраннымъ купцамъ не должно уже оказывать никакого удовлетворенія за потерянный товаръ.

3) Подобнымъ образомъ никакія претензіи иностранныхъ купцовъ на Россійско-подданныхъ за присылаемые отъ нихъ на комиссію товары впредь не уважать и не удовлетворять и при случаяхъ банкротства Россійскихъ купцовъ и паче иностраннымъ кредиторамъ ихъ уплаты не дѣлать какъ по вексямъ и счетамъ законно, никакому сомнѣнію не подлежащимъ.

и 4) Подтвердить о строгомъ наблюденіи со стороны полиціи, чтобы никто не осмѣливался открывать конторы подъ фирмою компаніи, не исполнивъ повелѣннаго высочайшимъ манифестомъ 1807 г., относительно объявленія магистрату и градской думѣ о составѣ товарищества.

З а к л ю ч е н і е.

Въ заключеніе всего долгъ безпристрастія заставляетъ сознаться, что укоризны нѣкоторыхъ чужелюбцевъ, дѣлаемые Россійскому купечеству въ недостаткѣ просвѣщенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ того благороднаго духа предпріимчивости, коимъ отличаются иностранцы, не совсѣмъ безъ основанія. Господа сіи правы; но тоже безпристрастіе велитъ сказать, что купечество наше не совсѣмъ виновно, ибо совершенному развитію коммерческаго духа и способностей Россіянъ есть преграда, которая пребудетъ непреодолима, доколѣ продолжится ея существованіе. Преграда сія состоитъ въ недостаткахъ, какіе сокрываются въ нашей гражданственности и въ самыхъ коммерческихъ правахъ. Отъ этого молодые образовавшіеся люди изъ купечества получаютъ отвращеніе отъ состоянія отцовъ своихъ; они спѣшатъ выйти изъ онаго, сдѣлавшись студентами или вступая въ службу, дабы пріобрѣтеніемъ классныхъ чиновъ обезпечить себя въ будущности отъ тѣхъ неприяностей и самаго униженія, въ какомъ, оставшись купцами, легко могутъ быть, если случайно или невинно лишатся своего капитала. Таковы наши гражданскіе законы, что всѣ права облагораживающія нѣкоторымъ образомъ купца приписаны его капиталу, а не особѣ гражданина, чему едва ли гдѣ-либо есть изъ благоучрежденныхъ государствъ примѣръ. Скажутъ, что личность и собственность каждаго мѣщанина довольно ограждена Городовымъ Положеніемъ. На это можно отвѣчать, что о силѣ и пользѣ государственныхъ узаконеній не по тому должно судить, какъ они написаны, а потому, какъ исполняются и какое дѣйствіе вообще производить.

Если внимательнѣе взглянуть на настоящее положеніе нашихъ мѣщанъ, то оно ближе подходитъ къ состоянію Жидовъ въ Германіи. Извѣстно, что сихъ послѣднихъ утѣсняють такъ, какъ безотечествен-

ныхъ, оскорбляютъ несказанно и презираютъ какъ бы по долгу и между тѣмъ ихъ укоряютъ, что они не имѣютъ понятія о честолюбіи и всѣ обманщики, мошенники и плуты. У насъ были и можетъ быть есть изъ купечества люди предприимчивые, которые могли бы выйти изъ частнаго округа домашней торговли и вступить въ сношенія съ иностранными негоціантами, но непрочность коммерческихъ постановленій связываетъ руки, а бывшіе примѣры съ другими удерживаютъ отказаться отъ *пакетовъ* *) и пресмыкаться.

Весьма недавно извѣстные Архангелогородскіе купцы Поповы дѣлали честь Россійскому купечеству своею иностранною коммерціею, имѣли богатство, множество кораблей, связи съ лучшими дворами въ Европѣ, и теперь разорились. Пусть мужи, издающіе уставы, дозволяютъ одному изъ сихъ Русскихъ побесѣдовать съ собою съ такою же непринужденностью, съ какою пользуются этою честью иностранные парфюмеры; пусть убѣдятъ, чтобъ онъ со всею искренностью рассказалъ о истинныхъ причинахъ своего разоренія, то увидятъ такія изъ нихъ, которыхъ конечно не встрѣтилъ бы никогда, если бы былъ Англичаниномъ, Французомъ, Американцемъ, Шведомъ и даже Пруссакомъ.

Итакъ, желая чистосердечно и безкорыстно блага своему отечеству, не укорять и презирать Русское купечество и гражданство вообще слѣдуетъ, но войти со всею внимательностію въ настоящее положеніе оныхъ и спасительными, благовременными исправленіями скрывающихся недостатковъ въ законныхъ постановленіяхъ стараться возвысить духъ своихъ соотечественниковъ и содѣйствовать развитію ихъ способностей, поощрять къ коммерческой безбоязненной дѣятельности, чрезъ что открыть лестный путь къ соревнованію съ иностранцами на поприщѣ великой торговли.

Вотъ чего имѣетъ право ожидать нація, недавно только множествомъ пожертвованій и любовію къ отечеству препрославленная и нынѣ изнеможенная.

Какой наблюдатель не видитъ, что у насъ много подобной гражданственности вдругъ начато и не окончено. Нѣкто, взглянувъ на Россію, безошибочно сказалъ: Жаль! Это прекрасный плодъ, который гниетъ, не достигнувъ надлежащей зрѣлости. Но есть еще способы отворотить сію гнилость; они въ рукахъ мудрыхъ.

*

*) ? П. Б.

Разбирая архивъ моего дѣда Алексѣя Степановича Кожухова, я нашелъ нѣсколько бумагъ, относящихся къ первой половинѣ XIX столѣтія. Подлинныя письма Кутузова, Витгенштейна и др. я не счелъ себя въ правѣ оставлять у себя и передалъ ихъ въ военное вѣдомство.

Какъ попала вышепомѣщенная записка къ дѣду моему, въ точности объяснить не беруся, но полагаю, что это не подлинная записка, а списокъ съ нея. Вывожу я такое заключеніе изъ внѣшняго вида ея: въ былыя времена докладныя записки, подаваемые по начальству, умѣли писать красиво, между тѣмъ эта написана обыкновеннымъ писарскимъ почеркомъ.

Дѣдъ мой, родившійся въ 1791 г., происходилъ изъ дворянъ и женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Трубецкой. Онъ имѣлъ отъ нея семь дочерей и двоихъ сыновей, изъ коихъ нынѣ никого въ живыхъ не имѣется (мой отецъ Евгений скончался въ 1895 г.). А. С. Кожуховъ, получивъ воспитаніе въ юнкерской школѣ, Правительствующимъ Сенатомъ учрежденной, въ 1811 г., въ чинѣ капитана, былъ взятъ въ адъютанты къ главнокомандующему арміею князю Кутузову Смоленскому. Въ 1816 г., по прошенію, за ранамъ, уволенъ отъ службы къ статскимъ дѣламъ и въ томъ же году, поступивъ сначала въ вѣдомство удѣловъ, былъ опредѣленъ въ Курскую губернію вице-губернаторомъ, а черезъ два года назначенъ въ той же губерніи губернаторомъ. Въ 1831 г. онъ переведенъ былъ управлять Минскою губерніею. Вскорѣ однако вышелъ въ отставку и переселился на жительство сперва въ Москвѣ, а затѣмъ въ прибрѣтенномъ въ Калезинскомъ уѣздѣ Тверской губ. имѣніи Губинѣ, гдѣ и скончался слѣпцомъ въ 1854 году.

Сергій Кожуховъ.

САРАНЧА ВЪ ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ И БЕССАРАБІИ ВЪ 1824 ГОДУ.

(Къ біографіи А. С. Пушкина).

Извѣстенъ рапортъ Пушкина о Саранчѣ графу Воронцову:

Саранча летѣла, летѣла.
И съѣла
Сидѣла, сидѣла, все съѣла
И вновь улетѣла.

Пушкинъ, по молодости своей, грѣхи которой онъ послѣ такъ искренно и трогательно оплакивалъ, обидѣлся, что его командировали для наблюденія за истребленіемъ саранчи... Саранча—это грозное явленіе природы, возбуждающее ужасъ въ населеніи, не затронула его поэтическаго вдохновенія. Равнодушно онъ отнесся къ тому, передъ чѣмъ трепетали и впопыхахъ суетились бѣдные жители деревень, види истребленіе своихъ полей, садовъ и огородовъ... Можно пожалѣть что уязвленное самолюбіе молодого поэта лишило насъ гениальной картины, какую могъ бы нарисовать онъ, наблюдая нашествіе саранчи... Въ Библии часто встрѣчаются указанія на этотъ бичъ Божій. Но въ особенности дивная и поразительная картина нашествия саранчи и производимаго ею всеобщаго истребленія изображена у *пророка Ионы* въ началѣ второй главы его книги.

Въ прошломъ вѣкѣ саранча часто дѣлала нашествія на южныя области Россіи. Еще въ 50-хъ годахъ мы были свидѣтелями полета саранчи въ Уманьскомъ уѣздѣ Киевской губерніи... Помнится намъ художественное описаніе тогдашняго нашествия саранчи, сдѣланное однимъ сельскимъ священникомъ въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Но въ особенности страдала отъ саранчи Херсонская губернія и Бессарабія. Вотъ бумага говорящая именно о той саранчѣ, къ которой командированъ былъ Пушкинъ лѣтомъ 1824 г. Она найдена нами въ бумагахъ покойнаго Одесскаго протоіерея С. А. Серафимова. Это указъ изъ Кишиневской Духовной Консисторіи духовенству о совершеніи молебствій.

„Указъ Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссийскаго изъ Кишиневской Духовной Дикастеріи, Одесской Единовѣрческой Покров-

ской церкви протоіерею Θεодору Карасеву ¹⁾). По указу Его Императорскаго Величества, сія дикастерія, слушавъ рапортъ присутствующаго ея протоіерея Назарія Гинкулова, коимъ доносить, что Оргѣвское земское исправничество, отношеніемъ отъ 23 числа настоящаго мѣсяца, № 10809-мъ, увѣдомляя его, что на мошіи ²⁾ Будештахъ открылась сарана ³⁾ не въ большомъ количествѣ, и что порчъ отъ нея непримѣтно, потому что она весьма рѣдка, однако истребить ее по причинѣ малаго ея количества невозможно; а на мошіи Саможеры имѣется оной чрезвычайно много, и безпрестанно выходитъ изъ земли какъ муравьи, которая такъ мелка, что неудобовозможно истребить оную, за всѣмъ тѣмъ что уже три дня изъ окружающихъ селеній жители занимаются уничтоженіемъ оной. Сарана же сія совершенно портитъ всѣ произрастенія на мѣстахъ, ею занимаемыхъ, а потому проситъ подтвердить духовенству, дабы оное о искорененіи сараны отправляло моленіе.

Приказали: Присутствующимъ Дикастеріи, настоятелямъ монастырей и благочиннымъ оныхъ, цынутымъ протоіереямъ, Тираспольскому Духовному Правленію и прочимъ лицамъ, въ одной завѣсности Дикастеріи состоящимъ, предписать указами: 1-ое) чтобы вдругъ по полученіи оныхъ во всѣхъ церквахъ вѣдомства ихъ на литургіи, послѣ сугубой эктении, приносимо было ежедневное моленіе съ колѣнопреклоненіемъ и съ прочтеніемъ изъ положенныхъ въ Требпикахъ Россійскомъ на листу 239-мъ, а въ Молдавскомъ на листу 295-мъ молитвъ: 1-й, *Господи Боже нашъ, въ началъ созданія Твоего;* 2-й, *Заклинаю васъ, пружы ⁴⁾*, или что ередитъ и 3-ей, *Владыко Господи Боже нашъ плотскимъ Твоимъ смотрѣніемъ* и проч.; а сверхъ того, выходило бы почаству священство съ народомъ на тѣ мѣста, гдѣ есть сарана, и отправляло водоосвященіе, съ затѣмъ молебень съ канономъ святого мученика Трифона и послѣ онаго съ колѣнопреклоненіемъ читаны были молитвы вышепрописанныя, и наконецъ освященною водою окропляемы были тѣ мѣста, гдѣ есть сарана, и о послѣдующемъ донесли сей Дикастеріи, а между тѣмъ 2-ое) какъ Дикастерія дошло до свѣдѣнія, что не только въ вышепрописанныхъ мѣстахъ, то есть въ Будештахъ и Саможерѣ проявилась сарана, но и въ другихъ мѣстахъ сей области и въ цѣломъ Тираспольскомъ уѣздѣ, донесенія же о томъ ни отъ кого повинѣ въ Дикастеріи не имѣется, для того съ полученія сихъ указовъ велѣтъ немедленно донести обстоятельно сей Дикастеріи, гдѣ именно и въ какомъ количествѣ явилась сарана, для донесенія о томъ, отъ имени его высоко-преосвященства, Присутствующаго въ Свя-

¹⁾ Одесса въ то время принадлежала къ вѣдомству Кишиневской епархіи. Такъ было съ 1813 по 1837 г. Раньше того, со времени своего основанія, Одесса принадлежала къ епархіи Екатеринославской; а послѣ, съ 1837 г., она сдѣлалась кафедральнымъ городомъ новой епархіи Херсонской. Л. М.

²⁾ *На мошіи* т.е. на землѣ, на поляхъ села „Будешты“, Оргѣвскаго уѣзда въ Бессарабіи.

³⁾ *Саранѣ*—такъ называютъ саранчу въ Малороссіи и Бессарабіи.

⁴⁾ *Прузы*—Славянское названіе саранчи.

тѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ, Димитрія архіепископа Кишиневскаго и Хотинскаго и кавалера *) святѣйшему Правительствующему Синоду, на основаніи указа изъ онаго, отъ 31-го Мая прошлаго 1823-го года послѣдовавшаго и распубликованнаго по епархіи изъ сея Дибастеріи отъ 3-го Юля того же года; о каковомъ распоряженіи нынѣ же донести его высокопреосвященству рапортомъ.

Маія 27 дня 1824 года. Протоіерей Назарій Гингуловъ. Секретарь...
Повытчикъ...

№ 2031-й.

Сообщ. Л. С. М.

Письмо императора Павла къ Андрею Васильевичу Гудовичу.

Кандидатъ Кіевской Академіи *Павелъ Николаевичъ Стасиневичъ*, ввучатный племянникъ основателя и перваго редактора „Кіевской Старины“, *Феофана Гаврила Лебединцева* († 12 Марта 1888 г.), недавно передалъ намъ нѣкоторыя рукописи, бывшія въ редакціонномъ портфелѣ его дѣда-дяди. Въ числѣ ихъ оказался небольшой клочекъ бумаги, представляющій собою *подлинную собственно-ручную записку* императора Павла Петровича къ нѣкому Андрею Васильевичу. На этомъ клочкѣ чьею-то постороннею рукою написано карандашемъ: „Гудовичу Импер. Павелъ“. Это, безъ сомнѣнія, тотъ самый Гудовичъ, который былъ адъютантомъ императора Петра III и исполнялъ разныя его порученія очень щекотливаго свойства, не задолго до трагической смерти Петра III. Какъ попалъ этотъ документъ въ собраніе бумагъ Ф. Г. Лебединцева, намъ остается неизвѣстнымъ. Вотъ онъ въ точной копіи:

„Отъ 10-го Ноября 1796 года.

Сынъ платить долгъ Отца своего. Я никогда сего предъ вами, Андрей Васильевичъ, не забывалъ. Сіе исполняя, призываю васъ къ Себѣ. Будьте ко мнѣ, какъ были къ моему отцу. Вы можете думать благосклоненъ ли вамъ Павелъ».

Сообщ. Л. С. Мацѣвичъ.

*) Преосв. *Димитрій Сулима*, архіепископъ Кишиневскій и Хотинскій, находился въ то время въ С.-Петербургѣ, для присутствованія въ Св. Синодѣ.

ВОСПОМИНАНИЕ О С. М. СОЛОВЬЕВѢ.

Записками Сергія Михайловича Соловьева, которыя помѣщены въ «Вѣстникъ Европы» нынѣшняго года, пробуждаются воспоминанія объ этомъ великомъ трудолюбцѣ, заслуги котораго въ Русской исторіографіи еще долго останутся непререкаемы: никому изъ его предшественниковъ и современниковъ не довелось связно изложить Русскую исторію съ древнѣйшихъ временъ до возвращенія Бѣлоруссіи и Пугачевскаго бунта.

Исторія Соловьева въ особенности цѣнна въ послѣднихъ своихъ томахъ, въ изложеніи событій XVIII вѣка, такъ какъ до него приходилось довольствоваться самыми скудными свѣдѣніями о томъ времени, а онъ пользовался архивными бумагами, которыя тщательно скрывались и только теперь для всѣхъ доступны. Благодаря Соловьеву, осмнадцатый вѣкъ Русской исторіи раскрылся для Русскихъ людей. Отношенія Петра Великаго къ сыну, воцареніе Елисаветы, царствованіе Петра III-го читаются въ изложеніи Соловьева, какъ самая занимательная повѣсть. Не таковы у него внутреннія обоарѣнія. Это просто выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ, и при томъ въ азбучномъ порядкѣ, такъ что напр. о наукахъ говорится раньше нежели о торговлѣ. Въ исторіи Петра Великаго у него не сказано даже, когда Петръ родился. И все таки, благодаря Соловьеву и превосходному къ 29 томамъ его исторіи указателю, составленному его младшимъ сыномъ Михайломъ Сергѣевичемъ*), можно теперь писать цѣлыя отдѣльныя сочиненія о дѣлахъ и людяхъ былаго времени.

Въ Московскомъ университетѣ я слушалъ лекціи С. М. Соловьева на всѣхъ четырехъ курсахъ словеснаго факультета, въ 1847—1851 годахъ. Читалъ онъ сухо, обыкновенно закрывши глаза (каедра въ словесной аудиторіи стояла противъ свѣта), никогда не одушевляясь и не позволяя себѣ не только хлесткаго, но и сколько нибудь рѣзкаго слова. Онъ никогда не опаздывалъ, но при первыхъ ударахъ звонка

*) Къ сожалѣнію, страницы этого указателя, какъ и всего послѣдняго (въ 6 томахъ) изданія Исторіи, не озаглавлены.

быстро уходилъ изъ залы. Любви къ старинѣ и къ родинѣ не занять было у него. Его ученіе о родовомъ бытѣ надоѣдало. Между студентами ходили стихи:

Какъ взялся онъ за быть,
 Все за быть родовой,
 Такъ не знаетъ какъ быть
 Онъ съ своей головой....

Положеніе профессора оживлялось иногда подлинными выраженіями изъ лѣтописей и въ особенности изъ статейныхъ списковъ. Это не то, что лекціи Грановскаго или К. Θ. Рулье, слушать которыя мы уходили отъ скучныхъ профессоровъ, напр. Меншикова и Клина. (Рулье о лягушкахъ или бабочкахъ читывалъ иногда много дольше назначеннаго времени). На домъ къ Соловьеву студенты почти не ходили. Грановскій же былъ доступенъ, а у Шевырева для студентовъ назначено было время, отъ 6 до 7 вечера, когда онъ бесѣдовалъ съ ними, узнавалъ ихъ нужды, снабжалъ книгами, доставлялъ уроки, выдавалъ даже деньги. Надъ нимъ смѣялись, но его любили; Соловьева уважали, но сочувствія къ нему не было. Но я лично ему благодаренъ: онъ удостоивалъ меня своего вниманія. Въ 1853 году зашелъ онъ въ мое убогое помѣщеніе (противъ Манежа, въ игрушечной лавкѣ Трухачева) и предложилъ поступить на службу въ Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ, начальнику котораго, князю М. А. Оболенскому, сказалъ обо мнѣ доброе слово. Онъ пріѣзжалъ туда дѣлать извлеченія изъ статейныхъ списковъ. Послѣ того какъ онъ преподавалъ исторію Цесаревичу Николаю Александровичу, ему дано было право брать къ себѣ на домъ эти списки и другія бумаги. Разъ они вывалились у него изъ саней и пропали; съ тѣхъ поръ онъ не захотѣлъ больше пользоваться этимъ правомъ и опять сталъ работать въ самомъ Архивѣ. Помню, однажды что-то сказывалъ онъ А. Н. Аванасьеву о своемъ пребываніи въ Парижѣ; одинъ изъ чиновниковъ спросилъ, видѣлся ли онъ тамъ съ Н. И. Тургеневымъ (написавшимъ тогда свои Записки Иагнанника); Соловьевъ, не отвѣчая, быстро отскочилъ отъ неосторожнаго вопрошателя. Но мы удивлялись его точности въ распредѣленіи времени: онъ и въ архивѣ, и въ Университетѣ, и въ Патріаршей Ризницѣ, и въ Оружейной Палатѣ (поступить начальникомъ которой, по кончинѣ А. Θ. Вельтмана, помогъ ему старшій нашъ товарищъ Б. Н. Чичеринъ и которой описи онъ тщательно составлялъ), и въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ служилъ директоромъ и тоже оставилъ по себѣ добрый слѣдъ. Былъ я у обѣдни въ великолѣпной церкви этого дома, и С. М. Соловьевъ позвалъ меня къ себѣ на квартиру. Помню его художественное замѣчаніе, когда воспитанницы (ихъ до 600) ухо-

дили изъ церкви: «Прислушайтесь, точно волны». На дому былъ онъ на этотъ разъ разговорчивъ. Въ «Р. Архивѣ» помѣщено было передъ тѣмъ ученое разслѣдованіе князя В. А. Черкаскаго о Юрьевѣ днѣ. Какъ бы желая отвадигъ меня отъ сближенія съ княземъ, Соловьевъ изображалъ его самыми черными красками, приписывалъ ему даже грѣхъ противъ Св. Духа. Каково же было мое изумленіе, когда потомъ, на многолюдномъ обѣдѣ въ большой залѣ Дворянскаго Собранія, данномъ князю Черкасскому по выходѣ его изъ должности городского головы, Сергій Михайловичъ сказалъ ему цѣлую похвальную рѣчь? Помню, какъ униженно, въ залѣ у генераль-губернатора, цѣловалъ онъ, опустившись внизъ, руку Александра II-го. Ему замѣчали, отчего, излагая царствованіе Анны, не сказалъ онъ ни слова о жестокостяхъ Бирона. Что же вы хотите, чтобъ я поссорился съ высочайшимъ дворомъ? отвѣчалъ онъ. Въ книгѣ своей объ Александрѣ Павловичѣ онъ не упомянулъ объ Аракчеевѣ. Въ 1877 году Пороховщиковъ давалъ обѣдъ проѣзжавшему изъ Ялты министру народнаго просвѣщенія графу Д. А. Толстому (который привезъ Соловьеву разрѣшеніе Государя упомянуть въ его Исторіи о насильственной кончинѣ Петра III-го). Графъ за обѣдомъ этимъ сказалъ, что все тогдашнее движеніе въ пользу Турецкихъ Славянъ есть дѣло нигилистовъ и что такого же мнѣнія и самъ Государь. Но Соловьевъ немедленно возразилъ, что онъ, какъ Московскій старожилъ, профессоръ, ректоръ, считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что нигилизма тутъ нѣтъ и что движеніе это вполнѣ народное. Черезъ три года Соловьеву за это крѣпко досталось: вслѣдствіе исторіи Любимова, осмѣявшаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ профессоровъ, потребовавшихъ отъ него выхода въ отставку, Соловьеву, какъ ректору, сдѣланъ былъ высочайшій выговоръ, отъ котораго онъ тяжело заболѣлъ. Таковы были у него противорѣчія. Соловьевъ передавалъ мнѣ, что князь Горчаковъ сказалъ ему по прочтеніи того тома его Исторіи, гдѣ говорится о первой Екатерининской войнѣ съ Турками, что если бы онъ прочиталъ эту книгу до Берлинскаго конгресса, то иначе бы дѣйствовалъ: императоръ Австрійскій и Бисмаркъ повторили дѣйствія Фридриха Великаго и Кауница.

Великій князь Константинъ Николаевичъ, въ проѣздъ свой въ Крымъ черезъ Москву, навѣстилъ больного С. М. Соловьева въ Нескучномъ, гдѣ обыкновенно онъ проводилъ лѣтніе мѣсяцы въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій. Это его нѣсколько утѣшило. Ему стало легче. По переѣздѣ въ Москву (въ дворцовый домъ близъ церкви Покрова въ Левшинѣ) онъ опять сталъ работать, но врачи позволили ему диктовать исторію только по четверти часа въ день. 3 Октября 1879 года

онъ увлекся, продиктовалъ цѣлые полчаса, и на другой день скончался. Мнѣ случилось слышать отъ него, что онъ не рассчитывалъ долго жить и что у него въ роду обыкновенно умирали лѣтъ 60-ти. Зять его профессоръ Ниль Александровичъ Поповъ напечаталъ послѣдній предметный томъ его Исторіи и одному изъ первыхъ прислалъ мнѣ его. Въ самомъ концѣ говорится объ извѣстномъ Датскомъ посланникѣ Ассесбургѣ. По неразборчивости рукописи Поповъ прочелъ его имя Струсбергъ (тогда много шуму надѣлалъ обокравшій Коммерческій Банкъ Струсбергъ). Я тотчасъ послалъ поправку, но нѣсколько экземпляровъ уже посланы были въ Петербургъ, и академикъ А. Θ. Бычковъ получилъ таковой. Въ засѣданіи Императорскаго Историческаго Общества, онъ читалъ свое похвальное слово Соловьеву и, приравнивая знаменитое Карамзинское «Орѣшекъ», не сдавался съ заключительными словами исторіи Соловьева, назвалъ Ассесбурга тоже Струсбергомъ: до того мало было извѣстно тогда Екатерининское царствованіе!

Много лѣтъ сряду, пока семейство Соловьева жило въ Москвѣ, собирались мы 4 Октября въ Новодѣвичьемъ монастырѣ на его могилу, украшенную прекрасно исполненнымъ и весьма похожимъ каменнымъ изображеніемъ. (Иныхъ изъ насъ могила эта отвлекала отъ поѣздки на кладбище Пятницкое, гдѣ покоится Грановскій, скончавшійся тоже 4 Октября, почти четверть вѣка до Соловьева).

Какъ бы сознавая свою недолговѣчность, Соловьевъ торопился писать Русскую исторію, и къ 1-му Ноября у него уже готовъ былъ новый ея томъ, который ежегодно привозилъ онъ мнѣ съ своеручною надписью, обыкновенно по Суботамъ, на пути въ Англійскій клубъ (гдѣ сходились обыкновенно мы за послѣобѣденной бесѣдой, оживляемой, бывало, остроуміемъ общаго нашего пріятели Θ. М. Дмитриева).

Въ «Росписи Русскаго Архива» читатель можетъ видѣть имя С. М. Соловьева, не рѣдко помѣщавшаго свои сообщенія въ нашемъ изданіи. Наша признательная память о немъ жива, но новое поколѣніе теперь, по выходѣ въ свѣтъ его Записокъ, имѣетъ право судить о немъ со-всѣмъ иначе. Этими Записками, къ прискорбію его почитателей, онъ омрачилъ себя. П. Б.

НЕДОУЧКИ-СЛАВЯНОФИЛЫ И ВЫСОКОУЧЕННЫЙ ЗАПАДНИКЪ-ПРОФЕССОРЪ.

А. С. Хомяковъ и К. С. Аксаковъ по Запискамъ С. М. Соловьева.

...а ларчикъ просто открывался...

«Вѣстникъ Европы» перепечатываетъ въ дополненномъ видѣ Записки С. М. Соловьева, обнародованныя лѣтъ десять тому назадъ сыномъ покойнаго, извѣстнымъ романистомъ Всеволодомъ С. Соловьевымъ.

Своевременно «Русскій Архивъ» отмѣтилъ, что опубликованіе это оказало плохую услугу памяти историка. Дѣйствительно, Записки его досадно бездарны, сообщаютъ давно всѣмъ извѣстныя вещи, ни мѣткими замѣчаніями, ни широкими сообщеніями не блещутъ; все въ нихъ заурядно и не ново, кромѣ своеобразнаго, злобнаго сужденія о Хомяковѣ и сообщенія завѣдомо-живыхъ свѣдѣній о К. С. Аксаковѣ.

Конечно, оба основателя такъ называемаго славянофильства и проповѣдники этого новаго направленія въ общественномъ самосознаніи имѣли много заклятыхъ враговъ и непримиримыхъ противниковъ, позволявшихъ себѣ, *ad majorem veritatis gloriam*, умышленно искажать ихъ ученіе и приписывать имъ вещи несосвѣтныя. Но личности и того и другого были такъ высоки, что рѣшительно никто изъ людей, находившихся съ ними въ общеніи, не оставилъ объ нихъ дурнаго отзыва. Читайте Записки А. И. Герцена, и вы увидите, чѣмъ были эти два лица даже въ глазахъ несочувственно къ ихъ дѣятельности относившихся людей. Но, чтобы понимать высокое, надо имѣть высокую душу.

Соловьевъ въ своихъ Запискахъ пишетъ о Хомяковѣ («В. Е.» 1907, кн. 5-я, стр. 30): «Хомяковъ... съ дарованіями блестящими, самоучка, способный говорить безъ умолку съ утра до вечера и въ спорѣ не робѣвшій ни передъ какой уверткой, ни передъ какой ложью: выдумать фактъ, процитовать мѣсто писателя, котораго никогда не бывало—Хомяковъ и на это былъ готовъ. Скалозубъ прежде всего, по

природѣ, онъ готовъ былъ всегда подшутить надъ собственными убѣждениями, надъ убѣждениями пріятелей. Понятно, что въ нашемъ зеленомъ обществѣ, не имѣвшемъ средствъ оцѣнить истиннаго знанія, добросовѣстности и скромности, съ послѣднимъ неразлучныхъ, Хомяковъ прослылъ гениемъ; это вздуло его самолюбіе, сдѣлало раздражительною, неуступчивою, завистливою, злымъ».

Объ К. С. Аксаковѣ Соловьевъ, между прочимъ, сообщаетъ (тамъ же стр. 31—2): «К. Аксаковъ когда-то хорошо учился въ Московскомъ университетѣ, когда именно въ немъ нечему было учиться, и ученикъ, т.-е студентъ, кончилъ курсъ университетскій лѣтъ шестнадцати. Онъ считалъ себя знатокомъ Русской исторіи, потому что прочелъ Румянцевское собраніе грамотъ и нѣсколько томовъ изданія Археологической Комиссіи; для подкрѣпленія своихъ любимыхъ мыслей онъ бралъ наскокомъ въ древней Русской исторіи нѣсколько явленій, но у него никогда не доставало ни времени, ни духу прослѣдить Русскую исторію хотя бы и не по источникамъ. Карамзина онъ не читалъ, изъ моей Исторіи прочелъ первый томъ, когда писалъ свою статью противъ родового быта, а потомъ началъ читать съ 6-го тома, когда въ Славянскомъ совѣтѣ ему поручено было написать разборъ моей исторіи для «Русской Бесѣды»: это онъ самъ сказалъ мнѣ откровенно... Чтò же дѣлалъ этомъ человекъ всю свою жизнь? Лѣтомъ въ деревнѣ сидѣлъ у пруда съ удочкой; зимой въ Москвѣ съ утра до вечера развѣзжалъ по гостямъ или принималъ у себя гостей»...

Профессоръ Завитневичъ, во введеніи къ своей прекрасной біографіи Хомякова, указалъ на внутреннее противорѣчіе въ приведенномъ отзывѣ. Дѣйствительно, страннымъ надо обладать характеромъ, чтобы признаніе васъ гениемъ дѣлало васъ раздражительною и завистливою. Не говорю уже о томъ, что мы имѣемъ цѣлый рядъ неопровержимыхъ свидѣтельствъ о терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, любезности и добротѣ Алексѣя Степановича. Въ сужденіи о яко бы скалозубствѣ Хомякова Соловьевъ удивительно какъ сходится съ Тульской попадьей, которая считала автора богословскихъ трудовъ, разъяснившихъ значеніе Православія, вѣрнаго и доблестнаго сына Церкви, за безбожнаго и развратнаго богохульника, такъ какъ онъ въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ-хажею доказывалъ, что и «пресвященный есть тварь». Чтò касается до ссылокъ на будто бы несуществовавшихъ писателей (это особенно понравилось Петру Боборыкину и принято имъ за твердо установленный фактъ), то къ подобнымъ приемамъ можно прибѣгать лишь съ невѣжественными людьми, иначе васъ сейчасъ разоблачатъ, а Хомяковъ спорилъ съ высокообразованными западниками.

Въ своемъ отзывѣ объ К. Аксаковѣ Соловьевъ позабылъ упомянуть, что ученикъ имѣлъ ученую степень магистра, что его защиту диссертации онъ же Соловьевъ восхвалялъ; позабылъ указать, что этотъ недоучка, «бравшій наскакомъ въ древней Русской исторіи нѣсколько явленій», наскочилъ на первый томъ исторіи Соловьева и навсегда похоронилъ теорію родового быта, за которую держался ученый профессоръ, что онъ «студентъ» внесъ въ науку новую струю, создалъ новую теорію. Въ настоящее время выдающіяся заслуги К. С. Аксакова передъ Русскою исторіею всѣми признаны; онъ занимаетъ среди ея работниковъ почетное положеніе, и сужденіе Соловьева можетъ имѣть вѣсь только среди невѣжественной публики.

Еще страннѣе непониманіе Соловьевымъ того, что дѣлалъ К. Аксаковъ всю свою жизнь. Даже жутко становится за мелкомысліе автора «Исторіи Россіи». За уженіемъ рыбы и разѣздами по гостямъ онъ не примѣтилъ, что находился въ общеніи съ пламеннымъ пророкомъ, лучшимъ общественнымъ дѣятелемъ, смѣлымъ изобличителемъ всякой неправды. Ахъ, г. Соловьевъ, хоть бы у А. И. Герцена поучились вы понимать окружающее.

Почему, однако, Соловьевъ, бывавшій въ кружкѣ Хомякова и ласково тамъ принятый, самъ первоначально дружелюбно къ «Славянофиламъ» относившійся, такъ дурно и завѣдомо-несправедливо отзывается о нихъ?

Исторія ихъ взаимныхъ сношеній даетъ намъ объясненія полныя и ясныя.

Соловьевъ, хотя и былъ ставленникомъ графа Строгонова (преслѣдователя Хомякова съ братіей), но держалъ себя вдали отъ всякой партійности и «славянофилами» былъ очень цѣнимъ, какъ изслѣдователь Русской исторіи. И Хомяковъ, и Аксаковъ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, полнымъ миролюбіемъ, но, какъ ко всѣмъ и ко всему, съ полною свободою.

Въ 1851 году вышелъ первый томъ исторіи Соловьева. Аксаковъ написалъ критику, которая не появилась въ печати, но по обычаю того времени была читана знакомымъ. Въ ней Аксаковъ съ большимъ философскимъ углубленіемъ указываетъ, каковы задачи Русской исторіи и дѣлаетъ выводъ, что Соловьевъ исторіи не написалъ, да и не могъ написать (Соч. Аксакова, т. I, стр. 44—62). Въ 1852 г., въ I-мъ томѣ «Московскаго Сборника», Аксаковъ помѣстилъ статью «О древнемъ бытѣ

у Славянъ вообще и у Русскихъ въ особенности», въ которой похоронилъ теорію родового быта и выдвинулъ значеніе быта общиннаго. Взгляды Соловьева были подвергнуты вѣжливой, но безпощадной критикѣ. Критика 6-го тома Исторіи Соловьева, въ общемъ очень благожелательная, заключаетъ въ себѣ тѣже указанія на невдумчивость и торопливость автора *).

Итакъ до 1857 года Хомяковъ и Аксаковъ относились къ Соловьеву съ уваженіемъ, но не считали его за генія и глубокомысленнаго ученаго. Это обстоятельство *вздуло самолюбіе* Соловьева, *сдѣлало его раздражительнымъ, неуступчивымъ, злымъ*, и онъ напалъ на все «Славянофильское» направленіе въ статьѣ «Шлецеръ и анти-историческое направленіе», помѣщенной въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1857 годъ.

Отсюда и загорѣлся сырѣ-боръ.

К. С. Аксаковъ немедля отвѣчалъ статьёй въ «Русской Бесѣдѣ» и замѣтною въ «Молвѣ» (см. т. I, стр. 169—208 и 208—210).

Онъ указываетъ, что то направленіе, къ которому принадлежитъ Соловьевъ, должно быть названо *антикритическимъ*, такъ какъ не имѣть для пониманія исторіи иного мѣрила, какъ преклоненіе передъ настоящимъ; между тѣмъ, такимъ мѣриломъ должна служить съ одной стороны идея общей истины, съ другой—начало народное, проникающее всю исторію. Блистательно опровергнувъ возраженія Соловьева въ пользу родового быта (если не ошибаюсь, послѣ этого несостоятельность защищаемой Соловьевымъ теоріи была признана всѣми), онъ рядомъ убѣдительныхъ доводовъ утверждаетъ, что начало общинное, совѣщательное, вѣчевое было искони на Русской землѣ. Обиднѣ всего было то, что Аксаковъ причину ошибокъ Соловьева видитъ въ запутанности и сбивчивости его изложенія, въ неумѣннн выражаться наукообразно (*wissenschaftlich*). А въ «Молвѣ» Аксаковъ изобличалъ Соловьева въ томъ, что тотъ смотритъ на простой народъ, какъ на пушечное мясо и презрительно относится къ древней Русской исторіи.

Такова была отвѣдь Аксакова.

Но Соловьевъ въ своей статьѣ позволилъ себѣ отнестись довольно свободно къ мнѣніямъ и И. В. Кирѣевскаго. На защиту передъ тѣмъ скончавшагося друга выступилъ самъ Алексѣй Степановичъ въ III кн.

*) Этою статьёй опровергается утвержденіе Соловьева, будто К. С. Аксаковъ не читалъ Карамзина. Видно, что онъ даже изучалъ его и оцѣнка заслугъ историографа поражаетъ вдумчивостью и справедливостью (см. т. I, стр. 130).

«Русской Бесѣды» 1857 г. (см. Полн. собр. соч. А. С. Хомякова, М. 1900 г., т. III, стр. 266). Статья эта имѣетъ основное значеніе, и мы отсылаемъ къ ней всѣхъ желающихъ понять, въ чемъ разница между Славянофильствомъ и Западничествомъ.

Въ ней показано, до какой степени Соловьевъ не понималъ Кирѣевского и къ какимъ передержкамъ прибѣгалъ онъ, чтобы выставить несостоятельность его взглядовъ. Дѣйствительно, странно видѣть, какъ ученый историкъ совершенно не созналъ важности утверждений Кирѣевского, что-де надо опредѣлить типы *Восточный* и *Западный*, т.-е. тѣ идеалы, которые лежатъ въ основѣ двухъ разнородныхъ просвѣщеній и двухъ разнородныхъ исторій.

Непониманіе Соловьева, по мнѣнію Хомякова, происходитъ повидимому оттого, что понятія Кирѣевского и его присныхъ основаны на иномъ, недоступномъ Соловьеву, нравственномъ основаніи.

Опровергая взглядъ Соловьева на Петровскій переворотъ, Хомяковъ указываетъ, что ученый профессоръ тупости народнаго самодовольства только противопоставляетъ и предпочитаетъ еще горшее и тупѣйшее самодовольство педанта, всегда презирающаго людей нѣсколько менѣе грамотныхъ. «На смѣшеніи понятій Соловьевъ строить выводы, да сверхъ того онъ же воображаетъ себя представителемъ *историческаго* направленія». Неясность пониманія и путаницу выводовъ у Соловьева Хомяковъ объясняетъ желаніемъ во что бы то ни стало унижить направленіе, поставившее *высшія* требованія той наукѣ, которой посвятилъ себя Соловьевъ, а главное, тою системою немыслящей и потому безкритической подражательности, за которую стоитъ цѣлая школа и которая портитъ лучшіе умы.

«Соловьевъ, писалъ А. С., начавъ съ историческихъ изслѣдованій, не лишенныхъ истиннаго достоинства, принялся писать исторію, хотя предварительныя работы къ тому еще не исполнены. И вотъ въ результатъ получилось то, что у него всѣ живые вопросы обойдены. Соловьевъ открыто заявляетъ, что весь 9-тисотлѣтній трудъ послужилъ лишь для того, чтобы Русь явилась крупнымъ ребенкомъ, готовымъ при Петрѣ единственно для подражанія. Объ задаткахъ для развитія новыхъ началъ, чуждыхъ другимъ народамъ, нѣтъ ни полуслова. Мертвенность этого взгляда отомстила Соловьеву мертвенностью его исторіи. Даже такія яркія личности, какъ Іоаннъ Грозный, проходятъ у Соловьева бездвѣтными и призрачными тѣнями. Читая его исторію, все болѣе убѣждаешься въ ложности его утвержденій, будто ученіе должно быть по-

дражаниемъ. «Нѣтъ», говоритъ Хомяковъ,—«ученіе есть пробужденіе самомышленіе».

«Соловьевъ, съ намѣреніемъ или безсознательно, ограничился одно-стороннимъ взглядомъ и рассказываетъ только исторію государственности, поскольку это подготовлено другими изслѣдованіями и отчасти имъ самимъ. Его исторія — сборъ официальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенный подъ нѣкоторую систему... Есть и неофициальная часть, слишкомъ мало отдѣланная, но она не связана никакою живою связью съ официальнымъ отдѣломъ. Послѣдовательность кое-гдѣ видна, жизни нигдѣ. Мало-по-малу такое отношеніе къ предмету обратилось въ привычку, и вотъ, когда явилось направленіе, требующее отъ исторіи не только документальности, но еще органическаго смысла, Соловьеву такое направленіе показалось анти-историческимъ».

Хомяковъ выражаетъ надежду, что Соловьевъ воспользуется указаніемъ на его недосмотры и промахи, избѣгнуть ихъ въ будущемъ и переиздастъ уже выпущенные тома съ исправленіями.

Статья заканчивается слѣдующими замѣчательными словами:

«Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Разумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго бытія. Когда г. Соловьевъ вникнетъ въ эту истину, онъ перестанетъ нападать на то направленіе, которое давно поняло и высказало ее. Недавно назвалъ онъ весьма вѣрно путь науки узкимъ путемъ, но узкій путь науки не долженъ быть путемъ узкаго пониманія».

Трудно съ большею безпощадностью вывести на чистую воду зазнавашагося профессора. Впечатлѣніе усиливалось мягкостью тона и свисходительностью. Маска научной Олимпійской безпристрастности была сдернута, и передъ читателями ярко выставленъ цеховой ученый педантъ, съ привычкою недобросовѣстно вахлять работу. Изображеніе, увы, глубоко вѣрное.

Въ Іюні 1857 года Хомяковъ писалъ Кошелеву: «Соловьева обдѣлываю. Не прогнѣвайся, что выйдетъ крутенько. Формы будутъ совершенно вѣжливы, а содержаніе не совсѣмъ пріятно». А въ Августѣ ему же онъ сообщалъ: «Трезвонъ Соловьеву будетъ полный. Поблагодарить и не забудеть».

Мы видимъ, что Соловьевъ дѣйствительно не забылъ!

Надежды Хомякова не оправдались, Соловьевъ не бросилъ своей привычки, напротивъ, въ ней закоренѣлъ. Каждый годъ выпускалъ онъ по тому своей исторіи: кое-какъ спитый сводъ порою имъ же впервые опубликованныхъ историческихъ матеріаловъ, пересыпанный жиденькими рацеями. Помѣщеніе документовъ въ исторіи освобождало его отъ необходимости издавать ихъ сообразно требованіямъ научной критики и вмѣстѣ съ тѣмъ придавало книжкамъ исторіи видъ учености. Десятки лѣтъ проработалъ онъ въ архивахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и много напечаталъ любопытнаго. Изъ благодарности за такіе труды, о томъ, что въ его исторіи *не рѣшено ни одинъ вопросъ* и всѣ трудныя мѣста усердно обойдены, принято было молчать, принято было воздавать ему уваженіе, и мы не стали бы писать нашей замѣтки если бы не считали необходимымъ изобличить ложность его навѣтовъ на людей, чья память не для насъ однихъ священна.

И зачѣмъ только было печатать эти Записки, а тѣмъ болѣе ихъ перепечатывать? Неужели только за тѣмъ, чтобы «подмарать» память основоположниковъ того направленія нашей общественности, которое, не смотря ни на какія усилія его противниковъ, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и внѣ котораго, по нашему глубокому убѣжденію, нѣтъ спасенія для Россіи. Но «велика истина и преодолагаетъ» Ударъ упалъ на самого автора Записокъ, изобличая его подлинный нравъ, а ближайшее разсмотрѣніе отношеній Хомякова и К. Аксакова къ С. М. Соловьеву заставляеть проникнуться еще бѣльшимъ уваженіемъ къ этимъ людямъ.

Объ Алексѣѣ Степановичѣ и Константинѣ Сергѣевичѣ по поводу дурного объ нихъ отзыва Соловьева и злобной выходки того, кто ради порочащаго ихъ слова не пожалѣлъ памяти родного отца, можно сказать словами эллегіи изъ Уикфильдскаго Священника:

The man recover'd of the bite...

Знатоки западной литературы, въ родѣ П. Д. Боборыкина, конечно, знаютъ содержаніе этой дѣсни и не посѣтуютъ на меня за то, что я не привожу полностью всей строфы.

Юрій Бартеньевъ.

5-го Іюля 1907 года.
С-це Кочкарово.

ДОПОЛНЕНИЕ И ПОПРАВКИ.

Въ воспоминаніяхъ А. П. Салтыковой объ ея отцѣ, генераль-адъютантѣ П. А. Витовтовѣ („Русскій Архивъ“ 1907, вып. 7) встрѣчается неточность. Почтенная мемуаристка говоритъ, что на памятникѣ Императору Николаю I, воздвигнутомъ въ Петербургѣ, Государь изображенъ въ кирасирской формѣ (стр. 382). Это — не такъ. Государь изображенъ въ формѣ л. гв. Коннаго полка, правда весьма схожей съ формой гвардейскихъ кирасирь. Изображеніе Николая Павловича именно въ формѣ л. гв. Коннаго полка имѣетъ за собою большое основаніе. Во-первыхъ, Николай Павловичъ состоялъ шефомъ этого полка съ 7 Ноября 1796 г. по 28 Мая 1800 г., когда былъ изданъ приказъ, чтобы „ихъ императорскимъ высочествамъ, Константину и Николаю Павловичамъ, помѣняться полками“, т. е. когда Николай Павловичъ сталъ шефомъ л. гв. Измайловскаго полка. Во-вторыхъ, конная гвардія произвела атаки на мятежниковъ въ день 14 Декабря 1825 г. на Исакиевской площади, что, конечно, обратило этотъ полкъ въ одинъ изъ любимѣйшихъ полковъ Государя.

Михаилъ Соколовскій.

*

Въ разсказѣ императрицы Екатерины Великой о похоронахъ императрицы Елисаветы, графъ П. Б. Шереметевъ названъ Шереметьевымъ. Такъ не Бартеневъ, а Бартеневъ, по Костромскому болѣе вѣрному произношенію Бортеневы, отъ слова *бортъ*, дикій, лѣсной улей, *бортяныя ужожи* нашихъ лисцовыхъ книгъ, т. е. лѣсныя мѣста съ ульями.—Остатки кладбища въ Петербургскомъ Шереметевскомъ домѣ на Фонтанкѣ (д. 34-й) не въ саду, а на дворѣ, что рядомъ съ Екатерининскимъ Институтомъ, часть земли котораго прежде принадлежала къ Шереметевскому дому, откуда шелъ туда подземный ходъ.

*

Стр. 378. Говорится о воспитанницѣ Петербургскаго Екатерининскаго Института Ольгѣ Ивановнѣ Гулькевичъ, вышедшей за Верещагина, а потомъ за М. И. Черткова.

Стр. 418. Говорится о маіорѣ *Федоровѣ*, героѣ Кульмы. Во дни празднованія Кульмской побѣды, его возили въ Петербургъ къ Государю, а нынѣ дочери его нечѣмъ жить!

Стр. 442. Перепутано: князь В. П. Кочубей женатъ былъ на Марьѣ Васильевнѣ Васильчиковой, братъ которой Алексѣй Васильевичъ—супругъ Александры Ивановны, ур. Архаровой.

На сорочкѣ 7-й книги архіепископъ Леонидъ (Краснопѣвковъ) названъ *Леонтиемъ (Кавелинымъ)*.

Во 2-мъ томѣ Записокъ архіепископа Саввы (стр. 415—417) разсказаны обстоятельства, по которымъ Ю. О. Самаринъ написалъ лучшее изъ своихъ сочиненій: „Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“, вошедшее въ полное собраніе его сочиненій, которое къ сожалѣнію недокончено покойнымъ братомъ его Дмитріемъ Федоровичемъ.

„По поводу слуха (говорить арх. Савва), будто наше правительство намѣревается разрѣшить Іезуитскому ордену водвореніе въ Россіи, И. С. Аксаковъ напечаталъ въ 12-мъ номерѣ своей газеты, т. е. „Дня“, за 1864 годъ сильную передовую статью объ Іезуитахъ. На эту статью Іезуитъ о. Мартыновъ отозвался изъ Парижа письменно на имя редактора „Дня“ съ просьбою напечатать это письмо въ той же газетѣ. Г. Аксакову, если и нужно было помѣстить въ своей газетѣ этотъ отзывъ Іезуита Мартынова, то не иначе, какъ съ приличными замѣчаніями. Но какъ онъ самъ сдѣлать этого не могъ, т. е. не могъ съ достаточною силою опровергнуть возраженія на его передовую статью со стороны Мартынова: то онъ обратился съ просьбою о помощи на этотъ разъ къ принопамятному митрополиту Филарету¹⁾. Владыка не отказался помочь и поручилъ написать опроверженіе на письмо Мартынова празднему ученому мужу, архим. Епифанію²⁾. Но Епифаній, или по чувству недостаточности своихъ умственныхъ силъ и познаній, или по Русской пословицѣ „воронъ ворону глаза не выклюнетъ“, рѣшительно отказался отъ исполненія этого порученія. Спасибо явился на помощь г. Аксакову извѣстный Ю. О. Самаринъ. Онъ, запасшись разными учеными пособіями и удалившись въ уединенное помѣстье своей сестры графини Сологубъ (гдѣ мнѣ случилось быть въ Іюнь 1865 г.), написалъ тамъ свои превосходныя письма въ отвѣтъ на посланіе Мартынова“³⁾.

Статьи Ю. О. Самарина объ Іезуитахъ появились въ прекращавшемся тогда „Днѣ“ 1865 года, въ послѣднихъ его выпускахъ. Аксакову некогда уже было заниматься газетою: 11 Января 1866 г. (въ домово́й церкви барона М. Л. Боде) совершилось его бракосочетаніе. Оттого приготовленные для Самарина изъ „Дня“ оттиски его статей печатались небрежно. Одинъ изъ такихъ оттисковъ Самаринъ послалъ къ баронессѣ Е. О. Раденъ и выразился въ письмѣ къ ней, что посылаемая книжка полна опечатокъ (criblée de fautes). Вскорѣ послѣ того „Русскій Архивъ“ издалъ это сочи-

¹⁾ Въ это время И. С. Аксаковъ былъ уже женихомъ А. О. Тютчевой, сестра которой и дядя Н. В. Сушковъ пользовались большимъ расположеніемъ м. Филарета, которому черезъ нихъ становилось извѣстно, что дѣлалось въ Петербургѣ, при дворѣ П. Б.

²⁾ Епифаній (въ мѣрѣ Евстаѣій Васильевичъ Избицкій), перешедшій изъ католичества въ православіе и успѣвшій до того обельстить самого м. Филарета, что получилъ даже мѣсто инспектора Виѣанской семинаріи, покинувшій ее для Кавказа и отрѣшенный отъ должности ректора Ставропольской семинаріи, жилъ тогда въ Симоновомъ Московскомъ монастырѣ и помѣщалъ въ „Днѣ“ статьи свои противъ Русскаго монашества. П. Б.

³⁾ Для сочиненія своего объ Іезуитахъ Ю. О. Самаринъ часто работалъ и въ Чертковской библиотекѣ, при которой издавался „Русскій Архивъ“. П. Б.

неніе Самарина особою книжкою, которая потомъ вышла и еще два раза. Самаринъ словесно и письменно благодарилъ издателя, который черезъ нѣсколько лѣтъ, уже по кончинѣ Самарина, къ своему удивленію и досадѣ, замѣтилъ, что въ одномъ изъ примѣчаній къ Французской перепискѣ Самарина съ баронессою Раденъ выраженіе его *scriblée de fautes* отнесено къ изданію, сдѣланному „Русскимъ Архивомъ“. Нами было это указано печатно издателю переписки Самарина съ баронессою Раденъ, но, перепечатывая вновь эту книгу, онъ повторилъ ту же ошибку.

*

Приводимъ еще изъ Записокъ архіеп. Саввы (стр. 459) слова м. Филарета, сказанныя имъ Леониду при посвященіи его въ епископскій санъ: „Труденъ подвигъ, особенно когда овцы бодущія и противъ пастырей обращаютъ рога; когда больныя овцы, не приѣмля врачеванія, думаютъ сами врачевать пастырей, когда и у тѣхъ, которыя должны быть не отъ міра, міръ уже не нынѣ вынудилъ слишкомъ много снисхожденія къ нему и даже преклонилъ ихъ заимствовать отъ него“.

Славный витія обмолвился: у овецъ не бываетъ рогу.

Этими жесткими, претительными словами напоминаетъ отвѣтъ м. Филарета собравшимся къ нему во множествѣ (по поводу полученнаго имъ отъ Александра II-го драгоцѣннаго жезла) духовнымъ и свѣтскимъ его почитателямъ: „Благодарю васъ, благодарите другъ друга, благодарите каждый самъ себя. Благочестивѣйшій государь не наградилъ бы пастыря *мочестиаго стада*“.

М. Филаретъ любилъ игру словъ. Слѣдовало бы собрать въ особую книжку изъ его проповѣдей и писемъ его остроумныя изреченія.

Рѣзкость и выразительность не оскудѣвали у Филарета до послѣднихъ минутъ его жизни. 17 Ноября 1867 года, отслуживъ Воскресную литургію, благословивъ богомольцевъ, побесѣдовавъ съ собравшимися у него послѣ обѣдни своими поклонниками и поклонницами, изнеможенный уходилъ онъ къ себѣ въ покои, какъ ему доложили, что пріѣхалъ представиться новый гражданскій губернаторъ. Филаретъ счелъ долгомъ своимъ не отказать въ приѣмѣ новому представителю власти; но онъ зналъ, что генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгорукій, желая усилить свое значеніе, обыкновенно устраивалъ такъ, что изъ министерства назначались на должность гражданского губернатора люди не только покладистые, но и ограниченные умомъ. Послѣдовало самое короткое свиданіе, и служба, затворяя дверь за ушедшимъ гостемъ, услышалъ: „Опять дурака!“ Это было послѣднее слово, измѣтѣвшее изъ устъ Московскаго владыки, до конца чуткаго ко благу и вреду своей паствы. Въ дальнемъ покоѣ своемъ упалъ на полъ отъ усталости, и болѣе уже не произнесъ ни слова этого „князь церкви“ (какъ называлъ его П. Я. Чадаевъ). П. Б.

СО Д Е Р Ж А Н І Е
В Т О Р О Й К Н И Г И
«РУССКАГО АРХИВА»

1907 года.

(в ы п у с к и 5, 6, 7 и 8).

257. Попытки сближенія Россіи съ Франціей въ началѣ XVIII вѣка. Статья профессора С. Н. Кодрова.

289. Русь Петра Великаго за границей. 1711 годъ. (Князь Б. И. Куракинъ передъ назначеніемъ посломъ въ Голландію). Статья его же.

314. Дѣло царевича Алексѣя Петровича по извѣстіямъ Голландскаго резидента Де-Визъ. Переводъ съ Голландскаго, князя И. Н. Шаховскаго.

278. Письма графа З. Г. Чернышова къ И. И. Шувалову.

340. Возвращеніе Петра Третьяго по разсказу Екатерины Второй.

518. Екатерина Великая про своихъ царственныхъ предшественниковъ и современныхъ ей государей (Чесменскій дворецъ).

180. Преданія о князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ.

552. Письмо императора Павла къ А. В. Гудовичу.

107. Записки М. И. Маракуева (1812-й годъ въ Малороссіи, въ Ростовѣ Великомъ и въ Москвѣ) съ предисловіемъ А. А. Титова.

400. Стихи на графа С. М. Каменскаго съ предисловіемъ А. А. Титова.

81. Изъ военно-уголовной хроники двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка. (Дѣло Иванова и Всеволодова). Н. Ф. Окуличъ-Казарина.

550. Саранча въ Херсонской губерніи и въ Вессарабіи въ 1824 г. Л. С. М.

106. Гвардейцы, сосланные на Кавказъ къ Ермолову. 1826.

137. Докладъ графу Д. Н. Шереметеву о посещеніи Останкина императрицею Маріею Теодоровною.

239. Черты изъ исторіи Православія въ Балтійскомъ краѣ. 1847. (Священникъ Устрицовъ и полковникъ Миллеръ).

187. Псковскіе Декабристы. Статья Н. Ф. Окуличъ-Казарина.

527. Патріотическое разсужденіе Московскаго комерсанта о вѣдшей Россійской торговлѣ. Сообщилъ С. Е. Кожуховъ.

390. Резолюція императора Николая Павловича о дѣлѣ Рыбниковъ. Его же.

194. Великая княгиня Александра Николаевна. Статья Н. А. Гастфрейнда.

139. Князь В. Ф. Одоевскій въ Московскомъ Сенатѣ (его письмо къ князю М. А. Урусову).

282. Чиновничье грабленіе крестьянъ въ Воронежской губерніи. 1843. Служебная бумага барона Ховена.

286. Изъ памятныхъ замѣтокъ Н. Н. Добровольскаго (Поручикъ Богдановъ, зубной врачъ).

406. Могилы графа А. А. Закревскаго***. Съ послѣсловіемъ П. Б.

454. Записки Н. И. Цылова.

5 и 145. Записки К. Ф. Д. Хлѣбникова. Губернаторство въ Къльцахъ.—Мобилизація крѣпостей.—Крѣпости Ивангородская и Новогоргіевская.—И. В. Гурко.—Александръ III-й на крѣпостныхъ мажеврахъ.—Заторы

на Висль.—Побѣда въ Закавказь.—Побѣда въ Египетъ.—Представленіе Александру III-му.

350. П. А. Витовтовъ. Воспоминанія его дочери А. П. Салтыковой.

142. Записки Л. С. М. (Семь Виленскихъ ген.-губернаторовъ.—Московская Духовная Академія).

410. Императоръ Александръ Николаевичъ въ Московской Измайловской богадѣльнѣ. Изъ Записокъ архіепископа Леоніда.

140. А. М. Рыльцевъ †.

89. Первые недѣли царствованія императора Александра III-го. (Письма Е. П. Побѣдоносцева къ Е. Ф. Тютчевой).

103. Речь Е. П. Побѣдоносцева о конституціи (8 Марта 1881).

425. Письма архимандрита Порфирія Успенскаго къ протоіерею М. К. Павловскому съ предисловіемъ Льва Мацѣевича.

449. Изъ писемъ А. И. Казначеева къ Иннокентію Херсонскому.

444. Письма его же къ Казначееву.

442. Письма его же къ графу Н. А. Протасову.

432. Изъ писемъ Иннокентія Херсонскаго къ К. С. Сербиничу.

392. Два письма В. Н. Каразина къ В. Г. Апостасевичу. Сообщено П. А. Ефремовымъ.

397. Мать Гоголя. Эпизодъ изъ ея помѣщичьяго хозяйства. А. А. Голомбѣвскаго

553. Воспоминаніе о С. М. Соловьевѣ. П. П.

557. Недоучки - Славянофилы и высокоученый Западникъ профессоръ. Ю. П. Вартенева.

281. Трагическая конклюзія. Рядкая книга. Сообщилъ А. Горскій.

133, 420 и 564. Разныя разности. Изъ Записной книжки. (Императрица Елисавета Алексѣевна). Записки. Мелочи.

Внутри сорочекъ: выпускъ 5-й: Къ двухсотлѣтней поминкѣ Полтавской побѣды. Выпускъ 6-й: О XII-й книгѣ „Старины и Новизны“. Выпускъ 7-й: По поводу статьи виконта де-Вогюэ о К. П. Побѣдоносцевѣ. Выпускъ 8-й: о Феодорѣ Кузьмичѣ.

Приложены листы Предметной Росписи „Русскаго Архива“ за 1863—1907 годы (Записки Русскихъ людей и иностранцевъ о Россіи. — Время до-Петровское. — Петръ Великій и его преемники.—Елисавета Петровна.—Екатерина Великая.—Павелъ Петровичъ и Марія Феодоровна.—Александръ Павловичъ и Елисавета Алексѣевна).

- могорахъ. Г. П. Данилевскаго. 1879. II (5), 139—140.
1045. Къ исторіи отжившаго чиновничества. И. И. Дубасова. 1878. I (1), 30—39. Кап.-исправн. Рогожинъ —Городничій Титовъ. —Огаревъ.
1046. Ода Дружескому Ученому Обществу. Θ. П. Ключарева. 1863. (3), 212—217.
1047. Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученого общества. М. П. Полуденскаго. 1863. (3), 204—212.
1048. Цензурная вѣдомость 1786—1788. Съ предисл. С. Смирнова. XVIII Вѣкъ. I, 425—452.
1049. Духовное завѣщаніе священника XVIII вѣка. 1889. I (3), 523—526. Дѣдъ митрополита Филарета.
1050. Сардинія въ эпоху первой Французской революціи. Письма кн. А-ра Мих. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго. Письма къ И. А. Остерману. Сообщ. княг. Е. Эксперовской-Трубецкою 1877. II (8), 369—402. III (9), 5—48.
1051. Краткое примѣчаніе о полуостровѣ Таврическомъ и островѣ памани. Записка гр. М. В. Каховскаго. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1873. I (4), 592—607.
1052. Къ столѣтію Одессы. (Вещи герцога Ришелье) Д. В. Коломійцева. 1894. I (2), 193—195.
1053. Къ исторіи Черноморскаго флота. Дмитрій Аванасьевъ. 1902. I (2), 193—262. (3), 369—458. (4), 637—702. II (6), 213—264.
1054. Любопытное надгробіе Анны Титовой. 1865. (5—6). 773—774.
1055. Списокъ Владимирскимъ губернаторамъ. Михаила Ранга. 1867. (7), 1176—1177.
1056. Обращикъ стариннаго кружководства съ письмомъ къ издателю И. С. Тургенева. 1870. (1), 269—0280.
1057. Письмо неизвѣстнаго лица о Московскомъ масонствѣ XVIII в. (о Шварцѣ и Новиковѣ). Переводъ съ Нѣмецкой рукописи О. Н. Балашовой. 1874. I (4), 1031—1042.
1058. Новые матеріалы для исторіи масонства. Записка И. П. Елагина. 1864. (1), 93—110. Поправка. 1864. (4), 472.
1059. Константиновское землемѣрное училище. Кн. Юсифа Мещерскаго. 1877. I (4), 546—555.
1060. Сонъ видѣнный въ 1765 г. (Сатира на Сухопутный Кадетскій Корпусъ и на Академіи Наукъ и Художествъ). Θ. Эмина. Съ предисл. Л. Н. Майкова. 1873. II (10), 1910—1928.
1061. Къ столѣтію перваго Московскаго Кадетскаго Корпуса. Сообщ. архим. Леонидъ. 1875. II (6), 157—172.
1062. О времени обѣдовъ, ужиновъ и съѣздовъ въ Москвѣ съ 1792 по 1814 годъ. М. Макарова. 1904. I (3), 197—501.
1063. Первый врачебный дипломъ въ Россіи Л. Θ. Зміева. 1887. II (6), 254—255.
1064. Къ исторіи медицины въ Россіи. Л. Θ. Зміева. 1894. III (11), 461—462.
1065. Записка о Турецкихъ Заможахъ. А. А. Титовъ. 1906. II (8), 520—524.
1066. Китай. Сообщ. П. Л. Юдинымъ. 1900. III (9), 151—160. Донесеніе Г. Г. Штрандмана А. А. Цеутлингу. Письмо И. С. Захарова къ А. А. Беклешову.
1067. Японія и Корея по сочиненіямъ XVIII столѣтія. М. И. Успенскаго. 1904. III (9), 78—81.
1068. Наши сношенія съ Германіей и Италіей до 1800 г. Н. Н. Бантышъ-Каменскаго. 1896. I (4), 629—637.
1069. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка. Д. И. Иловайскаго. 1868. (4—5). 822—830.
1070. Сочувствіе Венгріи къ Россіи (Перев. съ Латинскаго). Н. Н. Мурзакевича. 1876. III (11), 372—373.

1071. О Кавказскихъ правителяхъ. Изъ архива М. Т. Лорисъ-Меликова. Сообщ. С. А. Смирновымъ. 1873. I (5), 741—776. Пав. Серг. Потемкинъ.—Мих. Мих. Жуковъ. — Лар. Сп. Алексѣевъ. — Серг. Ао. Брянчаниновъ.—И. Варв. Якобій.
1072. Церемоніалы ханскихъ выборовъ у Киргизовъ. П. Л. Юдина. 1892. I (4), 497—509: Халій, ханъ Средней орды. — Ханъ Джаятюрю.
1073. Сношенія съ Абиссиніей. Историческая справка по архивнымъ матеріаламъ. Д. В. Цвѣтаева. 1888. I (2), 205—210.
1074. Сенатъ въ царствованіе Екатерины Второй. В. С. Иконниковъ. 1888. I (1), 17—42. „Секретнѣйшее наставленіе“. — Елисаветинская конференція.—Кн. А. А. Вяземскій.—Отзывъ Сиверса.—Блакстонъ. — Неизданныя рукописи Екатерины.
1075. Опытъ исторіи Государственнаго Совѣта, Соч. В. И. Туманскаго. Сообщ. гр. Г. А. Милорадовичемъ. 1903. III (9), 153—176.
1076. Достопамятная табакерка (1762) 1897. I (1), 178.
1077. Изъ семейныхъ бумагъ А. Н. Корсакова. 1894. II (5), 103—128. Е. А. Головцынъ.—Три указа Екатерины Великой.—Письма гр. Аракчеева.—А. И. Корсаковъ.—Письмо вел. кн. Константина Павловича къ А. И. Корсакову 1800 г.
1078. Политика Фридриха Великаго. Кн. П. И. Вяземскаго. XVIII Вѣкъ. I, 163—256.
1079. Миѣніе гр. Самойлова о уплатѣ процентовъ и долговъ. Сообщ. Н. В. Калачовымъ. 1866. (5), 687—690.
1080. Кредитныя учрежденія Московскаго Воспитательнаго Дома. (Сохранная. Вдовья и Судная Казны). Д. Д. Филимонова. 1876. I (3), 265—276. Поправка къ этой статьѣ, 392.
1081. Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспитательнаго дома. Служба безъ жалованья.—Сохранная казна передъ ея закрытіемъ. Д. Д. Филимонова. 1876. II (6), 219—224.
1082. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ примѣч. Д. И. Иловайскаго. 1869. (3), 584—588.

ЛЮДИ ЕКАТЕРИНИНА ВРЕМЕНИ.

1083. Петръ Алексѣевъ, протоіерей Московскаго собора. А. Н. Корсакова. 1880. II, 153—210.—Платонъ Левшинъ.—Екатерина въ Успенскомъ соборѣ.—Іером. Мельхиседекъ.—Анекдотъ о патр. Никонѣ.—Добавки и поправки въ этой статьѣ Д. Языкова 1880. III. 482.
1084. Письмо Петра Алексѣева къ кн. Потемкину (о церковномъ словарѣ). 1863. (12), 929.
1085. Изъ бумагъ Петра Алексѣева. 1882. II, (3), 68—90. Его письма: къ Фёдору Дубянскому, сп. Самуилу, Храповицкому, М. П. Колычову, Л. А. Нарышкину, А. И. Мусину-Пушкину, И. И. Шувалову.
1086. Бумаги Петра Алексѣева. 1892. I, (4), 449—466. — Гр. А. Р. Чернышова.—Спаскіе ворота.
1087. Контръ-адмиралъ Алексіано. Аттестать ему гр. А. Орлова-Чесменскаго. Сообщ. Н. Н. Алексіано. 1886. III, (12), 477—479.
1088. Письма къ преосв. Арсенію Верещагину. Сообщ. И. Д. Бѣляевымъ. 1864. (11—12), 1163—1182. Гавриила и Платона.
1089. Вѣдѣніе Сенату отъ Синода о гибели Московскаго архіеп. Амвросія. 1901. II, (6), 293—295.
1090. Письмо архим. Амвросія къ преосв. Платону (о поклонахъ

- митрополиту). Сообщено Е. П. Карновичемъ. XVIII В. Ш, 394—395.
1091. Изъ бумагъ Н. П. Архарова. (Письма къ нему Екатерины II, Павла Петровича, Александра Павловича, кн-й А. А. Вяземскаго, М. Н. Волконскаго, И. П. Елагина, гр-ъ А. А. Безбородки и И. А. Остермана). 1864. (9), 873—926.
1092. Старина о Базилевскихъ. (Изъ народныхъ устъ). М. Корецкій. 1905. II, (5), 105—112.
1093. Письма въ Н. Н. Бятышъ-Камелскаго къ кн. А-ру Б. Куракину. 1876. III, (11), 257—284. (12), 385—413.
1094. О семействѣ Баташовыхъ. Т. Толычовой. 1871 (12) 2112—2118.
1095. О преміи гр. Н. А. Кушелева-Безбородка за биографію кн. А. А. Безбородки. 1870. (6), 1197—1200.
1096. Канцлеръ кн. Безбородко. Н. И. Григоровича. 1874. II, (9), 553—632; (11), 899—937; (12), 1026—1055. 1875. II, (1), 98—115. (2), 222—282. (4), 424—439. II, (5) 29—42. (6), 141—156. 1876. I, (2) 129—198. III, (12) 456—495. 1877. I, (1) 22—50. (2), 198—232. (3) 289—300.
1097. Записка кн. Безбородки о потребностяхъ Имперіи Россійской 1877. I, (3), 297—300.
1098. А. А. Безбородко къ С. С. Зиновьеву. 1869. (2), 210—213.
1099. Письмо А. А. Безбородки къ кн. Прозоровскому (о Мартинастахъ). 1892. I, (1), 95.
1100. Изъ бумагъ кн. Безбородки. 1892. I, (2), 263—266. Письма къ Екатеринѣ кн. В. В. Долгорукаго Крымскаго и Давида Неранчина.—О подпор. Опочининѣ письмо М. С. Потемкина.
1101. Изъ бумагъ кн. А. А. Безбородки. Сообщ. Н. А. Новицкимъ. 1890. III, 145—160.— Письма: П. В. Бакунина, Евдокіи Михаиловны Безбородки, гр. О. О. Буксгевдема, гр. А. Р. Воронцова, гр. П. В. Завадовскаго, А. И. Маркова, А. В. Олсуфьева, С. И. Плещеева, Е. Р. Полянской, В. С. Попова, А. А. Самборскаго, А. В. Храповицкаго и кн. М. М. Щербатова.
1102. Письмо И. А. Безбородко къ гр. Остерману (о рукописи въ Упсальской библиотекѣ). Сообщ. Г. Писаревскій. 1901. I, (1), 45.
1103. Могила А. А. Беклешова. Сообщ. М. И. Успенскій. 1906. I, (3), 366—367.
1104. Челобитная А. А. Беклешову экономическаго крестьянина Ивана Говорухина. Съ предисл. П. Симсона. 1891. II, (7), 298—302.
1105. О бунтѣ Бениовскаго.—Письмо кн. А. М. Голицына къ Н. К. Хотинскому. Сообщ. П. К. Щербальскимъ. 1865 (7) 895—896.
1106. О Бениовскомъ. К. П. Побѣдоносцева. 1865. (7) 859—862.
1107. Письмо И. И. Бецкаго къ Екатеринѣ II. 1865. (5—6) 773—774.
1108. С.-Петербургскій городской голова въ прошломъ вѣкѣ. Александръ Петровичъ Березинъ. 1879. I, (2), 226—235.
1109. Челобитная И. И. Бецкаго объ увольнении его за границу. Сообщ. А. О. Бычковымъ. 1866. (11—12), 1567—1569.
1110. Письма А. И. Бибикова къ А. М. Лунину. 1866. (3), 377—388. Поправка, (4) 659.
1111. Письмо А. И. Бибикова къ кн. М. Н. Волконскому съ примѣч. Н. С. Киселева. 1873. (4), 500—505.
1112. Письма къ П. И. Боборыкину. Съ предисл. Н. Н. Боборыкина. 1872. (3—4), 780—791. А. В. Суворова, Нелидовой, М. Донаурова, импер. Павла.
1113. Былое изъ Пугачевщины. Аскалона Труворова. XVIII Вѣкъ. III, 481—490.— Помѣщикъ Бобовъ.

1114. Гр. А. Г. Бобринскій и его бумага. 1876. Ш, (9), 5—58. Письма: гр. Бобринскаго, Екатерины II-й, И. И. Бецкаго, I. М. Рибаса, бар. Гримма, гр. П. В. Завадовскаго, професс. Озерецковскаго, Лехнера и Машкова.
1115. Прошение Ирины Болтиной Екатерины II-й, 1900. II, (8), 442—443.
1116. Письмо гр. Ю. Ю. Броуна къ гр. Н. И. Салтыкову (о сливахъ для царскаго дома). Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1873. I, (4), 643—644.
1117. Письмо гр. Я. А. Брюса къ кн. Потемкину. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1886. I, (3), 307—308.
1118. Я. И. Булгаковъ. Историко-биографическій очеркъ, П. И. Баргенева. 1898. I, (1), 28—49.
1119. Письма Я. И. Булгакова къ кн. Потемкину. Сообщ. Н. С. Киселевымъ. 1866. (11—12), 1570—1590.
1120. Письма къ Я. И. Булгакову. (Съ примѣч. Н. С. Киселева). 1867. (4) 487—500. Суворова. кн. М. Н. Волконскаго.
1121. Изъ бумагъ Ѳ. Ѳ. Вадковскаго. Сообщ. Ѳ. И. Вадковскимъ XVIII Вѣкъ. Ш, 408—410.
1122. Письма Веніамина, архіеп. Казанскаго, къ архим. Платону Любарскому (во время Пугачевщины). 1871. (1), 235—240.
1123. Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго. 1877. II (6) 233.
1124. Письма Вольтера къ кн. Д. М. Голицыну и къ Екатерины Второй. Сообщ. Д. Ѳ. Кобско. 1885. I, (1), 133—136.
1125. Переписка Вольтера съ гр. А. П. Шуваловымъ, съ замѣткою Н. Киселева). 1864. (1), 34—41.
1126. Письма Русскихъ людей къ Вольтеру. Съ примѣч. Д. Ѳ. Кобско. 1886. II, (6), 145—156. И. И. Бецкаго, гр. А. П. Шувалова, гр. А. Р. Воронцова.
1127. Письмо о смерти Вольтера. Съ предисл. Е. Скайлера. XVIII Вѣкъ. Ш, 460—480.
1128. Гр. Ростопчинъ о Вольтерѣ. 1882. Ш, (6), 207—209.
1129. Автобіографія гр. С. Р. Воронцова. 1876. I, (1), 33—59.
1130. Гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ. Д. Д. Рябинина, съ портретомъ. 1879. I, (1), 5—111. (2), 168—196. (3), 305—345. (4). 444—502.
1131. Письма гр. С. Р. Воронцова. 1879. I, (2), 197—214. (3), 345—354. Къ гр. А. А. Безбородкѣ, гр. Остерману, М. К. Макарову, къ имп. Павлу.—Записка Екатерины къ гр. А. А. Безбородкѣ (о приобрѣтеніи бюста Чарльса Фокса).
1132. Изъ писемъ гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. А. Безбородкѣ (изъ Венеціи и Лондона). 1879. I, (1). 83—111.—Изъ письма гр. Моцениго о королѣ Шведскомъ. Православіе въ Венеціи. Связь Георга съ Фридрихомъ.
1133. Письмо гр. С. Р. Воронцова къ С. А. Колычеву. 1876. Ш, (10), 162—166.
1134. Письмо гр. С. Р. Воронцова къ гр. Остерману. 1879. I, (1), 83.
1135. Изъ бумагъ кн. А. А. Вяземскаго. 1878. II, (8), 472.—Толки о появленіи Петра III-го.
1136. Письмо кн. А. А. Вяземскаго (о храненіи почтовой тайны) (1782). Сообщ. В. С. Абакумовымъ. 1889. I (3), 397.
1137. Поправка о М. А. Гарновскомъ. Е. Ахматова. 1887. II, (7), 390.
1138. Письма митр. Гавріила къ архіеп. Амвросію. Съ примѣч. Н. И. Григоровича. 1895. I, (3), 289—312.
1139. Изъ бумагъ митроп. Гавріила. Н. И. Григоровича. 1869. (10), 1569—1650.
1140. Письмо Гарриса (лорда Мальмбюри) къ гр. Нессельроду-отцу. Сообщ. А. А. Половцовымъ. 1867. (4), 507—512.
1141. Изъ промеморіи Голштинскаго принца Георга. 1891. II, (7), 297.

1142. Объ академикѣ Гмелинѣ). В. Кеневича 1870. (10) 1944—1946.
1143. Письмо священника къ И. А. Голенищеву-Кутузову. Сообщ. А. В. Баловымъ. 1898. II, (5), 172—176.
1144. Письмо княг. В. В. Голицыной къ кн. А. Б. Куракину (по поводу кончины кн. Потемкина). 1878. I, (1), 25.
1145. Донесеніе кн. Дмитрія Михайловича Голицына Екатеринѣ и отвѣтъ ея. Сообщ. А. М. Лазаревскимъ. 1872. (5), 992—997. О свиданіи съ Иосифомъ II-мъ.
1146. Бумаги кн. С. О. Голицына. Сообщ. кн. Г. С. Голицынымъ. 1876. II, (6), 129—160. Гр. П. С. Потемкина, Михаила Кречетникова, О. И. Киселева, А. В. Суворова, Авдотьи Луиной, кн. А. Бѣлосельскаго, гр. Н. Салтыкова, П. Пассека, гр. И. Остермана, кн. Владим. Голицына, Петра, герц. Курляндскаго, Рос. топчина, кн. Г. С. Голицына, бар. фонъ-деръ-Палена, ген.-адъют. Ливена, Обольянинова, вел. кн. Александра Павловича, импер. Павла, Дм. Трошинскаго, Сперанскаго, Аракчеева, Маргариты Волковой и кн. А. А. Прозоровскаго.
1147. Гриммъ и г-жа д'Эпинэ. Я. К. Грота. 1878. II, (8), 463—471.
1148. Le roi de Volga (Волжскій царь). Изъ Нижегородской Старины. П. Л. Юдина. 1899. II, (5), 117—132. Кн. Георгій Ал-др. Грузинскій.
1149. Заявленіе Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. 1899. III, (12), 632—633. О предыдущей статьѣ.
1150. Еще о кн. Г. А. Грузинскомъ. А. Н. Шипкова. 1899. III, (11), 454—464. Николай Павловичъ въ Нижнемъ.
1151. Густавъ IV-й и великая княжна Александра Павловна. (По Шведскимъ источникамъ). А. А. Чумикова. 1887. I, (1), 59—98. (Дополненіе. II, (8), 542).—Посольство гр. Стенбока.—Фердинандъ Кристинъ и Рейтергольмъ.—Гр-ня Сенъ-При.—Разказъ Екатерины.—Разказъ гр. Рас-топчина.
1152. Черты изъ жизни кн. Е. Р. Дашковой. 1864. (5—6), 569—586. Письма кн. Дашковой къ Екатеринѣ II, сообщ. кн. Ек. Алексѣевной Долгоруковой (ур. Малиновской). Письма короля Станислава. Письмо Фридриха II-го. Письмо кн. Дашковой къ кн. Прозоровскому. Сообщ. Д. И. Иловайскимъ. Хозяйственныя распоряженія. Сообщ. П. В. Колубакинымъ.
1153. Изъ письма кн. Е. Р. Дашковой къ гр. Герману Кейзерлингу. о восшествіи на престолъ Екатерины. 1887. III, (10), 185—191.
1154. Письмо княгини Е. Р. Дашковой къ П. С. Потемкину. Сообщ. Н. О. Дубровинымъ. 1875. I, (1), 195.
1155. Прокофій Акиноіевичъ Деми-довъ. Сообщ. М. М. Евреиновымъ. 1873. II, (11), 2230—2287. Письма къ дѣтямъ, къ Михельсону. О пчелахъ (статья). Письма къ М. М. Хозикову, Н. И. Рибасу и И. И. Бецкому. Наставленіе дочери. Сообщ. Н. Н. Хозиковымъ. Письмо къ караваннымъ и заводскимъ прикащикамъ, 1788 г.
1156. Дидро. М. О. Шугурова. XVIII Вѣкъ. I, 257—305. Его отношенія къ Екатеринѣ II-й.
1157. Анекдотъ о Дидро. Сообщ. К. П. Побѣдоносцевымъ. 1893. III, (9), 128.
1158. Дидеротъ къ гр. Миниху (1774). Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1878. III, (12), 409—412. Вопросы Дидерота о внутреннемъ состояніи Россіи.
1159. Письма гр. А. М. Дмитриева-Мамонова къ Екатеринѣ II.

- Сообщ. В. И. Ламанскимъ. 1865. (7), 851—860.
1160. Письма кн. Н. Б. Долгоруковой и гр. П. Б. Шереметева къ Кіевскому митроп. Арсенію Могилянскому. Съ предисл. гр. С. Д. Шереметева. 1904. III, (9), 76—77.
1161. Инструкція г.-пор. Заборовскому, при отправленіи въ Средиземное море. 1788. (Сообщ. В. Д. Давыдовымъ). 1866. (10), 1373—1394.
1162. Графъ П. В. Завадовскій. И. С. Листовскаго. Съ портретомъ. 1883. II, (3), 81—174. Поправка къ этой статьѣ. III, (6), 398.
1163. Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго. Замѣтки В. В. Голубцова. 1887. I, (1), 118—128. Письма кн. А. А. Вяземскаго, гр. Анны Матюшкиной, И. Завадовскаго.
1164. Письма П. В. Завадовскаго къ гр. П. А. Румянцову. Сообщ. Н. О. Дубровинымъ. 1892. I, (4), 488—491.
1165. Принцесса Зельмира. Съ портретомъ. Н. Бартенева). 1904. III, (9), 5—16.
1166. Донесеніе А. Зиновьева графу П. Б. Шереметеву. Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1906. II, (6), 271.
1167. Семень Гавриловичъ Зоричъ. М. И. Мещерскаго. Съ портретомъ. 1879. II, (5), 37—65.
1168. Семень Гавриловичъ Зоричъ. А. Н. Корсакова. 1879. II, (5), 65—99.
1169. Письма гр. В. А. Зубова къ брату его кн. П. А. Зубову. Сообщ. П. К. Щебальскимъ. 1873. I, (5), 876—879.
1170. Письмо кн. Зубова къ Рибасу. 1871. (9) 1524—1526.
1171. Баронъ О. А. Игельстромъ въ Оренбургскомъ краѣ. П. Л. Юдина. 1897. I, (4), 513—555.
1172. Иринеи, архіеп. Псковскій. Н. И. Григоровича 1869. (7—8), 1103—1126.
1173. Письмо г. Искры, къ гр. П. А. Зубову. 1869. (9), 1566—1568.
1174. Письма Юсифа II-го къ гр. Ласси во время путешествія въ Херсонъ и Крымъ. 1880. (1), 356—372.
1175. М. О. Каменскій у Фридриха II. Съ предисл. Л. Н. Майкова. II, (8), 1552—1570.
1176. Письмо гр. М. О. Каменскаго къ одному изъ академикомъ (1793). Сообщ. гр. С. Д. Шереметевымъ. 1896. II, (8), 612—614.
1177. О гр. С. М. Каменскомъ. Сообщ. Ниль Поповъ. 1880. II, 234—235. Стихи на театръ гр. С. М. Каменскаго. 1907. (7).
1178. Приказъ Ярославскаго помѣщика Карповича въ вотчину его. Сообщ. Е. П. Карновичемъ. XVIII Вѣкъ. II, 365—368.
1179. Письма в. кн. Константина Павловича къ м. Платону. 1887. II, (7), 288.
1180. Письмо в. кн. Константина Павловича. Сообщ. П. Л. Юдинымъ. 1897. III, (11), 373.
1181. Баронесса Корфъ и ея содѣйствіе побѣгу Людовика XVI изъ Парижа. Съ предисл. кн. М. А. Оболенскаго. 1866. (6), 800—816.
1182. Адмиралъ Кроунъ. Сообщ. И. Ф. Бартеневымъ. 1890. III, (10), 143—144.
1183. Похожденія монаха Палладія Лаврова. 1878. II, (8) 442—462.
1184. Ф. Ц. Лагарпъ въ Россіи. Изъ его Записокъ. 1866. (1), 75—94. Дополненіе къ этой статьѣ М. Н. Лонгинова. (2) 271—272.
1185. О Лагарпѣ. Письмо Швейцарца къ гр. Воронцову. 1904. I, (4), 685—687.
1186. Бумаги Лагарпа. въ публичной бібліотекѣ въ Лозаннѣ. Сообщ. Гр. А. Уваровъ. 1869 (1), 75—82.
1187. Для біографіи Ланжерона. Замѣтка Екатерины II. Сообщ. В. И. Ламанскимъ. 1869. (2), 206—208.
1188. Послѣ кончины А. Д. Ланскаго.

- Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1880. II, 151—152. Рескриптъ Екатерины II матери А. Д. Ланскаго.
1189. С. Л. Лашкаревъ. 1884. II, (3), 5—32. Приобрѣтеніе Севастополя.—Письма князя Потемкина, бар. Игельштрома и В. С. Попова.
1190. Записки Ивана Феодоровича Луккина (о Семилѣтней войнѣ и Пугачевщинѣ). 1865. (8), 899—930.
1191. Самозванецъ Медоксъ. (Л. Н. Трефолева). 1886. II, (6), 157—160.
1192. А. П. Мельгуновъ. Л. Н. Трефолева. 1865. (8), 931—978. Переписка съ Домашневымъ, Бецкимъ и митромъ Самуиломъ. Письма Павла Петровича. Переписка съ Я. Е. Сиверсомъ. Замѣтка М. П. Лонгинова. (10—11), 1404—1406.
1193. Дополненія Вологжанина къ статьѣ объ А. П. Мельгуновѣ. О. Н. Фортунатова. 1865. (12), 1469—1504.
1194. Изъ бумагъ А. П. Мельгунова. Сообщ. Л. Н. Трефолевымъ. I. 361—363. Рескриптъ Екатерины, письмо П. В. Заводовскаго.
1195. Замѣтка о могилѣ А. П. Мельгунова. Л. Н. Трефолева. XVIII Вѣкъ, I, 363—364.
1196. Сенакъ де Мельянъ и его отношенія къ Россіи. Кн. М. А. Оболенскаго. 1866. (3), 421—459. Письма Екатерины II къ А. С. Мордвинову. Донесенія Мордвинова. Гр. Н. П. Румянцева. Гр. А. Безбородки къ Соколовскому.
1197. Планъ романа изъ жизни Мировича и записка о немъ Г. О. Ёвитки (Основьяненка). Сообщ. М. П. Погодинъ. 1863. 160—170.
1198. Письма къ гр. С. П. Румянцову въ Швецію отъ А. И. Моркова. 1869. (5) 866—882.
1199. Графъ Моцениго. Разсказъ гр. С. Р. Воронцова., 1878. III, (12), 413—425.
1200. Патентъ М. В. Муромцову (выданный гр. Румянцовымъ Задунайскимъ). 1878. I, 173. Съ предисл. Л. М. Муромцева. 1878. I, (2), 173—174. Поправка къ этой статьѣ М. П. Кречетниковъ. (4), 496.
1201. О Прасковіи Ивановнѣ Мятлевой и ея ожерельѣ. 1884. I, (1), 250.
1202. Письмо Маріи Павловны Нарышкиной къ Степ. Алексѣев. Колычеву. Изъ архива бар. М. Л. Боде. 1869. (2), 213—215.
1203. По поводу біографіи принца Нассау-Зигена. 1894. I, (4), 638.
1204. Письмо Е. И. Пелидовой къ О. О. Вадковскому. 1870. (2), 327—332.
1205. Графы Нессельроде (отецъ и сынъ). 1905. II, (8), 481—490.
1206. Письмо Харьковскаго губернатора Норова къ архим. Василию Базилевичу и ордеръ кн. Потемкина къ Норову. Съ примѣч. Льва Мацѣвича. 1878. I, (4), 493—494.
1207. Біографія А. В. Олсуфьева. Сообщ. В. А. Олсуфьевымъ 1870. (7) 1341—1348.
1208. Шуточное посланіе А. В. Олсуфьева къ кн. Г. Г. Орлову (въ стихахъ). 1883. II, (3) 69.
1209. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій. А. А. Голомбѣвскаго. 1904. II, (8), 499—532.
1210. Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій въ Карлсбадѣ. 1894. II, (6), 258—267.
1211. Къ біографіи гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго. Сообщ. А. В. Рачинскимъ. 1876. II, (7), 270—284. Письмо кн. Д. М. Голицына къ И. И. Бецкому.—Письма гр. А. Г. Орлова, Семена Кирих. Нарышкина, къ кн. А. М. Голицыну, И. И. Шувалова, Марка Вайны изъ Венеціи, В. С. Тамары.
1212. Письмо гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго къ кн. Потемкину. Съ примѣч. Г. Н. Александрова. 1876. II, (5), 5—6.

1213. Письмо гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго къ гр-у Н. И. Салтыкову. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1873. I, (4), 0468—0470.
1214. Гр. А. Г. Орловъ въ его хозяйствѣ. Сообщ. А. А. Матвѣевымъ. 1891. III, (10), 258—264.
1215. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. А. П. Барсукова. 1873. I, (2), 1—146. Кн. Елена Степ. Куракина.—Карлъ Петръ Ульрихъ (Петръ III).—Разсказъ А. Т. Вологова.—Убіеніе Петра III. Ѳедоръ Хитрово.—Ломоносовъ и его проектъ открыть въ Петербургѣ университетъ.—Яицкій казакъ Остафій Трифоновъ.—Е. Н. Зиновьева.—Циммерманъ.
1216. Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ. А. А. Голомбѣвскаго. 1904. II, (7), 371—423.
1217. Письма гр. Г. Г. Орлова къ гр. Н. И. Панину. 1882. I, (2), 405—406.
1218. Погребеніе кн. Г. Г. Орлова. 1904. II, (7), 423—426.
1219. Письма кн. Е. Н. Орловой къ ся братьямъ. Съ предисл. Н. П. Барышникова. 1877. III, (10), 113—115.
1220. Исторія Осокиной. Сообщено П. Л. Юдинымъ. 1898. I, (1), 87—93.
1221. Изъ бумагъ гр. Никиты Ивановича Панина. 1878. III (12), 426—482.—Убіеніе г. Лентьева.—Письмо П. Д. Еропкина.—Письмо гр. Н. И. Панина къ гр. А. Г. Орлову.—Къ гр. Румянцеву.—Маіоръ Бастевикъ.—Измѣна Бахти-Гирея.
1222. Русское наслѣдство во Франціи. Письмо гр. Н. И. Панина къ кн. И. Ѳ. Барятинскому. Сообщ. кн. Елис. Эспер. Трубецкою. 1878. I, (1), 40—42.
1223. Письмо гр. Н. И. Панина къ П. В. Завадовскому. Соощ. Н. Ѳ. Дубровинымъ. 1892. I, (4) 487.
1224. Письмо гр. Н. И. Панина къ гр. Нессельроду-отцу. (Сообщ. А. А. Половцовымъ). 1867. (4), 506—507.
1225. Переписка гр. Н. И. Панина съ гр. А. Г. Орловымъ - Чесменскимъ. 1880. III, 229—260.
1226. Переписка гр. Н. И. Панина съ гр. П. А. Румянцовымъ. 1882. I, (1), 33—125. II, 3, 5—67.—Армянинъ Хата.—Трусость Исакова.—Военныя правила гр. Румянцова.—Секретная посылка Лемеха.—Арестъ Дембскаго.—Чапскій. Ханъ Крымъ-Гирей. Посылка Веселицкаго въ Крымъ.—Консуль Рюфейнъ.—Баронъ Штейнъ.—Наній.—Болѣзнь Павла Петровича.—Симолинъ.—Гр. Потоцкій и Мнишекъ.—А. М. Обрѣзковъ.—Кн. Н. В. Репнинъ.—Е. А. Щербининъ.—Непригодность кн. Долгорукова-Крымскаго.
1227. Письма гр. П. И. Панина къ гр. Никитѣ Ивановичу. 1888. II, (5), 65—88.—Пальчихское сраженіе.—Т. Г. Дицъ.—Генераль-губернаторомъ въ Кенигсбергѣ. Замѣтка къ этимъ письмамъ Д. Ѳ. Масловскаго. 1888. II, (5), 89—93.
1228. Письма гр. П. И. Панина къ гр. Никитѣ Ивановичу во время первой Турецкой войны. Съ портретомъ гр. П. И. Панина. Сообщ. кн. М. А. Мещерскою. 1888. III, (11), 297—363.
1229. Письмо гр. П. И. Панина къ О. А. Поздѣву (объ охотничьей собацѣ). Сообщено А. К. Жизневскимъ. 1883. II, (3), 68.
1230. Изъ бумагъ Іоанна Памфилова. 1871. (1), 201—237. Письма къ нему: Сергѣя Козмина, Прасковьи Шаховской, архим. Зосимы, Георгія Конисскаго, архитект. кн. Макулова, Петра Алексѣева, кн. А. Безбородки, Г. Р. Державина.
1231. Митрополитъ Платонъ и Казанская Духовная Семинарія. К. Харламповича. 1903. III, (10), 259—264.

1232. Къ жизнеописанію митроп. Платона. Докладъ Екатерины II отъ Коллеги Экономіи. 1901. II, (6), 296.
1233. Забѣтки митр. Платона на прокладныхъ листахъ мѣсяцеслова 1775 года. 1877. III, (11), 331.
1234. Забѣтки для разсказовъ между друзьями В. С. Попова. (О кн. А. М. Бѣлосельскомъ, Кобенцелѣ и Фидгербертѣ). 1865. (8), 991.
1235. Изъ бумагъ Василия Степановича Попова. Сооб. А. И. Старовскимъ. 1865. (2), 213—246. —Письма Аракчеева. —Донось Кожина. —Письмо Попова гр. П. А. Фонъ-деръ-Шалену. О памятникѣ Петру Великому въ Полтавѣ. —Забѣтка о финансахъ. —Двѣ политическія записки касающіяся Русскаго государства). —Письмо гр. Г. В. Орлова.
1236. Письмо В. С. Попова къ Н. И. Новикову (о Татарскихъ родахъ въ Русскомъ дворянствѣ). Сообщ. Н. Ѳ. Дубровинимъ. 1874. II, (9), 638.
1237. Письмо С. А. Порошина къ гр. Г. Г. Орлову. 1867. (2), 192—197.
1238. Письма Порошина къ академику Миллеру. Сообщ. кн. М. А. Оболенскимъ. 1868. (4), 72—74.
1239. Два документа къ биографіи С. А. Порошина. Съ предисл. Алексѣя Амбразанцева - Нечаева. 1874. II, (11), 945—949. Шуточный дипломъ, данный в. княземъ Павломъ С. А. Порошину. Записка Порошину по поводу отправленія его за принцемъ Голштинскимъ Георгіемъ.
1240. Изъ Елисаветграда. А. И. К. 1905. I, (2), 366—369. Могила С. А. Порошина. Кн. Потемкинъ въ Елисаветградѣ.
1241. Родители кн. Г. А. Потемкина. Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ. 1892. I, (4), 492.
1242. Жизнь и дѣянія кн. Потемкина. Сочиненіе гр. А. И. Самойлова. (Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ). 1867. (4), 575—606. (7), 993—1027, (10), 1203—1262 и (12), 1537—1578. Бракъ Екатерины съ Потемкинымъ 1907 (2).
1243. Письма кн. Потемкина къ Екатеринѣ (о измѣнѣ гр. Дмитриева-Мамонова). Сообщ. П. Лебедевимъ. 1865. (12), 1516—1519.
1244. Письмо Потемкина къ Екатеринѣ при полученіи лавроваго вѣнка. 1878. I, (1), 20.
1245. Потемкинскій праздникъ 1791 г. Письмо въ Москву къ кн. И. М. Долгорукому отъ Тимофея Кирьяка. (Сообщ. кн. А. И. Долгорукимъ). 1867. (5—6) 673—694.
1246. Храмъ Вознесенія Господня въ Москвѣ. (Изъ бумагъ гр. А. Н. Самойлова) 1882. II, (3), 91—96. Письма митроп. Платона къ гр. А. Н. Самойлову. Письмо князя Потемкина къ м. Платону. Священника Антипы Матвѣева къ кн. П. В. Лопухину.
1247. Приношеніе кн. Потемкина Московскому Успенскому собору. Сообщ. Г. Н. Александровимъ. 1873. II, (12), 2317—2322.
1248. Канонъ Спасителю, сочиненный Потемкинымъ въ Яссахъ. Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ. 1881. II, (3), 17—23.
1249. Двустипіе Потемкина Таврическаго. 1892. I, (4), 492.
1250. Письмо Потемкина къ гр. Н. И. Панину. 1888. II, (6), 0255.
1251. Предсмертное письмо Потемкина къ Екатеринѣ. 1878. I, (1), 25.
1252. Изъ донесеній В. С. Попова Екатеринѣ о болѣзни и кончинѣ Потемкина. 1878. I, (1), 20—24.
1253. Гробница Потемкина. М. Ѳ. Шугурова. 1867. (2), 203—218.
1254. Къ статьѣ „Гробница Потемкина“. М. Ѳ. Шугурова. 1867. (7), 1182—1184.
1255. Достопамятная церковь въ Яссахъ. А. И. Яцимирскаго. 1896. III, (10), 209—212.
1256. Преданія о кн. Потемкинѣ. 1907. II, (5), 130. Со словъ А. Д. Барыкина.

Роспись „Русскаго Архива“.

9

1257. Бумаги Потемкина. (Сообщ. А. И. Ставровскимъ и Н. С. Киселевымъ). 1865. (4), 393—416. Давидъ Гавриловичъ Неранчинъ. — Письма къ Я. И. Булгакову. Замѣтка на эту статью М. Н. Лонгинова. (7) 867—870.
1258. Письмо князя Потемкина къ А. С. Милорадовичу. 1888. III, (9), 183.
1259. Изъ бумагъ Потемкина. (Собр. А. А. Васильчиковымъ). 1879. III, (9), 19—28. Письма его: къ Екатеринѣ, къ архіеп. Евгенію, къ Платону, письма къ нему архіеп. Иннокентія, гр. П. А. Румянцева, А. П. Сумарокова, М. М. Хераскова.
1260. Жертва ревности князя Потемкина. 1884. I, (2), 273—279. В. Р. Щегловскій.
1261. Два письма къ Г. А. Потемкину. Сообщ. Любитель старины. 1889. III, (10), 270—271. Протоіер. Петра Алексѣева и митроп. Платона.
1262. Записка кн. Потемкина къ Суворову (объ офицерахъ). 1886. I, (3), 308.
1263. Ордера и записки князя Потемкина къ Суворову. Съ предисл. Г. Н. Александрова. 1877. III, (10), 195—199.
1264. Ордеръ Потемкина Симонову (о сотникѣ Харчевѣ, пойманшемъ Пугачова). Сообщ. г. Акутинимъ. 1886. I, (3), 306.
1265. Потемкинъ объ уничтоженіи висѣлицъ въ Польской деревнѣ, купленной у кн. Любомирскаго. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1869. (5), 920—922.
1266. Мирныя предначертанія Потемкина. Съ предисл. И. Бартенева. 1874. II, (8) 289—302. Приказанія Фалѣеву. — Записка Фалѣева Мордвинову.
1267. Изъ бумагъ Потемкина. Сообщ. А. И. Ставровскимъ. 1865. (1), 63—86. Письмо Потемкину Михаила Каменскаго. Случайные люди въ Россіи.
1268. Изъ бумагъ Потемкина. 1886. II, (6), 161—162. О Финляндскихъ войскахъ, о вызовѣ Черногогорцевъ, о заведеніи „Послушническаго Общества“, объ „Егерскомъ сонмищѣ“. Замѣтка къ этой статьѣ А. А. Чумикова. III, (9), 127—128.
1269. Братья М. и П. С. Потемкины. Съ примѣч. А. О. Круглаго. 1879. II, (6), 184—209. Письма Т. В. Потемкиной.
1270. Къ біографіи гр. П. С. Потемкина. Сообщ. А. Н. Корсаковымъ. 1894. I, (1), 94—96.
1271. Письма къ гр. П. С. Потемкину. Сообщ. А. О. Круглымъ. 1879. II, (8), 429—441. Шагинъ-Гирея, гр. А. А. Безбородки. кн. Потемкина, В. С. Попова, кн. В. В. Голицыной, князя С. Ѳ. Голицына, кн. А. Голицына, 1795 г.
1272. Письмо А. Я. Протасова къ в. кн. Александру Павловичу. 1877. III, (12), 341—343.
1273. Манифесты Пугачова. Сообщ. Л. И. Майковымъ. 1870. (2), 291—294.
1274. Преданіе о казни Пугачева. Ф. Л. Ляликова. 1877. II, (6), 234.
1275. Польскій анекдотъ о Пугачевѣ. 1876. II, (8), 451—452.
1276. Донесеніе кн. Путятина Екатеринѣ (о разговорѣ съ Браун. швейгскою герцогиней). 1879. I, (1), 112—113.
1277. Письмо гр. К. Г. Разумовскаго къ зятю его И. В. Гудовичу. Сообщ. И. В. Росковшенкомъ. 1873. I, (4), 0467—0468.
1278. Письмо кн. Н. В. Репнина къ И. И. Шувалову о братьяхъ кн. Чарторыжскихъ. 1876. I, (4), 416—417.
1279. Анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. М. Н. Лонгинова. 1865. (7), 847—852.
1280. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. С. Н. Долгорукому. Сообщ. Ал-дрю Ал-др. Львовою. 1888. II, (7), 265—267.
1281. Вѣсти изъ Россіи въ Англию. Письма гр. Ѳ. В. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову. 1876. I,

- (1), 79—120. (2), 206—222. (4), 393—415. — Нелидова. — В. П. Кочубей. — Гр. Н. П. Румянцевъ. — Гр. Валент. Владисл. Эстергази — Гр. Е. П. Ростопчина. — Туттолминъ. — Гр. Сень-При. — Чайка. — Борхъ, — Принцъ Нассаускій. — Дубянской. — Будбергъ. — Шведскій король.
1282. Записочки гр. О. В. Ростопчина кн. Н. Б. Юсупову. 1895. II, (5), 114.
1283. Письмо гр. О. В. Ростопчина о состояніи Россіи въ концѣ Екатерининскаго царствованія. 1878. I, (3), 292—298.
1284. Письмо гр. Н. П. Румянцева къ гр. П. В. Завадовскому. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ 1867. (10), 1263—1265.
1285. Фельдмаршалъ гр. Румянцовъ. (Изъ Французскаго альманаха на 1798 г.). Съ замѣткою И. И. Х(аненко). 1879. III, (10), 169—172.
1286. Два анекдота о гр. П. А. Румянцовѣ. О. О. Воропонова. 1863. (1), 65—68.
1287. Письмо гр. П. А. Румянцева къ Екатеринѣ. 1879. III, (9), 31.
1288. Письмо гр. П. А. Румянцева къ гр. Панину. (Сообщ. Н. П. Ермоловымъ). 1865. (8), 987—990.
1289. Письма прошлаго вѣка. Сообщ. М. О. Шугуровымъ. 1874. II, (9), 532—550. Къ графу П. А. Румянцову. Сына его гр. Николая. Сестры его, кн. Дарьи Александровны Трубецкой. Георга Арбути. Ивана Требинскаго. Письмо Василья Бурнашева къ Степану Давиловичу Бурнашеву. Къ Суворову лекаря Миллера. Шуазель-Гуфье. Гр. И. Г. Чернышева. Гр. Ласси. Принца де Лина.
1290. Письма къ гр. П. А. Румянцову отъ сына его гр. Сергія. 1869. (5), 853—866.
1291. Автобіографія гр. С. П. Румянцева. 1869. (5), 839—854.
1292. Приглашеніе Ж. Ж. Руссо гр. Орловымъ въ Россію. Съ пре-
дисл. В. Андреева. 1869. (3), 581—584.
1293. Самозванецъ Рябовъ. Объявленіе отъ ген.-поручика. Сообщ. Николай Путинцевъ. 1902. II, (5), 59—60. Григорій Рябовъ именовалъ себя Петромъ III.
1294. Письмо о Салтычихѣ. Съ послѣсл. Л. Н. Майкова. XVIII Вѣкъ IV, 94—96.
1295. Изъ бумагъ гр. А. Н. Самойлова. Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ. 1878. III, (10), 243—250. Письма къ нему: Екатерины, Павла Петровича, гр. Безбородки, гр. И. П. Гудовича, гр. В. П. Кочубея, гр. Н. П. Румянцева, А. Л. Давыдова, кн. А. Н. Голицына, кн. Дашковой. Письмо гр. Самойлова къ Екатеринѣ. Мясонская клятва кн. Репнина.
1296. Самуилъ Миславскій. А. А. Титова. 1906. I, (2), 177—195.
1297. Изъ писемъ Самуила къ кн. А. Б. Куракину. 1906. I, (2), 196—208.
1298. Гр. Сегюръ и кн. Потемкинъ. М. О. Шугурова. 1877. I, (3), 418—419.
1299. О. Е. Секретаревъ. А. Н. Корсакова, съ примѣч. Н. П. Барсукова. 1882. I, (1), 160—166.
1300. Донесенія И. М. Симолина гр. И. А. Остерману. 1875. II, (8), 410—418.
1301. Грамота капитану Симонову. Сообщ. Н. Д. Романовъ. 1904. III, (9), 144.
1302. Лондонскій священникъ Я. П. Смирновъ. 1879. I, (3), 354—356.
1303. Судящій полкъ Сокольскій. Н. А. Дубровскаго. 1879. III, (9), 33—35.
1304. Письмо Спиридова къ жителямъ острова Сирова. 1878. II, (5), 116.
1305. Спренгтпортенъ, герой Финляндіи. К. Ф. Ордина. 1887. I, (4), 469—502.
1306. Біографія А. В. Суворова имъ самимъ писанная. Съ его портретомъ и примѣчаніями. Ю. П.

- Б(артенева). 1900. II, прил. къ 5-му вып.
1307. Дополненіе и поправка къ предидущей статьѣ. Алексѣя Мореля. 1900. III, (12), 643.
1308. Суворовъ. Опытъ характеристики. А. П. К. 1900. III, (12), 625—635.
1309. Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова. М. Д. Хмырова. 1871. (9), 1446—1486.
1310. Отзывъ современника-иностранца (Зейме) о Суворовѣ. Сообщ. И. И. Ханенко. 1877. III, (11), 334—337.
1311. Воспоминаніе о кн. А. В. Суворовѣ. В. Н. Лясковаго. 1897. II, (5), 141—142.
1312. Забота молодого Суворова объ унтеръ-офицерахъ и солдатахъ. Сообщ. С. А. Панчулидзевымъ. 1897. III, (12), 508.
1313. Анекдотъ о Суворовѣ въ бытность его въ Астрахани. 1873. I, (2), 146—149. Примиреніе съ супругою.
1314. Замѣтки о портретахъ Суворова и альбомѣ Антинга. А. И. 1899. II, (5), 133—136.
1315. Письма и записки Суворова съ примѣч. А. Ф. Бычкова. 1866. (7), 929—1030. Къ дочери, зятю, Д. И. Хвостову, О. М. Рибасу. Арсеньева къ В. Н. Чичерину. Суворова къ П. А. Зубову. Гр. В. И. Суворовой къ Александру Павловичу. Александра Павловича къ гр. В. И. Суворовой Деволана къ Рибасу.
1316. Изъ бумагъ Суворова. Сообщ. Г. Н. Александровымъ. 1878. I, (2), 140—152. Письма Суворова къ Турчанинову и И. И. Северину и письма къ Суворову отъ вн. П. А. Зубова, М. Л. Голенищева-Кутузова, М. Н. Кречетникова, Хвостова и И. И. Северина.
1317. Два характерныхъ письма Суворова съ послѣсл. (его правнука) Аркадія Талызина. 1896. I, (1), 49—50.
1318. Два письма Суворова къ С. А. Колычову. Сообщ. бар. М. Л. Боде. 1869. (2), 210.
1319. Два письма Суворова А. С. Милорадовичу 1888. III, (9), 183.
1320. Своеобразное письмо Суворова къ В. С. Попову. Сообщ. М. В. Юзефовичемъ. 1894. II, (8), 598.
1321. Письмо Суворова къ Потемкину. Сообщ. В. Н. Лясковскимъ. 1879. III, (11) 0403—0404.
1322. Письмо Суворова къ Д. И. Хвостову. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичемъ. 1868. (11) 1865—1866.
1323. Суворочка къ отцу своему. Съ примѣч. М. Ф. Шугурова. 1874. I, (3), 761—764.
1324. Самозванка Тараканова. Съ предисл. С. А. Панчулидзева. 1905. I, (3), 425—443.
1325. Замѣтка о княжнѣ Таракановой. По поводу картины Флавицкаго. М. Н. Лонгинова. 1865. (1), 89—94.
1326. Замѣтка о княжнѣ Таракановой. 1899. III, (6), 358.
1327. Савва Текели въ Россіи. Н. А. Попова. 1878. III, (12), 483—506.
1328. Теруанъ-де-Мерикюръ. 1888. II, (8), 502—504.
1329. Объ отношеніяхъ святителя Тихона Задонскаго къ приходскому духовенству. П. Никольскаго. 1900. III, (11), 422—425.
1330. Кенигсбергскій архимандритъ Тихонъ (Якубовскій). Сообщ. А. А. Титовымъ. 1894. III, (9) 8—12.
1331. Татьяна Михайловна Троепольская. А. Н. Сиротинина 1887. III, (11), 424—437.
1332. Горнозаводчикъ прошлаго вѣка. Сообщ. Н. Н. Титовъ. 1898. I, (2), 296. Ал-сѣй Федор. Турчаниновъ.
1333. Черты изъ жизни С. А. Тучкова. Г. Н. Александрова. 1874. I, (5), 1131—1148.
1334. Дополненія и поправки (о С. А. Тучковѣ). И. П. Липранди. 1874. II, (11), 959—960.
1335. Б: В. Умскій. 1906. II, (8), 633—636.

1336. Объ Умскомъ. Н. Найденова. 1905. II, (7), 480.
1337. Письмо Фальконета къ Екатеринушѣ. Сообщ. П. М. Майковъ. 1897. II, (5), 123—130.
1338. Потье - де - ла - Фромандиерь. П. Булацеля. 1902. II, (8), 667—671.
1339. Отзыви Фридриха Второго. 1898. I, (2), 295. Изъ его писемъ къ сестрѣ.—О Волковѣ, И. И Шуваловѣ и гр. М. Л. Воронцовѣ.
1340. Изъ предсмертныхъ бесѣдъ Фридриха Второго 1889. I, (3), 527.
1341. Письма кн. П. Д. Цицианова къ В. Н. Зиновьеву. Съ примѣч. Н. П. Барышникова 1872. (11), 2100—2173. Поправки. (12), 2599.
1342. Письма бар. А. И. Черкасова къ гр. Н. И. Панину. 1882. I (2), 407—411.
1343. Замятка о Чернышовыхъ. М. Н. Лонгинова. 1865. (7), 863—868.
1344. Модное объясненіе въ любви. Стихотвореніе гр. Г. И. Чернышова. Сообщ. А. С. 1898. I, (1), 94—95.
1345. Любовныя записочки высовой особы XVIII вѣка къ гр. З. Г. Чернышову, къ И. Н. Корсакову. 1881. III, (6), 390—403.
1346. В. А. Чупятовъ. Л. Н. Майкова. 1873. II, (9), 1672—1685.
1347. Юмористическое жизнеописаніе В. А. Чупятова. С. А. Петровскаго. 1893. I, (2), 165—168.
1348. Изъ преданій о гр. Н. П. Шереметевѣ. 1896. II, (8). 503—520. Завѣщательное его письмо сыну своему.
1349. Изъ бумагъ гр. Н. П. Шереметева съ его портретомъ. 1896. II, (6), 189—216. (7), 305—340. (8), 457—502. Письма кн. Потемкина, О. П. Козодавлева, М. Ѳ. Полторацкаго, Н. П. Шереметева, кн. Хованскаго, гр. Я. А. Брюса, А. И. Кучецкаго, А. А. Прозоровскаго, Гр. Н. В. Салтыковой, кн. В. А. Касаткиной-Ростовской, гр. А. А. Безбородки, актера И. А. Дмитриевскаго, актера С. А. Сандунова, кн. И. А. Долгорукаго, кн. А. М. Голицына, гр. А. Н. Зубова, кн. А. Н. Щербатова, гр. Д. А. Зубова. Д. П. Тропинскаго, П. С. Валуева, кн. П. В. Урусова, гр. В. А. Зубова, кн. Репниной, гр. А. М. Матюшкиной, митроп. Платона, гр. Виельгорскаго. гр. В. П. Разумовской, Уварова, А. Я. Протасова, А. Ѳ. Малиновскаго, архимандр. Герасима, Шереметева, гр. А. К. Разумовскаго. Рескрипты императ. Павла.
1350. Письма гр. Н. П. Шереметева къ В. С. Шереметеву Съ замѣткою Ю. П. Баранева). 1899. I, (3), 391—395.
1351. Замятки по поводу письма гр. Н. П. Шереметева къ В. С. Шереметеву. 1899. I, (4), 675—678.
1352. О портретѣ гр. Н. П. Шереметева, прилож. къ „Русск. Арх.“. 1896. II, (8), 615.
1353. Къ исторіи страннопріимнаго дома графа Шереметева. 1904. II, (8), 532. Приказъ гр. Н. П. Шереметева управителямъ домовой канцеляріи (1792), съ замѣткою гр. С. Д. Шереметева.
1354. Екатерина Великая про гр. П. Б. Шереметева 1906. II, (5), 113.
1355. Указы графа П. Б. Шереметева его управителямъ (1764—1777). 1898. II, (6), 275—288. (7), 445—459.
1356. Графъ П. Б. Шереметевъ. 1898. I, (4), 509—522.
1357. Выдержки изъ указовъ гр. П. Б. Шереметева его управителямъ. 1898. III, (9), 5—35.
1358. Что такое рыскамора и кикамора. А. С. 1898. II, (8), 648.
1359. Двѣ Калмычки. Гр. С. Д. Шереметева. 1905. II, (5), 57—96. Калмычки и графъ П. Б. Шереметевъ.—Поѣздка графа Петра Борисовича въ Петербургъ.—Изъ Камерфурьерскаго Журнала 1782 года. Переписка гр. П. Б. Шереметета съ Калмычкою Анной Николаевной.—Пись-

- мо Ѳ. Вишневаго.—Калмычка
Екатерина Борисовна.—Письмо
П. И. Фатьянова.
1360. О Шереметевской Калмычкѣ.
1906. I, (1), 103—104.
1361. О С. И. Шешковскомъ. Сообщ.
Н. В. Калачовымъ. 1866. (2),
263—264. Здѣсь и письмо къ
вдовѣ его гр. А. Н. Самойлова.
1362. Татьяна Васильевна Шлыкова.
Графа С. Д. Шереметева. 1889.
I, (3), 506—522.
1363. Историческія гробницы. Священ-
никъ Преображенской, села Ко-
сицы, перкви Сергій Богослов-
скій. 1889. II, (8), 520—521.
Гр. А. И. Шуваловъ И. И. Ка-
стюринъ.
1364. Ученикъ Вольтера. Гр. А. П.
Шуваловъ (1744—1789). Д. Ѳ.
Кобеко. 1881. III, (6), 241—290.
Вражда къ гр. А. Р. Воронцову.
1365. Жалобная пѣснь Московскихъ
студентовъ въ началѣ XIX вѣка.
Посланіе къ И. И. Шувалову.
Сообщ. И. В. Помяловскимъ.
1886. I, (3), 387—388.
1366. Яковъ Емельяновичъ Шуше-
ринъ. А. Н. Сиротинина. 1890.
II, (5), 79—96. М. С. Синявская.
Соперничество съ Яковлевымъ.
Дружба съ С. Т. Аксаковымъ.
1367. Два письма гр. Эстергази къ
женѣ своей (1791). XVIII Вѣкъ
I, 352—360.
1368. О невольной преступницѣ, по-
милованной Екатериною. Ю. В.
Толстаго. 1866. (2), 265.
1369. Трагическій случай прошлаго
вѣка. Александра Корсунова.
1891. I, (2), 304—308.
1370. Трагическій случай. Д. Ильчен-
ко. 1892. II, (7), 388—389.

Павель Петровичъ и Марія Теодоровна.

1371. Вѣдомости о великомъ князѣ
Павлѣ Петровичѣ (1760). 1869.
(1), 68—72.
1372. Сто три дня изъ дѣтской жизни
Павла Петровича. Незданная
тетрадь Записокъ С. А. Поро-
шина. Сообщ. Н. С. Амбразан-
цевымъ-Нечаевымъ. 1869. (1),
1—68. Черновое письмо С. А.
Порошина къ гр. Г. Г. Орлову.
Записка Павла къ г. Амбразан-
цеву. Словесныя упражненія
Павла.
1373. Катехизисъ для великаго князя
Павла Петровича. Съ рукописи
гр. Н. И. Панина. Сообщено
кн. М. А. Мещерскою. 1881. I,
(1), 22—24.
1374. Разсказъ великаго князя Павла
Петровича о видѣніи ему Пет-
ра I. В. Андреева. 1869. (3),
517—526.
1375. Гр. и гр. Сѣверные въ Нидер-
ландахъ. Гапара, съ предисл.
Л. Н. Майкова. 1876. II, (5),
45—52. Донесеніе А. И. Мар-
кова.
1376. Письма великаго князя Павла
Петровича. XVIII Вѣкъ III, 416
—418.
1377. Письмо цесаревича Павла къ
П. В. Бакунину. 1906. (3), 366.
1378. Письма Павла Петровича къ
А. М. Голицыну 1881. I, (1),
25—31.
1379. Записочки великаго князя Пав-
ла къ Ѳ. И. Курдюкову. XVIII
Вѣкъ III, 406—407.
1380. Письма Павла къ гр. Н. И. Па-
нину (съ приписками в. кн. Ма-
рин Теодоровны). Сообщ. графи-
нею Н. П. Паниною. 1882. I,
(2), 383—397. Записка кн. Н.
В. Репнина объ иностранныхъ
войскахъ въ Россіи. Письмо
Павла къ гр. П. И. Панину о
Русскомъ войскѣ и о государ-
ственномъ управленіи.
1381. Письма Павла къ митр. Плато-
ну. Сообщ. протоіер. С. Смир-
новымъ. 1887. II, (5), 5—48.
(6), 162—170.
1382. Повелѣніе в. князя Павла Пет-
ровича (о лейтенантѣ Полян-

- скомъ). Сообщ. Ег. Ив. Подтягинымъ. 1871. (1), 149.
1383. Письмо в. кн. Павла къ гр. И. Г. Чернышову. 1886. I, (3), 305.
1384. Два письма в. кн. Павла къ гр. П. А. Румянцову. Сообщ. А. М. Лазаревскимъ. 1873. I, (4), 0461 0462.
1385. Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла I-го. Сообщ. Е. П. Карновичемъ. XVIII Вѣкъ. Ш, 419—421.
1386. Ода императору Павлу, на день его восшествія на престолъ Степана Руссова, съ предисл. М. И. Семеваго. XVIII Вѣкъ. IV, 476—488.
1387. Разсказъ очевидца о посѣщеніи Павломъ Владимира на Клязьмѣ. М. Ранга. XVIII Вѣкъ. IV, 469—473.
1388. Современный журналъ о пребываніи Павла въ Казани. XVIII Вѣкъ. IV, 464—469.
1389. Путешествіе Павла по Ярославской губерніи. Л. Н. Трефолева. 1870. (2), 293—326.
1390. Второе путешествіе Павла Петровича за границу. Записка участника. 1902. Ш, (12), 434—460.
1391. Изъ дорожнаго дневника гр. Г. Г. Куселева. 1904. II, (8), 573—580.
1392. Императоръ Павелъ и Лафатеръ. 1900. I, (4), 491—492. Письмо Павла Римскому-Корсакову.
1393. Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича. (Изъ Записокъ А. Т. Болотова). 1864. (I), 54—78. (2), 201—227. (3), 295—318. (5—6), 596—622. (7—8), 748—803.
1394. По поводу анекдотовъ Болотова объ импер. Павлѣ. О. Н. Фортунатова. 1864. (4), 471—472.
1395. Разсказы ген. Котлубицкаго о временахъ Павла. X. (А. И. Ханенко). 1866 (8—9), 1301—1331.
1396. Къ біографіи имп. Павла. (Изъ Записокъ Августа Коцебу). 1870: (11), 1960—1966.
1397. Письма Павла Петровича къ Московскимъ главнокомандующимъ. 1876. I, (1), 5—32.
1398. Шесть указовъ 1799 г. Съ предисл. професс. Н. Сорокина. 1894. I, (2), 196—201.
1399. Указъ Павла Петровича о комнатной прислугѣ его матери. (Сообщ. гр. С. Д. Шереметевъ). 1878. I, (2), 233—234.
1400. Записочки Павла Петровича къ А. А. Баратынскому. Сообщ. В. А. Рачинскою. 1870. (8—9), 1438—1441.
1401. Два рескрипта Павла къ О. И. Фонъ-Брадке, коменданту Полоцка. Сообщ. Эман. Егор. Брадке. 1874. II, (11), 958—959.
1402. Письма Павла къ кн. А. М. Голицыну (о Павловской въ Москвѣ больницѣ). 1905. Ш, (10) 195—200.
1403. Грамота Павла владѣтельнымъ Карабахскимъ меликамъ. Сообщ. С. С. Эсадзе. 1903. Ш, (11), 457.
1404. Письма Павла къ М. А. Макарову. 1875. I, (1), 6—10.
1405. Письма Павла къ митр. Платону. 1887. II, (7), 273—278.
1406. Письма Павла къ гр. И. П. Салтыкову. 1899. Ш, (9), 5—20.
1407. Письмо Павла къ Рязанскому губернатору Сонину. (Изъ альбома А. И. Васильчиковой). 1878. II, (6), 270.
1408. Рескриптъ Павла Воронежскому губернатору Сонцеву о рожденіи в. кн. Михаила Павловича. Сообщ. св. Стефанъ Звѣревъ. 1898. I, (4) 614.
1409. Указъ Павла Дмитрію Егоровичу Лесли. Сообщ. гр. А. С. Уваровымъ. 1868. (11), 1866.
1410. Крестьянское движеніе при Павлѣ и Журналъ кн. Репнина. М. О. Де-Пуле. 1869. (3), 525—577.
1411. Рапортъ Каріѣва Павлу (о православіи въ Минской губерніи 1797). 1869, (2), 1559—1566.
1412. Наказаніе Англійскаго газетчи-

- ка (за пасквиль на Павла). Сообщ. А. О. Смирновой. 1886. I, (2), 203.
1413. Распоряженіе (Павла) о театральной дисциплинѣ. Изъ бумагъ А. Я. Булгакова. 1873. II, (11), 02298—02299.
1414. Распоряженіе временъ императора Павла объ офицерскомъ одѣяніи. Сообщ. М. Ф. Шугуровымъ, 1875. I, (1), 12.
1415. Французское войско на Русскомъ содержаніи (корпусъ принца Конде). 1888. II, (7), 283—290. Рескрипты Павла кн. В. Н. Горчакову и Алопеусу. Двѣ записки Растопчина кн. В. Н. Горчакову.
1416. Ростовская Городская Дума при Павлѣ. А. А. Титова. 1898. I, (2), 292—294.
1417. Преподобный Феодосій Тотемскій. С. Ковалева. 1903. III, (11), 458—466. Открытіе его святыхъ мощей при Павлѣ.
1418. Предстоящее столѣтіе кавалергардовъ. 1895. III, (12) 507.
1419. Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1800—1801 г. (Изъ Записокъ Ф. Ф. Вигеля). 1863. (10—11) 851—862.
1420. Паульс - гнаде и Зорген - фрей. (Мызы въ Курляндіи). 1875. II, (6) 228—229.
1421. О происхожденіи поговорки „положеніе хуже губернаторскаго“. П. Н. Костылева. 1893. III, (11), 397.
1422. О вызовѣ Павла на поединокъ Европейскихъ государей. Н. С. Киселева. 1871. (1), 0195—0200.
1423. Черта Русской политики въ послѣдніе дни XVIII вѣка. Инструкція Павла Колючову. Сообщ. И. Ю. Бецкимъ. 1874. II, (12), 961—970. Тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.
1424. Императрица Марія Теодоровна. Е. С. Шумигорскаго. 1889. III, (9), 5—59. (10), 145—204. (12), 513—541. 1890. II, (5), 17—78. III, (10), 113—142, 233—266. 1891. I, (1) 5—28. (4), 433—464. II, (7), 303—324. 1892. I, (3), 305—340.
1425. Замѣтка на статью г. Шумигорскаго: „Императрица Марія Теодоровна“. 1891. I, (2), 334—336. О дѣдѣ барона Пиколоаи.
1426. Письма в. княгиня Маріи Теодоровны къ Ф. Ф. Вадковскому. XVIII Вѣкъ. III, 411—415.
1427. Письмо в. княгини Маріи Теодоровны къ кн. Потемкину. Сообщ. гр. А. А. Бобринскимъ. 1879. I, 369—371.
1428. Воспоминаніе о Маріи Теодоровнѣ. Кн-и Е. Г. Хилковой. 1873. II, (7), 1122—1130.
1429. Посѣщеніе Маріею Теодоровною села Кускова. 1904. I, (3), 404—406.
1430. Къ исторіи Московскихъ учреждений Воспитательнаго Дома. 1886. I, (2), 204—206.
1431. Объ основаніи училища глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ. А. Меллера. 1872. (5), 1009—1013.
1432. Письмо Маріи Теодоровны къ абб. Сикару. Сообщ. П. И. Степановымъ. 1877. I, (2), 147—149.
1433. Изъ писемъ Маріи Теодоровны къ митроп. Платону. 1887. II, (7) 279—286.
1434. Письмо Маріи Теодоровны къ С. И. Плещеву. 1869. (11), 1951—1953.
1435. Письмо Маріи Теодоровны къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. (о Л. А. Цвѣтаевѣ). Сообщено кн. П. А. Вяземскимъ. 1872. (3—4), 853—854.
1436. Письма Маріи Теодоровны къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ. Съ примѣчаніями барона М. А. Корфа 1868. (3), 337—373.
1437. Записка Маріи Теодоровны къ ген. Ламздорфу (о Николаѣ Павловичѣ). Сообщ. В. А. Стороженко. 1871. (11), 1919.
1438. Письмо Маріи Теодоровны къ И. И. Дмитріеву. 1871. (3), 421.
1439. Письма Маріи Теодоровны къ кн. С. И. Гагарину. (О поселе-

болѣе, чѣмъ Петръ Великій. Естественно, что въ народѣ много было толковъ объ этихъ переѣздахъ. И вдругъ онъ почти внезапно умираетъ, а потомъ, зимою,

За гробомъ согрушено,
Въ погребальный слявшись ходъ,
Вся имперія идетъ.

Разыгралось 14 Декабря: новый доводъ къ пересудамъ и смутнымъ толкамъ не между грамотными только людьми, но и во всемъ народѣ, который, при повальной безграмотности, такъ охочъ до сказокъ. Немудрено, что тогда же возникъ недѣльный слухъ, будто хоронить въ Петропавловскій соборъ привезено тѣло погибшаго въ Крыму фельдъегеря.

*

Въ дополненіе къ превосходному разслѣдованію Великаго Кнзя, можемъ сообщить слышанное нами отъ Ивана Владимировича Ефимова (Томскаго уроженца и добросовѣтѣйшаго знатока Сибиря). Семень Феосавовичъ Хромовъ, столь удачно для себя воспользовавшійся Федоромъ Козьмичемъ, былъ нѣкогда такъ называемымъ оженекъ, т. е. бродячимъ торговцемъ въ Вязниковскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи. Онъ доходилъ до Восточной Сибири, имѣлъ золотыя прински, на нихъ же разорился и, для поправки своего состоянія, распустилъ слухъ о таинственномъ старцѣ, которому (въ 1859 г.) отвелъ особое помѣщеніе. Съ его стороны, это было въ родѣ изобрѣтенія мироточивыхъ иконъ или чудотворныхъ крестовъ, чѣмъ у насъ до временъ недавнихъ занимались и дворяне, даже одинъ изъ потомковъ Петропавловскаго фельдмаршала князя Голицына. Хромовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ письмами отъ Александра Козьмича къ императору Александру Николаевичу, который, по словамъ его, были наставительнаго содержанія. Это передавалъ

намъ знакомый съ Хромовымъ, покойный В. А. Кокоревъ, который черезъ одного дворцоваго служителя доставилъ эти письма прямо въ кабинетъ Государя. Хромовъ сказывалъ Кокореву, что когда Федоръ Козьмичъ жилъ у него въ домѣ, однажды онъ Хромовъ читалъ вслухъ со своимъ знакомцемъ какую-то книгу, гдѣ передавалась беседа Александра съ Наполеономъ; вдругъ изъ боковуши, гдѣ молился старецъ, послышались слова: „Никогда я этого не говорилъ ему“.

Если уже пошло на мелочи, то могу сообщить, что сорочка императора Александра Павловича, изъ тѣхъ, которыя онъ носилъ передъ смертью, сохранилась доселѣ у Маріи Шоловны Кригеръ, урожденной Лошаковой. По своей матери она родная внучка того митродотеля Миллера, который сопровождалъ Государя въ его путешествіяхъ и находился въ Таганрогѣ во время его кончины.

Нѣкто П. Л-ій въ „Новомъ Времени“ (отъ 17 Юля нынѣшняго года) въ статьѣ „Загадочный человѣкъ“, какъ будто не совсѣмъ убѣдился въ истинности доводами Великаго Кнзя. Онъ говоритъ о какихъ-то „грозныхъ циркулярахъ“ К. П. Побѣдоносцева по поводу статей о Федорѣ Козьмичѣ. Эти циркуляры намъ неизвѣстны, но къ намъ Константинъ Петровичъ обращался съ запросомъ, что я знаю о кончинѣ Александра Павловича. Отрицаая всякую возможность подтвердить распространенную сплетню, я указывалъ въ моемъ отвѣтѣ на помѣщенныя въ „Русскомъ Архивѣ“ Записки П. И. Шѣнига, который, находясь по службѣ при министрѣ двора князѣ Волконскомъ, присутствовалъ при бальзамированіи Государева тѣла и въ изданномъ мнѣмъ Записокъ говоритъ, какія именно части тѣла начинали прежде всего разлагаться. П. Б.

ПОДПИСКА

п а

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять рублей, для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ и учреждений, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ въ теченіи года свыше 50 требованій.

При перемѣнѣ адреса надо присылать номеръ перемѣняемаго. Перемѣна Московскаго адреса на иногородній—90 коп. Перемѣна иногороднаго на иногородній или городскаго на городской—30 коп. (по цѣнѣ, которую взимаетъ Почтамтъ).

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

Отдѣльныя книги „Русскаго Архива“ *прежнихъ* годовъ можно получать по пятидесяти копѣекъ за книжку съ пересылкою 75 к. Прилагаемая нынѣ „Предметная Роспись“ даетъ возможность находить желаемую статью.

**Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—
17 руб.**

Соотавитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартенеѣвъ.**